

Арсен Мартиросян

22 ИЮНЯ

**ДЕТАЛЬНАЯ АНАТОМИЯ
ПРЕДАТЕЛЬСТВА**

Арсен Мартиросян

**22 ИЮНЯ:
ДЕТАЛЬНАЯ АНАТОМИЯ
ПРЕДАТЕЛЬСТВА**

**Москва
«Вече»**

УДК 93/94
ББК 63.3
М29

Мартirosян, А.Б.

М29 22 июня: Детальная анатомия предательства / Арсен Мартirosян. — М. :
Вече, 2012. — 736 с.

ISBN 978-5-9533-6463-8

Читателям предлагается фундаментальное разведывательно-историческое исследование подлинных причин кровавой трагедии 22 июня 1941 года, подготовленное известным историком, автором более двух десятков книг по истории СССР 30—50-х гг. прошлого века, членом Союза писателей России Арсеном Мартirosяном. Впервые в отечественной историографии в этом исследовании показано, что трагедия 22 июня произошла в результате исторически запрограммированного пересечения двух долгое время следовавших параллельными курсами заговоров: заговора Запада и его англосаксонского ядра против России, ставшей СССР, что выразилось в приводе Гитлера к власти в Германии и натравливании этого преступника на Советский Союз, а также антисталинского заговора части советского генералитета, преследовавшего цель антигосударственного переворота, свержения советской власти и устранения Сталина и его соратников на фоне военного поражения Красной армии на начальном этапе войны.

Проект состоит из двух книг: «22 июня: Блицкриг предательства. От истоков до кануна» и «22 июня: Детальная анатомия предательства». Исследование отличается использованием огромного количества различных источников, тщательной аргументацией и подтверждением (как правило, документальным) каждого положения или вывода.

В настоящей книге подробным образом исследован феномен предательства, сложившийся в результате действий некоторых представителей высшего военного руководства СССР, прежде всего «киевской мафии» — клана генералов, выходцев из Киевского особого военного округа, во главе которой стояли Г.К. Жуков и С.К. Тимошенко. Автор тщательно проанализировал этот феномен вплоть до действий командования округов, армий, корпусов, дивизий, а в ряде случаев полков и даже батальонов.

Книга издается в авторской редакции.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9533-6463-8

© Мартirosян А.Б., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Великим ратным труженикам — простым советским
солдатам и офицерам, сорвавшим блицкриг 1941 г. и
победившим в 1945 году, и их Великому Верховному
Главкомандующему — Иосифу Виссарионовичу Сталину —
посвящается.

Русский солдат создан для побед. Умей только водить его.
Наполеон

Россия не такая страна, которую можно действительно
завоевать, т.е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя
сделать... силами современных европейских государств...
Такая страна может быть побеждена лишь внутренней
слабостью и действием внутренних раздоров.
К. Клаузевиц

Эта война, какой еще не знало человечество, позже, когда нас
на свете не будет, привлечет обостренное внимание историков.

Потому нельзя оставлять после себя одни белые пятна,
преступно говорить только об успехах, скрывая жесточайшую
правду. И пусть потомки увидят не только мужество солдат
наших, но и трагические просчеты генералов...

*Выдающийся ас советского Генерального штаба, любимец
великого Верховного Главкомандующего И.В. Сталина,
мудрый Маршал Советского Союза, выдающийся патриот
России — Борис Михайлович Шапошников. Весна 1942 года*

Раздел III.

«СТРАТЕГИЧЕСКИЕ» ОСНОВЫ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

ГЛАВА 1 ПОДМЕНА = ИЗМЕНА?

А у нас спокон веков нет суда на дураков?!

Русская народная мудрость.

Вопрос: А при чем тут дураки?!

Трудно сказать, ощущали ли уважаемые коллеги-историки подспудный, но тем не менее явственно ощутимый смысл своего вывода насчет стирания грани между боевыми действиями по прикрытию и первыми операциями, о чем говорилось в предыдущей книге. Тем более что обоснованно отнесли сие явление строго на тот период, когда Генштабом «рулил» Жуков. Ведь констатация факта стирания грани между боевыми действиями по прикрытию и первыми операциями вынуждает лишь к одному выводу: о незаконной, негласной и неофициальной подмене сути, замысла и принципа обороны, которые были изложены в единственном официальном плане. Проще говоря, вынуждает усмотреть незаконную подмену официального плана. Причем подмену в духе концепции Тухачевского, то есть ту самую подмену, которая и сделала трагедию 22 июня действительно неминуемо неизбежной. В точном соответствии с уже неоднократно упоминавшимся предупреждением резидента ГРУ от 28 мая

1941 г. (помните, «Русская армия поставит себя под удар немецкого наступления в западной части СССР и будет там разбита в кратчайший срок»), а также иные разведывательные данные аналогичного характера. Так что вовсе не случайно немецкий генералитет еще осенью 1939 г. заинтересовали взгляды нового поколения советских генералов на оборону.

Ведь то, что произошло 22 июня, просто невыносимо. За редчайшими исключениями, войска первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона, включая и авиацию, то есть войска непосредственного прикрытия и обороны государственной границы, в мгновение ока были смяты, раздавлены и большей частью уничтожены. Как же такое могло случиться? Ведь разведка предоставила все необходимые сведения. Да и РККА была отнюдь не бессильным младенцем. В том числе и ее группировка на западных границах СССР. Кто же в действительности подлинный виновник столь кровавой трагедии, которая до сих

пор не дает покоя России, но в которой с маниакальным упорством, зачастую сильно смахивающим на паранойю, нередко еще и вперемешку с шизофренией, обвиняют только Сталина?! Каким образом вермахту удалось мгновенно достичь фантастического стратегического превосходства? Кто этот, не приведи господь, чертов «волшебник», сотворивший столь зверски кровавое «чудо»?

Увы, для тех, кто еще верит в сумрачный германский военный гений, не он был этим чертовым «волшебником». Хотя Жуков до конца своей жизни пытался всех убедить в этом, утверждая, что-де нацистские генералы, видите ли, лучше работали да глубже думали. Если бы действительно лучше работали да глубже думали, то у них хватило бы мозгов, да и умишка не более ста граммов понадобилось бы, чтобы уразуметь простую истину: на Россию лучше не нападать, как это завещал всем тевтонским баранам еще Бисмарк. Или, по крайней мере, свергли бы и расстреляли как бешеную собаку своего фюрера еще в 30-х гг. Увы, до этого они додумались лишь 20 июля 1944 г., да и то неудачно осуществили...

Ну а Жуков в одной из бесед с известным писателем Константином Симоновым так и ляпнул: «Надо также признать, что немецкий Генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие»¹. Конечно, прилюдно расписываться в собственной глупости и тупости, а заодно обвинять в этом же других, можно. Да и не так обидно — ведь получается, что все балбесы... Увы, но никому, даже маршалу и даже четырежды Герою Советского Союза, подобное не запретишь. Как, впрочем, и вешать лапшу на уши сыну

офицера царского Генерального штаба М.Л. Симонова и княжны Оболенской, более известному как советский поэт и писатель Константин Михайлович Симонов, а с помощью его более чем гибкого пера и всему народу—тоже можно было. И даже очень легко. И Жуков, и Симонов тем и отличались, что весьма гибко изгибались в унисон зигзагам генеральной линии канувшей в Лету партии. То Сталина прославляли так, что, вопреки известной поговорке, даже бумага не выдерживала их восхвалений в адрес вождя, то крыли столь усердно да с такими литературно изысканными «матюгами», что телеграфные столбы трещали, то становились столь искусными литературными «дипломатами», что только и остается, что диву даваться. Два сапога, как говорится, пара...

Основываясь на приведенном выше утверждении, Жуков навешал Симонову и народу лапшу на уши еще и по вопросу внезапности: «Что такое внезапность? Трактовка внезапности, как трактуяют ее сейчас, да и как трактовал ее в своих выступлениях Сталин, неполна и неправильна. Что значит внезапность, коща мы говорим о действиях такого масштаба? Это ведь не просто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение. Внезапность перехода границы сама по себе еще ничего не решала. Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалась внезапной ударная мощь немецкой армии; для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях; для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск и сила их удара. Это и есть главное, что предопределило наши потери первого периода войны. А не только и не просто внезапный переход границы»². А к

¹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989, с. 335.

² Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989, с. 356.

этому следует добавить еще одно дутое признание Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»⁹.

◆**

Комментарий. Есть и такая вариация: «Ни Комиссариат обороны, ни я сам, ни мои предшественники — Б.М. Шапошников и К.А. Мерецков, ни Генштаб не думали, что противнику удастся сосредоточить такую массу... сил и задействовать их в первый же день... Руководство Красной Армии не смогло заранее оценить ударную мощь немецкой армии... Это был основной фактор, предопределивший наши потери в начальный период войны»⁴.

Во многих исследованиях нередко приводится еще и такое признание Жукова, сделанное маршалом уже в послевоенное время: «Самым крупным пробелом в нашей военно-политической стратегии было то, что мы не сделали надлежащих выводов из начального периода Второй мировой войны»⁵.

Кто только не цитировал этот маршальский бред в любой из этих вариаций! Бред, потому что выходит, что ни сам Жу-

ков, ни Генштаб в целом (как до Жукова, так и при нем), ни руководство наркомата обороны вообще ни хрена не знали, не соображали и не предполагали. Как минимум все это очень неумно замаскированная подлая клевета в адрес разведки. Не говоря уже о них самих. Ибо в таком случае позволительно спросить, а за что же тогда они получали на редкость высокие по тем временам зарплаты (и пайки), если ни хрена не знали, не соображали и даже не предполагали?! Еще раз напоминаю, что разведка сделала все, чтобы высшее военное командование знало о противнике максимум подробностей. Повторяю, что знали практически все, что нужно, вплоть до расположения штабов батальонов противника, тем более о местах сосредоточения основных ударных группировок, а также их боевой и численный состав, из чего можно было спокойно сделать соответствующие и необходимые выводы. И негоже было маршалу в послевоенное время нести такую ахинею. Да и то, если мягко выражаться. Особенно если учесть, что он лично твердо и хорошо знал, как немцы могут нападать, какова их стратегия и тактика при нападении, особенно внезапном.

Однако навязанные дубовым советским агитпропом как «эталон в законе» формулировки Жукова хотя и шастанут до настоящего времени по страницам тысяч исследований, но в действительности-то не выдержали даже малейшего соприкосновения с реальными фактами. Даже в советские времена, когда цензура, казалось бы, была очень строга ко всякому инакомыслию о начале войны.

Репрессированный при жизни Сталина маршал артиллерии Н.Д. Яковлев впоследствии без обиняков указал: «Когда мы беремся рассуждать о 22 июня 1941 г., черным крылом накрывшем весь наш народ, то нужно отвлекаться от всего личного и следовать только правде, непозволительно пытаться взвалить всю вину за внезапность нападения фа-

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. М., 1990. Т. 2. с. 29—30.

⁴ Там же, Т. 1, с. 324; Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К. Жукова // Военно-исторический журнал, 1987, № 9, с. 53.

⁵ Россия, XX век. 1941 г. Документы. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 2, с. 505.

шистской Германии только на И.В. Сталина. В бесконечных сетованиях наших военачальников о “внезапности” просматривается попытка снять с себя всю ответственность за промахи в боевой подготовке войск, в управлении ими в первый период войны. Они забывают главное: приняв присягу, командиры всех звеньев—от командующих фронтами до командиров взводов обязаны держать войска в состоянии боевой готовности. Это их профессиональный долг, и объяснять невыполнение его ссылками на И.В. Сталина не к лицу солдатам»⁶. Более того. Формулировки Жукова не выдержали испытания при самом элементарном соприкосновении с архивами.

Например, в пункте № 5 директивы наркома обороны СССР и начальника генштаба Красной Армии командующему войсками ЗапОВО генерал-полковнику Д.Г. Павлову еще от апреля 1941 г. (документ без даты и номера) прямо говорилось о возможности перехода противника в наступление до окончания сосредоточения советских войск (это документ очень интересный и нам еще придется к нему вернуться)⁷.

Проще говоря, как минимум за два месяца до начала агрессии оба высших военных руководителя государства уже прекрасно понимали, что внезапность нападения реальна и противник действительно может опередить советское командование. И предупреждали об этом командующего округом. И не только Павлова, но и Кирпоноса (КОВО) и Кузнецова (ПрибОВО). Да и Сталин предупреждал вояк об этом же еще в конце мая 1941 г. Еще более того. Они не выдержали испытания даже на страницах пресловутых «Воспоминаний и размышлений» маршала, коим насчитывается уже более двух десятков изда-

ний. Хотя бы потому, что сам же Жуков привел текст директивы № 1, которую он направил в войска в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. Ибо первая же строка этой директивы гласила: «1. В течение 22—23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев...»⁸ Хуже того. Формулировка Жукова была разгромлена задолго до выхода в свет первого издания «Воспоминаний и размышлений».

Еще в 1960 г. под названием «Через три войны» были опубликованы воспоминания генерала армии И.В. Тюленева. Второе их издание состоялось также при жизни Жукова — в 1972 г. Так вот, на 227-й странице своих мемуаров И.В. Тюленев привел убийственные факты, вдребезги разносящие формулировку Жукова. Во-первых, он привел заявление Жукова от 21 июня 1941 г.: «...Я звоню всем командующим приграничных округов и предупреждаю их о возможном нападении со стороны фашистской Германии. Это подтверждается данными нашей разведки, о которых вы знаете...»⁹ Не принимая пока в расчет ничего другого, что еще предстоит рассказать, следует отметить, что такое заявление означает, что Жуков еще тогда однозначно считался с реальной возможностью именно внезапного нападения. Причем опираясь на данные разведки. Кстати, обратите внимание на то, что, по свидетельству Тюленева, это было сказано отнюдь не в ночь с 21 на 22 июня. Это было сказано тогда, когда еще было время привести войска в боевую готовность. И проследить за этим тоже. Увы... Зачем же после войны, особенно после того, как не стало Сталина, Жукову надо было разворачиваться на 180 градусов, яростно клеветать на Иосифа Виссарионовича и разведку, бубнить о какой-то внезапности, да еще и в такой трактовке, как он предложил нетребова-

⁶ Цит. по: Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи/Сост. М. Лобанов. М., 1995. с. 446, 447.

⁷ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 48—64. Рукопись на типографском бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Незаверенная копия.

⁸ ЦА МО РФ. Ф. 48А. Оп. 1554. Д. 3. Л. 257.

⁹ Тюленев И.В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941—1945. М., 2007, с. 227. Издание без купюр цензуры.

тельному вкусу «властителя дум» того поколения. Да еще и «лягая» при этом формулировку Сталина. Она-то как раз и была самой точной. Потому как в первую очередь она была политической. Именно потому, что она была к тому же и политически жестко выверена, а вследствие именно этого полностью соответствовала действительности, именно поэтому-то ее безоговорочно и приняли лидеры США и Великобритании как главные союзники по антигитлеровской коалиции. Была бы хоть малейшая возможность увернуться от этого признания, то можете не сомневаться: и официальный Вашингтон, и официальный Лондон мгновенно проигнорировали бы ее. В друзьях у здравомыслящего Кремля они никогда не числились. Они были всего лишь прагматически настроенными союзниками не менее, если не более прагматически настроенного Кремля. Более того. Формулировка Сталина еще и потому была самой точной, прежде всего политически, потому что она была востребована и внутренней обстановкой — проще говоря, она прикрывала генералов от необходимости отвечать (в том числе и головами) уже тогда и тем более после войны перед обществом, перед миллионами советских граждан. Как павших смертью храбрых, так и впоследствии не дождавшихся своих мужей, отцов, сыновей и дочерей. Увы, Жуков этого так и не понял до конца своей жизни. Да и не мог понять, потому что политически маршал был безбожно безграмотен. Как отмечал Главный маршал авиации А.Е. Голованов, Жуков «в политическом отношении был безграмотен»¹⁰.

В то же время, принимая во внимание бесспорный факт трагедии 22 июня, тогдашнее заявление Жукова Тюленеву означает, что его предупреждения были проигнорированы командующими округами. А это почему произошло?! И что это за начальник Генерального штаба, предупреждения которого о возможно-

сти внезапного нападения врага были нагло проигнорированы командующими округами?! Да и было ли такое?! Короче говоря, зачем понадобились послевоенные трактовки Жукова на эту тему?! Автор книги «Провокации против России» генерал-полковник Н.Ф. Червов ответил на этот вопрос — намертво пригвоздил: «Внезапности нападения в обычном понимании не было, и формулировка Жукова была придумана в свое время для того, чтобы взвалить вину за поражение в начале войны на Сталина и оправдать просчеты высшего военного командования в этот период»¹¹. Только вот в чем вопрос-то: а было ли это всего лишь просчетами?!

Во-вторых, Тюленев привел и заявление Жукова о соотношении сил на границе: «На мой вопрос, каково сейчас соотношение сил наших и германских, Жуков коротко ответил: “У немцев, насколько мне известно, нет общего превосходства”»⁹»¹².

Ну и ну! Как же тогда понимать ставшие известными крайне завышенные оценки вермахта, которые фигурируют в документах Генштаба, сляпанных во времена Жукова?! И откуда же тогда взялось 6—8-кратное «послевоенное» превосходство противника, о котором Жуков растрезвонил на весь мир?! Каким же образом супостаты добились этого, к тому же мгновенно?! Не говоря уже о фактическом положении дел. И какова же тогда цена приведенной выше трактовки Жукова о внезапности?! Если у немцев не было общего превосходства, то какого же, миль пардон, хрена они смогли устроить такую трагедию?! И кто объяснит, как же в реальности могло возникнуть тысячекратное превосходство на полях сражений в первые мгновения агрессии?!

¹¹ Червов Н.Ф. Провокации против России. М., 2003. С. 96-97.

¹² Тюленев И.В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941—1945. М., 2007, с. 227. Издание без купюр цензуры.

¹⁰ Чуев Ф. Солдаты империи. М., 1996, с. 313.

И.В. Тюленеву врать не было никакого смысла, или, по крайней мере, особого смысла. Ибо не он главный персонаж трагедии 22 июня. Он всего лишь «хотел как лучше, а получилось как всегда». Соответственно, если это так, а сомнений в его словах нет никаких, то тогда как же могло случиться, что вермахт мгновенно проломил всю систему советской обороны и неудержимо понесся по стране, сея смерть и разрушения?!

Дипломатичный, но в то же время принципиальный ответ находим у не предавшего, в отличие от Жукова и Симонova, своего великого Верховного Главнокомандующего, любимца Сталина, подлинного Суворова Красной Армии, действительно великого Маршала Великой Победы — умнейшего и благороднейшего Константина Константиновича Рокоссовского. Ответ был для Жукова нелицеприятно конкретен: «Во всяком случае, если какой-то план (прикрытия и обороны. — А. М) и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны»¹³. Обратите внимание на странную формулировку Рокоссовского — «если какой-то план и имелся...». Что за этим кроется — речь еще впереди.

Также не предавший Сталина его верный рыцарь, основатель и первый командующий авиацией дальнего действия СССР, Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов и во все был убийственно краток: «Генеральный штаб войну проморгал»!¹⁴ Но что значит «проморгал»?! Стратегически?! Оперативно?! Или тактически?! Первые два придется сразу отбросить. Потому что для этого нет ни малейшего основания. Стратегической и даже оперативной

внезапности не было. Категорически не было! Еще в первой книге было показано, насколько качественно и своевременно сработали советские разведывательные службы. Тогда что остается? Только тактическая внезапность? Возможно. В том числе, например, и потому, что это вроде бы подтверждает даже бывший враг. В первом же абзаце записи в своем дневнике от 22 июня 1941 г. бывший начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковник Ф. Гальдер так и указал, что нападение гитлеровской Германии на всем фронте явилось для советских войск «полной тактической внезапностью»¹⁵.

А небезызвестный германский генерал-историк Курт Типпельскирх (к началу Второй мировой войны возглавлял разведывательное управление генерального штаба сухопутных сил Германии) отмечал в своем послевоенном исследовании: «Конечно, от русской разведки не укрылось, что центр тяжести военной мощи Германии все больше перемещался на восток. Русское командование принимало свои меры. 10 апреля Высший Военный совет под председательством Тимошенко решил привести в боевую готовность все войсковые части на западе*. 1 мая были проведены дальнейшие неотложные военные приготовления и приняты меры для защиты советской западной границы. 6 мая Сталин, который до сих пор был только Генеральным секретарем Коммунистической партии, хотя и самым могущественным человеком в Советском Союзе, стал преемником Молотова на посту Председателя Совета Народных Комиссаров и, таким образом, официально возглавил правительство. Этот шаг означал, по крайней мере формально, усиление авторитета правительства и объединения сил...

¹³ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1997, с. 32. Издание с восстановленными по авторской рукописи купюрами цензуры.

¹⁴ *Чуев Ф.И.* Несписочный маршал. М., 1995, с. 22.

¹⁵ *Гальдер Ф.* Военный дневник. От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941 -24.09.1942)/ Пер. с нем., 2004, с. 21.

Советский Союз подготовился к вооруженному конфликту, насколько это было в его силах. На стратегическую внезапность германское командование не могло рассчитывать. Самое большее, чего можно было достигнуть — это сохранить в тайне срок наступления, чтобы тактическая внезапность облегчила вторжение на территорию противника»¹⁶.

Комментарий. Обозначенные звездочкой данные автору ранее не встречались, в том числе и в отечественной литературе о войне. Если такое и имело место быть, то, во-первых, это произошло именно потому, что в то время еще интенсивно «плыла» дезинформация насчет времени и даты нападения Германии, в качестве которой часто упоминалось 15 мая. Во-вторых, если такое имело место быть, то тогда тем более понятно, почему первую санкцию на передислокацию войск из внутренних округов в приграничные округа Сталин дал еще в апреле 1941 г.

К. Типпельскирх точно показал ситуацию. На стратегическую внезапность супостаты действительно не могли рассчитывать, так как все советские разведывательные службы с особым вниманием следили за всеми военными приготовлениями Третьего рейха к нападению на СССР. Соответствует действительности и то, что самое большее, чего супостаты могли достигнуть, так это сохранения в тайне срока (даты) наступления. Да, нацистские аспиды действительно пытались скрывать истинную дату нападения, хотя информация о ней вырвалась из-под контроля супостатов как минимум еще в апреле 1941 г., ибо о ней упоминал, например, британский посол в Москве Криппс, который в порядке предсказания назвал дату 22 июня в начале третьей декады апреля 1941 г., в связи с чем германский военно-морской атташе в Москве Норберт фон

¹⁶ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1998, с. 240.

Баумбах уже 24 апреля сообщил в Берлин, что он опровергает это, как слухи¹⁷.

Однако все попытки скрыть дату нападения оказались тщетными. Советские разведывательные службы в последние 10 дней до нападения Германии ценой огромных усилий сумели-таки либо относительно точно, либо же абсолютно точно установить дату нападения 47 (СОРОК СЕМЬ!!!) РАЗ!!! В отдельных случаях указывалось даже время начала боевых действий. Так что о какой внезапности, даже тактической, можно говорить?

Тем не менее, как и многие другие коллеги-исследователи, известный современный военный историк В. Рунов убежден, что супостатам удалось-таки достичь тактической внезапности. А само достижение германским командованием полной тактической внезапности — «это не что другое, как неудовлетворительная информационная и организаторская работа Генерального штаба РККА, штабов западных военных округов и армий непосредственного прикрытия государственной границы»¹⁸. В принципе с этой точкой зрения можно и нужно согласиться. Виноват действительно Генеральный штаб, прежде всего его руководство в лице Жукова, как, впрочем, и руководство наркомата обороны, в первую очередь сам нарком, маршал С.К. Тимошенко, предусмотрительно не оставивший никаких мемуаров. Естественно, и штабы западных военных округов и армий непосредственного прикрытия государственной границы также. Основываясь на бескомпромиссном утверждении Голованова, это именно они все вместе «проморгали» войну. Но вот ведь какое дело получается дальше.

Во-первых, в действительности не было даже тактической внезапности. По-

¹⁷ DGFP. Vol. XII., № 399, p. 632. Донесение германского военно-морского атташе в Москве - верховному командованию военно-морского флота. Москва. 24 апреля 1941 г.

¹⁸ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 138.

тому что войска были предупреждены о необходимости перейти в состояние (полной) боевой готовности за четыре дня до начала агрессии! Целый ряд архивных документов и иных доказательств неопровержимо свидетельствуют, что предупреждение о необходимости привести войска в (полную) боевую готовность было. В том числе с указанием точной даты и времени нападения. Вновь напоминая, что в период с 11 по 21 июня включительно советские разведывательные службы 47 (СОРОК СЕМЬ!!!) раз называли относительно точную и абсолютно точную дату нападения, и даже час начала агрессии. Более того. Определенная часть войск действительно приводилась в боевую готовность. В том числе и по прямому приказу из Генштаба. Вплоть до того, что командиры отдельных дивизий напрямую получили соответствующие указания из Генштаба¹⁹. Даже Геббельс — уж на что был гнусный записной брехун — но и он свидетельствует, что советское командование сообразило, что и для чего делают немцы, и соответственно стало приводить свои войска в боевую готовность. В его дневнике можно найти записи такого характера:

15 июня 1941 г. (воскресенье) — «...Все это полный успех. Опровержение ТАСС оказалось еще сильнее, чем первоначально переданное сообщение о нем. Объяснение: Сталин явно хочет сильно выраженным дружеским тоном, а также утверждением, что ничего не произошло, заранее определить вину за развязывание войны. Из перехваченной радиограммы мы, напротив, можем узнать, что Москва приводит в боевую готовность русский военно-морской флот. Значит, дело там обстоит уже не так безобидно, как это хотят показать. Но подготовка проводится крайне дилетантски. За настоящую акцию ее все-рёз принимать нельзя...»

¹⁹Об этом будет сказано в свое время.

18 июня 1941 г. (среда) — «Маскировка от России достигла своей наивысшей точки! Мы настолько захлестнули мир потоком слухов, что уже и сами с трудом ориентируемся... Только бы русские оставались в массированном на границе состоянии! Наши уловки в отношении России постепенно разгадываются. Начинают их раскусывать. Наступает самое время действовать»²⁰.

Да, собственно говоря, чего ссылаться на колченого Геббельса, когда свои же чекисты четко зафиксировали с помощью средств прослушивания разговор, состоявшийся 20 числа между двумя, судя по всему, высокопоставленными иностранными дипломатами, аккредитованными в Москве. В этом смысле весьма характерна записка № 2433/М от 21 июня 1941 г. за подписью наркома государственной безопасности В.Н. Меркулова, направленная И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия с текстом беседы, полученной агентурным путем с характеристикой текущего момента. В части, касавшейся неумолимо приближавшейся войны, в записке говорилось, что когда один из собеседников произнес, что в Москве «все беспокоятся — война, война», то второй утвердительно ответил: «Да-да. Русские узнали»²¹. Кстати говоря, в этом же документе зафиксировано и четкое понимание этими дипломатами, что Россия-СССР не хочет воевать, не хочет вступать в войну. В процитированном выше документе все верно. Благодаря беспрецедентным усилиям разведки и контрразведки высшее советское и военное руководство действительно узнали, что нападение произойдет в ближайшие дни — как указывалось ранее, дата нападения и даже час были установлены.

Так что о какой же тактической внезапности может идти речь в таком случае,

²⁰Приводится по Интернету.

²¹ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 206—208. Отпуск. Цит. по: Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995, с. 177—178.

если даже высшее руководство Третьего рейха прознало, что советское командование стало приводить войска в боевую готовность, а дипломаты в Москве констатировали фау; что «русские узнали»?!

Во-вторых, соглашаясь в принципе с точкой зрения уважаемого коллеги Рунова, нельзя в то же время согласиться с ней до конца, во всех ее аспектах. Ибо она, за исключением факта способствования установлению конкретных виновников трагедии, противоречит не только элементарной логике, но и прежде всего современному уровню исторических знаний. Проще говоря, делает их вину более чем расплывчатой, непонятной. Однако вина не может быть расплывчатой. Невозможно быть немножко «беременным» некоей виной. Или вина есть, или ее нет. Третьего нет и не дано по определению. Тем более что утверждать факт неудовлетворительной информационной и организационной работы Генерального штаба означает, что в итоге все сводится к одному: к попытке списания всего или почти всего на характерные для некоторой части населения нашей страны, в том числе и для военнотружущих любого ранга, халатность, недисциплинированность, неорганизованность, разгильдяйство, тупость, непрофессионализм и т.п. «человеческие факторы». Но как минимум это неуместно в принципе, да и то, если выражаться дипломатично. Ибо по определению не бывает поголовного разгильдяйства, халатности, недисциплинированности, неорганизованности, тупости, непрофессионализма и т.п. «человеческих факторов» на протяжении 4500 км линии границы в масштабах многомиллионной, вполне прилично вооруженной и оснащенной группировки войск. Да еще и во главе с образованными командными кадрами и наркоматом обороны и Генеральным штабом. Тем более этого не может быть по определению в масштабах всех вооруженных сил страны. Но если допустить, что такое имело место быть, то вывод бу-

дет не только один-единственный, но и очень суровый. Ибо, учитывая жесткую иерархическую структуру Вооруженных сил СССР и царивший в то время принцип единоначалия, придется признать, что «рыба гниет с головы». Проще говоря, всеобщий бардак в сочетании с тупостью и еще кое с чем, о чем речь еще впереди, — есть результат деятельности высшего военного командования. Но вот в чем весь вопрос-то: а было ли это только всеобщим бардаком в сочетании с тупостью и непрофессионализмом под соусом разгильдяйства, халатности, недисциплинированности и неорганизованности?!

В то же время и начисто отрицать эти факторы было бы нечестно. Да, эти, с позволения сказать, «факторы» имели место быть и, увы, в избыточном количестве. Но, признавая это во всей совокупности упомянутых явлений, выводить из нее едва ли не одну из основных, если не самую главную, причин трагедии 22 июня просто неуместно, если не прибегать к более крепким выражениям. Потому как, подчеркиваю, явления эти не носили головного характера.

Комментарий. Дело еще и в том, что любая попытка утверждать, что подобное все-таки имело место быть, автоматически поставит ее инициатора на одну доску с самыми яркими русофобами. Потому как только они с пеной у рта пытаются доказать, что русские — и раньше, и сейчас — якобы являют собой ни на что не годную нацию именно разгильдяев, недисциплинированных, неорганизованных, тупых варваров, которые ничего не умеют, кроме как водку хлестать да щи лаптем хлебать. В то же время в принципе утверждения (пускай даже и косвенно намекающие на это) о поголовном разгильдяйстве незаметно для их авторов вбивают прекрасный осиновый кол в их же утверждения о свирепом сталинском тоталитаризме. Ведь обычно они пытаются всех убедить, что-де Сталин всех в страхе держал. Но если в страхе, то, миль пардон, как тогда могли иметь место поголовное разгильдяйство, халатность, недисциплинированность и т.п., включая неудовлетворительную информационную и организаторскую работу того же Генерального штаба?! На этот счет обычно не задумываются. А зря. По-

тому как если Сталин держал всех в страхе, то хотя бы именно поэтому не должно было бы быть столь глобального негативного воздействия «человеческих факторов». Хотя в принципе-то эти явления неискоренимы по определению. Такова уж человеческая природа, как говаривал Сталин, «безнадежных балбесов» во сто крат больше, чем нормальных «хомо сапиенс». Если же, как утверждают, подобные «человеческие факторы» все-таки имели место едва ли не поголовно, то о каком же тиране может идти речь?! Впрочем, ну о чем тут можно говорить, если и так все понятно.

Ибо даже гитлеровцы и то вынуждены были впоследствии отметить профессионально искусное, бесстрашное, мужественное, ожесточенно свирепое сопротивление советских войск наседавшему агрессору, особенно со стороны простых солдат и офицеров, в том числе и в окружении. Тем более когда бразды правления в свои стальные руки взял лично Сталин. Одни только пограничники — эта общепризнанная еще в довоенные годы элита советских вооруженных сил — под общим командованием Лаврентия Павловича Берия устроили вермахту столь «свинцово-горячий прием», что только на границе вывели из строя не менее 100—120 тысяч гитлеровцев, причем большей частью навсегда.

Дополнительный комментарий. В НКВД СССР, куда входили и пограничные войска, с момента прихода на Лубянку Л.П. Берия стрелковая выучка возросла по сравнению с РККА как минимум на порядок, особенно у пограничников. Так что не стоит удивляться их меткости. Уж если пограничник всаживал врагу пулю, то навсегда.

К тому же пограничники уничтожили практически одну танковую дивизию вермахта, сбили примерно 15—20 самолетов (имеется в виду суммарно, по всей линии границы). А некоторые дивизии РККА, во главе которых стояли смелые, инициативные и, самое главное, адекватно обстановке мыслявшие и реагировавшие командиры, настолько блестяще себя проявили в первые же мгновения агрессии, что немедленно вышибли непрошенных гостей-тевтонов за линию границы. То есть, образно выражаясь, «пандемии» (от греч. *pandemia* — весь народ — повальная эпидемическая болезнь, охватывающая население определенной области, целой страны, даже ряда стран²²) разгиль-

²² Словарь иностранных слов. 6-е изд. М., 1964, с. 468.

действия, недисциплинированности, неорганизованности, халатности, тупости и непрофессионализма не имело место быть. К глубокому сожалению, многие исследователи просто не хотят этого замечать.

В-третьих, попытка внедрить, мягко выражаясь, неуместный тезис всего лишь о неудовлетворительной информационной и организаторской работе Генерального штаба едва ли не автоматически выводит виновников из-под обвинения согласно механизму старинной русской поговорки — «а у нас спокон веков не г суда на дураков». А заодно выходит, что нет суда и за неудовлетворительную информационную и организаторскую работу Генерального штаба РККА, штабов западных военных округов и армий непосредственного прикрытия государственной границы. Потому что вся вина, выходит, сводится к тому, что всего лишь констатируется факт неудовлетворительной информационной и организаторской работы Генерального штаба РККА, штабов западных военных округов и армий непосредственного прикрытия государственной границы. И это все, чем надо объяснять немыслимую трагедию 22 июня, положившей начало гибели 27 миллионов наших с вами сограждан?!

Но такое объяснение неприемлемо по определению. Неудовлетворительная информационно-организаторская деятельность Генштаба в случае войны автоматически оплачивается гигантскими людскими потерями, людскими жизнями. Об экономических и политических потерях уж и не говорю. Не понимать этого руководители таких специфических силовых органов государственного управления, как наркомат обороны или Генеральный штаб, являющихся одновременно и специфическими институтами политической власти, просто физически не могут. Даже если они и круглые болваны. Даже при трехклассном образовании. Да в общем-то никакая верховная власть не назначит

на такие посты не понимающих всего этого столь «безнадежных балбесов».

Так как же «мозг армии» — Генеральный штаб — смог не только «проморгать войну», но и довести дело до едва не ставшей необратимой катастрофы?! Да и не только Генштаб, но и наркомат обороны. Только ли из-за неадекватности имевшегося плана прикрытия и обороны? Да и с какой стати появилась неадекватность плана?

Понимаете ли, в чем все дело-то. Сколь бы силен, изощрен и подготовлен ни был враг, но на фронте протяженностью в несколько тысяч километров даже такими мощными наличными силами, как у вермахта, мгновенно достичь столь невероятного, всеобъемлющего стратегического превосходства действительно невозможно по определению! Тут даже излюбленное на протяжении многих десятилетий объяснение и то не пройдет. Речь идет о набивших оскомину ссылок на совокупность давно до мельчайших деталей выявленных и научно очень добросовестно проанализированных недостатков, промахов, недочетов, упущений и ошибок. В том числе и в вопросах комплектования войск, включая и командными кадрами, их обучения, материально-технического снабжения, оснащения новейшим на тот момент оружием и боевой техникой и т.д. Не пройдет даже в сочетании с уже упомянутыми и, увы, «традиционными особенностями» нашей армии: расхлябанностью, разгильдяйством, недисциплинированностью и неисполнительностью войск, отсутствием профессионализма у некоторой части командного состава и даже изрядной тупостью отдельных представителей комсостава. Вся эта совокупность лишь тогда могла сыграть свою ставшую неотъемлемым компонентом кровавой трагедии 22 июня невообразимо негативную роль, когда как сверхэффективный катализатор сработал бы главный и глобальный порок, в силу которого Генштаб и НКО столь лихо и «проморгали войну».

Короче говоря, каков он, этот главный и глобальный порок, допустивший такое немыслимое превосходство противника, и в чем его суть? Сугубо профессиональный ответ на это дал автор книги «Провокации против России» генерал-полковник Н.Ф. Червов: «Если стратегия вступления государства и армии в войну изначально ошибочна, то ничто — ни искусство генерала на поле боя, ни доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы — не могло иметь того решающего эффекта, которого можно было ожидать в противном случае. Одной из важнейших причин поражения наших войск в начальный период войны явилась недооценка Наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни»²³.

Генерал-полковник Н.Ф. Червов прав. За исключением одного положения. Недооценки Наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни НЕ ИМЕЛО МЕСТО БЫТЬ!

Тут, правда, надо сразу поставить и точки над «і». Дело в том, что есть две стратегии вступления в войну. Стратегия вступления государства в войну и стратегия вступления вооруженных сил государства в войну.

За стратегию вступления государства в войну Тимошенко и Жуков не отвечали и претензий к ним в этой части быть не может. Это была компетенция советского правительства или, если угодно, лично Сталина, как главы правительства и фактического главы государства к моменту начала войны. Но он-то со своей обязанностью справился блестяще. И хотя ни избежать, ни даже еще раз оттянуть время столкновения не удалось, однако СССР

²³ Чернов Н.Ф. Провокации против России. М., 2003. с. 106.

однозначно стал жертвой вероломной агрессии! И сколько бы ни пытались доказать иное, все равно ничего не выйдет. К тому же Сталин ловко и искусно ликвидировал и угрозу двух- и даже трехфронтowego нападения на СССР. Более того. Заставил-таки Запад встать на сторону СССР. Хуже того. Естественно, для агрессоров всех мастей, а также союзников, в том числе и наших, учитывая, скажем мягко, их весьма специфическое отношение к СССР. Как черт ладана опасавшийся войны на два фронта Гитлер получил-таки ее именно на два фронта. И даже не на два, а на три фронта, потому как советское руководство очень быстро развернуло мощное партизанское движение в тылу врага. К тому же в качестве противника Гитлер схлопотал-таки мощную антигитлеровскую коалицию в составе СССР, США и Великобритании, за которыми стояло полмира. Хотя она и не сразу открыла действующий второй фронт. Угроза нападения Турции была также ликвидирована дипломатическими средствами. Япония тоже получила войну на два фронта — уже давно, с 1937 г., и не без поддержки национально-освободительной борьбы китайского народа со стороны СССР, тянувшуюся войну в Китае и войну с США и Великобританией как лидером Британского Содружества наций. Союзники Гитлера получили в качестве противника все ту же антигитлеровскую коалицию — Сталин намертво дожал и Лондон, и Вашингтон, вынудив их объявить войну союзникам рейха. Наши союзники же получили мощнейший внутренний фронт... в поддержку СССР, и сколько бы они ни желали, особенно на первых порах, не очень-то вмешиваться в дела помощи Советскому Союзу, их внутренний фронт поддержки Советского Союза не позволил им этого сделать. Так что какие могут быть претензии к Сталину? Осуществлявшаяся Сталиным стратегия вступления государства в войну была не только правильной, но и единственно возможной в тех конкретных

условиях. Это была блестяще реализованная стратегия.

Однако в части, касающейся выбора стратегии вступления вооруженных сил в войну, за что персональную ответственность несли лично нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба, тогда генерал армии Г.К. Жуков, с приведенным выше выводом нет оснований соглашаться. Вот тут генерал-полковник Н.Ф. Червов неправ, ибо «недооценки Наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни» действительно НЕ ИМЕЛО МЕСТО БЫТЬ! Проще говоря, нет ни малейшего основания для того, чтобы согласиться с тем, что они якобы недооценивали существо начального периода современной на тот момент войны, условия ее развязывания и ведения в первые часы и дни. Потому что если, например, обратиться к докладу Жукова на декабрьском (1940 г.) совещании высшего командного состава РККА, то любой может убедиться, что еще как понимали существо начального периода войны. Особенно сам Жуков, хотя и не он написал этот доклад. Подлинным автором этого доклада был тогда полковник, впоследствии Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян. Естественно, с Жуковым текст доклада был согласован в деталях.

Так вот, говоря о наступательных операциях вермахта в процессе на их же глазах разворачивавшейся Второй мировой войны, Жуков подчеркнул на примере польской кампании вермахта, что «главную роль... играет авиация и мотобронетанковые соединения, которые своими глубокими и стремительными ударами терроризовали, по существу, всю... армию, управление и всю страну»²⁴. Более того. Далее он сделал такие выводы: «Что

²⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. М., 1993, Т. 12, с. 129—151.

особо поучительного из действий на Западе?

1. Это смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами на всю глубину оперативной обороны противника.

2. Решительные удары механизированных корпусов во встречном сражении и стремление их смело и самостоятельно прорываться в тыл оперативной группировки противника.

3. Массовое применение парашютных десантных частей и воздушных дивизий для захвата важнейших объектов в ближайшем и глубоком тылу противника, при этом часто применение этих войск в форме противника.

4. При прорыве УР немцы особое внимание уделяли тесному взаимодействию пехоты, артиллерии, танками, саперами и авиации. Прежде чем атаковать тот или иной УР, в тылу немцев шла усиленная подготовка к атаке на учебных полях и макетах. В общем, немцы в этом отношении целиком использовали опыт Суворова по подготовке штурма Измаила.

5. Высокие темпы проведения наступательных операций. Польша разгромлена в 18 дней (среднесуточное продвижение немцев равно 30 км), Голландия, Бельгия и Северная Франция, за 20 дней, что равно [темпу наступления] 20 км в сутки. Разгром Франции. Разгром Франции — в 18 дней, что составляет [по темпу наступления] 16 км в сутки, при этом действие ММС доходило до 100—120 км.

6. Наступательной операции, как правило, предшествовала заблаговременная заброска мощной сети шпионской агентуры и диверсионных групп. Эта агентура, как правило, подсаживалась ближе к аэродромам, УРам, важнейшим складам, железнодорожным мостам и другим важнейшим объектам. Пользуясь данными этой агенту-

ры, немцы действовали очень часто на верняка. Диверсионные группы в тылу терроризировали население, уничтожали связь, убивали важных лиц командного состава и захватывали важнейшие документы.

7. Это — умение немцев организовать непрерывность операций. Непрерывность операций во всех случаях обеспечивалась: предварительной тщательной подготовкой операции и наличием плана последующей операции, мощным автомобильным транспортом и широко развитой сетью железных дорог, обеспечивавших широкие перегруппировки войск и устройства тыла, наличием эшелонированных резервов.

Как вывод можно сказать, что современные условия характеризуются наличием мощных технических средств борьбы, позволяющих наступающему:

1. В тесном взаимодействии авиации, танковых частей, артиллерии и стрелковых войск уничтожить не только полевую оборону, но и, как это показано на деле, прорвать современную укрепленную полосу.

2. Прорвав тактическую оборону, введя мощную подвижную группу, нанести решительное поражение оперативным резервам и развить успех оперативный в стратегический.

3. Мощным и внезапным ударом разгромить авиацию противника на всю глубину оперативно-стратегического удара и завоевать господство в воздухе»²⁵.

Тимошенко, правда, на этом совещании отчеканил фразу, имеющую право стать такой же легендарной, как и резолюция Жукова на докладе ГРУ «О франко-немецкой войне 1939—1940 гг.». Если Георгий Константинович решительно определил свою позицию и начертил «Мне это не нужно»¹⁶, то Тимошенко во всеулышание ляпнул: «В смысле стратегиче-

²⁵ РГВА Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 1—52.

²⁶ Военно-исторический архив. 1998. № 3, с. 250—280.

ского творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового»²⁷. Но тут же поправился, заявив, что «...в области оперативного искусства, в области фронтовой и армейской операции происходят крупные изменения»²⁸. Спасибо, что хоть это признал.

Ну а дальше Тимошенко произнес то, что в сравнении с тем, что он, зная все особенности стратегии и тактики вермахта, натворил совместно с Жуковым перед 22 июня и в первые дни агрессии, должно было стать основанием для привлечения их обоих к уголовной ответственности по 58-й статье тогдашнего УК. Увы, но Сталин действительно был неисправимый гуманист. А тогда, 31 декабря 1940 г., Тимошенко четко показал, что все они знают и понимают. Еще раз взгляните на то, что он сказал: «Прежде всего, важно отметить, что массированное применение таких средств, как танки и пикирующие бомбардировщики, в сочетании с моторизованными и мотоциклетными войсками, во взаимодействии с парашютными и посадочными десантами и массовой авиацией — обеспечило, помимо прочих причин, высокий темп и силу современного оперативного наступления.

Наступательные операции во время войны 1914—1918 гг. захлебывались только потому, что темпы наступления и темпы подхода оперативных резервов обороны были одинаковы. Обороняющийся при прорыве всегда успевал организовать новое сопротивление в глубине. Немецкие танковые дивизии в 1939—1940 гг. упредили подтягивание этих резервов. И в том, что они первыми бросались вперед, сами создавали проходы в оборонительных полосах противника и сами развивали прорыв, есть свой определенный смысл. Не случайно немцы применили новое

построение для прорыва с танковыми дивизиями впереди. Их к этому принудила безнадежность попыток прорыва в войну 1914—1918 гг. Они правильно учли, что сила и успех современного наступления — в высоком темпе и непрерывности наступления.

Как показывает опыт современных операций, база пехотной массы осталась такой же широкой и мощной, но роль пехоты при атаке изменилась. Из ударного средства она превратилась в основание бронированного ударного клина, который острием танковых дивизий врезывался в глубину территории противника. Самостоятельность действий скоростных подвижных групп, состоявших из различного типа соединений (танковых, механизированных, моторизованных, мотоциклетных), обуславливалась их организационной структурой.

Операции на Западе выявили, что глубокий удар, основанный на системе взаимодействия авиации, скоростных мото-механизированных соединений и главной пехотной массы армии, имеет одно опасное звено, заключающееся в возможности разрыва между действиями авиации и скоростных соединений. Вопрос нашел свое эффективное разрешение в применении воздушных десантов, которые заполняют разрыв, образуемый между атакой авиации и подходом скоростных соединений.

Важно также отметить, что если раньше военные действия начинались обычно встречным наступлением, то теперь это не всегда возможно. В настоящее время границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, уже опоясаны железобетонными полосами укреплений. Так, например: германская армия не отважилась атаковать и прорвать линию Мажино. Не надеясь на успешный прорыв, она предпочла обойти французскую линию Мажино, не считаясь с

²⁷ Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. М., 1993, Т. 12, с. 339.

²⁸ Там же.

нейтралитетом Голландии и Бельгии. Однако могут быть случаи, когда обход долговременных железобетонных укрепленных полос будет невозможен, и войну придется начинать с прорыва долговременно укрепленной полосы.

...Огромное значение в успехах германской армии в войне 1939—1940 гг. имела тщательная подготовка театров предстоящих военных действий и операций: развитие автомобильных и рельсовых путей; создание аэродромной сети как на своей территории, так и агентурное ее обеспечение на территории противника; массовое насаждение агентуры в полосе предстоящих операций (создание паники среди населения, быстрая информация о группировках войск или важных передвижениях); подготовка передовых баз материально-технического обеспечения; накопление восстановительных средств путей сообщения.

...Таковы вкратце первые извлечения из опыта последних войн. Главный вывод из них:

а) Высокий темп операции является решающим условием успеха операции.

б) Высокий темп операции обеспечивается массированным применением мотомеханизированных и авиационных соединений, используемых для нанесения первого удара и для непрерывного развития удара в глубину.

в) Решающий эффект авиации достигается не в рейдах в далеком тылу, а в соединенных действиях с войсками на поле боя, в районе дивизии, армии»²⁹.

Нужны ли вам какие-либо дополнительные доказательства того, что они все прекрасно понимали, знали и весьма трезво оценивали?! И Жуков тем более. Раз уж согласился с тем, что написал полковник Баграмян, да еще и зачитал это на таком представительном совещании. К тому же

доклад явно был сначала просмотрен и одобрен Тимошенко. Таковы порядки на подобных совещаниях, особенно в отношении основных докладов. А доклад Жукова и был таким. Проще говоря, приведенная цитата свидетельствует о том, что Жуков прекрасно знал, пускай и с помощью полковника И.Х. Баграмяна, стратегию и тактику немецкого блицкрига. В деталях знал. Ведь даже если и не сам писал доклад, то после неоднократного просмотра и чтения (до выступления) что-то же должно было отложиться в памяти.

И Тимошенко все знал, понимал и трезво оценивал. Но раз это так (а иной вывод из произнесенных ими докладов при всем желании не сделаешь), то почему же не было сделано никаких конкретных выводов?! Почему же после войны, спустя четверть века, появилась такая трактовка внезапности, которой он пытался объяснить трагедию 22 июня? А если и были сделаны выводы тогда, в 1941 г., то какие, если 22 июня громыхнула такая трагедия?

Сугубо профессиональный ответ в том и состоит, что при таком знании стратегии и тактики вермахта отнюдь не «странным образом» была умышленно избрана ошибочная, неверная, опасная стратегия вступления вооруженных сил в войну. Более того. Умышленно — другого вывода быть не может — была выбрана именно та стратегия, которая была поразительно похожа на концепцию Тухачевского и его же «План поражения». Потому и появилась упомянутая формулировка Жукова. Потому что избранная Тимошенко и Жуковым в 1941 г. и обладавшая специфическим внутренним набором разнообразных и очень опасных пороков и без того ошибочная и опасная стратегия отражения агрессии поставила страну и государство на грань катастрофы. А свою вину Жуков признавать не хотел. Обычно помалкивавший и предусмотрительно не оставивший никаких мемуаров Тимошенко хотя и

²⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. М., 1993, Т. 12, с. 339—340.

после войны, хотя и половинчато, но признал-таки вину высшего военного командования накануне войны, обозвав избранную им стратегию вступления вооруженных сил в войну **«безграмотным сценарием»**.

Ну, и как же могло произойти такое — все знали, все понимали, все трезво оценивали, а в итоге «безграмотный сценарий», за который страна заплатила самым бесценным, что у нее было и есть, — 27 миллионами жизней советских людей?!

Короче говоря, очевидно, что инициировавшим кровавую трагедию 22 июня 1941 г. обстоятельством ни стратегическая, ни оперативная, ни даже тактическая внезапность не являлась. Даже в совокупности. Еще раз обращаю внимание на то, что никакой внезапности не было. Войска Первого стратегического эшелона, особенно его первого оперативного эшелона, то есть войска прикрытия, были предупреждены о необходимости перехода в состояние (полной) боевой готовности. Вплоть до того, что в ряде случаев было указано и точное время нападения, то есть 3 часа утра, и соответственно в ряде случаев войскам было приказано к 3 часам утра 22 июня быть в боевой готовности. Более того. Командование на местах знало о противнике очень многое достаточно полно и объективно, в том числе и по сообщениям ГРУ и Генштаба, не говоря уже о своевременных разведывательных донесениях разведки погранвойск и собственных разведывательных отделов. Соответственно не может возникать и вопрос о вине Сталина. В том числе и в ракурсе якобы имевших место его каких-то просчетов, ошибок, недооценок или переоценок сложившейся накануне войны ситуации и намерений Гитлера. Проще говоря, мусолить далее тезис о внезапности нападения для наших войск нет решительно никаких оснований. В какой бы то ни было трактовке во-

енного аспекта внезапности. Ссылки же на Сталина тем более неуместны, ибо он не говорил о внезапности. В своем знаменитом выступлении 3 июля 1941 г. он говорил о неожиданном и вероломном нападении. Какая-никакая, но разница есть, к тому же принципиальная.

Тогда что же в конце-то концов произошло? Ведь стратегию вступления Вооруженных сил СССР в неминуемо неизбежную войну с нацистской Германией разрабатывали и утверждали, пускай и не гении и не светила военной науки всех времен и народов, но ведь отнюдь не дилетанты и даже не кабинетно-штабные «крысы», а боевые высшие офицеры? Жуков прославился на Халхин-Голе, Тимошенко — во время советско-финляндской войны. Другие высшие офицеры, участвовавшие в военном планировании, тоже не из разряда не нюхавших пороха. Тогда как же могло случиться, что стратегия вступления вооруженных сил в войну оказалась не просто ошибочной, но попросту подставила армию под разгром, а страну и государство на грань необратимой катастрофы?!

А вот как. Помните, выше было предложено обратить внимание на процитированную формулировку великого Маршала Великой Победы К.К. Рокоссовского. В черновике рукописи знаменитой книги Рокоссовского «Солдатский долг» есть следующие, собственноручно написанные великим полководцем строки, описывающие непосредственный канун агрессии: «Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в Польше и во Франции, я не мог разобраться: каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев? Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в

войсках, этому не соответствовали. Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО (Рокоссовский тогда являлся командиром 9-го механизированного корпуса, дислоцировавшегося в КОВО. — *А.М.*), никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа. Правда, в звене высшего командного состава эта успокоенность не разделялась. Наше мнение сводилось к тому, что мы находимся накануне войны. В воздухе пахло войной, и только слепые и глухие этого не замечали или не хотели замечать... Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны»³⁰.

♦

Комментарий. Здесь и далее, как, впрочем, и до этого, цитируется по изданию с восстановленными по авторской рукописи Рокоссовского купюрами цензуры. Партийно-военные «цензоры» от ЦК КПСС усмотрели в этих строках серьезную крамолу и вырезали. Лишь через двадцать с лишним лет после выхода в свет первого издания мемуаров К. К. Рокоссовского эта и иные купюры цензуры были опубликованы сначала на страницах Военно-исторического журнала (№ 4—5, 1989), а затем вошли в полный вариант знаменитой книги великого Маршала Великой Победы. Причем там они специально отделены курсивом от ставшего формально каноническим ранее опубликованного текста мемуаров Рокоссовского.

То, что тогда так поражало ставшего в скором будущем великим полководцем генерал-майора Рокоссовского, сейчас открыто называют в различных исследованиях не иначе, как «построение войск Первого стратегического эшелона при

³⁰ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1997, с. 32.

внезапном нападении создает условия разгрома их по частям, как это и произошло... Способность армий прикрытия обеспечить войска от возможного внезапного удара противника в оперативно-стратегическом масштабе являлась сомнительной...»³¹ Но это, если выражаться военно-дипломатическим языком.

К.К. Рокоссовский однозначно усмотрел причины тяжелого поражения РККА в приграничных сражениях именно в неадекватности дислокации ее различных частей какому бы то ни было плану обороны. Проще говоря, в бросавшейся в глаза не только неравномерности их дислокации, но и в несбалансированности дислокации частей различных, но обязанных при любых обстоятельствах взаимодействовать родов войск и тылового обеспечения. Ну а если совсем по-простому, то речь идет о том, что на практике была почему-то реализована проанализированная еще в первом томе концепция пограничных сражений Тухачевского, на базе которой им же был разработан и план поражения СССР в войне с Германией.

Г.К. Жуков в свою очередь так «изящно» обошел в своих мемуарах именно это обстоятельство, что полностью подтвердил точку зрения Рокоссовского! Вот эти слова Жукова: «...никакой равномерной разбросанности вдоль всей нашей границы войск перед вражеским нападением у нас не было, и, конечно, не в этом следует искать причину поражения наших войск в начале войны»³².

Блестяще! Бели равномерной разбросанности войск не было, а ее и в самом деле не было, следовательно, имела место неравномерность их разбросанности! Иного ведь не дано по определению! Тем более что так оно и было. А уж о том, что негоже было маршалу Жукову говорить о «разбросанности войск» вместо использования профессионального военно-

³¹ 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 60—61.

³² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990, Т. 2, с. 28.

го термина «дислокация войск» — уж и не говорю. Если бывший начальник Генерального штаба позволяет себе использовать такой термин, как «разбросанность войск», то в таком случае ничего удивительного в том, что РККА потерпела поражение в дебюте войны, нет.

Взгляните на схемы дислокации соединений вермахта и группировок РККА на западных границах. Обратите внимание на то, что если за бугром линейная плотность частей и соединений вермахта вдоль границы была очень высокой, то на советской стороне части и соединения действительно были неравномерно дислоцированы по всей территории округов. К глубокому сожалению, то же самое видел и противник, о чем и свидетельствуют карты немецкого генерального штаба по состоянию на 21 июня 1941 г. (см. схемы далее)

Более того. Если в не имевшей места равномерной разбросанности нет причины поражения, следовательно, ее должно искать именно в неравномерной разбросанности! А заодно и в отсутствии сбалансированности дислокации частей различных, но обязанных взаимодействовать родов войск и тылового обеспечения. Потому как иного опять-таки не дано по определению! Вот откуда надо начинать поиск квалифицированного военного ответа на мучающий всех вопрос — «почему произошла такая трагедия»? Сомнительность способности войск Первого стратегического эшелона обеспечить прикрытие от возможного внезапного удара врага при столь явной неадекватности плана отражения агрессии в реально сложившейся к началу войны обстановке да при такой странной дислокации наших частей, да еще и очевидном стирании грани между боевыми действиями по прикрытию и первыми операциями означала только одно. Избранная Тимошенко и Жуковым стратегия отражения агрессии была не столько ошибочна, сколько чрезвычайно опасна!

А ведь в своем заключительном слове нарком обороны Тимошенко и в отношении обороны высказался едва ли не в академическом духе: «Организация обороны должна отвечать следующим условиям:

а) Оборона должна быть, прежде всего, противотанковой, рассчитанной на сохранение живой силы и огневых средств от поражения массовым артиллерийским огнем, особенно в период первого артиллерийского удара, характеризующегося тщательной заблаговременной подготовкой.

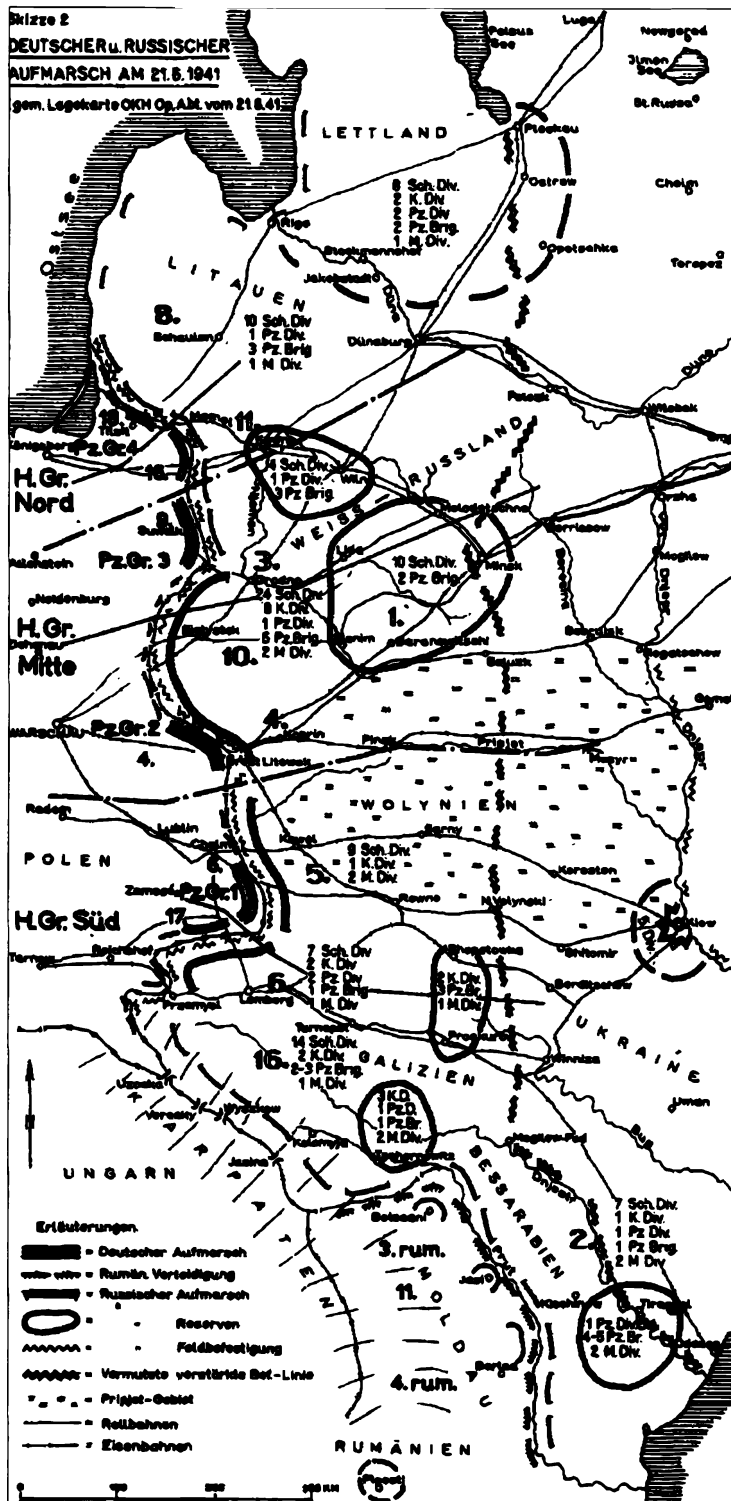
б) Оборона должна быть, во-вторых, противотанковой, рассчитанной на отражение массовой танковой атаки на решающих участках — порядка 100—150 танков на километр фронта.

в) Оборона должна быть противосамолетной, способной противостоять сильному авиационному воздействию наступающего. Здесь имеется в виду не только активная зенитная оборона, но прежде всего оборона при помощи массовой истребительной авиации и целая сумма мероприятий, рассчитанная на специальный характер постройки и оборудования оборонительных сооружений и на их тщательную маскировку.

г) Оборона должна быть многоэшелонной, многополосной, глубокой, с нарастающим в глубине сопротивлением.

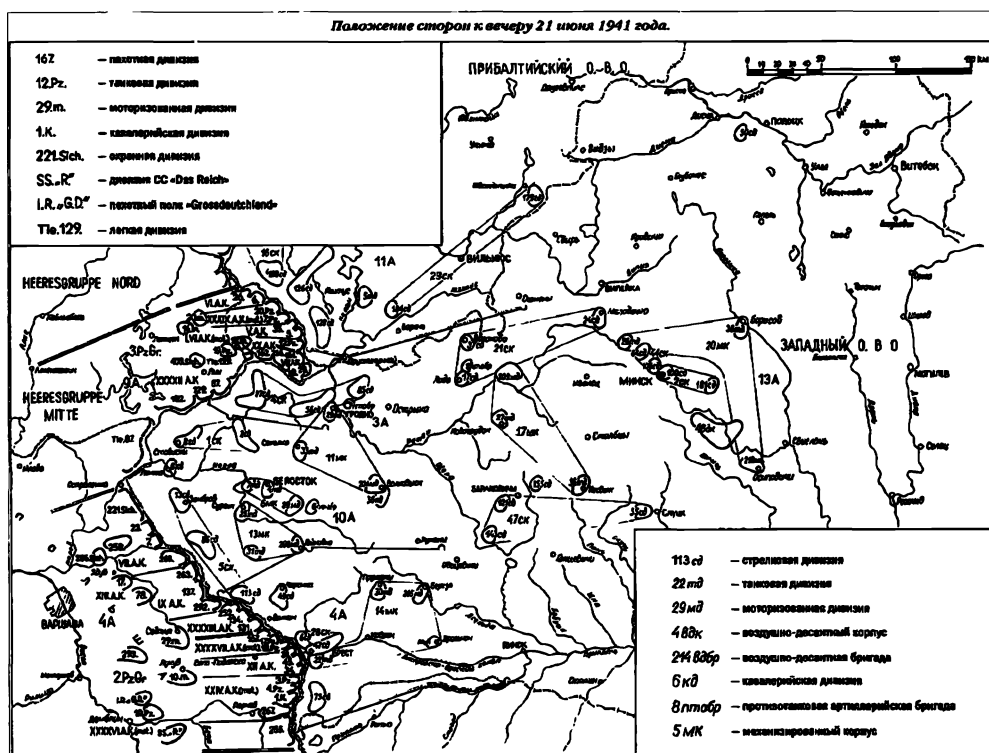
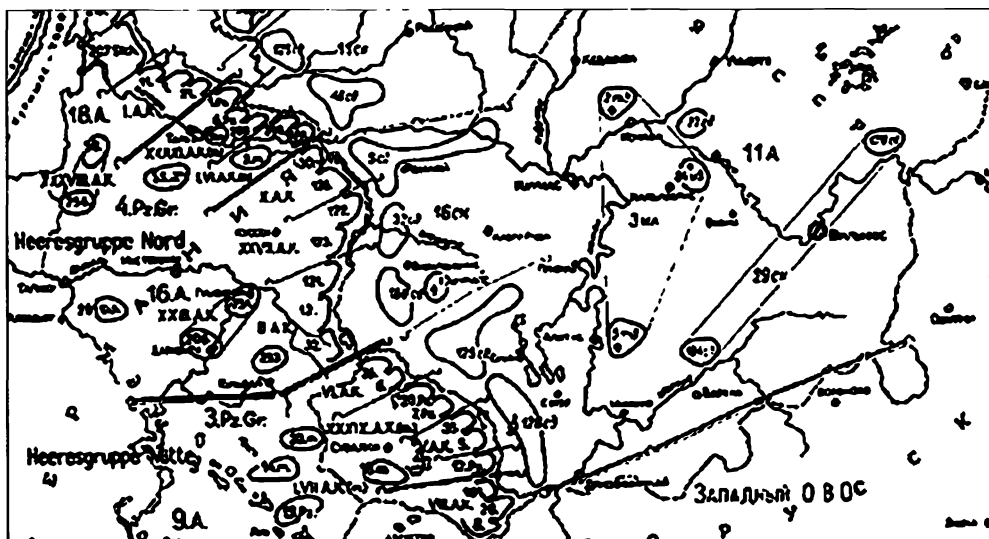
Поскольку при современных методах атаки маневр и всякие передвижения на поле боя во время атаки становятся для обороняющегося затрудненными благодаря скорости развития танковой атаки, сопровождаемой массой самолетов и артиллерийским шквалом, оборона должна заблаговременно заложить в свой боевой порядок и осуществить еще в подготовительный период все мероприятия, обеспечивающие ее живучесть и устойчивость.

...Ведение современной обороны против мощных ударных средств на-

Карта-схема дислокации советских войск по состоянию на 21 июня 1941 года (по данным германского ГШ)

Положение сторон к вечеру 21 июня 1941 года:
 ГА «Север» — ПриБВО, ГА «Центр» — ЗапОВО,
 ГА «Юг» — КОВО и ОдВО

ступления переросло за рамки тактики, стало делом оперативного порядка, делом армий и фронтов»³³.

Вот так, менее чем за полгода до начала войны, нарком обороны понимал суть обороны. И. надо сказать, более чем правильно. К тому же обратите внимание на заключительную фразу в цитате — она означает, что Тимошенко прямо признал, что оборона есть дело стратегии, раз назвал, что теперь это дело армий и фронтов. А это уже стратегический уровень. Но если все правильно понимал, а это именно так, то какого же хрена после войны обозвал то, что натворил совместно с Жуковым, «безграмотным сценарием вступления Вооруженных сил в войну»?³⁴ Какого же черта Жуков прилюдно расписывался в собственной глупости и поражался внезапности, упрямо настаивая на том, что под этим следует понимать:

а) ударную мощь немецкой армии; б) шестикратное и восьмикратное превосходство противника на решающих направлениях главных ударов; в) масштабы сосредоточения войск; г) силу удара противника. Да еще и утверждал, что советские войска, будучи развернутыми в неправильных оперативных построениях...

С тезисом о «внезапности» мы уже разобрались. Вывод категорический — нет никаких оснований муссировать и мусолить эту тему. Насчет масштабов сосредоточения германских войск тоже. Это чистейшая ложь. Жуков сам неоднократно ее разоблачал незаметно для себя, когда стремился оклеветать Сталина. Да и без этого тоже не раз разоблачал собственную же ложь. Потому как никогда не следил за своими словами — следил только за текущей политической конъюнктурой. Как при жизни, так и уйдя в Вечность...

³³ Заключительное слово Народного Комитета Обороны Союза ССР, Героя и Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г. Брошюра для служебного использования. М., 1941. Цит. по: Русский архив. Великая Отечественная. М., 1993, Т. 12, с. 343.

³⁴ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. 11. Л. 31, 36.

Масштабы концентрации германских войск Генштабу были прекрасно известны, как, впрочем, и очень многое другое. Вспомните хотя бы приводившийся в первой книге пример с разоблачением Жукова, которое организовал генерал Павленко, предъявивший маршалу документы разведки, на которых стояла подпись Георгия Константиновича, свидетельствующая о том, что он ознакомился с содержанием разведывательных донесений. Разведка с честью выполнила свой долг перед Родиной. Было известно практически все. По крайней мере, из того, что нужно в первую очередь, действительно все или почти все. Что-то больше, что-то меньше, но в среднем на круг выходило, что знали как минимум 90—95 %. А всего знать просто невозможно по определению. Весьма любопытно воспоминание знаменитого в прошлом диссидента, но переборовшего в себе демонов разрушения великой державы и ставшего ее искренним защитником, выдающегося философа, логика, социолога, писателя и публициста, ветерана войны, ныне, к сожалению, покойного Александра Зиновьева. В одном из последних интервью корреспонденту «Красной звезды» 23 апреля 2005 г. он рассказал о кануне войны следующее: «...Когда мы выезжали на учения, меня иногда забирали в штаб, чтобы переводить названия с немецких карт (обратите внимание на данное обстоятельство, ниже станет понятно, в чем причина). Мы знали, какие воинские части сосредоточены на том берегу Сана, оттуда же были слышны команды...»³⁵ Резюме — не только знали, но и даже на карты нанесли. И даже немецкие карты имели.

Знали в том числе и о завершении сосредоточения войск вермахта, выходе на исходные для нападения рубежи и дате и

³⁵ Интервью А.А. Зиновьева специальному корреспонденту «Красной звезды» А.Ю. Бондаренко, 23 апреля 2005 г. Цит. по: Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Утаенные страницы советской истории. М., 2007, С. 141.

времени нападения. Разведка пограничных войск была вездесуща и свой долг перед Родиной выполнила так же с честью, как и их армейские коллеги. Последние разведывательные сводки с мест прямо свидетельствовали о том, что это было известно. Вот, например, как назывались последние сводки разведывательного отдела Прибалтийского округа (направлявшиеся в ГРУ и ГШ сводки РО приграничных округов содержали сведения, полученные от разведки пограничных войск):

— 18 июня 1941 г. — «Донесение о завершении сосредоточения и развертывания войск группы армий “Север”. Вскрыто до 90 % 2 штабов армий, 6 корпусов, все дивизии и почти 90 % авиации. Всего 210 военных объектов»³⁶.

— 21 июня 1941 г. — «Разведанные Штаба ПриОВО о готовности войск группы армий “Север” к нападению на Советский Союз»³⁷.

Уже только по названиям видно, что точно знали и понимали, что происходит по ту сторону границы. К тому же не следует забывать, что в последние 10 дней разведывательные службы СССР суммарно 47 (СОРОК СЕМЬ!!!) раз назвали относительно точную и абсолютно точную дату нападения и даже время начала боевых действий. Собственно говоря, именно поэтому-то Сталин и санкционировал 18 июня направление в войска директивы о приведении войск первых оперативных эшелонов западных приграничных военных округов в полную боевую готовность.

Иное дело — масштабы сосредоточения германских войск на решающих участках направлений главных ударов вермахта, во что еще можно было бы поверить, если бы не одно «но». О главных направлениях ударов вермахта и самом главном из них в Генштабе тоже знали вполне определенно. Об этом свидетель-

ствуют, в частности, многочисленные разведывательные данные. Собственно говоря, с самых первых разведывательных донесений о грядущей агрессии было четко известно именно о трех направлениях главных ударов — Ленинград (Санкт-Петербург), Москва и Киев. Более того. Об этом было известно еще с рубежа 1936—1937 гг. Еще более того. Весной 1941 г. располагали уникальными данными:

— примерной схемой направлений главных ударов вермахта; она была составлена военной разведкой по текущим данным (в основе — схема резидента ГРУ в Берлине генерал-майора Туликова),

— и схемой направлений главных ударов по плану «Восточной кампании», который являлся прототипом операции «Вариант Барбаросса» и был составлен еще в конце 1936 г. Эти данные были представлены внешнеполитической разведкой НКГБ СССР. То был результат тщательных допросов захваченного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии А.С. Нелидова. И в том и в другом случае на схемах фигурировали три указанных выше направления, причем главное — на Москву.

Ко всему прочему еще по итогам первой игры были сделаны соответствующие стратегически верные выводы об опасности удара из района Сувалки и Брест на Барановичи при общем направлении на Минск.

Да и немцы прекрасно знали, что Жуков прекрасно знает об их планах. По состоянию на май 1941 г. супостаты абсолютно точно знали, что лично Жуков считал возможным удар Германии именно по трем направлениям. Из Восточной Пруссии на Ленинград. Из района Варшавы — через Брест, Минск и Смоленск на Москву. И из района Люблина (Южная Польша) и с территории Румынии — на Киев³⁸.

³⁸ Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001, с. 65.

³⁶ ЦА МО. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6. Л. 90–93.

³⁷ ЦА МО. Ф. И 3А. Оп. 1448. Д. 6. Л. 131–132.

Но Жуков был еще тот мастер сам себя сечь, как та унтер-офицерская вдова. Сам же лично, собственноручно признал, что знал о трех группировках вермахта. Но почему-то счел за благо «включить дурака». Так ведь и написал в своих мемуарах: «...За период апрель-май 1941 г. на территории Восточной Пруссии и польского генерал-губернаторства установлено сосредоточение до трех армейских группировок (штабы — Варшава, Улянув, Усьмеж), 10 армейских корпусов, 68—76 пехотных дивизий, 6—8 моторизованных дивизий, 10 кавалерийских дивизий, 5 танковых дивизий, 65 арtpолков, 2—3 авиационных дивизий»³⁹.

Тут все дело не в цифрах — на тот период времени они промежуточные и относиться к ним придирчиво нет никакого смысла. Самое главное состоит в том, что установление факта трех группировок армий вермахта Жуков отнес на апрель—май. А ведь это ложь, причем потрясающе беспардонная. Вопрос о трех группах армий вермахта, нацеленных на нападение на СССР, окончательно перестал быть вопросом уже с 20 марта 1941 г., то есть после знаменитого ныне доклада ГРУ от 20 марта 1941 г. С того момента это была уже непреложная данность. А если уж быть принципиально точным, то информацией о трех группах армий, а соответственно и о трех направлениях ударов ГРУ и ГШ располагали с самого начала поступления разведывательной информации о том, что угроза нападения Германии от нарастающей потенциальной возможности перешла в стадию конкретного военного планирования. То есть с конца декабря 1940 г. Об этом говорилось еще в первой книге. Более того. К тому моменту, когда Жуков уселся в кресло начальника Генерального штаба, то есть к концу февраля 1941 г., мужественная Ильзе Штёбе, она же ценнейший агент берлинской резидентуры ГРУ Альты, уже сообщила о

трех группах армий. Причем с указанием направлений их главных ударов и даже их ориентировочные названия. Вот выдержка из того сообщения Альты от 28 февраля 1941 г.: «Сформированы три группы армий под командованием маршалов (так в опубликованном тексте; на самом же деле маршалов в вермахте не было — были генерал-фельдмаршалы и фельдмаршалы. — А. М) Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееба.... Группа армий “Кенигсберг” должна наступать в направлении Петербург, группа армий “Варшава” — в направлении Москва, группа армий “Познань” — в направлении Киев»⁴⁰.

Проще говоря, уже к концу февраля достаточно точно было известно о трех группах армий и направлениях их ударов. Кстати говоря, эти данные Альты подтверждались также и сведениями разведки НКВД-НКГБ СССР, в том числе и разведки пограничных войск. Да и в целом тут мудрить было нечего — супостаты формировали свои силы нападения на СССР зеркально, то есть раз у СССР три основных военных округа на западных границах, то, следовательно, и они тоже формировали три группы армий. Для того чтобы это понять, не нужно было даже разведывательных сообщений. Однако они были и в достаточном количестве. Но Жуков хитрованным способом перенес это знание на апрель—май месяцы. То есть на то время, когда в целом-то уже что-либо все-рьез изменять в дислокации войск якобы было невозможно. Мыслишка-то весьма простенькая — мол, поздно это было установлено.

К тому же обратите внимание и на формулировку «д& трех армейских группировок», в которой основной смысл заключен в этом самом «до». Потому что на языке военных, в том числе и военной

³⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 240-241.

⁴⁰ ЦА МО РФ. Оп. 7229. Д. 4. Л. 30—31. Цит. по: Военная разведка информирует. Январь 1939—июнь 1941 г. /Сост. Гаврилов В.А. М., 2008, с. 536; Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005, с. 171.

разведки, это означает приблизительный характер: до трех может означать и одну группировку, и две группировки. Жукову же надо было хоть как-то отмазаться от того непреложного обстоятельства, что он каким-то «необъяснимым» образом проморгал мощную группу армий «Центр» и ее сокрушительный удар по ЗапОВО-ЗФ, ожидая удара супостатов всего лишь с крайних флангов — на направлении ПриОВО и КОВО. Вот и нес в прямом смысле ахинею. И параллельно клеветал на ГРУ, что оно что-то там не досмотрело в Польше.

И вот при таком знании, основанном на разведывательной информации, Жуков полностью игнорировал в 1941 г. колоссальное значение Белорусского направления. А приоритет отдавал только двум направлениям — Северо-Западному и Юго-Западному?! Почему это должно было так точно совпасть с «Планом поражения» Тухачевского?!

Высшее военное командование СССР обладало редчайшими в практике разведывательной деятельности и генеральных штабов данными, позволявшими проследить генезис замысла агрессии от истоков до кануна агрессии. Не говоря уже о том, что при всей своей политической безграмотности и, возможно, даже и непонятливости, и Тимошенко, и Жуков прекрасно знали, что главная цель Гитлера — уничтожить Советский Союз. А как военные они тем более знали, что уничтожить государство можно в первую очередь захватом его столицы. Соответственно и дураку, как говорится, должно было быть понятно следующее. Раз среди трех направлений ударов вермахта фигурирует столица СССР Москва, то, следовательно, главный удар будет наноситься именно на Западном, то есть на Белорусском, направлении. Ибо это самая короткая и прямая дорога на Москву. Тем более это должно было быть понятно, если учесть, что высшее советское военное командование прекрасно знало, что в основе действий

командования вермахта — стратегия и тактика блицкрига. Ведь без малого два года кряду наблюдали за тем, как действует военная машина гитлеровской Германии при нападении на другие государства. Да и, откровенно говоря, разведка не раз и не два предупреждала об этом. Раз все это знали, а трагедия грянула именно так, как грянула, то выходит, что советские войска натурально были подставлены под разгром. Подставлены избранной Тимошенко и Жуковым ошибочной и опасной стратегией отражения агрессии, которая была поразительно похожа на то, что в свое время «намудрил» Тухачевский (см. схемы на стр. 29—30).

Но удивление Жукова внезапно удар почему-то было сконцентрировано на шестикратном и даже восьмикратном превосходстве противника на решающих направлениях главных ударов. Говоря по-простому, Жуков эзоповым языком, или, если уж совсем примитивно, задом наперед признал, что:

— имело место поразившее его многократное превосходство противника, которое он показал на уровне дивизий, «мудро» не раскрыв, что конкретно за этим стоит. Если бы он это сделал, то сам себе и подписал бы смертный приговор;

— почему-то было допущено неверное определение решающих направлений ударов, или, если точно на военном языке, направление главного удара. Впрочем, он и напрямую признал этот факт, естественно, свалив всю без остатка ответственность за это на Сталина. Мы еще убедимся в этом.

Вот так он и объяснил и факт, и суть «безграмотного сценария». Мило, да дешево они вместе с Тимошенко отбредались! «Сценарий», видите ли, был всего лишь безграмотным. Да и Сталин в том виноват. И едва ли не потому все оказалось для них внезапным?! Целый год кряду супостаты у них на глазах сосредотачивались, разведка обо всем сообщала, но,

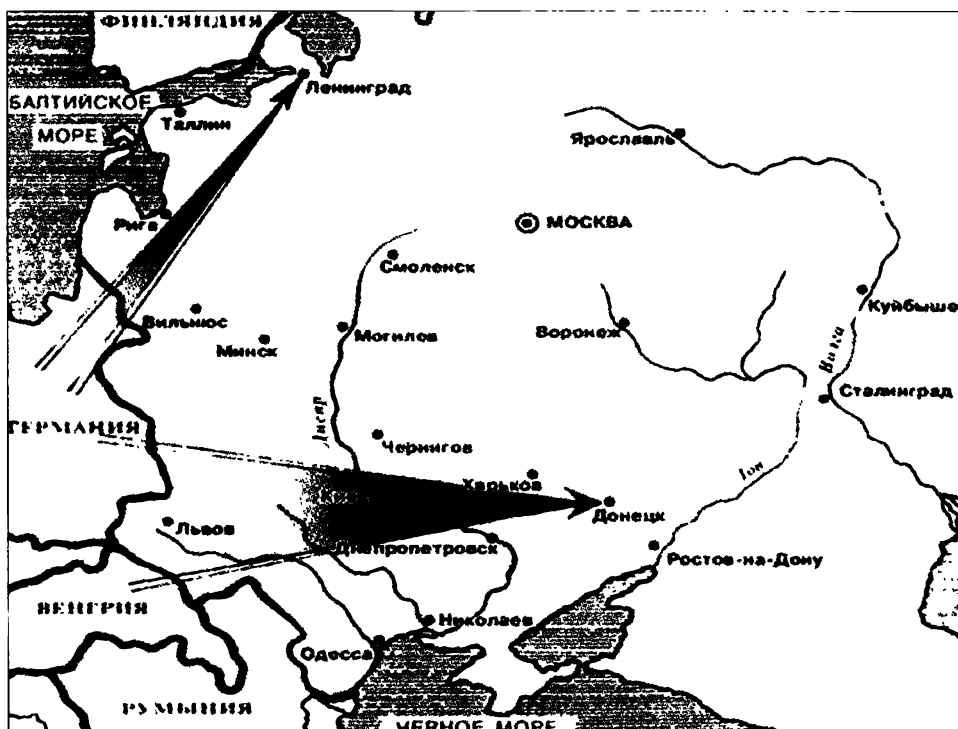

Схема ожиданий германского удара по Тухачевскому

Схема ожиданий германского удара по Жукову—Тимошенко

Схема германского удара по «Варианту "Барбаросса"»

тем не менее все оказалось внезапным?! В том числе и мощное превосходство супостатов на решающих направлениях главных ударов. А отвечать за все должен Сталин?!

Нет уж, черта вам лысого! Не выйдет! Во-первых, потому, что как только Иосиф Виссарионович взял все бразды правления в свои стальные руки, гитлеровское верховное командование едва ли не в буквальном смысле слова взвыло. Так и было отчего. Во-вторых, потому, что сразу возникает один вопрос. Как произошло, что в ход был пущен именно столь опасный «безграмотный сценарий»? Ведь в СССР был только один официально утвержденный, подчеркиваю, именно один официально утвержденный план отражения агрессии. Речь идет о «Соображениях об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Со-

ветского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы» от 18 сентября 1940 г., утвержденных Правительством СССР 14 октября 1940 г. Едва ли кто-либо осмелится назвать содержание этого документа «безграмотным сценарием».

Но если реализовывавшаяся в первом полугодии 1941 г. под руководством НКО и ГШ система мер по обороне страны, включая окружные и армейские планы, не имела признаков адекватности реально складывавшейся в канун войны обстановке, то, извините, что это должно означать? Особенно если учесть, что единственный официально утвержденный план — «Соображения...» от 18.9/14.10 1941 г. — до сего времени никто в неадекватности не упрекнул. Зато нам постоянно навязывают изысканно «изящные» объяснения типа — увы, но вынужден повторить это мнение генерала Гареева: «Идея непре-

менного перенесения войны с самого её начала на территорию противника... настолько увлекла некоторых руководящих военных работников, что возможность ведения военных действий на своей территории практически не рассматривалась. Конечно, это отрицательно сказалось на подготовке не только обороны, но и в целом театров военных действий в глубине своей территории»⁴¹.

Прелестно! Выходит, увлеклись слегка крутозвездные, что же такого плохого в этом, со всяким бывает?! Можно подумать, что речь идет о весенних увлечениях юных гимназисток, а не об обложенных высшим государственным доверием маршалах и генералах. Ну а то, что за это их «увлечение» СССР заплатил 27 миллионами жизней своих сограждан — это так себе, не более чем обычная плата за увлечение. Нечто вроде вынужденного визита к венерологу после соответствующего весеннего увлечения или курортного романа...

Только вот в чем вся незадача-то. Идеи-то непереносимого и немедленного перенесения войны с самого ее начала на территорию противника, которой так увлеклись «некоторые руководящие военные работники» в единственном, официально утвержденном Сталиным и советским правительством плане обороны, НЕ БЫЛО!!! Подчеркиваю, НЕ БЫЛО, НЕ БЫЛО И ЕЩЕ РАЗ НЕ БЫЛО!!! И в таком случае, какого же черта они впали в такое «увлечение»?!

При двух вариантах возможного развития событий — «южном» и «северном», — «Соображениями...» предусматривалось встретить супостатов в состоянии активной обороны. И, сдерживая и отражая их первый удар, в том числе и оковыванием активными действиями, прикрыть сосредоточение основных сил, а затем, и только при наличии благоприятных условий, перейти в

контрнаступление. Вот что там было предусмотрено! Такая обусловленность перехода в контрнаступление не есть идея непереносимого перенесения войны с самого ее начала на территорию противника. Это закономерная и адекватная реакция на нападение.

Кстати, и Тимошенко в своем заключительном слове сказал то же самое: «В современной обстановке могут быть случаи, когда придется прибегать к обороне и на главных направлениях. Например:

— когда нужно выиграть время, необходимое для подготовки наступательной операции до сбора всех назначенных сил;

— когда нужно выждать время до исхода операций на других направлениях, фронтах или театре;

— когда выгодно предварительно расстроить или истощить наступающего противника с целью последующего перехода в наступление;

— одним словом, когда оборона является составной частью задуманного маневра операции.

Оборона особенно выгодна лишь в том случае, если она мыслится как средство организации наступления, а не как самоцель»⁴².

Ну и кто бы отказался подписаться под таким здравым определением?! Особенно если учесть, что оно четко соответствовало сути единственного официально го плана обороны. Но тогда какого рожна «некоторые руководящие военные работники» настолько увлеклись тем, что вообще не было предусмотрено официально действовавшим планом?! И кто разрешил такое, с позволения сказать, «увлечение»? Кстати, с чего это такая расплывчатая формулировка — «некоторые руководящие военные

⁴¹ Гарева М.А. М.В. Фрунзе - военный теоретик. М., 1985, с. 323.

⁴² Заключительное слово Народного Комиссара Обороны Союза ССР Героя и Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г. Брошюра для служебного использования. М., 1941. Цит. по: Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12. М., 1993, с. 342.

работники»?! Вооруженные силы, простите, что напоминаю об этом, сугубо жестко иерархическая структура, во главе которой в нашей стране тогда находились всего лишь два руководящих военных работника — нарком обороны и начальник Генерального штаба. То есть маршал С.К. Тимошенко и генерал армии Г.К. Жуков. Все остальные исполняли именно их указания. Так что если кто и увлекся «идеей непереносимого перенесения войны с самого её начала на территорию противника», так только они. И нечего затуманивать персоналии, ответственные за это. А то получается секрет Полишинеля.

Не было в единственном официальном плане обороны и ошибки с определением решающего направления удара вермахта.

В «южном» и «северном» вариантах единственного официально утвержденного и действовавшего плана наиболее опасным для СССР, а, следовательно, и решающим направлением для вермахта было названо Минское (в том числе и в варианте — Минско-псковское), которое должны были прикрывать войска сразу двух округов — Западного и Прибалтийского⁴³.

Какого же рожна для Жукова после войны оказалось внезапным столь поразившее его превосходство противника именно на решающих направлениях? Особенно на Западном направлении. Зачем понадобилось столь изысканно искусно, что, кстати, очень нехарактерно для незамысловато примитивной в принципе устной и письменной речи маршала размывать понятие «направление главного удара» во множественном числе, подменив одновременно и сам термин на понятие «решающие направления»?⁴⁴ Ну, так это еще что. Главный военный исто-

рик современной России генерал армии М.А. Гареев в свое время договорился до того, что определение направления возможного главного удара противника так и вовсе «не имело столь решающего значения как изображается»⁴⁵.

Тогда, уважаемый генерал армии, какого же, милый пардон, хрена, не положите конец злобно клеветническим нападениям на Сталина, которого много десятилетий кряду незаслуженно обвиняют в том, что это именно он ошибся в определении направления главного удара вермахта?! Мы еще вернемся к этой проблеме.

Зато уже много лет генерал армии Гареев пытается вдолбить в сознание непонятливых сограждан следующее. Что «направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась — ив этом состояла одна из серьезных ошибок), а применительно совсем к другим способам действий...»⁴⁶.

В официальном и единственном плане обороны действительно нет упоминания о стратегической обороне. Соответственно не может быть и одной из серьезных ошибок. Однако в единственном официальном плане обороны есть неоднократно упомянутое однозначное предписание об активной обороне и о сковывании сил противника активными действиями. В тех конкретных географических условиях использование принципа активной обороны было наиболее верным решением. К тому же оно и исторически наиболее верное решение — наши предки действовали подобным образом на протяжении веков. Тем более что в момент утверждения плана вблизи новых границ СССР еще не было соответствующих фортифика-

⁴³ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. с. 197—244.

⁴⁴Конечно, этот термин имеет право на жизнь, спору нет. Но в том-то все и дело, что в стратегии принято оперировать понятием «направление главного удара».

⁴⁵Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны (очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995, с. 50.

⁴⁶Там же.

ционных сооружений, опираясь на которые можно было организовать стратегическую оборону. Так что критиковать за это официальный план оснований нет.

Следовательно, сосредоточение войск, которое напрочь игнорировало необходимость защиты активной обороной подлежащего прочному прикрытию прямо указанного в официальном плане направления, означало подмену сути официального плана! Подмену в духе концепции и «Плана поражения» Тухачевского, в которой Белорусское направление названо фантастическим для планов Гитлера! Да в общем-то сам факт подмены не очень-то и скрывается. Хотя, естественно, и не употребляется слово «подмена», ибо далее, на месте многоточия в приведенной выше второй цитате, стоят следующие слова и предложения, написанные рукой М.А. Гареева: «...когда западные военные округа после кратковременного отражения вторжения противника и завершения отмотивирования армии должны были переходить в наступление. Но для подобного способа действий, которые не состоялись, упомянутый выше вариант направления сосредоточения на Юго-Западном направлении был вполне обоснованным и более выгодным, чем на Западном направлении. Главный удар на юго-западе пролегал по более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника...»⁴⁷

«Защищающие честь мундира» Жукова тезисы далее развиваются в направлении утверждения о том, что «совсем другие условия, а, следовательно, и соображения могли возникнуть, если бы стратегическим замыслом предусма-

тривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, более выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался»⁴⁸. Как видите, хотя и не совсем прямо, но очень даже легко признан факт подмены направлений — с Западного на Юго-Западное. Со всеми стратегическими атрибутами подмены. Нет, старина Клаузевиц не совсем был прав. Не так уж и просто военное дело, не говоря уже о том, что воевать победоносно еще сложнее. А вот оправдать на бумаге любой, в том числе и преступный, бред генералов — это действительно просто. Надо только обладать бойким пером и знанием двух-трех военных терминов. И дело, что называется, «в шляпе». Как в данном случае — не предполагался такой вариант действий, и все тут! Ну, и чем это не римейк письменного утверждения Жукова о том, что-де по вине Сталина советским войскам в 1941 г. «не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника»?!

Но если бы только этим все и ограничилось. Увы. В порядке апофеоза в историографии Великой Отечественной войны буквально царит следующее утверждение. Что-де если бы войска прикрытия действительно готовились к отражению ударов противника, то это означало бы, что «приграничные военные округа должны иметь тщательно разработанные планы отражения вторжения противника, то есть планы оборонительных операций, так как отражение наступления превосходящих сил противника невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных ожесточенных оборонительных

⁴⁷ Гареев М.Л. Неоднозначные страницы войны (очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995, с. 50.

⁴⁸ Гареев М.А. Правду о войне нельзя брать или отдавать. Ее надо вместе искать. «Красная звезда». 1991.27 июля.

сражений и операций. Если бы такие планы были, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учетом оборонительных задач, располагались бы группировки сил и средств этих округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов. Готовность к отражению агрессии требовала также, чтобы были не только разработаны планы операций, но и в полном объеме подготовлены эти операции, в том числе в материально-техническом отношении, чтобы они были освоены командирами и штабами. Совершенно очевидно, что в случае внезапного нападения противника не остается времени на доподготовку таких операций. Но этого не было сделано в приграничных военных округах»⁴⁹.

Комментарий. Вынужден повторить — и чем это не римейк письменного утверждения Жукова о том, что-де по вине Сталина советским войскам в 1941 г. «не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника»?!

А то не знал написавший процитированные выше строки уважаемый М.А. Гарева, какой немисливо злостный бардак с подготовкой планов отражения агрессии устроили Тимошенко и Жуков! А под их «чутким руководством» также и командующие округами и армиями, в результате чего проекты эти планов были представлены чуть ли не в самый канун агрессии и, естественно, не были утверждены! Но далее-то из процитированного выше тезиса тем же автором делается завершающий вывод: «...Невыгодное положение советских войск усугублялось тем, что

войска пограничных военных округов имели задачи не на оборонительные операции, а лишь на прикрытие развертывания войск»⁵⁰.

Ну, наконец-то, вся акульястая враньем оправдывающих и обеляющих «безграмотный сценарий» тезисов в сборе. И выходит, что, во-первых, одновременно произошла и подмена ранее вполне адекватно политическим целям Третьего рейха определенного направления главного удара вермахта. В единственном и официальном плане таковым в обоих вариантах фигурировало минское (в целом Белорусское, в том числе и с учетом опасности удара с Северо-Западного направления, через Прибалтийский округ), а подмена привела к тому, что стало фигурировать Юго-Западное, то есть Украинское. Полностью подмена произошла во времена тандема Тимошенко—Жукова, хотя началось это еще во времена Тимошенко—Мерецкова. А когда дело дошло до «воспоминаний и размышлений», то Жуков и другие чуть ли не в один голос стали «тонко» намекать на «толстые обстоятельства» — что-де это было пожелание «упрямого» и «нехорошего» Сталина, которое они, крутозвездные, очертя голову в военно-административном раже бросились выполнять. Однако же ни один из этих «вспоминавших и размышлявших», а в действительности же дурачивших весь народ, так и не посмел однозначно, прямо и категорично указать, что Сталин реально приказал так считать. Хотя все шишки валили на него. И, увы, их последователи валят до сих пор.

Одним из первых ознакомившийся с содержанием мемуаров Жукова ближайший соратник Сталина Вячеслав Михайлович Молотов, сразу же заметив, что «Жуков снимает с себя ответственность за начало войны, но это наивно. И не только снимает, он путается»⁵¹, далее

⁴⁹ Гарева М.А. Неоднозначные страницы войны. Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны. М., 1995, с. 119—120.

⁵⁰ Там же, с. 128.

⁵¹ Жуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991, с. 50.

указал следующее: «Я не думаю, чтобы Сталин считал так, как Жуков пишет, что главное направление будто бы на Украину. Я этого не думаю. И не думаю, что ссылка на Сталина у Жукова правильная. Я ведь не меньше Жукова знал о том, что Сталин говорит, а об этом я не помню. Я этого не помню. Я этого не могу подтвердить. А факты говорят, что немцы шли, действительно, прежде всего, на Москву»⁵². Ну а завершил Молотов свои воспоминания на эту тему и вовсе примечательно: «Тем более на Жукова надо осторожно ссылаться...»⁵³

В данном конкретном случае Молотов был прав. Ссылаться на Жукова надо куда как осторожнее. Ибо путался Жуков. Да еще как! Скорее даже «петлял» как заяц, пытаюсь снять с себя ответственность за такое трагическое начало войны, за тот «безграмотный сценарий» вступления в нее, которым он и Тимошенко подменили официально утвержденный план обороны СССР и который обошелся нашему народу в 27 миллионов человеческих жизней. О других потерях уж и не говорю, ибо ничего ценнее человеческой жизни быть не может. Более того. Жуков не только путался, но и врал отчаянно, в том числе и по части Юго-Западного направления. Ну а Молотов еще и потому был прав, что его правота подтвердилась также и документально, о чем будет сказано отдельно и подробно. Но, забегая вперед, отметим, следующее. Ни тандем Тимошенко—Мерецков, ни дуэт Тимошенко—Жуков не предпринимали попыток узаконить подмену определения главного удара вермахта с Западного на Юго-Западное направление. Точнее, попытались, но до логического конца не довели их — испугались. Произошло это в силу ряда объективных обстоятельств.

Более того. Только в 2010 г. выяснилось, что один из тех документов, которым пытаются подтвердить якобы

реальность факта изменения в определении главного удара вермахта с Западного на Юго-Западное направление, и вовсе фальшивка. Тот, что обычно называют якобы планом от 11 марта 1941 г. К тому же столь грубой фальшивкой, что только диву и остается даваться (разоблачение этой фальшивки см. ниже).

Во втором случае — план якобы от 15 мая 1941 г. — был всего лишь черновым проектом и даже не покидал стен Генштаба и, соответственно, не докладывался Сталину. Правда, в середине 60-х гг. прошлого века Жуков пытался в частных беседах намекать на то, что Сталин якобы видел один из этих планов (маршал намекал на якобы план от 15 мая 1941 г.). Но при этом всегда добавлял, что, мол, слава богу, что Сталин не разрешил пустить в ход этот план, так как Красная Армия в таком случае была бы вдребезги разгромлена⁵⁴.

♦♦♦

Комментарий. Жуков признал это в беседе с одним из главных советских толкователей его «воспоминаний и размышлений» В.А. Анфиловым лет 25 после войны. В свою очередь автор ссылается на интервью, данное Анфиловым известному американскому историку Д. Глэнцу.

Но группировка РККА на западной границе и так была вдребезги разгромлена в приграничных сражениях и с тяжелыми боями откатывалась на восток. Жуков же не удосужился при этом объяснить, почему, после того как грохнула невиданная трагедия 22 июня, он и Тимошенко не оказались у расстрельной стенки, где в таком случае им было бы самое место. Ведь у Сталина была прекрасная, могучая память, и если он хотя бы мельком один раз увидел бы то, что в нереализованной попытке узаконить подмену посмели изобразить на бумаге и на картах Тимошенко—Жуков, то вполне

⁵² *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991, с. 58.

⁵³ Там же, с. 50.

⁵⁴ Факт приводится по: *Городецкий Г.* Миф «Ледокола» / Пер. с англ. М., 1995, с. 297.

закономерного свидания у расстрельной стенки им было бы не миновать. Но они остались живы...

Комментарий. Что касается этого якобы плана от 15 мая 1941 г., то вокруг него искусственно состряпали целых четыре мифа:

- миф о якобы «гениальном» плане;
- миф о якобы «упущенном шансе»;
- миф о якобы свирепой реакции Сталина на этот «гениальный» план. Причем каким-то «сверхъестественным образом» из поля зрения маршала напрочь выскользнуло (не исключено, что и вовсе не попадало) то обстоятельство, что даже в рамках мифа реакция Сталина поражает своей в высшей степени мудрой, исходившей именно из знания обоснованностью.

— Наконец, миф о том, что-де СССР и сам готовил (агрессивное) нападение на Германию!⁵⁵ Особенно «восхитительна» позиция генерал-полковника в отставке Юрия Александровича Горькова. Полюбуйтесь на его неистово генеральский пыл в утверждении... лжи: «Стратегический план, разработанный в Генеральном штабе Красной Армии и одобренный 15 мая 1941 г. политическим руководством государства (то есть Сталиным. — А. М.), занимает главенствующее положение по отношению к оперативным материалам округов»⁵⁶.

Ведь знал же генерал-полковник, что это всего лишь черновик, никогда не докладывавшийся Сталину документ, и тем не менее так лгал. Между тем, «сколько бы раз ни заявляли о том, что проект оперативного плана от 15 мая 1941 г. был подписан Сталиным, Тимошенко и Жуковым или был принят к исполнению на основании устных распоряжений названных лиц, никаких документальных подтверждений этому нет. На разработке, подписанной Василевским, отсутствуют какие бы то ни было подписи, пометы и резолюции, сделанные Сталиным, Тимошенко или Жуковым. Нет также ни прямых, ни косвенных документальных подтверждений того, что эта разработка была вообще представлена главе Советского государства или Правительству. Думается, не-

лишне было бы задать вопрос, мог ли вообще этот документ в том виде, в каком мы его имеем (рукописный текст с многочисленными исправлениями и вставками, большинство из которых с трудом поддается прочтению), быть подан первому лицу в государстве? Заслуживает внимания, наконец, и тот факт, что этот документ долгое время (до 1948 г.) хранился в личном сейфе Василевского — не в бумагах Сталина, Тимошенко, Жукова либо начальника Оперативного управления Генштаба РККА Н.Ф. Ватутина, где ему, казалось бы, надлежало находиться, если бы он был утвержден или хотя бы рассмотрен, и именно из сейфа Василевского переключался в архив. Данный документ никогда не выходил из стен Генштаба. Он так и остался черновым рабочим документом»⁵⁷.

Но наши генералы, да и маршалы тоже, — далеко не все, конечно, — обладают поразительно удивительным свойством. Порой они лгут так, что вопреки собственным же намерениям случайно выбалтывают элементы правды, а нередко и целые фрагменты. Так и Горьков. Круто соврав, что этот якобы план был одобрен 15 мая 1941 г. политическим руководством государства, он не моргнув и глазом, ни разу не дрогнувшей рукой вывел, что этот план занимал главенствующее положение по отношению к оперативным материалам округов.

Ну что тут скажешь?! Ай да генерал, ай да разоблачитель! Это же надо было так припечатать Жукова и Тимошенко?! Незаконный, негласный, неофициальный, никогда никому из высшего советского руководства не докладывавшийся и никем из высшего советского руководства не утверждавшийся документ, оказывается, занимал главенствующее положение по отношению к оперативным материалам округов?! Чего же тогда удивляться, что группировка РККА на западных границах была вдрызг разгромлена?!

Удивляться действительно не стоит. В 2006 г. в свет вышла книга авторитетного историка Второй мировой войны Сергея Переслегина «Вторая мировая. Между двумя реальностями». Так вот, на страницах этой книги уважаемый коллега описал две крупные ролевые игры, на которых проигрывались варианты дебюта Великой Отечественной войны. По итогам двух игр вывод их участников был абсолютно одинаковым. Трагедия 22 июня могла произойти только лишь в том случае, если со стороны СССР готовился бы превентивный удар, прежде всего на фронте группы армий вторжения «Юг» или, в наших терминах, на Юго-Западном направлении, то есть с территории Киевского

⁵⁵ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000; Карпов В. В. Генералиссимус. М., 2002; Анфилов В.А. «Новая версия» и реальность // Независимое военное обозрение. 1999, 7 апреля; Он же. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 166.

⁵⁶ Военно-исторический журнал. 1996. № 2, с. 2. Война 1939—1945. Два подхода. М., 1995, с. 58.

⁵⁷ Вигилёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001, с. 34.

особого военного округа. Превентивный удар как таковой со стороны СССР официально не готовился. Нет ни малейшего документального признака, который хотя бы за уши, но можно было притянуть в качестве доказательства этого. Однако главари «киевской мафии» в высшем военном руководстве СССР, а под ее давлением и командование всех трех основных округов на западных границах Советского Союза, вопреки официальному плану, действительно готовились к немедленному встречено-лобовому контрвторжению (контрблицкригу) на территорию противника по факту его нападения. На языке тех лет — к немедленной встречено-лобовой глубокой (стратегической) наступательной операции по факту нападения противника. Если по-современному, то к немедленной встречено-лобовой стратегической наступательной операции. В масштабах как минимум трех основных приграничных округов — ПриОВО, ЗаОВО и КОВО. Никакой принципиальной разницы между подготовкой к превентивному нападению и немедленной встречено-лобовой глубокой (стратегической) наступательной операцией контрвторжения по факту нападения противника нет и не было. Она только в одном — когда все начинается и кто начинает первым. Остальное же настолько одинаково, что даже под электронным микроскопом ничего не различить.

Во-вторых, одновременно произошла также и подмена самой сути официального плана. Простите за повтор, но в том действительно есть острая нужда. При двух вариантах возможного развития событий — «южном» и «северном», — «Соображениями...» предусматривалось встретить супостатов в состоянии активной обороны и, сдерживая и отражая их первый >дар, в том числе и сковыванием активными действиями, прикрыть сосредоточение основных сил, которому должно было предшествовать отмотилизование, вместе занимающие не один день. В официальном плане на это отведено до 30 дней. И только затем, и только при наличии благоприятных условий перейти в контрнаступление.

Короче говоря, итоговое резюме всем этим «перлам стратегической обороны чести мундира» Жукова, Тимошенко и др. таково:

С ПРИХОДОМ НА ПОСТ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА П.К. ЖУКОВА И С ОДОБРЕНИЯ НАРКОМА ОБОРОНЫ С.К. ТИМОШЕНКО В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1941 г. ДЕ-ФАКТО ПРОИЗОШЛА НЕ ТОЛЬКО ПОДМЕНА УКАЗАННОГО В НЕМ ПРИНЦИПА ОБОРОНЫ НА НЕАДЕКВАТНЫЙ ФОРМАЛЬНО СОХРАНЯВШЕМУСЯ ДЕ-ЮРЕ ЗАМЫСЛУ

ДЕ-ЮРЕ ЗАМЫСЕЛ ОТРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ И ЛЕЖАВШИЙ В ЕГО ОСНОВЕ ПРИНЦИП ОБОРОНЫ, ИЗЛОЖЕННЫЕ В ОФИЦИАЛЬНО УТВЕРЖДЕННОМ И ЕДИНСТВЕННОМ ПЛАНЕ ОБОРОНЫ, СОХРАНЯЛИСЬ. ПОТОМУ ЧТО ДЕ-ЮРЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ ОФИЦИАЛЬНО УТВЕРЖДЕННЫЙ ПЛАН НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ. БОЛЕЕ ТОГО. ОФИЦИАЛЬНО ЖЕ, ТО ЕСТЬ РЕШЕНИЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР, ОФИЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В НЕГО НЕ ВНОСИЛОСЬ!

В единственном официальном плане среди главных задач РККА на Западном ТВД на первом месте стоит: «1. АКТИВНОЙ ОБОРОНОЙ ПРОЧНО ПРИКРЫВАТЬ НАШИ ГРАНИЦЫ В ПЕРИОД СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ВОЙСК»^{5*}. И далее по всему тексту этого документа главная задача именуется точно так же, в том числе и в сочетании с выражением «АКТИВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПО СКОВЫВАНИЮ СИЛ ПРОТИВНИКА»⁵⁹. Ничего другого там не было предусмотрено насчет принципа обороны.

Едва только Жуков возглавил ГШ и возник тандем Тимошенко—Жуков во главе «киевской мафии» в высшем военном руководстве, то практически сразу начался процесс непосредственной подмены принципа обороны.

Уже в апреле директивно приказывалось держать упорную оборону на линии

^{5,1} ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. с. 197—244.

⁵⁹ Там же.

государственной границы, а в мае процесс подмены окончательно был завершён — в известных майских директивах о разработке окружных планов обороны.

ОДНОВРЕМЕННО ПРОИЗОШЛА И ПОЛНАЯ ПОДМЕНА РАНЕЕ АДЕКВАТНО ПОЛИТИЧЕСКИМ ЦЕЛЯМ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ЧЕТКО ОПРЕДЕЛЕННОГО НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ГЛАВНОГО УДАРА ВЕРМАХТА, ПРИКРЫВАТЬ КОТОРЫЙ АКТИВНОЙ ОБОРОНОЙ И АКТИВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПО СКОВЫВАНИЮ СИЛ ПРОТИВНИКА ДОЛЖНЫ БЫЛИ СРАЗУ ДВА ОКРУГА—ЗАПАД-

НЫЙ И ПРИБАЛТИЙСКИЙ. ПРОЩЕ ГОВОРЯ, ВМЕСТО ЗАПАДНОГО (БЕЛОРУССКОГО) НАПРАВЛЕНИЯ ГЛАВНЫМ СТАЛО ЮГО-ЗАПАДНОЕ (УКРАИНСКОЕ). СООТВЕТСТВЕННО ПРОИЗОШЛА И ПОДМЕНА НАПРАВЛЕНИЯ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ СИЛ — НА ЮГО-ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.

Взгляните на приводимую ниже таблицу. В ней отражено не только упомянутое исчезновение, но и отношение к незаконным документам якобы как к официальным, то есть якобы действовавшим.

Таблица Ns I⁶⁰

Задачи приграничным округам (фронтам) к 22.06.1941 г.

Наименование документа	Прибалтийский особый военный округ (Северо-Западный фронт)	Западный особый военный округ (Западный фронт)	Киевский особый военный округ (Юго-Западный фронт)
<p>Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.* (18 сентября 1940 г. № 103202/ов) ЦА МО ф.16, оп.2951, д.239, лл. 197—244,</p> <p>Это официальный и единственный документ по обороне СССР в тот период времени.</p>	<p>Прочно прикрывать Минское, Минско-псковское и Риги-Псково-Псковское направления, не допустить вторжения немцев на нашу территорию. По сосредоточению войск, ударом в общем направлении на Инстербург, Алленштейн, совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии.</p>	<p>Прочно прикрывая Минское направление, по сосредоточению войск, одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Алленштейн сковать немецкие силы в Восточной Пруссии. Способствовать Юго-Западному фронту, с переходом его в наступление, разбить Люблинскую группировку противника.</p>	<p>Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточению войск, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р.Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Петраков и выйти на р.Пилица и верхнее течение р. Одер.</p>
<p>В соответствии с этим единственным официальным документом у войск приграничных округов основная задача была прочно прикрывать границы «активной обороной» и «активными действиями по сковыванию сил противника».</p>			

⁶⁰ Таблица составлена на базе материалов⁶⁰ опубликованных в «Независимом военном обозрении», №22, 2000.

Наименование документа	Прибалтийский особый военный округ (Северо-Западный фронт)	Западный особый военный округ (Западный фронт)	Киевский особый военный округ (Юго-Западный фронт)
<p>Соображения по плану стратегического развертывания на случай войны с Германией и ее союзниками (якобы от 15.05.1941 г.) ЦА МО РФ. Ф.16, Оп.2951. Д.237, Л.1—15.</p> <p>Этим «Соображениям...» якобы от 15 мая 1941 г. предшествовали практически аналогичные «Соображения...» якобы от 11 марта 1941 г (ВИЖ, 1992, Юв2, стр. 18—22). Ни один из этих двух документов никогда не докладывался Сталину и даже не покидал стен Генштаба! Более того. Эти документы не были подписаны ни Тимошенко, ни Жуковым. А документ якобы от 11 марта, как выяснилось только в июне 2010 г., оказался фальшивкой. Согласно документу якобы от 15 мая 1941 г. генеральная задача заключалась в том, чтобы «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». По оценкам экспертов, план был преисполнен не только поразительнейшей бессмысленностью, особенно идеей удара в никуда, но и беспрецедентной тупостью, так как в преамбуле этого плана прямо сказано, что враг-то уже отобилизовался и развернул свои войска, тем более что и разведка сообщала то же самое! Что в таком случае можно было упредить?! Практически аналогичные задачи были и в документе якобы от 11 марта 1941 г. Однако как выяснилось только в 2010 г., он оказался фальшивкой.</p>	<p>Упорной обороной прочно прикрыть Рижское и Виленское направления, не допустить вторжения противника из Восточной Пруссии. Обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника.</p>	<p>Упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Седлец, Радом во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника.</p>	<p>Окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин. Ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомирско-Келецком направлении и овладеть районами Краков, Катовице, Кельце. В дальнейшем наступать в северном или северо-западном направлении для разгрома сил северного крыла противника и овладения территориями бывшей Польши и Восточной Пруссии.</p>

А В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ПРОИЗОШЛА И ПОЛНАЯ ПОДМЕНА САМОГО ЗАМЫСЛА ОТРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ НА ИНОЙ.

ОФИЦИАЛЬНО ПРЕДУСМАТРИВАЛОСЬ ПРОЧНОЕ ПРИКРЫТИЕ ГРАНИЦ, СДЕРЖИВАНИЕ И ОТРАЖЕНИЕ ПЕРВОГО УДАРА ПРОТИВНИКА АКТИВНОЙ ОБОРОНОЙ И АКТИВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПО СКОВЫВАНИЮ ЕГО СИЛ В ПЕРИОД ОТМОБИЛИЗОВАНИЯ И СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ СИЛ, ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЧЕГО И ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ ПРЕДПОЛАГАЛСЯ ПЕРЕХОД В ШИРОКОМАСШТАБНОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ.

ПОДМЕНА ЖЕ ПРИВЕЛА К ТОМУ, ЧТО ПОДГОТОВКА К ОТРАЖЕНИЮ АГРЕССИИ ПОКАТИЛАСЬ ПО ИНОМУ РУСЛУ. ОТРАЖЕНИЕ ГРЯДУЩЕЙ АГРЕССИИ СТАЛИ ПОДГОТАВЛИВАТЬ В ВИДЕ НЕМЕДЛЕННОГО ПО ФАКТУ НАПАДЕНИЯ ВСТРЕЧНО-ЛОБОВЫМ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕМ ИЛИ, ГОВОРЯ ВОЕННЫМ ЯЗЫКОМ ТОГО ВРЕМЕНИ, НЕМЕДЛЕННЫМИ ВСТРЕЧНО-ЛОБОВЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ ВТОРЖЕНИЯ (ГЛУБОКИМИ НАСТУПАТЕЛЬНЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ). В НАШЕ ВРЕМЯ ЭТО НАЗЫВАЮТ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ (ФРОНТОВЫМИ) НАСТУПАТЕЛЬНЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ.

ИМЕННО ЭТО И ОЗНАЧАЕТ ТО САМОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ, КОГДА ГОВОРЯТ, ЧТО «ИДЕЯ НЕПРЕМЕННОГО ПЕРЕНЕСЕНИЯ ВОЙНЫ С САМОГО ЕЕ НАЧАЛА НА ТЕРРИТОРИЮ ПРОТИВНИКА... НАСТОЛЬКО УВЛЕКЛАНЕКОТОРЫХ РУКОВОДЯЩИХ ВОЕННЫХ РАБОТНИКОВ, ЧТО ВОЗМОЖНОСТЬ ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ РАССМАТРИВАЛАСЬ». ИМЕННО «УВЛЕЧЕННОСТЬ» ТАКОЙ ИДЕЕЙ,

КОТОРАЯ РОДОМ-ТО ИЗ КОНЦЕПЦИИ ПОГРАНИЧНЫХ СРАЖЕНИЙ ТУХАЧЕВСКОГО И ЕГО ЖЕ ПЛАНА ПОРАЖЕНИЯ, И ПРИВЕЛА К ТОМУ, ЧТО ВОЙСКА ПРИКРЫТИЯ ДОЛЖНЫ БЫЛИ БЫТЬ ВЫСТАВЛЕНЫ СТАТИЧЕСКИМ ФРОНТОМ УЗКОЙ ЛЕНТОЙ С НИЗКОЙ ЛИНЕЙНОЙ ПЛОТНОСТЬЮ, НО С ЗАДАЧАМИ: А) ДЕРЖАТЬ «УПОРНУЮ ОБОРОНУ» НА ЛИНИИ ГРАНИЦЫ; Б) ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ОПЕРАЦИЯХ НА ГЛУБИНУ В КОНТРНАСТУПЛЕНИИ. ЧЕМ ЭТО КОНЧИЛОСЬ — ПРЕКРАСНО ИЗВЕСТНО.

КОРОЧЕ ГОВОРЯ, ПОДМЕНА БЫЛА НЕ ТОЛЬКО ПОЛНОЙ, НО И ПРЕЖДЕ ВСЕГО НЕЗАКОННОЙ, НЕГЛАСНОЙ, НЕОФИЦИАЛЬНОЙ, НИ С КЕМ ИЗ ВЫШЕГО РУКОВОДСТВА СССР НЕ СОГЛАСОВАННОЙ!

И ЧТО ОСОБЕННО ХАРАКТЕРНО, ТАК ЭТО ТО, ЧТО НА БУМАГЕ НИКАКИХ СЛЕДОВ ПОДМЕНЫ НЕ БЫЛО ОСТАВЛЕНО. ДОСТИГНУТО ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ ХИТРО. ВСЕГО ЛИШЬ ПЕРЕСТАНОВКОЙ АКЦЕНТОВ. НО НЕ В ПИСЬМЕННОМ ВИДЕ. ТОМУ, ЧТО ДОЛЖНО БЫЛО СТАТЬ ТОЛЬКО СЛЕДСТВИЕМ ОТМОБИЛИЗОВАНИЯ И СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ СИЛ ПОД ПРИКРЫТИЕМ АКТИВНОЙ ОБОРОНЫ И АКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО СКОВЫВАНИЮ СИЛ ПРОТИВНИКА, ТО ЕСТЬ КОНТРНАСТУПЛЕНИЮ, НЕЗАКОННО БЫЛ ПРИДАН СТАТУС ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ И ОДНОВРЕМЕННО ГЛАВНОГО МЕТОДА.

ИМЕННО ТАКАЯ УСТНАЯ ПЕРЕСТАНОВКА АКЦЕНТОВ В РАССТАНОВКЕ ЦЕЛЕЙ И МЕТОДОВ ПОЗВОЛИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО СПОКОЙНО, НЕ ОПАСЯСЬ ОБВИНЕНИЙ В ИЗМЕНЕ ИЛИ, ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ, ПОДЛОГЕ, СОТВОРИТЬ ТОТ САМЫЙ «БЕЗГРАМОТНЫЙ СЦЕНА-

РИЙ», ЗА КОТОРЫЙ ПРИШЛОСЬ ПЛАТИТЬ 27 МИЛЛИОНАМИ ЖИЗНЕЙ!

В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕИЗБЕЖНО ВОЗНИКШЕЙ ДВОЙСТВЕННОСТИ ПРОВОДИВШИХСЯ МЕРОПРИЯТИЙ ВСЯ РЕАЛИЗАЦИЯ НЕЗАКОННО, НЕГЛАСНО И НЕОФИЦИАЛЬНО ИЗМЕНЕННОГО ПЛАНА К ТОМУ ЖЕ СТАЛА ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ НА РЕДКОСТЬ КРАЙНЕ НЕАДЕКВАТНЫМИ РЕАЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ, МЕТОДАМИ И ПРИЕМАМИ! К ТОМУ ЖЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ПУТАННО, ЧТО ФАКТИЧЕСКИ СБИВАЛО С ТОЛКУ КОМАНДОВАНИЕ НА МЕСТАХ, ЧАСТЬ КОТОРОГО И САМА БЫЛА РАДА ОКАЗАТЬСЯ СБИТОЙ С ТОЛКУ, ДАБЫ ИМЕТЬ НА БУДУЩЕЕ ОПРАВДАНИЕ СВОЕЙ ИЗМЕНЫ. ПРИМЕР БЫВШЕГО КОМАНДУЮЩЕГО ЗАПАДНЫМ ОКРУГОМ ПАВЛОВА И ДРУГИХ—ЯРЧАЙШЕЕ ТОМУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО НИ ПРИЗНАВАТЬ САМ ФАКТ НЕЗАКОННОЙ ПОДМЕНЫ, НИ ТЕМ БОЛЕЕ ОТВЕЧАТЬ ЗА КРАЙНЕ НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОЙ ПОДМЕНЫ, ИЗВЕСТНЫЕ КАК ТРАГЕДИЯ 22 ИЮНЯ И ГИБЕЛЬ 27 МИЛЛИОНОВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН, НИ ЖУКОВ, НИ ТИМОШЕНКО, НИ ДРУГИЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКИ, ПРИНИМАВШИЕ УЧАСТИЕ В ЭТОМ, КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ ХОТЕЛИ! ПОТОМУ САМЫМ БЕССОВЕСТНЫМ ОБРАЗОМ И ВАЛИЛИ ВСЕ НА СТАЛИНА. ОСОБЕННО ЖУКОВ. ТИМОШЕНКО ЖЕ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНО УВЕРНУЛСЯ ОТ МАССОВЫХ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НА ЭТОТ СЧЕТ И ДАЖЕ ОТ НАПИСАНИЯ МЕМУАРОВ.

Комментарий. Еще в первой книге указывалось, что в руки нацистских супостатов попал «красный пакет» 1-го стрелкового кор-

пуса 10-й армии ЗалОВО. Все 46 документов общим объемом в 176 сброшюрованных листов нацистские супостаты даже не посчитали нужным переводить на немецкий язык! Настолько они не вписывались в стремление нацистов хоть как-нибудь доказать агрессивные намерения СССР!⁶¹ Все, что касается самого факта попадания в руки нацистов совершенно секретного документа особой важности, его содержания и что за всем этим стоит — здесь не анализируется. Этот анализ приведен в главе, посвященной Западному округу. Что же до задач корпуса, то они, согласно этим документам, были сформулированы следующим образом: «...а) Оборонять госграницу в полосе предполья, не допуская вторжения противника на территорию СССР. Прорвавшиеся через госграницу части противника окружить и уничтожить,

б) В случае наступления явно превосходящих сил противника прочно занять и оборонять основной оборонительный рубеж». На пакете имеется надпись по-немецки — Inhalt: 1 note Original-mappe mit Originalverzeichnes (Blätter von 1—176 durch nummeriert und gefeuchtet), что переводится примерно так: «Содержание: 1 красная подлинная папка с подлинными распоряжениями (листы с 1 по 176-й пронумерованы и сброшюрованы)»⁶².

Однако все это, как говорится, лишь одна сторона медали. А вот и другая сторона. Все, что написано в части, касающейся задач этого СК, есть непосредственное документальное свидетельство-доказательство прямого отказа от активной обороны и ставки на жесткую/упорную оборону на линии границы, за что советские войска под командованием главарей «киевской мафии» Тимошенко—Жукова жестоко поплатились.

Жуков, очевидно, чувствовал, по меньшей мере интуитивно, что рано или поздно, но к такому выводу можно будет прийти. А, быть может, ему попросту подсказали пускай и отдаленную, но вполне достижимую перспективу такого вывода. Особенно, когда станет возможным хотя бы одним глазком взглянуть на архивные документы. И он заранее постарался уве-

⁶¹ Источник: ЦА МО РФ. Ф. 353. Оп. 5908. Д. 1. Л. 1—51. В настоящее время документ передан в РГВА.

⁶² Цит. по: Лопуховский Л.Н., Каваперчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с* 578.

сти в сторону от возможности такого вывода. Если его современные защитники в оправдание своего кумира эксплуатируют тезис об увлеченности той самой идеей переноса войны с самого ее начала на территорию противника, то сам маршал не мудрствовал лукаво и заявил следующее: «Пренебрежении всего, я думаю, справедливо будет сказать, что многие из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт Первой мировой войны. Большинство командного состава оперативно-стратегического звена, в т.ч. и руководство Генерального штаба теоретически понимало изменения, происшедшие в способах ведения Второй мировой войны. Однако на деле они готовились вести войну по старой схеме, ошибочно считая, что большая война начнется, как и прежде, с приграничных сражений, а затем уже только вступят в дело приграничные силы противника. Но война, вопреки ожиданиям, началась сразу с наступательных действий всех сухопутных и воздушных сил Германии...»⁶³, сдобрив тезис о «канонизации опыта Первой мировой войны» махровым литературно-стратегическим ляпом — «...практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде»!⁶⁴

Вот это да! А как насчет «особо поучительного из действий на Западе», о чем он говорил в своем блистательном — без дураков, блистательном — докладе на декабрьском совещании или заключительной речи Тимошенко. Ведь знали же, что и как будет развиваться, и тем не менее «канонизировали опыт Первой мировой войны», «...практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее на-

чальном периоде»?! Ну-ну! Как же тогда понимать его же с Тимошенко выступление на декабрьском 1940 г. совещании высшего состава РККА, в которых оба они показали себя едва ли не блестящими знатоками именно «особенностей ведения современной войны в ее начальном периоде»?

Ну, да не беда. Есть и другие маршалы. Например, последний министр обороны СССР, маршал Советского Союза Д.Т. Язов. Рубанув с маршальской прямотой правду-матку о том, что «план отражения фашистской агрессии носил контрнаступательный характер»⁶⁵, далее он подчеркнул: «В основе подготовки начальных операций лежала идея мощного ответного удара с последующим переходом в решительное наступление по всему фронту. Этому замыслу была подчинена и вся система стратегического развертывания Вооруженных сил. Ведение стратегической обороны и другие варианты действий практически не отрабатывались»⁶⁶. И тем самым, но незаметно для себя маршал Язов еще раз подтвердил, что произошла полная подмена замысла единственного официального плана отражения агрессии! И что это за «прелесть», наши маршалы и генералы! Один хлеще другого! Уж так припечатывают друг друга, что и не отскребешь! Впрочем, а чего же им не припечатывать друг друга, если сам Тимошенко после войны тихо и незаметно, но на пару с Жуковым брякнул, что «не было оборонительного варианта плана»⁶⁷.

Кстати говоря, не один он это проделал. Без малого четверть века назад генерал-полковник Г.П. Пастуховский опубликовал в «Военно-историческом журнале» статью под названием «Раз-

⁶³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1990. С. 76.

⁶⁴ Цит. по: Червов Н.Ф. Провокации против России. М., 2003, с. 107.

⁶⁵ Военно-исторический журнал. 1991. № 5, с. 13.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. 11. Л. 31, 36.

вертывание оперативного тыла в начальный период войны». Казалось бы, статья посвящена вопросам тыла, ну что там может быть интересного с точки зрения стратегии, тем более в интересующем нас плане?! Не скажите. Оказалось, что есть и даже очень интересное. Г.П. Пастуховский прямо указал, что «...в случае агрессии приграничные военные округа (фронты) должны были готовиться к обеспечению глубоких наступательных операций. Варианты отмотилизования и развертывания оперативного тыла при переходе советских войск к стратегической обороне и тем более при отходе на значительную глубину не отрабатывались»⁶⁸.

Но если бы только одни военные писали такие признания. То обстоятельство, что вопреки официальному плану статус главного метода отражения нацистской агрессии незаконно был придан немедленному встречно-лобовому контрнаступлению/контрблицкригу по факту нападения, докатилось и до ушей наиболее авторитетных советских писателей. Так, известный и очень авторитетный писатель Иван Фотиевич Стаднюк в своем известном и весьма недурно экранизированном романе «Война» еще в 70-х гг. прошлого столетия открыто написал следующее: «...С началом войны, когда события стали складываться стремительно и в чудовищном несоответствии с тем, как они предполагались в плане прикрытия, когда все преимущества расположения наших армий, имевших задачу в случае агрессии навалиться на врага могучими контрударами, перестали быть преимуществами»⁶⁹.

Комментарий. Любопытно, но факт, что художественное описание И.Ф. Стаднюком случив-

шегося по смыслу, а частично даже и текстуально совпадает даже с генеральскими описаниями случившегося: «Враг, неожиданным ударом начавший войну, диктовал нам свою волю, ломая наши планы»⁷⁰.

А с какой такой стати они должны были готовиться к проведению глубоких наступательных операций как методу отражения агрессии, если в единственном официальном плане это не было предусмотрено?! С какой такой стати наши армии имели задачу в случае агрессии сразу навалиться на врага могучими контрударами, если в единственном официальном плане это не было предусмотрено?! Точнее, было предусмотрено, но только после сдерживания и отражения первого удара активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника, под прикрытием чего должны были быть осуществлены мобилизация и сосредоточение главных сил, и лишь затем, но только при наличии благоприятных условий переход в контрнаступление.

А вот с той самой, что называется незаконная, негласная и неофициальная подмена в духе концепции и плана Тухачевского. Только вот в чем все дело-то, а точнее — до остервенения нелицеприятный вопрос. А какую цель преследовала эта подмена, итогом которой стал разгром западной группировки РККА, едва не приведший к необратимой катастрофе государства и страны?

Нужны еще доказательства, что имел место факт незаконной, негласной и неофициальной подмены? Бели нет, то перейдем к следующему этапу нашего разведывательно-исторического расследования.

⁶⁸ Пастуховский Г.П. Развертывание оперативного тыла в начальный период войны. Военно-исторический журнал, 1988, № 6, с. 18—25.

⁶⁹ Стаднюк И.Ф. Война. М., 1976, с. 344.

⁷⁰ Попель Н.К. В тяжкую пору. М., 2001, с. 18—19.

Глава 2

«СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБОРОНА» ФАКТА ПОДМЕНЫ

«...В основу организации обороны положить упорную оборону...»

Из текста майских 1941 г. директив НКО и ГШ командованию приграничных округов о разработке планов обороны государственной границы.

К глубокому сожалению, трагедия 22 июня 1941 г. действительно была неизбежна. Потому как была обреченно предрешена, а следовательно, и неминуема! Однако отнюдь не потому, что-де нацистские генералы, видите ли, лучше работали да глубже думали, в чем Жуков до конца своей жизни пытался всех убедить. Тут дело в другом. В России неизбежно и традиционно всегда выходит так, что если хотят сделать как лучше (преимущественно для себя, для своих корыстных интересов), то почему-то всегда получается как обычно. Вот и Жуков в своем понимании хотел как можно лучше оправдаться, пардон, отмазаться от какой бы то ни было вины за страшную трагедию 22 июня 1941 г., но получилось действительно как всегда. Ибо фактически такое его заявление означало — и да простится автору такая крамола вслух, — что высший генералитет СССР накануне войны был сплошь, выражаясь словами Сталина, «безнадежные балбесы», не способные хорошо работать да глубже думать. Проще говоря, увидеть чуточку дальше собственного носа и пораскинуть мозгами чуточку лучше «господ-арийцев». Ну, а поскольку в России «спокон веков нет суда на дураков», то, следуя «логике» такого заявления Жукова, если взять его на веру, мол, не взыщите — так уж получилось, обо...сь, миль пардон...

Однако желания следовать «логике» Жукова нет ни на йоту. Трагедия 22 июня 1941 г. была обреченно предрешена, а потому и неминуемо неизбежна именно же действиями, прежде всего нарко-

ма обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба РККА, тогда генерала армии Г.К. Жукова. И от этой исторической ответственности им никуда не деться. А потому придется пройти очередной этап жесткого разведывательно-исторического расследования.

Факт подмены ни Жуков, ни Тимошенко, ни Василевский, ни другие причастные к этой неприглядной истории никогда не признавали и даже не упоминали о нем как о факте подмены. Соответственно, никто из них слово «подмена» не употреблял. На такое признание они даже стоя у расстрельной стенки и то не пошли бы. И, само собой разумеется, все без устали валили на Сталина. При Хрущеве грубо и нагло, при Брежневе значительно осторожнее, используя богатый арсенал литературной дипломатии, прежде всего недомолвки, округленные и обобщенные, отшлифованные представленными ЦК КПСС «литературными неграми» формулировки, избегая каких-либо точностей. Как им казалось до конца их жизни, это единственный способ уйти от ответственности за трагедию 22 июня, начавшуюся, как известно, с катастрофы Западного фронта. Увы, для маршалов, естественно, но они всего лишь предполагают, а суровая дама по имени История располагает. И о факте подмены она располагает вот чем.

Объективная логика витавших в воздухе все послевоенное время претензий к ним была такова, что об одном из наиважнейших элементов этой подмены не про-

говориться они не могли. Проще говоря, не могли они не проговориться о «прогнозировании» ими наиболее вероятного направления главного удара вермахта. То есть о том, почему произошла невиданная катастрофа Западного фронта, в результате чего супостаты смогли-таки докатиться едва ли не до стен Кремля. Ну, а как только проговорились — все, дальнейшее разгадывание этого «секрета» было всего лишь делом времени да открытия архивов, пускай даже и частичного. Они, к слову сказать, далеко не всегда нужны. Многие и даже очень многие вполне легко вычислить на основе открытых публикаций и исследований, если правильно пользоваться технологией разведывательно-исторического расследования. Причем вычислить можно едва ли не все, вплоть до прямых доказательств, до возможности перейти на уровень категорических утверждений, ибо система сбора, анализа, синтеза и представления доказательств позволит сделать это.

С давних пор в отечественной историографии о Великой Отечественной войне завелась гнилая мода. С подачи маршалов Жукова и Василевского, а также находившихся в фаворе у властей всевозможных толкователей их «воспоминаний и размышлений» всю вину за оказавшееся ошибочным определение направления главного удара вермахта на Юго-Восточном (в нашей терминологии — Юго-Западном) направлении истово валят на Сталина. Мол, это он приказал считать Украинское (Юго-Западное) направление главным для вермахта, потому, мол, и произошла такая невероятная катастрофа, начавшаяся, как известно, с практически мгновенного разгрома Западного фронта. Проще говоря, Сталин якобы виноват в том, что наши доблестные генералы ждали нацистских супостатов не там, где они, крутозвездные, могли бы устроить им конец света. В принципе ничего удивительного. Наш генералитет и маршалитет

еще и не такое может учудить. У них ведь кто угодно виноват, кроме них сами. Но это так, к слову...

Откровенно говоря, даже как-то неудобно пояснять, что за вермахт решал не Сталин, а Гитлер. И свой конечный выбор по «Варианту Барбаросса» фюрер сделал далеко не в пользу Украинского направления. Это, что называется, во-первых. Во-вторых, с позиций германского командования речь не может идти о Юго-Западном направлении. Речь может идти только о Юго-Восточном направлении. Ибо тевтоны собирались в блиц-«Дранг нах Остен»-криг. Проще, говоря, на восток.

В-третьих, напоминая, что задолго до утверждения разработки «Варианта Барбаросса» абверу было приказано дезинформировать советское командование о направлениях сосредоточения войск вермахта. Помните, еще в первой книге приводилось содержание п. 2 этого указания абверу от 6 сентября 1940 г.: «2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы Генерал-Губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика». Южные районы генерал-губернаторства (так гитлеровцы называли оккупированную ими часть Польши) — это как раз и есть Юго-Восточное направление, которое для СССР означало Юго-Западное (Украинское) направление. То есть высшее военное командование Третьего рейха, а это прежде всего сам Гитлер, как Верховный Главнокомандующий, изначально не планировало делать ставку на Юго-Восточное (для СССР — Юго-Западное) направление. Еще не было даже рассмотренных в рабочем порядке первых набросков по будущему «Варианту Барбаросса», а стратегический замысел в сознании высшего военного командования уже вызрел — основной удар будет нанесен севернее Припятских болот.

Вне всякого сомнения, что по трофейным документам и Жуков, и Тимошенко,

и Мерецков, и Василевский знали об этом. Но признать, что нацисты их лихо одурачили, либо они лихо одурачили самих себя с помощью нацистской дезинформации — о, это было за пределами их чести, совести и мужества. Им сподручнее было предстать перед верившей их несносной брехне публикой идиотами, которые хуже работали да мелко думали, нежели гитлеровские генералы, которые якобы лучше работали, да глубже думали. Но еще приятней сделать равным себе идиотом (если не ниже того) Сталина, свалив на него всю ответственность за неправильное определение направления главного удара вермахта.

Более того. Задолго до такого письменного признания Жуков точно знал материалы дела Тухачевского. Потому что принял активнейшее участие в хрущевской реабилитации так называемых «невинных жертв» сталинизма, прежде всего высших военных, расстрелянных в 1937 г. Знал он в том числе и о содержании собственноручно написанного этим «стратегом» для следствия «Плана поражения СССР в войне с Германией». Так вот, главное тут вот в чем. Излагая в «Плане поражения СССР в войне с Германией» свой взгляд по вопросу о направлениях главных ударов вермахта, Тухачевский, во-первых, весь анализ свел к проблеме «колониальных appetitов Гитлера», что уже в корне было неверно и, мягко выражаясь, нечестно, если не того хуже. Агрессивность Гитлера имела стратегический характер глобальной политической цели, которая всего лишь прикрывалась экономическими притязаниями. Его приводили к власти как инструмент войны для полного уничтожения СССР-России. И не знать или не понимать этого Тухачевский не мог. Он и знал, и понимал это, в том числе и благодаря разведывательной информации, допуск к которой у него имелся вплоть до начала весны 1937 г., но написал совершенно иное, точнее, прямо противоположное.

Во-вторых, фактически он дал изложение «Плана Гофмана» (о нем говорилось еще в первой книге) по состоянию одного на 1936 г., да и то в достаточно извращенном виде. К тому же, если провести сравнительный анализ, явно не без умысла сделал это по хорошо знакомым ему материалам книг Э. Генри. Об этом говорилось в первом томе.

И, в-третьих, что наиболее важно, предпринял попытку дезориентировать советское руководство по наиболее важным проблемам стратегии агрессии — определению конечных целей агрессии и направлений главных ударов. Тухачевский утверждал: «...Немцы должны будут поставить перед собой ограниченную цель войны — отторгнуть часть территорий от СССР и отстоять обладание этой частью территории до конца войны... Необходимо, поэтому, проанализировать возможные театры войны гитлеровской Германии против СССР с экономической точки зрения, т.е. с точки зрения удовлетворения колониальных appetitов Германии...

...Немцы, безусловно, без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и с занятого плацдарма начать наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной их части) областей. Финляндия, вероятно, пропустит через свою территорию германские войска. Затруднения, которые немцы встретили бы при этой операции, были бы следующие: во-первых, железнодорожная сеть Эстонии, Латвии и Литвы слишком бедна и отличается слишком малой провозоспособностью, чтобы она могла обслужить действия крупных сил. Потребовалось бы либо вложение крупных капиталов в железные дороги этих стран в мирное время, либо развитие этих дорог во время войны, что сильно сковало бы и осложнило действия германских армий. Во-вторых, СССР не позволил бы Германии безнаказанно занять Прибалтийский театр для подготовки в

нем базы для дальнейшего наступления в пределах СССР.

Однако с военной точки зрения такая задача может быть поставлена, и вопрос заключается в том, является ли захват Ленинграда, Ленинградской и Калининской областей действительным решением политической и экономической задачи по подысканию сырьевой базы. На этот последний вопрос приходится ответить отрицательно. Ничего, кроме дополнительных хозяйственных хлопот, захват всех этих территорий Германии не даст... Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват, — это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большой, зато с экономической — ничтожный...

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками — это белорусское. Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и потому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье, Украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и за Белоруссию, т.е. связано оно с использованием польской территории. В экономическом отношении Украина имеет для Германии исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только

овладение Правобережной Украиной и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом, Украина является той возжеленной территорией, которая снится Гитлеру германской колонией...

Итак, территорией, за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий...»

Как видите, не стесняясь, Тухачевский охарактеризовал цели будущей агрессии Германии ограниченными, преимущественно экономическими по характеру и сути, что никак не соответствовало действительности. Ни по каким параметрам. Более того, назвал Белорусское направление удара Германии фантастическим — как и задачу полного разгрома СССР.

При этом прибалтийское направление Тухачевский откровенно и начисто свел к второстепенному значению, отрицая при этом политическое и стратегическое значение последствий возможного захвата Прибалтики и особенно Ленинграда для судьбы страны в целом. А ведь не было тайной за семью печатями, что Гитлер с особой ненавистью относился к Петербургу (Ленинграду), называя его «...ядовитым гнездом, из которого... долго азиатский яд источался в Балтийское море», в связи с чем Петербург, видите ли, должен исчезнуть с лица земли. К слову сказать, и до начала агрессии, и после он ни на йоту не изменил своего мнения. Напротив, требовал полного уничтожения Петербурга (Ленинграда).

А всю якобы ставку германского командования Тухачевский перенес на Украинское направление. Спору нет, захват Украины действительно имел огромное место в планах и Гофмана, и Розенберга, и уж тем более Гитлера и его генералов. Но ведь отнюдь не решающее же, как это пытался представить Тухачевский. Что, кстати говоря, и показало 22 июня 1941 г.,

а затем подтвердил и анализ трофейных материалов, в том числе и оригинала «Варианта Барбаросса». Уж сейчас-то это очевидно — ведь все необходимые для понимания этого обстоятельства документы доступны. Особенно если учесть еще раз цитировавшееся выше содержание п. 2 указания абверу от 6 сентября 1940 г.

Как маршал Советского Союза, первый заместитель народного комиссара обороны, к тому же многими и по сию пору считающийся «талантливым умницей-стратегом» мог не знать или не понимать, что главная задача Гитлера — физическое уничтожение СССР-России?! Ведь Адольф-то никогда не скрывал этого. Как же можно было утверждать, что «Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической»?! Ничего себе «стратег»?! Особенно если учесть, что до своего ареста он уже знал не только об упоминавшихся ранее стратегических командно-штабных играх на картах, но и о главном выводе германских генералов по итогам этих игр. О том, что «никакого точного решения в восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в Восточной Польше»⁷¹.

Известен был не только окончательный вывод по итогам тех игр, но и полный антураж этих игр со всеми важнейшими деталями. В начале «1937 г. нашей разведкой под руководством заместителя начальника ИНО НКВД Шпигельгласа были добыты важные документальные сведения об оперативно-стратегических играх, проведенных командованием рейхсвера (позже вермахта)». Одновременно было установлено также и следующее: «Германия не сможет выиграть войну с Россией,

если боевые действия затянутся на срок более двух месяцев и если в течение первого месяца войны не удастся захватить Ленинград, Киев, Москву и разгромить основные силы Красной Армии, оккупировав одновременно главные центры военной промышленности и добычи сырья в Европейской части СССР»⁷².

Комментарий. Абсолютно идентичный текст содержится и в его же книге «Специальной. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы» (М., 1997). Необходимо отметить, что Судоплатов слегка ошибся в названии вооруженных сил Германии, что за давностью лет, естественно, простительно. В 1936 г. рейхсвера уже не было, так как он еще в марте 1935 г. был переименован в вермахт. О том же совещании и его выводах говорится и в книге «Внешняя разведка России»: «Под непосредственным руководством “Дугласа” (оперативный псевдоним Шпигельгласа. — А. М.) советская разведка добыла секретные материалы германского Генерального штаба, известные как “завещание Секта” и представлявшие военную доктрину Германии в отношении СССР»⁷³.

А как Германия смогла бы выиграть войну против России-СССР менее чем за два месяца, да еще и разгромив основные силы Красной Армии, оккупировав одновременно главные центры экономики, в том числе военной промышленности, и добычи сырья в Европейской части СССР, захватить Ленинград, Киев и Москву?! Как, если даже география, в данном случае Европейской части СССР, уже являлась исключительным защитником страны?! Ведь одна только господствовавшая в этой части СССР Русская равнина имела площадь 4 млн кв. км! Как, если одни только пространства этой самой Европейской части СССР, как в «царской водке», растворяют ударную мощь любого агрессора?! В послевоенных мемуарах

⁷¹ Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997, Т. 3, с. 6.

⁷² Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996, с. 147; Он же. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1997, с. 194—195.

⁷³ Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. М., 2001, с. 104—105.

гитлеровские генералы и офицеры вполне откровенно пишут об этом. То есть о том, что сама местность по мере удаления немецких войск от границы становилась очень эффективным союзником Красной Армии.

В начале 1937 г., когда в СССР поступили разведывательные данные об этих играх, Тухачевского еще никто не лишил доступа к актуальной разведывательной информации. Тем более к информации ГРУ, которое тоже добыло сведения аналогичного порядка. То есть он знал о том, какую роль сыграл переданный Уборевичем «План поражения» в том, что во время этих игр Минск был «взят» на пятый день картографической агрессии. Однако сидя на Лубянке, преднамеренно дезинформировал советское руководство, хотя прекрасно понимал стратегическое и политическое значение удара на Белорусском направлении. Проще говоря, на том и строился план поражения, что Белорусскому направлению не будет придано должного значения. Мало того. Со ссылкой на беседу с германским генералом Рундштедтом Тухачевский указал также, что германские генералы просят организовать поражение именно на Украинском направлении. То есть фактически усиливал таким заявлением дезинформирующий эффект. Потому что если имелаась такая просьба, то, следовательно, последующее военное командование СССР должно сосредоточить максимум сил и средств именно на этом направлении во избежание поражения. Что и нужно было немцам, планировавшим главный удар в противоположном направлении. И что наши генералы и делали перед войной, а супостаты, не скрывая своего восторга, радовались этому.

Спустя два года после ликвидации заговора Тухачевского, при вводе советских войск на территорию Западной Украины, в одной из тюрем Львова (Лемберг) был обнаружен крупный двойной агент германской военной разведки (абвера) и бри-

танской МИ-6, бывший офицер царской и белой армий, граф Александр Сергеевич Нелидов. Накануне нападения Германии на Польшу Нелидов был отправлен руководством абвера с разведывательным заданием в Варшаву, где он и был арестован польской контрразведкой. А до этого по заданию адмирала В. Канариса в 1936 г. Нелидов принимал участие в вышеупомянутых командно-штабных стратегических играх на картах и потому обладал ценной разведывательной информацией. С Нелидовым стали интенсивно работать выдающиеся, легендарные асы советской разведки — Василий Михайлович Зарубин, Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина и Павел Матвеевич Журавлев,* но основную работу с графом вела именно З.И. Воскресенская. Плотная работа с графом началась с середины 1940 г., а к концу весны 1941 г. обнаруживший «глубокое знание искусства управления войсками, отменную память на давние и недавние события, размещение армейских группировок, номера разного рода дивизий, калибры и число орудий граф А.С. Нелидов нанес все известные ему сведения на карты-схемы»⁷⁴. В итоге получился картографический сценарий прототипа «Варианта Барбаросса», который, как показали дальнейшие события и особенно анализ трофейных документов, отличался от реального плана лишь незначительными деталями. При этом «Нелидов рассказал нам, что немцы смогут нанести нам поражение только в том случае, если война будет продолжаться два или три месяца. Но если в течение этого времени они не овладеют Ленинградом, Москвой, Киевом, Донбассом, Северным Кавказом и, конечно, Баку с его нефтью, немецкое вторжение будет обречено на провал»⁷⁵.

Проще говоря, Нелидов подтвердил разведывательные данные 1937 г.,

⁷⁴ *Воскресенская З.И.* Под псевдонимом Ирина: записки разведчицы. М., 1997, с. 48—49.

⁷⁵ *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1996, с. 147, 161 и 162.

в том числе и о том, что в конце 1936 г. германские генералы «взяли» Минск на пятый день картографической тогда агрессии. В первых числах июня 1941 г. 3. Воскресенская передала полученную от Нелидова информацию, в том числе и начерченные им карты-схемы, первому заместителю начальника Генерального штаба — начальнику ГРУ генералу Ф.И. Голикову. И никакой реакции, за исключением иронически-ёрнического хмыканья⁷⁶. Жуков, конечно же, никак не показал, что знал об этой информации. Голиков же физически не мог не доложить о ней начальнику Генерального штаба, особенно если учесть, что к информации были приложены карты и схемы. Зато в своей антисталинской брехне Жуков абсолютно четко придерживался аргументации Тухачевского. Проще говоря, уперто и упорно акцентировал внимание на Украинском направлении, рьяно и яростно сваливая всю вину за это на Сталина.

Кстати говоря, вызывает очень сильное подозрение то обстоятельство, что в мемуарах 3. Воскресенской ни звука о том, что эта информация была доложена Сталину. Дело в том, что одновременно с данными Нелидова при докладе фигурировала и чрезвычайно тревожная документальная информация берлинской резидентуры НКГБ СССР, полученная от ее ценного агента — высокопоставленного железнодорожного чиновника Третьего рейха, который представил документальное доказательство того, что ему предписано на пятый день с начала агрессии возглавить железнодорожный узел Минска. Столь важные информации, тем более от ценной агентуры, тем более из берлинской резидентуры, практически всегда в обязательном порядке докладывались Сталину. А тут, при наводивших на очень неприятные размышления в силу абсолютного совпадения сведений Нелидова и документальных данных разведки

НКГБ, ни малейшего звука о том, что такая информация была доложена Сталину. Неприятные размышления о возможно готовящемся предательстве на Западном направлении. Ибо расценить это абсолютное совпадение просто физически было невозможно иначе, как прямой намек на предательство. И едва ли нарком госбезопасности Меркулов рискнул бы утаить такую информацию от Сталина. Скорее всего, учитывая, что глубоко чтимая Зоя Воскресенская из-за трагической нелепости не дожидаясь выхода в свет своих мемуаров, кто-то перед изданием «подправил» ее мемуары, купировав эти сведения. 3. Воскресенская была выдающимся асом советской разведки. И не понимать всей важности сохранившихся в ее памяти данных она не могла. Она во всем была выдающимся человеком и уже тем более выдающейся разведчицей. Впрочем, за одно то, что она рассказала о Нелидове, его данных и сведениях являвшегося высокопоставленным железнодорожным чиновником Третьего рейха ценного агента берлинской резидентуры НКГБ СССР, самый низкий поклон глубочайшей благодарности в память о ней. Ведь СВР РФ до сих пор не раскрыло ни этого агента, ни его данные, которые могли бы сыграть колоссальную роль в разоблачении всевозможной лжи маршалов и генералов о кануне и первых мгновениях войны.

Во-вторых, что и есть самое важное. Поскольку речь-то идет о содержании хорошо известных «Соображений...» от 18 сентября 1940 г., утвержденных Сталиным и советским правительством 14 октября 1940 г., то именно в истории прохождения этого документа в высших инстанциях СССР и сокрыты корни этой гнилой моды. Но прежде всего отметим одно обстоятельство.

Вообще-то с этой датой — 18 сентября 1940 г. — произошел небольшой конфуз. Подписанный наркомом обороны С.К. Тимошенко и начальником Генштаба К.А. Мерецковым (с 15 августа 1940 г.

⁷⁶ Воскресенская 3. Под псевдонимом Ирина: записки разведчицы. М., 1997, с. 49.

именно Кирилл Афанасьевич Мерецков стал начальником Генштаба) вариант этих «Соображений...» действительно датирован 18 сентября 1940 г. С подачи же маршала М.В. Захарова практически все взяли на вооружение именно такую дату. Хотя она фигурировала и до мемуаров Захарова, в воспоминаниях Москаленко, которые вышли ранее. Причем не только самого документа, что, конечно же, правильно, раз такая дата стоит на самом документе. Однако эту дату почему-то распространили и на факт доклада документа Сталину и Молотову. А вот здесь-то и произошел этот самый небольшой конфуз. Потому что 18 сентября 1940 г. ни Тимошенко, ни Мерецков (тогда начальник ГШ) у Сталина не были. В сентябре 1940 г. они вообще были у него только один раз — 16 сентября⁷⁷. Соответственно наиболее правильно было бы в качестве первой даты доклада указывать 16 сентября 1940 г. Однако чтобы не нарушать сложившуюся традицию и не вносить дополнительную порцию путаницы в и без того запутанную историю кануна войны, в данной книге используется уже ставшая традиционной датировка этого документа.

При первом докладе проекта «Соображений...» со стороны Сталина якобы были сделаны неизвестные до сих пор замечания. Таким образом, выходит, что еще более правильным следует считать, что подписанный Тимошенко и Мерецковым документ с датой 18 сентября — это уже переработанный с учетом якобы полученных 16.9.1940 г. замечаний Сталина вариант. По крайней мере, такова едва заметная логика преподнесения этих документов в официально изданных справочниках. И в итоге получается, что в этой дате — 18 сентября — якобы четко зафиксировано исполнительское рвение Тимошенко и Мерецкова. 16 сентября якобы получили замечания, а 18-го якобы уже

исправили и подписали скорректированный документ. Но и этот вариант якобы получил какие-то замечания со стороны Сталина, которые прозвучали при докладе документа 5 октября 1940 г. Об этом якобы свидетельствует «Записка наркома обороны и начальника Генштаба», адресованная Сталину и Молотову, начинающаяся со слов: «Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год»⁷⁸. И якобы только после соответствующих исправлений и внесения корректив документ был утвержден 14 октября 1940 г. Однако поверить в то, что такая записка и есть реальный документ, оснований нет. Практически не вызывает сомнений, что это умышленно вброшенная в архивы фальшивка, основная цель которой документально подтвердить, что-де именно Сталин виноват в неправильном определении направления главного удара вермахта. Эта бумажка играет роль некоей исходной печки, от которой танцует весь миф о том, что-де именно Сталин виновен в том, что все внимание было переакцентировано на Юго-Западное направление.

Представленный на утверждение документ содержал два варианта соображений об основах стратегического развертывания и «возможных ответных действий Советских Вооруженных Сил на агрессию с запада». Обычно их также называют «южный» и «северный». Сталин якобы выбрал «южный», предусматривавший развертывание основных сил Красной Армии южнее Припяти. Длительное время приходилось, если и не огульно верить, то, по крайней мере, считаться с тем, что об этой истории написали в своих мемуарах маршалы Жуков и Василевский. Мерецков же в своих мемуарах об

⁷⁷ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008, с. 311.

⁷⁸ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 84—90. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Утверждающая подпись отсутствует. Автограф.

этом вообще ничего толком не написал. Он ограничился всего лишь следующим. Во-первых, обозвал им же подписанный проект «Соображений...», а затем и им же подписанный, но уже утвержденный правительством как план документ с тем же названием какой-то «оперативной запиской», суть которой не посчитал нужным раскрывать⁷⁹. Чувствуете разницу?! Где «Соображения...» и где какая-то «оперативная записка»?!

Во-вторых, непонятно, на каком основании Кирилл Афанасьевич указал, что о том, что им же подписанные и им же докладывавшиеся Сталину и Молотову «Соображения...» утверждены, он узнал лишь только тогда, когда его самого сняли с поста начальника Генерального штаба и вновь назначили заместителем наркомма⁸⁰. Как минимум это должно означать, что Мерецков не очень тонко спихнул ответственность за такое планирование обороны на Жукова. Во всяком случае очень трудно отделаться от такого, сразу же захватывающего, впечатления. Но тут Мерецков допустил грубую ошибку. Правительство не утверждает какие-то «оперативные записки». Правительство утверждает только серьезные документы высшего порядка, каковым и были «Соображения...». Как говорится, ври, ври да не завирайся, даже если ты и маршал. В-третьих, что и вовсе ни в какие ворота не лезет — точно так же, как «во-вторых» и «во-первых». Заканчивая главу «Перед грозой», Мерецков в мемуарах написал: «Мы поступали исходя из указаний ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Генеральный штаб весной 1941 г. разработал план обороны государственной границы на год. План определял проведение мобилизации и развертывание Вооруженных Сил в случае войны...»⁸¹

Понятно, что Мерецков не только нагло соврал (как и Жуков), но и аккуратно

свалил все на Сталина, не называя его по имени, — всего лишь указал, что они «поступали исходя из указаний ЦК ВКП(б) и СНК СССР». Понятно, зачем он упомянул мобилизацию и развертывание сил. Ничего удивительного в этом нет.

Удивительно совсем другое — ведь никакого разработанного Генеральным штабом весной 1941 г. плана обороны государственной границы, определявшего к тому же и проведение мобилизации, и развертывание вооруженных сил НЕ БЫЛО, НЕ БЫЛО И ЕЩЕ РАЗ НЕ БЫЛО!!! И это собственноручно, письменно же признал не кто-нибудь, а лично Георгий Константинович Жуков. В своем секретном письме от 19 мая 1956 г. на имя главного тогда негодяя в ЦК КПСС — Н.С. Хрущева — Жуков так и написал: «У Генерального штаба не было законченных и утвержденных правительством оперативного и мобилизационного планов»!⁸²

ПРАВИЛЬНО! ТАКИХ РАЗРАБОТАННЫХ ПЛАНОВ У ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВРЕМЕН ЖУКОВА НЕ БЫЛО И ТОЧКА! БЫЛ ТОЛЬКО ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ, ОФИЦИАЛЬНО УТВЕРЖДЕННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СССР — ХОРОШО ИЗВЕСТНЫЕ ВСЕМ ИСТОРИКАМ «СООБРАЖЕНИЯ ОБ ОСНОВАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ НА 1940 И 1941 ГОДЫ» ОТ 18 СЕНТЯБРЯ 1940 Г., УТВЕРЖДЕННЫЕ 14 ОКТЯБРЯ 1940 Г.

ТЕ САМЫЕ «СООБРАЖЕНИЯ...», КОТОРЫЕ И БЫЛИ НЕЗАКОННО, НЕГЛАСНО И НЕОФИЦИАЛЬНО ПОДМЕНЕНЫ ДУЭТОМ ТИМОШЕНКО-ЖУКОВ НА УРОВНЕ НЕГЛАСНЫХ УСТНЫХ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ С КОМАНДОВАНИЕМ ТРЕХ ОСНОВНЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ ОСОБЫХ

⁷⁹ Мерецков К.А. На службе народу. М., 2003, с. 204.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, с. 212.

⁸² Ныне это письмо хранится в АП РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—30. Подлинник.

Дополнительный комментарий. Правда, тут следует иметь в виду, что когда дело дошло до написания мемуаров, то Жуков, естественно, «сменил пластинку». Проще говоря, стал утверждать обратное: «Сейчас некоторые авторы военных мемуаров утверждают, что перед войной у нас не было мобилизационных планов вооруженных сил и планов стратегического развертывания⁸³. В действительности оперативный и мобилизационный планы вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращалась никогда. После переработки они немедленно докладывались руководству страны и по утверждению тотчас же доводились до военных округов»⁸⁴.

Позже появился едва заметно подправленный вариант: «Сейчас некоторые авторы военных мемуаров утверждают, что перед войной у нас не было мобилизационных планов вооруженных сил и планов оперативно-стратегического развертывания. В действительности оперативный и мобилизационный планы вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращалась никогда. После переработки они немедленно докладывались руководству страны и по утверждению тотчас же доводились до военных округов»⁸⁵. Аналогичный текст появился и в десятом издании мемуаров Г.К. Жукова. Так и печатается до сих пор.

Другое дело, что Мерецков узнал об утверждении «Соображений...» лишь после того, как был снят с поста начальника Генштаба. Поскольку это полный маршальский бред по определению — ведь его сняли в середине января 1941 г., а документ был утвержден 14 октября 1940 г., когда он еще сидел в кресле начальника ГШ, — сразу же возникает вопрос. По-

чему он так по-идиотски открестился от того обстоятельства, что «Соображения...» были утверждены в период, когда именно он пребывал на посту начальника Генштаба, да еще и обозвал важнейший, совершенно секретный документ особой важности какой-то несурзной «оперативной запиской»? Еще более неудобный (прежде всего для Жукова) вопрос. Почему Мерецков, открестившись от своей причастности к утверждению «Соображений...» от 18.9./14.10.1940, спихнул факт разработки некоего плана обороны государственной границы на весну 1941 г., то есть на период правления Жукова, акцентируя внимание на том, что план предусматривал проведение мобилизации и развертывание Вооруженных сил в случае войны?

Тут следует иметь в виду одно обстоятельство. В своих мемуарах наши маршалы и генералы, как самые искусные жонглеры-фокусники, лихо жонглируют некоторыми важнейшими понятиями. В то время основу военного планирования на государственном уровне составляли три вида документов: Соображения об основах стратегического развертывания, Мобилизационный план и План прикрытия (обороны). Первый документ — это прогнозирующий возможное нападение наиболее вероятного противника, его силы, направления его главных ударов и стратегию его агрессии. В нем одновременно излагаются основы стратегии отражения агрессии. В том числе и направления сосредоточения основных сил для отражения агрессии, их количество и состав. Второй документ о том, как собрать и вооружить такие войска, чтобы реализовать такую-то стратегию отражения агрессии. Третий документ — это План прикрытия (обороны). В нем говорится о том, как войска должны действовать в случае нападения.

Так вот, маршалы очень часто умышленно подменяют один вид документов на другой, рассчитывая, очевидно, что широ-

⁸³ Жуков имел в виду мемуары маршала А.И. Еременко «В начале войны». М., 1964, с. 52, 53. Правда, прямое указание на Еременко появилось в десятом издании.

⁸⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1972, с. 210. Это однотомное издание мемуаров маршала.

⁸⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1978, с. 212. Это четвертое издание его мемуаров, которое печаталось по третьему изданию.

кие читательские массы не разберутся что к чему. Ну, так и в самом-то деле, разве обычный читатель, никогда в жизни не имевший никакого отношения к штабной работе, тем более на уровне Генерального штаба, разберется что к чему? Попробуйте, ничего не зная о штабной работе, разобраться, когда речь идет о мобилизационном плане, а когда о плане прикрытия, а когда о Соображениях об основах стратегического развертывания. Если их четко не называют, то, кроме хорошо подготовленных штабных работников, никто и не определит, о каком конкретно документе маршалы изволят брехать.

Мерецков впервые опубликовал свои мемуары в 1968 г. Первое же издание мемуаров Жукова вышло в 1969 г. Первое издание мемуаров Василевского — в 1974 г. И тогда вот что получается. Едва ли случайно, что и Василевский, и Жуков в своих мемуарах все списали на то, что это якобы именно Мерецков передал такое указание Сталина о назначении Юго-Западного направления главным для вермахта. Переиздать свои мемуары, тем более с опровергающими вранье Жукова поправками, Мерецков уже не мог. Да и архаровцы из числа цепных шакалов военно-партийной цензуры не дали бы ему этого сделать. Потому что все понимали, что в любом случае деваться некуда и надо хоть как-то объяснить, почему они «проморгали» главный удар вермахта по центру советской обороны, который прикрывал Западный округ. Не найдя ничего более умного и достойного, маршалы ударились в словесную эквилибристику, полагая, что это им поможет, и крайним в своем кругу сделали Мерецкова.

Например, Жуков так описал эту историю: «Еще осенью 1940 г. ранее существовавший оперативный план войны был основательно переработан, приближен к задачам, которые необходимо было решать в случае нападения (если честно, то такое выражение Жукова — просто хамство, столь характерное

для него. Проект этих соображений был подготовлен мудрейшим асом советского Генерального штаба, любимцем Сталина маршалом Борисом Михайловичем Шапошниковым. Это был один из самых образованнейших, если не самый образованный, высших советских офицеров того времени. И чтобы этот выдающийся ас стратегического планирования не понимал, какие задачи и как решать — ну что может быть глупее такого предположения. Впрочем, от Жукова еще и не такого можно было ожидать. — А. М).

Но в плане были стратегические ошибки, связанные с одним неправильным положением. Наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное направление — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское верховное командование в июне 1941 года сосредоточило и ввело в действие самые мощные сухопутную и воздушную группировки. (...)»⁸⁶ **Вследствие этого** пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении. При переработке оперативного плана весной 1941 года (февраль—апрель) мы этот просчет полностью не исправили.

И.В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана вес-

⁸⁶ Что означают эти квадратные скобки с многоточием - см. далее по тексту.

ной 1941 г. И.В. Сталин говорил: «Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну». И.В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. **Однако указанное предположение Сталина не учитывало планов противника на молниеносную войну против СССР\ хотя, конечно, оно имело свои основания**»⁸⁷.

Это 100%-ное вранье. Во-первых, потому, что «Соображения...» **были** утверждены осенью 1940 г. Во-вторых, никакой стратегической ошибки в единственном официально действовавшем плане нет. Как, впрочем, и не содержится там признания, что наиболее опасным направлением является Юго-Западное, оно же Украинское. Напротив, как уже неоднократно отмечалось, в обоих вариантах единственного официального плана — **«южном» и «северном»** — приоритетной задачей является прикрытие минского (то есть центрального в рамках обобщенного — Белорусского) направления, в том числе и в вариации «минско-псковское направление».

В четвертом издании мемуаров маршала, которое печаталось по третьему изданию и вышло в свет через пять лет после смерти Жукова, вместо последней фразы (выделена жирным курсивом) появилась совершенно иная формулировка: «Однако в прогнозе направления главного удара противника И.В. Сталин допустил ошибку»⁸⁸. Опять 100%-ное вранье. Потому как первичный прогноз возможных действий противника дает именно Генеральный штаб, а руководство страны вольно либо согласиться с таким прогнозом, либо нет, либо внести свои коррективы.

⁸⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1972, с. 210—211. Это одностомное издание мемуаров маршала.

⁸⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1978, т. 1, с. 213. Это четвертое издание его мемуаров.

Жуков же не указывает, что на самом-то деле произошло, зато лихо спихивает ответственность за прогноз на Сталина.

Более того. Также начиная с третьего издания на месте, где автор настоящей книги специально поставил выделенные жирным шрифтом квадратные скобки с многоточием, появилась фраза следующего содержания: «Именно Белорусское направление было кратчайшим к столице нашей Родины — Москве»⁸⁹. Ух ты, «осенило» все-таки через тридцать лет после начала войны! Вот бы тогда на него снизошло бы такое «озарение». Глядишь, и война пошла бы по-другому, и не было бы столь огромных жертв, прежде всего человеческих!

Также начиная с третьего издания вместо слов «вследствие этого»⁹⁰, выделенных жирным курсивом, появилось выражение «вследствие этой оплошности»⁹¹. К десятому изданию трансформировалось в словосочетание **«вследствие этой ошибки»** (здесь курсив по 10-му изданию)⁹². К 10-му изданию появилась и детализация начала приведенной выше цитаты. После словосочетания «основательно переработан» вместо указанных выше слов появились следующие: «...в связи с новыми политическими и военными задачами. Как известно, к этому времени наши северо-западная и западная государственная границы были передвинуты вперед до 300 километров. Возникла проблема: за короткий срок переработать планы обороны страны на новых границах. Но при решении этих важнейших задач были допущены серьезные стратегические ошибки»⁹³. Вот как становятся мудрыми на том свете!

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1972, с. 210. Это одностомное издание мемуаров маршала.

⁹¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1978, т. 1, с. 213. Это четвертое издание его мемуаров.

⁹² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990, т. 1, с. 332. Это десятое издание его мемуаров.

⁹³ Там же. с 331—332.

И, наконец, к тому же 10-му изданию фразы «При переработке оперативного плана весной 1941 года (февраль-апрель) мы этот просчет полностью не исправили» получила новую «редакцию», точнее продолжение: «...и не запланировали на западное направление большее количество сил»⁹⁴.

Опять 100%-ное вранье! Надо полагать, что после встречи в астральном мире с И.В. Сталиным Жуков получил от него зубодробильный разнос за такое наглое вранье от издания к изданию. Но поскольку самовольно подменив вместе с Тимошенко суть официального плана тогда, в 1941 г., он, будучи, естественно, не в силах что-либо изменить, решил с того света срочно подправить свои мемуары, да так, что от издания к изданию все больше они менялись. И всякий раз по оригиналу рукописи?! И только в антисталинском духе?! Не говоря уже о следующем. Ведь Жуков сам же собственноручно указал, что при нем Генеральный штаб не имел законченных и утвержденных правительством оперативного и мобилизационного планов. Врал четырежды брехун Советского Союза! Как, впрочем, и маршал Еременко. Один официально утвержденный правительством план был, но они его не только игнорировали, они его попросту подменили во всех аспектах, прежде всего суть и даже принцип обороны. Речь идет об упоминавшихся выше «Соображениях об основах стратегического развертывания...».

Все выше сказанное в данном случае—далеко не ёрничанье в адрес маршала и его мемуаров. И уж тем более далеко не страсть к разоблачению маршальского вранья. Из маршалов не врали только Рокоссовский и Голованов. А из остальных кто только не врал?! Если заниматься разоблачением всего того, что они наврали, то и жизни не хватит.

⁹⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990, т. 1, с. 332. Это десятое издание его мемуаров., с. 332.

За всей этой, мягко выражаясь, неприглядной историей стоит куда более существенное, чем призрачные основания для ёрничанья. Дело в том, что от издания к изданию получалось, что из своего астрального далека, Жуков все больше концентрировал вину за такой прогноз направления главного удара на Сталине, одновременно до минимума сводя свою собственную вину. Причем, говоря о своей и возглавляемого им Генштаба вине, Жуков оперирует словами «просчет», «оплошность». Ну да, это же не смертельно, подумаешь, 27 миллионов человек погибло из-за какого-то там «просчета» или какой-то «оплошности», за это же нельзя к стенке ставить начальника Генштаба. Когда же речь заходит о Сталине в рамках этой же темы, то он, оказывается, сначала «не учитывал планов противника на молниеносную войну», а затем, начиная с третьего издания, попросту ошибся, ибо Жуков стал применять слово «ошибка».

Если верить Жукову, то выходит следующее. Во-первых, что Сталин ни газет не читал, ни дипломатических депеш не просматривал, ни с разведывательными донесениями не знакомился — раз «не учитывал планов противника на молниеносную войну». И даже не слышал или не знакомился с докладом Жукова на декабрьском 1940 г. совещании высшего состава РККА, не слышал и не читал заключительной речи Тимошенко на том совещании. Проще говоря, вообще ни хрена ничего не знал, ни о чем не ведал и ничего не понимал. Во-вторых, он, оказывается, еще и был обязан за Генеральный штаб и его начальника «учитывать планы противника на молниеносную войну»?! Миль пардон, но что же тогда делал в кресле начальника Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, если Сталин за него должен был еще и «учитывать планы противника на молниеносную войну»?! Лампасы на генеральских портках полировал? Ну и ну! Хитрован, ох какой же хитрован был Георгий Константинович

или черт знает кто — тот, кто так дополнительно «отредактировал» последовавшие после смерти маршала издания его мемуаров. Врать-то надо тоже ловчее, желательнее с умом. А лучше всего не врать, ибо суровая дама по имени История все равно все расставит на свои места.

Молотов, между прочим, за многие годы своего знакомства и бесед с писателем Ф. Чуевым не один раз посчитал необходимым особо подчеркнуть по этому поводу, что Жуков, мягко выражаясь, говорил неправду и потому настоятельно рекомендовал осторожно ссылаться на маршала. Выше уже приводилось соответствующее высказывание Молотова. Важнейший свидетель, на глазах которого и разворачивалась эта история, что называется, одним щелчком превратил маршальскую ложь в прах. Да и как этой лжи было не рассыпаться в прах, если нет никаких документальных или иных, не допускающих двойного толкования, доказательств того, что именно Сталин именно так и приказал! А «сказки», пускай даже и маршальские, уж увольте — не только сыты по горло, но и обожрались сверх всякой меры! Едва ли не до потери исторического самосознания.

Принимавший непосредственное участие в разработке всех планов обороны маршал А.М. Василевский и вовсе не мудрствовал лукаво. Будучи политически и стратегически значительно грамотнее, да и умнее Жукова, Василевский напролом не пошел. Он сделал хитрее — он дал изысканно завуалированное объяснение, которое в итоге и означало, почему нельзя верить этой байке. Вот что он написал: «Вернемся, однако, к плану по отражению агрессии. Как нам рассказал К.А. Мерецков, при его рассмотрении И.В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того

фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на Юго-Западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на Юго-Западном направлении.

Требовалось в предельно сжатые сроки выполнить весь объем той колоссальной работы, который был связан с этим. Маландин, Анисов и я были обязаны не позднее 15 декабря закончить разработку всех соответствующих вопросов, касавшихся Наркомата обороны и Генерального штаба, учтя при этом проблемы, связанные с Наркоматом путей сообщения, а также определить задания соответствующим военным округам, с тем чтобы с 1 января 1941 г. командование и штабы округов могли приступить к разработке окружных планов»⁹⁵.

Обратите внимание, во-первых, на то, что Василевский не стал категорически утверждать, что-де Сталин именно же приказал считать главным для вермахта Юго-Западное направление. По его признанию, Сталин всего лишь высказал свою точку зрения. Согласитесь, что какая-никакая, но разница есть, к тому же принципиальная. Более того, основания для высказывания такой точки зрения у него были, и в порядке обмена мнениями при обсуждении наиважнейшего общегосударственного плана обороны сие было более чем естественно и уместно. Украина действительно являлась объектом особых вожделений фюрера, не говоря уже о том, что в те времена там был сосредоточен один из основных аграрных и индустриальных комплексов СССР, в том числе и предприятия ВПК. И не беспокоиться за судьбу такого региона, как, впрочем, и всей страны Сталин просто физически не

⁹⁵ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 110.

мог. Однако, будучи гениальным и трезво мыслящим геополитиком, политиком и стратегом, Сталин отдавал себе отчет в том, что планировавшаяся Гитлером война против Советского Союза преследует прежде всего политическую цель — уничтожение СССР-России и большевизма. Прежде всего как политического воплощения геополитической сущности России после 1917 г. Соответственно, исходя из такой политической цели, Украинское направление не могло являться приоритетным для выбора германским генеральным штабом и Гитлером в качестве направления главного удара. Да и вообще, если запланированная война преследует цель уничтожение государства противника, то достигается это прежде всего взятием столицы противника. Возьмите хоть войны прошлого, хоть войны настоящего времени и сами убедитесь в том, что во все времена так это было, есть и, очевидно, будет всегда.

Во-вторых, не указав, о каком конкретно документе он говорит, Василевский подчеркнул, что-де Генштабу было поручено переработать план к 15 декабря 1940 г. Однако и прежде всего непонятно, о каком конкретно плане он говорил. Понять это невозможно. Тем более если учесть, что в тот период, особенно после прихода Жукова в Генштаб, их стали плодить — все равно что блины печь. Кстати говоря, самый лучший способ угробить любое дело, это начать пародию на реформы и плодить планы о планах и директивы о директивах. Что, собственно говоря, и происходило в последние полгода перед войной. В раскрученной тандемом Тимошенко—Жуков крупномасштабной фантазмагорической бумажной круговерти исчезла даже тень намека на элементарно здравый смысл в планировании оборонительных мероприятий и действий по прикрытию. Не говоря уже о том, что всей этой бумажной волокитой до такой степени сбили с толку все командование на местах, что оно и не знало, за

что хвататься и что писать. Более того. Не говоря уже о том, что самые важные документы — пускай и наспех, но уже составленные планы прикрытия и обороны, так и не были представлены своевременно и соответственно не были утверждены НКО и ГШ. Они были представлены лишь непосредственно накануне войны, когда уже никому до них не было дела. Жукову тем более. И вовсе не случайно, что первые два вопроса в послевоенном опросе генералов, командовавших накануне войны войсками в западных округах, были сформулированы Сталиным следующим образом:

1. Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?

2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?

Далее. Переработать (или доработать) можно было только проект, но не официально утвержденный правительством план. Ибо план, а Василевский оперирует именно этим словом, — это уже официально действующий документ. Ведь уж кто-кто, но сам-то Василевский как один из главных разработчиков этого плана и просто грамотный, в отличие от Жукова, человек прекрасно знал, что 14 октября 1940 г. «Соображения...» от 18 сентября 1940 г. были утверждены Сталиным. Следовательно, о переработке какого конкретно плана и какой переработке плана к 15 декабря могла идти речь? Извините, но Сталин не был легкомысленной девицей, чтобы каждые пять минут менять свое мнение, тем более изменять только что подписанный документ. Тем более столь важнейший, как план обороны страны. Не говоря уж о том, что он вообще отличался особо тщательной проработкой всех доку-

ментов, тем более такого уровня и значения. И уж если ему и в самом деле было бы нужно, то он попросту приказал бы считать Юго-Западное направление главным для вермахта. Но он-то всего лишь высказал свою точку зрения — это более чем естественно при рассмотрении таких особо важных документов. В конце-то концов, свобода слова и высказывания своего мнения распространялась и на него. Да и где тот самый переработанный план?! Или, хотя бы его черновик?! Никто ничего не предъявил до сих пор.

Как представляется, речь шла не о «Соображениях...» от 18 сентября 1940 г., а о мобилизационном плане — вот он-то в то время еще был в проектной форме, да так в нем и остался, по признанию того же Жукова. В таком случае все становится на места. Тогда все понятно, проект этого плана действительно дорабатывали до середины февраля 1941 г., но доработан не был и, соответственно, так и не был утвержден. В хорошо известном всем гражданам России так называемом рабочем порядке использовался черновик проекта этого плана. Самого же, подчеркиваю, утвержденного правительством СССР мобилизационного плана не было. Правда, во всех изданиях мемуаров Жукова указано, что последний вариант мобилизационного плана был утвержден в феврале 1941 г. Но перед этим, также во всех изданиях, указано, что разработка и корректировка мобилизационного (а также оперативного) плана не прекращались никогда. Так вот и спрашивается, что же было утверждено и было ли утверждено на самом деле, если разработка и корректировка мобилизационного плана не прекращалась никогда?! Ответ очевиден.

Но вернемся к оперативно-стратегическому плану, как говаривал Жуков. Сталин прекрасно знал, что «Соображения...» от 18 сентября 1940 г. разрабатывались под руководством глубоководного им Бориса Михайловича Шапошникова, мнение которого после

советско-финляндской войны он стал ценить еще более высоко. Не говоря уж о том, что сам образ и суть стратегического мышления Сталина были идентичны позиции Шапошникова. С какой же стати он должен был так игнорировать мнение столь уважаемого им аса Генштаба, если всегда любил приговаривать: «А ну, послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!» (слова Василевского, кстати сказать).

В 1992 г. «Соображения...» от 18 сентября 1940 г. были рассекречены и переданы гласности. И когда была осуществлена их публикация, то все увидели, что она осуществлена именно в том виде, в каком они были утверждены тогда, 14 октября 1940 г. Никаких документальных свидетельств об официально санкционированной переработке этого плана к 15 декабря 1940 г. не найдено до сих пор. По крайней мере, до сих пор никто об этом и не заикался. Записка же наркома обороны и начальника Генштаба, адресованная Сталину и Молотову, начинающаяся со слов: «Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год» — не более чем фальшивка. Особенно в свете последних данных, состряпанная в порядке необходимости подтверждения брехологии маршалов о том, что-де Сталин приказал считать Юго-Западное направление главным для вермахта.

Спрашивается, зачем Василевский, а до него еще и Жуков, мягко выражаясь, навели тень на плетень?! Ведь если имел место факт* подмены сути официально утвержденного и действовавшего плана, то в таком случае выходит, что, наводя умышленно тень на плетень, они попросту пытались скрыть явившееся в конечном итоге особо опасным государственным преступлением, которое обернулось невероятной трагедией для всего

государства и его народов. Возникает и другой, не менее важный вопрос. На каком же основании происходила эта переработка плана, если, конечно, она происходила официально? Ведь если бы все было официально, то Генштаб обязан был бы руководствоваться не каким-то рассказом К.А. Мерецкова, тем более никак не подтвержденным впоследствии даже самим Мерецковым. Генштаб должен был руководствоваться постановкой задачи, которую обязаны были сделать нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба К.А. Мерецков: в военной иерархии, тем более, того времени, субординация соблюдалась очень жестко, особенно в таких вопросах. Да и Сталин действовал бы только через наркома обороны, ибо он отвечал в том числе и за Генштаб. Так что при чем тут сказки К.А. Мерецкова, тем более со слов Жукова или Василевского, на которые постоянно ссылаются, но о которых сам Кирилл Афанасьевич не написал ни слова, зато наплел такого, что за голову можно схватиться?! Единственное, что могло произойти и явно произошло, так это высказывание Сталиным пожелания об определенном дополнительном усилении обороны на Юго-Западном направлении ввиду громадного военно-экономического значения Украины. Пожелание вполне естественное и нормальное. Как ни крути, но Украина значительно больше Белоруссии по всем без исключения параметрам. Последовавшее вскоре решение о дополнительном усилении КОВО является подтверждением этого.

Обратите внимание также и на явно не случайное совпадение. Василевский со ссылкой на Мерецкова утверждал, что Генштабу было поручено к 15 декабря 1940 г. переработать план на предмет переакцентировки усилий на Юго-Западное направление. Однако ни в каких мемуарах нет ни малейшего упоминания о том, что это действительно было сделано. Хотя Василевский и упоминает о какой-то напряженной работе, в том числе и весной

1941 г. Но ведь не указывает же, какая именно работа была сделана. Не говорит, в отношении какого конкретно плана проводилась такая работа. Не констатирует факт, что она была именно сделана. И уж тем более помалкивает на тему о том, во что конкретно она вылилась! Нет никаких, не вызывающих подозрений и сомнений, архивных документов, подтверждающих хотя бы намек на слова Василевского. Во всяком случае, до сих пор никто ничего подобного не привел и не публиковал, а чтобы больше не ввергать читателей в неизвестность, скажу, что многократной переработке подвергался именно же черновик проекта мобилизационного плана. Именно об этом и написал Жуков в своих мемуарах. Но, во-первых, это документ совсем другого рода. А, во-вторых, это именно тот документ, постоянная переделка которого даже только в проектном виде может полностью дезорганизовать все остальное военное планирование. Прежде всего разработку планов прикрытия и обороны, потому как они намертво привязаны именно к мобилизационному плану. Что, собственно говоря, и имело место быть в первом полугодии 1941 г.

Что же до официально утвержденных правительством СССР 14 октября 1940 г. «Соображений...», то там, как ни разглядывай его, указаны два варианта возможного развертывания сил вермахта против СССР. В качестве наиболее вероятного направления развертывания сил вермахта там указано направление к северу от устья р. Сан. Так и написано: «...Германия, вероятнее всего, развернет главные силы к северу от устья р. Сан...»⁹⁶ Как видите, и Жуков, и Василевский попросту солгали. Ведь и слепому же видно, что в документе наиболее опасным считалось направление удара к северу от устья р. Сан.

Зачем маршалам понадобилось так лгать?! Из-за подмены?! Но в таком слу-

⁹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. С. 197—244.

чае они попросту расписались в своем особо опасном преступлении, приведшем к невероятной трагедии и массовой гибели советских людей!

Украинский же вариант обозначен в документе следующей формулировкой: «Не исключена возможность, что немцы с целью захвата Украины сосредоточат свои главные силы на юге... для нанесения главного удара в общем направлении на Киев»⁹⁷. Как видите, всего лишь «не исключена возможность» такого варианта событий. Но резюмируя возможные варианты развертывания главных сил вермахта, в «Соображениях...» опять прямо указывается, что «основным, наиболее политически выгодным для Германии, а, следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, т.е. с развертыванием наземных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан»⁹⁸. И это называется «Сталин приказал считать главным направлением германского удара Юго-Западное»?! Ну зачем же так нагло врать-то?!

Тем более что в пятом разделе «Соображений...», озаглавленных «Основы нашего стратегического развертывания на Западе», прямо говорится: «Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстоятельств, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем, чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислава) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней. Окончательное решение на развертывание

будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны; в условиях же мирного времени считаем необходимым иметь разработанными оба варианта»⁹⁹.

Проще говоря, никакого приказа Сталина считать в качестве главного для вермахта Юго-Западное направление, на котором якобы будет нанесен его главный удар, НЕ БЫЛО!!! Ни в сентябре, ни в октябре 1940 г. НЕ БЫЛО!!! И далее тоже. Так как же получилось, что все поверили, что-де Сталин приказал такое?!

Во-первых, безмерно виноваты в этом маршалы и поголовное, безотчетное доверие к их словам со стороны советских людей, в том числе и исследователей. Ну, как же, прославленные полководцы, врать не будут. Будут! И еще как! Не врал только великие маршалы К.К. Рокоссовский и А.Е. Голованов. А если у остальных хватило «чести и мужества» смолчать на XX съезде КПСС, с трибуны которого Хрущев ничтоже сумняшеся поливал отборной грязью Сталина, в том числе по вопросу о начале войны и ее ведения, то, вне всякого сомнения, в дальнейшем они только врал. В том числе и на эту тему. Жуков особенно. После съезда Жуков еще и такое грязное клеветническое письмо состряпал о Сталине, что только и остается, что диву даваться насчет наличия и качества совести маршала, его чести и порядочности. Но ему же надо было отбрезаться за катастрофу Западного фронта, которая и привела супостатов едва ли не к стенам древнего Кремля. Не говоря уже о том, что надо было спихнуть на Сталина и ответственность за расстрел едва ли не всего командования Западного фронта. Не на себя же Жуков должен был брать ответственность за фактически преступную подмену сути и замысла официального плана, что в итоге и привело к невероятному успеху гитлеровцев именно на Западном направлении.

⁹⁹ Там же.

⁹⁷ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239, с. 197—244.

⁹⁸ Там же.

Во-вторых, именно здесь уместно напомнить, как начиналась история с прогнозом направления главного удара вермахта на Юго-Западном направлении (для гитлеровского командования — Юго-Восточном направлении). Как отмечалось еще в первом томе, первым за вермахт главный его удар на Юго-Западное направление стал переносить именно выходец из КОВО — лично нарком обороны Тимошенко. И это при условии, что в момент, когда он стал это делать, еще не было никаких данных о конкретном плане гитлеровской агрессии, ибо у самого гитлеровского командования еще не было такого плана, а всего лишь предварительные наметки и разработки. Наметки и разработки, о которых к тому же ничего не было известно, кроме того, что происходит резкое нарастание угрозы нападения. Когда летом 1940 г. мудрый Шапошников — как начальник Генерального штаба до 15 августа 1940 г. — впервые доложил Тимошенко проект «Соображений...», то последний изволил выразить недовольство тем, что в документе главенствующее (по политическим соображениям) значение было придано группировке вермахта севернее Варшавы, а также в Восточной Пруссии. Тимошенко не ограничился выражением недовольства. Он стал настаивать на том, чтобы был разработан вариант, по которому основные силы гитлеровцев развернулись бы южнее Варшавы. То есть на направлении КОВО. Подчеркиваю, что свое недовольство он выразил в ситуации, когда было ясно и понятно только одно — происходит резкое нарастание угрозы вооруженного столкновения с нацистской Германией и как следствие этого переброска ряда частей и соединений вермахта к советским границам. Никаких данных, позволявших в тот момент сделать более или менее обоснованный вывод о наиболее вероятном направлении главного удара вермахта, ни по какой линии еще не поступало. К тому же как в проекте, так и в уже принятом единственном официальном плане — «Соображения об основах развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы» от 18 сентября/14 октября 1940 г. — прямо было указано, что «документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает»¹⁰⁰. Что послужило первоначальным импульсом для упомянутого «пожелания» наркома, понять весьма трудно, если, конечно, не учитывать более чем справедливого и обоснованного намека маршала М.В. Захарова, о котором также говорилось в первом томе. Но именно его намек и придется учитывать в первую очередь. Причем прежде всего как констатацию факта сложившейся в высшем военном руководстве СССР так называемой киевской мафии. Потому что на фоне двухкратного подчеркивания мудрым Борисом Михайловичем особой предпочтительности для верховного командования нацистской Германии северного варианта развертывания главных сил вермахта Тимошенко продолжал настаивать на своей точке зрения. Последний раз это имело место 15 августа — именно эта дата стоит на проекте «Соображений...», в последний раз подписанных Шапошниковым. Кончилось это тем, что явно по настоянию Тимошенко Сталин снял Шапошникова с поста начальника Генерального штаба (откровенно говоря, Б.М. Шапошников действительно страдал «букетом» серьезных болезней и подолгу не мог работать, так что основная причина его снятия — медицинская, хотя, как правило, ее не указывают). Однако назначил на этот пост К. А. Мерецкова, не являвшегося членом мафиозного клана выходцев из КОВО. Хотя и этот тоже долго не удержался на посту начальника Генерального штаба.

Более того. Еще в первой книге подчеркивалось одно обстоятельство, кото-

¹⁰⁰ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239, с. 197—244.

рое любого вгонит как минимум в шок. Хронологически проявление недовольства Тимошенко по вопросу об определении главного направления сосредоточения основных сил вермахта почему-то совпадает с указанием штаба ОКВ абверу от 6 сентября 1940 г. о мероприятиях по дезинформационному прикрытию подготовки к нападению на СССР, в п. 2 которого прямо говорилось следующее: «2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы Генерал-Губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика». Проще говоря, создавать впечатление, что все усилия германского командования сдвинуто на Юго-Восточное направление, которое для советского командования означало Юго-Западное.

Естественно, что на основании только этого факта не может зародиться стремление к каким бы то ни было категорическим утверждениям и тем более выводам. Более того. Это совпадение по времени могло быть чистой случайностью, что скорее всего и имело место быть. Однако трудно отделаться от мысли о том, что уж больно нелепое совпадение получается... Впрочем, это всего лишь личное мнение автора, которое никого и ни к чему не обязывает.

Поразительно, что когда ГРУ осенью 1940 г. стало фиксировать тщательно маскируемые переброски гитлеровских войск, прежде всего в Восточную Пруссию и Польшу, то это означало, что прогноз Шапошникова начал сбываться. Сейчас оно понятно почему: Гитлер еще 31 июля 1940 г. определил первые два направления удара: один на Прибалтику и Белоруссию, другой на Украину. Тогда в германском военном планировании превалировал традиционный вариант двухсторонних «клещей». К середине сентября появился и северный вариант главного удара, изложенный в известном истори-

кам «этюде Лоссберга». Затем, 26 ноября, практически с дословной аргументацией, что и в предыдущем случае, появился проект Генштаба вермахта, излагавший также северный вариант главного удара. Конечно, всего этого тогда ГРУ не знало. Во всяком случае по тем данным, которые официально рассекречены и преданы гласности путем различных публикаций, сделать иной вывод пока невозможно. Но фиксируемые военной разведкой, а также разведкой пограничных войск переброски частей вермахта именно в Восточную Пруссию и Польшу вполне могли бы отрезать Тимошенко. Или, по крайней мере, заставить призадуматься над этим фактом. Увы, выбритая до зеркального блеска «большая голова с куриными мозгами» не отреагировала на эти данные разведки...

Вместо этого произошло вот что. Явно не без вразумляющего содействия Тимошенко в декабре 1940 г. из КОВО в Генштаб за подписью начальника штаба КОВО генерала М.А. Пуркаева (в тот момент именно Жуков командовал войсками этого округа) пришла записка, в которой говорилось, что именно на КОВО придется главный удар вермахта¹⁰¹.

Обоснование важного вывода было, мягко выражаясь, более чем жиденькое. Подчеркиваю, что именно же мягко и дипломатично выражаясь. Тем не менее бумага ушла в Генштаб. Сами понимаете, что без согласия командующего округом начальник штаба округа не мог направить такую записку в Генштаб. Проще говоря, Жуков был в курсе. Еще раз обращаю внимание на то, что эта записка поступила до первых информационных сиг-

¹⁰¹ Документ имел следующее название — «ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА КОВО ПО РЕШЕНИЮ ВОЕННОГО СОВЕТА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ПО ПЛАНУ РАЗВЕРТЫВАНИЯ НА 1940 ГОД». ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 277. Заверенная копия. Документ был опубликован как не имеющий номера и даты (вместо даты указано, что «не позднее декабря 1940 г.») в первом томе известного сборника документов «1941 год» под № 224.

налов разведки о появлении у военного командования Германии конкретного плана агрессии против СССР. Они, как известно, поступили в самом конце декабря, а докладная — в середине, а готовилась она и того ранее. Первые же разведданные на этот счет были очень неконкретные, расплывчатые и даже ГРУ в тот момент не могло определить направления главного (главных) удара (ударов) вермахта. Это произойдет примерно три месяца спустя, к 20 марта 1941 г.

Так вот и спрашивается, откуда же Пуркаев и Жуков могли знать о намерениях противника, если даже ГРУ еще ничего толком не знало?! Списывать же на какую-то их прозорливость, особенно Жукова, на что он постоянно намекал в мемуарах, статьях и устных выступлениях, — нет ни малейших оснований. Не обладал он таким качеством. А если порой во время войны и создавалось такое впечатление, то в том особой его заслуги нет — это заслуга прежде всего разведки, а также штабных работников, находившихся в его окружении, а не его «мыслительного аппарата».

Не был провидцем и генерал М.А. Пуркаев, незадолго до назначения начальником штаба КОВО являвшийся военным атташе СССР в Германии. За Пуркаевым числится одна неприглядная история. В Германии он самым банальным образом угодил в так называемую медовую ловушку, которую ему «заботливо» организовала германская военная разведка — абвер. Проще говоря, Пуркаева «пришучили» на специально подставленной ему в качестве домохозяйки бабенке по имени Марта с предъявлением соответствующих фотографий вполне понятного и известного содержания. После чего произошло, мягко выражаясь, очень удивительное. Пуркаев немедленно рванул в Москву, где обо всем честно доложил и предъявил фотографии, отданные ему немцами на память. Дело дошло до Сталина, однако Иосиф Виссарионович, оценив его честность, зачем-то приказал оставить Пуркаева в покое и разрешил вновь отпра-

вить его в Берлин для выполнения функций военного атташе, но с запретом вести разведывательную деятельность.

Неугомонные защитники чести генеральского мундира утверждают, что ничего подобного не было, что генерал Пуркаев был морально устойчив, как мрамор (кстати, Мрамор — его оперативный псевдоним). Вот только принципиальная неувязочка получается у этих защитников. Если Пуркаев был морально устойчив, то, миль пардон, каким же макаром абверовцы смогли бы состряпать компрометирующие его фотографии?! Ведь даже для фотомонтажа нужна хоть какая-то основа.

Но если обратиться к мемуарам Главного маршала авиации А.Е. Голованова, то всякий может узнать, что такой инцидент действительно произошел с Пуркаевым. Немцы подарили ему аж целый пакет фотографий, на которых он был запечатлен вместе с этой немкой, как говорится, в интересном положении. Голованов лично слышал эту историю непосредственно из уст самого Пуркаева, который рассказал ее по просьбе Жукова во время одной из встреч на фронте¹⁰².

♦

Справка. Небезынтересно заметить, что до войны по просьбе Л.М. Сандалова Пуркаев представил эту же историю совершенно в ином виде. Примерно в таком же виде, за какой недавно обвинили бывшего президента Международного валютного фонда Доменика Строскана. Что-де он якобы посягнул на честь помогавшей ему в изучении немецкого языка учительницы-немки, а та в качестве доказательства попытки изнасилования представила в МИД Германии синяки да ушибы на своем теле. За это якобы и выдворили Пуркаева¹⁰³.

А вот теперь не считите за труд внимательно проанализировать всю эту си-

¹⁰² Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941—1945. М., 2008, с. 287—288.

¹⁰³ См.: Сандалов Л.М. На Московском направлении. М., 2010, с. 50—51.

туацию в целом. И посмотрите, что у вас получится. 6 сентября 1940 г. штабом ОКВ абверу дается указание о мероприятиях по дезинформационному прикрытию подготовки к нападению на СССР, в п. 2 которого прямо говорилось следующее:

«2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы Генерал-Губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика». То есть создавать впечатление, что все усилия германского командования сдвинуты на Юго-Восточное направление, которое для советского командования означало Юго-Западное.

Практически одновременно на предпочтительности Юго-Западного направления для вермахта начинает настаивать Тимошенко. И ведь это же надо было случиться столь невероятному совпадению. Практически одновременно, сиречь в начале сентября 1940 г., в КОВО, которым командовал Жуков, а начальником штаба округа уже был назначен Пуркаев, прошли учения 6-й армии округа по сценарию (немедленного) превентивного встречно-лобового контрблицкрига на Юго-Западном направлении, да еще и с Львовского выступа. Исходная «печка «замысла»» учений—тевтоны якобы планируют на Юго-Западном направлении нанести свой главный удар?!

Заметьте при этом, что подготовленный Шапошниковым проект «Соображений...» еще не рассматривался — это произойдет только 18 сентября 1940 г. И Сталин тоже еще не рассматривал этот проект. А вот Жуков с Пуркаевым уже собрались в контрблиц-«Дранг нах Вестен»-криг с Юго-Западного направления! Да еще и в унисон бурчанию Тимошенко, возжелавшему, чтобы супостаты-тевтоны запланировали свой главный удар именно на Юго-Западном направлении. Супостаты же, между прочим, пораскинув мозгами и ссылаясь на успехи абвера на

Украине (речь идет о содержании одного из параграфов предтечи «Варианта Барбаросса» — «этюда Лоссберга»)¹⁰⁴, в это время уже фактически склонялись к отказу от нанесения главного удара на этом направлении. К слову сказать, еще в конце июля 1940 г. начальник генерального штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдер уже был убежден, что «наступление, предпринятое из района сосредоточения в Восточной Пруссии и северной части Польши в общем направлении на Москву, будет иметь наибольшие шансы на успех»¹⁰⁵.

Гальдер видел преимущество такого варианта стратегического замысла в том, что помимо прямой угрозы, создаваемой Москве, наступление с этих направлений поставит в невыгодное положение группировку войск Красной Армии на Украине, вынуждая их вести оборонительные сражения повернутым на север фронтом (оно так и вышло в 1941 г.).

В конце концов, суммировав все разработки и тщательно и проанализировав, супостаты утвердили северный вариант в качестве основного, а Юго-Восточное (для советской стороны — Юго-Западное) направление превратилось всего лишь в одно из трех направлений. А чуть позже и ГРУ стало фиксировать переброски войск согласно утвержденному супостатами северному варианту развертывания вермахта.

А в декабре 1940 г., уже как начальник штаба КОВО, Пуркаев готовит упомянутую выше записку, в которой дается обоснование предпочтительности Юго-Западного направления в качестве направления главного удара вермахта. И этим обосновывает необходимость (немедленного) превентивного встречно-лобового контрблицкрига на Юго-Западном направлении и направляет сей перл стратегического планирования в Генеральный штаб.

¹⁰⁴ См.: Безыменский Л.А. Особая папка «Барбаросса». М., 1972, с. 206.

¹⁰⁵ The German Campaign in Russia. Planning and Operations (1940—1942). Washington, 1955, p. 4.

Вне всякого сомнения, такого количества фактов тоже явно недостаточно для более или менее серьезного вывода, хотя бы и в предположительном порядке. Единственное, на что автор имеет право, так только на фиксацию этих фактов на бумаге. А также на проведение частичной аналогии с делом Тухачевского. Дело в том, что, согласно его собственноручным показаниям следствию, во время встречи с германским генералом Рундшtedтом в Лондоне на похоронах короля Георга V последний втолковывал в скором будущем «невинной жертве» сталинизма, что поражение советских войск надо готовить на Украинском направлении. Проще говоря, сосредоточить основные силы РККА на этом направлении. Между тем уже в то время германский генералитет полностью встал на точку зрения генерала Секта. Напоминаю, что Г. фон Сект считал необходимым наносить главный удар по центру фронта обороны противника, в том числе и при нападении на СССР. А предложение Рундшtedта и собственноручные показания Тухачевского о некоем доминирующем приоритете Украинского направления в германском военном планировании в конечном итоге означали попытку отвлечения основных сил и средств РККА на негодное направление при одновременном ослаблении наиболее опасного направления — Белорусского. Сидя на нарах, Тухачевский так и изобразил грядущую стратегию Гитлера. Белорусское направление — фантастика, Прибалтийское — второсортное, а Украинское — главное.

И вот проходит практически четыре года, и на новом витке противостояния происходит почти полная реанимация той ситуации. Тимошенко хрен знает на каком основании желает, чтобы тевтоны наносили свой главный удар на Юго-Западном направлении. Получивший в качестве начальника штаба округа Пуркаева Жуков организывает учения 6-й армии, исходная печка которых — тевтоны воз-

намерились нанести свой главный удар на Юго-Западном направлении и потому необходимо вдарить по ним немедленным превентивным встречно-лобовым контрблицкригом. Ну, а Пуркаев, после общения с тевтонами в бытность военным атташе, также хрен знает на каком основании — оно не то чтобы очень жиденькое, но просто беспутное (и это еще мягко будет сказано), — настаивает на приоритете для германского командования Юго-Восточного (для советского командования — Юго-Западного) направления. И при этом утверждает, что именно на этом направлении тевтоны будут наносить главный удар. А в декабре и вовсе выдвигает идею превентивного встречно-лобового контрблицкрига для срыва замысла супостатов — на этот раз уже силами всего округа, превратившегося в его записке в Юго-Западный фронт. При этом сей стратегический перл начальника штаба КОВО, с одобрения командующего округом Жукова направленный в ГШ, поразительным образом попадает в унисон аналогичным чаяниям наркома обороны насчет Юго-Западного направления.

В понятиях военной разведки подобная ситуация означает единовременное создание канала продвижения стратегически важной дезинформации, цель которой — вынудить противника добровольно принять решение, которое неминуемо, неизбежно ведет только к катастрофическим последствиям» Не имея права утверждать что-либо категорично, тем не менее не могу не сказать о том, что не дает покоя в этой связи: ***как могло случиться столь поразительное своей логичностью параллельно-последовательное совпадение?!***

В-третьих, когда закончилась эпоха всеобщего идолопоклонничества негодным кумирам, открылись некоторые архивы и наконец стало возможным хоть чуточку детальней разобраться с тем, что тогда произошло, всех ожидал подлый сюрприз. По-другому и не назовешь. Многократно

упоминавшиеся выше «Соображения...» опубликовать-то опубликовали, но не без столь характерной для нашей пропаганды (в том числе и в области истории) подлости. Дело в том, что при публикации одного документа в «Военно-историческом журнале» (№ 1, 1992) были опубликованы листы с 1-го по 14-й и 37-й из 37 листов этого документа. Причем пропуск текста никак не был обозначен. Из-за этого возникла масса недоразумений, рассмотрение которых в данном случае выходит за рамки нашего расследования. Для нашего расследования интерес представляет вот что. Именно публикация листов № 1—14 и привела к тому, что создалось однозначное впечатление, что Сталин якобы приказал считать Юго-Западное направление главным для вермахта. Посмотрите, как ловко, но подло по отношению к исторической правде это было сделано.

В пятом разделе «Соображений...», озаглавленных «Основы нашего стратегического развертывания на Западе», после уже приводившейся выше фразы «окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны; в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными оба варианта», указано: «Первый вариант — развертывание к югу от Брест-Литовска..... При развертывании вооруженных сил СССР по этому—основному варианту предлагается следующая группировка...»¹⁰⁶

В результате столь нехитрого приема публикации листов 1—14, где изложен только один вариант — «к югу от Брест-Литовска», — в связи с чем он и назван в этом разделе основным, но именно же и только в этом разделе, всем ненавязчиво создали, скорее даже вдолбили впечатление, что вот оно последствие указания Сталина о главенстве для вермахта Юго-Западного направления!

¹⁰⁶ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239, с. 197—244.

Но если бы сразу был опубликован и второй вариант — «к северу от Брест-Литовска», — то такое впечатление не могло бы возникнуть. Увы. Подлецы знали, как публиковать, чтобы все получилось в унисон маршальской брехне о вине Сталина. Только вот как всегда не учли одного—НЕ В СИЛЕ БОГ, НО В ПРАВДЕ! Проще говоря, не в силе приказа, как публиковать наиважнейший документ. Правда была в том, что при публикации умышленно оскостили документ на 22 листа, но не смогли скрыть этот факт. Уже только одного этого вполне достаточно, чтобы понять, что никакого приказа Сталина насчет Юго-Западного направления как направления главного удара вермахта попросту не было. Не говоря уже о том, что для германского командования не Юго-Западное направление якобы должно было представлять первостепенный интерес, а только Юго-Восточное. Ведь тевтоны собирались в «Дранг нах Остен», то бишь на Восток. И какого же хрена они должны были размышлять о западном направлении, пускай даже и в вариации Юго-Западного направления?! Соответственно и Сталин не мог размышлять и тем более приказывать в тех идиотских дефинициях, которые благодаря маршалам и всевозможным толкователям их мемуаров нам старательно навязывали. Ну, а если учесть еще и невероятный разной в маршальской брехне, то и вовсе не о чем разговаривать.

Но и это еще не все. При всем том, что опубликовали только «первый вариант» — развертывание наших войск к югу от Брест-Литовска, — не позаботились оскостить раздел общих задач и задач каждого из фронтов. А вот там-то и содержится мощнейший смертельный удар, что называется, прямо в «солнечное сплетение» всем, кто и по сей день истово бубнит о вине Сталина за выбор Юго-Западного направления в качестве главного для вермахта. В трех местах этого раздела говорится об одном и том

же. То есть о необходимости активной обороной и активными действиями по сковыванию противника прочно прикрыть минское направление (как центральное в рамках общего понятия Белорусское направление» — А. М), в том числе и в сочетании с аналогичным прикрытием Риги-Псковского направления. Это задача № 4 (из числа главных задач), задача № 2 для Северо-Западного фронта и основная задача для Западного фронта. То есть задача прочного прикрытия со всех сторон именно минского направления была поставлена как всеобщая генеральная и потому сразу двум округам — Прибалтийскому и Западному особым военным округам, которые в случае войны и должны были преобразоваться соответственно в Северо-Западный и Западный фронты. Естественно, что в «северном варианте» мы увидели бы то же самое. Но его не опубликовали сразу. Он появился лишь в 1998 г.

Ну и где тут приказ Сталина о назначении Юго-Западного направления главным для вермахта?! Где, если даже при развертывании наших войск по южному варианту сразу в трех местах одного раздела сразу двум округам была указана наиважнейшая задача — прочного прикрытия именно минского направления как центрального в рамках общего Белорусского направления?! Неужели непонятно, что Сталин прекрасно понимал, какое значение захвату столицы очередной жертвы агрессии, а СССР тем более, придавал Гитлер?! Неужели не понятно, что Сталин прекрасно осознавал, что Западное (то есть Белорусское) направление есть наиболее короткий и, увы, «традиционный» для всех нападавших на Россию с Запада агрессоров путь в центр страны, к ее столице — нашей златоголовой красавице Москве?! Ведь даже приводившийся ранее факт молниеносно проведенной 18 июня 1941 г. воздушной разведки вдоль линии границы в полосе

компетенции именно Западного особого военного округа уже сам по себе говорит о том, что особое стратегическое значение Сталин придавал именно западному направлению!

В своей посмертной книге «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год» известный советский разведчик П.А. Судоплатов прямо указал, что Сталин сделал не только безошибочный вывод о неизбежности войны с Германией, но и о том, «что главным театром военных действий станет западное направление»¹⁰⁷. Правда, дал этому весьма странное объяснение — мол, «эти выводы были сделаны не на основе документальных данных о конкретных замыслах противника, а благодаря компетентной ориентировке в военно-экономической и внешнеполитической обстановке»¹⁰⁸. Документальных данных о «Варианте Барбаросса» накануне войны действительно не имелось. Однако в достаточном изобилии имелась иная разведывательная информация, позволявшая всем знакомившимся с ней сделать вполне адекватные выводы. В том числе картографическая схема прототипа «Варианта Барбаросса» (хотя само название плана агрессии не было известно). Так что трудно понять, на чем было основано такое объяснение Судоплатова. Ведь в реальности-то имело место и то и другое. То есть и блестящая, выше всяких похвал ориентация благодаря энциклопедической эрудиции Сталина в сложнейших вопросах войны и мира, глобальной политики, экономики, стратегии, геополитики и т.п. И, естественно, блестящая информированность благодаря информации разведывательных служб, дипломатов, журналистов и т.д. Впрочем, в любом случае важно прежде всего то, что он, как и советское правительство в целом, считал, что главным театром военных действий

¹⁰⁷ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001, с. 156.

¹⁰⁸ Там же.

станет именно Западное направление, то есть Белорусское направление.

Так откуда же взялась и какой конкрет-но цели служит несносно лживая байка о том, что Сталин якобы приказал считать Юго-Западное направление направлением главного удара вермахта?! Ведь видно же, что в действительности этого не было. Объяснение же таково.

Выше уже предлагалось обратить внимание на то, что Василевский не утверждал категорически, что-де Сталин приказал считать главным для вермахта Юго-Западное направление, что, по его признанию, Сталин всего лишь высказал свою точку зрения. Еще раз хочу привлечь внимание к тому, что какая-никакая, но разница тут есть, к тому же принципиальная. Более того, основания для высказывания такой точки зрения у Сталина были, и в порядке обмена мнениями при обсуждении наиважнейшего общегосударственного плана обороны сие было более чем естественно. В представлении фюрера Украина действительно являла собой лакомый кусок. Не говоря уже о том, что в те времена там был сосредоточен один из основных аграрно-индустриальных комплексов СССР, в том числе и предприятия военно-промышленного комплекса. И не беспокоиться за судьбу такого региона, как, впрочем, и всей страны, Сталин просто физически не мог. Однако этим объяснение далеко не исчерпывается. Есть еще не менее важные составляющие адекватного реалиям истории объяснения.

Прежде всего следует иметь в виду, что даже если и согласиться с тем, что Сталин всего лишь высказал пожелание о некотором дополнительном усилении Киевского особого военного округа, а именно он-то и прикрывал Юго-Западное направление, то всенепременно следует принять в расчет следующее. Во-первых, в момент обсуждения и утверждения упомянутых «Соображений...» еще не поступало никакой конкретной информации о том, что Гитлер и германское военное командование при-

няли какой-то конкретный план агрессии, согласно которому направлениями главных ударов числятся такие-то. В тот период шла информация о резком нарастании угрозы вооруженного столкновения с Германией и о перебросках частей и соединений вермахта к советским границам. По информации такого рода еще невозможно было сделать какой-либо однозначный или, по меньшей мере, прогнозно-вероятностный, но квалифицированный разведывательно-аналитический вывод о том, что противник концентрирует главные силы на таком-то или таком-то направлении. Переброска соединений вермахта осуществлялась в разные районы границы между двумя государствами. Тем более что она с самого начала сопровождалась массовой дезинформационной кампанией, разоблачить которую и вскрыть подлинные планы на том этапе было невозможно или по меньшей мере крайне затруднительно. Ни у разведки Лубянки, ни у ГРУ, ни у Оперативного управления ГШ — этого «мозгового центра» Генштаба, — в тот момент не было никаких серьезных оснований для серьезных же выводов о направлениях главных ударов. Основания были только для глобального вывода — происходят:

а) резкое нарастание угрозы вооруженного столкновения с гитлеровской Германией; б) переброска германских войск к советским границам. Аналогичные основания были и у Сталина. Первая информация о том, что Гитлер и его генералы разработали какой-то план агрессии против СССР,

поступила только в самом конце декабря 1940 г. Однако она была настолько расплывчата и неконкретна, что из нее можно было понять лишь одно — Гитлер формировал свое принципиальное решение о войне против СССР в некий план. Подробная информация об этом плане пошла уже в 1941 г., в основном, начиная с февраля — марта 1941 г.

Поэтому вовсе не удивительно, что третий раздел «Соображений...», озаглавленный «Вероятные оперативные планы

противника», начинался с фразы: «Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает». Собственно говоря, именно поэтому и не должно удивлять наличие в «Соображениях...» двух вариантов возможного развертывания войск противника. Тем более не должно удивлять и то, что в них фигурировало Украинское направление. Украина издавна привлекала внимание Запада, Германии особенно. Украинская карта с особым рвением разыгрывалась Западом в подстрекательских целях еще в конце 30 гг. А вообще-то, если утверждать следующее. Сталину еще до 22 июня были известны запланированные гитлеровским командованием маршруты агрессии в тех двух вариантах, о которых шла речь в главе «Как Гитлера заставили напасть на Советский Союз по “Варианту Барбаросса”⁹⁹». Именно поэтому-то Сталин и усиливал КОВО перед войной, понимая глубинное значение последствий прорыва супостатов именно на этом направлении вне зависимости от того, по какому варианту они начнут свою агрессию. Потому как абсолютно точно знал подлинный вектор грядущей агрессии Гитлера на южном и юго-восточном направлениях. Проще говоря, Сталин умышленно создавал особо укрепленный защитный вал именно на этом направлении. Один чрезвычайно любопытный факт. Уже 2 и 9 октября 1941 г. Сталин отдал первые распоряжения о подготовке стратегической обороны на Кавказском и Сталинградском направлениях¹⁰⁹. Проще говоря, через две-три недели после грандиозной Киевской катастрофы. Дальнейший вектор развития гитлеровской агрессии ему был абсолютно ясен уже тогда. Потому как он его знал точно.

Так что пожелание Сталина о некотором дополнительном усилении нашей группировки на Юго-Западном направлении ничем сверхъестественным не выделялось. Но это с одной стороны.

С другой же стороны, необходимо принять во внимание и давние, никогда не менявшиеся взгляды Сталина на особое значение геополитического положения Кавказа, по отношению к которому Украина, будь она захвачена врагом, откроет прямой путь в этот регион. И в этой связи вынужден напомнить, что еще в 1920 г. Сталин убежденно и обоснованно считал: «Важное значение Кавказа для революции определяется не только тем, что он является источником сырья, топлива и продовольствия, но и положением его между Европой и Азией, в частности, между Россией и Турцией, и наличием важнейших экономических и стратегических дорог (Батум — Баку, Бапум — Тавриз, Батум — Тавриз — Эрзерум). Все это учитывается Антантой, которая, владея ныне Константинополем, этим ключом Черного моря, хотела бы сохранить прямую дорогу на Восток через Закавказье. Кто утвердится, в конце концов, на Кавказе, кто будет

пользоваться нефтью и наиважнейшими дорогами, ведущими вглубь Азии, революция или Антанта, — в этом весь вопрос». Даже такой яркий антисталинист, как американский историк У. Та-кер — автор известной книги «Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и Личность», — назвал процитированное высказывание Сталина таким образом геополитического реализма, «от которого загорелись бы глаза у доктора Хаусхофера, немецкого теоретика геополитики».

Современный уровень исторических знаний позволяет вполне категорично утверждать следующее. Сталину еще до 22 июня были известны запланированные гитлеровским командованием маршруты агрессии в тех двух вариантах, о которых шла речь в главе «Как Гитлера заставили напасть на Советский Союз по “Варианту Барбаросса”⁹⁹». Именно поэтому-то Сталин и усиливал КОВО перед войной, понимая глубинное значение последствий прорыва супостатов именно на этом направлении вне зависимости от того, по какому варианту они начнут свою агрессию. Потому как абсолютно точно знал подлинный вектор грядущей агрессии Гитлера на южном и юго-восточном направлениях. Проще говоря, Сталин умышленно создавал особо укрепленный защитный вал именно на этом направлении. Один чрезвычайно любопытный факт. Уже 2 и 9 октября 1941 г. Сталин отдал первые распоряжения о подготовке стратегической обороны на Кавказском и Сталинградском направлениях¹⁰⁹. Проще говоря, через две-три недели после грандиозной Киевской катастрофы. Дальнейший вектор развития гитлеровской агрессии ему был абсолютно ясен уже тогда. Потому как он его знал точно.

Во-вторых, если хотя бы просто внимательно прочитать даже то, что уже

¹⁰⁹ См. ЦА МО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91, Л. 314; ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 10. Л. 352—353.

опубликовано, то нетрудно заметить, что Юго-Западное направление было избрано как наиболее приемлемое по стратегическим соображениям для нанесения контрудара в ходе предусматривавшегося «Соображениями...» контрнаступления после сосредоточения основных сил. Обоснование целесообразности контрнаступления именно на этом направлении было подсказано еще Шапошниковым и состояло в следующем.

Мудрый Борис Михайлович прямо указал, что да, по экономическим и особенно политическим соображениям разбить и уничтожить контрударом нацистскую гадину в Восточной Пруссии более чем целесообразно, ибо это «неизбежно скажется на всем дальнейшем ходе борьбы с Германией». Но сразу же оговорился, что главный контрудар именно на этом направлении «может привести к затяжным боям»¹¹⁰. Что в свою очередь спровоцирует цепную реакцию иных остро негативных для СССР последствий¹¹¹. К слову сказать, по итогам хорошо известных стратегических командно-штабных игр на картах в нашем Генеральном штабе зимой 1940/41 г. был сделан практически аналогичный вывод: «Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям»¹¹². Сразу же необходимо подчеркнуть, что в данном случае вывод касался выбора направления главного удара в ходе контрнаступления после сдерживания и отражения активной обороны первого удара тевтонов, после сосредоточения основных сил и только при наличии благоприятной обстановки.

Блестяще образованный военный эрудит, вдумчивый и талантливый

ас генштабовской работы Шапошников прекрасно знал, что Восточная Пруссия веками укреплялась, обладает массой естественных и искусственных рубежей обороны, да и гитлеровцы всерьез усилили там оборону. Вот Шапошников очень тактично и намекнул подсказку и не менее тактично предоставил всем, в том числе и Сталину, приемлемую возможность согласиться с таким намеком-подсказкой. Потому что подсказка была действительно тактичная и высокопрофессионально обоснованная — контрудар наших войск в направлении Люблин—Краков—Братислава «будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши»¹¹³.

Проще говоря, маршал Шапошников сам же и подсказал Юго-Западное направление, но именно и только для контрудара наших войск после сдерживания и отражения первого натиска врага и по завершении сосредоточения наших войск. Как ныне принято говорить, почувствуйте разницу! Вот и все, что было. Речь шла о выборе наиболее оптимального главного направления контрнаступления наших войск после сдерживания и отражения первого удара вермахта, а не о назначении Сталиным Юго-Западного направления направлением главного удара вермахта. Еще раз напоминаю, что за вермахт решал Гитлер, а не Сталин.

Короче говоря, никакой такой ошибки или оплошности со стороны Сталина в прогнозировании возможного направления главного удара вермахта НЕ БЫЛО!!! Дополнительное усиление КОВО преследовало цель заранее сосредоточить необходимые для возможного контрнаступления силы. Именно этим и было обусловлено решение об увеличении численности войск КОВО. По дивизиям — на

¹¹⁰ Военно-исторический журнал. 1992. № 1, с. 24—29.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, с. 22.

¹¹³ Там же, с. 24—29.

31,25 %, по танковым бригадам — на 30 % и по авиаполкам — на 59 %¹.

Но именно такого контрастности, которое, согласно официальному и единственному плану обороны, четко планировалось только после сдерживания и отражения первого удара противника в состоянии активной обороны, после сосредоточения главных сил и только при наличии благоприятных условий.

В то же время вполне естественно, что указанное выше дополнительное усиление и увеличение наших войск на Юго-Западном направлении (в КОВО) имело также и первоочередное оборонительное значение. В конце концов, если отбросить все иные соображения и руководствоваться только географическими данными, то едва ли кто-либо оспорит тот непреложный факт, что Украина, тем более после воссоединения с Западной Украиной, в любом случае примерно в три раза больше Белоруссии, даже и воссоединенной с Западной Белоруссией. Так что хотя бы только по этой причине перевес в силах, прикрывающих западные границы СССР на Украине, более чем объясним самими простыми, но именно поэтому и самыми адекватными конкретным реалиям мотивами. И не надо из этого выводить какие-то глупые сентенции. Большую величину всегда обороняют большими силами. По меньшей мере, именно так и стараются делать. Ничего сверхъестественного тут нет. А вот в Белоруссии-то, где, собственно говоря, при нападении с Запада особенно-то и наступать негде, ибо Припятские болота тому препятствие, были сосредоточены громадные силы для такого региона. В конце концов, 44 дивизии для такого региона — извините, но это действительно громадная величина. Между тем на Украине в составе КОВО было 59 дивизий. И это при трехкратной разнице между территориями этих двух респу-

блик?! Бели указать в процентном соотношении, то в ЗапОВО были сосредоточены силы, составлявшие по количеству дивизий 75 % от количества сосредоточенных в КОВО!

И все же при всех этих обстоятельствах хорошо знавшие о них маршалы тем не менее устроили, мягко выражаясь, далеко не самую умную перебранку насчет якобы имевшего место якобы ошибочного прогноза Сталина по вопросу о направлении главного удара вермахта. Чем и объясняли катастрофический провал Западного фронта и вообще трагедию 22 июня 1941 г. А вслед за ними эту вакханалию неправды и лжи усугубили и неисчислимые толпы всевозможных толкователей их «воспоминаний и размышлений».

Кстати говоря, Жуков так перестарался на эту тему, что просто грех не воспользоваться этим, дабы еще сильнее и ярче оттенить факт подмены. К примеру, всем интересующимся историей войны, особенно ее начала, прекрасно известна следующая история. Как вечером 21 июня 1941 г. примерно в 21.00 Жукову позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал Пуркаев и проинформировал его о том, что на нашу сторону перебежал какой-то немецкий фельдфебель и сообщил, что на рассвете 22 июня немцы нападут на СССР. После чего Жуков доложил об этом Тимошенко и Сталину и по приказу последнего вместе с наркомом направился к Иосифу Виссарионовичу. И там, в Кремле, они якобы вытребовали у якобы еще сомневавшегося в целесообразности принятия крутых ответных мер Сталина санкцию на приведение войск в боевую готовность. Речь идет о «легендарном» перебежчике Альфреде Лискове. То, что это полная брехня и ложь, уже было показано в первой книге. В данном случае важно вот что.

Почти через три десятилетия после тех событий из всей массы данных того периода о перебежчиках и нарушителях границы, а их было очень много, не гово-

¹ 41941. Документы. Кн. 1. М., 1998, с. 288—290.

ря уже о полученной от них информации, Жуков «вспомнил» лишь только этот случай да еще один. И наката о них в своих мемуарах. Но вот ведь какое удивительное дело. О поистине громадном количестве нарушителей границы непосредственно накануне войны именно на Белорусском направлении он не вспомнил. Он вспомнил лишь только о тех двух случаях, которые имели место на украинском, сиречь Юго-Западном, направлении. То есть, если по-простому, такое «вспоминание» есть не что иное, как один из малозаметных, но важных элементов «стратегической обороны» от постороннего взгляда факта подмены, о чем говорилось ранее. Даже в столь маленьких деталях Жуков как бы ненавязчиво пытался показать, что наиболее важная информация о грядущем нападении шла именно с Юго-Западного направления, из Киевского округа. Мол, даже перебежчики, принесшие столь важную весть, и то перебежали именно на этом направлении. И то непосредственно накануне. Проще говоря, тем самым «ненавязчиво» усиливалось и без того ложное впечатление о том, что в выборе Юго-Западного направления как якобы наиболее главного для грядущего удара вермахта они, крутозвездные, не виноваты.

Если бы это были всего лишь единичные случаи, вполне естественно, что даже и не стоило бы обращать на них внимание. Однако отчаянно страдавший «органической ненавистью к штабной работе», то есть ненавистью к необходимости сначала думать, а потом что-то ляпать да брякать устно или письменно, Жуков не раз и не два проделывал такой фокус. Фокус с ненавязчивым вдалбливанием тезиса о том, что в выборе Юго-Западного направления как якобы наиболее главного для грядущего удара вермахта они, крутозвездные, не виноваты. Первый раз он проделал такой непотребный фокус еще до войны. Первый раз — это то, что возможно проследить по ныне доступным документам, а там черт знает, сколько еще

было. 11 апреля 1941 г. Жуков «впарил» тогдашнему главе советского правительства В.М. Молотову следующую туфту о возможных направлениях главных ударов вермахта (орфография оригинала сохранена):

«Докладываю о массовых нарушениях государственной границы германскими самолетами за период с 1 по 10.04.1941 г. Всего за этот период произведено 47 нарушений госграницы. Как видно из прилагаемой карты, нарушения в преобладающей своей массе ведутся:

а) на границе с Прибалтийским Особым Военным округом и особенно в районах ЛИБАВА, МЕМЕЛЬ И КОВНО (ныне соответственно Лиепая, Клайпеда и Каунас, Литва. — А.М.);

б) на Львовском направлении на участке госграницы СОКАЛЬ, ПЕРЕМЫШЛЬ.

Отдельные случаи нарушения госграницы произведены в направлении ГРОДНО, БЕЛОСТОК, КОВЕЛЬ И ЛУЦК, а также на госгранице с Румынией.

Полеты немецких самолетов производились на глубину до 200 км от госграницы как истребителями, так и бомбардировщиками. Это говорит о том, что немцы производят как визуальную разведку, так и фотографирование.

Прошу доложить этот вопрос тов. Сталину и принять возможные мероприятия. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков»¹¹³.

Поняли, в чем вся «соль»? Не обращая пока внимание на другие аспекты, заметьте, что он написал. На Белорусском направлении всего лишь отдельные случаи нарушения воздушной границы, а вот массовые или, если словами Жукова, «в преобладающей своей массе», на Северо-Западном и Юго-Западном (соответственно ПриОВО и КОВО) направлениях! Проще говоря, спустя ровно три недели после того, как прозвучал

¹¹³ АП РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—30. Подлинник,

знаменитый ныне доклад ГРУ от 20 марта 1941 г., в котором уже четко говорилось о трех направлениях ударов вермахта, Жуков упорно протаскивал на самый верх мысль о том, что нападение произойдет по двум главным направлениям — Северо-Западном и Юго-Западном. Как и у Тухачевского в «Плане поражения»! А ведь с 20 марта вопрос о трех направлениях и соответствующих им трех группировках попросту перестал быть вопросом, превратившись в непреложную данность. Ведь данные о трех группировках и направлениях фигурировали во всех документах разведки. Не говоря уже о том, что к тому самому докладу была приложена и ориентировочная схема главных ударов вермахта, которая практически точно отражала суть стратегического замысла командования вермахта.

Комментарий. Мягко выражаясь, Жуков тут кое-что не к месту наплел. В сообщении от 21 апреля 1941 г. НКВД СССР № 1196/Б в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКО СССР о полученных пограничными отрядами НКВД СССР разведывательных данных относительно концентрации немецких войск на советско-германской границе и активности разведывательных полетов немецкой авиации говорилось иное: «За период с 1 по 19 апреля германские самолеты 42 раза нарушали государственную границу, совершая разведывательные полеты над нашей территорией на глубину до 200 км. Большинство самолетов фиксировалось над районами Рига, Кретинга, Таураге, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно»¹¹⁶. Каким это образом у Жукова получилось, что за период вдвое меньший, чем по донесению НКВД, супостаты залетали к нам 47 раз, в то время как непосредственные очевидцы и фиксаторы этих нарушений, пограничники, сообщили только о 42 случаях, — понять невозможно. Тем более невозможно понять, почему в сообщении Жукова произошла столь серьезная «корректировка» направлений активности разведывательных полетов немецкой авиации.

Поразительно, что процитированный выше документ Жуков привел и в своем

¹¹⁶ Центральный пограничный архив. Ф. 19. Оп. 229. Д. 52. Л. 10—12.

секретном письме на имя Хрущева еще 19 мая 1956 г., в котором от всей своей маршальской души поливал Сталина отборной грязью и бранью, готовясь выплеснуть все это на пленуме ЦК. И поразительно это следующим. Тем, что из астрономического количества прошедших через его руки в период с января 1941 г. по 19 мая 1956 г. документов Жуков «вспомнил» именно об этом. Оставим в покое то обстоятельство, что этот документ свидетельствует о том, что Жуков полез не в свои сани: нарушения госграницы и доклады о них наверх относятся к компетенции командования погранвойск, подчинявшихся тогда лично Л.П. Берия. К слову сказать, Л.П. Берия к тому же в это время уже почти месяц был первым заместителем Председателя Совнаркома (Совета министров) СССР, то есть того же В.М. Молотова. Оставим в покое и то обстоятельство, что документ также свидетельствует о том, что в сущности-то Жуков за своей подписью продублировал аналогичные сообщения пограничников. Зачем ему это понадобилось — не столько даже лезть не в свои сани, сколько вторгаться в компетенцию лично Берия, в том числе и как первого заместителя главы советского правительства, остается только догадываться...

Главное в том, что Жуков, в сущности-то, «впаривал» главе советского правительства свое уперто по Тухачевскому видение направлений главных ударов вермахта. То есть на Прибалтийском и Украинском направлениях. А Белорусское направление, как и у Тухачевского в «Плане поражения», фантастика — там всего лишь единичные случаи нарушения госграницы!

И вот такую «дезу» он гнал главе советского правительства, да еще и просил доложить ее Сталину! Вопреки всей *утке* тогда имевшейся разведывательной информации именно о трех направлениях ударов, о трех же соответствующих груп-

пировках вермахта. Вопреки даже тому же докладу ГРУ от 20 марта 1941 г. Вопреки всем данным органов госбезопасности, в том числе и пограничников, об усилении подрывной и разведывательной деятельности германских спецслужб на всем протяжении германо-советской границы, но особенно на Белорусском направлении, об усилении также и агентурной разведки немецких спецслужб на этом же направлении. Более того, вопреки следующему.

Как уже неоднократно отмечалось, в настоящее время известно, что от своего ценного агента, крупного железнодорожного чиновника Третьего рейха, берлинская резидентура НКГБ СССР получила секретный документ в виде запечатанного в конверте с сургучной печатью предписания явиться на пятый день после начала боевых действий на ж.-д. станцию Минск и возглавить ее. То есть запланированный еще на рубеже 1936—1937 гг. темп продвижения в глубь советской территории германские генералы сохранили и в 1941 г.! И это несмотря на выдвинутую далеко на запад границу СССР, невзирая на многократно возросшую мощь и численность группировки советских войск на этом направлении?! Вынужден обратить внимание читателей на тот факт, что перед войной граница проходила на расстоянии примерно 300 км от Минска. Темп продвижения танковых и механизированных войск в наступлении уставами вермахта в 1941 г. определялся в 20—25 км в сутки. Соответственно, добытые берлинской резидентурой НКГБ СССР документальные данные свидетельствовали о том, что на этом направлении гитлеровское командование запланировало темп наступления как минимум в 60 км в сутки! То есть в три раза больший темп наступления, чем это предусматривалось уставами самого вермахта! И это в начале агрессии?! А ведь гитлеровское командование прекрасно знало, что на этом направлении

у Советского Союза есть Западный особый военный округ, который располагает очень даже внушительными силами. Абвер вел непрерывную и, к сожалению, в ряде случаев небезуспешную разведку, в том числе и на этом направлении. И, невзирая на все данные о советских силах на этом направлении, командование вермахта запланировало втрое больший темп наступления, чем это было предусмотрено уставами вермахта. Хуже того. Как уже отмечалось выше, практически выдержало этот темп наступления, потому как уже с 16.00 28 июня 1941 г. гитлеровцы хозяйничали в Минске.

♦

Комментарий. Правда, существует такая байка, что-де Гитлер даже закатил истерику своим генералам по поводу того, что они сбились с графика агрессии почти на целых 24 часа и вошли в Минск лишь к вечеру 28 июня. Было это или не было — не столь уж и принципиально. Фюрер бесчисленное количество истерик закатывал. Главное в том, что германским генералам удалось, хотя и с небольшим отклонением, но в целом выдержать график агрессии на ее начальной стадии. А вот что за этим стоит — читатели узнают из дальнейшего анализа.

♦

К слову сказать, по состоянию на начало июня 1941 г. переданная З.И. Воскресенской-Рыбкиной в ГРУ информация о предписаниях железнодорожным чиновникам Третьего рейха, о чем уже также говорилось, была не первой. О том, что гитлеровское командование стало «назначать» германских железнодорожных чиновников на советские железнодорожные станции, особенно на узловые, стало известно еще в начале апреля 1941 г. Всем отобранным для этих целей германским железнодорожным чиновникам предписывалось с началом боевых действий прибыть на указанные им станции СССР и возглавить их. Но вот что характерно. Как сообщили в начале апреля 1941 г. закордонные источники разведки пограничных войск НКВД Белорусской ССР, «некоторым железнодорожным

служащим немцам на территории генерал-губернаторства (оккупированная гитлеровцами часть Польши. —А. М) выданы предписания с предназначением их на работу на железной дороге в г. Белосток»¹¹⁷. Информация об этом поступила в Москву 8 апреля 1941 г. Белосток входил тогда в состав Белорусской ССР. Стратегическое значение этой информации таково. Мало того что эти данные напрямую означали, что механизм агрессии уже стал выходить на старт финишной прямой, так ведь еще и однозначно свидетельствовали о направлении главного удара и главного операционного направления в рамках главного удара центральной группировки вермахта. Не говоря уже о том, что речь шла вообще об особой приоритетности этого направления. Ведь первыми были выданы предписания на Белосток! Более того. Уж если первыми стали выдаваться предписания на Белосток, то это означало, что сосредоточенная в этом регионе (Белостокский выступ) группировка войск ЗапОВО первой подвергнется удару на уничтожение. И отнюдь не только потому, что этот выступ являл собой фактически идеальный вариант для устройства «Белостокских Канн». Это, как говорится, само собой. Очевидно же, что гитлеровцы непонятным образом, но ведь откровенно рассчитывали также и на слабинку дислоцировавшихся в выступе советских войск. На какую слабинку они рассчитывали — об этом чуть ниже.

А днем позже спецсообщением № А-1250/СН от 9 апреля 1941 г. в ЦК КП Украины о передвижения немецких войск на территории оккупированной Польши НКВД УССР информировало инстанции о появлении вблизи границы СССР, наряду с воинскими частями вермахта, железнодорожных служащих Третьего

рейха, которые предназначены для использования на железных дорогах СССР при занятии их немецкой армией¹¹⁸. Аналогичная информация в тот же день была направлена и в Москву в НКВД СССР, который в свою очередь информировал об этом Сталина, Молотова и руководство НКО и ГШ. Но если на Белорусском направлении гитлеровское командование уже выдавало конкретные предписания кому, когда и куда явиться и какой ж.-д. узел на советской территории возглавить, то на Украинском направлении было зафиксировано пока всего лишь появление этих служащих вблизи от советской границы. В свою очередь это еще более подчеркивает важность данных разведки погранвойск НКВД БССР, ибо они отчетливо свидетельствовали о направлении главного удара вермахта.

Но дальние-то еще «веселей» получается. Анализируя ныне доступные материалы германского военного планирования, не так уж и трудно будет заметить очень неприятные для советской стороны констатации. Тухачевский еще в 1937 г. назвал Белорусское направление главного удара фантастическим для планов Гитлера. Тандемы Тимошенко—Мерецков и особенно Тимошенко—Жуков упорно и упорно следовали «заветам» Тухачевского. То есть ожидали удара всего только на Северо-Западном и Юго-Западном направлениях. А вот гитлеровское командование, как уже отмечалось в связи с итогами упоминавшихся выше игр, еще в конце 1936 г. заняло диаметрально противоположную позицию. Более того. Еще до начала разработки плана агрессии против Советского Союза, а затем и в процессе этой работы жестко ориентировало абвер на необходимость дезориентации и дезинформации советского военного командования о направлениях сосредоточения основных сил. Хуже того. За полгода до начала войны оно уже всерьез

¹¹⁷ Из спецсообщения НКВД СССР в НКГБ СССР о концентрации германских войск на границе с СССР от 8 апреля 1941 г. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995, с. 77.

¹¹⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995, с. 84.

основывалось на следующих стратегических соображениях:

— из доклада 5 декабря 1940 г. начальника генерального штаба сухопутных войск в ставке фюрера: «Вся территория, на которой будут происходить операции, делится Припятскими болотами на северную и южную половины. В последней — плохая сеть дорог. Наилучшие шоссейные и железные дороги находятся на линии Варшава—Москва. Поэтому в северной половине представляются более благоприятные условия для использования большого количества войск, нежели в южной... Особенно крупная ударная группировка должна наступать из района Варшавы на Москву»¹¹⁹. Неужели в нашем Генштабе не знали и не понимали этой уже тоща прописной, истины?!

— Из «Варианта Барбаросса»: «Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий»¹²⁰.

— Из оперативно-стратегической разработки генерала фон Зоденштерна (до утверждения «Варианта Барбаросса»): «Русских наступательных действий против центра немецкого фронта вряд ли стоит опасаться.... Скорее можно ожидать, что центр русских войск под давлением немецкого наступления на флангах уже на раннем этапе кампании будет стремиться отступить на восток...»¹²¹ А почему, собственно говоря?! С чего такой вывод? Не говоря уже о том, что центр русских войск — полоса компетенции Западного округа, а если попросту — Белорусское направление.

Не принимая в расчет никаких иных соображений и мотивов, но используя самое что ни на есть примитивное соображение, неужели так трудно было сообразить

следующее. Если СССР имеет на своих западных границах три основных военных округа, которые были названы особыми, что не было секретом для немцев, то и последние будут планировать удар по трем направлениям?! В том числе и на Западном (для супостатов — Восточном) направлении. Как же можно было не дойти до столь простого вывода?!

И вот что любопытно. В опубликованном в книге «Мировая война 1939—1945 годы» очерке «Война в России» фон Бутлар писал: «Критически оценивая сегодня пограничные сражения в России, можно прийти к выводу, что только группа армий “Центр” смогла добиться таких успехов, которые даже с оперативной точки зрения представляются большими. Лишь на этом направлении немцам удалось разгромить действительно крупные силы противника и выйти на оперативный простор. На других участках фронта русские повсюду терпели поражение, но ни окружить крупных сил противника, ни обеспечить для моторизованных соединений достаточной свободы маневра немцы не сумели. Группы армий “Север” и “Юг” продвигались, как правило, тесня искусно применявшего маневренную оборону противника, и на их фронтах даже не намечалось никаких возможностей для нанесения решающих ударов»¹²².

Кто-нибудь может, желательно вразумительно, объяснить, если, конечно, это возможно, с какой стати столь странный предвоенный прогноз полностью совпал с финальной оценкой?!

— Из «Варианта Барбаросса»:

а) «Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих задач одновременно»¹²³. А почему та-

¹¹⁹ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933—1945. Исторические очерки, документы, материалы. В 4-х томах. Том. 3. М., 2005, с. 80, 81, 87.

¹²⁰ Там же, с. 87.

¹²¹ Там же, с. 83.

¹²² Цит. по Интернету: Мухин Ю.И. Если бы не генералы. М., 2010, с.

¹²³ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933—1945. Исторические очерки, документы, материалы. В 4-х томах. Том. 3. М., 2005, с. 87.

кое предположение? На что надеялось гит*ние с фашизмом неизбежно, но в Москве леровское командование? Оно хоть и состоечитают, что каждый день войны для Гер-яло из мерзавцев, негодяев и преступников, мании приносит жертвы, а для СССР — но ведь не из идиотов же клинических.

б) «Если русские вооруженные силы распадутся неожиданно быстро, тогда для центральной группы армий (севернее Припятских болот) может встать вопрос об одновременном повороте части сил на север и о наступлении на Москву, но только в этом случае»¹²⁴. Что послужило основанием для такого предположения? На что надеялось гитлеровское командование?

И вот еще что. Поразительно, но факт, что если в польской кампании среднесуточный темп наступления вермахта был запланирован на уровне 20 км, то в войне против СССР — 30—35 км?!¹²⁵ Почему, на каком основании? На что надеялись германские генералы?! Неужели они не понимали, что мощь Красной Армии, как бы они ее не оценивали, неизмеримо выше мощи польской армии?! Так на что же они надеялись, запланировав такой темп наступления?!

Ладно бы только это. Беда заключалась в том, что за бугром, в Германии, судя по всему, знали о сути нашего плана отражения агрессии. И знали явно еще до подписания Гитлером Директивы № 21 — «Вариант Барбаросса». Имеется в виду уже приводившийся ранее анализ доложенного Сталину 4 января 1941 г. сообщения резидента военной разведки в Белграде Софокла — генерал-майора Александра Георгиевича Самохина. Все бы ничего, если в этом сообщении резидента не содержались бы выдержки из доклада югославского генштаба, которые, с вашего позволения, напомним: «...Россия в неблагоприятном положении из-за присутствия немецких дивизий в Румынии... Россия, исходя из ситуации, сотрудничает с Германией, хорошо зная, что столкнове-

усиление... Россия имеет новый оперативный план... где центр тяжести будет лежать на советско-венгерско-словацкой границе... Верховное командование Красной Армии считает, что это приведет к отсечению немецких войск от баз и уничтожению их...»

То, что в реальности имела место явно умышленная утечка совершенно секретной информации особой важности о планах и возможных действиях советского командования непосредственно из верхнего эшелона советского военного руководства, надо полагать, ни у кого не вызовет сомнений. Тем более после тех аргументов, которые были приведены еще в первом томе. У СССР действительно тогда был новый официальный и единственный план отражения агрессии и обороны страны. Тот самый, который был правительством утвержден 14 октября 1940 г. и официально назывался «Соображения...». Действительно, по этому плану предпочтительный вариант контрнаступления предусматривался на этом азимуте. Но, во-первых, еще раз прошу обратить особое внимание на то, что именно же контрнаступления. А, во-вторых, контрнаступления только при наличии благоприятных для этого условий, но только после сдерживания и отражения первого удара активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника, под прикрытием чего должно было быть осуществлено отмотилизование и сосредоточение основных сил. Еще раз прошу обратить на это особое внимание.

Хуже того. Как указывалось еще в первом томе, по свидетельству П.А. Судоплатова, с рубежа 1940—1941 гг. в Москву стали поступать тревожные сведения от Кима Филби. В частности, о том, что «британский кабинет министров разрабатывает планы нагнетания напряженности и военных конфликтов меж-

¹²⁴ Там же, с. 90.

¹²⁵ История военного искусства. Выпуск IV, том II, М., 1952, с. 233.

ду Германией и СССР», а «британские агенты заняты распространением слухов в Соединенных Штатах о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом». В принципе в том не было ничего удивительного: Англия — она и есть Англия, не к ночи будь она помянута. «Изюминкой» информация К. Филби было следующее — «что по этим слухам войну должен был начать СССР превентивным ударом в направлении южной Польши». Что и планировалось в действительности, но не в порядке превентивного удара, а только в порядке контрнаступления со всеми теми оговорками, которые были указаны выше.

Вы не находите, что это уже слишком?! Замысел контрнаступления советских войск в направлении Южной Польши действительно фигурировал в «Соображениях о стратегическом развертывании Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.». Они официально были утверждены лишь 14 октября 1940 г. Ну и что теперь прикажете думать?!

А теперь сравните. Когда начальник штаба группы армий «А» генерал фон Зоденштерн представил 7 декабря 1940 г. свою оперативно-стратегическую разработку для обоснования плана будущей кампании на Востоке, то вопреки мнению начальника генерального штаба сухопутных сил он почему-то указал следующее: «...Если вообще можно говорить о сосредоточении главных сил русских при их теперешней группировке, то оно находится в “Киевском особом военном округе”. Вероятно, оно объясняется существовавшими ранее у русских наступательными намерениями и, конечно, может быть ими использовано в случае наступления немецких войск из Румынии и Венгрии»¹²⁶. Да, ситуация с

дислокацией тогда была такая, как ее обрисовал Зоденштерн. Заметьте также, что Зоденштерн использовал выражение «существовавшими ранее». То есть уже в начале декабря 1940 г. германский генерал относил якобы имевшиеся ранее у советского командования якобы наступательные намерения к прошлому. Не говоря уже о том, что и о самих этих якобы имевших место намерениях Зоденштерн высказался всего лишь в рамках предположения, начав оное со слова «вероятно».

Но тот же Зоденштерн, как уже было отмечено выше, указал в своей оперативно-стратегической разработке еще и следующее — что «русских наступательных действий против центра немецкого фронта вряд ли стоит опасаться... Скорее можно ожидать, что центр русских войск под давлением немецкого наступления на флангах уже на раннем этапе кампании будет стремиться отступить на восток...». Ну, так и в самом-то деле, с какой такой стати Зоденштерн решил, что события примут скорее всего именно такой оборот, пускай даже и в предположительном порядке?! Ведь для того, чтобы предполагать, и то нужны какие-то основания, тем более при планировании столь крупномасштабной военной кампании. Хуже того. Его предположение — без разницы, имело ли оно под собой какое-либо обоснование или нет, — означало, что он вполне уверенно предполагает вариант статического фронта в центре советской западной границы, то есть напротив центра немецкого фронта. А вот это уже такая далеко не шутка...

Согласно данным в тексте уже утвержденного Гитлером «Варианта Барбаросса» разъяснениям, центр немецкого фронта определялся так: это «направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильны-

¹²⁶ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933—1945. Исторические очерки, документы, материалы. В 4-х томах. Том. 3. М., 2005, с. 83.

ми танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии»¹²⁷. Южная из этих групп — будущая группа армий «Центр». В свою очередь центр русского фронта — Западный особый военный округ.

В стенограмме совещания в ставке вермахта 9 января 1941 г. указано, что «ни в коем случае нельзя допустить фронтального оттеснения русских»¹²⁸. Не допустить фронтального оттеснения можно главным образом двумя способами: либо прорывать фронт собственными силами сразу на нескольких направлениях с последующим окружением противника, вплоть до создания ситуаций «перевернутого фронта», чтобы лишить его возможности быстрого маневра войсками. Либо прежде всего мощным ударом по центру фронта, как это завещал генерал фон Сект, о чем говорилось еще в первом томе, в том числе и в сочетании с открытием (или резким ослаблением) фронта предателями из числа отдельных представителей советского военного командования на местах. Прежде всего в центре фронта. Иное предположить невозможно. При прорывах только на флангах, тем более при той конфигурации границ, которая существовала до раннего утра 22 июня, это неминуемо привело бы вермахт к неизбежной катастрофе в считанные дни.

Как же прикажете сопрягать все вышеизложенное?! Со своей стороны скажу следующее. Думайте, что хотите, в том числе и об авторе, но на простое совпадение такое списать не удастся! Хотя бы потому, что статический фронт, тем более если он вытянут узкой лентой, да еще и с крайне низкой линейной плотностью, прорвать — пара пустяков. Что гитлеровцы и доказали ранним утром 22 июня 1941 г.

¹²⁷ *Дашинцев В.И.* Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933—1945. Исторические очерки, документы, материалы. В 4-х томах. Том. 3. М., 2005, с. 87.

¹²⁸ Там же, с. 95.

Возвращаясь, как говорят французы, к «нашим баранам», скажем по-простому. Врал Жуков. Во всем врал. Врал даже в докладной на имя Молотова, ибо и на Белорусском направлении немецкие самолеты нарушали госграницу не менее интенсивно, а по сути — куда более чем интенсивно. Ему и в голову-то не пришло, что содержанием такой докладной на имя главы правительства он попросту высек себя, как та самая унтер-офицерская вдова. Ведь все же данные всех разведслужб СССР с самого начала поступления информации о плане грядущей агрессии однозначно свидетельствовали только о трех направлениях намечавшихся германским командованием ударов. И только о трех формировавшихся для этого группировках вермахта. Соответственно при таком резком несоответствии между этими данными и данными о направлениях активизации воздушной разведки немцев самая элементарная, самая примитивная логика обязывала задуматься над столь же примитивным вопросом: «А какого же хрена немцы так игнорируют Белорусское направление?» Ведь не надо быть начальником генерального штаба, чтобы заподозрить очевидную необычность поведения немцев в осуществлении воздушной разведки, раз уж сообщаешь об этом главе правительства. Да и ответ-то не так уж и трудно было найти. Ведь на Белорусском направлении, прежде всего на белостокском направлении, пролежала трасса воздушного сообщения Москва—Берлин, чем немцы ловко пользовались, устанавливая на гражданских самолетах разведывательную фотоаппаратуру. Чего специально гонять военные самолеты, если то же самое можно сделать тихой сапой с помощью гражданской авиации?! Ведь об этом было известно. Вплоть до того, что чуть ли не каждый рейс «Люфтвафзы» осуществляли новые экипажи в составе бравых и крепких молодых парней с молодецкой военной выправкой и выбритыми затылками... из люфтваффе. Особенно часто менялись штурманы экипажей¹²⁹. Воздушные бан-

¹²⁹ См.: *Егоров Д.* Июнь 1941-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 32.

даты Геринга подобным образом уточняли дислокацию будущих объектов бомбардировок. К тому же на основании неизвестно почему выданного разрешения руководства Управления ГВФ и ВВС РККА, «пилоты» «Люфтваффе» сажали свои рейсовые самолеты на военные аэродромы ЗапОВО¹³⁰.

Пограничники и контрразведка постоянно сообщали об этом. Но что толку-то?!

Жуков же, вместо того чтобы подумывать да посоветоваться с пограничниками, предпочел втихую попытаться навязать руководству СССР «свое», строго упертое по Тухачевскому, ожидание главных ударов немцев — на Северо-Западном и Юго-Западном направлениях! Зачем? На кой черт ему нужно было это? Что за этим скрывается? А не затем ли, что это можно расценивать как заблаговременную подготовку алиби на тот случай, когда гряхнет трагедия?! Но если в качестве «одной из...» возникает проблема алиби, то, следовательно, возникнет и вопрос о конкретном преступлении, для сокрытия которого требуется алиби.

Но страдающему неизлечимой «органической ненавистью к штабной работе» нашему крутолобому все побоку! Из того, что он делал, можно сделать только один вывод лозунгового типа: Даешь совпадения с «Планом поражения» Тухачевского! На кой хрен он устроил эту переписку с Молотовым, к тому же еще и с просьбой доложить Сталину? Что, хотел любым способом «присоседить» их обоих к своей «дезе»?! Мол, я вам сообщал, а вы никакой реакции, значит, были согласны?! Так, что ли?!

*%♦

Справка-комментарий. Кстати сказать, 10 апреля 1941 г. целых 2 часа 20 минут Жуков проторчал в кабинете Сталина¹³¹, то есть мог бы и не тянуть до 11 апреля, чтобы письменно про-

¹³⁰ См.: **Мерецков К.Л.** На службе народу. М.: 2003, с. 208—209.

¹³¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник/Научный редактор А. А. Чернобаев. М., 2008, с. 330.

сить Молотова доложить его докладную Сталину. Ведь за один день принципиальных изменений в цифре 47 нарушений не произошло бы. Учитывая же, что к докладной прилагалась карта, значит, как минимум за день-два готовилась эта докладная. Но ведь дело-то в том, что он и 9 апреля проторчал в кабинете Сталина 1 час 35 минут¹³², но тоже ничего об этом не сказал.

*ФФ

Но более всего поразительно именно то, что он вспомнил об этой докладной, готовясь облить грязью Сталина с партийной трибуны в мае 1956 г. То есть и после войны он по-прежнему вполне серьезно, крайне уперто действовал в строгом соответствии с наущениями «Плана поражения» Тухачевского! Потому и хватило у него ума — при его-то «органической ненависти к штабной работе» вполне нормальное явление — представить эту докладную как якобы документальное подтверждение того, что Сталин и Молотов знали о направлениях концентрации гитлеровских войск у наших границ. Вот вам и однозначный, собственноручный ответ Жукова на поставленный выше вопрос, а на кой же хрен ему понадобилось тогда, в апреле 1941 г., гнать такую «дезу» в правительство.

Да потому, что ему уже тогда до крайности было необходимо, чтобы они, то есть Сталин и Молотов, были как бы в курсе его якобы видения и ожидания направления главного в скором будущем удара немцев на Юго-Западном направлении, а также Прибалтийском. Более того. Чтобы они не просто были в курсе, а именно же в результате ознакомления с такой информацией от Генштаба, которая четко подтверждалась независимыми от него источниками, то есть в данном случае сведениями пограничников (потому-то он и полез не в свои сани, вторгнувшись даже в компетенцию Берия). Хуже того. Ему явно нужно было поставить их в курс дела именно так, чтобы информация, которую он сообщит, не вызвала бы

¹³²

Там же.

необходимости их ответной реакции (хотя он и написал в докладной «и принять возможные мероприятия», что явно для проформы). Потому как именно отсутствие их реакции оставляло поле для маневра по принципу «молчание — знак согласия». А коли так, то и они также виноваты в том, что он, Жуков, к тому же на пару с Тимошенко, злоумышленно «прозевал» центральный, самый главный удар немцев, наносившийся силами ГА «Центр»! А суть-то одна — скрыть факт подмены в определении направления главного удара вермахта!

Поразительно, но факт еще и следующее. В унисон подобным образом «ненавязчиво» навязывавшимся представлениям о главных направлениях ударов вермахта, Жуков и Тимошенко столь же «ненавязчиво» предвзято подходили даже к столь важному и одновременно простому вопросу, как сроки направления майских директив НКО и ГШ на разработку нового плана обороны государственной границы. Посудите сами. В КОВО директива была направлена 5 мая, в ОдВО — 6 мая, а вот в ПриОВО и ЗапОВО — 14 мая. А вот в отношении срока исполнения картина еще веселей:

1. ПриОВО — директивой № 503920сс/ов от 14.05.1941 г. НКО и ГШ о разработке детальных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны предписывалось осуществить это к 30 мая¹³³. Срок исполнения по директиве — 16 дней. Документ был подписан 2 июня, поступил в ГШ на утверждение 12 июня 1941 г.¹³⁴

2. ЗапОВО — директивой № 503859сс/ов от 14.05.1941 г. НКО и ГШ о разработке детальных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны предписывалось осуществить это к 20 мая¹³⁵. Срок исполнения по ди-

рективе — 6 дней. Документ был готов 10 июня, отправлен в ГШ на утверждение 11 июня 1941 г.¹³⁶

3. КОВО — директивой № 503862сс/ов от 05.05.1941 г. НКО и ГШ о разработке детальных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны предписывалось осуществить это к 25 мая. Срок исполнения по директиве — 20 дней. Документ был готов и подписан 2 июня, отправлен в ГШ на утверждение 19 июня 1941 г.¹³⁷

4. ОдВО — директивой 503874сс/ов от 6 мая 1941 г. НКО и ГШ о разработке детальных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны предписывалось осуществить это к 25 мая. Срок исполнения по директиве — 19 дней. Документ отправлен на утверждение в ГШ 20 июня 1941 г.¹³⁸

5. ЛВО — директива 503913ов/сс от 14.05.1941 г. НКО ГШ о разработке детальных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны предписывалось осуществить это к 30 мая. Срок исполнения по директиве — 16 дней. В ГШ готовый документ поступил 10 июня 1941 г.¹³⁹

Только за это надо было гнать Жукова в три шеи, если не того суровее поступить с ним. Увы, Сталин действительно был какой-то неисправимый гуманист; который к тому же временно лишил себя полноценной информации военной контрразведки о состоянии дел в вооруженных силах и их подготовке к отпору фашистской агрессии. Более того. За что такая немилость Западному округу — одному из всего-то трех особых округов на западной границе СССР, обязанному прикрывать и оборонять наиболее важное стратегическое направление?! Почему такое ущемление ЗапОВО?! Что, и округ, и его командование уже в

¹³³ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 227. Л. 33—47.

¹³⁴ Там же, л. 1—35.

¹³⁵ Там же, л. 65—87.

¹³⁶ Там же, л. 4—34.

¹³⁷ Там же, л. 2—49.

¹³⁸ Там же, л. 9—46.

¹³⁹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242.

мае наметили их на роль «козлов отпущения»?!

Как видите, даже в таком вопросе, как дата направления важнейшей директивы и количество дней для исполнения не просто важнейшей директивы, а для разработки детального плана обороны государственной границы и плана противовоздушной обороны, КОВО и ОдВО было особое предпочтение. А ведь в сущности-то директивы были сделаны, что называется, под копирку. Разница только в географических названиях. Принципиальная часть — одна и та же. И тем не менее клановые интересы «киевской мафии» возобладали даже в таком вопросе.

Ну а по датам представления в ГШ готовых документов во исполнение указанных директив должно быть ясно, почему начало войны эти округа встретили без «царя в голове». Официально-то документы не были ни рассмотрены, ни утверждены Генеральным штабом. Соответственно, у ГШ и НКО появилась возможность «в случае чего» спихнуть всю ответственность на командование округов. Что они и сделали как тогда, так и после войны, в своих «воспоминаниях и размышлениях».

Подобный же подход, исходя из своих упорно навязывавшихся всем и вся представлений о главных направлениях ударов вермахта, Жуков и Тимошенко столь же «ненавязчиво» продемонстрировали даже в распределении, например, бронетанковой техники. В вышедшей в 2010 г. книге «Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг» один из наиболее ярко выраженных современных апологетов Жукова, А. Исаев, привел следующие факты¹⁴⁰. С января до апреля безусловным лидером в получении новой бронетанковой техники было юго-западное направление. За первые месяцы 1941 г. Киевский и Одесский военные округа получили 187 тан-

ков КВ и 302 танка Т-34. ЗапОВО в этот же промежуток времени получил только 2 танка КВ и 74 танка Т-34. С первого же мая по 21 июня 1941 г. Киевский округ получил еще 40 танков КВ и 101 танк Т-34. То есть в итоге 227 танков КВ и 403 танка Т-34 были направлены на Юго-Западное направление. Худо-бедно, но войска этого направления хотя бы имели возможность прочитать инструкцию по эксплуатации этих танков и даже опробовать их на ходу. Соответственно хоть какую-то, но роль эти танки там сыграли в первый период войны.

Оснащение же ЗапОВО новейшей танковой техникой привлекло внимание Жукова и Тимошенко лишь с мая месяца. До начала войны округ получил еще 20 танков КВ и 292 танка Т-34. Прекрасно, конечно, что начальник Генштаба и нарком обороны наконец-то вспомнили и о Западном округе. Только вот в чем все дело-то. К чему была такая избирательность в снабжении округов новейшей бронетанковой техникой? То, что сработали клановые интересы «киевской мафии» в руководстве наркомата обороны и Генерального штаба, — понятно. Но клановые интересы клановыми интересами, только вот почему это столь четко укладывалось в рамки осуществленной ими подмены в прогнозировании наиболее вероятного направления главного удара вермахта?! Да и что оттого, что в самый последний момент ЗапОВО получил новую технику?! Когда ее осваивать-то?! Ведь и инструкции-то по эксплуатации там не успели прочесть, как началась война. И танки эти, не сыграв никакой роли, пропали либо достались немцам. Не говоря уже о том, что часть предназначенных ЗапОВО новых танков и вовсе не попала по месту назначения до начала войны — было юго-западное направление. За первые месяцы 1941 г. Киевский и Одесский военные округа получили 187 тан-

ков КВ и 302 танка Т-34. ЗапОВО в этот же промежуток времени получил только 2 танка КВ и 74 танка Т-34. С первого же мая по 21 июня 1941 г. Киевский округ получил еще 40 танков КВ и 101 танк Т-34. То есть в итоге 227 танков КВ и 403 танка Т-34 были направлены на Юго-Западное направление. Худо-бедно, но войска этого направления хотя бы имели возможность прочитать инструкцию по эксплуатации этих танков и даже опробовать их на ходу. Соответственно хоть какую-то, но роль эти танки там сыграли в первый период войны.

¹⁴⁰ Исаев А.В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. М., 2010, с. 68—70.

дополнительных сил, в частности, Второго стратегического эшелона. Как известно, в период с 13 по 22 мая по указанию Генштаба началось выдвижение четырех армий из внутренних округов в сторону приграничных военных округов. Из Забайкальского округа выдвигалась 16-я, Северо-Кавказского — 19-я, Приволжского — 21-я и из Уральско-го — 22-я армии¹⁴¹. Кроме того, из Харьковского округа выдвигался 25-й стрелковый корпус, который передавался в оперативное подчинение 19-й армии. «Киевская мафия» и тут перестаралась.

16-я, а также 19-я вместе с большей частью 21-й армии конечным пунктом назначения имели КОВО, а ЗапОВО, как и во всем и всегда, на положении пасынка — этому округу всего лишь 22-я армия да «огрызок» от 21-й в лице 63-го стрелкового корпуса. Правда, чуть позже 16-ю армию зачем-то ополовинили (директива НКО № 524206), и в составе шести дивизий она была выведена из резерва ГК и передана в полное подчинение ВС КОВО¹⁴². В момент этого странного шараханья, ЗапОВО вновь получил горькую пилюлю. Обещанный ему «огрызок» в виде 63-го стрелкового корпуса из 21-й армии, а также 51-й стрелковый корпус из состава 22-й армии, который также должен был быть передислоцирован в ЗапОВО, по директиве НКО № 504207 в состав войск округа не были включены и его Военному совету не подчинялись.

А теперь обратите внимание на одинаковый «почерк» в действиях Жукова и вообще клана «киевской мафии». До войны они пытались убедить правительство, что на Белорусском направлении всего лишь отдельные случаи нарушения воздушной границы, а вот массовые — на Северо-Западном и особенно Юго-

Западном направлениях. А после войны, вопреки огромному количеству фатов нарушения границы перебежчиками и агентами германских спецслужб на Белорусском направлении, Жуков вспомнил лишь о двух перебежчиках на Юго-Западном направлении. Да еще каких! Обратите внимание. Дисков перебежал на нашу сторону на Сокальском направлении (на участке 90-го пограничного отряда), и в процитированном выше документе речь шла также о Сокале. Кроме того, Жуков явно имел в виду перебежчика от 18 июня, о котором говорилось еще в первой книге.

Добавьте сюда факт предвзятого распределения новых танков по направлениям с креном в сторону Юго-Западного направления. А после этого еще раз вспомните, что неправомерные ожидания Жукова и Тимошенко главного удара вермахта на Юго-Западном направлении четко совпадают с тем, что написал в своем «Плане поражения СССР в войне с Германией» справедливо расстрелянный М.Н. Тухачевский. Прибавьте приведенный выше факт распределения армий внутренних округов по округам.

Вспомните также и о несносной до рвотного рефлекса байке маршала о том, что-де нехороший Сталин снял его такого умного и дальновидного с поста начальника Генерального штаба за то, что он 29 июля 1941 г. посмел предложить сдать Киев. Не будем сейчас обращать внимание на то, что по состоянию на 29 июля 1941 г. Генеральный штаб уже девять дней, как возглавлял мудрый ас генштабовской работы маршал Б.М. Шапошников. Будем считать, что «по традиции» Жукова в очередной раз подвела его память. Соответственно будем исходить из того, что 29 июля 1941 г. никакого крутого разговора насчет сдачи Киева между Жуковым и Сталиным не имело место быть. Тем более что и согласно журналу приема в кремлевском кабинете Сталина Жукова в тот день не было в кабинете Иоси-

¹⁴¹ 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998, с. 197.

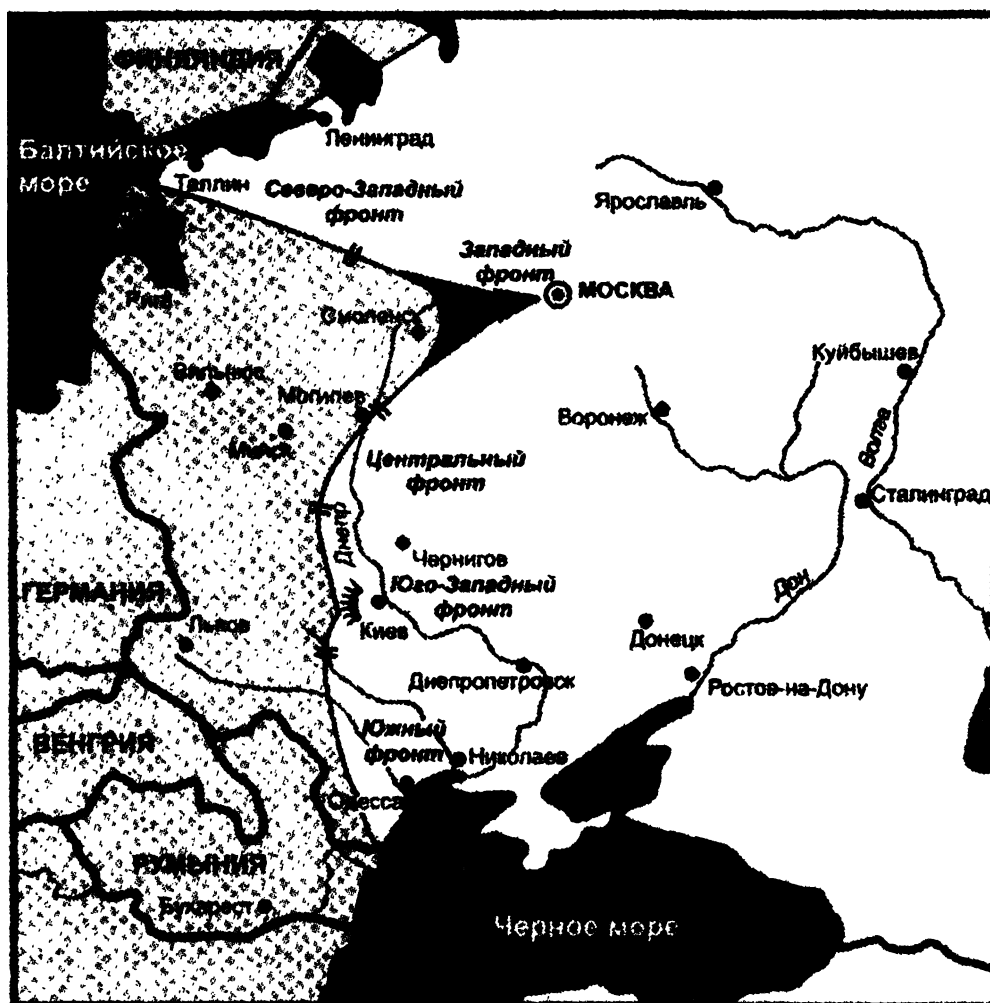
¹⁴² Там же, с. 83.

фа Виссарионовича¹⁴³. В июле 1941 г. он последний раз был в кабинете у Сталина 20-го числа¹⁴⁴, а в следующий раз — только 5 августа¹⁴⁵. Вот как раз 20 июля он и

был снят с указанного поста. Но это всего лишь присказка, дабы освободить плацдарм для понимания того, почему его байка об этом якобы имевшем место крутом разговоре названа несносной до рвотного рефлекс.

Взгляните, пожалуйста, на приводимую ниже схему «Положение на советско-германском фронте на 29 июля 1941 года и немецкие планы»¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Мухин Ю.Л. Если бы не генералы. М., 2010, с. 162.

Взглянули? Отлично. А теперь, даже не являясь специалистами в военном деле, задайте самим себе простой вопрос: что же означало предложение Жукова сдать Киев в той конкретной ситуации по состоянию на 29 июля? И затем, глядя только на карту-схему, попытайтесь самостоятельно ответить на вами же сформулированный вопрос.

Ну и что у вас получилось? Едва ли что-либо иное, кроме того, что предложение Жукова о сдаче Киева в той ситуации на фронте по состоянию на 29 июля означало снятие угрозы для правого, южного, фланга отчаянно рвущейся к Москве группировки ГА «Центр»!

Ну а если по-простому, то, в сущности, это означало создание противнику максимально благоприятных условий для скорейшего захвата Москвы. Потому как была бы снята угроза правому, южному, флангу ГА «Центр». Гитлер понял суть ситуации по состоянию на 29 июля 1941 г. и потому приказал приостановить наступление на Москву, дабы разделаться с советским Юго-Западным фронтом, за что его до сих пор клянут ветераны вермахта. И Сталин тоже блестяще понял ситуацию, потребовав соответствующих действий против правого фланга ГА «Центр», о которых очень подробно, с приведением мельчайших деталей поведал в своих книгах один из самых блестящих современных историков-аналитиков Ю.И. Мухин¹⁴⁷.

Но Жуков, увы, даже после войны, когда все было прекрасно известно, когда Научно-историческое управление Генерального штаба давным-давно привело все документы и карты в порядок и можно было безальтернативно убедиться, что не стоит приводить ту самую байку о крутом разговоре, ничего не понял. Он не понял даже того, что было совершенно очевидно. Ведь если перевести на язык Уголовного кодекса (без разницы, какого года) суть его предложения, то это называется

предательство. Причем в форме открытия фронта и создания противнику благоприятных условий для достижения победы над Советским Союзом. Ведь если Киев сдали бы в июле, как это предлагал Жуков, то Москва была бы захвачена и катастрофа с необратимыми последствиями была бы абсолютно неминуема. Неужели четырежды Герой Советского Союза даже после войны не мог сообразить, что не нужно забавлять публику глупой байкой, за кулисами которой откровенно маячит предложение о предательстве. Увы, но при той «органической ненависти» Жукова к штабной работе вкратце проанализированная байка — вполне «естественное явление». Ну, а неспособные даже думать или хотя бы задуматься всевозможные комментаторы и толкователи его лживых «воспоминаний и размышлений» и прочие деятели всяческих пропагандистских искусств растрезвонили эту байку на весь свет. И ведь что характерно, до сих пор не понимают, что, муслируя эту байку якобы в антисталинском духе, на самом-то деле выставляют Жукова предателем! Впрочем, чего их винить, когда Жуков сам виноват, что запустил такую глупость с таким двойным дном.

И, наконец, в порядке горького «десерта» два уникальных факта, способных свергнуть в шок кого угодно.

Факт 1. Перед тем как в западные приграничные округа стала передаваться директива № 1 — начало ее передачи 00 ч. 25 мин., завершение, по данным Жукова, в 00.30 22 июня — в штабе Киевского особого военного округа раздался телефонный звонок. Трубку взял командующий КОВО генерал-полковник М.П. Кирпонос. Звонил дежурный генерал наркомата обороны. Он передал, что в соответствии с приказом наркома обороны (то есть Тимошенко) ему поручено передать Кирпоносу, что в 4.00 утра 22 июня 1941 г. ожидается переход германскими войсками государственной границы. Одновременно дежурный ге-

¹⁴⁷ 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998, с. 152—197.

нерал сообщил Кирпоносу, что нарком обороны приказал привести войска округа в боевую готовность, выдать боеприпасы, но огня по противнику до особого указания не открывать, границу не переходить¹⁴⁸.

Факт 2. Оказавшись под следствием, бывший командующий ЗапОВО-ЗФ Д.П. Павлов показал на допросах следующее. «В час ночи 22 июня с.г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: “Ну, как у вас, спокойно?”. Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов — Сопоткин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На других участках фронта я доложил, что меня особенно беспокоит группировка “Бялоподляска”. На мой доклад народный комиссар ответил: “Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай *сегодня утром*, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните”. На этом разговор закончился»¹⁴⁹.

Примерно через два с половиной часа Тимошенко вновь позвонил Павлову, который по этому поводу рассказал на допросе следующее: «В 3 часа 30 мин. народ-

ный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил, что нового. Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена, и соответствующие указания командующим даны. Одновременно я доложил наркому, что вопреки запрещению начальником ВВС Жигаревым заправить самолеты бензином НЗ и заменить моторы за счет моторов НЗ я такое распоряжение отдал Копцу и Таюрскому. Народный комиссар это мое распоряжение одобрил. Я обещал народному комиссару дальнейшую обстановку на моем участке доложить после вторичных переговоров с командующими армий»¹⁵⁰.

А примерно в 4.30—4.40 22 июня, когда гитлеровские бомбы уже горохом сыпались на советские войска и города, Тимошенко вновь позвонил в штаб уже ЗФ и заявил взявшему трубку заместителю командующего генералу И.В. Болдину следующее: «Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать. Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову, что товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам. Разведку самолетами вести не далее шестидесяти километров»¹⁵¹.

Вот теперь, положи руку на сердце, попробуйте хотя бы самим себе честно, без всяких уверток и «демократических политкорректностей» объяснить главное в этих фактах. Почему командующий КОВО персонально предупреждается о нападении немцев еще до поступления в округ директивы № 1?

И почему командующий ЗапОВО даже в час ночи 22 июня, то есть уже после того, как директива № 1 была подписана и якобы отдана на узел связи для передачи в округа, не получает от наркома обороны никаких аналогичных оповещений?!

¹⁴⁸ Вакуров Я, Андреев Г. Генерал Кирпонос. М., 1969, с. 63.

¹⁴⁹ Из протокола допроса бывшего командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова 7 июля 1941 г. Цит. по: Ямпольский В.Л. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года). Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008, с. 458—459.

¹⁵⁰ Там же, с. 459—460.

¹⁵¹ Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961, с. 85.

Почему командующему КОВО нарком прямо приказывает привести войска округа в боевую готовность и выдать боеприпасы (между прочим, командующий 5-й армии КОВО генерал Потапов и вообще запретил выдачу боеприпасов на руки личному составу), а командующему ЗапОВО вместо аналогичного приказа тот же нарком, который уже отправил в округа директиву № 1, рекомендует быть спокойным, как бы мимоходом заметив попутно, что «может, что-нибудь и случится неприятное»?! Более того. Рекомендует собрать штаб утром, да и то на всякий случай?! А если что неприятное случится, так позвонить в Москву?!

Почему командующему КОВО было передано, что в 4.00 утра ожидается переход советской границы немецкими войсками?! Переход—это одно, нападение, милый пардон, совсем иное. Ведь и ежу было понятно, что не в гости же они собрались к нам. Почему столь идиотская формулировка важнейшего сообщения?!

Почему командующему КОВО было приказано до особого распоряжения огня не открывать, причем без уточнения, об огне из какого оружия идет речь, и границу не переходить?

Почему командующему ЗапОВО было приказано и вообще никаких действий против немцев не предпринимать, артиллерийский огонь не открывать, но авиаразведку вести на глубину до 60 км в глубь германской территории?! Ведь перелет границы — это нарушение границы. А в той ситуации это означало предоставление германской стороне прекрасного аргумента в пользу их версии о том, что-де Советы намерены совершить агрессию против Германии и потому она превентивно защитилась. Да и вообще, это не приказание, а полный бред сумасшедшего в погонах с огромными звездами. Артиллерийский огонь не открывать — кто запретил, хрен поймешь. Якобы Сталин запретил. Никаких действий против немцев не предпринимать — тоже

хрен поймешь, кто запретил. Но границу можно перелетать на глубину до 60 км. И опять хрен поймешь, кто разрешил... А в директиве, которую Тимошенко вместе с Жуковым подписал и отправил в округа, между прочим, прямо было написано «войскам ...быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников», Это-то куда теперь приткнуться? Не говоря уже о всех тех нюансах, связанных с этим запретом, о которых было сказано еще в первой книге. Проще говоря, о том, что в действительности никакого запрета со стороны Сталина на открытие огня и ответные действия в ночь с 21 на 22 не имело место быть!

Так внезапный удар ли должны были ожидать наши войска или «невинный переход» германскими войсками советской границы?! Нет, неправ был Сталин, когда говорил, что у Тимошенко голова большая, а мозги куриные. Куриные-то они куриные — спорить со Сталиным нет резона, он лучше знал Тимошенко, только вот, очевидно, не знал, что они не только куриные, но и подлые. Иначе как назвать все эти приказания, да еще и со ссылкой на Сталина, который за четыре дня до нападения санкционировал приведение войск в полную боевую готовность. А высшее командование вкупе с местным командованием не столько умышленно, сколько явно преступно «дурака валяло», прикрываясь именем Сталина. А если попростому, то, прикрываясь именем Сталина, организовало самый настоящий саботаж вместо приведения войск в боевую готовность.

Почему к двум командующим двух наиважнейших округов на западных границах СССР нарком обороны проявил столь резко дифференцированный подход в важном вопросе — оповещении о грядущем буквально через несколько десятков минут нападении Германии?!

Почему, наконец, командующего КОВО предупреждает, хотя и по приказу

наркома обороны, но тем не менее всего лишь дежурный генерал наркомата обороны, а Павлова «успокаивает» лично нарком?!

Что же прикажете теперь думать по поводу всего изложенного и персонально о Тимошенко?! Могу сказать только

одно — поставленные вопросы сами за себя говорят...

А что касается запрета на открытие огня, в том числе и артиллерийского, причем со ссылкой на Сталина, то не могу не отметить, что уж больно круто наврал Тимошенко. Не было этого.

Глава 3

ДАЕШЬ «ПЛАНОВ» ГРОМАДЬЕ В ОСНОВЕ ... «БЕЗГРАМОТНОГО СЦЕНАРИЯ»!

Так ничего гнусней и мерзостнее нет,
Чем рвения ложного поддельно яркий цвет.
Чем люди, полные своекорыстным жаром,
Которые, кормясь молитвой, как товаром,
И славу, и почет купить себе хотят
Ценой умильных глаз и вздохов напрокат.

Мольер. Тартюф.

К глубокому сожалению, трагедия 22 июня 1941 г. действительно была неизбежна. Потому как была обреченно предreshена, а, следовательно, и неминуема!

22 июня произошло то, что и должно было произойти! В точном соответствии с предупреждением агента и резидента ГРУ от 28 мая 1941 г. — помните, «Русская армия поставит себя под удар немецкого наступления в западной части СССР и будет там разбита в кратчайший срок», — а также иными разведывательными данными аналогичного характера.

Сама по себе армия (в данном случае имеется в виду группировка советских войск в западных приграничных военных округах) «поставить себя под удар немецкого наступления» или, если более точно, подставиться под разгром не может. На любом уровне вооруженные силы — жестко иерархическая структура, на вершине которой ее командование. Не солдаты выбирают, где и как обороняться (как, впрочем, где и как наступать). Проще говоря, не они выбирают стратегию и тактику обороны (или наступления).

Это компетенция сугубо командования, причем именно же сверху вниз. Хотя во время войны нередко были случаи, когда инициатива шла снизу.

Следовательно, только конкретные действия командования могут подставить войска под разгром. Оказаться же подставленной под разгром целая группировка вооруженных сил в западных приграничных военных округах могла лишь в результате конкретных действий командования — от командующих армиями в округах и самими округами, но более всего вследствие конкретных действий высшего командования, то есть руководства наркомата обороны и генерального штаба. Ничего другого быть не могло. А что нужно для того, чтобы подставить свою армию под разгром? Не так уж и много.

I. Вынашивать преступный антигосударственный замысел, иметь сообщников, вместе с которыми преследовать антигосударственные цели.

II. Знать стратегию и тактику главного противника.

III. Обладать соответствующим диапазоном власти, чтобы, не оставляя

письменных следов, принципиально, строго неадекватно стратегии и тактике главного противника готовить собственные войска к его нападению.

Насчет вынашивания преступного антигосударственного замысла и преследования антигосударственных целей уже говорилось в самой первой главе первой книги. Предъявить прямые и неопровержимые доказательства вынашивания и преследования высшим командованием РККА, а также командованием округами и армиями в приграничных округах преступного антигосударственного замысла и антигосударственных целей в настоящее время пока еще невозможно. Прежде всего в силу пока непреодолимой закрытости некоторых специфических архивов. Тем не менее выше уже были приведены определенные, фактически прямые доказательства того, что в первом полугодии 1941 г. уже было совершено особо опасное государственное преступление. То есть тогда, когда образовался тандем Тимошенко—Жуков, возглавивший «киевскую мафию». Это преступление выразилось в незаконной, негласной и неофициальной подмене сути замысла и принципа обороны, незаконном изменении наиболее правильного прогноза о направлении главного удара вермахта, что в итоге привело к трагедии 22 июня 1941 г. Более того. Существует также и огромная совокупность косвенных признаков. В том числе нередко на грани автоматической трансформации в прямые доказательства. Именно это все-таки позволяет, тем более в комплексе со всеми данными, приведенными во всех томах этой книги, настаивать на том, что ими действительно вынашивался преступный антигосударственный замысел и преследовались антигосударственные цели. По ходу дальнейшего разведывательно-исторического расследования эти признаки будут соответствующим образом раскрываться и подтверждаться соответствующими фактами. А сейчас хотелось бы обратить внимание вот на что.

В свое время Жуков вообще дописался до невероятной подлости. В секретном письме от 19 мая 1956 г. на имя главного негодяя ЦК КПСС Хрущева письменно ляпнул фантастически чудовищную ложь и глупость одновременно — что-де по вине Сталина советским войскам в 1941 г. «не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника»!¹⁵² И уж раз он письменно ляпнул такое, то, увы... Даже осознавая, что неправдоподобный образ Георгия Победоносца в лице Жукова намертво укоренен в общественном сознании нашей страны, вследствие чего едва ли не все взирают на Жукова как на великого стратега и полководца, не могу не обратить внимания чистоты маршала. Это же надо было умудриться ляпнуть такое — что-де по вине Сталина советским войскам в 1941 г. «не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника».

Справка-комментарий. Подлинным Суворовым Красной Армии и Подлинно Великим Маршалом Великой Победы был непревзойденный стратегический и полководческий талант, умнейший и благороднейший Константин Константинович Рокоссовский. Именно о нем партийные верхи еще в самом начале войны говорили как о полководце, который способен отразить агрессию, переломить катастрофическую ситуацию. Именно его гитлеровские супостаты уже в 1941 г. боялись как огня и черт лада и тогда же прозвали Генерал-Кинжал. Именно в честь блистательных побед войск, находившихся под командованием Великого Рокоссовского, во время войны в Москве прозвучал каждый шестой салют из 363 имевших место быть.

Как Маршал Советского Союза, вроде бы профессиональный до мозга костей военный, который ничего, кроме военного дела, не знал и не умел (правда, сам Жуков утверждал, что в нем погиб блестящий скорняк — уж лучше бы скорняж-

¹⁵² АП РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 88. Л. 4—30. Подлинник.

ничал), мог письменно ляпнуть такое — ума не приложу! Ведь вооруженные силы любого государства для того и создаются и содержатся, чтобы всегда быть готовыми отразить готовящийся удар противника. В этом, именно в этом абсолютно весь смысл их существования, что называется, с седых библейских времен. Как же надо было изгибаться перед недобитым троцкистом и недоумком-кукурузником и какими же страшными «скелетами в собственном шкафу» надо было обладать, чтобы опуститься до такой демонстрации глубочайшего непонимания роли вооруженных сил в жизни государства и письменно ляпнуть такое?!

Задача защиты государства и страны от внешнего агрессора — как главная и единственная функция вооруженных сил — прямо прописана в Конституции любого государства. Так что при чем тут Сталин?! Не говоря уже о том, что все необходимые действия по приведении войск приграничных округов в боевую готовность Сталин предпринял своевременно. Слава богу, необходимые доказательства этого есть и в архивах, и в соответствующих мемуарах. И они будут предъявлены, как уже была предъявлена часть из них.

«Ну что сказать после этого?» — отмечает в своей книге «Запрещенный Сталин» опубликовавший полный текст этого грязного антисталинского пасквиля президент Регионального общественного фонда содействия социальной и правовой поддержки ветеранов и сотрудников ФСБ РФ, кандидат исторических наук Василий Михайлович Сойма. «Правильно: рабы всегда пляшут на могилах своих господ. Первым Сталина предал Хрущев, больше всех пресмыкавшийся перед ним*. Вслед за Хрущевым отрекаться от прежнего кумира начали все: политики и ученые, военные и инженеры человеческих душ. Прославленный полководец** тоже не удержался, отдал дань моде. А может, и в самом деле вознесся, уверовал в свою гениаль-

ность. Власть с человеком чудные чудачества творит»¹⁵³.

Комментарий*. — Не от страха, а от осознания своей тщательно скрывавшейся никчемности в сравнении с Величием Гения Созидания! И, конечно же, своей фантастической подлости**. — Вот где одна из самых страшных ошибок Сталина — собственными же руками слепил из Жукова образ Георгия Победоносца, который в знак благодарности и оклеветал его донельзя.

Туг, правда, вполне резонно слегка заострить мысль уважаемого ветерана органов госбезопасности. Не «дань моде» отдал тогда Жуков и не «тоже не удержался», и даже не столько уверовал в свою гениальность. Если бы дело обстояло именно так, ну и бог бы с ним! В нашей истории кто только не куролесил подобным образом — эка невидаль. Тут дело совсем в ином. Это письмо Жукова — план-программа, как надо затыкать всем рты. А заодно приказать — строго-настрого приказать—исходить из того, что в трагедии 22 июня 1941 г. виноват только Сталин, а он да Тимошенко стратеги не только безграмотные, но и... впрочем, пока обойдемся без особых резкостей, никакого отношения к той кровавой трагедии не имеют! И за 27 миллионов человеческих жизней они не в ответе! Однако, как и всегда бывает в истории, у него и получилось-то как всегда. В тексте этого выступления он собственноручно, лично, письменно обозначил все то, что хотел навсегда скрыть от народа, отдавшего столько жертв на алтарь Великой Победы. И что особенно ценно, почему хотел это скрыть, в первую очередь причины, включая и их параметры, того, как он умудрился преступно «проморгать войну».

Под эти незамысловатые в своей феноменальной, как бы это мягче сказать, неадекватности постулаты очень многие

¹⁵³ Сойма ВЖ Запрещенный Сталин. М., 2005, с. 428.

историки лихо подгоняют все свои исследования и писания. Вместо честного ответа на вопрос о том, почему произошла такая трагедия, обладающих достаточным для осуществления исторического анализа любой сложности интеллектом и солидным багажом знаний исследователей почему-то как магнитом тянет к формированию все более и более экзотических концепций. Причем вопреки всем проверенным фактам и свидетельствам, достоверным документам и т.п. аргументам. При этом умышленно делают вид, что не замечают элементарной истины, бросающейся в глаза. Главное — вплоть до физиологического столбняка и одури ошарашить читающую публику запредельно экзотической концепцией, даже если она на грани статуса путевки в дурдом с особо жестким режимом.

Комментарий. Других же исследователей неудержимо тянет к столь осторожным высказываниям по различным, прежде всего острым историческим вопросам и проблемам, особенно Второй мировой и Великой Отечественной войн, что сравнение с известными манерами страуса — всего лишь милый комплимент. Как минимум это элементарное шкурничество и трусость, отсутствие принципиальной позиции. И беда состоит в том, что такой своей позицией эти, с позволения сказать, «историки» дают простор для действий любителям экзотических концепций. Если нет принципиально жесткого отпора, любители экзотики будут множиться, как мухи-дрозофилы, и никакой дихлофос уже не поможет.

Однако при любых обстоятельствах главный тезис — во всем виноват Сталин! На мгновение предположим, что это так. Но в таком случае, кто бы вразумительно объяснил, что должен означать тот огромный даже в умышленно укороченном виде перечень свидетельств о готовящемся предательстве во время войны, который был приведен в первой книге?! Ведь одно только голое перечисление тех фактов уже начисто подрывает сам тезис о якобы безусловной единоличной

вине Сталина за трагедию 22 июня 1941 г. А если к этому добавить еще и нижеследующий факт, то он и вовсе отобьет охоту заниматься пустопорожней и клеветнической брехней в адрес Сталина.

В конце мая 2010 г. к известному и влиятельному политику современной России, депутату Государственной Думы, ныне, увы, покойному Виктору Ивановичу Илюхину обратился имярек — по соображениям его личной безопасности имя этого имярека пока не разглашается — и сообщил буквально умопомрачительные факты. Оказалось, что большое количество документов, связанных как с Катынской трагедией, так и с кануном войны были сфальсифицированы и злоумышленно вброшены в отечественные архивы. По военной тематике основы фальсификаций предоставлял 6-й Институт Генерального штаба РФ. Происходило это во времена Ельцина.

Фальсификации по военной тематике накануне войны затрагивают вопросы осведомленности советских разведывательных служб о намерениях и планах нацистской Германии, а также — прошу особого внимания! — вопросы стратегического планирования отражения неминуемой агрессии. Причем — еще раз прошу особого внимания — фальсификации именно на эту последнюю тему имеют достаточно выпукло проявляющуюся двустороннюю ориентированность. Смею судить об этом, так как располагаю той «документальной» базой, которую предоставил упомянутый выше имярек.

Значительная часть фальшивок направлена на якобы документальное подтверждение якобы наличия у Советского Союза (читай: у Сталина) агрессивных планов по нападению на Германию. То есть, если по-простому, эти фальшивки якобы документально льют воду на мельницу пресловутой концепции «Ледокола» некоего «В. Суворова» — предателя из ГРУ В.Б. Резуна. Не менее значительная часть этих фальшивок ориентирована

также и на то, чтобы якобы документально доказать тот факт, что именно Сталин виноват в неправильном определении направления главного удара вермахта, что и привело к невероятной трагедии. Тем самым создается впечатление якобы документального подтверждения некоей правдивости и объективности мемуаров некоторых маршалов, в частности Жукова и Василевского.

Если говорить обобщенно, то следует признать, что создан «уникальный прецедент» — запущенные в научно-архивный оборот фальшивки позволяют рано или поздно, но чуть ли не на уровне Нюрнбергского трибунала документально обвинить Советский Союз и Сталина в планировании агрессивной войны, окончательно, в том числе даже и юридически, свалить всю вину за Вторую мировую на СССР и уже де-юре поставить его на одну доску с нацизмом. Не говоря уже о том, чтобы навсегда скрыть подлинные причины трагедии 22 июня 1941 г. Ну а последствия этого... Впрочем, не будем об этом, ибо, как говорится, еще далеко не вечер и, по меньшей мере фигурально выражаясь, поставить к стенке всех этих фальсификаторов еще успеем. И первое, что надо сделать, так это всерьез озадачиться следующими тремя вопросами, причем именно в той последовательности, которая показана ниже:

1. А почему, собственно говоря, фальшивки имеют такую направленность?

2. От чего конкретно в истории кануна войны уведат в сторону эти фальшивки?

3. Что конкретно прикрывается этими фальшивками?

Происхождение этих вопросов обусловлено двумя очень простыми причинами, которые хорошо известны всем.

1. Фальшивки, как известно, стряпаются и вбрасываются только с конкретной целью, как правило, политической, причем традиционно отно-

сящейся к высшим сферам. Из «любви к искусству» фальшивки изготавливают только фальшивомонетчики-одиночки, цель которых ясна своим примитивизмом.

Справка. Правда, в том случае, если фальшивомонетничеством занимаются государственные или крупные криминальные структуры, а такое не раз бывало в Истории, ~+пример XX в., да и ранее тоже, то преследуется, вне всякого сомнения, конкретная политическая цель высшего порядка. Финансовые инструменты уничтожения противника применяются, что называется, с седых библейских времен. А это уже высшая политика.

***◆

2. Вторая причина проистекает из главной особенности любой войны. Как известно, любая война — это не только продолжение политики иными, чрезвычайно кровавыми, средствами и методами, но и беспрецедентно великолепная, хотя и, увы, жестоко кровавая проверка на верность и прочность убеждений, на патриотизм тех, кто, присягнув на верность Родине, головой отвечает за ее безопасность. А вот тут-то, в части, касающейся трагедии 22 июня 1941 г., и придется еще раз вспомнить давно известный вердикт — «с трудом приходят на ум мысли о том, что события далекого прошлого некогда ожидалось в будущем». Ну а почему придется — весь сказ еще впереди.

Положения пунктов 11-111 относятся к проблеме выбора стратегии вступления государства и вооруженных сил в войну. Сугубо профессиональный взгляд на эту проблему выше уже приводился. Но напомнить, ввиду особой сложности исследуемого вопроса, не грех: «Если стратегия вступления государства и армии в войну изначально ошибочна, то ничто — ни искусство генерала на поле боя, ни доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы — не могло иметь того решающего эффекта, которого можно было ожидать в противном слу-

чае. Одной из важнейших причин поражения наших войск в начальный период войны явилась недооценка Наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни».

Отмечалось в этой связи и то, что есть две стратегии вступления в войну: стратегия вступления государства в войну и стратегия вступления вооруженных сил государства в войну. Уже говорилось также и о том, за какую конкретно стратегию несли ответственность Сталин и советское правительство, а также Тимошенко с Жуковым. Это повторять не будем. Как, впрочем, не будем повторно цитировать выдержки из доклада Жукова и выступления Тимошенко на декабрьском 1940 г. совещании высшего командного состава РККА. Просто еще раз подчеркнем, что содержание процитированных выдержек из их докладов ясно и однозначно свидетельствует о том, что они все прекрасно понимали, знали и весьма трезво оценивали. И Жуков и Тимошенко все знал, понимал и трезво оценивал.

Но раз это так — а иной вывод из произнесенных ими докладов при всем желании не сделаешь, — то почему не было сделано никаких конкретных выводов?! Хуже того. Почему из такого серьезного и объективного знания стратегии и тактики противника были сделаны даже в самой мягкой формулировке более чем неадекватные выводы, которые именно в силу своей поразительной неадекватности прямоком попадают в стальные объятия знаменитой 58-й статьи Уголовного кодекса того времени? Проще говоря, заставляют задуматься о предательстве и измене. Сугубо профессиональный ответ в том и состоит, что при таком знании стратегии и тактики вермахта отнюдь не странным образом, но умышленно была избрана не столько ошибочная и неверная, сколько чрезвычайно опасная стратегия вступления вооруженных сил в войну. Более

того. Умышленно — другого вывода быть не может, в чем еще убедимся, — это не крутой занос автора в своих предположениях, тем более что это и не предположения вовсе. Увы, но это факт. К глубокому сожалению, трагедия 22 июня 1941 г. действительно была неизбежна.

Потому как была обреченно предпринята, а, следовательно, и неминуема! Потому, что войска приграничных округов приступили к отражению гитлеровской агрессии, что называется, «без царя в голове», и это при формально разработанных и представленных в ГШ новых планах обороны государственной границы и противовоздушной обороны, которые, по свидетельству ряда командиров, не были им известны или известны фрагментарно. Причем даже в части, касавшейся соединений, которыми они командовали.

Короче говоря, войска вступили в войну без утвержденных высшим военным командованием СССР конкретных планов прикрытия и обороны. Хуже того. В подавляющем своем большинстве они приступили к отражению гитлеровской агрессии в состоянии, которое назвать боевой и уж тем более полной боевой готовностью ни язык, ни перо не поворачиваются, а компьютер так и вовсе отказывается воспринимать такие слова. Потому, собственно говоря, и оказались подставленными под разгром. И, что самое прискорбное, в подавляющем большинстве случаев за подобной, немыслимой для военных ситуацией стоит откровенно преступный умысел.

Простите за банальное напоминание, но подготовка вооруженных сил любого государства к войне или вооруженному конфликту всегда начинается с разработки конкретных документов. Прежде всего, это План стратегического развертывания вооруженных сил, Мобилизационный план и, наконец, План прикрытия (обороны) государственной границы.

Естественно, что в Советском Союзе началось все по этой схеме. Первыми, к тому же к сентябрю 1940 г., были разра-

ботаны проекты следующих документов: плана стратегического развертывания вооруженных сил («Соображения об основах стратегического развертывания...») и мобилизационного плана. Парадоксальным образом ни наркомат обороны, ни генеральный штаб, то есть ни Тимошенко, ни Мерецков (в то время именно он уже возглавлял ГШ), не учли того, что мобилизационный план — этот наиважнейший документ военного планирования — должен быть увязан с рядом других, не менее важных документов. В результате проект этого документа был отправлен на доработку, которая, как утверждается, затянулась до начала второй декады февраля 1941 г. Проект мобилизационного плана до 20 августа 1940 г. разрабатывал мудрый Генштаба Красной Армии в Политбюро ЦК ВКП(б) — И.В. Сталину — и СНК СССР — В.М. Молотову — с изложением схемы мобилизационного развертывания Красной Армии»¹⁵⁵.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Проект постановления имеет всего **13** страниц, а записка НКО и ГШ — **51** страницу. А ведь и тот, и другой документы посвящены одному и тому же вопросу — схеме мобилизационного развертывания Красной Армии. Неужели столь круто похудел проект мобилизационного плана, побывав в руках Сталина и Молотова?!

Приведенные выше вопросы — отнюдь не праздные. Мобилизационный план — это та самая печка, от которой «танцует» все военное планирование, тем более на случай войны и потребности отражения агрессии. Нам же показывают только проект постановления, а также то, что приложено к нему в качестве мо-

текст настоящего Постановления Совета Народных Комиссаров СССР «О мобилизационном плане на **1941** год». Фигурирует некий «Проект Постановления СНК СССР “О мобилизационном плане на **1941** год”» от 12 февраля¹⁵⁴. Соответственно возникает вопрос: а было ли это самое Постановление СНК СССР, и если да, то каково его подлинное содержание? Тем более важно знать, был ли официально утвержден мобилизационный план и каково содержание официально утвержденного мобилизационного плана. Все, что известно на этот счет, в известном всем историкам сборнике «**1941** год. Документы» называется «Записка НКО СССР и

Генштаба Красной Армии в Политбюро ЦК ВКП(б) — И.В. Сталину — и СНК СССР — В.М. Молотову — с изложением схемы мобилизационного развертывания Красной Армии»¹⁵⁵.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Проект постановления имеет всего **13** страниц, а записка НКО и ГШ — **51** страницу. А ведь и тот, и другой документы посвящены одному и тому же вопросу — схеме мобилизационного развертывания Красной Армии. Неужели столь круто похудел проект мобилизационного плана, побывав в руках Сталина и Молотова?!

¹⁵⁴В первом томе неизвестной всей историкам «малиновке» — «1941. Документы» — под № 273 приведен этот проект. Указаны также архивные данные — ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2154. Д. 4. Л. 268—281.

¹⁵⁵ 1941. Документы. Кн. 1. М., 1998, документ под № 272. Указаны также координаты архивного хранения — ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2154. Д. 4. Л. 199—250 (без учета страниц приложений).

Загадки начинаются с того, что нигде, даже в упомянутом «демократическом» издании, не приводится полный подлинный

билизационного плана. Иначе как проектом мобилизационного плана это назвать нельзя. По крайней мере, пока нельзя. Как впрочем, и записку НКО и ГШ. Потому что свой полный статус обязательного к неукоснительному исполнению закона мобилизационный план обретает только после его официального утверждения правительством государства. У историков же на сегодняшний день в распоряжении нет такого архивного документа. «Танцевать» же от проекта, к тому же непонятно, утвержденного или нет, как-то не очень складно получается. Исследование должно опираться на официально действовавшие в свое время документы, а не на их проекты, тем более при сомнительной их «биографии».

Соответственно, возникает следующий вопрос: а почему, собственно говоря, исторической науке не дозволяется ознакомиться с подлинным текстом подлинного, официально утвержденного оветским правительством мобилизационного плана? Что, между тем, что нам постоянно тычут в качестве якобы архивного документа, и подлинным документом есть серьезный разницей?! А, быть может, и впрямь официально утвержденного мобилизационного плана не было?! Ведь только эти мысли и могут прийти в голову, зная, как власть, включая и высший генералитет, могут брехать и фальшивить, в том числе и документально, в неудобных для себя случаях... Но тогда еще один вопрос: а что, собственно говоря, делал Генеральный штаб перед войной, какой документ мобилизационного характера он разрабатывал, перерабатывал, дополнял, изменял и уточнял, а также какие связанные с ним иные документы разрабатывал, перерабатывал, дополнял, изменял и уточнял?!

Если почитать мемуары Василевского, так там встретишь упоминание о том, что план отражения агрессии было приказано переработать к 15 декабря. Однако

план, как уже указывалось ранее, это официальный документ. То есть переработать можно было только проект. Но Василевский указывает, что он говорит именно о плане отражения агрессии. То есть, надо полагать, он имел в виду «Соображения...» от 18 сентября, утвержденные правительством СССР 14 октября 1940 г. Возглавившему впоследствии «мозг армии» просто не к лицу подобное изложение событий. Он же прекрасно знал, что «Соображения...» утверждены правительством. О какой же переработке плана могла идти речь?! Еще что можно вычитать из его мемуаров в этой же связи, так это то, что вся эта переработка началась с некоего устного указания Мерецкова—тогда начальника Генерального штаба, — сославшегося на некое указание Сталина. Ранее об этом также говорилось, в том числе и о том, что, во-первых, Василевский не утверждал, тем более категорически, что Сталин приказал считать главным для вермахта Юго-Западное направление.

Комментарий. Еще раз хочу обратить внимание читателей на далеко не безобидное жонглирование маршалами и генералами, а также всевозможными толкователями и комментаторами их «воспоминаний и размышлений» некоторыми терминами. В данном случае речь идет о Юго-Западном направлении. Понимаете ли, в чем все дело-то?! Когда приписывают Сталину, что он якобы приказал считать главным Юго-Западное направление, то получается, что у Сталина были какие-то агрессивные намерения против Германии. Потому что в этом термине фигурирует понятие «западное» направление. Если Сталин хотел бы приказать нечто подобное, то он исходил бы из логики германского командования, для которого это направление было Юго-Восточным. Следовательно, Сталин мог, если, конечно, захотел бы, приказать считать главным для тевтонов именно Юго-Восточное направление. Ведь супостаты собирались в Дранг-нах-Остен, а не в Дран-нах-Вестен. Вот и получается, что маршальско-генеральское жонглирование одним термином далеко небезобидно.

По его признанию, Сталин всего лишь высказал свою точку зрения. Согласитесь,

что какая-никакая, но разница есть. Более того, основания для высказывания такой точки зрения у него были, и в порядке обмена мнениями при обсуждении наиважнейшего общегосударственного плана обороны сие было более чем естественно.

Во-вторых, отметив, что это произошло во время рассмотрения проекта плана, то есть «Соображений...» от 18 сентября 1940 г., Александр Михайлович указал, что-де Генштабу было поручено переработать план к 15 декабря 1940 г.

Однако, еще раз обращая на это внимание, переработать в такой ситуации можно было только проект, ибо план — это уже официально действующий документ. Ведь уж кто-кто, но сам-то Василевский, как один из главных разработчиков этого плана, прекрасно знал, что 14 октября 1940 г. «Соображения...» от 18 сентября 1940 г. были утверждены Сталиным. Следовательно, о какой же переработке плана к 15 декабря могла идти речь? Извините, но повторю — Сталин не был легкомысленной девицей, чтобы каждые пять минут менять свое мнение, тем более изменять только что подписанный документ. Тем более по столь наиважнейшему вопросу, как подготовка к защите государства от вероятной агрессии. Не говоря уж о том, что он вообще отличался особо тщательной проработкой всех документов, тем более такого уровня и значения. И уж если то ему и в самом деле было нужно, он попросту приказал бы считать не Юго-Западное, а Юго-Восточное направление шавным для вермахта. Но он-то всего лишь высказал свою точку зрения — это более чем естественно при рассмотрении таких особо важных документов. Более того. Сталин прекрасно знал, что «Соображения...» от 18 сентября 1940 г. разрабатывались под руководством глубоко уважаемого им самим Бориса Михайловича Шапошникова, мнение которого после советско-финляндской войны он стал ценить еще более высоко. Не говоря уж о том, что сам образ и суть стратегического

мышления Сталина были идентичны позиции Шапошникова. С какой же стати он должен был так игнорировать мнение столь уважаемого им аса Генштаба, если всегда любил приговаривать: «А ну, послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!» (слова Василевского, кстати сказать).

Так вот и спрашивается, на каком же основании происходила эта переработка плана, если, конечно, она происходила официально? И переработка какого конкретно плана происходила, если «Соображения...» к тому моменту без малого три месяца как были официально действующим планом?!

Да и вообще, Генштаб обязан был бы руководствоваться не рассказом К.А. Мерецкова, а постановкой задачи, которую обязан был сделать нарком обороны Тимошенко: в военной иерархии, тем более того времени, субординация соблюдалась жестко, особенно в таких вопросах. Да и Сталин действовал бы только через наркома обороны, ибо он отвечал в том числе и за Генштаб. Так что, причем тут сказки К.А. Мерецкова?! Единственное, что могло произойти и явно произошло, так это высказывание Сталиным пожелания об определенном дополнительном усилении обороны на Юго-Западном направлении ввиду громадного военно-экономического значения Украины. Пожелание вполне естественное и нормальное. Последовавшее вскоре решение о дополнительном усилении КОВО является подтверждением этого. А вот что произошло неофициально — об этом ранее уже много говорилось.

И вот еще что. Вновь прошу обратить внимание на одно уже упоминавшееся выше совпадение. Со ссылкой на Мерецкова Василевский утверждал, что-де Генштабу было поручено к 15 декабря переработать план, имея в виду переакцентировку усилий на Юго-Западное (Юго-Восточное) направление. И в том же декабре 1940 г. из КОВО в Генштаб за подписью Пуркаева и с согласия Жуко-

ва приходит записка, в которой утверждается, что именно на КОВО придется главный удар вермахта. А потому был разработан план превентивного встречно-лобового контрблицкрига силами округа, который впоследствии стал прототипом будущего «гениального» якобы плана от 15 мая 1941 г. А это что такое?! Что это за сверхнеобъяснимая прозорливость командования КОВО, на редкость «удачно» совпавшая со сроками исполнения сказочного указания Мерецкова?

Сказочного, потому как сам Мерецков «изящно» объехал на «хромой козе» то обстоятельство, чем он был занят с момента назначения начальником ГШ и до поздней осени 1940 г. У него это изложено так: «... На следующий день я приступил к исполнению новых обязанностей (начальника ГШ. — А. М.)... Поздней осенью 1940 года была назначена военная игра в Белорусском округе...»¹⁵⁶ Если вы поняли, чем он занимался с 20 августа 1940 г. (дата его назначения на пост начальника П11А) до «поздней осени 1940 г.», то автор искренне вам завидует. Но ведь и Василевский, и Жуков ссылаются на Мерецкова, а как видите, ни гу-гу. Ну, и как прикажете все это понимать? Особенно, если учесть, что в итоге-то Василевский с Жуковым откровенно намекают в этой связи на якобы отданный Сталиным приказ считать в качестве направления главного удара для вермахта Юго-Западное (Юго-Восточное) направление. Но раз речь зашла об этом, то как говорится, это уже из другой «оперы» и относится к разработке «Соображений о стратегическом развертывании...».

Следующее, что можно встретить в мемуарах Василевского, так это упоминание о том, что с середины апреля 1940 г. он включился в ответственную работу Генерального штаба — работу над планом отражения возможной агрессии¹⁵⁷. Но это

работа действительно над проектом «Соображений...». Да и сам Василевский подтверждает это словами «этот проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии докладывался непосредственно И.В. Сталину в сентябре 1940 г. в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК»¹⁵⁸.

То есть получается, что документы указанного характера разрабатывались, уточнялись, дополнялись и перерабатывались, а вот о мобилизационном плане — опять ничего непонятно. Так какова же в конце-то концов его судьба?! Как отмечает авторитетный исследователь В. Рунов, вот тут-то и «начинается самое странное. В связи с тем, что мобилизационный план в последующем неоднократно изменялся и уточнялся, в войска постоянно шли не утвержденные окончательно директивы, и войсковые штабы не успевали их отрабатывать. Частые изменения директивных документов привели также к тому, что многие из них просто не отработывались. Были и другие причины задержки в отработке мобилизационных документов. Так, известно, что заседание Военного Совета Западного Особого военного округа состоялось с опозданием по сравнению с календарными сроками на двадцать суток, а директива в войска была направлена только 26 марта 1941 года. Это директивный срок разработки мобилизационного плана округа отодвигался до 15 июня 1941 года»¹⁵⁹.

Однако же о каком мобилизационном плане можно говорить?! Автор уже указывал на то, что Сталин не был взбалмошной девицей, которая каждые пять минут меняет свое мнение, тем более по столь важному вопросу, которому был посвящен особо важный документ военного планирования. Более того. Уже указывалось,

¹⁵⁶ Мерецков К.Л. На службе народу. М., 2003, с. 199.

¹⁵⁷ Василевский Л.М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 105—106.

¹⁵⁸ Там же, с. 106.

¹⁵⁹ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2010, с. 91.

что Сталин очень тщательно подходил к разработке документов, тем более особо важных. Вот свидетельство человека, который не только не предал своего великого Верховного Главнокомандующего, но и написал о нем, в том числе и о его стиле работы, подлинную правду — Главного маршала авиации А.Е. Голованова: «Письменные документы... отрабатывались с особой тщательностью, по многу раз обсуждались и лишь после многократных чтений, поправок, критических замечаний отпечатывались начисто и подписывались. Сталин по поводу таких документов говорил: “Думай день, мало — неделю, мало — месяц, мало — год. Но, подумав и издав, не вздумай отменять”»¹⁶⁰. К слову сказать, на протяжении 1941—1945 гг. А.Е. Голованов едва ли не каждый день общался со Сталиным и потому прекрасно знал всю сталинскую «кухню» подготовки документов, тем более военных и особо важных. Так что его свидетельство вдвойне ценнее.

Все это к тому, что, говоря попростому, как такового официально утвержденного правительством СССР мобилизационного плана действительно не имело место быть! И этот умопомрачительный факт более полувека назад письменно подтвердил сам Г.К. Жуков. В своем секретном письме от 19 мая 1956 г. на имя главного тоща негодяя в ЦК КПСС — Н.С. Хрущева — Жуков так и написал: «У Генерального штаба не было законченных и утвержденных правительством *оперативного и мобилизационного* планов»!¹⁶¹ Остается только уточнить — у Генерального штаба времен правления Жукова.

То есть в наличии был только черновой проект, который использовался, как принято говорить, в «рабочем поряд-

ке». Иначе невозможно было бы вносить многочисленные изменения и уточнения, ибо после утверждения правительством мобилизационный план обрел бы статус закона, обязательного к неукоснительному исполнению. И любые изменения, дополнения или уточнения в действующий план должны были бы вноситься только с санкции правительства СССР, потому что за всем этим стоят вопросы высшей политики и экономики, которые решаются только на правительственном уровне. Короче говоря, получается, что как-то не с руки оперировать термином «мобилизационный план» применительно к последним шести месяцам перед войной. В работе был только непрерывно подвергавшийся различным изменениям рабочий проект мобилизационного плана, что вносило колоссальную сумятицу в военное планирование на всех уровнях. Потому что, подчеркиваю это вновь, мобилизационный план — это «печка», от которой «танцует» все военное планирование, тем более в угрожаемый период.

В то же время, если исходить из общепринятой и фактически монополично господствующей в историографии войны убежденности в том, что мобилизационный план все-таки действительно имелся и действительно был утвержден правительством СССР, то вывод будет очень даже нелицеприятным. Непрерывное внесение тех многочисленных изменений, дополнений и уточнений, о которых обоснованно пишет В. Рунов, было не чем иным, как далеко не художественной самодеятельностью Генерального штаба и наркомата обороны. То есть Жукова и Тимошенко. Причем, и это очень важно отметить, все эти изменения, дополнения и уточнения никак не были санкционированы правительством СССР. По крайней мере, нет таких документальных данных, которые подтверждали факт официальных изменений. Кроме, естественно, брехни самого Жукова, который в своих мемуа-

¹⁶⁰ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941—1945. М., 2008, с. 120. Указанное издание осуществлено без каких-либо купюр.

¹⁶¹ АП РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—30. Подлинник.

рах выставил советское правительство, как орган, который по любому требованию вояк штамповал одобрение любого варианта их бумаготворчества. Вот его слова: «Сейчас некоторые авторы военных мемуаров утверждают, что перед войной у нас не было мобилизационных планов вооруженных сил и планов оперативно-стратегического развертывания. В действительности оперативный и мобилизационный планы вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращалась нигде. После переработки они немедленно докладывались руководству страны и по утверждению тотчас же доводились до военных округов»¹⁶².

За такую активность в скоростном размножении бумаг Сталин точно снес бы выбритые до зеркального блеска «башни» и Тимошенко, и Жукова. Иосиф Виссарионович категорически не терпел лишнего бумаготворчества. А если документ был одобрен, принят и официально утвержден, то за самовольное внесение в него изменений, тем более в важнейшие документы по обороне страны, вразумляющий, а быть может, даже и очень суровый втык последовал бы незамедлительно. Так что врал Жуков. Не было этого конвейера бумаготворчества с мгновенным утверждением его «продукции» высшим политическим руководством СССР. Не было, и все тут!

А учитывая, что именно непрерывным потоком обрушивавшиеся на войска изменения, дополнения и уточнения едва ли не начисто дезорганизовывали работу окружных, армейских, корпусных и дивизионных штабов, то и вовсе приходится задуматься над тем, какую конкретно, не предусмотренную правительством СССР цель преследовала эта бумажная

фантазмагория. Особенно если вспомнить, что, как уже было установлено выше, имел место факт незаконной, неофициальной, никем не санкционированной подмены сути плана отражения агрессии, включая принцип обороны и определение наиболее вероятного направления главного удара противника. Впрочем, все эти рассуждения достаточно бессмысленны, ибо именно Жуков лично и письменно же признал, что при нем не было законченного и утвержденного правительством мобилизационного плана. НЕ БЫЛО! И это сущая правда, что такого документа в его времена так и не было составлено. Иначе каким же образом он и его поделщики по «киевской мафии» смогли бы непрерывно изменять, уточнять, перерабатывать, дополнять и вновь изменять и т.д. (по тому же кругу) мобилизационные документы под видом отработки мобилизационного плана. Да еще и якобы добиваться мгновенного утверждения внесенных изменений правительством СССР. Это же было Сталинское Правительство Советского Союза, а не клуб «безнадежных балбесов», мгновенно выдающих письменное «одобрям-с» по первому же требованию вояк.

Понимая, по всей видимости, какая может сложиться ситуация в историографии войны по мере открытия архивов и интенсификации исследований, современные военные историки в погонах с большими звездами стали действовать как заправские адвокаты. В оправдание своего кумира Жукова и чести корпоративного мундира выработали интересное алиби. Оно гласит: «Выработанный Генеральным штабом в предвоенный период план ведения военных действий оказался несостоятельным не столько в силу допущенных оперативно-стратегических просчетов (хотя таковые, безусловно, имели место), но, прежде всего по вине политического руководства, которое своим ошибочным решением воспрепятствовало своевременной реализа-

¹⁶² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1978, с. 212. Это четвертое издание его мемуаров, которое печаталось по третьему изданию.

ции намеченных мобилизационных мероприятий (фактически — сорвали ее [мобилизацию]). Несостоятельность, проявленная в этой ситуации высшим военным руководством — наркоматом обороны и Генеральным штабом, а точнее — стоящими во главе этих органов маршалом С.К. Тимошенко и генералом армии Г.К. Жуковым, не сумевшими отстоять принятые решения и добиться их выполнения, нельзя рассматривать иначе, как нехватку компетенции этих лиц и несоответствие занимаемым ими постам»¹⁶³.

И это все, чем можно принципиально объяснить немыслимую трагедию 22 июня?! Как дешево, да мило! План ведения военных действий оказался всего лишь несостоятельным (как уже указывалось выше, Тимошенко после войны обозвал его «безграмотным сценарием»). Да и виновато в том политическое руководство Советского Союза. То есть прежде всего Сталин, который, оказывается, воспрепятствовал реализации намеченных мобилизационных мероприятий и — даже! — сорвал мобилизацию?! А крутолобые и крутозвездные Тимошенко и Жуков виноваты лишь в том, что не по сеньке и жорке оказались нахлобученные ими фуражки?! Ну и ну!..

Чуть более трезвые в своих оценках исследователи считают иначе. Что нельзя «...замалчивать тот факт, что Жуков, даже в большей степени, чем нарком обороны Тимошенко, несет главную ответственность за низкую мобилизационную и боевую готовность войск, за недооценку боевой мощи противника и, в конечном счете, за поражение Красной Армии в начальный период войны»¹⁶⁴.

Это уже значительно объективнее, но тоже далеко не на 100 %. Да, Жуков несет

главную ответственность — тут процитированные авторы правы. Да, низкая мобилизационная и боевая готовность войск действительно в первую очередь на совести Жукова (как, впрочем, и Тимошенко тоже). И тому есть реальные причины. Как, впрочем, нет никаких оснований говорить о недооценке им боевой мощи противника — он ее знал и даже очень хорошо знал. Как, впрочем, и Тимошенко. На этот счет уже приводились соответствующие данные, в том числе и разведывательные. То, что 22 июня грянула невиданная трагедия, есть результат многочисленных, торопливых, не утвержденных и не продуманных изменений, дополнений, уточнений. Но главным образом, подмен, подтасовок и иных неприглядных действий со стороны высшего генералитета, в том числе и Жукова, в части, касавшейся военного планирования, включая и планы прикрытия и обороны. В результате войска приграничных округов вступили в борьбу с агрессором действительно «без царя в голове».

Соответственно, если серьезно и принципиально подойти к приведенным выше оценкам, особенно первой, то, миль пардон, о каком же таком, имевшем оперативно-стратегические просчеты и оказавшемся несостоятельным предвоенном плане ведения военных действий, выработанном Генеральным штабом времен Жукова, может идти речь?

Ведь выработанного Генштабом времен Жукова предвоенного плана ведения военных действий в реальности не имело места быть! Без разницы — с оперативно-стратегическими просчетами или нет. Его просто не было! Еще раз обязан привести письменно зафиксированные рукой самого Г.К. Жукова слова из его секретного письма от 19 мая 1956 г. на имя главного тогда негодяя в ЦК КПСС Н.С. Хрущева: «У Генерального штаба не было законченных и утвержденных правительством оперативного и мобилизационного планов»!

Подчеркиваю, что туг, то есть о своем периоде руководства Генштабом, Жуков

¹⁶¹ Стратегические решения и вооруженные силы. Т. I, ч. 1—3, М., 1995, с. 270.

¹⁶⁴ Лотуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с. 653.

сказал истинную правду, но одновременно и соврал. Потому как один официально утвержденный правительством план отражения агрессии (оперативный план) был. То есть «Соображения...» от 18.940/1410.40 г. Но они-то его не только игнорировали. Они его попросту подменили во всех аспектах. Хуже того. Незаконными, негласными и неофициальными методами на уровне устных договоренностей с командованием ПриОВО, ЗаОВО и КОВО и аналогичных распоряжений для них же, без какого-либо письменного оформления реализовывалась выношенная преступным путем и в преступных целях крайне опасная для безопасности государства стратегия вступления Вооруженных сил Советского Союза в неизбежную войну с нацистской Германией.

И вот если теперь, зная все это, внимательно приглядеться к сформулированному Сталиным вопросу № 1: «Были доведены до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; коща и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?» — то многих ожидает шокирующий сюрприз. Ведь Сталин-то в первую очередь имел в виду общегосударственный план обороны государственной границы! Естественно, но во вторую очередь, со всеми его ответвлениями по нисходящей — к округам, армиям, корпусам и дивизиям. Обратите внимание, что вопрос-то сформулирован без конкретизации одного нюанса — о каких конкретно войсках, командовании и штабах идет речь. Проще говоря, Сталин намеревался увидеть всю панораму событий и действий, связанных с планом обороны государственной границы. От его высшей формы, то есть от общегосударственного плана обороны, под которым он не мог подразумевать ничего иного, кроме «Соображений...» от 18.9./14.10.40 г., ибо знал, что это единственный официальный документ такого рода, до конкретных планов обороны округов, армий, корпусов и

дивизий. И именно во взаимосвязи. Поэтому и неслучайно, что опрашивавшиеся после войны командиры из этих округов, сообразив что к чему, в своих ответах на этот вопрос, за редчайшими исключениями, продемонстрировали «высший класс «стратегической обороны»» собственных шкур и корпоративных генеральских интересов. Если по-простому, то они продемонстрировали вот что. Потрясающе беспардонное вранье, фантастический разноречивой в ответах, откровенное увеливание в большинстве случаев от прямого ответа на прямо поставленный вопрос, сознательную подмену в ответах сути поставленного вопроса на неизвестно что, муссирование малозначительных деталей, «перевод стрелой» на кого угодно, только не на себя, и т.п. В совокупности это свидетельствует об отчаянных, сознательно предпринимавшихся опрошенными командирами усилиях скрыть нечто более важное. Более важное, чем даже уже четко зафиксированный факт незаконной, негласной и неофициальной подмены единственного официального плана отражения агрессии, в том числе сути его замысла и принципа обороны. И это нечто более важное есть суть тайны поражения войск этого округа, которое было осуществлено методом подставы их под разгром. Вскоре читатели сами убедятся в этом.

Ну а говорить всерьез о якобы плане от 11 марта 1941 г. нет решительно никаких оснований, тем более что, как оказалось, это фальшивка. Тем не менее ее весьма активно эксплуатируют в последнее время. Особенно на телевидении, в частности, на НТВ.

Со времен поганой катастрофы нобелевского комбайнера на российском телевидении завелась гнилая мода. Накануне очередной годовщины начала Великой Отечественной войны всевозможные деятели телевизионно-иллюзионистских искусств обрушивают на головы зрителей различные фальсификации. В последние годы этим особо стал выделяться некий Алексей Пи-

воваров с НТВ. По случаю 70-летия начала десятилетий безуспешно пытающийся войны этот деятель теле-иллюзионистских доказать, что СССР сам готовил агрессив-искусств состряпал на редкость подлый и ное нападение на Германию. Но он хотя гнусный документальный фильм «22 июня» апеллирует к другим документам, ко-Роковые решения». Долго говорить об этой истории, правда, не имеют никакого офици-телевизионной гнусности нет никакого же-ального статуса. Упомянутый документ лания. Все, что следует сказать о ней, мно-он ни разу не пытался использовать. го веков назад прекрасно выразил в одном Короче говоря, нагло и подло был из своих изумительных рубаи величайший извращен важнейший исторический до-кумент. Согласно этому единственному официальному плану отражения агрес-сии, проект которого, к слову сказать, был разработан одним из самых выдаю-щихся асов советского Генерального шта-ба, любимцем Сталина, Маршалом Со-ветского Союза Борисом Михайловичем Шапошниковым, войска первого опера-тивного эшелона Первого стратегическо-го эшелона, проще говоря, войска непо-средственного прикрытия должны были встретить, сдержать и отразить первый удар нацистских супостатов в состоянии активной обороны, подкрепленной в ряде мест активными действиями по сковы-ванию сил противника, под прикрытием чего должны были быть осуществлены мобилизация и сосредоточение основ-ных сил, на что отводилось по плану до 30 дней. И только после этого и только при наличии благоприятных условий, что прямо указано в плане, должно было бы начаться решительное контрнаступление в целях сокрушительного разгрома врага, в том числе и на его территории. Это нор-мальная, здравая логика стратегического планирования нормального, здравомыс-лящего генерального штаба. А то, как этот «деятель телевизионно-иллюзионистских искусств» и примкнувшие к нему мошен-ники от Истории истолковали и предста-вили этот наиважнейший документ, — не столько даже бесстыжее, сколько откро-венно преступное жульничество.

Я знаю этот вид напыщенных ослов.
Пусты, как барабан, а сколько громких слов.

А Мольер в «Тартюфе» и того хлеще написал:

Так ничего гнусней и мерзостнее нет,
Чем рвения ложного поддельно яркий цвет.
Чем люди, полные своекорыстным жаром,
Которые, кормясь молитвой, как товаром,
И славу, и почет купить себе хотят
Ценой умильных глаз и вздохов напрокат.

Только так можно охарактеризовать то беспардонное жульничество, которое Пивоваров и К° сознательно допустили в этом фильме, мошеннически обманув миллионы телезрителей. Речь идет о том, что они жульнически представили и тем более процитировали устами ничего не ведающего в истории актера Михаила Ефремова единственный официальный советский план отражения агрессии. Тот самый, который называется «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы» от 18 сентября 1940 г., утвержденные правительством СССР 14 октября 1940 г. То, как они представили этот документ, — мягко выражаясь, подлое мошенничество. Потому что они представили действительно фигурирующее там контрнаступление как просто наступление, к тому же как единственное средство не отражения агрессии, а нападения на Германию. До такого не додумывался даже пре-словутый Резун-Суворов, уже более двух

То, что к этому оказались причастны А. Пивоваров и М. Солонин, — ничего удивительного. От этих, неизлечимо страдающих параноидально-шизофреническим антисталинизмом, еще и не такое можно

ожидать. Л вот как в эту компанию фальсификаторов затесался оставляющий впечатление здравомыслящего и порядочного человека Михаил Иванович Мельтюхов — ума не приложу. Уж кто-кто, но он-то прекрасно знает содержание этого документа. Почему же тогда не дал жесткий категоричный отпор фальсификаторам? Тем более что в ряде других случаев по ходу фильма он это проделал, причем не очень-то выходя за рамки выражения, которые попали в эфир.

Короче говоря, в результате телевизионного мошенничества у неискушенных телезрителей было создано ложное впечатление, что-де Советский Союз и вправду готовился к агрессивному нападению на Германию. За такое подлое, преступное жульничество в приличном обществе бьют канделябрами до крови, а иногда и до смерти забивают. Увы, но из обихода современного российского общества столь приличные манеры исчезли...

Об этой гнусной проделке телевизионных мошенников пришлось упомянуть вот в связи с чем. Судя по всему, Пивоваров и К° даже и не поняли, что натворили. И, похоже, едва ли когда-либо поймут. Ведь по существу своим подлогом они четко показали механизм подмены официального плана отражения агрессии, которую осуществили в первом полугодии 1941 г. главари «киевской мафии» в высшем советском командовании — Тимошенко и Жуков. Они точно так же нагло проигнорировали, скорее умышленно отбросили смысл основной, оборонительной, части плана отражения агрессии, превратив его в сугубо контрнаступательный по факту нападения. То есть, не меняя официально ни единого слова, а только за счет игнорирования первой части этого плана, сотворили в устной форме нечто вроде плана немедленного встречно-лобового контрвторжения (контрблицкрига) по факту нападения противника. Причем реализовывали свою преступную задумку крайне неадекватными реальной угрозе

нападения мерами. В результате — кровавая трагедия 22 июня 1941 г.

Не менее возмутительно и то жульничество, с которым они в качестве доказательства якобы агрессивных намерений Советского Союза использовали так называемый план от 11 марта 1941 г. Это грубая и дурная на все четыре стороны фальшивка. Увы, но окончательно это стало понятно только летом 2010 г. Но год — вполне достаточное время для того, чтобы историки переварили или, по меньшей мере, прислушались бы к тому, что это фальшивка. Этот документ был состряпан и брошен в отечественные архивы как промежуточное звено между единственным официальным планом отражения агрессии и так называемым гениальным планом Жукова якобы от 15 мая 1941 г. Вот фотокопии двух вариантов первого и последнего листов этой фальшивки. Они приводятся в сочетании еще с одной фальшивкой, которой отведена роль промежуточного звена между якобы планом от 11 марта и 15 мая 1941 г. (см. стр. 105—109).

Даже при самом беглом взгляде видно, что это грубые фальшивки. Увы, но, несмотря на это, якобы план от 11 марта фигурирует даже в хорошо известном всем историкам войны сборнике «1941 год. Документы», который издавал Международный фонд «Демократия» под руководством приснопамятного А.Н. Яковлева. О том, что это грубые фальшивки, свидетельствуют следующие признаки.

Прежде всего то, что за всю историю Советского Союза в его секретном делопроизводстве никогда не было грифа «Строжайше секретно». Было только два грифа — «Секретно» и «Совершенно секретно». Для подчеркивания исключительной значимости и секретности содержания документов высшего государственного уровня использовалось также выражение «Особой важности». Однако оно писалось не над грифом секретности и тем более не штемпельными буквами, а под грифом секретности:

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ
КРАСНОЙ АРМИИ
МОСКВА

ОБЩЕЕ СООБЩЕНИЕ

Строго секретно

В связи с проводимым в РККА в 1941 г. крупными организационными мероприятиями, касающимися на деле рассмотрения уточненных планов стратегического разоружения Вооруженных Сил Советского Союза на западе и на востоке.

1. Наши военные противники

Сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить внимание на все вышедшее на оборону наших западных границ.

Весьмавое вооруженное столкновение между отрядами только наших западных границ, но на моменте вероятности атаки и со стороны Японии наших дальневосточных границ.

Вооруженное нападение Германии на СССР может вызвать в военный конфликт с нами Великобританию, Францию, Польшу и других союзников Германии.

В. Н. ... М. 1.
Секретари ...

Ю.

Доказывая основы нашего стратегического разобития на западе и на востоке; проку об их рассмотрении.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР
Маршал Советского Союза

(Г: ТИХОМИРОВ)

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ
Генерал армии

(Г: КУЗОВ)

Начальник
генерал-майор

(Васильевский)

Распечатано в 5-ти экземплярах

экз № 1-2/3 - тов. Сталину
экз № 3-4/3 - Г.Г. Тихомиров; Кузов; Васильевский

0081

Ю.

Докладывая основы нашего стратеги-
ческого развёртывания на западе и на востоке,
прошу об их рассмотрении.

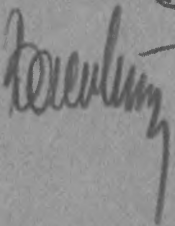
НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР
Маршал Советского Союза

(С. ТИМОШЕНКО)

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ
Генерал армии

(Г. ЖУКОВ)

Исполнитель
генерал-майор

(ВАСИЛЕВСКИЙ)

Впечатано в 5-ти экземплярах

из № 1-2-3 - тов. Сталину
из № 3-4-5 - т.т. Тимошенко, Жуков, Василевский

0100

Совершенно секретно
особой важностиНАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ОБОРОНЫ
СССР-04- апреля 1941 г.
№ 961
Гор. МоскваВерховному Главнокомандующему
Вооруженными Силами Союза ССР
товарищу И.В. СТАЛИНУтов. Сталин И.В.
с текстом документа
ознакомился19 05
IV 41 г.

Германское командование практически завершило формирование своих войск вдоль западных границ Советского Союза с целью последующего нападения.

Исходя из многочисленных данных разведки, полугодового наблюдения и анализа за оперативным развертыванием и дислокацией главных группировок германских войск вблизи границ СССР в районе по ширине: Клайпеда (Литовская ССР) — Дрогобыч (Украинская ССР) германская группировка строится из:

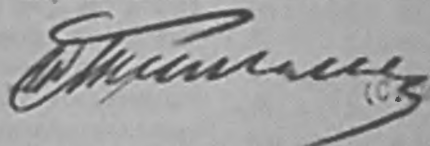
(включая вооруженные силы своих союзников, выстроенные вдоль советско-венгерской и советско-румынской границы в районе по ширине Дрогобыч — Измаил) около 120 дивизий, в том числе около 10 танковых и 10 моторизованных, около 2500 танков, 20 орудий и минометов, 2500 боевых самолетов и около 100 боевых кораблей. Эти силы развернуты на двух стратегических направлениях: южная группировка германских войск (Клайпеда — Сувалки) и Северная (Брест — Львов). Общая численность германской группировки войск может насчитывать свыше пяти миллионов человек.

В.В. 0-12, 4. IV 41 г.
СЕКРЕТАРИАТ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ССР

и её союзников во всей игре.

Приложение: карты (3), схема оперативного
расчёта сил и средств на 22-х
листах.

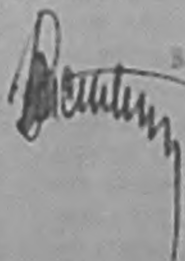
Народный комиссар обороны СССР
Нарвал Советского Союза

(С. Тимошенко)

Начальник Генерального штаба
Красной Армии
Генерал армии

(Г. Луков)

Исполнитель,
генерал-майор

Василенко

Распечатано в 5-ти экз. экз. № 1

Распределение: экз. № 1 - тов. Сталину
экз. № 2 - тов. Тимошенко
экз. № 3 - тов. Лукову
экз. № 4 - у командира
экз. № 5 - контрольный экз.

«Совершенно секретно.
Особой важности».

Этот, как говорится, во-первых. Правда, в те далекие времена ограничительные грифы иногда имели также и такой вид — «Особо важно. Совершенно секретно. Только лично».

Во-вторых, кому адресован документ? На деревню дедушке? За такие проделки в письменном виде в сталинские времена по головке не пощадил бы! Иосиф Виссарионович чрезвычайно трепетно и очень тщательно относился к составлению документов, тем более исключительной государственной важности. А тут Генеральный штаб неизвестно для кого составляет важнейший документ, на котором будет основываться вся система обороны СССР. Вот уж точно, такой втык за это получил бы Генштаб, что не приведи господь!

В-третьих, ни на одном из представленных вариантов якобы плана от 11 марта нет канцелярских реквизитов. То есть нет номера документа и даты. Есть только нечто несуслазное — входящий номер некоего секретариата Верховного Главнокомандующего, что уже такая беспардонная чушь, что даже самые крутые слова в данном случае окажутся всего лишь комплиментом. Более подробно по этому вопросу см. «в-пятых».

Если даже и предположить, что один из представленных вариантов этого неподписанного и не имеющего ни номера, ни даты документа является всего лишь одним из экземпляров, то все равно это грубейшее нарушение правил секретного делопроизводства. Совершенно секретные документы особой важности в те времена печатались, если, конечно, печатались, ибо принципиально это не было принято, только на специальных пронумерованных листах из спецблокнота для особо секретных записей. Причем все экземпляры. Здесь же представлены, с одной стороны, экземпляр, страницы которого пронумерованы, а с другой — экземпляр, который не имеет этого реквизита. Такого быть не могло по определению. Ибо это грубейшее наруше-

ние Инструкции о секретном делопроизводстве.

В-четвертых, в разносте «документов» указано, что напечатано пять экземпляров, а рассылка свидетельствует о том, что распечатано было шесть экземпляров: 1—2—3 экз. тов. Сталину, 3—4—5 экз.

Тимошенко, Жукову и Василевскому. Прежде всего, на кой хрен Сталину могли бы понадобиться три экземпляра?! Он свой архив не захламлял количеством экземпляров одного и того же документа. В лучшем случае требовал всего два экземпляра. Далее. Это что же за неграмотные «козлы» были в Генеральном штабе, что не могли сосчитать до шести, чтобы не допускать столь идиотских ляпов в разносте документа, которому якобы присвоен высший гриф секретности Советского Союза?! За такие фокусы в те времена вполне заслуженно можно было и длительный срок схлопотать — за нарушение правил секретного делопроизводства.

В-пятых, особенно «умиляет» штамп «Секретариат Верховного Главнокомандующего СССР». По состоянию на март 1941 г. это вообще бред сивой кобылы. Не было у нас в то время ни верховного главнокомандующего, ни его секретариата. Все это появилось только после 22 июня 1941 г. На третьем документе адресат и вовсе убогоумный — в апреле 1941 г. Сталин, оказывается, «Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Союза ССР»?! Но это не просто бред сивой кобылы! Это уже натуральное сумасшествие!

В-шестых, не менее «умиляет» и вовсе идиотская, сделанная на оригинале фальшивки красными чернилами надпись, гласящая, что «Уточненный план составлен на основании дополнительно собранных разведуправлением РККА, органами НКГБ и НКВД разведанных о подготовке Германии к нападению на СССР». «Умиляет» эта надпись прежде всего своей «утонченной» тупостью. Дело в том, что планы Генерального штаба никогда и ни при каких обстоятельствах не составляются на

основании разведывательных данных. Они подписаны Жукова красными, якобы Василевского — ярко-синими чернилами. По разведывательных данных. К тому же разительно, но факт что за 70 лет чернила никогда и ни при каких обстоятельствах подаже и не подумали выцвести?!
добный факт не выносится на поля одной Это вообще не было принято в советском делопроизводстве, тем более без подписи. И уж тем более не указывается, что на основании дополнительных государственных органов. Только Сталин собранных данных. Все это указывается в использовал цветные карандаши — чаще всего синий, иногда — красный.
самом тексте документа, причем в его преамбуле. И, как правило, указывается суть этих данных, в основном в обобщенном виде, без указания, от кого поступила та или иная информация.

Но самое главное заключается в том, что по состоянию на конец первой декады — начало второй декады марта 1941 г. ГРУ ГШ еще не осуществляло глобального анализа разведывательной информации о подготовке Германии к нападению на СССР. Не имея такого анализа и тем более выводов из него, Оперативное управление не могло приступить к разработке очередного плана. В «мозговом тресте» ГШ, коим и является Оперативное управление, издавна существуют свои, давно сложившиеся, незыблемые технологии и методы разработки и подготовки важнейших документов, нарушать которые никто не посмеет, ибо это приведет к серьезнейшим ошибкам в планировании военных действий. Глобальный анализ был составлен ГРУ лишь 20 марта 1941 г. — именно этим днем датирован знаменитый ныне доклад ГРУ.

В-седьмых, особого внимания заслуживают подписи и попугайская раскраска документов.

1. Никогда, ни при каких условиях документы, направлявшиеся Сталину, не подписывались разноцветными чернилами, тем более красными чернилами.

Якобы подпись Тимошенко исполнена красными чернилами, якобы Жукова — черными, якобы Василевского опять красными чернилами. В другом документе якобы подпись Тимошенко исполнена темно-фиолетовыми чернилами, якобы

2. Не было принято в то время и представлять штампами, что-де тов. Сталин был ознакомлен с тем или иным документом. По крайней мере, до войны точно не было принято. Кстати, обратите внимание, что для обозначения того, что-де тов. Сталин якобы был ознакомлен с документом, использованы два разных штампа. Они разнятся размерами букв и расположением текста. В одной и той же конторе для обозначения одного и того же факта использованы два разных штампа?! Это по определению нонсенс! Тем более это нонсенс, если учесть, что т. Сталин, ознакомившись с тем или иным документом, всегда оставлял свою знаменитую подпись, а в необходимых случаях еще и соответствующую резолюцию.

3. Но, конечно же, самое главное — это сами подписи. Автор не имеет права присваивать себе полномочия эксперта-графолога. Да и не собирается этого делать. Но у него никто не отнимал и права обратить пристальное внимание на то, что подписи одних и тех же лиц на разных документах вполне принципиально отличаются друг от друга. А вот этот факт уже окончательный смертный приговор всем этим документикам.

Взгляните на образцы подлинной подписи хотя бы Жукова и Тимошенко. Они взяты с оригиналов документов 1941 г., подписанных Жуковым как начальником ГШ, так и командующим 3Ф. Образец подлинной подписи Василевского за 1941 г. добыть не представлялось возможным. Известная подпись на форзаце его мемуаров, увы, не подходит для анализа (см. иллюстрации ниже).

Гриф снижен на
НЕСЕКРЕТНО 259
22.6.41 АКТ № 622 23.05.02

Прод. рассейшии, рассредоточить по всем
аэродромам всю авиацию, в том числе
и войсковую, тактически ее замаски-
ровать

Все части рассредоточены в соответствии
с планами в боевую готовность. Войска
держатся рассредоточенно и замаскиро-
вано. ~~и зарыты в землю.~~

~~Вопрос: кто какие провокации со-
вершает немцы, или их спешит на
какие провокации, кто не поддава-
ет, кто все идет к немцам
из удерживаемых Кавказских
районов.~~

~~Вопрос: кто какие провокации со-
вершает немцы, или их спешит на
какие провокации, кто не поддава-
ет, кто все идет к немцам
из удерживаемых Кавказских
районов.~~

Наши ни каких других изобретений
из особого разряда не имеют

(Минин)

(Минин)

В-восьмых, документы такого рода и уровня, тем более с такими ограничительными грифами, не печатались, а писались от руки и только в единственном экземпляре. Это было жесткое правило. Возьмите, например, хорошо известный всем историкам якобы план якобы от 15 мая 1941 г. Он ведь написан от руки. Да и печать там совсем другая. И канцелярские реквизиты указаны (см. илл.).

В-десятых, если, наконец, у якобы документа имеется четыре варианта оригинала, то, извините, и ничего не сведущему в Истории понятно, что это фальшивка.

В КОНМССАР
ГОСУДАРСТВА
1918 г.

№ 10 1160
31.3.18
ПРИКАЗ
18.1.18

Проф. Вавилов.
Лопухинский.
Курмановский.

ВХОДЯЩИЙ № 105
21.3.18
Секретарь: Вавилов
Печатать: Вавилов

Председателю Совета
Народных Комиссаров СССР
г. Москва

Докладываю как Являе расписать
расши возможности по плану
технического обслуживания
технических сил Советского Союза
в течение войны в Термической и
сопутствующих.

1. В настоящее время Термическая
техническая служба имеет
песочники, 22 танковые, 20 мото-
ризованных, 10 воздушных и 10
технических дивизий, а всего около
100 дивизий.

Всего как расписано Советом
Союза, по состоянию на 15.5.18, всего
дополнено до 10 песочников, 18 танковых
и 10 мото-ризованных и 10 воздушных.

боевые подразделения на случай войны в
Германии;

2. своевременно разрешить поставку
военных продовольственных продуктов от
мобилизованных и армейских предприятий
в первую очередь всей армии, находясь
в Главном Командовании и в войсках;
3. потребовать от НКПС планов и
автоматического выполнения армейских
заказов железнодорожным транспортом Уго
и обеспечить на железной дороге;
4. обеспечить планирование выполнения
заказов, материальной помощи, заготовки
танков и самоходов, а также продовольствия
и поставки боеприпасов и во
енных грузов в военное время.

Примечание: 1. сумма развозов
на карте 1:1000000, в 12х;

2. сумма развозов на карте
; это на 37 карт;
3. сумма развозов на 12х;
4. при карте развозов 1:1000000

Полномочий Комиссар Общественности СССР
Министерства Внутренних Дел

ХС. Генерал
Полковник Генерального штаба К.Р.
Генерал-полковник

деле, то до каких же пор будет существовать безотчетное доверие тому, кто первый гавнет «мяу»?!

Далее. Выше уже было показано, что план якобы от 11 марта — грубая фальшивка. Соответственно все, что на нее нанесено, — тоже фальсификации. Тем более что на оборотной стороне одного из листов. Что, Ватутину делать было нечего, чтобы с того света подобным образом обозначать какие-то планы?! Он же скончался в 1944 г.! Зачем же его имя — имя героя, мужественно сражавшегося с врагом и скончавшегося от ран, — надо было приплетать к этой фальшивке? Да потому, что мертвые-то сраму не имут, а так, якобы его рукой написанная непонятная помета якобы подтверждает достоверность самой фальшивки. Ну и стоило ли столь буйно сходить с ума?

Если откровенно, то просто противно разбирать все эти фальсификации. Но еще противнее видеть, как очень солидные ученые активно муссируют факт имевшего место якобы плана якобы от 11 марта. Это грубая фальшивка — и все тут!!!

Впрочем, и о плане якобы от 13 мая 1941 г. тоже особенно говорить не приходится. Это тоже фальшивка. В том смысле, что якобы это был действующий план. А на самом же деле это прежде всего неряшливо оформленный черновой проект, который никем из высшего командования не был подписан, стен Генерального штаба не покидал и Сталину не докладывался. К тому же по части стратегической тупости план якобы от 15 мая 1941 г. бьет все рекорды. Это же надо было учудить такое: ударом в никуда предложить срывать мобилизацию и сосредоточение противника, который уже практически отоброшировался и фактически завершил сосредоточение своих войск у советских границ?! В Генштабе что, разведывательных сводок не получали и не читали их, что ли?! Ничего себе планирование?!

Справка-комментарий. Вообще-то с этим якобы планом от 15 мая 1941 г. пора окончательно разобраться, чтобы более он не путался, как говорится, под ногами. В том числе разобраться и с подлинной природой его происхождения. Ранее уже указывалось на впечатляющее своей странной логичностью параллельно-последовательное совпадение между действиями германского и нашего командования. Ввиду особой важности рассматриваемого вопроса позволю себе напомнить, о чем речь.

6 сентября 1940 г. штабом ОКБ абверу было дано указание о мероприятиях по дезинформационному прикрытию подготовки к нападению на СССР, в п. 2 которого прямо говорилось следующее: «2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы Генерал-Губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика». То есть создавать впечатление, что все усилия германского командования сдвинуты на Юго-Восточное направление, которое для советского командования означало Юго-Западное.

Практически одновременно на предпочтительности Юго-Западного (Юго-Восточного) направления для вермахта начинает настаивать Тимошенко. Фактически одновременно, в начале сентября 1940 г., в КОВО, которым командовал Жуков, а начальником штаба округа уже был назначен Пуркаев, прошли учения 6-й армии округа по сценарию (немедленного) превентивного встречно-лобового контрблицкрига на Юго-Западном направлении, да еще и с Львовского выступа¹⁶⁵. Исходная «печка «замысла»» учений — тевтоны якобы планируют на Юго-Западном (Юго-Восточном) направлении нанести свой главный удар!

Обратите внимание на то, что подготовленный Шапошниковым проект «Соображений...» еще не рассматривался — это произойдет только 18 сентября 1940 г. И Сталин тоже еще не рассматривал этот проект. А вот Жуков с Пуркаевым уже собрались в контрблиц-«Дранг нах Вестен»-криг на Юго-Западном направлении! Да еще и в унисон бурчанию Тимошенко, возжелавшему, чтобы тевтонские супостаты запланировали свой главный удар именно на Юго-Западном направлении. Тевтоны же, между прочим, пораскинув мозгами и ссылаясь на успехи абвера на Украине, в это время уже фактически склонялись к отказу от нанесения главного удара на этом направлении. И в конце концов утвердили северный вариант в качестве основного, а Юго-Восточное (для советской стороны — Юго-Западное) направление превратилось всего лишь в одно из трех на-

¹⁶⁵ РГВА. Ф. 35077. Оп. 1. Д. 53. Л. 4—5, 29—32.

правлений. А чуть позже и ГРУ стало фиксировать переброски войск согласно утвержденному супостатами северному варианту развертывания вермахта.

Сценарий той игры заключался в следующем. Упреждающие наши войска в развертывании «западные» планируют нападение на «восточных» с утра 12 сентября 1940 г. Введя план прикрытия, «восточные» с 10 сентября осуществляют сосредоточение и развертывание, занятие исходного положения, с 13 сентября ведут разведку полосы прикрытия противника путем наблюдения с линии границы. Обратите внимание на фантастическую глупость в самом «сценарии»: если по условиям игры нападение ожидается 12 сентября, то какого же черта, спрашивается, только с 13 сентября планируется разведка противника?! Более того. По условиям игры с утра 14 сентября 6-я армия переходит в наступление, уничтожив части прикрытия противника к 16—17 сентября. По сценарию, уничтожению подлежали 14—16 дивизий вермахта. Еще раз обратите внимание на очередную беспрецедентную глупость — за три дня уничтожить 14—16 дивизий врага одной армией?! Курей, что ли, они собирались давить? Ведь как не относиться к немцам того периода, но это были очень сильные, обладавшие боевым опытом войска. Откуда у 6-й армии такая мощь да прыть, чтобы за три дня раздолбать 14—16 дивизий вермахта?!

Глупость тупостью, но по сценарию учений невероятная прыть 6-й армии якобы создает условия для ввода в прорыв конной армии. А эта на кой хрен нужна против танков-то и артиллерии?! Тем не менее, согласно сценарию учений, во взаимодействии с конной армией, а также 5-й армией (по игре 15-й) 6-я армия наносит поражение аж целой Томашевской группировке противника и выходит на рубеж Замостье—Белгорай—Жешув—река Сан. Начиная с 17 сентября и по 22 сентября войска развивают успех и, громя резервы противника, выходят на р. Вислу, «имея прочный заслон на р. Сан». Затем, через пару суток, «восточные» форсируют Вислу и, «гремя огнем, сверкая блеском стали», наступают на запад!¹⁶⁶

Зачем и кому нужна была эта глупейшая бессмыслица?! Что за дурь-то такая планировать по условиям игры удар противника, но на следующий после его удара день вести разведку противника?! А через день начинать «внезапный» контрблицкриг превентивного характера, никак не пояснив в условиях игры, а что, собственно говоря, два дня делали наши войска, то есть «восточные». Противник 12-го собирается ударить, а наши только 13-го начинают разведку и лишь 14-го с криком «ура!» двигают вперед, якобы в превентивный контрблицкриг?! Это что, упрежде-

ние противника, или все же массированное проявление стратегической тупости?! Что, за эти два дня ни «западные», ни «восточные» ни разу не выстрелили?! Да и вообще, хоть как-то, но должна же была быть предусмотрена ну хотя бы минимальная оборона у «восточных»?! Не говоря уж о невесте откуда взявшейся удивительной мощи чересчур прыткой 6-й армии... Кстати, прыткая на бумаге 6-я армия едва ли не в мгновение ока испарилась после 22 июня, ничем толковым себя не проявив. А ее командующий сдался в плен, где просидел всю войну, а после репатриации на Родину, после пяти лет следствия, был расстрелян.

В общем, если всем «рулит» «органическая ненависть к штабной работе», то... Но это были еще «цветочки»... Ведь по сути дела, то был армейский прототип будущего «безграмотного сценария вступления в войну». То есть «гениального» якобы плана якобы от 15 мая 1941 г.

Обрадовавшись бумажному успеху 6-й армии, с согласия и одобрения командующего округом Жукова в декабре 1940 г. начальник штаба КОВО Пуркаев готовит упомянутую выше записку. В ней дается более чем жиденькая аргументация в пользу предпочтительности Юго-Западного направления в качестве направления главного удара вермахта, которой обосновывается необходимость (немедленного) превентивного встречно-лобового контрблицкрига на Юго-Западном направлении, и направляется сей перл стратегического планирования в Генеральный штаб.

Согласно этой записке, ближайшей стратегической задачей войск Юго-Западного фронта был «разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, вооруженных сил Германии* в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30-й день операции на фронт р. Пилица, Петраков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников. Одновременно округ должен был прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача — во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10-й день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлении на Кельце, Петраков и на Краков». Соответственно Западный фронт имел задачу «ударом левофланговой 4-й армии в направлении Дрогичин, Седлец, Демблин содействовать Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника и на 15-й день операции выйти на р. Висла. В дальнейшем наступать на Радом»!¹⁶⁷

Пополнительный комментарий — Потрясающая военная и обычная безграмотность!*

¹⁶⁷ 1941 год. Документы. Кн. 1. М., 1998, с. 484—497; Новая и новейшая история. 1993. №3, с. 33; 1997. №5, с. 109.

¹⁶⁶РГВА.Ф. 35077. Он. 1. Д. 53. Л. 4—5, 29—32.

О разгроме каких вооруженных сил Германии они смели талдычить-то?! Ведь ясно же, что можно было говорить только о группировке германских войск на указанном направлении и все. Вот это «планировщики», не приведи господь! Семерых одним ударом!..

Операция Юго-Западного фронта, согласно записке, была разбита на три этапа. Первым этапом была «оборона на укрепленном рубеже по линии госграницы» с задачей «не допустить вторжения противника на советскую территорию, а вторгнувшегося уничтожить и обеспечить сосредоточение и развертывание армий фронта для наступления», то есть операция прикрытия. Вторым этапом было наступление для выполнения ближайшей задачи фронта на глубину 120—130 км. Предусматривалось начать «наступление с утра 30-го дня мобилизации»¹⁶⁶. Третьим этапом операции было «завершение выполнения ближайшей стратегической задачи фронта» на глубину до 250 км, на что отводилось 20 дней. В этом случае главный удар наносился силами 6-й, 12-й, 26-й и конно-механизированной армий в направлении Катовице — Краковского района. Остальные армии фронта обеспечивали это наступление с фронта Варшава—Лодзь и вдоль границ Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии, где должен был быть создан новый фронт. «При разгроме главных сил противника восточнее р. Висла фронт переходит к преследованию в общем направлении главных сил в район Катовице—Краков. В первом эшелоне фронта подвижные соединения. Стрелковые соединения, усиленные танками и артиллерией, в свою очередь наступают во вторых эшелонах в готовности отразить контрудары и сломить попытки к сопротивлению».

В записке-плане были подробно расписаны задачи армий фронта. Так, 5-я армия должна была «форсировать р. Буг, разбить противника и к исходу 3-го дня выйти на фронт — Михельсдорф, Завадувка, Войсловице, подвижными частями захватить Люблин. В дальнейшем, наступая в общем направлении через Люблин, на 10-й день выйти на р. Висла». 19-й армии следовало «с началом наступления главных сил фронта нанести удар в направлении Томашув, Замостье. Используя успех 5-й и 6-й армий, на 12-й день операции выйти на р. Висла на участке Солец, Завихост». Войскам 6-й армии предписывалось «ударом на Тарногруд прорвать фронт противника, пропустить в прорыв конно-механизированную армию. К исходу 3-го дня операции овладеть северными выходами из таневских лесов в районе Билгорай и районом Ежеве. Подвижными частями захватить переправу у р. Сандомир, на 10-й день операции выйти на р. Висла. 26-й армии следовало

«форсировать р. Сан и, нанося удары обоими флангами в общем направлении на Жешув, к исходу 3-го дня операции овладеть Жешув и рубежом р. Вислок, а подвижными частями захватить переправы через Вислу и Дунаец. В дальнейшем, наступая через Радомьюль, на 10-й день операции выйти на фронт Щуцин, Опатовец, Тарнув». 12-я армия должна была «обеспечить ударную фуппу фронта с юга со стороны Венгрии и Словакии, для чего, нанося главный удар в направлении Кросно, Ясло, разбить противостоящего противника и на 3-й день выйти в район Кросно, а на 10-й день операции выйти на фронт Тарнув, Грыбув». 18-я и 9-я армии получили задачу прикрывать границу с Венгрией и Румынией и быть в готовности среагировать на вступление Румынии в войну. В частности, 9-я армия должна была «немедленным ударом через Тульча на Меджидие и Констанца занять северную Добруджу и выйти на границу с Болгарией, отрезав Румынию от моря»¹⁶⁹.

И хотя в этом плане штаба КОВО частично, но в минимальном объеме еще сохранялись элементы логики плана Шапошникова, но, тем не менее, уже четко проглядывали контуры будущего немедленного встречно-лобового контрблицкрига, на безфамотный «сценарий» которого и будет подменен замысел официального плана.

Короче говоря, вы видите, откуда «ноги растут» у «безграмотного сценария вступления в войну». Но главное во всем этом то, что Сталин тут ни при чем—если не все, то многое изобреталось «органической ненавистью к штабной работе» тогда еще командующего КОВО генерала Жукова при деятельном участии начальника штаба его округа генерала М.А. Пуркаева.

Но и это еще не все. В декабре 1940 г. «южком», то есть сторонником Южного направления главного удара вермахта, почему-то заделался также и начальник ГРУ генерал Голиков. Да так, что с тех пор информация о том, что супостаты планируют нанести наиболее сильный удар «левым крылом» (то есть по северному варианту, сиречь силами ГА «Север» и ГА «Центр»), странным образом попросту утаивалась от Сталина! А когда Сталина не стало, то у Жукова виноватыми оказались Голиков и агентурная разведка ГРУ, а у Голикова — Жуков, которому направлялась вся информация! А Тимошенко молчал-молчал, а потом о «безграмотном сценарии» брякнул! Но те миллионы, чьи жизни уже никогда не вернешь, едва ли отказались бы узнать, почему «сценарий вступления в войну» был не только безфамотным, но и полностью бессмысленным, да еще и преступным. Без какой-либо державно осознанной стратегической цели.

На сайте БПр: <http://wlllgera.bop1a.n1/? 1—3—0—00001192-000—0-0—1264010477 20.12 2009> года был выложен вроде бы подлинный текст

¹⁶⁹ Там же.

¹⁶⁸ 1941 год. Документы. Кн. 1. М, 1998, с. 484—497; Новая и новейшая история. 1993. № 3, с. 33; 1997. № 5. с. 109.

того, что называют якобы планом от 15 мая. Целиком его цитировать нет особой нужды, а вот самое главное — придется. Курсивом выделены исправления, имеющиеся в оригинале. «В настоящее время Германия ... имеет развернутыми... всего около 286-4 дивизий. Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.05.1941 года, сосредоточено ...» пока «всего до 49 дивизий». «Германия, в случае нападения на СССР сможет выставить против нас... всего до 1894? дивизий».

Далее отмечается, что поскольку «Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар...», то в целях недопущения этого предлагается фантастическая глупость на стратегические темы: «...ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находится в стадии развертывания и не успеет еще организовать Фронт и взаимодействие родов войск...»!

Ради этого в документике предлагалось нанести основной удар из Украины на Краков и Люблин, то есть с плацдарма КОВО.

«II. Ближайшей *Первой* стратегической целью действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее *линии* Брест-Дембл и и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппелль, Оломоуц. *Последующей* стратегической целью иметь наступление из района Катовице, Краков в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы центра и северного крыла Германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на рр. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седяец на Варшаву и Демблин, с целью скопления Варшавской группировки и овладения Варшавой и а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при первой же возможности *благоприятной обстановке*.

Таким образом Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижов, Лютовиско силами 152 дивизий против 100 дивизий германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона...»

«...Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1. произвести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса;

2. под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного Командования;

3. скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл;

4. постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу...

VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания.

Для того, чтобы обеспечить себя от возможного, внезапного удара противника, прикрытие сосредоточения и развертывания наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе;

2. разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО.

По этим вопросам мною отданы распоряжения и разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью заканчивается к 1.6.41 г.

Состав и группировка войск прикрытия — согласно прилагаемой карты.

Одновременно необходимо всемерно форсировать строительство укрепленных районов, начать строительство укрепленных районов на тыловом рубеже Осташиков, Почеп и предусмотреть строительство новых укрепленных районов в 1942 году на границе с Венгрией, а также продолжить строительство укрепрайонов по линии старой госграницы. ...

IX. Прошу:

1. Утвердить представляемый план стратегического развертывания вооружен-

действий на случай войны с Германией:

2. своевременно разрешить последовательное проведение скрытого отмобилизования и

скрытого сосредоточения в первую очередь всех армий резерва Главного Командования и авиации;

3. потребовать от НКПС полного и своевременного выполнения строительства железных дорог по плану 41 года и особенно на Львовском направлении;

4. обязать промышленность выполнять план выпуска материальной части танков и самолетов, а также производства и подачи боеприпасов и горючего строго в назначенные сроки.

5. *Утвердить предложения о строительстве новых укрепрайонов.*

Приложения:

1. схема развертывания на карте 1:1.000.000, в 1 экз.;

2. схема развертывания на прикрытие на 3-х картах;

3. схема соотношения сил, в 1 экз.

4. три карты базирования ВВС на западе.

Народный Комиссар Обороны СССР

Маршал Советского Союза (С. Тимошенко)
Начальник Генерального Штаба К.А.

Генерал армии (Г. Жуков)

Рукопись, подписи отсутствуют¹⁷⁰.

Примечание: Цифровые данные этого якобы плана не приводятся, дабы не перегружать внимание читателей.

Вот так просто немедленным встречно-лобовым контрблицкригом в никуда, в пространство. Ведь именно так оценивают «гениальный план» Жукова—Тимошенко объективные и независимые военные эксперты: «Принципиальный недостаток “Соображений” — отсутствие жесткой структурированности. По сути дела, в одном документе фактически замешаны: общестратегическая часть плана (детально разработанные предложения по применению Вооруженных сил на карте с пояснительной запиской—текстовой частью плана), план стратегического развертывания, планы первых операций, справочный материал (по боевому составу группировок войск противника и своих Вооруженных сил, расчеты соотношения сил и средств и др.). Об отсутствии последовательности в изложении и внутренней логики ярче других говорит пункт 1 “Соображений”: сразу за размытой оценкой противника, которая является не столько прогнозом действий германских Вооруженных сил, сколько перечислением их боевого и численного состава, в этом же разделе наблюдается попытка сформулировать стратегические задачи РККА в предстоящей войне.

Отметим, что “Соображения” перенасыщены цифрами, за обилием которых с трудом видна суть документа. Лишний раз это говорит о том,

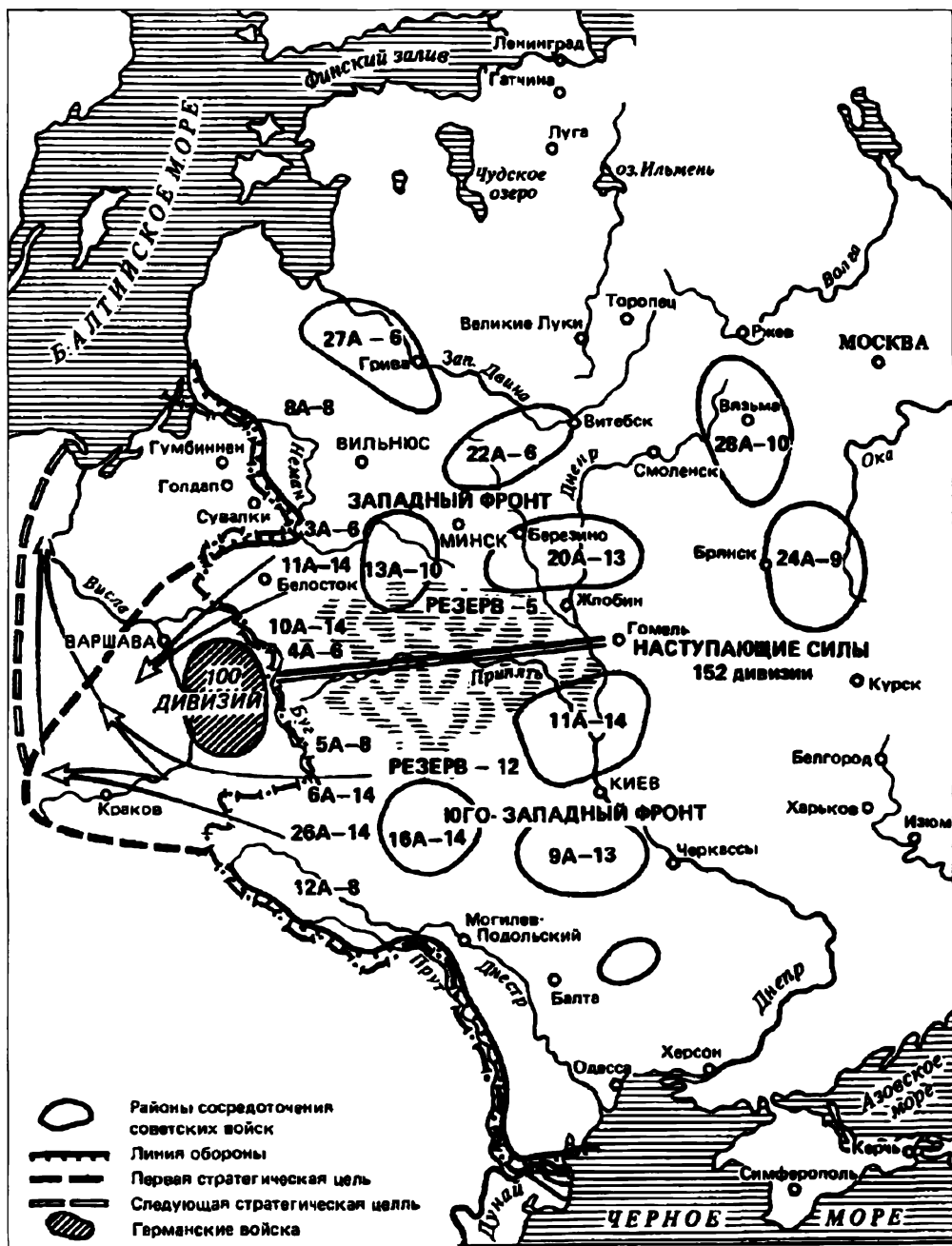
что в текстовых документах стратегического характера необходимо излагать только основополагающие идеи и принципы, а цифровые показатели, как правило, должны содержаться в соответствующих приложениях.

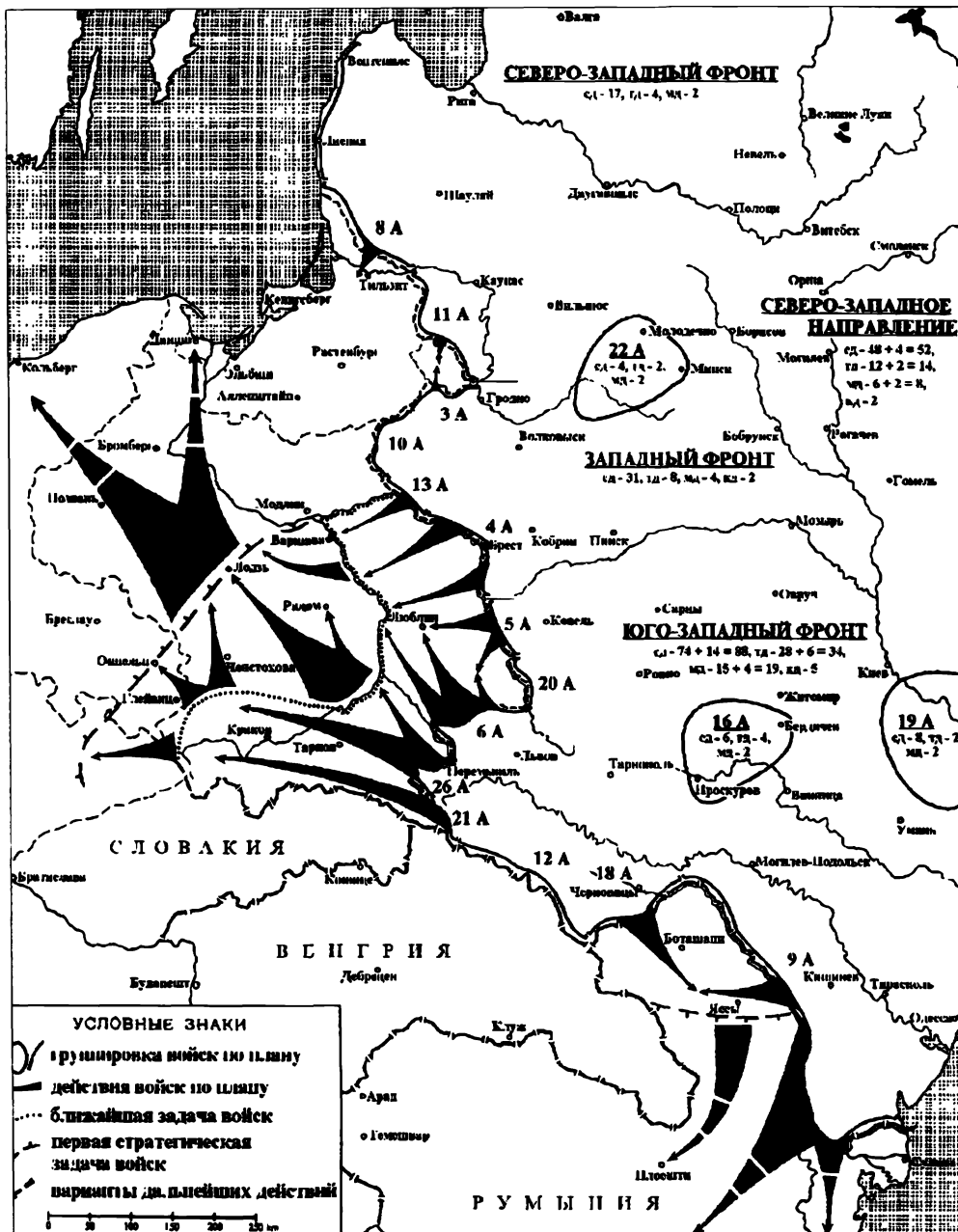
Вчитаемся в строки “Соображений”: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию от мобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это и разгромить немецкую армию, считаю, ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск”. Вот этими несколькими предложениями и обосновывается в целом необходимость превентивной войны с Германией — упредить в развертывании. Никаких других политических и стратегических целей в документе — и это, по меньшей мере, не только удивительно, но и в определенной мере поразительно — не прослеживается. Только упредить в развертывании — и более ничего. А ведь речь идет ни много ни мало о том, чтобы ввязаться в крупномасштабную (по существу, мировую) войну.

Дополнительный комментарий. Уважаемый эксперт совершенно справедливо выделяет эти строки, ибо они не только суть свидетельства «органической ненависти к штабной работе» и безграмотности Жукова как в политике, так и в стратегии. Ко всему прочему, в них же и вся вредоносная глупость этого «гениального» плана, уходящая корнями в концепцию Тухачевского. Коим же местом надо было думать, чтобы додуматься до констатации факта того, что супостаты уже от мобилизовали свою армию и развернули свои тылы, но предлагать упреждение их развертывания превентивным ударом?! Под копирку, что ли, передирали концепцию Тухачевского — тот ведь предлагал то же самое, причем именно в отношении уже от мобилизовавшегося и развернувшегося врага! То есть факты и логика — сами по себе, «органическая ненависть к штабной работе» — сама по себе.

Вы только вдумайтесь, что за смысл заключен в выделенных уважаемым экспертом словах. Ведь перед нами четкая документальная констатация, что Генштабу было все известно, тем не менее весь послевоенный период Жуков твердил, что ему мало что было известно, а то и вовсе ничего, особенно о том, что творилось с войсками вермахта в Польше! Между тем на карте-схеме к этому «гениальному» плану четко было показано, что Жуков планировал за раз прихлопнуть аж целых 100 дивизий вермахта именно в Польше!

¹⁷⁰ ЦА МО РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1—15.

Дополнительный комментарий. Искренне завидую дипломатическим способностям Вячеслава Михайловича Молотова, простенько, но со вкусом обозвавшего исторические «экзерсисы» Жукова не иначе как путаницей и попыткой снять с себя ответственность за столь трагическое начало войны. Нет, это не путаница и даже не попытка снять с себя ответственность за столь трагическое начало войны. Это просто чудовищная ложь в оправдание чего-то еще более чудовищного! Но вернемся, однако, к мнению эксперта.

Между тем упредить вермахт в развертывании 15 мая 1941 г. было уже невозможно — германская армия завершала в этот период последние приготовления к своему блицкригу. Таким образом, данная посылка изначально неверна. Что касается формулирования политических целей войны, то это, конечно, прерогатива руководства государства, однако в столь важном документе их упоминание, ссылки на них должны быть, поскольку стратегические цели войны органически вытекают из политических. Читаем «Соображения...» дальше. «Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Демблин, и выход к 30-му дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Кройцбург, Оппельк, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь: наступление из района Катовице в северном и северо-западном направлении, разгромить крупные силы Центра и Северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии».

Если нанести на карту Польши упомянутую в документе линию, то получится довольно странный рубеж, начертание которого вряд ли что-либо скажет о каких бы то ни было стратегических намерениях военно-политического руководства СССР. Причем что характерно: в качестве географических пунктов упоминаются названия населенных пунктов, которые надо еще потрудиться найти на карте. Например, Остроленка, Лович, Кройцбург (см. схему плана).

Последующая стратегическая цель — предполагаемое наступление из района Катовице — не менее удивительна. Район Катовице находится в тылу в сравнении с линией Лодзь—Кройцбург—Оппельн—Оломоуц. Стало быть, теоретически надо отступить, а потом снова наступать из района Катовице. Непонятно.

Читаем дальше: «...ближайшая задача—разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р. Нарев, Виса и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин с целью сковывания Варшавской группировки и содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и быть готовыми к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке».

Вот если нанести на карту главный удар сил Юго-Западного фронта, то даже дилетанту сразу станет ясно — ни от каких южных союзников Германию этот удар отсечь никак не мог даже при самом значительном оперативном воображении. А это означает, что никакой стратегической цели у этого удара нет. Удар планируется ради удара, в пространство.

Дополнительный комментарий. Не говоря уж о том, что войска ЗапОВО и КОВО откровенно подставлялись под фланговые удары вермахта — соответственно со стороны ГА «Север» и ГА «Центр», а также ГА «Юг».

Если отобразить на карте удар в направлении Седлец—Демблин, то получается достаточно странная изогнутая линия, мало что поясняющая в замыслах советского командования. Непонятно, из каких соображений для планируемых ударов выбраны провинциальные населенные пункты Седлец и Демблин (последний особенно часто упоминается в «Соображениях»). Это что, Варшава, Кенигсберг, Бреслау?

В четвертом пункте «Соображений» ставятся более детальные задачи Юго-Западному фронту, в отличие от соседних несколько конкретизируются, и, кроме главного удара на Краковском и Сандомирско-Келецком направлениях, добавляется сложнейшая операция на окружение: «концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин».

Несмотря на достаточно мощный состав Юго-Западного фронта (с точки зрения количества соединений), успех этой операции более чем сомнителен даже при хорошо подготовленных войсках. Только планируемая операция на окружение в районе Люблина потребовала бы концентрации всех усилий штаба и командующего ЮЗФ, задействования всех подвижных соединений фронта. Однако помимо этой, весьма сложной операции ему ставится задача нанести главный удар в направлении Катовице.

Одновременное осуществление двух ударов силами одного, даже мощного оперативно-стратегического объединения представляется нецелесообразным и ведущим только к распылению сил и средств. С достаточными на

то основаниями можно предполагать, что ни одна из этих двух задач в действительности не была бы выполнена.

Наконец, с точки зрения военного искусства территория между линией Лодзь—Кройцбург—Оппельн—Оломоуц и государственной границей СССР не представляет собой так называемого единого оперативного пространства. Почти пополам она делится широкой водной преградой — Вислой. Даже в январе 1945 г. РККА не стала форсировать эту реку с прорывом обороны, а нанесла удары с двух плацдармов — Сандомирского и Магнушевского. Можно с достаточной долей уверенности предполагать, что в 1941 г. Висла стала бы непреодолимым рубежом для Красной Армии.

Таким образом, к шедеврам стратегии “Соображения” от 15 мая 1941 г. отнести никак нельзя. После их внимательного прочтения остается неясным ни стратегический замысел войны в целом, ни то место, где авторы плана видят ключ к победе над противником. Нет и никакой изюминки, свидетельствующей о яркой стратегической индивидуальности разработчиков. Нельзя и сказать, чтобы этот “план” опирался на какие-то всем понятные стратегические идеи и установки. При взгляде на карту иногда может возникнуть впечатление, что “Соображения” напоминают зеркальное отображение плана Альфреда Шлиффена, но копии в стратегии неуместны, и успешных повторений планов войн в истории еще не зафиксировано. Наконец, план Шлиффена базировался на предельно ясном осознании германских интересов и возможностей, чего никак нельзя сказать об отечественных “Соображениях”.

В заключение следует сказать, что попытка хотя бы частично осуществить “Соображения” в реальной боевой обстановке (печально знаменитая директива Главного военного совета № 3 от 22.06.41, до известной степени воспроизводящая амбициозные предвоенные замыслы) привела к жестокой военной катастрофе все три советских западных фронта. А по количеству это были немалые силы и средства. Следовало только правильно ими воспользоваться в конкретной военно-политической обстановке. Но этого не произошло»¹⁷¹.

А этого и не могло произойти в силу всех вышеуказанных причин! Тем более что и прототип зеркала копии плана А. Шлиффена дуумвират Жукова—Тимошенко при участии Пуркаева

почему-то стал разрабатывать еще до официального рассмотрения и утверждения «Соображений...» от 18 сентября 1940 г.

Уважаемый эксперт прав — ключа к победе там нет. Потому как ключевой смысл этого «гениального плана», заключался, осмелюсь это всерьез предположить, только в одном: де-юре узаконить уже де-факто негласно протаскивавшийся в жизнь «безграмотный сценарий вступления в войну» с Юго-Западного направления и тем самым заранее спихнуть на Сталина всю ответственность за последствия, катастрофические масштабы которых дуумвират стал осознавать только накануне агрессии!

Уже неоднократно указывалось, что этот якобы план не был подписан даже самими Тимошенко и Жуковым и никогда не покидал стен Генштаба. Они и не могли («Соображения») подписать. Потому что к середине мая 1941 г. ГРУ и ГШ в избытке располагали информацией о «Барбароссе» (правда, не зная самого названия). В том числе и о трех направлениях главных ударов вермахта и его трех соответствующих группировках. Соответственно, при наличии такой информации следовало думать об организации вооруженной борьбы с тремя группировками вторжения и на известных уже направлениях, а не пытаться устраивать незаконное усиление «Юго-Западного» акцента и уж тем более не пытаться протаскивать идею немедленного встречно-лобового контрблицкрига с Юго-Западного плацдарма в первую очередь. О других мотивах отказа от подписи и тем более доклада Сталину — уж и не говорю. О них и так достаточно было сказано выше. Так что, подписи они этот документик и тем более сунься они с ним к Сталину, то уж наверняка максимум через час писали бы чистосердечные показания на Лубянке, потому как документик-то открыто, документально и однозначно свидетельствовал бы о реальной попытке вредительства в военном планировании отражения агрессии! Супостаты-то планируют напасть тремя группировками, а дуэт, видите ли, протаскивает идею усиления только Юго-Западного акцента! А с остальными группировками вермахта как быть?

Если бы Сталин и впрямь приказал считать Южное и Юго-Восточное направления главными для вермахта, то подписали бы соответствующий документ. А затем пришли бы к Сталину со словами: «Вот, Иосиф Виссарионович, мы выполнили Ваше мудрое указание об усилении Юго-Западного акцента! Утвердите!» Однако они ни того, ни другого не сделали! Значит, и указания как такового в помине не было, а следовательно, и цель этого документика состояла в следующем: заблаговременно спихнуть ответственность за возможное поражение на Сталина, что подтверждает и хранящийся в архиве подлинник этого документика, пункт первый девятого раздела которого так и гласит: «Прошу: Утвердить

¹⁷¹ Ходаренок М. Урок, оплаченный большой кровью // Независимое военное обозрение. 2001. №21.

представляемый план стратегического развертывания вооруженных сил СССР и план намечаемых боевых действий на случай войны с Германией»!¹⁷² Прощеговоря, Тимошенко и Жуков сознательно пытались подвести не столько даже Сталина, сколько государство и страну под разгром на основании утвержденного же Сталиным «плана намечаемых ими боевых действий». Уж не знаю, в силу какой конкретно причины оба крутолобых и крутозвездных так трусили, что даже и не попытались доложить Сталину этот стратегический бред сивой кобылы, но факт остается фактом — не доложили и даже не вякали ничего на эту тему. Иначе, по факту трагедии 22 июня, голов им не сносить бы... Зато когда их великого Верховного Главнокомандующего не стало, то они осмелели донельзя, особенно Жуков. Уж так клеветал на Сталина, что даже проклятуший Геббельс с Хрущевым от зависти, наверное, лопнули.

Якобы план от 15 мая Сталиным утвержден не был, хранится в ЦАМО в черновом варианте и никаким образом не мог быть применен. А теперь смотрите, что сделал Жуков 12—13 июня 1941-го, когда Сталин дал ему и Тимошенко команду-разрешение на вывод глубинных дивизий к госгранице, в районы, предусмотренные «ПП». В ПриОВО идет директива от 12 июня, в которой указывается «вывести войска в районы, предусмотренные ПП», в Минск — то же самое. В Одессу — тоже в районы по «Плану прикрытия». А вот на Украину именно «ближе к госгранице в новые лагеря, *согласно прилагаемой карте*»!¹⁷³ Надеюсь, теперь ясно, что они сделали?!

Так что, как видите, всерьез говорить не о чем. Seriously можно говорить только о том, что во времена правления тандема Тимошенко—Жуков, как главарей «киевской мафии» в высшем военном командовании СССР, произошла незаконная, неофициальная, негласная подмена замысла единственного официального плана обороны СССР. Впрочем, об этом мы уже говорили. Так что повторяться не будем. Лучше обратим внимание на майские 1941 г. директивы наркомата оборо-

ны и Генерального штаба командующим западных приграничных военных округов, коим предписывалось разработать и представить в ГШ детальные планы обороны государственной границы с целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск, а также детальные планы противовоздушной обороны.

Первый вопрос, который возникает в этой связи, таков: а почему, собственно говоря, столь поздно спохватились?! Ведь поступающая с начала 1941 г. разведывательная информация свидетельствовала о возможности нападения Германии уже весной 1941 г. В том числе длительное время «плыла» информация о 15 мая как о дате нападения. А НКО и ГШ только на исходе весны, в первой половине мая, вдруг спохватились и разослали такие директивы. Да, в конечном итоге эта информация о 15 мая не подтвердилась, но ведь до этого еще надо было дожить. Более того. Раз поступала информация о возможности нападения уже весной, то, следовательно, о планах обороны государственной границы необходимо было озаботиться уже зимой. Разве не так должны были поступать НКО и ГШ?! Вместо этого они дотянули до середины мая и потом только разразились директивами на этот счет. Так вот и спрашивается, чем же они занимались до середины мая?! А вот чем.

В своих мемуарах Василевский указал следующее: «...В феврале — апреле 1941 г. в Генштаб вызывались командующие войсками, члены военных советов, начальники штабов и оперативных отделов Прибалтийского, Западного, Киевского особых и Ленинградского военных округов. Вместе с ними намечались порядок прикрытия границы, выделение для этой цели необходимых сил и формы их использования»!¹⁷⁴

Форма обсуждения и решения таких вопросов не запрещенная, наоборот,

¹⁷² ЦА МО РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 237.

Л. 1—15.

¹⁷³ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 261.

Л. 20—21. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Копия, заверенная заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба РККА генерал-майором Анисовым. Имеются пометы.

¹⁷⁴ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 118.

вполне естественная. Но в данном случае в переводе с генштабовского на простой язык это означало, что вопросы оперативного построения войск для прикрытия и обороны обсуждались, так сказать, приватно, устно, тет-а-тет. Только вот почему через два десятилетия после Великой Победы в так и не опубликованном при его жизни интервью от 2 августа 1965 г. Василевский подчеркнул следующее: «...Не в запоздалой разработке планов прикрытия надо обвинять Генеральный штаб, а в той серьезнейшей ошибке, которая была допущена в оперативном плане и своевременно не была исправлена при решении вопроса о порядке действительно надежного прикрытия наших границ от внезапного и мощного удара врага в условиях той военной обстановки, которая сложилась для нас в первой половине 1941 г.»¹⁷⁵

Прекрасно, что Василевский ставший при Сталине одним из асов отечественного Генштаба, затронул вопрос о некоей серьезнейшей ошибке в вопросе о порядке действительно надежного прикрытия наших западных границ. Прекрасно, что адекватно фактам он откровенно увязал время жития этой ошибки с конкретными хронологическими рамками первой половины 1941 г., что означает период, когда Генштабом «рулила» «органическая ненависть» Жукова к штабной работе. Во всяком случае, теперь абсолютно ясно, почему Жуков «зарубил» интервью Василевского в своем ответе на запрос Политбюро ЦК КПСС¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Неопубликованное интервью Маршала Советского Союза А.М. Василевского «Накануне войны» от 2.УШ.1965 г. // Новая и новейшая история. 1992, № 6. Цит. по: Горьков Ю. Государственный Комитет Обороны постановляет. 1941—1945. Цифры. Документы. М., 2002, с. 556.

¹⁷⁶ Горьков Ю. Государственный Комитет Обороны постановляет. М., 2002, с. 548. Неопубликованное интервью Маршала Советского Союза А.М. Василевского // Новая и новейшая история. 1992. № 6, с. 6; Зенькович Н. Тайны уходящего века. Т. 2. М., 1998, с. 73.

♦

Комментарий. Вообще эта история заслуживает некоторого внимания. С середины 60-х годов прошлого столетия, то тут, то там выплескиваясь на страницы периодической печати и различных книг, распространялись слухи со ссылками на рассказы то Жукова, то Василевского, то Тимошенко, то еще кого-нибудь, что-де ими был разработан отличный план по нанесению упреждающего удара по Германии. А вот «нехороший» Сталин, видите ли, чуть ли головы им не оторвал за это. А Жуков, с указанного периода времени поговаривавший об этом только в частных беседах, именно в это же самое время едва ли не наотмашь «врезал» своему соратнику Василевскому, письменно и начисто открестившись от этого плана. Но при этом продолжал приватно поговаривать о нем, параллельно вдалбливая, в частности, Симонову вскоре ставшее «эталонным» свое видение внезапности как главной причины разыгравшейся 22 июня трагедии. Однако Жуков прекрасно помнил, что в преамбуле никем не подписанного и никогда не докладывавшегося Сталину плана было четко зафиксировано, что Генштаб был отнюдь не так уж и слеп, как он его выставлял в своих рассказах! Ведь по содержанию преамбулы якобы плана от 15 мая 1941 г. четко видно, что Генштабу многое было известно, а многое уверенно и близко к истине прогнозировалось! Трудно сказать, зачем ему понадобилось в байках на одну и ту же тему, которые он излагал разным людям, так противоречить в главном и самому себе, и фактам. Причем даже не замечая того, что каким-то сверхъестественным образом из его же собственного поля зрения лихо упорхнуло то обстоятельство, что все его рассказы об этом плане суть свидетельства того, что он подбивал Сталина на инициативное развязывание войны прямо по Леебу?! Ведь что-то, но уж это-то к середине 60-х годов прошлого века должно же было быть понятно?! Но когда еще и Василевский захотел как бы официально раскрыть факт составления проекта такого плана, то тут Жуков «врезал» своему соратнику, что называется, от души. 20 августа 1965 г. в Политбюро ЦК КПСС поступил запрос на получение санкции на публикацию интервью Василевского, в котором разглашался факт существования такого не подписанного никем документа. Политбюро затребовало мнение Жукова насчет содержания предполагавшегося интервью А.М. Василевского с преданием огласке факта разработки такого плана. В своем ответе Жуков прямо на первой же странице текста оригинала предполагавшегося интервью соратника начертал следующее: «Объяснения А.М. Василевского не полностью соответствуют действительности. Думаю, что Советский Союз был бы скорее разбит, если бы мы все свои силы накануне войны развер-

нули на границе, а немецкие войска имели в виду именно по своим планам в начале войны уничтожить их в районе госграницы... Тогда бы гитлеровские войска получили бы возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 г.»¹⁷⁷. В этом интервью А.М. Василевский почему-то пытался вменить Сталину в вину, что он не допустил развертывания всех сил прикрытия и второго эшелона. В действительности это не соответствует фактам. Санкция на это была дана еще в начале второй декады июня 1941 г., но господам-товарищам генералам и десяти дней оказалось мало, дабы развернуть все силы прикрытия. Им оказалось и четырех дней мало, чтобы привести войска в боевую готовность, на что санкция была дана еще 18 июня. Трудно понять также и то, зачем Жуков до конца своей жизни продолжал муссирование темы об этом плане в частных разговорах?! Да и уважаемый Александр Михайлович Василевский, выходит, тоже хорош оказался. Ведь явно же понимал, что отнюдь не самое благородное дело затевал, коли у самого Политбюро просил санкции на разглашение факта существования никогда не докладывавшегося Сталину плана в обрамлении нападок на Верховного Главнокомандующего, который имел, оказывается, неосторожность высоко ценить его, Василевского! Десятилетия спустя выяснилось, что бессовестную болтовню об этом плане начали еще лет за десять до упомянутой истории. Впервые Жуков и Тимошенко разгласили этот факт еще в 1955 г., во время разбора итогов учений в Белорусском военном округе¹⁷⁸.

И тем не менее не слишком ли уж мило получается-то?! Ведь ни суть этой серьезнейшей ошибки Василевский не назвал, ни время ее происхождения — то, что он ограничил время ее жизни первым полугодием, оно, конечно, хорошо, но ведь это еще не исчерпывающий ответ! А дата рождения этой ошибки? И кто ее «родители»? Ведь по официальным-то бумагам все было гладко. Однако спустя десятилетия после войны и смерти Сталина вдруг выясняется следующее: вопреки требованиям того же Сталина (от 18 ноября 1940 г.) — о создании могучих заслонов вдоль границ, а не на флангах, в ближ-

нем, а не в ближайшем тылу,¹⁷⁹ — было выстроено некое подобие статического фронта «узкой лентой» с крайне низкой плотностью войск. И трагедия 22 июня 1941 г. все сметающим на своем пути бурлящим потоком прорвалась именно сквозь созданные в предвоенный период бреши в нашей обороне. Вместо того чтобы наткнуться на непреодолимые могучие заслоны, а сами эти могучие заслоны почему-то оказались не вдоль границ, а где-то на флангах. Да к тому же не там, где они должны были бы быть, если исходить из данных разведки.

И это не говоря уже о том, что в действительности выработанного Генштабом времен Жукова и официально утвержденного советским правительством составленного именно в этот период предвоенного плана ведения военных действий просто не имело места быть! Без разницы — с оперативно-стратегическими просчетами или нет, с той серьезнейшей ошибкой, о которой писал Василевский, или нет. Его просто не было! Самое главное в констатации этого факта состоит в том, что почти полвека назад этот факт письменно подтвердил сам Г.К. Жуков. Еще раз напоминаю, что в своем секретном письме от 19 мая 1956 г. на имя пресловутого Н.С. Хрущева Жуков так и написал: «У Генерального штаба не было законченных и утвержденных правительством оперативного и мобилизационного планов»!

Тогда, миль пардон, о чем же они шушукались в Генштабе в течение февраля — апреля 1941 г.? А вот о чем. Исходя из мемуаров Жукова, все это время они только и были заняты тем, что недоучитывали практически полностью особенности ведения современной войны в ее начальном периоде — так ведь и

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Суворов В. Ледокол-2. Минск, 2002, с. 52.

¹⁷⁹ Из интервью бывшего управляющего делами СНК СССР Я.Е. Чадаева доктору исторических наук Г.А. Куманеву. См.: Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. М., 2005, с. 475.

брякнул в своих «Воспоминаниях и размышлениях»: «При переработке оперативных планов весной 1941 г. практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде»¹⁸⁰.

Батюшки, свят-свят... Выходит, что Жуков откровенно, да к тому же письменно расписался в том, что до их зеркально выбритых «светлых голов» попросту не доходила та до примитивности элементарная истина, что если внезапному блицкригу ответить немедленным встречно-лобовым контрблицкригом, то неминуемо неизбежно получится жутко-кровавый коллапс. А как же тогда быть с «его» же блестящим докладом на декабрьском 1940 г. совещании высшего командного состава РККА, который был составлен (тогда) полковником И.Х. Баграмяном?! Ведь в том действительно блестящем докладе было учтено все, в том числе и особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Короче говоря, ведь все же знал. К слову сказать, если обратиться к мемуарам того же А.М. Василевского, то без особого труда увидим, как один Маршал Советского Союза вдребезги громит неприкрытую ложь другого Маршала Советского Союза. Василевский, в частности, отмечал, что «всю первую половину 1941 года Генштаб работал с неослабевающим напряжением. Еще и еще раз анализировались операции первых лет Второй мировой войны и принципы их проведения. Глубоко изучались как наступательные операции» так и вопросы стратегической обороны»¹⁸¹.

И тем не менее, по Жукову, выходит, что «при переработке оперативных планов весной 1941 г. практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде». Не обращая внимания на смысловой идиотизм выражения «прак-

тически не были полностью учтены», зададим себе простой вопрос: а почему? Да по очень простой причине.

Беда не приходит одна. С приходом Жукова на пост начальника Генерального штаба в высшем военном командовании не только завершился процесс формирования мощного клана «киевской мафии». Одновременно началась даже в наше время трудно фиксируемая подмена замысла единственного официально утвержденного правительством СССР плана отражения агрессии. Вновь обратимся к мемуарам Василевского. И не только потому, что он блестяще разоблачает вранье Жукова. Он и сам врет как очевидец, подыгрывая, в известной мере и по соображениям корпоративной маршальской солидарности, вранью Жукова. После только что процитированных предложений Василевский указывает, что «в директивах наркома обороны руководящему составу Красной Армии одновременно с задачами по отработке наступательных операций обязательно, причем конкретно и подробно, ставились задачи и по оборонительным операциям. В качестве практических мероприятий предусматривалось проведение зимою в каждой армии и округе армейского предназначения оперативной игры на тему армейской оборонительной операции, а в штабах округов фронтового предназначения — фронтовой оборонительной операции. Летом армии и округа осуществляли на тех же основаниях армейские или фронтовые двухсторонние полевые учения. **Основной, конечно, была наступающая сторона**, а противоположная решала задачи оборонительного характера.

Однако нельзя не сказать при этом, что правильная в принципе установка на то, что вести войну на территории агрессора, что при нападении врага на СССР боевые действия советских войск должны быть до предела решительными, кое-где пропагандировалась односторонне,

¹⁸⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. М., 1990, т. 1, с. 338.

¹⁸¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 116.

что... способствовало распространению иллюзий легкой победы в войне.

С февраля 1941 года Германия начала переброску войск к советским границам. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел данные все более свидетельствовали о непосредственной угрозе агрессии.

В этих условиях Генштаб в целом и наше Оперативное управление внесли коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 года оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных сил для отражения нападения врага с запада. План предусматривал, что *военные действия* начнутся с отражения ударов нападающего врага, что удары эти сразу же разыграются в виде крупных воздушных сражений, с попыток противника обезвредить наши аэродромы, ослабить войсковые, и особенно танковые группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым крупным городам. С нашей стороны предусматривалась необходимость силами всей авиации сорвать попытки врага завоевать господство в воздухе и в свою очередь нанести по нему решительные удары с воздуха. Одновременно ожидалось нападение на наши границы наземных войск с крупными танковыми группировками, во время которого наши стрелковые войска и укрепленные районы приграничных военных округов совместно с пограничными войсками обязаны будут сдерживать первый натиск, а механизированные корпуса, опирающиеся на противотанковые рубежи, своими контрударами вместе со стрелковыми войсками должны будут ликвидировать вклинившиеся в нашу оборону группировки и создать благоприятную обстановку для перехода советских войск в решительное наступление»¹⁸².

¹⁸² Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 116—118.

Этот кусочек из мемуаров Василевского — кладезь вранья и правды, лжи и истины. Обратив еще раз внимание на то, что все процитированное относится к первой половине 1941 г., заметим следующее. Хотя и пытался Василевский скрыть этот факт, но тем не менее он собственноручно показал, что в этот период времени все-таки превалировала отработка наступательных операций, ибо поставил этот факт на первое место. Это и есть процесс подмены замысла единственного официально утвержденного советским правительством плана отражения агрессии. Очень уж хитро выглядит описание того, что армии и округа должны были делать летом. Хитро, потому что из его описания непонятно, что он имел в виду, когда написал, что «основной, конечно, была наступающая сторона, а противоположная решала задачи оборонительного характера». Вся хитрость этого выражения маршала состоит в следующем. По этой схеме можно отрабатывать операции и по нападению врага на СССР, а соответственно и оборонительные операции. Но по этой же схеме можно отрабатывать и операции хоть армейского, хоть фронтового уровня по прорыву обороны противника СССР. И в том и в другом случае имеют место быть и наступающая, и обороняющаяся стороны. И вот зная это, попробуйте теперь понять, что имел в виду Василевский.

Соврал Василевский и насчет того, что только с февраля 1941 г. Германия начала переброску войск к советским границам. Переброска началась еще с середины лета — осенью 1940 г., что четко и однозначно зафиксировано множеством донесений различных разведывательных служб СССР, особенно пограничников. Не к лицу было маршалу так врать. Потому как смысл этого вранья очень прост и потому очевиден. Мол, у руководства НКО и ГШ было очень мало времени, чтобы предпринять адекватные ответные меры, потому как, видите ли, только

с февраля окающие супостаты начали переброску войск к советским границам. Между тем в реальности с февраля 1941 г. супостаты всего лишь слегка интенсифицировали процесс сосредоточения своих войск у советских границ, оставляя для себя возможность на заключительном этапе этого сосредоточения перебросить основную массу войск. Ведь их железнодорожная сеть действительно позволяла им сделать это в том числе даже в самый последний момент. Что они, собственно говоря, и сделали.

В то же время, например, эта цитата четко свидетельствует о более чем ясном знании ГШ и НКО того, как начнется война с нацистскими супостатами. Проще говоря, в НКО и ГШ, в том числе в его «мозговом центре» — Оперативном управлении — царил если и не полное понимание, то по крайней мере абсолютно точное знание стратегии и тактики блицкрига. И вот этими своими признаниями Василевский попросту пригвоздил Жукова к позорному столбу, ибо у того не было никаких оснований брехать о том, что-де «**при переработке оперативных планов весной 1941 г. практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде**». В ГШ прекрасно была известна стратегия коричневого блицкрига. Ведь Василевский абсолютно точно описал основные положения этой стратегии — точно так же, как она была изложена в таблице сравнения коричневого и красного блицкригов в первой главе первого раздела. Прекрасно ее знали и Тимошенко, и Жуков, что было доказано их же словами.

Ну а теперь посмотрите, чем в действительности были заняты округа после того, как представители их командования пошушукались в Генштабе, возглавляемом Жуковым.

Возьмем, например, ПриОВО. В феврале 1941 г. в 8-й армии ПриОВО, например, проводилось командно-штабное уче-

ние на тему «**Оборонительная операция фронта с последующим переходом в наступление для уничтожения противника при равенстве сил и средств**»¹⁸³. Вроде бы план Шапошникова еще действует, ибо тема этих учений ему соответствует. Однако **уже в марте 1941 г.**, во время сбора комсостава, в той же 8-й армии «**отрабатывались вопросы организации прорыва укрепленной полосы, ввода в прорыв механизированного корпуса**»¹⁸⁴, в апреле — полевая поездка на тему «**наступательная армейская операция**»¹⁸⁵. А чуть ли не в прямом смысле накануне нападения гитлеровской Германии та же 8-я армия того же ПриОВО занята отработкой на штабных учениях «**варианта контрудара в тильзитском направлении**»¹⁸⁶. Проще говоря, больно целенаправленно шушукались-то!

В свою очередь в КОВО командармам 5, 6, 26 и 12-й армий **еще 5 февраля 1941 г. приказом командующего округом № А/009 было предписано в первом полугодии отрабатывать только наступательные операции, что они и делали**¹⁸⁷. В марте—апреле в округе проходят учения стрелковых корпусов на тему «Наступательная операция», на 7—10 мая во Львове была запланирована фронтовая наступательная игра под руководством командующего округом генерала Кирпоноса. К слову сказать, тевтонские супостаты уже пару месяцев как расшифровали подобные намерения нашего командования, в том числе и с плацдарма львовского выступа. **12—17 мая** командно-штабные учения армий и корпусов — опять-таки

¹⁸³ Гладыш С. А., Милованов В. И. Восьмая общевойсковая. М., 1994, с. 6—7; Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. Рига, 1966. Кн. 1, с. 66—67.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. И. Л. 31—36; ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. И. Л. 31—36; ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 12—13; ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 7833. Д. 3. Л. 17, 20.

¹⁸⁶ Там же.

РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450. Л. 51—79, 83.

по отработке наступательной операции. 25—30 мая—то же самое¹⁸⁸. Вплоть до 21—22 июня включительно. Короче говоря, и в КОВО тоже слишком уж односторонне шушукались!

Когда же дело дошло до «разбора полетов и раздачи слонов» в связи с невероятной катастрофой Западного фронта, то член Военного Совета ЗапОВО корпусной комиссар А. Фоминых в своей докладной записке от 17 июля 1941 г. указал следующее: «Считаю своим долгом доложить о некоторых вопросах по обороне западной границы СССР на территории ЗапОВО. Примерно в течение 8 месяцев на докладах и оперативных проработках докладывалось:

а) что при этих географических границах округа, когда фланги границ округа вдаются от противника к нам, то есть в сторону востока, а средняя часть границы далеко выходит на запад, что такое очертание границы очень выгодно противнику и чрезвычайно невыгодно нам;

б) отрицательной стороной такого географического начертания границы является то, что она создает условия охвата наших частей округа и сведения клещей в районе Волковыск—Барановичи;

в) в результате даже небольших успехов со стороны немцев сразу резались бы тылы 3-й и 4-й армий, а при большом успехе отрезалась бы вся 10-я армия. Эти положения требовали усиления флангов округа, что и требовал военный совет округа от Генерального штаба.

Жизнь показала, что географические начертания границ были полностью использованы противником. Все эти положения в более подробном виде докладывались и прорабатывались в Генеральном штабе, со всем этим соглашались, но реальных мер не предпринималось. <...>

2) Кроме того, всегда давались задачи проработать варианты наступательной операции при явном несоответствии реальных сил. Но откуда-то появлялись допол-

нительные силы, и создавался, по-моему, искусственный перевес в пользу нас.

3) Теперь при анализе совершившихся событий стало ясно, что отдельные работники Генерального штаба, зная, что в первый период войны превосходство в реальных силах будет на стороне Германии, почему-то проводили и разрабатывали главным образом наступательные операции и только в последнее время (в конце мая 1941 г.) провели игру по прикрытию границы, тогда как нужно было на первый период войны с учетом внезапности нападения разработать и оборонительные операции...

4) Военный совет округа предлагал:

а) усилить фланги округа: с севера — гродненское направление и с юга — брестское направление. С этим в течение 6—7 месяцев не соглашались, и только в последнее время было разрешено вывести на гродненское направление 56-ю и 85-ю стрелковые дивизии (сд) и на брестское — 75-ю сд, а позже и 113-ю сд. Эти дивизии были на своих местах в конце мая — начале июня;

б) представлял и докладывал о необходимости усилить фланги округа долговременными сооружениями, построив дополнительно на правом и левом флангах ряд узлов обороны. Эти предложения отвергались, и только в 10-х числах июня было разрешено дополнительно построить два узла обороны. <.. >

5) Когда обстановка стала напряженной, было приказано все части, находящиеся в Восточной Белоруссии, двинуть к границе. Это правильно. Но, несмотря на наши просьбы, чтобы ускорить сосредоточение дивизий из Смоленска, Могилева, Гомеля и Вязьмы, произвести переброску их по железной дороге, в этом было отказано. Дивизии шли походным порядком,

только незначительная их часть подавалась по железным дорогам. Это опять за- операция при явном несоответствии реальных сил. Но откуда-то появлялись допол- ...Вот кратко те вопросы, которые я считал необходимым доложить. По-

¹⁸⁸РГВА.Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450. Л. 51—79,83.

вторую: по всем этим вопросам имеются документы в Генштабе... Животрепещущие вопросы по обороне границы разрешались в Генштабе чрезвычайно медленно, а иногда и отказывались, ссылаясь на невозможность выполнения промышленностью...»¹⁸⁹

Небольшой комментарий. Реального превосходства в силах, тем более такого, чтобы устроить такую кровавую трагедию, у вермахта не было, — корпусной комиссар Фоминых тут здорово перегнул палку. Понять его можно — надо же было как-то объяснять происшедшее! Но и сказать, что супостаты в тот момент оказались всего-то искусней в военном деле, он ведь тоже не мог!

Даже 21 июня, например, в дислоцированном прямо на берегу р. Западный Буг 28-м СК ЗапОВО проводилось командно-штабное учение на тему «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды»¹⁹⁰.

Вот еще одно свидетельство по ЗапОВО. Во время мартовских (1941 г.) игр в Минске, в процессе которых опять отрабатывалась именно фронтовая наступательная операция, на 3-й дальнебомбардировочный корпус, по свидетельству его командира Н.С. Скрипко (впоследствии маршал авиации), была возложена следующая задача: «Выброска воздушно-десантного корпуса (в тыл противника. — *А. М.*) в интересах фронтовой наступательной операции», которая должна была проводиться одним рейсом при прикрытии выброски десанта захватом господства в воздухе!¹⁹¹ Проще говоря, и в ЗапОВО также целенаправленно односторонне шушукались!

Ну и как на фоне всего этого не вспомнить, что тот же нарком обороны Тимошенко еще в октябре 1940 г. заявил: «Мы

до того избаловались сверху донизу, что ложно воспитывали себя и обучали бойцов, то есть ложно подготавливали нашу армию для борьбы с врагами. Допускали сплошь и рядом такие условности, которые иначе как преступлением назвать нельзя»!¹⁹² А что, миль пардон, изменилось к 22 июня, и кто в таком случае «преступник, допускавший условности»... от концепции пограничных сражений Тухачевского, да еще и в гибриде с его же планом поражения?!

Совершенно очевидно, что в соответствии с какими-то неведомыми указаниями Генерального штаба и «отдельных товарищей из Генерального штаба» во всех западных округах проводились учения и игры только в целях подготовки к немедленному встречно-лобовому контрблицкригу. Вот это и есть то, что Василевский назвал:

— с одной стороны — «...в феврале — апреле 1941 г. в Генштаб вызывались командующие войсками, члены военных советов, начальники штабов и оперативных отделов Прибалтийского, Западного, Киевского особых и Ленинградского военных округов. Вместе с ними намечались порядок прикрытия границы, выделение для этой цели необходимых сил и формы их использования».

— а с другой стороны — «... Не в запоздалой разработке планов прикрытия надо обвинять Генеральный штаб, а в той серьезнейшей ошибке, которая была допущена в оперативном плане и своевременно не была исправлена при решении вопроса о порядке действительно надежного прикрытия наших границ от внезапного и мощного удара врага в условиях той военной обстановки, которая сложилась для нас в первой половине 1941 г.».

Короче говоря, в феврале—апреле 1941 г. дошушукались до того, что спустя десятилетия после войны пришлось че-

¹⁸⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 105. Л. 60—62.

¹⁹⁰Сандалов Л.М. Первые дни войны. М., 1989. С. 41.

¹⁹¹Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М., 1981, с. 4.

¹⁹²Военно-исторический журнал. 2001, № 1, с. 35.

рез губу сфальшивить о какой-то серьезнейшей ошибке. Ошибке, которая, видите ли, была допущена в оперативном плане и своевременно не была исправлена при решении вопроса о порядке действительно надежного прикрытия наших границ от внезапного и мощного удара врага в условиях той военной обстановки, которая сложилась для нас в первой половине 1941 г.

Но если беседы в Генштабе касались вопросов прикрытия и обороны, то какого же черта вплоть до конца мая — начала июня в прямом смысле поголовно все западные округа на всевозможных командно-штабных учениях разного уровня едва ли не до умопомрачения отработывали наступательные операции, которыми и планировалось отражать агрессию нацистских супостатов?! Не говоря уже о том, что и разработанного Генштабом во времена правления Жукова оперативного плана, как такового не было. Будучи в здравом уме, разве можно считать за план неряшливо оформленный черновой проект неких соображений к основам стратегического развертывания, составленный якобы 15 мая 1941 г.

Это не ошибка, пускай и серьезнейшая, по словам Василевского. Это преступление. Особо тяжкое государственное и воинское преступление, ибо все это означает, что на практике реализовывалась фактически уже осуществленная Тимошенко—Жуковым незаконная, негласная, неофициальная подмена единственного официального плана отражения агрессии — как принципа обороны, так и в целом сути замысла.

Впрочем, исходя из того, что уже удалось установить, то была не просто серьезнейшая ошибка, а именно та, что из разряда хуже, чем преступление! И ошибка-то, как видите, отнюдь не безымянная. Ее имя уже называлось — подготовка к немедленному встречно-лобовому контрнаступлению в формате контрблицкрига. В точном соответствии с положениями концепции пограничных сражений Ту-

хачевского. При поразительнейшем совпадении, в том числе и в первую очередь по направлениям и особенно по последствиям, с планом поражения «стратега»!

Более того. Эта серьезнейшая ошибка не то чтобы и впрямь не была своевременно исправлена. Не говоря уж о том, что она вообще не была допущена в оперативном плане, который был единственным официальным. К сожалению, А.М. Василевский почему-то счел возможным кирпичом «засветить» в память о своем блестящем, выдающемся учителе, мудром Б.М. Шапошникове, который этой ошибки не допустил.

Будучи из разряда тех, что хуже преступления, эта серьезнейшая ошибка совершенно сознательно и втайне от высшего советского руководства насаждалась дуумвиратом Тимошенко—Жуков в первом полугодии 1941 г. при полном «взаимопонимании» с командующими основными округами на западной границе!

И выглядело это так. Отправив в округа директивы о разработке детальных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны, сами они в ГШ и НКО шушукались о том, что впоследствии нам представили как якобы гениальный план от 15 мая. А потом нам сказки рассказывали о том, что-де за попытку доклада этого якобы шибко гениального плана Сталин чуть было головы им не оторвал.

Вот вы сами попробуйте хотя бы самим себе честно ответить на один вопрос. Как можно было додуматься до разработки плана с предельно ясно выраженным характером превентивного контрблицкрига, к тому же против фактически уже от мобилизовавшегося, сосредоточившегося и развернувшегося врага, если в то же самое время округам была дана команда разработать детальные планы обороны государственной границы и противовоздушной обороны?!

Ведь в итоге получается весьма неприглядная картина. Выходит, что директивы о разработке детальных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны были даны для отвода глаз. Проще говоря, для прикрытия собственных действий по разработке плана превентивного контрблицкрига, которым намеревались официально подменить официально утвержденный советским правительством план отражения агрессии, но в последний момент просто трусили и не доложили, поняв, что голов им за этот план точно не сносить.

Так что, возвращаясь к словам Жукова о том, что он и возглавляемый им Генштаб практически полностью не учли особенности ведения современной войны в ее начальном периоде, следует отметить следующее. Жуков расписался не только и даже не столько в этом — сие, как говорится, и так понятно. Прежде всего, он расписался в том, что они сознательно полностью не учитывали особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Потому как они, эти самые особенности, хорошо были известны им. Еще раз обращаю внимание на то, что достаточно даже беглого взгляда на содержание доклада Жукова и заключительной речи Тимошенко на декабрьском 1940 г. совещании высшего комсостава РККА, чтобы полностью убедиться в этом. Но раз все знали, а сделали все наоборот, да еще и шиворот-навыворот, вследствие чего громыхнула невиданная трагедия, то остается возможность только для одного вывода. Они сделали это сознательно. И вот эту их «сознательную деятельность» многонациональному советскому народу пришлось оплатить 27 миллионами полных сил и светлых помыслов жизней советских людей! О других потерях уж и не говорю, ибо ничто не может быть ценнее человеческой жизни! А вот виноватым почему-то стал один Сталин?! Впрочем, мертвые

титаны «виноваты» по определению — так уж повелось с седых библейских времен...

Все известные на сегодня данные четко указывают на то, что насаждение этой ошибки началось где-то в феврале 1941 г., то есть фактически через месяц после назначения Жукова начальником Генерального штаба, о чем, как уже указывалось, хлопотал лично Тимошенко. Во всяком случае, все известные данные — как наши, так и фрицев, — сходятся на феврале 1941 г. Именно тогда и началась негласная подмена принципа прикрытия и обороны, а также самой сути замысла официального действовавшего плана отражения агрессии, то есть «Соображений...» от 18 сентября 1940 г. Наиболее ярко этот факт иллюстрирует следующая история.

В анналах истории славного ГРУ сохранился теперь уже известный, поскольку официально предан огласке, но тем не менее не слишком уж и привлекающий к себе внимание факт. Едва только Жуков заступил на пост главы Генштаба, как в период с 23 января по 22 февраля 1941 г. в Москве прошли сборы начальников разведывательных отделов западных приграничных военных округов и армий. Главной целью этих сборов была организация деятельности этих отделов в период перехода с мирного на военное время. Руководил этими сборами начальник 7-го Отдела ГРУ (отдел пограничной разведки) полковник И.В. Виноградов. Среди массы конкретных и дельных предложений, прозвучавших на этих сборах со стороны профессионалов военной разведки, особо выделяется следующее: «...организовать базы на своей территории на глубину до 400 км на случай вынужденного отступления»¹⁹³.

С аналогичной мотивировкой прозвучало и предложение об организации

¹⁹³ *Коннакиди Л.П. Прохоров Д.* Империя ГРУ. Кн. 1. М., 1996, с. 290—291. Павлов А. Военная разведка СССР в 1941—1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2, с. 27.

резервных агентурных сетей на ту же глубину¹⁹⁴.

Обратите особое внимание вот на что. Начальники разведывательных отделов округов и армий, тем более в приграничных областях в западной части СССР того времени, — это не просто высококвалифицированные профессионалы военной разведки. Прежде всего, это самые доверенные «глаза» и «уши» командующих этими округами и армиями, их самые приближенные «правые руки». И если на таком уровне они открыто поставили вопрос об организации тайных баз и резервных агентурных сетей на такую глубину — ведь до 400 км же, что, к слову сказать, и являлось необходимой глубиной эшелонирования нашей обороны на Западном ТВД в то время, — значит, это неспроста! Не особо упирая на то обстоятельство, что тогда не те были времена, чтоб вот так открыто говорить о подготовке к возможному отступлению (а то, что разведка обязана предполагать различные варианты событий, надо полагать, и так понятно), прошу обратить внимание на следующее. Во-первых, это означает, что все они были осведомлены о сути официального плана отражения агрессии и обороны страны, то есть о сути «Соображений...» от 18.9/14.10 1940 г., но, естественно, в пределах осведомленности самих командующих приграничными округами и армиями об этом плане. Начальники разведывательных отделов именно потому были в курсе этого, что они обязаны были знать об этом по должности — не зная планов командования, военная разведка (округов) не может планировать и строить свою работу.

Это было отнюдь не случайное предложение. Как отмечал в своих мемуарах Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов, «...еще до вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну тогдашний начальник Генерально-

го штаба Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников вносил очень ценные предложения о дислокации войск в западных приграничных округах. Он предлагал основные силы этих округов держать в рамках старой государственной границы за линией мощных укрепленных районов, а во вновь освобожденные области Западной Белоруссии и Западной Украины, а также в Прибалтику выдвинуть лишь части прикрытия, способные обеспечить развертывание главных сил в случае внезапного нападения. Однако с этим разумным мнением опытного военачальника тогда не посчитались. В непосредственной близости от новой границы оказались даже те соединения, которые находились еще в стадии формирования и были не полностью укомплектованы личным составом и техникой»¹⁹⁵.

Справка. Напоминаю, что УР на «линии Сталина» никто не разрушал и не взрывал, как оно было весьма модно, но крайне лживо утверждать еще со времен троцкиста-кукурузника Хрущева. К тому же после снятия с поста начальника Генерального штаба Б.М. Шапошников, оставаясь заместителем наркома обороны, направлял деятельность Главного военно-инженерного управления и Управления строительства укрепленных районов. То есть он знал, что рекомендует, а будучи исключительно ответственным человеком и военачальником, — естественно, и почему.

Проще говоря, не произнося вслух и особо не акцентируя на этом внимание, свято чтящий бесценный опыт предков подлинно русский офицер и выдающийся ас Генштаба, Борис Михайлович Шапошников откровенно допускал вариант М.Б. Баркляя-де-Толли от 1812 г., то есть отступление в состоянии активной обороны до линии старой границы с ее УРами. Идеи Шапошникова были известны генералитету и многим представителям офицерского корпуса.

¹⁹⁴ Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГР. Кн. 1. М., 1996, с. 290—291. Павлов А. Военная разведка СССР в 1941—1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2, с. 27.

¹⁹⁵ Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. М., 1961, с. 12.

Во-вторых, это означает, что до конца упомянутых сборов ни о какой подготовке к немедленному встречно-лобовому контрнаступлению речи не велось, в том числе и среди командующих приграничными округами и армиями!

Это коррелирует также с данными В.М. Молотова. В полутора десятках бесед с писателем Ф. Чуевым в период с 1969 по 1983 г. он неоднократно однозначно признавал, что высшее политическое руководство СССР еще до войны ясно понимало, что отступать-то придется, и весь вопрос для них упирался лишь в одно—до какого рубежа: до Смоленска или Москвы? Молотов открыто и неоднократно признавал также и то, что перед войной этот вопрос обсуждался в руководстве страны!¹⁹⁶ К тому же в июне 1941 г. Политбюро приняло постановление о дислокации войск второго стратегического эшелона («второй линии») в основном на реке Днепр, а также намечалось строительство государственного рубежа обороны на подступах к Москве. В настоящее время обнаружена ранее совершенно секретная карта ГШ, на которой еще в мае 1941 г. были указаны УРы вокруг Москвы.

Совершенно очевидно, что, не слишком афишируя это, однако же самой системой мер, предусматривавшихся и «Соображениями...» от 18.9/14.10 1940 г., а также дополнительными предложениями самого Шапошникова, планировалось использовать суть основного замысла М.Б. Барклай-де-Толли от 1812 г., естественно, с поправками на особенности «века моторов».

Проще говоря, даже сама постановка вопроса о том, до какого рубежа можно отступить — до Смоленска или Москвы, — уже свидетельствовала о том, что в основе замысла Сталина, Молотова и Шапошникова по отражению агрессии и обороне страны лежал бесценный опыт

прошлого. Хотя, вновь это подчеркиваю, и не афишируемый столь явно сугубо по политическим соображениям. К слову сказать, понимали это и гитлеровцы.

Однако к концу вышеупомянутых сборов произошел резкий перелом в умонастроениях высшего командования, прежде всего наркома обороны Тимошенко, но особенно — недавно назначенного начальника Генштаба Жукова и его первого заместителя, начальника ГРУ Голикова. И выразилось это в том, что умные, дельные и конкретные предложения профессионалов были похерены «органической ненавистью» Жукова «к штабной работе». Представленный ему на утверждение план мероприятий по созданию в приграничных округах тайных баз с запасом оружия, боеприпасов и иного военного имущества иностранного образца и резервных агентурных сетей на своей территории ограничивался глубиной всего лишь в 100—150 км! Сие означает, что в его тогдашнем понимании у супостатов хватило бы ума и сил только на прорыв его статического фронта «узкой лентой» на 100—150 км вглубь!¹⁹⁷

По сути дела, 22 февраля 1941 г. можно считать датой, когда возглавлявший киевскую мафию дуумвират Тимошенко—Жуков окончательно перешагнул через официальный план и взял курс на подготовку к отражению агрессии по построенному на предписаниях концепции пограничных сражений Тухачевского собственному, но «безграмотному сценарию вступления в войну». Что касается акцента на Юго-Западное направление в этом «безграмотном сценарии», то грань была перейдена и того ранее. 5 февраля 1941 г. командующий КОВО Кирпонос утвердил приказ № А/009, согласно которому войскам округа предписывалось

¹⁹⁶ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991, с. 31.

¹⁹⁷ Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 1. М., 1996, с. 290—291; Павлов А. Военная разведка СССР в 1941—1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2, с. 27.

в первом полугодии 1941 г. готовиться к отражению агрессии немедленным встречно-лобовым контрблицкригом, то есть отрабатывать только операции наступательного характера.

Стоит ли после этого удивляться тому, что супостаты уже в феврале 1941 г. зафиксировали акцент на сосредоточение главных сил РККА в КОВО?! А в течение февраля — марта тевтоны вообще весьма резво уяснили себе не только и даже не столько характер наших группировок в западных округах, сколько в первую очередь расшифровали саму суть втайне от руководства СССР вынашивавшегося думвиратом Тимошенко—Жукова «безграмотного сценария вступления в войну». Ведь с начала февраля его уже начали претворять (во всяком случае, в КОВО) под ширмой исполнения официального плана.

Одновременно начался и процесс окончательного исчезновения фактора особого значения центрального, сиречь минского, а, следовательно, и в целом Белорусского направления из обихода управляемого «органической ненавистью» Жукова к «штабной работе» Генерального штаба. Что четко совпадало со всеми «предписаниями» Тухачевского, в том числе и с его «Планом поражения», в котором и была указан Юго-Западный акцент в расстановке сил по направлениям.

Пытаясь хоть как-то ответить на этот вопрос хотя бы самому себе, Жуков после войны дошел до того, что облил неусветной ложью и грязью и Сталина, и ГРУ. В отношении последнего, в частности, он заявил: «Наша агентурная разведка, которой перед войной руководил Голиков, работала плохо, и она не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского Верховного командования в отношении войск, расположенных в Польше. Наша агентурная разведка не сумела опровергнуть лживую версию Гитлера о намерении воевать с Советским Союзом... Наша разведка

также не сумела вскрыть и подтвердить конкретную подготовку немецких войск к войне против Советского Союза»¹⁹⁸.

Каким же это образом агентурная разведка ГРУ, если верить Жукову, но исходить все-таки из реальных фактов, должна была что-то там вскрыть, тем более намерения верховного командования Германии, если сам начальник Генштаба ориентирует ее на Германию менее чем за месяц до нападения последней на СССР?! Да и то, судя по всему, под прямым воздействием Сталина, который именно 24 мая официально предупредил всех, что в ближайшее время возможно внезапное нападение Германии! Дело в том, что утверждающий упомянутый выше план мероприятий разведывательных отделов округов и армий «автограф» Жуков соизволил поставить лишь 24 мая 1941 г., когда на расширенном заседании Политбюро Сталин совершенно откровенно заявил, что похоже, что в самое ближайшее время СССР может подвергнуться внезапному нападению Германии¹⁹⁹.

И только с 24 мая 1941 г. агентурная разведка западных приграничных округов и армий была сориентирована на Германию²⁰⁰. Это, конечно, не означает, что до указанного времени агентурная разведка разведывательных отделов штабов западных приграничных военных округов считала мух, поскольку не располагала столь бесценным «цэу». Вовсе нет. Она работала в поте лица. Но ее данные фактически пропадали даром — как минимум зачастую.

Только с указанной даты 10 полков воздушной разведки западных приграничных округов наконец-то стали по-

¹⁹⁸ Стенограмма Октябрьского 1957 г. пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1957, с. 518.

¹⁹⁹ Коллатди А. Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 1. М., 1996, с. 290—291. Павлов А. Военная разведка СССР в 1941—1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2, с. 27.

²⁰⁰ Там же.

подняться квалифицированным летным составом и новыми самолетами с задачей завершить комплектование к 1 июля 1941 г.²⁰¹ Только с этого момента началось комплектование кадрами 16 радиодивизионов ОСНАЗ, занимавшихся радиоразведкой²⁰².

Так вот, каким же образом столь чудовищно лживое заявление маршала должно соотноситься с тем, что все сводки ГРУ и Лубянки были переполнены подробными сведениями обо всех группировках вермахта от Балтийского до Черного моря?! Причем на глубину до 400 км. Ведь в сводках указывалось и количество войск, их состав, места дислокаций армий, корпусов, дивизий, полков и даже батальонов супостатов вдоль всей линии западной границы СССР, в том числе и против каждого из наших западных округов?! Как это должно соотноситься с тем, что гитлеровцы знали, что Жуков знает об их планах, в том числе и об ударе с польского плацдарма, а он, видите ли, — цистерну дерьма на голову славного ГРУ (да и других разведывательных служб тоже): мол, недосмотрела разведка?! Но если разведка, по его словам, чего-то там не досмотрела, то какого же хрена и на каком основании он планировал за раз прихлопнуть целых СТО дивизий вермахта akurat в Польше?! Ведь это же непосредственно отражено на карте-схеме якобы плана от 15 мая 1941 г. Что, опять разведка чего-то там не досмотрела?!

Короче говоря, разве не возникают основания усмотреть в вышеприведенном оскорбляющем разведывательные службы СССР пассаже Жукова едва ли не полную аналогию с заявлением Тухачевского?! О том, что-де задача полного разгрома СССР с походом на Москву есть фантастика для Гитлера, а, следовательно, фантастика, что Гитлер двинет основ-

ные силы именно по белорусскому направлению?!

Но вот в первой половине мая 1941 г. в ПриОВО, ЗапОВО и КОВО полетели директивы НКО и ГШ командующим западными приграничными военными округами. Директивами предписывалось разрабатывать и представить в ГШ детальные планы обороны государственной границы с целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск, а также детальные планы противовоздушной обороны. В содержании директив формально превалировал оборонный характер задач. Что же послужило основанием для столь внезапного «озарения» руководства НКО и ГШ, под началом которого в течение февраля—апреля командующие западными приграничными округами и армиями все шушукались на тему организации немедленного встречно-лобового контрблицкрига, а, возвращаясь в округа и армии, проводили соответствующие учения сугубо наступательного характера? Тут сыграли роль несколько обстоятельств.

Во-первых, к середине мая ни одна из разведывательных служб СССР еще не зафиксировала завершения процесса сосредоточения войск вермахта. Во-вторых, к середине мая ни одна из разведывательных служб СССР еще не зафиксировала начала их выхода на исходные для нападения позиции. И это при том, что длительное время «плыла» информация о 15 мае как о возможной дате нападения Германии.

В-третьих, с первых чисел мая в Москву стали поступать разведывательные данные о том, что время нападения Германии переносится на середину — двадцатые числа июня 1941 г. Одним из первых, причем до поступления сведений о полете Гесса, еще 5 мая об этом сообщил один из ценнейших, но, к сожалению, незаслуженно редко упоминаемых в исторических исследованиях агентов ГРУ — АВС, он же Курт Вел-

²⁰¹ Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 1. М., 1996, с. 290—291. Павлов А. Военная разведка СССР в 1941—1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2, с. 27.

²⁰² Там же.

киш, сотрудник германского посольства в Румынии²⁰³. Правда, тут следует иметь в виду, что никакого переноса не было. 30 апреля Гитлер впервые озвучил дату 22 июня перед своими генералами. С этого момента и поползло упоминание о переносе времени нападения. Это была дезинформационная игра супостатов. Хотя в то время об этом еще не было известно.

В-четвертых, в начале второй декады мая стало известно о полете наци № 2 — Рудольфа Гесса — в Англию. Известие об этом не могло не сыграть роль в том, чтобы реанимировать в памяти высшего руководства НКО и ГШ выводы из знаменитого ныне доклада ГРУ от 20 марта 1941 г., хотя в послевоенное время Жуков и другие в категорическом тоне охаивали эти выводы. А не могло не сыграть роль по той простой причине, что налицо оказался факт сбывшегося прогноза аналитиков ГРУ — «что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира». Ставший известным факт прилета Гесса в Англию не мог не оживить размышления руководства НКО и ГШ в рамках второй части этого вывода «...или после заключения с ней почетного для Германии мира». Тут уж, как говорится, сам бог велел призадуматься.

Они и призадумались. В архиве конфиденциальной информации Госдепартамента США сохранилась запись состоявшейся 20 мая 1941 г. беседы югославского военного атташе в Москве с Жуковым, в которой начальник Генштаба, по словам атташе, заявил следующее: «Советы через некоторое время будут воевать с Германией и ожидают вступления в войну Соединенных Штатов, и что Советское правительство не доверяет Англии и подозревает, что миссия Гесса

была направлена на то, чтобы повернуть войну против СССР»²⁰⁴.

Комментарий. Вот и попробуйте после этого понять «концепцию» Жукова о внезапности — ведь сам же за месяц об этом говорит)

◆**

В-пятых, 13 мая Сталин вторично санкционировал выдвижение войск из внутренних округов для их передислокации в западные приграничные округа. А первая санкция на этот счет была дана еще в апреле 1941 г.

Комментарий. Кстати говоря, с этим выдвижением войск из внутренних округов произошла неприятная история. Точнее, утечка секретной военной информации. Как уже указывалось выше, еще в апреле 1941 года Сталин санкционировал выдвижение некоторых армий из внутренних округов в приграничные округа. И едва только началась эта переброска войск, так практически тут же МИД нацистской Германии предъявил руководству СССР ноту протеста с требованием объяснить, почему 16-я армия из Забайкальского округа перебрасывается по железной дороге на запад?! А ведь переброска происходила в условиях максимальной секретности. Обратите внимание на то, что точно названы номер армии и направление передислокации. Автору не удалось получить шанс ознакомиться с этой германской нотой протеста. Однако немного зная практику таких нот, имею все основания утверждать, что там были представлены неоспоримые доказательства начавшейся переброски именно этой армии и именно на запад. Почему неоспоримые доказательства? Да потому, что в противном случае СССР мог послать протестующую сторону куда подальше, а также запросто обвинить ту же Германию во вмешательстве в свои внутренние дела. Суверенное государство на то и есть суверенное государство, что обладает всеми правами для переброски, никого не спрашивая и никого не извещая об этом, своих войск туда, куда необходимо руководству этого государства и его военному командованию. Тем более что между Германией и СССР не было никаких письменных договоренностей, особенно в виде соответствующих договоров или соглашений о необходимости предупреждения о передвижении войск.

²⁰³ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. I. Л. 737—745. Копия.

²⁰⁴ 74.0011/11348 1)8 8Ше ОераПшен! СопМепИа! РПе Ыа!Юпа! АгсЫуез.

Естественно, что Сталин, который не хуже, если не лучше гитлеровской дипломатии умел маневрировать, легко отбил эту дешевую атаку ведомства Риббентропа, предпринятую с подачи германской разведки. По его приказу советские дипломаты в прямом смысле отбрехали тем, что-де 16-я армия направляется якобы к советско-иранской границе на случай, если англичане попробуют нанести удар по южным районам СССР из Индии через Иран. В Берлине же, само собой разумеется, этой брехологии не поверили. Да и не собирались они верить. Им важно было любыми средствами помешать своевременному прибытию дополнительных советских войск из внутренних округов к границе. Что и случилось. Ведь Сталин вынужден был отдать распоряжение наркому обороны маршалу Тимошенко временно завернуть эшелоны 16-й армии на юг. По-другому уже было нельзя. Передислокация армии была вскрыта будущим противником на начальной стадии. И 16-я армия так и болталась на железной дороге вплоть до 22 июня включительно. Это свидетельство Ивана Владимировича Ковалева (28.06.1903—29.05.1991), который встретил войну в должности заместителя народного комиссара Госконтроля СССР по железнодорожному транспорту. Впоследствии начальник Управления» а затем и Центрального Управления военных сообщений Красной Армии, с декабря 1944 г. — нарком путей сообщения СССР. Это свидетельство важно не только приведенным выше фактом утечки важной и секретной военной информации. Не менее важно и то, к каким последствиям это привело. Ковалев в своем интервью отметил, что после начала войны сложилась ситуация, в которой эшелоны с частями 16-й армии застряли на железной дороге так, что лично Сталин вынужден был 26 июня 1941 г. вмешаться в этот вопрос. Потому что не было даже точно известно, где конкретно они находятся. И даже Сталин не знал, где эта армия. Потому что, отдавая приказ срочно найти эшелоны этой армии и быстро продвинуть их к фронту, Сталин на карте обрисовал слишком большой район предполагаемого пребывания эшелонов с частями этой армии — к северу от Киева и на Брянск, Смоленск и Оршу²⁰⁵.

В-шестых, после 15 мая 1941 г. Сталин ознакомил Жукова с содержанием своей личной переписки с Гитлером, осо-

бенно с ответом фюрера. Об этом уже говорилось. Из ответа Гитлера явственно вытекало, что нападения следует ожидать примерно 15—20 июня. А это уже жестко коррелировало с разведывательной информацией, поступившей от упоминавшегося выше АВС.

Комментарий. Небезынтересно отметить, что дата 15 июня прозвучала и в сообщении от 22 апреля 1941 г. известного ныне нелегального резидента ГРУ — Шандора Радо (псевдоним Дора). Правда, на этом сообщении есть крайне раздраженная резолюция начальника ГРУ Голикова²⁰⁶.

Совокупность этих обстоятельств наконец-то и привела крутолобых и крутозвездных к осознанию того факта, что война вот-вот грянет, а у них ни хрена ничего не готово в оборонительном плане. Ни одной хотя бы формальной толковой бумажки. Все, что они делали с момента прихода Жукова на пост начальника главы ГШ, так это готовились к немедленному встречно-лобовому контрблицкригу по факту нападения. И даже в превентивном порядке, если исходить из многократно упоминавшегося черновика якобы от 15 мая. Потому они и не сунулись к Сталину с этим якобы планом и даже не подписали его. Потому в округа и полетели директивы преимущественно оборонительного характера, согласно которым к 20—30 мая 1941 г. командующие должны были представить свои планы в ГШ на утверждение. Ни один из округов в сроки не уложился. И плохо было не только то, что ГШ так и не рассмотрел и тем более не утвердил их планы. Хуже всего было то, что в подавляющем большинстве нижестоящее командование частей и соединений округов не знало толком

²⁰⁵ Из интервью И.В.Ковалева доктору исторических наук Г.А.Куманеву. См.: Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. М., 2005, с. 309—310.

²⁰⁶ Военная разведка информирует. Январь 1939 — июнь 1941. Документы // Составитель В. Гаврилов. М., 2008, с. 587—588.

того, что изобразило на бумаге командование округов.

Чем особенно характерны эти директивы? Прежде всего, тем, что в них окончательно отброшен принцип активной обороны и активных действий по сковыванию сил противника, на чем базировался официальный план. В директивах это прозвучало следующим образом: «в основу организации обороны положить упорную оборону создаваемых укрепленных районов и полевых укреплений по линии госграницы с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего их развития. Обороне придать активный характер»²⁰⁷. Эта самая «оборона, в основу которой надо было положить упорную оборону», кончилась тем, что после войны бывший начальник генерального штаба сухопутных сил вермахта, хорошо известный всем историкам генерал Франц Гальдер рубанул — намертво пригвоздил: «Русское военное руководство потерпело крушение со своим принципом жесткой обороны»!²⁰⁸ Это он о том, что придумали Тимошенко-Жуков!

Комментарий. Увы, но приходится констатировать, что супостаты фактически полностью разгадали смысл действий Тимошенко-Жукова. В Интернете на одном из сайтов выложены документы германской военной разведки, опубликованные в сборнике Г. Убершера «Немецкое нападение на СССР» (других данных нет). Среди этих документов фигурирует и оценка от 20 мая 1941 г. Отдела «Восток» Разведывательного отдела («Иностранные армии Востока») генштаба сухопутных войск «подозреваемых планов противника», то есть советского командования, в п. 3 которой говорится: «<...> 3. Жесткая оборона у границы, с частичными наступлениями в начале войны и во время операций как контр наступления против прорвавшегося противника. Эти планы выглядят самыми вероятными по причине политической обстановки и выдви-

жения, которое наблюдалось до сих пор». Далее в этом же пункте говорится: «...Они будут обороняться опираясь на УРы на глубине до 30 км от границы, но на основных точках обороны можно рассчитывать на наступательные удары с ограниченной целью (местная наступательно проводимая оборона) для срыва наступательных операций противника и переноса боевых действий на территорию противника, там где русские чувствуют себя превосходящими. Далее нужно рассчитывать на наступления многочисленных подвижных тыловых частей против флангов прорвавшихся танковых клиньев. Похоже что для этой цели у них эти группы систематически распределены за линией фронта (южная Бессарабия, Проскуров, Барановичи, Вильнюс, Псков). Сомнительно, удастся ли им использовать для этой цели подвижные подразделения которые заняты на фронте (кав. див. танковые и мотомехбригады, некоторые из них возможно будут использоваться для работ над укреплениями)»²⁰⁹.

Самое главное в упомянутых директивах состоит в следующем. Обратите внимание на построение начала фразы — «**в основу организации** обороны положить упорную оборону...». Ведь это же означает, что до этих директив организации обороны не было! Даже в основе! Иначе чего писать такие указания. А ведь это, если сие перевести на язык Уголовного кодекса, означает особо тяжкое государственное и воинское преступление. Уже середина мая. Давно известно, что Гитлер точит топор против СССР. Разведка давно сигнализирует о возможности нападения весной (хотя это и не сбылось), затем уточняет и указывает на 15—20 числа июня. А крутолобые и крутозвездные только в первой половине мая требуют «в основу организации обороны положить упорную оборону...». Проще говоря, сие действительно означает, что как таковой организации обороны в округах не имело место быть. То, что строили УРы и полевые укрепле-

²⁰⁷ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243.

Л. 4—34. Там же, Д. 227, Л. 33—47.

²⁰⁸ Цит. по: Орлов А. Сталин в преддверии войны. М., 2003, с. 407.

²⁰⁹ Цит. по: БПр://тШ1era.Бор<1a.ги/?1-10-0-00000003-000-0-0-1278501096

ния — это одно, но вот как полноценной системы организации обороны не было! Они сами это подтвердили упомянутыми директивами!

Но это еще далеко не все, чем характерны директивы. При всем формально оборонительном характере содержания директив ими же милостиво разрешалось, правда, только «при благоприятных условиях быть готовым, по указанию главного командования, нанести стремительные удары для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»!²¹⁰ При этом вызывающе демонстративно было указано, что это милостивое разрешение относится именно ко «всем обороняющимся войскам и резервам...»²¹¹ А это к чему? Какие еще у нас были войска и для чего вообще их сосредотачивали в западных приграничных округах? Только ведь для обороны и прикрытия. Ведь по официальному плану готовились к отражению агрессии, из-за чего он в обиходе так и назывался, и, следовательно, войска обороняющие и обороняющиеся — тут мудрить нечего. Тогда на кой же черт потребовалось такое вызывающее демонстративное подчеркивание? А вот на тот самый, что Рокоссовский указал в жестко купированных цензурой частях своей рукописи — для документального оправдания²¹², ежели чего, особенно если молчаливые, но крепкие мужики с суровыми лицами придут «нежно брать под мякитки»... Потому что под обороняющимися войсками оба крутолобых и крутозвездных подразумевали сухопутные войска, прежде всего стрелковые части, расположенные статическим фронтом узкой лентой вдоль линии границы!

²¹⁰ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 4—34. Там же. Д. 227. Л. 33-47.

²¹¹ Там же.

²¹² *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. Издание со всеми восстановленными купюрами цензуры. М., 1997, с. 55.

И вот что особенно любопытно. Чуть позже, явно после 15 мая, Сталин знакомит начальника ГШ с материалами своей переписки с Гитлером, дабы наглядно показать Жукову, что война — вот она, грянет через месяц, и потому еще загодя дает санкцию на выдвижение войск из внутренних округов. Ну а этот же прямо на следующий день и в точном соответствии с положениями концепции Тухачевского совместно с Тимошенко усаживает ОУ ГШ за разработку плана превентивного контрблицкрига?! А до этого, между прочим, упомянутыми выше директивами округам милостиво было разрешено при необходимости быть готовыми к немедленному встречно-лобовому контрнаступлению! Причем милостивое разрешение быть готовыми «при благоприятных условиях быть готовым, по указанию главного командования, нанести стремительные удары для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей» почему-то оказалось в четком соответствии с концепцией и планом поражения Тухачевского «а-ля доктрина Дуэ». Особенно для КОВО — директива № 503862/сс/ов от 05.05.1941. Аж дух захватывает. Судите сами: авиации разрушить ж.-д. мосты и узлы в Катовице, Кельце, Ченстохове, Кракове и, кроме того, действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск. А войскам 5-й, 6-й, 12-й и 26-й армий КОВО в это же самое время предписывалось организовать оборонительные рубежи от западной границы и вплоть до Днепра! Абсолютно точно по доктрине Дуэ, как ее скопировал для своих «нужд» Тухачевский — пока своя авиация бомбит противника с воздуха, свои сухопутные войска в статическом фронте «узкой лентой» держат якобы упорную (жесткую)

оборону! Странное дело, принципиально те же самые идеи были заложены и в тот самый план превентивного контрблицкрига. Впрочем, а что тут странного?

Зато закономерны были последствия этих, с позволения сказать, «странностей». И в этой связи позвольте привести интересный факт. На страницах недавно вышедшей из печати интересной книги довелось вычитать научное обоснование того, что оказалось едва ли не тождественно тем мыслям, что автор имел честь высказать на суд читателей на страницах своих книг еще пять лет назад²¹³.

Приношу извинения за довольно обширную цитату, но иначе было нельзя. Уж больно важные мысли там. Итак, вот что вычитал: «При анализе событий начала войны упускается из виду один очень важный момент — в бою та сторона, которая имеет превосходство в силах, при прочих равных условиях несет меньшие потери. Для лучшего понимания того, какие потери понесут противостоящие стороны при превосходстве одной из сторон в силах, скажем, в три раза, приведу простейшую математическую модель. Пускай у одной стороны (синие) есть триста пехотинцев, у другой (красные) — сто пехотинцев. Все пехотинцы вооружены одинаковыми винтовками. Обе стороны разворачиваются равномерно в шеренгу по фронту 1 километр, т.е. у «синих» один пехотинец приходится на три метра фронта, у «красных» — на десять метров фронта. Стороны сближаются и одновременно стреляют друг в друга. Предположим, что меткость «синих» и «красных» одинакова — в цель попадает каждый третий пехотинец, два остальных промахиваются. Таким образом, стороны находятся в абсолютно равных условиях, кроме численности (тут,

очевидно, целесообразней говорить не столько о численности, сколько о линейной плотности. — А. Л.). Своим залпом «синие» выбьют $300 \times \frac{1}{3} = 100$ пехотинцев, т.е. «красные» будут выбиты все. «Красные» выбьют $100 \times \frac{1}{3} = 33$ пехотинца, т.е. потери «синих» будут в три раза меньше потерь «красных». Можно несколько видоизменить модель. Предположим теперь, что все пехотинцы очень меткие. Но время выстрела каждого пехотинца из 400 разыграем случайным способом. Будем считать, что пуля долетает до цели мгновенно, и пехотинец, в которого попали, выстрелить уже не сможет. Тогда вероятность того, что «красный» пехотинец выстрелит раньше, чем целящийся в него три пехотинца «синих», будет 25 %. Следовательно, только 25 % «красных» сумеют выбить «синего» пехотинца. Однако даже если «красный» пехотинец выстрелит первым и выбьет одного из «синих», два оставшихся «синих» пехотинца, которые в него целились, все равно выведут его из строя. Таким образом, потери «синих» в этой модели составят 25 пехотинцев против 100 у «красных», т.е. в четыре раза меньше. Приведенные рассуждения были формализованы военной наукой в так называемых квадратичных уравнениях Ланчестера (далее указана непосредственно математическая формула, которая при цитировании не приводится, дабы не перегружать внимание читателей. — Л. А.). Уравнение показывает, что отношение скоростей убывания боевых единиц обратно пропорционально отношению количества боевых единиц. Используя это уравнение, получим, что при встречном бое трех дивизий против одной на площади порядка 10×10 км (а уравнение Ланчестера применимо к такому бою) одна дивизия погибнет полностью, а три противостоящие ей дивизии потеряют в общей сложности не более 0,3 дивизии. В современной военной теории используются и более слож-

²¹³ См.: *Мартыросян А.Б.* 22 июня. Правда Генералиссимуса. М., 2005. *Он же.* Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина. М., 2006.

ные модели расчета потерь. Как пример приведу результаты расчета основного показателя возможностей подразделения по поражению противника — математическое ожидание ущерба, наносимое его живой силе. Методика расчета основывается на сравнении плотностей стрелково-

го оружия сторон, выражаемых количеством пуль, на 1 погонный метр фронта в минуту. Величина математического ожидания ущерба сторон определяется полученным с помощью математической модели, использующей метод “динамики средних”.

Таблица 1

Потери сторон от огня стрелкового оружия

Время суток	Темп наступления, км/час	Стороны	Потери при соотношении плотностей огня, %					
			1:1	2:1	3:1	4:1	5:1	6:1
День	5	наступающая	100	88	49	30	18	10
		обороняющаяся	2	28	56	84	100	100
День	10	наступающая	100	48	30	20	15	И
		обороняющаяся	6	20	33	46	60	73
Ночь	5	наступающая	100	62	37	26	18	13
		обороняющаяся	3	24	42	60	77	85
Ночь	10	наступающая	70	33	21	15	11	9
		обороняющаяся	6	15	23	32	41	49

Примечание: 1. Подразделения вооружены только стрелковым оружием. 2. Потери рассчитаны на момент выхода атакующих к переднему краю обороны противника.

Для простоты выберем наступление днем с темпом 5 км/час.... Мы видим, что наступать при равном соотношении сил бесполезно — наступающих выбьют всех, а потери обороняющихся будут в 50 раз меньше, т.е. просто ничтожны. Однако если наступающих будет в шесть раз больше обороняющихся, то наступающие понесут потери в 1,7 раза меньше обороняющихся. Равные потери наступающих и обороняющихся будут при превосходстве наступающих примерно в 4,7 раза.

Из приведенных расчетов видно, что скрывается за выражением «войска были разбиты по частям». Пример с “красными” и “синими” пехотинцами можно до-

полнить. Допустим, что за первой шеренгой “красных” следуют вторая и третья той же численности (100 человек) и “синие” встречаются эти шеренги поочередно. Таким образом, численность “красных” и “синих” становится равна друг другу, и стороны находятся в равных условиях, кроме одного — “красные” разделены на три части. Если провести расчеты потерь в противостоянии “синих” со второй и третьей шеренгами “красных”, то мы увидим, что после полного выбивания “красных” у “синих” в строю будет оставаться порядка двух третей состава.

Военной науке все это известно уже давно — еще Карл Клаузевиц писал: “Вся-

кому понятно, что численное превосходство, доведенное до известной высокой степени, должно преодолеть все остальное. С этой точки зрения надо согласиться, что численное превосходство представляет важнейший фактор боя... на решительном пункте надо ввести в бой возможно большее число войск... Это первый принцип стратегии". Даже в художественных произведениях можно найти косвенное подтверждение приведенным расчетам. Например, в романе Рафаэло Джованьоли "Спартак" при описании сражения легионов Красса с войсками Крикса у горы Гарган приводятся такие цифры: римлян в сражении участвовало семьдесят тысяч, гладиаторов — тридцать тысяч, в результате боя гладиаторы были истреблены все, а римлян при этом погибло десять тысяч (в три раза меньше).

Таким образом, сосредоточение сил "на решающем пункте" имеет цель не только обеспечить возможность прорыва обороны противника и окружения его войска, но и создать условия, в которых атакующий будет нести меньше потери, чем обороняющийся, за счет превосходства атакующего в силах»²¹⁴.

Полагаю, что читатели без труда заметили, что в приведенной выше таблице, и сопутствующем ей описании фигурируют хотя и виртуальные, но тем не менее полнокровные пехотинцы с обеих сторон. Это, как говорится, идеальная математическая, скорее даже арифметическая модель. А как

быть в тех случаях, когда в реальности обороняющаяся сторона была представлена не полнокровными пехотинцами на 1 метр линии обороны, а дробями?! А при чем тут дробь, спросите вы, полагая себя правым задать такой вопрос?! Да, вы правы, только вот в чем все дело-то. Вы думаете, что Жуков просто так письменно ляпнул в своих мемуарах превосходство противника, особенно на решающих направлениях, причем именами дивизий?! Увы, далеко неспроста он это сделал. Как, впрочем, неспроста ограничил и уровень этого превосходства дивизиями. Мол, против одной нашей дивизии наступали шесть и даже восемь дивизий противника. И потому, мол, трагедия и произошла. Маршал знал, что делал. Потому так и написал. Ибо если он раскрыл бы подлинный уровень превосходства противника в момент начала агрессии, то ни при каких обстоятельствах не смог бы даже и во сне мечтать о том, чтобы отмазаться от ответственности за трагедию 22 июня. Потому что если он раскрыл бы все до конца, то все воочию увидели бы механизм подставы общевойсковых соединений (прежде всего, стрелковых соединений) под разгром, о чем и предупреждала советская разведка. А оказаться подставленными под разгром войска могут, подчеркиваю это еще раз, только в результате конкретных действий своего же командования. Но об этом в следующей главе.

²¹⁴ Савин В.О. Разгадка 1941. Причины катастрофы. М., 2010, с. 220—223.

Г лава 4 ЗАЧЕМ НУЖНА АРИФМЕТИКА В ВОЕННОМ ДЕЛЕ!

Арифметику уже затем учить надо,
что она ум в порядок приводит.
*Выдающийся русский математик
Лобачевский*

Как известно, действия армии любого государства регламентируются уставами, в РККА, в том числе и принятый весной 1941 г. Согласно этому документу, кста-

ти, не слишком отличавшемся от своих предшественников, ширина фронта обороны армии не должна была превышать **80—100 км**²¹⁵. На деле же в среднем на круг по всем трем основным приграничным округам выходило по **170—176 км**²¹⁶. Соответственно где-то чуть больше, где-то чуть меньше. Проще говоря, при такой резко увеличенной ширине фронта обороны устойчивость армий в обороне оказалась пониженной в среднем в **1,7—2,2 раза!** Но это понижение устойчивости в обороне всего лишь: а) в рамках прямолинейной арифметической логики, то есть без учета иных факторов; б) против нормативного уровня по Уставу 1941 г.

На деле же реальная картина была куда трагичней, потому как ширина участка прорыва для армий вермахта определялась всего в **25—30 км**!²¹⁷ Соответственно если считать только по нормативам, то у гитлеровцев уже получалось превосходство (округленно) в **3—4 раза!** На деле же при указанной выше фактической ширине обороны наших армий, объективно более чем вдвое уменьшавшей их устойчивость в обороне, одна наша армия должна была испытать на себе мощь (округленно) **6—7 вражеских армий!** Однако на данном этапе в расчеты круто вмешивается «логика кровавой алгебры» боя и потому придется последовать следующему правилу: во сколько раз понижена устойчивость нашей армии в обороне, во столько раз выше и подлинно реальное превосходство ударной силы противника на поле боя. Следовательно, вместо и без того сомнительного удовольствия испытать на себе мощь как бы **6—7 армий**, в реальности нашим армиям предстояло почувствовать превосходство супостатов в диапазоне от **10 до 15 с лишним раз!**

Конечно, непосредственно на полях первых сражений против одной совет-

ской армии гитлеровцы не выставляли по **10—15 армий**. Столько у них просто не было. Речь идет о том, что мощь и сила, с которой обрушивались супостаты на одну нашу армию, были равны мощи и силе **10—15 армий** вермахта. И всего лишь потому, что наши имели слишком растянутый фронт обороны, а, следовательно, и объективно резко пониженную устойчивость в обороне. А супостаты, напротив, предельно концентрировали свои силы на очень узких участках фронта прорыва. Поэтому и получалось такое превосходство... формально из ничего. Проще говоря, из **ВОЗДУХА!!!**

Не следует полагать, что наши командующие армиями не понимали, во что их втягивают. Понимали, а некоторые даже очень понимали. Некоторые из них прямо письменно предупреждали, что сверхширокий фронт обороны до добра не доведет, у армий нет таких возможностей и сил, чтобы прикрыть такой фронт. Так, по инициативе командующего 8-й армией ПриОВО генерал-лейтенанта А.А. Тюрина Военный совет армии докладывал в конце января 1941 г. Военному совету округа, что 8-я армия не может прикрыть отведенный ей **160-километровый** участок границы. Потому что для этой цели имеет всего два корпусных управления, по одной стрелковой дивизии от каждого. Генерал-лейтенант А.А. Тюрин особо отмечал, что «в случае необходимости выступить на прикрытие государственной границы и удерживать ее до сосредоточения хотя бы минимального состава армии... потребуется от **6 до 8 суток**... Две стрелковые дивизии, находящиеся на участке границы 8-й армии, выполнить эту задачу на сверхшироком фронте не в состоянии...»²¹⁸ И далее предлагал ряд серьезных мер по повышению боеспособности войск армии, в том числе и упо-

²¹⁵ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000, с. 397.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ История Второй мировой войны. М., 1974. Т. 3, с. 340.

²¹⁸ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 58. Кор. 13075. Л. 1—4.

мянутых двух стрелковых дивизий. Догадаться с одного раза, чем закончилось такое обращение генерал-лейтенанта А.А. Тюрина? Правильно, уже весной его сняли с должности командарма 8-й армии и «задвинули» во внутренний, Орловский, военный округ на должность заместителя командующего войсками округа.

С марта 1941 г. 8-й армией командовал уже генерал-лейтенант П.П. Собенников. Однако не следует полагать, что новое командование 8-й армии тупо и слепо соглашалось с тем положением дел, которое обрисовало прежнее командование. Отнюдь. В мае 1941 г. начальник штаба 8-й армии генерал-майор Г.А. Ларионов доложил Военному совету ПриОВО о следующем. Что «стрелковые дивизии, находящиеся на участке границы 8-й армии, прикрыть государственную границу на сверхшироком фронте не в состоянии, фронт прикрытия 160 км слишком широк и никакими нормами и положениями не предусмотрен... Плотность огня ничтожная (одно орудие и два пулемета на 1 км фронта). Существующая дислокация 10-й и 125-й стрелковых дивизий не отвечает требованиям занятия обороны, потребуется от суток до двух»²¹⁹. Сразу же заметим, что при любых обстоятельствах начальник штаба согласовывает доклад вышестоящему начальству с командиром соединения. В данном случае Ларионов согласовал такой доклад с генерал-лейтенантом П.П. Собенниковым.

А теперь уже с трех раз попробуйте догадаться, что произошло с одной из тех дивизий, о которых писал А.А. Тюрин, а впоследствии еще и Г.А. Ларионов — 125-й стрелковой дивизией (командир генерал-майор П.П. Богайчук) 11-го стрелкового корпуса 8-й армии?! Не получается? Не беда, помогу. Только сначала отметим, что командир этой дивизии генерал-майор П.П. Богайчук прекрасно понимал весь трагизм положения своей

дивизии. 19 июня 1941 г. он подал по инстанции шифровку, в которой говорилось: «По агентурным данным и данным перебежчиков, в районе Тильзита сосредоточено до семи дивизий германских войск. С нашей стороны мер оборонительного характера, гарантирующих от нападения мотомеханизированных частей, не предпринято, и достаточно немцам пустить один танковый батальон, как удерживаемый гарнизон может оставаться захваченным врасплох. Внутренний наряд и патрули могут только предупредить части, но не обеспечить. Полоса предполья без гарнизонов войск немцев не задержит, а пограничники могут своевременно полевые войска не предупредить. Полоса предполья дивизии находится к госгранице ближе, чем к частям дивизии, и без предварительных мероприятий по расчету времени немцами будет захвачена раньше вывода туда наших частей...»²²⁰ В ответ Богайчук, запрашивавший о том, что он имеет право сделать, чтобы предотвратить такой результат, получил только... лозунги!.. Ну, а теперь о том, что произошло с этой дивизией. 22 июня 1941 г. она имела 40-километровую линию обороны, на которой было выставлено всего два стрелковых полка в сопровождении арtpолков дивизии и побатарейно приданного стрелковым полкам для организации противотанковой обороны отдельного противотанкового артдивизиона. Вот в таком составе в первом оперативном эшелоне дивизии выпала горькая участь противостоять 4-й ТГр (ГА «Север»), в состав которой входили 1, 6 и 8-я тд (общая численность танков — 679 шт.), а также 268-я и 290-я пд вермахта. Одна танковая дивизия вермахта в момент вторжения — это 16 ООО чел., в среднем до 200 танков (колебания от 135 до 209), 192 орудия, в

²¹⁹ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 38. Л. 1.

²²⁰ ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 449. Цит. по: Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2009, с. 161—162.

том числе 53 противотанковых, 25 бронемашин²²¹. Следовательно, три танковых дивизии — это 48 000 чел., 679 танков во всей 4-й ТГр, 576 орудий, в том числе 159 противотанковых, 75 бронемашин. Одна пехотная дивизия вермахта в момент вторжения — это 16 859 человек, 299 орудий и минометов, в том числе 72 противотанковых²²². Следовательно, две пехотные дивизии — это 33 718 чел., 597 орудий и минометов, в том числе 216 противотанковых. Итого, 81 718 чел., 679 танков, 75 бронемашин, 875 орудий и минометов, в том числе 231 противотанковое. И вся эта изрыгающая смерть машина против одной советской стрелковой дивизии в указанном составе на 40-километровой линии обороны?!

Надо ли объяснять, что в итоге произошло с этой дивизией, которая уже к середине дня 22 июня понесла тяжелейшие потери и под угрозой окружения с обоих флангов вынуждена была начать отход?! Мыслимое ли дело, одна стрелковая дивизия против целой танковой группы, да еще и в таком построении и составе?!

Не думайте, что в других округах было лучше. К примеру, полоса обороны 3-й армии ЗапОВО составляла 120 км, 10-й армии этого же округа — 200 км (сначала планировался такой фронт обороны, впоследствии его укоротили до 145 км, что опять-таки выше нормы) и 4-й армии — 150 км²²³. Приданная округу 22-я армия генерал-лейтенанта Ершакова вначале прикрывала Витебское направление, но через несколько дней боев на ее долю выпала задача обороны 200-километрового рубежа от Витебска до Себежского укреп-

армия, выходит, должна была противостоять мощи аж 8 армий! Мыслимое ли это дело? И каков же должен был быть результат такого противостояния? Надо полагать, что и так понятно... Ну, а Ершаков произошло это уже под Москвой. И не попал в плен, а сдался в плен генерал Ершаков).

В свою очередь 5-я армия КОВО (ЮЗФ) имела полосу обороны в 174 км, 6-я армия — 165 км, 26-я армия 130 км, 12-я армия — 500 км.

Будете ли после этого удивляться, что наши армии, мягко говоря, долго не удерживались в обороне в первые часы, дни и недели войны? А ведь после первых же немыслимо жутких потерь устойчивость армий в обороне еще более снижалась — сначала в разы, а затем и на порядки! — а бреши, которые им приходилось собой прикрывать, становились еще больше!

Еще хуже обстояли дела с шириной фронта обороны стрелковых корпусов — по Уставу им было положено 20—25 км²²⁴, а в действительности же вышло по 84—92 км²²⁵. Проще говоря, устойчивость нашего стрелкового корпуса в обороне оказалась пониженной против нормативной в диапазоне (в среднем) от 3,5 до 4,6 раз! Исходя только из Устава, это уже не просто заведомо проигрышная ситуация — ведь ширина фронта прорыва для армий вермахта была 25—30 км! Один стрелковый корпус против целой армии?! И это еще мягко сказано!

Вот, например, боевой состав некоторых армий вермахта при вторжении: 6-я армия — 11 пехотных дивизий (2, 44, 56, 57, 62, 75, Ш, 168, 297, 298 и 299-я), 213-я охранная, 4-я армия — 18 пехотных дивизий, 1 кавалерийская, 2 охранные и 2 бригады. Суммарно в одной только 6-й

²²¹ Анфилов В.А. Провал «Блицкрига». М., 1974, с. 72.

²²² Там же.

²²³ Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии // Военно-исторический журнал, 1989, №4, с. 30.

²²⁴ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 200, с. 397.

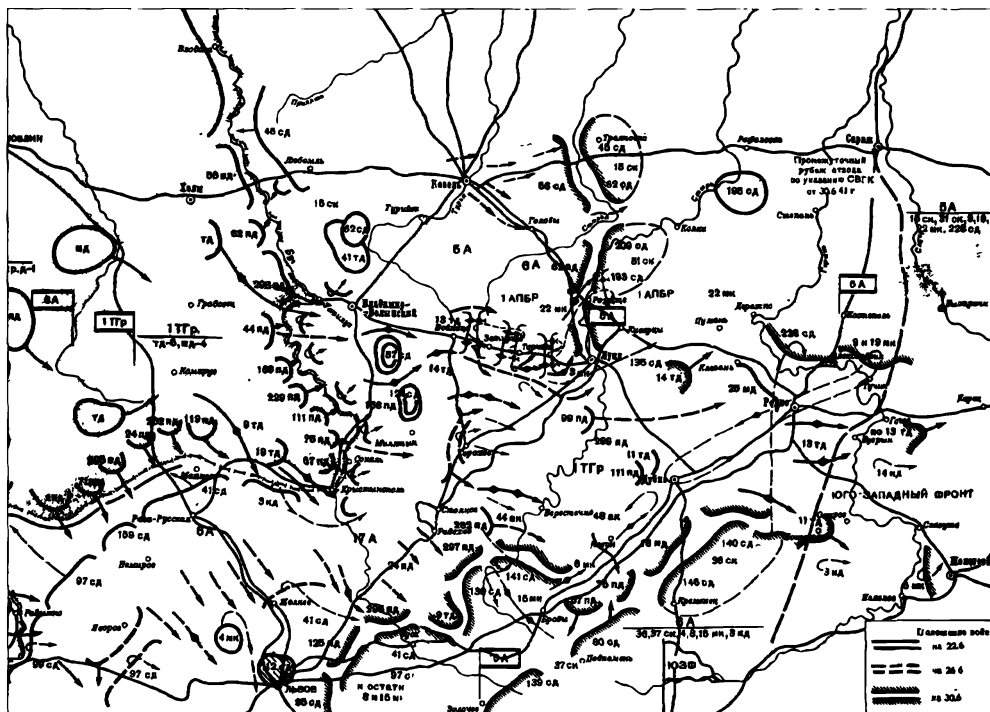
²²⁵ Там же.

армии было 185 449 человек и 3289 орудий, в том числе 792 — противотанковых. Охранную дивизию не учитываю, хотя это и не совсем верно. Но гитлеровцы в лобовые атаки с автоматами наперевес сразу не шли — вначале «работала» авиация, затем артиллерия, а нередко и одновременно, потом в прорыв шли танковые и моторизованные дивизии и лишь после этого пехотные. Так и в этом случае. 6-ю армию вермахта поддерживали 4-й воздушный флот, а также 1-я танковая группа. В состав последней входили: 9, 11, 13, 14 и 16-я танковые дивизии, а также моторизованные дивизии — 16 и 25-я, СС «Викинг» и СС «Адольф Гитлер». 4-ю армию поддерживал 2-й воздушный флот и 2-я танковая группа под командованием Г. Гудериана, в состав которой входили 5 танковых и 3 моторизованных дивизии. О танковых и пехотных дивизиях вермахта уже говорилось выше. Остается сказать только о моторизованных дивизиях. Одна моторизи-

рованная дивизия вермахта в момент вторжения — это 14 029 чел., 37 бронемашин и 237 орудий и минометов, из которых 63 противотанковых²²⁶. Следовательно, 4 мотодивизии — это 56 116 чел., 148 бронемашин, 948 орудий и минометов, из которых 252 противотанковых.

Итого ударная группировка в составе 6-й армии и 1-й танковой группы насчитывала как минимум 321 565 чел., 799 танков, 279 бронемашин, 5197 орудий и минометов, в том числе 1209 противотанковых, и до тысячи самолетов люфтваффе. Соответственно, что должно было произойти на направлении главного удара той же 6-й армии вермахта? Правильно: кровавое побоище, результаты которого маршал К.С. Москаленко впоследствии откровенно отобразил на одной из прилагавшихся к его книге «На Юго-Западном направлении» карт (см. илл.).

²²⁶ Анфилов В.А. Провал «Блицкрига». М., 1974, с. 72.

Как вы понимаете, комментировать эту карту нечего, если всего-то за 8 дней боев указанная группировка вермахта столь глубоко вклинилась в нашу территорию. И ведь это произошло в самом мощном из всех западных приграничных округов — в Киевском особом военном округе. Что же говорить об остальных?

Однако изложенное выше еще далеко не вся правда о том, с чем же действительно пришлось столкнуться нашим стрелковым корпусам. Дело в том, что в сравнении с установленной в вермахте для одной армии 25—30-километровой шириной фронта прорыва выходит, что один наш стрелковый корпус должен был противостоять мощи как минимум трех армий вермахта. То есть реальное превосходство получалось в три раза больше — в диапазоне от 10 до 14 раз! Но и это еще не все, ибо действительность была куда трагичней. И вот почему. 6 вермахте нижний предел ширины фронта для группы армий в прорыве составлял 100 км (верхний предел — 150 км) ²²⁷.

Взгляните пристально на эти цифры: 84—92-километровая ширина фронта обороны одного нашего стрелкового корпуса, по сути-то дела, была почти равна ширине фронта прорыва группы армий вермахта, а в некоторых случаях и вообще тождественна, как, например, у 15-го СК (командир — И. Федюнинский) в КОВО, ширина фронта обороны которого была ровно 100 км! Л теперь взгляните на боевой состав всех трех группировок вермахта при вторжении:

группа армий «Север» — 20 пехотных, 3 танковые, 3 моторизованные, 3 охранные дивизии и авиация 1-го воздушного флота люфтваффе;

группа армий «Центр» — 31 пехотная, 9 танковых, 6 моторизованных, 1 кавалерийская, 3 охранные дивизии, 2 моторизованные бригады и авиация 2-го воздушного флота люфтваффе;

группа армий «Юг» — 32 пехотные, 5 танковых, 4 моторизованные, 3 охранные и авиация 4-го воздушного флота люфтваффе!

Военное светило, как говорят, всех времен и народов К. Клаузевиц утверждал, что «военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека». Однако же попробуйте здравым умом понять, мыслимое ли это дело — подставлять свои же войска под столь неминуемое кровавое побоище?! Разве в нашем Генштабе не знали хотя бы относительно точно о боевом составе всех трех группировок вермахта? Знали, о чем говорилось еще в первой книге. А раз знали, но подставили вверенные им войска под разгром — увы, но вывод только один: ПРЕДАТЕЛЬСТВО! Особенно, если учесть злостный бардак с разработкой планов обороны.

Но и это еще далеко не все. Стрелковый корпус РККА образца 1941 г. — это в «идеале» того времени три дивизии, в 85% которых, по признанию самого Жукова, в среднем насчитывалось по 8 тыс. чел. вместо положенных 14 с лишним. Итого, выходит, в среднем в одном СК насчитывалось 24 тыс. человек. При указанной выше ширине фронта обороны в 84—92 км это означает, что на 1 м линии обороны линейная плотность в живой силе была от 0,26 до 0,29 бойца.

Как правило, гитлеровцы шли на прорыв с плотностью не менее 4,2 пехотинца на 1 метр. А это означало превосходство на поле боя над нашими 0,26—0,29 бойца на 1 м обороны в диапазоне от 14,5 до 16 раз! Но, к сожалению, это еще не все. Поскольку устойчивость СК в обороне изначально была понижена в 3,5—4,6 раза, то фактическое превосходство на поле боя — над нашими 0,26—0,29 бойца на 1 м обороны — выходило в диапазоне от 51 до 73,6 раза! И это, заметьте, пока еще без какого-либо учета огневой мощи противника и основных особенностей стратегии и тактики таранно-штурмового пролома того, что Тимошенко—Жуков

²²⁷ История Второй мировой войны. М., 1974. Т.3, с. 340.

учудили якобы в качестве обороны, обозвав ее «жесткой/упорной обороной».

Если же учесть еще и это, то нарвемся на следующее. Хотя в реальности таких прямолинейных боевых столкновений в формате «один СК РККА против целой группы армий вермахта» на полях первых сражений той страшной войны не было, тем не менее сие до крайности обострит уже сформулированный выше вопрос. То есть мыслимое ли это дело столь откровенно подставлять свои войска под такой фатально неминуемый кровавый разгром?! Точнее, оно мыслимо лишь в одном случае — в случае ПРЕДАТЕЛЬСТВА!

Однако это всего лишь прелюдия, ибо наиболее фантастический коллапс разыгрался на уровне основного звена — на уровне стрелковых дивизий, особенно первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона. Именно это звено было не просто самым слабым, а особо слабым, так как согласно тому, что начудили Тимошенко и Жуков, основную тяжесть обороны, особенно от первого удара противника, должны были вынести на своем горбу именно стрелковые дивизии. Именно в этом звене разыгралось невероятно кровавое побоище.

Стрелковые дивизии должны были принять на себя первый удар вермахта и в соответствии с официальным планом обороны (о нем в следующей главе). Но в том-то и дело, что принципиальная разница между этими внешне вроде бы идентичными решениями заключалась в том, что согласно утвержденному еще в октябре 1940 г. документу им предписывалось принять первый удар в состоянии активной обороны! Это во-первых. Во-вторых, что еще более важно, — по состоянию на октябрь 1940 г. стрелковые дивизии РККА при всех хорошо известных недостатках были все-таки значительно мощнее и сильнее, нежели в июне 1941 г., во всяком случае по огневой мощи — точно. Однако в первой половине 1941 г.

усилиями друга Тимошенко—Жукова стрелковые дивизии были ослаблены до предела: их лишили основной ударной силы — их танковых батальонов²²⁸. А ведь в соответствии с тем, что начудили Тимошенко—Жуков в первой половине 1941 г., им предстояло именно «упорной обороной, опираясь на укрепленные районы прочно прикрыть наши границы и не допустить вторжения противника на нашу территорию»²²⁹. При этом разъяснялось, что «прикрытие границы организовать на фронте всех армий по типу прочной, постепенно усиливающейся по мере прибытия войск обороны с полным использованием укрепленных районов и полевых укреплений, с всемерным развитием их в период сосредоточения»²³⁰. Попробуйте здравым умом оценить этот «шедевр» эпистолярного жанра генштабовского разлива периода Жукова. Оценили?! И что у вас получилось? Правильно, первомайские лозунги-призывы, тем более что это выражение из апрельской директивы ЗапОВО, то есть накануне 1 мая. Впрочем, ожидать от Генштаба времен Жукова литературных изысков не приходится. Не та это была организация в то время, хотя в былые времена славу русской литературы и поэзии в немалой степени составляли именно же офицеры и генералы.

**◆

Справка-комментарий. Оборона в действительности может быть:

а) жесткой, в том числе и на линии государственной границы. Следует также указать, что для обороны России, тем более при нападении с Запада, особенно если оно носит характер тотального нашествия, принцип «жесткой обороны» — самый бессмысленный, самый жестокий, потому как при всей святости задач не оставляет войскам шанса на выживание ради продолжения

²²⁸ Военно-исторический журнал. 1989. №11, с. 15.

²²⁹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 48—64. Рукопись на типографском бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Незаверенная копия.

²³⁰ Там же.

борьбы с вторгшимся врагом. Ведь у регулярной армии главная задача — оборона всей страны, а не только границы. Это дело в первую очередь пограничников и погранвойск, а в особо угрожаемые периоды — их, но в координации с частями регулярной армии. Между тем характер и масштабы сосредоточения войск вермахта давали все основания для вывода именно о тотальном нашествии — когда концентрируются свыше 100 полностью отмобилизованных дивизий и армады танков с самолетами, то и слепому должно быть ясно, что речь идет именно об этом;

б) маневренной — когда, например, отходят перед противником в целях организации внезапной контратаки (контрудара) во фланги наседающего врага, в результате чего подрубается горловина «котла» и он «захлопывается». После чего следует уничтожение попавшего в «котел». Советские войска «досыта» наелись такой «обороной» супостатов в наступлении, особенно в 1941 г., а последний крупный случай подобного типа произошел под Харьковом в 1942 г.;

в) гибкой — когда ввиду явной угрозы своим флангам отходят на более выгодную позицию, на рубежах которой организуют более прочную оборону, либо сосредоточиваются для контрудара;

г) активной — ее суть в сочетании «б» и «в». Принцип «активной обороны» для обороны России, тем более с Запада, особенно при тотальном нашествии, — наиболее рациональный. В том числе и потому, что, с одной стороны, достаточно быстро позволяет включить в оборонительных целях фактор гигантских ее пространств, на которых «растворяется» ударная мощь агрессора, вынужденного так или иначе подставлять свои фланги под удары, а с другой — потому, что веками апробирован еще нашими пращурами и прадедами и дедами;

д) стратегической обороной, которая как принцип обороны для всего государства определяется только директивой Главнокомандования, как это произошло у нас в 1941 г.

Стратегическая оборона в классическом ее виде, то есть прежде всего при опоре на долговременные оборонительные сооружения экономически самый тяжелый вид обороны именно для России. Уж слишком гигантские по площади территории подлежат в таком случае фортификационному обустройству.

В литературе о войне нередко встречаются обвинения в адрес руководства тогдашнего СССР в том, что оно, видите ли, не предусматривало варианта стратегической обороны. Либо равнозначные утверждения, что-де «в идеале построение группировки советских войск у западных границ должно было быть таким, каким оно было через два года в битве на Курской дуге. Тогда создали глубоко эшелонированную оборону (восемь оборонительных полос на глубину 300 км), позволившую от-

разить наступление противника, обескровить его войска, а затем перейти в решительное стратегическое наступление. Но тогда, в 41-м, этого не случилось»²³¹. А оно, между прочим, ни при каких обстоятельствах не могло получиться, особенно если всерьез вдуматься в подобные упреки. И не потому, что-де Сталин не разбирался в вопросах стратегической обороны или что-де сами планировали напасть, а не обороняться. Просто достаточно одного арифметического действия, чтобы раз и навсегда уразуметь всю несостоятельность подобных упреков.

На Курской дуге общая линия фронта составляла 550 км, следовательно, при избранной тогда глубине обороны в 300 км²³² фортификационному обустройству подлежала площадь в 165 тыс. кв. км.

В масштабах же всей линии западной границы, от Баренцева моря до Черного, а это 4500 км (на тот период), при необходимой глубине обороны в 400 км — ведь речь шла об обороне всего государства, а не о частной, хотя бы и крупнейшей битве, обустройству подлежали бы 1 800 000 кв. км. Три с большим гаком Германий в границах 1937 г. Ведь и начального образования должно по идее хватить, дабы уразуметь: разница почти в 11 раз! Соответственно и масштабы фортификационных работ были бы как минимум в 11 раз больше.

На Курской дуге только стрелковых окопов и окопов для противотанковых ружей было отрыто 167824²³³. Умножьте на 11 и получите 1846064. При таких обстоятельствах одна только длина траншей и ходов сообщений в 1941 г. должна была бы составить 93 280 км (полтора экватора Земли!) против 8480 км на Курской дуге. Между прочим, это означает, что потребовалось бы 21 раз перерывать всю границу от Баренцева до Черного моря! Командных и наблюдательных пунктов на Курской дуге было 10 644²³⁴, а для 1941 г. потребовалось бы 117 0841 Убежищ и землянок (соответственно) — 35 010 и 385110²³⁵. Не только дотов, но и даже домов тогда столько не строили! Даже в последней предвоенной пятилетке. Проволочных заграждений как минимум 13 046 км (без малого в три раза больше, чем сама протяженность сухопутной линии границы на Западе!) против 1186 км на Курской дуге²³⁶. Противотанковых и противопехотных мин на Курской дуге было установлено 1 275 000 шт.²³⁷, следовательно, для 1941 г. потребовалось бы как минимум 14 025 000 шт. Для

²³¹ Орлов А. Сталин: в преддверии войны. М., 2003, с. 392.

²³² История Второй мировой войны. 1939—1945 гг. Т. 7. М., 1976, с. 135—138.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же.

осуществления работ на Курской дуге привлекалось до 300 тыс. человек рабочих и колхозников²³⁸. И это при условии, что и 1 млн 336 тыс. человек в войсках не только подбадривали их одобрительными возгласами, но и в первую очередь сами активно работали лопатами. Следовательно весь вышеуказанный фортификационный результат есть плод деятельности 1 млн 636 тыс. человек. Соответственно, для 1941 г. потребовалось бы использование труда 17 996 ООО чел., то есть без малого 18 млн человек!

Реально ли было бросить на рытье окопов по всей европейской части СССР не просто 18 млн чел., а практически без малого 10 % всего мобилизационного ресурса страны?! А страну-то кто оборонять будет, не говоря уж о том, а кто работать на заводах и полях будет? Ведь даже во время войны максимальная численность действовавшей на советско-германском фронте армии не превышала 6,5 млн человек²³⁹. То есть на рытье окопов в 1941 г. в ретроспективе «предлагают» поставить аж три действующих армии военного периода. Более того, реально ли было не только перерыть всю не столько Европейскую часть страны, сколько самую густонаселенную тогда (и сейчас) часть страны, на терри-

²³⁸ Там же.

²³⁹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993, с. 139.

тории которой тогда создавалось от 70 до 85 % ВВП? И не просто перерыть, а еще и практически полностью заминировать? Нелишне в этой связи поинтересоваться: а кушать-то что люди должны были и чем обороняться от супостата, ежели предлагается рыть окопы да минировать, ничего не производя, даже оружия и хлеба?!

Неужели так трудно сначала взять в руки калькулятор, посчитать, а уж потом, ежели цифры позволят, а они, как видите, ну никак не позволяют, кидать в ретроспективу не в меру «вещные идеалы»?! Когда такие «вещные идеалы» появлялись бы из-под пера забугорных негодяев, а эта поганая рать, к сожалению, не переводится, оно было бы и понятно — им по статусу негодяев-русофобов положено злобствовать. Но что «подвигает» на такие «идеалы» наших и вроде бы добросовестных исследователей — право же, ну никак в толк не взять!

Неужели так трудно понять, что Сталин был непреклонным реалистом и прагматиком, а не авантюристом! Он прекрасно знал, что Русь-Россия (СССР) никогда в своей истории не могла хотя бы даже чуть-чуть приблизиться к остальному миру в одном из важнейших в военном деле (особенно прошлого) показателе — в плотности войск на 1 кв. км своей территории. Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую это на очень коротком отрезке времени и на примере только СССР и Германии.

Годы	СССР	Германия
1924	0,0275 солдата на 1 кв. км	0,25
1927	0,0293	0,25
1928	0,03085	0,25
1933	0,025	0,25 (на 30.01.1933) 0,75 (на 31.12.1933)
1935—1936	0,0465	1,25
1937—1938	0,055—0,07567	2 (на 01.01.1938) 5,5 (на 01.10.1938)
1939	0,1	10,58 (на 19.08.1939) 12,5 (на 23.11.1939)
1940—1941	0,16 (на 09.05.1940) 0,18697 (на 01.01.1941) 0,25 (на 22.06.1941)	17,56 (на 22.06.1941)!

Примечание: Таблица составлена на основании собственных расчетов автора.

Здесь и не сведущему в военном деле человеку понятно: какой смысл перекапывать и минировать полстраны, если на 1 кв. км будет сидеть всего лишь «одна четвертушка» солдата! Такую оборону проломит и комар — не то что танк! И никакие мины в таком случае не помогут. Сколько их не ставь!..

Если, например, рассчитать плотность наших войск, исходя из численности всей сосредоточен-

ной тогда на Западе группировки (включая ВМФ и речные флотилии), то получится следующее. В пересчете на площадь одной только Русской равнины, коей, как вы и сами понимаете, вся территория европейской части СССР (России) не исчерпывается, выходит 0,822 солдата на 1 кв. км (3 289 851 чел.²⁴⁰: 4 млн кв. км). Еще хуже дело

²⁴⁰ См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000, с. 478 (таблица № 47).

обстояло с другим важнейшим в военном деле показателем — с плотностью войск на 1 км линии сухопутной госграницы. Ее протяженность на Западе тогда была 4500 км, следовательно, вычтя из вышеприведенной численности всей группировки на Западе численность ВМФ (вычитанию подлежат 215 878 чел.), получим всего 683 бойца на 1 км линии сухопутной границы. Вермахт же начал боевые действия 22 июня одновременно на протяжении 3375 км, что при численности только его группировок вторжения (без союзников) в 4 306 800 чел.²⁴¹ означает 1276 чел. на 1 км линии вторжения. То есть практически двукратное превосходство (1,868 раза!) над нашей группировкой. С учетом же «союзников» гитлеровской Германии — типа всяких фашистовавших тогда Финляндии, Румынии, Венгрии, Словакии и т.п., это будет, во-первых, уже 5,5 млн агрессоров, а, во-вторых, что и есть главное, 1630 чел. на 1 км линии вторжения. То есть в 2,386 раза больше, чем у нашей группировки. Уже к началу вторжения реальный перевес на поле боя был в 2,386 раза, к сожалению, в пользу агрессоров. Прошу не путать данный расчет с линейной плотностью войск в обороне и в наступлении, в том числе и в прорыве.

Понимая глубинное стратегическое значение таких цифр и, более того, предвидя их, умнейший и мудро прозорливый глава Генштаба маршал Шапошников потому и заложил в «Соображениях...» от 18 сентября 1940 г. принцип «активной обороны», поставив его во главу угла всей системы обороны СССР на Западе. Ибо только таким образом тогда возможно было построить оборону нашей Родины на Западе. Не говоря уж о том, что это веками апробированный нашими пращурами способ обороны. И Сталин с ним согласился, потому что тоже прекрасно знал об этом!

Тем не менее не следует делать поспешный вывод о том, что-де никакой подготовки к стратегической обороне в СССР перед войной не велось. Тем более с особым акцентом на специальные, прежде всего долговременные оборонительные сооружения. Это был бы в корне неверный вывод. Так же как маршал Шапошников, Сталин прекрасно осознавал особое стратегическое и политическое значение указанного выше извечного, но объективного порока русской армии, который, правда, на определенном этапе автоматически трансформирует слабость в силу. Но именно потому, что он действительно глубоко понимал всю значимость стратегической обороны с опорой на укрепленные районы (УР), что позволяло практически вдвое увеличить ширину фронта обороны частей (например, согласно Полевому уставу РККА от 1939 г., батальон мог оборонять участок с шириной по фронту в 1,5—2 км,

а с опорой на УР — до 3—5 км). Соответственно, сразу же после образования в 1939 г. советско-германской границы были резко интенсифицированы фортификационные работы (прежде всего в КОВО и ЗапОВО). Так началось строительство второй, самой западной, линии оборонительных сооружений, обычно именуемой в исторической литературе «линией Молотова», где предусматривалось сооружение 20 УР, а после присоединения Бессарабии и Северной Буковины — еще трех. Уже один только этот факт в голом виде, то есть сам по себе, без приводимых ниже основных подробностей, совершенно однозначно свидетельствует, что в действительности в основе подлинного замысла обороны СССР от фашистской агрессии лежала идея стратегической обороны. И не просто стратегической обороны. А с возможностью, по мере необходимости, отхода войск от одной линии оборонительных сооружений к другой. Проще говоря, планировался глубоко модернизированный, сообразно условиям научно-технической цивилизации начала 40-х гг. XX в., римейк знаменитого плана обороны России в 1812 г., разработанного под руководством выдающегося российского полководца Михаила Богдановича Барклая-де-Толли.

Дополнительный комментарий. Небезынтересно отметить в этой связи, что имевшееся намерение устроить именно глубоко модернизированный, сообразно условиям научно-технической цивилизации начала 40-х гг. XX в., римейк знаменитого плана обороны России в 1812 г., супостаты в принципе, увы, распознали. В Интернете на одном из сайтов выложены документы германской военной разведки, опубликованные в сборнике Г. Убершера «Немецкое нападение на СССР», о которой уже говорилось выше. Среди этих документов фигурирует и оценка от 20 мая 1941 г. Отдела «Восток» Разведывательного отдела Генштаба сухопутных войск («подозреваемых планов противника», то есть советского командования. В ней, в частности, говорится, что «при нападении с запада отступление массы сил и более-менее “бегство” без боя в глубину территории, как это было в 1812 году, являются маловероятным»²⁴². Этот вывод аналитиков разведывательного отдела ГШ сухопутных сил Германии очень любопытен. В нем явственно прослеживается влияние составленного генералом Красновым аналитического обзора на тему «Поход Наполеона на Москву в 1812 г. Теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX веке и возможные последствия подобной акции»²⁴³. Проще говоря, 100 %-е повторение знаменитого уклонения русских войск от серьезных баталлий и тем более генерального

²⁴² Цит. по: Б<р>://t1h1era.borg1a.ru/?1-10-0-00000003-000-0-0-1278501096

²⁴¹ См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000, с. 478 (таблица 47).

²⁴³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. III. М., 1997, с. 286.

сражения в приграничной зоне супостаты считали маловероятным. В то же время аналитики разведки пришли к выводу о том, что «в случае нападения превосходящих сил противника нужно рассчитывать на то, что они (то есть советские войска. — А.М.) будут отступать шаг за шагом до линии Днепр—Двина, но им нужно будет окончательно удерживать эту линию, так как в обратном случае они потеряют жизненно важные территории. В этом случае русские будут использовать тыловые УРы для создания новой линии обороны»²⁴⁴. Как видите, поняли, okayные, что к чему, а, быть может, что-то узнали и по каналам разведки. Ведь выше уже говорилось о серьезных утечках важнейшей стратегической информации о сути плана отражения агрессии.

Что же до обещанных подробностей, то они таковы. На «линии Молотова» должны были быть построены 5807 сооружений, из коих к началу войны в число действовавших вошли 880, а 4927 находились в стадии строительства²⁴⁵. На «линии Сталина» имелись 3279 сооружений, построенных в период с 1928 по 1939 г., и еще 538 сооружений находились в стадии строительства²⁴⁶.

При этом на «линии Сталина» фактическая плотность уже имевшихся оборонительных сооружений составляла 1,6 ДОС на 1 км ее протяженности (2067 км). А конечная расчетная должна была составить почти два ДОС на тот же километр. На «линии Молотова», в частности в пределах совокупного 1053-километрового фронта обороны Тельшайского, Шяуляйского, Каунасского, Алитусского, Гродненского, Освецкого, Замбровского, Брестского, Ковельского (Любомльского), Владимир-Волынского, Струмиловского, Рава-Русского и Перемышльского УР, конечная плотность ДОС должна была составить примерно 5,5 сооружений на один километр. Много это или мало? Указанный выше объективный, но извечный порок Русской армии не оставляет сомнений в однозначности ответа на этот вопрос, особенно в сравнении с оборонительными линиями того времени на Западе. Например, построенная во Франции в период с 1929 по 1934 г. печально знаменитая, так как толку от нее при обороне Франции в 1940 г. не было никакого, ибо вермахт просто обошел ее, «линия Мажино» имела 5600 ДОС, но при общей протяженности всего 380 км. То есть фактическая плотность достигала, без самого мизера, 15 ДОС на 1 км²⁴⁷.

²⁴⁴ Цит. по: Бир://тШ1егг.Богс1а.ги/? 1 -10-0-00000003-000-0-0-1278501096

²⁴⁵ Исаев А. АнтиСуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004. с. 258.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Свищев В. Начало Великой Отечественной войны. Т. 1. Подготовка Германии и СССР к войне. М., 2003, с. 32.

В свою очередь построенная в обход 42-й статьи Версальского мирного договора в Германии в период с 1936 по 1939 г. 500-километровая «линия Зигфрида» имела примерно 16 тыс. ДОС! То есть фактическая плотность 32 ДОС на 1 км!²⁴⁸ По насыщенности ДОС «линия Зигфрида» в 1,66 раза превосходила даже суммарное их количество на обеих советских линиях! По удельной же плотности ДОС, то есть в расчете на 1 км линии оборонительных сооружений, та же «линия Молотова» еще в проектном виде уступала «линии Мажино» в три раза, а «линии Зигфрида» — без малого в 6 раз. Соответственно «линия Сталина» уступала той же «линии Мажино» по фактически имевшимся ДОС в 9,5 раза, если с учетом дополнительно строившихся 538 ДОС, то в 7,5 раза. А «линии Зигфрида» — соответственно в 20 и 16 раз.

Возвращаясь к предложенной выше и, как представляется, вполне обоснованной и закономерной логике сравнения потребностей обороны на Курской дуге и в 1941 г., то на 4500 км западной границы потребовалось бы, если брать за основу удельную плотность ДОС на «линии Мажино», не менее 67 500 ДОС. А если «линии Зигфрида» — так и вовсе 144 000 ДОС! Мыслимое ли это дело построить такое громадное количество ДОС за полтора года?! Не говоря уже о том, что на это ушло бы невесть какое количество годовых объемов производства одного только цемента! То есть зами, страна, — строим только ДОС? Так что ли? Естественно, что нет. В плане стратегии обороны единственным выходом из такого положения являлся принцип «активной стратегической обороны», причем с особым акцентом на слово «активной».

Непосредственно в фортификационном плане выход также был единственным, и его, к слову сказать, немедленно задействовали — только в качественных изменениях УР, ДОС и ДОТ. Дело в том, что еще 12 октября 1940 г. начальник Главного военно-инженерного управления генерал-майор инженерных войск А.Ф. Хренов в письменном виде доложил начальнику ГШ о следующем: «Изучение и обследование состояния укрепления наших границ показало, что система военно-инженерной подготовки ТВД недостаточно уяснена как по форме, так и по содержанию, что отсутствует единство взглядов по этому вопросу и в тоже время наблюдается шаблонность приемов и форм укрепления границ... Главным же и основным недостатком укрепления наших границ является то, что вооруженная сила нашей страны, полевые войска, остается небезопасной, а ТВД не подготовленным для действий полевых войск»²⁴⁹. Далее в этом докладе А.Ф. Хренов указывал, что при планировании и строитель-

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ ЦА МО РФ. Ф.69. Оп. 14065. Д. 14. Л. 16—17.

стве укрепленных районов допускалось два крупных недостатка: «1) не учитывалось, против каких сил противника должен сопротивляться укрепленный район; 2) кто, как и чем должен вести бой в укрепленном районе»²⁹⁰. В связи с этим он предлагал устраивать впереди укрепленных районов предполье, что ранее считалось лишним. Предложение А.Ф. Хренова было поддержано директивой приграничным округам от 20 февраля 1941 г., которая требовала увеличить глубину укрепленных районов до 3—50 км, для чего были отпущены дополнительные средства.

На «линии Сталина» УР имели глубину в 1—5 км. Но УР на «линии Молотова» имели в «первой волне» строительства, то есть в КОВО и ЗапОВО, 5—6 км, а в последней, то есть в Прибалтике, где строительство началось только в апреле 1941 г., ибо ранее это было невозможно, 5—16 км²⁸¹. В свою очередь типовые пулеметные ДОТ на «линии Сталина» имели толщину стен 1,2 м, перекрытий — 0,86—1,02 м (двухэтажные ДОТ — соответственно 1,5 и 1,4 м). А на «линии Молотова» ДОТ были защищены стенами толщиной уже в 1,5—1,8 м, а толщина перекрытий составляла до 2,5 м²⁹². А то, что эти решения были не только единственными, но и исключительно эффективными, подтвердили и сами германские бандиты. Анализируя захваченные немецкие документы еще в начальный период войны, ГРУ установило, что «опыт борьбы с нашими долговременными огневыми точками вынудил самих немцев признать, что ввиду особой конструкции советских долговременных огневых точек не представляется возможным использовать наружные заряды, которые эффективны только в применении против броневых куполов»²⁹³.

Что же касается стратегии и особенно тактики блиц «Дранг нах Остен»-крига, то, как известно, германские бандиты основную ставку сделали не на лобовое, фронтальное оттеснение советских войск вглубь (своей) территории, а на стремительный, молниеносный таранно-штурмовой пролом системы обороны на множестве участков и такой же бросок мобильных частей вглубь территории СССР, за счет чего, но при обходе наших оборонительных сооружений в тылу организовывались «котлы» и избивание войск, к тому же и с переворотом фронтом. То есть, говоря обобщенно, понимая все это, Шапошников и Сталин планиро-

вали до известного минимизировать риск такого развертывания событий. Увы, Сталин слишком доверил подготовку к отражению агрессии военным, особенно Тимошенко и Жукову.

Как на «линии Молотова», так и на линии Сталина укрепленные районы, откровенно говоря, не сыграли какой-то особой роли в дебюте войны (за редкими исключениями). На «линии Молотова» — потому, что подавляющая часть из них не была построена, а те, что построены, не полностью укомплектованы личным составом, оружием, боеприпасами и прочим снаряжением. На все ни времени, ни сил, ни средств не хватило. Особенно же времени. А на «линии Сталина» они не могли сыграть роли ввиду негативных последствий военно-геополитического заговора Тухачевского. И вот чтобы скрыть эти последствия, Хрущев запустил в пропагандистский подполь байку о якобы взорванных по приказу Сталина УР на «линии Сталина».

Однако, посмеив вступить в схватку с «мертвым львом» и, более того, язычески глумясь не только над памятью о нем, но даже и над его прахом, приснопамятный троцкист-кукурузник вполне закономерно вляпался в капкан своей же собственной лжи. Дело в том, что, нагло обвиняя Сталина в трагедии 22 июня 1941 г., безмозглый главарь ожившего при нем подлого троцкистского сброда никак не мог вразумительно объяснить, почему супостаты без каких-либо затруднений преодолели строившуюся под его «чутким» (троцкистским!) руководством «линию Сталина» на Украине. Ведь в конце 30-х гг. и до 22 июня 1941 г. за обороноспособность УР в КОВО и ОдВО отвечал лично он, Никита Сергеевич Хрущев! И ничего «умнее» фантастически подлой глупости — что-де по приказу Сталина УР на старой границе были взорваны, — выдумать не смог! К глубокому сожалению, по конъюнктурным соображениям этой подлой глупости подыграли и некоторые маршалы. Особенно Жуков, также вынужденный объяснять, почему супостаты столь легко преодолели «линию Сталина» в самом мощном из округов — Киевском, которым он и командовал до середины января 1941 г. и с плацдарма которого намеревался учинить немедленный, но бессмысленный встречно-лобовой контрблицкриг. Эта глупость, к тому же изрядно растиражированная не менее конъюнктурно настроенными историками, «гуляет» до сих пор. Крайне редко встретишь книгу о войне, где бы ее не было. Между тем подлинная Правда в том, что и немецкие, и наши данные по этому вопросу стыкуются на удивление намертво. Никто эти УР, особенно же Киевский (КиУР), не взрывал и не уничтожал. Супостаты захватили их именно в том количестве, в каком они имелись, даже недостроенные, — достаточно ознакомиться с донесением командующего 6-й армией вермахта Рейхенау начальнику генштаба Ф. Гальдеру, чтобы убедить-

²⁹⁰ ЦА МО РФ. Ф.69. Оп. 14065. Д. 14. Л. 16—17.

²⁹¹ Исаев А. АнтиСуворов. Большая ложь маленького человека. М., 2004. с. 269.

²⁹² Там же, с. 262.

²⁹³ Германская тактика (по опыту войны СССР с Германией). М., 1942, с. 71. Цит. по: Исаев А. АнтиСуворов. Большая ложь маленького человека. М., 2004. с. 262.

ся в этом. Там четко описаны все укрепления и сооружения КиУР, даже на три больше (то есть те, что не были достроены, но использовались в Киевской оборонительной операции). Отдельные УР сыграли огромную роль в защите страны. Например, Карельский УР был ядром обороны Ленинграда с севера до 1944 г.

Другое дело, что оборудование многих ДОТ не соответствовало их назначению. Однако в этом вопросе немцы всего лишь подтвердили мнение наших военачальников еще в самом начале войны. Так, ознакомившись с состоянием Летичевского УР, командующий 12-й армией Понеделин (его армия занимала этот УР всего 15 дней — со 2 по 17 июля 1941 г.) так прямо и написал командующему Южным фронтом, что «УР невероятно слаб и его потеря поставит под прямую угрозу весь фронт»²⁵⁴. Удержите, пожалуйста, название этого УР в своей памяти — из содержания одной из последующих глав станет понятно зачем. Сохранились, слава богу, и иные свидетельства о невзорванных УР. Подчеркиваю, что в них лишь подтверждения тому, что они были оборудованы не по назначению, что является собой уже предмет отдельного исследования. Сами же сооружения были в наличии, хотя и нередко без дверей и бронировки амбразур, как, например, в Остропольском УР, на что еще в начале июля 1941 г. жаловался командующий занимавшей его 26-й армией Ф.Я. Костенко²⁵⁵.

Это, как говорится, одна сторона медали. Другая — та, что касается конкретных негативных последствий военно-геополитического заговора Тухачевского, в силу которых УР на этой линии не смогли сыграть какой-то особой роли в начале войны, — хуже. Потому как еще в 1939 г. совместной инспекцией НКО и НКВД СССР было установлено, что практически все ДОТ и ДОС на «линии Сталина» небоеспособны!

5 и 17 января, а затем и 13 февраля 1939 г. Л.П. Берия информировал наркома обороны К.Е. Ворошилова о вопиющих недостатках в строительстве оборонительных сооружений. В частности, он отмечал, что «несмотря на долгое строительство и дооборудование Псковского и Островского УР, они не могут считаться в настоящее время боеспособными. Из-за неправильно спроектированного и построенного внутреннего оборудования большинства ДОТ они не могут быть заняты войсками... До половины сооружений на 20—40 см заполнены водой, появившейся из-за неправильной оценки глубины грунтовых вод. В то же время водоотвод не работает... Электрооборудование укрепрайона отсутствует... В жилых помещениях

²⁵⁴ Что стоит за этим — см. в главе, посвященной анализу ситуации в КОВО.

²⁵⁵ См.: ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 131. Л. 78; *Исаев А.* АнтиСуворов. Большая ложь маленького человека. М., 2004. с. 253—254.

УР высокая влажность и спертый воздух... Вентиляции нет, и установить ее не представляется возможным... Центры снабжения УР не построены... Продовольственные склады отсутствуют... Из-за неграмотного планирования УР их огневые сооружения не могут вести огонь на дальность более 50—100 м, так как местность имеет бугры, овраги и невырубленные леса».

В и без того более чем печальном описании состояния УР особое внимание обратите на последнюю фразу. Дело в том, что это непосредственная констатация вредительства и саботажа со стороны военных. Потому как спланировать размещение УР именно так, как оно описано в информации Берия, можно только злоумышленно. Ведь любой военный прекрасно знает, что главное для него, особенно в обороне, удобный сектор ведения огня. Иное не столько просто бессмысленно, сколько преступно. Так вот, все это к тому, что всеми этими делами заправляли Тухачевский, Уборевич, Якир и другие «невинно расстрелянные жертвы сталинизма». Да и с Ворошилова едва ли возможно снять ответственность. И в итоге к 1939 г. ситуация была, по сути дела, катастрофическая. Вот вам еще одно реальное доказательство, что поражение советских войск действительно готовилось еще Тухачевским и К^о. Не приведи, конечно, господь бог, но если вооруженное столкновение с нацистской Германией произошло бы в 1939 г., то ведь нашим войскам негде было бы обороняться. Так что даже с этой точки зрения подписание договора о ненападении уже было огромным плюсом.

А теперь позвольте более подробно ознакомить вас с некоторыми документами, свидетельствующими о небывалом бардаке со строительством «линии Сталина», которые иначе чем констатацией вредительства и саботажа со стороны военных и местных партийных органов не назовешь.

1. «НКО тов. Ворошилову. 5 января 1939 г.

...По сообщению Особого Отдела БВО, строительство Слуцкого УР идет весьма неудовлетворительно... Из 91 объекта, намеченного к строительству по плану 1938 г., построено только 13... Работа была развернута со значительным опозданием, так как чертежи и планы объектов были высланы из Инженерного управления с опозданием в несколько месяцев... Л. Берия».

2. «НКО тов. Ворошилову. 17 января 1939 г.

По сообщению НКВД Украины, строительство УР КОВО находится в явно неудовлетворительном состоянии. Утвержденный НКО план строительства на 1938 г. не выполнен, так же как и планы предыдущих лет... Из 284 намеченных по плану сооружений на 2 декабря было забетонировано 86... 60 сооружений, в том чис-

ле и 30 ДОТов и 30 командно-наблюдательных пунктов из-за отсутствия чертежей, не представленных отделением инженерных войск КОВО, со строительства совершенно сняты... Присланные Инженерным управлением чертежи внутреннего оборудования сооружений имеют целый ряд серьезных недостатков, вследствие которых нарушается не только нормальная работа в них, но и пользование ими... В строящемся Шелетовском УР совершенно выпали из плана строительства узлы 7,8 и 9, в результате чего между Шепетовским и Староконстантиновским УР образовались нелерекрытые ворота более 60 км... В Новоград-Волыньском УР в плане строительства не оказалось 19-го сооружения, утвержденного Генеральным штабом РККА... Отсутствуют чертежи внутреннего оборудования многих объектов... Запланированные материалы не соответствуют потребностям строительства... Практика бетонирования сооружений на ряде объектов проводится вопреки существующим инструкциям НКО... В Каменец-Подольском УР при бетонировании сооружений (в частности № 53) бетон возле амбразуры утрамбован не был, в результате чего после бетонирования пришлось дополнительно заливать образовавшиеся пустые места, чем значительно снижена прочность сооружений... В Остропольском УР бетонные стены оказались на 15 см тоньше установленного значения... Особенно много дефектов отмечено в строительстве Остропольского и Каменец-Подольского УР... Л. Берия».

3. А вот полный текст информации Берия насчет Псковского и Островского УР: «НКО тов. Ворошилову. 13 февраля 1939 г.

Несмотря на долгое строительство и дооборудование Псковского и Островского УР, они не могут считаться в настоящее время боееспособными. Из-за неправильно спроектированного и построенного внутреннего оборудования большинства ДОТов они не могут быть заняты войсками... до половины сооружений на 20—40 см заполнены водой, появившейся из-за неправильной оценки глубины фунтовых вод. В то же время не работает водопровод... Электрооборудование укрепрайонов отсутствует... В жилых помещениях УР высокая влажность и спертый воздух... Из-за неграмотного планирования УР их огневые сооружения не могут вести огонь на дальность более 50—100 м, так как местность имеет бугры, овраги и невырубленные леса. ДОС № 3 установлен на склоне оврага и не может быть замаскирован из-за постоянных оползней, а имеющийся в нем орудийный полукапонир бесполезен, так как располагается ниже уровня окружающей местности... Для расширения секторов обстрела необходимо снять около 120 000 кубометров земли, а также вырубить до 30 га леса и кустарника... Амбразуры ДОТов рассчитаны на при-

менение пулеметов “максим”, но оборудованы станками неизвестной конструкции... предназначенными, скорее всего, для пулемета Гочкиса, давно снятого с вооружения. Орудийные полукапонеры не оборудованы броневыми заслонками и служат источником проникновения в ДОТы талых вод и осадков... Артиллерийское вооружение УР состоит из 6 устаревших полевых орудий 1877 года, к которым нет снарядов... Охрана территории УР не ведется. В ходе работы комиссия неоднократно встречала местных жителей, проходящих в непосредственной близости от огневых сооружений для сокращения пути между поселками... Л. Берия».

4. «В ЦК КП (б) Украины. О состоянии КиУР. 11 января 1939 г.

...Киевский укрепрайон на сегодня представляет только лишь скелет предместной позиции, состоящей в основном из пулеметных сооружений... и совершенно не обеспечен положенным оборудованием. Из 257 сооружений, имеющихся в районе, только 5 готовы к боевому действию... Левый и правый фланги не защищены и имеют свободный проход для противника (левый — 4 км, правый — 7 км). В центре зоны УР... образован мешок (разрыв 7 км), через который открыт свободный проход противнику непосредственно к Киеву. Передний край долговременной полосы удален от центра Киева лишь на 15 км, что дает возможность обстрела противником Киева, не вторгаясь в укрепрайон... Из 257 сооружений у 175 отсутствует нужный горизонт обстрела из-за рельефа местности (бугры, горы, крупный лес и кустарник). Планировочные работы по УР, несмотря на указания правительству оттягиваются выполнением на военное время, тогда как эти работы необходимо проводить немедленно. Только по 3-му участку необходимо для планировочных работ снять более 15000 кубометров земли, а это, не менее 4 месяцев работы... Всего же... по укрепрайону необходимо снять не менее 300 000 кубометров земли и вырубить до 500 га леса и кустарника... 140 огневых сооружений оборудованы пулеметными заслонками обр. 1930 г., которые при стрельбе закрываются автоматически и способствуют поражению бойцов из своих же пулеметов рикошетируемыми пулями. О небоееспособности КиУР и непринятии мер командантом КиУР Особый отдел КОВО неоднократно информировал командование КОВО, но, несмотря на это, до сего времени ничего не предпринято... Зам. Народного комиссара внутренних дел УССР Б. Кобулов».

5. «В ЦК КП (б) Украины. О состоянии Могилев-Ямпольского укрепленного района.

...На территории Могилев-Ямпольского укрепленного района имеется 297 огневых сооружений, из коих 279 ДОТов и 18 артил-

лерийских полукалониоров... Материальная часть огневых сооружений находится в неудовлетворительном состоянии. На территории 2-го сектора обороны имеется 9 огневых артиллерийских полукалониоров. Из них 3 со* оружия — "Скала", "Партизан" и "Мюд" не имеют фильтровентиляционного оборудования... В связи с происходящим переоборудованием огневых сооружений, артиллерийских полукалониоров на территории УР в казематах царят хаос и беспорядок... Электропроводка во многих ОПК перепутана и совершенно не обеспечивает их электроосвещение... Полукалониорная артиллерия в огневых сооружениях находится в неудовлетворительном состоянии. Все пушки собраны из некомплектных деталей разных пушек. Формуляров на пушки не имеется. Пушки, находящиеся в сооружениях 1932 г., только в 1937 г. подверглись разборке и чистке, вследствие чего вся матчасть пушек внутри имеет следы ржавчины. Пружины накатников пушек большей частью собраны неправильно (вместо левой поставлена головная правая пружина), что при стрельбе приводило к самоотвинчиванию головки цилиндра компрессора и ствол пушки после нескольких выстрелов мог сойти с установки. В двух пушках вместо веретенного масла была налита олифа, забивающая отверстие маслопровода, что могло привести к разрыву цилиндра компрессора... УР до сих пор не укомплектован... средним комсоставом. Комсостав, приписанный из отдаленных мест городов (Саратова, Москвы и Ленинграда), сможет прибыть в УР лишь через 5—6 дней, после объявления мобилизации... При существующих штатах рядового состава пульбаты не смогут выполнить возложенных на них задач, так как в роте по штату имеется 21 пулеметчик, а рота должна обслуживать 50 сооружений... Кадрами артиллеристов пульбаты совершенно не обеспечены... При наличии артиллерии пульбаты по штатам совершенно не имеют артиллерийских мастеров, которые могли бы вести технический надзор за капонирной артиллерией... Зам. Наркома внутренних дел УССР Б. Кобулов».

6. Из материалов повторной инспекции УР старой границы, которая проводилась в апреле—мае 1941 г. представителями Генерального штаба, Наркома Обороны и ЦК ВКП(б):

«1. Намеченные мероприятия по достройке и модернизации укреплений старой госграницы в настоящее время не проведены вследствие необходимости завершения к 1 июля 1941 г. строительных работ на укреплениях новой госграницы, но будут продолжены после указанного срока...»

2. Кадрами гарнизоны УР в настоящее время не обеспечены. Средняя численность гар-

низона составляет в настоящее время не более 30 % от штатной (реально — 13—20 %) и не может быть увеличена ввиду отсутствия жилья и тылового обеспечения... Штатная численность пульбатов также не соответствует задачам обороны укреплений, так как может частично прикрыть не более 60 % огневых сооружений.

3. Несмотря на то, что для усиления вооружения УР в 1938—1940 гг. в их распоряжение было передано большое количество артиллерийских средств, большая часть их составляет устаревшие легкие полевые орудия обр. 1877—1895 гг. без специальных станков и боеприпасов. Из сравнительно современных артиллерийских средств гарнизонам УР переданы лишь 26 76-мм орудий обр. 1902 г. и 8 76-мм орудий обр. 1902/30 г. Из 200 заказанных капонирных пушек Л-17 не получено совершенно... Установленные капонирные орудия укомплектованы не полностью... Состояние механизмов таково, что... вести из них огонь нельзя, а часто опасно для расчета. Формуляров эти орудия не имеют... Комплекты ЗИП утрачены... Должный уход за орудиями отсутствует...

4. Стрелковое вооружение ДОТ наполовину составляют пулеметы устаревшей конструкции и иностранных марок, к которым часто отсутствуют боеприпасы.

5. Танковые батальоны и танковые роты поддержки УР существуют только в отчетах, так как имеют устаревшую матчасть выпуска 1929—1933 гг. с полностью выработанным ресурсом, не имеют пулеметного вооружения и могут ограниченно использоваться только в качестве неподвижных огневых точек. Горючего для танковых рот поддержки нигде нет.

6. Несмотря на неоднократные указания о необходимости сооружения скрывающихся орудийных и пулеметных башенных установок... для чего в распоряжение инженерного управления было передано более 300 танков Т-18 и Т-26, ни одной установки в настоящее время нет, а танковые башни установлены на закопанные в землю танковые корпуса, иногда дополнительно небрежно забетонированные. Системы жизнеобеспечения в таких бронебашенных установках отсутствуют...»²⁵⁶

И вот как теперь прикажете относиться к этим сверхпечальным свидетельствам?! Если по порядку, то, во-первых, это означает, что разговор части высокопоставленных военных во главе с Тухачевским действительно существовал и на практике реализовывался. Действительно им был разработан «План поражения СССР в войне с Германией». Потому что все

²⁵⁶ Документы под № 1—6 процитированы по: *Свирин М.* Зачем Сталин уничтожил «линию Сталина»? В сборнике «Неправда Виктора Суворова». М., 2007, с. 196—213.

приведенные свидетельства НКВД формально о невообразимом бардаке по состоянию на конец 1938 — начало 1939 гг. на самом деле есть прямые свидетельства о многолетней вредительско-подрывной деятельности в форме саботажа справедливо расстрелянных в 1937 г. «стратегов» во главе с Тухачевским. Это их работа, потому как основные на тот момент приграничные военные округа возглавляли его поделщики — Уборевич и Якир. Это именно под их руководством было устроено такое невообразимое вредительство. Кстати говоря, в «Плане поражения», который Тухачевский собственноручно изложил уже сидя на Лубянке, значительное внимание было уделено как раз уничтожению боеспособности УР, созданию для противника возможностей для обхода или прорыва через УРы и т.д.

Во-вторых, ничуть не лучше сменившие их командующие округами. В том числе те же Тимошенко и Жуков. Ми хрена ведь не сделали, даже и не попытались сделать что-либо для улучшения положения дел, пока НКВД не взялось.

В-третьих, в части, касающейся КОВО, персональную ответственность должен нести и Никитка Хрущев, потому как это в его обязанности первого секретаря Украины входило следить за выполнением оборонных мероприятий. Но он так же как, и вояки, ни хрена не сделал, а до этого еще и покрывал Якира.

В-четвертых, ни хрена ни Тимошенко, ни Жуков не сделали и тогда, когда первый стал наркомом обороны, а второй — начальником ГПШ. И за это также несут персональную ответственность, естественно, наряду с командующими округами. Понятно, что такое вредительство за один присест не исправить, но хоть что-то же можно было сделать?! А то ведь по итогам процитированной в п. 6 очередной инспекции наркомат обороны издал аж «юбилейное» постановление об очередном исправлении ошибок — десятое по счету с 1932 г. ГПШ Ну ведь это же надо было додуматься до этого?! Да и Клим Ворошилов хорош, нечего сказать — за восемь лет, то есть с 1932. по май 1940 г., ни хрена не уследил, что никто не выполняет его же приказания! И на нем тоже лежит ответственность за этот бардак-вредительство. Но самое главное заключается в следующем.

После убийства Сталина приснопамятный Хрущев и примкнувшие к нему маршалы и генералы военной поры во главе с Жуковым активно поддерживали чудовищную подлость о якобы взорванных накануне войны по распоряжению Сталина УР. Это они использовали в качестве одного из объяснений того, что послужило одной из причин трагедии 22 июня, так как Красная Армия вынужденно быстро отступала. По совокупности же это означает, что эта подлая байка о взорванных УР по вполне понятным, определенным соображениям была выгодна всей этой партийно-военной камарилье! Потому как ею

прикрывались многолетние саботаж и вредительство в фортификационном строительстве, к которому они были причастны напрямую.

Несогласны?! А вы попробуйте найти иное объяснение. Буду весьма рад, если сумеете. Особенно, если учтете то обстоятельство, с какой звериной ненавистью генералитет и маршалитет разделились с Берия и его ближайшими сотрудниками после убийства Сталина. Разве они могли забыть то, что натворили перед войной и в начале войны?! Например, то, что НКВД СССР еще в 1939 г. предупреждал о небоеспособности УР на «линии Сталина»?! Естественно, что нет. Потому что после незаконной ликвидации Берия и его ближайших сотрудников выдумали эту чудовищную подлость о взорванных УР и тем самым замели следы своих преступлений накануне войны. Но это им так казалось, что они замели, — следы-то остались, и они были приведены выше.

Вот так оно и продолжалось до начала войны — ничего практически не изменилось. А ведь за обороноспособность УР, в том числе и на «линии Сталина», в частности в КОВО, персональную ответственность несли, еще раз обращаю на это внимание, лично Хрущев, а также Тимошенко (до него Ворошилов) и Жуков, естественно, наряду с командующими округами. Тимошенко (Ворошилов) и Жуков были ответственны и за состояние УР в других округах наряду, естественно, с их прошлыми и последними предвоенными командующими.

Все изложенное выше, конечно, не должно создавать впечатления, что УР на «линии Сталина» абсолютно не сыграли никакой роли в начале войны. Так, именно Карельский УР, занятый войсками 23-й армии, сдержал наступление финских войск и преградил им путь в Ленинград. Именно этот УР являлся ядром обороны Ленинграда с севера до 1944 г.

Две недели оказывал сопротивление тевтонам Кингисепский УР, занятый частями 41-й и 191-й сд, но укрепления в силу указанных выше причин не выдержали непрерывных бомбардировок и оказались бесполезными против танков.

Несколько более 10 дней продержались Остропольский и Летичевский УР, которые, помимо пехотного заполнения 8-го и 13-го стрелковых корпусов, а также 173-й сд, были усилены также артиллерийской бригадой и разрозненными подразделениями 24-го МК. Эти УР могли продержаться и дольше, но под угрозой окружения и вследствие полного отсутствия снабжения были оставлены войсками.

Оказал сопротивление румынским войскам и Могилев-Ямпольский УР, который был занят частями 130-й од. В то же время вследствие того, что в этом УР изначально не были предусмотрены никакие запасы боеприпасов и продовольствия, а также под угрозой обхода с флангов, этот УР был оставлен войсками. Причем к моменту оставления ряд укреплений этого УР уже были подавлены супостатами.

Перечень укрепрайонов на старой границе (постройки 1928—1939 гг.)
по состоянию на 1 июня 1941 г.

№8 УР	Наименование укрепрайона	Фронт, км	Глубина км	Всего ДОС*		Пульбатов**		Полевое запол- нение	Продолжит. боев
				негот.	гот.	кадр.	запас		
1	Карельский	80	2-5	—	196	2	6	23 А	до 1944 г.
2	Кингисеппский	70	2	—	89	1	—	41 и 191 СД	с 14 по 29 августа
3	Псковский	85	2-5	—	147	1	1		
4	Островский	7	2-3	—	—	1	1		
5	Себежский	65	2-5	63	—	—	2		
6	Полоцкий	55	2	—	202	1	1		
7	Минский	160	1-2	—	206	2	2		
8	Слуцкий	70	3-5	129	—	—	1		
9	Мозырский	128	1-2	—	155	1	1		
10	Коростеньский	185	1-3	—	455	2	3		
11	Новоград-Волынский	115	1-2	—	261	—	3		
12	Шепетовский	ПО	4-5	137	—	—	2		
13	Остропольский	50	3-5	89	—	—	2	8 СК, 173 ОД	с 5 по 16 июля
14	Летичевский	125	2-4	—	363	1	3	13 СК, 96 сд	с 2 по 17 июля
15	Изяславский	45	2-5	62	—	—	2		
16	Староконстанти- новский	60	5	58	—	—	2		
17	Каменец-Подольский	60	3-5	—	158	3	5		
18	Могилев-Ямловский	140	4	—	276	2	1	130 од	с 8 по 19 июля
19	Киевский	85	3	—	217	—	2		
20	Рыбницкий	120	3	—	236	3	—		
21	Тираспольский	159	4	—	318	3	—		
	Всего	1967		538	3279	23	39		

* — в левой колонке приведены ДОС, не законченные строительством.

** — имеется в виду количество пулеметных батальонов, положенных по штату. В левой колонке — кадрового, в правой — приписанного из запаса состава.

«Таким образом, байка о якобы построенной в 1928—1939 годах в СССР несокрушимой «линии Сталина», которая затем по глупому (или, напротив, сверхумному) распоряжению (или, напротив, «вождя всех народов» перед самой войной была взорвана, что, дескать, послужило одной из причин быстрого отступления РККА, надумана от начала и до конца. И авторами этой байки (появившейся, кстати, после 1955 года с высочайшего благословения Н.С. Хрущева), являются многие из тех, кто строил эту линию. А охотно поддерживали авторов и те, кто проя-

вил свое «стратегическое искусство» летом 1941 года»²⁵⁷.

²⁵⁷ Свирин М. Зачем Сталин уничтожил «линию Сталина»? В сборнике «Неправда Виктора Суворова». М., 2007, с. 196—213; Он же. Указ. статья в приложении к книге Маршала Советского Союза М.В. Захарова «Генеральный штаб в предвоенные годы». М., 2005, с. 506—515. Приведенная таблица с перечнем УР - там же, с. 514. Кроме того, см. также: ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 131. Л. 78; Исаев А. АнтиСуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004. с. 253—254.

Возвращаясь к основной теме, следует отметить, что, вопреки замыслу единственного официального плана отражения агрессии, удару всей мощи германской бронированной армады стрелковые дивизии должны были, по разумению Тимошенко—Жукова, противопоставить упорную (она же жесткая) оборону на линии границы. Как уже указывалось выше, Великий Маршал Великой Победы К.К. Рокоссовский по этому поводу отмечал в своих мемуарах: «Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в операциях в Польше и во Франции, я не мог разобраться, каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев. Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали... Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны».

Рокоссовский довольно мягко описал то, что начудила «киевская мафия» во главе с Тимошенко—Жуковым. Точнее, отчетливо бросавшийся в его глаза профессионального и вдумчивого военного резкий диссонанс в дислокации различных родов войск. Фактически же впервые в отечественной исторической литературе он чуть-чуть приподнял занавес над особо охранявшейся самим Жуковым и до сих пор охраняемой всеми его апологетами тайной. Очевидно, именно поэтому в том числе рукопись его мемуаров и подверглась варварскому обрезанию со стороны партийно-военной цензуры. Ведь даже в столь усеченном виде его описание означает, что речь должна идти о стати-

ческом фронте узкой лентой с крайне растянутыми фронтами обороны у стрелковых частей непосредственного прикрытия границы. Причем при едва ли не демонстративном передовом базировании мобильных частей, особенно авиации, что не было предусмотрено официальным планом. Иначе он не отметил бы особо резко бросавшийся в глаза диссонанс в дислокации частей различных родов войск. Потому что по условиям тех времен и в соответствии с имевшими тогда хождение взглядами на стратегию такое могло иметь место только в указанном случае. Именно в этом сосредоточена вся суть той тайны, которую столь рьяно охранял Жуков, а его апологеты охраняют до сих пор, но которая и является прямым ответом на главный вопрос: почему же 22 июня 1941 г. произошла такая кровавая трагедия?

Отмеченный Рокоссовским диссонанс, конечно, диссонансом, «упорная оборона», само собой разумеется, «упорной обороной», но суть дела вот в чем. По уставу 1941 г. стрелковым дивизиям было положено иметь 8—10 км в качестве ширины фронта обороны²⁵⁸. А в своем составе им было положено иметь по 14 483 человека²⁵⁹. На самом же деле в результате всех «стахановских преобразований» дуга Тимошенко—Жуков и согласно послевоенным признаниям последнего в 85 % дивизий Первого стратегического эшелона в среднем было всего по 8000 человек. А это означает вот что. Только по факту такой численности устойчивость дивизий в обороне уже была понижена в 1,81 раза! Соответственно на 1 м линии обороны должно было приходиться уже всего по 0,8 — максимум 1 боец вместо положенных 1,45—1,81 бойца на 1 м линии обороны! Однако здесь, что называется, гладко было на бумаге, хотя и вопреки Уставу. На самом же деле вследствие чрезмерного расширения фронта оборо-

²⁵⁸ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000, с. 397.

²⁵⁹ Там же.

ны дивизий первого эшелона, но при почти вдвое пониженной численности и при 2,386-кратном общем численном превосходстве вермахта в линейной плотности войск на 1 км вторжения в момент начала агрессии, реальная картина понижения устойчивости дивизий первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона в обороне к началу агрессии была следующей:

Наименование округа	Ширина фронта обороны (км) в среднем по округу	Прямо линейное понижение устойчивости в обороне (раз)	K ¹ — коэффициент поправки из-за пониженной численности дивизий	Близкое к реальности понижение устойчивости в обороне (раз) при использовании K ¹	K ¹ -коэффициент поправки из-за общего превосходства вермахта в линейной плотности на 1 км линии вторжения	Фактическое понижение устойчивости (раз) в обороне к началу вторжения с учетом K ¹ и K ²
ПрибОВО	до 40	4—5	1,81	7,3—9	2,386	17,3—22
ЗапОВО	до 47	4,2—5,8	1,81	8,5—10,6	2,386	20—25
КОВО	до 60	6—7,5	1,81	11—13,6	2,386	26—32
ОдВО	до 90	9—11,3	1,81	16—20	2,386	39-49
ИТОГО, среднее по округам	59	6,7	1,81	12	2,386	ъ29

Примечание: Таблица составлена автором на основании собственных расчетов.

В результате получилось, что на один метр линии обороны приходилось (в среднем по округу):

в ПрибОВО — от 0,16 до 0,25 бойца;

в ЗапОВО — от 0,136 до 0,17 бойца;

в КОВО — от 0,106 до 0,133 бойца;

в ОдВО — от 0,071 до 0,088 бойца!

Комментарий. К несчастью этих и без того поразительно неуместных в обороне дробей вместо полноценных и полнокровных стрелков, их положение резко усугублялось в начале войны еще и отдельными постулатами действовавших тогда некоторых предвоенных уставов РККА. Дело в том, что согласно им строить оборону стрелковых дивизий следовало с помощью... одиночных ячеек! Предвоенные отцы-командиры высшего звена почему-то считали, что у бойцов в одиночной ячейке больше шансов выжить, а у их соединения в результате будет больше устойчивости в обороне. И никому из них, считавших, что в стра-

тегическом опыте вермахта нет ничего нового, до войны и в голову не пришло, что такая ситуация, по сути дела, являет собой краеугольный камень беспрецедентно особой слабости обороны. Хуже того. Уже готовый к самореализации импульс к панике и дезертирству с поля боя. Ведь боец не знает, что происходит вокруг него, а потому и гадает, не сбежали ли соседи, не остался ли он в одиночестве, и вообще, не пора ли и ему «смазать лыжи» и дать деру с передовой! В кадрах германской военной хроники начала войны нередко можно встретить такие эпизоды, когда гогочущие супостаты за шкирку вытаскивают красноармейцев из этих одиночных ям-ячеек или еще более щемящие душу картины, когда из этих же ям-ячеек высовываются поднятые вверх руки красноармейцев. Поразительно все это еще и по следующей причине. Только одному генералу — в очень скором будущем действительно Великому Полководцу Великой Победы Константину Константиновичу Рокоссовскому вполне закономерно, потому как он думал одновременно и о Родине, и о солдатах — пришло в голову на личном опыте проверить душевное состояние бойцов в таком положении. И, проверив его на передовой во время атаки противника, Рокоссовский немед-

ленно изменил тактику обороны, приказав рыть окопы и траншеи полного профиля, в которых бойцы видят друг друга и способны организованно обороняться, нанося врагу серьезный урон. Естественно, что после этого бойцы Рокоссовского сражались совершенно иначе. В обороне они упорно держались до последней возможности, вынуждая гитлеровцев стопорить свое продвижение вперед²⁶⁰. Любопытна реакция Генштаба и Сталина на это нововведение Рокоссовского. В Генштабе, а тогда, в начале июля 1941 г., им все еще руководила «органическая ненависть к штабной работе», столь присущая Жукову, успехи Рокоссовского, естественно, заметили. Да и как было не заметить, если Рокоссовский из панически бегущих солдат создал мощные, несокрушимо стоящие в обороне подразделения. Но реакция Генштаба была поразительно, скажем мягко, неадекватная. Вместо того чтобы немедленно же специальной директивой срочно отменить бредятину об одиночных ячейках и обязать немедленно же перейти к обороне в окопах и траншеях полного профиля, прислали к Рокоссовскому корреспондента «Красной звезды», от общения с которым даже благородно сдержанного и вежливого Константина Константиновича всего передернуло. Этому борзописцу была нужна всего лишь статья. Может, оно и верно было, и это тоже нужно было — печатать в газетах об успехах и новых успешных приемах обороны наших войск, но в тот момент государственно важно было все-таки не статьи писать, а срочно и тотально изменять и совершенствовать систему обороны стрелковых войск, дабы не пускать врага в глубь своей территории. И опыт Рокоссовского в июле 1941 г. был особенно ценен именно с этой точки зрения, ибо он резко усовершенствовал не только систему обороны стрелковых дивизий, но и систему противотанковой обороны, о чем уже говорилось выше. Но «органическая ненависть к штабной работе» ни хрена и в упор-то не желала видеть! Сталин из Москвы увидел особую ценность нововведений Рокоссовского и немедленно распространил их на всю действующую армию! А Жуков корреспондента прислал, статейку накатать. Между тем только в июле 1941 г. особые отделы только Западного фронта, где все это происходило, задержали свыше 100 тыс. бойцов и командиров, подавшихся в беспорядочный драп отступления и потерявших свои части²⁶¹. Это именно их в первую очередь подразумевали суровые слова июльской директивы Ставки №8 001919: «В наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме начинают кричать: "Нас окружа-

ли!" — и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть». Поразительно, но факт, что генералитет не делал никаких выводов. Так, в части, касающейся этих самых одиночных ячеек, подобная картина продолжалась как минимум до начала осени. В записке «О некоторых важных вопросах войны» от 3 сентября 1941 г. на имя И.В. Сталина 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко указывал, что войска «не любят закапываться в полный профиль. Делают ямки, цепляются за ветки и поэтому мало удерживаются. К тому же копают одиночные укрытия. Боец не чувствует плеча соседа и боится. Выглянув, не видит никого, уходит, думая, что другие ушли, и увлекает других». И тут же: «...немцы очень много работают, даже наступая. Закапываются на остановках, закапывают артиллерию, танки, бензин, самолеты — все, что можно. Это придает большую устойчивость в обороне»²⁶². И лишь только тогда, когда вмешался лично Сталин, положение изменилось к лучшему.

А на основе этого результата в итоге вышло, что исходя из своего статуса дивизии и определенной ей вышестоящим командованием ширины фронта ее обороны, одна наша стрелковая дивизия должна была противостоять натиску и мощи:

в ПриОВО: едва ли не 20 дивизий, или 3 армий вермахта;

в ЗапОВО: едва ли не 24 дивизий, или 3,5 армии вермахта;

в КОВО: едва ли не 30 дивизий, или 4—5 армий вермахта;

в ОдВО: едва ли не 45 дивизий, или 6—7 армий!!!

Конечно, при всем исторически чудовищно беспрецедентном неравенстве сил сторон в сражениях первого периода войны подобных соотношений непосредственно на поле боя не было. Даже вместе с ублюдочными «союзниками» вермахт не обладал таким количеством дивизий, чтобы выставлять их против каждой нашей в указанных соотношениях. Таких соотношений лишь потому не было, что в этом примере они привязаны к термину

²⁶⁰ Мленин Л.М. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004, с. 517.

²⁶¹ Независимое военное обозрение. 2001. №43.

²⁶² Цит. по: Досье гласности. 2003. № 7/8(23), с. 11.

«дивизия». Жуков прекрасно это понимал. Именного поэтому он и запустил на орбиту нашей военной историографии внешне правдоподобный миф о так называемом 6—8-кратном превосходстве гитлеровцев на решающих направлениях, что, видите ли, для него и Тимошенко оказалось внезапной неожиданностью. Не будем сейчас разбирать, почему это откровенная ложь, — чуть ниже и так станет ясно.

Тут все дело в другом. Шестикратное и даже восьмикратное превосходство, хотя бы главным образом лишь на решающих направлениях, все равно не имело шанса стать реальной причиной такой немислимо жуткой трагедии. На каком-то одном или двух направлениях — да, это вполне реально, такое превосходство могло сыграть и, естественно, сыграло свою роль. Но не по всей же линии вторжения. А ведь у нас получилось, что защищающая свою Родину группировка войск в западных Приграничных военных округах на 80 % оказалась в плену («без вести пропала»), остальные погибли, а немногочисленные остатки под ударами врага откатились под стены своей столицы! Между тем в своих послевоенных мемуарах оставшиеся в живых гитлеровцы в один голос утверждали, что, невзирая ни на какие трудности, опасности и угрозы, простые советские солдаты и их адекватно складывавшейся боевой обстановке мыслявшие и действовавшие командиры в любых условиях оказывали фантастически ожесточенно-свирепое сопротивление. Не сговариваясь, все гитлеровцы указывают, что просто не знали, как вырваться из этого яростно клокотавшего лютейшей ненавистью к врагу ада! Хотя и враги, но ведь правду написали. Потому что так уж исторически сложилось, что наша армия привыкла драться в подобных условиях.

Причем не сильно-то отступая перед врагом, хотя и это приходилось делать. Тут уж ничего не поделаешь, кратное превосходство есть кратное превосходство,

волей-неволей придется отступать. Но отступать, а не попадать в плен или без вести пропадать едва ли не поголовно.

Комментарий. Вспомните хотя бы недавний пример, когда всего сто десантников Псковской воздушно-десантной дивизии во время второй чеченской войны сдержали натиск озверевших двух тысяч хорошо вооруженных и опытных в боевом отношении бандитов-боевиков. Ведь соотношение сил тогда было 1:20! И тем не менее десантники выдержали этот натиск без поддержки артиллерией и с воздуха. Правда, увы, ценой огромных потерь, которые на совести командования, если, конечно, у него она есть...

Однако глубинная суть постигшей державу невиданной трагедии в том, что на самом-то деле из-за всех вышеуказанных обстоятельств реальное превосходство на поле боя было не то чтобы в десятки раз, а в сотни раз выше, чем оборонительные возможности дивизий первого эшелона Первого стратегического эшелона! Вот именно с этим чудовищным превосходством на поле боя и пришлось иметь дело каждому бойцу из плоти и крови, а рвется-то, как известно, там, где тонко. Но разве один, даже самый лучший, прекрасно обученный, обладающий многолетним опытом активной боевой деятельности солдат может выдержать многосоткратное превосходство?! Да еще и запредельно массированно подкрепленное концентрированной огневой мощностью с земли и с воздуха? А ведь именно такие чудовищные соотношения в пересчете на одного реального бойца и выпадали на долю каждого из них! Мыслимое ли это дело заранее ставить свои войска в столь чудовищно неравные условия?! Неужели никто в Генштабе не ведал, что в вермахте ширина фронта прорыва для дивизий была установлена в 4—6 км, а то и того меньше — вплоть до 2,5 км. Начисто исключено. Такая тактика была отработана вермахтом еще в западном походе — начальник ГРУ Голиков говорил об этом в

своем докладе на совещании высшего состава РККА в декабре 1940 г.²⁶³

Комментарий. Если говорить начистоту, то следует отметить, что наши уставы и наставления едва ли чем-либо принципиальным отличались от немецких уставов. В них почти те же самые цифры и положения! Ничего удивительного в этом нет, особенно если вспомнить о давнем сотрудничестве между РККА и рейхсвером. Небезынтересно также отметить, что во время допроса 9 сентября 1948 г. в Комиссии I военного трибунала IV в Нюрнберге бывший начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковник Ф. Гальдер заявил: «Я хотел бы отметить, что взгляды русского командования, с которыми мы знакомы из русских руководств и уставов, полностью соответствуют немецким взглядам»²⁶⁴.

ГРУ и другие разведывательные службы СССР работали исключительно высокопрофессионально. Любая разведывательная сводка накануне войны, любой предвоенный выпуск «Мобилизационных записок по Германии» — документальное тому доказательство! Да и наши военные атташе не только и не столько шнапс хлестали на приемах, сколько везде, где только было можно и даже нельзя, добывали информацию, не говоря уж о невероятной информационной результативности нелегальных резидентур ГРУ и Лубянки.

Однако тогда, перед войной-то, нарком обороны Тимошенко ничего нового в опыте стратегического творчества гитлеровцев не узрел, хотя и признал, что он имеется. А вот когда этот сквозь зубы признанный, но отнюдь не осмысленный опыт в полной мере и в прямом смысле слова обухом по голове обрушился, в том числе и лично на него, когда он на себе испытал всю мощь этого неосмысленного им опыта, так сразу же стал проситься в

отставку!²⁶⁵ И это Маршал Советского Союза! Война даже не по дням, а по часам и минутам все сильнее разгорается, а в недавнем прошлом нарком обороны и первый Главнокомандующий — в отставку?! А после войны — Сталин виноват?! Жуков же вообще послал этот самый опыт по известному всей России адресу, начертав на посвященном ему докладе ГРУ «бессмертную» резолюцию — «Мне это не нужно»! Однако парадокс заключается в том, что, даже не прочитав этот доклад ГРУ, Жуков тем не менее едва ли не с точностью до миллиметра скопировал ту же принципиальную ошибку, что и начальник французского Генштаба М. Гамелен. Ее суть в неадекватной реальной угрозе линейной плотности обороняющихся войск, особенно на линии госграницы! Но ведь у англо-французского командования была одна тайная цель. Поскорее сдать Францию Гитлеру без особых жертв и разрушений страны — таковы правила междоусобных войн на «цивилизованном» Западе, — вместе со всем ее мощным экономическим потенциалом и запасами стратегического сырья, чтобы он поскорее же повернул на Восток, против столь ненавистного Западу Советского Союза! А у наших высших стратегов из «киевской мафии» какая цель была?! Что за планы обороны разрабатывались и для чего, если в итоге получилась неадекватная реальной угрозе линейная плотность обороняющихся войск, особенно на линии госграницы?!

После убийства Сталина они совместно с Хрущевым свалили всю вину за трагедию 22 июня 1941 г. на «мертвого льва». А затем «воспоминания и размышления» до того одолели, например, того же Жукова, что ничего более неадекватного трагической реальности, чем б—8-кратное превосходство врага на решающих направлениях главных ударов он выдумать не смог! Это не ёрничанье. Жуков

263

РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 85—92.

²⁶⁴ *Han8-Cun(He8 ZegapШm. 01e Oen&сЪ-Яи\$§1&сЪep BereШип&еп 1939—1941, НашЪиг\$ 1949. 8. 62—68. Допрос Гальдера. Цит. по: Ыр://тШ1егa.Бог<1а.ги/?1-3-0-00001385-000-0-0-1318822122*

²⁶⁵ Этот случай описан в книге Г.А. Куманева «Рядом со Сталиным». М., 1999. Факт приводится по: *Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берии*. М., 2002, с. 192.

лично, собственноручно и письменно доказу сталинских соколов было самое правильное, что арифметики он не знал. Об этом реное — пока бьется сердце, убивай и уни- еще впереди. Тут вот в чем все дело-то. Веру- жай гадов-фрицев всем, чем можешь, в то, что они и до десяти-то толком не умели, вплоть до тарана. считал», тем не менее согласиться с его «вос- В артиллерии, которая по качеству едва поминаниями» о 6—8-кратном превосходстве в чем-либо уступала немецкой, наше противника на решающих направлениях глав- превосходство было в 1,4 раза²⁶⁸. ных ударов нет никакой возможности. Тем бо- Такой перевес в огневой мощи, по сути лее нет оснований для этого.

Потому что единственно реальное превосходство вермахта над нашей группировкой войск в западных приграничных уже 2—3-кратное преимущество в суммарных силах на стороне нашей группировки округов было только в большей линейной войск. Им бы распорядиться по уму... Увы, плотности войск на 1 км линии вторжения. но факты говорят о том, что им распорядились не то чтобы не по уму, а преследовавшим цель разгрома собственных же войск образом. И трагедия грянула как самый фантастический коллапс. Находясь на своей территории и защищая свою же Родину, группировка наших войск на 80 % своей первоначальной численности угодила в плен или «без вести пропала»! И ведь не просто угодила в плен, а при весьма странных соотношениях между:

— убитыми и попавшими в плен — 1: 4;
— дезертирами и попавшими в плен — 1: 3,55;
— убитыми и дезертирами — 1: 1,182!

В танках и штурмовых орудиях наша группировка превосходила супостатов — в 3,8 раза²⁶⁶. В авиации, пускай и слегка уступавшей люфтваффе, особенно по скорости, хотя уже поступавшие в войска новые самолеты либо превосходили гитлеровские, либо же как минимум им не уступали, но ведь в 2,2 раза превосходили²⁶⁷. Причем асы люфтваффе уже в самом начале агрессии стали ускоренно осознавать, что сталинские соколы — это не какие-нибудь там «лягушатники». Таковую свирепую трепку задали поганым тевтонам, что те начали усиленно мычать о каком-то неправильном поведении советских летчиков в боях. Это они о таранах. Но поведение-то

А вот это могло произойти только в одном-единственном случае. Когда на решающе ключевых направлениях главных ударов и тем более в целом по всей линии вторжения имело бы место не 6—8-кратное превосходство противника, в чем Жуков и толпы «толкователей» его лживых баек пытались и пытаются всех убедить. Это могло произойти лишь в том случае, если на участках прорыва войск прикрытия была бы продемонстрирована беспрецедентно чудовищная ударная мощь и беспрецедентно чудовищная ударная сила вермахта, коим Жуков так обожал прилюдно поражаться до конца своей жизни, особенно при разъяснениях

²⁶⁶ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000, с. 478.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

своего «эталона в законе» — «концепции внезапности». Однако в том-то все и дело, что беспрецедентно чудовищные ударная мощь и ударная сила вермахта, коим так поражался Жуков, есть суть на редкость уникального, можно даже сказать, что и на редкость феноменально уникального парадокса. Ведь в действительности, то есть в реальном исчислении, их... НЕ БЫЛО, НЕ БЫЛО И ЕЩЕ РАЗ НЕ БЫЛО!!!

Единственно реальное 2,386-кратное превосходство вермахта в линейной плотности войск на 1 км линии вторжения при всем желании к категории чудовищно беспрецедентных не отнесешь. Хотя Жуков и пытался настойчиво убедить всех в том, что-де «мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира»²⁶⁹. Правильно, не перед дурачками отступали советские войска. Наши войска отступали под командованием отнюдь не дурачков, а фактически сознательно подставивших свои войска под разгром высших командиров, на вершине когорты которых стоял дуэт Тимошенко—Жуков, опиравшийся на клан «киевской мафии». Беспрецедентно чудовищная ударная мощь и столь же беспрецедентно чудовищная ударная сила вермахта, коим так поражался Жуков, родом-то из... ВОЗДУХА, которым дуэт Тимошенко—Жуков плюс «киевская мафия» умудрились в исторически небывалом изобилии обеспечить вермахт! И в результате получилось нечто вроде фокуса иллюзионистов: фактически вторгается одна дивизия вермахта, а советская дивизия чувствует, что ее лупят как будто бы 10,20,30, а то и все 40 дивизий противника, хотя в реальности ничего подобного на поле боя не было! По количеству дивизий между противостоящими группировками был относительный паритет. И возникает вопрос: ТАК КАК ЖЕ ЭТО ПОЛУЧИЛОСЬ?!

²⁶⁹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М., 1989, с. 335.

А вот как. Для начала вспомним общие правила наступления вермахта в соответствии со стратегией блицкрига. Сначала жесточайшая бомбардировка позиций противника с воздуха. Затем, а зачастую и одновременно такой же артобстрел, главным образом тяжелой артиллерией. После этого вперед шли танки, которые огнем и гусеницами уничтожали чудом уцелевших бойцов, особенно же пулеметчиков. И только после этого, уже в относительной безопасности, на многократно «перепыханные» позиции противника заходила пехота и легкая бронетехника вермахта и добивали вторично чудом оставшихся в живых, а также раненых, либо брали их в плен. Вопреки устоявшейся логике и правилам наступательного боя, при такой тактике как минимум вдвое большие потери несла не наступающая, а обороняющаяся сторона! Что, собственно говоря, и было показано в приведенной выше таблице.

Нередко, особенно в начальный период агрессии, командиры танковых частей вермахта требовали, чтобы сначала—для создания плацдарма в целях развертывания наступления мобильных частей вперед — шла пехота. В этом случае пехотные дивизии, как правило, практически вдвое сужали ширину фронта прорыва — вместо предписывавшихся уставами вермахта 4—6 км до 3—2,5 км! Практически всегда это давало нужный результат, даже если он и достигался не с первого раза.

Однако при всем том, что вермахт был отмобилизован, отлично подготовлен и вооружен, отличался высокой мобильностью и наличием победоносного боевого опыта, германское командование в момент нападения предпочитало не лезть на рожон, то есть в лобовые атаки, разве что за редким исключением. Как правило, гитлеровцы прибегали к следующему, весьма оригинально обрамлявшему в тот момент тактику таранно-штурмового пролома обороны приему. Если из-за рельефа местности нельзя было обойтись без лобового удара, то в таком случае оборона нашей дивизии с

ходу взламывалась тремя-четырьмя, а то и большим количеством дивизий вермахта. Это не представляло особого труда, так как ширина фронта прорыва у них была в 10—20 раз меньше, а то и того более чем фактическая ширина фронта обороны советской, да и то зачастую (а то и как правило) ополовиненной по численности стрелковой дивизии.

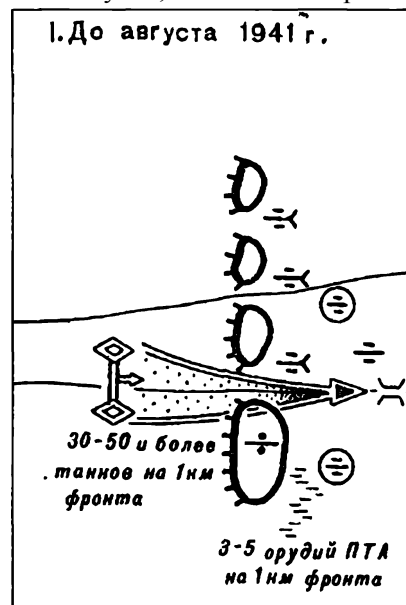
Но даже в таком случае вся «изюминка» состояла в следующем. Как правило, точнее как минимум, две дивизии вермахта били даже не во фланги нашей. Они били сначала как бы на скос флангов, в том числе на скос — встык с другой (советской) дивизией. Причем били одновременно и танковые и моторизованные, и пехотные дивизии.

В результате не только мгновенно насквозь пробивали оборону, но и всего-то двумя-тремя дивизиями на очень узком пространстве создавали многосоткратное превосходство, устоять перед которым было просто нереально, во всяком случае долго. Потому что на этом очень узком пространстве, где они запланировали прорыв нашей обороны при нападении на Советский Союз, их встречали даже не стрелки как таковые, а вот те самые жутковатые «дробин» вместо стрелков на 1 м линии обороны, о которых говорилось выше. Проломив же оборону в одном — двух местах и пользуясь своей мобильностью, гитлеровцы немедленно заходили в тыл и устраивали для остальных «котел», в котором либо зверски уничтожали войска, либо, как правило, захватывали оставшихся в живых в плен. Кстати, весьма любопытно, что и удары встык, в том числе сначала на скос флангов, а затем по ходу боя и в сам стык, а также непосредственно на скос основной линии обороны нашей дивизии, были рассчитаны гитлеровцами до вторжения. К глубокому сожалению, это означает, что абвер на редкость удачно поработал, во всяком случае в приграничной полосе точно. Но это означает и то, что практически никаких мер маскировки с нашей стороны не было, хотя недостатка в свирепых приказах на эту

тему РККА не испытывала. За маскировку, между прочим, отвечали Генштаб и НКО, есть лично Жуков и Тимошенко.

Что же до того, каким «технологическим» образом из ВОЗДУХА возникало беспрецедентно чудовищное превосходство, то об этом самым подробным образом по каждому округу будет сказано в главах, посвященных анализу ситуаций в

конкретных округах. А здесь рассмотрим еще несколько глобальных вопросов. Вот схема противотанковой обороны наших войск до августа 1941 г., то есть в тот период, когда подготовкой, а затем и самим начальным отпором врагу «рулили» охаватели Сталина — Тимошенко и Жуков, а также их сторонники.

Тимошенко-Жуковская профанация противотанковой обороны накануне и в начале войны. Схема была составлена 30 лет назад опытейшим профессионалом — командующим ракетными войсками и артиллерией Сухопутных сил СССР, маршалом артиллерии Г.Е. Перedelским²⁷⁰

Вот и попробуйте теперь понять, намеревались ли «доблестные» критиканы Сталина по-настоящему защищать Родину? Ведь абсолютно точно знали, что гит-

²⁷⁰ Победа под Москвой: Материалы военной научной конференции. М., 1982, с. 109.

леровцы свою основную ставку в блицкриге делают на танковые войска. Тем не менее почему-то соизволили ограничиться всего-то 3—5 стволами противотанковой артиллерии на 1 км фронта, учитывая, что даже согласно германскому уставному нормативу плотность танков в прорыве — 20—30 танков на 1 км. А ведь это было хорошо известно. Для этого и разведывать-то особенно не надо. Военные атташе легальным образом получают уставы вооруженных сил, при которых аккредитованы. Впрочем, знали и то, что германское командование спокойно шло и на резкое увеличение плотности танков в прорыве до 30—50 танков на тот же километр!

То есть реальная плотность танков вермахта в прорыве обеспечивала супостатам превосходство над возможностями нашей противотанковой обороны в диапазоне от 4—6 до 6,66—10 раз! Если по факту того, что нацисты устроили в начале агрессии, так и вовсе умопомрачительный результат: превосходство врага над нашей противотанковой обороной в среднем было на уровне от 6—10 до 10—16,66 раза! И ведь это не просто превосходство, а превосходство в бронированной мобильной огневой мощи, сметающей на своем пути все подряд! Что должно было произойти с нашими 3—5 стволами противотанковой обороны на 1 км обороны?! Правильно, если не с первого, то уж со второго-то залпа 30—50 немецких танков наши 3—5 стволов вместе с солдатами точно оказывались закопанными в землю.

Комментарий. Тут может возникнуть искушение заявить, что утверждение Жукова о 6—8-кратном перевесе вермахта в силах на решающих направлениях соответствует историческим реалиям. Однако впадать в такое искушение не стоит. Жуков писал о 6—8-кратном превосходстве вермахта на решающих направлениях, привязав это превосходство к понятию «дивизия». Причем без какой-либо расшифровки того, что он конкретно имел в виду. Здесь же, несмотря на схожесть цифр, показано превосходство вермахта в мобильной бронированной огневой мощи только над нашей

противотанковой обороной в самом начале войны. Если показать все, а ниже это обязательно будет сделано, то тогда даже на абсолютно лысой голове волосы встанут дыбом. Так что не следует искусственно путаться.

ГА «Север» при вторжении имела в своем составе 686 танков, САУ, самоходных штурмовых орудий и истребителей танков²⁷¹. Из них 638 — непосредственно в 4-й танковой группе (Тгр)²⁷². Фронт наступления этой группы — 40 км. То есть на 1 км фронта наступления формально приходилось 16 танков.

ГА «Центр» при вторжении имела 2370 единиц различной самоходной бронированной техники²⁷³, в том числе, 3-я Тгр имела 1051 единицу различной самоходной бронированной техники при фронте наступления 30 км. То есть на 1 км фронта наступления формально приходилось практически 35 единиц различной бронированной техники. В свою очередь 2-я Тгр имела 1148 единиц различной самоходной бронированной техники при фронте наступления 70 км. То есть на 1 км фронта наступления формально приходилось около 16,5 единицы.

И, наконец, ГА «Юг» при вторжении располагала 872 единицами различной мобильной бронированной техники²⁷⁴. В том числе 1-я Тгр располагала 770 единицами²⁷⁵ при фронте наступления 65 км. То есть на 1 км фронта наступления формально приходилось примерно 12 единиц.

То, что в каждом случае указывалось, что формально приходилось столько-то единиц самоходной бронированной техники (преимущественно танков) на 1 км фронта наступления, не случайно. Потому как это всего лишь арифметический расчет, который далеко не все объясняет. Ведь действия танковых частей вермахта в прорыве не

²⁷¹ Лобанов А.В. Бронированный таран вермахта // Военно-исторический журнал. 2011, № 6, с. 20.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же, с. 21.

²⁷⁵ Там же.

зря называли вгрызающимися в оборону противника и рассекающими ее танковыми клиньями. Тем более что они шли на острие прорыва группы армий, у которых ширина фронта прорыва составляла всего 100—150 км. Так вот, в момент начала прорыва на остриях танковых клиньев каждой из четырех танковых групп были не эти формальные арифметические данные, а как минимум уставная плотность танков в прорыве — 20—30 танков на 1 км фронта в прорыве. Но, как правило, значительно более того, в основном 30—50 танков (особенно в ГА «Центр»).

Комментарий. Как известно, ГА «Центр» наступала против ЗапОВО — Западного фронта. Между тем, в Белоруссии, собственно говоря, особенно и негде наступать, «виной» чему Припятские болота. Да и дорог не так уже и много было в то время. И германское командование даже в силу сугубо объективных факторов вынуждено было пойти на максимальную концентрацию танков на 1 км прорыва на Белорусском направлении, тем более что это отвечало также и стратегии блицкрига. Неужели все это было так трудно предвидеть?!

**♦

Иначе ошеломляющего до физиологического столбняка и оторопи всепроникающего удара противника с глубоким прорывом обороны не получилось бы. В первые дни агрессии танковые части вермахта «летели» с такой скоростью, что оказались глубоко в тылу советских войск. Манштейн, например, за первые четыре дня агрессии преодолел 300 км, то есть «летел» со скоростью 75 км в день, хотя по уставу предполагалось всего 20—40 км²⁷⁶, в среднем 30 км. То есть темп наступления в разные моменты этих дней в 2—2,5—3,75 раза превышал уставной. Судьба Минска в свою очередь была решена фактически за пять суток, ибо уже с 16.00 28 июня в столице Белоруссии полностью хозяйничали нацисты. А к предместьям Минска они подошли на день раньше. Проще говоря, темп наступления

был примерно 60 км в сутки. То есть в три раза больше, чем предполагалось по уставу минимуму. Это что, по-вашему, оборона Родины от подлого и вероломного супостата?! Ну, а если к этому добавить нижеуказываемый факт, то и вовсе станет тошно. Запланированный еще в конце 1936 г. график агрессии, согласно которому Минск должен был быть взят на пятый день с начала нападения, накануне агрессии был официально подтвержден германским командованием, о чем документально предупредила советская внешняя разведка (в соответствующей главе о разведке об этом говорилось подробно). Хуже того. Фактически он был выдержан с крайне незначительным отклонением. Ну и что прикажете думать по совокупности сказанного?!

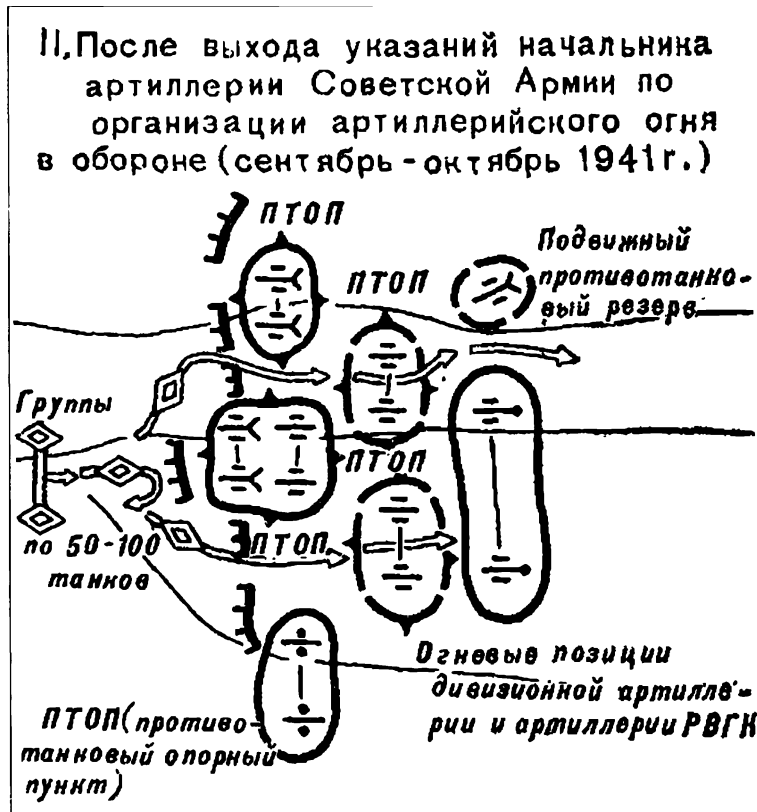
Можете ли вы после этих фактов хотя бы самим себе ответить на вопрос, собирались ли Тимошенко, Жуков и командующие округами по-настоящему защищать Родину?! Задумались? Все правильно, как тут не задуматься. А вот вам и дополнительная «пища» для размышлений. Группировка советских войск на западных границах обладала 59 787 шт. артиллерийских стволов все видов²⁷⁷. Этого вполне хватило бы для того, чтобы по всей 3375-километровой линии вторжения первого дня агрессии выдать супостатам по-русски «горяченьких го-стинцев» из расчета примерно 18 стволов на 1 км! Если вместе с танковыми стволами, то 22 ствола на 1 км фронта обороны. Быть может, это и не столь уж и густо, как может показаться, но с 22 стволами на 1 км фронта скорости да спеси всей этой бронированной тевтонской сволочи можно было бы поубавить весьма изрядно! Но этого не случилось! А потом оказалось, что во всем виноват Сталин?!

Только тогда, когда Сталин стал Верховным Главнокомандующим, положение дел с противотанковой обороной резко из-

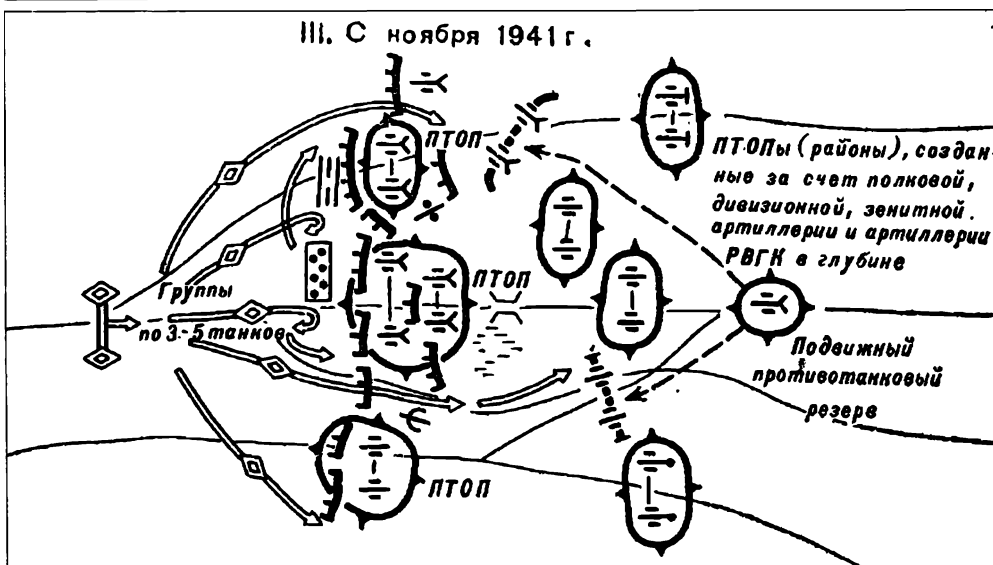
²⁷⁶ История Второй мировой войны. 1939—1945 гг. Т. 3. М., 1974, с. 340.

²⁷⁷ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000, с. 473.

менялось в лучшую сторону. По личному приказу Сталина, который в самом начале войны организовал в ГШ специальную группу по изучению опыта первых боев, начальник артиллерии РККА разработал новые указания по организации противотанковой обороны с опорой на ПТОП — противотанковые опорные пункты.

Схемы противотанковой обороны советских войск после вмешательства Сталина, использовавшего блестящий опыт К.К. Рокоссовского, который впервые разработал и применил эти схемы противотанковой обороны еще при организации обороны на левом берегу реки Воль в ходе Смоленского сражения (10.07—10.09. 1941)

Живо реагирующий на все хорошее и новое, особенно если оно эффективно служило интересам защиты Родины, Сталин мгновенно распространил этот опыт на всю армию, благо статус Верховного Главнокомандующего позволял это сделать незамедлительно²⁷⁸.

Конечно, автору могут возразить, что-де были же и противотанковые артиллерийские бригады (ПТАБ). Отрицать не буду, были... в основном на бумаге. Что называется, в самый последний момент, проще говоря, всего-то за два месяца до начала войны по представлению Генштаба было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1112—459 сс от 23 апреля 1941 г., согласно которому разрешалось к 1 июня 1941 г. создать десять ПТАБ. Из них 5 — в КОВО, 3 — в ЗапОВО, 2 — в ПриОВО²⁷⁹. Из истории же известно в основном только об успехах одной противотанковой артиллерийской бригады (ПТАБ) будущего маршала, а тогда полковника Москаленко. Эта ПТАБ была создана в КОВО. Только за один день — 22 июня 1941 г. — ПТАБ под его командованием уничтожила 42 вражеских танка, а всего до 70 единиц техники, то есть танков, танкеток, бронеавтомашин, автомашин и мотоциклов. Посчитайте, сколько одних только танков пустила бы на металлолом только эта ПТАБ за оставшиеся 189 дней до конца 1941 г. Правильно, 7938 шт., что было бы без малого в два раза больше, чем Гитлер выделил для вторжения, — всего-то 4171 танк и штурмовые орудия всех видов! А всего до конца 1941 г. эта ПТАБ превратила бы в металлолом 13 230 единиц гитлеровской техники! Проще говоря, если бы спохватились не в последний момент, а значительно раньше, для чего были

все основания и сведения, хотя бы, например, в начале марта 1941 г., то к 22 июня вполне могли бы иметь более или менее полноценные, реальные 10 ПТАБ. И тогда урон от их действий был бы настолько велик, что вермахт вынужден был бы как минимум убраться восвояси. Да вы и сами посудите. Если одна ПТАБ за один день уничтожила 42 танка, то десять ПТАБ реально могли бы уничтожить 420 танков за один день. Между прочим, если взять среднюю по вермахту численность танков в одной танковой дивизии в 200 шт., то получается, что 10 ПТАБ смогли бы ежедневно уничтожать по две танковые дивизии. А через десять дней таких действий от пресловутого бронированного кулака вермахта остались бы только горы бронированного металлолома, потому как были бы выбиты все танковые дивизии вермахта. За такой короткий срок ни одна, даже самая развитая, танковая промышленность не смогла бы восполнить более чем четырехтысячный дефицит танков. Если одна ПТАБ за один день уничтожила до 70 единиц вражеской мобильной техники, в том числе и бронетехники, то 10 ПТАБ уничтожили бы до 700 единиц вражеской техники за сутки. Ну а через десять дней действий десяти таких ПТАБ у ударных группировок вторжения были бы выбиты не только все бронированные «зубы» и «клыки», но и начисто перебиты все «ноги» или, по меньшей мере, сильно покалечены. Ну а если взять в масштабе 189 дней, оставшихся до конца 1941 г., то картина и вовсе получается жутковатая для вермахта — усилиями десяти таких ПТАБ выбитыми оказались бы 132 300 единиц различной мобильной, в том числе и бронированной, техники.

И что тогда осталось бы делать окаянными нацистским супостатам? Только сдаваться на милость русского солдата, да еще и с воплями «Гитлер капут!».

Так вот, на фоне примера, достаточно убедительно показывающего, что реально могло произойти с поганим вермахтом, не-

²⁷⁸ Победа под Москвой: Материалы военно-научной конференции. М., 1982, с. 109. Приложение № 1. — «К.К. Рокоссовский в операциях Великой Отечественной войны» — к полному изданию мемуаров К.К. Рокоссовского «Солдатский долг». М., 1997, с. 440.

²⁷⁹ См.: 1941. Документы. В 2-х кн. Кн. 2, М., 1998, с. 104, 105; ЦА МО РФ. Ф. 81. Оп. 12084. Д. 56. Л. 7.

безынтересно отметить следующий факт. Во время декабрьского (1940 г.) совещания высшего командного состава РККА будущий командующий Киевским округом, а в тот момент — командующий Ленинградским округом генерал-лейтенант М.А. Кирпонос выступил противником создания высоких плотностей и концентрации артиллерии в обороне²⁸⁰. И вот что примечательно. Едва только Кирпонос озвучил эту «мысль», как Жуков с места крикнул: «Правильно!»²⁸¹

Вот в том числе и за это «правильно» мы поплатились жестоко тем, что проклятые супостаты докатились едва ли не до стен древнего Кремля. А командовавший самым мощным по всем параметрам округом (фронтом) Кирпонос, в полной мере испытав, в том числе и в прямом смысле слова на собственной шкуре, несправедность своей позиции, угробил более чем 600-тысячную группировку войск, а сам в итоге погиб.

Краткое предварительное резюме по организации противотанковой обороны

Разве нет оснований усмотреть начальные признаки подставы войск под разгром в виде откровенной профанации противотанковой обороны в лице 3—5 артиллерийских стволов на 1 км линии обороны (а в некоторых местах и вовсе по одному стволу на 1 км)?! Ведь знали же об особой роли танковых войск в стратегии и тактике блицкрига и тем не менее учудили такую профанацию?!

В конце концов, разве нет во всем этом оснований для того, чтобы усмотреть часть начальных признаков предпрешенной неминуемой неизбежности трагедии 22 июня 1941 г.?! Тем более в свете концепции Тухачевского и его же плана поражения.

²⁸⁰ Русский Архив. Великая Отечественная. Т. 12(1). М., 1993, с. 228.

²⁸¹ Там же.

Однако это всего лишь, что называется, одна сторона медали, то есть проблемы организации противотанковой обороны. Есть и другая сторона этой же проблемы, в целом известная, нередко упоминаемая, особенно в серьезных исследованиях, но никогда не рассматривавшаяся в исследуемом ныне ракурсе. А между тем это очень любопытный ракурс. Речь идет об обеспеченности противотанковой артиллерии РККА бронебойными снарядами.

Как известно, основу противотанковой артиллерии Красной Армии накануне войны являла собой 45-мм противотанковая пушка (пушка этого же калибра была основной и в танковых войсках). К началу войны их числилось несколько десятков тысяч. В принципе эта пушка достаточно длительное время удовлетворяла потребности РККА, а с началом войны она и вообще стала легендарной. В армии эту пушку очень любили.

Но осенью 1939 г., при очередном испытании бронебойной способности снарядов этой пушки, во время экспериментального обстрела германского танка РгЛП, обладавшего всего 30-мм броней, вырисовалась удручающая картина. Это если мягко выражаться. Дело в том, что при стрельбе с дистанции 400 м бронебойные 45-мм снаряды не смогли пробить броню этого танка. Хотя по бумагам они должны были пробивать ее с 500 м. При повторной проверке бронебойной способности снарядов указанного калибра весной 1940 г. на полигоне в Кубинке выяснилась следующая картина. Огромная партия бронебойных снарядов указанного калибра, произведенных в период с 1936 по 1939 г., оказалась бракованной из-за грубого нарушения технологии их производства. Они стали хрупкими и раскалывались при ударе о «цементированную» (имеется в виду способ закалки) немецкую броню до того, как успевали ее пробить. Проще говоря, к началу войны 45-мм бронебойные снаряды были способны с приемлемых дистанций пробить

броню только легких немецких танков, а средних — только с очень коротких дистанций²⁸². А бить с очень коротких дистанций — смертельно опасно для самих артиллеристов.

Точных данных о производстве 45-мм бронебойных снарядов именно за упомянутый период времени — 1936—1939 гг. — найти не представилось возможным. Есть данные только за период с 1938 по 1941 гг. Так вот, за период с 1938 по 1940 г. включительно было произведено 37,6 млн снарядов всех калибров²⁸³. Учитывая же, что 45-мм орудия составляли также и основу артиллерии РККА, то подавляющая часть этого объема приходилась как раз на 45-мм снаряды, в том числе и бронебойные. А за последние три месяца перед войной только 45-мм снарядов по плану должно было быть произведено 2 млн 560 тыс. штук. Учитывая, что к началу войны сугубо количественная обеспеченность артиллерии РККА 45-мм бронебойными снарядами составляла 91 %, выходит, что большая часть произведенных снарядов была как раз калибра 45-мм. А вот теперь можно говорить и о главном в рассматриваемом ракурсе.

Мы уже видели, что можно ослабить противотанковую оборону элементарной ее профанацией, когда на один километр выставляются всего 3—5 стволов противотанковой артиллерии. Но можно сделать и более тонко. Грубо нарушить технологический процесс, и огромная партия бронебойных снарядов окажется ни на что не годной. В переводе на язык Уголовного кодекса это называется саботаж и вредительство в оборонной промышленности. Да, понятно, что автора могут упрекнуть едва ли не в преднамеренном сгущении красок. Но в таком случае пускай те, кто вознамерится это сделать, сначала подумают вот над

чем. Производство есть производство. Без периодических ошибок и нарушений технологий и технических регламентов едва ли обходится (хотя, например, у немцев и японцев процент брака исчисляется микроскопическими сотыми, а зачастую и тысячными долями процента). Это понятно. Тут нет и не может быть умысла, тем более злого. Но только до того момента, когда их замечают, выявляют и быстро ликвидируют. Чем меньше этот промежуток времени, тем меньше шансов и необходимости заглянуть на соответствующую страницу Уголовного кодекса. Но чем он больше, тем сильнее и острее тут три года кряду гнали не просто брак, а подрывавший обороноспособность страны брак. И ведь не один завод, а как минимум несколько. А это уже всерьез смахивает на систему. Причем делали это в условиях более жесткого, чем в гражданских отраслях контроля над производственным процессом и наличии военной приемки. В таком случае, как прикажете это расценивать? Вот когда желающие упрекнуть автора в преднамеренном сгущении красок обдумают свое и придут к определенным выводам, то, как говорится, пожалуйста, попробуйте. Ну, а со своей стороны автор считает уместным указать, что антисталинская оппозиция еще в 30-е гг. пыталась сделать все, чтобы ослабить обороноспособность страны. В том числе и за счет выпуска некачественной продукции оборонного характера, в частности боеприпасов.

Между тем плачевная ситуация с обеспеченностью бронебойными снарядами артиллерии РККА была не только с 45-мм снарядами. Катастрофическое — иначе не назовешь — положение было и с 76-мм бронебойными снарядами. Пушек указанного калибра в РККА уже были тысячи. Но обеспеченность бронебойными 76-мм снарядами накануне войны всего... 16 %?! При такой низкой обеспеченности запасы можно было исчерпать за пару-тройку ча-

²⁸² См.: Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с. 477—478.

²⁸³ Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1981, с. 83.

сов ожесточенных боев. Когда за два месяца до начала войны решили создавать противотанковые артиллерийские бригады, то выяснилось, что ГАУ РККА располагает всего лишь 20 тыс. бронебойных выстрелов для пушек 76-мм калибра. Короче говоря, к 22 июня на каждую 76-мм дивизионную или танковую пушку в РККА в среднем приходилось всего по 12 бронебойных снарядов (15 % от потребности). Между тем в ЗапОВО, например, имелось девять бронебойных снарядов на пушку, в КОВО — шесть (приказом начальника штаба этого округа генерала Пуркаева было зарезервировано на каждую пушку по 6 бронебойных снарядов), в ЛВО — менее одного²⁸⁴.

Зато непонятно по какой причине ОдВО получил по 34 шт. 76-мм бронебойных снарядов на каждую пушку²⁸⁵. Да, и этому округу тоже нужны были бронебойные снаряды — тут спорить не приходится. Но все же Одесский округ по своему значению, пардон и даже миль пардон, серьезно уступал и Киевскому, и Западному. Тогда что означает массовая засылка бронебойных снарядов в ОдВО в то время, как КОВО и ЗапОВО получили едва ли не фигу с маслом вместо бронебойных снарядов?!

Комментарий. Небезынтересно отметить следующий факт. Ведущим предприятием по производству 76-мм бронебойных снарядов накануне войны был расположенный в г. Сталино (ныне Донецк, Украина) завод № 73 наркомата боеприпасов. В последний предвоенный месяц этот завод должен был выпустить 21 тысячу таких снарядов, однако не сдал военпредам ни одного снаряда²⁸⁶. Донецк (Сталино) — это Украина. На Украине царьком сидел Хрущев. Вот как прикажете расценивать приведенный факт, зная, что натворил этот мерзавец во время войны и после убийства Сталина?! И прежде чем ответить на этот вопрос, примите во внимание, что деятельность оборонных предприятий в то время находи-

²⁸⁴ Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с. 478.

²⁸⁵ ЖС

²⁸⁶ Известия ЦК КПСС. 1990, № 5, с. 204.

лась на особом контроле не просто у партийных органов, а именно же у первых лиц местных партийных органов. В данном случае у самого Хрущева. А вот теперь и попробуйте честно ответить себе: как бы вы расценили приведенный факт? Лично автор убежден, что Сталин был просто неисправимый гуманист — ведь этого негодяя Хрущева еще до войны надо было расстрелять, как бешеную собаку, самое позднее после Харьковской катастрофы 1942 г., которую он подло устроил вместе с Тимошенко. Увы, остался жив и натворил такого, что не приведи господь!..

◆**

А вот теперь и попробуйте объяснить хотя бы самим себе, что это за положение с бронебойными снарядами, которое складывалось годами. К слову сказать, едва только началась война, то тут же пошли жалобы воюющих частей и на нехватку снарядов других различных калибров. А ведь к 22 июня в РККА был накоплен гигантский запас артиллерийских снарядов различных калибров — 88 (ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ) МИЛЛИОНОВ ШТУК!!!

Краткое предварительное резюме по организации боепитания противотанковой обороны и вообще артиллерии.

Разве нет оснований усмотреть хотя бы начальные признаки подставы войск под разгром в виде откровенного вредительства при производстве бронебойных снарядов?! Причем на протяжении ряда лет.

Разве нет оснований усмотреть хотя бы начальные признаки подставы войск под разгром в виде фактически полного срыва обеспечения артиллерии 76-мм бронебойными снарядами?! Ведь знали же об особой роли танковых войск в стратегии и тактике блицкрига. И тем не менее учудили профанацию противотанковой обороны, сорвали боепитание противотанковой и вообще артиллерии, прежде всего основных приграничных округов, да к тому же организовали засылку полноценных боекомплектов не туда, куда надо!

В конце концов, разве нет во всем этом оснований для того, чтобы усмотреть часть начальных признаков предрешенной неминуемой неизбежности трагедии 22 июня 1941 г.? Тем более в свете концепции Тухачевского и его же плана поражения.

Конечно, в приведенных выше размышлениях вслух содержится известная доля упрощения, примененная только для иллюстративности. Но такая артиллерийская иллюстрация отнюдь не случайна. Это как бы фоновый мостик для перехода к поставленному еще Сталиным вопросу № 4: почему большая часть артиллерии находилась в учебных центрах? Вопрос этот не случаен.

«Бог войны», как называл советскую артиллерию И.В. Сталин, в момент нападения не сыграл той роли, которую мог и обязан был сыграть в силу своей мощи и численности. Потому вполне естественен был и его послевоенный вопрос: «Почему большая часть артиллерии находилась в учебных центрах?», где она действительно находилась перед 22 июня 1941 г. А действительно, какого же черта и почему приказу большей частью она была именно там? Если верить Жукову, то это личная самодеятельность командующих Киевским и Западным округами: «Несмотря на строгий запрет (на занятие предполья. — **А. М.**), нарком обороны С.К. Тимошенко рекомендовал командующим войсками округов проводить тактические учения соединений в сторону государственной границы, с тем, чтобы подтянуть войска ближе к районам развертывания по планам прикрытия. Эта рекомендация наркома обороны (а что начальник ГШ тут ни при чем?) проводилась в жизнь округами. *Мне было известно о том, что в Киевском округе подтягивалось к границе не менее пяти дивизий, однако командующие войсками округов и здесь допустили большую ошибку, а мы с наркомом своевременно не поправили округа. Эта*

ошибка состояла в следующем. Дело в том, что дивизионная, корпусная и зенитная артиллерия в начале 1941 года еще не проходила боевых стрельб и не была подготовлена для решения боевых задач. Поэтому командующие округами приняли решение направить часть артиллерии на полигоны для испытаний. В результате некоторые корпуса и дивизии войск прикрытия при нападении фашистской Германии оказались без значительной части своей артиллерии, **что сыграло важную роль в неудачных действиях наших войск в первые дни войны**»^{2*1}.

Небезынтересно в этой связи отметить одно важное обстоятельство. В издании его мемуаров 1972 г. (однотомник), а также четвертом их издании 1979 г. (двухтомник, который издавался по третьему изданию) процитированная выше сентенция Жукова имела существенное различие. Фраза «эта рекомендация наркома обороны проводилась в жизнь округами» завершалась следующими словами: «однако с одной существенной оговоркой: в движении не принимала участия значительная часть артиллерии»²⁸⁸.

Комментарий. К 10-му изданию в структуру процитированного материала были воткнуты нелестные пассажи о Сталине и Берия насчет запрета на выход войск в предполье. Что касается якобы имевшего место запрета на выдвижение войск прикрытия в предназначенные для них районы, то это грубая ложь, рассчитанная лишь на то, что архивы никогда не будут открыты. Увы, для маршала Жукова, ибо если он предполагал, то Господь-то всегда располагает... Более подробно на эту тему в другой главе.

Упомянутую выше концовку почему-то убрали. Однако догадаться «почему» нетрудно. При таком построении фразы волей-неволей складывалось впечатление:

²⁸⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Изд. 10-е. Кн. 1. М., 1990, с. 369.

²⁸⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1972, с. 232; М., 1979, Т. 1, с. 235.

а) что оговорка была сделана наркомом обороны, а в таких вопросах без согласования с начальником Генштаба решения не принимаются;

б) что направление артиллерийских частей войск приграничных округов на учебные полигоны было инициировано и санкционировано Тимошенко, а поскольку подобные вопросы априори не решаются без согласования с начальником Генштаба, то и Жуковым тоже.

Ну а если по-простому, то Тимошенко, и Жуков точно знали, что командующие округами приняли решение о направлении дивизионной, корпусной и зенитной артиллерии на учебные полигоны. Причем по их же Тимошенко—Жукова инициативе и с их же ведома. Потому и не воспрепятствовали. Иначе к 10-му изданию не была бы убрана последняя часть процитированной выше фразы. Причем, и это достаточно уверенно вычисляется даже по мемуарам Жукова, произошло это в мае—июне. Спрашивается, зачем они это устроили, если уже в начале мая резко возросла угроза нападения в самое ближайшее время, а в конце мая Сталин открыто их предупредил, что в самое ближайшее время Советский Союз может подвергнуться нападению? Предположим, что учеба действительно была нужна и даже запланирована. Но такие планы обычно согласовывались и с наркоматом обороны, и Генштабом и утверждаются ими же. Кстати говоря, и разработка таких планов инициировалась также ими.

Но почему в таком случае ни наркоматом обороны, ни Генштабом не было специально оговорено, что недопустимо сгонять всю артиллерию на полигоны и оставлять соединения, аэродромы, склады и города без артиллерийского, в том числе и зенитного, прикрытия? Что, не знали, о поразительном взаимодействии танковых и механизированных частей вермахта с фронтовой авиацией?! Знали. Выше это было проиллюстрировано на цитатах из их докладов. Разве не знали о

беспрецедентной насыщенности ударных группировок вермахта артиллерией, в том числе и противотанковой, и зенитной. Знали. ГРУ обеспечило их такими данными. И что теперь нам остается делать-то? Особенно зная, что даже Сталин их предупредил за месяц до нападения, что оно вот-вот может произойти, а они ни ухом, ни рылом — артиллерия пошла «учиться» на полигонах, вместо того чтобы вернуться в свои части и занять оборонительные позиции. Только одно — предположить, что это было сделано умышленно. Увы, ничего другого не остается. И в дальнейшем мы еще убедимся, что, к сожалению, это единственно верное предположение, превращающееся в конце концов в констатацию факта умышленного саботажа и вредительства в форме резкого ослабления мобилизационной готовности и боеготовности войск, в данном случае артиллерии, в особо угрожаемый период. И в конечном итоге — в предательство и измену.

Добавим также, что 15 мая (по другим данным, 15 июня — об этом см. в главе о ЗапОВО) командующий Западным округом Павлов отдал приказ всю корпусную артиллерию направить на полигоны — часть непосредственно к границе, часть близко к границе, где она была расположена скученно. Зенитную артиллерию Павлов сосредоточил восточнее Минска. Из рапорта начальника 3-го отдела 10-й армии, то есть начальника военной контрразведки армии, полкового комиссара Лося от 15 июля 1941 г.: «...Положение усугублялось тем, что по распоряжению штаба округа с 15 июня все артиллерийские полки дивизий, корпусов и артполки РГК (речь идет о полках тяжелой артиллерии. — А. М) были собраны в лагеря в двух местах: Червонный Бор (между Ломжей и Замбровом) — 22 полка 10-й армии и в Обуз-Лесном — артполки тыловых дивизий армии и других частей округа. Для поднятия этих полков был послан начальник артил-

лерии армии генерал-майор Барсуков, которому, как он мне рассказывал, удалось в 6 часов утра добраться до полков, разбудить их, поднять по тревоге и направить их в дивизии. Это было уже в то время, когда все пограничные дивизии вели бой с противником... Аналогичное положение было также с зенитной артиллерией. Все дивизионы и полки, во всяком случае весь основной начсостав и матчасть были собраны для прохождения лагерных сборов в м. Крупки, близ Минска, и до последнего времени в 10-ю армию не вернулись, и их судьба... неизвестна. Таким образом, соединения, склады, города остались без зенитной артиллерии»²⁸⁹.

Хорошо известно, чем это кончилось. Значительная часть артиллерии на полигонах досталась немцам целехонькой. Например, на окружной полигон юго-западнее Барановичей в мае 1941 г. прямо с завода были доставлены предназначавшиеся для комплектования 10 артиллерийских полков РГК 480 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 с 10 боекомплектами на каждое орудие. Все 480 гаубиц-пушек целыми и невредимыми, вместе с боекомплектами достались немцам уже 23 июня 1941 г. и, получив наименование «пушка гаубица 15,2-см КН.433/1 (г)», исправно лупили по советским войскам до конца 1942 г., пока имелись боекомплекты к ним²⁹⁰. А потом супостаты наладили и собственное производство боекомплектов к ним. И таких случаев уйма. Другая, не менее значительная часть артиллерии была уничтожена в ходе бомбежек и артиллерийских обстрелов, и лишь частично выведена из строя собственными войсками. А еще большая часть попросту была брошена войсками. Ну, а в Минске фрицы хозяйничали уже с 16.00 28 июня. Впрочем, и в других округах положение было не лучше.

²⁸⁹ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 330—340.

²⁹⁰ *Широкопад А.Б.* Артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 2010, с. 93.

Но вот ведь какое дело выходит, если внимательно почитать мемуары, например, действительно великого Маршала Великой Победы К.К. Рокоссовского. Непосредственно накануне войны неумная страсть к учениям артиллерии на полигонах внезапно одолела и командующего КОВО. Вот что написал великий Маршал: «Однажды заночевал в Ковеле у Ивана Ивановича Федюнинского. Он оказался гостеприимным хозяином. Разговор все о том же: много беспечности (до чего же благородно мягок был великий Маршал— всего лишь о беспечности сказал. —Л.М). Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем»²⁹¹. Командующий корпусом К.К. Рокоссовский отстоял свою артиллерию, а бывший начальник штаба 6-й армии генерал-майор Н.П. Иванов даже после войны беспристрастно констатировал: «В момент внезапного нападения противника проводились сборы артиллеристов, пулеметчиков, саперов»²⁹².

Получается, что это действительно была далеко не художественная самодеятельность командующего округом под прикрытием неких указаний Тимошенко и Жукова. Причем указаний устных, иначе им обоим головы точно свернули бы еще в июне 1941 г. Соответственно и командующий округом не возмутился неисполнением приказа со стороны Рокоссовского. Потому что знал, что никакой обязательной для исполнения письменной директивы насчет столь преступно организованной артиллерийской учебы из Москвы не

²⁹¹ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. Полный вариант мемуаров. М., 1997, с. 30.

²⁹² Источник указан в главе, посвященной ситуации в КОВО.

было — были лишь «устные рекомендации наркома обороны». Да и Рокоссовский, всего лишь год назад вышедший из тюрьмы и реабилитированный, не стал бы так рисковать, если не почувствовал бы, что приказ дурно пахнет. А там, где принципиальности не проявили, последствия были крайне тяжелые.

Но если продолжить наше расследование, то окажется, что такая же неумная страсть к учениям артиллерии на полигонах внезапно одолела также и командующего ПриОВО. Посмотрите, что вспомнил и написал в своих мемуарах генерал-полковник Н.М. Хлебников, бывший командующий артиллерией 27-й армии ПриОВО: «...В середине июня штаб 27-й армии получил указание штаба округа вывести артиллерию латышского и эстонского корпусов на полигон для обычных летних проверок и боевых стрельб. Это означало, что артиллеристы на какое-то время будут оторваны от своих стрелковых соединений. С большим трудом нам удалось добиться отсрочки в проведении полигонных боевых стрельб и оставить артиллерию на местах»²⁹³.

Понимаете ли, в чем все дело? Ни в коей мере не сгущая красок, не могу не обратить внимания на следующее. Если в особо угрожаемый период столь неумная страсть к проведению артиллерийских учений на полигонах, куда стоняются едва ли не поголовно все артиллерийские полки, внезапно одолевает командующих сразу тремя основными приграничными округами, то по меньшей мере это преступная страсть! Проще говоря, если в особо угрожаемый период, практически в самый канун нападения Германии «бога войны» отрывают от стрелковых частей, — это особо опасное воинское и государственное преступ-

ление, направленное на подрыв мобилизационной и боевой готовности войск к отражению агрессии! И хочу особо подчеркнуть одно обстоятельство. По определению не может быть такого, чтобы столь преступная страсть внезапно и одновременно одолела командование сразу трех основных приграничных округов. Она могла одолеть только в одном случае — в случае преступного сговора, на вершине которого явно присутствовала «киевская мафия» в высшем военном руководстве.

Короче говоря, с этими устными указаниями-рекомендациями НКО и ГШ получилось, как в пословице: не пойман — не вор. Да и легко свалить всю ответственность за такие действия на командующих округами, что и было сделано в послевоенных мемуарах Жукова и других. Павлова и почти все высшее командование ЗапОВО расстреляли, успевший в корне загубить Юго-Западный фронт и устроивший Киевскую катастрофу Кирпос погуб из-за своей «странной» дурости в сентябре 1941 г., а Кузнецов (ПриОВО) два месяца бегал по лесам, пока Сталин не отошел от гнева.

И в завершение этой темы приведем мнение, к сожалению, уцелевшего на войне гитлеровского генерала Блюментритта. В полном, не прошедшем даже с окончанием войны обалдении от случившегося ранним утром 22 июня, он написал в своих мемуарах (войска, которыми он командовал, 22 июня наступали против 4-й армии ЗапОВО): «В 3 часа 30 минут вся наша артиллерия открыла огонь... И затем случилось то, что показалось чудом: русская артиллерия не ответила...» И ведь не один он написал такое. Такое творилось по всей линии вторжения. Ему вторит командующий ГА «Центр» Ф. фон Бок: «...Удивляет то, что нище не заметно сколько-нибудь значительной работы их артиллерии...»²⁹⁴

²⁹³ Цит. по: Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. М., 1974 г., гл. «Страна вступает в бой. Накануне». Цит. по Интернету: сайт—БІР://t1n1era.nb.ru/shesho/gi881ap/bleb1koу_пт/0\$.b1t1

²⁹⁴ Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941—1945 / Пер. с нем. М., 2006, с. 47.

Небезынтересно заметить следующее. Говорят, что уже в первые часы и дни войны, когда резко встал вопрос о применении артиллерии, то Павлов, найдя, наконец-то, артиллерийские части у одного из командующих дивизиями, с удовлетворением выдохнул: «Ну, слава богу, хоть один умный нашелся и не отправил артиллерию на полигон». Не знаю, было это или не было, но уж больно многозначительной выглядит реакция Павлова. Вы только вдумайтесь, что же он произнес! Фактически это его заявление есть суть признание преступного характера его же собственного приказа о направлении всей артиллерии на полигоны.

Краткое предварительное резюме в отношении отмеченного аспекта артиллерийской темы

Разве нет оснований усмотреть в этом начальные признаки подставы войск под разгром в виде умышленного сосредоточения подавляющей части артиллерии округов на полигонах вблизи границы?! Ведь в таком положении она стала отличной мишенью для бомбежек и артобстрелов, а также целью захвата, что предвидеть было не столь уж и трудно!

Разве нет оснований усмотреть в этом начальные признаки подставы войск под разгром в виде умышленного лишения указанным образом соединений, аэродромов, складов и городов артиллерийского, в том числе и зенитного прикрытия?!

В конце концов, разве нет во всем этом оснований для того, чтобы усмотреть часть начальных признаков предпрешенной неминуемой неизбежности трагедии 22 июня 1941 г.?!

Между тем то же самое произошло и с авиацией. Всем хорошо известен жуткий, но не смертельный погром советской авиации непосредственно на земле, который устроили немцы прямо в самом начале агрессии. Не менее известным в

последнее время стал и факт того, что авиация была дислоцирована скученно, да к тому же большей частью непосредственно на приграничных аэродромах. Объяснение прямо-таки лихое: чуть ли не на всех аэродромах сразу начали ремонтно-строительные работы — оттого и скученность. Проще говоря, получается, что-де, пардон и даже миль пардон, но никто не виноват. Ну, свалили дурака, ну, обос-...сь, ну и что?! Ведь у нас же спокон веков нет суда на дураков!

Увы, отнюдь не дураки были виноваты, да еще как виноваты. Что, командование не понимало элементарных вещей? Что, например, в приграничной зоне, тем более в угрожаемый и особо угрожаемый период, недопустимо сосредотачивать большую часть авиации на малом количестве аэродромов, расположенных к тому же в зоне досягаемости артиллерии противника, не говоря уже об авиации противника? Что, они не понимали значение маскировки, что все самолеты стояли как на параде или выставке?! Для того чтобы уразуметь столь простые истины, не надо быть ни генералом, ни офицером, ни даже выпускником какой-нибудь военной академии. Надо иметь просто голову, а, главное, элементарную совесть защитника Родины. Тем более что за период 1939—1941 гг. (до 22 июня) наркомы обороны (Ворошилов и Тимошенко) издали три приказа о маскировке аэродромов и самолетов. И ни один не был выполнен. Хуже того. Апрельско-майская 1941 г. инспекция ВВС, например Западного округа, выявила факт, что подобный злостный бардак по-прежнему продолжается, особенно на аэродромах передового базирования. И опять никто и ухом-то не повел (описание этой инспекции см. в главе о ЗапОВО).

А куда деть часто упоминаемый в донесениях военной контрразведки и самих летчиков факт отсутствия подготовленных запасных площадок, с которых могла бы работать наша авиация и куда она при

необходимости перелетает в случае войны? Нам еще предстоит в этом убедиться.

А ведь, помимо этих фактов, имеется еще, как и в других указанных выше случаях, значительный перечень подобных и иных действий, вынуждающих, увы, ясно предполагать только один преследовавшийся результат — разгром собственных же войск. А, следовательно, и измену, предательство. С этим перечнем еще предстоит подробно ознакомиться.

Краткое предварительное резюме на тему авиационного погрома,

Разве нет оснований усмотреть в этом начальные признаки подставы ВВС западных округов под разгром?! В частности, в виде умышленного сосредоточения большей части их авиации на малом количестве аэродромов, прежде всего в приграничной зоне — зоне непосредственной досягаемости как артиллерией, так и авиацией противника?!

Разве нет оснований усмотреть в этом начальные признаки подставы наземных войск под разгром путем умышленного лишения их указанным выше образом прикрытия с воздуха — за счет умышленной же подставы под разгром своей же авиации, скученно дислоцированной на приграничных аэродромах передового базирования?!

В конце концов, разве нет во всем этом оснований для того, чтобы усмотреть часть начальных признаков предпрешенной неминуемой неизбежности трагедии 22 июня 1941 г.?!

И еще об авиации, что имеет отношение не только к ней. В отечественной исторической литературе давно возобладала точка зрения о том, что между наземными войсками и авиацией не было никакого взаимодействия. Что крайне негативно сказалось, особенно в начальный период войны. Формально все это — истинная правда. Только вот одни исследователи с удовольствием злобствуют на эту тему, другие просто констатируют этот

факт. Однако ни те, ни другие не утруждают себя даже тенью намека на попытку хоть как-то разобраться в этом вопросе. Но как только начинаешь с этим разбираться, то приходишь в оторопь.

В ходе советско-финляндской войны, а также осенних 1940 г. инспекционных проверок было зафиксировано следующее. Ни авиационные командиры не умели организовывать взаимодействие с наземными войсками, ни командиры сухопутных частей не разбирались в возможностях авиации. Естественно, это не позволяло им эффективно применять боевую авиацию (вот оно, одно из «наследств» «гениальных стратегов» типа Тухачевского, Якира, Уборевича — так они готовили армию к отражению агрессии).

Факт-то был установлен. Только вот никаких вытекающих из него мер высшего начальство, в том числе и ВВС, не предприняло. Инициатива пошла снизу. В целях повышения эффективности боевого применения авиации в конце 1940 г. группой командиров ВВС Ленинградского военного округа был разработан интересный документ — проект «**Инструкции по взаимодействию авиации с наземными войсками во время боя**». Инструкция определяла методы организации взаимодействия в наступлении, встречном бою, обороне и при действиях совместно с конно-механизированными группами²⁹⁵.

В тексте Инструкции прямо говорилось, что «**основным условием успеха управления войсками и взаимодействия между общевойсковыми и авиационными соединениями является хорошо налаженная и бесперебойно действующая техническая связь и личное общение командиров соединений**»²⁹⁶. В январе 1941 г. проект инструкции был направлен в Главное управление ВВС РККА, но до начала войны она в строевые части не поступала. Проще говоря, проект был положен под сукно. И даже никак не обсуж-

²⁹⁵ РГВА. Ф. 25888. Оп. 15. Д. 526. Л. 5.

²⁹⁶ РГВА. Ф. 25888. Оп. 15. Д. 526. Л. 8.

дался. Основные последствия отсутствия такого взаимодействия всем хорошо известны. Добавлю только одно. Отсутствие такого взаимодействия привело также и к тому, что в начале войны как наземные войска, так и славные советские соколы весьма часто страдали от так называемого дружественного огня. Проще говоря, и те, и другие частенько лупили по своим²⁹⁷.

Краткое предварительное резюме на тему о взаимодействии авиации и наземных войск.

Разве нет оснований усмотреть в этом начальные признаки специфического саботажа и вредительства?!

**В частности, в форме фактически за-
благовременно организованной умыш-
ленной подставы наземных войск под
разгром в виде умышленного же игно-
рирования более чем уместной инициа-
тивы группы командиров ВВС ЛВО,
разработавших проект «Инструкции по
взаимодействию авиации с наземными
войсками во время боя»?!**

Ведь за отсутствие такого взаимо-
действия РККА столь жестоко поплати-
лась в начальный период войны, что нет
даже слов, чтобы описать это в полном
объеме! Что, высшее руководство ВВС не
понимало, что в современной на тот мо-
мент мобильной и маневренной войне
успех — хоть в обороне, хоть в наступле-
нии или контрнаступлении — напрямую
зависит именно от тесного взаимодей-
ствия всех родов войск, прежде всего от
взаимодействия авиации с наземными
войсками?! Начисто исключено. Все зна-
ли и понимали. Ну, а раз так, то, извините,
никакого иного вывода, кроме вывода об
умышленном саботаже и вредительстве в
виде умышленного же игнорирования от-
личной инициативы, затрагивавшей фак-
тически высшие стратегические вопросы
боеспособности и боеготовности РККА к
отражению агрессии, сделать невозмож-

но. Именно о саботаже и вредительстве,
преследовавших цель умышленной под-
ставы наземных войск под неминуемый
разгром. И именно поэтому нет ни малей-
шего желания проливать даже скупую сле-
зу по поводу трагической судьбы аресто-
ванных и расстрелянных в начале войны
высших командиров ВВС РККА. За дело
их расстреляли, в том числе и за только
что указанное. Кстати, и за приведшую к
трагическим последствиям скудность
авиации на приграничных аэродромах
тоже, ибо еще в мае 1941 г. по итогам спе-
циальной инспекционной проверки лично
Сталин потребовал немедленно ликви-
дировать выявленное безобразие. Ведь та-
кое положение было во всех округах на
западной границе. Увы, обнаглевшим ге-
нералам ВВС и Сталин со справедливым
требованием был не указ. Тогда с какой же
статии сожалеть о трагической судьбе этих
якобы «невинных жертв» сталинизма?!

**В отношении танковых войск в лице
механизированных корпусов была при-
менена иная тактика вредительства и
саботажа. Увы, но то, о чем пойдет речь
ниже, по-другому квалифицировать не-
возможно.**

По официальному плану обороны
им предстояло выбивать вклинившегося
в нашу оборону противника совместно
со стрелковыми дивизиями. Однако ког-
да командиры мехкорпусов вскрыли так
называемые «красные пакеты», то были
изрядно ошарашены. Вместо непосред-
ственного, то есть перпендикулярного
от мест постоянной дислокации движе-
ния в сторону границы для вступления
в бой с противником им было предписа-
но осуществить многосоткилометровые
марши вдоль границы. Хуже того. Непос-
редственно на марше многие командиры
мехкорпусов получали прямо противопо-
ложные предписаниям «красных пакетов»
устные указания от командующих своими
фронтами и, что также имело место быть,
от ближайших командармов перейти в
их подчинение и двигаться совершенно

²⁹⁷ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировоч-
ная. ... Воспоминания Главного маршала авиации.
1941—1945. М., 2008, с. 61.

в ином направлении. Еще хуже того. Не успев расположиться на новом месте, командование мехкорпусов получало указание немедленно передислоцироваться в иное, как правило противоположное, место, опять на сотни километров. В результате гибла техника, бессмысленно изнашиваясь в изнурительных маршах. Бессмысленно растрчивались горюче-смазочные материалы. Более того. Непосредственно на маршах от непрерывных бомбежек мгновенно завоевавшей абсолютное господство в воздухе авиации противника гибли и техника, и люди. В итоге значительная часть советской бронетехники не сыграла фактически никакой серьезной роли, погибла просто не за понюшку табака, а многие танкисты вынуждены были превращаться в пехотинцев и пешком отступать на восток. Наряду с этим подразделения мехкорпусов частенько изымались из-под его командования, дробились и распылялись.

Из спецсообщения Особого отдела НКВД СССР № 39405 от 1 августа 1941 г.: «4-й мехкорпус с первых дней войны использовался командованием 6-й армии как часть прикрытия. В боях с противником корпусом потеряно 27 танков “КВ” и 174 танка Т-34, кроме того, убыло по техническим неисправностям 133 танка указанных марок. Большая часть этих потерь произошла по вине командования 6-й армии, которое перебрасывало части корпуса с места на место на дальние расстояния. Были случаи, когда корпус со своими частями не успевал расположиться на новом рубеже или только подходил к нему, как следовал приказ 6-й армии с новым боевым заданием, вызывавшим новые дальние передвижения... Вследствие частых переходов корпус в целом прошел 800 км (а 32-я танковая дивизия — 1000 километров) и остался совершенно без материальной части. Танки “КВ” и Т-34 бросались на дорогах из-за незначительных неисправностей. Командование 6-й армии

никакой работы по сбору оставленной на дорогах материальной части не проводило. Силами корпуса было подобрано и эвакуировано 73 танка, подорвано и сожжено 98 танков...»²⁹⁸

Из сообщения Особого отдела НКВД СССР также от 1 августа об итогах боевой деятельности бронетанковых частей Юго-Западного фронта: «По сообщению Особого отдела Юго-Западного фронта за истекший период военных действий танковые и мотомеханизированные соединения, находящиеся в распоряжении командования фронтом, понесли большие потери материальной части. Основными причинами больших потерь материальной части являются: <...> 4) Частые изменения районов сосредоточения, следствием чего имели место большие марши, которые привели к сильной изношенности машин до участия их в боях (8-й механизированный корпус перед боем совершил марш около 500 км, потерял за это время до 45 % машин, 56-я дивизия совершила марши около 1000 км, потеряла до 35 % машин...»²⁹⁹

Т^к ведь и корень-то у этих явлений фактически один. Механизированные корпуса по задумке должны были являть собой особо грозную силу, с помощью которой можно было бы выбивать вклинившегося в нашу оборону противника, а также организовать эффективное контрнаступление. Соответственно столь мощные соединения должны были быть в ведении командующих округами. Однако их «сплавили» на милость командующих армиями прикрытия. «Так, в ПриБОВО оба мехкорпуса были приданы армиям прикрытия: 12-й мк — 8-й армии, а 3-й мк — 11-й армии. В ЗапОВО наиболее мощный 6-й мк был назначен в район прикрытия, являвшийся зоной ответственности командования 10-й армии,

²⁹⁸ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 100. Л. 318—319.

²⁹⁹ Там же, л. 315—317.

11-й — подчинен 3-й армии, 14-й — 4-й армии, 13-й мк был предназначен для усиления войск в районе прикрытия 13-й армии, которая еще только формировалась. В руках командующего ЗапОВО Павлова остались два самых слабо укомплектованных мехкорпуса: 17-й и 20-й, имевших, соответственно, всего по 63 и 94 танка. В КОВО наблюдалась аналогичная картина. Непосредственно прикрывавшим границу войскам были переданы: 5-й армии — 22-й мк, 6-й армии — 4-й мк, 26-й армии — 8-й мк, 12-й армии — 16-й мк. В резерве командования КОВО остались 9-й, 19-й, 24-й и 15-й мехкорпуса. Только последний из них был оснащен танками сравнительно неплохо — на 73 %, остальные имели их 22—44 % от штата»³®⁰. Вот командующие армиями в основном и загоняли механизированные корпуса в бессмысленных дальних и сверхдальних переходах до того, что они теряли свою боеспособность. Правда, и командующие округами тоже не отставали в этом неприглядном деле (например, 12-й МК был выведен из оперативного подчинения командарма-8 ПриОВО и подчинен командующему округом). Но ведь «красные пакеты» механизированным корпусам стряпали в Генштабе, причем с подачи штабов округов, и начинали они свои масштабные «туристические» переходы согласно этим указаниям. Короче говоря, получается, что было сделано все, чтобы могучая советская бронированная армада не смогла бы даже количественно сыграть своей позитивной роли в отражении агрессии на ранней ее стадии.

Краткое предварительное резюме на тему механизированных корпусов.

Разве нет оснований усмотреть в этом начальные признаки умышленной подставы стрелковых войск под разгром в виде умышленного лишения

их своевременной поддержки механизированными корпусами, которые осознанно гоняли по дальним маршрутам в никуда?!

Разве нет оснований усмотреть в этом начальные признаки умышленной подставы механизированных корпусов под самоуничтожение и уничтожение противником в процессе бессмысленных переходов на дальние и сверхдальние для техники того времени расстояния, да к тому же под непрерывными бомбежками и артобстрелами противника?!

Разве нет оснований усмотреть во всем этом начальные признаки умышленного ослабления боеспособности наземных войск и фактического способствования врагу в захвате советской территории?!

В конце концов, разве нет во всем этом оснований для того, чтобы усмотреть часть начальных признаков предпринятой неминуемой неизбежности трагедии 22 июня 1941 г.?! Ведь это же происходило во всех приграничных военных округах.

И еще кое-что необычного о танковых войсках, механизированных корпусах, артиллерии и т.п. и их малоизвестной прямой взаимосвязи с трагическими последствиями 22 июня 1941 г.

Из протокола закрытого судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по делу бывших командующего Западным фронтом генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича, начальника штаба ЗФ генерал-майора Климовских Владимира Ефимовича, начальника связи штаба ЗФ генерал-майора Григорьева Андрея Терентьевича и командующего 4-й армией генерал-майора Коробкова Александра Андреевича.

«...Председательствующий (обращаясь к подсудимому, бывшему командующему ЗапОВО-ЗФ Д.Г. Павлову). На

¹⁰⁰ *Попуховский Л.Н., Кавалерчик Б.Н.* Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с. 397

предварительном следствии (л.д. 88, том 1) вы дали такие показания: “Для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10. Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже... Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей”⁹. Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый (Д.Г. Павлов. — А. М). В основном да. Такой план был. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства...»³⁰¹

Обычно показания подследственных и подсудимых тех лет воспринимают как якобы выбитые силой. Мол, бериевские костоломы «вразумили» несчастных пудовыми кулаками и резиновыми дубинками, вот они и наговорили черт знает что. То, что это большей частью вранье, — теперь уже многие понимают. Хотя и отрицать факт применения физического насилия на Лубянке тоже не приходится. Но это имело место в период ежовщины, но не при Берия, к периоду руководства Лубянкой которого и относится данный случай, и который жестко положил конец этой вакханалии ежовского беззакония.

◆**

Справка. В связи с тем, что более подробное освещение этой темы выйдет за рамки настоящего исследования, осмелюсь предложить уважаемым читателям ознакомиться с двухтом-

ником автора «100 мифов о Берия» (М., 2010, Т. 1, с. 239—271). Миф № 26 как раз и посвящен документальному разоблачению клеветы о том, что при Берия была продолжена практика грубого физического насилия над подследственными и подсудимыми.

Кстати говоря, Павлова повторно (почему повторно — см. главу о ЗапОВО) арестовывали сотрудники 3-го Управления (Управление особых отделов) наркомата обороны, а вовсе не НКВД СССР. И предварительное следствие вели также сотрудники 3-го Управления НКО. Лишь после 17 июля, когда произошло объединение НКВД СССР и НКГБ СССР в единый наркомат в лице НКВД СССР под руководством Л.П. Берия, особые отделы вернулись в свою альма-матер — под крыло Лубянки. Соответственно завершение следствия по делу Павлова и иных командиров ЗапОВО-ЗФ осуществлялось уже под руководством Берия.

Что же касается существа рассматривавшегося на суде вопроса, то выдумать такое практически невозможно, ибо общегосударственный мобилизационный план даже в виде проекта — это такой секрет из секретов, такая святая святых военного планирования, что об этом в полном объеме осведомлены всего лишь несколько человек в государстве. Частично с рядом положений проекта мобилизационного плана были знакомы также и командующие округами — в пределах, необходимых для выполнения ими их функций. Так что Павлов знал, что говорил. И подтверждение тому, оказывается, вполне легко найти даже на страницах мемуаров Жукова, в чем чуть ниже убедимся.

В той части, которая нас интересует, дело обстояло следующим образом. Еще в июне 1940 г. было принято решение о формировании механизированных корпусов по 1000 и более танков в каждом. Тогдашний глава Генштаба маршал Б.М. Шапошников досконально знал не только материально-техническую базу РККА,

³⁰¹ Ямпольский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер. 31 июля 1941 года). Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М, 2008, с. 501.

но и прежде всего реальные возможности отечественного ВПК. А потому мудрый Борис Михайлович резонно ограничился на 1940—1941 гг. планом создания всего 9 мехкорпусов³⁰². Худо-бедно, но это было реально. Потому как в то время за весь 1940 п было выпущено 2666 танков всех видов, а на 1941 г. было запланировано производство 4950 танков всех видов³⁰³.

◆**

Комментарий. В литературе фигурирует утверждение, что темп выпуска танков в Советском Союзе тогда составлял 5220 шт. в год³⁰⁴. Жуков же и вовсе утверждал, что 5500³⁰⁹. На самом же деле это не так. Чуть ниже читатели в этом убедятся.

◆*◆

С учетом уже имеющихся в РККА танков, не напрягая и не напрягая промышленность, можно было действительно сформировать полноценные и боеспособные девять механизированных корпусов. Даже с очень завышенной их штатной численностью танков в каждом по 1031 шт.

Однако как только на пост главы Генштаба заступил генерал Жуков и образовался тандем Тимошенко—Жуков, возглавивший «киевскую мафию» в высшем военном руководстве государства, то уже в феврале в ход пошли совершенно неуместные «стахановские темпы». Тандем Тимошенко—Жуков протащил-таки решение о создании еще 21 механизированного корпуса! А затем задним числом поставили Сталина перед фактом наихудшего дефицита техники уже для 30 мехкорпусов³⁰⁶. Задним числом вот почему,

³⁰² Военно-исторический журнал. 1989. №11, с. 15.

¹⁰³ Захаров М. В. Накануне великих испытаний. В книге «Генеральный штаб в предвоенные годы». М., 2005, с. 391.

³⁰⁴ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942. М., 2005, с. 49.

³⁰⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. М., 1990, с. 308.

³⁰⁶ Военно-исторический журнал. 1989. №11, с. 15.

Архивные документы свидетельствуют о следующем. Когда в феврале 1941 г. Сталину доложили, что для укомплектования мехкорпусов не хватает 12,5 тыс. средних и тяжелых танков (по другим данным — 16 тысяч³⁰⁷, по данным Жукова — 16,6 тысяч³⁰⁸), 43 тыс. тракторов, 300 тыс. автомашин³⁰⁹, то он просто не мог поверить в это. Ведь это же означало, что вновь формируемые механизированные корпуса обеспечены материально-технической частью всего на 30 % (кстати, именно о 30-процентной укомплектованности своего мехкорпуса танками и мототранспортом писал и Рокоссовский в своих мемуарах, но цензура все вырезала)!

Сталин же, как известно, отличался особо тщательной проработкой и подготовкой любого вопроса, по которому предстояло принять решение, тем более столь важное. Следовательно, решение о формировании еще 21 мехкорпуса было принято на уровне наркома обороны и его зама, то есть Жукова, так как приказы о создании корпусных управлений издавали они! И только потом они соизволили поставить перед Сталиным вопрос об убийственном дефиците! Причем сделано это было очень хитро. 12 февраля 1941 г. представили на утверждение Сталину якобы новый вариант проекта мобилизационного плана МП-41, который в действительности был разработан предшественником Жукова на посту начальника Генштаба К. А. Мерецковым. Мерецков же в свою очередь практически полностью использовал вариант, составленный Б. М. Шапошниковым. На тот момент еще даже месяц не прошел с момента официального назначения Жукова на пост начальника Генштаба. Проще говоря, отличавшийся ярко выраженной

⁴¹¹ Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с. 392.

¹⁰⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. М., 1990, с. 308.

^{тм} ЦА МО РФ. Ф. 2. Оп. 11569 Д. 300. Л. 17—24. Орлов А. Сталин: в преддверии войны. М., 2003, с. 348.

«органической ненавистью к штабной работе», то есть к необходимости сначала думать и тщательно взвешивать, и только потом выходить к высшему руководству государства с предложениями, Жуков менее чем за месяц «разобрался» с самым сложным и объемным в военном планировании документом. Документом, в котором важна не просто каждая мелочь, а в буквальном смысле слова каждая точка и запятая. Сделали это очень просто. Взяли да и увеличили все цифры. Увы, но новый вариант проекта МП-41, где вместо 9 мехкорпусов, предлагалось создать уже 30, якобы был практически сразу же утвержден Сталиным. Во всяком случае, именно так утверждают. Жуков же в своих мемуарах пытался отнестись к принятию этого решения на март 1941 г. Причем только с одной целью. Чтобы в очередной раз свалить на Сталина ответственность за опоздание, в данном случае с этим решением, что якобы не дало возможности создать мехкорпуса и потому, мол, и трагедия произошла.

Нет сомнения в том, что Сталин и тогда хорошо знал, сколько танков способна выпускать советская оборонная промышленность. Сведения подобного характера он всегда держал в памяти. Но нет сомнения и в том, что Сталин был просто ошарашен, когда ему доложили о гигантском дефиците танков и прочей необходимой для мехкорпусов техники. Естественен вопрос, как же Тимошенко и Жуков смогли убедить его в необходимости подписать МП-41 с такими параметрами, в частности, по мехкорпусам? Установить это сейчас с абсолютной, тем более документальной, точностью невозможно. Увы, время прошло, а главные свидетели давно уже в ином мире. Однако, учитывая, сколько судорожно, крохоборски, а, главное, по-идиотски сколачивались новые мехкорпуса, можно уверенно полагать, что они просто его обманули, пообещав, что на это будут направлены все уже имеющиеся в РККА танковые части. Да и сам Жуков

подтверждает, что они обманули Сталина: «Учитывая количество бронетанковых войск в германской армии, мы с наркомом просили при формировании механизированных корпусов использовать существующие танковые бригады и даже кавалерийские соединения, как наиболее близкие к танковым войскам по своему “маневренному духу”»³¹⁰.

И действительно, так оно и произошло. «На организацию новых соединений были обращены все существовавшие танковые бригады и отдельные танковые полки, пять кавалерийских дивизий, недавно появившиеся моторизованные дивизии стрелковых войск и пулеметно-артиллерийские моторизованные бригады, а также другие соединения. Чтобы хоть как-то укомплектовать многочисленные мехкорпуса, боеспособные танки собирали отовсюду, откуда могли. Из стрелковых дивизий изымались их штатные танковые батальоны»³¹¹.

Проще говоря, как и всегда с любыми реформами в России, был найден самый идиотский, фатально неадекватный, а по сути-то дела — самый смертельный для тех, кому предстояло принять на себя не просто первый натиск вермахта, а удар его бронированных армий, вариант. У стрелковых дивизий отобрали танковые батальоны, и они остались с винтовками против гитлеровских танков. А в самих танковых частях началась такая неразбериха, описать которую никакие литературные выражения не способны. Необходимо переходить на сочный военный мат командного уровня, что, увы, категорически запрещено в книгоиздательском деле. Отметим только, что кончилось все это варварским погромом советских танковых войск в начале войны. К началу контрнаступления под Москвой еле-еле наскребли 774 танков, а ведь были тысячи.

³¹⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. М., 1990, с. 309.

³¹¹ Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с. 392.

Дважды совершенная ошибка привела к трагедии. Дважды, потому как на основании неадекватных реальности выводов по итогам войны в Испании, на которые на-слоились и неверные выводы из кампаний 1939—1940 гг., по предложению командования РККА мехкорпуса были расформированы. Значительная часть танковых соединений была переданы в стрелковые дивизии, образовав в их составе танковые батальоны, часть была трансформирована в танковые бригады, другие же соединения были переданы на укрепление кавалерийских дивизий. Решение, как признают все, было архиневверное. Потом просто спохватились, а когда Жуков возглавил Генштаб, еще и по-идиотски спохватились и размахнулись аж на 30 мехкорпусов! Первоначальная ошибка была усугублена до абсурда — стрелковые дивизии, которым предстояло принять на себя первый удар, лишились своей основной ударной силы. Таким образом, были созданы все необходимые предпосылки для того, чтобы они не удержались в обороне (о прикрытии уж и не говорю). А вновь формируемые механизированные корпуса частично были на бумаге, частично полуукомплектованные, частично и вовсе ничем не укомплектованные, кроме как начальством, которое зачастую снимали с лошадей и заставляли в кратчайшие сроки стать танкистами.

Но Жуков был еще тот хитрован, который ни за что не хотел брать на себя ответственность за любой идиотизм (идиотизм ли?), который был допущен в подготовке РККА к отражению агрессии в период, когда он на пару с Тимошенко рулил советскими войсками на посту начальника Генштаба. В своих пресловутых мемуарах вопрос о формировании уже 30 мехкорпусов он попросту объехал на «хромой козе» и, не подумав, что он пишет, написал следующее: «В 1940 году начинается формирование новых мехкорпусов, танковых и механизированных дивизий. Было создано 9 мехкорпусов. В феврале 1941 года Генштаб

разработал еще более широкий план создания бронетанковых соединений, чем это предусматривалось решениемми правительства в 1940 году»³¹². А кто, собственно говоря, уполномочил Генштаб и Жукова вырядиться в тогу особо ретивого «стахановца»? Не говоря уже о том, что фактически Жуков открытым текстом признал, что он и Тимошенко действовали вопреки решению правительства. Более того. Столь же открытым текстом признал, что они не дурака сваяли (как до них еще и Мерецков), а пошли на прямое введение в заблуждение правительства и Сталина. Во всех изданиях мемуаров Жукова указано, что он (соответственно и Тимошенко тоже) знал, что советская танковая промышленность накануне войны была способна дать в год примерно 5,5 тысяч танков³¹³. Не более того. Если знали, то, как говорится, какого же хрена вылезли с таким идиотским предложением, приведшим в итоге к трагедии?! Как и всегда, у Жукова объяснение простое — «извините, обос...сь»: «Однако мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Для полного укомплектования новых мехкорпусов требовалось 16,6 тысячи танков только новых типов, а всего около 32 тысяч танков. Такого количества машин в течение одного года практически взять было неоткуда, не доставало и технических, командных кадров»³¹⁴.

Вот это начальник Генштаба?! Вот это мемуарист?! Так наглядно показать, что он даже арифметики на уровне ее четырех основных правил не знал, как это сделал Жуков, едва ли кому-либо удастся! **Короче говоря, если не можешь разделить 16600 на 5500 и в результате уразуметь, что только для укомплектования новыми типами танков потребуется три года, то какого же черта лезешь к руководству государства с таким не столько**

³¹² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. М., 1990, с. 309.

³¹³ Там же, с. 308.

³¹⁴ Там же, с. 309.

даже идиотским, сколько преступным предложением?! Да еще и вопреки уже принятому правительством решению! Л ведь этим недоделанным механизированным корпусам ставились задачи как полноценным, полностью укомплектованным всем необходимым соединениям!

К слову сказать, насчет объемов производства танков Жуков наврал. Причем круто. По данным бывшего помощника начальника Генерального штаба, впоследствии Маршала Советского Союза М.В. Захарова, за весь 1940 г. было выпущено 2666 танков всех видов³¹⁵.

На 1941 г. было запланировано производство 4950 танков всех видов³¹⁶. Таким образом, если исходить из объема производства танковой промышленности СССР за 1940 г., то для производства 16600 танков, по Жукову, потребовалось бы ШЕСТЬ С ЛИШНИМ ЛЕТ!!! Если исходить из запланированного на 1941 г. объема производства танков всех видов, то тогда для производства 16600 танков потребовалось бы ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА!!! Не без едкого сарказма М.В. Захаров указал, что даже при таком объеме производства формируемые механизированные корпуса могли быть укомплектованы танками КВ и Т-34 не ранее 1945 г.³¹⁷

После такого признания Жукова волею и неволею придется вернуться к анализу доктрин и еще много чего хотят. Это их священной доктрины Джулио Дуэ. Было в этой доктрине еще и здоровое, по сию пору актуальное зерно общей истины, которое Тухачевский также проигнорировал, а вслед за ним и остальные генералы. В рамки его восприятия подобные истины вообще никоим образом не укладывались. Более того, все свои «теории» и «концепции», в том числе естественно, и пограничных сражений, он выстраивал на принципиальном игнорировании этой истины. Вот она: «Не военному

специалисту устанавливать количество средств, которое страна должна предоставить в распоряжение своих органов обороны, так же, как не электротехнику устанавливать размер капитала электрической компании. Тот и другой должны ограничиться изучением способа использования с максимальной эффективностью того, что будет предоставлено в его распоряжение»³¹⁸.

Вследствие принципиального игнорирования этой истины со стороны Тухачевского постоянно сыпались безумные предложения о десятках и даже сотнях тысяч танков, самолетов, пушек и т.п., чем он так «гениально» прославился. И мало кому известно, что фактически-то именно Тухачевский положил начало безмерно волчьим аппетитам нашего генералитета по части количества вооружений! Да, Богом, кровью и потом предыдущих поколений дарованная нам страна огромная, и несколькими сотнями танков и самолетов действительно не обойдешься, но ведь все же должно иметь предел. Государство не может беспрерывно производить одно только оружие и боеприпасы, тем более в безумных количествах. Как это не странно для генералов, но граждане Ее Величества России хотят и есть, и пить, и одеваться, и жить в приличных условиях, и детей воспитывать в нормальных условиях. Это их священное право.

Однако Тимошенко и Жукова почему-то потянуло именно на стезю «громадья планов» широкомасштабной милитаризации всех и вся. Сначала издали приказы о формировании еще 30 мехкорпусов, а потом, жалобно скуля, ошарашили Сталина фантастически дикой нехваткой техники для них. Нет чтобы хорошо подумать об эффективности использования уже выделенных для западных округов оружия, техники и боеприпасов, в том числе и тех самых 16 тыс. танков.

³¹⁵ Захаров М.В. Накануне великих испытаний. В книге «Генеральный штаб в предвоенные годы». М., 2005, с. 391.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ См.: Дуэ Д. Господство в воздухе: Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М., 1936.

И вот здесь нельзя не указать на одну из самых главных, реально главных ошибок Сталина накануне войны. В какой-то момент он действительно поддался и частично пошел на поводу у генералов, все время требовавших все больше и больше боевой техники, боеприпасов и т.п., вместо того чтобы, во-первых, ограничить их непомерно волчьи аппетиты и потребовать жестко, по-сталински потребовать более эффективного использования уже имеющегося.

Комментарий. Мало кому известно, что, слишком прямолинейно восприняв требование Сталина уничтожать противника в первую очередь артиллерией, наш генералитет за войну израсходовал только снарядов и мин 775 600 000 штук! К «гансовой матери» было отправлено 6 млн германских бандитов. Примерно 18 млн германских бандитов было ранено. То есть всего всего 24 млн теvтонских негодяев получили русский «свинцовый гостинец». В итоге получается вот что. Для того чтобы покалечить или убить одну германскую сволочь, приходилось тратить 32 артиллерийских снаряда! И это не считая авиабомб и огня стрелков. Не говоря уж о том, что гитлеровскую мразь уничтожала в основном все та же матушка-пехота. И все из-за того, что при наличии едва ли не самых лучших в мире артиллерийских систем РККА «благодаря» генералитету практически не обладала достойной такой могучей артиллерии оптикой, дальномерами, радиоразведкой, звуковой и авиаразведкой — она попросту молотила по площадям! Отсюда и такой астрономический расход снарядов и мин.

Во-вторых, что более всего важно. Уступив в какой-то момент требованиям генералов, Сталин буквально заиклился на вопросах оборонного производства. Да, никто не отрицает исключительной важности оборонного производства и особо пристального внимания к нему со стороны руководства государства. Но ведь не настолько же, чтобы в угрожаемый период упустить из виду — к сожалению, именно так оно и было, — основные вопросы стратегии и тактики, в том числе и тактики использования уже имеющихся средств для организации действительно

прочной обороны государства. Уж слишком ответственное это дело — подготовка к отпору агрессии и вообще к войне, чтобы руководствоваться мнением только генералитета и вообще отдавать ему на откуп это дело. Да, его мнение важно и даже очень, но не более того, ибо и при десятках тысяч танков, самолетов, пушек и т.п. легко можно проиграть.

К глубокому сожалению, эту ошибку Сталину пришлось исправлять уже в ходе войны. И если бы не эта, в целом объяснимая, но тем не менее беспрецедентная, заикленность Сталина на вопросах оборонного производства, возможно, он успел бы своевременно разглядеть не только попытку фактически задавить экономикой страны военным производством, но и вовремя противостоять ей. А то ведь получилось, что горы произведенного оружия, техники и боеприпасов в подавляющей своей части пропали даром, в том числе и достались супостатам (мы еще убедимся в этом). А ему, Сталину, пришлось в кратчайшие сроки воссоздавать не только Красную Армию, но и военную промышленность, а, главное, крупномасштабное производство оружия, техники и боеприпасов. Да, опираясь на безграничное доверие советского народа, его фантастический трудовой энтузиазм и желание поскорее уничтожить лютого врага, ему удалось справиться с этой дотоле неведомой историей человечества задачей галактического масштаба. Но ведь какой ценой!

Более того. Он смог бы своевременно увидеть упорно насаждавшуюся дуэтом Тимошенко—Жуков негодную систему обороны, «изящно» именовавшуюся «упорной», или «жесткой обороной», — «систему», в которую оба крутозвездных военачальника «закачали» горы оружия, десятки дивизий и почти 3 млн человек солдат и офицеров собственно группировки РККА, а итог был настолько плачевный, что Россия до сих пор судорожно икает, вспоминая 22 июня 1941 г. Да и не

только Россия, но и почти все страны СНГ, за исключением злобно, по-гитлеровски русофобствующих под натовским зонтиком прибалтов.

В первую очередь он смог бы увидеть парадоксальный феномен реанимации по Тухачевскому идеи фланговых группировок вторжения, но под прикрытием исполнения предписаний официального плана. То есть под видом подготовки к контрнаступлению после сдерживания и отражения первого удара вермахта! Ведь он-то еще в ноябре 1940 г. предписывал войскам создать могучие заслоны вдоль границы, а не на флангах, и уж тем более не в виде системы брешей, едва ли не насквозь просматривавшихся супостатами! Подчеркиваю, могучие заслоны, а не статический фронт в виде дырявой «узкой ленты»!

Увидеть то, о чем впоследствии Жуков скажет: «...никакой равномерной разбросанности вдоль всей нашей границы войск перед вражеским нападением у нас не было, и, конечно, не в этом следует искать причину поражения наших войск в начале войны»³¹⁹.

К глубокому сожалению и прискорбию, Сталин явно не имел шанса увидеть и предотвратить реанимацию этого феномена. Следует также отметить, что на только что указанную ошибку наслочилась еще и другая, не менее важная по своему значению причина. Как уже отмечалось ранее, с 3 февраля 1941 г. военная контрразведка, к глубокому сожалению, была выведена из состава органов госбезопасности и передана в наркомат обороны в качестве его 3-го Управления. Конечно, мотивы такого решения вполне понятны — чтобы военное руководство было лучше осведомлено о положении дел в войсках. Да и определенное доверие Сталина к генералитету явственно проглядывает в таком решении.

На самом же деле минусов оказалось больше, чем плюсов: Сталин лишился

значительной доли информации о реальном состоянии дел в подготовке к отпору агрессии. Ни при каких обстоятельствах военная контрразведка не должна была попадать под контроль самих военных, тем более генералитета, — это слишком опасно, ибо создает ситуацию практически абсолютной бесконтрольности для них. Только после начала войны, с 17 июля 1941 г., военная контрразведка вернулась в «альма-матер», то есть на Лубянку, и к тому же была переподчинена лично Сталину.

Однако порожденная реанимированным по Тухачевскому фланговым характером группировок статического фронта «узкой лентой» в виде системы брешей для немедленного встречно-лобового контрблицкрига и переакцентировкой сил и средств по направлениям, кровавая трагедия была уже в самом разгаре...

Но это еще что. Ни в одном из изданий мемуаров Жукова не указано, сколько же мехкорпусов он на самом деле предложил создать. Хотя по архивам установлено, что 30. Однако, как утверждает одним популярным «демократическим источником», в одном из не вошедших ни в одно издание отрывков якобы собственноручной рукописи его мемуаров, относящейся к 1965 г., указано: «...В результате неправильных выводов из опыта войны в Испании, а также войны в Финляндии, по предложению участников войны, Сталин предложил расформировать механизированные корпуса и иметь вместо корпусов самой высшей единицей танковую бригаду трехбатальонного состава. В этом вопросе основную отрицательную роль сыграли начальник бронетанковых войск Д. Павлов, С.К. Тимошенко, К.А. Мерецков и другие участники этих войн, которые стояли во главе командования советскими войсками. На основе мнений, выявленных на совещании высшего командного состава Красной Армии (декабрь

³¹⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. М., 1990, Т. 2, с. 28.

1940 г.) мною было предложено поправить допущенную ошибку и немедленно приступить к формированию пятнадцати танковых и механизированных корпусов, которые при необходимости можно было свести в танковые армии. К сожалению, переговоры с Политбюро и лично со Сталиным затянулись на целых два месяца, и только в начале марта было принято решение о формировании пятнадцати корпусов, но это решение было принято только за три с половиной месяца до начала войны»³²⁰.

В этой цитате весь Жуков — все болваны недалёковидные, один только он мудрый и прозорливый стратег, наделенный небывалым даром предвидения?! «Не верю!» — громоподобно изрекал в подобных случаях знаменитый К. Станиславский, едва только чувствовал малейшие флюиды фальши. Айв самом-то деле, ну как поверить в этот бред, если Жуков собственноручно расписался в том, что он не мог разделить 16 600 на 5500 и потому не мог и не способен был уразуметь, что для реализации его предложения потребуется три года?! А тут, видите ли, он предвидел необходимость создания танковых армий, да еще и «без особых трудностей»? Кстати, обратите внимание на то, что, по его словам, выходит, что он предлагал сформировать всего 15 механизированных корпусов, которые, видите ли, «при необходимости без особых трудностей можно было бы свести в танковые армии». В хорошей мужской компании в ответ на такое заявление он услышал бы следующее: «Кончай брехать-то!» Прежде всего, потому, что из этих его слов непонятно — 15 мехкорпусов совершенно новых он предложил сформировать или же с учетом ранее согласованных с правительством СССР 9 мехкорпусов. Если последнее, то он предложил сформировать всего шесть мехкорпусов совершенно новых. Если в дополнение к ранее утвержденным

правительством девяти мехкорпусам, то выходит все 24 корпуса. По архивам же выходит, что в дополнение к девяти уже согласованным с правительством МК он предложил создать еще 21 МК. Кого и зачем он обманывал спустя десятилетия после войны — хрен поймешь. Впрочем, одно уж точно понятно — уваливал четырежды брехун Советского Союза от какой-либо ответственности за трагедию 22 июня 1941 г. Уваливал, и все тут.

Однако и это еще не все. Предположим, что Жуков не соврал, и в марте санкция действительно была дана. Но вот в чем все дело. Уже в начале 1941 г. разведывательная информация свидетельствовала о том, что долго тянуть резину с нападением нацистские супостаты не намеревались и, как сообщалось в донесениях разведки, весной уже может произойти нападение. Да, это была не совсем точная информация по состоянию на начало 1941 г. и даже по состоянию на март месяц. Но в тот момент об этом никто не знал. И дело сейчас не в этом. Дело в принципиальной стороне. Если разведка сигнализирует, что, возможно, уже весной текущего года произойдет нападение, то какого же хрена надо было предлагать и настаивать на крупномасштабной реформе танковых войск в виде формирования столь огромного количества механизированных корпусов, да еще и с разделением на две части: первой и второй очереди. К первой очереди относились 19 мехкорпусов, из которых 14 предназначались для западных округов. Так вот, Жуков и Тимошенко столь безумно запланировали это формирование, что даже к началу 1942 г. по их плану, из 19 мехкорпусов первой очереди должны были быть обеспеченными танками всего лишь четыре!³²¹ Пятнадцати же

³²⁰ 1941 год. Документы. Кн. 2 М., 1998, с. 506.

³²¹ Полностью по штату с самого начала оснащались танками только 1-й МК из ЛВО и все три механизированных корпуса и две отдельные дивизии (танковая и моторизованная) на Дальнем Востоке. См. *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Е.Ж.* Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с. 392—393.

мехкорпусам первой же очереди надлежало стать недоделанными пасынками. Три из них к началу 1942 г. должны были получить 92—94 % необходимого количества танков, четыре — 81—89 %, следующие четыре — 72—77 %, следующие два — 65—69 % и последние два — 52—57 % положенного по штату количества танков. Механизированным корпусам сокращенного состава была уготована несколько иная судьба. Шесть МК первой очереди имели бы в таком случае на вооружении всего 10—35 % танков от предусмотренного для их штата. А еще один — всего 1,6 %³²².

И вот ведь что особенно интересно. Этим сильно обделенным высоким вниманием крутолобых и крутозвездных «пасынком» оказался именно тот механизированный корпус, который должен был прикрывать именно Московское направление — 20-й МК из ЗапОВО?!³²³ Вы скажете случайность?! Ну, недосмотрели, недоучли, проглядели крутозвездные и крутолобые, бывает...

А не многовато ли эти крутозвездные и крутолобые недосмотрели, недоучли и проглядели?! Особенно если учесть, что едва ли не абсолютная часть того, что они недосмотрели, недоучли и проглядели, имела прямое отношение к московскому стратегическому направлению, в начале которого на вынесенных далеко на запад подступах начиналось Белорусское направление. Так вот, скажу прямо, не случайность это. Это было сделано умышленно. Поставьте рядом два факта, и вы сразу поймете, почему это не было случайным.

Вопреки всей разведывательной информации и даже элементарной логике, Жуков и Тимошенко ожидали нападения супостатов только с двух направлений — с Северного Восточного (для СССР — Северо-Западного) и с Юго-Восточного (для СССР — Юп>-

Западного). Центральное же направление — Восточное (для СССР — Западное), оно же белорусское, — ими никак не учитывалось. Даже вопреки самой примитивной, доступной даже необразованному уму логике. Раз у нас три основных округа на западной границе, следовательно, и супостаты будут нападать по трем направлениям. Еще раз напоминаю, что супостаты прекрасно знали, что Жуков также прекрасно знал о том, что они будут нападать по трем направлениям.

Хуже того. Едва только образовался этот тандем главарей «киевской мафии» в высшем советском военном командовании, Белорусское направление вообще оказалось на положении едва ли не начисто забытого «пасынка». А ведь прочное прикрытие именно минского направления как центрального в рамках более общего белорусского, по официальному плану было вменено в первоочередные обязанности сразу двух округов — ЗапОВО и ПриОВО. Добавим сюда факт столь крутого обделения 20-го МК танками — того самого корпуса, который должен был в ЗапОВО прикрывать именно Московское направление. Как бы это ни шокировало многих, но во всех этих случаях проглядывается «логика» Тухачевского из его же «Плана поражения»: Белорусское направление — фантастика для планов Гитлера, а коли так, то, следовательно, не стоит и особо заботиться о его прикрытии.

Ну а теперь, положи руку на сердце, попробуйте, уважаемые читатели, уклониться от необходимости признать, что, по меньшей мере, все это не случайность. А чтобы вы не смогли уклониться от необходимости признать это, прошу вспомнить все, что было изложено выше и ранее. Более того. Прошу принять во внимание, что в главах, посвященных анализу ситуаций в конкретных округах, особенно в ЗапОВО, вас ожидают еще более негативные «сюрпризы». Сюрпризы, которые свидетельствуют о том, что случившееся было не только не просто случайностью,

³²² 1941 год. Документы. М., 1998, Кн. 1, с. 676—677.

³²³ Там же.

хотя бы и трагической, а системой мер по подставе войск под неминуемый разгром и поражение в приграничных сражениях.

Ну и чтобы завершить с механизированными корпусами, отметим также следующее. Крутолобые и крутозвездные запланировали передать МК сокращенного состава второй очереди всего 12—30 % штатного количества танков лишь к 1 января 1942 г.³²⁴

Так вот и спрашивается, на кой хрен нужна была такая реформа танковых войск и какую в действительности цель она преследовала?! Ответ был дан Павловым на следствии — «для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10. Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже... Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей». То же самое он подтвердил и на суде. Правда, Павлов, зная, очевидно, что Мерецков тоже сидит, валил ответственность за составление мобилизационного плана на него, полагая, что Жуков оценит его молчание. Увы, не оценил... Павлов был расстрелян.

Устроив эту преступную фантаسمатику с производством бешеного количества танков и идиотскую реформу танковых войск, Жуков и Тимошенко объективно создали все предпосылки для крупномасштабного ослабления мобилизационной готовности, боеспособности и боеготовности соединений этого рода войск, особенно в приграничных военных округах. Потому что не бешеное количество танков было нужно. Необходимо было полностью укомплектовать девять

уже разрешенных правительством мехкорпусов, на что тогдашнего объема производства танков вполне хватило бы, добиться сколачивания их коллективов, дать им время освоить новые танки. А также обеспечить их всем необходимым для успешного ведения боевых действий, особенно боезапасом и топливом, чего, увы, не было сделано, оснастить их также тягачами и автомобилями, чего также не было сделано и что привело к трагическому парадоксу. Большая часть личного состава, например, 9-й мехкорпуса под командованием в скором будущем великого Рокоссовского двое суток пешком топала, чтобы вступить в боевое соприкосновение с врагом! И так ведь было практически повсеместно.

Короче говоря, полноценных мехкорпусов РККА не получила, а стрелковые войска были ослаблены. Чем это кончилось, известно. Отметим лишь одно обстоятельство. Колоссальное количество танков, в том числе и новых типов, прежде всего Т-34 и КВ, попали в руки немцев и, увы, эффективно ими использовались. А ведь по общему количеству танков, в том числе в приграничных округах, СССР превосходил Германию.

Но и это еще не все. «Киевская мафия» в высшем военном руководстве до того распоясалась в своих требованиях бешеного количества танков, что стала требовать строительства трех новых танковых заводов (включая и завод по выпуску танковых двигателей), расширить мощности уже существующих танковых заводов и даже привлечь к выпуску танков другие заводы³²⁵.

И все это вместо того, чтобы уделить внимание куда более насущным проблемам, в том числе и тех же танковых войск. Так что чистую правду сказал на допросе Павлов. Неправду он сказал лишь в одном пункте — когда валил все на Мерецкова, хотя надо было говорить также и о Жукове с Тимошенко.

³²⁴ 1941 год. Документы. М., 1998, Кн. 1, с. 676-677.

³²⁵ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942 гг. М., 2005, с. 50.

В итоге получилось вот что. По официальному плану, МК должны были оказывать помощь стрелковым дивизиям выбивать вклинившегося в нашу оборону противника. Или по меньшей мере уже по факту начавшихся боев использовать в том числе и как подвижные ПТОП (ПТОП — противотанковый опорный пункт). Однако, ринувшись согласно предписаниям из «красных пакетов» во встречное контрнаступление, недоделанные мехкорпуса один за другим погибали в бессмысленных переходах и боях. Ибо в первой линии, как правило, шли легкие танки, которые гитлеровцы лупили, как грецкие орехи, потому как насыщенность их панцердивизий, а также пехотных дивизий противотанковыми средствами, прежде всего противотанковой артиллерией, была исключительной! У нас из стрелковых дивизий забрали именно легкие танки (Т-60, Т-26 и БТ ранних серий). В результате в первых же боях и предшествовавших им бессмысленных переходах мехкорпуса теряли до 90 % боевого состава. А те танкисты, которые не имели танков, бесславно исполняли роль пехоты. Об этом, в частности, писал и Рокоссовский, но цензура — ох уж эта цензура...

◆**

Справка-комментарий. Так, во время очередной и в очередной же раз неподготовленной хотя бы в минимуме контратаки 5-го и 7-го механизированных корпусов (МК) в районе Орши гитлеровцы спалили около 700 легких танков! А потом специально водили колонны попавших в плен красноармейцев мимо этого жуткого кладбища танков, чтобы поиздеваться над пленными — сломить и добить их морально!

**◆

В итоге ни стрелковые дивизии не удержались в обороне, ни мехкорпуса ожидавшегося эффекта не дали. О мехкорпусах нам еще предстоит поговорить. Между тем назначенный по приказу Хрущева с 1956 г. «невинной жертвой сталинизма» командующий ЗапОВО генерал Павлов 28 декабря 1940 г. уверял присут-

ствовавших на совещании высшего командсостава РККА в следующем: «По своим возможностям — по вооружению, живой силе, ударной мощи — танковый корпус превышает огневую мощь двух немецких танковых дивизий и соответствует пяти стрелковым пехотным немецким дивизиям. А раз так, то мы вправе и обязаны возлагать на танковый корпус задачи по уничтожению 1—2 танковых дивизий или 4—5 пехотных дивизий»³²⁶.

Может, оно и было бы так. Только вот не объяснит нам «невинная жертва сталинизма», почему весь его весьма мощный округ-фронт рухнул за четыре с половиной дня, а 80 % вверенных ему танков, то есть около трех тысяч единиц, даже и не участвовали в решении задач уничтожения врага! И почему Минск, который он обязан был тщательно оборонять, гитлеровцы взяли почти в строгом соответствии с разработанным еще в конце 1936 г. графиком агрессии — с 16.00 28 июня они уже хозяйничали в Минске? А ведь как славно брехал-то!

Кстати, брехал он на пару с Мерецковым. А то, что наговорил Кирилл Афанасьевич Мерецков, в весьма ироничном изложении одного из современных авторов выглядит так: «В декабре 1940 г. состоялось совещание высшего командного состава нашей армии, на котором обсуждались проблемы современной войны. Интересна характеристика, данная тогдашним начальником Генерального штаба Мерецковым в его докладе по проекту Полевого устава советским и германским войскам. Он утверждал, что наша дивизия значительно сильнее германской и во встречном бою безусловно разгромит ее. В обороне наша дивизия отразит удар двух-трех дивизий противника. В наступлении полторы наши дивизии преодолеют оборону дивизии противника. По раскладу генерала армии получалось, что у нашей

³²⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59. Л. 1—41. Русский архив. Т. 12. Великая Отечественная. М., 1993, с. 257.

дивизии никак не меньше, чем двойное превосходство над германской»³²⁷. Мерецков говорил о стрелковых дивизиях.

Но если это так, то почему наши стрелковые дивизии едва удерживались на оборонительных позициях несколько часов?! А вот тут уместно было бы вспомнить еще об одном «стахановском подвиге» «организмической ненависти» начальника ГШ Жукова к штабной работе. Впрочем, он этот «подвиг» спял совместно с Тимошенко. Вместо того чтобы доукомплектовать и перевести на штаты военного времени уже имевшиеся в РККА дивизии с лишним дивизий и тем самым повысить их боеспособность, Жуков уже в феврале стал настойчиво убеждать правительство СССР принять его план расширения сухопутных войск еще почти на 100 дивизий!³²⁸ Спор нет. Резерв надо готовить заранее. Но не так, как он это сделал. Ведь разрешение-то он получил, но результатом этого стало относительное ослабление Вооруженных сил СССР, о чем стало известно командованию вермахта³²⁹.

Между тем за десять лет до войны трагически погибший один из столпов советской военной науки Владимир Кирикович Триандафилов в своем известном труде «Характер операций современных армий» указывал: «Существует мнение, что число дивизий в военное время может быть сразу удвоено по сравнению с числом их в мирное время. Мы считаем такой взгляд ошибочным, уже по одному тому, что целый ряд дивизий, расположенных вдоль угрожаемой границы, едва ли может быть отягощен задачами выделения второочередных дивизий, а остальные дивизии не могут выделить более чем еще по одной дивизии; тройное почкование не под силу никакой части с современными кадра-

ми. Такое (тройное) развертывание сильно понизило бы качество войск и поставило бы под большое сомнение их боеспособность»³³⁰.

Впоследствии же со страниц не в меру «объективных» «Воспоминаний и размышлений» Жуков сетовал, что-де численность личного состава наших дивизий, особенно в первом эшелоне, была фактически вдвое ниже, чем гитлеровских. А кто, собственно говоря, мешал-то? Сталин?! Да нет же — он-то как раз и разрешил увеличить численность войск. Тогда, спрашивается, на кой черт новому начальнику Генштаба потребовалось создание не столько новых почти 100 дивизий, сколько почти 100 должностей командиров дивизий, назначать которых он и стал бы, к тому же совместно с Тимошенко?!

Однако наиболее ярко все черты преднамеренной подставы советских войск под разгром проглядываются в части, касающейся матушки-пехоты. Вот тут осмелевшие при виде «мертвого льва» «бравые» охаватели Сталина в попытках свалить всю вину на него начудили в послевоенное время такого, что не приведи господь. Впрочем, а где только они не начудили?! Да и разве только в пост-сталинское время чудили?! Но об этом в главах, посвященных ситуациям в конкретных округах.

В результате всех этих вышепечисленных мероприятий стрелковые дивизии ставились уже даже не в «жесткую оборону» и не в «упорную оборону», а, проще говоря, к стенке — это были заранее приговоренные главарями «киевской мафии» — дуэтом Тимошенко—Жуков — к абсолютно неминуемой гибели смертники! И приговорили их весьма «незамысловато», если не сказать покрепче, например, знаменитым «загибом» Петра Великого!..

³²⁷ Орлов А. С. А был ли шанс? //Отечественная история. 2002, № 1, с 217; Независимое военное обозрение. 2004. № 22.

³²⁸ Военно-исторический журнал. 1989. № 5, с. 73—74.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Триандафилов В. К. Характер операций современных армий. М., 1936, с. 49.

Раздел IV

ДЕТАЛЬНАЯ АНАТОМИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Глава 1

БЛИЦКРИГ ПРЕДАТЕЛЬСТВА: РАЗГРОМ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА — СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Русский солдат создан для побед.
Умей только водить его.

Наполеон

\$ 1, Ответы генералов на первый вопрос Сталина и анализ этих ответов

Анализ ситуации в этом округе начнем с последствий майских директив, в которых «в основу организации обороны» было предписано положить «упорную оборону». Ниже приводятся письменные ответы командиров различных армий и соединений ПриБОВО, которые командовали ими накануне и в начале войны, на вопрос, который был сформулирован Сталиным. Напомню его: «1. Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?»

Для сведения читателей. Наиболее важные аспекты ответов генералов здесь и далее выделены жирным прямым шрифтом, а вызывающие наибольшее не-

доумение или сомнение — жирным курсивом.

I. На интересующий Сталина вопрос, бывшие командиры Прибалтийского особого военного округа ответили так.

Генерал-лейтенант П.П. Собенников (бывший командующий 8-й армией). «Командующим я был назначен в марте 1941-го. Должность обязывала меня, прежде всего, ознакомиться с планом обороны государственной границы с целью места и роли армии в общем плане. Но, к сожалению, ни в Генеральном штабе, ни по прибытии в Ригу в штаб ПриБОВО я не был информирован о наличии такого плана. В документах штаба армии, который располагался в г. Елгаве, я также не нашел никаких указаний по этому вопросу. У меня складывается впечатление, что вряд ли в то время (март 1941 г.) такой план существовал. Лишь 28 мая 1941 года я был вызван с начальником штаба генерал-

майором Г.А. Ларионовым и членом военного совета дивизионным комиссаром С.И. Шабаловым в штаб округа, где командующий войсками генерал-полковник Ф.И. Кузнецов наспех ознакомил нас с планом обороны. Здесь же в этот день я встретил командующих 11-й и 27-й армиями генерал-лейтенанта В.И. Морозова и генерал-майора Н.Э. Берзарина, а также начальников штабов и членов военных советов этих армий.

Командующий войсками округа принимал нас отдельно каждого и, видимо, давал аналогичные указания — срочно ознакомиться с планом обороны, принять и доложить ему решения. Все это проходило в большой спешке и несколько нервной обстановке. План был получен для ознакомления и изучения начальником штаба. Он представлял собой довольно объемистую толстую тетрадь, напечатанную на машинке. Примерно через 1,5—2 часа после получения плана, не успев еще с ним ознакомиться, я был вызван к генерал-полковнику Ф.И. Кузнецову, который принял меня в затемненной комнате и с глазу на глаз продиктовал мое решение. Последнее сводилось к сосредоточению главных усилий на направлении Шяуляй, Таураге (125-я и 90-я стрелковые дивизии) и прикрытии границы от Балтийского моря (м. Паланга) на фронте около 80 км 10-й стрелковой дивизией 11-го стрелкового корпуса. 48-ю стрелковую дивизию предполагалось к началу войны перебросить на левый фланг армии и увеличить фронт обороны левее 125-й стрелковой дивизии (прикрывавшей основное направление Шяуляй, Таураге) до реки Неман у города Юрбаркас (левая граница армии).

12-й механизированный корпус выводился в район севернее Шяуляй во второй эшелон армии, причем право на отдачу ему приказа мне не предоставлялось. Фактически, как потом и подтвердилось, в первые дни войны, корпус находился в подчинении командующе-

го войсками фронта. В похожем на мое положение находился и командующий 11-й армией, который был принят генерал-полковником Кузнецовым первым.

Мои записи, а также начальника штаба были отобраны. Мы получили приказание убыть к месту службы. При этом нам обещали, что указания по составлению плана обороны и наши рабочие тетради будут немедленно высланы в штаб армии. К сожалению, никаких распоряжений и даже своих рабочих тетрадей мы не получили. **Таким образом, план обороны до войск не доводился.** Однако соединения, стоявшие на границе (10-я, 125-я, а с весны 1941-го и 90-я стрелковая дивизии), занимались подготовкой полевых укреплений в районах строившихся укрепленных районов (Тельшайского и Шяуляйского), **были практически ориентированы о своих задачах и участках обороны. Возможные варианты действий проигрывались во время полевых поездок (апрель—май 1941 г.), а также на занятиях с войсками»³³¹.**

**◆

Комментарий. Ответ генерал-лейтенанта П.П. Собенникова любопытен по трем причинам. Во-первых, дата составления ответа генерал-лейтенанта П.П. Собенникова — отсутствует. Едва ли генерал посмел бы так ответить на вопрос, сформулированный Сталиным и поставленный Генеральным штабом. Дату явно специально убрали при публикации, а, быть может, еще и в архиве. Что, кстати говоря, характерно для очень многих ответов опрошенных генералов и офицеров.

Во-вторых, генерал-лейтенант П.П. Собенников прямо признал, что никакого плана обороны государственной границы в его армии не было, и никто его не разрабатывал. Причем не было ни в ГШ, ни в самом штабе армии. Единственное, что он знал на эту тему, так только то, что наспех вычитал 28 мая 1941 г. в штабе округа из толстой тетради. Решение ему продиктовал командующий округом, хотя командарм обязан был сам выработать и принять решение и доложить его командующему. Никаких записей, которые они сделали в своих секретных тетрадях, ни Собенников, ни его начштаба так и не получили*. Как, впрочем, и каких-либо распоряжений на этот

³³¹ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 62—63.

счет. Проще говоря, командующий округом осуществлял весьма жесткую информационную блокаду командующего армией по важнейшему для армии прикрытия вопросу.

В-третьих, разработанного в соответствии с майской директивой для ПриОВО плана обороны государственной границы в армии тоже не было. Представители армии никак не участвовали в разработке окружного плана обороны.

В-четвертых, тем не менее Собенников почему-то указал, что «...соединения, стоявшие на границе (10-я, 125-я, а с весны 1941-го и 90-я стрелковые дивизии), занимались подготовкой полевых укреплений в районах строившихся укрепленных районов (Тельшайского и Шяуляйского), были практически ориентированы о своих задачах и участках обороны».

Трудно сказать, отдавал ли себе отчет генерал-лейтенант П.П. Собенников по меньшей мере в логической несурзнице того, что он написал, или нет. Если он имел в виду новый план, разработанный в соответствии с майской директивой ГШ и НКО, то в таком случае как нижестоящие соединения — дивизии и даже полки — могли быть практически ориентированы о своих задачах и участках обороны, если даже сам командарм ни черта не знал?! Если они что-то и знали, так только по старому плану прикрытия.

Как, если он даже не имел соответствующего плана прикрытия и обороны, но наспех узнал о нем и его содержании только 28 мая?! Ведь разработка планов прикрытия и обороны осуществляется снизу вверх. То есть командарм ставит задачу, командиры корпусов и дивизий дают свои решения. Затем штаб армии обобщает их решения в едином плане прикрытия и обороны государственной границы в полосе компетенции армии. Затем этот документ представляется в штаб округа, где на основании таких документов из всех входящих в округ армий и иных соединений окружного подчинения составляется общий план прикрытия и обороны государственной границы в полосе компетенции округа. Собенников же показал ситуацию не просто планирования сверху вниз, но «планирования» в условиях жесткой информационной блокады командармов и остальных командиров.

Да и о каких возможных вариантах действий, которые проигрывались во время полевых поездок (апрель—май 1941 г.), а также во время занятий с войсками он говорил, если теперь достоверно известно прямо противоположное.

Как уже указывалось ранее, в феврале 1941 г., когда 8-й армией ПриОВО командовал упоминавшийся выше генерал-лейтенант А.А. Тюрин, там проводились командно-штабные учения на тему «Оборонительная операция фронта с последующим переходом в наступление для уничтожения противника при равенстве сил и средств». Это означало, что официальный план

еще действовал, ибо тема этих учений ему соответствовала. Однако уже в марте 1941 г., то есть после смены командармов, во время сбора состава в той же 8-й армии «отрабатывались вопросы организации прорыва укрепленной полосы, ввода в прорыв механизированного корпуса», в апреле — полевая поездка на тему «наступательная армейская операция». Плана прикрытия и обороны нет, зато все готовится к наступательным операциям. Как впоследствии выяснится, в режиме немедленного встречно-лобового контрвторжения/контрблицкрига.

14 мая 1941 г. за № 503920/сс/ов³³² в ПриОВО поступила директива формально сугубо оборонительного характера, которую командование округа должно выполнить и к 30 мая отчитаться перед Генштабом за ее исполнение, то есть представить план обороны, в том числе и противовоздушной. Уже сама эта директива, во-первых, по меньшей мере преступна, потому как разведывательная информация давно свидетельствовала о возможности нападения в ближайшие же недели, а ГШ только-только дал директиву на разработку плана обороны

Дополнительный комментарий. Напомню, что директивой № 503920/сс/ов от 14.05.1941 г. НКО и ГШ о разработке детальных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны командованию ПриОВО предписывалось осуществить это к 30 мая³³³, то есть срок исполнения директивы — 16 дней. Документ был подписан 2 июня, поступил в ГШ на утверждение 12 июня 1941 г.³³⁴

Только за это надо было гнать Жукова в три шеи, если не того суровее поступить с ним. Увы, Сталин действительно был какой-то неисправимый гуманист, который к тому же временно лишил себя полноценной информации военной контрразведки о состоянии дел в вооруженных силах и их подготовке к отпору фашистской агрессии.

Во-вторых, даже при всем демонстративно оборонительном характере этой директивы там содержался, как отмечалось ранее, подпункт 4 второго пункта, в котором говорилось: «При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми, по указанию Главного Командования, нанести стремительные удары для разгрома группировки противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»³³⁵. А этот пункт тем более преступен. Мало того что его содержание едва

³³² ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 227. Л. 33—47.

³³³ Там же.

³³⁴ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 1—35.

³³⁵ ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 227. Л. 33—47.

ли не абсолютная копия того, что в свое время разрабатывал Тухачевский как основу плана поражения. Так еще и потому, что обороняющиеся войска не могут вот так просто ринуться, выражаясь языком кавалеристов, «с места в карьер», то есть хоть в наступление или контрнаступление. Оно должно быть подготовлено соответствующим образом, на что нужно время, силы, средства и особенно — благоприятная для этого обстановка. Соответственно и резервы армий и округов должны быть подтянуты, если планируется наступление (контрнаступление). Это преступление было доведено до своего логического завершения уже в первые часы агрессии, ярчайшим свидетельством чего является известная директива № 2, до катастрофического абсурда усугубленная директивой № 3.

Да и вообще, еще раз обращаю на это внимание, что это за шедевр эпистолярно-стратегического изыска — «обороняющиеся войска»? Если по официальному плану, то у нас иных и не было. Тогда к чему столь демонстративное подчеркивание — «обороняющиеся войска»? А на случай документального оправдания, если чего... Потому что если убрать этот термин — «обороняющиеся войска» — то налицо будет резко бросающийся в глаза факт прямой подмены замысла официального плана обороны на отражения агрессии немедленным встречно-лобовым контрблицкригом. А так не придерешься — «обороняющиеся войска» всего-то должны быть готовыми к возможному приказу Главного Командования.

Однако, как бы там ни было, но директива ГШ есть директива ГШ. Значит, «аллюр три креста» исполнять ее! Как бы не так! Та же 8-я армия того же ПриОВО чем занята — отработкой на штабных учениях «варианта контрудара в тилзитском направлении», о чем также говорилось ранее. И когда?! Чуть ли не в прямом смысле накануне нападения гитлеровской Германии!

Когда же Генштаб с санкции Сталина приказал «в целях повышения боевой готовности» вывести в период с 12 по 15 июня ближе к границе дивизии из глубины приграничных округов³³⁶, в этом округе, мягко выражаясь, начинают происходить странности.

Еще 14 мая 1941 г. получили директиву о разработке планов обороны госграницы и ПВО со сроком исполнения к 20 мая. Но только после санкционированной Сталиным директивы ГШ о выведении дивизий из глубины округов в сторону границы, то есть только с 15 июня, спохватились и наконец-то приказали командирам стрелковых дивизий разработать планы обороны своей полосы и представить их к

³³⁶ ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 261. Л. 20—22.

25 июня!³³⁷ Самое интересное, что это явилось следствием проверки боевой готовности всех соединений и частей, осуществленной специальной комиссией НКО СССР. Она прибыла в округ в ответ на многочисленные просьбы и жалобы командующего. По итогам проверки командующий округом генерал Ф.И. Кузнецов издал приказ № 0052 от 15 июня 1941 г., первый же абзац которого гласил: «Проверка боевой готовности частей округа показала, что некоторые командиры частей до сего времени преступно не уделяют должного внимания обеспечению боевой готовности и не умеют управлять своими подразделениями и частями»³³⁸. Вот уже и первые преступники появились, правда, пока из числа «некоторых командиров». А дальше — так и вовсе интересно. В приказе, в частности, отмечалось плохое знание командирами своих районов боевого использования — это непосредственное опровержение утверждения Собенникова о том, соединения его армии «были практически ориентированы о своих задачах и участках обороны». В связи с этим в приказной части были изложены различные требования, в том числе: «1. Командующему 8-й армии лично с командирами дивизий провести занятие на местности... К 29 июня каждый командир дивизии должен выработать решение на местности, которое командующему армией утвердить...»³³⁹ Но при этом в заключительной части приказа было указано, что требования всех его пунктов должны быть выполнены к 25 июня 1941 г.³⁴⁰ Вот как это понять?! Прежде всего, то, что командиры дивизий не имели готовых решений по использованию отведенных им участков обороны, проще говоря, не имели планов прикрытия и обороны?! И как понять то, что все пункты приказа должны были быть исполнены к 25 июня, а выработку решения по обороне на местности командиры дивизий должны были завершить к 29 июня, после чего командующий армией обязан был их утвердить?! Что за идиотский разнбой?! Это ли не преступление?! Когда же они должны были заниматься этим?! Ведь все пункты приказа должны были быть исполнены к 25 июня, а выработку решений осуществить к 29 июня?! Более того. Как они должны были это делать, если в это же время в округе началось выдвижение дивизий в сторону границы, с 18 июня командиры дивизий уже вполне ясно и четко знали, что в промежутке с 21 по 23 июня произойдет нападение. Впрочем, об этом знало и командова-

³³⁷ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. И. Л. 31—36.

³³⁸ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 19. Кор. 13073. Л. 38.

³³⁹ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 19. Кор. 13073. Л. 38.

³⁴⁰ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 19. Кор. 13073. Л. 38.

ние округа. Как же прикажете все это понимать?! Ведь такой приказ командирам дивизий означает, что заявление генерала Собенникова о том, что дивизии были практически ориентированы о своих задачах и участках обороны, по меньшей мере просто лживое. Ну, так это еще что!

При всем при этом, в то время как командирам стрелковых дивизий было приказано разработать планы обороны отведенных им полос, командование ПриОВО отдает приказ саперным же частям округа о подготовке средств для устройства переправ через реки, особенно через Неман³⁴¹. Но ведь Неман — пограничная река: там гитлеровцы — здесь наши! Выходит, что одной рукой дается приказ на оборону, другой же, причем одновременно, на подготовку к немедленному контрблицкригу по факту нападения! И при всем при этом также приказывается подготовиться к уничтожению всех мостов!³⁴² По приказу командующего округом от 15 июня 1941 г. войска обязали произвести... «заготовку» (дров, что ли?) противотанковых мин перед передним краем с таким расчетом, чтобы по особому приказу минное поле можно было бы установить в течение 3 часов! Ну и кого же объегоривать-то собирались? Ведь это же означает, во-первых, прямое неисполнение директивы ГШ от 14 мая (как бы мы к ней ни относились) — там прямо говорилось о мерах по заблаговременному минированию и созданию противотанковых заграждений (включая и противотанковое минирование).

Во-вторых, в этом округе, как, впрочем, и в других, вопреки всем официально действовавшим документам по обороне Отечества, совершенно однозначно продолжалась, и ведь не без благословения Жукова и Тимошенко, полностью незаконная подготовка к столь же полностью незаконному немедленному встречно-лобовому контрнаступлению в формате контрблицкрига типа а-ля Тухачевский! Иначе эту дурь с «заготовкой» противотанковых мин и трехчасовым сроком их установки расценить просто невозможно! Да и, кстати говоря, что они должны были заготавливать, если ж.-д. эшелоны с минами не прибыли в места назначения до 22 июня и болтались неизвестно где. Зато Военный совет ПриОВО красиво отмазался от неумолимо грядущей ответственности за срыв минирования. И знаете чем? А весьма простым действием. Обратился к начальнику Генерального штаба ускорить отправку в Каунас и Шяуляй запланированные для округа 100 тысяч противотанковых мин, 40 тысяч тонн взрывчатки и 45 тысяч тонн колочей проволоки³⁴³. А что, разве пораньше нельзя было со-

образить, что против любителей блицкрига, на острие которого действуют танковые и мотомеханизированные части вермахта, противотанковые мины (и взрывчатка) одно из лучших средств и что их желательно своевременно иметь под рукой? А то ведь спохватились, когда уже пошло приведение войск в боевую готовность. А если бы вовремя, то на каждый танк и даже на каждую единицу мобильной бронетехники ГА «Север» пришлось бы примерно по 100 противотанковых мин. То есть абсолютное уничтожение острия блицкрига на этом направлении было бы абсолютно гарантировано.

А снимают или вообще не ставят противотанковое заграждение, включая и минирование, только перед какими-то наступательными действиями, то есть в данном случае четко готовились к немедленному встречно-лобовому контрблицкригу по факту нападения. Выйдет — хорошо, не выйдет — авось за три часа заготовленные (как дрова!) мины успеем расставить! Интересно все-таки, как это они собирались за три часа поставить противотанковое минирование, если сами же 15 июня слезно просили начальника ГШ прислать положенные им мины?!

Ну а на случай чего, особенно если придут крепкие и молчаливые мужики из особого отдела, — так вот, бумажка есть, мы все предусмотрели, да вот Генштаб ни хрена не прислал мин, да и солдатики оплошали (у генералов-то ведь только солдатики всегда виноваты!). Да и супостаты шибко резво наступали и не дали, гады окаянные, мины-то поставить, а то бы мы их... у-ух! Только вот это самое «у-ух» не могло получиться — получилось такое «ах», что до сих пор не можем в себя прийти. И хотя формально нижеприводимый пример не относится к 8-й армии, тем не менее это характерный для ПриОВО в целом пример. Когда начальник инженерных войск 11-й армии полковник С.М. Фирсов начал минирование участков государственной границы в ночь с 21 на 22 июня, то ему из округа в 3 часа ночи 22 июня «врезали», как говорится, по «самое не балуй». Гневная телеграмма штаба округа обвиняла его в самовольных действиях (к этому факту мы еще вернемся)?³⁴⁴ А ведь округ уже получил даже директиву № 1 ГШ о приведении войск в боевую готовность.

Вот и попробуйте теперь разобраться в этом «тройственном стандарте “стратегического”» мышления командования округа! Если, конечно, это мышление, а не «мышление» (ударение на первый слог) в духе Богом и Россией проклятой горбачевщины пополам с яковлевщиной, или того хуже. Ну а если по-простому, то, как отмечает уважаемый коллега В. Рунов, «Прибалтийский Особый военный округ накануне Великой Отече-

³⁴¹ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 12—13. Подлинник.

³⁴²Там же.

³⁴³Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945. В 3-х кн. Кн. 1. Первые годы. Рига, 1966, с. 42.

³⁴⁴К этому факту мы еще вернемся.

ственной войны... вел двойную игру. С одной стороны, он готовился к отражению агрессии противника, с другой — тщательно скрывал и даже чем-то тормозил эту подготовку»³⁴⁵. Однако какую цель не преследовала бы эта двойная игра командования ПриОВО, это тяжкое воинское и государственное преступление. И имя этому преступлению — предательство и измена в виде умышленного ослабления и саботирования мобилизационной и боевой готовности войск. В том числе за счет внесения сумятицы в управление войсками отданием в одно и то же время более чем противоречивых приказов. А также за счет срыва обеспечения войск округа необходимыми боеприпасами. Ну, а в целом подобные деяния по законодательству того времени попадали в стальные объятия статьи 58/1 а³⁴⁶ УК РСФСР (статья введена в УК РСФСР в 1934 г.), в которой, в частности, говорится: «Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории... караются...», а также 58/14, в которой говорится об умышленном саботаже во вред государственным интересам.

В свете изложенных фактов о ПриОВО разве можно удивляться тому, что, например, Манштейн всего-то за четыре с лишним дня укатил в глубь советской территории на 300 км. А в целом, менее чем за три недели ликвидировал сопротивление РККА на северо-западном направлении, войска ГА «Север» вермахта оказались вблизи Ленинграда? Именно тогда Сталин и задал Молотову вопрос: «Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке?»

Генерал-лейтенант В.И. Морозов

(бывший командующий 11-й армией). Как известно, в 1940 году были начаты организация и строительство укрепленных районов. Командиры дивизий привлекались к рекогносцировкам тех районов, в которых предполагалось им действовать. Укрепления строились дивизиями в своих полосах обороны. Поэтому командиры полков и батальонов их хорошо знали. Кроме того, на местности со штабами корпусов, дивизий и полков неоднократно проводились занятия. Их тематика и характер вытекали

из проигрываемых вариантов действий на случай войны³⁴⁷.

***♦

Комментарий. Фактически, все, что было изложено в комментарии к ответу генерала Собенникова, можно применить и в данном случае. Тем более что генерал-лейтенант В.И. Морозов попросту подставился — тем, что откровенно улизнул от прямого ответа на прямо же поставленный вопрос. Проще говоря, такой ответ ясно свидетельствует о том, что ни старого плана прикрытия, ни нового плана обороны государственной границы в этой армии не было. Если бы был, то он обязательно указал бы это, хотя бы как факт, что такой план в опечатанном конверте хранился в штабе его армии. Более того. Судя по всему, командующий округом даже наспех его не ознакомил с окружным планом, как это было сделано в отношении Собенникова. Части и соединения вверенной Морозову армии занимались ровно тем, чем занимались и в 8-й армии — под руководством командования округа готовились в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения. А вот в отношении «милого» заявления, что-де «командиры дивизий привлекались к рекогносцировкам тех районов, в которых предполагалось им действовать. Укрепления строились дивизиями в своих полосах обороны. Поэтому командиры полков и батальонов их хорошо знали», следует прямо сказать, что это полная брехня. Вот свидетельство бывшего начальника инженерных войск 11-й армии полковник С.М. Фирсова: «Передние огневые точки... в большинстве случаев находились в непосредственной близости от границы, в пределах десятков и сотен метров от нее (например, по р. Шешуле, служившей границей). Как эти точки, так и расположенные на удалении 1—2 км, полностью просматривались противником... Некоторые из сооружений могли быть использованы в обороне, но они не имели гарнизонов, не было создано полевого усиления рубежей, каких-либо заграждений и препятствий перед ними. Начертание переднего края первой позиции УР непосредственно по границе вызывало сомнение в целесообразности такого решения... Отсутствие предполья позволяло немедленно обрушить всю мощь артиллерийского огня и вслед за этим атаковать их без предварительной необходимости преодолевать полосу препятствий и заграждений»³⁴⁸.

Заявление генерала Морозова именно потому названо брехней, что если сравнить его

³⁴⁷ Военно-исторический журнал. 1989. № 3, с. 63.

³⁴⁸ ЦА МО РФ. Ф. 237. Оп. 278. Д. 142. Л. 261.

³⁴⁵ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 164.

³⁴⁶ Статья введена в УК РСФСР в 1934 г.

«милое» высказывание с тем, что написал его же начальник инженерных войск, то выходит, что действительно прекрасно знали... об особой уязвимости своих позиций, но никто ничего не сделал, чтобы ликвидировать такое положение дел. Не сделал в том числе и сам Морозов, потому что сомнения в целесообразности упомянутых решений начальник инженерных войск высказывал лично командарму. Увы, его никто не слышал и не услышал.

Данные полковника Фирсова подтверждают-ся и ответом генерал-лейтенанта И.П. Шлемина, который перед войной являлся начальником штаба 11-й армии. Отвечая на поставленные вопросы, он в частности, указал: «Несколько слов о выборе рубежа обороны. В 1940 году вдоль границы было начато строительство укрепленных районов. Готовность первой очереди работ в укрепленных районах определялась к концу 1941 года. Во время игры в округе, при выборе рубежа обороны со стороны отдельных лиц (ничего себе «отдельные лица» — ведь речь-то идет о начальнике инженерных войск 11-й армии. — А М.) были предложения о ее выносе (до окончания строительства укрепленных районов) на правый берег реки Неман, так как вдоль границы не было хороших естественных рубежей. Такие предложения, несмотря на их целесообразность и соответствие обстановки, округом не принимались во внимание. Было предложено оборону готовить в непосредственной близости от границы»³⁴⁹.

Эта часть письменного признания генерала Шлемина, во-первых, почему-то не была опубликована в ВИЖ. Но не это главное. Главное в том, что оно на редкость уникально, потому как, во-вторых, там указано, что соответствовавшие обстановке и целесообразные предложения начальника инженерных войск 11-й армии отвергались командованием округа. А вот суть самого главного заключается в том, что, в-третьих, сие есть свидетельство того, что уже в 1940 г. наметилась тенденция, которая впоследствии в директиве N8 503920сс от 14 мая 1941 г. без особых изысков была сформулирована следующим образом: «В основу организации обороны положить упорную оборону создаваемых укрепленных районов и полевых укреплений по линии госграницы с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего их развития». Проще говоря, уже в 1940 г. наметилась и фактически уже утвердилась тенденция к организации жесткой обороны (по Тимошенко-Жукову — упорной обороны) прямо на линии госграницы, из-за чего советские войска и по-

терпели страшное поражение. Ну, а уж если совсем примитивно, то уже в 1940 г. наметилась и фактически утвердилась тенденция к негласной, незаконной и неофициальной подмене принципа организации обороны при нападении Германии — принципа активной обороны и активных действий для сковывания сил противника. Что в свою очередь неизбежно влекло за собой такую же подмену и самого единственного официального плана отражения агрессии, которая и состоялась уже в 1941 г., во времена тандема Тимошенко—Жуков. Наверное, именно поэтому и не была опубликована эта часть ответа генерала Шлемина...

Генерал-лейтенант И.П. Шлемин (бывший начальник штаба 11-й армии). «Такого документа, где бы были изложены задачи 11-й армии, не видел. Весной 1941 года в штабе округа была оперативная игра, где каждый выполнял обязанности согласно занимаемой должности. *Думается, что на этом занятии изучались основные планы обороны госграницы* (между прочим, если строго по архивным данным, то там указано, что вместо слова «думается» написано «надо полагать»³⁵⁰). После него с командирами дивизий и их штабами (5, 33, 28 сд) на местности изучались оборонительные рубежи. Основные требования к их подготовке были доведены до войск. Со штабами дивизий и полков была проведена рекогносцировка местности с целью выбора рубежей обороны и их оборудования. *Думается, что эти решения доводились до подчиненных командиров и штабов.* Они и подготовили своими силами и средствами оборону»³⁵¹.

◆◆◆

Комментарий. Ответ датирован 16 мая 1952 г. Ну и хитрован же генерал-лейтенант И.П. Шлемин! В какие игры все они играли весной 1941 г. — выше уже говорилось. Все готовились в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения. Но более всего любопытно вот что. С одной стороны, Шлемин фактически признал, что плана обороны и прикрытия государ-

³⁵⁰ Там же, с. 205—206, 208.

³⁵¹ Военно-исторический журнал. 1989. № 3, с. 63.

³⁴⁹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 9777441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 475—478. Цит. по: Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 205—206.

ственной фаницы не было, правда, весьма ловко — «не видел» и все тут. Но ведь это же двусмысленный ответ, потому как «не видел» вовсе не тождественно тому, что как такового плана не было, хотя его и в самом-то деле не было в штабе этой армии. Но даже то, что он заявил, что «не видел», уже означает преступление со стороны командования округом. Ибо выходит, что командующий округом даже наспех не ознакомил его и командарма-11 с окружным планом обороны государственной фаницы в части, касающейся их армии. Если бы ознакомил, то Шлемин написал бы примерно так, как это сделал Собенников.

С другой же стороны, генерал Шлемин нес натуральную ахинею. Что значит «думается, что на этом занятии изучались основные планы обороны госграницы»? Это фажданский человек не сможет определить смысл и цель штабной или полевой ифы, но начальнику штаба армии должно быть просто стыдно писать такой бред, недостойный звания генерала и начальника штаба армии. Что же до того, что они там выбрали в качестве рубежей обороны, то упоминавшийся выше начальник инженерных войск 11-й армии полковник С.М. Фирсов более чем ясно показал колоссальную ущербность такого выбора. И уж раз Фирсов обратил их внимание на это обстоятельство, но выводов они не сделали, следовательно, сознательно пошли на такой шаг. А это уже тянет, по меньшей мере, на тяжкое воинское преступление.

И уж совсем неприлично получается, когда генерал пишет, что ущербные решения «думается... доводились до подчиненных командиров и штабов». Короче говоря, я — не я, и корова не моя. Но «думается», что вроде бы и моя... а там хрен ее знает!.. Ну и генерал, не приведи господь!

Генерал-полковник М.С. Шумилов (бывший командир 11-го стрелкового корпуса 8-й армии). «План обороны государственной границы до штаба и меня не был доведен. Корпусу планировалось выполнение отдельных задач по полемому заполнению в новом строящемся укрепленном районе и в полосе предполагаемого предполя. Эти работы к началу войны не были полностью закончены, поэтому, видимо, было принято решение корпусу занять оборону по восточному берегу реки Юра, т.е. на линии строящегося укрепленного района, а в окопах предполя приказывалось оставить только по роте от полка»³⁵².

³⁵² Военно-исторический журнал. 1989. № 3, с. 64.

Комментарий. Ответ не имеет даты. Выглядит более или менее честным, без особых уверток. Главное в этом ответе то, что план обороны до командира СК доведен не был! А сам он не разрабатывал. Исходная вина за это лежит на командующем округом. На командарма-8 Собенникова особенно фешить не приходится, так как и он не имел плана на руках, в чем виновато командование округом.

♦**

Генерал-майор И.И. Фадеев (бывший командир 10-й стрелковой дивизии 11-го стрелкового корпуса 8-й армии). «План обороны государственной границы Литовской ССР я знал в полосе своей дивизии и соседа слева — 125-й. Штабами дивизии и полков были отработаны боевые документы: приказы, распоряжения, карты, схемы и т.д. Части соединения были натренированы в занятии районов обороны и огневых сооружений с мест их дислокации. Стрелковые полки усиливались средствами, имеющимися в моем распоряжении. Основное внимание было сосредоточено на направлении Кретинга, Плунги и вдоль побережья Балтийского моря на Либаву, а также Клайпеда, Ретовас. На них привлекалась и вся артиллерия. Для нее были подготовлены документация и несколько огневых позиций. Хорошо была изучена местность всего участка обороны дивизии, ближайшие подходы для занятия оборонительных позиций и огневых сооружений до командира взвода включительно, оборудованы основные и запасные командные и наблюдательные пункты от штаба дивизии до командиров рот включительно»³⁵³.

Комментарий. Это вообще бессовестная брехня, потому как ответ был подписан 8 апреля 1953 г., то есть через месяц после похорон Сталина. Как же быстро сообразил генерал, по какому ветру надо нос держать?! Если все знали, все имели, все предусмотрели, всех натренирова-

³⁵³ Там же.

ли, все документы сляпали, все карты и схемы нарисовали, всю артиллерию привлекли, то, миль пардон, чего же так лихо обос...сь прямо в самом начале войны?!

Короче говоря, врал генерал Фадеев, отчаянно врал в угоду новым лостсталинским веяниям. Откуда он мог знать план обороны своей дивизии, да еще и соседней дивизии, если плана обороны 8-й армии не имел даже ее командующий генерал Собенников и лишь мельком 28 мая взглянул на него?! Как он мог знать план обороны государственной границы в полосе своей дивизии и соседа слева, если им только 15 июня было приказано разработать планы обороны нарезанных им рубежей обороны?! Где была артиллерия округа — известно. Соответственно, что они там отрабатывали, стряпали в виде документов, карт и схем, кого куда тренировали — все ложь! Ложь в том числе и в том смысле, что не в целях реальной обороны и прикрытия. Мо они это делали, имея в виду немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения. А кончилось это разгромом войск СЗФ.

Можно, конечно, предположить, что Фадеев имел в виду старый план прикрытия. Можно, но не нужно. Потому, что заданный ему вопрос №81 гласил: «был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?» План обороны государственной границы — это тот, план, который был разработан в соответствии с директивой ГШ и НКО от 14 мая. А он, Фадеев, что имел в виду, о чем говорил, если даже Собенников плана обороны 8-й армии не имел и лишь мельком 28 мая взглянул на него?!

§ 2. Обобщенный комментарий к ответам генералов ПриБОВО на первый вопрос

Если подвести краткий итог ответам командиров ПриБОВО на первый вопрос, то, очевидно, не составит особого труда согласиться со следующим:

1. До майской директивы НКО и ГШ полноценной системы организации именно обороны государственной границы в округе не было! Даже в основе! Ранее разрабатывавшийся план прикрытия хотя и близкородственный плану обороны, но все же иной. Вина за это лежит как на командовании округа, так и особенно на НКО и ГШ, то есть на Тимошенко и Жукове. Причем это вина не из тех, что

формулируется для красного словца. Это реальная и очень тяжкая вина.

2. Майская директива окончательно оформила процесс подмены официального плана, его сути и даже заложенного в него принципа обороны. Вместо активной обороны и активных действий по сковыванию сил противника, появилась упорная оборона, она же жесткая оборона прямо на линии границы. Но в итоге разработанные на основе этой директивы новые планы не были доведены до командиров частей и соединений ПриБОВО.

3. Как и в остальных западных приграничных округах, в ПриБОВО царил невообразимо злостный бардак с разработкой планов прикрытия и обороны государственной границы. Злостный бардак, который откровенно вел к резкому снижению мобилизационной и боевой готовности войск к отражению уже неминуемой агрессии.

4. Этот злостный бардак был спровоцирован бурным, инициированным «органической ненавистью к штабной работе» Жукова потоком сырых, не утвержденных окончательно директив, которые войсковые штабы всех уровней не успевали отрабатывать. Причем частые изменения директивных документов привели к тому, что многие из них просто не отрабатывались, в том числе и в ПриБОВО.

5. Вся эта бумажная фантазмагория с разработкой планов прикрытия и обороны, в том числе и в соответствии с майской директивой, преследовала главную цель — елико то возможно скрыть факт уже осуществленной незаконной, негласной, неофициальной подмены официального плана отражения агрессии, включая даже суть его замысла и принцип обороны. Но при этом иметь хоть какие-то бумаги, свидетельствующие об усилиях командования по разработке оборонительных планов.

6. В ряде случаев злостный бардак по важнейшему вопросу откровенно перерастал в саботаж и вредительство. Они

выражались как в преднамеренной информационной блокаде командиров нижестоящих уровней, включая и отстранение их от участия в разработке планов обороны, лишения их возможности путем запретов детально ознакомиться с уже имеющимися планами, так и в умышленно негодном планировании. Кроме того, нередко случаи, когда основному звену сухопутных сил, стрелковым дивизиям, не были нарезаны полосы обороны. Хуже того. Планы обороны, зачастую ориентировочно отведенных им полос, им было приказано разработать в последние дни перед нападением, когда уже началось выдвижение дивизий в сторону границы и шло приведение войск в полную боевую готовность. Это уже не бардак, хотя бы и злостный. Это тяжкое воинское преступление.

7. Вопреки предписанным срокам представления документов, ПриБОВО, как и остальные округа, с колоссальным опозданием, практически в самый канун нападения, да еще и под видом нового плана обороны государственной границы представил «План прикрытия территории Прибалтийского Особого военного округа на период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа». И это при том, что майская директива ГШ предписывала разработать план обороны, а не просто прикрытия. Соответственно ни НКО, ни ГШ документ не рассматривали и не утверждали. Ответственность за это, как, впрочем, и за все остальное, несут персонально Тимошенко и Жуков.

Можно, конечно, посчитать, что тут некая игра слов. Что план прикрытия это и есть план обороны. Что п. 5 IX раздела самой директивы гласит: «5. План прикрытия разработать в двух экземплярах, один экземпляр через начальника Генерального штаба представить на утверждение, второй экземпляр, опечатанный печатью военного совета округа, хранить в личном сейфе начальника штаба округа».

Можно, но не нужно. Прежде всего потому, что формулировки всех пяти во-

просов были согласованы со Сталиным. И его интересовали ответы именно на те вопросы, которые он задал через комиссию Покровского. Далее. Глава той комиссии, что опрашивала генералов, генерал-полковник Покровский, как минимум в сто крат умнее и профессиональнее автора книги в штабных вопросах. И уж если он задал вопрос: «Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?», то, следовательно, отвечать надо было именно о плане обороны государственной границы. Соответственно, и автор книги придерживается такой же точки зрения. Потому что майская директива для ПриБОВО обязывала командование округа разработать именно такой план, а не менять дату на старом плане прикрытия и вновь его представлять в ГШ. Тем более что и представление нового документа в ГШ произошло с опозданием — подписали еще 2 июня, а в ГШ документ попал только 12 июня. Кстати говоря, в этой связи возникает и вопрос о том, что же за идиоты сидели в ГШ, если в начале директивы писали «разработать детальный план обороны государственной границы и противовоздушной обороны», а к концу директивы перешли на термин «план прикрытия»? Или это нарочно было сделано. Тогда интересно было бы знать — а для чего?

Но вот что необходимо особо отметить в отношении представленного 12 июня плана обороны ПриБОВО. В названном «Планом прикрытия территории Прибалтийского Особого военного округа на период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа» поразительно точно были определены наиболее вероятные операционные направления действий войск противника. Фактически это определение чуть ли не дословно совпадало с тем, что Шапошников указал еще в «Сображениях...» от 14 сентября 1940 г. При-

чем совершенно ясно и четко была обрисована угроза поворота удара противника с Северо-Западного направления на Минск, бой, то есть на Белорусское направление. Вот как это было указано в документе: «Наиболее вероятными для противника операционными направлениями будут:

а) Тильзит, Шяуляй, Рига (или Шяуляй, Даугавпилс) с вспомогательным направлением на Мемель (ныне Клайпеда. — А. М), Тельшяй или Мемель, Шяуляй для последующих действий или на Псков — в тыл ЛВО или совместных действий с Каунасской группировкой;

б) Гумбинен, Каунас, Вильнюс с последующим ударом на Минск;

в) Сувалки, Алитус, Лида (или Гродно) для воздействия на правое крыло и тыл Западного фронта;

г) частный удар от Сувалки через Калвария на Каунас»⁵⁵⁴.

Проще говоря, командование округа ясно понимало, что удары в указанных направлениях с поворотом на Минск и для воздействия на правое крыло и тыл ЗапОВО-ЗФ представляют наибольшую опасность. Соответственно необходимо было немедленно ставить перед ГШ вопрос и о срочном изменении дислокации войск ПриОВО и ЗапОВО для надежного прикрытия особенно стыка между ними. Однако командование ПриОВО ничего подобного не сделало. Напротив, оставило на стыке между двумя округами-фронтами наиболее ненадежные части, что и привело к немедленному прорыву противника как к Вильнюсу, так и Минску. А в ГШ тоже никак не отреагировали, получив план прикрытия из ПриОВО. В результате получилось то, что получилось. Ниже мы еще вернемся к этому аспекту.

И в завершение выводов в части, касающейся ответов генералов ПриОВО на первый вопрос, необходимо отметить, что они являют собой:

⁵⁵⁴ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 1—2(1—35).

— потрясающе беспардонное вранье,
— фантастический смысловой разно-

— откровенное увиливание в большинстве случаев от прямого ответа на прямо поставленный вопрос,

— сознательную подмену в ответах сути поставленного вопроса на нечто не-суразное,

— муссирование малозначительных деталей и т.п.

Все это в совокупности свидетельствует об отчаянных, сознательно предпринимавшихся опрошенными командирами усилиях скрыть нечто более важное. Более важное, чем даже уже четко зафиксированный факт незаконной, негласной и неофициальной подмены единственного официального плана отражения агрессии, в том числе сути его замысла и принципа обороны. И это нечто более важное есть суть тайны поражения войск этого округа, которое было осуществлено методом подставы их под разгром. Вскоре читатели сами убедятся в этом.

§ 3. Ответы генералов на второй вопрос Сталина и анализ этих ответов

На интересовавший Сталина второй вопрос, который гласил: «2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?», от командиров ПриОВО были получены следующие ответы:

Генерал-полковник П.П. Полубояров (бывший начальник автобронетанковых войск ПриОВО).

Эвентуальная реплика. А почему, собственно говоря, не был опубликован ответ Полубоярова на первый вопрос? Что, его ответ был слишком неудобен?!

***♦

«16 июня в 23 часа командование 12-го механизированного корпуса получило директиву о приведении соединения в боевую готовность. Командиру корпуса генерал-майору Н.М. Шестопалову сообщили об этом в 23 часа 17 июня по его прибытии из 202-й моторизованной дивизии, где он проводил проверку мобилизационной готовности. 18 июня командир корпуса поднял соединения и части по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано. 16 июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й механизированный корпус (командир генерал-майор танковых войск А.В. Куркин), который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе»³⁵⁵.

Комментарий. Вновь ответ без указания даты, только год указан — 1953-й. Но не в этом суть. Обратите внимание вот на что. Фактически Полубояров ответил и на второй, и на третий вопросы, причем с большим акцентом в сторону ответа именно на третий вопрос. Ну, что же, раз так, то и дальнейший анализ пойдет по этой же стезе.

Приказ о приведении 12-го МК в боевую готовность мог быть отдан только Военным советом и командующим округом. Таковы были порядки в РККА. В свою очередь Военный совет и командование округом могли отдать такой приказ только на основании директивы из НКО и ГШ. А таковая действительно была — 15 июня 1941 г. Таковы были порядки в РККА.

Справка. Правда, привести прямое документальное доказательство поступления в ПриОВО такой директивы в настоящее время не представляется возможным. Потому как нигде и никогда эта директива не была опубликована, даже в «демократических» изданиях. Здесь указана ссылка на приказ о приведении в боевую готовность частей 5-й танковой дивизии этого округа»³⁵⁶. На сегодня это пока единственное документальное доказательство, что в ПриОВО все-таки поступила директива о приведении войск в боевую готовность. И в связи с этим не должен

вызывать сомнение тот факт, что командир 5-й тд издал такой приказ на основании полученного перед этим соответствующего указания от вышестоящего командования. Чуть ниже мы еще вернемся к 5-й тд.

Однако бывший начальник бронетанковых войск округа ни единым намеком даже и не обмолвился насчет того, что же конкретно послужило основанием для такого приказа, и кто конкретно отдал такой приказ. А ведь он входил в высшее руководство округа и, естественно, точно знал данное обстоятельство. Но, увы, не отразил его на бумаге. Но и это еще не самое главное. Самое главное состоит в другом.

Приказ поступил в 12-й МК в 23.0016 июня (это было обусловлено приказом НКО и ГШ от 15 июня 1941 г. — подробно об этом приказе см. ниже). До сведения командира МК генерал-майора Н.М. Шестопалова был доведен лишь через сутки, в 23.00 17 июня. Сам же он поднял соединения и части корпуса по боевой тревоге лишь 18 июня. Выход же частей и соединений в запланированные районы сосредоточения состоялся 19 и 20 июня. Точно так же обстояло дело и с 3-м МК — все произошло в аналогичные же сроки. Если так приводить войска в боевую готовность, то, извините, ничего удивительного в том, что они потерпели поражение. Но как бы мы ни квалифицировали действия командования в этой ситуации, в самой ее сути содержится и принципиально важное для нашего расследования зерно — приказ о приведении в боевую готовность был отдан за шесть дней до нападения! И в этой связи обратите внимание вот на что. Вообще-то судьбами механизированных корпусов распоряжались в основном НКО и ГШ. Следовательно, если в округ пришел приказ Москвы привести эти МК в боевую готовность, а в другие округа аналогичных приказов не поступало, во всяком случае до сих пор документально это неизвестно, то тогда выходит вот что. Приказ об их выдвижении в сторону границы непосредственно противоречил замыслу единственного официального плана отражения агрессии. Ведь согласно этому плану МК должны были совместно со стрелковыми частями выбивать вклинившегося в нашу оборону противника, причем опираясь на противотанковые рубежи, как об этом написал Василевский. Но никак не находиться в первой линии, тем более с задачей «тремя огнем, сверкая блеском стали» нестись за бугор наказывать супостатов. Проще говоря, такой приказ означал введение в действие незаконного, негласного и неофициального «безграмотного сценария» Тимошенко—Жукова, ориентированного на немедленный встречно-лобовой контрблицкриг. В соответствии с тем, что обычно именуют «гениальным планом» якобы от 15 мая 1941 г. Там ведь и предусматривалось, что вспомогательный удар в рамках немедленной по факту нападения

³⁵⁵ Военно-исторический журнал. 1989. № 5, с. 23.

³⁵⁶ ЦА МО РФ. Ф. 9 тп 5 ТД. Оп. 49982 сс. Д. 6. Л. 81—82.

операции вторжения на глубину будет наноситься с плацдарма этого округа.

Генерал-лейтенант П.П. Собенников (бывший командующий 8-й армией). «Утром 18 июня 1941 года я с начальником штаба армии выехал в приграничную полосу для проверки хода оборонительных работ в Шяуляйском укрепленном районе. Близ Шяуляя меня обогнала легковая машина, которая вскоре остановилась. Из неё вышел генерал-полковник Ф.И. Кузнецов (командующий ПриБОВО. — *А.М.*). Я также вылез из машины и подошел к нему. Ф.И. Кузнецов отозвал меня в сторону и взволнованно сообщил, что в Сувалках сосредоточились какие-то немецкие механизированные части. Он приказал мне немедленно вывести соединения на границу, а штаб армии к утру 19 июня разместить на командном пункте в 12 км юго-западнее Шяуляя. Командующий войскам округа решил ехать в Таураге (примерно 25 км от границы. — *А.М.*) и привести там в боевую готовность 11-й стрелковый корпус генерал-майора М.С. Шумилова, а мне велел убыть на правый фланг армии. Начальника штаба армии генерал-майора Г.А. Ларионова мы направили обратно в Елгаву. Он получил задачу вывести штаб на командный пункт. К концу дня были отданы устные распоряжения о сосредоточении войск на границе. Утром 19 июня я лично проверил ход выполнения приказа. Части 10, 90 и 125-й стрелковых дивизий занимали траншеи и дерево-земляные огневые точки (ДЗОТы. — *А.М.*) хотя многие сооружения не были ещё окончательно готовы. Части 12-го механизированного корпуса в ночь на 19 июня выводились в район Шяуляя, одновременно на командный пункт прибыл и штаб армии.

Необходимо заметить, что никаких письменных распоряжений о развертывании соединений никто не получал. Все осуществлялось на основании устного приказа командующего войсками округа. В дальнейшем по телефону

и телеграфу стали поступать противоречивые указания об устройстве засек, минировании и прочем. Понять их было трудно. Они отменялись, снова подтверждались и отменялись. В ночь на 22 июня я лично получил приказ от начальника штаба округа генерал-лейтенанта П.С. Кленова отвести войска от границы. Вообще всюду чувствовались большая нервность, боязнь спровоцировать войну и, как следствие, возникала несогласованность в действиях³⁵⁷.

Комментарий. Опять ответ без указания конкретной даты его составления — указан лишь 1953 г. И здесь обратите внимание вот на что. Собенников также отвечает фактически и на второй, и на третий вопрос, причем с большим акцентом в сторону ответа именно на третий вопрос. Ну, что же, раз так, то и в данном случае дальнейший анализ пойдет по этой же дороге. Самое главное в ответе Собенникова состоит из следующих элементов:

1. Приведение войск в боевую готовность осуществлялось на основании устного приказа командующего округом, никаких письменных распоряжений о развертывании соединений никто не получал. Откровенно говоря, врет Собенников. Кое-какие приказы в письменном виде в округе были изданы (о них см. ниже). Уже в приказе ВС округа от 15 июня 1941 г. говорилось о полной боевой готовности. И в армии самого Собенникова также были изданы некоторые распоряжения, не оставлявшие сомнений в том, для чего этого делается:

«РАСПОРЯЖЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 8-Й АРМИИ
ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННО-ТО ОКРУГА
18 июня 1941 г.

Оперативную группу штаба армии перебросить на КП Бубяй к утру 19 июня. Немедленно готовить место нового КП. Выезд про- извести скрытно, отдельными машинами. нового КП организовать связь с корпусами в течение первой половины дня 19 июня.

Начальник штаба 8-й армии генерал-майор ЛАРИОНОВ»³⁵⁸.

Подобные распоряжения и действия могут иметь место только при объявлении боевой тре-

³⁵⁷ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 23—24.

³⁵⁸ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 34—35.

воги, то есть в случае приведения войск в боевую готовность. Учитывая же, что объявление боевой тревоги абсолютная прерогатива высшего командования, да и то с санкции высшего политического руководства государства, данный факт означает, что такой приказ действительно поступил. Хотя ГШ упорно утверждает, что директивы от 18 июня 1941 г. о приведении войск в боевую готовность в его архиве нет.

Особое удивление вызывает то обстоятельство, что, согласно ответу Собенникова, все происходило как бы походя. Вот встретились на дороге два командующих, один из которых возглавлял округ, ну и отдал распоряжение командарму-8 о немедленном выводе его соединений на границу, а штаб его армии вывести на командный пункт. Ну а если бы не встретились на дороге, тогда что? Попутно же командующий округом решил съездить еще и в 11-й СК его тоже привести в боевую готовность. Тоже ведь как бы походя, как бы заодно, как бы по случаю, как бы до кучи! Так вот, кто-нибудь может пригодными для печати словами охарактеризовать, а также квалифицировать действия командующего округом генерал-полковника Ф.И. Кузнецова?! А заодно и последний предвоенный приказ начальника штаба округа генерала Кленова об отводе частей 8-й армии от границы непосредственно в ночь на 22 июня?! Лично автор не в состоянии сделать подобного. То, что сделали командующий округом и его начальник штаба, четко попадает в стальные объятия Уголовного кодекса того времени, в частности его знаменитой 58-й статьи. Особенно если учесть также и их последующие крайне противоречивые указания. Это не управление войсками, а умышленное ослабление мобилизационной и боевой готовности войск, к тому же в сочетании с саботажем. Тем более если учесть, что именно в это время в ПриОВО приказали командирам стрелковых дивизий разработать планы обороны своей полосы, о чем говорилось выше!

Короче говоря, вновь придется напомнить вывод уважаемого коллеги В. Рунова: «Прибалтийский Особый военный округ накануне Великой Отечественной войны... вел двойную игру. С одной стороны, он готовился к отражению агрессии противника, с другой — тщательно скрывал и даже чем-то тормозил эту подготовку».

Вот эта двойная игра и привела к тому, что войска округа были разгромлены очень быстро, а всего через три недели после нападения враг оказался на подступах к Ленинграду. Так что во все не случайно Кленов был расстрелян в начале войны, в то время как его командующий Кузнецов два месяца бегал по лесам, пока Сталин не отошел от гнева. В дальнейшем карьера Кузнецова покатилась вниз. Кстати говоря, начальник оперативного отдела штаба округа Трухин пере-

бежал к немцам уже 27 июня и впоследствии оказался у предателя Власова в РОА. Вот чем заканчиваются двойные игры.

2. Тем не менее факт остается фактом — так или иначе, но войска все-таки стали приводиться в боевую готовность именно с 18 июня. С того же дня вроде бы их стали сосредотачивать у границы.

3. Но вот что удивительно. Собенников откровенно улизнул от ответа на вопрос И » 2 - «С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?» А ответил фактически и главным образом на вопрос N «3 - «Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?» Но тем самым пригвоздил командование округа к позорному столбу. Прежде всего за неисполнение директивы НКО и ГШ о выведении дивизий из глубины округа в сторону границы в целях повышения боевой готовности. Ведь что получается-то в итоге?

С одной стороны, вроде бы все происходило в соответствии с директивой ГШ от 18 июня о приведении войск первого оперативного эшелона (войск непосредственного прикрытия) Первого стратегического эшелона в боевую готовность. С другой же стороны — с трехдневным опозданием против директивы о выведении дивизий в сторону границы. А это как понимать?! Это что за бардак-то был в округе? Да и бардак ли?! Что, опять надо через призму 58-й статьи Уголовного кодекса воспринимать? Увы, только через нее и придется...

Генерал-лейтенант В.И. Морозов (бывший командующий 11-й армией). «На основании устных распоряжений командующего войсками округа соединения 11-й армии выходили на подготовленный рубеж обороны. Делалось это под видом усовершенствования полевых укреплений. На границе находилось по одному полку от каждой дивизии, усиленному, как правило, артиллерийским дивизионом. В начале июня была произведена замена одних полков другими. В начале июня 1941 года дивизии в своих районах имели развернутые командные

пункты, на которых постоянно дежурили офицеры»³⁵⁹.

***◆

Комментарий. Опять ответ без указания даты — только год указан, 1952-й. Но не это главное. Главное в том, что все, что было указано в комментарии к ответу Собенникова, применимо и в данном случае. Что это за система управления войсками, если выход войск на рубежи обороны в особо угрожаемый период осуществлялся на основании устных распоряжений командующего округом?! Ведь по меньшей мере командующий округом подставлял своих подчиненных в те строгие времена. Не говоря уже об ином. А что и как там было развернуто — читатели вскоре узнают. Да и сам Морозов соврал — ведь кое-какие приказы, не оставлявшие сомнений, для чего все делается, в округе были изданы и не только в округе, но и в самой его 11-й армии, за его же подписью и подписями его начальника штаба и члена Военного совета. Об этом см. в комментарии к ответу И.П. Шлемина и ниже.

Генерал-лейтенант И.П. Шлемин (бывший начальник штаба 11-й армии). «Ни о каком распоряжении о выводе войск на государственную границу не помню. По всей видимости, его не было, так как 28-я и 33-я стрелковые дивизии находились в непосредственной близости от неё, а 5-я — в лагере (в 30—35 км от границы). Во второй половине июня под предлогом выхода в полевой лагерь в районе Ковно (ныне Каунас, Литва. —А. М.) сосредоточилась 23-я стрелковая дивизия из Двинска. В июне, числа 18—20-го, командиры пограничных частей обратились в штаб армии с просьбой оказать им помощь в борьбе с диверсантами, проникающими на территорию Литвы. В связи с этим было принято решение под видом тактических учений дивизиям занять оборону на своих участках и выдать бойцам на руки боеприпасы, которые, однако, командующий войсками округа приказал отобрать и сдать на дивизионные склады. Таким образом, к 20 июня три стрелковые дивизии за*

няли оборону с задачей прочно удерживать занимаемые рубежи в случае нападения противника»³⁶⁰.

Комментарий. Редкий случай, когда ответ датирован — 16 мая 1952 г. Но, конечно же, не это главное, хотя и о многом свидетельствующее. Как-никак, но ответ был дан еще при жизни Сталина. Однако и, во-первых, странно, что Шлемин вообще ни о каком распоряжении о выводе войск на государственную границу не помнил. Ни об устном, ни тем более о письменном распоряжении. Тогда на каком же основании он выводил подчиненные ему части на рубежи обороны? Только на основании просьбы командования пограничных частей?! В таком случае как вообще понять его ответ — ведь то, что он написал, вообще ни в какие ворота не лезет. А ведь врет Шлемин, ибо кое-какие приказы, связанные с приведением войск в боевую готовность в округе, были изданы — о них частично уже говорилось выше. А ниже и вовсе приводится документальное опровержение его утверждения. Во-вторых, Шлемин тем не менее сам себе противоречит. Ведь о решении командарма под видом тактических учений вывести дивизии на их участки обороны стало известно командующему округом, и он согласился с этим решением, раз уж дивизии, по его словам, были выведены. Без санкции командующего округом командарм не рискнул бы действовать подобным образом. Не те времена были, чтобы столь уж вольно заниматься далеко не художественной самодеятельностью.

Дополнительный комментарий. В германских архивах, в частности в фонде разведывательного отдела (ЯН 21—3/437) архива 3-й танковой группы вермахта, которая наступала против 11-й армии, хранится одна из четырех копий приказа командования 11-й армии от 20 июня 1941 г. Супостаты захватили этот документ еще в начале войны. Это совершенно секретный приказ № ООБ/ОП от 20.6.1941 г. по 11-й армии. Подписан командующим 11-й армии генерал-лейтенантом Морозовым, членом Военного совета бригадным комиссаром Зуевым и начальником штаба 11-й армии генерал-майором Шлеминым. Приказ предписывал командирам 128-й сд, 374 сп и гаубичного артиллерийского полка (б/п) к утру 21 июня занять следующие положения для обороны. Далее идут указания участков обороны, которые не цитируются. В качестве задачи гаубичному артполку указано: «Задача в случае наступления противника поддержать батальоны 128-й сд». Вот теперь попробуйте самостоятельно понять Морозова и Шлемина. Ведь сами же 20 июня 1941 г. издали

³⁵⁹ Военноисторический журнал. 1989, № 5, с. 24.

³⁶⁰ Там же.

приказ о занятии 128-й сд, 374 сп и гаубичным артполком оборонительных позиций. А после войны, во время опроса, смотри как память-то отшибло?!

В-третьих, трудно сказать, отдавал ли себе отчет Шлемин, что он написал в последней фразе своего ответа или нет, но он попросту высек себя, как та самая унтер-офицерская вдова. А заодно, хотя и задним число, но вполне заслуженно поставил к стенке и командующего округом. Ну что может означать фраза «таким образом, к 20 июня три стрелковые дивизии заняли оборону с задачей прочно удерживать занимаемые рубежи в случае нападения противника»?!

Как это они заняли оборону с задачей прочно удерживать рубежи в случае нападения противника, если у них по приказу командующего округом отобрали боеприпасы?! Что, словесными уговорами об интернациональном долге германского пролетариата по защите первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян они должны были прочно удерживать рубежи?! Как они на самом деле удерживали рубежи и что произошло с этим «прочным удержанием» ими рубежей обороны — читатели вскоре узнают.

Проще говоря, задом наперед, к тому же чересчур уж эзоповым языком Шлемин показал, почему его армия не удержала рубежи обороны и была разбита. Это еще одно свидетельство той двойной игры, которую вело командование ПриОВО — той самой двойной игры, которая и привела к разгрому войск округа и едва ли не молниеносному прорыву ГА «Север» к Ленинграду. Ну, а если по-простому, то приказ отобрать боеприпасы у выводимых на рубежи обороны дивизий в особо угрожаемый период есть нечто иное, как форменное предательство, четко подпадающее под действие статьи 58/1 а УК РСФСР, в которой, в частности, говорится: «Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории... караются...» Все, что натворил командующий округом и начальник штаба округа, вело к ущербу военной мощи СССР, его государственной независимости и неприкосновенности его территории!

Полковник С.М. Фирсов (бывший начальник инженерных войск 11-й армии). «20 июня начальники отделов и управлений армии были собраны у начальника штаба генерал-майора И.П. Шлемина, который объявил о выходе в ночь на командный пункт. Нас предупредили, что это мероприятие проводится в учебных

целях. Привести инженерные части в боевую готовность не разрешили. Тем не менее, командование не возражало против минирования участков на государственной границе при условии, если я сам буду нести ответственность за эти действия. Начал работу. Однако на следующий день (то есть 21 июня. — А. М.) меня вызвали к начальнику штаба армии, где ознакомили с телеграммой из округа. «Командующий войсками округа, — указывалось в ней, — обращает внимание командующего 11-й армией на самовольные действия начальника инженерных войск армии подполковника Фирсова, выразившегося в снятии с оборонительных работ двух саперных батальонов и в постановке им задачи по проведению минирования на границе. Командующий округом объявляет подполковнику Фирсову выговор и приказывает батальоны вернуть, а работы по минированию не проводить»³⁶¹.

Комментарий. Ответполковника С.М. Фирсова датирован 8 октября 1955 г. Казалось бы, уже сильно подувшие ветры голтелого антисталинизма должны были повлиять на него. Однако полковник оказался устойчив к ним. И написал все, как было. Для начала отметим, что и он оперирует фактами, относящимися к периоду после 18 июня. То есть после получения директивы НКО и ГШ о приведении войск в боевую готовность. Поразительно также, что Фирсов в один ряд поставил два факта — «нас предупредили, что это мероприятие проводится в учебных целях» и «привести инженерные части в боевую готовность не разрешили». Проще говоря, было четко известно и понятно, что была объявлена боевая тревога, хотя и под предлогом «в учебных целях». То, что написал Фирсов, есть очередное свидетельство двойной игры, точнее, предательства командования округа и, увы, даже командования 11-й армии.

Например, с какой стати начальник штаба 11-й армии объявил им, что выход в ночь на командный пункт осуществляется в учебных целях, ведь ни в одной директиве НКО и ГШ этих дней нет упоминаний о мифических «учениях»?! На основании чего начальник штаба запретил при-

³⁶¹ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 24.

водить в боевую готовность инженерные части?! Что значит «командование не возражало против минирования участков на государственной границе при условии, если я сам буду нести ответственность за эти действия»?! Ведь уже 18 и 19 июня были изданы директива и распоряжение штаба округа, которые не оставляли никаких сомнений, в каких целях осуществляются те или иные мероприятия, в том числе и по линии инженерных войск:

**«ДИРЕКТИВА ШТАБА
ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННО-
ГО ОКРУГА**

Выписка из приказа Управления Прибал* тийского особого военного округа № 00229 от 18 июня 1941 г.

С целью быстрейшего приведения в бое- вую готовность театра военных действий округа ПРИКАЗЫВАЮ:

...4. Командующим 8-й и 11-й армиями:

а) определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов, ПТ мин, ВВ и противопехотных заграждений на предмет устройства определенных, предусмотренных планом заграждений. Указанное имущество со- средоточить в организованных складах к 21.6.41;

б) для постановки минных заграждений определить состав команд, откуда их выделять, и план работы их. Все это через начинжов погран- ничных дивизий;

в) приступить к заготовке подручных мате- риалов (плоты, баржи и т.д.) для устройства пере- прав через реки Виляя, Невьяжа, Дубисса. Пункты переправ установить совместно с оперативным отделом штаба округа.

30-й и 4-й понтонные полки подчинить воен- ному совету 11-й армии. Полки иметь в полной готовности для наводки мостов через р. Неман. Рядом учений проверить условия наводки мостов этими полками, добившись минимальных сроков выполнения;

г) командующим войсками 8-й и 11-й ар- мий — с целью разрушения наиболее ответствен- ных мостов в полосе: госграница и тыловая линия Шяуляй, Каунас, р. Неман прорекогносцировать эти мосты, определить для каждого из них коли- чество ВВ, команды подрывников и в ближайших пунктах от них сосредоточить все средства для подрывания. План разрушения мостов утвердить военному совету армии.

Срок выполнения — 21.6.41...

7. Командующим войсками армий и началь- нику АБТВ округа. Создать за счет каждого ав- тобата отдельные взводы цистерн, применив для этой цели установку контейнеров на грузовых машинах, количество создаваемых отдельных взводов — 4. Срок выполнения—23.6.41. Эти от- дельные взводы в количестве подвижного резер- ва держать: Тельшай, Шяуляй, Кейданы, Ионова в распоряжении командующих армиями.

д) Отобрать из числа частей округа (кроме механизированных и авиационных) бензоцистер- ны и передать их по 50 проц. в 3 и 12 мк. Срок выполнения — 21.6.41 г.;

е) Принять все меры обеспечения каждой машины и трактора запасными частями, а через начальника ОСТ принадлежностями для заправ- ки машин (воронки, ведра).

Командующий войсками ПриБОВО генерал- полковник КУЗНЕЦОВ

Член военного совета корпусной комиссар ДИБРОВ

Начальник штаба генерал-лейтенант КЛЁНОВ»*2.

**«ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА ШТАБА ПРИБАЛ-
ТИЙСКОГО ОСОБОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
19 июня 1941 г.**

1. Руководить оборудованием полосы обо- роны. Упор на подготовку позиций на основной полосе УР, работу на которой усилить.

2. В предполье закончить работы. Но пози- ции предполья занимать только в случае наруше- ния противником госграницы. Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье, так и (в) основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть совер- шенно в боевой готовности. В районе позади своих позиций проверить надежность и быстроту связи с погранчастями.

3. Особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники в наших частях, уси- лить контроль боевой готовности. Все делать без шума, твердо, спокойно. Каждому командиру и политработнику трезво понимать обстановку.

4. Минные поля установить по плану ко- мандующего армией там, где и должны стоять по плану оборонительного строительства. Об- ратить внимание на полную секретность для противника и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые и противопе- хотные препятствия создавать по плану команду- ющего армией—тоже по плану оборонительного строительства.

5. Штабам, корпусу и дивизии — на своих КП, которые обеспечить ПТО по решению соответ- ствующего командира.

6. Выдвигающиеся наши части должны вый- ти в свои районы укрытия. Учитывать участив- шиеся случаи перелета госграницы немецкими самолетами.

7. Продолжать настойчиво пополнять части ог- невыми припасами и другими видами снабжения.

Настойчиво сколачивать подразделения на марше и на месте.

Командующий войсками ПриБОВО генерал- полковник КУЗНЕЦОВ

¹⁶² ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 12—13.

Член военного совета корпусной комиссар ДИБРОВ

Начальник штаба генерал-лейтенант КЛЁНОВ»³⁶³.

Удержите, пожалуйста, в памяти содержание этих двух документов и обратите внимание на то, что документы имеют даты их подписания 18—19 июня, но особенно на то, что в абсолютном большинстве случаев срок исполнения — 19—21 июня. Даже единственный выходящий за рамки срок—23 июня—и то все равно подпадает под предупреждение Генштаба о возможном нападении в ближайшее время. Директива Генштаба от 18 июня вроде бы начала действовать...

Вот теперь, ознакомившись с содержанием приведенных выше двух архивных документов, достоверность которых была подтверждена в 2009 г. непосредственно ГШ РФ, попробуйте без эмоций оценить следующее:

1. Согласно ответу Фирсова был установлен запрет на приведение инженерных частей в боевую готовность. Но ведь первый же документ начинается со слов «с целью быстрее приведения в боевую готовность театра военных действий», а подпункт «б» п. 4 этого же документа прямо предписывает «все это через начинжов пограничных дивизий»?! Как это приведение театра военных действий в боевую готовность через начинжов пограничных дивизий можно осуществить без приведения в боевую готовность самих инженерных частей?! Что за бред-то такой?! Да и бред ли?! Вновь приходится напоминать об уже не раз упоминавшемся выводе уважаемого коллеги В. Рунова о двойной игре командования ПриОВО. Особенно если учесть, что, по данным полковника Фирсова, еще в марте в 11-ю армию прибыло 30 саперных и инженерно-саперных батальонов, полностью укомплектованных инженерным имуществом, техникой и переправочными парками. Однако, «не имея возможности оказать какое-либо сопротивление противнику (общая обеспеченность этих частей оружием для личного состава не превышала 20—25 %. — А. М.), все эти части рассыпались в первый же день и понесли очень крупные потери. Все их инженерное имущество, техника и переправочные парки (свыше 12 парков) оставались на местах и стали трофеями противника»³⁶⁴. А ведь собирались-то в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг и, переправляясь через реки, наказывать супостатов там, за бугром! Но в итоге все сдали противнику, потому как не привели эти части в боевую готовность и не дали им оружия! Даже идиотизм с этим немедленным встречно-лобовым контрблицкригом — и то откровенно по-

херили, подставив саперные войска под неминуемый разгром в первые же мгновения войны!

2. Что означает «командование не возражает против минирования участков на государственной границе при условии, если я сам буду нести ответственность за эти действия»?! Это что за бардак-то такой творился в этой армии?! Да и бардак ли?! Как это так, на милость и ответственность начальника инженерных войск армии отдать решение вопроса о минировании государственной границы?! Командование армией что, совсем лишилось разума, что подобное озвучило?! Или оно что, состояло только из законченных подлецов?

Ведь п. 4 второго из процитированных документов уже прямо предписывал установить минные поля: «Минные поля установить по плану командующего армией там, где и должны стоять по плану оборонительного строительства». Не говоря уже о том, что второй, прямо предписывавший начать установку минных полей, документ был издан 19 июня, а совещание в штабе армии состоялось 20 июня. То есть командование 11-й армии знало о втором документе и тем не менее учудило подобное. А потом попросту сдало Фирсова на милость подлеца и негодяя — командующего округом. Ведь он же сам подписал приказ от 19 июня, пункт 4 которого прямо предписывал начать установку минных полей. Ну, и как прикажете оценивать эту далеко не художественную самодетельность командования армии и округа?!

Генерал-полковник М.С. Шумилов (бывший командир 11-го стрелкового корпуса 8-й армии ПриОВО). «Войска корпуса начали занимать оборону по приказу командующего армией с 18 июня. Я отдал приказ только командиру 125-й стрелковой дивизии и корпусным частям. Другие соединения также получили устные распоряжения через офицеров связи армии. Об этом штаб корпуса был извещен. Боеприпасы приказывалось не выдавать. Разрешалось только улучшать инженерное оборудование обороны. Однако 20 июня, осознав надвигающуюся опасность, я распорядился выдать патроны и снаряды в подразделения и начать минирование отдельных направлений.

21 июня в штабе корпуса находился член военного совета округа (корпусной комиссар П.А. Дибров. — А. М.) который

³⁶³ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 34—35.

³⁶⁴ ЦА МО РФ. Ф. 237. Оп. 278. Д. 142. Л. 257—258.

через начальника штаба приказал отобрать боеприпасы. Я запросил штаб армии относительно письменного распоряжения по этому вопросу, но ответа не получил»³⁶⁵.

Комментарий. Опять ответ без даты—указан только год, 1952-й. Впрочем, это не мешает разглядеть главное. А главное состоит в следующем.

1. И Шумилов тоже откровенно улизнул от прямого ответа на вопрос № 2. Весь его ответ есть ответ на вопрос № 9 3. Может ли кто-нибудь разумительно объяснить, чего ради он и все остальные так старательно уходили от ответа на вопрос № 2?! Или просто так опубликовали в ВИЖ?

2. Занятие рубежей обороны корпус начал также с 18 июня. Распоряжения отдавались устно. Но суть самого главного в том, что занятие рубежей обороны начать-то начали, но боеприпасы не выдавали. Кому, спрашивается, нужна такая оборона?! Что, войска выводили под обстрел и уничтожение огнем противника как «пушечное мясо»?! Что за преступная бредятина-то такая творилась в ПриБОВО?! И даже тогда, когда уже и слепому было видно, что с минуты на минуту супостаты нападут, именно член Военного совета округа, корпусной комиссар П.А. Дибров приказал отобрать боеприпасы, выданные более адекватно воспринимавшим реальную обстановку командиром корпуса?! Ну, не подонки ли, не предатели ли этот самый комиссаришко П.А. Дибров?! Ведь он же знал последнюю разведывательную сводку разведывательного отдела штаба ПриБОВО, которая была озаглавлена (не говоря уже о содержании) более чем красноречиво: «Разведанные штаба ПриБОВО о готовности войск группы армий “Север” к нападению на Советский Союз». Сводка была составлена по состоянию на 21 час 20 июня 1941 г., направлена командованию округом и разослана в штабы 8,11 и 27-й армий ПриБОВО в 7 ч. 25 мин. 21 июня³⁶⁶. Предпоследняя (от 18 июня 1941 г.) сводка разведывательного отдела ПриБОВО также имела более чем красноречивое название и содержание — «Донесение о завершении сосредоточения и развертывания войск группы армий “Север” (вскрыто до 90 % штабов армий, 6 корпусов, все дивизии и почти 90 % авиации. Всего 210 военных объектов)»³⁶⁷. А еще в одной разведывательной сводке за 21 июня РО штаба ПриБОВО сообщал, что «среди военнослужащих и гражданского

населения в Восточной Пруссии идут разговоры, что войска, расположенные в Восточной Пруссии, получили приказ занять исходное положение для наступления»³⁶⁶. В этой же сводке указывалось на окончание наводки понтонных мостов через Неман, что в Сувалкском уезде жители выселены вглубь от границы на 5 км, и в Клайпедской области гражданскому населению предложено эвакуироваться вглубь от границы на 20 км³⁶⁹.

Как после таких сообщений разведки округа, особенно после получения и ознакомления с «Разведанными штаба ПриБОВО о готовности войск группы армий “Север” к нападению на Советский Союз», у этого чертова комиссаришки повернулся язык отменить выдачу боеприпасов у соединений, занявших рубежи обороны?! Свой же разведывательный отдел сообщает о готовности супостатов к нападению, а этот негодяй отбирает боеприпасы у выведенных на рубежи обороны войск?! Да и штаб округа тоже хорош — что, тамошние штабные крысы не получили и не читали этого сообщения своего же разведывательного отдела, что поддерживали в чистейшем виде преступный приказ Диброва?! Это ли не измена в чистейшем, рафинированном виде, падающая под действие статьи 58/1 а УК РСФСР, в которой, как отмечалось выше, предусматривался следующий состав особо опасного преступления: «Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории... караются...»?!

Увы, но «естественно», что все то, что затем произошло с войсками этого округа, начиная с раннего утра 22 июня, было закономерным поражением. Да и как ему не быть закономерным после всего, что было указано выше. А то, что еще предстоит узнать — и вовсе может свергнуть в шок.

♦

Генерал-майор И.И. Фадеев (бывший командир 10-й стрелковой дивизии 8-й армии). «19 июня 1941 года было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И.Ф. Николаева о приведении дивизии в боевую готовность. Все части были немедленно выведены в район обороны, заняли ДЗОТы и огневые позиции артиллерии. С рассветом (20 июня. —

³⁶⁵ Военно-исторический журнал. 1989, № 5. С. 24—25.

³⁶⁶ ЦА МО РФ. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6. Л. 131—132.

³⁶⁷ ЦА МО РФ. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6. Л. 90—93.

³⁶⁸ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2467. Д. 39.

Л. 71.

³⁶⁹ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2467. Д. 39. Л. 71.

рот на местности уточнили боевые задачи согласно разработанному плану и довели их до командиров взводов и отделений. В целях сокрытия проводимых на границе мероприятий производились обычные оборонные работы, а часть личного состава маскировалась внутри оборонительных сооружений, находясь в полной боевой готовности»³⁷⁰.

Комментарий. Все правильно, с 8 апреля 1953 г., а именно эта дата стоит на его ответе, то есть через месяц после похорон Сталина, можно было брехать что угодно, даже отпетую ложь! И генерал-майор И.И. Фадеев не удержался, солгал — оказывается, все были в полной боевой готовности, немедленно выбежали на рубежи обороны?! А чего же тогда так обос...сь, когда супостаты напали? Что произошло с этой дивизией — читатели вскоре узнают. Отметим только, что войска, которые действительно, по-настоящему были приведены в полную боевую готовность, устроили супостатам такую «кровавую баню», что ими овладел неопиcуемый ужас и звериный страх перед неминуемым возмездием, от которого они излечились только после нашего Победного 9 мая 1945 г.! Проще говоря, когда их поганой гитлеровской Германии попросту не стало. Но одно в ответе Фадеева все-таки особо существенно для нашего разведывательно-исторического расследования. Как и многие его коллеги, он указал, что приведение войск в боевую готовность и выход на рубежи обороны начался за несколько дней до нападения. В данном случае с 19 июня.

Генерал-майор Г.Н. Шафаренко (перед войной проходил службу в командной должности в 188-й сд 11-й армии). «Три батальона дивизии (по одному от стрелкового полка) и один артиллерийский дивизион находились на границе, остальные — как говорят, «занимались по расписанию...» В соответствии с директивой командующего округом... утром 20 июня командир дивизии Иванов П.И. провел совещание комацдиров частей и приказал им на следующий день провести рекогносцировку участков обороны и принять в свое подчинение находящиеся

³⁷⁰ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 25.

там строительные батальоны. 21 июня командиры полков вместе с небольшими группами офицеров штаба и командирами батальонов занимались рекогносцировкой. В тот же день с оперативной группой офицеров выехал ближе к границе и командир дивизии. Основные силы дивизии по-прежнему оставались в лагерях (45—50 км от границы. — А. М). Туца же после рекогносцировки поздно вечером вернулись и все офицеры частей, командиры полков остались ночевал» на границе... Почти на 40-километровом фронте от Кибарти и южнее до оз. Вишптитиспис по-прежнему оставалась лишь тонкая цепочка трех батальонов»³⁷¹. Мероприятия по приведению частей и соединений в боевую готовность, выход в районы сосредоточения, развертывание узлов связи на полевых командных пунктах и т.п. тот же генерал-майор Г.Н. Шафаренко охарактеризовал следующим образом: «Все это как-то было больше похоже на обычные учения, чем на последние приготовления к войне...»³⁷²

Комментарий. Дата написания неизвестна. Но дело не в этом. Дело в том, что и в его дивизии происходили определенные телодвижения, обусловленные директивой от 18 июня. Только с опозданием на два дня. Шевелиться начали только с 20 июня. Но самое главное состоит в том, что:

— на границе находилась жиденькая цепочка из трех батальонов. Это не оборона — это профанация обороны, не говоря уже о том, что одновременно это и профанация прикрытия границы, если на 40 км всего три батальона.

— Приказ о принятии под свое командование саперных батальонов мог быть получен только из штаба округа. Или по меньшей мере из штаба армии. Сам же такой приказ свидетельствует о том, что была предпринята попытка переложить вину за отказ от приведения саперных батальонов в боевую готовность с командования округа и армии на командиров частей стрелковой дивизии. А это уже не просто подлость, а натуральное предательство.

³⁷¹ Авторская рукопись генерал-майора Г.Н. Шафаренко. Цит. по: *Абатуров В., Морозов М.* Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед. М., 2008, с. 29—30.

³⁷² Там же.

— Всех старательно убеждали в том, что это как будто бы обычные учения. А ведь в округе в это время уже не было ни одного человека, который не знал бы, что вот-вот грянет война, не говоря уже о том, что пограничники непрерывно информировали армейское командование об обстановке по ту сторону границы и о приготовлениях гитлеровцев к нападению.

И в этой связи нельзя не отметить, что Шафаренко то ли забыл, то ли утаил одну важную деталь. В частности, он не указал, что еще 17 июня 1941 г. в 17 часов командир 188-й сд полковник Иванов собрал всех командиров частей и зачитал директиву вышестоящего командования. Директива предупреждала о скором начале войны и требовала в ночь на 20 июня 1941 г. все имущество и боеприпасы погрузить на транспорт, личному составу выдать на руки противогазы (тогда противогаз БСС-МО-2 считался секретным), а подразделения и артиллерию вывести в лагеря и рассредоточить на местности. Все это было выполнено в виде отработки занятия по теме «Батальон в сторожевом отряде»³⁷³.

То есть предупреждения о скором начале войны со стороны вышестоящего командования — похоже, что речь идет о командовании округа, — имели место еще до получения санкционированной Сталиным директивы НКО и ГШ от 18 июня о приведении войск в боевую готовность в связи ожидаемым нападением Германии. Не менее важно и следующее. По воспоминаниям бывшего командира 523-го стрелкового полка 188-й сд 16-го СК 11-й армии И.И. Бурлакина полк начал формироваться только в феврале 1941 г. в Каунасе и к началу войны формирование еще не было закончено. Ни по каким видам вооружения и других видов имущества неприкосновенных запасов не было создано. Не было и мобилизационного плана развертывания. В полку была очень большая кадровая текучесть, так как в связи с формированием новых механизированных корпусов лучший по своим качествам личный состав немедленно откомандировывался в эти соединения. Штабы и подразделения полка не сколочены, люди не изучены³⁷⁴. Учитывая, что 188-я сд состояла из трех стрелковых полков, один из которых был в указанном состоянии, то, следовательно, как минимум на 33 % ее мобилизационная и боевая готовность была ослаблена. Общий же уровень мобилизационной и боевой готовности самой дивизии выше 67 % оценивать нет никаких оснований. Вот в таком состоянии дивизия и была отправлена в летние лагеря в район

станции Козла-Руда (70 км юго-западнее Каунаса). И в таком же состоянии, даже еще хуже, она встретила врага. О том, что с ней произошло, говорится ниже.

§ 4. Обобщенный комментарий к опубликованным ответам командиров ПриОВО на второй вопрос

1. В целом следует сказать, что практически все ответы, за исключением ответа полковника Фирсова, более чем хитрованные. Все, кроме него, откровенно уклонились от прямого ответа на вопрос № 2, что вызывает не столько недоумение, сколько сильное подозрение. Собственно говоря, а почему они так повели себя в части, касающейся ответа на этот вопрос? Что за этим скрывается? Увы, установить сейчас это едва ли возможно. Но одно могу точно сказать. Когда генералы лихо увиливают от прямого ответа на прямо же поставленный вопрос, то это неспроста. Значит, за этим есть что-то явно непотребное, что они хотят скрыть.

2. Зело не в меру хитрым вновь предстает в приведенных ответах командующий округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Директиву НКО и ГШ о выдвижении дивизий из глубины округа начал исполнять с большим опозданием. Только тогда, когда пришла первая директива уже о непосредственном приведении войск в боевую готовность, то есть с 18 июня. Хотя 12-й и 3-й МК почему-то получили приказы о приведении их в боевую готовность ранее, но выполнять стали также с 18 июня. Однако в действительности 3 МК, по воспоминаниям Ротмистрова (см. ниже), был приведен в боевую готовность только 21 июня.

Напрямую приказов о приведении войск округа, особенно первого оперативного эшелона, в боевую готовность не издавалось. Но в то же время «для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье, так и (в) основной оборонительной полосе соответствующ-

³⁷³ Данные цит. по: Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 209.

³⁷⁴ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977445. Д. 66. Кор. 23298. Л. 306—308. Цит. по: Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 209, 215.

щие части должны быть совершенно в боевой готовности», «усилить контроль боевой готовности». Как жаль, что литературная самоцензура не дает возможности использовать все богатство великого и могучего русского языка, чтобы охарактеризовать эту, закончившуюся разгромом округа, двойную игру Кузнецова так, как она этого заслуживает!

Но одно могу сказать точно. Уважаемый коллега В. Рунов очень уж мягко охарактеризовал действия командования округа: «Прибалтийский Особый военный округ накануне Великой Отечественной войны... вел двойную игру. С одной стороны, он готовился к отражению агрессии противника, с другой — тщательно скрывал и даже чем-то тормозил эту подготовку». Это не просто двойная игра. Это непосредственное предательство и измена в целях пассивного открытия фронта врагу якобы по не зависящим от командующего округом причинам.

3. При ознакомлении с ответами мандиров ПриОВО может сложиться впечатление, что командующий этим округом чуть ли не по собственной инициативе устными приказами приводил войска округа в боевую готовность. Однако такое впечатление будет в корне ложным. Командующий округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов формально действовал на основании директив НКО и ГШ, но преследовал совсем иные цели.

Увы, но директива для ПриОВО о выдвижении дивизий из глубины округа официально не предана гласности и не опубликована. Но это, естественно, не означает, что ее не было в природе. Просто «демократическим» публикаторам ряда основополагающих документов кануна и начала войны, которые под руководством известного врага России и СССР пресловутого А.Н. Яковлева составляли авторский коллектив известного труда Международного фонда «Демократия» — «Документы. 1941»

(в 2-х книгах), необходимо было хотя бы из одного из командующих западными приграничными округами слепить образ действовавшего вопреки тирану Сталину. Ну и слепили хрен знает что. Потому что даже эта многоликая банда составителей по определению не могла и в реальности действительно не смогла дотянуться до всех документов. Как говорится, и слава богу. Потому что в результате осталась возможность хотя бы и косвенным путем, но доказать следующее. Командующий ПриОВО генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, при всех вызывающих острейшее подозрение странностях своего поведения в последние дни и часы перед войной, тем не менее действовал, руководствуясь в основном директивами НКО и ГШ.

Несмотря на действительно двойственный и непрерывно вызывающий острейшие подозрения характер действий командующего ПриОВО генерал-полковника Ф.И. Кузнецова по приведению вверенных ему войск в боевую готовность, они тем не менее были инициированы директивой НКО и ГШ о выдвижении дивизий из глубины округа. Эта директива от 13 июня 1941 г. определяла, как и для других округов, получивших аналогичные по содержанию директивы, цель этой передислокации следующим образом — «в целях повышения боевой готовности». Движение войск к линии границы в то время контролировалось чрезвычайно жестко. И просто так сдвинуть войска с места, тем более в сторону границы, ни один из командиров не мог и не рискнул бы. Поразительно, но факт, что то ли в упреждение этой директивы 13 июня 1941 г., то ли в порядке ее исполнения Военным советом ПриОВО в адрес командира 48-й сд (копия командарму-8) была дана телефонограмма, в которой говорилось: «1. 48-ю стрелковую дивизию вывести и расположить на стоянке в лесах южнее и севернее Немакшчай. Точно районы для полков отрекогносцировать и определить в течение 14 и 15 июня.

2. Вывести все части дивизии и взять с собой все запасы, рассчитанные на первый мобилизационный эшелон. 3. На зимних квартирах оставить минимальное количество людей, необходимых для отмобилизования 2-го эшелона дивизии и окарауливания складов с имуществом, оставленного для 2-го мобилизационного эшелона. 4. Выступить в ночь с 16 на 17 июня и перейти в новый район только ночными переходами. Сосредоточение дивизии закончить полностью к исходу 23 июня. 5* Днем располагаться на привалах, тщательно маскируя части и обозы в лесах. 6. План перехода дивизии в новый район и заявку на необходимый автотранспорт представить мне к 1.00 16 июня 1941 года. 7. (Дописан от руки, правда, неизвестно кем). Особое внимание обратить на полную боевую готовность дивизии»³⁷⁵.

14 июня 1941 г. в округе началась также передислокация четырех дивизий и управления 65-го стрелкового корпуса в приграничную зону. Ближе к границе были переброшены четыре корпусных артиллерийских полка и один гаубичный полк РГК, которые должны были сосредоточиться в указанных им районах к 23 июня 1941 г. Заметьте, что эти действия были предприняты до получения директивы из НКО и ГШ, что произошло только 15 июня. Или данная директива НКО и ГШ от 12 июня пришла в ПриБОВО 14 июня?

15 июня 1941 г. Военный совет округа шифрограммой приказал начальнику артиллерийского управления округа генерал-майору Белову «вывести из Рижского лагеря и перевезти к 23 июня в места зимних стоянок» два корпусных артиллерийских полка 8-й армии. Такой же документ получили также командарм-8, заместители начальника штаба округа по организационно-мобилизационной работе

генерал-майор Гусев и генерал-майор Кузнецов. Этой же странной шифрограммой (зачем надо было генералу, который находился непосредственно в штабе, где, как говорится, все под рукой, давать шифрограмму, когда вполне достаточно было просто издать распоряжение Военного совета?!) предписывалось 402-й гаубичный артиллерийский полк большой мощности к 26 июня вывезти и расположить в районе леса станции Ужпелный³⁷⁶.

Кстати говоря, попутно не имею права не обратить внимания вот на что. Вот объясните хотя бы самим себе, на кой хрен из лагеря корпусные артполки надо было вывозить обратно на зимние стоянки, если в связи с резким нарастанием угрозы нападения началось выдвижение войск в сторону границы?! Что этим полкам делать на зимних стоянках?! Дождаться супостатов, чтобы они захватили их «тепленькими» в целости и сохранности прямо на зимних стоянках?! Так, что ли?! И чем вызвана столь диссонирующая с приведенной выше шифрограммой странная «заботливость» в отношении именно 402-го гап большой мощности?!

♦♦4с

Комментарий. В подавляющем ее большинстве гаубичную артиллерию, в том числе и особенно большой мощности, все три округа-фронта «растеряли» едва ли не мгновенно. Проще говоря, бросили — в силу «объективных» причин, созданных преимущественно субъективизмом действий командования всех уровней. Между тем гаубичная артиллерия наиболее опасна для наступающих войск. Потому как с помощью ее навесного огня и большой дальностью можно легко отсечь передовые отряды противника от его же основных сил, и далее размолотить и те и другие. Поразительно, но факт, что новый начальник артиллерии РККА Н.Д. Яковлев, назначенный на этот пост в ночь с 21 на 22 июня, первым делом и с первого же дня войны принялся спасать именно гаубичную и в целом тяжелую артиллерию, о чем впоследствии поведал в своих мемуарах: «Наиболее крупным мероприятием, которым я горжусь и по сей день, явилось принятое по моей рекомендации категорическое распоряжение Ставки об отводе всей артиллерии большой

³⁷⁵ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 19. Кор. 13073. Л. 24—25. Цит. по: Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 156—157.

³⁷⁶ Там же.

и особой мощности в тыл. Причем отвода немедленного, без ссылок на тяжелейшую обстановку»³⁷⁷. Сейчас уже не установить, как это он так быстро сообразил, что нужно спасать в первую очередь. Ведь в должность он вступил, подчеркиваю, в ночь на 22 июня. Зная это, только и остается, что сделать один-единственный вывод. И гаубичную артиллерию тоже подставляли для того, чтобы всенепременно попала бы в руки супостатов. И он, очевидно, прочухал это, будучи еще начальником артиллерии в Киевском округе. Оно, кстати говоря, так и получилось. Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев отчаянно соврал, указав, что «...сохранили эту артиллерию. Все орудия 203 и 280-мм, а также 152-мм дальнобойные пушки (потеряны были всего лишь единицы) вместе с кадровым составом вовремя оказались в глубоком тылу, где их расчеты продолжили занятия по боевой подготовке»³⁷⁸.

Между тем за летне-осеннюю кампанию 1941 г. по различным причинам были потеряны не «всего лишь единицы», а тысячи единиц орудий тяжелой артиллерии: 122-мм гаубиц — 4937 ед., 152-мм гаубиц и гаубиц-пушек — 3719, 203-мм гаубиц — 75, 152- и 305-мм орудия большой и особой мощности — 9 ед. и т.д. Из имевшихся в западных округах 10924 орудий только крупных калибров было потеряно почти половина — 5000 единиц! А в целом потери орудий 107-, 122-, 152- и 305-мм различных образцов и вариаций, как полевой и дивизионной артиллерии, составили 9937 единиц!³⁷⁹ Это что, «всего лишь единицы»?! В дневнике Гальдера предостаточно примеров, свидетельствующих о захвате супостатами огромного количества советской гаубичной артиллерии, а также орудий большой и особой мощности. Зачем маршал так врал — попробуй разберись?!

Но как бы там ни было, при всех вызывающих острейшие подозрения странностях, движение войск в Прибово в сторону границы было инициировано директивой НКО и ГШ от 15 июня 1941 г. И хотя она до сих пор не опубликована как директива непосредственно для командо-

вания Прибово, тем не менее полагаю, что и приведенных выше доказательств ее существования достаточно. Несмотря даже на то, что формально они больше похожи на косвенные доказательства. Правда, чуть ниже еще раз приводится одно доказательство непосредственного наличия такой директивы, которое фактически трансформируется в прямое доказательство.

В связи с тем, что практически все опрошенные командиры Прибово оперируют датой «18 июня» (и последующими датами тоже), с которой они начали приведение в боевую готовность и выдвижение войск на рубежи обороны, есть резон еще раз подчеркнуть следующее.

Во-первых, сам по себе этот факт означает хотя и достаточно косвенное, но тем не менее очень существенное подтверждение, что санкционированная Сталиным директива НКО и ГШ от 18 июня 1941 г. о приведении войск в боевую готовность действительно имела место быть. Куда ее потом запрятали или же зачем уничтожили после войны, точнее, после убийства Сталина и Берия, остается лишь гадать. Хотя в принципе можно этого и не делать. И так понятно, вследствие чего она исчезла из архивов и вообще из поля зрения...

Зато остались воспоминания рядовых бойцов Прибово. Так, красноармеец 47-го корпусного артиллерийского полка М.И. Новичихин впоследствии вспоминал: «18 июня 1941 года, в 12 часов, на полигон прибыл оперативный дежурный по лагерям и объявил боевую тревогу. Всем частям было приказано срочно явиться в места летней дислокации. По прибытию в летний лагерь... объявили, что в ближайшие дни, а то и часы начнется война... На железнодорожную станцию Лиласте подали составы порожняки для погрузки техники и людей... Все было погружено в четырнадцать эшелонов. Эшелоны шли без маскировки по направлению к границе с Восточной Прус-

³⁷⁷ Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1981, с. 93—94.

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ Цифры цит. по: Широкопад Л.Б. Артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 2010, с. 547—548, со ссылкой на архив Генерального штаба. Оп. 2222сс. Д. 013—1946 г. Л. 17—34. Архив МО СССР. Ф. 81. Оп. 12076. Д. 5. Л. 3—5. Ф. 81. Оп. 12074. Д. 34. Л. 129—134.

сией. Утром 21 июня полк выгрузился и двинулся к границе»³⁸⁰.

Во-вторых, еще раз прошу обратить внимание на даты подписания приведенных выше документов ПриБОВО, но особенно на сроки исполнения приказаний ряда пунктов. Документы имеют даты их подписания 18 и 19 июня, а в абсолютном большинстве случаев срок исполнения приказаний — 19—21 июня. Даже единственный выходящий за рамки срок — 23 июня — и то все равно подпадает под предупреждение Генштаба о возможном нападении в ближайшее время. Это к тому, что, судя по всему, в санкционированной Сталиным директиве НКО и ГШ от 18 июня 1941 г. о приведении войск (первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона) в боевую готовность явно фигурировала, по меньшей мере ориентировочно, и дата нападения — приблизительно 22—23 июня.

В этой связи уместно было бы привести отрывок из воспоминаний о генерале И.Д. Черняховском гвардии подполковника Василия Евдокимовича Челомбитко, начальника 7-го отдела Военной ордена Ленина Академии бронетанковых и механизированных войск Советской армии имени И.В. Сталина: «...До февраля месяца 1941 г. я работал комиссаром (замполитом) отдельного танкового батальона [27-й] танковой бригады, которая стояла тогда в Риге. Батальон стоял в 40 км от Риги, в г. Митаве Латвийской ССР. В конце февраля 1941 г. 22 июня по 1 августа 1941 г. наш батальон перевели в Ригу и включили в состав [28-й] танковой дивизии, командиром которой был назначен подполковник Черняховский Иван Данилович...

... Последняя командирская учеба была 12—15 июня 1941 г. После трех дней занятий Черняховский собрал совещание и объявил о выходе дивизии на учение, велел подготовить часть к выступлению и ждать приказа дополнительно. Обстановка в эти дни была уже напряжен-

ной, поэтому после совещания мы окружили комдива и стали расспрашивать его, не придется ли нам скоро воевать. “Может, воевать будем? — спросил я у Черняховского. — Тогда надо собраться в поход основательно”. “Я этого не знаю, — ответил Черняховский, — но если возьмете лишний груз, пригодится для тренировки полка. Да и вообще, “в хозяйстве и нитка пригодится”, как говорит пословица”.

Приехали в полк и вскоре получили приказ: 18—19 июня выступить на учение. Маршрут: через населенные пункты Литовской ССР. Дивизия выступила. На марше Черняховского я не видел, так как наш полк шел отдельной колонной. 22 июня наш полк остановился на отдых в лесу. Вдруг видим, летят самолеты, командир объявил учебную тревогу, но неожиданно самолеты начали нас бомбить. Мы поняли, что началась война. Здесь же, в лесу, в 12 ч. дня выслушали речь т. Молотова по радио и в этот же день в полдень получили первый боевой приказ Черняховского о выступлении дивизии вперед, по направлению к Шяуляю. 24 июня наш полк вступил в первый бой с танками противника... »³⁸¹

Как видим, в воспоминаниях Челомбитко прямое подтверждение того факта, что движение войск в сторону границы началось в том числе и с 18 июня. Что подтверждается следующим документом: «...Донесение штаба 12-го механизированного корпуса (ПриБОВО) о боевых действиях корпуса в период с 18.06.41 г., до начала боевых действий части 12-го механизированного корпуса дислоцировались:

— 23-я танковая дивизия — в районе Лиепая;
— 28-я танковая дивизия — в районе Рига; (дивизия Черняховского — К.О.Ю.)
— 202-я мотострелковая дивизия — в районе м. Радзивиличи;

³⁸¹ Записано 23 августа 1948 г. Запись сделана со слов гвардии подполковника Челомбитко. Записала научный сотрудник Центрального музея Красной армии Иванова О.Т. ЦМВС. Б-4/67. Л. 1—7 об. Подлинник. Машинопись.

³⁸⁰ Военно-исторический архив. 2003, № 1, с. 145.

— штаб корпуса, 380-й отдельный батальон связи и 10-й мотоциклетный полк — на м. Плунпшы и готовности к выступлению 28-й и 23-й танковых дивизий»³⁸².
Елгава;

— 47-й отдельный мотоинженерный батальон — 5 км северо-восточнее Елгава. Части корпуса занимались боевой и политической подготовкой.

18.06.41 г. На основании директивы Военного совета Прибалтийского особого военного округа по корпусу был отдан приказ за N 0033 о приведении в боевую готовность частей корпуса, выступлении в новый район и сосредоточении.

28-й танковой дивизии (без мотострелкового полка) — в леса Бувойни, Бриды, Норейки.

23-й танковой дивизии — м. Тиркшлай, м. Седа, м. Тришкяй.

202-й мотострелковой дивизии — Драганы, Валдейки, Науконис.

10-му мотоциклетному полку — в лес Давноры.

47-му отдельному мотоинженерному батальону — лес 2 км южнее Адомишки.

Штабу корпуса, 380-му отдельному батальону связи — в лесу 2 км западнее г. дв. Найсе.

18—20.06.41 г. Части корпуса, совершая ночные марши, 20.06.41 г. сосредоточились в указанных районах.

202-я мотострелковая дивизия 20—21.06*41 г. вышла из указанного района и заняла оборону на рубеже Коркляны, Покроженце, г. дв. Юнkelай.

18—21.06.41 г. В районах сосредоточения организованы охранение и круговая оборона своих районов. Приводились в порядок материальная часть и личный состав после совершения марша.

22.06.41 г. В 4 часа 30 минут из штаба 8-й армии [получен] сигнал воздушной тревоги.

В 5 часов над командным пунктом пролетел самолет противника.

В 8 часов [получено] приказание о ведении разведки 23-й танковой дивизией

на м. Плунпшы и готовности к выступлению 28-й и 23-й танковых дивизий»³⁸².

Данный мехкорпус приводился в боевую готовность приказом по округу. А округ дал такие приказы для своих частей на основании директивы из Москвы, аналогичной тем директивам о «повышении боевой готовности», что посылались в КОВО и ОдОВО. Однако в сборнике «1941 год. Документы» такая директива для ПриОВО от 13—15 июня вообще не приводится. Как будто её вовсе не было для данного округа. Не приводятся и директивы для этого округа и о том, что в Прибалтику должны прибыть воинские части внутренних округов для усиления сил ПриОВО. Как не приводится для ПриОВО и майская директива об отработке командованием округа «планов обороны».

В-третьих, в директиве штаба ПриОВО от 19 июня 1941 г. прямо говорится, что «для обеспечения быстрого занятия позиций, как в предполье, так и в основной оборонительной полосе соответствующие части должны **быть совершенно в боевой готовности**,»³⁸³. Не обращая внимания на корявость подчеркнутого выражения, заметим главное — «быть совершенно в боевой готовности» в переводе на нормальный русский язык означает, что эти части должны быть в полной боевой готовности.

В свою очередь распоряжение командующего войсками 8-й армии ПриОВО командирам 10-го и 11-го стрелковых корпусов от 20 июня 1941 г. однозначно свидетельствует о том, что войскам ранее уже было дано указание о приведении их в боевую готовность. В нем, в частности, говорится: «Подразделения держать позади сооружений в боевой

³⁸² Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, Москва, 1957 г. Цитировано по Интернету.

³⁸³ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 34—35. Подлинник.

готовности...»³⁸⁴ Держать же в боевой готовности подразделения можно лишь в том случае, если они до этого уже были приведены в боевую готовность.

Проще говоря, все это, как и изложенное в предыдущих пунктах, является свидетельствами того, что санкционированная Сталиным директива НКО и ГШ о приведении войск западных приграничных округов не только имела место быть, но и уже претворялась, хотя и с колоссальным количеством «странностей», в жизнь.

В-четвертых, о том, что такая директива от 18 июня 1941 г. о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением Германии действительно была, свидетельствует также и следующий факт. Вот подлинный текст отчетного донесения командующего Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирала Трибуца:

«Донесение командующего Краснознаменным Балтийским флотом командующим Ленинградским и Прибалтийским Особыми Военными округами, начальнику Погранвойск:

20 июня 1941 г.

Части КБФ с 19.6.41 г. приведены в боевую готовность по плану № 2, развернуты КП, усилена патрульная служба в устье Финского залива и Ирбенского пролива. Командующий КБФ Вице-адмирал Трибуц»³⁸⁵.

Справка. По аналогичной же схеме отчитались и командующие Черноморским и Северным флотами.

Командующий КБФ вице-адмирал Трибуц именно потому отчитался перед командующими ЛВО и ПриОВО, а также начальником погранвойск, что флоты в СССР в те времена отчитывались также

и перед командующими приморскими военными округами, у которых находились в оперативном подчинении. Более того. Он именно потому отчитался подобным образом, что именно от них в том числе и получил указание Генштаба от 18 июня о приведении флотов в повышенную боевую готовность (№ 2). Это указание прошло по двум каналам: по линии наркомата военно-морского флота, получившего директиву ГШ, и непосредственно через командование указанных округов, которое также получило аналогичную директиву. Одновременно Трибуц отчитался и перед командующим погранвойсками СССР, то есть перед заместителем Л.П. Берия по погранвойскам, что связано с тем, что флоты имеют прямое отношение к охране государственных границ на море и в оперативных вопросах координируют свою деятельность с пограничными войсками. кроме того, здесь следует иметь в виду также и следующее обстоятельство. Приказом Л.П. Берия от 16 июня 1941 г. в пограничных войсках, в том числе и в их морских частях, было объявлено, что в случае начала боевых действий пограничные части переходят под командование полевого командования РККА, а морские части соответственно под командование флотов³⁸⁶.

Справка. Именно этим обстоятельством был обусловлен, например, приказ от 20 июня 1941 г. командующего Черноморским флотом командиру 7-й авиаэскадрильи пограничных войск перейти в оперативное подчинение командиру Одесской военно-морской базы. Этим же приказом предусматривалось привести авиаэскадрилью в полную боевую готовность. Командующий Черноморским флотом слегка поторопился. В приказе Берия ясно говорилось, что только в случае начала боевых действий пограничные части переходят в оперативное подчинение полевого командования РККА, а морские пограничные части — под командование соответствующих флотов.

³⁸⁴ ЦА МО РФ. 344. Оп. 5564. Д. 10. Л. 36.

Подлинник.

³⁸⁵ ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 2. Л. 59. Подлинник.

³⁸⁶ Пограничные войска СССР. 1939—1941. Сборник документов и материалов. М., 1970, с. 163.

В связи с приведенным выше фактом отчета командующего КБФ о приведении флота в боевую готовность № 2 есть настоятельная необходимость отметить одно обстоятельство. В исторической литературе и в массовом сознании незаконно утвердился стереотип, согласно которому возглавлявший наркомат ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов якобы по собственной инициативе и даже вопреки тирану Сталину приводил флоты в боевую готовность. Это полностью ложный, умышленно сфальсифицированный, к тому же не без прямого участия самого адмирала Н.Г. Кузнецова, стереотип. Никаких, тем более документальных, признаков существования его, едва ли не легендарного и якобы вопреки воле Сталина отданного приказа о приведении флотов в боевую готовность накануне войны просто нет, как это ни печально для столь прочно укорененного стереотипа. В действительности все делалось во исполнение санкционированной лично Сталиным директивы ГШ и НКО от 18 июня 1941 г. о приведении войск в боевую готовность. Это что касается приведения флотов в оперативную готовность № 2. Что же до приведения флотов в оперативную готовность № 1, то есть в полную боевую готовность, на чем в основном и построен упомянутый выше стереотип, то подлинная правда состоит в следующем. В 1968 г. в Ленинграде небольшим по тем временам тиражом — всего 14100 экз. — вышла интересная как по содержанию, так и по истории ее подготовки к печати книга «Оборона Ленинграда. 1941—1944. Воспоминания и дневники участников». Книга была подготовлена к печати еще при Хрущеве. Однако в связи с тем, что кукурузника с треском выгнали с самого главного поста в СССР, публикация была задержана до 1968 г. На стр. 224—227 указанной книги приведены отрывки из дневника Н.Г. Кузнецова, которые он написал еще в ноябре 1963 г. То есть во времена Хрущева, когда, казалось бы, высшим шиком в мемуарах военачальников считалось

поливать грязью Сталина. И там содержится весьма любопытное, личное признание Н.Г. Кузнецова, которое начисто уничтожает упомянутый стереотип. Речь идет о том, на основании чего он отдал приказ о приведении флотов в оперативную готовность № 1. Описывая свое посещение 21 июня кабинета наркома обороны в последние часы перед войной и увиденное им там — а увидел он, как Жуков старательно записывал в «блокнот для радиোগрамм» то, что ему диктовал Тимошенко, который диктовал хорошо известную директиву № 1, — Кузнецов далее отмечает следующее. Тимошенко дал ему прочитать текст директивы и — теперь особое внимание — Кузнецов указывает, что, прочитав текст, он понял, что «надо как можно скорее, не теряя ни минуты отдать приказ о переводе флотов в оперативную готовность № 1»! Надеюсь, теперь и уважаемым читателям понятно, на основании чего он дал такой приказ. Тем более что прямо в шапке этой директивы есть прямое указание: Копия Народному комиссару Военно-Морского Флота. Более того. Не менее однозначно должно быть понятно и то, что стереотип и базирующаяся на нем легенда о действиях Н.Г. Кузнецова вопреки воле Сталина — полная чушь и абсолютная ложь. Причем доказал это лично Н.Г. Кузнецов. Ну, а что до того, как на самом деле флоты были приведены в боевую готовность и что в реальности имело место быть, будет сказано ниже.

4. Ну и, наконец, о самом главном. Как они могли приводить войска округа в боевую готовность и, миль пардон, в какую боевую готовность, если в период с 12 по 14 июня в округе по инициативе НКО (Тимошенко) была проведена проверка боевой готовности всех частей и соединений, показавшая и ныне шокирующее положение дел. Как уже отмечалось выше, в преамбуле изданного по итогам этой проверки и подписанного также командующим, членом Военного совета и начальником штаба округа приказа № 0052 от 15 июня 1941 г., гово-

рилось, что «проверка боевой готовности частей округа показала, что некоторые командиры частей до сего времени преступно не уделяют должного внимания обеспечению боевой готовности и не умеют управлять своими подразделениями и частями». А далее следовала констатация убогого состояния дел:

- крайне низкая мобилизационная и боевая готовность ряда частей,

- отсутствие оповещения команд, которые оставались на зимних квартирах,

- наличие большого количества «мертвых душ» и прикомандированных, которых даже и не знали командиры подразделений,

- неведение командиров подразделений о том, какие документы они должны получить из части в случае мобилизации, где получать оружие и имущество,

- нерешенность вопроса приема приписного состава,

- плохое знание командирами своих районов боевого использования частей,

- направление подразделений без оружия и боеприпасов на работы за десятки километров от мест постоянной дислокации,

- плохое оповещение и сбор по тревоге,

- медленное выдвижение в районы сбора и пробки войск на дорогах,

- плохое взаимодействие родов войск,

- плохо налаженное управление войсками,

- неумение командного состава ориентироваться на местности,

- ночное блуждание,

- неумение управлять, выражавшееся в том числе и в беготне по полю боя вместо посыльных.

Кроме того, были указаны такие серьезные недостатки, как неготовность выведенных в ходе проверки на огневые позиции команд зенитчиков к выполнению задач по поражению воздушных целей, в том числе и потому, что не удосужились

заправить зенитные пулеметы водой и захватить боеприпасы. Было установлено также, что автомашины батальонов связи в 90 % случаев не имели резины и, следовательно, не были готовы к выполнению боевых задач. А ведь в подавляющем большинстве случаев радиостанции армейского, корпусного и дивизионного уровней монтировались на автомашинах. То есть управление войсками было попросту нарушено. В других случаях отмечалось, что даже в штабах дивизий не были предусмотрены рассредоточение штаба в случае объявления боевой тревоги и его выход в запасной район. Не было боевого расчета по тревоге, не было перечня работ командиров и штабов по тревоге—проще говоря, в случае тревоги они были бы в неведении, что делать. Штабы отдельных дивизий даже и не знали, что происходит в районах работ, куда они направляли подчиненные части и подразделения. По этому вопросу особенно досталось 10-й сд 10-го СК, в отношении которой было указано, что «дивизия вся сидит на работе непосредственно у границы, а штаб и начальники служб не знают, что делается в районах работ»³⁸⁷. И т.д. и т.п. В этом приказе досталось всем армиям, соединениям и частям, входившим в состав Прибалтийского округа. Приказ обязывал ликвидировать выявленные недостатки к 25 июня 1941 г.³⁸⁸ Однако до нападения оставалось всего шесть дней и несколько часов. Исправить, естественно, ничего толком не исправили, да и не смогли бы, даже если и захотели. Зато сильно смахивавшая на заблаговременно составленное алиби бумажка уже была в наличии...

5. В какую боевую готовность они приводили войска, если даже на утро 22 июня были запланированы, например,

³⁸⁷ ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1364. Д. 21. Кор. 11697. Л. 207—208. Цит. по: Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 178

³⁸⁸ ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1364. Д. 21. Кор. 11697. Л. 201—207. Данные цит. по: Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 154—156, 177, 178.

инспекторские стрельбы в лагере Козла-Руда для находившихся там частей 5-й и 188-й сд 11-й армии, а также инспекторские стрельбы артиллерии?! В этот лагерь была выведена артиллерия многих частей. 21 июня в этот лагерь прибыла инспекция округа во главе с заместителем командующего войсками округа генерал-лейтенантом Львовым, который по приказу командующего округом генерал-полковника Ф.И. Кузнецова и должен был провести эти инспекторские стрельбы³⁸⁹.

Вот и попробуйте теперь понять истинный смысл двойной игры Кузнецова. Ведь 18 июня он получил от разведывательного отдела штаба округа «Донесения о завершении сосредоточения и развертывания войск группы армий “Север” (вскрыто до 90 % штабов армий, 6 корпусов, все дивизии и почти 90 % авиации. Всего 210 военных объектов)». В 7 ч. 25 мин. утра 21 июня 1941 г. он получил сводку о «Разведанных штаба ПриОВО о готовности войск группы армий “Север” к нападению на Советский Союз». Как после этого у Кузнецова хватило ума и совести запланировать и действительно приказывать провести эти инспекторские стрельбы?! Да еще и отправить в этот лагерь столь представительную инспекцию?! Разве эти сводки, особенно последняя, не должны были стать основанием для отмены всяческих инспекций и инспекторских стрельб?! К тому же поздним вечером 21 июня, точнее в 23 ч. 45 мин., штаб округа был информирован штабом 11-й армии о сведениях, полученных от немецкого солдата 13-й роты 150-мм тяжелых орудий 58-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии вермахта о готовящемся переходе границы германской армией³⁹⁰. Уж хотя бы это

должно было послужить основанием для немедленного запрета на проведение этой инспекции. Увы. Бывший командующий 11-й армией генерал В.И. Морозов впоследствии расценил это так: «Вообще же, в штабе фронта царило довольно мирное настроение»^{3*1}.

6. Как они могли приводить войска в боевую готовность, и в какую боевую готовность они их привели, если даже планов обороны командование армий, корпусов и дивизий толком не разрабатывали и не знали?! А тот факт, что им наспех дали почитать и даже командармам не выслали их секретные тетради с выписками из неутвержденного НКО и ГШ окружного плана, извините, никуда не пришьешь, кроме как к уголовному делу, предварительно запротоколировав его. Не говоря уже о том, что командирам стрелковых дивизий этого округа было приказано разработать планы обороны своих полос только за шесть дней до нападения Германии.

7. Как они могли приводить войска в боевую готовность, и в какую боевую готовность они привели войска, включая и их вывод на рубежи обороны, если основные силы армий прикрытия этого округа находились на большом удалении от ц>а-ницы?! А вывод некоторых из них реально начался уже после нападения, в чем еще убедимся. Вот интересное свидетельство главного маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова — накануне войны в звании генерал-майора командовал 3-м МК ПриОВО. Он отметил в своих воспоминаниях, что 21 июня в штаб его корпуса прибыл командующий округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, приказавший немедленно под видом следования на полевые учения вывести части корпуса из военных городков в близлежащие леса и привести их в полную боевую готовность.

³⁸⁹ Факт взят из неопубликованной части ответа бывшего командующего 11-й армией генерала В.И. Морозова. ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 470—474; Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 204.

³⁹⁰ Данные цит. по: Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 208.

³⁹¹ Факт взят из неопубликованной части ответа бывшего командующего 11-й армией генерала В.И. Морозова. ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 470-474; Рунов В. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 204.

А далее в своих мемуарах Ротмистров написал следующее: «В тот день, коща нас посетил командующий округом, в боевую готовность были приведены механизированные и только 6 стрелковых дивизий, при этом им (стрелковым соединениям) еще предстояло совершить марш к госгранице из районов лагерей и военных городков»³⁹². Обратите внимание вот на что. Приведение в боевую готовность 3-п> механизированного корпуса Кузнецов дотянул до 21 июня (но, исходя из слов Ротмистрова, до получения из НКО и ГШ директивы № 1), хотя 12-му МК было приказано перейти в боевую готовность и выдвигаться в районы сосредоточения еще 16 июня. Но самое интересное в этом свидетельстве следующее. На самом-то деле те 6 стрелковых дивизий, которые вроде бы еще ранее были приведены в некую боевую готовность и начали выдвигаться к госгранице, в действительности, если исходить из слов Ротмистрова, были приведены в боевую готовность лишь 21 июня, и им еще предстояли марши в сторону госграницы. Проще говоря, получается, что Кузнецов фактически профилонил директиву ГШ от 18 июня о приведении войск первого эшелона в боевую готовность. Это, что называется, во-первых. Во-вторых, почему столь избирательно Кузнецов подошел к вопросу о приведении в боевую готовность механизированных корпусов округа — 12-му было приказано перейти в боевую готовность и начать выдвижение в район сосредоточения еще 16 июня, а 3-му, только 21 июня?! Между тем, как увидим из дальнейшего расследования, Кузнецов приехал в 3-й МК вовсе не случайно и не ради только объявления боевой готовности в корпусе, а с конкретной идеей... ослабления этого корпуса. Того самого механизированного корпуса, которому, в чем также убедимся далее, он отводил по меньшей мере просто неуместную роль, если не сказать, что попросту планировал преступление.

³⁹² Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М., 1984, с. 50.

Не менее любопытно в этой связи и то, что в документе 11-й армии указывалось, что «вместо ускорения сосредоточения частей армии в оборонительные районы штаб округа дал указание вести нормальную учебу в лагерях, и еще 21 июня вечером у красноармейцев отобрали патроны...»³⁹³.

Не менее характерно в этой же связи упоминание командармом Собенниковым факта, что в ночь на 22 июня он лично получил приказ от начальника штаба округа генерал-лейтенанта П.С. Кленова отвести войска от границы?! И при этом от имени командарма-8 в 22.15 мин. 21 июня за подписью начальника штаба 8-й армии генерал-майора Ларионова был издан весьма короткий, но очень характерный приказ: «С целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий командующий 8-й армии приказал: 1. Немедленно приступить к заготовке подручных материалов (плоты, баржи и т.д.) для устройства переправ через р. Дубисса. Пункты переправ б>даны дополнительно»³⁹⁴. Приказ был издан явно во исполнение окружного приказа от 18 июня о том же самом. И все это называется приведение войск в боевую готовность?! В какую боевую готовность и для чего боевая готовность?

Вот и попытайтесь теперь хотя бы самим себе дать ответ на следующие два вопроса: А. Что означают столь противоречивые приказы? Б. Зачем в самый последний момент понадобился такой приказ командарма-8, почему его подписал не сам Собенников, а начальник его штаба, и, наконец, самое главное — зачем понадобилась подготовка к устройству переправ через р. Дубисса, которая впадает в пограничную (тогда) реку Неман?

Если сравнить с данными фактически последней предвоенной разведывательной сводки штаба ПриОВО № 02 от

³⁹³ ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1362. Д. 11. Л. 34—36.

³⁹⁴ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 10. Л. 53. Подлинник.

21 июня 1941 г., подписанной в 20.00, то вырисовывается следующая картина. Наряду с констатацией факта выдвижения германских войск к границе, в разведывательной сводке сообщалось, что «закончено строительство новых понтонных мостов через р. Неман в районах: м. Рус, Татамишкен, Елокен, Тильзит, Винкел; продолжается строительство в районе Вишвилл, особенно форсированное строительство понтонных мостов в районе Винге»³⁹⁵. Но с подготовкой переправ у супостатов все ясно — они готовились напасть на СССР. А вот зачем командование наших войск непосредственного прикрытия и обороны государственной устроило гонку с заготовкой средств для переправ через пограничные реки?!

И вот теперь, зная все это, еще раз задам вопрос: в какую боевую готовность они пытались привести войска и какую цель преследовали тем самым? Ответ, который может быть только один, надеюсь, понятен. С одной стороны, пытались, во многом просто формально, выполнить не менее формальные, но тем не менее оборонительного в основном характера директивы Центра. С другой же, по негласным и незаконным (в основном устным) указаниям главарей «киевской мафии», проще говоря, с одобрения НКО и ГШ командование округа откровенно планировало отражение германской агрессии в формате блицкрига своим немедленным встречно-лобовым контрблицкригом по факту нападения. Потому и устроили эту заготовку «подготовки» к переправам, не указывая даже, где они должны будут происходить. То есть фактически оно и само точно не знало, будет этот немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения или нет, но твердо знали, что в принципе к этому готовиться надо. Тем более что аналогичный приказ округа был издан еще 18 июня.

8. Как они могли приводить в боевую

³⁹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1362. Д. 5. Л. 27. Подлинник.

готовность войска для отражения агрессии, если всего один только штрих об их реальном состоянии говорит о печальном положении дел, а также об умышленном обмане. Еще 20 апреля 1941 г. округ получил директиву НКО о формировании двух противотанковых артиллерийских бригад — 9-й и 10-й — в Шяуляе и Каунасе. Формирование предписывалось осуществить из прибывших 10 мая из Уральского округа частей. Оснащение этих бригад планировалось современное по тем временам — новыми 76-мм пушками на тракторной тяге. Одновременно округу было приказано сформировать в Двинске 5-й воздушно-десантный корпус. Все мероприятия должны были быть закончены к 1 июня³⁹⁶.

Так вот, отчитываясь перед НКО за исполнение этой директивы, командующий округом указал в отчете следующее. Что комплектование 5-го ВДК произведено из личного состава, который не прошел даже первоначального обучения, а часть личного состава сформированных соединений и частей набрана «из коренных народностей республик Средней Азии и Закавказья, плохо владеющих русским языком. Корпусные части укомплектованы с широкой заменой специальностей». Хотя ему было приказано ВДК формировать «только из лучших и хорошо проверенных командиров и бойцов из числа комсомольцев, выраживших желание служить в десанте и имевших парашютную (допризывную) подготовку»³⁹⁷. В результате ни ВДК, ни противотанковые артиллерийские бригады не были полностью укомплектованы, а половина их личного состава не была обучена специальностям³⁹⁸.

Вот объясните хотя бы самим себе, кому и зачем было нужно такое формирование таких специфических частей?! Чья не в меру «умная голова» направила в этот

³⁹⁶ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2010, с. 152.

³⁹⁷ Там же, с. 153—154.

³⁹⁸ Там же, с. 154.

округ необученных новобранцев, которые к тому же ни «бе» ни «ме» по-русски?! Как они должны были справляться с артиллерийскими системами, для чего нужно как минимум среднее образование?! Ведь единственное, чем они более или менее могли управлять, это только ишаками и отарами овец.

Как этим необученным новобранцам втолковывать азы воздушно-десантного дела, где от четкости понимания и тем более исполнения зависит не только выполнение боевого приказа, но прежде всего сама жизнь десантника?! Мягко выражаясь, это была чистейшей воды профанация формирования важных для отражения агрессии соединений, особенно что касается противотанковых артиллерийских бригад. Соответственно чистейшей воды профанацией была и их боевая готовность.

9. В какую боевую готовность они приводили войска, если, например, имеется такое свидетельство бывшего заместителя по политчасти командира 5-й сд генерал-майора П.В. Севастьянова, пребывавшего перед войной в звании полкового комиссара. По данным Севастьянова, 21 июня в штаб 16-го СК 11-й армии прибыл член Военного совета округа корпусной комиссар П.А. Диброва и оттуда стал обзванивать командиров дивизий и передавать им приказ: сдать на склады боеприпасы!³⁹⁹ Выше сам этот факт уже приводился. В данном случае повтор обусловлен тем, что необходимо показать подлинные масштабы умышленного вредительства и саботажа Диброва, направленных на резкое снижение мобилизационной и боевой готовности войск прикрытия и обороны. Диброва успел приказать отобрать боеприпасы командирам дивизий 16-го СК 11-й армии и 11-го СК 8-й армии. Кроме того, потребовал от командования 11-го СК немедленно прекратить минирование полей и разминировать их. Более того, Диброва успел

также отдать приказание от имени штаба 16-го СК об отводе дежурных подразделений в тыл. То есть тех подразделений, что были на границе. Потом изменил свой приказ — приказал оставить их на первой линии, но отобрать боеприпасы. И ведь все, сволочь комиссарская, успел сделать 21 июня, когда ему уже были известны «Разведданные штаба ПриОВО о готовности войск группы армий “Север” к нападению на Советский Союз», которые поступили в штаб округа еще в 7 ч. 25 мин. утра 21 июня 1941 г.

Вот и попробуйте теперь хотя бы самим себе объяснить, почему именно стрелковым дивизиям именно этих корпусов были отданы столь противоречивые приказы, трагические последствия которых мог предвидеть не только военный, но и даже абсолютно далекий от военных дел человек. И в попытках поиска вразумительного ответа не забудьте, что речь идет о войсках непосредственного прикрытия и обороны, то есть тех, которые должны были первыми встретить супостатов. И тоща у вас не будет никаких затруднений с ответом.

Это было форменное предательство, выразившееся в откровенной подготовке к подставе войск прикрытия под и без того уже неминуемо неизбежный разгром. Причем под демагогическим лозунгом «недопущение провокаций». Проще говоря, Диброва сделал все, чтобы именно эти войска оказались бы в роли «полуфабриката» для избияния войсками вермахта. И разве удивительно после этого, что в спецсообщении 3-го Управления НКО № 4/36833 от 7 июля появились данные 3-го отдела СЗФ от 3 июля, согласно которым:

— Во-первых, по данным на 3 июля 1941 г., 11-й стрелковый корпус отдал противнику 200 км в глубь фронта⁴⁰⁰. А причинами неуспехов корпуса в боях, 3-й отдел

³⁹⁹ Севастьянов П.В. Неман-Волга-Дунай. М., 1961, с. 10; Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 333.

⁴⁰⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 101. Л. 330—333. Данные цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. статей «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 47.

СЗФ прямо назвал полную неподготовленность к боевым действиям, разъяснив это в том числе и действиями именно Диброва. В упомянутом спецсообщении говорилось, что «произведенным 3 отделом Северо-Западного фронта расследованием, факт отдачи приказа членом Военного Совета ПриОВО Диброва в отношении разминирования минных полей и сдачи выданных личному составу патронов в частях 11 ск и 12С сд перед началом военных действий, подтверждается. Расследованием установлено: После получения Разведотделом данных о начавшейся концентрации немецких войск на наших границах, части корпуса начали минировать поля, раздавать боеприпасы личному составу, одновременно началась подготовка эвакуации семей начсостава. 21 июня с.г. к месту сосредоточения 11-го стр. корпуса приехал член Военного Совета ПриОВО корпусной комиссар Диброва и приказал немедленно отобрать у бойцов патроны и разминировать поля, объясняя это возможной провокацией со стороны наших частей. Начальник ОПП 125-й стрелковой дивизии Левченко дал объяснение Диброва о причинах эвакуации семей комначсостава, ссылаясь при этом на данные разведотдела о начавшейся концентрации войск противника на границах. На объяснение Левченко Диброва заявил: “Хотя Германия и фашистская страна, но момент, когда они могут начать войну с СССР, еще не назрел, что у нас от страха расширяются глаза”. После этого Диброва вторично приказал прекратить панику, отобрать у бойцов выданные патроны, разминировать поля, прекратить подготовку к эвакуации семей начсостава. В этот же день 21 июня член Военного Совета 8-й армии дивизионный комиссар Шабалов телеграммой подтвердил указание Диброва о прекращении подготовки к эвакуации. В результате этого в момент наступления противника се-

мы начсостава пришлось вывозить во время боя, при этом значительная часть семей погибла; личный состав дивизии был без боеприпасов, и выдача их проводилась под артиллерийским огнем противника. Правда, сам П.А. Диброва объяснял свои распоряжения тем, что “минированных полей не было, из-за отсутствия мин. Речь шла о подготовке к минированию полей (ямки), ссылаясь на указание командующего. Патроны дал указание отобрать и сдать на взводные пункты или отделений”. Эвакуация же семей комначсостава была запрещена наркомом обороны»⁴⁴¹.

— Во-вторых, что «некоторые командиры оценивают создавшееся положение как предательство со стороны высшего командования, которое еще не раскрыто, я считаю, что наша тактика — это тактика на подставку сначала пехоты, а потом танковых частей, не поддерживаемых пехотой и авиацией...»⁴⁴².

Эти «некоторые командиры» были абсолютно правы. Именно так и было задумано — подставить войска под неминуемый разгром! И это, к глубочайшему сожалению, было осуществлено.

Однако вот в чем все дело-то. Диброва не в одиночку отчаянно мучил воду в ПриОВО. В штабе округа в это время 21 июня — орудовал присланный из Москвы Управлением политической пропаганды РККА еще один, более махровый негодяй и преступник, заместитель начальника УПП РККА, армейский комиссар 2-го ранга В.Н. Борисов. Кстати говоря, кореш Жукова, который затем спасал его, когда военная контрразведка «замела»

⁴⁴¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 101. Л. 328—329. Д. 105. Л. 55—56. Данные ютг. по: Мельтасов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. статей «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 29—30.

РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 101. Л. 330—333. Данные цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. статей «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 45.

Борисова на очень серьезных основаниях, за что он получил 5 лет лагерей и лишение воинского звания. Под конец войны Жуков его действительно спас, но в 1948 г. Борисова уже повторно «замели» — за старые и за новые грехи, которые совершил уже в поверженной Германии, где «не по чину» с размахом мародерничал.

Так вот, 21 июня Борисов устроил такую же дикую чехарду крайне противоречивых приказов непосредственно в штабе округа. И все ведь под теми же демагогическими лозунгами. А штаб в свою очередь под его нажимом и исходя из своих соображений, о которых уже предостаточно было сказано выше, затем транслировал эту же чехарду крайне противоречивых приказов в войска округа, в результате чего те окончательно были запутаны. А важные мероприятия по повышению боеспособности и боеготовности войск попросту были сорваны в результате запретов, отмен запретов и вновь запретов. Короче говоря, только 21 июня вновь возглавивший ГлавПУР РККА Л.З. Мехлис чуть позже более чем справедливо расправился с этим негодяем, отдав его под суд. Между прочим Мехлиса и по сей день за это обвиняют в некоей жестокости. А за что, позвольте спросить?! Лев Захарович еще гуманно поступил — отдал под суд, а не потребовал немедленного расстрела Борисова на месте как настоящего предателя.

А штаб округа еще вечером 21 июня 1941 г. официально, но бодро сообщил в Генштаб оперсводку о состоянии дел. В ней, в частности, говорилось: «Части и соединения Прибалтийского особого военного округа в пунктах постоянной дислокации занимаются боевой и политической подготовкой, выдвинув к государственной границе отдельные части и подразделения для наблюдения. Одновременно производится передислокация отдельных соединений в новые районы»⁴⁰³.

Справка. Откровенно говоря, это последнее донесение штаба округа перед войной уже является собой ответ на вторую часть поставленного Сталиным второго вопроса. Ведь он не зря был сформулирован в столь развернутом виде: «С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу *и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?*» Вот на выделенную жирным и курсивом вторую часть этого вопроса еще вечером 21 июня и ответили в своем донесении в ГШ командующий и штаб ПриОВО.

На границе отдельные части и все тут?! Отдельные же соединения ведут передислокацию в новые районы?! Что, куда, зачем, для чего, во исполнение чего — бес их знает! А вот как ее, сермяжную-то, оборонять — так и хрен их знает! Особенно если учесть, что боеприпасы были отобраны, войска отведены в тыл, немногочисленные, едва только установленные минные поля были разминированы, заграждения из колючей проволоки не установлены. И еще многое чего было сделано умышленно задом наперед. А ведь еще 15 июня Военный совет округа издал примечательный приказ по обеспечению боевой готовности войск. Были там следующие строки: «Сегодня, как никогда, мы должны быть в полной боевой готовности. Этому многие командиры не понимают. Но это надо всем твердо и ясно понять, ибо в любую минут мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи»⁴⁰⁴. Ну, и кто бы отказался одобрить в высшей степени правильные слова этого приказа?! Кстати говоря, он был издан во исполнение приказа НКО и ГШ от 13 июня 1941 г., что подтверждается следующим фактом. Дело в том, что во исполнение уже *окружного* приказа, в котором имела прямая ссылка на упомянутый приказ НКО и ГШ, командир 5-й танковой дивизии 3-го МК направил в подчиненные

⁴⁰³ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2467. Д. 39. Л. 71.

⁴⁰⁴ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. И. Л. 31.

ему части план мероприятий по выполнению приказа НКО и ГШ. Суть этого плана сводилась к тому, чтобы перестроить боевую подготовку на основе постоянной боеготовности подразделений и частей, всем закончить стрельбы (еще один факт, подтверждающий масштабное отвлечение артиллерии на учебные стрельбы) до 1 июля, прекратить отрыв личного состава на всякие хозяйственные работы к 22 июня⁴⁰⁵.

Однако вот в чем все дело-то. Именно Военный совет округа и оказался той группировкой командиров округа, которые ничего ясно и твердо не понимали, а, если быть точным, преступно не желали понимать. Потому, что этим же приказом командирам стрелковых дивизий округа наконец-то было приказано разработать планы обороны своих полос! А что же этот самый Военный совет округа не почесался ранее?! Когда этим командирам стрелковых дивизий было разрабатывать планы обороны своих полос, когда приказ поступил к ним только 16 июня 1941 г., а уже ведь началось выдвижение ряда частей округа в соответствии с директивой НКО и ГШ в сторону границы?! Им что, прямо на марше надо было разрабатывать эти планы?!

Следует обратить внимание также и на следующий факт, связанный с этим же приказом. Дело в том, что им уже предписывалось произвести заготовку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем с таким расчетом, чтобы в случае необходимости, но по особому приказу можно было бы установить минное поле в течение трех часов. В несколько измененном виде 18 июня это же указание было повторено в директиве ВС округа № 0029. А теперь внимание.

15 июня в округе первый раз дается указание о подготовке к противотанковому минированию. И в тот же день тот же Военный совет округа шлет в Генштаб

слезную просьбу ускорить отправку запланированных для округа 100 тыс. противотанковых мин, 40 тыс. тонн взрывчатки и 45 тысяч тонн колючей проволоки. Выше об этом уже говорилось. Судя по количеству, выходит, что в округе попросту не было соответствующих запасов противотанковых мин, взрывчатки и колючей проволоки. Спрашивается, а как этот самый Военный совет и командующий округом намеревались оборонять государственную границу, тем более против гитлеровских супостатов, которые только и умели, что проламывать оборону противника своими танковыми и механизированными частями, действовавшими всегда на острие удара?! Что, Военный совет не мог раньше почесаться с требованием ускорения отправки мин, взрывчатки и колючей проволоки?! Но самое главное состоит в следующем. Отдав приказ 15 июня, а затем еще и продублировав это указание 18 июня, Военный совет и командующий округом попросту «умыли руки»—да, мы хотели осуществить противотанковое минирование, заминировать мосты и установить заграждения из колючей проволоки, но, увы, нам их вовремя не дали. Это уже больше смахивает на заблаговременную подготовку алиби, когда начнется неизбежный «разбор полетов», почему этого не было сделано и почему танки противника так легко и глубоко вклинились в нашу оборону, противотанковое минирование отсутствовало, а мосты не были взорваны. Но это еще далеко не все. Это было связано с тем, что в действительности планировало командование округа, причем с ведома НКО и ГШ.

Всем хорошо известна директива № 3 от 22 июня 1941 г. Ею предписывалось 23—24 июня нанести решительный контрудар по противнику. Причем подпункт «а» п. 2 этой директивы предписывал «концентрическими сосредоточенными ударами войск Сев.-Зап. и Западного фронтов окружить и уничтожить Сувалкскую группировку

⁴⁰⁵ ЦА МО РФ. Ф. 9 тп 5 ТД. Оп. 49982 сс. Д. 6. Л. 81—82.

противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»⁴⁰⁶.

Это реальное воплощение в условиях уже состоявшегося нападения положений того самого пункта 4 второго раздела директивы № 503920 от 14 мая 1941 г. для ПриБОВО. Им предписывалось «при благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий, и округам быть готовыми по указанию Главного командования к нанесению стремительных ударов».

Совместный удар, естественно, не мог получиться. Прежде всего потому, что в тех трагических условиях начала войны в целом не было и в принципе-то быть не могло благоприятных для этого условий. Ни у СЗФ, ни у ЗФ. Подставленные под разгром собственным командованием войска большей частью уже начали беспримерно «героический» драп на восток. Какие уж тут контрудары — хоть концентрические, хоть простые?! Однако вся «изюминка» того, почему он не мог состояться, в следующем.

Директива № 3 была подписана по московскому времени в 21 ч. 15 мин. 22 июня 1941 г. А командующий СЗФ генерал-полковник Кузнецов издал свой приказ фактически за 12,5 часа до издания и тем более получения этой директивы, то есть уже в 9 ч. 45 мин. 22 июня. Приказ о проведении контрудара против тильзитской группировки немцев⁴⁰⁷. Это то, что они отрабатывали на последнем предвоенном учении и именно то, что было предусмотрено планом прикрытия (эта же мысль вошла и в новый план обороны государственной границы, который был разработан, но не утвержден ГШ), о чем говорилось выше. Позвольте напомнить, что было указано в этом плане:

«Б. Район прикрытия № 2 — 8-й армии.

⁴⁰⁶ ЦА МО РФ. Ф. И ЗА. Оп. 3272 сс. Д. 5. Л. 1—2.

⁴⁰⁷ Абатуров В., Морозов М. Неизвестные трагедии Великой Отечественной войны. Сражения без побед. М., 2008, с. 68.

Оборона госграницы на фронте от Паланги до р. Неман. Границы: справа — Иелгава, иск. Мажейкяй, Паланга; слева — Дотнува, Средники, р. Неман до Юрбург, Инстербург; с тыла — Иелгава, Шедува, Дотнува.

Начальник РП — командующий 8-й армией. Штаб РП — Бубяй (15 км юго-западнее Шяуляй). Боевой состав — в приложении № 2.

Задачи:

а) обороной полевых укреплений по линии госграницы и создаваемых Тельшайского и Шяуляйского УР прочно прикрыть направления Мемель, Тельшай и Тильзит, Таураге, Шяуляй;

б) подготовить контрудар 12-м механизированным корпусом, 9-й артбригадой ПТО и четырьмя стрелковыми дивизиями в направлениях: Шяуляй, Мемель; Шяуляй, Тильзит; Шяуляй, Средники, Пильвишкяй, контрудар проводить во взаимодействии с авиацией фронта;

в) приступить к подготовке армейских тыловых рубежей с первого дня войны: 1) Дарбенай, р. Миния, Жаренай, Варняй, Кражяй, Лидовяны, р. Дубисса; 2) р. Барта, Барстичяй, Тельшай, Шяуляй, р. Шушве, р. Невежис. В первую очередь немедленно оборудовать оперативные противотанковые районы на этих рубежах согласно карте в приложении № 4; для подготовки противотанковых районов и тыловых рубежей использовать строительные батальоны, отводимые с первого дня войны из полосы строящихся УР. РП № 2 иметь в составе двух участков прикрытия...»⁴⁰⁸

Мысль эта была взята и развита не с потолка, а непосредственно из директивы НКО и ГШ № 503920/сс/ов от 14 мая 1941 г.: «...В случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника борьбу с ними и ликвидацию прорыва осуществить непосредственным

⁴⁰⁸ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 1—35.

распоряжением командования округа, для чего прежде всего использовать противотанковые артиллерийские бригады, механизированные корпуса и авиацию. Задача противотанковых бригад — на подготовленных рубежах встретить танки противника мощным артиллерийским огнем и совместно с авиацией удержать их до подхода и контрудара наших мотомехкорпусов. Задача мехкорпусов — развертываясь под прикрытием противотанковых бригад, мощными фланговыми и концентрическими ударами совместно с авиацией нанести окончательное поражение мехчастям противника и ликвидировать прорыв;

3) особо ответственными направлениями считать:

- а) Мемель, Тельшай;
- б) Тильзит, Шяуляй;
- в) Гумбинен, Каунас;
- г) Сувалки, Олита;

4) при благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий, и округам быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов...

Район прикрытия № 2 — 8-я армия...

Штарм — Шяуляй. Граница слева — Даугавпилс, иск. Паневеж, иск. Середжюс, Юрбаркас (Юрбург), Инстербург. Задачи — обороной полевых укреплений по линии госграницы и создаваемых Тельшайского и Шяуляйского укрепленных районов прочно прикрыть направления от Мемель на Кретинга, Тельшай; от Тильзита на Таураге, Шяуляй....»⁴⁰⁹

Ну и как, по-вашему, какой из всего этого можно сделать вывод?! Да очень простой. Кузнецов и не собирался осуществлять ни противотанковое минирование, ни закладывать взрывчатку под мосты, ни устанавливать заграждение из колючей проволоки. Потому что планировал, естественно не без согласования

с Тимошенко и Жуковым еще в предвоенное время, что «гремя огнем, сверкая блеском стали» войска округа ринутся за бугор. В немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения, чтобы, как им всем грезилося, как полагается наказать супостатов. Но, увы и ах. Супостаты разделали едва ли не под орех этот округ-фронт. За 18 первых дней он сдал советскую территорию на глубину 450—500 км, потерял, по официальным данным, свыше 90 тысяч человек личного состава, более 1 тысячи танков, 4 тысячи орудий и минометов и более 1 тысячи самолетов⁴¹⁰. А враг был уже на подступах к Ленинграду.

Вот почему германские генералы ГА «Север» и были в невероятном обалдении оттого, что мосты им достались целехонькими. Ничего удивительного — элементарное предательство! Почему так жестко?! А вы сами посудите. Упомянутой выше директивой № 503920сс от 14 мая 1941 г. помимо контрударов, прямо предписывалось уделить и особое внимание именно противотанковой обороне, противотанковым заграждениям на всю глубину (то есть непосредственно от границы и в глубь советской территории в пределах полосы компетенции округа) обороны округа и минированию мостов. Кузнецов же и Военный совет ПриБОВО бумажки на эту тему накалякали. Даже две штуки. Издали их, но чтобы их не потянули в трибунал за откровенно наглое неисполнение директивы НКО и ГШ, заранее заготовили алиби, что-де нет у нас ни противотанковых мин, ни взрывчатки, ни колючей проволоки. В итоге не сделали ни противотанкового минирования, ни минирования мостов*, ни заграждений из колючей проволоки не установили.

Потому что, еще раз обращаю на это внимание, по согласованию с Тимо-

⁴⁰⁹ ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 227. Л. 33—47.

⁴¹⁰ Абатуров В., Морозов М. Неизвестные трагедии Великой Отечественной войны. Сражения без побед. М., 2008, с. 114—115.

шенко и Жуковым планировали сразу же ринуться за бугор. В немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения. И то обстоятельство, что Кузнецов задолго до издания директивы № 3 издал свой приказ о нанесении контрудара против тильзитской группировки немцев — наиболее яркое тому доказательство. А когда Кузнецов получил-таки директиву № 3 от 22.6.41 г., то знаете, чем он оправдался? Это же еще та «песня»! Начал повторно мычать в вечернем донесении 22 июня (по состоянию на 22 ч. 20 мин.⁴¹¹), что «получился разрыв с Западным фронтом, который закрыть не имею сил ввиду того, что бывшие пять территориальных дивизий мало боеспособны и самое главное — ненадежны (опасаюсь измены)... Прошу:...

2. Помочь закрыть разрыв с Западным фронтом...»⁴¹²

Повторно, потому что еще в 9 ч. 35 мин. утра 22 июня он известил Тимошенко и Жукова о том, что не может создать группировку для ликвидации прорыва с поворотом на Минск и для воздействия немцев. Потому как сил нет; ибо упомянутые им территориальные (состоявшие из прибалтов) дивизии ненадежны, а одна из них на марше⁴¹³. А какого же, миленький, немедленно ставить перед ГШ вопрос хрена столь ненадежные дивизии ставил на срочном изменении дислокации войск с Западным фронтом?! И поскольку еще в марте 1941 г. округам было приказано Генштабом представить схемы точных мест и районов дислокации соединений и частей и уточненные схемы их развертывания⁴¹⁴, то, следовательно, выходит, что командование ПриОВО сознательно поставило эти ненадежные войска именно на стык с ЗапОВО! И куда смотрели те же Жуков с Тимошенко, что разрешили и утвердили такую их

дислокацию?! Хуже того. Как уже отмечалось в пункте 7 выводов по результатам анализа ответов генералов ПриОВО на первый вопрос, в «Плане прикрытия территории Прибалтийского Особого военного округа на период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа» поразительно точно были определены наиболее вероятные операционные направления действий войск противника. Фактически это определение чуть ли не дословно совпадало с тем, что Шапошников указал еще в «Соображениях...» от 14 сентября 1940 г. Причем совершенно ясно и четко была обрисована угроза поворота удара противника с Северо-Западного направления на Минск, то есть на Белорусское направление. То есть командование округа еще до начала войны (как минимум за месяц, если учесть, что командармов ознакомили с планом в штабе округа 28 мая) ясно понимало и осознавало наиболее вероятное развитие событий. То есть что удары в указанных направлениях на правое крыло и тыл ЗапОВО-ЗФ представляют наибольшую опасность. Соответственно было понятно, что необходимо было поставить перед ГШ вопрос о срочном изменении дислокации войск ПриОВО и ЗапОВО для надежного прикрытия особенно стыка между ними. Однако командование ПриОВО ничего подобного не сделало. Напротив, оставило на стыке между двумя округами-фронтами наиболее ненадежные части, что и привело к немедленному прорыву противника как к Вильнюсу, так и Минску. А в ГШ тоже никак не отреагировали, получив из ПриОВО план прикрытия. В результате получилось то, что получилось. Только вот что получилось? А вот что. Ниже приводится содержание самой первой оперативной сводки ГШ за 22 июня, подписанной лично Жуковым:

«Экз. № 1 Оперсводка № 01 Генерального Штаба Красной Армии На 10.0022.06.41 Карта 1.000.000

⁴¹¹ Время указано по: *Егоров Д.* Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 296.

⁴² Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. М., 1958, с. 46.

⁴³ Там же, с. 36.

⁴⁴ *Лопуховский Л. Я., Каваперчик Б. К.* Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с. 381.

4.00 22.6.41 немцы без всякого предупреждения противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно на всей границе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь. В 5.00 противник бомбардировал Лида, нарушив проводную связь армии. С 5.00 противник продолжал непрерывные налеты, нанося удары группами бомбардировщиков ДО-17 в сопровождении истребителей МЕ-109 по городам: Кобрин, Гродно, Белосток, Брест, Пружаны. Основными объектами атаки являются военные городки. В воздушных боях в районе Пружаны сбиты один бомбардировщик и два истребителя. Наши потери — 9 самолетов. Сопоткин и Новоселки горят. Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Голынка, Домброва и из района Соколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются. В результате боев противнику удалось овладеть Голынка и выйти в район Домброва, отбросив части 56 сд в южном направлении. В направлении Соколув, Волковыск идут напряженные бои в районе Черемха. Своими действиями этих двух направлений противник очевидно стремится охватить северо-западную группировку фронта. Командующий фронтом намечает контрудар в направлении Голынка для уничтожения прорвавшегося противника. Командующий 3 армии вводом танковой дивизии стремится ликвидировать прорыв противника на Голынка.

4. Юго-Западный фронт. В 4.20 противник начал обстрел пулеметным огнем наших границ. С 4.30 самолеты противника ведут бомбардировку Любомль, Ковель, Луцк, Владимир-Воыньск, Новоград Воыньск, Черновицы, Хотин и аэродромов у Черновицы, Галич, Бучач, Зубов, Адамы, Куровице, Чунев, Скнилов. В результате бомбежки в Скнилове был зажжен технический склад, но пожар ликвидирован; выведено из строя на аэродроме Куровице 14 самолетов и на аэродроме Адамы 16 самолетов. Нашими истреби-

4.00 22.6.41 немцы без всякого предупреждения противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно на всей границе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь. В 5.00 противник бомбардировал Лида, нарушив проводную связь армии. С 5.00 противник продолжал непрерывные налеты, нанося удары группами бомбардировщиков ДО-17 в сопровождении истребителей МЕ-109 по городам: Кобрин, Гродно, Белосток, Брест, Пружаны. Основными объектами атаки являются военные городки. В воздушных боях в районе Пружаны сбиты один бомбардировщик и два истребителя. Наши потери — 9 самолетов. Сопоткин и Новоселки горят. Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Голынка, Домброва и из района Соколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются. В результате боев противнику удалось овладеть Голынка и выйти в район Домброва, отбросив части 56 сд в южном направлении. В направлении Соколув, Волковыск идут напряженные бои в районе Черемха. Своими действиями этих двух направлений противник очевидно стремится охватить северо-западную группировку фронта. Командующий фронтом намечает контрудар в направлении Голынка для уничтожения прорвавшегося противника. Командующий 3 армии вводом танковой дивизии стремится ликвидировать прорыв противника на Голынка.

4. Юго-Западный фронт. В 4.20 противник начал обстрел пулеметным огнем наших границ. С 4.30 самолеты противника ведут бомбардировку Любомль, Ковель, Луцк, Владимир-Воыньск, Новоград Воыньск, Черновицы, Хотин и аэродромов у Черновицы, Галич, Бучач, Зубов, Адамы, Куровице, Чунев, Скнилов. В результате бомбежки в Скнилове был зажжен технический склад, но пожар ликвидирован; выведено из строя на аэродроме Куровице 14 самолетов и на аэродроме Адамы 16 самолетов. Нашими истреби-

1. Северный фронт. Противник звеном самолетов типа бомбардировщик нарушил границу и вышел в район Ленинграда и Кронштадта. В воздушном бою было сбито нашими истребителями два самолета. До 17 самолетов противника пытались пройти в район Выборг, но не дойдя повернули обратно. В районе Куолярви взят пленный немецкий солдат моторизованного полка 9 пд. На остальных участках фронта спокойно.

2. Северо-Западный фронт. Противник в 4.00 открыл артогонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города: Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шауляй. В результате налета возникли пожары в Виндава, Ковно и Вильно. Потери — уничтожено на аэродроме Виндава три наших самолета, ранено 3 красноармейца и зажжен склад горючего; в 4.30 над районами Каунас и Либава шел воздушный бой. Результаты выясняются. С 5.00 противник ведет систематические налеты группами по 8—20 самолетов на Поневеж, Шавли, Ковно, Рига, Виндава. Результаты выясняются. Наземные войска противника перешли в наступление и ведут удар в двух направлениях—основной из района Пиллкаллен, Сувалки, Гольд ап силами 3—4 пд и 200 танков в направлении Оолита и обеспечивающий главную группировку удар из района Тильзит на Таураге, Юрбакас силами до 3—4 пех. дивизий с невыясненной группой танков. В результате пограничных боев атака противника на Таураге отбита, но противнику удалось захватить Юрбакас. Положение на направлении главной группировки противника уточняется. Противник видимо стремится действиями на Оолита, Вильно выйти на тылы Западного фронта, обеспечивая свои действия ударом на Таураге, Шауляй.

3. Западный фронт. В 4.20 до 60 самолето-

телями сбито два самолета противника. В 4.35 после артогня по району Владимир Волыньск и Любомль наземные войска противника перешли границу развивая удар в направлении Владимир Волыньск, Любомль и Крыстинополь. В 5.20 в районе Черновицы у Карпешти противник также начал наступление. В 6.00 в районе Радзехув выброшен парашютный десант противника неуставленной численности. В результате действия наземных войск противник занял, по непроверенным данным, Пархач и Высоцко в районе Радымно. До полка конницы противника с танками, действующими в направлении Рава-Русска проник к УР. В районе Черновицы противник потеснил наши пограничные заставы. На Румынском участке в воздушных боях над Кишиневым и Бельцами сбито 2 самолета противника. Отдельным самолетам противника удалось прорваться на Гросулово и бомбить аэродромы Бельцы, Болград и Болгарийка. В результате бомбежки уничтожено 5 самолетов на аэродроме Гросулово. Наземные войска противника на фронте Липканы-Рени пытались форсировать реку Прут, но были отбиты. По непроверенным данным противник в районе Картал высадил десант через Дунай.

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника. Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частичного успеха. Начальник Генерального Штаба Красной Армии генерал армии Жуков»⁴¹⁵.

В данном случае этот документ приведен только из-за специально выделенной жирным шрифтом части. Она

^{4,5} ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 1071. Д. 1. Л. 2—5. Автограф.

означает, что по состоянию на 10 часов утра 22 июня Жуков как минимум уже стал осознавать стратегический замысел германского командования. А как максимум он еще до начала войны знал о вероятности такого замысла германского командования по донесениям разведки, в том числе и из схемы ГРУ от 20 марта 1941 г., а также из проекта плана прикрытия ПрибОВО. Второе более похоже на правду. Потому как по состоянию на 10 часов утра 22 июня информация о положении на фронтах была чрезвычайно скудная. И для столь далеко идущих выводов крупномасштабных оснований еще не было. Следовательно, Жуков исходил из довоенной информации разведки и штаба ПрибОВО. А нам потом лапшу на уши вешал, что-де он ничего не знал. Документ же, к тому же за его подписью, четко свидетельствует, что он явно заранее знал и понимал угрозы, которые могут реально возникнуть. Но тем не менее утвердил дислокацию на стыке ПрибОВО и ЗапОВО ненадежных частей, да еще и не обращал внимания на огромные бреши в обороне ЗапОВО. А как только грянули первые раскаты грома, так сразу, видите ли, «органическая ненависть к штабной работе» проявила невиданную стратегическую прозорливость в разгадывании стратегического замысла супостатов при наличии крайне скудной информации?! Ну и как же прикажете все это расценивать?!

Или как прикажете объяснять этот факт, что с приходом Жукова на должность начальника Генштаба и образованием дуэта Тимошенко-Жуков, из документов военного планирования сразу у двух округов — у Прибалтийского и Западного — исчезла задача прочного прикрытия именного Минского направления — центрального в рамках более широкого Белорусского (Западного) направления?! И в результате на имевшем особое стратегическое значение стыке двух округов-фронтов были

размещены наиболее ненадежные части?! Как это понимать?

Так вот, разве нет оснований по совокупности расценить все это как заранее подготовленное в преступных целях алиби?! По крайней мере, со стороны командующего округом Кузнецова. Ведь как минимум за месяц до войны четко же понимали наиболее вероятные операционные направления действий противника и реальную угрозу стыку двух фронтов. Но оставили именно ту дислокацию войск, которую подали в ГШ в марте. И при этом имейте в виду, что еще в 23.46. 20 июня Кузнецов был проинформирован донесением штаба 11-й армии, что ранее наблюдавшиеся в большей концентрации в Сувалках германские войска полностью переброшены к границе⁴¹⁶.

Да, собственно говоря, с Сувалкским выступом, который вклинивался в советскую территорию, как говорится, и ежу было все понятно — это очень опасный для советских войск плацдарм, с которого немцы могут нанести едва ли не смертельный удар. Не говоря уже о том, что опасность такого удара подчеркивалась еще в выводах по итогам декабрьских 1940 г. — январских 1941 г. стратегических командно-штабных игр, о чем говорилось ранее. Проще говоря, о серьезной опасности удара из района Сувалок было известно за полгода. В том числе и Кузнецову*

Соответственно доклад Кузнецова о том, что-де у него нет сил для прикрытия стыка с 3Ф из-за ненадежности дислоцированных там дивизий, иначе как умышленно преступное блеяние не охарактеризовать. Ведь о том, что эти дивизии были ненадежны в представлении подчинявшейся наркомату обороны военной контрразведки, было известно заранее. К тому же прямо накануне войны в литовском корпусе были произведены массовые

аресты национального командного состава и замена его русскими, что резко обострило положение в корпусе. И без того чрезвычайно косо смотревшие на советы литовские офицеры, сержанты и рядовые корпуса взбунтовались прямо с первыми же выстрелами немцев, и не без удовольствия стали не столько разбегаться, сколько поворачивать оружие против советских войск и помогать немцам. То есть формально получается, что как бы и объективная трудность у Кузнецова — части ненадежны. Тогда какого же хрена ты лезешь в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг до получения даже директивы № 3, если прекрасно знаешь, что у тебя крайне ненадежно прикрыт, хотя на самом деле и вовсе не прикрыт, стык с Западным фронтом?! Ведь утренний приказ о контрударе в тильзитском направлении мог запросто закончиться только местным вариантом Канн. Да и вообще, о чем он думал и думал ли, как оно положено честному солдату вне зависимости от его звания и должности, если через десять минут после такого послания в Москву, издал приказ о контрударе в тильзитском направлении?! Хуже того. Как прикажете расценивать эти его действия, если за 5 минут до этого послания в Москву, и за 15 мин. до подписания приказа о контрударе в тильзитском направлении Кузнецов подписал приказ о «раскассировании» 3-го МК?! Этим приказом письменно было оформлено изъятие из этого корпуса самой боеспособной танковой дивизии — 5-й тд. Она была передана в распоряжение непосредственно командующего 11-й армией. Невозможно не отметить одно обстоятельство. Какими бы, возможно, и благородными, соображениями формально ни руководствовался Кузнецов в письменной форме, изымая 5-ю тд и передавая в непосредственное подчинение командарма-11, факты свидетельствуют о другом. Он сознательно и заранее обрекал на неминуемый провал даже и без того идиотскую идею немедленного встречно-

⁴¹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 2. Л. 76. Это донесение штаба 11-й армии 21.6.1941 г. было направлено также и в Генштаб.

лобового контрблицкрига на тильзитском направлении. А как иначе расценить то, что он сделал?! Судите сами.

А. Устное распоряжение командующего округом Кузнецова насчет передачи 5-й тд в 11-ю армию поступило еще 21 июня, то есть когда он, по свидетельству Ротмистрова, прибыл в 3-й МК, а вот письменное оформление этого распоряжения состоялось только в 9 ч. 30 мин. утра 22 июня!

Б. В отправленном в 9 ч. 35 мин. 22 июня донесении на имя Тимошенко Кузнецов письменно указал, что «...5-я танковая дивизия на восточном берегу в районе Алитус будет обеспечивать отход 128-й стрелковой дивизии и *прикрывать тыл 11-й армии от литовцев*, а также не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман севернее Друскеники»⁴¹⁷.

В. Последовательность действий командующего округом Кузнецова автоматически и, особо это подчеркиваю, без какого-либо влияния извне складывается в следующую логическую цепочку:

— противотанковое минирование, минирование мостов и установку заграждений из колючей проволоки не сделал, прикрывшись тем, что-де ГШ не поставил вовремя мины, взрывчатку и колючую проволоку.

— Не сделал этого потому, что формально готовился в и без того idiotский и опасный немедленный встречно-лобовой контрблицкриг на тильзитском направлении, хотя за полгода знал об особой опасности удара немцев из района Сувалок.

— Но при этом еще накануне войны изъясил из 3-го МК самую боеспособную 5-ю танковую дивизию — из того самого МК, который и должен реализовывать неуместно «глубокую мысль» командующего о контрударе.

— Еще накануне войны разместил давно вызывавший серьезные сомнения

в надежности литовский корпус на одном из самых стратегически важных мест — на стыке с ЗапОВО-ЗФ.

— А затем лично (совместно с Военным советом округа) спровоцировал крайне резкий рост напряженности, особенно в литовском корпусе, санкционировав аресты командного состава корпуса такого уровня (300 чел.). Не могу не подчеркнуть особо, что без санкции командующего и Военного совета округа 3-й отдел (военная контрразведка) штаба округа не мог осуществить подобное. Не говоря уже о том, что таковы были жесткие правила, установленные совместно НКВД и НКО СССР еще в 1939 г., которые были сохранены и при передаче особых отделов в наркомат обороны⁴¹⁸.

— И, наконец, заключительные «аккорды» — звенья в этой цепочке преступных по совокупности действий командующего:

а) в 9 ч. 30 мин. утра 22 июня письменно оформляется приказ об изъятии 5-й тд из 3-го МК и передачи ее в подчинение командарма-11,

б) в 9 ч. 35 мин. 22 июня на имя Тимошенко направляется упомянутое слезное сообщение с указанием, что прибалтийские части ненадежны и даже необходимо *прикрывать тыл 11-й армии от литовцев*.

Проще говоря, Кузнецов уже утром знал, что литовский корпус взбунтовался, разбегаются и поворачивают оружие против Красной Армии. Короче говоря, алиби создано,

в) и в 9 ч. 45 мин. 22 июня Кузнецов подписывает приказ о контрударе в тильзитском направлении!

г) а в 22 ч. 20 мин. 22 июня Кузнецов уже ставит того же Тимошенко перед фактом, что получился разрыв с Западным фронтом, и просит помочь закрыть этот разрыв! Причем объясняет это тем, что прибалтийские части ненадежны, и

^{4,7} Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. М., 1958, с. 36.

^{4,8} Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Кн. 1. Ноябрь 1938 — декабрь 1940 гг. М., 1995, с. 30.

он опасается измены?! А ведь еще утром написал тому же Тимошенко, что одной из задач 5-й тд будет прикрытие тыла 11-й армии от литовцев! Еще раз обращаю внимание на то, что он уже утром знал, что факт измены литовского корпуса налицо, но тем не менее даже в 22.20 вечера всего равно сделал вид, что пока что еще только опасается измены!

Ну, и как вам это?! Полагаю, что едва ли могут возникнуть затруднения для того, чтобы согласиться со следующим выводом. Перед нами вполне грамотно, весьма недурно продуманная подготовка и реализация конкретного плана предательства в форме хорошо завуалированного, внешне пассивного открытия фронта врагу с одновременной подставой вверенных ему соединений и частей, а также правого крыла 3Ф под неминуемый разгром вследствие якобы «объективных обстоятельств». И при всем этом в наличии имеется не менее грамотно, четко и продуманно, а, самое главное, заблаговременно подготовленное в письменной форме алиби в виде всевозможных приказов, распоряжений, оперсводок и донесений. Зело умен да хитер был Кузнецов! Попробуй придерись! Однако Кузнецов хорошо понимал, что придраться можно, как, впрочем, и размотать этот клубок его «фокусов» тоже можно.

Взгляните хотя бы на письменное свидетельство выдающегося советского военачальника генерала И.Д. Черняховского (к глубокому сожалению, погиб во время войны), который в звании полковника в начале войны командовал 28-й танковой дивизией 12-го МК ПриОВО. Нижеприводимые данные взяты из его объяснительной записки военному прокурору. Судя по характеру поставленных военным прокурором вопросов, И.Д. Черняховского опрашивали о причинах столь быстрого разгрома войск ПриОВО-СЗФ. Проще говоря, расследование, которое Сталин инициировал в самом начале войны, велось также и через органы военной

прокуратуры. Итак, вот что написал этот выдающийся советский военачальник в своей объяснительной записке: «На протяжении всего периода боев, начиная с 23.6. от м. Калтиненая и до выхода в р-н Псков ни впереди, ни на флангах дивизии не было ни одной стрелковой части, хотя по приказу они должны были быть. При обороне на рубеже р.Муижа сев. Шяуляя в приказе значилось, что впереди занимает оборону 11-й СК. На самом деле 11-й СК оказался далеко сзади, в результате КП штаба 12-го МК был совершенно открыт для пр-ка. На этом же КП погибла опергруппа штаба во главе с генерал-майором Шестопаловым. При обороне на сев. берегу Зап.Двина по приказу справа от 28 ТД должна обороняться 48-я сд, слева 202 сд. На самом деле оказалось: 48-я сд без разрешения снялась и ушла, а слева 22 сд совершенно не была на реке, а оказалась в м. Мадона в 40 км от р. Зап. Двина. При наступлении на Мадону по приказу значилось: справа наступает 48-я сд — ее не было совершенно, слева — 181-я сд, которой тоже совершенно не было»⁴¹⁹.

Вот так все знавшее, имевшее, предусмотревшее, всех натренировавшее, все документы сляпавшее, все карты и схемы нарисовавшее, всю артиллерию привлекшее командование ПриОВО и входивших в этот округ армий, корпусов и дивизий привели в боевую готовность и выдвинули на рубежи обороны подчиненные им стрелковые и иные части. А затем и командовали ими в боевых условиях. Разгром был предрешен заранее и потому был неминуем. Абсолютно неизбежен.

Потому Кузнецов и бегал так долго по лесам, пока Сталин не отошел от гнева! Кузнецов прекрасно знал, что он натворил, и боялся справедливого, но сурового

^{4,9} Из объяснительной записки И.Д. Черняховского военному прокурору. Цит. по: *Дайнес В.* Генерал Черняховский. Гений обороны и наступления. М., 2007, с. 564.

наказания. Да и, очевидно, кто-то наверху его тоже прикрывал (в современном смысле «крышевал»)! Кузнецова, увы, не расстреляли, но с момента выхода из лесов его карьера покатила вниз, хотя и не по тернистой тропе, во всяком случае не слишком уж и тернистой. Кто-то действительно его «крышевал»... Он был назначен на другую должность с понижением. Ну, а часть его «соратников» по командованию округом-фронтом — начальник штаба П.С. Кленов и командующий ВВС округа-фронта А.П. — Ионов были расстреляны.

Но вот что весьма любопытно. Высшее военное командование, то есть Тимошенко и Жуков, как минимум прекрасно знало, какой невероятно злостный, умышленный, преступный бардак творится в ПриОВО, который запросто обернется трагедией. Один только факт осуществленной за неделю до начала войны проверки округа по инициативе Тимошенко однозначно свидетельствует об этом. Более того. В конце концов и до них дошло, что осуществленная ими негласная, незаконная и неофициальная подмена единственного официального плана отражения и незаконная переориентация округа на немедленный встречно-лобовой контрблицкриг со всеми иными их «фокусами» неминуемо неизбежно приведет к невероятной трагедии. И посмотрите, что было сделано. Это же просто невероятно, но факт.

Бывший командующий ПриОВО генерал-полковник А.Д. Локтионов 19 июня 1941 г. был арестован 3-м Управлением НКО, то есть военной контрразведкой. Проще говоря, вместо того чтобы более чем «по заслугам» отправить на плаху Ф.И. Кузнецова, заранее подсунули на эту же плаху голову Локтионова. Тут надо иметь в виду, что Локтионов был в таком звании и в таком статусе после освобождения от прежней должности — пребывал в резерве руководства НКО — что арестовать его могли только с прямой санкции

Тимошенко и Жукова. Таковы были правила. Поэтому любые указания на то, что Локтионов был арестован органами госбезопасности, одновременно и правдивы, и лживы в еще большей степени. Да, органы военной контрразведки — это органы государственной безопасности, но прошу еще раз обратить внимание на то, что военная контрразведка в то время подчинялась именно наркомату обороны, то есть Тимошенко и Жукову. Лубянка же, тем более нарком внутренних дел Л.П. Берия, тут ни при чем. Короче говоря, не за грехи, пускай даже и преступные, а именно же за тяжкие преступления Кузнецова «мальчиком для расстрела» Тимошенко и Жуков заранее назначили Локтионова. Вот так они «крышевали» Кузнецова и создавали алиби и ему, но в еще большей степени себе.

10. В какую боевую готовность они приводили войска, если даже в полностью забетонированных ДОТ УР округа не было вооружения?! Например, в Каунасском УР на 31 ДОТ были завершены бетонные работы, но вооружения никакого так и не было поставлено. Зато началось формирование управления УР⁴²⁰. То же самое имело место в Алитусском УРе — ни в одном из готовых дотов не было установлено вооружение⁴²¹.

11. В какую боевую готовность они приводили войска, если нет никакой возможности не сказать и о фактах, которые не оставляют никакого сомнения, что готовилось откровенное предательство в виде подставы войск округа под разгром?! Выше уже говорилось о том, что гаубичную артиллерию умышленно подставляли под разгром и захват ее противником. Так вот, поразительное дело: прямо накануне войны некоторым гаубичным артиллерийским полкам было приказано сдать на склады и в ремонт в окружную ремонтную мастерскую в Риге все прице-

⁴²⁰ Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 282.

⁴²¹ Там же, с. 277.

лы, панорамы и теодолиты⁴²². А без этого, даже при наличии снарядов, толку от этих мощных пушек никакого. Куда и как стрелять, если нет прицелов?! Гаубичная артиллерия не предназначена для стрельбы прямой наводкой. Да и какой ремонт, и тем более ВСЕХ прицелов, когда подобные действия артиллеристы осуществляют самостоятельно, тем более что в артиллерийских полках по штату имелись свои специалисты этого профиля.

Естественно, что наиболее трезво-мыслящие командиры послали этот приказ по известному всей России адресу. Но, увы, не все. А сам этот факт более чем примечателен по двум причинам. Во-первых, такой приказ был отдан в отношении 270-го корпусного артиллерийского полка 16-го стрелкового корпуса 11-й армии. Той самой армии и того самого корпуса, и без того слабое состояние которых, в том числе и в плане боеготовности, усиленно ослаблял еще и пресловутый комиссаришко Диброва! Проще говоря, предпринимались попытки сделать все, чтобы 16-й СК не смог бы хоть как-то выполнить боевую задачу. Ну, а уж если совсем примитивно, то делалось все, чтобы подставить этот корпус под неминуемый разгром. Ведь если артиллерия не действует, то стрелковым частям достаточно быстро наступит полный каюк. Он и наступил... достаточно быстро. Во-вторых, этот факт характерен тем, что подобное имело место во всех трех округах — как в ПриОВО, так и в ЗапОВО, и в КОВО. А это уже система — от признания этого обстоятельства уже никуда не деться. Система предательских действий, направленных на ослабление боевой готовности артиллерийских частей большой мощности. О том, с кем и как это было проделано в других округах, — в соответствующих главах.

Между прочим, предательские действия в отношении именно артиллерий-

ских частей, особенно в отношении гаубичных частей, на том не исчерпываются. Им, например, отказывали в заблаговременном получении боекомплектов даже по минимуму. Причем отказывал именно штаб округа, когда командиры артиллерийских частей обращались с этим вопросом. Зато когда уже стало совсем очевидно, что супостаты вот-вот нападут, тогда 20 июня последовал приказ направить в Каунас технику для получения снарядов. Но все дело в том, что, во-первых, артиллерийские снаряды, тем более для гаубичной артиллерии, очень тяжелые. Соответственно, за ними были посланы трактора с прицепами. Во-вторых, 20 июня — это пятница. 21 июня — суббота. В-третьих, трактора-то были направлены, например из упоминавшегося 270-го корпусного артиллерийского полка 16-го СК, но ведь это же тихоходная техника. Полк-то находился на расстоянии 70 км от Каунаса. Соответственно в Каунас прибыли они к утру 21 июня. В-четвертых, поскольку это была суббота, а складские крысы не любят по субботам вставать рано, то выдача снарядов произошла, если произошла, уже за полдень. В-пятых, обратный путь занимал еще больше времени, потому как тракторные прицепы были тяжело нагружены. А с 4.00—4.15 22 июня супостаты уже начали боевые действия. В итоге и, в-шестых, тяжелые орудия остались без средств механической тяги. Это ведь только «сорокопятку» можно было на руках вытягивать, да и то не слишком уж далеко. Отправившие их в Каунас за снарядами командиры так и остались в неведении об их дальнейшей судьбе.

И, наконец, в-седьмых, какой же мог быть толк от этого полка, который в значительной степени был лишен средств механической тяги? Как вывозить тяжелые орудия на позиции?!

Но даже если они и прибыли бы своевременно, то тогда возникла бы другая проблема. Расчетам потребовалось бы время на то, чтобы подготовить привезенные

⁴²² См., например: *Осокин А.Н.* Великая тайна Великой Отечественной. М., 2007, с. 157.

снаряды к стрельбе. У современных артиллеристов это называется «окснаривание» (приведение в окончательное снаряжение, а тогда говорили и писали так — «приведение снаряда в боевую готовность»). Это все занимает некоторое время (командир того 270-го КАП м-р Петров еще вечером 21 июня дал команду «привести имеющиеся в наличии снаряды в боевую готовность»), а данные полки находились достаточно близко от границы.

Но даже если они и прибыли бы своевременно, то тогда возникла бы другая проблема. Снаряды-то надо подготовить. А когда и как это делать, если супостаты уже вовсю лупят по позициям советских войск?! Не говоря уже о том, что снаряды для гаубичной артиллерии очень тяжелые, а их подготовка к использованию весьма сложная и требует специального оборудования.

Вот так и были созданы «объективные» причины слабого, если не сказать что вообще никакого, участия значительной части артиллерии (особенно тяжелой) округа в начальный период войны. И ведь худо-бедно, но алиби есть. Но кто-либо может вразумительно объяснить, почему и в данном, весьма специфическом, аспекте произошло полное совпадение с положениями «Плана поражения...» Тухачевского?! Хуже того. Одновременно это и полное совпадение также и с тем, что писал в своих записках Я.М. Жигур еще в 1937 г.?! Помните, ранее говорилось о том, что Жигур подверг резкой критике последние (на 1937 г.) военные планы наступательных операций РККА. В частности, он четко доказывал, что вследствие слишком незначительной артиллерийской поддержки фронтовым частям предстоит понести большие потери. А ведь, вновь обращая на это внимание, в ПриОВО были созданы все «объективные» причины слабого, если не сказать никакого, участия значительной части артиллерии (особенно тяжелой) округа в Начальный период войны.

И не надо думать, что это было только в ПриОВО. Подобные же действия по лишению средств тяги именно артиллерийских частей, в первую очередь гаубичных полков, осуществлялись и в других округах. А это опять система (о других округах — в соответствующих главах). Не говоря уже о том, что обеспечение боепитанием именно артиллерийских (а также стрелковых) частей не было организовано даже в минимуме. Как только начались боевые действия, так в первых же донесениях с мест боев зазвучали настойчивые требования командиров различных уровней подать снаряды различных калибров, что подтверждают также и сообщения военной контрразведки⁴²³. Тыловики же округа отказывались подвозить боеприпасы по железной дороге, мотивируя это тем, что бомбят окаймленные супостаты железную дорогу!⁴²⁴ О какой же боевой готовности можно говорить в таком случае? Так что вовсе не удивительно, что уже 25 июня в спецсообщении № 35134 3-го Управления НКО со ссылкой на сообщение 3-го отдела СЗФ было особо подчеркнуто, что материальная часть артиллерии фронта выбыла в значительном количестве⁴²⁵.

12. В какую боевую готовность были приведены войска, когда в самом прямом смысле в последнюю минуту спохватились, что нет цистерн для подвоза топлива для танковых дивизий?⁴²⁶ А когда уже начались бои, то издевательски подавали не требуемое количество топлива, а

⁴²³ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 163—164. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. статей «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 33.

⁴²⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 103. Л. 80—87. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. статей «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 37.

⁴²⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 163—164. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. статей «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 33.

⁴²⁶ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 12—13.

в десятки раз меньше. Например, в упоминавшейся выше объяснительной записке И.Д. Черняховский указывал, что он запрашивал 16 цистерн, а ему привезли всего 16 бочек?!⁴²⁷ Ну и что он должен был делать с этими бочками?! Заправить 2—3 танка, а остальным предложить идти пешком? Может ли кто-либо вразумительно объяснить, почему и в данном, весьма специфическом, аспекте произошло полное совпадение с «Планом поражения СССР в войне с Германией» Тухачевского?! Там ведь достаточно ясно говорилось об умышленном нарушении снабжения войск, проще говоря, о саботаже во вредительских целях.

13. В какую боевую готовность они приводили войска, если не были организованы армейские СПАМы (сборные пункты аварийных машин. — *А. М.*), ремонтные пункты и т.п., без чего танковым и механизированным дивизиям невозможно восстанавливать выбывающую в ходе боев боевую технику? И.Д. Черняховский и это тоже указал в своей объяснительной записке военному прокурору⁴²⁸. Может ли кто-либо вразумительно объяснить, почему и в данном, весьма специфическом аспекте произошло полное совпадение с «Планом поражения СССР в войне с Германией» Тухачевского?! Ведь там и об этом четко говорилось.

14. В какую боевую готовность они приводили войска, если командиры дивизий не знали, куда эвакуировать раненых?! А на их запросы штаб фронта издевательски отвечал, что их нужно отправить в те пункты, которые уже были заняты противником и где все запасы медицинского и иного госпитального имущества уже уничтожены?! Именно это и указал в своей объяснительной записке военному прокурору И.Д. Черняховский⁴²⁹.

⁴²⁷ Из объяснительной записки И.Д. Черняховского военному прокурору. См.: *Дайнес В.* Генерал Черняховский. Гений обороны и наступления. М., 2007, с. 562.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же, с. 565

15. В какую боевую готовность они приводили войска, если с первых же минут войны выяснилось, что посты ВНОС работают плохо, путают передачу сигналов, постоянно создавая ситуацию ложной тревоги, а когда противник действительно нападал на аэродромы, то вообще никаких сигналов не поступало?! К тому же личный состав ПВО толком не знал типы советских самолетов и потому, даже при хорошей видимости опознавательных знаков, подвергал свои же самолеты обстрелу (об этом см. далее).

16. В какую боевую готовность они приводили войска, если средства ПВО отсутствовали как на аэродромах, так и для прикрытия иных важных объектов и действующих войск?! Вот свидетельство врага: «...Капитан М. фон Коссарт (М. УОП Соззаль) из эскадры КС1 Тинденбург отмечал, что при первой атаке 88 бомбили совершенно незамаскированные самолеты, стоявшие как на параде на краю аэродрома Либавы (Лиепая, Литва; по единственно точным данным пограничников, налет начался в 4.20 утра местного времени. — *А. М.*). Сопротивление оказал единственный зенитный пулемет, установленный на кромке взлетной полосы, но он не причинил никакого вреда. По утверждению фон Коссарта, немецкие радисты перехватили передачу открытым текстом: “Нечем прикрыть с воздуха. Наш истребительный полк (речь идет о 148-м ИАП) погиб под бомбами”»⁴³⁰.

А ведь средств ПВО было достаточно. Может ли кто-либо вразумительно объяснить, почему и в данном, весьма специфическом аспекте произошло полное совпадение с «Планом поражения СССР в войне с Германией» Тухачевского?! Ведь там и об этом четко говорилось. Хуже того. Лишь 15 июня 1941 г. Военный совет ПрибОВО дал приказ о разработке плана

⁴³⁰ *ЗсИмаБесИззеп IV.* Тье Ки\$8лап А1Г Порсе т 1Ье Еуез оГ Сегтап Соттапдегз. №1у Уогк. 1960. Р. 54. Цит. по: *Хазанов Д.* 1941. Горькие уроки. Война в воздухе. М., 2006, с. 63.

противовоздушной обороны (а также о маскировке самолетов, танков и артиллерии), со сроком исполнения 25 июня?!⁴³¹ А ведь директива на этот счет была еще 14 мая.

Немалую роль в ослаблении готовности ПВО ПриОВО к отражению уже более чем очевидной агрессии свою руку приложил и Тимошенко. Как известно, командующий округом Кузнецов 21 июня в 14.30 отдал приказ о введении светомаскировки в гарнизонах и местах сосредоточения войск. Не прошло и получаса, как Кузнецов получил от Тимошенко хорошую взбучку за это и устный приказ наркома обороны немедленно отменить указание о светомаскировке, а также представить лично ему соответствующее объяснение. Свидетелем этого разговора был генерал Н.Д. Яковлев. В тот момент он явился в кабинет Тимошенко для представления по случаю прибытия в связи с назначением на должность начальника Главного артиллерийского управления. Яковлев прибыл в Москву в 14.00. Через час уже был в кабинете Тимошенко и своими ушами слышал все это⁴³². Кстати говоря, ни о каких ссылках на Сталина в ходе состоявшегося между Тимошенко и Кузнецовым телефонного разговора на эту тему Яковлев не упоминает. Между тем обычно ретивость Тимошенко на этот счет списывают на мифическое указание Сталина. А где оно?! Никто до сих пор не предъявил.

Вообще-то эта история началась намного раньше. На основании распоряжения командующего ПриОВО начальник штаба округа генерал-лейтенант Кленов 18 июня издал приказ о приведении системы ПВО в боевую готовность, в постановляющей части которого говорилось: <«...» КОМАНДУЮЩИЙ ПРИКАЗАЛ:

1. Частям ПВО зоны, батальонам ВНОС и средствам ПВО войсковых со-

единении и частей принять готовность № 2 (повышенная боевая готовность)...

3. Части ПВО, находящиеся в лагерях, в том числе и войсковые, немедленно вернуться в пункты постоянной дислокации.

6. Срок готовности 18.00 19 июня 1941-го. Исполнение донести 20.00 19 июня 1941-го.

Начальник штаба ПриОВО генерал-лейтенант КЛЕНОВ»⁴³³.

А 21 июня командование округом получило из Москвы втык следующего содержания: «Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО о введении в действие положения № 2 — это значит провести по Прибалтике затемнение, чем и нанести ущерб промышленности. Такие действия могут проводиться только по решению правительства. Сейчас Ваше распоряжение вызывает различные толки и нервирует общественность. Требую немедленно отменить незаконно отданное распоряжение и дать объяснение для доклада наркому. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии ЖУКОВ»⁴³⁴.

Между тем Тимошенко и Жуков напрасно «наехали» на Кузнецова, потому как тот фактически выполнял их же, Тимошенко и Жукова, директиву от 18 июня о приведении войск прикрытия в боевую готовность. К тому же к моменту получения втыка из Москвы действия Кузнецова в отношении ПВО уже соответствовали, правда, частично, также и приказу № 042 от 19 июня 1941 г. о маскировке, который, как это явствует из его содержания, касался всех частей и соединений, особенно входящих в угрожаемую зону⁴³⁵.

За что же было ругать Кузнецова? Или Тимошенко—Жуков умышленно приказали Кузнецову отменить его указание о светомаскировке, чтобы воен-

⁴³¹ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. 11. Л. 36.

⁴³² Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1981, с. 58.

⁴³³ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 14.

⁴³⁴ ЦА МО РФ. Ф. 251. Оп. 1554. Д. 4. Л. 437.

⁴³⁵ ЦА МО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 201—203.

ные гарнизоны и части оказались бы хорошо видимы для авиации противника?! Ведь трудно предположить что-либо иное. Хотя нельзя не отметить и объективность формальной стороны дела. Именно с формальной точки зрения факт затемнения, вводимый с 19 июня, мог превратиться в аргумент обвинения в адрес СССР в том, что-де он готовит агрессию против Германии. А Сталин чрезвычайно пристально следил и жестко пресекал любые выходки военных и гражданских, которые даже гипотетически могли бы превратиться в подобные аргументы для супостатов. Но нельзя не заметить и того, что приказ-то в ПриБОВО был издан 18 июня, а Тимошенко с Жуковым спохватились и «врезали» Кузнецову только 21 июня. В тот самый день, когда уже и младенцу было ясно, что ранним утром следующего дня произойдет нападение.

Есть еще одно обстоятельство. Обычно факт этого втыка преподносят как самодурство «тирана» Сталина, якобы отменившего «героические» действия командующего округом по приведению введенных ему войск в боевую готовность. Но это просто глупо. На самом же деле Кузнецов исполнял директиву от 18 июня. Но перегнул палку именно с затемнением, хотя если иметь в виду упомянутый выше приказ № 0042 от 19 июня, да еще и совместно с аналогичным приказом от 20 июня (о нем см. далее), то, откровенно говоря, еще как сказать — перегнул ли? А вот само приведение ПВО округа в боевую готовность телеграмма Жукова не отменяла. Но внезапное нападение на рассвете 22 июня, а оно, как известно, началось с авианалетов, показало, что ПВО оказалось неготово к подобному повороту событий.

17. В какую боевую готовность они приводили войска, если, например, командир 7-й ад ВВС ПриБОВО полковник Петров еще 19 июня был предупрежден заместителем начальника ВВС округа по

политработе о возможных военных действиях и ему был указан срок готовности к 3 часам 22 июня. Однако он, по свидетельству военных контрразведчиков, ничего не сделал, и дивизия была застигнута врасплох, вследствие чего понесла большие потери в самолетах⁴³⁶. Кстати говоря, издав ночью 22 июня дублирующий директиву № 1 вариант для войск ПриБОВО, Кузнецов почему-то исключил из него пункт о рассредоточении авиации. Вот текст этой директивы:

«ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ОТ 22 ИЮНЯ 1941 г. ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 8-й И 11-й АРМИЙ О МЕРОПРИЯТИЯХ В СВЯЗИ С ВОЗМОЖНЫМ НАПАДЕНИЕМ НЕМЦЕВ В ПЕРИОД 22—23 ИЮНЯ 1941 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 8-й и 11-й АРМИИ 22 июня 1941 г. 2 часа 25 минут

1. Возможно в течение 22—23.6.41 г. внезапное нападение немцев на наше расположение. Нападение может начаться внезапно провокационными действиями.

2. Задача наших частей — не поддаваться ни на какие провокационные действия немцев, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно наши части должны быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев и разгромить [противника].

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, а подразделения, назначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать.

В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться и до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать.

2. В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его.

⁴³⁶ Это свидетельство военной контрразведки приводится ниже. Там же указан и источник.

3. Крепко держать управление войсками в руках командиров.

4. Обстановку разъяснить начальствующему составу и красноармейцам.

5. Семьи начальствующего состава 10, 125, 33-й и 128-й стрелковых дивизии перевозить в тыл только в случае перехода границы крупными силами противника.

6. В случае перехода крупных сил противника в наступление:

а) саперные батальоны управлений начальника строительства передать командирам дивизий на участках их местонахождения и использовать для усиления войск;

б) строительные батальоны, автотранспорт и механизмы управлений начальника строительства отвести на тыловые рубежи по планам армий.

7. Командующему 11-й армией немедленно выдвинуть штаб 126-й стрелковой дивизии и возможное количество пехоты и артиллерии ее в район Кальвария, куда будут продвигаться все части 126-й стрелковой дивизии.

8. Средства и силы противовоздушной обороны привести в боевую готовность номер один, подготовив полное затемнение городов и объектов.

9. Противотанковые мины и малозаметные препятствия ставить немедленно.

10. Исполнение сего и о нарушении границы доносить немедленно.

Командующий войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковник] Ф. Кузнецов

[Начальник управления политпропаганды округа бригадный комиссар] Рябчий

[Начальник штаба округа генерал-лейтенант] Кленов»⁴³⁷.

18. В какую боевую готовность они приводили войска, если батальоны связи стрелковых корпусов и стрелковых дивизий к началу войны находились вне расположения своих соединений?!

⁴³⁷ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск № 34. М., 1958. Ф. 221. Оп. 2467сс. Д. 39. Л. 77—84. Цит. по: Нир://т1Н1егг.иб.ш/(1ос\$/(1а/\$бс1/1П(1ех.Бип1

19. В какую боевую готовность они приводили войска, если даже армейские батальоны связи округа, будучи хорошо укомплектованы средствами связи, не могли имеющимися в незначительном количестве транспортными средствами поднять все свое имущество, которое было на складах?! И в результате оказались вынужденными уничтожить его, что, естественно, отразилось затем и на надежности связи и управления войсками.

20. Наконец, как они приводили войска в боевую готовность на смешанном театре военных действий, «если только 20 июня Генеральным штабом и НКО было приказано командующим Ленинградским, Прибалтийским и Одесским военными округами в двухдневный срок отработать вопросы взаимодействия с флотами в соответствии с планом прикрытия»⁴³⁸.

Что, раньше нельзя было приказать то же самое?! Когда им было этим заниматься, и почему в этом указании речь шла о плане прикрытия, когда с середины мая было приказано разработать планы обороны государственной границы? А ведь столько лет нам рассказывали, как командующий ПриОВО генерал Кузнецов здорово и «по личной инициативе» подготовил свой округ к войне...

Дополнительная справка-комментарий. Чтобы более не возвращаться к морской тематике, но, учитывая, что ТВД ПриОВО — это смешанный театр военных действий, где рука об руку должны были действовать наземные войска и флот, отметим следующее. Вице-адмирал Трибуц указал в своем отчете, что усилено патрулирование. Поверим его отчету. Тогда как объяснить следующий факт. Как могло случиться, что одновременно и якобы даже вопреки воле тирана Сталина приведенный в боевую готовность Краснознаменный Балтийский флот в период с 22 июня по 3 декабря 1941 г. попросту перестал существовать?! «К концу 1941 года флота на Балтике практически не существовало»⁴³⁹. Таков печальный вывод отечественного профес-

⁴³⁸ ЦА МО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 1. Л. 31.
⁴³⁹ Доценко В. Д. Мифы и легенды Российского флота. Изд. 4, испр. и доп. СПб., 2004, с. 213.

сионала высокого класса — профессора Санкт-Петербургской военно-морской академии В.Д. Доценко. И в этой связи просто не обойтись хотя бы без краткого описания «героического» перехода флота из Таллина в Кронштадт.

К немедленной эвакуации флота из Таллина вынудил беспрецедентный драп якобы своевременно приведенных в боевую готовность и выведенных на рубежи обороны войск Северо-Западного фронта (до 22 июня — ПриБОВО). Уже 19 августа 1941 г. гитлеровцы вышли на передовой рубеж обороны Таллина.

Комментарий. Слава богу, что к 19 августа, а то ведь могли и значительно раньше там оказаться. За то, что супостаты оказались под Таллином с двухмесячным опозданием, они должны «благодарить» Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова, который с июля командовал Северо-Западным направлением. Именно под его командованием советским войскам удалось снизить средний темп наступления супостатов на Северо-Западном направлении с 27 до 1,6 км в сутки, или без малого в 17 раз!⁴⁴⁰

Три дня защитники города общими усилиями сопротивлялись. 25 августа советские войска вынуждены были отойти на главный рубеж обороны. С этого дня город и порт простреливались противником на всю глубину. Уже с того дня начались потери флота. Прямые попадания артиллерийских снарядов получили лидер «Минск» и эсминец «Славный», затонул транспорт «Луначарский».

Командование флота понимало необходимость срочного вывода всех кораблей из Таллина, запрашивало об этом главкома Северо-Западного направления Ворошилова, а тот, не будь дураком, переадресовал запрос от 25 августа Сталину, на что вождь сильно удивился: «А что, разве корабли еще в Таллине?» В результате вмешательства Сталина утром 26 августа адмирал Трибуц наконец-то получил директиву об эвакуации, которая в принципе, опоздала как минимум на неделю. Причем срок для подготовки был отведен предельно короткий — одни сутки! Но все бы ничего, если бы, как и всегда, не преступное отношение командования флота к разведке.

Дело в том, что у командования флота было всего три варианта осуществления операции по переходу кораблей в Кронштадт. По Северному фарватеру, который проходил по кромке финских шхер и являлся наиболее безопасным — здесь мин почти не было. Вариант был отвергнут по политическим соображениям — могли заподозрить в желании сдать корабли противнику. Не говоря уже о том, что в результате именно же

преступного отношения командования к организации разведки на Балтике флотские разведчики понятия не имели, какие силы гитлеровцы сосредоточили в финских шхерах. А ведь корсары адмирала Редера начали осуществление этих мероприятий еще до нападения на СССР, а также в первые дни войны. К примеру, известно, что в 3 ч. 45 мин. 22 июня из Восточной Пруссии вылетели 14 немецких бомбардировщиков, которые сбросили в воды фарватера между Кронштадтом и Ленинградом 28 магнитных морских мин, после чего приземлились на финском аэродроме Утти⁴⁴¹. Как это при усиленном патрулировании, при объявленной полной боевой готовности на флоте — оперативная готовность БВ 1 — никто на Балтфлоте не зафиксировал, что гитлеровцы с воздуха осуществили минирование фарватера между Кронштадтом и Ленинградом?!

По Южному фарватеру — он проходил между берегом и южной кромкой немецкого минного заграждения «Юминда». До середины августа по этому фарватеру прошли 220 транспортов, и только один из них подорвался на mine. Однако 12 августа 1941 г. под предлогом опасений, что-де в районе поселка Кунда могут быть расположены артиллерийские батареи противника, не спрашивая мнения морского командования, директивой Военного совета Северо-Западного направления Ворошилов закрыл этот район для плавания. Оставался только один вариант — по Центральному фарватеру.

И вот тут-то предельную роль сыграло именно же преступное отношение командования флота к постоянному ведению разведки. Потому что именно здесь было выставлено немецкое минное заграждение «Юминда» (по названию мыса Юминда), которое постоянно усиливалось. Это заграждение советские корабли ни разу не протраливали и не разведывали, границы его не были известны, а о количестве мин, как впоследствии накатали в мемуарах «доблестные» адмиралы, «нам никто не мог сообщить». В результате только за период с 11 по 27 августа из прошедших по этому фарватеру 9 конвоев из 40 кораблей и судов 14 погибли или получили серьезные повреждения от мин и действий авиации противника.

Уже после войны выяснилось, что выбранный командованием флота маршрут эвакуации означал «в лоб» форсировать минное заграждение. А оно, между прочим, состояло из 30 линий мин и минных защитников! Плотность мин составляла 150 мин и 105 минных защитников на 1 милю по фронту. То есть на каждый кабельтов (185 м) тральной полосы приходилось не менее 15—16 мин!

⁴⁴⁰ Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии. 1939—1945. М., 1980, с. 164.

⁴⁴¹ Йюкини М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск, 1999, с. 289.

Чтобы впоследствии ни писали адмиралы, но не зная такого масштаба постановки минных заграждений можно было только в одном случае. В случае абсолютного неведения разведки, которой просто не поставили такую задачу! Разве это не преступление?! Как флот может действовать без разведки?! Как можно было не засечь столь широкомасштабных работ гитлеровского флота по установке минных заграждений, тем более что они начали эту работу еще до нападения на СССР?! Уму непостижимо! Вот вам и усиление патрулирования по Трибуцу!

Короче говоря, для более или менее безопасного прохождения по такому маршруту, да и то в дневное время, необходимо было привлечь не менее 100 тральщиков. Привлечено же было 10 базовых, 18 мобилизованных и 26 катерных, из которых только два могли быть использованы по прямому назначению. То есть реально-то были задействованы всего 30 тральщиков, более чем в три раза меньше, нежели того требовала обстановка.

27 августа началась полномасштабная подготовка к эвакуации из Таллина, в том числе и сухопутных войск, партийно-правительственного аппарата Эстонской ССР, а 28 августа примерно в 16.00 движение начал отряд главных сил, за ним чуть позже отряд прикрытия и арьергард. Буквально через три часа после выхода из порта корабли и суда вытянулись в 15-мильную линию (28 километров), общей численностью 153 боевых корабля и катера и 75 судов. Прекрасная мишень для авиации!

В результате «героического прорыва» по никогда не разведывавшемуся фарватеру было потеряно 68 единиц, из них 22 боевых корабля и вспомогательных судна, в том числе 5 эсминцев, 3 сторожевика, 3 тральщика, 2 подводных лодки, а также 46 транспортов. Еще 38 судов были оставлены или затоплены в Таллине. То есть потери только на этом этапе составили 46,5 %. Не скрывавший в послевоенное, особенно в постсталинское время своей злобы на Сталина нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов набрехал Верховному, что всего-то погибло 8 боевых кораблей, 12 транспортов и 8 вспомогательных судов. А в отношении сухопутных сил — что-де ни одной пушки, ни одного соединения противнику не оставлено, все вывезены или уничтожены.

В отношении флотских потерь выше уже было сказано. В отношении иных — полюбуйтесь, насколько нагло врал адмирал флота СССР: гитлеровцы захватили в Таллине 11 432 красноармейца, 293 исправных орудия, из них 144 зенитных, 97 полевых, 57 противотанковых, 304 пулемета, 91 броневомобиль, 2 бронепоезда, 4000 якорных мин, 3500 торпед, более 1000 авиабомб. Да что там железяки! Общее число жертв этого «героического прорыва» со-

ставляло, по разным оценкам, от 30 до 40 тысяч человек (включая гражданских лиц и попавших в плен).

Сталин был вне себя от гнева, узнав о таком «героизме» адмиралов, и лишь крайняя необходимость обеспечивать оборону Ленинграда вынудила его отказаться от мысли немедленно репрессировать этих «ероев». Ну, и жаль. Потому что далее они продолжили «героически сры- вать планы противника» столь эффективно, что к концу 1941 г. Краснознаменный Балтийский флот практически перестал существовать! Потому как лишился 1 лидера, 16 эсминцев, 28 подводных лодок, 47 тральщиков, из коих четыре дали деру в Швецию, 5 сторожевых кораблей, 5 гидрографических судов, 5 заградителей, 4 канонерских лодок, 23 торпедных катера, 25 катеров-охотников. Гражданский флот потерял 131 судно, из них 57 было захвачено врагом в иностранных и советских портах, 37 потоплено авиацией, 21 одно затонуло в результате подрыва на минах, 16 погибли по иным причинам⁴⁴².

Такова неприглядная правда не столько о «героическом прорыве» КБФ из Таллина в Кронштадт — это и так понятно, — сколько о незаконно укорененном в массовом сознании лживом стереотипе, согласно которому нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов заранее и вопреки воле Сталина привел флоты в боевую готовность. Вот объясните, хотя бы самим себе, почему с этим флотом произошло ровно то же самое, что и с наземными войсками и авиацией ПриБОВО-СЗФ — разгром и поражение?! Затрудняетесь?! А вы еще раз внимательно взгляните и вдумайтесь во все приведенные выше факты, и, уверяю вас, затруднение пройдет.

Кстати говоря «Военно-историческое морское обозрение» еще в № 1 за 1997 г. фактически обвинило Трибуца в предательстве и измене, в уничтожении КБФ и подготовке к сдаче Ленинграда.

Прекрасно зная теперь состояние войск ПриБОВО и в целом на Северо-Западном ТВД, положение дел с разработкой планов обороны и подлинную ситуацию с выходом на государственную границу, можно отчетливо представить себе, в какую на самом деле боевую готовность они привели войска. Учитывая же печальные итоги приграничных сражений в этом округе (СЗФ), едва ли будет

⁴⁴² Мартыросян А.Б. 200 мифов о Великой Отечественной войне. Т. 2. Трагедия 1941 года. М., 2008, с. 390—394.

столь затруднительно согласиться с выводом о том, что в реальности никакой боевой готовности, в том числе и полной боевой готовности, не имело место быть. Это послевоенная ложь генералов. Точнее именно генералы все постсталинское время заявляли, что-де тиран не давал им привести войска в боевую готовность заранее, до 22 июня! И ведь не боялись говорить такую подлость!

В сущности же имела место профанация боевой и полной боевой готовности. К слову сказать, и сами упомянутые выше проверка частей и соединений округа, и особенно приказ по ее итогам, более чем затруднительно расценить иначе как заблаговременную подготовку алиби и для НКО с ГШ, и для командующего в ситуации уже очевидного неминуемого поражения. Поражения, которое сознательно планировалось и потому ясно предвиделось, но тем не менее НКО и ГШ спокойно взирали и на положение дел в округе, включая уже вырисовавшееся явное превосходство ГА «Север» над войсками округа, и на осуществлявшуюся командующим округом очевидную двойную игру. Проще говоря, по существу, тайно и очень осторожно готовились все условия для этого поражения.

Ну, и в завершение выводов было бы вполне резонно привести отрывок из воспоминаний бывшего командующего артиллерией 27-й армии ПриБОВО генерал-полковника Н.М. Хлебникова. Зачем — станет понятно уже из их содержания. Итак, вот что он написал: «Глубоко убежден, что если бы войска наших пограничных округов были заранее развернуты на линии пограничных укреплений и приведены в полную боевую готовность, если бы нам не пришлось вводить их в бой с марша, по частям, то и начало войны сложилось бы совершенно иначе. Не исключено, что и в этом случае мы были бы вынуждены отходить. Но отступление отступлению рознь. Одно дело, когда ты отступаешь, сохра-

няя силы, другое — когда в первые же дни войны потерял значительную часть кадровых дивизий и вместо них должен использовать наспех сформированные соединения. ...Начнись война без тех больших потерь в кадрах, которые мы понесли в первых боях, оборонительный ее период не затянулся бы на такой длительный срок. Общие эти соображения я подкреплю фактами из боевых действий некоторых соединений нашего фронта, которые в силу ряда обстоятельств встретили удар противника более подготовленными, чем многие другие. А сейчас вернусь к последним предвоенным дням.

В середине июня штаб 27-й армии получил указание штаба округа вывести артиллерию латышского и эстонского корпусов на полигон для обычных летних проверок и боевых стрельб. Это означало, что артиллеристы на какое-то время будут оторваны от своих стрелковых соединений. С большим трудом нам удалось добиться отсрочки в проведении полигонных боевых стрельб и оставить артиллерию на местах.

18 июня генерал Берзарин получил приказ выехать со штабом из Риги в район южнее Шяуляя. Предстояли штабные учения. В них должны были участвовать и штабы 8-й и 11-й армий. Учение проводил командующий округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов... Ранним утром 18 июня штаб нашей армии прибыл в назначенный район, что примерно на полпути между Шяуляем и Паневежисом. Мы развернули командный пункт, работы начались. Когда проводили рекогносцировку местности, на КП приехал генерал-полковник Кузнецов. Он торопился в 11-ю армию, поэтому пробыл у нас недолго, с полчаса. Выеду*-, шав доклад командарма Берзарина, сделал несколько замечаний по ходу учения. Когда командующий уже собирался уезжать, Берзарин задал вопрос, который всех нас тревожил: почему до сих пор не разрешено вывозить на огневые позиции снаряды? От складов до позиций

15—20 километров, расстояние, в сущности, небольшое, но надо же учитывать нехватку в армии автотранспорта.

— Не спешите! — ответил командующий. Он добавил, что ему приказали отменить даже затемнение, введенное было в городах на случай воздушной тревоги, и вернуть отправленные на восток эшелоны с семьями комсостава. Николай Эрастович Берзарин продолжал настаивать на выдаче частям боеприпасов. Я доложил командующему, что армия не имеет никакого артиллерийского резерва.

— Резерв есть, — ответил Кузнецов. — Пока он в моем распоряжении. Поезжайте в Бубяй, там стоит 9-я противотанковая бригада РГК. От моего имени прикажите командиру бригады поднять части по тревоге и вывести на боевой рубеж. Кстати, ознакомьтесь с состоянием бригады.

Он назвал пункты, через которые проходит этот рубеж, объяснил вкратце задачу бригады в ходе штабных учений. Я поехал в Бубяй с чувством весьма неопределенным. 9-я противотанковая бригада в подчинение нашей армии не вошла, и на мою долю снова выпала роль промежуточной инстанции. Опять, как и в случае с 67-й дивизией в Либаве, которая имела свое непосредственное начальство — штаб 8-й армии, я должен был только «посмотреть и ознакомиться» и передать соответствующие указания... Оказывается, командующий округом опередил меня. По пути в 11-ю армию он заехал в 9-ю бригаду и приказал ее командиру полковнику Полянскому выдвинуть полки на боевой рубеж юго-западнее Шяуляя, в 60—70 километрах от государственной границы, оборудовать огневые позиции и подвезти к ним снаряды. ... В первые дни войны это соединение сыграло большую роль в боевых действиях на шяуляйском направлении...

Побывав в бригаде, я вернулся на командный пункт 27-й армии. На следующий день штабные учения закончились, и

21 июня мы вернулись в Ригу, в штаб армии, занимавший большой дом на улице Вольдемара. Отдыхать было некогда. Из приграничных районов продолжали поступать тревожные сообщения. К вечеру мы собрались у командарма Берзарина. Меня волновал все тот же вопрос: когда выдадут частям боевые снаряды? Член Военного совета армии дивизионный комиссар Батраков рассказал, что вместе с членом Военного совета округа корпусным комиссаром Дибровой они уже поставили этот вопрос перед Москвой. Берзарин позвонил в штаб округа. Дежурный ответил, что командующего нет — еще не вернулся после учений. Указаний насчет выдачи частям боеприпасов от него не поступало. Командарм приказывает мне поехать в штаб округа, «сесть» там на связистов и во что бы то ни стало разыскать командующего. Выехал. На набережной Даугавы полно гуляющих. Смеркается. Вспыхивают фонари, на темной воде играют блики. Мирный субботний вечер. Рига ярко освещена. Минут через пятнадцать моя «эмка» затормозила у подъезда штаба округа. В штабе пусто. Почти все руководящие работники во главе с генерал-полковником Кузнецовым еще в войсках. На месте только заместитель командующего генерал-лейтенант Е.П. Сафронов... и он не скрывал беспокойства: с командующим так и не было связи. Я позвонил Берзарину, доложил об этом. Попросил разрешения остаться в штабе округа, пока не свяжусь с генералом Кузнецовым. Берзарин согласился.

...Примерно в половине второй ночи* начались непрерывные звонки из частей. Командиры спрашивали: как принимать директиву командующего округом? Как отличить провокацию от настоящей атаки, если противник предпримет боевые действия?

Дополнительный комментарий. * — Не исключено, что за давностью лет Хлебников слегка и неумышленно ошибся в указании времени.

Дело в том, что согласно ныне рассекреченным документам транслирующий содержание директивы №61 НКО и ГШ вариант для армий, частей и соединений ПрибОВО командование и штаб округа создали и передали в войска в 2.25 ночи местного времени. Следовательно, с учетом времени для зашифровки, передачи, расшифровки на местах и краткого обсуждения в штабах звонки последовали не ранее 3—3.30 ночи. Кстати говоря, в приводимо ниже остальном тексте цитируемого отрывка из воспоминаний Хлебникова содержится четкое указание на то, как, почему и в какое время все это произошло. Вынужден повторить текст этого документа со всеми его атрибутами: «ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ОТ 22 ИЮНЯ 1941 г. ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 8-й И 11-й АРМИЙ О МЕРОПРИЯТИЯХ В СВЯЗИ С ВОЗМОЖНЫМ НАПАДЕНИЕМ НЕМЦЕВ В ПЕРИОД 22—23 ИЮНЯ 1941 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 8-й и 11-й АРМИИ
22 июня 1941 г. 2 ч 25 мин 25 МИНУТ

1. Возможно в течение 22—23.6.41 г. внезапное нападение немцев на наше расположение. Нападение может начаться внезапно провокационными действиями.

2. Задача наших частей—не поддаваться ни на какие провокационные действия немцев, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно наши части должны быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев и разгромить [противника].

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В течение ночи на 22.6.41 г. скрыто занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, а подразделения, назначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать.

В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться и до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать.

2. В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его.

3. Крепко держать управление войсками в руках командиров.

4. Обстановку разъяснить начальствующему составу и красноармейцам.

5. Семьи начальствующего состава 10, 125, 33-й и 128-й стрелковых дивизии перевозить в тыл только в случае перехода границы крупными силами противника.

6. В случае перехода крупных сил противника в наступление:

а) саперные батальоны управлений начальника строительства передать командирам дивизий на участках их местонахождения и использовать для усиления войск;

б) строительные батальоны, автотранспорт и механизмы управлений начальника строительства отвести на тыловые рубежи по планам армий.

7. Командующему 11-й армией немедленно выдвинуть штаб 126-й стрелковой дивизии и возможное количество пехоты и артиллерии ее в район Кальвария, куда будут продвигаться все части 126-й стрелковой дивизии.

8. Средства и силы противовоздушной обороны привести в боевую готовность номер один, подготовив полное затемнение городов и объектов.

9. Противотанковые мины и малозаметные препятствия ставить немедленно.

10. Исполнение сего и о нарушении границы доносить немедленно.

[Командующий войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковник] Ф. Кузнецов

[Начальник управления политпропаганды округа бригадный комиссар] Рябчий

[Начальник штаба округа генерал-лейтенант] Кленов⁴⁴³.

◆**

Положение у Егора Павловича (Сафронова. — А. М) затруднительное: что им ответить, если сам в глаза не видел этой директивы? Командующий округом отдал ее войскам первого эшелона, не известив своего заместителя. Уже после войны я узнал причину этой несогласованности. Оказывается, командующий округом генерал-полковник Кузнецов, как и другие командующие приграничными округами, сам получил из Москвы директиву Наркома обороны и начальника Генерального штаба о приведении войск в боевую готовность лишь около часу ночи 22 июня. В распоряжении командующего округом оставались до рассвета считанные часы. Он в свою очередь направил приказы армиям часа через полтора. Получив приказ, командиры и просили его разъяснения. К сожалению, в штаб округа директива пришла уже после начала войны. Вот она:

“В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, а подразделения, на-

⁴⁴³ ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 2467сс. Д. 39. Л. 77—84.

значенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать.

В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться и до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня по ним не открывать. В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его. Противотанковые мины и малозаметные препятствия — ставить немедленно”.

Полагаю, что комментировать этот документ нет нужды (напротив, есть необходимость, и чуть ниже соответствующий комментарий будет дан. — А. М.). Достаточно сказать, что даже те оборонительные задачи, которые поставили войскам, выполнить было чрезвычайно трудно из-за недостатка времени. Приказ поступил в части 8-й и 11-й армий за полтора-два часа до начала боевых действий. Главные силы этих армий располагались в нескольких десятках километрах от границы, поэтому они просто не успели занять предназначенные им полосы обороны. Подавляющее большинство дивизий вступало в бой с немецко-фашистскими войсками в крайне невыгодных для себя условиях — с марша, когда противник уже прорвался через нашу границу. Только те соединения, которые дислоцировались в пограничной зоне, смогли занять оборону и провести другие необходимые мероприятия...

Все утро из приграничной полосы поступали в штаб округа тревожные донесения. Фашисты жестоко бомбили нашу оборону... Примерно в полдень прервалась проводная связь с 11-й армией, несколько позже — с 8-й. Мы вынуждены были разыскивать армейские штабы по радио — открытым текстом. Неоднократно штаб округа вызывала Москва — Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и Генеральный

штаб. Они разыскивали командующего округом. Е.П. Сафонов докладывал, что генерал-полковник Ф.И. Кузнецов вчера вечером был близ границы, а в настоящее время его местонахождение неизвестно. Из Ленинграда позвонил заместитель Наркома обороны генерал К.А. Мерецков. Сафонов доложил ему обстановку. Мерецков сообщил, что наш округ переименован в Северо-Западный фронт, и тоже спросил, где находится Кузнецов. Разумеется, и ему ничего определенного Сафонов ответить не мог. Лишь на следующий день группа офицеров Генштаба, прилетевшая самолетом из Москвы, разыскала генерала Кузнецова близ Паневежиса, в районе оперативного командного пункта...»⁴⁴⁴

Комментарий. Н, и как вам эти воспоминания? Разобрались, что к чему? Если не очень, то позвольте оказать посильную помощь. Самым главным, конечно, является, во-первых, т.е. прямая констатация того факта, что непосредственно накануне войны командующий округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов исчез из поля зрения своих заместителей и штаба округа и соответственно из поля зрения НКО и ГШ. На сутки. А ведь он знал доложенную ему еще в 7 ч. 25 мин. утра 21-го июня 1941 г. последнюю разведывательную сводку РО штаба ПриОВО, которая называлась «Разведданные штаба ПриОВО о готовности войск группы армий “Север” к нападению на Советский Союз». Получив такие разведывательные данные, командующий округом уже не имел права куда-либо выезжать — он обязан был находиться либо в штабе округа, либо, учитывая ранее поступившие директивы из Москвы, быть на своем командном пункте. Но никак не мотаться по частям и уж тем более исчезать из поля зрения всех и вся. Тем более что до 24.00 21 июня связь в округе еще никто не нарушал и дозвониться до штаба округа и сообщить, где он находится, Кузнецов мог с любого места. Проще говоря, получается, что он умышленно на время исчез из поля зрения, предоставив штабу округа, а также своему заместителю лично и, возможно, даже головой отвечать за неизбежно катастрофическое начало боевых действий в полосе компетенции Прибалтийского округа. Ведь получив уже директиву № 1,

⁴⁴⁴ Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. М., 1974. Гл. «Страна вступает в бой. Накануне». Цит. по: Бир://ш1Н1ега.Иб.ш/шето/п1881ап/ЫеЫткоу_пт/05.Ыш1

Кузнецов даже и не подумал информировать о ней ни штаб округа, ни своего заместителя. Они получили директиву только после начала боевых действий. Можете расценивать высказываемый вывод как угодно, но по-человечески и по-военному это называется подставить. Причем подставить ввиду ясно осознававшихся, а потому очевидных негативных последствий.

Во-вторых, Хлебников четко и однозначно констатирует тот факт, что в действительности войска округа не были приведены в настоящую боевую готовность, не были заранее развернуты на линии пограничных укреплений и потому вводились в бой с марша, по частям. Но это и означает, что приведение войск округа в полную боевую готовность «по милости» командующего округом фактически под его же руководством обернулось умышленной профанацией. Ну а если еще учесть и саму формулировку вопроса № 2 — «С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?» — то получается следующее. Заранее санкционированный выход войск прикрытия на государственную границу умышленно не был осуществлен. Ведь вопрос-то ясно подразумевает, что заблаговременная санкция на выход войск на государственную границу действительно имела место быть. Ввод же войск в бой по частям, да еще с марша, — один из самых верных способов их угробить. Военные это прекрасно знают. Да, собственно говоря, это известно любому человеку на примере разницы между (ударами) действиями растопыренной пятерней и кулаком.

В-третьих, воспоминания Хлебникова в очередной раз свидетельствуют о какой-то маниакальной склонности командующего округом отдавать устные распоряжения о приведении войск в боевую готовность, да к тому же через третьих лиц. Объявление боевой тревоги — это ведь не шуточки на эстраде, тем более в особо угрожаемый период. Как же должны были себя чувствовать командиры, которые получали такие устные распоряжения, да еще и через третьих лиц?! Испокон веку в армии так не принято. Боевая тревога, тем более в особо угрожаемый период, объявляется по письменному приказу вышестоящего начальника. Короче говоря, и в данном случае есть немалый резон усмотреть попытку Кузнецова подставить под ответственность других людей. Ведь в случае чего он запросто мог откеститься под предлогом того, что-де не давал таких распоряжений или же его неправильно поняли. И попробуй потом докажи, что он действительно отдал такое устное распоряжение. Что касается артиллерии, то этот аспект уже комментировался во втором томе.

В-четвертых, обратите особое внимание на содержание концовки п. 1 — «При полетах

над нашей территорией немецких самолетов не показываться и *до тех пор, пока самолеты противника не начнут боеБых действий, огня не открывать*» и п. 2 — «*в случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его*».

По сути дела, эти положения в разъясняющем режиме дублировали указания на порядок открытия огня по супостатам, который был четко определен в подлинном, но до сих пор неизвестном историкам тексте директивы № 1. Так что все сказки маршалов и генералов о том, что-де Сталин вообще запрещал открытие ответного огня по супостатам, не более чем гнусная, подлая, омерзительная, донельзя лживая брехня самих маршалов и генералов. По другому они просто не могли объяснить, почему они так обос...сь в первые мгновения войны. А так ведь более чем удобно — Сталин виноват! И баста! Мертвые-то сраму не имут! Не на себя же и не на своих, так же обос...ся коллег брать всю вину за столь катастрофически-трагическое начало войны. Вот и врала нам маршалы и генералы, да так, что нагородили едва ли не полностью чудовищно непроходимые джунгли лжи. Но истина не в силе и не в масштабах их лжи, а в Подлинной Правде.

§ 5. Общая ситуация в ПриОВО. Соотношение сил. Причины и механизм возникновения непреодолимого на первых порах стратегического превосходства противника

Ну а теперь давайте посмотрим, в чем реально и конкретно выразилась боевая готовность войск округа, в которую его командование привело их якобы вопреки «тирану» Сталину. Если, конечно, после ознакомления еще и с ниже приводимыми фактами у вас хватит духа и смелости использовать выражение «боевая готовность» в отношении войск этого округа.

Итак, ПриОВО с раннего утра 22 июня 1941 г. — Северо-Западный фронт.

Силы сторон:

1. ПриОВО — 11 стрелковых дивизий, 4 танковых и 2 моторизованные дивизии. 183,5 тыс. человек личного со-

става, включая писарей, хозяйственные подразделения, врачей и медсестер и т.д. 1420 танков, 1271 орудие, 1478 минометов, 1632 противотанковых орудия, 119 зенитных орудий, 1271 боевой самолет. Полоса прикрытия 300 км⁴⁴⁵.

2. ГА «Север» — 21 пехотная (по другим данным — 24⁴⁴⁶), а также 7 танковых и 6 механизированных дивизий, 1 механизированная бригада.

556 тыс. человек личного состава. По другим данным, 634 тыс. человек⁴⁴⁷. 1389 танков, самоходных штурмовых орудий и артиллерийских установок, 3045 орудий, 4140 минометов, 2566 противотанковых орудий, 615 зенитных орудий, 1070 боевых самолетов⁴⁴⁸.

Общее превосходство противника к началу агрессии:

- по численности личного состава — свыше 3 раз (с учетом иной численности — 634 тыс. чел. — 3,45 раза);

- по количеству стрелковых дивизий — в 2 раза (с учетом иного количества пехотных дивизий ГА «Север» — 2,18 раза);

- по количеству танковых дивизий — почти в 2 раза;

- по количеству моторизованных дивизий (с учетом механизированной бригады, которая засчитывается как 0,75 механизированной дивизии) — 3,75 раза;

- в артиллерии — 2,4 раза;

- по минометам — 2,8 раза;

- по противотанковым орудиям — 1,5 раза.

Линейная плотность сил:

1. ПриБОВО:

⁴⁴⁵ Данные по ПриБОВО цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2009, с. 152—153.

⁴⁴⁶ Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война Прибалтике. М., 2002, с. 14.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Данные по ГА «Север» цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2009, с. 153; Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. М., 2002, с. 14; Абатуров В. Морозов М. Неизвестные трагедии Великой Отечественной. М., 2008, с. 38.

- по личному составу (формально, по всей сухопутной линии прикрытия с учетом численности всего личного состава) — 0,61 стрелка на 1 м линии прикрытия;

- по артиллерии (с учетом минометов, противотанковых и зенитных орудий) — 15 стволов на 1 км линии прикрытия;

- по танкам — 4,73 танка на 1 км линии прикрытия;

- по авиации (с учетом всех видов самолетов) — 4,23 самолета на 1 км линии границы (прикрытия).

2. ГА «Север»

- по личному составу — 1,85 пехотинца на 1 м линии вторжения;

- по артиллерии (с учетом минометов, противотанковых и зенитных орудий) — 34,55 ствола на 1 км линии вторжения;

- по танкам — 4,63 танка на 1 км линии вторжения;

- по авиации (с учетом всех видов самолетов) — 3,3 самолета на 1 км линии вторжения.

Это формальные расчеты, исходящие, прежде всего из того факта, что основная сухопутная полоса прикрытия и обороны ПриБОВО была 300 км, что для ГА «Север» формально означало необходимость прорвать оборону наших войск на фронте шириной именно 300 км. Однако и, увы, придется обязательно учесть, что группы армий вермахта в прорыв шли на участках шириной 100 км (максимум 150 км). Соответственно уже только в силу этого формальное превосходство ГА «Север» над войсками ПриБОВО — в расчете на суженную по германскому уставу ширину фронта прорыва — автоматически увеличивалось еще в 2—3 раза по сравнению с указанными выше величинами!

В действительности же ГА «Север» начала свое вторжение в полосу шириной примерно 50—70 км. То есть в момент нападения только из-за этого обстоятельства фактическое

превосходство противника на Северо-Западном направлении — вследствие сильно суженной ширины фронта прорыва — возросло не в 2—3, а в 4—6 раз по сравнению с указанными выше величинами, высчитанными только по формальным основаниям!

Проще говоря, по своей ударно-пробивной силе и мощи обрушившаяся на рассвете 22 июня на передовые части РККА в ПриОВО ГА «Север» только из-за указанных выше обстоятельств превосходила оборонительный потенциал войск ПриОВО:

- по численности личного состава — свыше 12—18 (с учетом упомянутой выше иной численности — 14—20 раз);

- по количеству стрелковых дивизий — 8—12 раз (с учетом упомянутого выше иного количества пехотных дивизий ГА «Север» — почти 9—13 раз);

- по количеству танковых дивизий — почти в 8—12 раз;

- по количеству моторизованных дивизий (с учетом механизированной бригады, которая засчитывается как 0,75 механизированной дивизии) — 15—22,5 раза;

- в артиллерии — 9,6—14,4 раза;

- по минометам — 11,2—16,8 раза;

- по противотанковым орудиям — 6—9 раз.

Прошу обратить чрезвычайно особое внимание на то, что подобного соотношения сил, то есть в физическом исчислении, в реальности не имело место быть. Это виртуальное соотношение, которое сложилось только из-за того, что ГА «Север» пошла в прорыв на очень суженном участке фронта — фактически вдвое меньшем, чем даже по германскому уставу того времени. Однако и, увы, это виртуальное соотношение мгновенно превратилось в исключительное стратегическое превосходство врага, которое громило и уничтожало наши войска. Потому что как только раздались первые выстрелы, то началось

самое страшное — в действие вступила жестоко кровавая высшая алгебра критически неравных боев, неизбежность кроваво свирепого проявления характера которой была предрешена всеми предвоенными действиями командования округа и высшего военного руководства страны.

Вот к чему привела незаконно, негласно и неофициально осуществленная подмена Тимошенко—Жуковым единственного официального плана отражения агрессии! Вот к чему привело ими же осуществленное полное исчезновение указанной в единственном официальном плане отражения агрессии обязанности сразу двух округов — ПриОВО и ЗапОВО — прикрывать и оборонять Минское (в целом Белорусское) направление, в том числе и в сочетании с надежным прикрытием Риги-псковского направления! Уже только в силу этих обстоятельств едва ли не молниеносный разгром и поражение войск ПриОВО-СЗФ был автоматически неминуемо неизбежен. Как, впрочем, и неминуемое создание неизбежной угрозы разгрома Западного фронта. Так вот и спрашивается, кто же должен нести уголовную и историческую ответственность за такое соотношение сил на этом направлении в канун агрессии?! Сталин или все же «киевская мафия» во главе с Тимошенко—Жуковым, фактически исповедовавшие концепцию Тухачевского, в которой именно это направление было названо второстепенным для военных планов Гитлера?! Этот дуэт зеркально выбритых голов что, не видел по донесениям разведки, какие силы противник сосредотачивает на этом направлении? Они что, умышленно создали супостатам такую возможность, что еще до начала агрессии те уже имели фактически реальное двойное классическое превосходство?! Они что, не понимали, чем кончится такое соотношение сил?! Наконец, это же насколько незаконная идея немедленного перенесения войны на территорию про-

тивника, сиречь идея проклятого немедленного встречно-лобового контрблицкрига по факту нападения, помутила им рассудок, что они дотянули ПриОВО в таком соотношении сил с противником до 22 июня?! (См. карту).

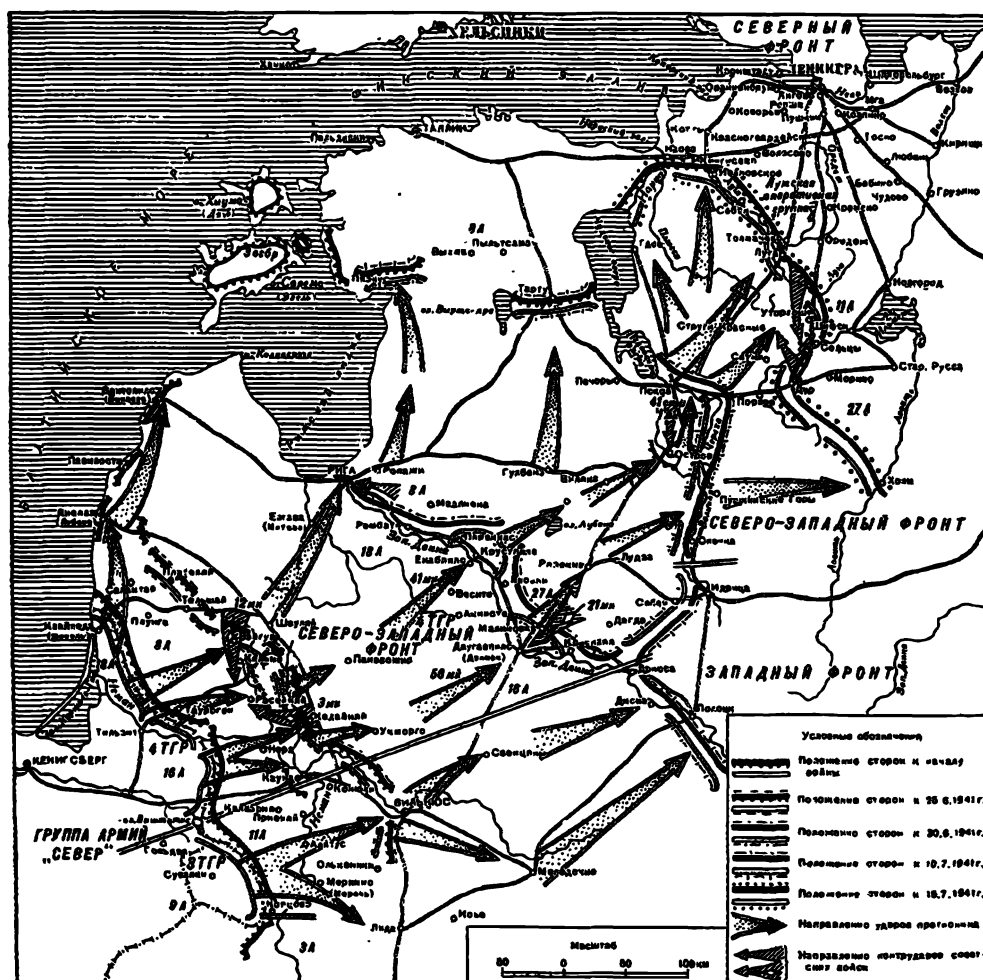
В целом же по округу ситуация была такова:

— фактически ополовиненная по численности, или же имевшая максимум 75 % личного состава в сравнении со штатным расписанием,

— лишенная своей основной ударной силы в лице танкового батальона,

— не имевшая нормальной, собственно противотанковой артиллерии (легендарная «сорокапятка», то есть пушка калибра 45 мм, коих в стрелковой дивизии по штату числилось всего 54 ствола, была пушкой батальонной, то есть предназначенной прежде всего для ведения огня по пехоте, и по состоянию на 22 июня не могла тягаться с броней гитлеровских танков, тем более на дальних расстояниях, но особенно из-за свирепого дефицита бронебойных снарядов),

—обладавшая резко пониженной устойчивостью в обороне—до 17,3—22,6 раза, о

Общий ход боевых действий на Северо-Западном направлении с 22 июня по 15 июля 1941 года

чем говорилось ранее одна наша сермяжная не менее едва ли не мгновенно у них стрелковая дивизия вынуждена была за- складывалось впечатление, что на них мать фронт обороны шириной в среднем обрушилась мощь сразу 105—164 гитле- до 40 км! Голый расчет показывает, что на ровцев! Именно с этого-то и начиналась 40-километровом фронте обороны нашей паника. Она всегда начинается из-за непо- дивизии в прорыв спокойно могли идти до нятности ситуации, тем более вследствие 10 пехотных или механизированных ди- сильнейшей разницы между визуальными визий вермахта, ибо у них ширина фронта и фактическими ощущениями реального прорыва была 4 км! Рассмотрим последовачеловека, особенно в коллективе и в усло- тельно, что произошло бы в случае прорывавиях реальной, особо грозной опасности. 10 пехотных дивизий.

При 4-километровой ширине фронта мощь и сила такого эффекта возрастают прорыва гитлеровские пехотные дивизии не просто многократно, а многократно на рвались вперед с плотностью в 4,2 пехотиннорядки. Именно в этот момент войска и ца на 1 м линии прорыва, на котором обо- могут дрогнуть, что, к сожалению, и про- ронялось всего 0,16—0,25 нашего стрелка! исходило. Ведь и в самом деле, невеселая Что из этого должно было получиться и ре- выходила ситуация — видишь перед со- ально же получалось? Правильно, к глубо- бой всего-то каких-то четырех фрицев, чайшему прискорбию, кровавое побоище ва чувствуешь, что как будто тебя лупят неравном бою! Потому что при указанной 105—164 ганса!

выше линейной плотности в прорыве той Еще тяжелее ситуация оказывалась, же пехотной дивизии вермахта на долю когда по требованию командиров танко- каждых 0,16—0,25 нашего стрелка на 1 м вых частей вермахта первыми в прорыв шли пехотные дивизии — для создания линии обороны в ПриОВО выпадало плацдарма в целях развертывания насту- превосходство противника в диапазоне от пления первых. Как отмечалось ранее, в 17 до 26 с лишним раз! Что, кстати гово- этом случае пехотная дивизия вермахта ря, четко коррелирует с фактическим уров- могла сузить фронт прорыва до 2,5 км, нем понижения устойчивости дивизии в что означало 6,74 пехотинца на 1 м линии обороне, который был указан в приводив- прорыва, а на нем в обороне было, если шейся ранее таблице для дивизий первого это происходило в ПриОВО, всего-то эшелона ПриОВО.

В пересчете на одного нашего бойца- стрелка из плоти и крови превосходство получалось в диапазоне от 105 до 164 раз! Причем вне какой-либо зависимости от того, действительно ли 10 дивизий вер- махта наступало или нет. Это и есть то самое фантастическое превосходство, которого гитлеровцы достигали на своих 4 км линии прорыва. Гитлеровский черт из табакерки вырвался: мгновенный эф- фект якобы беспрецедентно чудовищной ударной мощи вермахта налицо! Непос- редственно из ВОЗДУХА!

Бойцы, что называется, всеми фибра- ми ощущали какую-то неведомо мощную силу, но каждый из них видел перед со- бой не 105—164 нацистов, а всего 4,2, но

Еще тяжелее ситуация оказывалась, когда по требованию командиров танко- вых частей вермахта первыми в прорыв шли пехотные дивизии — для создания плацдарма в целях развертывания насту- пления первых. Как отмечалось ранее, в этом случае пехотная дивизия вермахта могла сузить фронт прорыва до 2,5 км, что означало 6,74 пехотинца на 1 м линии прорыва, а на нем в обороне было, если это происходило в ПриОВО, всего-то (в среднем) 0,16—0,25 нашего стрелка. Следовательно, на каждые 0,16—0,25 на- шего стрелка в таком случае выпадало превосходство противника в диапазоне от 27 до 42 раз! А в пересчете на одно- го бойца из плоти и крови превосходство противника выходило от 168,5 до 263 раз! Гитлеровский черт из табакерки вновь вы- рвался. Опять налицо мгновенный эффект якобы беспрецедентно чудовищной удар- ной мощи и силы вермахта и опять-таки непосредственно из ВОЗДУХА. Вполне можно представить себе, какой беспреце- дентно чудовищный шок испытывали ди- визии первого эшелона*

Можно осуществить расчет иначе. Если, например, придерживаться только

термина «дивизия», то из-за указанных выше оперативных плотностей в обороне и прорыве уже получается соотношение 1 : 10 в пользу гитлеровцев! Однако по численности наша дивизия в 1,81 раза уступала нормативной. Следовательно, соотношение уже 1 : 18,1, и к тому же только по этой причине у нашей дивизии устойчивость в обороне понижена в 7—9 раз. Следовательно, исходя только из этих данных, во столько же раз увеличивается превосходство противника, то есть выходит уже 1:126,7—1:162,9 раза! Однако если учтем, что в реальности устойчивость дивизий этого округа в обороне была понижена в 17—21 раз, то превосходство противника оказывается в диапазоне от 313 до 391 раза! Вновь обращаю внимание на то, что хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска!

При ориентации на сам термин «дивизия» технология расчета уровня превосходства обязана учитывать и массу других обстоятельств, так как с этого момента в роли катализатора трагедии в полном составе в действие вступал комплекс всех негативов предвоенной подготовки, которые за послевоенные десятилетия были блестяще изучены. Нашей стрелковой дивизии, как известно, было положено вместе с 14 483 чел. по штатам военного времени иметь также 16 танков, 13 бронемашин, 558 автомашин, 99 тракторов, 2 артполка, а также зенитный и противотанковый дивизионы. Ничем из перечисленного стрелковая дивизия в этом округе не обладала в полном объеме, в соответствии со штатным расписанием. Танки, бронемшины, тракторы, а также значительная часть и без того в диком дефиците имевшихся автомашин перед войной были переданы в формировавшиеся 30 мехкорпусов (об этом чуть ниже). В результате «на своих двоих» передвигались

не только стрелковые дивизии, но и даже мехкорпуса.

В самой дивизии в наличии были только 54 ствола «сорокапятки» — собственной противотанковой артиллерии, как правило, не было. В довершение всего накануне войны началась практически бесконтрольная со стороны Генштаба и НКО реорганизация зенитной и противотанковой артиллерии, а также их летняя учеба. При самых (возможно) благих целях получилось как всегда, — в момент нападения боеспособных подразделений не оказалось, правда, за редчайшими, но исключительно хорошо показавшими себя исключениями. К тому же крайне сильно ощущался, еще раз обращаю на это внимание, дефицит снарядов, особенно бронбойных, значительная часть которых оказалась некачественными.

В свою очередь пехотная дивизия вермахта, как уже отмечалось ранее, имела не только 16 859 человек. Немецкая пехотная дивизия имела также 299 орудий и минометов, в том числе 72 противотанковых, а также автотранспорт и гужевой транспорт. При ширине фронта прорыва в 4 км пехотная дивизия вермахта могла выставить минимум 75 стволов на 1 км. А на этом злосчастном километре фронта ее прорыва находилось всего-то 160—250 наших стрелков в обороне. Имея 75 стволов на 1 км, «закопать» в землю 160—250 стрелков можно за 2—4 выстрела, ибо наши 54 «сорокапятки» при 40 км линии фронта обороны составляли всего 1,35 ствола на 1 км, о чем и писало, например, командование 8-й армии.

Однако, как указывалось выше, после бомбежек авиацией и артподготовки, как правило, наступала танковая дивизия, и все на тех же 4 км линии прорыва. А это, к слову сказать, 16 000 чел., в среднем 200 танков, 25 бронемашин и 192 орудия, в том числе 53 противотанковых. Плотность по живой силе примерно такая же, как и у пехотной дивизии — 4 чел. на 1 м прорыва. По танкам — в прорыве 50 (ино-

гда и более) танков на 1 км, плотность по стволам (совокупно — танковым и артиллерийским) — примерно по 82 ствола на 1 км прорыва, на котором, но в обороне, все те же 160—250 наших стрелков и 1,35 «сорокапятки».

Что должно было произойти, если сначала позиции нашей фактически ополовиненной (да даже в составе $\frac{2}{3}$ от штатного расписания) дивизии с ее резко расширенной полосой обороны отбомбит люфтваффе, потом «перепашет» артиллерия танковой и пехотной дивизий, а затем «отутюжат» сами танки? А вслед за этим добывать чудом оставшихся в живых притапает еще целая пехотная дивизия поганных фрицев?! На этот раз не угадали. Потому как насчет жутко кровавого побоища — извините, но уже ничего угадывать не надо, и так ясно. На этот раз эффект будет фантастически ошеломляющий. Потому что при таком перевесе непосредственно на поле боя еще и в огневой мощи на одном и том же узком пространстве 4-километрового фронта прорыва итоговое суммарное превосходство в разных боевых ситуациях в этом округе достигало 210—253—326—328 раз и даже значительно более того! Вновь обращаю внимание на то, что хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска!

Чуть большее превосходство получится в другом случае. Например, если 18,1-кратное превосходство пехотной дивизии вермахта над нашей, обладавшей почти вдвое пониженной численностью и вдесятеро большей шириной фронта обороны, чем у фрицев в прорыве, умножить на 17,3 или 22,6. То есть на фактическую степень понижения устойчивости нашей дивизии в обороне. В итоге получится превосходство в диапазоне от 313 до 391 раза. Вновь обращаю внимание на то, что хотя это превосходство из ВОЗ-

ДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска!

И среднее по округу превосходство — в 238 раз, тоже из ВОЗДУХА! И опять обращаю внимание на то, что хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска!

§ 6. Общая ситуация в 8-й армии ПрибОВО. Причины и механизм возникновения непреодолимого на первых порах стратегического превосходства противника над войсками 8-й армии

Если взглянуть на ситуацию в конкретных армиях и подчиненных им соединениях, то принципиально она ничем не отличалась, а в ряде случаев была значительно хуже.

8-я армия. Задача — прикрытие и оборона. Общее состояние: средняя укомплектованность стрелковых корпусов этой армии личным составом составляла 75 %, орудиями и минометами — 84 %, автомобильным транспортом — 51 %, тракторами — 71 % от положенной штатной численности⁴⁴⁹. Ширина фронта обороны армии — 160 км. Своими силами и средствами 8-я армия могла создать лишь такие плотности на 1 км линии фронта, которые иначе, как курам на смех, не назовешь. По пехоте — 0,3 батальона, по орудиям и минометам — 6, по противотанковым орудиям — 1,6, по зенитным

⁴⁴⁹ Барышев Н. Оборонительная операция 8-й армии в начальный период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал (ВИЖ), 1974, № 7; Абатуров В.В., Морозов М. Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед. М., 2008, с. 94.

орудиям — О,⁴⁵⁰, а также 4 станковых и 15 ручных пулеметов, 4 танка на 1 км фронта обороны.

Если состоящие из стрелковых дивизий стрелковые корпуса имели в среднем 75 % личного состава, то это означает, исходя из утвержденной весной 1941 г. штатной численности одной сд в 14 483 чел., что в среднем в одной стрелковой дивизии было 10 862 человека. В 8-й армии было два ск — 10-й и 11-й, в каждом по две дивизии. Следовательно, стрелковые войска 8-й армии насчитывали примерно 43 449 человек. При указанной ширине фронта обороны армии на 1 метр линии обороны формально приходилось 0,27 стрелка. Проще говоря, учитывая, что гитлеровцы шли в прорыв с плотностью не менее 4,2 пехотинца на метр прорыва, это означало, что даже по формальному арифметическому расчету превосходство противника над этими 0,27 бойца получалось более 15 раз! В пересчете на одного стрелка из плоти и крови превосходство супостатов получается в 55,6 раза! Но это, подчеркиваю, формально.

На самом же деле ситуация была просто аховая. Так, 10-я сд 10-го ск имела ширину фронта обороны 80 км?! Что означало линейную плотность на 1 метр обороны 0,136 бойца. Что в свою очередь означало, что идущая в прорыв немецкая пехота уже располагала практически превосходством над нашими 0,136 бойца на метр обороны в размере 31 раза! В пересчете на одного нашего бойца-стрелка из плоти и крови превосходство противника над ним получалось в 228 раз! Вот вам и технология возникновения эффекта беспрецедентно чудовищной ударной мощи и столь же беспрецедентно чудовищной ударной силы из... ВОЗДУХА на примере 10-й дивизии 10-го СК 8-й армии! И, обратите внимание, все это громадное превосходство пока еще без какого-либо уче-

та концентрированной огневой мощи противника. Бойцы, что называется, всеми фибрами ощущали какую-то неведомо мощную силу, но каждый из них видел перед собой не 228 супостатов с автоматами наперевес, а всего лишь 4,2. Тем не менее, исходя из своих ощущений, у них складывалось убежденное впечатление, что их со всей своей мощью и силой лупят невидимые 228 нацистских гадов. О цифрах, конечно, они не знали и даже и не догадывались. Просто чувствовали что-то сверхъестественное, непонятное, чему очень трудно противостоять.

Ранее уже говорилось о трагической судьбе 125-й стрелковой дивизии, которая имела 40-километровую линию обороны, на которой в первом эшелоне было выставлено всего два стрелковых полка в сопровождении артполков дивизии и побатарейно приданного стрелковым полкам для организации противотанковой обороны отдельного противотанкового артдивизиона. Вот в таком составе в первом оперативном эшелоне дивизии выпала горькая участь противостоять 4-й ТГр (ГА «Север»), в состав которой входили 1, 6 и 8-я тд (общая численность танков — 679 шт., по другим данным — 686 танков), а также 268-я и 290-я пд вермахта. Повторю, что против 125-й сд наступали суммарно 81718 чел., 679 танков, 75 бронемашин, 875 орудий и минометов, в том числе 231 противотанковое. И вся эта изрыгавшая смерть машина против двух стрелковых полков в первой линии обороны?!

Если учитывать только ширину полос обороны этой дивизии и прорыва фрицев, то получается, что обрушившаяся на передовую линию обороны 125-й дивизии изрыгавшая смерть мощь врага была как бы вдвое больше по численности дивизий. Проще говоря, принимая во внимание, что суммарная ширина прорыва у фрицев составляла всего 20 км (5 дивизий по 4 км на каждую), то выходит, что как будто бы против нашей дивизии наступали

⁴⁵⁰ История Прибалтийского военного округа. 1940—1967. Рига, 1968, с. 75.

не три танковых дивизии, а шесть, не две пехотных дивизии, а четыре.

Если наши полки были трехбатальонного состава, то общая численность двух полков примерно 5500 чел. (специально беру усредненный максимум — по 2250 чел. в полку). Будем также считать, что у каждого полка ширина полосы обороны составляла 20 км, ибо, выставив в первой линии всего два полка при ширине дивизионной полосы обороны в 40 км, командование дивизии не оставило иного варианта. Следовательно, на 1 м линии обороны приходилось примерно 0,1125 бойца. Если осуществить прямолинейное сравнение, то есть наш стрелковый полк против немецкой пехотной дивизии, то картина превосходства будет следующей. Немецкая пехота прет в прорыв с плотностью 4,2 чел. на 1 м, следовательно, превосходство над этими 0,1125 бойца на 1 м линии обороны уже было равно 37,33 раза! В пересчете на одного стрелка из плоти и крови — 332 раза! Если же взять с учетом численности гитлеровских танкистов, то превосходство будет как минимум в два раза больше указанного, то есть 664 раза! Однако подлинная картина развернувшейся трагедии в этом конкретном случае даже этими цифрами еще не написана.

Выше было указано, что из-за двойной разницы в ширине полос обороны и прорыва у фрицев чисто арифметически уже создалось как бы двойное превосходство по численности дивизий. То есть как будто бы против нашей дивизии наступали не три танковых дивизии, а шесть, не две пехотных дивизии, а четыре. Или, в расчете на один полк в первой линии обороны, по три танковых и две пехотных дивизии вермахта. Соответственно, придется увеличивать вдвое уже приведенные выше цифры превосходства в расчете на одного нашего бойца из плоти и крови. Добавьте сюда огневую мощь дивизий, прежде всего артиллерии и танков, и вам станет понятно, что итоговые цифры придется увеличить еще в два раза. Проще

говоря, обрушившаяся на наших стрелков из этих полков мощь германского прорыва превосходила их оборонительные возможности в 2656 раз!!! И все ведь из ВОЗДУХА! И вновь обращаю внимание на то, что, хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска! Да и как разгромить наши войска, если они не были молниеносным при таком-то превосходстве?!

Мыслимое ли дело, чтобы два стрелковых полка оказались в таком аду, хотя слово «ад» в данном случае мало что объясняет. Это было значительно хуже, чем ад. Естественно, что как полки, так и сама дивизия не удержались в обороне, и уже в середине дня 22 июня, понеся тяжелейшие потери, вынуждены были отходить во избежание полного окружения. В то же время это же *чуло*, что эти полки и сама дивизия продержались в обороне до середины дня. Вот уж действительно — в мире нет более стойкого солдата, чем русский солдат!

90-я сд 11-го СК занимала фронт обороны шириной 30 км. Ситуация вроде бы не такая ужасная, хотя по меньшей мере в три раза понижена устойчивость дивизии. Но это только на первый взгляд. При той численности сд, которая имелась к началу войны, линейная плотность на 1 метр обороны была 0,36 бойца. В результате только формальное превосходство противника над этими 0,36 бойца уже было 12 раз. В пересчете же на реального стрелка из плоти и крови и с учетом того, что немецкая пехота шла в прорыв с плотностью 4,2 пехотинца на 1 м линии прорыва, превосходство выходило в 33 раза. С учетом же мощи артиллерийского огня немецкой пехотной дивизии превосходство выскакивает как минимум на уровень 66 раз. Но это еще не объясняет всей картины того ужаса, что творился на поле боя именно этой дивизии.

Ведь гитлеровцы направили против одного 173-го стрелкового полка 90-й сд, полоса обороны которого, кстати говоря, примыкала к полосе обороны 125-й дивизии, две моторизованных дивизии. Как уже отмечалось ранее, одна моторизованная дивизия вермахта в момент вторжения — это 14 029 чел., 37 бронемашин и 237 орудий и минометов, из которых 63 противотанковых. Следовательно, 2 мотодивизии — это 28 058 чел., 74 броневых автомобиля, 474 орудия и миномета, из которых 126 противотанковых. И вот вся эта изрыгавшая смерть машина против 2250 стрелков, линейная плотность которых на 1 метр обороны составляла в данном случае примерно 0,15 бойца. Поскольку в первом эшелоне дивизии было всего два стрелковых полка, при ширине полосы самой дивизии в 30 км это означало, что у полков ширины фронта было примерно поровну, то есть по 15 км. Но немецкая моторизованная дивизия в прорыв шла на фронте шириной не более 4 км. Что в итоге уже чисто арифметически и только из-за колоссальной разницы в ширине полос обороны и прорыва создавало дня каждой германской моторизованной дивизии в данном конкретном случае превосходство как бы на уровне 4 дивизий. Добавьте сюда принципиальную разницу между стрелковым полком и моторизованной дивизией и как минимум превосходство вылезет на уровень как бы 7,5 дивизии. То есть проявляемая немецкой моторизованной дивизией мощь прорыва на данном конкретном участке как бы равнялась мощи 7,5 моторизованной дивизии. Всего лишь вследствие максимальной концентрации сил и средств на очень узком участке. Наступали две дивизии, то есть только по этой причине суммарное превосходство из ВОЗДУХА — 15 раз. Проще говоря, получалось, что как будто против этого 173-го полка наступают 15 моторизованных дивизий. Но это хотя и виртуальные, но все еще близкие к формальным показатели.

Но теперь мы можем, наконец, показать то реальное превосходство из ВОЗДУХА, которое фрицы в результате получили над этим полком. Как бы 15 дивизий — это как бы 210 435 человек. В итоге у фрицев получилось, что проявляемая ими мощь в прорыве как будто бы равнозначна линейной плотности 26,3 чел. на метр линии прорыва. А у нас-то на этом злосчастном метре всего 0,15 бойца. В результате превосходство противника в данном случае над этими 0,15 бойца получилось на уровне 175,3 раза! В пересчете на бойца из плоти и крови превосходство получается умопомрачительным — 1168,66 раза!!! И все, еще раз подчеркиваю это обстоятельство, из ВОЗДУХА! Добавьте сюда хотя бы только плотность артиллерийского огня исходя из описанной ситуации, и вы без подсказки поймете, в какой невероятный ад попал этот полк. Потому что как будто бы 15 дивизий означает, что мощь артиллерийского огня была такой, как будто бы фрицы палили из 3555 стволов одновременно. И в итоге, учитывая, что общий фронт прорыва у этих двух дивизий был всего лишь 8 км, получается, что они обрушили на 173-й полк артиллерийский огонь как будто бы из расчета 444 ствола на 1 км. Проще говоря, как минимум фактическое превосходство гитлеровцев над каждым бойцом этого полка было на уровне 2337 раз! Понятно, что полк едва ли не мгновенно был разгромлен, а остатки вынуждены были отойти. Произошло это всего лишь менее чем за три часа — в 8 часов утра поганные гансы и фрицы начали «молотить» 173-й полк, а к 11 часов они уже прорвались к главной полосе обороны 90-й дивизии.

Честно говоря, это ведь невероятное чудо, что при таком астрономическом превосходстве противника 173-й полк продержался в обороне около трех часов. Истинная Правда — в мире нет более стойкого солдата, чем русский солдат!

Ну а про 48-ю сд и говорить не приходится. И вот почему. Помните о телефонограмме Военного совета ПриОВО от 13 июня 1941 г. командиру этой дивизии? Почему-то приказ о выдвижении дивизии был отдан Военным советом округа напрямую командиру дивизии, а командующему 8-й армией — всего лишь уведомляющая копия. Мягко выражаясь, так не принято в армии: субординация есть субординация. Приказ должен был быть отдан командарму-8, тот в свою очередь командиру 10-го корпуса, в состав которого входила эта дивизия, и только затем приказ должен был дойти до командира дивизии.

Эта дивизия не являла собой нечто особенное, чтобы ее командование удостоилось бы такой чести напрямую от командования округом получить приказ о выдвижении. Да и в какое положение ставились командарм и комкор?! Они, выходит, получались как бы сбоку припеку, так, что ли?! А тут приказ отдан непосредственно через две головы — командарма и комкора. Вразумительного объяснения этому факту нет. Как, впрочем, нет и вразумительного объяснения следующему факту. В период с 12 по 14 июня, как и в других соединениях и частях, в 8-й армии происходила организованная по инициативе НКО (Тимошенко) проверка боевой готовности всех частей и соединений, показавшая и ныне шокирующее положение дел. Как указывалось выше, в преамбуле изданного по итогам этой проверки и подписанном также командующим округом, членом Военного совета округа и начальником штаба округа приказа № 0052 от 15 июня 1941 г. говорилось: «Проверка боевой готовности частей округа показала, что некоторые командиры частей до сего времени преступно не уделяют должного внимания обеспечению боевой готовности и не умеют управлять своими подразделениями и частями». Так вот, одной из таких частей была 48-я сд, в отношении которой в акте провер-

ки комиссия окружного штаба указала: «Проверка показала крайне низкую мобилизационную и боевую готовность частей дивизии. Мобдокументация по “МП-41” на лагерный сбор в частях дивизии не отработана... Вследствие того, что имущество для первого эшелона в лагерь не вывезено, личная боевая готовность каждого бойца — крайне низка»⁴⁵¹.

Если дивизия находится в столь не-потребном виде, то по меньшей мере ее командование надо было срочно привести в должное чувство и потребовать немедленно привести в должное состояние и саму дивизию, а не давать приказа типа того, что 13 июня телефонограммой ей выдал Военный совет округа! Разве не знал Военный совет округа состояние этой дивизии?! Знал! Тогда какого же хрена выдал ей приказ о передислокации и выдвижении в отведенный ей район сосредоточения? Для чего была нужна столь небоеспособная с крайне низкой боевой готовностью личного состава дивизия? Ведь, по меньшей мере, получается, что таким образом командование дивизии просто было выведено из-под фактически неизбежных в таком случае как минимум серьезных дисциплинарных взысканий. А почему именно командование этой дивизии? Ведь другие дивизии были не в лучшем и уж тем более не в блестящем состоянии.

Проще говоря, получается, что командование дивизии попросту «спасали» для того, чтобы оно сохранило возможность в случае начала военных действий сделать свое черное предательское дело, которое уже было задумано. Сейчас читатели убедятся в этом. Ведь, несмотря на такое предписание еще от 13 июня 1941 г., командование этой дивизии ни на йоту его не выполнило, никакого особого внимания на полную боевую готовность дивизии не обратило, а ведь п. 7 упомянутой

⁴⁵¹ ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1364. Д. 21. Л. 201, 205.

телефонограммы требовал обратить особое внимание на полную боевую готовность дивизии. Между тем командование округом и Военный совет, отдавшие такой приказ, в связи с этим явным и наглым невыполнением приказа вышестоящего командования не только никак не отреагировали, но и никак не проверили действия командования дивизии.

Одновременно совершенно непонятен поразительный разрыв между актом комиссии штаба армии и упомянутой телефонограммой. По акту выходит, что дивизия была в лагере, куда не было вывезено имущество для первого эшелона, а если исходить из телефонограммы, то дивизии только предстояла передислокация из зимних квартир, но не в лагерь, а выдвижение в сторону границы. Дело в том, что п. 2. этой телефонограммы гласил: «Вывести все части дивизии и взять с собой все запасы, рассчитанные на первый мобилизационный эшелон». А пункт 3 предписывал «на зимних квартирах оставить минимальное количество людей, необходимых для отмотилизования 2-го эшелона дивизии и окарауливания складов с имуществом, оставленного для 2-го мобилизационного эшелона». Что за вранье было устроено в отношении этой дивизии и зачем — формально вроде бы трудно понять. Но если читатели наберутся терпения и полностью ознакомятся с материалами в отношении этой дивизии, то им не составит труда сделать адекватный реальный вывод о заранее готовившемся предательстве со стороны командования этой дивизии, которое покрывали в штабе округа. Кто — тоже будет указано.

Есть такой злобный хулигатель Сталина, СССР и вообще всего советского некто Марк Семенович Солонин. В январе 2011 г. на сайте «Сайт Марка Солонина» он разместил текст главы «О боевых действиях войск с 18 по 23 июня» из своей новой книги, которую готовит к изданию (если уже не издал). И вот там он приводит текст оперсводки № 1 от 17 июня

1941 г., в которой штаб округа сообщает в ГШ, что, выполняя приказ о передислокации, 48-сд в 23.00 17 июня 1941 г. начала марш из Риги и к 9.00 18 июня 1941 г. сосредоточилась юго-восточнее станции Долбя. Затем М. Солонин приводит боевое донесение № 2, в котором тот же штаб округа практически полностью повторяет оперативную сводку, подчеркивая при этом, что командование дивизии выполнило задачу дня. Как и полагается отпето злобному хулигатору Сталина, СССР и всего советского, Марк Семенович Солонин расценивает эти документы как приготовления советских войск к агрессии, к нападению на Германию. Но разве может в голову такого, с позволения сказать, «исследователя» закрасться мысль о том, что если формально, то командиры частей и подразделений, получив приказ о передислокации и необходимости находиться в полной боевой готовности, свои последующие донесения переводят в режим лексики военного периода. Соответственно ничего удивительного в том, что командование дивизии направило в штаб округа «Боевое донесение». Но, обращая на это особое внимание, сие есть формальная сторона дела. При царящем в сознании М.С. Солонина антисталинском настрое это действительно очень трудная, практически непосильная для него задача. В действительности же, если бы М.С. Солонин знал, за что схватился...

Ведь в действительности командование дивизии начало передислокацию из Риги только 22 июня в сопровождении полковых оркестров. И прямо на марше дивизия попала под бомбовые удары авиации противника, а затем была атакована и его наземными частями, в результате чего понесла большие потери и стала попросту драпать на восток⁴⁵². Проще говоря, на рубежах обороны 48-й дивизии ранним утром 22 июня 1941 г. не было. Там была, образно говоря, дыра

⁴⁵² Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 193.

или, если по-военному, брешь, в которую и ринулись супостаты. Правда, тут есть один нюанс. В своем спецсообщении № 38186 от 18 июля 1941 г. 3-е Управление НКО (Управление военной контрразведки) частично (возможно специально) смягчило ситуацию, — вот оно, негативное последствие подчиненности военной контрразведки наркомату обороны, — указав, что «командование дивизии, получив задачу сосредоточить свои войска на границе, вывело части дивизии неподготовленными для ведения боя с противником. Необходимый запас патронов и снарядов взят не был. Дивизия вышла к границе, как на очередные учения, забрав с собой учебные пособия. Кроме этого, к началу боевых действий дивизия не была отобилизована даже по штатам мирного времени. Имелся большой некомплект командного и рядового состава и материальной части. В таком состоянии дивизия к 22 июня сосредоточилась в 2 местах: стрелковые полки на немецкой границе, влево от г. Таураге, артполки и спецчасти за гор. Россиены [Расейняй], в виду чего взаимодействие артиллерии с пехотой было невозможным. Командование дивизии, находясь непосредственно на поле боя, 23 июня во время атаки немцев погибло. Были убиты: командир дивизии генерал-майор Богданов, полковой комиссар Фоминов, начальник штаба Бродников и ряд других командиров. После того, как противник вывел из строя связь, дивизия совершенно потеряла руководство и стала отходить. Стрелковые полки, не имея между собой связи, дрались самостоятельно, пробиваясь из окружения. Вместе с частями дивизии беспорядочно отступали строительные батальоны и отдельные группы бойцов 125-й стрелковой дивизии. Это вносило панику и дезорганизацию. 25 июня дивизия сосредоточилась в районе гор. Шяуляй, где командование дивизией принял на

себя заместитель командира по строевой части полковник Мельников. От г. Шяуляй к берегу Чудского озера отход частей 48-й стрелковой дивизии проходил исключительно неорганизованно. Командный пункт дивизии находился в отрыве от полков на расстоянии 50—80 км, никакой связи с полками не было. Пункты сбора и маршруты штаб дивизии с 25 июня по 4 июля не указывал, отдельные части совершали беспорядочные марши и блуждали»⁴⁵³.

Если все обстояло именно так, как это изложила военная контрразведка, то выходит следующее. То ли отдельные батальоны успели прибыть к границе и с ходу вступили в бой, а, следовательно, они выступили действительно числа с 17-го. То ли на границе уже были отдельные «дежурные» батальоны. Но даже если и принять во внимание такой расклад, то, опять же, куда деться от того факта, что в сводке-то было указано, что вышла вся дивизия. Кстати говоря, хотелось бы обратить внимание на то, что о факте начавшейся только 22 июня перемещения дивизии из Риги в сопровождении полковых оркестров известно от пограничников. А зеленоголовые не врут. А в те времена тем более не врут. Но это еще не все, что связано с этой дивизией.

Обратите внимание на следующее. Командиру дивизии было приказано вывести дивизию и сосредоточиться южнее и севернее Немакшчай, взяв с собой все запасы, рассчитанные на первый мобилизационный эшелон. А он что сделал и где в действительности сосредоточил, по данным особистов, свою дивизию, к тому же без боеприпасов и снарядов — стрелковые полки под г. Таураге, а артполки и спецчасти за гор. Россиены [Расейняй]?! Как пехоте быть без артиллерии-то, а тем

⁴⁵³ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 370—371. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 30—32.

и другим без боеприпасов и снарядов?! И сравните теперь с тем, что было указано в оперсводке и так называемом «Боевом донесении». Это же умышленное неисполнение приказа и столь же умышленное дезинформирование вышестоящего командования! Это ли не воинское преступление, направленное, умышленное ослабление мобилизационной и боевой готовности вверенной ему дивизии, на срыв и без того безалаберно осуществлявшихся в округе мероприятий по подготовке к обороне государственной границы?! Это ли не «измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории...»? Да и командование округа, армии и корпуса по меньшей мере тоже хороши — никак не проконтролировали действия командования дивизии. Ведь телефонограмма была вручена в копии командарму-8 Собенникову. А уж про акт проверочной комиссии — и говорить-то не приходится. Кто же покрывал командование 48-й сд? А уж если еще сюда же добавить показания генерала Черняховского о том, как 48-я дивизия самовольно снималась с указанных ей рубежей обороны и попросту смывалась или же вовсе не появлялась на них, то и вовсе станет тошно от такого предательства.

Военные контрразведчики в тот момент, естественно, еще не знали, что командир 48-й стрелковой дивизии 8-й армии генерал-майор П.В. Богданов не был убит. 17 июля 1941 г. он сдался в плен. То есть 23 июня он имитировал свою гибель и попросту скрылся, бросив на произвол судьбы свою дивизию. А только одно это в военное время квалифицируется как особо тяжкое воинское и государственное преступление и карается только смертной казнью. Небезынтересно отметить, что, перед тем как смыться, П.В. Богданов успел направить в штаб своего корпуса донесение за первые часы боев, в котором

говорилось: «Дивизия с честью сражалась в районе Эржвилас. Согласно приказу отошла и заняла оборону в районе Расейняй. Потери, по неточным данным, 60—70 %. Боеприпасов нет»⁴⁵⁴.

С какой «честью» дивизия под его командованием «сражалась», видно из объяснения выдающегося советского военачальника И. Черняховского⁴⁵⁵. Да, собственно говоря, Богданов и сам это показал — ведь угрожать в первые же часы боя до 70 % личного состава можно лишь в одном случае, то есть будучи отпетой сволочью, негодяем и предателем.

Где он пребывал до 17 июля, можно узнать только из материалов его уголовного дела. Впрочем, это не столь уж и важно. 22 июля Богданова поместили в лагерь для военнопленных в Сувалках, где назначили старшим. Пробыв в лагере несколько дней, он выдал немцам своего комиссара. То есть, выходит, что Фоминов тоже не был убит и попал в плен, а также старшего политрука. 18 сентября Богданова перевели в одну из берлинских тюрем, где он написал заявление с предложением сформировать из военнопленных отряд для борьбы с Красной Армией. После этого его перевели в лагерь министерства пропаганды в Вульхайде, а летом 1942 г. — в агентурно-политическую организацию «Боевой Союз русских националистов», который опекал «Цеппелин» (VI отдел РСХА). В августе 1942 г. Богданов написал два воззвания, а в декабре того же года вступил рядовым во «2-ю русскую дружину СС». В январе 1943 г. его произвели в чин поручика и назначили заместителем начальника штаба дружины. В марте 1943 г., после объединения 1-й и 2-й русских дружин СС в 1-й русский национальный полк СС, Богданов был назначен начальником контрразведки и произведен в майоры. Уже в апреле ста-

⁴⁵⁴ ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1362. Д. 5. Л. 25—26.

⁴⁵⁵ См.: Дайнес В. Генерал Черняховский. Гений обороны и наступления. М., 2007, с. 562—566.

новится генералом и принимает участие в карательных операциях против партизан и местного населения. В июне 1943 г. Богданова назначают начальником контрразведки «1-й русской национальной бригады СС». В середине августа командир бригады Гиль-Родионов накануне заранее согласованного перехода к партизанам арестовал своего зама по контрразведке генерала Богданова. А затем благополучно доставил предателя командиру партизанского отряда, выполнив тем самым одно из его условий. Ордер на арест П.В. Богданова был оформлен 20 августа 1943 г., а следствие по его делу шло почти до конца апреля 1950 г. 24 апреля 1950 г. он был приговорен к расстрелу и приговор был приведен в исполнение. Интересно было бы узнать, что он наговорил за семь лет следствия по его делу?!

А теперь, зная все это, попробуйте оценить всю совокупность представленных материалов. Ну и что у вас получилось?! Правильно, ничего, кроме того, что Богданов еще с довоенного времени вынашивал изменнические настроения и готовился к предательству. И сделал для этого все, чтобы нанести серьезный урон обороне округа-фронта. А вот сейчас попробуйте дать оценку действиям Военного совета округа, который напрямую, минуя командарма и комкора, отдал приказ Богданову о выводе его дивизии, хотя знал, что дивизия, мягко выражаясь, в плачевном состоянии с точки зрения мобилизационной и боевой готовности. И при оценке не забудьте учесть следующее. Начальник штаба этого округа генерал Кленов, являвшийся членом Военного совета округа, был расстрелян как предатель в самом начале войны. Его подчиненный — начальник оперативного отдела штаба округа (то есть начальник «мозгового треста» штаба округа) Трухин — в начале войны тоже переметнулся к немцам и в итоге оказался у Власова, и, кстати говоря, именно Трухин, еще за год до Власова, «агитировал» немцев на соз-

дание «Русской освободительной армии». К слову сказать, упомянутое выше приказание командованию 48-й дивизии о перемещениях подписал именно Трухин. Во всяком случае, именно так сообщает М. Солонин. И донесения в Москву о ее выдвижении подписывал тоже Трухин. Ну и как у вас с оценкой-то?! Вот то-то и оно, что ничего, кроме предательства, в том числе, что очень вероятно, по довоенному сговору (включая и сговор между Богдановым и Трухиным), и невозможно сказать.

§ 7. Общая ситуация в 11-й армии ПрибОВО. Причины и механизм возникновения непреодолимого на первых порах стратегического превосходства противника над войсками 11-й армии

11-я армия. Ширина фронта обороны армии — чуть более 100 км. Армия состояла из шести стрелковых дивизий корпусного подчинения, трех сд — армейского подчинения, одного МК, одной моторизованной дивизии, одной ПТАБ, трех корпусных артополков и двух гаубичных полков. Казалось бы, сил если не вполне достаточно, то по крайней мере для сдерживания первого удара врага должно было хватить. Тем более что на одну стрелковую дивизию 11-й армии формально приходилось немногим более 10 км. Казалось бы, формально ничего особо страшного не предвиделось. К тому же от перебежчиков было известно о начале войны ранним утром 22 июня. Однако войска армии по боевой тревоге так и не были подняты. И в реальности получилось вот что.

Вместо положенных четырех стрелковых дивизий в первом эшелоне ранним утром 22 июня нацистских супостатов встречали 13 батальонов: от 188-й дивизии — 4 батальона, от 126-й — 3 батальона, от 128-й — 4 батальона и от 23-й дивизии — 2 батальона, вытянутые узкой

линией, с минимальной артиллерийской поддержкой. Против них действовала группировка левого крыла ГА «Центр» противника, роль главной скрипки в которой играла 3-я ТГр генерал-полковника Г. Гота. Но это вовсе не объясняет всей сути того ада, в котором оказались эти батальоны. Дело в том, что против 4 батальонов 188-й сд развернулись 6-я и 26-я пехотные дивизии 6-го армейского корпуса вермахта. Батальонам же 126-й, 128-й и 23-й сд «выпала честь» грудью встретить сразу 8 дивизий вермахта:

— 7-ю и 20-ю танковые и 14-ю моторизованную дивизии 39-го моторизованного корпуса,

— 12-ю и 19-ю танковую и 18-ю моторизованную дивизии 57-го моторизованного корпуса,

— 5-ю и 35-ю пехотную дивизии 5-го армейского корпуса вермахта.

Если в целом просчитать ситуацию на все 13 батальонов, занимавших оборону на 100 км, то она означает линейную плотность примерно 0,098 бойца на метр обороны. Исходя из того, что гитлеровцы шли в прорыв с плотностью 4,2 пехотинца на 1 м линии прорыва, то превосходство противника над нашими 0,098 бойца получается 43 раза! В пересчете на одного стрелка из плоти и крови — 439 раз! Из ВОЗДУХА! И ведь это пока без какого-либо учета огневой мощи данной группировки противника. Если посчитать еще и это, то итоговая цифра выйдет на уровень как минимум 879 раз! И тоже из ВОЗДУХА! Ибо против 13 батальонов общей численностью примерно 9750 чел., наступали 159 494 чел., 953 танка 3-й ТГ^а), у которой ширина фронта наступления была 30 км, что означает плотность 32 танка на 1 км линии прорыва. Кроме того, она располагала также 174 бронеавтомобилями, 2438 орудиями и минометами, в том числе 500 противотанковыми.

Но это, подчеркиваю, если ситуацию с 13 батальонами брать в целом. Теперь же покажем, в какой ад попали батальо-

ны 188-й сд. Предположим, что у каждого батальона из тех 13 была полоса обороны примерно 8 км, а каждый батальон насчитывал 750 бойцов. Следовательно, на 1 м линии обороны приходилось всего 0,09375 стрелка. Соответственно превосходство супостатов, шедших в прорыв с плотностью 4,2 пехотинца на 1 м линии прорыва, над каждыми 0,09375 стрелка было 44,8 раза, а в пересчете на одного стрелка из плоти и крови это превосходство составляло 478 раз. С учетом же огневой мощи гитлеровцев — как минимум 956 раз. Но и это еще не все. Пехотные дивизии вермахта шли в прорыв на фронте шириной не более 4 км. Следовательно, ситуация была из тех, что даже слово «ад» и то не все скажет. Проще говоря, против половины батальона наступала полнокровная пехотная дивизия вермахта. Что означает, что превосходство супоста-

тов над каждым нашим стрелком из плоти и крови составляло не 478 раз, 956 раз! А с учетом огневой мощи гитлеровских пехотных дивизий — как минимум все

Теперь посмотрите ситуацию с 9 батальонами от 126-й, 128-й и 23-й сд. Ширина фронта обороны примерно такая же — около 8 км, численность личного состава — 750 человек. Формально можно говорить о тех же конечных цифрах превосходства гитлеровцев, что были приведены при финальном расчете для батальонов 188-й сд. Но это не будет полностью соответствовать действительности. Потому, что против этих батальонов наступали преимущественно танковые и моторизованные дивизии вермахта. Да еще и две пехотные дивизии. Фактически против одного батальона — одна дивизия вермахта. Но при этом ширина фронта прорыва каждой дивизии — независимо танковая она, или моторизованная, или пехотная — 4 км, а у нашего батальона фронт обороны — 8 км. То есть основной удар супостатов приходился на половину батальона — на 375 стрелков.

А это в свою очередь позволяет уверенно считать, что реальное превосходство в этом конкретном случае над каждым нашим стрелком из плоти и крови было на уровне не меньше 1912 раз. С учетом же всей огневой мощи наступавшей против этих батальонов группировки гитлеровцев — как минимум все 3824 раза!

Тот факт, что превосходство было столь оглушительно ошарашивающим, подтвердили и сами супостаты. Вечером 22 июня штаб ГА «Центр» донес в Ставку по 9-й армии и 3-й ТГ^{^>} в весьма издевательской форме: «По эту сторону Немана установлены части 8 дивизий, которые не вполне изготовились к обороне и были буквально ошарашены нашим наступлением»⁴⁵⁶. Эти же данные вошли и в запись первого дня войны знаменитого дневника Ф. Гальдера. Одной из ошарашенных и была 128-я сд, чьи батальоны попали в описанный выше ад! А и впрямь, как им было не быть буквально ошарашенными столь «мощным» наступлением супостатов, если свое же командование их так подставило?!

И еще о 128-й сд. Рубеж, который она заняла 19—20 июня основными своими силами, составлял 55 км. А ведь у нее уже не было 4 батальонов. Но даже если бы и были, то устойчивость дивизии в обороне только одним фактом столь широкого фронта обороны была понижена примерно в 5,5—7 раз. Против указанной в уставе ширины фронта обороны 8—10 км. За вычетом же четырех батальонов, то есть примерно 3 тысячи человек, на 55 км у нее осталось всего 6820 человек (общая численность дивизии на 22 июня 9820 чел.). То есть линейная плотность была на столь печальном уровне, что разгром был неминуемо неизбежен. Всего 0,124 бойца на 1 м линии обороны. 128-я сд и была вдребезги разгромлена, а к 30 августа, когда началось ее переформирование, в ней оставалось всего 206 человек из тех,

что встретили войну на границе. Потери в личном составе — 98 %! Это и называется — была вдребезги разгромлена.

Примерно в аналогичном положении были и дивизии 16-го СК — 5-я, 33-я и 188-я сд (о четырех батальонах которой выше было сказано). Потому что против 5-й сд удар наносили 30-я и 26-я пехотные дивизии 10-го армейского корпуса 16-й полевой армии вермахта. Против 33-й сд — 122-я и 123-я пехотные дивизии 28-го армейского корпуса вермахта. А встык между 188-й и 33-й сд, по правому флангу первой и левому флангу второй, били сразу три дивизии противника — 12-я, 32-я и 121-я пехотные дивизии 2-го армейского корпуса вермахта. Так что можете себе представить тот ад, в котором оказались наши стрелковые дивизии. Ведь на долю, например, только 33-й сд пришлось в общей сумме удар пяти пехотных дивизий вермахта.

Ну а то, что произошло с 5-й сд в последние мирные и первые военные мгновения, вообще не лезет ни в какие ворота. Привожу этот пример дивизии в первую очередь потому, что она занимала стратегически важную позицию — прикрывала стык между 8-й и 11-й армиями. Так вот, зафиксировав в 3 ч. 45 мин. 22 июня пролет через границу больших групп неопознанных самолетов и подвергнувшись через 15 мин. мощному артиллерийскому обстрелу, командир 5-й сд. Ф.П. Озеров доложил об обстановке в штаб корпуса, откуда ему ответили: «В боевые действия не ввязываться, это провокация». Однако Ф.П. Озеров не был склонен разделять убийственно преступную точку зрения штаба корпуса и отдал приказ огнем отразить нападение противника. И как только боевые действия 5-й сд набрали полную силу, из штаба корпуса последовал звонок с приказом: «Не ввязываться в боевые действия, а то будете отвечать»⁴⁵⁷.

⁴⁵⁶ цнт по: *Егоров Д.* Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 277.

⁴⁵⁷ *Севастьянов П.В.* Неман—Волга—Дунай. М., 1961, с. 8.

Вот как прикажете реально объяснять подобное поведение штаба корпуса, если, во-первых, к началу боевых действий в штабе корпуса уже был известен дублирующий директиву № 1 местный вариант, где не было никакого запрета на ответные действия и открытие огня. А, во-вторых, такой подлый приказ был отдан именно той дивизии, которая прикрывала стык между двумя основными армиями фронта. То есть находилась на стратегически важном направлении. Так вот, кончилось это именно тем, что непосредственно 22 июня войскам ГА «Север» удалось разрезать советский фронт аккурат на стыке 8-й и 11-й армий и ввести в пробитую брешь соединения 4-й танковой группы, которая и устремилась на Даугавпилс. Не думаю, что после ознакомления со всеми этими фактами возникнут возражения, если назвать упомянутый приказ штаба корпуса предательским.

**§ 8. Обобщенный комментарий
по ситуации в ПрибОВО
в момент начала агрессии.
Ответы на вопросы № 3—4—5**

Завершая краткий анализ ситуации по ПрибОВО, вновь хочу особо подчеркнуть, что на полях первых сражений таких диких, чудовищных соотношений в действительности, то есть в непосредственном физическом исчислении, не было. У гитлеровцев не было таких возможностей — ни по численности войск, ни по численности дивизий, ни по численности огневых средств всех видов. У них была только одна возможность — что называется, по полной программе воспользоваться преступной дурью нашего командования, создавшего такие безумно низкие линейные плотности всех войск в обороне, заранее подставляя войска под неминуемый разгром и поражение. Не говоря уже о том, что войска в том объеме, который был предусмотрен планом прикрытия и обороны (не

утвержденным), не были выведены на отведенные им рубежи обороны и уж тем более не были реально приведены в боевую готовность. И гитлеровские супостаты воспользовались всем этим не то чтобы по полной программе, а на все тысячи процентов!

Потому и получили такое невиданное превосходство из ВОЗДУХА, которое на поле боя мгновенно превращалось в невероятное стратегическое преимущество и возможность безостановочно, молниеносно крушить и без того слабую оборону советских войск, уничтожать и пленить наши войска. Если по-простому, но образно, то из якобы приведенных в боевую готовность и выведенных на отведенные им рубежи войск командование округа и входивших в его состав соединений еделали «полуфабрикат “пшечного мяса”», которое гитлеровские супостаты затем не без удовольствия лихо «изжарили» в огне запредельно неравных пограничных сражений!

Вот откуда принципиально происходят беспрецедентно чудовищная ударная мощь вермахта и его столь же беспрецедентно чудовищная ударная сила, коим Жуков поражался до конца жизни. Вот откуда растут корни невероятного успеха проклятых супостатов в начале агрессии. Жуков, судя по всему, то ли в конце концов понял это, то ли ему подсказали. И потому он, то ли по собственной инициативе, то ли с подачи неизвестных, но особо влиятельных кураторов-корректировщиков его «воспоминаний и размышлений» предложил всем «жвачку» в виде только 6—8-кратного превосходства противника на решающих направлениях главных ударов, привязав оное превосходство к термину «дивизия». Без малого полвека кряду эта «жвачка» пережевывается буквально в каждой книге о войне без малейшего подозрения о том, что подлинная реальность в десятки, сотни и тысячи раз трагичней.

Но здесь кроются также и корни сформировавшейся в командной среде оценки создавшегося положения как предательства со стороны высшего командования, которое еще не раскрыто, о чем говорили командиры различных частей СЗФ и о чем докладывал в Москву 3-й отдел штаба СЗФ. Более того. Там же и корни их убежденного мнения, что тактика советского командования — это тактика на подставу сначала пехоты, а потом танковых частей, не поддерживаемых пехотой и авиацией.

Если бы из-за установленного выше предательства не создалось такое в прямом смысле исторически беспрецедентное положение, то тот же Э. фон Манштейн едва ли смог бы к середине всего пятых суток с начала агрессии укатить в глубь нашей территории на 300 км! Так что нечего удивляться тому, что он со своими танками буквально по воздуху пролетал — за какие-то 4 суток и 5 часов отмахал 300 км и взял Двинск (ныне Даугавпилс, Латвия). И ведь как летел-то! Со скоростью, в 3—3,75 раза превышавшей установленный в вермахте темп наступления для танковых частей.

Зная все это, автор книги коленопреклоненно восхищается и одновременно склоняет голову перед воистину исторически беспрецедентным, фантастическим мужеством, героизмом и стойкостью простых солдат и офицеров. В тех страшно тяжелейших условиях они все-таки исхитрились понизить скорость движения танков Манштейна до уровня пешеходной, то есть до 3 км в час (300 км — 101 час)!

Точно так же коленопреклоненно автор восхищается и одновременно склоняет голову перед исторически беспрецедентным героизмом, мужеством и стойкостью стрелков тех 13 батальонов, которые дрались в столь фантастически неравных условиях. И хотя в течение весьма непродолжительного

времени, но они смогли с невероятным ожесточением показать супостатам такую «гансову мать», что даже удостоились упоминания в послевоенных мемуарах генерала Гота, который наступал против них!

В книге «Танковые операции» (1961) он отметил: «...Дивизии 5-п> армейского корпуса сразу же после перехода границы натолкнулись восточнее города Сейны на окопавшееся охранение противника, которое, несмотря на отсутствие артиллерийской поддержки, удерживало свои позиции до последнего... наши войска все время встречали упорное сопротивление русских»⁴⁵⁸.

Есть и другие немецкие свидетельства о потрясающей стойкости, беспримерном мужестве и героизме простых советских солдат и их адекватно обстановке мыслявших и действовавших против врага советских офицеров.

Вечная всем им Слава! И да простит нас, потомков, их возможно еще не упокоенный по-человечески прах!

Но одновременно не могу не задать один острый вопрос. Разве Сталин должен нести историческую ответственность за то, что натворили генералы в Прибалтийском округе?! Разве он должен был заниматься дислокацией войск округа, реальным приведением их в боевую готовность, выведением их на рубежи обороны и т.п. вопросами?!

Неужели не понятно, что полная историческая и уголовная ответственность за то, что натворили генералы в этом округе лежит непосредственно на самих же генералах этого округа, прежде всего на командовании округа, а также на Тимошенко и Жукове?!

Сколько же можно обвинять Сталина в том, в чем он не виновен даже гипотетически?! Ну а если в чем-то и

⁴⁵⁸ Гот Г. Танковые сражения / Пер. с нем. М., 1961. С. 64—65. Выходит, что у этих батальонов даже легендарных «сорокапятков» не было?

виновен, так только в одном — слишком доверял генералам и их докладам.

Однако, и увы, приведенными выше фактами трагедия советских войск на Северо-Западном фронте не исчерпывается. Сталин не зря сформулировал комплекс из пяти вопросов, от ответов на большую часть которых опрошенные командиры постарались откровенно увильнуть. И не зря была прекращена публикация их ответов, когда дело дошло до необходимости публикации ответов на уже третий вопрос. Но и того, что было опубликовано, как видите, оказалось вполне достаточно, чтобы на основе перекрестно-сравнительного анализа, осуществленного в режиме разведывательно-исторического расследования, прийти к более чем определенным выводам. Однако же продолжим наше разведывательно-историческое расследование в части, касающейся ПриОВО.

Теперь у нас на очереди вопрос № 3: «Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?»

В своих ответах на второй вопрос, опубликованных в ВИЖ № 5 в 1989 году, практически все опрошенные командиры ПриОВО в большей степени ответили именно на вопрос № 3. Прежде всего в части, касающейся исполнения санкционированной Сталиным директивы НКО и ГШ от 18 июня о приведении войск приграничных округов в боевую готовность. В том, что это верный и обоснованный вывод, убеждает даже сама постановка вопроса № 3 в указанной формулировке. Она достаточно четко свидетельствует о том, что речь идет не столько о директиве № 1, сколько о предшествовавшей ей директиве от 18 июня. Да, собственно говоря, и сама директива № 1 подтверждает, что у нее была предшественница. Обратите пристальное внимание на выде-

ленные жирным шрифтом и особенно дополнительно подчеркнутые слова в тексте директивы.

«ДИРЕКТИВА № 1
ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ЗАПАД-
НЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ ОКРУГОВ
О ВОЗМОЖНОМ НАПАДЕНИИ НЕМ-
ЦЕВ 22—23.6.41 И МЕРОПРИЯТИЯХ
ПО ПРИВЕДЕНИЮ ВОЙСК В БОЕВУЮ
ГОТОВНОСТЬ С ОГРАНИЧЕНИЯМИ,
МАСКИРОВКЕ ВОЙСК, ГОТОВНО-
СТИ ПВО

Военным советам ЛВО, ПриОВО,
ЗапОВО, КОВО, ОдВО

Копия: Народному комиссару Военно-
Морского Флота

1) В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2) Задача наших войск—не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников*

3) Приказываю:

а) В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе.

б) Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать.

в) Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскировано.

г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

д) Никаких других мероприятий безрjúкотворством заниматься не будем. особого распоряжения не проводить.

ТИМОШЕНКО ЖУКОВ. 21.6.41»⁴⁵⁹.

Даже если исходить из того, что постоянно присутствующий на страницах многих исследований и ставший эталонным вариант директивы № 1 не есть ее подлинник, то все равно «быть в полной боевой готовности» означает, что до директивы № 1 уже была соответствующая директива о приведении войск в полную боевую готовность, по крайней мере войск первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона. То есть войск непосредственного прикрытия. Собственно говоря, это и подтвердили ответы командиров ПриОВО и иные приведенные выше факты и свидетельства, череда которых еще не исчерпана, как и их свидетельский характер. Чуть ниже читатели в этом убедятся.

Формально приведение войск округа было начато в целом с 18 июня. Директива № 1 потребовала приведения в полную боевую готовность уже всех войск Первого стратегического эшелона. Хотя по большому счету раньше, если учитывать, что ряду частей были даны соответствующие приказы о приведении их в боевую готовность ранее указанной даты. Кому-то уже 13, кому-то 15—16, кому-то 17, а кому-то только 21 июня, но до того, как в округ поступила директива № 1. Например, упоминавшийся выше М.С. Солонин выложил на своем сайте «Доклад о проделанной работе 213-й авиабазы с 17.6 по 28.6. 41 г.», первое же предложение которого гласило: «При объявлении боевой готовности к исходу 21.6. 41 г. на оперативном аэродроме... было сосредоточено следующее имущество...» Немного лукаво составлена эта фраза — пойдя пойми, к исходу дня была объявлена боевая готовность или же она была объявлена ранее, а к исходу дня они только сосредоточили имущество. Впрочем,

⁴⁵⁹ ЦА МО РФ Ф. 48А. Оп. 1554. Д. 3. Л. 257—259.

Самое главное в этой фразе, что боевая тревога на этой авиабазе была объявлена только 21 июня, но, что вполне очевидно, до получения округом директивы № 1, ибо в документе четко указано «к исходу дня», то есть к исходу 21 июня. Ведь директива № 1 поступила в округ только ночью 22 июня. Однако при анализе ответов генералов и офицеров, а также имеющихся иных материалов, относящихся к вопросу № 3, следует иметь в виду, что он как бы разделяется на две составляющие. В части, касающейся директивы от 18 июня и ее исполнения на местах, детальный анализ уже был проведен.

Остается понять вторую составляющую, то есть когда в округе была получена директива № 1, при каких предшествовавших и сопутствовавших ей обстоятельствах, и как она была исполнена на уровне округа, армий, корпусов и дивизий. Как пишет Хлебников, около 1.00 22 июня «Директива № 1» поступила в полевое управление ПриОВО-СЗФ, в Паневежис. А ведь ее еще надо было расшифровать, сочинить свой вариант, зашифровать и передать его в 2.25 в армии округа, где также надо было потратить время на ту же расшифровку, а затем еще и составить свои приказы.

Но в какую боевую готовность они привели войска и что было сделано войсками, было показано на очень большом количестве примеров. Разгром и поражение войск округа-фронта были неминуемы и неизбежны. Абсолютно. Да вы и сами посмотрите, что сообщала о положении дел на фронтах еще находившаяся в подчинении НКО военная контрразведка. Часть этих документов уже была процитирована в связи с действиями комиссара Диброва, действиями 48-й сд, положением с артиллерией фронта. Так что повторять их не будем. Ниже приводятся другие, не менее характерные сообщения военной контрразведки.

**§ 9. Военная контрразведка
ПриОВО о ситуации в войсках
округа в момент начала
нападения и первые дни агрессии**

27 июня начальник 2-го отдела 3-го Управления НКО бригадный комиссар Авсеевич докладывал, что «гарнизон г. Двинска [Даугавпилса] не обеспечен средствами обороны и на случай выброски десанта противником, отразить его нападение не сможет, так как в гарнизоне имеется только 150 винтовок, которыми вооружены курсанты ШМАС. Летно-технический состав вооружен пистолетами “ТТ” и на весь состав имеется 50 гранат. Необеспеченность гарнизона средствами обороны порождает паническое настроение у личного состава»⁴⁶⁰.

Вот объясните хотя бы самим себе, в какую боевую готовность командование ПриОВО приводило вверенные ему войска, если через пять дней после начала войны констатируется факт того, что гарнизон важного стратегического пункта не имел средств обороны?!

Из спецсообщения 3-го Управления НКО № 35134 от 25 июня: «По сообщению 3-го отдела Северо-Западного фронта 24 июня 1941 г. противник продвинулся на Каунасском направлении на 80 км, направляя удар на северо-восток, и на Шауляйском направлении продвинулся на 60—70 км. Создается серьезное положение для 11-й армии и левого фланга 8-й армии. Управление войсками от штаба фронта и ниже — плохое. Штаб фронта часто теряет связь с армиями. Радиостанции используются плохо. В ночь на 24 июня с.г. противник занял Каунас. Материальная часть артиллерии фронта выбыла в значительном количестве. Большая часть оставлена при

отходе, например: 414-й гаубичный артполк 125-й стрелковой дивизии вывел из боя 2—3 орудия по причине убыли конского состава. Снабжение боевыми припасами, особенно снарядами — плохое. Совершенно отсутствуют снаряды 85-мм, 37*мм, 107-мм, на исходе расход 122-мм и 155-мм.

Контрудар 12-го мехкорпуса 23 июня с.г. по существу сорван из-за отсутствия связи и контроля со стороны штаба фронта. После отдачи вечером 22 июня приказа на контрудар, штаб фронта в течение суток совершенно не имел связи с корпусом, не знал о подготовке к контрудару, самый ход контрудара, в результате корпус запоздал с атакой на 6 часов, удар наносился разрозненно и в целом — никакого результата от удара. Части несут большие потери людьми и материальной частью, а пополнения их нет.

...3-м отделом фронта для оказания помощи и улучшения связи, высланы в армию на длительный период из аппарата 3-го отдела фронта 35 оперативных работников. Совместно с командованием организованы отряды заграждения для задержания самовольно оставляющих боевые позиции и для сбора блуждающих. Организована борьба с проявлениями местного бандитизма»⁴⁶¹.

Из спецсообщения 3-го Управления НКО от 25 июня 1941 г.: «3-й отдел штаба Северо-Западного фронта сообщил, что вследствие бомбардировок противником связь с войсками часто прекращается. Восстановительные работы линии связи проводятся Наркоматом Связи очень медленно, войсковые же части в восстановлении постоянных линий не участвуют.

Охрана аэродромов, складов и войск от воздушного нападения про-

⁴⁶⁰ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 133—134. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 32.

⁴⁶¹ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 163—164. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 33—34.

тивника организована слабо из-за недостатка зенитных средств, вследствие чего противник часто бомбит безнаказанно.

Медленно разворачиваются тыловые органы для обеспечения войск действующих войск, войсковые соединения несут потери, пополнения же не поступают...»⁴⁶²

Из спецсообщения от 26 июня 1941 г. заместителя начальника 3-го отдела СЗФ Асмолова: «...Положение в Прибалтике нашей армии требует немедленного вмешательства Главного командования и Центрального Комитета партии. Руководство фронта потеряло всякую связь с армией. Армия неуправляема, стихийно отходит, беспорядки. Для выправления положения необходимо немедленно выделить авиасоединение для подкрепления, иначе грозит потерей основных сил»⁴⁶³.

Из спецсообщения от 27 июня 3-го Управления НКО: «...Положение на Северо-Западном фронте с начала военных операций и по настоящее время является исключительно тяжелым. Штаб фронта с 23 июня потерял связь со многими соединениями и частями, с 11-й армией в целом, по существу прекратил руководство ими, так как все попытки установить связь успеха не имели. Основной причиной отсутствия связи является также уничтожение ее авиацией противника, а действием разрозненных диверсионно-повстанческих групп из числа местных граждан, сочувствующих германскому национал-социализму. По отдельным частям связь не была обеспечена вследствие недостатка телефонного кабеля, что привело в результате к отсут-

ствию взаимодействия между родами войск (пехоты и артиллерии).

Как нами уже указывалось, авиация Северо-Западного фронта в первый день войны понесла большие потери боевых самолетов, уничтоженных противником на земле (из имеющихся 880 самолетов на земле было уничтожено 400⁴⁶⁴). В последующие дни — с 23 по 26 июня авиация противника, получив абсолютное превосходство в воздухе, безнаказанно бомбила наши войска, как на передовой линии фронта, так и в тылу, при этом значительно сказалось также отсутствие достаточных средств противовоздушной обороны.

Несмотря на героические усилия наших войск, в первый же день войны германская авиация, получив превосходство в воздухе, наносила значительные потери нашим войскам, которые пополнения не получали.

Полученное германскими самолетами превосходство в воздухе, применение значительных бронетанковых сил, действовавших во взаимодействии с авиацией, привело к перевесу сил противника над нашими войсками, в результате начался отход наших частей от занимаемых рубежей, который при отсутствии руководства с конца 23 июня стал принимать панический характер. Беспрерывные безнаказанные налеты авиации усложняли обстановку. Особенно сильной паничности (так в тексте оригинала. — *А. М.*) подверглись понесшие большие потери части 11-й армии, в отношении которой штаб Северо-Западного фронта с 23 по 26 июня никаких сведений не имел. Отдельные соединения 11-й армии, будучи окружены противником, были уничтожены почти полностью (5-я, 128-я стрелковые дивизии, 324-й отдельный зенитный артдивизион. Потери также понес 12-й мехкорпус, который находится в окружении противника).

Прервем на некоторое время цитирование этого документа.

⁴⁶⁴По вопросу потерь ВВС округа см. дальше.

⁴⁶²РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 165. Цит. по: *Меяьтюхов М.И.* Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 33—34.

⁴⁶³РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 165. Цит. по: *Меяьтюхов М.И.* Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 34.

Комментарий. 3-е Управление НКО тут изрядно дипломатничало. Превосходство было на стороне вермахта еще до начала боевых действий. И об этом было известно. А то, что указало 3-е Управление — всего лишь доказательство того, что преступная дурь командования ПриОВО действительно привела к катастрофическому для наших войск стратегическому и тактическому превосходству противника на данном направлении. В том, что наибольшей панике, согласно цитируемому сообщению военной контрразведки, подверглись части именно 11-й армии, которые понесли большие потери, а некоторые из них и вовсе были почти полностью уничтожены, — ничего удивительного нет. Вспомните приведенный выше анализ реального превосходства противника над частями 11-й армии, кто и как тому способствовал.

◆**

Однако продолжим цитирование документа: «Паническое отступление приобрело особенно острый характер от распространяемых всевозможных провокационных слухов о действиях в тылу дивизий воздушных немецких десантов и диверсионных групп, которых во многих случаях фактически не было. Штаб фронта, получая неправильные данные о воздушных десантах от разных случайных лиц, снаряжал оперативные группы для уничтожения десантов и при выезде на место зачастую сведения о десантах не подтверждались. Вообще до сегодняшнего дня нет подтверждения о высадившихся десантах и, по-моему, их и не было. По пути отхода частей имели место случаи нападения из лесу отдельных бандгрупп и одиночек, что среди личного состава отходящих частей вызвало большую нервозность и усиливало паничность.

В связи с создавшейся тяжелой обстановкой на фронте — панического отхода наших частей 11-й армии, со стороны командования фронта и Политуправления принимались необходимые меры, путем посылки непосредственно в части отдельных руководящих лиц, но все это положения не выправило и обстановка на

фронте к настоящему времени нисколько не изменилась»⁴⁶⁵.

Из направленной в Москву докладной записки № 03 от 28 июня 1941 г. начальника 3-го отдела Северо-Западного фронта дивизионного комиссара Бабича: «...Части Северо-Западного фронта под натиском противника продолжают отход. 26 июня части 8-й армии с боем, организованно продолжали отход на новый оборонительный рубеж. 10-й стрелковый корпус отошел за р. Вента, 11-й стрелковый корпус — за Шаули (Шяуляй). Сведений о положении 12-го мехкорпуса и его местонахождении не имелось, на радиовывозы штаб корпуса не отвечал». На секунду прервем цитирование.

Комментарий. Что на самом деле происходило с частями 8-й армии — выше уже было показано при анализе ситуации с превосходством противника. Так что начальник 3-го отдела взял слишком оптимистично-дипломатичный тон, указав, что они организованно продолжали отход на новые оборонительные рубежи. Понять такой тон можно — в то время военная контрразведка все еще находилась в подчинении наркомата обороны (до 17 июля 1941 г.).

Но продолжим цитирование: «В частях продолжает оставаться неблагоприятное положение с боеприпасами. По данным артотдела 8-й армии в частях может находиться ¹/3 бк всех выстрелов. Боеприпасы со склада Линконган, откуда питались 11-й стрелковый корпус и частично 10-й стрелковый корпус, в течение 25 и 26 июня частью вывезены, а остаток, примерно 70—100 вагонов, подорваны. По заявлению представителя Артуправления фронта, находившегося на командном пункте 8-й армии, 26 июня с.г. части армии должны снабжаться боеприпасами со складов гор. Риги. Отправление боепри-

⁴⁶⁵ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 283—289. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 34-37.

пасов эшелонам из г. Риги по железной дороге считается рискованным, так как не исключена возможность бомбардировки его самолетами противника. Такие рассуждения Артуправления губительно сказываются на ходе боевых действий, тем более что доставлять боеприпасы автотранспортом нет возможности, ввиду отсутствия его в частях и при штабе армии. Через Военный Совет фронта нами принимаются меры к доставке боеприпасов в части различными путями.

Части фронта в результате непрерывных боев с противником потеряли большое количество материальной части. Так, например, в 125-й стрелковой дивизии по состоянию на 26 июня имеется 3 ПТО, 2 76-мм орудия, в 414-м легком артполку имеется 2 орудия, в 459-м гаубичном артполку — 18 орудий.

Командование фронта, армий, корпусов и дивизий не могут проводить свои мероприятия, в результате чего появляются панические настроения и отпадает всякая возможность твердо осуществлять намеченные мероприятия. Так, например, 22 июня с.г. по просьбе командира 10-й стрелковой дивизии генерал-майора Фадеева командиром 10-го стрелкового корпуса генерал-майором Николаевым было обещано дать 2 танковых батальона 23-й танковой дивизии. 22 июня генерал-майор Николаев дал устное распоряжение командиру 23-й танковой дивизии полковнику Орленок предоставить 2 танковых батальона из своей дивизии в распоряжение 10-й стрелковой дивизии для поддержания пехоты при наступлении для нанесения контрудара противнику с его последующим уничтожением и занятием прежнего положения на госгранице. 23 июня командиром 10-го стрелкового корпуса было дано боевое распоряжение командиру 10-й стрелковой дивизии о том, чтобы во взаимодействии частей 10-й стрелковой дивизии с 2 танковыми батальонами 23-й танковой дивизии уничтожила бы наступающие части против-

ника, восстановила бы ранее занимаемое положение с последующим нанесением контрудара противнику. На основании боевого распоряжения командира 10-й стрелкового корпуса командованием дивизии было выработано боевое распоряжение частям о переходе в наступление при поддержке 2 танковых батальонов 23-й танковой дивизии. Командир 23-й танковой дивизии полковник Орленок командиру 10-й стрелковой дивизии заявил, что он предоставит в распоряжение дивизии 2 танковых батальона к 5—6 часам утра 23 июня. В связи с этим все части были предупреждены о том, что наше наступление будет поддерживаться 2 танковыми батальонами, что воодушевило весь личный состав частей, с желанием уничтожить противника.

Наступление намечалось 23 июня в 6 часов утра. Командир 23-й танковой дивизии полковник Орленок не только не прислал эти 2 батальона к 6 часам утра 23 июня, но даже не считал нужным поставить своевременно в известность командира дивизии. Наступление было отложено до прихода батальонов. 23 июня полковник Орленок приехал на командный пункт 10-й стрелковой дивизии в 23 часа 30 минут и заявил, что командующий 8-й армией не разрешил ему дать 2 батальона танков для 10-й стрелковой дивизии и приказал ему выполнять первое свое приказание и что он в связи с этим не может дать этих батальонов. На самом деле эти 2 танковых батальона были присланы в распоряжение 10-й стрелковой дивизии и находились в районе Плунге и в течение полутора суток бездействовали. Но о наличии этих батальонов в районе г. Плунге командованию 10-й стрелковой дивизии известно не было. В результате чего наступление частей дивизии было сорвано, а танки в течение полутора суток находились в районе г. Плунге и бездействовали. Кроме того, 24 июня части дивизии отступали в направлении гор. Тяльшая (Тельшай). Красноармейцам, находившимся на

охране командного пункта дивизии, было сообщено о наличии танков, идущих в направлении Тельшая.

Командование дивизии, зная, что дивизии никаких танков не придавалось, а танки 23-й танковой дивизии были приняты за танки противника, в результате чего создалось тревожное положение, что противник перерезал дивизии путь на Тельшая (Тельшай) и дивизия находится в окружении. На самом деле никаких танков противника не было, и это были 2 танковых батальона 23-й танковой дивизии. Наступление 23 июня для дивизии было самым удобным моментом, противник всего имел 2 пехотные дивизии и 2 дивизиона артиллерии и уже вечером 23 июня, по показаниям пленных, противник в нашем направлении подтянул еще 2 пехотные дивизии и несколько арtpолков и повел активное наступление.

Кем конкретно давалось приказание этим батальонам идти в распоряжение 10-й стрелковой дивизии не установлено. Действия командира 23-й танковой дивизии, повлекшие за собой создание исключительно тяжелого положения для дивизии, являются преступно-халатными. По данному вопросу проводится расследование...» Прервем на секунду цитирование.

Комментарий. Расследование — это хорошо. Но разве под расследование подпадали действия одного только полковника Орленка?) А действия командующего 8-й армией разве не должны были стать таким же предметом расследования?!

♦♦♦

«Командующий 8-й армии в связи с отходом частей и создавшимся критическим положением на участке 12-го мехкорпуса к исходу дня 25 июня (окружен противником) во избежание быть отрезанным в 1.00 26 июня принял решение о перемене командного пункта. Организация эвакуации на новый командный пункт была проведена исключительно

безобразно. Штаб представлял из себя не организованную единицу, отходящую на новый командный пункт, а панически бегущую часть. Приказание об эвакуации командного пункта было отдано в 1.00 26 июня с расчетом отъезда через 40 минут. Выделенные ответственными за эвакуацию подполковник Мамченко и военинженер 3 ранга Шишкин эту работу как следует не организовали, а превратили ее в панику. Машины для отделов под погрузку имущества и вещей организованы не были. Отделы самостоятельно захватывали машины и грузили свои вещи. Вся работа по эвакуации проходила в суете и беготне, в результате чего штаб вместо назначенного времени 1.40, выехал в 4.20. На месте старого командного пункта брошены: карта с обстановкой, инвентарь, легковая машина иностранной марки. О месте нахождения нового командного пункта знал исключительно ограниченный круг лиц, которые выехали в эшелоне с командованием. Оставшиеся 2 эшелона места нахождения командного пункта не знали, в связи с чем долгое время путались по дорогам в его поисках. Основной состав штаба прибыл на командный пункт только в 13.00 26 июня, пробыв, таким образом, в пути 9 часов. В результате такой неорганизованности и эшелонирование штаба в дневное время, эшелоны в пути следования подвергались бомбежке и пулеметному обстрелу с самолетов. Имеются потери среди красноармейского состава батальона охраны: убито 1, ранено 3 человек. Характерно отметить, что вся эта паническая эвакуация командного пункта происходила в то время, когда командный пункт находился в 30 км от линии фронта...» Прервем на секунду цитирование.

Комментарий. Профессиональным военным хорошо известно, что внезапная, тем более плохо организованная эвакуация командного пункта и штаба немедленно приводит к нарушению

нию управления войсками, ведущими боевые действия. И чем выше уровень внезапно и неорганизованно эвакуируемого командного пункта и штаба, тем круче самые негативные последствия такой эвакуации (передислокации). Тем более если она проводится, как сказано в этом документе, исключительно безобразно. Разве командующий 8-й армией генерал Собенников не понимал этого?! Исключено. Отлично понимал. Но отдал приказ об эвакуации и передислокации в ситуации, когда его КП еще ничего не грозило, — линия фронта была от КП на расстоянии 30 км. Собственная шкура присягнувшему на верность Отечеству, народу и власти генералу оказалась дороже. Однако дело не только в этом. Если говорить принципиально, то внезапная смена места дислокации командного пункта именно в такой ситуации, как ее описали военные контрразведчики, означает завуалированную сдачу обороняемой территории противнику. Потому что как только командарм-8 генерал Собенников приказал сменить командный пункт, об этом по беспроволочному «телеграфу» и солдатскому «радио» стало известно в частях этой армии. А дурной пример, особенно если он исходит от генералов, более чем заразителен — он мгновенно превращается в эпидемию, а потом и в пандемию. «Естественно», что нижестоящие штабы и командование также приняли решение о передислокации командных пунктов на восток. А вслед за ними потянулись и сами части, бот так в итоге и сдавалась врагу территория Отечества — фактически без боя, нередко с оставлением на произвол судьбы и врага дерущихся с противником частей.

Однако продолжим цитирование документа: «Быстрое продвижение мотомехчастей противника 26 июня с.г. создало угрозу г. Двинску (Даугавпилсу). Для недопущения противника в гор. Двинск и на правый берег реки Двины, было принято решение взорвать два моста через р. Двину, однако в результате неорганизованности командования мосты не были взорваны, и противник, перейдя реку, 27 июня занял гор. Двинск. Через некоторое время наши части выбили противника из гор. Двинска. Под нажимом его наши части были вынуждены вновь оставить гор. Двинск, однако нахождение в городе использовано не было и мосты не взорвали, что дало возможность противнику выйти на правый берег реки.

Паникой перед противником заражены не только бойцы, но и большое количество командного состава. Так, например: помощник командира 459-го ГАП 125-й стрелковой дивизии майор Кондратюк Григорий Сергеевич, 1900 года рождения, член ВКП(б), в момент открытого немецкими войсками артиллерийского огня в 5 час. 30 мин. 22 июня самовольно уехал с огневых позиций. В 8.30 22 июня командиром ГАП на имя Кондратюка был отдан приказ об отходе 3-го дивизиона, но так как Кондратюка в расположении дивизиона не оказалось, приказ выполнен не был и дивизион успел вывести на новые огневые позиции только 8 орудий, оставив на месте много снарядов и продовольствия. Вернулся в часть 23 июня. Материал о бегстве Кондратюка оформляется на арест и предание его суду Военного трибунала.

Командир 206-го автобата 125-й стрелковой дивизии капитан Старовойтов, член ВКП(б), с первого дня боя находится в тылу. Старовойтов во время бомбардировки гор. Таураге не обеспечил вывозку бензина и автомашин, а больше всего заботился о себе лично.

Начальник снабжения 125-й стрелковой дивизии майор Корнилов с начала военных действий на фронте не был. По заявлению капитана Сизова Корнилов отправлял семью и до сего момента в штаб не явился.

25 июня с переездом штаба Северо-Западного фронта с Паневежис на командном пункте по приказанию командующего была оставлена опергруппа штаба во главе с заместителем начальника штаба по оперработе генерал-майором Трухиным. Для охраны командного пункта в Паневежис в распоряжении генерал-майора Трухина были оставлены ПТО в составе 122 орудий, ПВО в составе 9 зенитных крупнокалиберных пулеметов и рота десантного батальона.

25 июня Трухин с командного пункта выехал, причем подразделениям, охранявшим командный пункт, четких указаний

им дано не было и отправка их к новому месту командного пункта организована не была, в результате Трухин, уехав на легковой машине, по существу бросил на произвол судьбы подразделения, которые растерялись в дороге и к новому месту командного пункта не прибыли.

Орудия ПТО, вследствие отсутствия для них тяги, были погружены на грузовые машины, которым Трухин дал приказание следовать за ним, но так как грузовые машины не могли успевать за легковой машиной, машины с орудиями по разным причинам отстали в дороге, и Трухин это оставил без внимания. Трухин был вновь возвращен в часть для установления связи с ними. По полученным данным, он наткнулся на немцев и был убит»⁴⁶⁶.

Однако, как выяснилось чуть позже, Трухин попросту сдался в плен и стал сотрудничать с германским командованием, о чем было сказано выше.

§ 10. Военная контрразведка ПриОВО о ситуации в ВВС округа в момент начала нападения и первые дни агрессии

Аналогичная ситуация была и в ВВС ПриОВО-СЗФ. Уже 25 июня спецсообщением № 35134 3-е Управление НКО информировало высшее военное командование о том, что на Северо-Западном фронте «наша авиация несет большие потери: было 880 самолетов, с 24 июня остались в строю около 500. Самолеты выбыли из строя главным образом на аэродромах, по причине их скудности размещения, отсутствия нужного количества запасных аэродромов, площадок»⁴⁶⁷.

⁴⁶⁶РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 103. Л. 80—87. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 34-43.

⁴⁶⁷РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 163. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 7.

◆**

Комментарий. Хотя цифры потерь и без того ужасающие, подлинная реальность была еще хуже. За 22 июня авиация округа лишилась 98 боевых машин. А вот за период с 23 по 24 июня ее потери составили 921 самолет, причем в основном истребители!⁴⁶⁸ То есть за два последующих дня потери возросли без малого в 9,5 раз! Если потери первого дня с грехом пополам, с колоссальной натяжкой, но тем не менее все-таки можно еще как-то списать на внезапность, которая, правда, всего лишь легенда, то потери последующих двух дней при столь их астрономическом росте на что прикажете списать? Увы, только и остается, что на преступные действия командования авиачастей. Потому что на второй и третий дни войны о внезапности и речи быть не может. Это, что называется, во-первых. Соответственно выходит, что командование авиачастей фактически сознательно ничего не сделало для того, чтобы вывести материальную часть и летный состав из-под дальнейших ударов противника. Проще говоря, фактически подставило материальную часть авиасоединений под уничтожение. Добавьте к этому еще и то обстоятельство, которое прямо указали военные контрразведчики, что авиационные части округа не располагали нужным количеством запасных аэродромов и площадок. Проще говоря, своевременно не позаботились об этом, что в итоге, явившись преступлением, привело к гибели материальной части. Ведь им же некуда было рассредоточивать самолеты, как того требовала, например, директива № 1. Кроме того, под категорию уничтоженных противником командиры авиасоединений в своих отчетах лихо списывали и те самолеты, которые попросту бросали на аэродромах, не предприняв даже попытки перегнать самолеты на другие аэродромы. Это, что называется, во-вторых. И, наконец, в-третьих. В условиях уголовного законодательства того периода, да с учетом того, что все произошло в военное время, это не могло быть квалифицировано иначе чем по 58-й статье УК РСФСР. И головы некоторых представителей ВВС округа полетели...

Из спецсообщения 3-го Управления НКО № 2/35064 от 25 июня 1941 г.: «...В руководстве (округа. — А. М) нечеткость и мягкотелость. Настроение в штабе округа ПриОВО нервное, со стороны ряда руководящих работников проявляется неуверенность за создавшееся положение. По состоянию на 24 июня с.г. от каж-

⁴⁶⁸ Военно-исторический журнал. 1988, № 7, с. 48.

дого полка авиации ПрибОВО в среднем осталось 10—20 самолетов (при средней численности в 50—60 самолетов в авиаполках, а ведь на многих аэродромах оставались и самолеты, которые не перегнали до войны в тыл, когда в мае—июне стали поступать самолеты новых типов. — А. М.). Во всей 7-й авиадивизии имеется около 60 самолетов, моторесурсы частей “СБ” в среднем ниже 50 %, боевых припасов авиации хватит на 1—2 суток только до 26 июня. По обещанному наряду подвозка боеприпасов авиации из Эстонии не обеспечивается из-за отсутствия транспорта. В связи с отходом частей недостает аэродромов, так как аэродромы в основном строились в юго-западных местах Литовской и Латвийской республик *с расчетом наступления*». Ввиду особой важности последней части последней фразы на секунду прервем цитирование.

Комментарий. Можно, конечно, расценить выделенную жирным шрифтом часть последней фразы как очевидный промах 3-го Управления. Можно, но не нужно, ибо для этого нет никаких оснований. В 3-м Управлении НКО сидели не профаны в вопросах военной контрразведки, а профессионалы. И свое спецсообщение они готовили для руководства НКО, то есть для Тимошенко, Жукова и ГлавПУРа. Соответственно, используя выражение «...так как аэродромы в основном строились в юго-западных местах Литовской и Латвийской республик с расчетом наступления», 3-е Управление НКО показало:

а) что оно было в курсе специфического характера избранных для строительства новых аэродромов в Прибалтике мест их будущей дислокации и их предназначения;

б) что оно было в курсе — это самое главное в этой фразе — сути осуществлявшейся подготовки к отражению гитлеровской агрессии методом немедленного встречно-лобового контрблицкрига по факту нападения!

Хотя, и это надо признать сразу же, едва ли военные контрразведчики округа (как, впрочем, и других приграничных округов) были в курсе того, что по негласному согласованию с высшим руководством НКО и ГШ командование округа незаконно планирует именно таким методом отражать неминуемую агрессию. Если бы руководство военной контрразведки знало об этом,

то значительная часть генералитета во главе с Тимошенко и Жуковым еще до 22 июня писали бы чистосердечные показания в «уютных» камерах Лубянки.

Разница же между понятиями «наступление» в общепринятом традиционном смысле и в смысле «немедленное встречно-лобовое контрнаступление по факту нападения» при всей своей принципиальности, увы, едва уловима даже в наше время — время широкого доступа к различной, в том числе и к ранее засекреченной, информации. Да в общем-то с этим, очевидно, не так уж и трудно будет согласиться, если просто обратить внимание на то, сколько же страни пришлось написать, дабы четко, однозначно и во всех доступных для сегодняшнего понимания деталях представить эту разницу вниманию читателей. Кстати, и командующий ЗапОВО Павлов на суде и следствии заявлял, что самолеты он и Копец разместили ближе к границе на аэродромах, предназначенных для наступления... Но об этом чуть позже.

Вот что натворил дуэт главарей «киевской мафии» Тимошенко—Жуков, устроивший незаконную, негласную, неофициальную подмену единственного официального плана отражения агрессии. Ведь незаконно осуществленная ими переориентация войск приграничных округов на отражение германского блицкрига немедленным встречно-лобовым контрблицкригом (контрнаступлением) по факту нападения затронула также и проблему размещения и строительства новых аэродромов. Места для их строительства подбирались, исходя из негласно господствовавшей, вследствие проведения ее в жизнь дуэтом Тимошенко—Жуков, идеи немедленного встречно-лобового контрблицкрига (контрнаступления) по факту нападения. А для этого аэродромы нужны вблизи фаницы. Как это и предписывал еще Тухачевский. Что из этого вышло — хорошо известно.

Увы, но не приходится в этой связи щадить и самого Сталина. Вот к чему привела его, мягко говоря, несвоевременно проявленная доброжелательная позиция по отношению к генералитету, вследствие чего он передал военную контрразведку из ведения Лубянки наркомату обороны. И поток важнейшей информации о ходе подготовки вооруженных сил, особенно войск основных приграничных военных округов, к отражению гитлеровской агрессии для Иосифа Виссарионовича сузился настолько, что до 22 июня он не смог увидеть того, что реально творят генералы. Разве что отдельные фрагменты.

Дополнительный комментарий. Необходимо подчеркнуть, что когда соответствующая негативная информация о положении дел в вооруженных силах доходила до Сталина, то он практически немедленно, нередко весьма сурово реагировал. Наиболее характерный пример

на эту тему относится к ВВС РККА, в частности, к ВВС Западного округа и связанным с этим репрессиям в отношении генералов ВВС накануне войны. Об этом будет сказано отдельно при анализе ситуации в ЗапОВО.

Ведь вся информация 3-го Управления НКО до 22 июня поступала прежде всего на имя Тимошенко и Жукова. Проще говоря, истинное положение дел с подготовкой к отражению агрессии, прежде всего информация о негласно реализовывавшейся стратегии и тактике отражения агрессии, до сведения Сталина по меньшей мере не доводилась, а если принципиально и по-простому, то, по сути дела, просто скрывалась. Иначе головы генералам оторвали бы до 22 июня. Ну, а к чему все это привело — также хорошо известно.

Продолжим, однако, цитирование документа военной контрразведки: «...Настоящего руководства частями ВВС врид заместителем командующего ВВС генерал-майором авиации Андреевым и заместителем начальника штаба полковником Рассказовым не обеспечивается из-за отсутствия связи с некоторыми частями и командным пунктом фронта, чувствуется отсутствие руководства и нераспорядительность со стороны фронта, сами надлежащих мер по бомбежке противника не организовали. Самолеты сидят на своих аэродромах, в результате большие потери на земле, из-за не организации выхода из под удара противника»⁴⁶⁹.

Из спецсообщения № 2/35552 от 28 июня 1941 г. 3-го Управления НКО: «Основные потери 7 авиадивизии относятся к 46-му СБАП и объясняются неорганизованностью и растерянностью со стороны командира полка майора Сенько и начальника штаба подполковника Канунова, приведшим при первом налете противника весь личный состав в паническое состояние. За 22 июня 46-й СБАП потерял 20 самолетов, из которых 10 были уничтожены при налете противника на Шау-

ляйском аэродроме, а остальные сбиты при выполнении боевых заданий по бомбардировке войск противника в районе Тильзит и ст. Киллен. Три девятки самолетов 46-го СБАП на выполнение боевых задач были выпущены без сопровождения своих истребителей. Посты наблюдения были не организованы, связи с ними штаб полка никакой не имел и не знал об их существовании»⁴⁷⁰.

Из сообщения от 27 июня 1941 г. начальника 2-го отдела 3-го Управления НКО бригадного комиссара Авсеевича: «Оборона объектов Двинского (Даугавпилсского) гарнизона не обеспечена; железнодорожные узлы, мосты и склады зенитными точками не прикрыты и остаются уязвимыми для авиации противника. Оставшаяся истребительная эскадрилья 49-го авиаполка обеспечить охрану объектов от налетов противника не в состоянии. Противник проявляет исключительное внимание к разрушению мостов, стремясь прервать источники обеспечения Двинского гарнизона с последующим его окружением.

Посты ВНОС работают плохо, путают передачу сигналов на командный пункт, из-за чего 22 июня с.г. летный состав полка, дислоцируемого на аэродроме “Рэндэнэ” шесть раз поднимался в воздух по ложной тревоге, а при действительном нападении противника наши истребители, будучи не предупреждены, поднялись в воздух, когда противник уже бомбардировал окраины города.

Личный состав ПВО Двинска (Даугавпилса) не знает типы наших самолетов и, несмотря на хорошую видимость распознавательных знаков, подвергает их обстрелу, так 22 июня с.г. 6 самолетов “СБ” уходили с литовских аэродромов из-под удара противника через Двинск и были подвергнуты обстрелу, случайно не окончившемуся жертвами...

⁴⁶⁹ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 263—264.

Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 7—8.

⁴⁷⁰ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 272. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 8—9.

Такое же состояние противовоздушной обороны Великолукского аэродрома, где нет зенитных средств и истребительной авиации, хотя эти аэродромы являются узловыми для транспортных самолетов.

Отсутствие средств ПВО аэродрома дает возможность безнаказанно появляться над городом вражеским самолетам, что имело место 25 июня 1941 г.»⁴⁷¹

Комментарий к последним документам.

В историографии кануна войны давно уже стало особо модным ретроспективно пенять Сталину, якобы запретившему приведение ПВО ПриОВО в боевую готовность накануне войны. «Естественно», что никто и не собирается вникать в то, что Сталин тут ни при чем, а виноваты чрезмерно «бдительные» Тимошенко и Жуков, устроившие выволочку командованию ПриОВО за введенный приказ о затемнении. Точнее, приводившуюся выше телеграмму Жукова от 21 июня об отмене затемнения в ПриОВО фальсификаторы преподносят как приказ об отмене приведения ПВО в б/г. Хотя этого-то как раз и не было. Но не это важно. Важно то, что еще более «естественно», что действия командования ПриОВО по якобы приведению в боевую готовность ПВО округа преподносятся не только как героические, но и прежде всего как якобы вопреки мнению «злого тирана», который будто бы столь опасался спровоцировать немцев. Между тем реальное положение дел прекрасно показано в процитированных выше документах военной контрразведки. Ведь в какую такую боевую готовность приводил вверенные ему войска командующий округом Кузнецов, если система ПВО этого округа, мягко выражаясь, зияла огромными дырами и очень опасными изъянами?

Нет ни зенитного прикрытия, ни координации действий между постами ВНОС, штабами и командными пунктами, ни прикрытия важных объектов истребителями, ни снарядов для зениток! И еще много чего нет! А посты ВНОС даже не знают силуэтов своих же самолетов, краснозвездные соколы подвергаются обстрелу со стороны своей же зенитной артиллерии! Какая это, к чертям, боевая готовность и чем тут можно было восхищаться, как это делали и делают многие историки?! Особенно этим грешил покойный ныне доктор исторических наук В.А. Анфилов, из

книги в книгу муссировавший факт якобы запрета на приведение ПВО ПриОВО в боевую готовность накануне войны. Да и другие тоже не отставали. Увы, не отстают и поныне.

А ведь как все гладко было написано в разделе противовоздушной обороны плана прикрытия (обороны) округа! Но хоть бы раз командующий округом удосужился проверить, в каком действительно состоянии находится противовоздушная оборона округа. Недосуг ему было. Ну и результат соответствующий — противник практически мгновенно завоевал фактически абсолютное господство в воздухе и безнаказанно бомбил и грошил с воздуха наши войска, важные объекты, железные дороги, мосты и т.п. объекты.

♦

Из докладной записки № 03 от 28 июня 1941 г. начальника 3-го отдела Северо-Западного фронта дивизионного комиссара Бабича: «Авиационные части ВВС фронта, вследствие вывода из строя всех аэродромов на территории Литвы и большей части Латвии, передислоцировались в различные пункты аэродромов Псковского узла, однако, на 28 июня к 11.00связи с авиаполками, управлениями 8-й, 7-й и 57-й авиадивизий не установлено и об их действиях ничего не известно. Поддерживается связь только с 6-й авиадивизией —гор. Рига, часть которой действует в районе Риги и направлениях 8-й армии. Количество боевых самолетов в ВВС, вследствие больших потерь на аэродромах, насчитывается 150—160 самолетов, из них истребителей около 100 штук. Отсутствие связи не дает возможности эти самолеты сконцентрировать в боевой кулак, и они разрозненны. Отдельные полки имеют по 6—10 самолетов. Некоторые командиры авиаполков и авиадивизий, не получая приказов фронта, переезжают с места на место самостоятельно (7-я авиадивизия и 54-й СБАП) и этим еще больше вносят путаницу в отдачу им боевых приказов.

Командир 7-й авиадивизии полковник Петров с самого начала боевых действий все боевые вылеты организовывал по своему усмотрению, надлежало боевыми операциями не руководил с самого начала. 19 июня Петров был предупрежден

⁴⁷¹ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 133—134.

Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 10.

заместителем командующего ВВС по политработе о возможных военных действиях; *ему был указан срок готовности к 3 часам 22 июня с.г.* Петров отнесся к этому указанию крайне халатно. Не истребовал от командиров полков выполнения этого указания и полки фактически были противником застигнуты врасплох, в результате чего и были большие потери самолетов на аэродромах...» Ввиду особой важности информации, содержащейся в выделенном жирным шрифтом абзаце, особенно в подчеркнутой его части, на секунду приведем цитирование.

Комментарий. До сих пор в кругах историков — как профессиональных, так и любителей — существует многочисленная прослойка, увы, весьма деятельных лиц, постоянно талдычащих о некоей вине Сталина за не приведение войск в боевую готовность накануне войны. И никому даже в голову не приходит, что вины Сталина тут нет. Он-то как раз и отдал приказ о приведении войск в полную боевую готовность. За четыре дня до нападения. И об этом также были поставлены в известность даже политорганы западных округов! К глубочайшему сожалению, командование на местах преступно проигнорировало это указание, результатом чего и стала трагедия 22 июня. Наряду, естественно, с другими, еще более важными и выше уже указанными причинами. Так что, не считите за обременительный труд обратить особое внимание на то, что командир 7-й авиадивизии ВВС ПриОВО полковник Петров еще 19 июня 1941 г. официально был предупрежден заместителем командующего ВВС по политработе о возможных военных действиях. Более того. Ему был указан и срок готовности к 3 часам 22 июня. Проще говоря, уже 19 июня командование округа с политработниками знало, что после 3 часов ночи 22 июня начнется нападение Германии. Если уж совсем элементарно, то это предупреждение произрастает из санкционированной Сталиным директивы НКО и ГШ от 18 июня о приведении войск приграничных военных округов в полную боевую готовность. Как отмечалось ранее, в этой директиве указывались ориентировочные дата и время нападения. Иначе столь конкретный срок исполнения приказа Петрову не был бы поставлен. Ведь заместитель командующего ВВС округа по политработе не с потолка же взял дату и время приведения 7-й авиадивизии в полную боевую готовность. Естественно, что не один толь-

ко командир 7-й авиадивизии удостоился такого предупреждения. Однако, увы и ах — не только 7-я авиадивизия, но и практически вся авиация округа (как и других) была застигнута врасплох прямо на аэродромах (за редчайшими исключениями) и понесла тяжелые потери.

Кстати говоря, не забудьте обратить особое внимание также и на то, что по сообщению военной контрразведки, Петров не проверил выполнение приказа о приведении в боевую готовность. Проще говоря, военная контрразведка констатировала тот факт, что Петров формально сообщил командирам полков об этом приказе заместителя командующего ВВС округа по политработе, но вот проверить не удосужился. Однако не удосужился — это мягкое, литературное выражение. Не проверить исполнение приказа о приведении войск в боевую готовность, тем более если этот приказ поступил от вышестоящего командования, можно только сознательно. А, следовательно, налицо преступный умысел — сознательное невыполнение приказа о приведении в боевую готовность. Для командира дивизии — это тяжкое воинское преступление в особо угрожаемый период. Ну, а в конечном итоге получилось, что и командиры полков стали соучастниками тяжкого воинского преступления. Ибо то, что натворили полковник Петров и подчиненные ему командиры полков 7-й авиадивизии, в терминах Уголовного кодекса того времени называется причинение ущерба мобилизационной и боевой готовности вверенных им авиадивизии и ее частей в особо угрожаемый период, что повлекло отягчающие их вину тяжелые последствия. Ну, а если по-простому, то выходит вот что. С учетом того, что Петров попросту сознательно самоустранился от руководства дивизией еще до начала войны и тем более в первые же ее мгновения, а командиры полков не выполнили приказ о приведении в боевую готовность своих частей, иначе, чем изменой это не назовешь.

Однако продолжим цитирование документа: «...Командир 54-го СБАП майор Скиба боевыми вылетами руководит плохо, на аэродромах не бывает, приказание отдает из блиндажа, без всяких данных: “Идите бомбить — цель найдете сами”. На замечание, что без данных о противнике можно разбомбить и своих, Скиба отвечал: “Я ничего не знаю”. В первый же день войны отдал приказание поднять 3-ю эскадрилью и ждать дальнейших распоряжений в воздухе. Эскадрилья, вооруженная самолетами “Ар-2” и четырьмя

самолетами “СБ”, ожидала распоряжения в воздухе 1,5 часа, в результате чего боевое задание выполнить не могла, так как она всего может находиться в полете 3—4 часа. Самолеты “Ар-2” вынуждены были сесть на свой аэродром с бомбами, а звено “СБ”, вылетевшее на боевое задание, после 1,5 часа пребывания в воздухе полностью погибло.

Эскадрилья майора Иванова, будучи подготовленной к ночным полетам, ночью не использовалась, и когда по этому вопросу Иванов обратился к Скиба, чтобы летать только ночью, Скиба ответил: “Нет такого приказа”.

Сам Скиба на боевое задание не вылетал и прикрепленный к нему самолет передал другому летчику, так же поступил его помощник майор Леонтьев. Перед перебазированием с одного аэродрома на другой, Скиба, имея возможность вывозить ценное боевое имущество, бросал или уничтожал его. По данному факту проводится расследование на предмет предания суду майора Скиба»⁴⁷².

Комментарий. Ну что можно сказать о майоре Скиба?! Да ничего, кроме того, что он умышленно самоустранился от командования вверенным ему полком, что в условиях войны квалифицируется как тяжкое воинское преступление, вплоть до квалификации как измены, что в той ситуации могло повлечь наказание вплоть до расстрела. И это было бы еще самым мягким наказанием.

◆**

Из спецсообщения № 37738 от 14 июля 1941 г. 3-го Управления НКО: «...Оставшееся минимальное количество истребительной авиации ВВС Северо-Западного фронта из-за отсутствия сжатого воздуха для запуска моторов бездействует. Бомбардировщики, посылаемые на уничтожение живой силы противника без при-

крытия истребителей, несут большие потери как матчасти, так и летно-подъемного состава. 7 июля с.г. на уничтожение войск противника в районе гор. Остров вылетало 17 самолетов “СБ” 7-й авиадивизии без прикрытия истребителей, и ни один из них на свою базу не возвратился. Всего в частях дивизии осталось 24 боевых самолета, остальная материальная часть уничтожена авиацией противника в большом количестве на аэродромах...

...Эвакуация баз и частей от передовых линий фронта происходит неорганизованно, само командование проявляет панику, что вызывает большую потерю боеприпасов и других видов технического снабжения. 3 июля с.г. из района Опочка перебазировалась 110-я авиабаза 6-й авиадивизии, ответственные за погрузку инженер Кашинин и помощник начальника штаба по тылу майор Шмелев, не имея взрывчатых веществ, оставили врагу 48 вагонов авиационных бомб. 6 июля с.г. 25-я авиабаза 8-й авиадивизии перебазировалась из местечка Карамышева, для перевозки грузов было подано 4 платформы, однако полковник Шевченко приказал запас бомб и горючего взорвать, имеющиеся 9 самолетов уничтожить, пулеметы ШКАС побросать в колодцы. Что и было сделано, а платформы и автотранспорт были использованы для перевозки личных предметов командования (мотоциклы, велосипеды, подбитые легковые машины). Уничтожение материальной части, запасов горючего и авиабомб не вызывалось необходимостью, так как противник находился на большом расстоянии от мест базирования, имелась полная возможность перевести в тыл.

13-я, 127-я и 206-я авиабазы при паническом бегстве большинство запасов оставили на территории, занятой врагом, не уничтожив боевого имущества. Командир 127-й авиабазы старший лейтенант Четыркин на площадке Груджай оставил врагу 5144 авиабомбы (разных марок), 442 500 винтовочных и авиационных па-

⁴⁷² РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 103. Л. 86—87. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 10.

трон и 10 пулеметов ШКАС. В Шауляе оставлено 18 вагонов авиабомб, 3 млн авиапатрон, несколько тонн бензина, продовольственные и технические склады.

Отдел снабжения штаба ВВС фронта, возглавляемый военинженером 1 ранга Ивановым и интендантом 1-го ранга Лисянским, вопросами эвакуации боевого имущества по-настоящему не руководят, указаний авиачастям на случай отступления в части принятия мер с горючим и боеприпасами не давали. Посылаемые работники штаба в части для руководства эвакуацией практической помощи не оказывают. Командированный из штаба в Шауляйский гарнизон военинженер Батаев вместо оказания практической помощи гарнизону в перевозке боеимущества заручился от командира базы Любогощева распиской, обязывающей последнего вывести все имущество.

Для уничтожения секретной и совершенно секретной документации 10-го авиаполка и 206-й авиабазы в г. Митава (Елгава) были посланы батальонный комиссар Маложин, старший политрук Барыбин и начальник общей части Кудрявцев, которые порекомендовали это задание младшему командиру и красноармейцам, занялись сбором личных вещей, в результате документация указанных частей в том числе и шифр при отступлении остались неуничтоженными.

ВВС фронта, потеряв свои базы, довольствуется снабжением боеприпасами, горючим и автотранспортом со складов ЛВО, запасы которых, будучи не рассчитаны на обеспечение двух фронтов, полностью запросы ВВС Северо-Западного фронта удовлетворить не могут»⁴⁷³.

Комментарий. Последние документы, как, впрочем, и другие тоже, очень любопытны с не-

скольких точек зрения. Во-первых, в них показана одна из основных причин катастрофической нехватки различных видов оружия, боеприпасов и иного военного имущества и снаряжения в первый период войны. Проще говоря, отцы-командиры различных уровней преступно бросали или уничтожали огромные количества боевой техники, боеприпасов, оружия, ГСМ.

*Дополнительный комментарий. К слову сказать, по части ничем не оправданных потерь, например, ГСМ, отличились все виды вооруженных сил и все рода войск. Даже Балтийский флот умудрился V, своих запасов топлива оставить супостатам в Либаве (Lübecke)?⁴⁷⁴**

Бросали или уничтожали даже тогда, когда была реальная возможность все это вывести в тыл. Подобные деяния даже в современном Уголовном кодексе весьма сурово караются. А уж в те времена, да к тому же в ситуации войны — тем более. И это было более чем справедливо. Потому что страна и народ отрывали от себя многое даже из необходимого, лишь бы у Красной Армии все было. А отцы-командиры Красной Армии, присягнув на верность Отечеству, народу и власти, мало того что сотнями километров попросту сдавали территорию врагу вместе с населением, ожидавшим надежной защиты/ так еще и оставляли врагу огромные материальные ценности. Где умышленно, где по халатности, хотя в условиях войны это слово не очень-то подходит. Где просто по тупости безмерной, либо в силу подлости неслыханной, как в том случае, когда оставили врагу 48 вагонов авиабомб, но оправдались тем, что не имели взрывчатых веществ для подрыва боеприпасов. Иметь перед собой 48 вагонов авиабомб и потом оправдываться тем, что-де не имели ВВ для их подрыва — ну что может быть тупее и подлее?! Да одной гранаты хватило бы, чтобы сдетонировали все вагоны. Увы, военинженеры не смогли, а скорее всего, просто не захотели сообразить столь простой вариант. Проще ведь, не заботясь ни о чем, драпать от супостатов. А там — хоть трава не расти.

Во-вторых, практически во всех документах присутствует непосредственный ответ на вопрос № 5 — «Насколько штабы были подготовлены к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?» Военные контрразведчики настолько более чем внятно охарактеризовали деятельность командования на местах, что не приходится сомневаться в том, что значительная часть отцов-командиров вовсе и не собиралась всерьез отражать нападение врага. Кто сугубо по шкурным соображениям, кто в силу паникерства,

⁴⁷³ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 376—379. Цит. по: *Меятыхов ММ*, Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 12—14.

⁴⁷⁴ Факт цит. по: *Пленков О.Ю.* Тайны Третьего рейха. «Гладиаторы» вермахта в действии. М., 2011, с. 178.

ну а кто-то и в силу изменнических настроений. Но вне какой либо зависимости от мотивов такого поведения командования результат был один и очень печальный — пядь за пядью врагу сдавалась священная земля Родины.

§ 11. Итоги. Мнение противника о действиях войск ПриОВО

Что касается вопроса № 4 — «Почему большая часть артиллерии находилась в учебных центрах?» — ответ уже был дан ранее.

Ну а на вопрос № 5 — «Насколько штабы были подготовлены к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?» — лучше окаянных гитлеровских супостатов, увы, никто не смог ответить. Даже несмотря на то, что вонов, фантастически блестяще, беспрецедентные контрразведчики и показали в своиххдентно строго документально доказал, донесениях реальное положение дел, а от- что все перечисленные гитлеровскими ге-веты наших генералов на этот вопрос так инералами недостатки управления войсками со стороны советского командования (и не только упомянутые выше) восходят к периоду, когда в РККА господствовали «невинные жертвы сталинизма». Все эти недостатки имеют глубокие корни, которые относятся еще к периоду конца 20-х — начала 30-х гг. Более того. На протяжении всего этого времени, вплоть до ликвидации заговора Тухачевского в 1937—1938 гг., едва ли не из года в год различными комиссиями, инспекциями, во время командно-штабных игр и маневров различного уровня фиксировались одни и те же недостатки в управлении войсками и уровне их подготовки. Причем за подписью самих «невинных жертв сталинизма». То есть, если по-простому, то выходит, что якобы невинно расстрелянные «жертвы сталинизма» умышленно консервировали такое положение дел, не предпринимая фактически ничего для того, чтобы хоть как-то исправить оное. Потому как подобное положение дел — прекрасная, якобы объективная почва для организации военного поражения, которое они готовили, имея в виду устройство

Из отчетных документов командования 3-й Тгр вермахта: «Не было никаких признаков целеустремленного и планового руководства войсками противника в целом. Непосредственное управление войсками отличалось малоподвижностью, схематичностью. Отсутствовали быстрая реакция и быстрое принятие решений в связи с меняющейся боевой обстановкой. Ни один советской войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты»⁴⁷⁵.

Горько осознавать, что в целом это не только правда, которая совпадает с тем, что писали в своих сообщениях военные контрразведчики. Это еще и более чем трагичная правда. Ибо то, что написали в своих донесениях нацистские супостаты, увы, но есть непосредственная констатация живучести того порочного наследия, которое, к глубочайшему сожалению, со времен Тухачевского, Якира, Уборевича

и других якобы невинно расстрелянных «жертв сталинизма» сохранилось в Красной Армии.

И хотя ранее об этом уже говорилось, но, увы, обязан кое-что повторить, чтобы была абсолютно полная ясность. В 2011 г. вышла книга «Крах 1941 — Репрессии Ни При Чем! “Обезглавил” ли Сталин Красную Армию?». Искренне рекомендую всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны, прочитать эту книгу. Несмотря на некоторую сухость самого материала, она настолько поразительно безупречна в своей доказательной базе, что делает ее просто незаменимой при исследовании трагедии 22 июня 1941 г.

Ее автор, Андрей Анатольевич Смирнов, фантастически блестяще, беспрецедентно строго документально доказал, что все перечисленные гитлеровскими генералами недостатки управления войсками со стороны советского командования (и не только упомянутые выше) восходят к периоду, когда в РККА господствовали «невинные жертвы сталинизма». Все эти недостатки имеют глубокие корни, которые относятся еще к периоду конца 20-х — начала 30-х гг. Более того. На протяжении всего этого времени, вплоть до ликвидации заговора Тухачевского в 1937—1938 гг., едва ли не из года в год различными комиссиями, инспекциями, во время командно-штабных игр и маневров различного уровня фиксировались одни и те же недостатки в управлении войсками и уровне их подготовки. Причем за подписью самих «невинных жертв сталинизма». То есть, если по-простому, то выходит, что якобы невинно расстрелянные «жертвы сталинизма» умышленно консервировали такое положение дел, не предпринимая фактически ничего для того, чтобы хоть как-то исправить оное. Потому как подобное положение дел — прекрасная, якобы объективная почва для организации военного поражения, которое они готовили, имея в виду устройство

⁴⁷⁵ 1941 год - уроки и выводы. М., 1982, с. 116—117.

государственного переворота на его фоне и свержения советской власти.

И это мерзкое наследие дало о себе знать уже во время боевых действий РККА в период 1938—1940 гг. И опять, несмотря на то, что те же самые недостатки вновь были выявлены, положение ни на йоту не было исправлено даже при сменившемся руководстве НКО. Злостный, преступный бардак царил буквально по всем направлениям. Вот с таким набором недостатков РККА и вступила в войну с опаснейшим врагом.

НО ТЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕННЕЕ БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОДВИГ ПРОСТЫХ СОЛДАТ И ИХ АДЕКВАТНО РЕАЛЬНО СКЛАДЫВАВШЕЙСЯ ОБСТАНОВКЕ МЫСЛИВШИХ И ДЕЙСТВОВАВШИХ ПРОСТЫХ ОФИЦЕРОВ. ВОПРЕКИ ОТСУТСТВИЮ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОГО И ПЛАНОВОГО РУКОВОДСТВА СО СТОРОНЫ СВОЕГО ФАКТИЧЕСКИ САМОУСТРАНИВШЕГОСЯ ОТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОДСТАВИВШЕГО СВОИ ВОЙСКА ПОД НЕМИНУЕМЫЙ РАЗГРОМ И ПОРАЖЕНИЕ, А В РЯДЕ СЛУЧАЕВ ПОПРОСТУ ПРЕДАВШЕГО ИХ ВЫШЕСТОЯЩЕГО КОМАНДОВАНИЯ, ОНИ СДЕЛАЛИ ВСЕ, ЧТОБЫ ПРОТИВНИК ПОТЕРПЕЛ БЫ КРАХ В САМОЙ СУТИ СВОЕГО ПЛАНА БЛИЦКРИГА.

В ТОМ ЖЕ ОТЧЕТЕ 3-Й ТГР УКАЗАНО, ЧТО «ТАМ, ГДЕ ПРОТИВНИК ВСТРЕЧАЛСЯ, ОН ОКАЗЫВАЛ ОЖЕСТОЧЕННОЕ И ХРАБРОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ, СТОЯ НА СМЕРТЬ. ДОНЕСЕНИЙ О ПЕРЕБЕЖЧИКАХ И СДАВШИХСЯ В ПЛЕН НИОТКУДА НЕ ПОСТУПАЛО. ПОЭТОМУ БОИ ОТЛИЧАЛИСЬ БОЛЬШЕЙ ОЖЕСТОЧЕННОСТЬЮ, ЧЕМ ВО ВРЕМЯ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ ИЛИ ЗАПАДНОГО ПОХОДА»^{47*}.

ВОТ ЭТО НЕ ПРИВЛЕКАЮЩЕЕ К СЕБЕ ОСОБОГО ВНИМА-

НИЯ ВЫРАЖЕНИЕ — «ТАМ, ГДЕ ПРОТИВНИК ВСТРЕЧАЛСЯ...» — И ЕСТЬ СУТЬ ЗАВУАЛИРОВАННОГО ОТКРЫТИЯ ФРОНТА В РЕЗУЛЬТАТЕ ДЕЙСТВИЙ КОМАНДОВАНИЯ ОКРУГОМ-ФРОНТОМ.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, ПО ПРИЗНАНИЮ ВЫЖИВШЕГО НА ВОЙНЕ НЕМЕЦКОГО ГЕНЕРАЛА ТИППЕЛЬСКИРХА: «НЕМЕЦКАЯ АРМИЯ НЕ СМОГЛА ДО 10 ИЮЛЯ НАНЕСТИ СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР ВОЙСКАМ ПРОТИВНИКА В ПОЛОСЕ ДЕЙСТВИЯ ГРУППЫ АРМИЙ “СЕВЕР”, А ТОЛЬКО ОТБРОСИЛА ИХ НАЗАД»⁴⁷⁷.

ПРОЩЕ ГОВОРЯ, ЧЕГО БОЛЕЕ ВСЕГО ОПАСАЛСЯ ПРОКЛЯТЫЙ ГИТЛЕР, НА ТО И НАПОРОЛИСЬ ЕГО ВОЙСКА НА ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ! УВЫ, НО ПРИПИСАТЬ ЭТО ЗАСЛУГАМ ТОГДАШНЕГО КОМАНДОВАНИЯ ПРИБОВО-СЗФ НЕТ НИ МАЛЕЙШИХ ОСНОВАНИЙ.

ПРОСТЫЕ СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ СВЯТО ВЫПОЛНЯЛИ СВОЙ ДОЛГ ПЕРЕД РОДИНОЙ ФАКТИЧЕСКИ ВОПРЕКИ КОМАНДОВАНИЮ! ВЕЧНАЯ ИМ СЛАВА! И ДА ПРОСТИТ НАС, ПОТОМКОВ, ИХ ВОЗМОЖНО ЕЩЕ НЕ УПОКОЕННЫЙ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ ПРАХ!

А в подтверждение этого позвольте привести следующее. Из воспоминаний уже цитировавшегося генерала Хлебникова: «...Пример боевых действий 9-й артиллерийской противотанковой бригады РГК в первые дни войны весьма показателен. Да и на других участках Северо-Западного фронта, где артиллерия была заранее выведена на огневые позиции и имела хотя бы минимум необходимых боеприпасов, гитлеровцы получили крепкий отпор. Так, еще 22 июня, находясь в штабе Северо-Западного фронта в Риге, я слышал, что 16-й стрелковый корпус 11-й армии сражался стойко, нанес противнику тяжелые

⁴⁶ Цит. по: *Анфилов В.А.* Провал «блицкрига». М., 1974, с. 232.

⁴⁷⁷ *Итоги Второй мировой войны: сборник статей.* М., 1957, с. 75.

потери... Командовал корпусом генерал-майор Михаил Михайлович Иванов — человек смелый, решительный и очень самостоятельный. За два дня до начала войны он, несмотря на указание “не спешить”, сделал все, что было в его власти, чтобы достойно встретить противника. Конечно, занять заранее подготовленную полосу обороны на границе дивизии корпуса не могли без соответствующего приказа свыше (они дислоцировались в 20—40 километрах от границы). Но командир приказал выдвинуть на огневые позиции часть артиллерии и выдать со складов боеприпасы. Таким образом, дежурные батальоны, находившиеся в приграничных укреплениях, были в какой-то мере обеспечены артиллерийской поддержкой. Это сказалось в первые же часы войны. Особенно стойко дралась 33-я стрелковая дивизия генерал-майора К.А. Железнякова. Начальником ее артиллерии был полковник Г.А. Александров — отличный специалист своего дела (с ним вместе мы прошли всю войну, которую он закончил генерал-майором, командующим артиллерией 4-й ударной армии). Еще 20 июня Александров по приказу командива вывел легкий пушечный полк к границе и развернул в боевой порядок вдоль шоссе на Каунас. Вечером 21 июня они с генералом Железняковым приехали на командный пункт дивизии. На рассвете, как только фашисты перешли границу, их встретил дружный огонь дежурных батальонов, поддержанных пушечным полком. Все атаки противника были отбиты, передовые батальоны удержали оборонительную полосу до подхода главных сил дивизии...»⁴⁷⁸

Этот вывод подтверждается и высказываниями немецких историков. Фон Бутлар, например, в очерке «Война в России» в книге «Мировая война 1939—1945 годы» писал: «Критически оценивая сегодня пограничные сражения в Рос-

⁴⁷⁸ Цит. по: БИФ://тШ(егаЛ1Ь.т/тето/п15\$1ап-ЬеЪткоу_пт/05 .Мт1 — Хлебников Н. М. Под грохот сотен батарей. М., 1974. Гл. «Страна вступает в бой. Накануне».

сии, можно прийти к выводу, что только группа армий “Центр” смогла добиться таких успехов, которые даже с оперативной точки зрения представляются большими. Лишь на этом направлении немцам удалось разгромить действительно крупные силы противника и выйти на оперативный простор. На других участках фронта русские повсюду терпели поражение, но *ни окружить крупных сил противника, ни обеспечить для моторизованных соединений достаточной свободы маневра немцы не сумели*. Группы армий “Север” и “Юг” продвигались, как правило, тесня искусно применявшего маневренную оборону противника, и на их фронтах даже не намечалось никаких возможностей для нанесения решающих ударов»⁴⁷⁹. Бутлар дает обзор военных действий немцев за период с 22 июня по середину июля 1941 г. Важное свидетельство стойкости простых солдат и офицеров СЗФ (с 10.07.1941 г. — в составе Северо-Западного стратегического направления под командованием К.Е. Ворошилова) привел и Курт Типпельскирх в своей «Истории Второй мировой войны»: «Войска противника под командованием маршала Ворошилова с самого начала имели глубоко эшелонированное расположение... Очевидно, противник был осведомлен о большом сосредоточении немецких соединений в Восточной Пруссии... уничтожение крупных сил противника, как это намечалось, не было осуществлено... Убедительным было упорство противника, поражало количество танков, участвовавших в его контратаках. Это был противник со стальной волей, который безжалостно, но и не без знания оперативного искусства бросал свои войска в бой»...»⁴⁸⁰

Вот вам и «разбежавшаяся» Красная Армия, как пытаются ныне утверждать отдельные, круто помешавшиеся на зоологическом антисталинизме горе-

⁴⁷⁹ Цит. по Интернету.

⁴⁸⁰ Цит. по Интернету.

«исследователи»! Вот вам и якобы серый, о Жукове, ни о Тимошенко в начальный ни на что не способный Клим Ворошилов! период войны германские генералы не писали таких слов и даже не вспоминали о них, не называли их фамилии. Этой высочайшей чести удостоились только Ворошилов и Буденный. А чуть позже и великий Рокоссовский, которого супостаты уже к осени 1941 г. прозвали Генерал-Кинжал. Победенные враги прекрасно знали, кто чисто по-русски «начистил» их поганое нацистское рыло в самом начале блицкрига, фактически сорвав его. Вот так-то!

Кстати, не премину отметить одно важное обстоятельство. Впоследствии ни

Глава 2

ПЛАН ПОРАЖЕНИЯ В ДЕЙСТВИИ: РАЗГРОМ ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА — ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Русский солдат создан для побед.
Умей только водить его.

Наполеон

Едва ли кого-то нужно убеждать в том, что катастрофически молниеносный разгром превратившегося ранним утром 22 июня в Западный фронт Западного особого военного округа являет собой сердцевину трагедии 22 июня 1941 г. Проблема выяснения подлинных причин этой катастрофы — самая актуальная среди всех важнейших проблем истории начала Великой Отечественной войны.

Однако при всей своей важности и актуальности она до сих пор не решена. Несмотря даже на громадное количество очень толковых, просто толковых и даже бестолковых как отечественных, так и зарубежных исследований на эту тему. И она никогда не сможет быть решена, пока все исследователи, которые, обращаясь именно к этой проблеме, будут исходить из того факта, что во всем якобы виноват Сталин. Проявляющаяся в таком случае — вне зависимости от того, желал ли того сам исследователь или нет, — ненависть или даже просто предвзятое отношение к Сталину каждый раз то открыто, то подспудно, но будет играть злую шутку над любым исто-

риком, вставшим на этот путь. В результате проблема как была наиболее острой и нерешенной, так и остается острой и нерешенной. Решить же ее надо. Уже 70 лет прошло с момента той трагедии, но до сих пор непонятно, что на самом-то деле случилось на Западном фронте. А ненависть или даже просто предвзятое отношение к фигуре и особенно действиям Сталина, увы, самые худшие советчики. Все должно иметь предел, говаривал Наполеон, даже ненависть. Не грех и нам воспользоваться мудрым советом великого полководца, государственного деятеля и политика. Несмотря даже на то, что двести лет назад он был ярым врагом России.

§ 1. Назад в предысторию. Размышления супостатов о стратегии таранно-штурмового пролома советской обороны

Для начала давайте еще раз вспомним ключевые данные о предшествовавших катастрофе Западного фронта событиях. Итак:

1. Со времен знаменитого генерала фон Секта в теории и практике германского стратегического планирования утвердилась следующая мысль. Решающим обстоятельством в грядущих войнах Германии против своих противников должны стать как скорость наступления, *так и стремительный прорыв одним мощным ударом центра обороны потенциального противника.*

2. В конце 1936 г. в Германии были проведены уже упоминавшиеся ранее стратегические командно-штабные игры на картах, на которых впервые «обкатывался» прототип будущего «Варианта Барбаросса». Самое важное в тех играх, что имеет прямое отношение к катастрофе Западного фронта, заключается в следующем:

— во-первых, в итоговом выводе. «Совещание пришло к выводу, что никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше». То есть уже тогда германские генералы пришли к выводу, что успех блицкрига против СССР напрямую зависит от удара именно с польского плацдарма, прежде всего на Белорусском направлении. Ибо при господстве указанной выше идеи Г. фон Секта о стремительном прорыве одним мощным ударом центра обороны потенциального противника в указанном выводе по итогам упомянутых игр, Восточная Польша в таком случае и в понятиях того времени — это то, что мы привычно называем Западной Белоруссией. Потому и такой вывод.

— Во-вторых, в процессе этих фактически символизировавших собой акт картографической агрессии игр Минск был взят на пятый день с начала агрессии!

— В-третьих, столь невероятный успех пока еще всего лишь на картах, когда между Германией и СССР существовал громадный территориальный буфер, пре-

жде всего в лице Польши (а также Чехословакии и государств Прибалтики), стал возможен в результате заговора предателей в лице группы высокопоставленных советских генералов того времени. Как участники преследовавшего цель организации государственного переворота в СССР силами военных в условиях им же организованного поражения в войне с Германией и коалицией ее союзников военно-политического заговора подавляющая часть его руководящего состава и наиболее активные участники были расстреляны или осуждены на длительные сроки тюремного заключения. В процессе выкорчевывания этого заговора было установлено, что его руководящее ядро не погнушалось даже передачей военному командованию Германии совершенно секретной информации особой важности в виде мобилизационного и оперативного планов Советского Союза на случай войны с Германией и коалицией ее союзников. Одновременно был выявлен и разработанный ими план поражения советских войск в случае нападения Германии и ее союзников.

3. В начале 1941 г. эти данные, особенно о невероятной скорости прорыва советской обороны, получили еще одно документальное подтверждение. Они были получены в процессе тщательной работы с захваченным агентом абвера, бывшим штабс-капитаном царской армии графом Александром Сергеевичем Нелидовым. Нелидов присутствовал на тех играх и в ходе допросов смог по памяти восстановить картографический прототип сценария агрессии. Как оказалось впоследствии, он мало чем отличался от того, с чем пришлось столкнуться советским войскам уже в процессе реальной агрессии. Кроме того, он также подтвердил, что Минск тогда был взят на пятый день картографической агрессии.

4. В мае 1941 г. берлинская резидентура НКГБ СССР от своего ценного агента — крупного железнодорожного

чиновника Третьего рейха — получила документальные данные о том, что германское военное командование запланировало взятие Минска также на пятые сутки с начала агрессии?! Через несколько лет после первой, тогда еще картографической, агрессии вновь запланировать взятие Минска на пятые сутки с начала агрессии при условии, что границы СССР были вынесены на несколько сот километров на запад, в том числе и на Белорусском направлении?! При наличии перед группировкой вермахта на этом направлении достаточно мощной группировки войск Западного особого военного округа?! Проще говоря, при уставном нормативе вермахта темпа наступления в прорыве в 20—25 км в сутки даже для танковых частей, в данном случае они планировали темп наступления в 2,4—3 раза превышающий норматив?! А с какой такой стати они планировали такую прыть?! А, самое главное, на что или на кого надеялись?! Кстати говоря, знаменитый германский танкист Г. Гудериан в своих мемуарах указал, что на вопрос о том, за сколько дней он сможет достигнуть Минска, он ответил: «5—6 дней»^{4*1}. И ведь добрался же «быстрый Гейнц» до Минска за ПЯТЬ дней! А Гот даже Гудериана обскакал — идя другим путем, добрался до Минска за ЧЕТЫРЕ дня! Ну, и где были 44 дивизии ЗапОВО?!

4. Нелишне будет напомнить, что и нацисты планируют едва ли не мгновенный захват Минска, прошла неоднократно. Впервые, как уже отмечалось выше, еще в конце 1936 — начале 1937 г. Вторично — уже в 1941 г. (до 22 июня), причем по каналам как стратегической (НКГБ), так и низовой тактической (военной) разведок. Более того. В начале апреля 1941 г. и разведка пограничных войск документально установила, что германское военное командование ужесили Красной Армии, оккупировав одно-тогда начало выдачу письменных предпи-

саний о назначении своих железнодорожных служащих на узловые станции Белоруссии, прежде всего в районе Белостока.

Однако ни той, ни другой информации не было придано должного значения. Не говоря уже о том, что она не была доведена до сведения Сталина, во всяком случае на сегодня нет внушающих доверие данных о том, что такая информация ему докладывалась. Но даже будучи доложена только в ГРУ и ГШ вместе с данными Нелидова, эта информация вызвала там массивное проявление едва ли не категорического скептицизма. Проще говоря, там скептически хмыкали над тем, что супостаты запланировали на пятые сутки с начала агрессии взять Минск. Однако оно так и вышло бы, если бы не фантастическое мужество и героизм простых советских солдат и их адекватно складывавшейся обстановке мыслящих и действовавших строевых командиров. Именно так хоть чуть-чуть, но был сорван утвержденный самим фюрером график агрессии. Минск был взят с небольшим смещением графика агрессии. И, несмотря на то, что с 16.00 28 июня 1941 г. гитлеровцы уже полностью хозяйничали в столице Белоруссии, фюрер, как впоследствии стало известно, все же закатил истерику по поводу этого опоздания, на сутки от графика. А в принципе город был брошен еще 26 июня, передовые же части вермахта подошли к столице Белоруссии на рубеже 26—27 июня.

5. Накануне войны по различным каналам, прежде всего разведывательным, было также установлено, что:

5.1. Германия не сможет выиграть войну с Россией, если боевые действия затянутся на срок более двух месяцев. А также если в течение первого месяца войны не удастся захватить Ленинград, Киев, Москву и разгромить основные временно главные центры военной промышленности и добычи сырья в европейской части СССР.

⁴⁸¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону. 1998, с. 126.

5.2. Нацистские супостаты пребывают в абсолютной уверенности, что вермахт сможет осуществить быстрый захват Москвы.

Прошу обратить особое внимание на то, что быстрый захват Москвы (в том числе и в течение месяца с начала агрессии) по условиям тех времен был возможен только в результате молниеносного прорыва советской обороны в самом ее центре. То есть на Белорусском направлении, в полосе компетенции ЗапОВО. А в полосе компетенции самого ЗапОВО — по центру обороны этого округа-фронта, сиречь на брестском направлении, то есть в полосе компетенции 4-й армии этого округа. Собственно говоря, именно так все и вышло, за исключением самого главного — Москву нацистские аспиды взять так и не смогли. Все остальное имело место быть.

5.3. Красную Армию ожидает предательство в форме подставы под разгром, вследствие чего она будет разгромлена в приграничных сражениях.

5.4. Красную Армию ожидает серьезное поражение, в связи с чем командование вермахта было безмерно удовлетворено тем, что «главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара». Так оно и в самом деле было. И в этой связи нелишне напомнить, что в конце 1940 г. произошла серьезная утечка к немцам информации о содержании документа особой важности. То есть о содержании «Сообщений о стратегическом развертывании Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.» от 18 сентября, утвержденных советским правительством 14 октября 1941 г. Об этом говорилось ранее.

5.5. Красная Армия будет быстро окружена и расколота бронемеханизированными частями по испытанной немецкой тактике и повторит судьбу польской армии.

5.6. Нацистские главари почему-то были уверены в том, что Красная Армия сможет сопротивляться не более 8 дней, имея в виду именно приграничные сражения. Именно это-то и случилось на Западном фронте. Все его армии к началу июля фактически прекратили свое существование как единые армейские организмы. Сопротивление врагу велось плохо организованными разрозненными группами, образовавшимися из остатков этих армий, их частей и соединений, на промежуточных, слабо подготовленных рубежах обороны, а также в окружении. Так продолжалось до начала Смоленского сражения.

5.7. Красная Армия (в целом) будет разбита в четыре недели. Группировка войск РККА на западных границах, прежде всего та, которая являла собой ЗапОВО-ЗФ, действительно была разгромлена, причем, куда ранее, чем даже в эти сроки.

5.8. Красную Армию ожидает разгром в варианте Канн.

Для военных руководителей, особенно для высших руководителей оборонного ведомства и Генерального штаба, такие данные должны звучать по меньшей мере как магическое предупреждение. То есть предупреждение о том, что готовятся мощные «котлы» по классической, впервые апробированной еще более двух тысяч лет назад схеме. «Котлы», в которых и будут уничтожены группировки советских войск. Но никто во внимание это уже были под дамокловым мечом неминуемого разгрома по классическому варианту Канн — в Львовском и особенно Белостокском выступлениях. И это при том, что еще по итогам декабрьского 1940 г. совещания высшего командного состава РККА и последовавших за ним стратегических командно-штабных игр на картах была понятна, в частности, опасность ударов противника из районов Сувалки и Брест в направлении Барановичи,

далее — на Минск. Это именно та самая опасность, которая и грозила группировке советских войск в Белостокском выступе, входившем в полосу компетенции ЗапОВО. Проще говоря, опасность реализации германским командованием варианта Канн в отношении особенно Белостокской группировки советских войск была понятна за полгода до агрессии. Увы, но никто не почесался, дабы хоть как-то минимизировать эту угрозу или попросту ее снять. Зато «котлов» по этой схеме советские войска «объелись», что называется, сверх всякой меры...

5.9. Нацистские супостаты:

а) надеются на то, что в СССР произойдут массовые внутренние беспорядки, прежде всего в Прибалтике, Западной Украине и Западной Белоруссии;

б) пребывают в уверенности, что в СССР произойдет бунт (переворот) в общегосударственном масштабе, а Геббельс и вовсе заявил во всеуслышание, что в России будет революция, и это облегчит победу над СССР;

в) надеются на то, что удастся быстро сформировать новое правительство, которое спровоцирует гражданскую войну в СССР.

И без особых пояснений должно быть ясно, что для того, чтобы сформировать нонападения. Естественно, что в таком случае правительство, надо куда-то деть предвидящее, то есть как минимум свергнуть его. Проще говоря, в данном случае речь шла о государственном перевороте. А государственные перевороты априори совершаются при ставке на военную силу. Тем более в условиях войны. В России — особенно.

А теперь вспомним, как и что планировали и предполагали нацистские аспиды в генеральских погонах еще до поступления в СССР такой разведывательной информации.

6. Из оперативно-стратегической работы генерала фон Зоденштерна (до утверждения «Варианта Барбароссы»): «Русских наступательных действий против центра немецкого фронта вряд

ли стоит опасаться.... Скорее можно ожидать, что центр русских войск под давлением немецкого наступления на флангах уже на раннем этапе кампании будет стремиться отступить на восток...»

Кто бы объяснил, желательно вразумительно, а почему, собственно говоря, Зоденштерн размышлял подобным образом?! С чего такой вывод? Не утечкой ли информации о «Соображениях...» были обусловлены подобные размышления Зоденштерна?! Не говоря уже о том, что центр русских войск — это полоса компетенции Западного округа, а если по-простому — Белорусское направление. Да и о каких флангах глаголил Зоденштерн — о флангах ли германо-советской границы, или о флангах ЗапОВО, о существовании которого немцы прекрасно знали?!

Более того. Как уже установлено в наше время, в конечном итоге у ЗапОВО, как, впрочем, и у других округов, была задача выстроить войска статическим фронтом узкой лентой при низкой линейной плотности. Но при этом еще и содействовать своими флангами соседям справа и слева в их операциях, прежде всего, контрнаступательного характера по факту нашего ожидания русских наступательных действий против центра немецкого фронта германским генералам действительно не удалось. Так вот и спрашивается, каким это макаром нашим генералам удалось так убедить германских генералов?!

7. Из «логики» «Варианта Барбароссы»⁹⁹:

7.1. Центр немецкого фронта — это «направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизован-

ными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии».

Южная из этих групп — будущая группа армий «Центр». В свою очередь центр русского фронта — Западный особый военный округ А центр фронта в полосе компетенции ЗапОВО — брестское направление, то есть полоса компетенции 4-й армии этого округа.

7.2. «Если русские вооруженные силы распадутся неожиданно быстро, тогда для центральной группы армий (севернее Припятских болот) может встать вопрос об одновременном повороте части сил на север и о наступлении на Москву, но только в этом случае». Более того. «Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих задач одновременно».

А тут, миль пардон, какого хрена нацистские аспиды в генеральских погонах пустились в такие размышления, на что и на кого они надеялись и что послужило основанием для таких утверждений уже в «Варианте Барбаросса»?! Опять возникает все тот же вопрос: не утечкой ли стратегической информации были обусловлены эти пассажи в «Варианте Барбаросса»?! И не возможным ли предательством, которое и обеспечит «неожиданно быстрый развал русского сопротивления»?!

А теперь посмотрим, какая логическая связь едва ли не автоматически выстраивается от первого пункта до последней строчки только что сказанного.

Для того чтобы достичь военного успеха в блицкриге против СССР, остро необходим польский плацдарм для организации удара по центру советской обороны. А военный успех в свою очередь достигается стремительным прорывом одним мощным ударом центра советской обороны и высокой скоростью наступления. А это, уже в свою очередь, поэтапно

приводит сначала к быстрому уничтожению Красной Армии, затем к массовым беспорядкам, к бунтам и в конечном итоге государственному перевороту (под видом революции) в центре власти СССР и свержению его правительства!

Как видите, у нацистских аспидов, если не все, то главное было завязано на центр советской обороны — как военные, так и особенно политические цели. Прежде всего на стремительный прорыв центра советской обороны одним мощным ударом с польского плацдарма при высокой скорости наступления. А остальное — как результат этого прорыва.

§ 2. Назад в предысторию. Образ мышления, отношение к разведывательной информации и действия советского военного командования

А у нас что происходило? Прежде всего у нас произошло, мягко и особенно культурно выражаясь, «удивительное» явление. С самого начала поступления разведывательной информации о том, что Гитлер от антисоветских замыслов и пропагандистской болтовни на эту тему перешел к конкретному военному планированию и даже утвердил уже какой-то план агрессии, шла информация только о трех направлениях будущих ударов. Однако еще до поступления этих данных и особенно после, с приходом на пост начальника ГШ Жукова и тем более образованием тандема Тимошенко—Жуков, этот дуэт, прежде всего сам Жуков, уперто считал, что супостаты нападут только на двух направлениях. То есть на Юго-Восточном (Юго-Западном) и Северо-Восточном (Северо-Западном) направлениях.

С какого стратегического хрена они, особенно Жуков, так решили и тем более маниакально уперто стояли на такой по-

зиции—такибес их знает! Но это только с позиции «стратегического хрена». О политическом скажем чуть ниже. Ведь абсолютная глупость такой позиции должна была бы быть понятной даже такому органически ненавидевшему штабную работу начальнику Генерального штаба, как Жуков. Увы, но в стратегии Жуков действительно был, мягко выражаясь, более чем слаб. Иначе, не вставая с кресла и не читая никаких разведывательных сводок, понял бы простую вещь. Раз у Советского Союза на западной границе три основных военных округа, к тому же названных особыми, о чем немцам было прекрасно известно, то, следовательно, и нацистские аспиды будут действовать зеркально. Проще говоря, они будут планировать свои удары также на трех направлениях. Для этого не нужен был ни диплом Академии Генерального штаба, ни даже семь пядей во лбу. Достаточно было вспомнить, сколько особых военных округов на западной границе СССР. Но если бы даже и это не помогло понять столь простую вещь, то аналогичный вывод можно было сделать также и на основании первых информации о стратегическом замысле германского командования. Ведь везде фигурировало направление на Москву, стремительно достичь которой методом блицкрига, о котором Жуков так здорово (но при помощи полковника Баграмяна) распинаялся на декабрьском 1940 г. совещании высшего командного состава РККА, можно было только прямым ударом на Белорусском направлении. Проще говоря, ударом по центру советской обороны, то есть в полосе компетенции ЗапОВО. Увы, но тогда столь простые и вполне доступные даже примитивному уму мысли почему-то за десятки километров обходили зеркально выбритые головы начальника Генерального штаба и наркома обороны. Это впоследствии Жуков сквозь зубы признал, что якобы только в апреле—мае был установлен факт трех группировок,

хотя тут он столь нагло соврал, что даже и не знаешь, как это назвать. Три группировки вермахта стали окончательной, более чем весом подтвержденной данностью уже с 20 марта 1941 г., то есть с момента подачи ГРУ своего ныне более чем знаменитого доклада от указанного числа. Утверждать же впоследствии, что только в апреле—мае были установлены три группировки, значит злоумышленно врать.

Естественно, что при такой упертой позиции у нас начался процесс постепенного исчезновения ключевого значения прикрытия и обороны минского направления как центрального в рамках Белорусского направления. Вплоть до полного его исчезновения сразу у двух округов — у ПриОВО и ЗапОВО. Своей кульминации это исчезновение достигло уже во времена правления дуэта Тимошенко—Жуков. Одновременно произошла негласная, неофициальная и незаконная подмена также и главного принципа обороны, заложенного в единственный официальный план отражения агрессии. Вместо активной обороны и активных действий по сдерживанию противника, под прикрытием которых должны были произойти отмотилизование и сосредоточение основных сил, лишь после чего, причем, только при наличии благоприятных условий, предполагался переход в решительное контрнаступление, в советском стратегическом планировании времен дуэта Тимошенко—Жукова появилось нечто несуразное. Активная оборона и активные действия были подменены на упорную оборону (она же жесткая оборона) на линии границы. А главным методом отражения агрессии стало немедленное встречно-лобовое контрвторжение на немецкую территорию по факту нападения Германии, причем главными силами именно с Юго-Западного направления. В результате, едва только в высшем военном руководстве сложился тандем Тимошенко—Жуков, войска стали гото-

вить именно к такому варианту отражения агрессии, означавшему крайнюю неустойчивость войск с точки зрения именно обороны и прикрытия. Потому что этот вариант откровенно предполагал организацию именно статического фронта узкой лентой с низкой или крайне низкой линейной плотностью войск на основной части советско-германской границы, поскольку немедленный встречно-лобовой контрблицкриг планировался этим дуэтом с крайних флангов советско-германской границы. А это требовало не только концентрации сил и средств именно там, но и выдвижения ударных мобильных сил, прежде всего авиации и танков, в передовое базирование, где даже элементарная безопасность этих сил при внезапном ударе противника была абсолютно не гарантирована.

Удар же главными силами планировался с Юго-Западного направления, то есть с плацдарма КОВО, вспомогательный — на Северо-Западном, то есть с плацдарма ПриОВО. А ЗапОВО должен был не то раздвоиться, не то расчлениваться в выполнении поставленных ему задач?!

Дело в том, что он должен был одновременно упорной обороной держать оборону границы, и в то же время своими флангами содействовать и КОВО, и ПриОВО в выполнении поставленных перед ними задач по контрблицкригу. Да к тому же выполнить еще и частные наступательные задачи собственными силами. От такого обилия едва ли выполнимых, тем более одновременно, задач можно было ожидать только одного — неминуемо неизбежного разгрома войск ЗапОВО. Причем преимущественно молниеносного разгрома.

И судя по всему, именно это и входило в тайные планы дуэта Тимошенко-Жуков, но главным образом тех, по сию пору, увы, неизвестных сил и лиц, которые стояли за ними и очень ловко манипулировали ими. Более того. Есть еще ряд моментов, свидетельствующих

о целенаправленном ослаблении ЗапОВО действиями высшего военного руководства в лице Тимошенко и Жукова с целью его неминуемой подставы под неизбежный разгром.

А все это по совокупности уже в точности соответствовало той самой логической связи планов германского командования, которая выше уже была показана. Ну а если еще вспомнить все то, что было написано в первом томе о подготавливавшемся заговоре военных с целью устройства поражения в самом начале войны и организации государственного переворота силами военных, то вообще все станет ясно. Но и это еще далеко не все, что нужно сказать.

Ведь тут же возникает следующий вопрос. А знало ли руководство НКО и ГШ, а также командование ЗапОВО, что против этого округа сосредотачивается наиболее мощная группировка вермахта?! Абсолютно достоверно известно, что знали. Это можно доказать, даже не прибегая к архивным материалам, опираясь только на мемуары бывшего командующего 4-й армией тогда генерал-лейтенанта (впоследствии Маршала Со-

в своих воспоминаниях В.И. Чуйков, в частности, отмечал: «По различным каналам из разнообразных источников в Москву стекались сообщения, что Гитлер готовит поход на восток, что в конце весны или летом может последовать нападение на Советский Союз. Даже в далеком Китае я получал такого рода информацию... Теперь известно, что мы имели множество неопровержимых сообщений о сосредоточении гитлеровских войск вблизи от нашей государственной границы. Наши пограничники указывали даже, где и в каком составе дислоцируются дивизии Гитлера, прибывшие с запада. Сталин обо всем знал. Но Сталин и наше правительство делали

все возможное, чтобы оттянуть начало войны, чтобы каким-то неосторожным жестом не спровоцировать вторжение врага...»⁴⁸²

А Сандалов в книге на «Московском направлении» и вовсе конкретно указал: «Время от времени мы получали информацию сверху*. С нами регулярно делились своими впечатлениями и наблюдениями погранотряд и наши подразделения, работавшие на постройке оборонительных сооружений в пограничной зоне. Ими отмечалось, что немцы с каждым днем все интенсивнее проводят работы на западном берегу Буга, подтягивают к реке инженерную технику, роют траншеи, устанавливают маскировочные щиты перед открытыми участками, сооружают наблюдательные вышки и т.д.»⁴⁸³.

Звездочкой обозначено сделанное лично Сандаловым примечание следующего содержания: «В последней такой информации, поступившей к нам из штаба округа 5 июня, сообщалось, что на границе с Белоруссией сосредоточилось около [^]немецких дивизий, из них на брестском направлении — 15 пехотных, 5 танковых, 2 моторизованных и 2 кавалерийских»⁴⁸⁴.

А в книге «Первые дни войны» Сандалов и вовсе написал следующее: «Против 4-й армии на фронте 150 км (25 % фронта группы армий “Центр”. — А. М.) противник развернул 21^{1/2} дивизии, или свыше 40 % сил этой группы армий, и не менее половины артиллерийских, инженерных и других частей усиления. Это свидетельствовало о том, что в полосе 4-й армии противник готовил один из главных ударов»⁴⁸⁵.*.

⁴⁸² Чуйков В.И. Сражение века. М.: Советская Россия, 1975 г. Цит. по: Бир://тШ(ега.НБ.ги/тета/га\$\$1ап/сБиукоу/t4ex.Бйп1

⁴⁸³ Сандалов Л.М. На Московском направлении. В книге «1941. На Московском направлении», в состав которой вошла также и книга «Первые дни войны». М., 2010, с. 68.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Там же, с. 383.

Проще говоря, приведенные Сандаловым факты (тем более в сочетании с выводом Чуйкова) не оставляют никакого сомнения в том, что и командование 4-й армии, и командование ЗапОВО, и Генштаб, и НКО заранее прекрасно знали, что против ЗапОВО сосредотачиваются наиболее громадные в масштабах всей концентрируемой у советских границ группировки немецких войск силы! А конкретно 4-я армия находится на острие главного удара ГА «Центр» на брестском направлении! Особо подчеркиваю знание этих данных Генеральным штабом и в целом руководством НКО. Потому что при всех уже упоминавшихся ранее безобразиях, которые творились в различных подразделениях РО штаба ЗапОВО, тем не менее достаточно серьезная разведывательная информация все-таки направлялась в Москву. А после аналитической обработки в ГРУ и ГШ и соответствующих дополнений, полученных из других источников, направлялась обратно в штаб ЗапОВО. Как, впрочем, и в штабы других округов. Сандалов более чем ясно это показал. Так что, брехню Жукова о том, что-де он не знал о том, что готовится еще и удар на третьем направлении, то есть по центру советской обороны, который символизировал ЗапОВО, необходимо окончательно отбросить именно как донельзя лживую брехню. Хотя бы еще и по следующей причине. Если здесь упомянуть еще и о его так называемом «гениальном» плане якобы от 15 мая 1941 г., то просто физически не сможем не вспомнить, что согласно этому плану он замысливал именно в Польше зараз прихлопнуть аж целых СТО дивизий вермахта! Раз планировал такое, значит, просто знал о том, сколь мощная группировка там сосредоточена. Да и в истории с ознакомлением с посланиями Гитлера и Сталина незаметно для себя Жуков проболтался по очень важному, стратегически важному вопросу — ему хорошо было извест-

но об особой концентрации германских войск в Польше, особенно на Белорусском направлении. Но тем не менее он упорно ожидал удара немцев только с двух направлений — Юго-Западного и Северо-Западного. Л после войны облил грязью славное ГРУ, которое, видите ли, что-то там не досмотрело в Польше, вследствие чего он и проморгал главный удар супостатов на Западном (Белорусском) направлении.

Забегая несколько вперед, нельзя не отметить, что при таком знании практически ничего не было сделано для того, чтобы достойно встретить врага даже теми, сильно уступавшими немецкой группировке силами. Ведь в целом соотношение

сил между ЗапОВО и ГА «Центр», но особенно между 4-й армией ЗапОВО и 4-й армией в сочетании со 2-й танковой группой вермахта не оставляло никаких сомнений в том, что катастрофически молниеносный разгром нашей 4-й армии фатально неминуем. При указанном знании данных о противнике, которое показал в мемуарах Сандалов, ни командование 4-й армии, ни командование ЗапОВО, ни руководство НКО и ГШ просто физически не могли не понимать абсолютно неизбежных катастрофических последствий. Вы только посмотрите на соотношение сил между 4-й армией ЗапОВО и 4-й армией в сочетании со 2-й танковой группой (Тгр) вермахта, и вам все станет понятно.

Соотношение сил между 4-й армией ЗапОВО и развернутой против нее 4-й армией 2-й танковой группы⁴⁸⁶

Силы	4-я армия ЗапОВО	4-я армия и 2-я танковая группа вермахта	Соотношение
Дивизии, всего	7	20,5	1 : 2,9
Дивизии стрелковые/пехотные (вермахт)	4	10	1:2,5
Дивизии танковые	2	5	1:2,5
Дивизии моторизованные	1	5	1 : 5
Личный состав	83000	461680	1 : 5,56
Орудия и минометы	1159	5953	1 : 5,13
Танки всех типов, включая трофейные, также штурмовые орудия (§1иО), истребители танков Рапгеца§ег1 на шасси танка Рг. Крйу. I, самоходные тяжелые 150-мм пехотные орудия (§Ю33 на шасси танков Рг. Кр?ж)	600	1148	1 : 1,91

Примечание: Обратите внимание на «черный юмор» германского командования — против 4-й армии ЗапОВО нацистские аспиды выставили именно 4-ю армию вермахта.

⁴⁸⁶ Таблица составлена на основании совмещения данных таблицы № 56 из книги М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939—1941 гг. Документы, факты, суждения». (Издание 3-е, дополненное. М., 2008, с. 361), и сведений о 4-й армии ЗапОВО, указанных в книге В. Рунова «1941. Первая кровь. Перелом истории». М., 2009, с. 276—277.

Даже если командование ЗапОВО и его 4-й армии, а также ГШ и НКО досконально не вычисляли превосходство противника подобным образом, то все равно при указанном знании сил противника и грудному младенцу была бы понятна неизбежность катастрофы. А именно то, что 4-ю армию вдребезги разгромят в считанные часы. Что, кстати говоря, и произошло. Соответственно, в считанные часы будет прорван Западный фронт с соответствующими вытекающими отсюда крайне негативными последствиями как для всего Западного фронта, так и для советско-германского фронта в целом.

А что в итоге сделало командование ЗапОВО? На бумаге оно запланировало в первом эшелоне армий прикрытия всего 13 стрелковых дивизий. То есть уже на бумаге выстраивался статический фронт узкой лентой при низкой линейной плотности. И такой план командование ЗапОВО представило с колоссальным опозданием в НКО и ГШ. А там даже не одернули командование ЗапОВО. Впрочем, не только его.

И вот тут наконец-то во весь рост, да еще и ребром встает вопрос о непосредственной ответственности наркома обороны и начальника Генерального штаба за очевидный еще до нападения противника неминуемый, неизбежно мгновенный катастрофический разгром и 4-й армии, и ЗапОВО-ЗФ в целом. Ведь те данные о противнике, которые Сандалов упомянул в своих мемуарах, хорошо были известны и НКО, и ГШ, так как штаб ЗапОВО эти данные автоматически пересылал в Москву. А Жуков, между прочим, по словам Тюленева, убеждал его, что у немцев нет превосходства. Правда, он говорил об общем превосходстве⁴⁸⁷. Но ведь ГШ и НКО еще до нападения знали о многократном превосходстве противника, в данном случае на брестском направлении» то есть над силами 4-й армии ЗапОВО.

⁴⁸⁷ Тюленев И. В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941—1945. М., 2007, с. 227.

А вот теперь настал черед сколь удивительных, столь же и неприятных фактов. Значительная часть из них связана с 4-й армией, что не случайно. Ведь дорогу к общему военному успеху супостатов при нападении на СССР должен был обеспечить стремительный прорыв одним мощным ударом центра советской обороны при высокой скорости наступления. А его-то и символизировало Белорусское направление или, если угодно, ЗапОВО. А вот непосредственно на Белорусском направлении эта часть общего военного успеха могла быть достигнута только в результате стремительного прорыва все тем же одним мощным ударом центра полосы обороны ЗапОВО, то есть полосы обороны 4-й армии. Поэтому, вновь забегаю вперед, уже сейчас придется говорить об этом.

Во-первых, поразительно, но, увы, никуда не деться от того, что именно во времена Тимошенко, тандема Тимошенко—Жуков и при Жукове как начальнике ГШ трагедия Брестской крепости была окончательно предreshена. Прежде всего вот чем. Командующий 4-й армией генерал-майор, а с 4.6 1940 г. уже генерал-лейтенант В. И. Чуйков еще с весны 1940 г. непрерывно требовал от командования ЗапОВО разгрузить Брестскую крепость и вывести оттуда войска, ибо крепость являла собой смертельную ловушку, особенно при внезапном нападении. Ставшего крайне неудобным Чуйкова «ушли». Чуйкова «ушли» в декабре 1940 г. на должность военного атташе при полпредстве СССР в Китае (одновременно и главного военного советника при главнокомандующем китайской армией Чан Кайши), где он находился до марта 1942 г. Но крепость так и не разгрузили. Причем злобно маниакальную упертость Павлова в нежелании разгрузить Брестскую крепость поддержал именно... Жуков, будучи уже начальником Генерального штаба, что и

засвидетельствовал в своих мемуарах Сандалов⁴⁸⁸.

Во-вторых, Чуйков (постоянно) требовал прикрыть стык 4-й армии с КОВО⁴⁸⁹, ибо этот участок был оголен. Но он так и остался оголенным вплоть до нападения супостатов.

В-третьих, вплоть до нападения 4-я армия имела оголенным также и свой правый фланг. На том самом месте, где ранее ее правый фланг стыковался с левым флангом 10-й армии ЗапОВО, с зимы 1941 г. и вплоть до нападения нацистских аспидов зияла огромная брешь шириной в 55 км, через которую и ринулись супостаты. Брешь образовалась в результате исполнения приказа командующего ЗапОВО о передислокации 10-й армии на эти самые 55 км севернее.

И рад был бы найти хоть какое-нибудь оправдание, лишь бы только в очередной раз не выявлять причастность Жукова и Тимошенко к таким нелицеприятным фактам, но все поворачивается именно так, что эта передислокация была санкционирована ими. Дело в том, что еще в конце марта командующим округами было приказано подготовить данные о дислокации своих войск. Приказ был выполнен, соответствующие данные были направлены в НКО и ГШ, которые и утвердили такую дислокацию войск ЗапОВО... с дырой шириной в 55 км. А вообще в ЗапОВО общая ширина брешей в системе прикрытия и обороны достигала, по сведениям генерала армии М.А. Гареева, 80—100 км (севернее и южнее Бреста)?!⁴⁹⁰ Проще говоря, в полосе компетенции 4-й армии ЗапОВО. И никто даже и не подумал ее прикрыть. Спихнулись только в самый последний момент, но было уже поздно. Супостаты наглядно показали, что зрение у них острое и что в запланированных

3375 км линии вторжения они не только загодя разглядели дыру шириной в 55 км, но и воспользовались ею, что называется, до полной программе. Как, впрочем, и другими.

И вот что удивительно. На бумаге по планам командования ЗапОВО управление 13-й армии имело указание штаба округа о передислокации в район Бельска, где армия должна была окончательно сформироваться и приступить к исполнению возложенных на нее задач. То есть прикрыть этот стык. Однако 20 июня 1941 г., когда тревога достигла уже апогея, штаб ЗапОВО приказал управлению 13-й армии перебазироваться в район северо-западнее Минска. 22 июня управление погрузилось в железнодорожные эшелоны и 23 июня вместе с 675-м батальоном связи выгрузились на станции Молодечно⁴⁹¹.

Надо же, как быстро смотались на восток-то?! Передислокация войск округа на запад, в сторону границы, осуществлялась с меньшей скоростью. Десяти дней не хватило для этого, чтобы потом маршалы и генералы имели возможность талдычить о том, что-де «маленько запоздали». За это генеральское «маленько опоздали» советский народ вынужден был положить на алтарь Победы 27 миллионов своих лучших сынов и дочерей. А у них до сих пор — «маленько опоздали».

Конечно, спору нет; командующий округом имел право изменять дислокацию тех или иных частей и соединений, в том числе и армий, даже тех, которые еще не были сформированы до конца. Но только с письменной санкции или непосредственно по директиве наркома обороны и Генерального штаба. Ибо дислокация особенно армий и их управлений, — это компетенция сугубо оборонного ведомства и Генерального штаба. Однако в данном случае неизвестно, на основании чего Павлов

⁴⁸⁸ Сандалов Л.М. На Московском направлении. В книге «1941. На Московском направлении», в состав которой вошла также и книга «Первые дни войны». М., 2010, с. 64.

⁴⁸⁹ Там же, с. 61.

⁴⁹⁰ Мужество. М., 1991, № 5, с. 256.

⁴⁹¹ Иринархов Р.С. 1941. Пропущенный удар. Почему Красную Армию застали врасплох? М., 2011, с. 20.

отдал такое распоряжение. Зато точно известно, что упомянутая дыра-бреешь шириной в 55 км как зияла с конца января 1941 г., так и зияла вплоть до начала агрессии. Но если Павлов отдал такой приказ с ведома наркомата обороны и Генерального штаба, то, как говорится, еще хуже. Во много раз хуже. Не хочу даже объяснять почему, ибо это и так понятно.

В-четвертых, при утверждении новой дислокации оказалось, что самые слабые механизированные корпуса ЗапОВО были выставлены на флангах округа. 11-й МК был подчинен 3-й армии, 14-й МК — 4-й армии. А самый сильный в ЗапОВО 6-й МК был назначен в район прикрытия, являвшийся зоной ответственности командования 10-й армии. 13-й МК был предназначен для усиления войск в районе прикрытия 13-й армии, которая еще только формировалась. В руках командующего ЗапОВО Павлова остались два самых слабо укомплектованных механизированных корпуса: 17-й и 20-й, имевшие соответственно всего по 63 и 94 танка. При этом прошу заметить, что судьбами механизированных корпусов принципиально распоряжались не столько командующие округами, сколько НКО и ГШ. Именно они окончательно определяли дислокацию МК и их передачу под командование соответствующих командармов.

В-пятых, когда же дело дошло до крутого «разбора полетов и раздачи слонов» в связи с невероятной катастрофой Западного фронта, то член Военного совета ЗапОВО корпусной комиссар А. Фоминых в упоминавшейся ранее докладной записке от 17 июля 1941 г. указал следующее: «Считаю своим долгом доложить о некоторых вопросах по обороне западной границы СССР на территории ЗапОВО. Примерно в течение 8 месяцев на докладах и оперативных проработках докладывалось:

а) что при этих географических границах округа, коща фланги границ

округа вдаются от противника к нам, то есть в сторону востока, а средняя часть границы далеко выходит на запад, что такое очертание границы очень выгодно противнику и чрезвычайно невыгодно нам;

б) отрицательной стороной такого географического начертания границы является то, что она создает условия охвата наших частей округа и сведения клещей в районе Волковыск-Барановичи;

в) в результате даже небольших успехов со стороны немцев сразу резались бы тылы 3-й и 4-й армий, а при большом успехе отрезалась бы вся 10-я армия. Эти положения требовали *усиления флангов округа*, что и требовал военный совет округа от Генерального штаба. Жизнь показала, что географические начертания границ были полностью использованы противником. Все эти положения в более подробном виде докладывались и прорабатывались в Генеральном штабе, со всем этим соглашались, но *реальных мер не предпринималось*».

Попутный комментарий. Проще говоря, без особого изыска и не называя вещи своими именами, во всех этих пунктах Фоминых прямо говорит о варианте Канн и его последствиях.

◆**

«2) Кроме того, всегда давались задания проработать варианты наступательной операции при явном несоответствии реальных сил.

Попутный комментарий. Если по-простому, то Фоминых, не задумываясь, констатирует тот факт, что командованию округом хорошо было известно, какие силы у противника.

Но откуда-то появлялись дополнительные силы и создавался, по-моему, искусственный перевес в пользу нас.

3) Теперь при анализе совершившихся временными сооружениями, построив событий стало ясно, что отдельные работники дополнительно на правом и левом фланги Генерального штаба, зная, что в первый ряд узлов обороны. Эти предложения период войны превосходство в реальных отвергались, и только в 10-х числах июня силах будет на стороне Германии, почему-было разрешено дополнительно постро-то проводили и разрабатывали главным об-ить два узла обороны. разом наступательные операции и только в последнее время (в конце мая 1941 г.) провели игру по прикрытию границы, тоща как нужно было на первый период войны с учетом внезапности нападения разработать и оборонительные операции.

Попутный комментарий. Не называя конкретные фамилии, Фоминых тут попросту обвиняет отдельных работников ГШ. В частности, в том, что они, зная о реальном превосходстве противника на западном направлении, фактически сознательно настраивали войска округа на подготовку к немедленному встречно-лобовому контрвторжению/контрблицкригу по факту нападения. И это вместо того, чтобы отрабатывать операции прикрытия и обороны.

4) Военный совет округа предлагал:
а) усилить фланги округа: с севера — гродненское направление и с юга — брестское направление. С этим в течение 6—7 месяцев не соглашались, и только в последнее время было разрешено вывести на гродненское направление 56-ю и 85-ю стрелковые дивизии (сд) и на брестское — 75-ю сд, а позже и 113-ю сд. Эти дивизии были на своих местах в конце мая — начале июня.

Попутный комментарий. Интересное дело получается. Военный совет округа был озабочен положением на флангах, а командующий округом что же?! На тему же о том, во что это вылилось, как эти дивизии были на своих местах и какую роль они сыграли при нападении супостатов, поговорим позже, но, забегая вперед, уже сейчас можно сказать, что вот конкретно тут Фоминых соврал почти во всем.

б) представлял и докладывал о необходимости усилить фланги округа долго-

Попутный комментарий. А какой мог быть толк от этого разрешения, если именно в это же время командование ЗапОВО уже знало от разведки пограничных войск о том, что 22 июня нацистские аспиды нападут?

***◆

5) Когда обстановка стала напряженнее, было приказано все части, находящиеся в Восточной Белоруссии, двинуть к границе. Это правильно. Но, несмотря на наши просьбы, чтобы ускорить сосредоточение дивизий из Смоленска, Могилева, Гомеля и Вязьмы, произвести переброску их по железной дороге, в этом было отказано. Дивизии шли походным порядком, и только незначительная их часть подавалась по железным дорогам. Это опять задержало сосредоточение войск.

◆

Попутный комментарий. О, это вообще еще та «песня» на тему о сосредоточении, к которой нам еще придется вернуться для более подробного анализа, но, забегая вперед, уже сейчас можно сказать, что в опоздании с сосредоточением войск у границы виновато и руководство НКО и ГШ, и командование ЗапОВО.

◆**

...Вот кратко те вопросы, которые я считал необходимым доложить. Повторяю: по всем этим вопросам имеются документы в Генштабе... Животрепещущие вопросы по обороне границы разрешались в Генштабе чрезвычайно медленно, а иногда и отказывались, ссылаясь на невозможность выполнения промышленностью...»

Попутный комментарий. Еще раз напоминаю, что реального превосходства в силах, тем

более такого, чтобы устроить такую кровавую трагедию, у вермахта не было, — корпусной комиссар Фоминых тут здорово перегнул палку. Понять (но не оправдать!) его можно — надо же было как-то объяснять происшедшее! Но и сказать, что в тот момент супостаты оказались всего-то искусней в военном деле, он ведь тоже не мог! Что касается источника этой цитаты, то он указывался ранее.

◆◆◆

В-шестых, особой «ахиллесовой пятой» ЗапОВО являлся стык с ПриБОВО. Дело в том, что на стыке этих двух округов, в первоочередную обязанность которых по единственному официальному плану отражения агрессии входило надежное прикрытие с обеих сторон Минского направления, со стороны ПриБОВО были поставлены так называемые территориальные части, состоявшие из воинских частей бывших Прибалтийских государств. Причем следует иметь в виду, что они изначально не пользовались доверием ни у командования, ни у военной контрразведки. Непосредственно на самом стыке ЗапОВО и ПриБОВО со стороны последнего был поставлен конкретно литовский корпус. И именно в этом, и без того не внушавшем особого доверия корпусе с подачи командующего ПриБОВО и при полном одобрении НКО и ГШ прямо накануне войны (в июне!) подчинявшаяся наркомату обороны военная контрразведка устроила кадровую чистку и репрессии. Быть может, эти меры и в самом деле были нужны, но явно не в это время и уж тем более не в том месте, где дислоцировался этот корпус. В результате было спровоцировано массовое острое недовольство в этом корпусе, военнослужащие всех рангов которого при первых же залпах гитлеровцев не без удовольствия повернули оружие против Советов и своим массовым дезертирством попросту открыли фронт прямо на стыке. Естественно, что нацистские супостаты немедленно этим воспользовались, и оба фронта, как говорится, тут же накрылись медным тазом, получив мощ-

нейшие удары, как говорится, под дых. Особенно ЗапОВО-ЗФ, взрезая который своими танковыми клиньями и другими мобильными частями на всех направлениях нацистские аспиды колошматили войска этого округа-фронта буквально со всех сторон. Зато оба командующих — и Кузнецов, и Павлов — ссылались на факт открытия литовским корпусом фронта как на серьезное алиби в свою пользу.

В-седьмых, непосредственно накануне нападения командование ЗапОВО всех уровней, в том числе и командующие армиями округа, умышленно, если не сказать, что и вовсе злоумышленно, напустили и наворотили такого, что катастрофа Западного округа-фронта уже и их вполне сознательными усилиями была окончательно и намертво предрешена как неминуемо неизбежная. Впрочем, они и до этого успели немало начудить и наворотить такого, что автоматически вело к катастрофе. Обо всем этом подробно будет сказано ниже, дабы сильно уж не забегать вперед. Но здесь все-таки отметим, что речь идет о прямых запретах на приведение войск хоть в какую-нибудь боевую готовность, на занятие своих полос обороны, на выдачу оружия, боеприпасов и даже касок. Более того. Речь идет о прямом разоружении авиации округа, особенно передового базирования, вплоть до снятия вооружения и боеприпасов с самолетов и слития бензина из баков. Речь идет о консервации танков накануне нападения, когда угроза нападения достигла своего апогея. Речь идет и о попытках разоружить артиллерию округа. Особенно тяжелую артиллерию, причем за счет внеплановой массовой сдачи в незаконный (потому что обычно это делалось в полковых мастерских) ремонт артиллерийской оптики, без которой пушки — всего лишь железяки. Речь идет об изъятии прямо накануне войны средств тяги для артиллерии, особенно тяжелой. Речь идет также и о категорическом отказе генералитета округа воспользоваться своими долж-

ностными правами по приведению войск в боевую готовность.

Хуже того. Речь идет также и о самоустранении от руководства войсками еще до нападения, о дезертирстве отдельных командармов с поля боя при отсутствии какой-либо угрозы их командным пунктам и самоустранении от дальнейшего командования вверенными им войсками уже в ходе боевых действий. Речь идет также и о не санкционированном командованием фронта скоротечном отводе войск с занимаемых рубежей обороны по инициативе командармов. Что, к слову сказать, превращалось не столько в паническое бегство (что и так понятно) и окончательную потерю управления войсками, сколько в непосредственное открытие фронта врагу на том или ином направлении. И т.д. и т.п.

Наконец, памятуя о том, что вопрос о непосредственной ответственности НКО и ГШ за молниеносный разгром Западного фронта встал ребром, нельзя не упомянуть еще и такие факты.

Оказавшись под следствием, бывший командующий ЗапОВО-ЗФ Д.Г. Павлов показал на допросах следующее: «В час ночи 22 июня с.г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: “Ну, как у вас, спокойно?”. Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов — Сопоткин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На других участках фронта я доложил, что меня особенно беспокоит группировка “Бялоподляска”. На мой доклад народный комиссар ответил: “Вы будьте поспокой-

нее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните”. На этом разговор закончился»⁴⁹².

Почти в то же самое время, о котором говорил Павлов, но перед тем как в западные приграничные округа стала передаваться директива № 1, — начало ее передачи 00 ч. 25 мин. — в штабе Киевского особого военного округа (около полуночи?) раздался телефонный звонок. Трубку взял командующий КОВО генерал-полковник М.П. Кирпонос. Звонил дежурный генерал наркомата обороны. Он передал, что в соответствии с приказом наркома обороны (то есть Тимошенко) ему поручено передать Кирпоносу, что в 4.00 утра (неизвестно, какое время имел в виду дежурный генерал НКО. — *А. М*) 22 июня 1941 г. ожидается переход германскими войсками государственной границы. Одновременно дежурный генерал сообщил Кирпоносу, что нарком обороны приказал привести войска округа в боевую готовность, выдать боеприпасы, но огня по противнику до особого указания не открывать, границу не переходить⁴⁹³.

Примерно через два с половиной часа Тимошенко вновь позвонил Павлову, который по этому поводу рассказал на допросе следующее: «В 3 часа 30 мин. народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил, что нового. Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена, и соответствующие указания командующим даны. Одновременно я доложил наркому, что вопреки запрещению начальником ВВС Жигаревым заправить самолеты

⁴⁹² Ямпальский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г. (А. Гитлер. 31 июля 1940 года)». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008, с. 458—459.

⁴⁹³ Вакуров И., Андреев Г, Генерал Кирпонос. М., 1969, с. 63.

бензином НЗ и заменить моторы за счет моторов НЗ я такое распоряжение отдал Копцу и Таюрскому. Народный комиссар это мое распоряжение одобрил. Я обещал народному комиссару дальнейшую обстановку на моем участке доложить после вторичных переговоров с командующими армий»⁴⁹⁴.

А примерно в 4.30—4.40 22 июня, когда гитлеровские бомбы и артиллерийские снаряды уже горохом сыпались на советские войска и города, Тимошенко вновь позвонил в штаб уже ЗФ и заявил взявшему трубку заместителю командующего генералу И.В. Болдину следующее: «Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать. Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову, что товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам. Разведку самолетами вести не далее шестидесяти километров»⁴⁹⁵.

Вот теперь положи руку на сердце попробуйте хотя бы самим себе честно, без всяких уверток и «демократических полтикорректностей» объяснить главное в этих фактах.

Почему по приказу наркома обороны Кирпонос был персонально предупрежден о нападении немцев заранее, причем еще до поступления в округ директивы № 1, а Павлов даже в час ночи 22 июня, когда директива № 1 уже передавалась в округа, не получил от того же Тимошенко аналогичного оповещения?! Чем Павлов был хуже Кирпоноса, что не удостоился такой чести быть заранее оповещенным из уст самого наркома обороны?! Или что, из него ранее делали «козла отпущения»?!

Почему командующему КОВО нарком обороны прямо приказал привести войска округа в боевую готовность и

выдать боеприпасы, а командующему ЗапОВО вместо аналогичного приказа тот же нарком, который уже отправил в округа директиву № 1, рекомендовал быть спокойным?! А попутно, как бы мимоходом, заметил, что «может, что-нибудь и случится неприятное»?! Более того. Рекомендовал собрать штаб округа утром, да и то на всякий случай?! А если что неприятное случится, так всего лишь позвонить в Москву?! Что это за вдребезги расхолаживающие рекомендации наркома обороны в особо угрожаемый момент, когда уже точно было известно, что на рассвете 22 июня супостаты нападут?! Или опять надо озадачиться все тем же вопросом: неужели из Павлова заранее делали «козла отпущения»?! А точнее, сознательно подставляли Белорусский округ, расхолаживая командование и не доводя до него данные, что война произойдет через несколько часов?! Так, что ли, надо все это понимать?

Почему командующему КОВО было передано, что в 4.00 утра ожидается переход советской границы немецкими войсками?! Переход — это одно, нападение — миль пардон, совсем иное. Ведь и ему было понятно, что не в гости же к нам на чай с баранками собрались супостаты! В гости на чай вооруженными до зубов не ходят. Что это за вносящее серьезное недоумение в сознание командующего сообщение от имени наркома обороны? Почему Павлову не было хотя бы такого же предупреждения?

Почему без уточнения об огне из какого оружия идет речь, Кирпоносу было приказано до особого распоряжения огня не открывать и границу не переходить?! Чья это, самодеятельность?! А Павлову было приказано вообще никаких действий против немцев не предпринимать, артиллерийский огонь не открывать, но авиаразведку вести на глубину до 60 км (?) в глубь германской территории?!

⁴⁹⁴ Ямпольский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г. (А. Гитлер. 31 июля 1940 года)». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008, с. 459—460.

⁴⁹⁵ Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961, с. 85.

Неужели нарком обороны не понимал, что перелет военными самолетами границы, — это грубое нарушение границы, чреватое в особо угрожаемый период непредсказуемыми, крайне негативными последствиями. Ведь в той ситуации это означало бы только одно — предоставление германской стороне прекрасного аргумента в пользу их версии о том, что-де Советы намерены совершить агрессию против Германии и потому она превентивно защитилась, напав на СССР. Что, надо теперь полагать, что Тимошенко стремился именно к такому результату, попутно делая из того же Павлова «козла отпущения»?! Ведь он же знал, как Сталин стремился избежать даже малейшей тени намека на провокации, чтобы не дать Германии и вообще кому-либо повод обвинить СССР в стремлении развязать войну. Что же выходит, что Тимошенко умышленно пошел поперек батьки?!

Да и вообще, это не приказание, а полный бред сумасшедшего в погонах с огромными звездами. Артиллерийский огонь не открывать — Сталин, видите ли, запретил. А где этот самый запрет? Никто до сих пор не предъявил! Никаких действий против немцев не предпринимать. Кто запретил, хрен поймешь. Однако границу можно перелетать на глубину до 60 км. И тоже хрен поймешь, кто разрешил. ... А в директиве, которую он сам подписал и отправил в округа, между прочим, прямо было написано «войскам... быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников». Это-то куда теперь приткнуться? Так что же «по милости» Тимошенко должны были ожидать наши войска — внезапный удар супостатов или невинный переход германскими войсками советской границы?! И зачем они должны были быть в полной боевой готовности?

Нет, не совсем прав был Сталин, когда говорил, что у Тимошенко голова большая, а мозги куриные. Куриные-то они куриные — спорить со Сталиным

нет резона, он лучше знал Тимошенко, только вот, очевидно, не в полной мере он знал, что они не только куриные, но еще и подлые. Иначе как назвать все эти приказания, да еще и со ссылкой на Сталина, который вечером 21 июня уже во второй раз санкционировал приведение войск в полную боевую готовность.

Комментарий. Кстати говоря, бывший заместитель Павлова Болдин написал об этом еще в 1961 г., то есть во времена Хрущева, после проклятого XX съезда, когда особым шиком было поливать Сталина отборной грязью и приписывать ему всевозможные преступные глупости. А может быть даже и не он написал, а ему вменили в обязанность такое написать. При Хрущеве такое было повсеместно со всякими мемуарами. Военно-партийная цензура в те времена особо зорко следила, чтобы мемуары военных изгибались в унисон генеральной линии XX съезда КПСС. Так что с какой стати именно в этом нужно верить Болдину, что-де со слов Тимошенко именно Сталин выдал такой запрет. Его именем нередко пользовались далеко не в самых благих целях. Ведь Тимошенко прекрасно понимал, что Павлов не будет сам звонить Сталину и проверять, давал ли он такой запрет или нет.

Небезынтересно также отметить, что упомянутый выше пассаж Болдина насчет сталинского запрета оказывается примерно в одном русле с аналогичным пассажем, изложенным генералом И.В. Тюленевым в мемуарах, которые впервые были изданы на год ранее, в 1960 г., то есть также во времена Хрущева. Вот что он написал о своем поздневечернем (21 июня 1941 г.) посещении начальника Генерального штаба Жукова: «Вечером был у наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г.К. Жукова и узнал, что тревожные симптомы надвигающейся войны подтверждаются... Позднее снова зашел в Генеральный штаб к Г.К. Жукову.

— По донесениям штабов округов, — сказал он, — на границах как будто бы все спокойно. Тем не менее я звоню всем командующим приграничных округов и предупреждаю их о возможном нападении фашистской Германии. Эти предположения подтверждаются данными нашей разведки, о которых вы знаете. Вместе с наркомом мы докладывали обстановку товарищу Сталину, но он одернул нас, сказав, что мы поднимаем панику, принимая провокации за войну. Осторожность не мешает, поэтому предупреждаю командующих

войсками. ...Итак, реальная опасность войны возникла совершенно отчетливо»⁴⁹⁹.

Вне всякого сомнения, что и над мемуарами Тюленева изрядно поработала военно-партийная цензура времен Хрущева. Но на нее не спишешь, что Тюленев и себя, и Жукова, и Тимошенко выставил в весьма неприглядном свете. Смотрите сами. Во-первых, на каком основании еще до нападения супостатов они пытались убедить Сталина, что война уже началась?! Что, два крутозвездных «полководца» никогда не видели, что такое война?! Вот уж действительно, хотел Тюленев «как лучше», но при помощи «козлов» из партийно-военной цензуры получилось-то «как всегда» — дураками выставил и Жукова, и Тимошенко. Но это еще что. Тюленев и себя-то родненького «не пожалел» — тоже выставил в таком свете, что не приведи господь...

Во-вторых, получается, что только посетив дуэт Тимошенко—Жуков, Тюленев наконец-то узнал о неких тревожных симптомах надвигающейся войны. А до этого, выходит, ни бельмеса не знал. Хорош начальник Московского военного округа! И тут же всего через шесть строчек (если по книге его мемуаров) сам же себя разоблачил словами Жукова: «Эти предположения подтверждаются данными нашей разведки, о которых вы знаете». Если Жуков произносит, что Тюленев знал о данных разведки, то о каких же симптомах надвигающейся войны он имел право говорить?!

21 июня уже и слепому и даже крайне далекому от военных дел и вообще от политики человеку было ясно, что с минуту на минуту дамочков меч войны сорвется со своего тоненького волоска и на СССР обрушится гитлеровская агрессия. А у него, видите ли, симптомы... легкой «беременности» тяжелой и непредсказуемой своими последствиями войной. Зато как поговорил с Жуковым, так сразу «реальная опасность войны возникла совершенно отчетливо»?! Что же, бывает... Но как реальная опасность войны могла возникнуть для Тюленева совершенно отчетливо, если Жуков говорил о своих предположениях, хотя и подтверждавшихся данными разведки?! А о том, что Жуков нагло врал, — и вовсе говорить не приходится. Потому что по состоянию на вечер 21 июня Генеральный штаб уже получил разведывательные сводки из окружных штабов. И все они даже своими названиями свидетельствовали о том, что ни о каких предположениях и речи быть не может. Все свидетельствовало о том, что буквально с минуту на минуту начнется агрессия. Например, штаб ПриОВО прислал разведывательную сводку со следующим названием: «Разведанные штаба ПриОВО о готовности групп армий «Север»

к нападению на Советский Союз». Штаб ЗапОВО прислал такую же сводку, что подтвердил даже Болдин. В своих мемуарах он указал, что «к 21 июня немецкие войска сосредоточились на восточно-прусском, млавском, варшавском и демблинском направлениях... Пожалуй, можно считать, что *основная часть немецких войск против Западного особого военного округа заняла исходное положение для вторжения...*»⁵⁰⁰ Аналогичные данные прислал и штаб КОВО. И при этом не забудьте, что советские разведывательные службы к вечеру 21 июня уже 47 раз кряду назвали дату 22 июня как дату нападения! А в ряде случаев назвали также и час начала агрессии!

Чего же тут было мудрить?! И чего тут было предполагать?! Особенно если обратить внимание на то, что, по словам Тюленева, Жуков обвинял командующих приграничными округами и предупреждал их о возможном нападении фашистской Германии. Между прочим, нигде более ничего насчет таких звонков Жукова не встречается. Ни в одном источнике. Кроме, естественно, самого Жукова. Проще говоря, врать-то надо было с учетом дальней перспективы, что архивы когда-нибудь да откроются. Увы, но для генерала армии это оказалось непосильной задачей...

И, наконец, трудно понять генерала армии, который, честно прожив всю жизнь, на старости лет скатился до прямой лжи. Ну не мог он вечером еще раз заскочить к Жукову. Потому что* вечером Жуков и Тимошенко были у Сталина, где обсудили вопрос о директиве в округа о приведении в полную боевую готовность вверенных им войск, после чего направились к Тимошенко, и в его кабинете Жуков в поте лица строчил текст директивы № 1. Кстати говоря, и у Тимошенко вечером он тоже быть не мог, потому что вечером Тимошенко дважды заходил в кабинет Сталина: сначала в 19.05 — выход в 20.15, затем вместе с Жуковым в 20.50 — выход в 22.20⁴⁹⁸. Ну, и когда же им было мило болтать с Тюленевым вечером 21 июня?!

Естественно, что после всего этого верить словам генерала Тюленева со ссылкой на генерала Жукова о том, что-де Сталин их одернул, сказав, что-де они поднимают панику, принимая провокации за войну, не приходится. Это грубая ложь, которая могла пройти во времена Хрущева, но не сейчас. Да и, к слову сказать, принять провокации за войну можно было (да и то если очень «постараться») только тогда, когда начались первые боестолкновения, но не накануне

⁴⁹⁷ Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961, с. 84.

⁴⁹⁸ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник. Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008, с. 337.

⁴⁹⁶ Тюленев И.В. Через три войны. М., 2007, с. 227. Аналогичный текст был напечатан и в изданиях 1960 и 1972 гг.

нападения, вечером 21 июня. К тому же, когда это случилось, Сталин свою позицию разъяснил своевременно — в середине дня 22 июня, — и более чем ясно. В 13.00 по московскому времени 22 июня 1941 г. «врезал» Тимошенко и Жукову, что называется, «по самое не балуй» следующими словами: «Внезапность нападения, разумеется, имеет важное значение в войне. Она дает инициативу и, следовательно, большое военное преимущество напавшей стороне. Но Вы прикрываетесь внезапностью. Кстати, имейте в виду — немцы внезапностью рассчитывают вызвать панику в частях нашей армии»⁴⁹⁹. Нужны ли еще пояснения к вопросу о том, кто первым стал прикрываться «внезапностью» нападения и кто болтовней о «внезапности» стал провоцировать панику в нашей армии?!

Почему к двум командующим двух наиважнейших округов на западных границах СССР нарком обороны проявил столь резко дифференцированный подход в важнейшем вопросе — оповещении о грядущем буквально через несколько десятков минут нападении Германии?!

Почему, наконец, командующего КОВО оповестил хотя и по приказу наркома обороны, но тем не менее всего лишь дежурный генерал наркомата обороны, а Павлова «успокаивал» лично нарком?!

Что же прикажете теперь думать по поводу всего изложенного и персонально о Тимошенко?! Могу сказать только одно — это окончательное оформление подставы войск ЗапОВО под неминуемо неизбежный разгром путем явно злоумышленного сдерживания командования округом от принятия и так уже запоздалых мер. Более того. Это свидетельство также сознательного и заблаговременного сотворения из Павлова «козла отпущения» за неминуемо неизбежный молниеносный разгром вверенного ему округа-фронта! На него и начальника штаба округа-фронта Климовских даже подробные справки с компроматом в 3-м Управлении НКО были составлены заранее. И всего

через два дня после их ареста они были пущены в ход.

Все это, естественно, не должно создавать впечатления, что за всем этим стоит попытка автора реабилитировать Павлова и других. Нет, нет и еще раз нет. За то, что они натворили, за крайне негативные последствия для всей страны того, что они натворили — им и десяти смертных приговоров было бы мало. Но каждый, как говорится, должен отвечать за свое. Но вот что удивительно. Сразу после ареста Павлов наотрез отказывался давать какие-либо показания и отвечать на вопросы следователей 3-го Управления НКО СССР, заявляя, что «допрос возможен только в присутствии наркома обороны или начальника Генерального штаба»⁵⁰⁰. И даже когда об этом стало известно Мехлису и он пришел на первый допрос Павлова, последний вновь заявил: «Я опять повторяю, на вопросы буду отвечать только в присутствии наркома обороны или начальника Генерального штаба»⁵⁰¹. Как это объяснить?! Что, Павлов надеялся на защиту со стороны Тимошенко или Жукова?! А если так, то в связи с чем, нелишне будет полюбопытствовать? И если всерьез надеялся на это, то, выходит, что он заранее знал, какая трагическая судьба уготована его округу, а, следовательно, сознательно вел к поражению?! Так, что ли, должно выходить?!

Постановка таких вопросов в известной мере правомерна еще и потому, что вначале Тимошенко предпринимал такие меры, которые приводят к мысли о том, что он явно пытался уберечь Павлова. Сначала он не арестовывал Павлова, кстати, почему-то не без содействия Ворошилова. Потом все-таки арестовал, но руками подчинявшегося ему представителя ГРУ (Хаджи Мамсурова), потом освободил, затем пытался назначить его

⁴⁹⁹ Из дневника Управделами Совнаркома СССР Я.Н. Чадаева. Цит. по: Емельянов Ю.В. Сталин. На вершине власти. М., 2003, с. 214.

⁵⁰⁰ Сыромятников Б. Трагедия СМЕРШа. Откровения офицера-контрразведчика. М., 2009, с. 212.

⁵⁰¹ Там же.

командиром вновь формируемого на Юго-Западном фронте механизированного корпуса. Затем, когда сам Тимошенко возглавил Западный фронт, (а затем и Западное направление), пытался назначить (находящегося под следствием?!) Павлова своим заместителем по автобронетанковым войскам... И даже тогда, когда пришел уже жесткий приказ Сталина арестовать Павлова, попытался это сделать руками подчинявшихся ему сотрудников 3-го Управления НКО. Но тут вмешался Мехлис, и арест был произведен при его участии. Почему Тимошенко проявлял столь «нежную заботу» об обросшем под завязку командующем округом-фронтом?!

И в заключение вот еще о чем. Германское командование изначально вовсе не намеревалось устраивать генеральное сражение за Белостокский выступ. Оно преследовало иную цель — прорвав советскую оборону, окружив и блокировав советские войска в этом выступе, основными силами все-таки ускоренными темпами двигаться в направлении Минска. И только там устроить нашим войскам соответствующую крупномасштабную бойню. Проще говоря, захват Белостокского выступа не являлся для германского командования каким-то особым приоритетом. Так вот, если слегка забежать вперед, то вне зависимости от того, как это трактовать на основе имеющихся документов, получается следующее. Незаконный отход с занимаемых рубежей обороны уже в ночь с 22 на 23 июня (без боя) 10-й армии, спровоцированный начальником штаба фронта Климовских, но фактически осуществленный по инициативе командарма и без письменного приказа командующего фронта, четко вписывается в планы германского командования в отношении Белостокского выступа.

А уже в этой связи придется вспомнить вот о чем. В разведывательной сводке РО ЗапОВО от 3 июня отмечалось, что за-
сылаемой на советскую территорию агентуре германских спецслужб ставилась в том

числе и такая задача — «установить % офицеров б. царской армии, состоящих сейчас на службе в Красной Армии, и их отношение к советской власти»⁵⁰².

И ведь это надо же было случиться такому, что, как по заказу:

— командующий ЗапОВО-3Ф генерал армии Д.Г. Павлов — бывший унтер-офицер царской армии, к тому же еще в Первую мировую войну три года сидел в немецком плену;

— начальник штаба ЗапОВО-3Ф генерал-майор В.Е. Климовских — бывший офицер, командир батальона царской армии;

— командарм-10 генерал-майор Д.К. Голубев — бывший прапорщик царской армии;

— командарм-3 генерал-лейтенант В.И. Кузнецов — бывший подпоручик царской армии;

— командарм-4 генерал-майор А.А. Коробков — бывший подпоручик царской армии.

— начальник артиллерии ЗапОВО генерал А.Н. Клич — бывший офицер царской армии (окончил кадетский корпус и артиллерийское училище), поручик, практически до ноября 1920 г. служил в дашнакской армии (армии буржуазной Армении). Именно Клич с подачи Павлова загнал почти всю артиллерию ЗапОВО на всевозможные учения и полигоны непосредственно накануне войны.

Проще говоря, на всех ключевых командных постах в войсках ЗапОВО находились сплошь бывшие офицеры царской армии?! Причем командующие 4-й и 10-й армиями были назначены уже при Жукове, весной 1941 г.?! Павлов и Климовских были назначены на свои посты, едва Тимошенко стал наркомом обороны. Ну, и как прикажете понимать эту совокупность фактов?! Ведь она сильно уж смахивает на то, что бывших царских

⁵⁰²

Спецсообщение Разведывательного отдела штаба ЗапОВО от 3.6.41 г. Направлено в ГШ РККА. ЦА МО РФ. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6 л. 181—187.

офицеров специально концентрировали в одном округе на самых ответственных постах, чтобы затем из них сделать «козлов отпущения» (на «всякий случай»), когда придет черед неминуемого сурового «разбора полетов» за неизбежную катастрофу Западного фронта, которая готовилась заранее?! Ведь их кандидатуры для назначения на должности, на которых они оказались к началу войны, представлялись наркоматом обороны и Генеральным штабом. И именно на Западном фронте, где все ключевые посты занимали бывшие царские офицеры, а командующий еще и три года провел в немецком плену в годы Первой мировой, произошла жуткая катастрофа — менее чем за неделю боев, точнее, за четыре с половиной дня именно этот фронт рухнул так, что тяжелые негативные последствия этой катастрофы докатились едва ли не до стен Кремля. А все высшее командование фронта и один командарм (Коробков) были расстреляны как предатели! Могло ли это быть просто случайным совпадением?

Это, конечно, не означает, что автор без разбору кидает жирную тень тяжелых подозрений на всех бывших офицеров царской армии, перешедших на сторону советской власти и служивших в Красной Армии накануне войны. Ни в коем случае. Многие из них честно служили Отечеству под красными знаменами и во время войны золотыми буквами вписали свои имена в историю Советского государства, нашу ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ.

Комментарий. Взять хотя бы того же Ивана Христофоровича Баграмяна. Он ведь тоже служил в дашнакской армии, едва не пострадал в 1937 г. из-за этого (слава богу, был всего лишь уволен, но потом при содействии Ворошилова восстановлен в РККА), и впоследствии более чем заслуженно стал Маршалом Советского Союза, Героем Советского Союза. Или служивший у Колчака подпоручик Л. А. Говоров, или подполковник Генштаба царской армии Б.М. Шапошников, и штабс-капитан царской армии А.М. Василевский, и другие. Мы с гордостью их помним и отдаем искреннюю дань уважения их заслугам в защите Родины.

Но одно могу сказать точно. Уже только совокупность вышесказанного не оставляет сомнений в том, что, к глубокому сожалению, катастрофа ЗапОВО-ЗФ действительно была абсолютно неизбежна. Потому как была абсолютно обреченно предрешена, а, следовательно, и абсолютно неминуема! 22 июня произошло то, что, увы, и должно было произойти! К глубокому сожалению, в точном соответствии с предупреждением агента и резидента ГРУ от 28 мая 1941 г. Помните, «Русская армия поставит себя под удар немецкого наступления в западной части СССР и будет там разбита в кратчайший срок».

Так оно и случилось. В немыслимо кратчайшие сроки ЗапОВО-ЗФ, не сумев даже в минимуме справиться с задачей прикрытия, не говоря уже об обороне, понес просто фантастические потери и попросту рухнул за четыре с половиной дня. Из 44 дивизий, имевшихся к началу войны, 24 (54,5 %) были полностью разгромлены. В том числе десять стрелковых, восемь танковых, четыре моторизованных, две кавалерийских дивизий, а оставшиеся 20 соединений лишились в среднем половины личного состава, материальной части и иных средств, а ВВС округа — 1797 самолетов из 1909 имевшихся к началу войны!⁵⁰³ Но, конечно же, самое главное — это безвозвратные потери личного состава. Ведь ничего дороже человеческой жизни нет. Именно в этом плане катастрофа войск этого округа была просто жуткой по любым меркам: за период с 22 июня по 9 июля 1941 г. Западный фронт безвозвратно потерял около 70 % личного состава!⁵⁰⁴ В целом потери ставшего Западным фронтом округа в живой силе исчислялись 417 729 человек. В том числе

⁵⁰³ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2579. Д. 16. Л. 1—3; там же, Д. 23. Л. 97; ЦА МО РФ. Ф. 38. Оп. 30802. Д. 19. Л. 70—76.

⁵⁰⁴ Независимое военное обозрение. 2001, № 22; Червов Н.Ф. Провокации против России. М., 2003, с. 76.

безвозвратные—341 012 человек⁵⁰⁵. Проще говоря, из имевшихся к началу войны 672 тысяч человек личного состава более половины стали фигурировать по разделу «безвозвратные потери». Конечно, в указанный период времени ЗФ рулил не только Павлов, но и Еременко (один день) и Тимошенко. Однако подавляющая часть первоначальных потерь приходится на период руководства именно Павлова.

Исходя только из цифр и времени, за которое они образовались, не остается никакого шанса для иного вывода, кроме как о том, что это была не оборона и даже не прикрытие — изначально это была прямая подстава войск под разгром и истребление противником!

Хуже того. Безвозвратные потери Западного фронта составили свыше 57 % всежова) от 10 апреля 1941 г. командующе-безвозвратных потерь за тот же период пяти Западного генералу Д.Г. Павлову. Эта советских фронтов — Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного (имеются в виду потери только 18-й армии ЮФ), а также Балтийского флота, да к тому же вместе взятых! ³⁰⁶ Потери в живой силе указанных фронтов и флота с 22.06 по 09.07.1941 составили 762 220 чел., в том числе безвозвратные — 595 710 чел., в числе которых «доля» ЗФ — 341 012 чел. — составляет 57,2 %⁵⁰⁷.

При безвозвратной потере уже 50 % личного состава любая воинская часть априори небоеспособна, а Западный фронт потерял около 70 % личного состава⁵⁰⁸, в том числе 51 % от первоначальной численности—безвозвратно. Фактически фронт перестал существовать, и направление на Смоленск—Москву оказалось открытым: образовалась 400-километровая брешь, в которую и ринулись танки Гудериана и Гота.

Вполне резонно озадачиться следующим вопросом: так как же могло такое

произойти? Что же, давайте проследим в рамках имеющихся на сегодня возможностей весь генезис этой катастрофы. Как и в предыдущей главе, расследование истоков поражения ЗапОВО-ЗФ хотелось бы начать с последствий майских директив, в которых «в основу организации обороны» было предписано положить «упорную оборону».

§3. Как и с чего начать разведывательно-историческое расследование катастрофы ЗапОВО—Западного фронта?

В случае с ЗапОВО отталкиваться придется не от майской директивы, а от директивы НКО (Тимошенко) и ГШ (Жуков). Директива имеет особое значение. Дело в том, что впервые именно в ней, как в одном из документов стратегического планирования, прозвучал термин «упорная оборона». По крайней мере из всех известных на сегодня и доступных для историков документов этот получается первым, где применен такой термин. То есть выходит, что в случае с ЗапОВО полная подмена утвержденного правительства Советского Союза единственного официального плана отражения агрессии уже стала фактом еще в начале апреля 1941 г. В этой связи считаю необходимым процитировать наиболее важные по смыслу выдержки из текста этой директивы: «...Приказываю приступить к разработке плана оперативного развертывания армий Западного особого военного округа, руководствуясь следующими указаниями... Развертывание главных сил немецкой армии наиболее вероятно на Юго-Востоке, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу, или концентрическими ударами со сто-

⁵⁰⁵ Независимое военное обозрение. 2001, № 22; Червов Н.Ф. Провокации против России. М., 2003, с. 76.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ Там же.

роны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

...Не исключена возможность, что немцы сосредоточат свои главные силы в Восточной Пруссии и на Варшавском направлении с тем, чтобы через Литовскую ССР нанести и развить удар на Ригу или на Ковно, Двинск. Одновременно необходимо ожидать вспомогательных, сильных ударов со стороны Ломжи и Бреста, с последующим стремлением развить их в направлении Барановичи, Минск...

I. Основными задачами для войск Западного Фронта ставлю:

1. В период отмобилизования и сосредоточения войск — упорной обороной, опираясь на укрепленные районы, прочно прикрывать наши границы и не допустить вторжения противника на нашу территорию.

2. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левого крыла фронта в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту разбить Люблин-Радомскую группировку противника. Ближайшая задача фронта — овладеть районом Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла; в дальнейшем иметь в виду действия на Радом с целью полного окружения Люблинской группировки противника, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом.

3. Для обеспечения главного удара фронта нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, с задачей захватить Варшаву и вынести оборону на р. Нарев.

4. Упорной обороной армий правого крыла фронта на участке р. Неман, Лугин, Остроленска прочно прикрывать Лидское и Волковыско-Барановичское направления.

II. Правее — Северо-Западный фронт (штаб Паневеж) имеет задачей упорной обороной прикрывать Рижское и Ковно-Виленское направления.

Левее — Юго-Западный фронт (штаб Тарнополь) имеет задачей ударом армий правого крыла фронта, во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта окружить и уничтожить группировку противника восточнее р. Висла. Его правофланговая — 5 Армия (штаб Ковель) развертывается на фронте оз. Свитец, Устилуг, с задачей — форсировать р. Буг и, нанося удар в направлении Ленгн, Люблин, на 3 день операции подвижными частями овладеть Люблин и на 10 день главными силами выйти на р. Висла... Штаб фронта — Обуз-Лесна...

3 Армия.. Задача — обороной на фронте р. Неман, Щугин, Кольно прочно прикрывать Гродно и направления на Лида и на Белосток и Волковыск... 10 Армия... Задача — прочной обороной фронта иск. Кольно, Новгород до р. Буг, прикрывать Белостокское направление. С выдвижением левофланговых армий фронта к р. Висла, оборону левого крыла армии вынести на р. Нарев и закрепить восточный его берег за собой...

13 Армия... Задача — одновременно с 4 Армией фронта нанести удар силами не менее семи стр. дивизий и двух мехкорпусов в направлении на Коссов, Воломин, с целью — выходом на р. Висла обеспечить с севера удар 4 Армии на Седлец, Люблин; в дальнейшем — действиями с севера стремиться овладеть Варшавой, действия мехкорпусов с выходом на р. Висла, перенести на юг для содействия 4 армии... 4 Армия... Задача — нанося удар в направлении Дрошин, Сельце (Седлец), Горволин форсировать р. Буг, разбить противостоящего противника и подвижными частями овладеть — на третий день операции Седлец и на 5 день переправами на р. Висла, главными силами на 8 день выйти на р. Висла, в готовности форсировать ее. В дальнейшем иметь в виду действия на Радом...

IV. Основными задачами авиации армий и фронта поставить:

1. В тесном взаимодействии с наземными войсками уничтожать живую силу противника, его укрепленные районы, массируя удары авиации на главных направлениях наступления армий фронта.

2. Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и аэродромам, а также боевыми действиями в воздухе уничтожать авиацию немцев и с первых же дней войны завоевать господство в воздухе.

3. Мощными ударами по железнодорожным узлам Кенигсберг, Мариенбург, Алленштейн, Торн, Калиш, Лодзь и Варшава нарушить и задержать сосредоточение немецких войск.

4. Истребительной авиацией прикрыть сосредоточение, развертывание и действие войск армий фронта.

5. Не допустить сбрасывания и высадки на нашей территории воздушных десантов противника.

6. По заданиям Главного командования оказывать помощь авиации Юго-Западного фронта.

V. Прикрытие от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск фронта.

1. Учитывая возможность перехода противника в наступление до окончания нашего сосредоточения, прикрытие границы организовать на фронте всех армий по типу прочной, постепенно усиливающейся по мере прибытия войск, обороны с полным использованием укрепленных районов и полевых укреплений, с всемерным развитием их в период сосредоточения.

2. В соответствии с планом развертывания, в начальный период иметь четыре района прикрытия...»⁹⁰⁹

⁹⁰⁹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 48—64. Рукопись на типографском бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Незаверенная копия.

Процитированная директива с момента предания ее гласности не привлекает к себе особого внимания. За исключением разве что первого пункта ее пятого раздела. В нем говорится о возможности перехода противника в наступление до окончания нашего сосредоточения. В связи с этим директива предлагала организовать на фронте всех армий округа оборону с опорой на УР и ПУР по типу прочной, усиливающейся по мере прибытия войск. Если по-простому, не вдаваясь пока в детали и не оценивая «литературный шарм» очередного «шедевра» эпистолярного жанра ГШ периода Жукова, то в этом пункте рассматриваемой директивы еще в апреле 1941 г. НКО (Тимошенко) и ГШ (Жуков) впервые письменно признали возможность внезапного нападения вермахта.

Комментарий. Правда, в истории с этой директивой есть одна тонкость. В архивах этот документ числится как незаверенная копия. А это уже вызывает подозрения — не очередная ли это «копия с копии»? Далее. Учитывая, что генералы в ответах комиссии (Сталина) Покровского не оперировали какой-либо апрельской директивой, похоже, что она так и осталась в черновом виде, то есть в ЗапОВО не была направлена. Но более похоже на то, что эта директива — один из фрагментов проработки будущего якобы плана якобы от 15 мая.

Однако, и, увы, как бы там ни было, в детали придется влезть и даже очень основательно. Ибо эта директива — пускай даже и в предполагаемом черновом виде, — в известном смысле символизирует всю сознательно допускавшуюся преступность стратегического планирования отражения агрессии в последние перед нападением полгода. Особенно в части, касающейся ЗапОВО. Хуже того. Она уже являет собой факт незаконной, негласной и неофициальной подмены во всех аспектах единственного официального плана отражения агрессии, который был утвержден правительством СССР еще осенью 1940 г. Посудите сами.

Прежде всего и, во-первых, на каком основании НКО (Тимошенко) и ГШ (Жуков) по состоянию на 10 апреля 1941 г. сделали вывод о том, что развертывание главных сил немецкой армии *наиболее вероятно* на Юго-Востоке (для СССР — Юго-Западе)? Директива апрельская, то есть она была составлена уже после знаменитого доклада ГРУ от 20 марта 1941 г., в котором достаточно ясно были показаны все три направления грядущих ударов вермахта. К тому же ГРУ предоставило в ГШ и схему вероятных направлений ударов вермахта.

Да, нет никакой нужды отрицать тот факт, что в своем знаменитом ныне докладе ГРУ почему-то не сочло необходимым четко показать свою позицию в отношении направления главного удара вермахта. Напротив, ГРУ, к сожалению, ограничилось добросовестным перечислением трех возможных вариантов действий вермахта, как бы и не замечая того, что направления ударов в каждом из этих вариантов в основном совпадают. В тексте доклада нет ни звука о том, что тот или иной вариант наиболее вероятен. Напротив, ГРУ представило все три варианта как заслуживающие внимания, хотя уже тогда было очевидно, что вариант № 3 откровенно претендует на то, чтобы возыметь предпочтение. Ведь к 20 марта 1941 г. ситуация с разведывательной информацией на этот счет была такой, что позволяла ГРУ занять более определенную позицию. Прежде всего в силу следующих обстоятельств. С первых же сообщений о наличии у Германии некоего конкретного плана нападения на Советский Союз постоянно шла информация только о трех направлениях ударов вермахта. То есть на Ленинград, Москву и Киев (вначале на Харьков, как в недавнем тогда прошлом столицу Украины, что в целом было достоверно, поскольку открыто указывалось именно Украинское направление). То же самое дважды сообщали и американцы, что в

точности совпадало и с собственными данными ГРУ В том числе и с полученными от внешней разведки Лубянки и разведки пограничных войск сведениями. Далее. Резидент ГРУ в Берлине военный атташе генерал-майор В. Тупилов к 20 марта представил «Доклад о боевом и численном составе развернутой германской армии и ее группировок по состоянию на 15.3.1941 г.»⁵¹⁰ Доклад был исключительно подробный. Помимо более ста страниц машинописного текста, в нем имелось огромное количество схем, в том числе: а) схема группировок войск вермахта у советских границ, а также б) схема возможных вариантов действий Германии против СССР, один из которых точно отражал суть плана «Барбаросса». Кстати говоря, в основу уже приводившейся ранее схемы ГРУ возможных действий вермахта при нападении на СССР, которую составило ГРУ, была положена схема Туликова.

У ГРУ были все основания если не для категорического вывода, то хотя бы для акцентирующего внимание адресатов на схеме удара по трем направлениям. То есть на варианте № 3, в котором Белорусское направление выделяется автоматически. Особенно если учесть, что варианты № 1 и № 2 фактически подтверждали именно третий вариант. Такой акцент ГРУ был бы более чем уместен. Потому что доклад-то начинался с упоминания «Майн кампф» и «красочно» изложенных в нем планов Гитлера, центральное место среди которых, как это хорошо было известно тогда, занимала идея «Дранг нах Остен». А ведь в политическом смысле это означало уничтожение СССР. В военном же плане то же самое означало, что направление главного удара будет нацелено на столицу, то есть на Москву, для чего есть только один вариант направления главного удара — удар на Белорусском направлении. Остальное и так совпадало между собой.

⁵¹⁰ ЦА МО РФ. Без указания номера фонда. Оп. 7272. Д. 1. Л. 693—793. Цет. по: *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005..

Увы, но ГРУ не акцентировало внимание и на том, что наибольшее количество сил вермахта сосредоточивается на его левом фланге (для советских войск это правый фланг). То есть на Прибалтийском и Белорусском направлениях, которые еще Шапошников абсолютно справедливо и объективно считал наиболее вероятными в планах германского генштаба. Впоследствии, конечно, ГРУ подкорректировало свою точку зрения на этот счет, но было уже поздно. Но войска-то в основном были расставлены так, как того незаконно желала «киевская мафия». А основная корректировка данных ГРУ по этому вопросу произошла 5 и 7 июня 1941 г. Естественно, что за оставшееся время миллионы людей, десятки тысяч единиц боевой техники и десятки тысяч тонн боеприпасов передислоцировать было просто не под силу. Впрочем, никто особенно и не пытался это сделать.

Именно это отсутствие четкой позиции ГРУ по вопросу о направлении главного удара, которое, к слову сказать, напрашивалось само по себе, даже без особых разведывательных данных, позволило Г.К. Жукову впоследствии нагло клеветать на ГРУ и Голикова, что-де они чего-то там недосмотрели у вермахта в Польше. Но Жуков был еще тот мастер сам сечь себя, как та унтер-офицерская вдова. Многие из современных читателей, наверное, слышали такое далеко не литературное выражение, как «включить дурака». Ныне оно часто используется и в быту, и даже в современных, донельзя несных своей глупостью и неандертальской примитивностью российских фильмах, особенно детективного жанра, что заполонило все экраны, в том числе и ТВ. Так вот, когда дело дошло до «воспоминаний и размышлений», то и Жуков взял, да и «включил дурака», написав следующее: «... За период апрель—май 1941 г. на территории Восточной Пруссии и польского генерал-губернаторства установлено

сосредоточение до трех армейских группировок (штабы — Варшава, Улянув, Усьмеж), 10 армейских корпусов, 68—76 пехотных дивизий, 6—8 моторизованных дивизий, 10 кавалерийских дивизий, 5 танковых дивизий, 65 артополков, 2—3 авиационных дивизий»⁵¹¹.

Тут все дело не в цифрах — на тот период времени они промежуточные и потому относиться к ним придирчиво нет никакого смысла. Самое главное состоит в том, что установление факта трех группировок армий вермахта Жуков отнес на апрель—май. А ведь это ложь, причем потрясающе беспардонная. Вопрос о трех группах армий вермахта, нацеленных на нападение на СССР, окончательно перестал быть вопросом уже с 20 марта 1941 г., то есть после знаменитого ныне доклада ГРУ от 20 марта 1941 г. С того момента это была уже непреложная данность. А вообще информацией о трех группах армий и трех направлениях ударов ГРУ и ГШ располагали, как уже неоднократно указывалось ранее, с самого начала поступления разведывательной информации о том, что угроза нападения Германии перешла в стадию конкретного военного планирования. То есть с конца декабря 1940 г. Более того. К тому моменту, когда Жуков уселся в кресло начальника Генерального штаба, то есть к концу февраля 1941 г., мужественная Ильзе Штёбе, она же ценнейший агент берлинской резидентуры ГРУ Альта, уже сообщила о трех группах армий. Причем с указанием направлений их главных ударов и даже их ориентировочные названия. Вот выдержка из того сообщения Альты от 28 февраля 1941 г.: «Сформированы три группы армий под командованием маршалов Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееба. ...Группа армий “Кенигсберг” должна наступать в направлении Петербург, группа армий “Варшава” — в направлении Москва, группа

⁵¹¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 240—241.

армий «Познань» — в направлении Киев»⁵¹².

◆**

Справка. Насчет маршалов — так указано в опубликованном тексте. Очевидно, это адаптированный к советским реалиям того времени вольный перевод переводчика ГРУ. Маршалов в вермахте не было. Были генерал-фельдмаршалы и фельдмаршалы.

◆◆◆

Проще говоря, уже к концу февраля достаточно точно было известно о трех группах армий и направлениях их ударов. Кстати говоря, эти данные Альты подтверждались также и сведениями разведки НКВД-НКГБ СССР, в том числе и разведки пограничных войск. Проще говоря, постоянно шла информация только о трех группировках. Да и в целом никакой премудрости тут не было. Как уже отмечалось ранее, супостаты формировали свои силы нападения на СССР зеркально, то есть раз у СССР три основных военных округа на западных границах, то, следовательно, и они тоже формировали три группы армий. Для того чтобы это понять, не нужно было даже разведывательных сообщений. Однако они были, и в достаточном количестве. Но Жуков хитроватым способом перенес установление этого факта на апрель—май. То есть на то время, когда в целом-то уже что-либо всерьез изменять в дислокации войск якобы было невозможно. Короче говоря, здесь завуалированный тонкий намек — мол, разведка слишком поздно это установила, из чего должно вытекать, что ни он, ни ГШ, ни НКО не виноваты в том, что проморгали наиболее мощный удар аккурат на западном направлении. Хотя если честно, и двух месяцев вполне достаточно, чтобы многое поменять в дислокации войск. Увы, Жуков даже после войны не понимал этого. Попутно обратите также внимание и на формулировку «до трех ар-

мейских группировок», в которой основной смысл заключен в этом самом «до». Потому что на языке военных, в том числе и военной разведки, это означает приблизительный характер: до трех может означать также и две группировки. Жукову же надо было хоть как-то отмазаться от того непреложного обстоятельства, что он каким-то «необъяснимым» образом «проморгал» мощную группу армий «Центр» и ее сокрушительный удар по ЗапОВО-ЗФ, ожидая удара супостатов всего лишь с крайних флангов — на Северо-Западном и Юго-Западном направлениях. Вот и нес ахинею в прямом смысле. И параллельно клеветал на ГРУ, что оно что-то там не рассмотрело в Польше.

В порядке некоторого оправдания ГРУ следует отметить, что впоследствии оно все большее внимание акцентировало как раз на группировке войск вермахта в Польше. Но, увы, опять не без некоторой лукавой увертки. Когда Голикову докладывали исключительно достоверные, совпадавшие с данными разведки пограничных войск и разведывательных пунктов РО штабов приграничных военных округов сведения о намерении германского командования нанести наиболее сильный удар с плацдарма своего левого фланга и за пять дней захватить Минск, он скептически хмыкал и ёрничал. Но из-за чего тут можно было скептически хмыкать, если наиболее сильный удар с плацдарма левого фланга вермахта есть удар на Прибалтийском и Белорусском направлениях (с особым акцентом на последнее)?! Ведь видели же, что супостатами созданы три группировки...

Короче говоря, утверждение НКО (Тимошенко) и ГШ (Жуков) о наибольшей предпочтительности для германского командования юго-восточного (для советского командования — юго-западного) направления главного удара не было обосновано какими-либо серьезными аргументами, кроме неуместного мнения на этот счет самих главарей «киевской мафии» в высшем военном руководстве

⁵¹² ЦА МО РФ. Оп. 7229. Д. 4. Л. 30—31. Цит. по: *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005, с. 171.

СССР. Неуместного — с точки зрения имевшейся в наличии разведывательной информации и стратегии в целом. А вот с точки зрения осуществленной ими негласной, незаконной и неофициальной подмены сути и даже принципа обороны единственного официального плана отражения агрессии — наоборот, все уместно. Только вот за это «уместно» советскому народу пришлось платить слишком огромную кровавую дань. Но разве маршалы и генералы в России об этом когда-нибудь задумываются?! У них ведь на все один ответ—«мамки новых нарожают»...

Правда, к началу мая 1941 г. в сознании этих двух стратегов произошло некое «просветление» и в официальных майских директивах о разработке детальных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны они уже не фиксировали на бумаге такие оригинальные перлы. В следующий раз подобное они учинили только в так называемом гениальном плане якобы от 15 мая 1941 г., но побоялись его подписать.

Во-вторых, поставленные в директиве дня войск, в том числе и авиации, Западного фронта задачи отличаются удивительной, крайне неуместной двойственностью, тройственностью и даже расчлененностью. Судите сами. Первым пунктом ЗФ предписывалось упорной обороной с опорой на УР прочно прикрывать наши границы и не допустить вторжения противника. А вторым пунктом предписывалось ударом своего левого крыла способствовать ЮЗФ в разгроме группировки противника, причем эти действия ЗФ напрямую зависят от действий ЮЗФ. То есть когда войскатуда, не знаю куда, сделай то, не знаю что, последнего перейдут в наступление, которое и было единственной задачей ЮЗФ при нападении противника, исходя из текста директивы. А третий пункт и вообще предписывал нанесение вспомогательного удара для обеспечения главного удара фронта. Причем не указано ни направление, ни цель этого главного удара фронта. Наконец, четвертый пункт предписыва-

ет правому флангу ЗФ упорной обороной прочно же прикрывать указанные направления.

Короче говоря, стратегическое планирование ЗапОВО после этой директивы должно было распасться на четыре малочем связанных между собой составляющих! Но фронт не может действовать подобным образом, ибо это неминуемо приводит к его разгрому. Потому что войска фронта — это единый организм, и даже если отдельные части этого организма в одно и то же время решают внешне разные задачи, все равно их решение подчинено достижению единой цели, поставленной перед фронтом. Но тут-то полностью взаимоисключающие задачи, попытка решения которых запросто могла обернуться разгромом фронта. Ведь если сначала все войска округа-фронта стоят в упорной обороне, потом левый его фланг по сигналу от соседнего фронта срывается с места и несется помогать соседу, то у противника появляется возможность ударить по правому флангу перешедшей в наступление в поддержку соседа левофланговой группировки фронта. И в этот же момент округ-фронт должен нанести какой-то вспомогательный удар для обеспечения неизвестно какую конкретно цель преследующего главного своего удара. Ну, а вершиной этой потрясающей раздробленности задач одного и того же фронта является перл о том, что в это же самое время правый фланг этого округа-фронта должен по-прежнему стоять в упорной обороне. В общем, как в известной русской сказке, — пойдил от действий ЮЗФ. То есть когда войскатуда, не знаю куда, сделай то, не знаю что, последнего перейдут в наступление, которое и было единственной задачей ЮЗФ при нападении противника, исходя из текста директивы. А третий пункт и вообще предписывал нанесение вспомогательного удара для обеспечения главного удара фронта. Причем не указано ни направление, ни цель этого главного удара фронта. Наконец, четвертый пункт предписыва-

ЗапОВО разработать план подставы войск округа под разгром! И ничего более.

В-третьих, при сравнении задач соседних с Западным округом-фронтом округов-фронтов и вообще можно прийти в глубокое недоуменное замешательство, плавно переходящее в неопишуемый шок. Это если мягко выражаться. Судите сами.

Сосед справа — ПриБОВО-СЗФ — имеет задачу упорной обороной прикрывать указанные ему направления. Л у соседа слева — КОВО-ЮЗФ — задача ударом армий своего правого крыла, к тому же во взаимодействии с левофланговой армией ЗапОВО-ЗФ, окружить и уничтожить группировку восточнее р. Висла. То есть на территории противника. При всем при этом поражающая раздробленность задач армий самого ЗапОВО:

— 3-я армия — в обороне. Кстати, непонятно куда исчезла «упорная оборона», предписанная всему фронту, а, следовательно, и каждой армии?

— 10-я армия должна пребывать в прочной обороне, но одновременно быть готовой к нанесению удара по противнику на его же территории и занять там оборону?! Это из серии «за двумя зайцами погонишься...».

— 13-я армия имеет задачу одновременно с 4-й армией нанести удар по противнику указанными силами и в указанном направлении. А куда исчезла предписанная всему фронту, а, следовательно, и являющаяся главной задачей для каждой армии округа-фронта «упорная оборона» границы?!

4-я армия имеет задачу, форсировав пограничную реку, вступить на территорию противника, нанести удар в указанном ей направлении и разбить группировку противника. А куда из задач этой армии исчезла предписанная всему фронту, а, следовательно, и являющаяся главной задачей для каждой армии округа-фронта «упорная оборона» границы?!

В общем, правой половиной левой пятки почешу правое ухо. И это называ-

ется директива по стратегическому планированию?! В принципе уже только это дает основание для того, чтобы в очередной раз сказать, что это не директива, а письменное предписание высшего военного руководства подставить войска округа под разгром. Но торопиться не будем, а посмотрим, что же согласно этой директиве должна была делать авиация Западного округа-фронта. Потому как, наконец, появляется возможность окончательно вскрыть технологию подставы. Ведь это еще та «песня» — задачи авиации армий и фронта по этой директиве. Особенно первые три задачи: 1. В тесном взаимодействии с наземными войсками уничтожать живую силу противника, его укрепленные районы, массируя удары авиации на главных направлениях наступления армий фронта. 2. Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и аэродромам, а также боевыми действиями в воздухе уничтожать авиацию немцев и с первых же дней войны завоевать господство в воздухе. 3. Мощными ударами по железнодорожным узлам Кенигсберг, Мариенбург, Алленштейн, Торн, Калиш, Лодзь и Варшава нарушить и задержать сосредоточение немецких войск. И при всем при этом авиация армий и фронта должна была еще:

— прикрывать сосредоточение, развертывание и действие войск армий фронта (для истребительной авиации),

— не допустить сбрасывания и высадки на нашей территории воздушных десантов противника,

— одновременно по заданиям Главного командования оказывать помощь авиации Юго-Западного фронта⁵¹³.

Комментарий. Небезынтересно отметить, что даже само командование Западного округа осознало глупость и бессмысленность таких

⁵¹³ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 48—64. Рукопись на типографском бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Незаведенная копия.

указаний по авиации. И когда дело дошло до исполнения уже майской директивы, то в резюмирующей выводе части раздела «План использования ВВС округа» «Записки по плану действий войск в прикрытии на территории Западного особого военного округа» (б/д) было указано следующее: «1. Одновременно обе части по борьбе за господство в воздухе и по срыву перевозок, сосредоточения и мобилизации противника выполнить нельзя. Борьба за господство в воздухе полностью может решаться лишь при отсутствии наземных целей и только в первой полосе. Для борьбы во второй полосе средств нет. Выбор целей по выполнению каждой из этих двух задач будет решаться в каждом отдельном случае в зависимости от обстановки»⁹¹⁴. Проще говоря, даже командованию ЗапОВО было понятно, что это невыполнимые задачи. Но в таком случае как прикажете называть НКО и ГШ, которые еще в апреле пытались дать в ЗапОВО такую, априори невыполнимую директиву, а потом повторили ее в майской директиве?! Неужели не знали и не понимали, что за двумя «зайцами» гнаться нельзя, ибо ни одного не поймашь, а тут ведь приказали сразу за пятью «зайцами» гнаться?! А если знали и понимали, то и в самом-то деле, как называть Тимошенко и Жукова после этого?! Ведь такая постановка пяти разноплановых задач перед ВВС округа, которые к тому же надо было бы решать фактически одновременно, означала неминуемую гибель авиации армий и фронта, что называется, ни за понюшку табака. А далее незамедлительно последовал бы и разгром наземных войск. Что, собственно говоря, и произошло в начале войны в ЗапОВО-ЗФ. Но вернемся к основному анализу.

Исходя из содержания только этих трех пунктов для ВВС четко видно, что даже «упорная оборона» границы окончательно и вдребезги похерена! Потому что наземные войска не могут в одно и то же время и обороняться, и наступать. Ведь округу-фронту и его армиям предписано «прочной обороной» защищать границу, а из содержания первого пункта задач для авиации выходит, что фронт должен целиком наступать, причем в то время как для его армий до этого были поставлены совершенно разные задачи?! И ради чего такое запредельно идиотское планиро-

вание?! Ради уничтожения противника, включая и его важнейшие объекты, на его же территории в целях срыва его мобилизации и сосредоточения! Задача, вне всякого сомнения, святая, но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад. А потому не удивляйтесь.

Перед вами один из наиболее преступных вариантов «безграмотного сценария» вступления в войну типа а-ля Тухачевский! Это то, что он передрал у Джулио Дуэ. Затем скрестил с концепцией «глубокой операции» Триандафилова и, выдав за потрясающее новшество, разразил командные круги Вооруженных сил СССР трудно излечимой болезнью в лице концепции пограничных сражений, которые, по его «просвещенному» мнению, должны были являть собой заранее подготовленные операции вторжения. В том числе и по факту нападения. То есть если по-простому, немедленное встречно-лобовое контрнаступление по факту нападения. Проще говоря, перед вами описание едва завуалированной термином «упорная оборона» операции контрвторжения в целях срыва мобилизации и сосредоточения противника, который в момент такого планирования уже осуществлял интенсивное сосредоточение своих давно уже отобилизованных войск у нашей границы.

Вот так давний замысел Тухачевского был реанимирован дуэтом Тимошенко—Жуков. Причем при шизофренической в квадрате попытке организации статического фронта в самом центре советско-германской границы. Шизофренической в квадрате — потому, что у четырех армий одного округа-фронта при наличии формально одной-единой для всех задачи «упорной обороной» оборонять границу совершенно разные задачи, в том числе и в плане обороны. Одна армия просто обороняет, другая прочно обороняет, но готовит удар по противнику, третья совместно с четвертой наносит удар по противнику на его же террито-

⁹¹⁴ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 4—34.

рии, ну а четвертая и вовсе очертя голову должна нестись за бугор наказывать супостатов, очевидно, предварительно похерив «упорную оборону». Не говоря уже о том, что они якобы должны стоять в обороне, пока авиация долбает противника на большую глубину, но при этом еще и наступать единым фронтом при поддержке авиации.

Хуже того. То, что написано в этой директиве, есть прямая предтеча так называемого «гениального» плана якобы от 15 мая 1941 г., выполнение составленной на основе которого директивы № 3 едва не загубило окончательно все войска приграничных округов. Короче говоря, результат был следующий. Реанимированное главарями «киевской мафии» — дуэтом Тимошенко—Жуков — это «потрясающее новшество» Тухачевского в итоге так потрясло до основания всю систему обороны и прикрытия советских границ в июне 1941 г., особенно в ЗапОВО, что она в самом прямом смысле слова мгновенно и вдребезги рассыпалась. И трагедия 22 июня стала жутко кровавым фактом. А вот теперь попробуйте хотя бы самим себе объяснить следующее.

Не говоря уже о самом факте множественности задач для округа и его армий в одно и то же время, как можно было ставить такие серьезнейшие задачи перед округом, в котором большинство соединений к началу войны находились в стадии реорганизации, перевооружения и формирования?! Ведь из четырех армий округа одна, например, начала формироваться лишь только в мае 1941 г. — 13-я армия. Ее формирование было начато по директиве ГШ от 5 мая 1941 г.⁵¹⁵ И к началу войны процесс формирования был осуществлен всего лишь на 40 %⁵¹⁶. Так вот, как эти двое умудрились еще 10 апреля поста-

вить столь серьезные задачи армии, которой еще и на бумаге-то не было?!

Как можно было ставить такие серьезнейшие задачи перед округом, в котором укомплектованность 24 стрелковых дивизий личным составом была на уровне 37—71 %, или в среднем по округу 54 % от штатов военного времени?!⁵¹⁷ В подавляющем большинстве стрелковых соединений не хватало 6—7 тысяч человек. То есть если исходить из утвержденной весной 1941 г. новой численности стрелковой дивизии РККА в 14 483 чел.⁵¹⁸, не хватало в среднем примерно 50 % личного состава. Так вот, как можно было ставить столь серьезные задачи ополовиненным стрелковым дивизиям?! А заодно попытайтесь хотя бы самим себе ответить на нелегкий вопрос следующего содержания. Какой мог быть толк от того, что уменьшение вдвое численности стрелковых дивизий произошло по директиве штаба ЗапОВО, согласно которой практически половина рядового и сержантского состава была откомандирована на формирование новых частей в авиации и автобронетанковых войсках?! Ведь в первой половине 1941 г. в округе шло формирование нескольких частей и соединений. В частности, управлений одного стрелкового корпуса, пяти механизированных корпусов, десяти танковых и пяти моторизованных дивизий⁵¹⁹. А в апреле началось еще и формирование 4-го воздушно-десантного корпуса, командир которого — генерал-майор А.С. Жадов — был назначен только с началом войны⁵²⁰. Что толку от таких переформирований?

Неужели не было понятно, что из стрелка сделать летчика в кратчайшие сроки можно только в одном случае — если человек от Бога является летчиком! Но даже Богу

⁵¹⁷ Там же, с. 24.

⁵¹⁸ Анфилов В.А. Провал «Блицкрига». М., 1974, с. 125.

⁵¹⁹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 725588. Д. 36. Л. 276.

⁵²⁰ Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1989, №4, с. 24.

⁵¹⁵ Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1989, №4, с. 23.

⁵¹⁶ Там же.

потребуется время! Не говоря уже о том, что таких людей — считанные единицы нарезнейшие задачи перед округом, в котором артиллерийские части механизированных корпусов были укомплектованы средствами механизированной тяги всего на 7—30 % (только 6-й МК на 80 %)?!⁵²⁸

Как можно было ставить столь серьезные задачи перед округом, решение которых требовало особой мобильности, если войска этого округа были очень слабо обеспечены автотранспортом? Например, 11-й МК (командир — генерал-майор танковых войск Д.К. Мостовенко), 13-й МК (командир — генерал-майор П.Н. Ахлюстин), а также 17-й и 20-й МК были укомплектованы автотранспортом всего на 8—26 %, из общего имеющегося количества которого 30 % нуждалось в капитальном ремонте, возможности для которого были минимальными⁵²⁹. И точно такая же ситуация с обеспеченностью автотранспортом была и у тыловых органов округа — они имели всего 40—45 % от необходимого количества автотранспорта, что, естественно, не могло обеспечить удовлетворение потребностей войск во время боев⁵³⁰.

Как можно было ставить такие серьезные задачи перед округом, в котором хуже всего дела обстояли именно с автобронетанковыми войсками? Ведь из шести создававшихся в округе механизированных корпусов только один — 6-й МК (командир — генерал-майор М.Г. Хацкилевич) — почти полностью имел необходимую материальную часть⁵²¹. Остальные же пять корпусов были укомплектованы на 5—50 %, да и то танками БТ и Т-26⁵²². Наличие танков старых марок достигало 83 %⁵²³. 17-й МК (командир — генерал-майор М.П. Петров) и 20-й МК (командир — генерал-майор А.Г. Никитин) фактически были без танков⁵²⁴. Четыре из восьми танковых дивизий, находившихся в армиях прикрытия, и вовсе не были укомплектованы⁵²⁵. Три из четырех моторизованных дивизий округа не имели танков, автотранспорта и средств тяги для артиллерии⁵²⁶. А формирование 14-го МК и вовсе было начато только в апреле 1941 г.⁵²⁷ Кому и для чего эти двое ставили такие серьезные задачи?

⁵²¹ Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1989, №4, с. 24.

⁵²² Там же.

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Сандалов Л.М. Первые дни войны. В книге «1941. На Московском направлении», куда вошли две книги — «На Московском направлении» и «Первые дни войны». М., 2010, с. 400.

Как можно было ставить столь серьезные задачи перед округом, если укомплектованность его механизированных корпусов офицерами-танкистами составляла всего 45—55 %, а сержантами — 19—36 %?⁵³¹ Причем завершение формирования этих МК до полной готовности намечалось к концу 1942 г.⁵³² А до конца июля 1941 г. предусматривалась одиночная подготовка солдата и боевое сколачивание взвода и роты⁵³³.

Между тем, и Тимошенко, и Жуков прекрасно знали по донесениям разведки, что

Как можно было ставить столь серьезные задачи перед округом, если укомплектованность его механизированных корпусов офицерами-танкистами составляла всего 45—55 %, а сержантами — 19—36 %?⁵³¹ Причем завершение формирования этих МК до полной готовности намечалось к концу 1942 г.⁵³² А до конца июля 1941 г. предусматривалась одиночная подготовка солдата и боевое сколачивание взвода и роты⁵³³.

Между тем, и Тимошенко, и Жуков прекрасно знали по донесениям разведки, что

⁵²⁸ Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1989, №4, с. 24.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Там же, с. 25.

⁵³² ЦА МО РФ. Ф. 131. Оп. 12980. Д. 1. Л. 113—316.

⁵³³ ЦА МО РФ. Ф. 131. Оп. 12980. Д. 1. Л. 113—316.

война не то чтобы не за горами, а вот-вот может бабахнуть. Тем более что до 5 мая все еще «плыла» информация о том, что-де супостаты вроде бы нападут 15 мая, что-де правда, в итоге оказалось дезинформацией. Но в апреле-то еще никто об этом не знал. Так вот как же прикажете квалифицировать действия Тимошенко—Жукова при таком количестве таких фактов?

Естественно, что на этом перечень вопросов подобного типа не исчерпывается — таких вопросов по ЗапОВО можно поставить еще с десятка два-три. Если не того больше. Ну, а теперь самый главный в этой связи вопрос. Что, Тимошенко и Жуков не знали состояние ЗапОВО, что направили туда директиву указанного выше содержания?! Ведь это же преступное по своей сути планирование стратегических операций фронтового уровня! И не просто преступное планирование. Как уже было указано выше, эта директива являла собой предписание высшего военного командования разработать фактически план подставы войск округа под неминуемый разгром и поражение, округа, который, исходя из указанного выше, едва ли мог устоять в обороне длительное время. Да и то, если до упора и даже более того напряг бы все свои силы. И вот находящийся в таком состоянии округ должен был получить директиву на подготовку к немедленному встречно-лобовому контрнаступлению по факту нападения, причем при расчетверенности задач у входящих в него армий и пяти разных задач авиации армий и фронта. Хуже того. В прямой зависимости от действий соседа слева, то есть КОВО. Ну а верхом преступного абсурда в таком планировании является постановка задачи для 13-й армии. Ведь ее формирование, как уже указывалось выше, началось только по директиве ГШ от 5 мая 1941 г. Вот как можно было ставить задачи для армии, которой еще нет и ее формирование даже и не начиналось, а ей за месяц до директивы о начале ее формирования

уже пытались вчинить решение нелегкой задачи?! Это ли не классический пример преступной профанации с очень подлыми делами вместо подлинного стратегического планирования?!

Но в таком случае возникает острейший вопрос общего порядка. А на кой черт вообще было нужно такое стратегическое планирование, если из него со всей очевидностью вытекает только одно — Западный особый военный округ сознательно и заблаговременно готовился НКО (Тимошенко) и ГШ (Жуков) на заклятие врагу, проще говоря, откровенно подставлялся под разгром! Хуже того. Еще и сам округ, выполняя директивы дуэта Тимошенко—Жуков, старательно прилаживал свою голову на неминуемую плаху, ибо при таком положении дел основной упор в тактической подготовке делался на отработку наступательных действий!⁵³⁴ Но о каких наступательных действиях они имели право мечтать и тем более планировать, если находились в указанном выше состоянии?!

В начале мая 1941 г. на выбритые до зеркального блеска крутолобые головы главарей «киевской мафии» в высшем военном командовании снизошло некое «просветление» с неким «озарением» и до них, наконец, дошло, что за такое планирование отражения агрессии можно и голов лишиться. В округа посыпались ныне хорошо известные майские директивы о необходимости срочной разработки планов обороны. Естественно, что такая директива поступила и в ЗапОВО — № 503859 от 14 мая 1941 г.⁵³⁵ Трудно сказать, что на них так сильно повлияло, что они наконец-то снизошли именно до планов обороны государственной границы.

То ли разведывательная информация, о которой говорилось, в том числе еще и при анализе ситуации в ПриОВО. То

⁵³⁴ ЦА МО РФ. Ф. 131. Оп. 12980. Д. 6. Л. 60.

⁵³⁵ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 1—3.

ли действительно осознали свою ошибку, толкая командование основных округов на западных границах к разработке планов немедленного встречно-лобового контрвторжения по факту нападения. Правда, даже предположить такое невероятно трудно. Потому как свои ошибки они стали признавать незадолго до ухода в Вечность, да и то через пень колоду. А до войны они все были храбрецы, готовые в любую секунду, размахивая шашками, рвануть за бугор наказывать супостатов, хотя никто им не давал такой санкции с ходу нестись именно за бугор. Но как только безмерными потоками крови наших простых солдат и офицеров вермахт утер им носы, сразу же, прямо 22 июня, в середине дня взвыли, что виной всему внезапность, иначе они расколошматили бы супостатов в пух и прах. За что и получили от Сталина «на орехи»...

То ли, наконец, из обуявшего их страха его ареста, а также ареста его поперед грядущей ответственностью, что война стремительно приближается по времени, а у них ни одной бумажки оборонительного характера. Установить сейчас, что имело место на самом деле, невозможно. Ясно только одно — на бумаге внезапно произошло резкое изменение характера диня этого дела настолько запутано, умышленно для округов. Но, увы, не сути фактически осуществлявшейся подготовки. Как готовились в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг, так и продолжали этот преступный идиотизм до 22 июня.

В принципе очередной этап нашего разведывательно-исторического расследования следовало бы начать с анализа ответов генералов ЗапОВО-ЗФ на вопросы Сталина. То есть точно так же, как был осуществлен анализ в отношении ПриОВО-СЗФ. Однако в случае с этим округом-фронтом вновь придется поступить по-другому. Прежде всего потому, что фактически предопределивший появление нацистских аспидов едва ли не у стен древнего Кремля катастрофически молниеносный разгром ЗапОВО-ЗФ на-

мертво связан с трагической судьбой высшего командования этого округа-фронта.

Соответственно, необходимо осуществить комплексный анализ, учитывая каждую мелочь, иначе очень трудно будет разобраться, что и как на самом деле произошло, кто и в чем конкретно виноват. Но особенно трудно будет понять по сию пору скрытый от широкой общественности смысл ряда действий высшего командования непосредственно округа и высшего военного руководства Советского Союза, прежде всего Тимошенко и Жукова.

Именно поэтому далее вниманию читателей предлагается сравнительный анализ показаний Павлова и его подельников с ответами генералов ЗапОВО-ЗФ, а также иными данными и сведениями. Сравнительный анализ сопровождается превентивным анализом обстоятельств отстранения Павлова от командования фронтом, а за- дельников. Придется последовательно разбираться с каждой мелочью, каждой деталью, каждым постулатом обвинения контрагументом обвиняемых, что им предшествовало, в каком антураже, и что затем последовало. Иначе, вновь обращая это внимание, ничего не поймем. Все в этом деле настолько запутано, умышленно перепутано, утоплено в эмоциях, в фальши, лжи и клевете, что не приведет господь.

§ 4. Катастрофическое начало войны в ЗапОВО. Странные обстоятельства ареста и следствия в отношении командования Западного фронта

Показания Павлова и его подельников на следствии и во время суда

Итак, как уже неоднократно подчеркивалось на страницах этой книги в целом, до 17 июля 1941 г. военная контрразведка, то есть особые отделы, находилась в подчинении наркомата обороны в каче-

стве его 3-го Управления. Соответственно, уголовные дела в отношении Павлова и других высших командиров ЗапОВО-ЗФ возбуждали следователи именно 3-го Управления НКО. А началось, как то было предусмотрено УПК РСФСР того времени, с постановлений об избрании меры пресечения и на арест. Эти документы были утверждены 6 июля первым главнокомандующим во время войны, наркомом обороны маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко и прокурором Союза ССР В.М. Бочковым. Тимошенко санкционировал также и аресты генералов Климовских, Григорьева, Коробкова (ареста и суда над Коробковым первым потребовал лично Жуков — об этом чуть ниже) и других. При более детальном выяснении того, что предшествовало аресту и следствию по делу Павлова и других высших командиров ЗапОВО-ЗФ, выясняется немало сколь любопытного, столь же и многозначительного.

Например, Ворошилов, который в начале войны по указанию Сталина прибыл на Западный фронт, чтобы отстранить Павлова от должности и под охраной отправить в Москву, вместо того чтобы уже 27 июня исполнить это указание, пустился в неуместные рассуждения о том, что же не надо арестовывать Павлова. И даже накатал телеграмму в адрес Сталина, в которой предлагал всего лишь отстранить Павлова от командования фронтом и назначить его командиром танковой группы, сформированной из отходящих частей в районе Гомель—Рогачев⁵³⁶.

30 июня был образован ГКО, который возглавил Сталин. Прямо на первом же его заседании было принято решение об отстранении Павлова от командования фронтом, замене его генерал-лейтенантом А.И. Еременко.

1 июля в 11 ч. 05 мин. В Москву была отправлена телеграмма следующего содержания: «Наркому обороны

маршалу Тимошенко. Командование войсками Западного фронта сдал генерал-лейтенанту А.И. Еременко 1 июля 1941 г. Д. Павлов. В командование войсками Западного фронта вступил 1 июля. А. Еременко»⁵³⁷. А 2 июля Еременко по решению ГКО был заменен наркомом обороны Тимошенко. Больно уж симптоматично — первый на войне Главкомандующий и он же нарком обороны назначен командующим именно тем фронтом, где противнику удалось добиться наибольших успехов в прорыве обороны советских войск. Проще говоря, не получается ли так, что Сталин умышленно назначил Тимошенко командовать этим фронтом — по меньшей мере как бы для того, чтобы он исправлял то, что упустил еще до войны?! Но не исключено также и то, что в это время Сталин уже окончательно утвердился в мысли о том, к чему реально ведут дело генералы. Ведь провал следовал за провалом. И потому направил Тимошенко на Западный фронт исправлять то, что генералы натворили под его «доблестным руководством».

Для полного понимания этих действий Сталина следует иметь в виду, что он уже утром 22 июня, судя по всему, заподозрил неладное именно на Западном фронте, потому что в 7 часов утра он звонил первому секретарю ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко и заявил ему, что, поскольку получаемая от военных информация его не удовлетворяет, необходимо начать сбор сведений о положении противника через местные партийные органы⁵³⁸.

Бывший секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Н.Е. Авхимович, дежуривший в тот день у аппарата ВЧ в здании ЦК, впоследствии вспоминал: «Информацию об

⁵³⁷ ЦА МО РФ. Ф. 226. Оп. 2133. Д. 1. Л. 14.

⁵³⁸ Минский курьер. № 953 от 22.6. 2006.

Цит. по: Гончаров В. Генерал Павлов — портрет на фоне катастрофы. В сб. «Великая Отечественная катастрофа II. 1941 год. Причины трагедии». М., 2007, с. 174-175.

⁵³⁶ Сыромятников Б. Трагедия СМЕРШа. Откровения офицера-контрразведчика. М., 2009, с. 209.

обстановке в западных областях, да и не только в западных, мы отрывочно получали от обкомов партии по аппарату ВЧ. В ЦК там же, около дежурного, сидел офицер связи командующего округом, который все то, что мы получали относительно обстановки в республике, тут же передавал оперативному дежурному на командном пункте округа. Это была лучшая из связей, чем располагал округ в первый день войны»⁵³⁹.

Одновременно были заменены и другие высшие должностные лица фронта. Вместо генерал-майора В.Е. Климовских начальником штаба фронта стал бывший начальник Оперативного Управления ГШ генерал-лейтенант Г.К. Маландин, для которого это назначение символизировало начало понижения в его служебной карьере. Вообще-то это назначение очень симптоматичное — с такого поста да в начальники штаба фронта, терпящего катастрофу за катастрофой...

А вот членом Военного совета фронта вместо упоминавшегося выше А.Я. Фоминых (был понижен до «замполита» стрелковой дивизии) стал Лев Захарович Мехлис — заместитель наркома обороны и начальник ГУПШ. Между прочим, в это время Мехлис еще сохранял за собой пост народного комиссара государственного контроля, в рамках функций которого он еще с довоенных времен под особым контролем держал как раз наркоматы обороны и военно-морского флота.

1 июля Павлов прибыл в Москву, якобы должен был быть принят Сталиным. Но об этом — то ли факте, то ли очередной байке — известно лишь по мемуарам и устным воспоминаниям Т.К. Жукова. Он на такие «воспоминания» был мастак. Куда более реально то, что Тимошенко своей властью наркома обороны и перво-

го на войне главнокомандующего еще в июне назначил Павлова командиром формируемого на Украине нового механизированного корпуса⁵⁴⁰, куда он должен был убыть фактически немедленно.

Однако маршал Жуков уже никогда не объяснит нам, что хотел и на самом деле мог услышать от Павлова Сталин?! Ведь жуткий факт был налицо — Западный фронт под командованием Павлова столь «доблестно» прос...л пограничные сражения, что масштабы этого разгрома были просто чудовищны. Фактически была потеряна вся Белоруссия, а Минск был окончательно оккупирован уже к 16.00 28 июня. И как ни старался бы Павлов что-либо объяснить Сталину — если поверить Жукову, что вождь якобы хотел встретиться с ним, — все равно ничего не смог бы объяснить. Факт разгрома его фронта менее чем за неделю был налицо. Естественно, что на повестке дня был только один вопрос: как это произошло и кто виноват в этом? И не надо в этом усматривать какие-то якобы существовавшие планы Сталина по поиску «стрелочников», в реализации которых самое активное участие принял Мехлис. Это более чем дурацкая манера. Этих планов не было. Была продиктованная суровым фактом потери и оккупацией немцами очередной, одной из важнейших союзных республик необходимость выяснить, как могло произойти такое в столь кратчайшие сроки, к тому же при чудовищных потерях этого фронта. Ведь к концу июня ситуация была такова:

1. Как уже отмечалось выше, из 44 дивизий, имевшихся к началу войны, 24 были полностью разгромлены. То есть больше половины. В том числе десять стрелковых, восемь танковых, четыре моторизованных, две кавалерийских дивизии, а оставшиеся 20 соединений лишились в среднем половины имевшегося

⁵³⁹ Минский курьер. № 953 от 22.6. 2006. Цит. по: Гончаров В. Генерал Павлов — портрет на фоне катастрофы. В сб. «Великая Отечественная катастрофа II. 1941 год. Причины трагедии». М., 2007, с. 174—175.

⁵⁴⁰ Сыромятников Б. Трагедия СМЕРШ. Откровения офицера-контрразведчика. М., 2009, с. 210.

к началу войны личного состава, материальной части и иных средств.

2. По данным начальника Автоброне-танкового отдела штаба фронта полковника Иванова, от шести механизированных корпусов (6, 11, 13, 14, 17 и 20-й), в которых до начала войны насчитывалось 2502 танка, в том числе 472 КВ и Т-34, осталось несколько десятков⁵⁴¹.

3. Как уже указывалось выше, военно-воздушные силы округа-фронта потеряли 1797 самолетов из 1909 имевшихся к началу войны. Причем согласно докладу генерала Маландина в ГШ от 4 июля 1941 г., только за период с 22 по 30 июня (то есть когда фронтом командовал лично Павлов) включительно военно-воздушные силы фронта потеряли 1483 самолета⁵⁴².

4. Согласно представленному в ГШ докладу от 30 июня заместителя начальника штаба фронта по тылу полковника Виноградова огромными оказались и потери материальных запасов.

4.1. Боеприпасов — взорвано и уничтожено 1766 вагонов⁵⁴³.

4.2. Горючего — хранилось (тонн): авиационного — 22717, танкового — 1655, автомобильного — 223, дизельного топлива — 1013, смазочных материалов — 2038⁵⁴⁴.

4.3. Вещевое имущество: хранилось в среднем 370 тысяч основных комплектов. Потери — 100 %⁵⁴⁵.

Виноградов, конечно, весьма хитро написал. Например, «взорвано и уничтожено», а просто оставили врагу сколько? Или в отношении горючего: сколько хранилось, столько же и потеряли, а как потеряли, сколько оставили врагу без малейшей попытки уничтожения — ни звука. То же самое и в отношении вещевого имущества: как произошли потери — ни звука.

На самом же деле потери материальных запасов были фантастически гигантскими. Только за первую неделю боев (с 22 по 29 июня) на Западном фронте было потеряно 10 артиллерийских складов, что составило свыше 25 тысяч вагонов боеприпасов (30 % всех запасов). Кроме того, 25 складов и баз, где хранилось более 50 тыс. т (50 %) горючего, 14 складов с почти 40 тыс. т (50 %) продовольствия и большое количество других материальных ресурсов⁵⁴⁶.

И когда эти данные стали известны, то их совокупность в сочетании с фактом умопомрачительно молниеносного разгрома фронта, оккупации немцами практически всей Белоруссии и захватом Минска как раз и поставила ребром вопрос о том, как могло произойти такое в столь кратчайшие сроки. Соответственно встал и вопрос о персональной ответственности за это.

В чем тут можно усмотреть якобы злокозненную игру Сталина по реализации плана поиска «стрелочника»? И где тут может быть клевета Мехлиса, якобы жертвой которой пало «доблестное» командование ЗапОВО-ЗФ?! С ума-то сходять не надо! Любой на месте Сталина стал бы выяснять, как могло такое произойти и кто виноват в этом. Масштаб-то катастрофы, повторяю, был чудовищный, а с учетом стратегических последствий — ведь в результате супостатам была открыта дорога на Москву, — и вовсе астрономически чудовищный. Судьба не только государства, но и страны в целом именно из-за этого повисла на волоске вплоть до славного контрнаступления под Москвой. Так что не надо злобного, но пустого ляля ни в отношении Сталина, ни в отношении Мехлиса.

Исходя из этих данных, в начале июля Сталин уже жестко приказал исполнить его указание арестовать Павлова, а также

⁵⁴¹ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 340.

⁵⁴² Там же.

⁵⁴³ Там же. Л. 152.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ ЦА МО РФ Ф. 208. Оп. 14703. Д. 1. Л. 36. ЦА МО РФ Ф. 208. Оп. 2454. Д. 27. Л. 152. Цит. по: *Пастуховский Г.П.* Развертывание оперативного тыла в начальный период войны // ВИЖ. 1988, №6, с. 18—25.

разобраться в причинах катастрофы Западного фронта. Для этого 3 июля на Западный фронт и был направлен Мехлис. И с тех пор по настоящее время упрямо считается, что именно он, начальник ГЛАВПУРА Лев Захарович Мехлис, сыграл самую негативную роль в трагической судьбе Павлова и других высших командиров ЗапОВО-ЗФ.

Пояснение. В связи с появлением фигуры Мехлиса в нашем разведывательно-историческом расследовании не могу не обратить внимание на следующее. До каких же пор при анализе тех трагических событий начального периода войны подавляющее большинство исследователей будет исходить из скрытого антисемитизма и юдофобии маршалов и генералов военной поры?! Чуть что негативное накануне и во время войны, так это обязательно якобы чертов Мехлис виноват?! Господа или товарищи — кому как удобнее — ну сколько же можно промышлять антисемитизмом и юдофобией?! Что это дает для выяснения истины? Ведь сами же знаете, что ничего, кроме того, что запутывается дорога к истине. Разве не известно, что назначение в последний предвоенный день Мехлиса начальником ГУПП при сохранении за ним должности народного комиссара государственного контроля и последовавший затем возврат института комиссаров в армию были как вынужденной мерой, так и, мягко выражаясь неоднозначно воспринятой в военной среде.

По отношению к Мехлису давно уже царит как минимум абсолютная несправедливость, а в отечественной историографии о войне — и вовсе абсолютная неприязнь. Кто только и как только не шпынует его?! Да одно то, что повсеместно не только царят, но и по-прежнему с маниакальным упорством насаждаются абсолютная неприязнь и ненависть к Мехлису, уже должно настораживать. Потому что принципиально подобные явления всеобщего умопомрачения или ненависти к одной конкретной персоне может означать лишь одно. За всем этим скрывается умело направляемое из-за кулис, якобы всеобщее, но отнюдь не праведное стремление слепить из одного, действительно неоднозначного человека виновника едва ли не всех трагедий, происшедших во время войны. Или, по крайней мере, виновника большинства из них, особенно тех, которые связаны с командными кадрами.

Будучи в здравом уме, никто и не будет отрицать, что Лев Захарович Мехлис действительно был весьма не простой человек. Был резок, порой даже очень, зачастую прямолинеен — как

разметки на плацу — в оценках и требованиях. Мягко выражаясь, дипломатничать не только не любил, но и, судя по всему, даже не помышлял об этом. Был жестким, в том числе и на грани жестокости, а иногда, в годы войны, и переваливал за эту грань, если, конечно, того требовала обстановка. И в то же время был принципиальным, храбрым, действительно обладал несгибаемой волей, твердым характером и фантастической работоспособностью. К сожалению, не имел военного образования на уровне академии. Не обладал ярко выраженными полководческими талантами, наподобие великого Рокоссовского, которого, к слову сказать, очень высоко ценил и незадолго до ставшей ему уже очевидной весной 1942 г. катастрофы Крымского фронта просил Сталина назначить его командующим, дабы спасти фронт. Увы, из-за тяжелого ранения Рокоссовский тогда находился в госпитале.

В то же время нельзя забывать, что в период Гражданской войны Мехлис приобрел уникальный опыт по формированию соединений и командованию в наступательных и оборонительных боях с исключительно сильным противником — считавшимся наиболее талантливым генералом Белой армии генерал-лейтенантом Я.А. Слащевым. Конечно, опыт Гражданской войны это одно, а Великая Отечественная война — совершенно другое. Тем не менее назвать Мехлиса полным дубом в военных делах ни язык, ни рука не поворачиваются. Понимал и даже очень неплохо понимал Лев Захарович, что такое война, в том числе и современная на тот момент война. Но полководцем, тем не менее не был. Да он и не претендовал на это звание.

Ко всему прочему Мехлис никогда не стеснялся в лоб говорить, в том числе и письменно, самую нелицеприятную правду. Особенно о грубых ошибках (кстати, и своих тоже) командования, с которым ему довелось служить, нередко преступных его просчетах, головотяпстве, разгильдяйстве и халатности, пренебрежительном отношении командования к простым солдатам и офицерам, трусости на грани измены и предательства, а нередко и за этой гранью, и т.д. Предпочитавший все это скрывать командный состав РККА в абсолютном своем большинстве яростно ненавидел Л.З. Мехлиса. Что и неудивительно.

Мехлис прекрасно владел различными приемами пропаганды, характерными для его времени. Обладал развитой человеческой и политической интуицией на подлость, трусость, халатность и прочие недостатки, на которые вдоволь нагляделся еще в бытность народным комиссаром государственного контроля. За что его, к слову сказать, изрядно ненавидели еще до войны. Причем военные больше всего. И не только из-за 1937 г. Дело в том, что, как народный комиссар государственного контроля, он лично,

никому не передоверяя, курировал двух главных контролеров своего ведомства, объектами пристального внимания которых были как раз наркоматы обороны и военно-морского флота.

Мехлис был образован и эрудирован. Говорил всегда с пафосом, но, надо отдать ему должное, искренне. Он всегда искренне верил в то, о чем говорил. Сколько бы критических стрел в его адрес ни пускали, но Лев Захарович умел быстро ухватить конец «нити Ариадны» и быстро разматывал даже самый сложный клубок острейших проблем. Конечно, не обходилось без свойственной ему манеры видеть все либо в белом, либо в черном цвете, но факт остается фактом — он быстро улавливал, в чем суть проблемы, решать которую его послали. Кстати говоря, когда понимал, что был неправ, то никогда не стеснялся признать это. В том числе и перед подчиненными (однажды такое признание он сделал генералу Горбатову).

Нельзя не признать и того, что не будь он евреем, а упрямым русским мужиком, то, вполне возможно, ему многое простили бы. В крайнем случае просто не вспоминали бы о нем. И уж, конечно, не стали бы многие из «храбрых и заслуженных генералов» вспоминать о Мехлисе с ужасом», навязывая другим едва ли не зоологическую ненависть к нему, прежде всего как к еврею. Однако, к сожалению, даже в послевоенных мемуарах едва скрываемые антисемитизм и юдофобию некоторой части нашего маршалитета и генералитета военной поры никуда не деть. Помимо всего этого, на свою беду, Мехлис был еще и главным комиссаром Красной Армии. А комиссаров, надо честно сказать, в армии не могли терпеть. Примерно за год до войны, полагая, что после осуществленной чистки новому поколению генералов можно доверять, Сталин в очередной раз ликвидировал институт комиссаров, введенный еще после разгрома заговора Тухачевского. Однако уже в июле 1941 года, видя, что нагло творят генералы, как они губят армию и страну, Сталин вынужден был восстановить этот институт, потому как в тот период за командованием действительно остро нужен был двойной пригляд. И одной военной контрразведки было мало. Это суровая правда начального периода войны, которую надо априори признать.

Все это к тому, что, не стремясь сделать из Льва Захаровича некое подобие херувима или ангелочка с крылышками, не могу в то же время согласиться, что на него незаслуженно вешают всех «собак», в том числе и за трагедию командования Западного фронта. В своей трагедии командование этого округа-фронта само было виновато. Все изложенное в настоящем пояснении — не более чем общий фон, который необходимо знать, прежде чем приступим к попытке понимания, что к чему в истории с арестом и осуждением командования 3Ф.

Отдавая себе отчет о целях миссии Мехлиса на Западном фронте, и, по сути дела, упреждая его действия, Тимошенко отправил для ареста Павлова и других находившегося на Западном фронте начальника 5-го отдела ГРУ полковника Хаджи У. Мамсурова⁵⁴⁷. То есть вторично получается, что Тимошенко хотел хоть как-то обезопасить Павлова. Чем была вызвана такая «нежная забота» об обос...ся под завязку командующем фронтом?!

Согласно послевоенным утверждениям уже генерала Х. У. Мамсурова, он действительно произвел арест Павлова и других высших командиров 3Ф, которые именно ему и сдали свое оружие. Может, оно и было так. Только если так и было, то лишь на некоторое время. Далее Тимошенко, понимая, что этим дело не кончится, опять предпринял меры по аресту Павлова своими силами, направив для этого уже сотрудников подчинявшегося ему 3-го Управления НКО. Правда, есть и такие данные. Став по приказу из Москвы Главнокомандующим западным направлением, Тимошенко попытался сделать Павлова своим заместителем по автобронетанковым войскам. Чего он так заботился о нем?!

Однако, как бы там ни было, но Мехлис обошел его. Ранним утром 4 июля он позвонил начальнику Могилевского управления НКВД БССР Д.С. Гусеву (в послевоенное время полковник госбезопасности, начальник Гомельского УКГБ БССР) и приказал перехватить направлявшегося из Могилева в Гомель Павлова и произвести его арест. Однако и направленные Тимошенко сотрудники тоже не дремали. Они своевременно прибыли в промежуточный на этом маршруте Павлова городок Довск. Фактически окончательный арест Павлова был произведен совместно Гусевым и сотрудниками 3-го Управления НКО. Павлов был заведен, по одним данным, в местное почтовое отделение, по другим, в зда-

⁵⁴⁷ См. Болтунов М. Командарма арестовал офицер ГРУ // Независимое военное обозрение, 2003.5. XII.

ние местной ж.-д. станции, где ему и был предъявлен ордер на арест⁵⁴⁸.

И, наконец, вот еще о чем. Как уже указывалось выше, сразу после ареста Павлов наотрез отказывался давать какие-либо показания и отвечать на вопросы следователей 3-го Управления НКО СССР, заявляя, что «допрос возможен только в присутствии наркома обороны или начальника Генерального штаба». И даже когда об этом стало известно Мехлису и он пришел на первый допрос Павлова, последний вновь заявил: «Я опять повторяю, на вопросы буду отвечать только в присутствии наркома обороны или начальника Генерального штаба». А это как объяснить?! Что, Павлов всерьез надеялся на защиту со стороны Тимошенко или Жукова?! Почему?

6 июля 1941 г. Мехлис направил Сталину телеграмму следующего содержания: «Москва, Кремль, Сталину. Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение. Военный совет решил:

1) Арестовать бывшего начальника штаба фронта Климовских, бывшего заместителя командующего ВВС фронта Таюрского и начальника артиллерии Клич.

2) Предать суду военного трибунала командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42-й сд Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

3) Нами арестованы — начальник связи фронта Григорьев, начальник топографического отдела фронта Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования фронта Кирсанов, инспектор боевой подготовки штаба ВВС Юров и начвоенторга Шейнкин.

4) Предаются суду помначотделения АБТУ Беркович, командир 8-го дисципли-

нарного батальона Дыкман и его заместитель Крол, начальник минского окружного сансклада Белявский, начальник окружной военветлаборатории Овчинников, командир дивизиона артополка Сбиранник. Тимошенко. Мехлис. Пономаренко. 6.7.41 г.»⁵⁴⁹ Как видите, реакция Мехлиса четко совпадает с данными о результатах разгрома фронта и потери им гигантских материальных ресурсов.

В тот же день они получили ответ от Сталина: «Тимошенко, Мехлису, Пономаренко. Государственный Комитет Обороны одобряет Ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Таюрского и других и приветствует эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта. № 7387. 6 июля 41 г. И. Сталин»⁵⁵⁰. Ну, а 7 июля начались допросы арестованных.

Зная все изложенное выше, можно теперь приступить к следующему этапу нашего расследования, отталкиваясь на этот раз от формулировки обвинительного заключения по объединенному делу Павлова и других высших командиров Западного фронта. Объединение следственных дел по обвинению Павлова, Климовских, Григорьева и Коробкова в единое производство было осуществлено 21 июля 1941 г. уже сотрудниками Управления особых отделов НКВД СССР. Как уже указывалось выше, 17 июля 1941 г. по постановлению ГКО произошло воссоединение НКВД СССР и НКГБ СССР в единый НКВД СССР. Во главе объединенного наркомата стал Л.П. Берия. Документ гласил:

⁵⁴⁹Отдел хранения документов Генерального штаба. Оп. 1554. Д. 90. Л. 301—303. Пономаренко — 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Цит. по: *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997, с. 287—288; *Рубцов Ю.* Мехлис. Тень вождя. М., 2007, с. 296—297.

⁵⁵⁰Отдел хранения документов Генерального штаба. Оп. 1554. Д. 89. Л. 79. Цит. по: *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997, с. 287—288, а также Рубцов Ю. Мехлис. Тень вождя. М., 2007, с. 296—297.

³⁴⁸ Примерная реконструкция процесса ареста Павлова осуществлена по материалам: *Рубцов Ю.* Мехлис. Тень вождя. М., 2007; *Сыромятников Б.* Трагедия СМЕРШа. Откровения офицера-контрразведчика. М., 2009.

«Постановление
следчасти Управления особых от-
делов НКВД СССР об объединении
следственных дел по обвинению Пав-
лова Д.Г., Климовских В. Е., Григорье-
ва А.Т. и Коробкова А. А. в одно след-
ственное дело
21 июля 1941 г.
“Утверждаю”
Зам. Нач. Управления Особого отдела
НКВД СССР
майор госбезопасности Осетров
21 июля 1941 г.

Постановление
Гор. Москва, июля 21 дня, я, старший
следователь Управления особых отделов
НКВД СССР, лейтенант госбезопасности
Морозов, рассмотрев следственные дела
по обвинению Павлова Дмитрия Григо-
рьевича, Климовских Владимира Ефимо-
вича, Григорьева Андрея Терентьевича и
Коробкова Андрея Александровича,
Нашел:

Обвиняемые Павлов, Климовских, Гри-
горьев и Коробков арестованы за проведе-
ние предательской деятельности на фронте.

В связи с тем, что преступления, со-
вершенные вышеуказанными лицами
проводились совместно,

Постановил:

Следственные дела по обвинению
Павлова Д. Г., Климовских В. Е., Григо-
рьева А. Г., и Коробкова А.А. объединить
в одно следственное дело, присвоив ему
№ 193.

Ст. следователь Управления особых
отделов НКВД СССР

лейтенант госбезопасности Морозов
“Согласен”

Зам. начальника следственной части
Управления особых отделов НКВД СССР
старший батальонный комиссар
Павловский»⁵⁵¹.

⁵⁵¹ Документ цит. по: Органы государствен-
ной безопасности СССР в Великой Отечествен-
ной войне. Т. 2. Кн. I. М., 2000, с. 377—378 со
ссылкой на ЦА ФСБ РФ.

В то же день, 21 июля 1941 г., было
составлено обвинительное заключение по
объединенному делу, которое гласило:

«Обвинительное заключение по
делу Павлова Д. Г.,
Климовских В. Е., Григорьева А.Т. и
Коробкова А. А.

21 июля 1941 г.
“Утверждаю”
Зам. наркома внутренних дел СССР
начальник Управления особых отде-
лов
комиссар госбезопасности 3 ранга
Абакумов
21 июля 1941 г.

Обвинительное заключение

По следственному делу № 193 по об-
винению Павлова Дмитрия Григорьевича,
Климовских Владимира Ефимовича в со-
вершении преступлений, предусмотрен-
ных статьями 58—16 и 58—11 УК РСФСР;
Григорьева Андрея Терентьевича и Короб-
кова Александра Андреевича, предусмо-
тренных ст. 193, п. 17 «б», УК РСФСР.
Управлением особых отделов НКВД
СССР на основании поступивших мате-
риалов были арестованы командующий
Западным фронтом Павлов, начальник
штаба Западного фронта Климовских, на-
чальник связи штаба того же фронта Гри-
горьев и командующий 4-й армией этого
же фронта Коробков.

Произведенным расследованием уста-
новлено, что в результате предательства
интересов Родины, развала управления
войсками и сдачи оружия противнику без
боя была создана возможность прорыва
фронта противником.

Арестованный Павлов, являясь участ-
ником антисоветского военного заговора
еще в 1936 г., находясь в Испании, преда-
вал интересы республиканцев. Командуя
Западным Особым военным округом, без-
действовал.

Павлов признал себя виновным в
том, что в заговорщических целях не

готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабляя мобилизационную готовность войск округа, и из жажды мести за разгром заговора открыл фронт врагу. Как участник заговора Павлов уличается показаниями Урицкого, Берзина, Белова, Рожина и Мерцкова.

Климовских осужденными заговорщиками Симоновым и Батениным изобличается как их соучастник. Будучи привлечен в качестве обвиняемого, Климовских признал себя виновным в преступном бездействии и в том, что не принял должных мер как начальник штаба фронта для организации отпора врагу. В совершенных преступлениях изобличается показаниями Павлова и Григорьева.

Григорьев признал себя виновным в том, что он, являясь начальником связи штаба фронта, не организовал работу связи, в результате чего было нарушено управление войсками и нормальное взаимодействие частей, действующих на фронте, показав об известных ему фактах преступных действий Павлова и Климовских.

Коробков, являясь командующим 4-й армией, в первые же часы боя потерял управление войсками, допустил паникерство, трусость. Привлеченный в качестве обвиняемого, признал себя виновным в том, что как командующий не принял необходимых мер к наведению должного порядка и соблюдению дисциплины.

На основании изложенного:

Павлов Дмитрий Григорьевич, 1897 года рождения, уроженец Горьковской области, из крестьян, русский, до ареста командующий Западным фронтом, генерал армии, член ВКП(б).

Климовских Владимир Ефимович, 1895 года рождения, уроженец г. Витебска, из служащих, русский, в прошлом офицер царской армии, до ареста начальник штаба Западного фронта, генерал-майор, член ВКП(б), обвиняются в том, что, являясь участниками антисоветского военного заговора, предали интересы

Родины, нарушили присягу и нанесли ущерб боевой мощи Красной Армии, то есть в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58—16, 58—11 УК РСФСР.

Григорьев Андрей Терентьевич, 1889 года рождения, уроженец г. Москвы, русский, гр-н СССР, до ареста начальник связи штаба Западного фронта, генерал-майор, член ВКП(б), обвиняется в том, что преступно бездействовал, не организовал работу связи фронта, в результате чего было нарушено управление войсками и взаимодействие частей, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст 193—176 УК РСФСР.

Коробков Александр Андреевич, 1897 года рождения, уроженец Саратовской области, из крестьян, русский, бывший офицер царской армии, до ареста командующий 4-й армией, генерал-майор, член ВКП(б), обвиняется в том, что преступно бездействовал, в результате чего вверенные ему силы понесли большие потери и были дезорганизованы, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст 193—176 УК РСФСР.

В силу ст. 208 УПК РСФСР настоящее следственное дело подлежит направлению через Главного Военного Прокурора Красной Армии на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Обвинительное заключение составлено 21 июля 1941 г. в г. Москве.

Замначальника с/ч Управления особых отделов НКВД СССР

ст. батальонный комиссар Павловский
“Согласен”

Зам. начальника Управления особых отделов НКВД СССР

майор госбезопасности Осетров

Справка. Арестованные Павлов Д. Г., Климовских В. Е., Григорьев А. Т. и Коробков А. А. содержатся под стражей во внутренней тюрьме. Вещественных доказательств по делу нет

Замначальника с/ч Управления особых отделов НКВД СССР

ст. батальонный комиссар Павловский»⁵⁵².

Итак, Павлов был признан виновным в том, что в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабляя мобилизационную готовность войск округа. Климовских — как активный участник антисоветского военного заговора — виновным в преступном бездействии и в том, что не принял должных мер как начальник штаба фронта для организации отпора врагу. Григорьев — виновным в том, что преступно бездействовал, не организовал работу связи фронта, в результате чего было нарушено управление войсками и взаимодействие частей. Коробков — виновным в том, что преступно бездействовал, в результате чего вверенные ему силы понесли большие потери и были дезорганизованы. На основании всего этого следствием был сделан вывод о том, что они предали интересы Родины, нарушили присягу и нанесли ущерб боевой мощи Красной Армии.

На данном этапе заговорщические цели временно не будем анализировать. И отнюдь не потому, что их не было. А только в связи с тем, что в то время и сам Сталин не стал официально заниматься этим вопросом, но предпочел втайне инициировать детальное расследование причин катастрофы прежде всего как сбор и систематизацию фактов, а проблеме выводов оставил на потом. Сталин не пошел по пути глубокого официального расследования сразу не потому, что счел это ерундой, как ныне пытаются утверждать. К слову сказать, версия о том, что-де Сталин приказал снять обвинения в заговоре, так как расценил это как ерунду, пришла в отечественную историографию из-за бугра. По утверждению известного зарубежного исследователя жизни Сталина Алана Брука, получив на одобрение

приговор в отношении Павлова и других, Иосиф Виссарионович якобы произнес: «Я одобряю приговор, но скажи Ульриху, пускай он выбросит весь этот хлам о “заговоре”. Никаких апелляций. Потом сообщите обо всем фронтам»⁵⁵³.

Резонно полюбопытствовать, откуда А. Брук мог узнать такое, если даже в его описании разговор между Сталиным и Поскребышевым происходил тет-а-тет, а Поскребышев умел молчать как никто другой, иначе не задержался бы надолго в секретарях Сталина. Да и мемуаров не оставил. Так что версия А. Брука как минимум неубедительна, если не сказать покрепче. Но тем не менее нельзя не обратить внимание и на то, что в Постановлении Государственного Комитета Обороны № ГКО-169сс (№ 00381) от 16 июля 1941 г. об аресте и предании суду военного трибунала Павлова, Климовских и других, нет упоминания об антисоветском заговоре. Как, впрочем, нельзя не заметить и следующего. Если постановление на арест Павлова целиком и полностью построено на ранее, в 1937—1938 гг., полученных данных о его участии в антисоветском военном заговоре с перечислением этих данных, то в обвинительном заключении эта версия уже сильно приглушена. И дело тут действительно явно не в мифическом указании Сталина и уж тем более не в том, что он не считал это серьезным делом. Просто расследование дела об антисоветском военном заговоре потребовало бы крупномасштабных усилий военной контрразведки, а, быть может, и всей системы органов государственной безопасности и внутренних дел. Причем с жестким, а зачастую и очень жестким перетряхиванием всего командного состава РККА. Ведь компрометирующие материалы на подавляющее большинство командного состава РККА были удручающе обширны. Одних только генералов в

⁵⁵² Документ цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. I. М., 2000, с. 378—380, со ссылкой на ЦА ФСБ РФ.

⁵⁵³ Брук Алан. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Смоленск, 1994, Т. 2, с. 365.

то время было около тысячи человек. Устраивать же подобное перетряхивание в условиях непрерывно развертывавшейся по законам геометрической прогрессии трагедии 22 июня было крайне рискованно. Потому что создало бы чрезвычайно взрывоопасную обстановку в действующей армии и в конечном итоге привело бы к ее безальтернативному развалу, а в результате к гибели не только государства, но и страны. В сражающихся войсках и так во всю глотку и на всех уровнях кричали о предательстве не только высшего, но и просто вышестоящего командования, о чем в массовом порядке свидетельствуют донесения особых отделов с фронтов. Такие сообщения уже были приведены в отношении Северо-Западного фронта. Аналогичные же документы чуть позже будут приведены и в отношении Западного и Юго-Западного фронтов. И если в той ситуации Сталин приказал бы по максимуму расследовать дело Павлова и его поделщиков в ракурсе имевшей все серьезные основания версии о заговоре, то армии наступил бы конец. Потому что поднялся бы «девятый вал» доносов генералов друг на друга. Они и так сильно отличились этим еще в 1937—1938 гг. Да еще и нижестоящие командирские на арест, целиком и полностью ба- в ряде случаев не без удовольствия внесли бы свою лепту. И это цунами как доносов, так и объективных информации наряду с необходимыми при расследовании дел о заговоре жесткими мерами военной контрразведки действительно вдребезги разнесло бы армию и в целом вооруженные силы страны. А надо было сражаться с лю-ным врагом, защищать Родину. И вот здесь уместно было бы вспомнить об одной из отличительных черт Сталина в вопросах управления — вне зависимости от того, какой конкретно сферы это касалось. Он нередко проявлял хорошо завуалированное стремление — насколько это было возможно — дать любому провинившемуся, даже нередко тяжко провинившемуся, шанс на исправление и искупление своей вины. Естественно, если у Сталина, как и органов госбезопасности, не было точных данных о преступном умысле этих лиц. Нередко самому провинившемуся ничего вслух не говорили. Просто давали шанс или исправить допущенную им ошибку, повлекшую тяжелые последствия, или же искупить свою вину. Если человек добивался успешного решения незримо поставленной перед ним задачи, а фактически искупал свою вину, то Сталин продолжал ему доверять и это доверие расширялось. Если нет, тогда безжалостно снимали с постов, понижали в звании, а если к тому же выявлялись и были точно доказаны преступные умысел и действия, то отдавали под суд, нередко даже с суровым приговором. А просто сурово покарать очевидных предателей и изменников, чьи преступления были доказаны, и даже поставить их к расстрельной стенке по обоснованному приговору законного суда можно было и по другой статье Уголовного кодекса. Что в конечном итоге и произошло с Павловым и его поделщиками.

Однако во всей этой истории есть еще один нюанс. Обратите внимание на то, что Павлов был арестован 4 июля. Но уже 6 июля было готово постановление на показаниях осужденных в 1937—1938 гг. Так вот и спрашивается, каким это образом следователи столь быстро обработали многотомные дела осужденных в 1937—1938 гг., выудили оттуда касающиеся Павлова показания и написали такое постановление?! Увы, но придется напомнить о том, что было указано еще в первом томе. Как отмечал в своей посмертной книге «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год» П.А. Судоплатов, перед войной военная контрразведка весьма активно занималась перепроверкой всех накопившихся материалов о военном заговоре 1937—1938 гг. В связи с этим военная контрразведка часто запрашивала информацию даже у разведки.

Еще раз придется указать, что с формальной точки зрения подобные меры в преддверии неминуемой войны — увы, но один из важнейших, пожалуй, даже и один из ключевых элементов подготовки к отражению агрессии. Являющаяся одним из решающих ключевых компонентов оборонной мощи государства, политическая и боевая стойкость командного состава вооруженных сил не может, не должна, особенно накануне войны, вызывать даже мизерную их толику сомнений. Было у этой проверки и соответствующее политическое обоснование. Решения о таких проверках ранее принимались на высшем уровне, то есть на уровне Политбюро ЦК ВКП(б), и происходило это далеко не единожды. Достаточно сказать, что уже в 1926 г. было разработано «Положение о подготовительном к войне периоде», а 15 марта 1930 г. и 15 мая 1935 г. были приняты секретные постановления Политбюро о борьбе с «врагами народа» (включая и их ликвидацию) именно в связи с неизбежностью войны. Кстати, подобные же меры принимались еще в царской России. Обращаю особое внимание на то, что с формальной точки зрения в затеянной накануне войны проверке командного состава вроде бы ничего подозрительного нет. Но это только на первый взгляд. В действительности же дело обстояло диаметрально противоположным образом.

Во-первых, как уже неоднократно отмечалось выше, особые отделы с начала февраля 1941 г. оказались в подчинении НКО СССР.

Во-вторых, по воспоминаниям Судоплатова, ссылавшегося на мнение своего друга, начальника военной контрразведки СССР перед войной — начальника 3-го Управления НКО А. Михеева (погиб в Киевском «котле» в сентябре 1941 г.) уж очень удручающей была картина компромата в отношении большей части командного состава РККА.

Спрашивается, зачем руководству НКО СССР, то есть маршалу Тимошенко и генералу армии Жукову, понадоби-

лось устраивать очередную глобальную проверку командного состава?! Проще говоря, зачем понадобилось глобально «ворошить грязное белье» именно в угрожаемый период? Тем более что не было секретом то обстоятельство, что многие из подследственных в те годы оговорили большое количество ни в чем не повинных людей. Что, у Тимошенко и Жукова было других забот, вытекавших из прямых служебных обязанностей?! Более того. Еще в самом конце 1938 г., то есть после того как Лаврентий Павлович Берия официально возглавил НКВД СССР, Сталиным и Берия был инициирован широкомасштабный процесс реабилитации незаконно репрессированных в период «ежовщины» советских граждан с одновременным их освобождением. Естественно, что этот процесс затронул и военных. В результате чего к началу войны в кадры РККА было возвращено около 15 тыс. человек из числа командного состава. Эта гуманная инициатива вызвала резкое раздражение у некоторых высокопоставленных должностных лиц СССР. Так, в 1939—1940 гг. Генеральный прокурор СССР М. Панкратьев дважды строчил доносы на Л.П. Берия, обвиняя его в умышленном прекращении дел на «врагов народа»! Однако дважды высокая партийно-государственная комиссия проверяла и деятельность самого Берия и возглавляемого им НКВД по реабилитации незаконно репрессированных и дважды же подтвердила полную законность и обоснованность этой реабилитации. М. Панкратьев, естественно, вылетел со своего поста. То есть курс государства на соблюдение законности был дважды подтвержден на самом высшем уровне. Не говоря уже о том, что в том числе и в отношении военных были приняты соответствующие меры, исключаяющие возможность массового повторения того, что натворил мерзавец Ежов и его костоломы.

И вот в такой, казалось бы, уже хотя бы относительно умиротворенной си-

туации, когда не только особые отделы переданы в распоряжение НКО, но и даже ликвидирован институт комиссаров, руководство НКО, едва заполучив в свои руки военную контрразведку, затевает широкомасштабную проверку в немалой степени липового компромата на комсостав РККА, хотя был, увы, и также в немалом количестве, и реальный. Зачем? А не затем ли, что эта проверка привела бы к очередному витку репрессий в отношении высшего командного состава и породила очередную волну нервозности среди командного состава накануне неминуемой войны?! А от недовольства командного состава очередной волной репрессий один шаг и до широкомасштабного заговора с целью свержения центральной власти в ситуации войны, на начало которой и так готовилось поражение. В результате буквально накануне войны произошли не столько аресты ряда представителей высшего командного состава — это и так понятно, — сколько резкие смены в высшем командном звене различных родов войск, в частности в ВВС, артиллерии и других. Причем на этот раз по инициативе руководства НКО — ведь НКВД СССР и НКГБ СССР тут были ни при чем. Военная контрразведка-то находилась в подчинении НКО. Естественно, что это не могло способствовать усилению боеготовности войск, и без того находившихся в нервном состоянии перманентных реформ и реорганизаций, носивших в основном далеко не самый умный характер. Конечно, нет смысла отрицать и того, что кое-кто из этих арестованных накануне войны действительно был виновен. Что, увы, самым кровавым образом и подтвердила трагедия 22 июня 1941 г. Об этом будет сказано отдельно, ибо это имеет особое отношение к трагедии ЗапОВО-ЗФ. Но ведь не тотальную проверку компромата надо было осуществлять, а точечную, и уж тем более не придавать ей характер очередной кампании по разоблачению «врагов народа».

И вот что туг привлекает особое внимание. Владение компроматом на генерали-тет — ведь результаты своей деятельности по проверке 3-е Управление НКО обязано было докладывать руководству НКО — очень могучее оружие, способное заставить даже генералов плясать гопака на мотив «Интернационала». Проще говоря, где и в чем гарантия того, что разворошенный компромат не использовался в каких-то иных, далеких от забот об обороне страны целях? То есть для того, чтобы заставить ряд командиров высшего звена выполнять именно те распоряжения, которые откровенно вели к разгрому войск РККА в приграничных сражениях. Более того. Где гарантия того, что разворошенный компромат на генералов, которых подобным образом заставили выполнять подобные же распоряжения, не был использован для создания алиби для подлинных организаторов поражения войск РККА? На такую мысль наталкивает то обстоятельство, что на некоторых генералов компрометирующие их справки по линии 3-го Управления были заготовлены загодя. И как только картина поражения на тех участках, которыми командовали потенциальные жертвы, стала вырисовываться и тем более становиться очевидной, эти справки стали использоваться. Так, на командующего КОВО, а с 22 июня — Юго-Западным фронтом генерала Кирпоноса справочка была готова заранее и уже 16 июля 1941 г. она пошла в ход, когда стала вырисовываться неминуемая катастрофа Юго-Западного фронта⁵⁵⁴. Компромат на этого генерала в целом был объективный. А то, что он натворил — так и вовсе, кроме как по 58-й статье, не охарактеризовать. Читатели в этом сами убедятся, когда дойдем до анализа ситуации в КОВО. Однако теперь выходит, что и на Павлова все было заранее готово, иначе откуда такая «скорость» следователей в составлении постановления на арест, которое целиком и полностью основывалось

⁵⁵⁴ Военно-исторический журнал. 1994, № 2, с. 7—8.

на показаниях осужденных еще в 1937—1938 гг.

Все это, конечно, вовсе не означает, что заговора с целью организации поражения, а на его фоне и государственного переворота в стране не было. В ходе дальнейшего расследования на фактах и документах будет показано, что заговор в целях организации поражения, и в первую очередь на Западном фронте, далеко не фантазия. Ведь и сам Сталин оставил выяснение этого вопроса на более спокойные времена, хотя тщательное расследование тайне инициировал еще в начале войны и продолжал его вплоть до того, как был убит. Те самые пять вопросов, которые он поставил перед генералами, как раз и свидетельствуют о том, что он более чем обоснованно подозревал заговор с целью организации поражения с последующим государственным переворотом. Только одно то, с каким маниакальным, достойным лучшего применения упорством маршалы и генералы военной поры отчаянно, буквально иступленно валили до конца своих дней всю вину за трагедию начального периода войны на Сталина, уже не может не навести на печальные мысли. Мысли о том, что они рьяно скрывали то, что сами натворили. А натворить они могли только одно — подставить наши войска под разгром. Ведь все их несправедливые «критические стрелы» в адрес Сталина, подчеркиваю, на 90 % сконцентрированы именно на начальном периоде войны. А это случайностью быть не может. Спрашивается, например, какого хрена маршал И.С. Конев в своих мемуарах все без исключения наши неудачи в начале войны свалил на Сталина, выставляя на показ свои личные полководческие успехи?! Он что, забыл, что Сталин дважды хотел отдать его под военно-полевой суд?! И ведь было ^се за что его отдать под суд! Увы, Сталин был какой-то неисправимый гуманист и весьма отходчив в своем гневе. Отдал бы тогда его под суд — быть может, одним подлым критиканом было бы меньше.

Возьмите Жукова. Этот и вовсе такое понавешал на Сталина за начальный период войны, что только и остается, что диву даваться... насколько же туп был маршал, что на каждом шагу сам себя же и сек, как та самая знаменитая унтер-офицерская вдова. А бесчисленная рать всевозможных «толкователей» его постоянно изменяемых с того света на протяжении более сорока лет «воспоминаний и размышлений» растиражировала его глупости на весь мир. И все развешивают уши по ближайшим плетням, внимая этим лживым глупостям. Как будто больше делать нечего?!

Возьмите Еременко. Этот вообще с такой подлой наглостью навешал на Сталина «всех собак», что в результате выдал суть того, что генералы сообща натворили, устроив невиданную в Истории России трагедию: «Это он не позволил привести войска в боевую готовность, это он не обеспечил армию современным оружием, это он не принял стратегическое решение на случай войны, не определил группировку войск в приграничных округах, не дал указаний о подготовке к активной обороне, недооценил вероломство Германии»⁵⁵⁵. А затем Еременко еще добавил, что-де «некоторые погрешности стратегического порядка, допущенные в начальный период войны...» носили не принципиальный, а частный характер и не были связаны с основой нашей стратегии»⁵⁵⁶. Ай да маршал, ай да ... «сын известной матери»! Ну ведь это же надо было так все выдать! Уж лучше бы помалкивал, а еще лучше с такой же фанатичностью и упорством разгромил бы «подлеца Гудериана», перед которым обос...ся под завязку, после чего Сталин всю войну сомневался в нем как в человеке, способном отвечать за свои слова⁵⁵⁷.

⁵⁵⁵ Цит. по: Червов Н.Ф. Провокации против России. М., 2003, с. 197.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Чуев Ф.И. Несписочный маршал. М., 1995, с. 27.

Приведя только что процитированные пассажи Еременко, генерал Н.Ф. Червов отметил: «Надо обладать редкостным феерическим воображением, чтобы оценивая так называемые “погрешности” в начале войны, не увидеть суровую правду того периода и сделать, на мой взгляд, весьма поверхностный вывод, который не дает ответ на причины катастрофы Красной Армии и страны в целом»⁵⁵⁸.

Жаль, что столь проникательный, обладающий мощным аналитическим умом генерал военной разведки Н.Ф. Червов столь мягко квалифицировал эти пассажи Еременко. Опустившегося до столь лживых измышлений подлеца надо бить канделябрами, пускай и фигурально выражаясь. Потому что Сталин сделал все то, якобы в неделании чего подлец Еременко посмел обвинить его. Подчеркиваю, все без исключений. Даже характер группировки наших войск в приграничных округах и то определил. Об этом уже говорилось. Так что Еременко не имел ни малейшего права поносить Сталина столь мерзкими словами.

Но раз уж маршал вякнул об этом, то хотя бы и в ретроспективе, но «воздадим» ему то, чего он воистину «заслужил». Все то, в чем он посмел несправедливо обвинить Иосифа Виссарионовича Сталина, есть суть того, что натворили сами некоторые генералы, реализуя подлый план подставы советских войск под неминуемый разгром и поражение, на фоне которого они намеревались устроить государственный переворот. А те «некоторые погрешности стратегического порядка», о которых он ничтожесумняшеся сболтнул, во-первых, не есть погрешности, тем более стратегического порядка. Маршалу вообще-то должно быть стыдно использовать такие выражения. Погрешности по определению не могут носить стратегический характер. Стратегический характер носят ошибки и просчеты, в том числе и тог-

да, когда их сознательно допускают. Что и сделала «киевская мафия», незаконно подменив официальный план отражения агрессии. А во-вторых, именно то обстоятельство, что сознательно допущенные даже не ошибки или просчеты, а именно же умышленные принципиальные искажения официального плана, и есть, собственно говоря, признание Еременко, пускай и эзоповым языком, того, что подло натворила «киевская мафия», преследуя антигосударственные цели.

Вспомните хотя бы заявление Сталина по направленной стенограмме на банкете по случаю Победы, когда он прямо в лицо заявил генералам: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—42 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог сказать: ну вас к черту, вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. *Это могло случиться, имейте в виду*»,

Далее. Неизвестно на каком основании уже несколько десятилетий все уверенно считают, что фигурантов этого дела, особенно же Павлова, жестоко избивали на допросах, потому они и оговорили себя. Эта версия попала даже в знаменитую книгу выдающегося советского писателя И.Ф. Стаднюка «Война», а потом перекечевала в снятый белорусскими кинематографистами в 90-х гг. одноименный фильм по этой книге. Да и вообще, это утверждение встречается едва ли не в каждой книге о начале войны. Между тем никаких реальных доказательств факту избиения нет. То обстоятельство, что одного из следователей по делу Павлова, полковника Комарова, еще при Хрущеве расстреляли в 1954 г. якобы за применение незаконных методов следствия, не

⁵⁵⁸ Червов Н.Ф. Провокации против России М., 2003, с. 197.

есть какое-либо доказательство того, что Павлова избивали. По приказу Хрущева Комарова расстреляли прежде всего как опасного свидетеля, и только. При Хрущеве со многими чекистами так поступили. А вот другого следователя, который вел расследование дела по обвинению командования ЗапОВО-ЗФ, Павловского, не тронули. Он, правда, был уже в отставке, на пенсии. Но при Хрущеве и пенсионеров из числа чекистов по соображениям садистской мести привлекали к уголовной ответственности и даже ставили к стенке. Естественно, что приписать Комарову могли что угодно, тем более что показания из таких подследственных тогда выбивали грубой физической силой, шантажом, угрозами насилия в адрес близких и т.д. Во времена недобитого вовремя троцкистского подонка-кукурузника такое творилось повсеместно. Могли что угодно «припаять» человеку, который честно служил своей Родине во времена Сталина. Ведь сколько чекистов, в том числе и высокопоставленных, прославленных, внесших неоценимый вклад в Победу над гитлеровской Германией и в обеспечение послевоенной безопасности СССР, «милостью» Хрущева оказалось за решеткой и даже расстреляно — и поныне неизвестно. Одна только трагедия расстрелянного по прямому приказу лично Хрущева легендарного начальника СМЕРШа В.С. Абакумова чего стоит. Выдающийся ас советской разведки, руководитель легендарного 4-го Управления НКВД СССР в годы войны, разведчик, который внес огромный вклад в Победу, а затем и в создание ядерного щита безопасности нашей Родины, П.А. Судоплатов от звонка до звонка отсидел 15-летний срок. Такой срок ему ни за что «впаяли» во времена Хрущева. Его ближайший друг и такой же легендарный советский разведчик, пользовавшийся особым доверием Сталина, выполнявший за рубежом чрезвычайно важные, особо секретные задания, в том числе и лично Сталина, о большинстве

которых до сих пор молчат архивы, Наум Эйтингон ни за что отсидел 12 лет. Как говорится, и так далее...

Поэтому верить голословным утверждениям о якобы имевших место избиваниях Павлова и других невозможно. Списывать на НКВД СССР и Берия, как это обычно все делают, тем более невозможно. НКВД СССР если в чем и виноват, так только в том, что именно ему вследствие произошедшего 17 июля 1941 г. воссоединения по постановлению ГКО НКВД СССР и НКГБ СССР было поручено даже не вести, а фактически завершить следствие. И если за что-то НКВД СССР и должен отвечать, так только за ведение следствия в последние пять дней до вынесения сурового приговора. Но к этому моменту следствие уже фактически было завершено. Воссозданное в ходе обратного объединения НКВД и НКГБ СССР Управление Особых отделов НКВД СССР, собственно говоря, всего лишь обобщило материалы следствия, объединило их в единое дело-производство, составило обвинительное заключение и подготовило материалы дела к представлению в суд. Основное же следствие по делу Павлова и К⁰ осуществили сотрудники 3-го Управления НКО СССР. Так что если кто, возможно, и избивал Павлова и К⁰, то только они. Хотя и в этом случае также нет никаких, даже косвенных, доказательств самому этому факту, кроме голословных утверждений. Приведенные выше, а также приводимые ниже факты откровенно свидетельствуют, что даже сотрудникам 3-го Управления НКО СССР не было никакого смысла силой выколачивать из подследственных показания. Все и так было известно, подтверждалось фактами, документами и донесениями особых отделов частей и соединений Западного фронта, а также иными данными, в том числе и от партийных органов на местах. Кстати говоря, опубликованные тексты протоколов допросов достаточно ясно показывают, что следователи не прибегали к насилию. Об

этом свидетельствуют вопросы следователей — хотя они и жесткие, предельно сурово сформулированные, но тем не менее в них не содержится даже тени намека на какие бы то ни было угрозы в адрес подследственного. Вопросы преследовали цель выяснения истины, но не запугивания. То же самое происходило и во время судебного заседания. Члены суда задавали вопросы также в жесткой форме, причем опираясь на показания самих подсудимых во время следствия. И хотя отдельные аспекты своих показаний они полностью отрицали, придираясь в основном к мелочам, но ведь под каждым протоколом допроса стояла ниже цитируемая их подпись, заверявшая правильность содержания протокола. Соответственно, у членов суда не было оснований не доверять этим протоколам.

По опубликованным ныне материалам допросов Павлова выходит, что протоколов его допросов было пять — от 7,9,11 и 21 июля, под которыми в каждом случае есть запись: «Протокол мною прочитан, с моих слов записан правильно, в чем и расписываюсь. [Д.] Павлов. Дата». Кроме того, был еще и протокол допроса во время судебного заседания 22 июля. Путем открытых публикаций гласности были преданы все перечисленные протоколы, кроме протокола допроса от 21 июля, который состоялся за несколько часов до начала судебного заседания. Этот протокол засекречен до сих пор. Почему — непонятно. В то же время следует указать, что во время допроса в ходе судебного заседания Павлов заявил, что его допрашивали 15 дней подряд. Едва ли он соврал. Но в таком случае возникает вопрос — а куда делись остальные протоколы?!

И тут придется принять во внимание, что в первые три года после захвата власти Хрущевым осуществлялось широко-масштабное уничтожение огромного количества различных документов, которые компрометировали как самого троцкиста-кукурузника, так и многих других, усев-

шихся вместе с ним на Олимпе власти, в том числе и военных. Вовсю дымили чуть ли не все печи Советского Союза, в которых сжигались компрометирующие новых властителей документы. В том числе, естественно, и высших военных. Соответственно есть немало оснований полагать, что дело на Павлова и его подельников изрядно «похудело» в результате именно такой чистки архивов. Иначе невозможно было бы осуществить дебильную реабилитацию этих лиц, которая была проведена в 1957 г., но которую, между прочим, в целом скрыли от широкой общественности. Этим же, очевидно, следует объяснять и странный перерыв по времени между допросами — 11 и 21 июля. По всей видимости, наиболее важный и реальный компромат содержался именно в протоколах допросов после 11 июля вплоть до 21 июля. Именно поэтому-то он, очевидно, и был уничтожен. Но доказать что-либо по данному вопросу, тем более безупречно, увы, невозможно — что сгорело, то сгорело. Хотя, черт их знает — ведь говорят же, что рукописи не горят... Кстати говоря, оказалось, что кое-что доказать все-таки можно. Потому что сохранились воспоминания тех, кто имел несчастье служить под командованием Павлова и его присных, но, слава богу, выжил в той страшной войне. Вот их воспоминания и будут приведены ниже. И тогда все станет ясно, почему далеко не все материалы следственного дела Павлова были преданы гласности. Станет ясно и то, почему даже в тех протоколах, которые опубликованы, большое количество отточий. Наконец, прояснится и то, почему получился странный разрыв в датах допросов и их протоколов при условии, что Павлов утверждал, что его допрашивали 15 дней подряд.

И вот еще о чем. Почему-то все уверены в том, что именно чекистское ведомство проявило наибольшую кровожадность, настаивая на расстрельном приговоре в отношении Павлова и других фигурантов

этого дела. Увы, естественно, для всех, кто по-прежнему придерживается такой точки зрения, не чекисты и не Лубянка настаивали на таком суровом приговоре. На обязательном расстреле настаивали именно, военные. Надо было прятать концы своих преступных деяний — потому и настаивали. Тем более что это совпадало и с жесткой оценкой действий Павлова и К° со стороны Сталина. А чекисты, напротив, по свидетельству П.А. Судоплатова, предлагали сохранить им жизнь, в частности Павлову, и использовать его в спецоперациях против германского командования⁵⁵⁹.

Справка. Кстати говоря, небезынтересно заметить, что на Лубянке предлагали использовать Павлова в качестве, как отмечал Судоплатов, «подставной фигуры в “мнимой” военной оппозиции для оперативной игры с немцами. С таким предложением выходили Федотов (начальник советской контрразведки в то время. — А. М.) и Михеев (начальник военной контрразведки, которая до 17 июля была в ведении НКО. — А. М.). На что Берия отреагировал отрицательно, сославшись на то, что такая значительная фигура, как Павлов, для подключения к играм с легендированием военной оппозиции в составе Красной Армии не пройдет и об этом докладывать “наверх” он не будет»⁵⁶⁰.

Обратите внимание, что с таким предложением выходил начальник военной контрразведки А.Н. Михеев — человек из команды Тимошенко и Жукова, такой же выходец из КОВО, как и они. Трудно понять ход мыслей, в частности, А.Н. Михеева. Ведь уж кто-кто, но он-то прекрасно знал, что и почему случилось на Западном фронте. Берия же совершенно справедливо и объективно отказался рассматривать такой вариант и тем более докладывать его «наверх». К тому времени для него и так было очевидно, что заговор генералов существует (о нем, в том числе и о возможности государственного переворота, он предупреждал Сталина 29 июня) и что катастрофа 22 июня связана именно с этим. И ему вовсе не улыбалось сотворить еще и «мнимую» военную оппозицию, которая в условиях войны, тем более выйдя на санкционированных руководством СССР и НКВД СССР основаниях на контакт с германским ко-

мандованием, могла попросту отбросить все кавычки и стать реальной силой...

Ниже полностью (то есть так, как он был опубликован в открытой печати) приводится только протокол закрытого судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по делу Павлова Д.Г., Климовских В.Е., Григорьева А.Т. и Коробкова А.А.

В тех местах этого протокола, где члены суда и Павлов затрагивают показания на предварительном следствии, в разделе комментариев в виде выжимок приводятся наиболее важные отрывки из протоколов его допросов соответствующих дат. Как представляется, это очень сильно облегчит читателям возможность масштабного и объемного восприятия показаний Павлова. По другим подсудимым это сделать не представляется возможным, так как протоколы их допросов так и не опубликованы в открытой печати.

Итак, вот что зафиксировано в протоколе закрытого судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по делу Павлова Д.Г., Климовских В.Е., Григорьева А.Т. и Коробкова А.А.

Председательствующий оглашает обвинительное заключение и спрашивает подсудимых, понятно ли предъявленное им обвинение и признают ли они себя виновными.

1. Подсудимый Павлов. Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя в участии в антисоветском военном заговоре не признаю. Участником антисоветской заговорщической организации я никогда не был. Я признаю себя виновным в том, что не успел проверить выполнение командующим 4-й армией Коробковым моего приказа об эвакуации войск из Бреста. Еще в начале июня месяца я отдал приказ о выводе частей из Бреста в лагерь. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противни-

⁵⁵⁹ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001, с. 251—252.

⁵⁶⁰ Там же.

ком. Я признаю себя виновным в том, что директиву Генерального штаба РККА я понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до наступления противника. Я знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто мне это говорил, назвать не могу⁵⁶¹.

Комментарий. Еще бы он признал свое участие в антисоветском заговоре! Чай, не идиотом же клиническим он был. Признай он это, то расстрел был бы гарантирован автоматически. А так можно на что-то надеяться. Однако обратите внимание на то, что Павлов откровенно пытался разделить свою ответственность и с руководством НКО и ГПШ, и командующим 4-й армией. В таком варианте он был готов отвечать. Но не за молниеносный разгром вверенного ему округа-фронта. А ведь, напоминая, самым важным пунктом обвинительного заключения по их делу являлось следующее. Павлов был признан виновным в том, что в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабляя мобилизационную готовность войск округа, и из жажды мести за разгром заговора открыл фронт врагу.

Председательствующий. Свои показания, данные на предварительном следствии несколько часов тому назад, то есть 21 июля 1941 г. (как уже было указано выше, протокол допроса Павлова от 21 июля не рассекречен и потому не опубликован. — А. М.), вы подтверждаете?

Подсудимый. Этим показаниям я прошу не верить. Их я дал будучи в нехорошем состоянии. Я прошу верить моим показаниям, данным на предварительном следствии 7 июля 1941 г.

Комментарий. На допросе 7 июля 1941 г. Павлов показал следующее (приводится только

⁵⁶¹ Здесь и далее показания Д.Г. Павлова и его подельников приводятся по: *Ямпольский В.П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г. (А. Гитлер. 31 июля 1940 года)». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008, с. 457—515.

наиболее важное): «Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам. Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было. Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.

В час ночи 22 июня с.г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: “Ну, как у вас, спокойно?”. Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли беспрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов — Сопочкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На других участках фронта я доложил, что меня особенно беспокоит группировка «Бялоподляска».

На мой доклад народный комиссар ответил: “Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай *сегодня утром*, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните”. На этом разговор закончился.

Согласно указанию наркома я немедленно вызвал к аппарату ВЧ всех командующих армий, приказав им явиться в штаб армии вместе с начальниками штабов и оперативных отделов. Мною также было предложено командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные. На это мое распоряжение Кузнецов ответил, что согласно ранее мною данным указаниям патроны войскам он раздал и в настоящее время приступает к занятию сооружений.

Командующий 10-й армией Голубев доложил, что у него штабы корпусов после военной игры оставлены для руководств войсками на том месте, где им положено быть по плану. Я предупредил Голубева, чтобы он войска держал в полной боевой готовности и ждал моих дальнейших распоряжений.

Коробков, командующий 4-й армией, доложил, что у него войска готовы к бою. Боеготовность Брестского гарнизона он обещал проверить. На это я Коробкову указал, что гарнизон должен быть на том месте, где ему положено по плану, и предложил приступить к выполнению моего приказа немедленно.

...От командующего 10-й армией — «все спокойно»; от 4-й армии — «всюду и все спокойно, войска выполняют поставленную вами

задачу». На мой вопрос, выходит ли 22-я танковая дивизия из Бреста, получил ответ: «Да, выходит, как и другие части». Командующий 3-й армией ответил мне, что у него ничего нового не произошло. Войска Иванова — начальника укрепрайона — находятся в укреплениях, 56-я стрелковая дивизия выведена на положенное ей место по плану; 27-я стрелковая дивизия тоже на своем месте, она примерно за месяц до начала военных действий мною была переведена из Сопоткин — Гродно на Августов — Граево, Сухового. Эти места утверждены Генеральным штабом.

...Явившиеся ко мне в штаб округа командующий ВВС округа Колец и его заместитель Тажурский доложили мне, что авиация приведена в боевую готовность полностью и рассредоточена на аэродромах в соответствии с приказом НКО.

Этот разговор с командующими армий происходил примерно около двух часов ночи. В 3 часа 30 мин, народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил, что нового. Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны. Одновременно я доложил наркому, что вопреки запрещению начальником ВВС Жигаревым заправить самолеты бензином НЗ и заменить моторы за счет моторов НЗ я такое распоряжение отдал Копцу и Тажурскому. Народный комиссар это мое распоряжение одобрил. Я обещал народному комиссару дальнейшую обстановку на моем участке доложить после вторичных переговоров с командующими армий.

Вопрос: Почему же все-таки немцам удалось прорвать фронт и углубиться на нашу территорию?

Ответ: На Брестском направлении против 6-й и 42-й дивизий обрушилось сразу 3 механизированных корпуса, что создало превосходство противника, как численностью, так и качеством техники. Командующий 4-й армией Коробков, потеряв управление и, по-видимому, растерявшись, не смог в достаточной мере закрыть основного направления своими силами, хотя бы путем подтягивания на это направление 49-й дивизии. На 6-ю и 42-ю дивизии на этом же Брестском направлении противником была брошена огромная масса бомбардировочной авиации. По докладу Коробкова, эта авиация со всей тщательностью обрабатывала расположение нашей пехоты, а пикирующие бомбардировщики противника выводили из строя орудие за орудием. Господство авиации противника в воздухе было полное, тем паче, что наша истребительная авиация уже в первый день одновременным ударом противника ровно в 4 часа утра по всем аэродромам была в значительном количестве выбита, не поднявшись в воздух. Всего за этот день выбито до 300 самолетов всех систем, в том числе и учебных. Все это случилось потому, что было темно, и наша

авиация не смогла подняться в воздух. Я лично не мог физически проверить, как была рассредоточена на аэродроме авиация, в то время как командующий ВВС Копец и его заместитель Тажурский, зам. по политчасти Листров и начальник штаба ВВС Тараненко доложили мне, что приказ наркома обороны о сосредоточенном расположении авиации ими выполнен.

Вопрос: Имели ли вы сообщение, что на границе появились самолеты противника?

Ответ: Такое сообщение я получил одновременно с началом бомбежки. Минский центральный пост ВНОС получил сообщение о перелете государственной границы авиацией противника через 4 минуты, а приграничные аэродромы это сообщение получили значительно раньше, но подняться в воздух не смогли, так как новой техникой в ночных полетах не овладели.

...Штабом фронта 23 июня была получена телеграмма Болдина, адресованная одновременно и в 10-ю армию, о том, что 6-й мехкорпус имеет только одну четверть заправки горючего. Учитывая необходимость в горючем, ОСГ (Отдел снабжения горючим) еще в первый день боя отправил в Барановичи для 3-го мехкорпуса все наличие горючего в округе, т.е. 300 тонн. Остальное горючее для округа по плану генштаба находилось в Майкопе. Дальше Барановичи горючее продвигаться не смогло из-за непрерывной порчи авиацией противника железнодорожного полотна и станций...

Основной причиной всех бед считаю, огромное превосходство танков противника и его новой материальной части и огромное превосходство авиации противника...

Вопрос: А в чем ваша персональная вина в прорыве фронта?

Ответ: Я предпринял все меры для того, чтобы предотвратить прорыв немецких войск. Виною себя в создавшемся на фронте положении не считаю.

Вопрос: Части округа были подготовлены к военным действиям?

Ответ: Части округа к военным действиям были подготовлены, за исключением вновь сформированных — 17, 20, 13, 11-го мехкорпусов. Причем в 13-м и 11-м корпусах по одной дивизии было подготовлено, а остальные, получив новобранцев, имели только учебную материальную часть и то не везде. 14-й мехкорпус имел слабо подготовленную только одну мотодивизию и стрелковые полки танковых дивизий.

Вопрос: Если основные части округа к военным действиям были подготовлены, распоряжение о выступлении вы получили вовремя, значит, глубокий прорыв немецких войск на советскую территорию можно отнести лишь на счет ваших преступных действий как командующего фронтом.

Ответ: Это обвинение я категорически отрицаю. Измены и предательства я не совершал.

Вопрос: На всем протяжении госграницы только на участке, которым командовали вы, немецкие войска вклинились глубоко на советскую территорию. Повторяю, что это результат изменческих действий с вашей стороны.

Ответ: Прорыв на моем фронте произошел потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел, например, Киевский военный округ.

Вопрос: Напрасно вы пытаетесь свести поражение к не зависящим от вас причинам. Следствием установлено, что вы являлись участником заговора еще в 1935 г. и тогда еще имели намерение в будущей войне изменить родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти следственные данные.

Ответ: Никогда ни в каких заговорах я не был и ни с какими заговорщиками не вращался. Это обвинение для меня чрезвычайно тяжелое и неправильное с начала до конца. Если на меня имеются какие-нибудь показания, то это сплошная и явная ложь людей, желающих хотя бы чем-нибудь очернить честных людей и этим нанести вред государству.

**◆

Председательствующий. В своих показаниях от 21 июля 1941 г. (лд. 82, том 1) вы говорите: «Впервые о целях и задачах заговора я узнал еще будучи в Испании в 1937 г. от Мерецкова».

Подсудимый. Будучи в Испании, я имел одну беседу с Мерецковым, во время которой Мерецков мне говорил: «Вот наберемся опыта в этой войне, и этот опыт перенесем в свои войска». Тогда же из парижских газет я узнал об антисоветском военном заговоре, существовавшем в РККА.

Председательствующий. Несколько часов тому назад вы говорили совершенно другое и, в частности, о своей вражеской деятельности.

Подсудимый. Антисоветской деятельностью я никогда не занимался. Показания о своем участии в антисоветском военном заговоре я дал, будучи в невменяемом состоянии.

Председательствующий. На том же лд. 82, том 1, вы говорите:

«Цели и задачи заговора, которые мне изложил Мерецков, сводились к тому, чтобы произвести в армии смену руководства,

поставив во главе армии угодных заговорщикам людей — Уборевича и Тухачевского». Такой разговор у вас с ним был?

Подсудимый. Такого разговора у меня с ним не было.

Председательствующий. Какие разговоры вы имели с Мерецковым об антисоветском военном заговоре по возвращении из Испании?

Подсудимый. По возвращении из Испании в разговоре с Мерецковым о вскрытом заговоре в армии я спросил у него, куда мы денем эту сволочь. Мерецков мне ответил: «Нам сейчас не до заговорщических дел. Наша работа запущена, и нам надо, засучив рукава, работать».

Председательствующий. На предварительном следствии 21 июля 1941 г. вы говорили по этому поводу совершенно другое. И в частности, на лд. 83, том 1, вы дали такие показания: «По возвращении из Испании в разговоре с Мерецковым по вопросам заговора мы решили в целях сохранения себя от провала антисоветскую деятельность временно не проводить, уйти в глубокое подполье, проявляя себя по линии службы только с положительной стороны».

Подсудимый. На предварительном следствии я говорил то, что и суду. Следователь же на основании этого записал иначе. Я подписал.

Комментарий. Павлов явно лгал — ведь под каждым протоколом есть запись «Протокол мною прочитан, с моих слов записан правильно, в чем и расписываюсь. [Д.] Павлов. Дата». Если считал, что следователь неправильно записал его слова, то зачем подписал протокол?! К слову сказать, кто не хотел подписывать протоколы — не подписывали. И это было достаточно частым явлением на следствии тех лет.

Председательствующий. На лд. 86 тех же показаний от 21 июля 1941 г. вы говорите:

«Поддерживая все время с Мерецковым постоянную связь, последний в

неоднократных беседах со мной систематически высказывал свои пораженческие настроения, доказывал неизбежность поражения Красной армии в предстоящей войне с немцами. С момента начала военных действий Германии на Западе Мерецков говорил, что сейчас немцам не до нас, но в случае нападения их на Советский Союз и победы германской армии хуже нам от этого не будет». Такой разговор у вас с Мерецковым был?

Подсудимый. Да, такой разговор у меня с ним был. Этот разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 г. в Райволе.

Председательствующий. Кому это «нам хуже не будет»?

Подсудимый. Я понял его, что мне и ему.

Председательствующий. Вы соглашались с ним?

Подсудимый. Я не возражал ему, так как этот разговор происходил во время выпивки. В этом я виноват.

Председательствующий. Об этом вы докладывали кому-либо?

Подсудимый. Нет, и в этом я также виноват.

Председательствующий. Мерецков вам говорил о том, что Штерн являлся участником заговора?

Подсудимый. Нет, не говорил. На предварительном следствии я назвал Штерна участником заговора только лишь потому, что он во время гвадалахарского сражения отдал преступное приказание об отходе частей из Гвадалахары. На основании этого я сделал вывод, что он участник заговора.

Председательствующий. На предварительном следствии (лд. 88, том 1) вы дали такие показания (это из неопубликованного протокола от 21 июля. — *А. М.*): «Для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и

тракторам был завышен раз в 10. Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже... Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей». Эти показания вы подтверждаете?

Попутный комментарий. Этот вопрос уже был проанализирован в главе «Зачем нужна арифметика в военном деле?».

Подсудимый. В основном да. Такой план был. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства.

Попутный комментарий. Этот вопрос уже был проанализирован в главе «Зачем нужна арифметика в военном деле?».

Председательствующий оглашает показания подсудимого Павлова, данные им на предварительном следствии (лд. 89, том 1; оглашается содержание не опубликованного протокола от 21 июля. — *А. М.*) о его, Павлова, личной предательской деятельности и спрашивает подсудимого, подтверждает ли он эти показания.

Подсудимый. Данные показания я не подтверждаю. Вообще командующий связью не руководит. Организацией связи в армии руководит начальник штаба, а не командующий. Этот пункт, что я сознательно не руководил организацией связи в армии, я записал для того, чтобы скорее предстать перед пролетарским судом.

Мои показания и в отношении УРов, что я якобы сознательно не ставил вопрос о приведении их в боеготовность, также

не отвечают действительности. Подчиненные мне укрепленные районы были в лучшем состоянии, чем в других местах, что может подтвердить народный комиссар обороны СССР.

Председательствующий. По этому поводу Климовских на предварительном следствии показал: «Работы по строительству укрепленных районов проходили чрезвычайно медленно. К началу военных действий из 600 огневых точек было вооружено 189 и то не полностью оборудованы» (лд. 25, том 2).

Подсудимый. Климовских говорит совершенно верно. Об этом я докладывал Центральному Комитету.

Председательствующий. Когда?

Подсудимый. В мае 1941 г.

Председательствующий. О боеготовности укрепленных районов вы сами на предварительном следствии показали:

«Я сознательно не ставил резко вопроса о приведении в боеготовность укрепленных районов, в результате УРы были небоеспособны, а УРОВские войска даже по плану мая месяца не были развернуты».

Подсудимый. Эти показания я подтверждаю, только прошу вычеркнуть из них слово «сознательно».

Председательствующий. Свои показания от 21 июля 1941 г. вы заканчиваете так:

«Будучи озлоблен тем обстоятельством, что многие ранее близкие мне командиры Красной армии были арестованы и осуждены, я избрал самый верный способ мести — организацию поражения Красной армии в войне с Германией»...

«Я частично успел сделать то, что в свое время не удалось Тухачевскому и Уборевичу, то есть открыть фронт немцам» (лд. 92, том 1).

Подсудимый. Никакого озлобления у меня никогда не было. У меня не было основания быть озлобленным. Я был Героем Советского Союза. С прошлой вертушкой в армии я связан не был. На пред-

варительном следствии меня в течение 15 дней допрашивали о заговоре. Я хотел скорее предстать перед судом и ему доложить о действительных поражениях армии. Поэтому я писал и о злобе и называл себя тем, кем я никогда не был.

Председательствующий. Свои показания от 11 июля 1941 г. вы подтверждаете?

Подсудимый. Нет, это также вынужденные показания.

Председательствующий оглашает выдержку из показаний подсудимого Павлова, данных им на предварительном следствии 11 июля 1941 г. (лд. 65, том 1), следующего характера: «...Основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля».

Подсудимый. Все это записано неверно. Это мои вынужденные показания.

Комментарий. На допросе 11 июля 1941 г. Павлов показал следующее (как и ранее, приводится только наиболее важное):

Вопрос: На допросе 9 июля текущего г[ода] вы признали себя виновным в поражении на Западном фронте, однако скрыли свои заговорщические связи и действительные причины тяжелых потерь, понесенных частями Красной армии в первые дни войны с Германией. Предлагаем дать исчерпывающие показания о своих вражеских связях и изменнических делах.

Ответ: Действительно основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля т.г.

Вопрос: На предыдущем допросе вы отрицали свою принадлежность к антисоветской организации, а сейчас заявляете о своей связи с заговорщиками. Какие показания следует считать правильными?

Ответ: Сегодня я даю правильные показания и ничего утаивать от следствия не хочу. Признаю, что в феврале 1937 г. бывшим старшим советником в Испании Мерецковым Кириллом Афанасьевичем я был вовлечен в военно-заговорщическую

организацию и в дальнейшем проводил вражескую работу в Красной армии...

... в 1937 г. в Испании я был посвящен Мерецковым о существовании в Красной армии заговора и привлечен к вражеской работе.

...В беседе выяснилось, что оба мы сходимся в оценке состояния Красной армии. Мы считали, что командный состав Красной армии якобы бесправен, а политсоставу, наоборот, предоставлены излишние права. Существовавший, по нашему мнению, разброд среди комсостава вызывается якобы неправильной политикой руководства Красной армии.

В Красной армии, заявил Мерецков, нет единой доктрины, это хорошо понимают некоторые руководящие армейские работники, которые объединились на почве недовольства существующим в армии положением. Тогда же Мерецков сообщил мне, что Тухачевский и Уборевич возглавляют существующую в Красной армии заговорщическую организацию, которая ставит перед собой задачу сменить негодное, с их точки зрения, руководство Красной армией: «Вот приедем мы домой, — сказал Мерецков, — нужно и тебе работать заодно с нами»...

Вопрос: Сомнительно, чтобы Мерецков, не заручившись предварительно вашим согласием примкнуть к заговорщической организации, раскрыл бы перед вами ее руководителей в лице Тухачевского и Уборевича. Правильно ли вы показываете?

Ответ: Я показываю правильно. Откровенной беседе о существовании в армии заговорщической организации предшествовали длительные разговоры, в процессе которых Мерецков убедился, что я разделяю его точку зрения о положении в армии. Кроме того, учитывая мое преклонение перед авторитетом Уборевича, Мерецков без риска мог сообщить мне о его руководящей роли в военно-заговорщической организации.

Вопрос: Какие практические задачи поставил перед вами Мерецков?

Ответ: В этот раз никаких практических заданий Мерецков мне не давал.

Председательствующий. Что вы скажете относительно своих показаний от 9 июля 1941 г.?

Подсудимый. Эти показания также совершенно не отвечают действительности. В этот день я чувствовал себя хуже, чем 21 июля 1941 г.

♦♦♦

Комментарий. Между тем, на допросе 9 июля 1941 г. Павлов показал следующее (как и ранее, приводится только наиболее важное):

...Мною был дан приказ о выводе частей из Бреста в лагерь еще в начале июня текущего года, и было приказано к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста. Я этого приказа не проверил, а командующий 4-й армией Коробков не выполнил его, и в результате 22-я танковая дивизия, 6-я и 42-я стрелковые дивизии были застигнуты огнем противника при выходе из города, понесли большие потери и более, по сути дела, как соединения не существовали. Я доверил Оборину — командир мехкорпуса — приведение в порядок мехкорпуса, сам лично не проверил его, и в результате даже патроны заранее в машины не были заложены.

...В отношении строительства УРов я допустил со своей стороны также преступное бездействие... В результате моей бездеятельности УРы к бою готовы не были. Из 590 сооружений было вооружено только 180—190 и то очень редкими узлами. Остальные бетонные точки пришлось использовать как временно пулеметные гнезда и убежища. Такое положение с УРами дало возможность противнику безнаказанно их обходить и форсировать.

...Я допустил беспечность с выдвиганием войск к границе. Вместо того чтобы, учитывая обстановку за рубежом, уже в конце мая месяца вывести все свои части на исходное положение и тем самым дать возможность принять правильные боевые порядки, я ожидал директив Генштаба, пропустил время, в результате чего затянул сосредоточение войск, так что война застала большую половину сил на марше в свои исходные районы.

В отношении складов. Я допустил схематическое утверждение складов, приближенных к границе на 50—60 км. В результате этого склады были в первые же два дня подожжены авиацией противника или наши войска вынуждены были, отходя, рвать их сами.

В отношении авиации. Я целиком доверил на слово рассредоточение авиации по полевым аэродромам, а на аэродромах по отдельным самолетам, не проверил правильность доклада командующего ВВС Копца и его заместителя Таюрского, допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны. В результате таких действий в первый же день войны авиация понесла огромные потери, не успев подняться в воздух из-за краткости расстояния от госграницы до аэродрома.

Также одним из вредных моментов является недостаток солярового масла для танковых дизелей, в результате чего 6-й мехкорпус бездействует. При проверке мною в 5-м отделе Генштаба и УСГ (начальник Ермолин и в УСГ — начальник Котов) мне доложили, что горючего для Запо-

ВО отпущено потребное количество и хранится в Майкопе, тогда как на самом деле оно должно было храниться в Белостоке. Практически получилось, что на 29 июня в ЗапОВО недополучено 1000 тонн горючего. Надо полагать, что Котов и Ермолин доложили правительству, что ЗапОВО обеспечено полностью горючим, не указав места его нахождения, тем самым ввели правительство в заблуждение.

...Таким образом, я признаю себя виновным:

1. В том, что благодаря своей бездеятельности я совершил преступления, которые привели к поражению Западного фронта и большим потерям в людях и материальной части, а также и к прорыву фронта, чем поставил под угрозу дальнейшее развертывание войны.

Вопрос: Все эти ваши предательские действия, о которых вы показали, являются результатом не благодушия, а умышленного предательства. Будучи участником антисоветского заговора, вы проводили вредительскую работу в округе, заведомо зная о ее последствиях в предстоящей войне с Германией. Предлагаем вам рассказать правдиво о вашем организованном предательстве—той системе, которую вы создали среди своих подчиненных.

Ответ: Ни от кого задания открыть Западный фронт я не получал, но мое преступное бездействие создало определенную группу командного, политического и штабного состава, которые творили в унисон мне. Так, например, начальник штаба Климовских своих прямых обязанностей по проверке, как выполняются отданные мной распоряжения, совершенно не выполнял...

Вопрос: Вы снова рассказываете о предательских действиях отдельных лиц. От вас требуют, чтобы вы рассказали об умысле этих действий. Вы, как заговорщик, открыли фронт врагу намеренно, противник знал всю вашу дислокацию и планы действий, еще раз предлагаем именно об этом рассказать сейчас следствию.

Ответ: Происшедшее на Западном фронте заставляет меня быть убежденным в большом предательстве на Брестском направлении. Мне неизвестен этот предатель, но противник рассчитал удар совершенно точно по тому месту, где не было бетонных точек, и где наиболее слабо была прикрыта река Буг. Повторяю, что намеренно я фронт врагу не открывал. Прорыв немцев получился благодаря моей бездеятельности и невыполнению указаний ЦК о постоянной мобилизационной готовности.

Вопрос: Следствие убеждено, что вы умышленно предали фронт, и будет разоблачать вас в этом.

Председательствующий. 9 июля 1941 г. на лд. 59 тома 1 вы дали такие по-

казания: «В отношении авиации. Я целиком доверил на слово рассредоточение авиации по полевым аэродромам, а на аэродромах — по отдельным самолетам, не проверил правильность доклада командующего ВВС Копца и его заместителя Таюрского. Допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны». Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый. Это совершенно правильно. В начале военных действий Копец и Таюрский доложили мне, что, приказ народного комиссара обороны СССР о сосредоточенном расположении авиации ими выполнен. Но я физически не мог проверить правильность их доклада. После первой бомбежки авиадивизия была разгромлена. Копец застрелился, потому что он трус.

На вопросы члена суда диввоенюриста т. Кандыбина подсудимый Павлов ответил:

Я своевременно знал, что немецкие войска подтягивались к нашей границе, и согласно донесениям нашей разведки предполагал о возможном наступлении немецких войск. Несмотря на заверения из Москвы, что все в порядке, я отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа. Были розданы войскам патроны. Поэтому сказать, что мы не готовились, — нельзя.

Свои показания, данные в начале предварительного следствия в отношении командующего 4-й армией Коробкова, я полностью подтверждаю.

После того как я отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние, Коробков доложил мне, что его войска к бою готовы. На деле же оказалось, что при первом выстреле его войска разбежались. Состояние боеготовности 4-й армии, находящейся в Бресте, я не

проверял. Я поверил на слово Коробкову о готовности его частей к бою.

На вопросы члена суда диввоенюриста т. Орлова подсудимый Павлов ответил: «Я считаю, что все войска Западного фронта к войне были вполне подготовлены. И я бы не сказал, что война застала нас врасплох и неподготовленными. В период 22—26 июня 1941 г. как в войсках, так и в руководстве паники не было, за исключением 4-й армии, в которой чувствовалась полная растерянность командования. При отходе на новые оборонительные позиции неорганизованности не было. Все знали, куда надо было отходить. К противоздушному обороне столица Белоруссии Минск была подготовлена, кроме того, она охранялась 4 дивизиями».

Член суда т. Орлов. А чем объяснить, что 26 июня Минск был брошен на произвол судьбы?

Подсудимый. Правительство выехало из Минска еще 24 июня.

Член суда т. Орлов. Причем здесь правительство? Вы же командующий фронтом.

Подсудимый. Да, я был командующим фронтом. Положение, в котором оказался Минск, говорит о том, что Минск полностью обороной обеспечен не был.

Член суда т. Орлов. Чем объяснить, что части не были обеспечены боеприпасами?

Подсудимый. Боеприпасы были, кроме бронебойных. Последние находились от войсковых частей на расстоянии 100 км. В этом я виновен, так как мною не был поставлен вопрос о передаче складов в наше распоряжение. По обороне Минска мною были приняты все меры, вплоть до доклада правительству.

2. Подсудимый Климовских. Предъекового командования, ВВС и ПВО? явленное мне обвинение понятно. Виновным себя признаю во второй части предъявленного обвинения, то есть в допущении ошибок по служебной деятельности.

Председательствующий. В чем именно вы признаете себя виновным?

Подсудимый. Я признаю себя виновным в совершении преступлений, изложенных в обвинительном заключении

Председательствующий. Свои показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Подсудимый. Показания, данные мною на предварительном следствии, о причинах поражения войск Западного фронта я полностью подтверждаю.

Председательствующий. На предварительном следствии (лд. 25, том 2) вы дали такие показания: «...2-я причина поражения заключается в том, что работники штаба фронта, в том числе я и командиры отдельных соединений, *преступно халатно относились к своим обязанностям как до начала военных действий*, так и во время войны». Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый. Подтверждаю полностью.

Член суда т. Орлов. Скажите, был ли выполнен план работ по строительству укрепленных районов?

Подсудимый. Работы по строительству укрепленных районов в 1939—1940 гг. были выполнены по плану, но недостаточно. К началу военных действий из 600 огневых точек было вооружено 189 и то не полностью оборудованы.

Член суда т. Орлов. Кто несет ответственность за неготовность укрепрайонов?

Подсудимый. За это несут ответственность: командующий войсками Павлов, пом. комвойсками по УРам Михайлин и в известной доле я несу ответственность, как начальник штаба.

Член суда т. Орлов. Кто несет ответственность за отсутствие самостоятельных линий и средств связи для общевой-

Подсудимый. За это несет ответственность начальник связи Западного фронта и я, как начальник штаба.

Член суда т. Орлов. Вы располагали данными о том, что противник концентрирует войска?

Подсудимый. Такими данными мы располагали, но мы были дезинформированы Павловым, который уверял, что противник концентрирует легкие танки. Первый удар противника по нашим войскам был настолько ошеломляющим, что он вызвал растерянность всего командного состава штаба фронта. В этом виновны: Павлов, как командующий фронтом, я — как начальник штаба фронта, начальник связи Григорьев, начальник артиллерии и другие командиры.

Член суда т. Орлов. Вы являлись участником антисоветского заговора?

Подсудимый. Участником антисоветского заговора я никогда не был.

Член суда т. Орлов. Показания участников антисоветской заговорщической организации Симонова и Батенина, данные ими на предварительном следствии в отношении вас, вам известны? Если да, то, что вы скажете в отношении их показаний?

Подсудимый. Показания Симонова и Батенина мне хорошо известны. Их показания я категорически отрицаю. Повторяю, что участником антисоветской заговорщической организации я не был.

Член суда т. Орлов. Как вы считаете, Минск в достаточной степени был подготовлен к обороне?

Подсудимый. Я считаю, что Минск к обороне был подготовлен недостаточно. В Минске действовала авиация, но ее было мало, фактически оборона Минска была недостаточной.

Член суда т. Кандыбин. Подсудимый Павлов на предварительном следствии дал такие показания: «Командир мехкорпуса Оборин больше занимался административными делами и ни в коей мере не боевой готовностью своего корпуса, в то время как корпус имел более 450 танков. Оборин с началом военных действий потерял управление и был бит по частям. Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армией Коробкова».

Что вы скажете в отношении показаний Павлова?

Подсудимый. Показания Павлова я подтверждаю.

3. Подсудимый Григорьев. Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным признаю себя в том, что после разрушения противником ряда узлов связи я не сумел их восстановить.

Председательствующий. Свои показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Подсудимый. Первые свои показания, данные в Минске, а также показания, данные 21 июля 1941 г., я подтвердить не могу, так как дал их вынужденно. Свои собственноручные показания я полностью подтверждаю.

Член суда т. Орлов оглашает показания подсудимого Григорьева, данные им на предварительном следствии 5 июля 1941 г. (лд. 24—25, том 4), о том, что он, Григорьев, признает себя виновным:

1. В том, что не была бесперебойно осуществлена связь штаба фронта с действующими частями Красной армии.

2. В том, что не было принято им решительных мер к формированию частей фронтовой связи по расписаниям военного времени.

3. В том, что им не было принято решительных мер к своевременному исправлению повреждений проводов и пунктов связи как диверсантами, так и в результате бомбардировки самолетами противника.

Подсудимый. Первый и третий пункт моих показаний я полностью подтверждаю. Второй же пункт, хотя я и признал себя виновным, но он ко мне совершенно не относится, так как я мобилизацией не занимался. Правда, я несу косвенную ответственность и за это.

Член суда т. Орлов. Свои собственноручные показания от 15 июля 1941 г. вы начинаете так:

«Война, разразившаяся 22 июня 1941 г., застала Западный особый воен-

ный округ к войне неподготовленным» (лд. 67, том 4).

Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый. Да, подтверждаю.

Член суда т. Орлов. Давая показания об обстановке в штабе округа перед началом войны, вы говорите: «Война, начавшаяся 22 июня, застала Западный особый военный округ врасплох. Мирное настроение, царившее все время в штабе, безусловно, передавалось и в войска. Только этим “благодушием” можно объяснить тот факт, что авиация была немецким налетом застигнута на земле. Штабы армий находились на зимних квартирах и были разгромлены и, наконец, часть войск (Брестский гарнизон) подвергалась бомбардировке на своих зимних квартирах» (лд. 76, том 4). Эти показания соответствуют действительности?

Подсудимый. Да.

Член суда т. Орлов. Чувствовалось ли в штабе округа приближение войны?

Подсудимый. Нет. Начальник штаба округа Климовских считал, что все наши мероприятия по передвижению войск к границе есть мера предупредительная.

Член суда т. Орлов. Кто во всем этом виновен?

Подсудимый. Виновны в этом: командующий — Павлов, начальник штаба Климовских, член Военного совета Фоминых и другие.

Член суда т. Орлов. На лд. 79, том 4, вы дали такие показания:

«Выезжая из Минска, мне командир полка связи доложил, что отдел химвойск не разрешил ему взять боевые противогазы из НЗ. Артотдел округа не разрешил ему взять патроны из НЗ, и полк имеет только караульную норму по 15 штук патронов на бойца, а обозно-вещевой отдел не разрешил взять из НЗ полевые кухни. Таким образом, даже днем 18 июня довольствующие отде-

лы штаба не были ориентированы, что война близка... И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность».

Подсудимый. Все это верно.

4. Подсудимый Коробков. Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя не признаю. Я могу признать себя виновным только лишь в том, что не мог определить точного начала военных действий. Приказ народного комиссара обороны мы получили в 4.00, когда противник начал нас бомбить.

К исполнению своих обязанностей командующего 4-й армией я приступил 6 апреля 1941 г. При проверке частей более боеспособными оказались 49, 75 и 79-я стрелковые дивизии. Причем 79-я стрелковая дивизия ушла в 10-ю армию. 75-я стрелковая дивизия находилась на левом фланге. Остальных частей боеготовность была слаба. События развернулись молниеносно. Наши части подвергались непрерывным атакам крупных авиационных и танковых соединений противника. С теми силами, которые я имел, я не мог обеспечить отпор противнику. Причинами поражения моих частей я считаю огромное превосходство противника в авиации и танках.

Председательствующий оглашает выдержки из показаний подсудимого Павлова, данных им на предварительном следствии (лд. 30, том 1) о том, что Коробковым была потеряна связь с 49-й и 75-й стрелковыми дивизиями (лд. 33) о том, что в 4-й [армии] чувствовалась полная растерянность командования, которое потеряло управление войсками.

Подсудимый. Показания Павлова я категорически отрицаю. Как может он утверждать это, если он в течение 10 дней не был у меня на командном пункте. У меня была связь со всеми частями, за исключением 46-й стрелковой дивизии, которая подчинялась мехкорпусу. На предварительном следствии меня обвиняли в трусости. Это неверно. Я день и ночь был на своем по-

сту. Все время был на фронте и лично руководил частями. Наоборот; меня все время обвиняло 3-е Управление в том, что штаб армии был очень близок к фронту.

Председательствующий. Подсудимый Павлов на предварительном следствии дал о вас такие показания: «Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армией Коробкова. На их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная мехгруппа противника и в таких быстрых темпах только потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста» (л. д. 62, том 1).

Подсудимый. Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел.

Подсудимый Павлов. В июне месяце по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагерь.

Подсудимый Коробков. Я об этом не знал. Значит, Попова надо привлекать к уголовной ответственности за то, что он не выполнил приказа командующего».

В последнем слове подсудимые заявили следующее:

1. Подсудимый Павлов. Я прошу исключить из моих показаний вражескую деятельность, так как таковой я не занимался. Причиной поражения частей Западного фронта являлось то, что записано в моих показаниях от 7 июля 1941 г., и то, что стрелковые дивизии в настоящее время являются недостаточными в борьбе с крупными танковыми частями противника. Количество пехотных дивизий не обеспечит победы над врагом. Надо немедленно организовывать новые противотанковые дивизии с новой материальной частью, которые и обеспечат победу. Коробков удара трех механизированных дивизий противника выдержать не мог, так как ему было нечем бороться с ними. Я не

смог правильно организовать управление войсками за отсутствием достаточной связи. Я должен был потребовать радистов из Москвы, но этого не сделал. В отношении укрепленных районов. Я организовал все зависящее от меня. Но должен сказать, что выполнение мероприятий правительства было замедленно. Я прошу доложить нашему правительству, что в Западном особом фронте измены и предательства не было. Все работали с большим напряжением. Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне.

2. Подсудимый Климовских. Участником антисоветской заговорщической организации я не был. Меня оговорили Симонов и Батенин. Их показания разбирались Центральным комитетом, и если бы они были правдоподобны, меня никогда не направили бы на должность начальника штаба. Я признаю себя виновным в ошибках, которые были мною допущены в своей служебной деятельности как до войны, так и во время войны, но прошу учесть, что эти ошибки в работе мною были допущены без всякого злого умысла. Я прошу доложить высшему командованию Красной армии о том, чтобы во время военных действий высший командный состав находился при войсках и на месте исправлял те или иные ошибки. Я прошу дать мне возможность искупить свою вину перед Родиной, и я все силы отдаю на благо Родины.

3. Подсудимый Григорьев. Работа связи находилась в очень тяжелых условиях, ибо враг нанес решительный удар и нарушил как телеграфную, так и телефонную связь. Я никогда не был преступником перед Советским Союзом. Я честно старался исполнять свой долг, но не мог его выполнить, ибо в моем распоряжении не было частей. Части не были своевременно отобилизованы, не были своевременно отобилизованы войска связи

Генштаба. Если только мне будет дана возможность, я готов работать в любой должности на благо Родины.

4. Подсудимый Коробков. 4-я армия по сути не являлась армией, так как она состояла из 4 дивизий и вновь сформированного корпуса. Мои дивизии были растянуты на расстояние 150 км. Сдерживать наступление 3 мехдивизий противника я не мог, так как мои силы были незначительными и пополнение ко мне не поступало. Первые два дня начала военных действий моим частям двигаться нельзя было из-за огромного количества самолетов противника. Буквально каждая наша автомашина расстреливалась противником. Силы были неравные. Враг превосходил нас во всех отношениях. Ошибки в моей работе были, и я прошу дать мне возможность искупить свои ошибки».

§5. Анализ показаний Павлова и его подельников на следствии и во время суда в сопоставлении с документальными и иными данными и фактами

Анализ показаний Павлова и других будет осуществлен несколько необычно. Сначала проанализируем утверждения Павлова и его подельников по ряду отраслевых аспектов мобилизационной и боевой подготовки. Естественно, предварительно разбив их на тематические этапы. Это позволит не только сразу же поставить точки над «1» в этих вопросах. Это даст возможность более к ним не возвращаться, а только ссылаться на результаты этого анализа при расследовании главной проблемы — был ли на самом деле готов ЗапОВО к отражению агрессии, который будет осуществлен с помощью анализа ответов генералов ЗапОВО на вопросы Сталина.

I. О ситуации с укрепленными районами (УР)

Помните, что заявлял Павлов и на следствии, и на суде в отношении УР

округа? Правильно, он говорил следующее:

1. «Я сознательно не ставил резко вопроса о приведении в боеготовность укрепленных районов, в результате УРы были небоеспособны, а УРовские войска даже по плану мая месяца не были развернуты». На суде Павлов подтвердил эти показания, попросив только вычеркнуть слово «сознательно».

2. Когда же Павлову огласили показания Климовских о том, что «работы по строительству укрепленных районов проходили чрезвычайно медленно. К началу военных действий из 600 огневых точек было вооружено 189 и то не полностью оборудованы», то он подтвердил это, подчеркнув, что об этом в мае 1941 г. он докладывал в ЦК ВКП(б).

3. Павлов признал также, что он в отношении строительства УР допустил преступное бездействие, что в результате его бездеятельности УР к бою готовы не были. Из 590 сооружений было вооружено только 180—190, и то очень редкими узлами. Остальные бетонные точки пришлось использовать как временно пулеметные гнезда и убежища. Такое положение с УР дало возможность противнику безнаказанно их обходить и форсировать. Когда же ему об этом напомнили во время суда, Павлов в ответ на это вновь пережевывал тему недостаточности выполнения планов строительства, заявив, что «работы по строительству укрепленных районов в 1939—1940 гг. были выполнены по плану, но недостаточно. К началу военных действий из 600 огневых точек было вооружено 189 и то не полностью оборудованы». А когда дело дошло до выяснения ответственных за это, то Климовских заявил, что «за это несут ответственность: командующий войсками Павлов, помкомвойсками по УР Михайлин и в известной доле...» он, как начальник штаба.

4. И при всем этом Павлов умудрился заявить, что его показания в отношении УР, что он «...якобы сознательно не ста-

вил вопрос о приведении их в боеготовность, также не отвечают действительности». И далее заявил, что подчиненные ему укрепленные районы были в лучшем состоянии, чем в других местах, что может подтвердить народный комиссар обороны СССР».

Что же, давайте посмотрим, где же истина в этом вопросе.

В начале 1941 г. Главный Военный совет РККА на своих заседаниях дважды обсуждал вопрос о ходе строительства новых укрепленных районов. Для ускорения их приведения в боевую готовность ГВС разрешил демонтировать часть вооружения с некоторых старых УР, находившихся на второстепенных направлениях обороны.

***◆

Комментарий. Прошу тщательно запомнить выделенную жирным шрифтом часть последней фразы. Дело в том, что даже в настоящее время в отечественной историографии войны далеко не редкость утверждения либо о взорванных, либо о поголовно разоруженных УР на «линии Сталина». Как видите, ничего подобного не имело место быть. Было разрешено демонтировать только часть вооружения лишь некоторых УР.

Предпринятые меры, конечно, дали определенный положительный эффект, но положение с боеготовыми УР было далеко от того, чтобы почивать на лаврах. В этой связи ГВС провел инспекции состояния УР в западных приграничных округах, в результате чего наибольшее количество недостатков было выявлено именно в ЗапОВО. В акте одной из таких комиссии, обследовавших ЗапОВО в первой половине 1941 г., было указано, что «состояние, мобилизационная и боевая готовность гарнизонов укрепленных районов как на старых, так и на новых границах округа (то есть ЗапОВО. — *А. М.*) явно неблагополучны. Отсутствие должного контроля за укомплектованием, боевой готовностью частей и укрепленных районов привело к низкому качеству

боевой подготовки, слабой дисциплине, плохому материальному обеспечению частей УРов и ослаблению бдительности в охране сооружений, расхищению имущества укрепленных районов как войсковыми частями, так и местным населением»⁵⁶².

Интересно, как после таких выводов инспекций ГВС, о чем Павлов, безусловно, знал, у него повернулся язык заявить, что подчиненные ему укрепленные районы были в лучшем состоянии, чем в других местах, что может подтвердить народный комиссар обороны СССР?!

Комментарий. Быть может, по каким-то неведомым соображениям Тимошенко, возможно, и подтвердил бы его слова, только в любом случае это было бы вранье. Потому что непосредственные очевидцы того, как строились доты в ЗапОВО, и принявшие первый бой в этих дотах в своих воспоминаниях указали диаметрально противоположное. Из воспоминаний бывшего командира взвода, младшего лейтенанта (в июне 1941 г.) Ивана Николаевича Шибакова: «Оборонительные сооружения нашей 3-й роты 17-го отдельного пулеметного батальона располагались на правом фланге батальона у деревни Слохи-Аннопольские на Буге. Из 8 огневых точек на этом участке рота занимала 7. Один дот, артиллерийский, пустовал, так как орудия в нем еще не были установлены. Севернее Слох находились доты “Безымянный” во главе с лейтенантом, только что прибывшим из училища (фамилию его не помню), “Пчелка” младшего лейтенанта И.М. Сазонова и “КИМ” младшего лейтенанта Н.В. Елисеевко. Остальные четыре дота стояли восточнее Слох. Это “Горки” младшего лейтенанта И.И. Шевлюкова, “Холм” младшего лейтенанта С.Н. Зайцева (во время боя здесь находился и политрук В.К. Локтев), “Быстрый”, которым командовал я, и дот младшего лейтенанта А.В. Еськова. Все эти точки, за исключением дота “Горки”, были пулеметными. Каждая из них имела две амбразуры с установленными в них пулеметами “максим”. “Горки” имел один пулемет “максим” и 45-миллиметровую пушку, спаренную с пулеметом. Все доты были еще не достроены. Сооружения стояли оголенные, не засыпанные землей, не замаскированные. Водоснабжение, освещение, подземная связь не были оборудованы, рации отсутствовали, не хватало перископов. Сектора обстрела не расчищены.

⁵⁶² ЦА МО РФ. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 789. Л. 374—375.

В стенах дотов зияли отверстия для кабеля связи и гильзоотводов. Материальная часть хотя и была установлена, но не приведена в боевую готовность, находилась на консервации. 20 июня из нашей роты откомандировали в другие части группу бойцов и младших командиров. Лишь утром 22 июня, уже во время боя, к нам подошло пополнение — это были молодые бойцы, совершенно незнакомые с техникой, слабо подготовленные в боевом отношении»⁵⁶³. Вот так у Павлова положения с УР было лучше, чем в других округах. Подобное строительство долговременных огневых точек вблизи границы иначе как умышленным вредительством не назовешь.

Кстати говоря. Попутно обратите внимание на две последних фразы в процитированном фрагменте, особенно на самую последнюю фразу. Зачем было сделано такое? Ведь это же прямое ослабление мобилизационной, боевой готовности и в целом боеспособности подразделений, которые должны были держать оборону с опорой на ДОТ. Причем прямое ослабление уже в начавшейся войне. В сущности же, если всмотреться в этот факт с позиций уголовного законодательства того времени, это непосредственное вредительство с элементами саботажа. И такие фокусы, между прочим, были отнюдь не единичны как в ЗапОВО, так и в других округах. Но вернемся к «красной линии» основного здесь сюжета.

Дефицита в приказах НКО и ГШ, требовавших немедленного исправления выявленных недостатков в строительстве и состоянии УР, ни РККА в целом, ни особенно западные приграничные военные округа не испытывали. В том числе и ЗапОВО. Один из таких приказов — от 14 апреля 1941 г. — Жуков привел даже на страницах своих мемуаров⁵⁶⁴. Преамбула этого приказа вновь свидетельствовала о продолжавшемся бардаке в вопросе о подготовке УР. Естественно, в ЗапОВО тоже. Правда, приказы приказами, только вот мало кто проверял их исполнение. Да и планирование строительства УР тоже, мягко выражаясь, заставляет заподозрить как минимум далеко не самый праведный умысел. Например, более чем непо-

⁵⁶³ Буг в огне. Минск. 1965. Цит. по: шШ1ег.а.11Ь.П/тепо/ги851ап/8Ь_би\$_у_о\$пе/П(1ех.Ыш1

⁵⁶⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 222—223.

нятно, почему строительство Брестского УР в 1941 г. было отнесено ко второй очереди?⁵⁶⁵ В этом УР протяженностью 180 км на 1 июня было забетонировано 168 сооружений. В его первой полосе оставались большие разрывы и не прикрытый железобетонными сооружениями фронт от Бреста до Влодавы. Наименее оборудованные железобетонные участки Брестского УР к северу и к югу от крепости Брест были прикрыты полевыми сооружениями⁵⁶⁶.

В результате только непосредственно накануне войны — в первых числах июня 1941 г. — вдруг выяснилось, что оперативная плотность огневых точек укрепрайонов ЗапОВО в первой линии составляла всего-то 3 единицы на километр фронта?⁵⁶⁷

Комментарий. По воспоминаниям бывшего начальника артиллерийского снабжения 18-го отдельного пулеметного батальона, который занимал 30-километровый участок к югу и к северу от Брестской крепости (в июне 1941 г.), старшего лейтенанта Ивана Николаевича Швейкина, «...однако к началу войны лишь в отдельных местах складывались первые опорные пункты. Нередко на многие километры не было ни одного оборонительного сооружения...»*

Кого пугать-то собирались, особенно если учесть, что значительная их часть была оснащена пушками калибра 45-мм?⁵⁶⁹ Разве командующий и начальник штаба округа не должны отвечать за эту профанацию обороны, в том числе и противотанковой?! Неужели не знали, что супостаты перед нападением на СССР усилили лобовую броню своих основных тогда танков Т-Ш и Т-1У, и что легендар-

⁵⁶⁵ Анфилов В.А. Провал «Блицкрига». М., 1974, с. 188.

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Буг в огне. Минск. 1965. Процитировано по: шШ1ег.а.иЬ.ги/тето/ги551ап/5Ь_би\$_у_о\$пе/Ыех.Ыт!

⁵⁶⁹ Анфилов В.А. Провал «Блицкрига». М., 1974, с. 188.

ная впоследствии «сорокапятка» попросту не пробьет ее? Неужели не знали о плотности танков вермахта в прорыве, что выставили по три огневые точки на километр фронта?!

Более того. Также только непосредственно накануне войны выяснилось, что даже во второй линии УР ЗапОВО из 876 единиц подавляющая их часть была оснащена только пулеметами?⁵⁷⁰ Кого щекотать-то собирались? Танки Гудермана или Гота?! Разве командующий округом и начальник штаба ЗапОВО не имели к этому никакого отношения?

А как быть с исполнением личной директивы наркома обороны Тимошенко о немедленном приведении в полную боевую готовность сооружений первой линии УР ЗапОВО. Ведь она же была направлена И июня 1941 г., но со странным для того периода времени, расхолаживающим сроком исполнения — 15 июля 1941 г.⁵⁷¹ Расхолаживающим, потому как ЗапОВО в это же время получил указание о выдвижении дивизий из глубины округа в сторону границы. Что, естественно, свидетельствовало о серьезности положения и об угрозе нападения в ближайшие же дни. Однако никто и не собирался выполнять эту директиву. Сам факт этой директивы и тем более срока ее исполнения вызывают как минимум серьезное недоумение. Тимошенко знал о серьезности положения на границе и тем не менее дал директиву со столь расхолаживающим сроком исполнения. Кстати говоря, это не единственный такой случай с расхолаживающим сроком исполнения последних предвоенных директив. А поскольку это не единственный случай, то, даже не желая того, приходится заподозрить в этом систему.

Комментарий. Вообще надо отметить, что в ЗапОВО с каким-то маниакальным упорством избегали по возможности издавать какие-либо

письменные директивы. Они издавались лишь в тех случаях, когда была очевидна неотвратимость жесткого контроля со стороны Москвы. Но даже в таких случаях командование ЗапОВО умудрялось не издавать письменных директив. Так, например, письменных директив стрелковым корпусам и дивизиям на выдвижение из глубинных районов округа в сторону границы не отдавалось. Все только устно⁵⁷².

Нельзя не отметить также и того, что УР, в частности в ЗапОВО, за редким исключением, не сыграли особой роли в начальном периоде войны, в том числе и по таким причинам, как шпионаж и предательство. Все возможности для шпионажа обеспечили непосредственно решения НКО и ГШ, определявшие совместно со штабами округов места для строительства новых УР. В итоге получилось, особенно в ЗапОВО (а также в КОВО), что главная полоса обороны новых УР проходила от линии границы на расстоянии 1—4 км, а на отдельных участках непосредственно примыкала к ней. Естественно, что такая дислокация новых УР позволяла немецким спецслужбам вести визуальную разведку и выявлять не только местонахождение самих огневых точек, но и их слабые и сильные стороны. Тем более что германская разведка не ограничивалась только визуальным наблюдением. Широко использовалась также и агентура — как из числа местного населения, так специально забрасывавшаяся на советскую территорию. К моменту начала агрессии германское командование знало об этих УР если и не все, то по меньшей мере почти все примерно на 98—99 %. А ведь вопрос о крайней нецелесообразности такой дислокации новых УР поднимался еще на декабрьском совещании высшего командного состава РККА⁵⁷³. Однако ни Тимошенко, ни тогдашний начальник ГШ Мерецков даже и

⁵⁷² См.: ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 355802. Д. 1. Л. 9.

⁵⁷³ *Иринархов Р.* Военная Энциклопедия Красной Армии. Красная Армия в 1941 году. Перед грозными испытаниями. М., 2009, с. 232.

⁵⁷⁰ *Лифилов В.А.* Провал «Блицкрига». М., 1974, с. 188.

⁵⁷¹ Там же.

ухом не повели. Ну а Жуков и вовсе не вникать в этот вопрос. Строительство новых УР продолжалось на ранее утвержденных НКО и ГШ участках. Хотя уже тогда было ясно, как божий день, что такая дислокация новых УР абсолютно не гарантирует своевременного занятия оборонительных позиций дислоцировавшимися от них на расстоянии 10—15 км полевыми войсками, тем более при внезапном нападении. Так или иначе, но им требовалось не менее 3 часов, чтобы поднявшись по боевой тревоге, добежать до своих позиций. И, естественно, они не успели бы, за редчайшими исключениями. Что и случилось при нападении Германии.

Нельзя также не отметить в этой связи еще одного обстоятельства. Подобное расположение УР наводит на мысль о том, что таким образом воплощалась в жизнь преступная схема статического фронта узкой лентой. Дело в том, что принципиально УР обладали способностью сократить количество необходимых войск для обороны, высвобождая, таким образом, их для последующей концентрации на флангах с целью подготовки к операции немедленного встречно-лобового контрвторжения/контрблицкрига по факту нападения в духе концепции Тухачевского. Естественно, что тут же возникает вопрос: а куда смотрело высшее руководство, как военное, так и политическое. А куда и те и другие могли смотреть, если господствовала принципиально справедливая идея о том, «чужой земли нам ни клочка не надо, но и своей ни пяди не отдадим». Под такую «музыку» спокойно можно было разместить укрепленные районы на новой границе именно так, как это описано выше. И попробуй придерись! Все вроде бы в высшей степени патриотично. Только этот «патриотизм» не принес нужного эффекта. Тем более что и строили-то, мягко выражаясь, настолько странно, что даже если и не захочешь, все равно вынужден будешь заподозрить преступный умысел. Наряду с уже указанными выше

«недостатками», как иначе прикажете расценивать еще и такие «недостатки» в строительстве УР «линии Молотова», как следующие:

а) большие разрывы в обороне между строившимися УР,

б) равномерное расположение ДОС вдоль линии фронта при отсутствии их увеличения на важных направлениях,

в) отсутствие полноценной системы перекрестного артиллерийско-пулеметного огня,

г) отсутствие противотанковых препятствий,

д) отсутствие минно-взрывных заграждений,

е) недостаточное количество проводных заграждений,

ж) слабое взаимодействие между соседними узлами обороны,

з) отсутствие подземной связи между узлами обороны,

и) отсутствие тыловых оборонительных сооружений за УР первой линии (их строительство формально было запланировано, но только в случае возникновения боевых действий; интересно было бы знать, когда войска успели бы создать их).

к) малочисленность гарнизонов УР?⁵⁷⁴

И заметьте также, что эти недостатки были характерны для трех основных приграничных округов, а не только для ЗапОВО. И если, например, недостатки, указанные в пунктах «е» и «к» хотя и с колоссальной натяжкой, но все-таки можно через пень колоду списать на не вызывающие подозрений некоторые упущения, то вот как быть с остальными-то «недостатками»?! Они же все носят характер результата сознательных действий и сознательного планирования!..

⁵⁷⁴ ЦА МО РФ. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 789. Л. 374-375. *Иринархов. Р* Военная Энциклопедия Красной Армии. Красная Армия в 1941 году. Перед грозными испытаниями. М., 2009, с. 231—232.

Короче говоря, в итоге колоссальные средства и усилия, потраченные на строительство УР, оказались, по существу, выброшенными на ветер. Остатки этих УР и поныне стоят вблизи западных границ Республики Беларусь (а также Украины) молчаливым укором.

А что касается предательства, то, увы, не только немцы бегали на нашу сторону. К глубокому сожалению, и с нашей стороны были такие случаи. Только с одной стороны. Если от немцев на нашу сторону перебегали рядовые солдаты, максимум ефрейторы и фельдфебели, то с нашей стороны к немцам перебегали командиры. В мае 1941 г. командир строительной части по установке орудий в опорном пункте «Новый Долистов» (ЗапОВО) вместе со строевым командиром части, захватив секретные документы, перебежал к немцам. Весь участок укрепленного района — Сокулка, Кузница, Новый Долистов, Осовец — оказался полностью раскрыт противнику в инженерном отношении. Естественно, что германское командование не преминуло воспользоваться этим. Так что своим успехом на этом направлении они обязаны именно предательству этих двух советских командиров⁵⁷⁵. А успех гитлеровцев на этом направлении предрешил и их успех на соседних направлениях, а в конечном итоге и молниеносный захват Белоруссии. Кстати говоря, и сам Павлов на одном из допросов утверждал, что противник рассчитал удар совершенно точно по тому месту, где не было бетонных точек и где наиболее слабо была прикрыта река Буг. А это в том числе тоже не обошлось без предательства.

Как видите, подлинная истина более чем далека от благостных утверждений Павлова на следствии. Так какой же главный вывод можем сделать мы? Едва ли кто-либо рискнет оспаривать вывод о том, что Павлов попросту врал, говоря, что у него с

УР было лучше, чем в других округах. Приведенная выше выдержка из заключения инспекции ГВС — прямое доказательство того, что он врал. Как, впрочем, и другие приведенные выше данные. Соответственно, выходит, что Павлов без особых на то оснований потребовал вычеркнуть из его показаний слово «сознательно».

II. О положении с авиацией округа
Показания Павлова в отношении авиации — такая же бесценная кладь очень важных для нашего расследования свидетельств. В частности, того, что имело место и предательство в рафинированном виде, и реализованная в специфике дислокации авиасоединений и их аэродромов подмена официального плана отражения агрессии, и даже умышленный саботаж с вредительством. Смотрите сами.

Начнем с того, что боеготовность ВВС округа накануне войны была, мягко говоря, низкой. Например, 17 июня 1941 г. начальник 3-го отдела штаба ЗапОВО майор госбезопасности П.Г. Бегма докладывал в своем спецсообщении, что по состоянию на указанный день «на все полки 9-й смешанной авиадивизии имеется 85—90 исправных самолетов... Только в результате летних происшествий разбились 10 исправных машин... Для группового воздушного боя данный тип самолетов не годился, так как за один переворот через крыло машина теряла 600—700 метров высоты...»⁵⁷⁶ Между тем речь идет об истребителях МиГ-1 и МиГ-3, которых в вооружение 4 полков 9-й сад поступило 240 (по другим данным, якобы 303) штук. МиГ-3 — это истребители, задачей которых является завоевание господства в воздухе. К тому же это высотные истребители (в одном ИАП должно было быть примерно 50 самолетов, 9-я сад состояла из 2-х ИАП и 1-го сбп).

⁵⁷⁵ Иринархов Р. Военная Энциклопедия Красной Армии. Красная Армия в 1941 году. Перед грозными испытаниями. М., 2009, с. 233.

⁵⁷⁶ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4 п. Оп. 21. Д. 2470. Л. 5—7. Цит. по: Надтачаев В.Н. Военная контрразведка Беларуси. Судьбы, трагедии, победы... Минск, 2008, с. 141.

Так вот и спрашивается, во-первых, зачем такие истребители были направлены: а) в авиадивизию передового базирования ЗапОВО; б) именно в смешанную авиадивизию передового базирования? Неужели было неизвестно, что их обслуживание требует особого технологического режима, ибо это значительно более сложный самолет по сравнению с И-16 даже последних модификаций?! Неужели не было понятно, что в смешанной авиадивизии полностью соблюсти технологический регламент обслуживания этих сложных машин значительно труднее?! Более того. Неужели не было известно, что эти истребители хороши главным образом на больших высотах?! А немецкая авиация во фронтовой зоне с больших высот не бомбила. Соответственно, чтобы надежно прикрывать свои наземные войска, нужны были не высотные истребители, а работающие на обычных высотах. Хуже того. Неужели не было известно, что по своим маневренным качествам на обычных высотах истребители МиГ-3 уступают и И-16, и тем более немецким истребителям?! Так зачем же их туда нагнали в столь большом количестве?! Для виду, что ли?! Супостатов поугагать?! Или все-таки для реализации негласного плана незаконного контрблицкрига по факту нападения?!

Но в таком случае и, во-вторых, почему, нагнав туда большое количество новейших истребителей, нисколько не озаботились их боеготовностью? Ведь это же умопомрачительные данные, которые привел П.Г. Бегма — всего 85—90 самолетов исправны. То есть если исходить из цифры 240 самолетов, всего 35,4—37,5 % имевшегося парка новейших истребителей были исправны. Если от 303 самолетов, то и вовсе 28—29,7 %. За такое плачевное состояние боевой техники и в мирное-то время полагается суровое наказание. Тем более если учесть, что речь шла о боеготовности авиадивизии передового базирования. Короче говоря, на примере 9-й сад (кстати говоря, явно не

случайно командир 9-й сад генерал-майор А.С. Черных 6 июля 1941 г. пошел под суд военного трибунала и вскоре был расстрелян) цена утверждению Павлова о боеготовности ВВС округа очевидна и комментариев явно не требует.

Справка-комментарий. Обучение летчиков сначала пытались организовать на самих аэродромах, «своими силами». Затем из-за высокой аварийности переучивание стали проводить централизованно, в специализированных учебных центрах, с откомандированием летчиков из приграничных авиаполков. Так, летчиков 13-го сбав 9-й сад отправили из под Белостока в Москву для переучивания на Пе-2: «В начале июня нашему авиаполку приказали подготовиться к переходу на Пе-2. Сразу в центр переучивания, находившийся на одном из подмосковных аэродромов, были направлены экипажи инструкторов, в том числе и [10] наш. В субботу 21 июня мы были на месте. А утром в воскресенье грянула война. Нас задержали в Москве»⁵⁷⁷.

А теперь о первом заявлении Павлова в отношении ВВС на следствии — «...Явившиеся ко мне в штаб округа командующий ВВС округа Копец и его заместитель Таюрский доложили мне, что авиация приведена в боевую готовность полностью и рассредоточена на аэродромах в соответствии с приказом НКО».

Это более чем наглая ложь. Но опровергать ее будем в том числе и в связке с опровержением ответа Павлова на вопрос следователя о том, «имел ли он сообщение о том, что на границе появились самолеты противника», на что Павлов тогда ответил: «Такое сообщение я получил одновременно с началом бомбежки. Минский центральный пост ВНОС получил сообщение о перелете государственной границы авиацией противника через 4 минуты, а приграничные аэродромы это сообщение получили значительно раньше, но подняться в воздух не смогли, так как новой техникой в ночных полетах

⁵⁷⁷ Цуто П.И. Пикировщики. М., 1987, с. 10.

не овладели». Такая связка обусловлена лишь одним — дабы дважды не служить одну обедню.

Для начала отметим, что вопрос Павлову был задан об одном, он же ответил по принципу «вы про Фому, а я вам про Ерему». Потому что ему задали вопрос о том, знал ли он о появлении самолетов противника на границе до нападения — формулировка этого вопроса не оставляет сомнений в этом. Кстати говоря, это свидетельствует и о том, что следователями проводилась тщательная проверка многих фактов, которые привели к трагедии. Иначе откуда такой вопрос с хитрецей. Да и Павлов не случайно сразу же «включил дурака», заявив, что об авиации противника ему стало известно только с началом бомбежки. Скумекал, видать, к чему клонит следователь...

Но если обратимся к воспоминаниям начальника кафедры тактики ВВИА им. Жуковского, Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта авиации Сергея Федоровича Долгушина, то узнаем и вовсе нечто умопомрачительное. Такое, от чего не только волосы дыбом встанут, но и даже самый закоренелый антисталинист вынужден будет признать, что в трагедии 22 июня не Сталин виноват, а откровенное предательство со стороны командования округов. Долгушин встретил войну младшим лейтенантом в 122-м истребительном авиационном полку (ИАП) 11-й сад непосредственно на границе, в полосе ЗапОВО.

И вот что он написал: «...Накануне войны служил на аэродроме, расположенном в 17 км от границы... В субботу 21 июня 1941 г. прилетел к нам командующий округом генерал армии Павлов, командующий ВВС округа генерал Копец... Нас с Макаровым послали на воздушную разведку. На немецком аэродроме до этого дня было всего 30 самолетов. Это мы проверяли неоднократно, но в этот день оказалось, что туда было переброшено еще более 200 немецких

самолетов...»^{87*} Это действительно было так — супостаты в самый последний перед нападением момент перегнали на свои приграничные аэродромы большую часть боевой авиации. Далее Долгушин рассказал, что перед самым нападением, днем 21 июня, в их полку побывал командующий ЗапОВО Д.Г. Павлов и командующий ВВС ЗапОВО И.И. Копец. Долгушин лично докладывал им данные разведывательного полета на немецкий аэродром, на котором вместо 30 (примерно) самолетов Me-109 они насчитали более 200 боевых самолетов различных типов. После этого Копец лично слетал на немецкий аэродром на истребителе Долгушина и убедился в правдивости доклада летчиков.

Комментарий. Кстати говоря, приведенное выше свидетельство прекрасное доказательство того, что не одни гитлеровцы вели воздушную разведку, о чем Жуков ревмя ревел еще в секретном письме Хрущеву от 19.05.1956. Правда, Долгушин утверждал также, что при этом им запрещалось пересекать саму границу. И они визуально фиксировали положение на немецком аэродроме, который был недалеко от фаницы, с высоты около 1,5 км. В то же время нельзя отрицать и того, что в отдельных случаях наши вели воздушную разведку, пересекая границу.

◆◆◆

Но после убийства командования в этом ИАП получили приказ, о котором Долгушин с неостывшим за все послевоенные годы возмущением сказал следующее: «В субботу 21 июня мы отлетали, к вечеру полеты закончились, и нам сообщают: “снять оружие и ящики с боеприпасами, и хранить их отдельно”. Это же идиотство! Мы все были взволнованы... Закончили мы полёты примерно в 18 часов. Часов в 19 нас разоружили — поступила команда “СНЯТЬ С САМОЛЁТОВ оружие и боеприпасы и разместить их в каптерках”⁹ — доща-

⁵⁷⁸ Мир авиации. 1992. № 1, с. 26. Интернет-журнал «Дуэль», 13 июля 1999, № 28 (119), [дуэлуу.4ue1.ru](http://duel.uu.ru)

тых и фанерных сарайчиках за хвостом самолетов. Мы все думаем: зачем же?! Мы же когда взлетали в готовности №1 и когда догоняли (Me-110), у нас пушки и ПМ “стояли на одну перезарядку”. ПМ — просто дёрнул ручки — вот они стоят, и тут же кнопки (чтобы) воздухом перезаряжать пушки. На одну перезарядку и после этого жми на гашетки и стреляй. А тут — сняли! Вечером поужинали. За ужином мы обменивались — все были до того возмущённые злые: как это так — мы вылетали на перехват, имея всё оружие на одну перезарядку, а тут — в такое тревожное и какое-то неприятное время, у нас отняли оружие, у истребителей! Поужинали. Такое состояние было: СНЯЛИ ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ!! И мы спросили: “Почему сняли оружие?! Кто такой идиотский приказ издал”?! Даже к командиру полка Емельяненко (командир 4-й эскадрильи, в которой служил Долгушин. — А. М) обратился и говорит: “Ну почему?!” А командир полка разъяснил командирам эскадрилий: “Приказ командующего” (Западным военным округом Д.Г. Павлова. — А. М), а командиры эскадрилий — нам. Спать, конечно, никто не хотел, и мы не спали просто от удивления: какой му...ак это выдумал, всё это дело?! Ну представляешь — мы не стеснялись в выражениях вечером... Оружие сняли, а в 2.30 раздаётся сигнал — тревога. Истребители без боекомплекта и без оружия! И в момент налета немецкой авиации летчики вместо «сокращенных» оружейников занимались установкой пушек и пулеметов на истребители»⁵⁷⁹.

***◆

Справка. Рассказ С.Ф. Долгушина специально приведен в том виде, в каком он был зафиксирован, то есть без литературной обработки. В определенных случаях такой вариант цитирования высказываний заслуженных ветеранов дает шанс глубже и точнее понять, что же на самом деле тогда происходило.

⁵⁷⁹ Цит по: Бпр://аУгаГогш.ги/\$boy^gea^pbr?z=Ъ8(1e73ee429ЯeB77c59(1Ъ23cc4Ъe29&l=7645&pa\$e=2

Но вот что особенно любопытно. 122-й ИАП, в котором служил Долгушин, имел новые истребители МиГ-1 и МиГ-3, а также получил последние модификации истребителя И-16 с более мощными «63-ми» моторами мощностью 1150 л.с., которые позволяли развить скорость до 500 км/ч включительно⁵⁸⁰. С учетом же особой маневренности знаменитых «ишаков» и их пулеметно-пушечного вооружения (2 пулемета ШКАС и 2 пушки ШВАК) — это была очень грозная сила, которая могла на равных противостоять тевтонским стервятникам. И вот именно с этих истребителей по приказу Павлова и Копец сняли все вооружение и боеприпасы?! Для чего? Для того чтобы они не могли сбивать нацистских стервятников?! Исходя из ситуации 21 июня, ни для какого иного вывода нет ни малейшего шанса.

Комментарий. Ветеран Великой Отечественной войны, летчик Архипенко рассказывал, что ещё «за три-четыре месяца немцы начали летать над нашей территорией на 6000—7000. Утром и вечером. Но только за один день до войны пришла шифровка, разрешающая их сбивать»⁵⁸¹.

В принципе это очень интересный факт. Такой приказ мог быть направлен в войска 20—21 июня в связи с повышением уровня боеготовности войск. Можно также расценить этот факт и так, что подобным образом не в меру ретивые защитники Отечества пытались устроить провокацию, выставив СССР в качестве агрессора. Тут есть одна тонкость, которая малоизвестна, если вообще известна. Прямого запрета на обстрел немецких самолетов советскими истребителями не существовало. Сказки на эту тему — не более чем послевоенное вранье генералов. Об этом уже говорилось в первой книге проекта. Но не было и разрешения на физическое уничтожение самолетов-нарушителей воздушной границы, то есть не было разрешения на открытие огня на поражение. А тут, по словам Архипенко, был дан

⁵⁸⁰ ЦА МО РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 243. Л. 174—175.

⁵⁸¹ Запись и литературная обработка Артема Драбкина. Страничка принадлежит веб-сайту «Я помню».

прямой приказ на открытие огня на поражение самолетов-нарушителей. Вот потому сие и было названо провокацией.

В этой связи весьма любопытна история, происшедшая с летчиком Николаем Белогубом. 18 июня лётчик-истребитель Н. Белогуб сбил немецкий разведчик, который воткнулся в землю чуть ли не на линии госграницы. Скрыть инцидент было невозможно, и 20 июня трибунал приговорил Н. Белогуба «к расстрелу—за провокацию войны»^{8*}. Политорганы тут же приняли соответствующие меры для доведения этого факта до всего личного состава ВВС. Правда, дело фактически тут же и заглохло, скорее всего именно потому, что уже 20—21 июня разрешили сбивать нарушителей...

В свете изложенного выше становится более понятно, зачем Павлов и Колец прилетели на транспортном самолете в 122 ИАП днем 21 июня. Особенно если учесть подсказку Долгушина, которую он дал в одном из своих последних интервью в 2010 г. (генерал скончался в июне 2011 г.). В имевшей название «Истребитель И-16» одной из серий документального кинопроекта «Оружие Победы», который с колоссальным успехом идет на телеканале «Звезда» Долгушин рассказал о следующем. 21 июня 1941 г. он, вылетев на патрулирование, заметил немецкий самолет Ю-87 и сбил его. Последний раз этот фильм показывали в конце ноября 2011 г. Вот слова Долгушина: «И вот уже, прямо чувствуется, чувствуется, немцы ведут себя так нахально, перелетают границу. И вот как-то мы идем парой, с товарищем, и смотрим — Ю-87, километров пять за границей. Нам сказали—убейте. Ну, у меня две пушки в плоскостях, два ШКАСа на моторе. Я не стал даже пушками бить его. По кабине ударил ШКАСом и все — летчика убил, самолет воткнулся. Это был мой первый сбитый самолет. До объявления еще войны. А на следующий день, уже война». Нет ни малейшего сомнения в том, что Долгушин рассказал истинную правду. И в таком случае действительно понятно, зачем прилетели и что делали командующий округом генерал армии Д.Г. Павлов и командующий ВВС ЗапОВО генерал И.И. Копец на их аэродроме. Это была проверка по факту происшествия — сбитие немецкого самолета! ЧП! И хоть вроде есть разрешение уже сбивать и Долгушин сделал это именно по команде своих командиров, проверке подлежало, очевидно, то обстоятельство, над чьей территорией был сбит немецкий самолет-нарушитель.

Но если в этой части теперь все понятно, то вот что касается последовавшего затем приказа Павлова о снятии вооружения с самолетов

122-го ИАП и 16-го СБАП 11-й сад вывод может быть только один. Это было преступление в форме вредительства, преследовавшего цель ослабления мобилизационной и боевой готовности авиачасти в особо угрожаемый период. Правда, излишне ретивые хулители прошлого, как всегда, явили столь традиционное для них «горе от ума», заявив, что-де сей приказ Павлова был обусловлен «объективной причиной». А в качестве таковой, «естественно», выставили упомянутое выше ЧП. Оно, быть может, и было бы так, если бы не одно «но», которое сознанию тех, кто смертельно поражен «горем от ума», объективно недоступно. Разоружение боевых самолетов передового базирования в особо угрожаемый период однозначно есть прямое преступление. Преступление, которое направлено на умышленное ослабление мобилизационной и боевой готовности авиачасти. И тем более это преступление, если учесть, что уже 18 июня была директива о приведении войск передового базирования (первого оперативного эшелона) в боевую готовность. Никаких других толкований тут быть не может по определению.

А ведь разоружение и снятие боезапаса с самолетов имело место 21 июня также и в 16-м СБАП (дислоцировался на аэродроме в 17 км от границы в районе с. Чёрляны), в котором также по приказу Павлова и Копца с бомбардировщиков было снято пулеметно-пушечное вооружение⁵⁸³.

Между тем незадолго до начала войны переданный в 11-ю сад ЗапОВО 16-й сбп был укомплектован скоростными бомбардировщиками «СБ» и новейшими пикирующими бомбардировщиками «Пе-2». Мощное вооружение находилось в носовой части этих самолетов. При разоружении они становились практически беззащитными и легкой добычей для проклятых Гансов и фрицев. Утром 22 июня 1941 г. 16-й сбп был уничтожен противником практически на аэродроме базирования в с. Чёрляны, о чем сохранилось соответствующее донесение.

⁵⁸³ Свидетельство от 27 марта 2005 г. Сальникова Георгия Георгиевича - сына стрелка-радиста 16-го сбп Сальникова Георгия Ивановича со слов последнего. Цит. по: БКр://aU1aГогит.ги/8Bo'y1bгeac1.pбp?8=b88e73ee429йe077c59(1b23cc4'be29&l=7645&pa&e=2

⁵⁸² Подальный И.А. Девятнадцатый герой. Приговор к расстрелу за сбитый фашистский самолет Николаю Белогубу еще не отменен? // Военно-исторический журнал. 2002. № 5, с. 36—37.

И поскольку подобное разоружение имело место не только в этих авиаполках и не только в 11-й смешанной авиадивизии, то это ли не подстава ВВС округа под неминуемый разгром, в частности, за счет умышленного разоружения истребительного и бомбардировочного авиаполков передового базирования?!

Это ли не подстава наземных войск под неминуемый разгром путем лишения их прикрытия с воздуха за счет разоружения авиачастей передового базирования?!

Это ли по совокупности не заблаговременное оказание противнику содействия в разгроме собственных войск?!

Не говоря уже о том, что большая часть авиации округа фактически умышленно была сосредоточена на малом количестве аэродромов, прежде всего в приграничной зоне. То есть в зоне непосредственной досягаемости как артиллерией, так и авиацией противника, что также вполне определено, тем более в совокупности с вышеприведенными данными, четко подпадает под понятие подставы войск под неминуемый разгром.

И разве все это не носит достаточно выпукло выпирающий преступный характер предпрешенной неминуемой неизбежности трагедии 22 июня 1941 г., в данном случае конкретно в ЗапОВО?!

Кстати, обратите внимание, что столь подлый, предательский приказ был отдан именно той смешанной авиадивизии, которая должна была прикрывать наши войска на Белостокском направлении. На том самом направлении, в отношении которого у германского командования были специфические намерения. Проще говоря, оно вовсе не намеревалось устраивать сражения за Белосток, но планировало стремительный прорыв на этом направлении в сторону Минска, где и была запланирована, а затем и устроена кровавая бойня нашим войскам. Но как должен был произойти стремительный прорыв на этом направлении, которое прикрывали

две советские армии — 10-я и 3-я армии ЗапОВО?! Одного эффекта внезапности тут недостаточно. Такое было возможно только в результате предательства, один из важнейших элементов которого конкретно на этом направлении и был показан выше. Ну а далее читатели еще несколько раз с горечью убедятся, что это, увы, столь горькая и печальная реальность, что...

Но вернемся к словам Долгушина. Данные срочно проведенной в присутствии двух главных ответственных за боеготовность округа и его ВВС лиц воздушной разведки четко свидетельствовали об исключительной опасности, нависшей над СССР. В том числе и персонально над ЗапОВО: взрывное, более чем семикратное увеличение числа вражеских самолетов на приграничном аэродроме противника означало его полную готовность к нападению на Советский Союз в ближайшие же часы! Для того чтобы это понять, вовсе не нужно быть генералом. И уж тем более не надо иметь семь пядей во лбу. Тем более что эти данные строго укладывались и в рамки директивы Генштаба от 18 июня 1941 г. о реальности нападения в ближайшие же дни, в связи с чем и был отдан приказ о приведении войск всех приграничных округов в боевую готовность. К тому же даже разведка штаба ЗапОВО 21 числа ясно и однозначно сообщила о том, что, по ее данным, части вермахта уже заняли исходные для нападения позиции.

Попутный комментарий. Отметим также, что, во-первых, столь передовое базирование ИАП и СБАП есть прямое следствие исполнения дуэтом Тимошенко—Жуков и их присными «рекомендаций» Тухачевского в отношении авиации при планировании операции немедленного встречно-лобового контрвторжения/контрблицкрига по факту нападения! Кстати, необходимо в этой связи отметить и такую деталь. Тот же Сандалов как-то проговорился, что по приказу штаба округа за день до начала войны 74-й штурмовой авиационный полк 10-й авиадивизии, подчинявшейся 4-й армии ЗапОВО, 20 июня 1941 г. был перебазирован на полевой приграничный

аэродром в 8 км от границы, в район Высокое⁵⁸⁴. А позже Сандалов проговорился и о том, что это было осуществлено по приказу Жукова.

И вот что особенно любопытно. Во время допросов и на суде Павлов, признавая факт базирования авиации округа на полевых, предназначенных для наступления аэродромах, молчал о том, что не только это перебазирование, но и в целом передовое базирование авиации было осуществлено по приказу Жукова—Тимошенко. Стали н-то до 22 июня дислокацией полков даже своих любимых «сталинских соколов» не занимался. Во-вторых, свидетельство Долгушина — прекрасное доказательство того, что не одни только гитлеровцы вели воздушную разведку. Жуков же еще в секретном письме Хрущеву от 19.05.1956 г. утверждал, что нашим войскам это было запрещено. Запрет был на перелет границы, хотя в ряде случаев без этого тоже не обходилось. Проще говоря, воздушная разведка нашими войсками велась, а ее результаты докладывались и командованию округами, и, естественно, в НКО и ГШ. Кстати говоря, в последние три дня перед нападением это выходит уже третий известный по литературе случай воздушной разведки непосредственно в ЗапОВО. Так что Жуков нагло лгал, заявляя, что ведение воздушной разведки, видите ли, запрещалось Сталиным, вследствие чего они, brave да крутолобые, ни хрена не знали, что делают находившиеся по ту сторону границы супостаты.

И вот при наличии таких чрезвычайно тревожных данных воздушной разведки командующие ЗапОВО генерал Павлов и ВВС ЗапОВО генерал Копец посмели, тем более после директивы ГШ от 18 июня о приведении войск в боевую готовность, дать приказ о снятии с самолетов оружия и боеприпасов?!

Приказ есть приказ—оружие летчики сняли. Но ящики с боеприпасами оставили. А когда в 2 часа 30 минут 22 июня была объявлена тревога, то им пришлось, вместо того чтобы взлетать и прикрывать аэродром, в срочном порядке устанавливать пушки и пулеметы на самолеты⁵⁸⁵.

Вы только вдумайтесь, что же за преступный приказ был отдан в особо угрожаемый период! Три дня назад из Москвы

пришел приказ о приведении войск в боевую готовность и выведении управления фронта на фронтовой КП. Само командование округа 21-го июня обладало означавшими в совокупности высший уровень опасности неопровержимыми, в том числе и от собственной разведки, данными о том, что вот-вот грянет агрессия, ибо супостаты заняли исходные для нападения позиции и перегнали на передовые аэродромы основную часть своей боевой авиации. И в этот момент летчикам базирующегося всего в 17 км от границы ИАП приказывают снять с самолетов оружие и боеприпасы?! И кто? Командующие округом и ВВС округа — генералы Павлов и Копец! Ни тот, ни другой друг без друга такой приказ отдать не могли — он был четко согласован между ними! Но, конечно же, особая ответственность за этот приказ ложится непосредственно на Павлова. Но не только на него, особенно если учесть следующее. Согласно воспоминаниям вдовы генерала Копец — Нины Павловны Копец, на которую ссылается Военно-исторический архив в № 10 за 2010 г., «в самый канун войны из Москвы пришел приказ подготовить самолеты (ВВС ЗапОВО. — *А. М.*) к какому-то парадному смотру, то есть снять вооружение, и поэтому в момент фашистского нападения они оказались разоруженными».

Надеюсь, теперь понятно, почему в первые же минуты агрессии летчикам — тем, что едва смогли и успели взлететь, — пришлось идти на тараны в целях защиты своей Родины! Ведь первый таран осуществил командир звена 124-го ИАП (дислоцировался под Белостоком) мл. л-т Д. Кокорев уже в 4 часа 15 минут 22 июня именно в небе над Белоруссией, над г. Замбров (Замбрув), под Белостоком⁵⁸⁶. Это был первый воздушный таран в той страшной войне. Тогда был уничтожен германский самолет «Дорнье-215».

У «сталинских соколов» в этом округе на борту не было ни оружия, ни бое-

⁵⁸⁴ Сандалов Л.М. 1941. На Московском направлении. М., 2010, с. 74.

⁵⁸⁵ Мир авиации. 1992. № 1. С. 26; Интернет-журнал «Дуэль», 13 июля 1999, № 28(119), y/y/y.<1ie1.gi

⁵⁸⁶ Жуков Л.Н. Выбираю таран. М., 2005, с. 109.

припасов. По приказу же командующих округом и ВВС округа! Что подтвердил в 2010 г. в интервью телеканалу «Звезда» однополчанин Д. Кокорева — генерал Коль. Это ли не предательство в чистом, так сказать, рафинированном виде?! Это ли не прямая подстава ВВС округа под неминувый разгром?!

♦

Справка. Если вы думаете, что упомянутый таран — единичный случай за 22 июня, который имел место только в небе над Белоруссией, то безмерно заблуждаетесь. В 4 ч. 25 мин. летчик с великой русской фамилией И.И. Иванов (командир звена 46-го ИАП, дислоцировался на аэродроме Млынов под г. Дубно) повторил этот подвиг, сбив «Хе-111». Через час после самого первого тарана — в 5 ч. 15 мин. — летчик Л.Г. Бутелин в воздушном бою над Галичем (Украина) утроил счет таранов. В 10 часов утра 22 июня в небе на Бресте летчик П.С. Рябцев совершил четвертый таран. А перечень летчиков, которые совершили таран прямо в первые же часы агрессии, таков: Д.С. Кокорев, И.И. Иванов, Л.Г. Бутелин, П.С. Рябцев, А.И. Мокляк, С.М. Гудитов, В.С. Лобода, А.С. Данилов, Е.М. Панфилов.

А 12 сентября 1941 г. впервые в мире воздушный таран был осуществлен женщиной — светлой памяти мужественной защитницей своей Родины, командиром 5-й эскадрильи 135-го ближнебомбардировочного авиаполка старшим лейтенантом Екатериной Ивановной Зеленко, с мая 1990 г. Героем Советского Союза (посмертно). Высшей награды она была удостоена столь поздно лишь по той причине, что даже командование 135-го ББАП просто не знало о ее подвиге, что, увы, для 1941 г. было более чем характерно.

Вечная им слава! И да простят автора те безвестные герои-летчики, чьи славные имена не указаны в этом списке, возможно, нам еще не все известно о первых мгновениях той войны.

А ведь самолеты не только разоружали. Есть сведения и о том, что одновременно имел место также и приказ о слитии бензина из баков самолетов — якобы для их просушки. В 1991 г. автор книги лично слышал такой рассказ от одного пожилого белоруса, который накануне войны проживал в одной из приграничных деревень рядом с военным аэродромом.

Именно из-за этого первые бои летчики не могли вести долго, потому что заправка есть НЗ. И раньше возникновения острой

была скоротечной и потому не полностью — надо было срочно взлетать, чтобы отражать налеты супостатов, а большая часть самолетов и вовсе не могла взлететь. К слову сказать, отсутствие бензина в баках самолетов передового базирования — явление отнюдь не последнего дня перед нападением. И заключалось оно не только в слитии бензина. Была и другая причина его отсутствия — его просто не давали летчикам.

Увы, но и это давняя история. Вопрос о нехватке топлива, о задержках с его поставками и негативных последствиях этого как в плане летной подготовки летчиков, так и в смысле укрепления боеготовности авиации приграничных округов еще на декабрьском 1940 г. совещании комсостава РККА ставил командир 3-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса ЗапОВО Н.С. Скрипко. Он сделал это прямо в присутствии Сталина. На заявление Скрипко Сталин отреагировал тут же и, не мешая ходу совещания, отдал соответствующие распоряжения командующему ВВС РККА генералу Рычагову.

Увы, но бардак с топливом как был, так и остался. Но оставшись таковым, он по мере приближения даты нападения все более превращался в тяжкое преступление. Потому что, по словам Павлова, он насаждался непосредственно из НКО и ГШ. Ведь на допросе он, в частности, показал, что он доложил наркому обороны о том, что, вопреки запрещению начальника ВВС Жигарева заправить самолеты бензином НЗ и заменить моторы за счет моторов НЗ, он отдал такое распоряжение Копцу и Таюрскому.

В этом утверждении Павлова главное не в том, врал ли он или правду говорил, особенно о том, что он отдал такие распоряжения, а в том, что непосредственно начальником ВВС РККА был установлен запрет на использование бензина и моторов из неприкосновенного запаса. Предположим, что у Жигарева были основания для

установления такого запрета. Все-таки НЗ не могли вести долго, потому что заправка есть НЗ. И раньше возникновения острой

необходимости тратить его нельзя. Но в таком случае тут же возникает другой вопрос. А что сделал тот же Жигарев, чтобы ВВС ЗапОВО, не прибегая к НЗ, смогли бы заправить самолеты и поменять на некоторых из них моторы? Ведь авиация-то приграничных округов, в том числе и ЗапОВО находилась преимущественно в передовом базировании. Он же знал об этом. Как и о результатах инспекции ВВС ЗапОВО, которую осуществлял командующий ВВС МВО полковник Н.А. Сбытов (об этой инспекции см. чуть ниже). Топлива же, как указывалось ранее, в том числе и авиационного, в округе было предостаточно, как говорится, хоть залейся, да и далеко не все авиадвигатели находились в НЗ. В статусе НЗ хранится лишь некоторая часть двигателей, как, впрочем, и некоторая часть топлива.

Ничего не сделал Жигарев. Запрет установил, и баста! И как хочешь заправляй самолеты да двигатели меняй. А что супостаты вот-вот нападут, о чем Жигарев знал еще с 18 июня, — ведь он же исполнял приказ Сталина о срочном осуществлении воздушной разведки в полосе компетенции именно ЗапОВО, — выходит, пускай себе нападают и громят наши незаправленные, скученно расположенные, к тому частично без двигателей самолеты?! Разве не так выходит, если вдуматься в только внешне идиотский запрет Жигарева?! Кстати говоря, обделавшись еще несколько раз уже после начала войны, Жигарев доигрался до того, что, будучи вне себя от гнева из-за его проделок, Сталин едва не закатил ему оплеуху, а потом попросту выгнал из своего кабинета³⁸⁷. Жигарев чудом уцелел, хотя дальнейшая его карьера пошла по нисходящей.

◆**

Справка. В марте 1942 г. Сталин снял Жигарева с этого поста формально за вранье, фактически за саботаж, приведший к массовой

задержке отправки на фронт 700 (СЕМИСОТ) готовых боевых самолетов, которые простаивали на заводских площадках, так как Жигарев не распорядился прислать экипажи. Этот случай описан в мемуарах Главного маршала авиации А.Е. Голованова.

◆◆◆

Но вернемся к «красной линии» сюжета. Если вы думаете, что сказанное Долгушиным — это единичный случай, — то более чем шубоко ошибаетесь. Хотя в принципе и одного такого случая достаточно, чтобы поставить к стенке за такой приказ.

В 16.00 21 июня командир 10-й САД (место дислокации — район Брест-Кобрин) полковник (впоследствии генерал-майор авиации) Н.Г. Белов получил шифровку из штаба ЗапОВО. В ней говорилось, что приказ от 20 июня о приведении частей в полную боевую готовность и запрещении отпусков отменить!⁵⁸⁸ Вот как впоследствии он описал этот факт: «20 июня я получил телеграмму начальника штаба ВВС округа полковника С.А. Худякова с приказом командующего ВВС округа: “Привести части в боевую готовность. Отпуск командному составу запретить. Находящихся в отпусках, отозвать”. Сразу же приказ командующего был передан в части. Командиры полков получили и мой приказ: “Самолеты рассредоточить за границей аэродрома, там же вырыть щели для укрытия личного состава. Личный состав из расположения лагеря не отпускать”.

...21 июня часов в 10 я вылетел в 74-й штурмовой полк майора Васильева, который вместе с 33-м истребительным полком базировался на аэродроме в Пружанах, проверить, как устроился полк в лагерях. В 16 часов перелетел на аэродром в 123-й истребительный полк майора Бориса Николаевича Сурина. Там планировал провести совещание с командирами полков. На аэродроме меня уже ждал начальник штаба дивизии полковник Федульев.

⁵⁸⁷ Чуев Ф. Неписочный маршал. М., 1995, с. 27.

⁵⁸⁸ Буг в огне. Минск, 1965, с. 170

— Получена новая шифровка. Приказ о приведении частей в боевую готовность и запрещении отпусков — отменяется. Частям заниматься по плану боевой подготовки»⁵⁸⁹.

То есть, как и в первом случае, командующий ЗапОВО генерал армии Павлов лично санкционировал — ни штаб ВВС округа, ни штаб округа без него никак не могли отдать такой приказ, — отмену не только собственного приказа о приведении частей в полную боевую готовность. В сущности, он разрешил также и отмену директивы Генштаба от 18 июня 1941 г., которую санкционировал Сталин! Проще говоря, эта шифровка свидетельствует о том, что Павлов и Климовских действовали заодно, согласованно.

Кстати, любопытная деталь. Вернувшись в штаб дивизии поздно вечером 21 июня, после поездки в один из авиаполков дивизии, Белов решил переговорить по закрытой линии телефонной спецсвязи «ВЧ» с командующим ВВС округа генералом Копцом или начальником штаба ВВС округа. Едва ли есть смысл оспаривать то обстоятельство, что его намерение переговорить с генералом Копцом, было явно обусловлено получением упомянутой выше шифровки из штаба округа. Однако в штабе ВВС округа в Минске никого не было, кроме оперативного дежурного⁵⁹⁰. С маниакальной упертостью преступно насаждавшееся Павловым злостно мирное настроение царило в умах командования ЗапОВО всех уровней. И тогда, когда уже и слепому была очевидна неминуемость нападения буквально с минуты на минуту.

Аналогичный же приказ получили и в 9-й сад (Белосток—Волковыск), который в 13-м сбав этой дивизии выполнили с превеликим удовольствием: командование авиаполка, летчики, техники уехали к своим семьям, авиагарнизон остался на попечение внутренней службы во главе с младшим лейтенантом К.С. Усенко. Уже

этого, зенитную батарею, прикрывавшую аэродром, в середине июня сняли и отправили на учения! Этот факт привел в своих воспоминаниях летчик этого сбав П. Цупко («Пикировщики». М., 1987 г.). Кстати, в ЗапОВО это было в массовом порядке. Об этом еще поговорим отдельно.

Короче говоря, утверждение Павлова о том, что «...явившиеся ко мне в штаб округа командующий ВВС округа Копец и его заместитель Таюрский доложили мне, что авиация приведена в боевую готовность полностью и рассредоточена на аэродромах в соответствии с приказом НКО» — всего лишь грубая и наглая ложь. Когда же следователи разоблачили это вранье, то, поняв, что дело всерьез запахло жареным, Павлов стал петлять и спихивать ответственность на генералов Копца и Таюрского, а заодно бить себя в грудь пятками, посыпать голову пеплом и каяться: «...Я целиком доверил на слово рассредоточение авиации по полевым аэродромам, а на аэродромах по отдельным самолетам, не проверил правильность доклада командующего ВВС Копца и его заместителя Таюрского, допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны. В результате таких действий в первый же день войны авиация понесла огромные потери, не успев подняться в воздух из-за краткости расстояния от госграницы до аэродрома». А на суде Павлов подтвердил свои показания словами: «Это совершенно правильно. В начале военных действий Копец и Таюрский доложили мне, что, приказ народного комиссара обороны СССР о сосредоточенном* расположении авиации ими выполнен. Но я физически не мог проверить правильность их доклада. После первой бомбежки авиадивизия была разгромлена. Копец застрелился, потому что он трус».

Комментарии. * — Тут то ли Павлов перестарался в военном косноязычии, то ли следова-

⁵⁸⁹ Буг в огне. Минск, 1965, с. 170

⁵⁹⁰ Там же.

тели. Речь должна была идти о рассредоточении самолетов на аэродромах приграничных округов. Собственно говоря, Павлов с этого и начал, но почему-то произнес это слово, которое следователи зафиксировали на бумаге.

Эти утверждения проанализируем поэлементно. Во-первых, из этого «покаяния» Павлова четко видно, что следователи быстро разоблачили его ложь, иначе он не стал бы говорить такое. Увы, но протоколы допросов и протокол судебного заседания хотя и опубликованы, но ведь, как и многое другое, с цензурными купюрами. Так что показать как это сделали следователи, увы, не представляется возможным. Единственное, что возможно — зафиксировать, что следователи разоблачили его ложь.

Во-вторых, отвечая на вопросы следователей по авиации уже после того, как они разоблачили его первую ложь о приведении ВВС округа в боевую готовность, Павлов повернул дело в сторону проблемы рассредоточения авиации накануне нападения Германии, спихнув ответственность за это на генералов Копца и Таюрского.

Проблема рассредоточения и маскировки авиации в западных приграничных округах существовала до начала войны и действительно была острой. Увы, но вплоть до нападения супостатов, она так и не была решена, несмотря на то, что директив НКО и ГШ по этому вопросу было хоть отбавляй. В том числе и в ЗапОВО. А, быть может, в первую очередь в ЗапОВО. Дело в том, что ВВС ЗапОВО проверяли еще в марте 1941 г. и уже тогда опасная нерешенность этой проблемы в округе была выявлена результатами специальной инспекции. Ее инициатором было Главное Политическое Управление РККА. Сразу же отмечу, что пресловутого для многих Мехлиса в ГЛАВПУРЕ тогда не было — в то время он еще являлся наркомом госконтроля СССР. В ГЛАВПУР он вернулся только 21 июня 1941 г. Инспектировал ВВС ЗапОВО лично командующий авиацией Московского военного округа полковник (впоследствии генерал) Николай Александрович Сбытое. Вот его

возмущенно-красочное описание «положения авиации» ВВС ЗапОВО по состоянию на март 1941 г.: «Помню, лечу на У-2 и вижу, что самолеты всюду не рассредоточены, не замаскированы — стоят как на ладони! *

Приземлился на одном аэродроме — там новехонькие «пешки»** рядами выстроились. Проверил — а они даже горючим не заправлены. Я хвост трубой и докладываю командующему войсками***, тот — Щербакову****, Щербаков — Маленкову*****. Так вот тогда был рожден документ о положении авиации на границе. Подписали его Маленков, Щербаков, Тюленев и я как член парткомиссии Главного Политуправления РККА. А 4 мая состоялось заседание, на котором присутствовало все командование ВВС. И вот Сталин по той нашей бумаге издает приказ: «Немедленно привлечь к судебной ответственности...» Это было известно и наркому Тимошенко, и начальнику Генерального штаба Жукову. Короче, управление ВВС отправляет в пограничные округа комиссию. Та комиссия уже через пару дней вернулась и докладывает: «Все в порядке». Ну, что ты скажешь!..»⁵⁹¹

Комментарий. *—И это еще в марте 1941 г., то есть за три с лишним месяца до нападения Германии! Стоит ли после этого удивляться трагедии авиации 22 июня 1941 г.?! ** — Речь идет о только-только начавших поступать в войска новых фронтовых пикирующих бомбардировщиках Пе-2. *** — Командующему МЕЮ, то есть по прямой своей подчиненности. ****—Тогда Щербаков был 1-м секретарем МГК ВКП(б), курировал оборонные вопросы. ***** — Как кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Маленков тогда курировал вопросы подготовки обороны страны к войне, в том числе и положение в авиации.

Нелишне в этой связи будет привести и такой факт. По воспоминаниям Игоря Венедиктовича Кислова, бывшего руководителя бригады по сборке новейших тогда самолетов Як-1, которая в мае—июне 1941 г. занималась сборкой этих

⁵⁹¹ Грибанов С. Заложники времени. М., 1992, с. 102—103.

самолетов в 123-м ИАП 10-й сад, 19 июня в этот полк прибыл какой-то инспектор из ВВС ЗапОВО. В процессе состоявшейся беседы командир 123-го ИАП майор Борис Николаевич Сурин в лоб задал вопрос инспектору: «Когда же мы будем вводить в строй новые машины? Ведь война на носу. А горючего и снарядов к ним нет»⁸⁹². А ведь к этому времени в войска поступила многократно уже упоминавшаяся директива от 18 июня о приведении войск передового базирования (первого оперативного эшелона) в боевую готовность. И ничего. Новейшие самолеты без топлива и боеприпасов.

А что тут скажешь, если эта комиссия нагло обманула руководство СССР, что и подтвердило кровавое утро 22 июня, когда состоялся жуткий погром советской авиации прямо на аэродромах. Для нас в этом описании важно следующее. Во-первых, очевидно же, что Сталин не знал или как минимум не в полном объеме знал о царящем в ВВС приграничных округов, в том числе и в ВВС ЗапОВО, преступном бардаке и узнал о нем вследствие инициативы ГЛАВПУРА РККА о проведении упомянутой выше инспекции. Не исключено, что и наркомата госконтроля, так как в его недрах скрывалась личная контрразведка Сталина. Такое предположение имеет право на жизнь. Особенно, если учесть, что инициатива ГЛАВПУРА отчетливо отдает «технологией» легендирования действий подлинного инициатора — ведь наркомат госконтроля имел право контролировать любые органы власти в СССР, в том числе и военные, причем фактически по любому вопросу, а уж скрывавшаяся в его недрах личная контрразведка Сталина — тем более. Ни тем, ни тем более другим как раз и не нужно было светиться — вот и выставили все это как инициативу ГЛАВПУРА, в компетенцию которого вопросы характера дислокации авиации, честно говоря, не входили.

При этом следует отметить, что в неосведомленности Сталина в данном конкретном вопросе был виноват сам

Сталин — из-за того, что передал военную контрразведку в наркомат обороны. Как уже неоднократно указывалось выше, с начала февраля 1941 г. военная контрразведка подчинялась лично наркому обороны Тимошенко и начальнику Генерального штаба Жукову. Если она была бы в подчинении Лубянки, то ГЛАВПУРУ не пришлось бы инициировать такую инспекцию — особисты сами довели бы до сведения высшего руководства страны данные об этом бардаке.

Обратите особое внимание также вот на что. Осуществление такой инспекции означало, что кого-то в высшем военном командовании, не говоря уже о высшем советском руководстве, сильно обеспокоило состояние ВВС западных округов, особенно ЗапОВО. Следовательно, информация об этом преступном бардаке в ВВС западных округов каким-то образом все-таки достигла ушей высших кремлевских кругов. И инспектировать ЗапОВО направили только что назначенного командующим ВВС Московского военного округа полковника Н.А. Сбытова, в чем не так уж и трудно усмотреть очень квалифицированный психологический расчет. Ведь Сбытов только что был серьезно повышен в должности — командующий ВВС МВО это номенклатура даже не ЦК, а Политбюро ЦК ВКП(б). Следовательно, он должен был быть очень благодарен за это повышение в должности, тем более что он знал, за что сняли его предшественника, генерала Пумпура. И чтобы оправдать оказанное ему доверие, Сбытов, естественно, должен был доложить результаты инспекции без утайки. Он так и сделал.

«Грешить» же на Тимошенко и Жукова в части, касающейся инициации такой инспекции, не приходится — они не могли быть инициаторами такой инспекции, ибо для них она была явно как серпом по известному месту... Например, в силу такой причины. Если учесть, что в описании преступного бардака Сбыто-

⁸⁹² Буг в огне. Минск, 1965. Цит. по: tHkega. Иб.т/тето/п1551ап/5b_би8_y_o\$ne/1П(lex.blт1

вым фигурируют «пешки», то есть только что начавшие поступать в войска пикирующие бомбардировщики Пе-2, то выходит, что Сбыто инспектировал все, в том числе и аэродромы авиачастей передового базирования. Ведь Пе-2 в первую очередь поступали именно в эти части. И в итоге получается, что уже в марте 1941 г. результатами инспекции Сбытова оказался зафиксированным один из важнейших элементов осуществленной дуэтом Тимошенко—Жуков подмены официального плана! Ведь пикирующие бомбардировщики Пе-2 относились к категории штурмовой авиации и были предназначены для содействия нашим наземным войскам в прорыве обороны противника, уничтожения с воздуха его наземных сил, укрепленных районов, аэродромов, коммуникаций, баз снабжения, тыловых объектов и т.д. Следовательно, в части, касающейся авиации приграничных округов, подмена официального плана уже реализовывалась в марте 1941 г. на основе авиационных «рекомендаций» Тухачевского. Проще говоря, ВВС приграничных округов уже стали готовиться к немедленному встречно-лобовому контрвмешательству по факту нападения. Ведь их роль в таких операциях — это роль «первой скрипки». Не случайно потом появилась та дурная на тысячи голов директива НКО и ГШ от 10 апреля 1941 г. для ЗапОВО, авиационный раздел которой также достаточно выразительно свидетельствовал о подмене официального плана отражения агрессии. Так что ни Тимошенко, ни Жуков никак не могли быть инициаторами такой инспекции.

Увы, но в те времена не был сделан и вывод о подмене. Просто потому, что это было невозможно. Хотя бы в силу того, что такое базирование авиации легко объяснялось официальным планом отражения агрессии, где контрнаступление действительно предусматривалось. Но в этих объяснениях едва ли присутствовало пояснение о том, что в результа-

те осуществленной подмены контрнаступлению, тем более немедленному встречно-лобовому по факту нападения, незаконно был придан статус главного метода отражения агрессии.

Во-вторых, воспоминания Н.А. Сбытова позволяют если и не полностью, то хотя бы в основном понять природу происхождения последних приказов о маскировке и рассредоточении. А то ведь обычно из-за того, что в них указаны даты исполнения, отнесенные на июль, у некоторых историков начинаются по меньшей мере странные зигзаги мысли.

Прежде всего следует иметь в виду, что злостный, а в сущности-то преступный бардак в ВВС РККА в вопросах маскировки накануне войны возник отнюдь не в одночасье. Это давняя история, которую легко можно проследить по приказам народного комиссариата обороны. Так, еще в 1939 г. приказом НКО СССР № 0145 ГУ ВВС РККА вменялось в обязанность осуществить обязательную маскировку всех вновь строящихся оперативных аэродромов, а также всей имеющейся аэродромной сети ВВС. Однако, как следует из преамбулы приказа НКО № 0367 от 27 декабря 1940 г., «ни один из округов должного внимания этому приказу не уделил и его не выполнил»⁵⁹³. Вследствие именно этого злостного невыполнения приказа 1939 г. и появился еще более жесткий приказ № 0367 от 27.12.40 г. Но опять ничего не было сделано. В том числе и генерал-инспектором ВВС, который должен был установить контроль и о ходе работ докладывать ежемесячно.

В марте 1941 г. состоялась упомянутая выше инспекция. Рассерженный столь злостным бардаком, после ознакомления с выводами инспекции Сталин 4 мая дал команду привлечь к ответственности виновных в этом бардаке. После этого вновь посылается комиссия ВВС РККА для проверки авиации приграничных округов, которая

⁵⁹³ ЦА МО РФ. Ф. 4* Оп. И. Д. 82. Л. 49—58.

всеш-то за два дня «выяснила», что «все в порядке». Кстати говоря, эту комиссию, которая за два дня установила, что «все в порядке», возглавлял заместитель наркома обороны по ВВС П. Рычагов, имевший секретное поручение лично от Сталина. Он-то и отчитался, что «все в порядке». Когда же случилась трагедия 22 июня, то его поставили к стенке за наглый обман, приведший к тяжелейшим последствиям. Невинная жертва сталинизма, однако...

Когда же в последние 10 дней до начала войны стали поступать данные о том, что именно 22 июня Германия нападет на Советский Союз, то вот тут-то дуэт Тимошенко—Жуков явно струхнул. Ведь комиссия во главе с Рычаговым отчиталась, что «все в порядке». Но они-то прекрасно знали, что это астрономически далеко не так. Так что струхнуть им было от чего. Тем более если учесть, что за неделю до нападения состояние ВВС ЗапОВО по личному приказу Сталина проверял другой заместитель наркома, К.А. Мерецков⁵⁹⁴.

◆◆◆

Комментарий. До этого по указанию наркома Мерецков проверял боевую готовность наземных войск Киевского и Одесского военных округов. Попутно обратите внимание на то, что Сталин уделял повышенное внимание именно Западному округу. Это к вопросу о том, какое на самом деле направление удара немцев он считал наиболее важным.

◆◆◆

Проще говоря, Сталин не только санкционировал выдвижение войск из глубины округов в сторону границы под видом учений и переброску войск из внутренних военных округов в приграничные округа. Одно временно он постоянно следил и за уровнем боевой готовности различных родов войск, особенно в приграничных округах. Часто направлял туда различные комиссии и инспекции. Такова вкратце предыстория ниже рассматриваемых приказов.

⁵⁹⁴ Мерецков К.А. На службе народу. М., 2003, с. 208.

Комментарий. Как правило, все отчитывались, что дела обстоят неплохо. Но когда грянула трагедия, тогда Сталин припомнил им это самое «дела обстоят неплохо».

В результате тандем Тимошенко—Жуков издал очередной приказ НКО № 0042 от 19 июня 1941 г.⁵⁹⁵, первая же фраза которого вновь констатирует факт злостного бардака: «По маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор ничего существенного не сделано». У этого приказа есть серьезное отличие от предыдущих «цз» НКО. Во-первых, он был подписан как наркомом обороны маршалом С. Тимошенко, так и начальником Генерального штаба Красной Армии генералом армии Г. Жуковым. Во-вторых, в приказе содержится прямой категорический запрет на линейное и скученное расположение самолетов на аэродромах. В-третьих, вопросам маскировки в этом приказе был придан максимально расширенный характер. Проще говоря, в приказе речь шла уже не только о маскировке объектов ВВС, в первую очередь аэродромов, дислоцирующихся на них самолетов и аэродромных построек, но и о маскировке артиллерийских, мотомеханизированных частей, складов и других важнейших военных объектов. Приказная часть это документа четко свидетельствует, что этот документ родился в порядке реакции на результаты инспекции Мерецкова. Более того. Очевидно, что до тандема Тимошенко—Жуков наконец-то дошла одна давно очевидная истина, что дело всерьез «запахло керосином». Ибо выдвижение войск, особенно ударных соединений, складов и т.п. ближе к границе, как оно требовалось для реализации незаконно протаскивавшегося ими замысла немедленного встречно-лобового контрвторжения/контрблицкрига по факту нападения, в ситуации неизбежности не только нападения, но и неминуемости

⁵⁹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 4. Оп.11. Д. 62. Л. 201—203.

именно внезапного нападения Германии кончится плачевно. Потому они и придали максимально расширительный характер этому приказу. Тем самым изрядно спихнули с себя ответственность за неизбежный погром наших войск.

Однако тандему Тимошенко—Жуков показалось мало такого приказа, и на следующий день был издан еще и приказ № 0043 от 20 июня 1941 г.⁵⁹⁶, уже конкретно для ВВС, в преамбуле которого опять содержится прямая констатация отсутствия какой-либо маскировки в ВВС. Более того, подчеркивается, что «такое отношение к маскировке как к одному из главных видов боевой готовности ВВС дальше терпимо быть не может». Разница между этим приказом и приказом № 0042 состоит прежде всего в следующем. Наряду с Тимошенко и Жуковым его подписал также и Член Главного военного совета, секретарь ЦК ВКП(б) Г. Маленков (он тогда курировал вопросы авиации). Причем об исполнении приказа доносить ежедневно и начальнику ГУ ВВС Красной Армии. Проще говоря, с 20 июня вся ответственность за неминуемо неизбежный погром и разгром авиации западных приграничных округов «доблестный» дуэт Тимошенко—Жуков окончательно и оптом свалил на командующих ВВС округов и их военные советы. То есть, если уж совсем по-простому, инициировавший своей незаконной подменной официального плана обороны такую дислокацию никак не замаскированной, не рассредоточенной авиации приграничных округов, что неизбежно подставляло авиасоединения под неминуемый погром и разгром в случае внезапного нападения, дуэт Тимошенко—Жуков тут ни при чем. Мол, это все летуны виноваты. Кстати говоря, это обычная практика в вооруженных силах — подставлять друг друга и спихивать ответственность друг на друга.

Однако эти два последних приказа по маскировке ВВС позволяют сделать

также и следующие выводы. Во-первых, всего-то за два года (впрочем, чуть меньше) было издано четыре строгих приказа, в которых жестко констатируется именно же злостный бардак и злостное невыполнение приказов самого наркома обороны! И ни один из них не был толком исполнен, что и доказала кровавая трагедия 22 июня. Что же делали высшие военачальники, в том числе и генералы ВВС, коли столь спокойно и долго взирали на этот злостный бардак, но спохватились только в последние перед агрессией дни?!

Сразу же отметем, как идиотские, любые попытки сослаться на разгильдяйство, потому что длительное и злостное невыполнение приказов высшего военного руководства, тем более в угрожаемый период, а последние полгода перед войной таковыми и были, под категорию разгильдяйства подвести весьма трудно. Это уже преступление в форме откровенного саботажа приказов высшего военного руководства. Саботажа (вперемешку с вредительством), который привел к тяжелейшим последствиям. Почему высшее военное руководство страны столь долго терпело этот не столько злостный бардак, сколько откровенное преступление, спохватившись лишь в самые последние дни перед нападением?! А потом грянула трагедия.

Во-вторых, приказ от 20 июня объясняет, в чем конкретно тандему Тимошенко—Жуков не угодил ими же состряпанный приказ от 19 июня. Дело в том, что пункт № 8 приказа от 19 июня хотя и косвенно, но сделал начальника Генерального штаба как бы ответственным за исполнение приказа, так как гласил, что «исполнение донести через начальника Генерального штаба». Но в это время даже до тандема уже окончательно дошло, что вот-вот грянет нападение, и катастрофа, в частности авиации передового базирования, станет неминуемой. И что тогда, Жукову отвечать за это?! Естественно, что они тут же спохватились и приказом от 20 июня окончательно свалили всю ответ-

⁵⁹⁶ ЦА МО РФ, Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 204—205

ственность за неумолимо грядущую катастрофу на командующих ВВС округов и их военные советы.

В-третьих, что еще более важно, сроки исполнения приказов № 0042 от 19 июня 1941 г. и № 0043 от 20 июня 1941 г. указывают на преднамеренное расхолаживание высшим военным командованием СССР, то есть тандемом Тимошенко—Жуков, командования приграничных округов, в первую очередь, естественно, их ВВС. Дело в том, что в этих приказах сроки исполнения как отдельных мероприятий, так и в целом самого приказа указаны в большом диапазоне — от 1,5 до 15 и 20 июля 1941 г.?!

Но ведь 19 и 20 июня, когда издавались эти приказы, уже было не только понятно, но и просто неопровержимо известно, что германское командование выводит войска на исходные для нападения позиции. Скорее даже завершает вывод. Более того. Ведь по инициативе Сталина еще 18 июня была осуществлена срочная воздушная разведка вдоль всей линии границы в полосе компетенции ЗапОВО. Результатами этой разведки было четко установлено, что войска вермахта действительно выдвигаются на исходные для нападения позиции и что до нападения остаются считанные дни. На таких позициях войска долго не держат. Правда, Павлов сразу не поверил этим данным. Тогда на повторную разведку вылетел непосредственно командующий ВВС округа генерал Копец, который по возвращении подтвердил то же самое⁵⁹⁷. Все эти данные поступили и Тимошенко, и Жукову. Которые, к слову сказать, в эти же дни, то есть 18—19 июня, направили в приграничные округа, в том числе и в ЗапОВО, директивы с корректировкой срока вывода фронтовых управлений, где было указано, что их надо вывести «к 22 июня». А это означало, что к 24.00 21 июня исполнение этих директив должно быть за-

вершено, и командование округов обязано доложить об исполнении директив. Если же по-простому, то в это время Тимошенко и Жуков уже не только точно знали, но и осознали, что нападение произойдет на рассвете 22 июня.

Проще говоря, им уже была известна также и дата нападения, которая непрерывно подтверждалась в эти дни срочными сообщения разведки и иными сведениями. В связи с этим с санкции Сталина 18 июня в войска была направлена многократно уже упоминавшаяся директива о приведении войск приграничных округов в боевую готовность. Еще более того. 18 июня в приграничные округа была дана директива с уточнением срока исполнения директивы от 14 июня о выводе на полевые командные пункты фронтовых управлений. По данным маршала Захарова, это уточнение гласило, что указанное мероприятие должно было быть исполнено не к 25 июня, как было указано ранее, а к 22 июня⁵⁹⁸. Тут, правда, следует заметить, что маршал Захаров, очевидно, случайно сдвинул дату этих директив на один день. Надо полагать, за давностью лет память слегка подвела уважаемого военачальника. На самом же деле дня ЗапОВО (как, впрочем, и для КОВО) такая директива была датирована 19 июня. Но не это главное. Главное состояло в том, что командованию ЗапОВО предписывалось вывести фронтовое управление на полевой командный пункт не к 22 июня, а к 23-му июня\ Вот полный текст этой директивы: «Комвойсками ЗапОВО. Лично. Нарком обороны приказал: 1. Выделить управление фронта и к 23 июня с/г перевести его на Обуз-Лесна, тщательно организовав управление войсками. Минске оставить подчиненное Вам управление округа во главе с Курдюмовым (генерал-лейтенант, заместитель командующего ЗапОВО по

⁵⁹⁷ Захаров Г.Н. Повесть об истребителях. М., 1977, с. 43.

⁵⁹⁸ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005, с. 214. ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 442—444.

тылу. —А. М). Выделение и переброску управление фронта сохранить в полной тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа. 2. Управление 13 армии к 25 июня с/г перевести Новогруцок. Исполнение телеграфте. Жуков»⁵⁹⁹.

Между тем КОВО было предписано сделать то же самое, но к 22 июня⁶⁰⁰ Почему?! Что это за неравноправие по отношению к ЗапОВО?! Его что, заранее готовили на роль «козла отпущения», коим должен был бы быть прикрыт факт подставы войск под разгром?!

Но ведь к 19 июня уже практически не было сомнений, что нападение произойдет на рассвете 22 июня. К 19 июня масса разведывательной информации о дате нападения достигла своего критического уровня в своем основном качестве, то есть И не только потому, что столь дифференцированно в указании на дату и время нападения—на цированные сроки исполнения указанных рассвете 22 июня. Что позволило высшему руководству страны окончательно осознать, что нападение действительно произойдет ранним утром 22 июня, вследствие чего и была дана санкция на приведение войск первого эшелона прикрития в боевую готовность и их выход государственную границу.

Почему же командующим двумя важнейшими округами на западной границе в один и тот же день по одному и тому же важнейшему вопросу даются две одинаковые по смыслу и даже тексту директивы (разница была только в фамилиях и названиях пунктов), но с принципиально разными сроками исполнения?!

Этот вопрос обретет еще более драматический характер, если сопоставить сроки исполнения аналогичных дирек-

тив для ОдВО и ПрибОВО. ОдВО еще 14 июня было предписано вывести фронтовое управление в Тирасполь к 21 июня, а ПрибОВО такая же директива была дана 19 июня с предписанием вывести фронтовое управление к 23 июня⁶⁰¹. Проще говоря, фактически безальтернативно выходит следующее:

1. В глобальном плане.

Тимошенко и Жуков по-прежнему любыми средствами стремились реализовать свой безграмотный сценарий вступления в войну путем подготовки немедленно-го встречно-лобового контрвстречного/контрблицкрига (по факту нападения) с Юго-Западного направления, оставляя ЗапОВО и ПрибОВО, как минимум на первых порах, роль статического фронта.

Это уже было тяжкое преступление. Это уже было преступление в силу следующих причин. Во-первых, никто и никогда официально не отменял и официально не переделывал единственный официальный план отражения агрессии, который четко предусматривал организацию прикрытия активной обороной Минского направления (как центрального в рамках более общего Белорусского направления) силами сразу двух округов ЗапОВО и ПрибОВО. Соответственно максимальное внимание, причем во всем, должно было быть уделено ЗапОВО, в том числе и в сочетании с повышенным вниманием к ПрибОВО. Увы.

Во-вторых, запоздалый вывод фронтовых управлений этих округов автоматически вел к отсутствию даже тени на-

⁵⁹⁹ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 9. Л. 170. Данные по этой директиве для ЗапОВО любезно были предоставлены автору книги видным российским историком, доктором исторических наук О.А. Ржешевским, который впервые ее привел в своей статье «Не дать никакого повода для войны...», опубликованной в № 6 Военно-исторического журнала за 2011 г.

⁶⁰⁰ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 442—444.

⁶⁰¹Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005, с. 214.

мека на заблаговременное формирование условий для организованного, устойчивого, если, конечно, это правда?! Небось, управления всеми имеющимися силами для представления себе, как «хрустит его скелет надежного прикрытия именно Минского на тяжелых нежных лапах» Лубянки, чем правления войсками ЗапОВО и ПриОВО. он до конца жизни всех страшал, объясняя «странности» своего поведения и действий накануне войны⁶⁰². Но тогда на кой хрен они создавали максимальные условия для возникновения этого хаоса, который еще до нападения был зверски усугублен преступным поведением командования и КОВО, и ПриОВО, и ЗапОВО, о чем речь пойдет отдельно?! Ведь никто же своевременно не выполнил директивы о выведении фронтовых управлений, за исключением честно исполнявших свой воинский и гражданский долг по защите Родины командования и штаба ОдВО.

А у двух других — из всего-то трех основных на западных границах — эта система фронтового управления войсками в боевой обстановке не готова. Неминуемо неизбежно возникший в такой ситуации хаос в управлении войсками группировки РККА на западных границах как единым организмом, — в одном месте есть через кого управлять, в двух других нет — создал бы прекрасные условия для прорыва немцев на самом важном для успеха их блицкрига направлении. То есть на Белорусском направлении. Примерно так все и получилось. Как говорится, под весьма объективным видом — «дезорганизованное управление» войсками. Но вопрос-то в том, кто и как это сделал. Особенно если учесть, что все три округа устроили натуральную профанацию с выводом фронтовых управлений. Ну, а Тимошенко с Жуковым потом оправдывались перед Сталиным, что-де невозможно управлять, нет связи, не поступают данные, не знаем обстановки и т.д. Жуков, говорят, даже расплакался, когда Сталин стал задавать ему и Тимошенко суровые и очень жесткие

И без того далеко не безгрешного, тупо исполнявшего приказы «киевской мафии» Павлова, немало натворившего преступного еще и самостоятельно, и в этом вопросе подставляли, чтобы затем безальтернативно сделать из него «козла отпущения». Ведь если фронтовое управление не выведено на полевой командный пункт до нападения, то, извините, как управлять боевыми действиями войск?! Оно так и получилось — вначале Павлов «управлял» даже не войсками, а мгновенно сложившимся полным хаосом из Минска, из удобного кожаного кресла. Причем при наличии ополовиненного штаба округа-фронта — по некоторым данным, одна часть штаба была все-таки отправлена в Обуз-Лесная (под Барановичами), а другую Павлов оставил у себя под рукой, в Минске. Хотя должен был находиться на фронтовом КП, а в Минске — Курдюмов. Ну, а потому Павлов и пошел сначала под суд, затем под расстрел.

Нельзя не отметить и странность содержания второго пункта этой же директивы. В связи с чем возник вопрос о переброске управления 13-й армии? Чуть ниже мы вернемся к этому вопросу.

⁶⁰² Вольный перифраз известного выражения А. Блока «хрустит ваш скелет в тяжелых нежных наших лапах».

2. В локальном плане.

Даже при такой подлянке с датой исполнения директивы о выводе фронтового управления, все равно априори должно было быть исключено появление в приказах НКО и ГШ о маскировке столь длительных в ситуации особо угрожаемого периода сроков их исполнения. В конце концов там самое главное заключалось в срочном рассредоточении самолетов либо по полевым (запасным) площадкам, либо хотя бы на тех аэродромах, где они находились. Вот на что должен был быть приказ. Одного этого пункта было бы достаточно. Подчеркиваю, что и 19, и 20 июня уже было известно, когда произойдет нападение. Кстати говоря, по отдельным документам особых отделов видно, что командиры авиачастей приграничных округов уже 19 июня предупреждались о необходимости приведения вверенных им частей в боевую готовность к 3 ч.ОО мин (местного времени) 22 июня. Что означает; что дата нападения хотя бы в ориентировочном порядке была сообщена в войска. А тут такие указы, с подробным перечнем мероприятий, да еще и со столь длительными сроками их исполнения. Неужели ни Тимошенко, ни Жуков не понимали, что они делают, что такие сроки исполнения, тем более большого количества мероприятий, для чего действительно требовалось значительное время, расхолаживают командование на местах?! Ведь явно не случайно, что именно после этих приказов о маскировке и появились те самые преступные приказы командования ЗапОВО от 21 июня о разоружении самолетов передового базирования, об отмене боевой готовности, о решении командному составу авиачастей покинуть расположение частей и т.д. А в КОВО в отдельных авиачастях летчиков и вовсе прямо накануне войны распустили по домам.

Увы, но после всего вышеизложенного не остается ничего другого, кроме как признать, что не только понимали, но и сознательно пошли на такой преступный

шаг. Иначе не притянули бы к последнему приказу члена Главного военного совета, секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова. Обвести его в военных вопросах вокруг пальца было не так уж и трудно — как ни крути, но Георгий Максимилианович был всего лишь сугубо гражданским человеком и партийным чиновником, и, естественно, в вопросах боевой готовности войск и маскировки мало что соображал. Это во время войны он действительно очень многому научился в военном деле. А тогда, увы, был профаном в этом. Да и сам Сталин еще до войны не раз горько сетовал вслух, что партийные бонзы не хотят толком изучать военное дело, что до добра не доведет.

Не исключено, правда, что подпись Маленкова на оригинале приказа была заделана, а вот самого его автографа на оригинале нет. Ведь никто оригинал этого приказа в виде фотокопии так и не продемонстрировал. Не меньше прав на существование имеет и такая версия. Вполне возможно, что подпись Маленкова была заделана уже после войны, во времена Хрущева или значительно позднее, когда с архивами расправлялись, как хотели, лишь бы только увести основных виновников трагедии 22 июня от ответственности за гибель 27 миллионов советских граждан. На мысль о такой версии наталкивает, во-первых, расправа Хрущева с Маленковым, а, во-вторых, необычный порядок расположения заделанных подписей. Сначала указана должность и звание, командования ЗапОВО от 21 июня о разоружении самолетов передового базирования, об отмене боевой готовности, о решении командному составу авиачастей покинуть расположение частей и т.д. А в КОВО в отдельных авиачастях летчиков и ГВС посередине. Обычно члены Военных советов подписывали распорядительные документы после военных. Как правило, сначала указывался командующий, затем его начальник штаба и только потом член ВС. Впрочем, особенно гадать не приходится. И так видно, что Маленкова притя-

нули как «крышу», на всякий случай, как и то, что Тимошенко и Жуков попросту спихнули с себя всякую ответственность за неминуемую катастрофу.

И еще раз о факте передового базирования авиации округа. Заявив на следствии, что он «допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны. В результате таких действий в первый же день войны авиация понесла огромные потери, не успев подняться в воздух из-за краткости расстояния от госграницы до аэродрома», на суде Павлов подтвердил свои показания словами: «Это совершенно правильно».

Правильно-то оно правильно, только это «правильно» означало лишь одно, увы, до конца в то время не осознанное ни следствием, ни судом. Это «правильно» означало, что по указанию тандема Тимошенко—Жуков Павлов также незаконно готовил войска округа, прежде всего авиацию, к немедленному встречно-лобовому контрвторжению/контрблицкригу по факту нападения. Потому авиация и оказалась на аэродромах передового базирования, предназначенных для наступления. Хотя в директиве № 1 фигурировал подпункт «б», в котором говорилось: «Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать». К слову сказать, этот пункт—дальнейшее развитие приказов о маскировке ВВС.

Теперь о других нюансах, также связанных с ВВС ЗапОВО. Выше уже говорилось о том, как в 9-й сад получил из штаба округа приказ об отмене боевой готовности. По свидетельству ветеранов этой авиадивизии, в ночь с 21 на 22 13-й сбав остался без командования, летчиков и техников. В это время полк базировался на полевым аэродроме близ села Борисовщина. Перелом дислокация произошла еще в марте 1941

в связи с начавшимся на их основном аэродроме в Росси (под Белостоком) строительством ВПП—взлетно-посадочной полосы с твердым покрытием.

Все отправились по домам, потому как впервые за три месяца разрешили увольнение (кстати говоря, такие выходные были объявлены командованием многих авиадивизий, и не только в ЗапОВО). Авиагарнизон остался на попечении внутренней службы во главе с младшим лейтенантом К.С. Усенко. Зенитного прикрытия аэродром не имел, так как накануне зенитная батарея была снята с позиции и отправлена на учения. А дальше по воспоминаниям бывшего летчика 9-й сад П.И. Цупко произошло вот что.

В 3 часа 47 минут начался внезапный налет вражеской авиации на аэродром. О приближении немецких самолетов служба ВНОС не оповестила. Было принято решение срочно рассредоточить самолеты и подготовить их к бою. Была отдана команда на подготовку полка к вылету. Полк быстро собрался и подготовился к вылету. Однако вылететь не мог: не было связи ни с вышестоящим командованием, ни с соседями. Посланные самолеты связи не вернулись. Прибывший командир полка по совету своего помощника капитана Богомолова, принял решение выяснить обстановку своими силами, в связи с чем на разведку вылетели экипажи Осипова, Устименко и Усенко. Усенко потом рассказывал, что видел, как горел под Гродно аэродром 11-й смешанной авиадивизии 3-й армии. По приказу командира полка, вылетевшие на разведку экипажи должны были сесть на Белостокском аэродроме. Белосток же уже горел, а Белостокский аэродром, на который они должны были сесть, был разгромлен фашистской авиацией: разрушен авиагородок, на стоянках взорваны самолеты, которые не успели взлететь. Тем не менее, летчики пошли на посадку. Первым посадку произвел Ар-2 летчика Осипова и, поравнявшись с ангаром, остановился и увидел, как от ангара отделились и по-

бежали развернутой цепью к самолету солдаты в серо-зеленой форме. По другую сторону ангара Усенко разглядел шесть трехмоторных транспортных самолетов Ю-52, еще дальше—до десятка Ме-110. Открыв шквальный огонь из носовых пулеметов своих самолетов, летчики сумели взлететь и взяли обратный курс на свой родной аэродром. Но подлетев к нему, они обнаружили, что все поле было перепаяно воронками от бомб, а не менее трех десятков бомбардировщиков из их полка догорало. Л ведь полк должен был взлететь вслед за разведчиками⁶⁰³. Когда обо всем этом стало известно, командир 9-й смешанной авиадивизии генерал-майор А.С. Черных 6 июля 1941 г. был арестован, осужден судом военного трибунала и расстрелян.

Комментарий. В воспоминаниях Цупко масса интересных фактов. Во-первых, обратите внимание на то, что в особо угрожаемый период был отменен приказ о приведении авиадивизии в боевую готовность, но разрешено увольнение фактически всего личного состава полка. Прямо в последний мирный день. Командование ЗапОВО, в том числе и ВВС округа, прекрасно знало, что обстановка более чем крайне напряженная, что с минуту на минуту полыхнет война, и тем не менее пошло на такой шаг. Разгильдяйством или безалаберностью это уже не объяснить. Ведь 18 июня было приказано привести войска передового базирования (первого оперативного эшелона прикрытия) в боевую готовность. 11-я сад со всеми ее полками относилась именно к этой категории. Но ее фактически полностью имобилизовали. Проще говоря, обездвижили, обезоружили. Если нет личного состава, то, извините, кому нужны даже самые новейшие самолеты — они же сами по себе не летают. Короче говоря, кроме как преступным умыслом такое разрешение не объяснить. Этот преступный умысел тем более становится зловещим, если еще и вспомнить планы германского командования в отношении Белостокского выступления, где и базировалась эта сад. Поганые тевтоны в генеральских погонах вовсе и не планировали устраивать там генеральное сражение. Они намеревались осуществить стремительный прорыв через Белостокский выступ в направлении Минска и уже там устроить полномасштабное истребление советских войск. А как это

осуществить, если в Белостокском выступе находилась достаточно мощная группировка советских войск, особенно наземных? Как свести до минимума их боевой потенциал и возможности, которые могли попортить поганым супостатам немало крови (и ведь в известной мере попортили же)? Наиболее реальный шанс для этого могло дать лишь исключение (наряду с артиллерией) советской авиации из действий по прикрытию своих наземных войск с воздуха. Тогда беззащитные советские наземные войска можно спокойно проморить и с воздуха, и артиллерией, и танками, и пехотой. Так вот, последние действия командования ЗапОВО и ВВС ЗапОВО в отношении авиации поразительно точно соответствовали планам супостатов в генеральских погонах. В подавляющем своем большинстве ВВС ЗапОВО оказались исключенными из первых боев, даже невзирая на отдельные героические и даже супергероические примеры. Можете думать об авторе книги что угодно, но по-другому это расценить невозможно. Ведь и авиация, и артиллерия, включая и зенитную (даже с конкретного аэродрома, находившегося вблизи границы, всего в 17 км от нее, и то сняли зенитную батарею), были почти полностью выключены из начальных боев. А такое не могло быть случайностью, тем более если вспомнить еще довоенные прогнозы германской агентуры, что ни авиация, ни механизированные части, ни артиллерия РККА не сыграют своей роли при внезапном нападении Германии.

Во-вторых, на что следует обратить внимание, это констатация Цупко факта отсутствия рассредоточения самолетов 13-го сбав. Выше уже приводились приказы о маскировке, которые Тимошенко и Жуков выдали на-гора в последние дни. Там ведь было прямое указание-запрет на скученное расположение самолетов на аэродромах. Но даже эти приказы не были исполнены в этом полку, иначе Усенко не поставил бы вопрос о немедленном рассредоточении самолетов. А ведь это просто преступление командования полка и дивизии — преступление в форме саботажа. За это и в мирное время по головке не погладят, а уж когда разверзлась трагедия, так и вовсе комдиву С. Черных пришлось в прямом смысле головой отвечать за это.

В-третьих, на что также следует обратить внимание, это констатация факта нулевой эффективности ВНОС. Как могло так получиться, что границу пересекают сотни боевых самолетов, а посты ВНОС ни хрена ничего не слышали? Да, знаю, что связь в основном была порвана диверсантами. Но ведь не одна же проводная связь существовала. Была еще и радиосвязь. Была возможность направить делегатов связи. Были звенья связных У-2. И тем не менее никакого толку от ВНОС. Печальный итог известен.

Но, конечно, наибольшее внимание привлекает случившееся на Белостокском аэродро-

⁶⁰³ Изложение событий осуществлено по: Цупко П.И. Пикировщики. М., 1987, см.: БИр://t1Ш1era.11b.gi/teto/p18\$1an/(8ирко/1пdex.1Kt1

ме. Как могло случиться, что в первые же часы войны этот аэродром был захвачен супостатами? Ведь если, опираясь на рассказы Цупко и Усенко, прикинуть по времени, то получается вот что. Самое позднее в 5 часов утра по местному времени экипажи Осипова, Устименко и Усенко взлетели на разведку. Летали они явно не больше часа-полтора. То есть в в—6.30 по местному времени начали садиться на Белостокский аэродром, где и увидели супостатов. А теперь давайте внимательно посчитаем следующее. Там они увидели в общей сложности 16 вражеских самолетов, из коих 10 — Ме-110, 6 — Ю-52. Только для того, чтобы они сели на этот аэродром, а затем зарулили на стоянку, им было нужно не менее полчаса в общей сложности. Это как минимум. Значит, не позднее 6 часов утра эти супостаты уже заходили на посадку. Если, конечно, не того ранее. Теперь примем во внимание другое обстоятельство — шесть транспортных Ю-52. Это более тихоходные в сравнении с мессерами самолеты. И им требовалось больше времени, чтобы хотя бы долететь до этого аэродрома. Да и взлетали они не с приграничных немецких аэродромов, а с аэродромов, которые были расположены значительно дальше от границы. Это только истребители и пикирующие бомбардировщики люфтваффе базировались на приграничных аэродромах. Примите во внимание и то, что они летели туда, зная, что им там надо садиться. Значит, самое позднее они уже в полете знали, что аэродром пуст и чист и там можно садиться. Значит, они знали об этом в промежутке между 5 и 6 часами утра, если не позднее 6 часов утра уже начали садиться. Перелет же границы вражеской авиацией на этом направлении начался в 3.45—3.47. Обобщенно же война началась в 4 часа. Причем перелет начали бомбардировщики, прежде всего пикирующие. А уже в шестом часу летевшие туда на тихоходных самолетах супостаты знали, что на упомянутый аэродром можно садиться, что он пуст и чист. Так вот и спрашивается, каким это образом могло такое получиться? Даже зная, что супостаты бомбили этот аэродром — кстати говоря, весьма своеобразно, потому что разбомбили авиагородок и сожгли самолеты на стоянках, а вот ВПП не тронули, — все равно, увы, никуда не деться от одного, упрямо напрашивающегося, очень нелицеприятного вывода: то была заранее запланированная, не исключено, что и заранее согласованная, преднамеренная сдача Белостокского военного аэродрома. Потому что уж больно быстро, если отсчитывать даже от начала перелета границы вражеской авиацией, этот аэродром оказался свободным. Если так лихо смывались, то почему? И почему воздушные корсары Геринга полностью «перепахали» полевой аэродром 13-го спаб, а Белостокский аэродром пощадили? Только авиагородок разбомбили да самолеты на стоянках сожгли. Короче говоря, во-

просов хоть отбавляй, а ответ, как правило, один и очень горький...

После всего вышесказанного, надеюсь, стало понятно, почему (якобы) застрелился генерал Копец—командующий ВВС ЗапОВО?! Многие грешат утверждением, что это было самоубийство. Другие грешат, что за ним, мол, приехали 22 июня молчаливые крепкие мужики со свирепыми рожами, как обычно рисуют особистов «демократы». И то, и другое ложь. Копец был боевым летчиком, Героем Советского Союза (за Испанию), который не видел себя вне воздуха — он и передвигался-то даже не на машине, а на самолете. Для него пустить пулю себе в лоб, да еще и в кабинете — нонсенс на все 100%! Он же не какая-нибудь там штабная крыса. Для таких, как он, высшая награда — смерть в небе: взывают под небеса и идут в лобовой таран на врага! Тем более что ему было всего-то 33 года!

Сотрудники же военной контрразведки 22 июня еще не могли приехать за ним. Ведь Копец застрелился днем, а в это время особисты еще толком не знали трагических итогов первого авиаудара супостатов. Но даже если бы и знали, то все равно без санкции Москвы не имели права его арестовать, а на ее получение требовалось время, как минимум полдня, да к тому же сначала надо было представить в Москву подробнейшее обоснование необходимости такой акции — такой тогда порядок действовал. А особисты, повторяю, в этот момент еще ничего толком не знали. Тогда кто же пустил пулю в лоб командующему ВВС ЗапОВО генералу Копцу?! Его ли рука? Ответ на этот страшный вопрос дал сам Павлов на следствии и суде, заявив, что-де «Копец — трус»!

Очевидно, Павлов так легче было объяснить свое предательство: трус Копец—и все тут! Но Копец, повторяю, был Героем Советского Союза, боевым летчиком, то есть о трусости речь идти не может. Тогда о чем она может идти? А только о том, что ге-

нерал Копец, во-первых, явно был втянут в то, что они скрывают, эти пропуски, остается заговор с целью организации поражения. Ожюлько догадываться...

был прекрасным и храбрым летчиком, но, В-третьих, шлепнули явно же по как это часто бывает с военными, тем более приказу самого Павлова! Тогда и концы в молодости, особенно, когда слишком ранполностью в воду, а Копец — трус, кото- на плечах появляются погоны с большими рый застрелился! И вали на него все, что генеральскими звездами, ни бельмеса не угодно — мертвые-то сраму не имут! Что смыслил в политике. А когда внезапно, на и сделал Павлов на следствии и на суде. фоне уже состоявшегося первого акта кро- Вот уж действительно «невинная жертва» вавой трагедии 22 июня, он осознал, во чтосталинизма!..

вляпался, то явно — по молодости-то — Впрочем, как ни крути, но и сам Ко- пошел выяснять отношения с Павловым. пец тоже хорош. Особенно если вспом- Кончилось это гибелью генерала Копца... нить, что о нем написал в своих мемуарах Или же просто осознал, во что вляпался, и К.А. Мерецков. Как уже указывалось ра- стрессовом состоянии покончил с собой, внее, в последнее предвоенное воскресенье по личному приказу Сталина он проводил что, правда, мало верится.

Кстати говоря, существует такое оригинальное название заговора военных в 1941 г., как «Заговор Героев». Дело в том, что в числе репрессированных и расстрелянных в начале войны по делу о заговоре военных (с целью организации поражения) подавляющее большинство составляли Герои Советского Союза, особенно среди генералов ВВС. Отсюда и такое название заговора. Кстати говоря, не из недр ли этого «Заговора Героев» произрастает преступный «приказ Москвы», о котором говорила Нина Павловна Копец? Если так, то тогда понятно, за что расстреляли генералов ВВС.

Во-вторых, более всего похоже, что генерала Копца попросту шлепнули как опасного свидетеля. Ибо если до него добралась бы военная контрразведка, тогда то, что рассказали в мемуарах С.Ф. Долгушин, П.И. Цупко и другие, выплыло бы еще на стадии следствия. Тем более во время суда над Павловым и К°. Кстати говоря, оно, быть может, и выплыло, но ведь главного свидетеля уже не было в живых — Копец-то застрелился. И Павлов объявил его трусом. Более того. Протоколы допросов остальных подельников Павлова вообще не опубликованы, а протоколы допросов самого Павлова опубликованы, увы, не все, а тексты тех, что опубликованы, имеют немало отточий, проще говоря, пропусков.

Впрочем, как ни крути, но и сам Копец тоже хорош. Особенно если вспомнить, что о нем написал в своих мемуарах К.А. Мерецков. Как уже указывалось ранее, в последнее предвоенное воскресенье по личному приказу Сталина он проводил инспекцию ВВС ЗапаОВО. И вот что он написал: «...Мне было приказано (Сталиным. — А. М) дополнительно проверить состояние авиации, а если удастся — провести боевую тревогу. Я немедленно вылетел в Западный особый военный округ. Шло последнее предвоенное воскресенье (то есть дело происходило 15 июня 1941 г. — А. М). Выслушав утром доклады подчиненных, я объявил во второй половине дня тревогу авиации. Прошел какой-нибудь час, учение было в разгаре, как вдруг на аэродром, где мы находились, приземлился немецкий самолет. Все происходившее на аэродроме стало полем наблюдения для его экипажа. Не веря своим глазам, я обратился с вопросом к командующему округом Д.Г. Павлову. Тот ответил, что по распоряжению начальника Гражданской авиации СССР на этом аэродроме велено принимать немецкие пассажирские самолеты. Это меня возмутило. Я приказал подготовить телеграмму на имя И.В. Сталина о неправильных действиях гражданского начальства и крепко поругал Павлова за то, что он о подобных распоряжениях не информировал наркома обороны. Затем я обратился к начальнику авиации округа Герою Советского Союза И.И. Копцу:

— Что же это у вас творится? Если начнется война и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, что тогда будете делать?

Колец совершенно спокойно ответил: — Тогда буду стреляться!»⁶⁰⁴

Если Мерецков написал правду, то есть как все было на самом деле, то тогда вот что выходит. Во-первых, Павлов солгал Мерецкову, что самолеты немецкой гражданской авиации садятся на этом аэродроме по распоряжению начальника ГВФ СССР. Для командующего особым военным округом начальник ГВФ СССР — не указ. Командующий округом мог разрешить такие посадки только с прямой санкции наркома обороны. То есть Тимошенко. Однако тут невозможно установить, Тимошенко ли санкционировал подобное использование военных аэродромов немецкими гражданскими самолетами или же его предшественник Ворошилов. Но то, что Тимошенко был в курсе такого использования военных аэродромов в приграничной зоне — абсолютно точно. На это указывает один из абзацев приказной части его же приказа по маскировке № 0367 от 27 декабря 1940 г., который начинается словами «по оперативным аэродромам, сдаваемым в аренду советским и хозяйственным организациям оговорить в договорах требование сохранности и целостности средств маскировки»⁶⁰⁵. То есть Тимошенко был полностью в курсе, как используются военные аэродромы, особенно приграничных округов. А вот Сталин, судя по словам Мерецкова, не знал этого.

Но в этой части воспоминаний Мерецкова есть одна серьезная заковыка. Дело в том, что в июне 1941 г. Мерецков не был на приеме у Сталина. Последний раз он побывал у него на аудиенции 23 апреля⁶⁰⁶. Тогда возникает вопрос, а как же в таком случае относиться к его воспоминаниям. Для чего он привел эти факты?

⁶⁰⁴ Мерецков К.А. На службе народу. М., 2003, с. 208—209.

⁶⁰⁵ ЦА МО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 82. Л. 49—58. Подлинник.

⁶⁰⁶ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник. Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008, с. 331.

Гадать на кофейной гуще смысла никакого нет. Вместо этого предлагаю посмотреть на сказанное им глазами контрразведчика. Предположим, что Мерецков написал правду. Оно на это похоже, так как его свидетельство о пребывании немецких самолетов и даже летчиков на советских военных аэродромах — далеко не единственное. Тогда выходит, что был организован вполне легальный и очень удобный канал связи между теми, кто готовил поражение советских войск, и германским командованием. Судите сами. Вот приземлился немецкий самолет. Их экипажи были составлены сплошь из военных летчиков, что было видно по их выбритым затылкам и военной выправке, к тому же менялись они от рейса к рейсу⁶⁰⁷. Так они изучали будущие объекты бомбардировок. Поскольку все военные летчики, то есть лица проверенные и доверенные, следовательно, специфические задания могли выполнить легко. Во время стоянки самолета на военном аэродроме, а они садились в основном для дозаправки, кто-либо из доверенных лиц заговорщиков спокойно мог забросить или даже просто передать экипажу записочку с теми или иными данными. Естественно, что этот же канал связи спокойно мог работать и в обратную сторону. Разве такая схема не жизнеспособна?! Разве она не имеет права на существование?! Ведь если сравнить с тем, насколько точно наносили свои удары немцы в первые мгновения агрессии, то очень трудно отделаться от фактически переходящего в непреклонное убеждение впечатления о том, что без предательства тут не обошлось. Причем предательства еще довоенного. Потому что сколь бы хороша ни была наземная агентура немцев, все установить она не могла. Это физически невозможно даже при тотальном шпионаже. Да и НКВД с НКГБ тоже ведь не дремали, пачками ловили агентуру гер-

⁶⁰⁷ Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 32—33, со ссылкой на свидетельство бывшего сотрудника органов госбезопасности Б. Пищика.

манских спецслужб, а у пограничников и вовсе не то чтобы дня, но и часа-то не было спокойного.

Комментарий. Ни на одной из границ СССР в период с 1921 г. (тогда еще РСФСР) по 22 июня 1941 г. вообще и часа не обходилось без каких-либо сложностей. Одних только нарушителей за этот период было задержано свыше 932 тыс. человек (практически 10—11 армий!), то есть по 46 600 чел. в год, или примерно по 128 чел. в день, или в час — 5,5 нарушителя! За этот же период задержано свыше 30 тыщ шпионов, диверсантов и террористов (то есть целый корпус!), свыше 40 тыс. вооруженных бандитов (практически полтора корпуса!), составлявших 1319 ликвидированных вооруженных банд. То есть в год только этой «публики» задерживалось в среднем по 3500 чел. (по 10 чел. в день), ликвидировалось по 66 вооруженных банд в год или по 5,5 — в месяц! По напряженности и сложности обстановки в то время не было практически никакой разницы ни между западной и восточной, ни между северо-западной и южной, ни между сухопутной, воздушной и морской границами. Везде шла ожесточенная, необъявленная, тайная война против СССР!®* Только за 11 месяцев 1940 г. только на западной границе и только при переходе из Германии было задержано 38 245 нарушителей⁶⁰⁹. Из упомянутого количества нарушителей за указанный период только пограничниками было разоблачено 5 тысяч вражеских агентов, в основном германских. Уничтожено за этот же период примерно двести хорошо вооруженных банд⁶¹⁰. Только за первые три месяца 1941 г. только пограничниками было разоблачено еще 153 матерых агента германских спецслужб⁶¹¹. За период 1940 г. — первое полугодие 1941 г. только органами государственной безопасности СССР, включая и особые отделы, было ликвидировано 66 резидентур германской военной разведки, разоблачено свыше 1600 агентов⁶¹². Так что жестокая необъявленная война на границах СССР и против СССР шла в самом прямом смысле слова непрерывно.

***♦

Так что если рассказ Мерецкова — правда, то, увы, выводы из нее получаются

⁶⁰⁹ Цит. по: *Сечкин Г. Граница и война. 1941—1945. М., 1993; Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берии. М., 2002, с. 565.*

⁶¹⁰ РГВА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 1. Л. 362—363.

⁶¹¹ Центральный пограничный архив. Фонд Главного управления пограничных войск. П. 899. Л. 139—175, 185, 331.

⁶¹² РГВА Ф. 494. Оп. 1. Д. 1. Л. 362—363.

⁶¹³ «Красная звезда», 2003, 18 апреля.

более чем горькие. Ибо, как выяснилось уже после 22 июня, супостаты знали так много о советских войсках в тактической зоне, что не приведи господь. На одну агентуру, диверсантов и шпионов и даже воздушную разведку такое обширное знание не спишешь. Подчеркиваю, тут явно не обошлось без предательства, в том числе и со стороны командования разных уровней.

А что касается заявления генерала Копца о том, что он будет стреляться, то это, увы, далеко не глупость, как сие представил Мерецков. Для того чтобы в той ситуации осознать опасность даже кратковременного пребывания немецких летчиков на советском военном аэродроме, вовсе не нужно было быть способным руководителем, или генералом, или иметь семь пядей во лбу. Следовательно, если Копец и в самом деле намеревался стреляться, то явно не из-за этого, а из-за чего-то другого. Частично «это самое другое» Мерецко привел в своих мемуарах как ответ генерала Копца на его Мерецкова вопрос. То есть он уже тогда ясно заявил, что в случае начала войны и разгрома вверенной ему авиации округа он будет стреляться. А не лучше ли было сделать все, чтобы не допустить разгрома или по меньшей мере заранее принять меры по минимизации возможного ущерба. Неужели столь простые мысли не могли посетить голову генерала?

Но когда грянула трагедия, то оказалось, что «это самое другое» выплыло во всей своей красе. Согласно датированному 9 ч. 30 мин. 22 июня 1941 г. приказу № 1 командующего ВВС Западного фронта, «генерал-майор И.И. Копец привлечен для удара по вторгшемуся врагу авиацию не массированно, а рассредоточено, передав 9-ю, 10-ю и 11-ю смешанные авиадивизии в оперативное управление командующим общевойсковым армиям. Это решение было грубой ошибкой, так как фактически главные силы авиации округа оказались вне его управления»⁶¹³.

⁶¹³ *Хазанов Д. 1941. Горькие уроки. Война в воздухе. М., 2006, с. 114—116.*

Увы, но это не было даже грубейшей ошибкой. Это было сознательное распыление главных сил авиации фронта и столь же сознательное самоустранение от командования главными силами авиации фронта. Почему? Да потому, что даже в плане прикрытия четко было указано, что авиаудары должны наноситься массированно. Впрочем, оставим в покое планы. Возьмем самую простую, самую элементарную сторону этого факта.

Если в самом начале войны командующий ВВС фронта по собственной инициативе — чего обычно ни один командующий родом войск не сделает, а если сделает, то только по приказу Верховного Главнокомандующего, в крайнем случае, командующего фронтом (во время войны) и никакого иного варианта быть не может, — отдает главные силы авиации фронта в оперативное подчинение командующих общевойсковыми армиями, то, миль пардон, чем же он будет командовать?! И вообще, на кой хрен тогда он нужен? Более того. Ведь отдал-то он именно те смешанные авиадивизии, которые составляли не просто костяк главных сил авиации фронта, а, если исходить из плана прикрытия и схемы дислокации этих дивизий, именно авиационные части, которые должны были прикрывать Белостокское направление, в связи с чем они и были там дислоцированы. Проще говоря, в 9 часов 30 минут 22 июня 1941 г. командующий ВВС Западного фронта генерал-майор И.И. Копец умышленно дезорганизовал систему управления главными силами авиации фронта и соответственно массированное прикрытие с воздуха советских частей, находившихся в Белостокском выступе. Потому что передача в оперативное управление командующих общевойсковыми армиями авиадивизий, тем более смешанных, это не что иное, как полная дезорганизация управления столь специфическими частями, каковыми являются авиационные части.

Поражает вот еще что. Как было указано выше, были переданы именно те смешанные авиадивизии, которые дислоцировались в Белостокском выступе. В результате чего было дезорганизовано управление не просто главными силами фронта, а главными силами фронта на важнейшем участке направления главного удара супостатов. В результате советские войска были лишены полноценного прикрытия с воздуха на этом направлении. Тем более если учесть, что ВВС фронта и так серьезно пострадали от первого удара супостатов. Но и это еще не все.

Более всего поражает вот что. Как указывалось ранее, аналогичному распылению и дезорганизации централизованного управления подверглись механизированные корпуса, в том числе и в ЗапОВО. Через пять с половиной часов после начала войны по приказу командующего ВВС Западного фронта, который он просто физически не мог отдать, предварительно не согласовав его с командующим фронтом, такому же удару под дых подверглись главные силы авиации фронта, находившиеся на важнейшем участке направления главного удара супостатов. Передача главных сил авиации фронта в оперативное подчинение командующих общевойсковыми армиями в самом начале войны является столь серьезным делом, что без санкции командующего ЗФ генерала Павлова тут не обошлось.

В результате войска фронта безальтернативно оказались и без мощного централизованного подкрепления механизированными корпусами, которые должны были помогать стрелковым частям выбивать вклинившегося в советскую оборону супостата, и без мощного централизованного управления прикрытием с воздуха. И произошло это именно на том направлении, где супостаты вовсе и не намеревались устраивать генеральное сражение за Белосток, но планировали мгновенный

прорыв в сторону Минска, где ими и было запланировано главное сражение.

Что хотите думайте об авторе настоящей книги, но это даже физически крайне трудно расценить иначе, нежели как преднамеренное, злоумышленное ослабление боевого потенциала войск Западного фронта при отражении агрессии. Причем явно подобная комбинация действий по ослаблению боевого потенциала советских войск была задумана еще до войны. Проще говоря, это была комбинация преступных действий, направленная на максимальное облегчение супостатам мгновенного прорыва на Белостокском направлении и нанесения как бы объективно случившегося поражения советским войскам Западного фронта. И вот как тут не вспомнить то самое донесение германской агентуры из Москвы, в котором говорилось, что ни механизированные, ни авиационные части советских войск не сыграют предназначенной им роли.

Небольшой штрих-комментарий. В № 3 за 1989 год Военно-исторический журнал привел такой факт: «Еще более страшное признание сделал командир 212-го стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии 28-го стрелкового корпуса 4-й армии Западного особого военного округа подполковник запаса Н.И. Коваленко: "Примерно недели за 2—3 до начала нападения стрелковые части получили телеграмму, что в известных участках (в воротах) будут пролетать немецкие авиационные эскадрильи и чтобы по ним не вели огня. В выходной день в это время я — лично видел в Доме офицеров человек 15 немецких летчиков, которые [затем] свободно расхаживали по городу и изучали наши объекты для обстрела, другой цели у них и не могло быть. Такое положение было не только в Белостоке, но и в других городах Западной Белоруссии"»⁶¹⁴. Жаль, что М.И. Коваленко не указал, какая же сволочь дала такую телеграмму. Сволочь — потому что никаких официальных разрешений на полеты авиаэскадрилий люфтваффе, а разрешить такое могло только правительство СССР, ибо это только в его компетенции, со стороны СССР не было. Санкцию на пролет военных самолетов иностранного

государства над территорией другого суверенного государства дает только правительство последнего. Причем только при соответствующем, заблаговременном, серьезно мотивированном запросе по дипломатическим каналам. Перед войной же фактически по каждому случаю нарушения воздушной границы СССР НКВД СССР представлял соответствующие ноты протеста как посольству Германии в Москве, так и через свое полпредство, а затем и посольство в Берлине — МИД Германии. Образно говоря, шла «война дипломатических нот». И чтобы в такой ситуации было дано официальное разрешение на пролет авиаэскадрилий люфтваффе?! Господи, ну не надо же сходить с ума! Это могли сделать только в предательских целях! Но более всего в его свидетельстве важно то, что такую телеграмму получили стрелковые части, дислоцировавшиеся в Белостокском выступе. Почему именно им дали такую шифровку?

А что касается самоубийства генерала Копца, то, не стремясь навязать свое мнение, невозможно не отметить следующего. Обычно к самоубийству при таких обстоятельствах прибегают заговорщики, увидев, что заговор провалился, последствия провала — жуткие, а ответственность только одна — расстрел заговорщиков как предателей и изменников. А тут не только провал заговора, но еще и злоумышленная, преступная дезорганизация управления главными силами авиации фронта на важнейшем участке направления главного удара супостатов. Выбор альтернатив в таком случае невелик, тем более что мавр сделал свое преступное дело... Хотя абсолютно подлинную правду о мотивах убийства генерала Копца мы никогда не узнаем.

III. О положении с ГСМ

Теперь рассмотрим заявление Павлова о том, что «также одним из вредных моментов является недостаток солярового масла для танковых дизелей, в результате чего 6-й мехкорпус бездействует: При проверке мною в 5-м отделе Генштаба и УСГ (начальник Ермолин и в УСГ — начальник Котов) мне доложили, что горючего для Запово отпущено потребное количество и хранится в Майкопе, тоща как на самом деле оно должно было храниться в Белостоке.

⁶¹⁴ Военно-исторический журнал. 1989. № 3. с. 69, со ссылкой на ЦА МО СССР (ныне ЦА МО РФ). Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 367—368.

Практически получилось, что на 29 июня всаботаж, направленный на резкое снижение ЗапОВО недополучено 1000 тонн горючего. Надо полагать, что Котов и Ермолин доложили правительству, что ЗапОВО обеспечены войска либо полностью обездвижены, но полностью горючим, не указав места его нахождения, тем самым ввели правительство в заблуждение».

Это тоже наглая ложь Павлова. ГСМ в округе было предостаточно. Даже по излишне скромным данным тыловиков ЗапОВО-3Ф, которые уже приводились выше, в распоряжении командования округом-фронтом имелось, но потеряно горючего (тонн): авиационного — 22717, танкового — 1655, автомобильного — 223, дизельного топлива — 1013, смазочных материалов — 2038. На самом же деле только безвозвратно фронт потерял (по различным причинам) 25 складов и баз, где хранилось более 50 тыс. т (50 %) горючего! Если 25 складов и баз, где хранилось 50 тыс. тонн различного горючего, это 50 %, следовательно, всего в округе было 100 тысяч тонн горючего! Разве не так?!

А если это так, в чем сомнений нет, ибо эти данные были приведены специалистом по тылу, то, следовательно, заявление Павлова о ГСМ, прежде всего горючего — наглая ложь. Так вот и спрашивается, куда же делось это горючее перед войной, ибо после начала боевых действий причины его исчезновения более или менее понятны — это и бомбежки, и артобстрелы противником соответствующих складов и баз с ГСМ, это и незаконные подрывы и уничтожение этих баз, дабы они якобы не достались врагу, и т.д. А вот куда исчезло ГСМ до начала боевых действий? Почему их не было в нужном количестве в частях? Ведь приведение войск в боевую готовность в соответствии с многократно упоминавшейся директивой от 18 июня однозначно подразумевало обеспечение мобильных частей необходимым количеством ГСМ. Это почему не произошло?

При указанном выше количестве ГСМ, которое реально имелось в округе, ответ может быть только один. Это умышленный

вом на одну заправку или на сотню-другую километров. Не более. А дальше, когда уже противник нападет, то легко сослаться на то, что супостаты сожгли базы в результате бомбежки, а остальное мы сами подожгли, чтобы оно не досталось врагу. И пойдешь доказывать что-нибудь...

Между тем громадное количество танков (да и самолетов тоже) ЗапОВО не смогло принять участие в боевых действиях только по причине того, что не было топлива. И вот кто бы теперь разъяснил, желательно вразумительно, почему это опять в точности совпало с донесением одного из германских агентов, который сообщал из СССР, что советская авиация и танковые части к началу войны окажутся совершенно неподготовленными к боевым действиям?!⁶⁵ А ведь именно так все и случилось. Вспомните хотя бы приводившийся выше факт запрета начальником ВВС РККА Жигаревым использовать бензин из НЗ. Более того. Во многих мемуарах, принадлежащих перу тех ветеранов войны, которые служили в таких частях, а также в иных источниках полно признаний на этот счет. Генерал-майор авиации Г.Н. Захаров (накануне войны служил в ЗапОВО), например, вспоминал, что самолеты в большинстве своем гибли на земле именно потому, что «горючего было очень мало»⁶⁶, то есть боевые самолеты не могли выполнять свое основное предназначение — бить врага! Топлива-то нет! Даже НЗ!

Аналогичное положение было и с танковыми частями. Сам Павлов на первом

⁶⁵ Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001, с. 66. Вишнёв свою очередь ссылается на внимательно изученные им материалы Политического архива МИД ФРГ, где хранятся подобные документы, и приводит соответствующие ссылки на германские архивные источники.

⁶⁶ Знание — сила. 1982. № 7, с. 15.

же допросе показал, что у него в округе было всего-то 300 тонн топлива, а этого, по его же словам, еле-еле хватило бы на одну заправку 400—600 танков! Значит, из 2556 имевшихся в округе к началу войны от 1956 до 2156 танков были потеряны без боя! Проще говоря, от 76 до 84 % танков этого округа были потеряны только из-за отсутствия топлива!!!

Более того. Почему в основной своей массе это произошло именно в ЗапОВО-ЗФ?! То есть на направлении главного удара нацистских аспидов, на Белорусском направлении, проще говоря, на направлении самого мощного удара, который нацистские аспиды наносили именно по центру советской обороны, убежденно считая, что именно от этого удара зависит весь успех блицкрига?!

Хуже того. Почему это не только в точности совпало с планом поражения, который по требованию следствия собственноручно написал Тухачевский, но и совпало даже сразу по двум его аспектам? Во-первых, с той его частью, где Тухачевский говорил об организации срыва снабжения войск в целом. Во-вторых, с той его частью, где Тухачевский говорил о засылке топлива для авиации и механизированных частей не туда, где оно требуется. Что касается срыва снабжения в целом — и так понятно. Топлива было достаточно, но части и соединения его не получили. А вот насчет засылки не туда, куда надо, Павлов проговорился сам. Ведь он же заявил, что предназначенное для его округа топливо в объеме 1000 тонн находилось в Майкопе. Где ЗапОВО, где Майкоп? Ну, и что же прикажете теперь думать?

Почему, например, танковые войска, которые, если по официальному плану, должны были выполнять функцию прикрытия и помогать стрелковым дивизиям выбивать вклинившегося в нашу оборону противника, а если по «безграмотному сценарию», так и вовсе, «гремя огнем, сверкая блеском стали», нестись за бугор наказывать супостатов, не имели топли-

ва? Ведь за обеспеченность округов ГСМ отвечал, подчеркиваю, лично Жуков — он сам об этом написал в своих мемуарах⁶¹⁷. Впрочем, слегка повремените с размышлениями и выводами, поскольку тема ГСМ еще не исчерпана.

Дело вот еще в чем. Когда на первом допросе Павлов озвучил факт наличия в округе якобы всего 300 тонн горючего и пребывания остального топлива в Майкопе, он одновременно к тому же совершенно однозначно подчеркнул, что все это соответствует плану Генштаба! Интересно, а какому-то плану Генштаба это соответствовало?! Из тех документов, что на сегодня известны, только не как план, а всего лишь как некий черновой проект, который никем даже не был подписан, такая цифра встречается только в одном. В том, что некоторые именуют якобы гениальным планом от 15 мая 1941 г. И тогда выходит вот что. Если исходить из слов Павлова, то получается, что Жуков знал о якобы имевшем место дефиците топлива в ЗапОВО еще к середине мая, но никаких мер для выправления положения так и не предпринял, хотя это входило в его личные обязанности как начальника ГШ.

Комментарий. Если это так, то не из-за этого ли в том числе Жуков и Тимошенко вообще не рискнули представить Сталину свой «гениальный план»? Наряду с уже указанными причинами. Уж за такой-то бардак Сталин точно снес бы «башни» обоим. Но они-то остались живы — значит, Сталин не знал ни от них, ни даже от военной контрразведки.

Но тогда как быть с заявлением Павлова о том, что предназначенное для его округа остальное топливо округа находится в Майкопе, что, видите ли, соответствует какому-то плану Генштаба! Что хотел сказать Павлов? Что Жуков знал об этом и ничего не предпринял? Или же что-то другое? Но все дело-то в том, что факт остро-

⁶¹⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е изд. М., 1990, Т. 1, с. 305.

го дефицита топлива в западных округах срыву мобилизационной и боевой готовности войск, Павлов тем самым скрывал гениальном плане от 15 мая 1941 г. И Павлов от следствия свои преступные действия, лов прямо заявил, что все это по плану Генштаба?! Однако при указанном выше количестве ГСМ в ЗапОВО, Павлов явно врал.

Что же в итоге получается-то? Что На допросах Павлов признал вину и в отношении разгрома складов и баз, заявив, что тально точно знал, что в округе топлива «допустил схематическое утверждение складов, приближенных к границе на 50—60 км. хрена не предпринял, чтобы исправить положение?! За пять недель-то?! Другой же В результате этого склады были в первые же два дня подожжены авиацией противника не менее точно знал — тоже к якобы 15 мая наши войска вынуждены были, отходя, 1941 г.,—что у него в округе топлива нет, рвать их сами». Увы, но и здесь Павлов также Что оно в Майкопе, и тем не менее тревогу соврал. Только на этот раз не для того, чтобы не забил?! И тоже за пять недель-то?! Но скрыть свою вину, а для того, чтобы на себя заявил на допросе, что весь этот бардак — взять вину вышестоящего начальства. Потому по плану Генштаба, а план-то, еще раз под-му что хотя в конечном итоге он тоже подчеркиваю, во-первых, ни Жуковым, ни Тичастен к этому, но не он инициатор выдвижения складов к границе. Ответственность за мошенко подписан не был, а во-вторых, и ния складов к границе. Ответственность за это должны были нести те, кто осуществил негласную, незаконную и неофициальную подмену единственного официального плана отражения агрессии на преступный замысел немедленного встречно-лобового контрблицкрига/коотвращения. То есть Тимошенко и Жуков.

Ну и что же в итоге-то должно выходить?! Да ничего, кроме того, что за спиной главы правительства и самого правительства использовался незаконный «безграмотный сценарий» вступления в войну в виде подготовки к реализации замысла немедленного встречно-лобового контрвращения/контрблицкрига по факту нападения вместо единственного официального плана отражения агрессии. В свете всего изложенного ранее и выше едва ли возможен иной ответ, особенно если учесть, что Павлова весьма быстро спровадили на плаху, главным образом по настоянию самих же военных.

Конечно, такой вывод приходит на ум первым. Однако все дело в том, что в округе-то ГСМ было достаточно. И тогда вывод получится совсем другой. Болтовней о дефиците ГСМ, якобы нахождении топлива в Майкопе и ссылками на некий план ГШ, Павлов реально скрывал от следствия свои преступные действия. Действия по срыву снабжения топливом и в целом ГСМ войск, которым объявлена боевая тревога. Хуже того. Поскольку подобные действия однозначно вели к

Вопрос о дислокации складов и баз в приграничной зоне не менее важен, чем все иные, ранее затрагивавшиеся, вопросы. Ведь до сих пор в ходу, например, идиотская донельзя байка, согласно которой Сталин настолько не готовил страну к войне, что у солдат не было даже винтовок. А в противовес ей выдвинута еще более идиотская концепция о том, что-де выдвигание складов и баз в приграничную зону свидетельствует якобы об имевшихся у советского руководства намерениях первыми напасть на Германию. Все это полный бред натуральных сумасшедших. Кстати говоря, в своем сумасшествии враги нашей Родины — вне зависимости от того, какой паспорт они имеют и что там написано, — поразительно похожи. Впрочем, черт с ними. Нас совсем другое интересует. Поэтому вновь придется обратиться к мнению специалиста по тылу.

Итак, по мнению генерал-полковника Г.П. Пастуховского, который вкратце уже цитировался во втором томе настоящего труда, произошло следующее: «Перед оперативным тылом в мирное время ни теоретически, ни практически не ставились задачи обеспечения войск в ходе боевых действий начального периода. Считалось, что началу войны будет предшествовать угрожаемый период (или особый период в ее начале), в ходе которого и будет планомерно развертываться фронтовой и армейский тыл*. Это, как известно не оправдалось. Соединения, части и учреждения пришлось отмотилизовывать и развертывать в ходе внезапно начавшихся действий. На готовности и возможностях оперативного тыла отрицательно сказались и принятые в то время взгляды на характер будущей войны. Так, *в случае агрессии приграничные военные округа (фронты) должны были готовиться к обеспечению глубоких наступательных операций*. Варианты отмотилизования и развертывания оперативного тыла при переходе советских войск к стратегической обороне и тем более при отходе на значительную глубину не отрабатывались**».

Это, в свою очередь, обусловило неоправданное сосредоточение и размещение в приграничных военных округах большого количества складов и баз с мобилизационными и неприкосновенными запасами материальных средств. По состоянию на 1 июня 1941 года на территории пяти западных военных округов (ЛенВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО и ОдВО) было сосредоточено 340 стационарных складов и баз или 41 процент их общего количества***. Здесь же размещалось значительное количество центральных складов и баз Главнефтеснаба и Управления государственных материальных резервов. Необоснованная концентрация складов и баз в приграничной полосе стала одной из главных причин

больших потерь материальных средств в начальном периоде войны. ...В связи с быстрым продвижением противника на восток пришлось оставить или уничтожить значительное количество материальных средств»⁶¹⁸.

При всем уважении к авторитетному мнению такого высококлассного специалиста, как генерал-полковник Г.П. Пастуховский, невозможно не отметить, что в процитированном выше отрывке из его интересной статьи содержится и правда, и, скажем мягко, не совсем правда.

Во-первых, оправдывать отсутствие постановки перед оперативным тылом задачи обеспечения войск в ходе боевых действий начального периода именно ожиданием какого-то угрожаемого (особого) периода, в процессе которого будут планомерно развертываться фронтовые и армейские тылы, как бы это мягче выразить, по меньшей мере, просто неуместно. Прошу извинить за резкость, однако она в данном случае более чем оправдана и потому целесообразна. Только абсолютно слепой и абсолютно безмозглый баран мог накануне войны не зиять, не видеть и не понимать, что германский вермахт развязывает войну на основе стратегии и тактики блицкрига, основополагающим постулатом которого является, прежде всего, внезапность нападения. Это было настолько очевидным фактом, что уже в 1940 г. мудрая Академия Генерального штаба в специально разработанном «Оперативном словаре» прямо указала, что «современные войны обычно не объявляются — они просто начинаются в той или иной степени

⁶¹⁸ Пастуховский Г.П. Развертывание оперативного тыла в начальный период войны // ВИЖ, 1988, № 6, с. 18—25. Звездочками обозначены ссылки Г.П. Пастуховского на различные источники. «*» — означает ссылку на: 1941 год — Уроки и выводы. Изд. Военной академии тыла и транспорта. Л., 1987, с. 12. «**» — ссылка на тот же источник, с. 15. «***» — ссылка на: Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Ч. I. Изд. Военной академии тыла и транспорта. Л., 1963, с. 20—21.

уже изготовившимися к действию противниками»⁶¹⁹.

И, следовательно, если чего-то и следовало ожидать, так только внезапного нападения. Но никак не ожидать какого-то особого предшествующего внезапному нападению периода. Исходя же из того, что прозвучало в составленном полковником И.Х. Баграмяном докладе Г.К. Жукова и в заключительной речи наркома обороны С.К. Тимошенко на декабрьском 1940 г. совещании высшего командного состава РККА, ни того, ни другого к вышеуказанной категории не отнесешь. Они прекрасно знали о стратегии и тактике германского блицкрига. Следовательно, вывод может быть только один. Отсутствие постановки перед оперативным тылом задачи обеспечения войск в ходе боевых действий начального периода вследствие некоего ожидания мифического периода, в процессе которого будут планомерно развертываться фронтовые и армейские тылы, было умышленным, сознательным. Об этом, в частности, свидетельствует следующий факт. Как уже отмечалось еще в первом томе, в конце мая 1941 г. Жуков наконец-то утвердил план работы разведывательных отделов приграничных военных округов. Согласно этому плану развертывание их резервных агентурных сетей и необходимых для разведки баз снабжения на случай отхода было ограничено глубиной в 150 км. Проще говоря, это означало, что, по разумению Жукова, а, следовательно, и Тимошенко тоже, потому как такие вещи согласовываются между наркомом и начальником ГШ, дальше, чем на 150 км на восток, Красной Армии не придется отступать. Это первая причина, почему «перед оперативным тылом в мирное время ни теоретически, ни практически не ставились задачи обеспечения войск в ходе боевых действий начального периода».

Вторая причина действительно состояла в том, что «на готовности и возмож-

ностях оперативного тыла отрицательно сказались и принятые в то время взгляды на характер будущей войны. Так, в случае агрессии приграничные военные округа (фронты) должны были готовиться к обеспечению глубоких наступательных операций». Естественно, что в таком случае «варианты отмотилизования и развертывания оперативного тыла при переходе советских войск к стратегической обороне и тем более при отходе на значительную глубину не отрабатывались».

А вот тут-то как раз и «зарыта собака». Кто бы разъяснил, желательно вразумительно, на каком основании в то время господствовали такие взгляды на характер будущей войны, которые должны были отрицательно сказаться на готовности и возможностях оперативного тыла?! Что, с 1 сентября 1939 г. не видели наши «доблестные» генералы, как действует гитлеровский вермахт?! Или, быть может, ГРУ и другие разведывательные службы не обеспечивали их необходимой информацией о стратегии и тактике блицкрига, что у них в сознании царил только один взгляд на характер будущей войны — тот, который пропагандировал еще Тухачевский?!

То, что генерал-полковник Г.П. Пастуховский назвал следующими словами — «в случае агрессии приграничные военные округа (фронты) должны были готовиться к обеспечению глубоких наступательных операций» — и есть однозначное указание на подготовку к немедленному встречно-лобовому контрвторжению/контрблицкригу по фаюу нападения! Просто уважаемый генерал-полковник описал это в терминах того времени — «глубокие наступательные операции». Вот и вся разница. Тухачевский играл на этом же.

Но если с Тухачевским и его концепцией все более или менее ясно, то вот с какого хрена «в случае агрессии приграничные военные округа (фронты) должны были готовиться к обеспечению глубоких наступательных

⁶¹⁹ Оперативный словарь. М., 1940, с. 46.

операций» — *не ясно*! За исключением того, что в результате осуществленной возглавлявшим «киевскую мафию» тандемом Тимошенко—Жуков незаконной, негласной и неофициальной полной подмены единственного официального плана отражения агрессии во всех его аспектах они готовились именно к немедленно-му встречно-лобовому контрвторжению/контрблицкригу по факту нападения. Поэтому нет и быть не может ничего удивительного в том, что сначала якобы «необоснованная концентрация складов и баз в приграничной полосе стала одной из главных причин больших потерь материальных средств в начальном периоде войны». А затем, «в связи с быстрым продвижением противника на восток пришлось оставить или уничтожить значительное количество материальных средств».

Ничего удивительного в этом нет и быть не может потому, что якобы «необоснованная концентрация складов и баз в приграничной полосе», в сущности, являлась одним из ключевых элементов подставы Красной Армии под разгром. Потому как подстава под разгром предполагает не только физическую подставу войск под разгром, их уничтожение и (или) их массовое пленение. Она предполагает и физическую подставу под уничтожение той части военно-экономического потенциала государства, которая позволяет даже в случае поражения в ходе первых сражений в кратчайшие сроки восстановить необходимые для оказания дальнейшего сопротивления врагу силы. То есть речь идет об уничтожении мобилизационных запасов оружия, боевой техники, боеприпасов и т.д. Что у нас и произошло, причем не только потому, что «в связи с быстрым продвижением противника на восток пришлось оставить или уничтожить значительное количество материальных средств», но и прежде всего потому, что противник знал дислокацию этих складов и баз и абсолютно точно, с

большим знанием их дислокации и особенно характера хранящихся там запасов либо бомбил их на уничтожение, либо же не бомбил, имея в виду их захват. В нашей исторической литературе о войне не принято говорить о том, что супостаты уже со второго дня агрессии, а некоторые из них и с первого дня катались на советском бензине и соларке. Или, например, во многих исследованиях или несносной болтовне отечественной интеллигенции вечно присутствует «сюжет» о том, что-де в начале войны для солдат не было даже винтовок. Верно, только не «не было», а не хватало из-за внезапно образовавшегося дефицита, ставшего прямым следствием этой самой якобы «необоснованной концентрации складов и баз в приграничной полосе», из-за которой прямо в начале войны РККА потеряла **ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ ВИНТОВОК** из **ВОСЬМИ МИЛЛИОНОВ ИМЕВШИХСЯ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ!!!** Знаете, как изысканно дипломатично и даже с некоторым налетом восточной витиеватости описал исчезновение **ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ ВИНТОВОК** главный военный историк современной России генерал армии М.А. Гареев? О, это еще та «песня». Так что винтовок хватало, — писал генерал Гареев еще в 1995 г., — но, к сожалению, в исключительно сложных условиях начала войны они не всегда оказывались там, где были нужны»!⁶²⁰ И да простит уважаемый Махмуд Ахметович некоторую вольность автору, но, ей-богу, без пол-литра не разобраться в этой красивой фразе! А ведь, между прочим, генерал Гареев описал реальный факт вредительства...

А в целом в приграничных военных округах было сосредоточено 75 % всех ресурсов артиллерии, 84 % мин, 80 % винтовочных и пистолетных патронов, 96 % патронов ДШК и 87 % ручных гранат. Подавляющая часть

⁶²⁰ Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. М., 1995, с. 142.

этого боевого богатства, которое должно было обрушиться на врага, пропала. Одних только снарядов и мин, которые «максимально приблизили к войскам», было потеряно без малого ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ЕДИНИЦ!!!

И едва ли не абсолютное большинство этих запасов либо было разбомблено, или захвачено противником, либо уничтожено нашими войсками перед отходом, а нередко и до отхода в результате далеко не худшей жесткой самодетельности отдельных «ероев», либо же просто брошено при поспешном паническом бегстве. А ведь чтобы накопить такие запасы, военная промышленность должна в поте лица работать в мирное время не один год кряду. К слову сказать, в мирное время на производство 38 млн снарядов различных калибров ушло практически три предвоенных года. То есть на ветер были выброшены не только три года работы снарядных заводов, но и всей промышленности по цепочке от добывающей до обрабатывающей. Более того, на ветер оказались выброшены гигантские финансовые средства, затраченные на их производство. Не говоря уже о трудовых затратах и тех добровольных жертвах, которые советский народ искренне приносил ради того, чтобы у Красной Армии все было. Увы, но ведь и в Первую мировую русская армия испытывала такой же «голод» в снарядах, патронах и вооружении.

Попробуй сопротивляться врагу, если лишился таких гигантских запасов оружия и боеприпасов* От потери таких запасов снабжения находились и артсклады с полного поражения от врага, действующего боеприпасами. Кроме полутора боеком-методом блицкрига и обладающего исключительной мобильностью, в том числе и в вопросах снабжения, — менее полушага. Поражение в силу такой причины куда более реально и опасно, чем даже вследствие разлома нескольких армий. Потому что их хранение боеприпасы в количествах, остатки, даже в окружении, все равно будут оказывать и ведь оказывали же яростное сопротивление, из-за чего супостаты все время горько сетовали на «неспортивное и

неджентльменское» поведение советских солдат и офицеров. А вот даже если срочно и призвать на службу новые миллионы мужиков, то вновь созданные регулярные войска вооружать и оснащать нечем. Тем более что вместе с гигантскими запасами оружия и боеприпасов были потеряны (в том числе и временно, на период эвакуации) и основные военные заводы. Ведь примерно 70—75 % советского ВПК до войны было сосредоточено в европейской части страны, в том числе на Украине и в Белоруссии, а также в западных частях РСФСР.

Как видите, негативные последствия такой подставы, тем более в сочетании с подставой под разгром непосредственно самих войск, во много раз опаснее, чем даже одна только подстава войск под разгром. В последнем случае, если одну армию разгромили, то можно выставить другую, если есть оружие и боеприпасы. А если нет, то и выставить некого, и территорию вместе со всем ее людским и экономическим потенциалом приходится уступать. А ведь именно на это и рассчитывали супостаты при планировании нападения — быстрым захватом территории, экономических и военных ресурсов лишить даже отошедшую в Сибирь советскую власть возможности вести борьбу, даже при наличии людских резервов.

Любопытно на этот счет мнение маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, которое он изложил в своих мемуарах: «В непосредственном подчинении артиллерии находились и артсклады с боеприпасами. Кроме полутора боеком-методом блицкрига и обладающего исключительной мобильностью, в том числе и в вопросах снабжения, — менее полушага. Поражение в силу такой причины куда более реально и опасно, чем даже вследствие разлома нескольких армий. Потому что их хранение боеприпасы в количествах, остатки, даже в окружении, все равно будут оказывать и ведь оказывали же яростное сопротивление, из-за чего супостаты все время горько сетовали на «неспортивное и

сбережение, правильное содержание боеприпасов и их сохранность. Располагаться же запасами в этих складах в мирное время имел право только центр. Даже командующий войсками округа не мог вмешиваться в деятельность таких складов. Конечно, работники службы артснабжения понимали, что в окружных складах накапливается мобилизационный запас боеприпасов для войск, которые в случае войны будут развертываться в данных районах. Но понимать — одно, а знать точно и конкретно — другое...

...Но началась война. И в первые же недели в острейшей форме встали вопросы обеспечения фронтов автоматами, винтовками, полковыми и дивизионными пушками, зенитной артиллерией, боеприпасами (прежде всего к минометам и противотанковой артиллерии). Генштаб, естественно, тут же целиком переключился на удовлетворение этих нужд. Но по инерции мирного времени потребовал именно от ГАУ обеспечить фронты вооружением и боеприпасами. Но где нам было все это взять? Наши запасы оказались довольно скудными, а поставки промышленности, которой еще нужно было переключиться на военные рельсы, налаживались туго. Поэтому в первые месяцы часть стрелкового вооружения для фронтов Генштаб, например, вынужден был изъять из и без того небогатых запасов Забайкальского и Дальневосточных военных округов. А поскольку никакой системы очередности в снабжении тогда еще не существовало, то к осени 1941 года все то, что было в запасах центра, и то, что изъяти с Дальнего Востока, образно выражаясь, «съели» фронты.

Прямо скажу, столь остро вставшие вопросы обеспечения войск вооружением и боеприпасами для многих из нас явились прямо-таки неожиданными. Да, ресурсы оказались незначитель-

ными. Но почему? Разбираться в этом очень деликатном, к тому же сулившем большие неприятности деле мало кому хотелось»⁶²¹.

Отсидевший после войны, но еще при жизни Сталина соответствующий срок маршал прекрасно знал, что к чему и потому описал всю ситуацию со снабжением достаточно прозрачными намеками. Особенно «умиляет» последняя фраза из процитированного отрывка: «Разбираться в этом очень деликатном, к тому же сулившем большие неприятности деле мало кому хотелось».

Правильно, что «разбор полетов» в этом вопросе сулил большие неприятности. Но еще более правильно то, что Яковлев назвал этот вопрос «очень деликатным». А все дело заключалось в том, что даже тень намека на разбирательство в этом вопросе автоматически привела бы к серьезным обвинениям Тимошенко и Жукова. И, естественно, что мало кому хотелось инициировать такое разбирательство. Маршал артиллерии Яковлев это знал и потому так написал, уповав, очевидно, на известные с древности пословицы: «Имеющий уши, да услышит», «Имеющий глаза, да увидит» и «Имеющий голову, да поймет»...

Услышали, увидели и поняли. Малейшая тень намека на разбирательство автоматически привела бы к серьезным обвинениям Тимошенко и Жукова именно потому, что это они должны были нести полную ответственность за случившееся. Ибо через пень колоду развертывавшиеся в западных приграничных военных округах войска, при объявлении боевой тревоги за четыре дня до нападения гитлеровцев, не получили от них внятного распоряжения о выдаче боеприпасов, дополнительного вооружения и т.д. Они не получили такого же внятного распоряжения даже в момент, когда в войска уже пошла директива

⁶²¹ Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984, с. 54—55, 78—79.

№ 1. Как не получали подобных распоряжений различные склады и базы снабжения. Ведь основные склады находились в центральном распоряжении. А практически все войска сразу же стали испытывать острую нехватку боеприпасов, особенно артиллерийских, прежде всего бронебойных и зенитных. Павлову на допросах задавали вопрос об этом, и он ответил, что-де боеприпасы были, кроме бронебойных. И при этом пояснил, что бронебойные боеприпасы находились от войсковых частей на расстоянии 100 км. Павлов признал, что он виноват в том, что не поставил вопрос о передаче складов с боеприпасами в свое распоряжение. Зря он это сделал. Тут особой его вины нет. Это вина непосредственно Тимошенко и Жукова. Это именно они должны были инициировать немедленное решение вопроса о передаче этих складов. Эти склады, подчеркиваю это вновь, в подавляющем большинстве были центрального подчинения. А ведь еще 18 июня Сталин санкционировал приведение войск первого эшелона в боевую готовность. Соответственно необходимо было решить и вопрос об обеспечении этих войск всем необходимым, прежде всего ГСМ и боеприпасами, то есть отдать распоряжения о подготовке к выдаче имущества или же просто начать его выдачу. Однако, если исходить из мемуаров великого Рокоссовского, который вынужден был сначала искать складское начальство, чтобы вскрыть склад центрального подчинения, то выходит, что начальство складов даже центрального подчинения никакого оповещения или предупреждения не получило. За четыре дня!

Более того. Прежде всего, должен был быть решен вопрос о бронебойных снарядах для противотанковой артиллерии. Ведь знали же и Тимошенко, и Жуков, и другие, что главное в германском блицкриге — это массированное применение танков на острие удара. И в первую очередь надо было выбивать танки. Но имен-

но этого-то и не случилось. Мало того что была устроена натуральная профанация противотанковой обороны в виде 3—4 стволов на 1 км фронта, так еще и бронебойных снарядов чрезвычайно остро не хватало. А в это время склады с ними и другими боеприпасами либо захватывались врагом, так как наши откровенно их бросали, либо попросту в панике взрывались тоже нашими, не говоря уже об их уничтожении противником. И ведь эта ситуация была одинаковой во всех трех основных округах, на которые пришлось 99 % всей тяжести первого удара вермахта.

Вот где причина фигурирующих в отечественной исторической литературе о войне массовых случаев дефицита боеприпасов, а также отказа или даже запрета командования на местах выдавать боеприпасы и вооружение. В первые мгновения войны крайне редки были случаи, когда командование на местах, рискуя своей головой, по собственной инициативе, как это сделал великий Рокоссовский, вскрывало такие склады и забирало необходимое количество оружия, техники и боеприпасов.

Естественно, что когда гром грянул во всю мощь, то безоружные в большинстве случаев или же слабо вооруженные солдаты либо просто погибали, как говорится, ни за понюшку табака, или попадали в плен. Другие же в панике, нередко вполне сознательно инициировавшейся самим местным командованием, начинали драпать на восток, оставляя врагу не только территорию, но и все склады и базы. Вот так и пропадали мобилизационные запасы вооружений, боеприпасов и иное военное имущество. А ведь накоплено было более чем достаточно для того, чтобы сосредоточенные в западных приграничных округах войска смогли дать агрессору решительный и жестокий отпор. Увы, не вышло. И абсолютно естественно, что мгновенно в самой острейшей форме возник дефицит буквально всего. Констатируя этот факт, Яковлев сказал абсолютную

правду. Кончилось это тем, что изъятие из локации мобилизационных складов, то скудных запасов Забайкальского и Дальневосточного округов вооружения и боеприпасов и их дальнейшее распределение по фронтам и армиям осенью 1941 г. осуществлял уже лично Сталин, решая и согласовывая вопрос чуть ли не по каждой пушке или танку в отдельности.

Процитированное свидетельство маршала артиллерии Яковлева ценно также и следующим. Очевидно, сам того не желая, хотя чем черт не шутит, быть может даже и сознательно, он показал, что возглавлявший Жуковым Генштаб потребовал именно от ГАУ обеспечивать фронты и армии вооружениями и боеприпасами. А ведь те склады и базы центрального подчинения, о которых он говорил, находились в ведении того же Жукова и Тимошенко. Однако Яковлев, как новый начальник ГАУ, от них никаких распоряжений в отношении этих складов не получал. А сами они тоже никаких распоряжений не отдавали, свалив все проблемы снабжения на ГАУ и его нового начальника Яковлева. Ведь он же принял ГАУ от маршала Кулика только в ночь с 21 на 22 июня!

Так что «концентрация складов и баз в приграничной полосе» не была необоснованной* Она была очень даже «обоснованной». Почему — выше уже было указано* Остается только прояснить вопрос о «технологии» выдвижения складов и баз в приграничную зону и кто первым сказал «а» в этом вопросе. Сколь парадоксальным это ни показалось бы, но Сталин и часто упоминаемый в этой связи Мехлис никакого отношения к выдвижению складов не имели. Мехлис не мог быть причастным, так как в РККА он вернулся только 21 июня, когда от него уже ничего не могло зависеть в этом вопросе — склады уже были выдвинуты в приграничную зону.

А Сталин до 22 июня вообще не занимался такими делами. Что же касается его взглядов на оборону и вытекающей из этого наиболее приемлемой схемы дис-

здесь следует сказать следующее. Сталин еще в ноябре 1940 г. объяснял воякам, что «теперь, когда наши границы отодвинуты на Запад, нужен могучий заслон вдоль их с приведенными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но... *не в ближайшем тылу*»⁶¹¹.

То есть, по мнению Сталина, могучие заслоны из приведенных в боевую готовность оперативных группировок войск нужны не у самой границы, а именно от нее! Из-за осуществленной ими незаконной подмены единственного официального плана отражения агрессии главари «киевской мафии» сделали все наоборот. Естественно, что дислоцирование мобилизационных складов и баз в сталинском варианте должно было быть на самом деле таковым, — едали от границ, в восточных регионах приграничных округов. В варианте же незаконной подмены единственного официального плана отражения агрессии на преступный замысел немедленного встречно-лобового контрвторжения/контрблицкрига по факту нападения большая часть этих складов должны были быть выдвинуты.

При тщательном расследовании обстоятельств выдвижения мобилизационных складов в приграничную зону выяснилось следующее. Формальным инициатором этого был приближенный к главарям «киевской мафии» командующий КОВО генерал-полковник Кирпонос. 29 апреля 1941 г. Кирпонос, начальник штаба КОВО Пуркаев и член Военного совета корпусной комиссар Васьугин направили Жукову жалостливое письмо, в котором говорилось: «По существующему плану мобилизационные фонды размещены почти полностью в восточных районах Украины. В западных областях совершенно отсутствуют мобфонды основных продуктов... Такое размещение мобфондов вызовет в моби-

⁶²² Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. М., 2005, с. 453.

лизационный период и в первые же дни войны огромные железнодорожные перевозки продфуража, чрезмерную загрузку железнодорожного транспорта и ставит под угрозу нормальное и бесперебойное обеспечение войск»⁶²³. К слову сказать, аналогичное размещение мобилизационных фондов в восточных областях Белоруссии было и в Западном округе.

Тут, правда, надо отметить, что в определенной мере обращение командования КОВО было обоснованно. Действительно, какую-то часть мобфондов следовало перебросить ближе к войскам, которые дислоцировались в западных регионах. Но не целиком, а только какую-то их часть, причем не более 10—20 %. Но Жуков, никак не оговорив, ни по километражу, ни тем более по объемам пределы перемещения мобфондов в приграничную зону, просто разрешил их передислокацию. Явно не без согласования с Тимошенко, так как это были склады центрального подчинения, и без его санкции подобное перемещение осуществить было невозможно. В результате в трех основных приграничных округах на западной границе мобсклады были выдвинуты прямо в приграничную зону.

В России издавна известно, что не столько опасен просто дурак, сколько дурак с инициативой. Ну а если это и вовсе не дурак, а сознательно действующий человек проявляет такую инициативу, то, естественно, последствия будут самые негативные. Так оно и случилось. Что дальше произошло с этими мобфондами и складами — выше уже было сказано.

И напоследок к этой теме вот еще что. Очень трудно избавиться от впечатления на грани убежденности, что в действительности-то инициатором этой передислокации было все-таки не командование КОВО, а тандем Тимошенко—Жуков. Но поскольку они свои головы берегли больше, чем безопасность все давшей им Родины, они решили пред-

ставить это дело как инициативу с мест. И поручили «своему человеку» Кирпоносу выдать на-гора такую бумагу, а они ее одобряют. Так и сделали. И если обратите внимание на то, как Павлов каялся по вопросу о складах, то заметите, что вину за это он целиком взял на себя, поскольку ни от ГШ, ни от НКО, ни от них вместе взятых прямой письменной директивы на передислокацию мобскладов не было. Было разрешение в ответ на просьбу КОВО, а остальным явно в виде устных рекомендаций. Потому-то никого конкретно за это впоследствии и не расстреляли, а надо было бы...

V. Об обороне Минска.

Исходя из того, что опубликовано по этой теме, Павлов дал куцые и маловразумительные ответы на вопросы: «А чем объяснить, что 26 июня Минск был брошен на произвол судьбы?» или «Как вы считаете, Минск в достаточной степени был подготовлен к обороне?» Единственно, что он признал, естественно, не раскрывая все в подробностях (по крайней мере, так выходит, если исходить из того, что опубликовано), что Минск не был обеспечен обороной полностью, что его оборона была недостаточна. А почему? Ведь это же столица союзной республики!

Что же, придется вновь вспомнить об уже неоднократно упоминавшемся факте, что германское военное командование дважды за четыре с половиной года до нападения планировало взятие Минска на пятые сутки с начала агрессии. Во время командно-штабных стратегических шр еще в конце 1936 г. супостаты действительно взяли Минск на пятый день, подчеркиваю, всего лишь картографической агрессии. Но готовясь в 1941 г. к реальному нападению, они опять запланировали то же — Минск должен быть взят на пятые сутки. И Гудериан, как выяснилось из его мемуаров, еще до нападения хватался тем, что за пять дней докатит на своих танках до Минска. Супостаты фактически претворили свой план, правда, с

⁶²³ Млечин Л.М. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004, с. 513.

небольшим смещением графика агрессии, хотя тот же Гот докатил до Минска и вовсе за четыре дня. Небольшой срыв графика, из-за которого, по слухам, Гитлер даже истерику закатил, произошел благодаря беспрецедентному героизму и мужеству простых советских солдат и их адекватно реально складывавшейся обстановке мыслявших и действовавших офицеров и командиров. Но как бы то ни было, с 16.00 28 июня нацистские аспиды уже полностью хозяйничали в Минске. Хотя на самом-то деле передовые части вермахта подошли к Минску уже вечером 27 июня.

Абсолютно не желая нагнетать мрачные страсти, тем не менее не могу не задать два вопроса. Почему супостаты столь нагло повторно запланировали взятие Минска на пятые сутки с момента начала агрессии, несмотря на то, что им было известно, что перед ними войска Западного особого военного округа? Почему в целом нацистским аспидам удалось осуществить намеченное, несмотря на имевшиеся в ЗапОВО 44 дивизии?!

Для начала вспомните, что фигурировавшая в единственном официальном плане отражения агрессии в статусе самой главной задача прикрытия активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника Минского направления после образования тандема Тимошенко—Жуков исчезла из задач сразу двух округов — Западного и Прибалтийского. Да, те документы, где зафиксировано это исчезновение, не являются официальными, но всего лишь черновыми проектами, к тому же один из них оказался и вовсе фальшивкой. Но ведь давно уже установлено следующее. Едва только образовался тандем главарей «киевской мафии» в лице Тимошенко—Жукова, то центр тяжести всех усилий по претворению и без того незаконного «безграмотного сценария» вступления в войну методом немедленного встречно-лобового контрвторжения/контрблицкрига по факту на-

падения еще более незаконно был перенесен на Юго-Западное направление.

Параллельно вспомните и о том, что говорилось в начале этой главы об особом значении для супостатов стремительного прорыва одним мощным ударом центра обороны потенциального противника, то есть центра всей советской обороны на западной границе, который символизировал собой ЗапОВО, так и центра обороны самого ЗапОВО, который символизировало брестское направление и в целом полоса компетенции 4-й армии ЗапОВО.

Так вот, если слегка забежать вперед, то уже сейчас придется в первоочередном порядке констатировать, что первой рухнула оборона 4-й армии, прежде всего именно на брестском направлении. С 9 часов утра 22 июня 4-й армии как единого и тем более управляемого армейского организма уже не существовало, о чем само же командование этой армии собственноручно сделало соответствующую запись в журнале боевых действий армии. Чуть ниже читатели сами убедятся в этом.

Система прикрытия и обороны этой армии рухнула из-за предательских действий как командования округом, так и самой армии, которые, с одной стороны, странным образом «крышевались» дуэтом Тимошенко—Жуков, а с другой, не менее поразительным образом ими же исподволь стимулировались, а нередко и провоцировались.

Система прикрытия и обороны 4-й армии рухнула в том числе, а быть может, и в первую очередь именно потому, что наряду с умышленной подставой войск в Брестской крепости под неминуемый разгром, как севернее, так и южнее Бреста фронт был открыт заранее! На северном и южном флангах брестского направления зияли дыры суммарной шириной примерно в 100 с лишним километров, никак не прикрытых вой-

просто физически. Но понимая, они тем не менее ничего не сделали для того, чтобы хоть как-то прикрыть войсками эту брешь. Более того. Еще весной 1941 г. представленная командованием ЗапОВО дислокация войск округа была утверждена НКО и ГШ вместе с этими дырами-брешами. Хуже того. У 4-й армии не был прикрыт и стык с 10-й армией — на этом месте с января 1941 г. и вплоть до нападения супостатов зияла брешь шириной в 55 км, образовавшаяся в результате исполнения одной из директив командующего округом Павлова. И опять никто даже и не почесал-выставки новой техники!⁶²⁷ Чтобы хоть как-то, но реально закрыть ее или по меньшей мере прикрыть хотя бы по минимуму.

«— Этому полку везет: получает и новый аэродром, и новую технику, и надежное прикрытие, — заметил я (то есть Сандалов. — *А. М.*), глядя в сторону командира района ПВО. Реакция последнего оказалась совершенно неожиданной.

Оно, конечно, и неплохо, что он так подумал. Только вот почему только накануне нападения?! Что, раньше нельзя было вспомнить о том, что зенитная артиллерия находится не там, где ей положено быть?! Кстати говоря, он все-таки доложил об этом командующему 4-й армией Коробкову, но, как пишет сам Сандалов, его доклад не произвел на командарма впечатления. Напротив, Коробков стал с увлечением рассказывать о своей поездке по войскам, которую он предпринял в целях подготовки намеченной на 22 июня выставки новой техники?!⁶²⁷

⁶²⁵ *Сандалов ЛЖ* 1941. На Московском направлении. М., 2010, с. 75.

⁶²⁶ Там же.

⁶²⁷ Там же.

чая напасть на Россию. И именно в этом корпусе прямо накануне войны усилиями подчинявшейся в этот период непосредственно Тимошенко и Жукову военной контрразведки был учинен кадровый погром и произведены аресты командного состава, что, естественно, еще более обострило и без того крайне резкое недовольство военнослужащих этого корпуса. И едва только раздались первые выстрелы супостатов, этот корпус не просто разбежался, а повернул оружие против Красной Армии и фактически перешел на сторону вермахта. Стык двух фронтов был открыт для противника на большом расстоянии. Войска обоих фронтов получили удары, что называется, под дых. Особенно Западный фронт. Но оба командующих фронтами сделали из этого факта серьезное алиби для себя. Командующий СЗФ Кузнецов — в своих донесениях в НКО и ГШ уже в первый день войны, командующий ЗФ Павлов — на следствии.

В результате не только судьба Западного фронта, но прежде всего судьба Минска была предreshена. Судьба Минска тем более была предreshена, если учесть еще и такой факт. На второй день войны у оборонявшей северные подступы к Минску 100-й стрелковой дивизии генерал-майора Н.Н. Руссиянова была изъята вся артиллерия и передана на другой участок фронта. Оттуда ее удалось вернуть только к исходу 27 июня, когда судьба Минска, в сущности, уже была решена⁶²⁸. Изъятие было осуществлено по приказу непосредственно командующего фронтом Павлова. Трое суток без артиллерии — ведь изъяли-то все, вплоть до батальонной артиллерии, — она упорно держала оборону, отбивая атаку за атакой. Но долго это не могло продолжаться, ибо без артиллерии удержать оборону только силами пехоты и стрелковым оружием невозможно. Эта дивизия и так совершила

невероятный подвиг, не только продержавшись без артиллерии трое суток, но еще и уничтожив целый полк мотопехоты противника и разгромив в ночном бою штаб 25-го танкового полка 39-го танкового корпуса вермахта. А ведь эту 100-ю сд Павлов своим приказом поставил оборонять Минск... вкруговую. Что вызвало шок у командира дивизии Руссиянова. Потому что это решение Павлова растянуло силы ослабленной дивизии на 100 км при ширине полосы обороны дивизии по уставу 8—10 км. Проще говоря, одним только фактом такого приказа Павлов умышленно понизил устойчивость этой сд в обороне в 10—12 раз! Ну, и что прикажете после этого думать о Павлове?

И вот теперь круг можно замкнуть, впрочем, он и сам замыкается. Как уже указывалось выше, в соответствии с разработанным и утвержденным графиком агрессии Минск должен был быть взят на пятые сутки с начала нападения. И объективно расклад фактов получается таким. Для того чтобы у супостатов это получилось, фронт был открыт заранее на больших по ширине пространствах. А у 100-й сд, выходит, еще и умышленно, сознательно забрали всю артиллерию, чтобы она не смогла долго, а самое главное, эффективно противостоять врагу. Не говоря уже о том, что ей определили такую ширину полосы обороны, которая не столько в 10—12 раз превышала уставную, сколько в указанное количество раз понижала ее устойчивость в обороне. А ведь 100-я сд противостояла в том числе и тем войскам вермахта, которые прорвались через ту самую брешь, которая была открыта в результате поголовного дезертирства и перехода на сторону противника 29-го СК. Причем все это, в том числе и отъем артиллерии, было сделано, подчеркиваю, на второй день войны, то есть 23 июня, когда немцы уже взяли Вильнюс и стали обходить с юга драпающие части 29-го СК. И как по заказу уже 24 июня огромная механизированная группировка про-

⁶²⁸ Солонин М.С. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М., 2005, с. 480.

тивника слегка скорректировала свой бандитский маршрут, и, повернув уже на юго-восток, вошла в полосу Западного фронта, нацелившись на Минск, где должна была соединиться с танковыми частями Гудериана. А ведь такой поворот событий прогнозировался штабом ПриОВО еще до войны, и он был изложен в неутвержденном ГШ новом плане прикрытия. Да и сам Жуков письменно подтвердил в 10 утра 22 июня, что он видит именно наибольшую вероятность именно такого поворота событий. Чуть ниже мы еще вернемся к этому.

Кто-нибудь может прокомментировать, желательно, вразумительно, следующее. Почему должна была случиться столь поражающая последовательная синхронность действий:

— 23-го по приказу Павлова у Руссиянова, дивизия которого по приказу того же Павлова вынуждена занять фронт обороны шириной в 100 км, забирают еще и всю артиллерию,

— а 24-го в его сторону поворачивают вошедшие в полосу Западного фронта танковые части Гота, нацелившиеся на Минск?! Как уже неоднократно указывалось выше, Гот докатился до столицы Белоруссии за четыре дня. Руссиянову же отдают артиллерию обратно уже через три дня, то есть тогда, когда судьба Минска была ясна даже грудному младенцу?! Так какой же был реальный смысл в этом кратковременном изъятии артиллерии у оборонявшей северные подступы к Минску 100-й сд? Полагаю, что ответ и без подсказки автора очевиден...

VI. О ситуации со связью.

На вопросы следствия и суда по тематике связи в первую очередь отвечал, естественно, начальник связи ЗапОВО-ЗФ генерал Григорьев, который признал себя виновным в следующем:

1. В том, что не была бесперебойно осуществлена связь штаба фронта с действующими частями Красной Армии.

2. В том, что не было принято им решительных мер к формированию частей фронтовой связи по расписаниям военного времени.

3. В том, что им не было принято решительных мер к своевременному исправлению повреждений проводов и пунктов связи как диверсантами, так и в результате бомбардировки самолетами противника.

Непосредственно на суде Григорьев подтвердил, что первый и третий пункты своих показаний он полностью подтверждает. А в отношении второго пункта заявил, что он к нему совершенно не относится, так как он мобилизацией не занимался, но все-таки признал, что несет за это косвенную ответственность.

Проблемы со связью во всех трех основных приграничных округах — ПриОВО, ЗапОВО и КОВО — были одинаковы. Связь в округах не выдержала даже малейшего соприкосновения с войной. Но в данном случае откровенно не хочется вдаваться в те самые подробности недостатков связи, которые уже не раз были блестяще исследованы уважаемыми коллегами автора. Да и, откровенно говоря, не в них все дело-то. Хотя отдельные коллеги-исследователи, напротив, утверждают, что со связью было все чуть ли не полный ажур.

Суть дела прежде всего в выявлении тех сознательно предпринятых командованием действий, которые откровенно вели к непосредственному нарушению связи с войсками, а, следовательно, и к потере управляемости ими. Что уже в свою очередь позволяло объективно ссылаться на то, что-де супостаты нарушили связь, потому, мол, неизвестно, где противник, где наши войска и что они делают, и под этим предлогом не давать информацию вверх. В том числе ссылаясь на то, что пока идет сбор и проверка информации с попутными обвинениями командармов и командиров других соединений и частей в том, что-де они своевременно не доложи-

ли командующему округом. Именно тут «зарыта собака». Ну, что же, попробуем ее отрыть.

18—19 июня командующие трех западных приграничных округов получили приказ сформировать фронтовые управления и к 22 июня вывести их на фронтовые КП. К слову сказать, по воспоминаниям Маршала Советского Союза М.В. Захарова, выходит, что это был уже второй приказ на эту тему. Первый был дан еще 14 июня и предусматривал вывод фронтовых управлений на полевые КП к 25 июня. 19 июня, основываясь на данных разведки, этот приказ был скорректирован по срокам — вывод должен состояться к 22 июня⁶²⁹. Корректировка была осуществлена не без указания Сталина, который именно 18 июня, как уже отмечалось, получил окончательно убедившие его неопровержимые данные о том, что война грянет 22 июня. Павлов также получил такой приказ 19 июня, но почему-то только к 23 июня должен был перевести сформированное фронтовое управление на оборудованный КП в районе Обуз-Лесны, что в 25 км юго-западнее Барановичей.

Этот приказ Павлов не выполнил. Штаб Западного фронта остался в Минске, хотя и в ополовиненном, по некоторым данным, состоянии, что немедленно сказало на управляемости войсками округа фронта сразу же после нападения. Хотя первые симптомы этого проявились еще до нападения, так как связь в округе была нарушена диверсионными группами, а также отдельными предателями из числа связистов. Фронтовой КП имел защищенные кабели связи, в то время как связь из штаба в Минске необходимо было поддерживать через линии наркомата путей сообщения, которые были, что называется, под постоянным прицелом диверсантов.

Невыполнение Павловым полученного из Москвы приказа было сознательным. А приказ-то, кстати говоря,

в очередной раз свидетельствует о том, что войска откровенно предупреждались о грядущем нападении с указанием, пускай и в ориентировочном порядке, но даты нападения. Не понимать значения и роли фронтового КП и своего пребывания на нем для управления войсками в случае нападения уже изготовившегося противника, о чем было хорошо известно, командующий округом не мог чисто физически. Если даже на мгновение допустить такое предположение, то это будет означать, что Павлов был клиническим идиотом. Но этого-то абсолютно не имело место быть. Звезд с неба он не хватал, гениальным полководцем не был, но был здоров как бык, в том числе и психически. Но, увы, именно как упрямый бык, уперто гнул свою линию, которая и привела его к расстрельной стенке.

То есть, в сущности, сам этот факт означает сознательное самоустранение от необходимости эффективного управления войсками. Помните признание генерала П.А. Теремова о том, что командование округа не теряло управления, оно само отказалось управлять! Вот то-то и оно!..

А поскольку Павлов пошел на такой шаг еще до нападения, причем, будучи предупрежденным о нападении в ближайшие дни, следовательно, только один вывод имеет все шансы на существование. Он не только заранее сознательно самоустранился от эффективного управления войсками в боевой обстановке, не только сознательно создал ситуацию алиби для возможного возникновения потребности в нем, но и сознательно допустил умышленное ослабление мобилизационной и боевой готовности войск к отражению агрессии. За что его и судили, приговорили к расстрелу и расстреляли.

Но вот еще в чем вопрос. Почему такие действия Павлова тютелька в тютельку совпали с тем, что Тухачевский написал в «Плане поражения» в отношении нарушения связи и управления войсками?! Однако это еще не

⁶²⁹ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005, с. 214.

все. Когда даже такому, как Павлов, уже стало понятно не только то, что на глазах же разворачивается запланированная и подготовленная заранее трагедия поражения, но и то, что в самое ближайшее время абсолютно неминуем жесткий «разбор полетов» с крайне суровой «раздачей слонов», улизнуть от чего возможности не было, он стал имитировать бурную деятельность. Она выразилась в издании и рассылке по армиям всевозможных, зачастую бессмысленных приказов и распоряжений. Смертным приговором Павлову звучат строки из воспоминаний его бывшего заместителя генерала И.В. Болдина, который даже во времена разнузданного антисталинизма Хрущева не смог скрыть своего возмущения этими приказами и написал следующее: «Много лет спустя, уже после войны, мне стало известно, что Павлов давал моей несуществующей ударной группе одно боевое распоряжение за другим, совершенно не интересуясь, доходят ли они до меня, не подумав о том, реальны ли они в той обстановке, какая сложилась на Западном фронте. Зачем понадобилось Павлову издавать эти распоряжения? Кому он их направлял? Возможно, они служили только для того, чтобы создавать перед Москвой видимость, будто на Западном фронте предпринимаются какие-то меры для оказания противодействия наступающему противнику. Ни одного из этих распоряжений я не получил, и остались они в военных архивах, как тяжкое напоминание о трагедии первых дней войны...»⁶³⁰

А приказы и распоряжения никак не могли попасть в руки адресатов, потому что не было связи. Ни один из вариантов связи толком не срабатывал даже в минимуме. В этой связи привлекают пристальное внимание несколько обстоятельств, которые увязывают воедино действия Павлова и его начальника связи Григорьева.

⁶³⁰ Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961, с. 94.

1. Непосредственно накануне войны, из тех передовых частей ЗапОВО, которые располагали состоявшими из самолетов У-2 эскадрильями связи, последние были откомандированы на какие-то учения. В результате эти части остались даже без такой связи. Так, например, произошло с авиаотрядом связи 5-го СК, который состоял из шести самолетов У-2.

Комментарий. У-2 или ПО-2, «кукурузник» — легендарный самолет. Впоследствии прекрасно зарекомендовал себя во время войны как легкий ночной бомбардировщик, прозванный супостатами «рус фанер». Фанера-то фанерой, это правда, но кузькину мать эскадрильи этих самолетов супостатам показывали столь исправно и в таких убойных масштабах, что у поганых гансов и фрицев и ночи-то спокойной не было.

В начале июня 1941 г. отряд был направлен на сборы, которые проходили в г. Ломжа, непосредственно у границы с Третьим рейхом⁶³¹. Как и в случае с артиллерией, никто ведь и не подумал возвратить авиаотряд обратно в корпус.

2. Когда потеря управляемости войсками стала уже резать глаза даже Павлову, то он, понимая, чем это может кончиться, стал направлять в войска одну за другой группы офицеров связи на оставшихся самолетах, бронемашинах и даже мотоциклах. Подавляющее большинство этих попыток были безуспешными, особенно с использованием авиации и парашютистов в качестве делегатов связи. Заместитель начальника оперативного отдела штаба ЗФ генерал-майор Б.А. Фомин впоследствии вспоминал, что наиболее трагическим на этот счет выдался день 26 июня, когда ни один из направленных самолетов У-2 с делегатами связи не добрался до КП соответствующих армий: «Результаты: все У-2 сбиты, все бронеавтомобили сожжены и только на КП 10-й армии

⁶³¹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 304—305. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 261.

(урочище Замковый ляс у Волковыска) были с СБ сброшены два парашютиста с приказами...»⁶³² В ситуации абсолютного господства нацистской авиации в небе над Западным фронтом посылать тихоходные У-2 для связи означало посылать на верную смерть. А потом можно сослаться на то, что не удалось восстановить связь с тем или иным соединением, и передать им необходимые распоряжения.

3. Но даже в упомянутом Фоминым случае, когда с помощью скоростного бомбардировщика все-таки удалось сбросить двух парашютистов-офицеров связи, то и это окончилось трагедией. И дело даже не в том, что их сразу же арестовали и под конвоем доставили на КП 10-й армии. В те первые дни войны, когда разведывательно-диверсионные банды главы абвера Канариса, увы, чувствовали себя более чем вольготно, подобная реакция была, к сожалению, естественной, сколь странно сие не покажется. Трагедия заключалась в том, что, как вспоминал бывший начальник штаба 10-й армии генерал П.И. Ляпин, они привезли приказы Павлова, зашифрованные неизвестным для шифровальщиков штаба 10-й армии шифром. Ни одна из их попыток расшифровать эти приказы не увенчалась успехом. Причем даже тогда, когда командование 10-й армии обратилось за помощью к соседу — шифровальщикам штаба 3-й армии. Однако и те тоже не смогли расшифровать присланные документы. Так же как и в 10-й армии, ни один из шифров не подходил!

Так вот и спрашивается, как же эти двое — Павлов и Григорьев — организовывали или пытались организовать связь с войсками, если те не располагали соответствующими шифрами?! Даже при необходимости срочной замены старых шифров на новые шифровальные отделы штабов армий должны в первую очередь оповещаться о смене шифров с одновременной доставкой им новых шифров. Но

этого-то не было сделано. Офицеров связи послали с приказами, зашифрованными новым шифром, но штабы армий не предупредили и даже не дали этим офицерам новые шифры, чтобы те смогли передать их командованию 10-й армии. В результате произошла трагедия. Этих двух офицеров расстреляли без суда и следствия как диверсантов прямо на КП 3-й армии⁶³³.

Неужели столь простые вещи были непонятны начальнику связи округа фронта и самому Павлову, что допустили такое?! Как можно было шифровать приказ неизвестным для войск шифром?! Ведь у начальника связи и в шифровальном отделе штаба фронта были все данные, каким шифром располагает тот или иной штаб армии. Это же сведения особо строгой отчетности, и все данные на этот счет письменно зафиксированы в соответствующих секретных документах шифровального отдела штаба фронта.

Злостный, во многом умышленно организованный преступный бардак со связью, в том числе, а быть может, и в первую очередь с шифрами, существовал на всех уровнях управления Западного фронта. Вот архивное свидетельство. Вечером 22 июня находившегося на вспомогательном пункте управления (ВПУ) фронта (так указал в своей послевоенной докладной Сандалов) заместителя командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенанта В.Н. Курдюмова запрашивает штаб фронта о том, установлена ли связь со штабами армий, где они находятся, вернулись ли делегаты связи. Курдюмов ответил, что ожидает прибытия делегатов связи назад (он не знал в этот момент, что все они погибли), что у него нет связи с армиями фронта. А далее в ходе разговора отдельно подчеркнул, что по радио у него имеется связь только с 4-й армией, но разговаривать с ней не может, так

⁶³³ Пальчиков П.Л., Гончаров А.А. Что произошло с командующим Западным фронтом генералом Д.Г. Павловым в 1941 г. // Новая и новейшая история, 1992, № 5, с. 121.

⁶³² ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 116—118.

как нет шифра!⁶¹⁴ У находящегося на вспомогательном пункте управления фронта заместителя командующего войсками Западного фронта нет шифра для связи с 4-й армией?! Вы можете себе представить более нелепое, чем это? Кстати сказать, нелепым сие выглядит только внешне. Потому что еще с 21 июня и по указанное время Курдюмов находился на ВПУ вместе с начальником связи округа-фронта генералом Григорьевым. Сандалов, между прочим, еще в письме от 1 сентября 1956 г. на имя начальника ВНУ ГШ генерала армии В.В. Курасова выразил недоумение как самим фактом наличия на фронте ВПУ, так и пребыванием там с 21 июня указанных двух лиц. Так вот и спрашивается, раз уж уединились заранее на неизвестно для каких целей организованном вспомогательном пункте управления, то так ли уж трудно было начальнику связи иметь при себе шифры и группу шифровальщиков?! Ведь это же альфа и омега управления войсками, тем более в боевой обстановке.

Самое страшное состоит в том, что подобное творилось повсеместно не только на Западном фронте. То же самое было и на Северо-Западном, и Юго-Западном фронтах. То есть основных фронтах, принявших на себя первый удар врага. Взять хотя бы два округа — ЗапОВО и КОВО.

Сандалов указывал в своем упомянутом выше письме, что ему было неизвестно, для каких целей был организован этот вспомогательный пункт управления. Это уже преступный бардак, потому как начальник штаба армии округа не знает, что это фронтовой КП. Это, как говорится, во-первых. Во-вторых, Курдюмов и Григорьев действительно в это время были там, на фронтовом КП под Барановичами, вместе с частью сотрудников штаба округа, куда последний должен был по директиве из ГШ перебазироваться в полном составе к 23 июня. Этого, увы, не случи-

лось из-за Павлова, о чем уже было сказано выше. В-третьих. Но в результате-то штаб уже фронта оказался разорван на части. А если штаб фронта, этот самый «мозг» фронта, разорван на части, то может ли он функционировать нормально, а, главное, эффективно?! Вы когда-нибудь видели эффективно функционирующий, но разорванный на части мозг?!

Но вот ведь какое дело. Точно так же штаб был разорван на части и в КОВО, что устроил лично начальник этого штаба генерал Пуркаев. По его «технологии» это выразилось в том, что, начав передислокацию на фронтовой КП в Тарнополе, он оставил оперативный отдел штаба округа в Киеве. И в момент нападения супостатов штаб не мог эффективно и даже просто нормально управлять армиями, до тех пор пока этот отдел во главе со своим начальником полковником И.Х. Баграмяном не прибыл на фронтовой КП. Нам еще предстоит разобраться с этой историей в КОВО. А здесь отметим, что штаб КОВО — «мозг» округа, которому предстояло превратиться во фронт, — начал свою передислокацию на фронтовой КП без самой важной своей части, которую и символизирует оперативный отдел. Ведь это же самый главный «мозговой трест» в штабе!

И что же, прикажете два таких важнейших случая расценить как случайное совпадение? А не жирно ли будет для случайного совпадения? Ведь едва только началась война, то по линии военной контрразведки была дана директива, один из пунктов которой требовал выявлять вредительскую работу штабов! Об этом говорилось еще в самой первой главе настоящей книги.

\$6. Анализ показаний Павлова через анализ ответов генералов ЗапОВО на первый вопрос Сталина. Комментарий

Ну, а теперь приступим к очередному этапу анализа утверждений Павлова, которые он менял в диапазоне от заявлений

⁶¹⁴ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 4857 сс. Д. И. Л. ИЗ—114.

о небывалом превосходстве противника в авиации и танках до признания своей предательской деятельности, договорившись в конце концов до того, что-де:

— он не сказал бы, что война застала нас врасплох и неподготовленными;

— нельзя говорить о том, что войска ЗапОВО не готовились к отражению агрессии;

— все войска Западного фронта к войне были вполне подготовлены;

— он своевременно знал, что немецкие войска подтягивались к нашей границе и согласно донесениям нашей разведки предполагал о возможном наступлении немецких войск;

— несмотря на заверения из Москвы, что все в порядке, он отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа;

— были розданы войскам патроны;

— в период 22—26 июня 1941 г. как в войсках, так и в руководстве паники не было, за исключением 4-й армии, в которой чувствовалась полная растерянность командования;

— при отходе на новые оборонительные позиции неорганизованности не было и все знали, куда надо было отходить;

а также утверждения Климовских о том, что-де он может признать себя виновным только лишь в том, что не смог определить точного начала военных действий.

В принципе можно было бы и не анализировать эти заявления Павлова, ибо прямо на суде они были опровергнуты показаниями других его подельников, среди которых наиболее ярко прозвучало однозначное утверждение начальника связи округа-фронта Григорьева: «Война, разразившаяся 22 июня 1941 г., застала Западный особый военный округ к войне неподготовленным... Война, начавшаяся 22 июня, застала Западный особый военный округ врасплох. Мир-

ное настроение, царившее все время в штабе, безусловно, передавалось и в войска. Только этим “благодарушим” можно объяснить тот факт, что авиация была немецким налетом застигнута на земле. Штабы армий находились на зимних квартирах и были разгромлены и, наконец, часть войск (Брестский гарнизон) подвергалась бомбардировке на своих зимних квартирах».

Однако анализировать все же придется. И как можно тщательней. Только для начала отметим, что прозвучавшие в разных вариациях заявления Павлова о готовности округа к отражению агрессии должны в первую очередь означать, что войска округа вступили в схватку с врагом, имея «царя в голове». Проще говоря, на основе разработанных и утвержденных планов обороны государственной границы и противовоздушной обороны, как то предписывала майская директива № 503859 от 14 мая 1941 г. Так ли это было?

Ниже приводятся письменные ответы командиров различных армий и соединений ЗапОВО, которые командовали ими накануне и в начале войны, на вопросы, которые были сформулированы Сталиным. Необходимо сразу же отметить, что ответы генералов и офицеров ЗапОВО — наиболее куца и маловразумительная часть опубликованных ответов. Частично это можно объяснить тем, что не так уж и много их осталось в живых. Но не более того. В большей степени это связано с тем, что они, зная подлинное состояние дел в округе, в своих армиях, частях и соединениях, сознательно увиливали от ясных, четких и тем более исчерпывающих ответов. Да еще и редакция ВИЖ явно по конъюнктурным и корпоративным соображениям перестаралась в вольном редактировании и обрезании.

Для сведения читателей. Наиболее важные аспекты ответов генералов здесь и далее выделены жирным прямым шрифтом, а вызывающие наибольшее недоумение или сомнение — жирным курсивом.

Ответы генералов на первый вопрос Сталина «Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?» таковы:

генерал-майор П.И. Ляпин (бывший начальник штаба 10-й армии). «С получением в январе 1941 года директивы округа по обороне госграницы командующий армией генерал-майор К.Д. Голубев принял решение. 1-му стрелковому корпусу частями 8-й стрелковой дивизии оборонять участок границы от разгранлинии справа до реки Нарев у Новогрудок. 2-й стрелковой дивизии одним усиленным полком обеспечить стык с соседом справа, выдвинув его на рубеж Лосево (15 км северо-западнее Осовец). Остальным силам 2-й стрелковой дивизии находиться во втором эшелоне и оборонять крепость Осовец с укреплением Ганендз. 5-му стрелковому корпусу, усиленному двумя армейскими артполками, предписывалось прикрыть остальную часть полосы обороны армии от Новогрудок до Зузея, имея обе дивизии в первом эшелоне. Оперативные резервы сосредоточить: 6-й кавалерийский корпус — в районе Стренкова-Гура, Межнин, Канице; 6-й механизированный корпус — в лесах западнее Белостока. Задачу корпусам ставил командующий войсками ЗапОВО.

Таким образом, полосу обороны 10-й армии (ширина 145 км) прикрывали в первом эшелоне только три стрелковые дивизии, причем на местности, доступной для действий всех родов войск противника в любом направлении. В этих условиях командиры корпусов и дивизий резервов создать не могли. Командарм же свои резервы без разрешения свыше использовать не имел права. Поэтому вся система обороны госграницы была неустойчивой, без спланированного маневра сила-

ми и средствами из глубины и вдоль фронта.

Никакой ориентировки о соседях и их задачах в директиве не указывалось. При планировании действий армии на случай войны нас беспокоило значительное количество неясностей: например, в использовании подвижных соединений, дислоцировавшихся в полосе армии; строящихся укрепленных районов. Мы видели несоответствие дислокации 86-й и частично 13-й стрелковых дивизий; оставалась неизвестность на левом фланге, где должна была перейти к обороне какая-то соседняя армия.

План обороны госграницы мы неоднократно переделывали с января до самого начала войны, да так и не закончили. Последнее изменение оперативной директивы округа было получено мной 14 мая в Минске. В нем приказывалось к 20 мая закончить разработку плана и представить на утверждение в штаб ЗапОВО. 20 мая я донес: «План готов, требуется утверждение командующим войсками округа для того, чтобы приступить к разработке исполнительных документов». Но вызова так и не дождались до начала войны. Кроме того, последний доклад мая показывает, что в армии проводилось много учебных мероприятий, таких, как полевые поездки, методические сборы комсостава и т.п. Поэтому никто не мог взяться за отработку исполнительных документов по плану обороны госграницы. К тому же мой заместитель по тылу в начале июня привез новую директиву по материальному обеспечению, что требовало значительной переработки плана.

В связи с тем, что план прикрытия не был утвержден, командиры дивизий на случай войны имели следующие документы по обороне госграницы:

- а) план поднятия войск по тревоге и порядок сосредоточения их в районах сбора;
- б) план боевого и материального обеспечения войск;

в) схему обороны госграницы на каждую дивизию с указанием задач до батальона включительно;

г) схему связи армии с корпусами и дивизиями.

Наличие этих документов вполне обеспечивало выполнение соединениями поставленных задач. Однако все распоряжения штаба ЗапОВО были направлены на то, чтобы создать благодушную обстановку в умах подчиненных. «Волынка» с утверждением разработанного нами плана обороны госграницы, с одной стороны, явная подготовка противника к решительным действиям, о чем мы были подробно осведомлены через разведорганы, — с другой, совершенно дезориентировали нас и настраивали на то, чтобы не придавать серьезного значения складывавшейся обстановке»⁶³⁹.

Комментарий. Относительно правдивый, не лишенный налета объективности ответ, дата составления которого отсутствует. Но вот что любопытно. Опубликованный текст ответа генерала Ляпина частично не соответствует тому, что имеется в архиве. В частности, это касается того отрывка, который начинается со слов «план обороны госграницы мы неоднократно переделывали с января до самого начала войны, да так и не закончили». Кто весьма своевольно отредактировал письменное свидетельство Ляпина, и с какой целью это было сделано — догадаться не так уж и трудно. Будь опубликован этот кусок в первоизданном виде, то вина командующего округом, «невинной жертвы сталинизма» генерала Павлова, была бы документально подтверждена без обращения к материалам уголовного дела. Судите сами, ибо факт не только остался фактом, но и в реальности согласно архивному документу Ляпин написал следующее: «План обороны госграницы 1941 года мы делали и переделывали с января до самого начала войны, *да так и не закончили*. Изменения в первой директиве по составлению плана за это время поступали три раза, и все три раза план приходилось переделывать заново. Последнее изменение оперативной директивы лично мной было получено в Минске 14 мая, в которой было приказано к 20 мая закончить разработку плана

и представить на утверждение командующему округом. 18 мая в Минск заместителем начальника оперативного отдела штаба армии майором Сидоренко было доставлено решение командарма на карте, которое должен был утвердить командующий войсками округа. Майор Сидоренко вернулся вечером 19 мая и доложил, что генерал-майор Семенов — начальник оперативного отдела штаба округа — передал: «В основном утверждено, продолжайте разработку». Никакого письменного документа об утверждении плана майор Сидоренко не привез. Мы не ожидали приезда майора Сидоренко и указаний, которые он должен был привезти из Минска, а продолжали письменную разработку плана обороны госграницы, и 20 мая вечером я донес начальнику штаба округа: «План готов, требуется утверждение командующего войсками округа для того, чтобы приступить к разработке исполнительных документов. Ждем вашего вызова для доклада». Но этого вызова я так и не дождался до начала войны»⁶⁴⁰.

Если такой собственноручно написанный генералом Ляпиным ответ должен означать, что Павлов на следствии и суде говорил правду о том, что все войска были подготовлены к войне, то тогда он действительно «невинная жертва сталинизма». Однако, увы, письменный ответ генерала Ляпина ни при каких обстоятельствах не сможет означать это. Напротив, он означает, что войска, в данном случае конкретно 10-й армии, не были готовы к войне, потому что они вступили в схватку с врагом «без царя в голове», то есть без официально утвержденного плана обороны. И никакой, даже преступной, халатностью, которую подсудимые не без удовольствия признавали, не объяснить такого отношения командования и штаба округа к важнейшим документам. Ну, а если по-простому, это признание Ляпина как минимум означает сознательное самоустранение командования штаба округа от участия в разработке, корректировке и утверждении плана обороны армии, поставленной на самом опасном месте — в Белостокском выступе. Как максимум, такое признание может означать, что командование и штаб округа сознательно не стали рассматривать и тем более утверждать представленный 10-й армией план обороны государственной фанци, дабы впоследствии, особенно в случае катастрофического развития событий, списать всю вину за это на командование 10-й армии.

Однако сказанное выше еще далеко не все. Из письменного свидетельства Ляпина при публикации «произвольно» исчез и другой кусок, в котором говорилось: «...В отношении подчинения обоих укрепленных районов (речь идет

⁶³⁹ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 64—65.

⁶⁴⁰ ЦА МО. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 190—191. Цит. по: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2010, с. 257.

об Осовецком и Замбровском УР. — *А. М.*) была полная неразбериха. С одной стороны, командующий 10-й армией является ответственным не только за техническое выполнение плана строительства обоих укрепленных районов, но и за оперативное решение по размещению батальонных районов и каждого сооружения в отдельности. С другой стороны, командарм не знал оперативного решения по использованию УР в системе обороны госграницы на случай возникновения войны, так как оба укрепленных района в состав войск участка прикрытия 10-й армии не входили»⁶³⁷. Более того. По сохранившемуся в архиве письменному свидетельству Ляпина выходит, что войска 10-й армии должны были во что бы то ни стало оборонять полосу предполья, проходившую к западу в 4—15 км от переднего края обороны обоих УР, а как и кем должны были быть заняты укрепленные районы в директивах штаба ЗапОВО ничего не говорилось. «Сами укрепленные районы имели всего по 1—2 батальона, и у них не хватало сил даже для того, чтобы охранять уже построенные сооружения, а не только вести оборонительный бой. Наши настоятельные попытки получить по сему вопросу разъяснения в штабе округа успеха не имели»⁶³⁸. Попутно вспомните результаты анализа утверждения Павлова о том, что у него положение с УР было лучше, чем в других округах.

И вот теперь, когда эти важные фрагменты его письменного свидетельства восстановлены, можно перейти к аналитическому комментарию. Во-первых, по словам Ляпина, выходит следующее. Даже при исполнении январской директивы округа (а она в свою очередь опиралась на директиву Генштаба, который в январе еще исходил из официального плана отражения агрессии), в плане прикрытия госграницы 10-й армией уже была заложена основа для неизбежного поражения ее войск. Немного словно и даже сухова-то Ляпин описал ее в следующем виде: «Таким образом, полосу обороны 10-й армии (ширина 145 км⁸³⁹) прикрывали в первом эшелоне *только три стрелковые дивизии, причем на местности, доступной для действий всех родов войск противника в любом направлении*. В этих условиях командиры корпусов и дивизий резервов создать не могли. Командарм же свои резервы без разрешения свыше использовать не имел права. Поэтому вся система обороны госграницы была неустойчивой, без спланированного маневра силами и средства-

ми из глубины и вдоль фронта». Проще говоря, Ляпин обвинил в этом командующего 10 армией Голубева.

Если по-простому, то, запланировав в первом эшелоне обороны армии всего три стрелковых дивизий, командование армией наделило их шириной обороны в 48,33 км каждую, то есть против уставной ширины фронта обороны стрелковой дивизии в 8—10 км получилось примерно в 5 (4,833)—в раз больше. А это в свою очередь означает, что даже если эти дивизии и были бы укомплектованы полностью по штатам военного времени, полностью всем обеспечены, как полагается, то при любых условиях их устойчивость в обороне уже была понижена примерно в 5—6 раз! Если же взять с учетом норматива, например для пехотной дивизии вермахта в прорыве, то есть исходить из того, что она в прорыв шла на фронте шириной не более 4 км, то в таком случае понижение устойчивости нашей дивизии в обороне еще круче — до 20—25 раз! Если уж совсем примитивно, то под неминуемый разгром первый эшелон 10-й армии в составе упомянутых трех стрелковых дивизий был подставлен вполне сознательно, ибо Ляпин специально сделал следующий акцент — «...причем на местности, доступной для действий всех родов войск противника в любом направлении». То есть он вполне ясно показал, что раздолбать эти три дивизии противник мог как угодно в любом варианте и на любом направлении. И это называется план обороны (прикрытия)?! Обвинять только командование 10-й армии в таком планировании — ни язык не поворачивается, ни компьютер не хочет такого писать. Оно исходило из того, что у них есть, потому так и планировали. Но предъявить претензии есть за что. Ведь знали, что сил маловато. Следовательно, надо было настойчиво требовать от командования округа дополнительного усиления.

А что касается вышестоящего командования, то ответ Ляпина наглядно свидетельствует о том, что никто из числа командования округа, прежде всего ни Павлов, ни Климовских, никак не отреагировал на такое ущербное планирование! Хуже того. В ответ начальник оперативного отдела штаба округа генерал-майор Семенов заявил, что «в основном утверждено, продолжайте разработку», но никакого письменного подтверждения об утверждении плана штаб армии не получил. Как это понимать?! Очевидно, очень просто. Армия сознательно подставлялась под неминуемый разгром действиями командования округа при полном отсутствии документального свидетельства того, что это именно оно, командование округа, одобрило такое решение. Проще говоря, у штаба ЗапОВО алиби есть, у штаба и командования 10-й армии — нет. В случае разгрома именно они и виноваты. В то же время не следует забывать

⁶³⁷ ЦА МО. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 174. Цит. по: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2010, с. 252.

⁶³⁸ Там же.

⁶³⁹ При ответе на вопрос Ха 2 Ляпин оперировал уже 150 км в качестве полосы обороны 10-й армии.

о той бесконечной бумажной круговерти, которую устроили Тимошенко и Жуков, постоянно направляя в войска всевозможные, нередко серьезно противоречившие друг другу директивы и указания, о чем писал в своей книге коллега В. Рунов.

Более того. Когда 20 мая вечером Ляпин сообщил начальнику штаба округа, что «план готов, требуется утверждение командующего войсками округа для того, чтобы приступить к разработке исполнительных документов, ждем вашего вызова для доклада», опять ни утверждения, ни вызова начальник штаба 10-й армии так и не дождался до самого начала войны. Все это еще раз однозначно свидетельствует о том, что командование округа сознательно уклонялось от исполнения своих важнейших обязанностей, а в результате сознательно же подставляло войска 10-й армии под неминуемый разгром, оставляя возможность спихнуть всю ответственность на командарма-10, ибо само оно никаких документов не утверждало.

Знаете, чем все это кончилось? О, это еще та «песня». В июне 1941 г. «красный пакет» 1-го стрелкового корпуса 10-й армии ЗапОВО попал в руки нацистских супостатов. Да-да, «красный пакет» того самого корпуса, дивизии которого и должны были прикрывать упомянутый Ляпиным участок границы. Сам по себе этот факт — уже тяжкое преступление, за которое по тем временам была предусмотрена суровая уголовная ответственность. Ведь он означает, что штаб этого корпуса в такой панике дал деру от супостатов, что даже и не подумал уничтожить совершенно секретные документы особой важности и они в целостности и сохранности, прямо вместе с сейфом, где хранились, достались супостатам. Но в данном случае речь не об этом. И даже не о том, что находившиеся в «красном пакете» все 46 документов общим объемом в 176 сброшюрованных листов нацистские супостаты даже не посчитали нужным переводить на немецкий язык, ибо они категорически не вписывались в стремление нацистов хоть как-нибудь доказать агрессивные намерения СССР!

Дополнительный комментарий. На пакете имеется надпись по-немецки — InBaH: 1 no le Ond lna l-mappe mП Ocf/na/ueггeюbnez (BlaПeg Von 1—176 bigcb nttteгHeП unb de'leblel), что переводится примерно так: «Содержание: 1 красная подлинная папка с подлинными распоряжениями (листы с 1 по 176-й пронумерованы и сброшюрованы)»^м.

Речь идет о том, что в «красном пакете» находились документы, разработанные в январе-феврале 1941 г., то есть в соответствии с

январской директивой о разработке планов прикрытия. Даже боевой приказ по корпусу с постановкой задач его частям был датирован... 18 4>евраля 1941 г!⁶⁴¹ С указанного времени и до 22 июня ничего не изменилось?! Так со старыми документами по прикрытию и вступили в схватку с врагом. А ведь в округ, как утверждает Ляпин, поступили аж три директивы по разработке таких документов. Об остальном, что связано с этим «красным пакетом», в том числе и об одной малозаметной стороне этой истории, уже говорилось ранее.

Во-вторых, генерал-майор Ляпин достаточно внятно показал стиль руководства Жукова Генштабом. Это прежде всего неоднократная переделка плана прикрытия и обороны государственной границы под шквалом директив Генштаба — по словам Ляпина, трехкратная переделка, причем с минимальными сроками исполнения. Это и новая директива по материальному обеспечению, что опять потребовало значительной переработки плана. Все это и есть то, что уважаемый коллега В. Рунов однозначно описал выше неоднократно уже приводившимися словами: «В связи с тем, что мобилизационный план в последующем неоднократно изменялся и уточнялся, в войска постоянно или не утвержденные окончательно директивы, и войсковые штабы не успевали их обрабатывать. Частые изменения директивных документов привели также к тому, что многие из них про него не обрабатывались. Были и другие причины задержки в отработке мобилизационных документов».

В-третьих, поразительно, что даже тогда, когда штаб 10-й армии выполнил директиву от 14 мая, то утверждения ее плана обороны госграницы командующим округом так и не последовало. А это уже откровенно тянет на саботаж, если не того хуже.

Как, впрочем, и, в-четвертых, на это же претендует и указание Ляпина на то, что «...в армии проводилось много учебных мероприятий, таких, как полевые поездки, методические сборы комсостава и т.п. Поэтому никто не мог взяться за отработку исполнительных документов по плану обороны госграницы».

Саботаж, который организовывался сверху — командованием округа, — ибо все учебные мероприятия, полевые поездки, методические сборы и т.п. предписываются командованием округа и с ним же согласовываются. Причем это именно такой вид саботажа, к которому придраться невозможно. Все вроде бы законно и необходимо. Между тем в явном согласии с руководством НКО и ГШ командование округа на всех уровнях все время отработывало наступательные операции, глубокие наступательные операции. И имен-

⁶⁴¹ Там же.

^м Лотуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010, с. 578.

но поэтому вполне сознательно игнорировало даже формально правильные и целесообразные директивы из ГШ, сознательно же не давая нижестоящему командованию всех уровней хоть как-то сосредоточиться на разработке крайне необходимых документов по обороне. А когда они действительно разработали необходимые планы, то попросту самоустранилось от их проверки, корректировки и утверждения.

В-пятых, не менее впечатляет и заявление Ляпина о полной неразберихе с УР. При той постановке вопроса, которую он описал, виновным в разфоме УР в Белостокском выступе становился лично командарм-10. А командование округа — как бы и ни при чем. Вот вам и подлинная цена утверждения Павлова о том, что у него с УР было лучше, чем в других округах.

И, наконец, в-шестых, смертным приговором для командования округа звучат следующие слова Ляпина: «Однако все распоряжения штаба ЗапОВО были направлены на то, чтобы создать благодушную обстановку в умах подчиненных. “Волынка” с утверждением разработанного нами плана обороны госграницы, с одной стороны, явная подготовка противника к решительным действиям, о чем мы были подробно осведомлены через разведорганы, — с другой, совершенно дезориентировали нас и настраивали на то, чтобы не придавать серьезного значения складывавшейся обстановке».

Обратите внимание на то, что эта часть ответа Ляпина на все 100 % стыкуется с показаниями того же начальника связи округа-фронта Григорьева: «Война, начавшаяся 22 июня, застала Западный особый военный округ врасплох. Мирное настроение, царившее все время в штабе, безусловно, передавалось и в войска. Только этим “благодушием” можно объяснить тот факт, что авиация была немецким налетом застигнута на земле. Штабы армий находились на зимних квартирах и были разгромлены и, наконец, часть войск (Брестский гарнизон) подвергалась бомбардировке на своих зимних квартирах».

Короче говоря, разгром и поражение 10-й армии при таком подходе к делу были просто неминуемо неизбежны. Оно так и произошло. Иначе и не могло произойти. Положа руку на сердце, ответьте хотя бы самим себе честно, без политкорректных уверток разве после всего изложенного выше у кого-нибудь сможет повернуться язык для признания Павлова «невинной жертвой сталинизма»?!

А чтобы было понятней, в том числе и то, кто наравне с Павловым повинен в трагедии ЗФ и кто вместе с ним должен был сидеть на скамье подсудимых, вспомните содержание одного документа. То есть приводившейся выше записки от 17 июля 1941 г. члена Военного совета ЗапОВО корпусно-

го комиссара А. Фоминых. Ведь Военный совет округа еще до войны неоднократно предупреждал НКО и ГШ о многих опасностях, в том числе и о тех, о которых Ляпин написал только после войны, но, увы... Все предупреждения были проигнорированы.

Генерал-майор Д.К. Мостовенко (бывший командир И-го механизированного корпуса 3-й армии ЗапОВО).

«К нашему стыду, следует сказать, что мы, даже высший комсостав, своего театра военных действий не знали и не использовали его особенностей»⁶⁴².

Комментарий. Потрясающе фантастическое признание. Именно потому это признание потрясающе фантастическое, что в одной фразе показана вся глубина преступного руководства командования округом и соединениями, не говоря уже о том, что ни о каких планах прикрытия или обороны в данном случае и речь-то вести невозможно. Ибо если даже высший комсостав не знал своего театра военных действий, то, следовательно, никаких планов прикрытия или обороны у них не только не было, но они даже и не разрабатывались. Ведь испокон веку эти планы абсолютно жестко привязаны именно к театру военных действий. Не зная своего театра военных действий, невозможно разработать такие планы. А незнание своего театра военных действий означает прежде всего, что не было соответствующих карт. Ведь именно на них наносится картографическое решение командиров по тому или иному вопросу, который перед ними стоит. Так вот как же прикажете охарактеризовать такое положение дел?! Ведь хотя бы для командного состава можно же было напечатать карты?! Полагаю, что у читателей не возникнет проблемы с выбором соответствующего уголовно-правового термина, дабы самим себе уяснить, как на самом деле Павлов и штаб округа готовили вверенные им войска к отражению агрессии. Как, впрочем, не должно возникнуть затруднений и в понимании объективности и законности действий Л.З. Мехлиса, отдавшего под трибунал также начальника топографического отдела штаба Западного фронта Дорофеева.

⁶⁴² ЦА МО РФ Ф. 208. Оп. 2511. Д. 83. Кор. 5508. Л. 69—72. Цит. по: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 249.

Генерал-майор М.А. Зашибалов (бывший командир 86-й стрелковой дивизии 5-го СК 10-й армии). «К 1 мая 1941 года оборонительная полоса дивизии, к созданию которой мы приступили с августа 1940 года, была оборудована. Во второй половине мая меня с начальником штаба вызвали в управление 10-й армии. Там начальник штаба генерал-майор П.И. Ляпин довел до нас решение командующего на постройку и оборудование новой дивизионной оборонительной полосы. До 1 июня приказывалось произвести рекогносцировку полковых участков и батальонных районов обороны, огневых позиций артиллерии, командных и наблюдательных пунктов. План оборонительных работ требовалось доложить через нашего командира 5-го стрелкового корпуса к 5 июня, все работы, согласно ему, закончить к 1 августа 1941 года. План оборонительных работ был утвержден. На основании принятого решения штабом дивизии были разработаны приказ и плановая таблица взаимодействия по ведению оборонительного боя в новой полосе. Для всех частей дивизии были разработаны планы поднятия их по боевой тревоге, они хранились в сейфах командиров в опечатанных конвертах. Вскрытие разрешалось по установленному сигналу. Командиры стрелковых и артиллерийских полков, отдельных батальонов и дивизионов знали задачи и в соответствии с этим разработали решения и боевые приказы на оборону государственной границы»⁶⁴³.

Комментарий. Прежде всего отметим, что, как и во многих других ответах, дата составления ответа отсутствует. Кроме того, письменный ответ Зашибалова также был отредактирован неизвестно кем, но с вполне понятной целью. Бывший командир 86-й сд 5-го СК 10-й армии генерал-майор М.А. Зашибалов в своем письменном ответе указывал, что еще 8 августа 1940 года от командира 5-го стрелкового корпуса генерал-майора А.В. Гарнова им был получен приказ

⁶⁴³ Военио-исторический журнал. 1989, № 3, с. 66.

о подготовке полосы обороны для его стрелковой дивизии. Но к началу войны новая оборонительная полоса этой дивизии, по свидетельству Зашибалова, была готова только наполовину. Огневая же система в полковых участках и батальонных районах обороны существовала только на картах и схемах. Полки же находились в лагерях по месту постоянной дислокации на удалении от 25 до 40 км от своих участков обороны⁶⁴⁴.

Что касается существа ответа, то по меньшей мере он вызывает удивление. Прежде всего тем, что полосу обороны дивизии строили почти год! Дворцы, что ли, они строили, что с августа 1940 г. по июнь 1941 г. возились? Далее. Почти целый год строили и оборудовали полосу обороны, и на тебе, стройте новую. Зачем?! А, самое главное, когда?! Во-первых, когда угроза нападения резко возросла и нападение ожидалось в самом ближайшем тогда будущем. А, во-вторых, после получения директивы НКО и ГШ от 14 мая. Ни в коей мере не сгущая красок, хотелось бы все-таки понять одно. Это что же за планирование прикрытия и обороны государственной границы имело место быть, что буквально накануне нападения приказали дивизии строить и оборудовать новую полосу обороны?! Вместо того чтобы уже реально готовиться к обороне на основе уже имеющейся и худо-бедно, но уже оборудованной полосы обороны, дивизия вновь и едва ли не полностью превращалась в саперный батальон. За месяц до войны?) А о том, что огневая же система в полковых участках и батальонных районах обороны существовала только на картах и схемах, уж и не говорю. Это вообще получается бумажная профанация, за которую никого не вззрели, как полагается. И это Павлов называл «все войска были подготовлены к войне»?!

В-третьих, исходя из того, что опубликовал ВИЖ, выходит, что М.А. Зашибалов попросту увильнул от ответа на прямо поставленный вопрос, то есть знал ли он в пределах своей компетенции план обороны государственной границы или нет. Обо всем написал, а вот прямого ответа на вопрос так и не дал. Но и без этого понятно, что плана обороны государственной границы он не имел. И тем удивительней то обстоятельство, что, вспоминая первые часы 22 июня, тот же Зашибалов впоследствии утверждал, что в 2 часа 10 мин он приказал поднять стрелковые полки дивизии по тревоге и выступить форсированным маршем для занятия участков и районов обороны согласно плану прикрытия государственной границы?!⁶⁴⁵ Так вот, вопрос в том, по какому плану

⁶⁴⁴ ЦАМОРФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 90—96. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2010, с. 259.

⁶⁴⁵ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 90—98. Цит. по: Рунов Я. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 262.

он действовал, в соответствии с каким планом он принял такое решение, какие участки и районы обороны он приказал занять — те, что почти год строили, или новые, строительство которых едва только началось?!

В-четвертых, судя по всему, Зашибалов и не мог дать прямого ответа. Потому что план обороны 10-й армии так и не был утвержден командованием округа. Соответственно и Ляпин тогда не мог ничего сообщить ему. Но это формально. На самом же деле Ляпин мог и обязан был проинформировать его о содержании проекта армейского плана обороны, в части, касающейся вверенной ему дивизии. Подчеркиваю, пускай даже и на основе еще не утвержденного командованием округа плана.

Короче говоря, хотя 86-я сд и была среди тех немногих дивизий ЗапОВО, которые более или менее организованно заняли полосы обороны, но ведь выходит-то, что она заняла новую необорудованную полосу обороны, которую ей назначили буквально накануне войны! В чужую-то сунуться она не могла. В сочетании с другими негативными факторами субъективного происхождения, о которых речь еще впереди, поражение дивизии было неминуемо. Так оно и вышло.

Однако если верить Павлову, то «все войска были подготовлены к войне». Но как они на самом деле были подготовлены, мы все более убеждаемся от одного свидетельства к другому.

Генерал-полковник Л.М. Сандалов (бывший начальник штаба 4-й армии). «В апреле 1941 года командование 4-й армии получило из штаба ЗапОВО директиву, согласно которой надлежало разработать план прикрытия отмотилизации, сосредоточения и развертывания войск на брестском направлении. В ней указывалось, что “с целью прикрытия отмотилизации, сосредоточения и развертывания войск вся территория округа разбивается на армейские районы прикрытия...” В соответствии с окружной директивой был разработан армейский план прикрытия. Оценивая его, следует указать, что он соответствовал директиве округа, в которой по существу уже были решены за армию все основные вопросы: указаны выделяемые силы для района прикрытия, их места сосредоточения по

боевой тревоге, сроки готовности войск, задачи и порядок их выполнения, а, следовательно, и ошибки в решении командования округа по прикрытию автоматически переносились в армейский план.

Основным недостатком окружного и армейского планов являлась их нереальность. Значительной части войск, предусмотренной для выполнения задач прикрытия, еще не существовало. Например, 13-я армия, на которую возлагалась задача создания района прикрытия между 10-й и 4-й армиями, и 14-й механизированный корпус, входивший в состав 4-й армии, находились в стадии формирования. Прибытие некоторых соединений в новые районы в случае возникновения военного конфликта намечалось в такие сроки, что они не успевали принять участие в решении задач прикрытия (100-я стрелковая дивизия со сроком прибытия “М-3”). Такое планирование сосредоточения войск к границе заранее было обречено на провал. Так оно и получилось. Дивизия в состав 4-й армии ни на третий день, ни позже не прибыла.

Крупным недостатком окружного и армейского планов прикрытия являлось и то, что в них не предусматривалось создание тыловых фронтовых и армейских полос обороны. Строительство их намечалось развернуть с началом боевых действий, а рекогносцировку и составление плана работ — во время полевой поездки в июле 1941 года»⁶⁴⁶.

Комментарий. Станный ответ, также при отсутствии даты его составления. Частично эта странность понятна. ВИЖ цитировал явно не ответ Сандалова, а его книгу «Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны»⁶⁴⁷. Но свидетельство

⁶⁴⁶ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 65.

⁶⁴⁷ Сандалов Л.М. Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечествен-

Сандалова странно также и тем, что оно временно претендует на некую обобщенную объективность, и в то же время носит хитрованный характер.

Во-первых, обратите внимание вот на что. В 10-й армии разработка аналогичного плана по директиве округа была начата еще в январе, а в 4-й армии идентичное указание было дано только в апреле. Это что за избирательность такая?! Как командование округом могло в таком случае составить окружной план обороны (прикрытия), если хронологически кто в лес, кто по дрова, да к тому же по директиве все того же командования округом?! Как прикажете квалифицировать такую линию поведения командования округом в столь важнейшем деле, как разработка плана прикрытия (обороны)?

Во-вторых, Л.М. Сандалов лихо «перевел все стрелки» на командование округом. Именно об этом свидетельствует его заявление. Мол, план «соответствовал директиве округа, в которой... уже были решены за армию все основные вопросы: указаны выделяемые силы для района прикрытия, их места сосредоточения по боевой тревоге, сроки готовности войск, задачи и порядок их выполнения, а, следовательно, и ошибки в решении командования округа по прикрытию автоматически переносились в армейский план».

А ведь речь-то идет явно об исполнении апрельской директивы НКО и ГШ, которую мы проанализировали еще в начале этой главы. Проще говоря, Сандалов засвидетельствовал, что они разрабатывали план хрен знает чего и хрен знает для чего, но только не прикрытия государственной границы, хотя на бумаге все слова были правильные. В действительности же выходит, что командование и штаб 4-й армии покорно готовили голову вверенной им армии на неминуемую плаху. Ведь директива округа полностью повторяла апрельскую директиву Центра. А там, как уже указывалось выше, содержался откровенно преступный бред — задачи округа отличались и двойственностью, и тройственностью, и даже расчетверенностью, что неминуемо привело бы эту армию едва ли не к мгновенному разгрому (что, кстати говоря, и случилось). Павлов тем и отличался, что тупо копировал приказы и директивы Центра за своей подписью. Делал ли он это преднамеренно или же в силу непробиваемой тупости — теперь уже не разобраться.

Проще говоря, если исходить из слов Сандалова, за упомянутые им ошибки он, как начальник штаба 4-й армии, никакой ответственности,

ной войны. М., 1961, с. 26—27. Сейчас эта книга фигурирует как отдельные параграф и глава в совмещающей сразу два трупа Сандалова объемной публикации издательства «Вече» под общим названием «1941. На московском направлении» (М., 2010).

видите ли, не несет. Ну-ну! Тогда почему же командующий 4-й армией генерал Коробков был расстрелян вместе с командующим ЗапОВО-ЗФ генералом Павловым, а вот Сандалов странным образом уцелел?.. И в таком случае небезынтересно было бы знать, а какого же, миль пардон, рожна Сандалов еще в августе 1956 г. полез оправдывать командование ЗапОВО и 4-й армии, настаивая на необходимости их безусловной реабилитации?) Приказали?! Или за ним, Сандаловым, числилось нечто такое в те первые трагические дни лета 1941 г., что после XX съезда ему попросту выкрутили руки, в том числе пользуясь его инвалидностью?! А затем заставили написать маловразумительное с юридической точки зрения ходатайство-обоснование для реабилитации командования ЗапОВО и 4-й армии?! Пойди разберись теперь...

В-третьих, то, что Сандалов указал на нереальность планов окружного и армейского уровней, соответствует действительности. Причем, обратите на это внимание, этот вывод у него сопряжен с рассказом о выполнении именно апрельской директивы. То есть, если по-простому, выводом о нереальности планов окружного и армейского уровней он попросту раздраконил эту самую апрельскую директиву.

Но ведь у него, как у начальника штаба армии, было право составить свой проект более реального плана и представить его командованию армии и округа. И пусть они отказывают ему в его утверждении. Но он-то этого не сделал. Зато после войны четко указал, что такое планирование, к которому он лично приложил руку, заранее было обречено на провал. А ведь знал же Сандалов, какие силы противник сосредоточил против ЗапОВО и конкретно 4-й армии. Выше уже цитировались отрывки на этот счет из его мемуаров. Все знали, все понимали, но ничего не предприняли для того, чтобы избежать катастрофы, или по меньшей мере хотя бы минимизировать, насколько это было возможно, вероятный ущерб.

Неужели, став генерал-полковником, Леонид Михайлович Сандалов не смог понять, что в таком случае вся полнота ответственности за трагедию 4-й армии целиком и полностью ложится как на ее командующего генерала Коробкова, так и на начальника штаба 4-й армии (тогда) полковника Сандалова?! Не говоря уже о командовании и начальнике штаба округа. Ведь если он заранее все знал и все понимал, то почему не забил тревогу?! А задним умом, миль пардон, ох как все гениальны!.. Особенно генералы, донельзя осрамившиеся в начале войны.

В-четвертых, самое любопытное в его ответе — это содержание последнего абзаца в процитированном отрывке. Завершая свой ответ, Сандалов говорит о крупном недостатке окружного и армейского планов прикрытия. По его словам, он выразился в отсутствии заблаго-

временного планирования создания тыловых фронтовых и армейских полос обороны, строительство которых намечалось развернуть с началом боевых действий, а рекогносцировку и составление плана работ — во время полевой поездки в июле 1941 г.

Трудно сказать, заметил ли он, что написал или нет, но эти его слова означают прежде всего следующее. Командование округа, выходит, не довело до сведения командования 4-й армии, что положениями п. 4 второго раздела директивы НКО и ГШ № 503859/сс/ов от 14 мая 1941 г. командованию округом предписывалось «отрекогносцировать и подготовить тыловые рубежи на всю глубину обороны по вкл. р. Березина...»⁶⁴⁸

Дополнительный комментарий. Между прочим, только в полосе 4-й армии имелось шесть переправ — две железнодорожных и четыре автомобильно-гужевые.

Далее. Отсутствие заблаговременного планирования создания тыловых фронтовых и армейских полос обороны по смыслу почему-то непосредственно коррелирует:

— во-первых, с отсутствием не только задачи, но и даже попыток отработки задачи отмотивизации и развертывания оперативного тыла при переходе советских войск к стратегической обороне и тем более при отходе на значительную глубину;

— во-вторых, с тем, что отражение агрессии военные округа (фронты) должны были готовить методом глубоких наступательных операций⁶⁵⁰; проще говоря, немедленным встречно-лобовым контрвторжением/контрблицкригом;

— в-третьих, со 100—150 км глубиной организации тайных баз с запасом оружия, боеприпасов и иного военного имущества иностранного образца и резервных агентурных сетей на своей территории, которой Жуков ограничил действия военных разведчиков (округов) на случай вынужденного отступления. Об этом уже говорилось как в первой книге первого тома, так и при анализе в начале этой главы ситуации с выдвиганием складов и баз в приграничную зону. Раз у супостатов, по разумению Жукова, хватит сил и ума прорваться только на такое небольшое расстояние в глубь советской территории, то не только разведчикам придется ограничиться такой же глубиной, но и прежде всего не нужно заранее создавать тыловые и армейские полосы обороны. По-другому трудно расценить.

⁶⁴⁸ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 1—3.

⁶⁴⁹ Сандалов Л.М. 1941. На Московском направлении. М., 2010, с. 86.

⁶⁵⁰ Пастухов Е.И. Развертывание оперативного тыла в начальный период войны // ВИЖ. 1988, №6, с. 18—25.

И, наконец, в-четвертых, в ответе Сандалова нет ни звука о том, что в ЗапОВО на уровне армий велась работа по разработке именно плана обороны государственной границы в соответствии с директивой НКО и ГШ от 14 мая 1941 г. Он везде говорит о плане прикрытия, разрабатывавшемся на основе более ранних директив. А это как понять? Очевидно, очень просто. Не с руки ему было что-либо писать о планах обороны. Бывший начальник штаба 4-й армии ЗапОВО Л.М. Сандалов прекрасно знал, для чего готовились войска ЗапОВО, в том числе и его 4-я армия. Спустя четверть века после трагедии и, к сожалению, в унисон с недобитыми, но по-прежнему изумленными нацистскими аспидами в генеральских погонах, он «недоуменно» вопрошал со страниц своих мемуаров: «А почему, собственно, в полосе 4-й армии сохранялось так много мостов через Буг?»⁶⁵¹ А чего дурака-то было валять? Что, он не знал, вследствие чего это произошло?! Ведь сам же, не моргнув и глазом, в мемуарах совершенно откровенно написал, что:

— «все предвоенные учения по своим замыслам и выполнению ориентировали войска главным образом на осуществление прорыва укреплённых позиций»,

— «командно-штабные учения и выходы в поле в течение всего зимнего периода и весны 1941 г. проводились исключительно на наступательные темы»,

— «в марте — апреле 1941 г. штаб 4-й армии участвовал в окружной оперативной игре на картах в Минске», на которой «прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава»,

— «в мае 1941 г. уже в войсках 4-й армии проигрывались наступательные действия 28-го стрелкового корпуса армии совместно с Пинской флотилией в том же направлении»,

— даже на последнюю неделю штаб ЗапОВО запланировал очередную игру опять на наступательную тему,

— и даже на утро 22 июня было запланировано и даже не отменено в связи с особо угрожающей обстановкой на границе учение подобного типа — «Преодоление второй полосы укреплённого района»⁶⁵².

Это все последствия апрельской директивы НКО (Тимошенко) и ГШ (Жуков), краткий анализ которой был приведен еще в начале этой главы, а также тех шушуканий в Генштабе, которые происходили всю весну.

То же самое подтвердил и другой участник тех мартовских (1941 г.) игр в Минске, где отрабатывалась фронтовая наступательная операция,

⁶⁵¹ Сандалов Л.М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 года. М., 1989, с. 22—37, 39—41.

⁶⁵² Там же, с. 40—41.

будущий маршал авиации, а тогда командир 3-го дальнебомбардировочного корпуса Н.С. Скрипко, о нем уже говорилось выше. Напомню, что он, в частности, отметил, что во время этих учений на его корпус была возложена задача выброски в тыл противника воздушно-десантного корпуса в интересах фронтовой наступательной операции, которая должна была проводиться одним рейсом при прикрытии выброски десанта захватом господства в воздухе! Кстати говоря, свидетельство Скрипко в части задачи его корпуса по выброске ВДК — еще тот «компот»! Ведь формирование 4-го ВДК началось только в конце апреля 1941 г.! Соответственно уместно полюбопытствовать, кого или что он должен был выбрасывать даже в игре, если даже командир воздушно-десантного корпуса был назначен только с началом войны и, естественно, в этих играх не принимал участия. В общем, профанация за профанацией. Одна преступнее другой.

Почему это должно было столь определенно и едва ли не тютелька в тютельку совпасть с тем, что «придумал» Тухачевский, и сутью этих иф, и даже с содержанием докладной Тухачевского Ворошилову еще в 1934 г., которая приводилась ранее?! Ответ может быть только один. Ни к какой обороне и даже прикрытию государственной границы они не готовились. Они готовились к немедленному встречно-лобовому контрнаступлению (контрблицкригу) по факту нападения! Только в этом случае мосты и переправы обязаны были уцелеть!

В своих мемуарах бывший начальник штаба 4-й армии Сандалов сделал тонкий намек на одно, как ему, очевидно, казалось, толстое обстоятельство. Что-де, пограничники, то есть НКВД, если и не виной тому, то, по крайней мере, с них и надо спрашивать. Проще говоря, виновато «всесоюзное пугало» Берия, так как пограничные войска входили в состав НКВД СССР и союзных республик. Как мило да дешево! А что же тогда командование округа и армии не слушало того, о чем непрерывно им сообщала разведка пограничных войск? Почему командование округа не приняло предложение одного из выдающихся асов советской разведки, высокочлассного специалиста, в том числе и по диверсиям, Наума Эйтингона?! Находясь накануне войны в ЗапОВО, он предлагал от имени советской разведки подготовить к взрывам мосты и переправы, но командующий округом Павлов отказался от этого!⁶⁵³

Короче говоря, вновь обращаю внимание на то, что войска ЗапОВО готовились к немедленному встречно-лобовому контрнаступлению (контрблицкригу) по факту нападения! Только в этом случае мосты и переправы

обязаны были уцелеть! Соответственно такая подготовка и означала, что официальный план отражения агрессии был нагло, негласно, незаконно и неофициально подменен на «безграмотный сценарий» дуэта Тимошенко-Жукова. И командующий ЗапОВО сознательно участвовал в реализации этой подмены, как, впрочем, и командующие армиями этого округа. В том числе и 4-й армии. Именно такая подготовка к отражению агрессии и явилась тем особо тяжким государственным преступлением, последствия которого мы расхлебываем до сих пор. Потому что они готовились вовсе не к отражению агрессии, пускай даже и по незаконно претворявшемуся в жизнь «безграмотному сценарию», а к подставе вверенных им войск под разгром и уничтожение, которые должны были выглядеть как нечто объективно случившееся, повлиять на которое они не смогли также якобы по объективным причинам.

Супостаты же расценили факт сохранности мостов и переправ как «чудо». Однако итогом этого «чуда» стали немислмо гигантские потери в живой силе и ликвидация первоначального Западного фронта как такового менее чем за неделю боев, ибо фактически фронт рухнул за четыре с половиной дня. А суть же «чуда» состояла в том, что готовившиеся для немедленного встречно-лобового контрблицкрига по факту нападения войска округа находились в состоянии крайней неустойчивости с точки зрения именно обороны и даже собственного прикрытия. Не говоря уже о тех недостатках, о которых было сказано еще в начале главы. А также о том злостно преступном бардаке, который творился в округе, весь негатив которого атомным фугасом колоссальной мощности взорвался ранним утром 22 июня. Естественно, что катастрофа грянула именно на этом фронте не только молниеносно, но и в форме жуткого коллапса! Какие уж тут чудеса, хотя бы и в кавычках?

Проще говоря, как и другие выжившие на войне командиры ЗапОВО, Сандалов прекрасно знал, что они делали накануне войны и как, а также какие на самом деле разрабатывали планы. Потому и столь «смело» написал о некоей нереальности окружного и армейских планов. Устно у них было одно, письменно — другое, но исполнялись-то только некие устные предписания, исходившие от высшего руководства НКО и ГШ. Иначе чего большие начальники все шушукались-то в Генштабе в течение февраля — апреля, а те, что рангом пониже, оказывается, все знали о противнике и все понимали, что он делает, но никакой адекватной реакции хотя бы в пределах своей компетенции не проявили. А бумажки... а бумажки состряпали на тот случай, ежели чего, особенно если придут за ними: вот, все бумаги «справные», к обороне да к прикры-

⁶⁵³ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1997, с. 185.

тию готовились, да вот супостаты окаянные не дали времени все сделать, как полагается, да солдатики подвели! Вот именно так эти бумажки сейчас и подают.

Генерал-полковник В.С. Попов (бывший командир 28-го стрелкового корпуса 4-й армии). «План обороны государственной границы до меня, как командира 28-го стрелкового корпуса, доведен не был»⁶⁵⁴.

***◆

Комментарий. По-военному лаконичный ответ из всех опубликованных. Между прочим, с указанием даты составления — 10 марта 1953 г. Но вот ведь что любопытно. 28-й СК дислоцировался на берегу р. Западный Буг, а его командир так и не сообщили план обороны государственной границы в пределах его компетенции. Так вот и спрашивается, чего же тогда стоят попытки Л.М. Сандалова поиграть в объективность?! Да-да, чего они стоят, если он лично, естественно, совместно с командармом-4 виновен в том, что командир 28-го СК так и не был осведомлен (хотя бы ориентировочно) о плане обороны госграницы в части, касающейся его корпуса?! Но если план обороны государственной границы не был доведен до командира того самого 28-го стрелкового корпуса, что накануне войны был дислоцирован прямо на берегу р. Западный Буг, то это означает, что и на уровне корпуса никто даже полосы обороны этому корпусу толком не «нарезал»! А что уж говорить о стрелковых дивизиях — они то рангом ниже, чем корпус! Вместо этого, как уже было указано выше, там 21 июня проводилось командно-штабное учение на тему «наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды»⁶⁵⁵. Между тем, по воспоминаниям бывшего начальника оперативного отделения штаба 28-го стрелкового корпуса, майора (в июне 1941 г.) Евгения Михайловича Синковского, «...подготовка штабов (дивизий корпуса и самого корпуса. — А. М.) проходила как-то однобоко, без учета обстановки на границе. Казалось бы, задача корпуса ясна — прикрытие границы, оборона. Конечно, это не означало, что корпус не нужно готовить к активным действиям, но в данной конкретной обстановке представлялось более нужным тренировать штабы в управлении войсками в сложных условиях внезапного

⁶⁵⁴ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 65.

⁶⁵⁵ Сандалов Л.М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 года. М., 1989. С. 41.

нападения сильного противника. Только что закончилось командно-штабное учение по теме: «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды», а на завтра, после показа новой техники, было намечено учение по теме: «Преодоление второй полосы укрепленного района»⁶⁵⁶. Две темы наступательного характера и ни одной, связанной с конкретной обстановкой и задачами. Очень сильна была уверенность, что воевать будем только на территории врага...» (вот оно — чертово «наследие» Тухачевского, культивировавшееся тандемом Тимошенко—Жуков, попутно да тихой сапой протаскивавшим свой преступный «безграмотный сценарий» вступления в войну — отражать агрессию немедленным встречно-лобовым контрблицкригом/контрвторжением по факту нападения. — А. М.). Хуже того, «к началу войны из числа всех забетонированных дотов с гарнизоном, оружием и боеприпасами было около 20 процентов, а полностью готовых полевых позиций ни одна из дивизий, входивших в состав 28-го стрелкового корпуса, не имела»⁶⁵⁶. И это, по Павлову, называется «все войска были подготовлены к войне»?!

Генерал Г.С. Лукин (бывший начальник штаба 28-го стрелкового корпуса 4-й армии). По воспоминаниям этого генерала выходит, что, напротив, план обороны государственной границы, а также инструкции о подъеме и развертывании войск по боевой тревоге были разработаны за несколько месяцев до войны и доведены до сведения соединений и частей корпуса. Для проверки реальности этого плана и инструкции, примерно в период с марта по май 1941 года было проведено не менее двух проверочных боевых тревог в присутствии ответственных представителей командования ЗаПОВО. Основные силы гарнизона г. Бреста — 6-я стрелковая дивизия и часть 42-й стрелковой дивизии — были размещены в Брестской крепости, окруженной реками Западный Буг и Муховец. При проведении боевых тревог и развертывании частей Брестского гарнизона наибольшие затруднения встречал вопрос вывода войск из крепости по двум имеющимся мостам

⁶⁵⁶ Буг в огне. Минск, 1965. Цит. по: тНКера. иб.ги/шешо/ги\$8!ап/\$Б_би\$ у_o\$не/пёех.блш1

(один каменный и один деревянный). Об этом и о необходимости разгрузки крепости от войск Лукин, согласно его утверждениям, неоднократно лично докладывал по команде, но ответной реакции на его доклады не было⁶⁵⁷.

Комментарий. Попробуйте, во-первых, разобратся, кто из них лжет или как минимум наводит густую тень на плетень, пускай и неумышленно — Попов или Лукин. Ну как, получилось?! Нет?! В таком случае позвольте прийти вам на помощь. Они в письменной форме свидетельствовали о разных документах. Попов сказал правду, что план обороны до него доводился, потому как 14 мая 1941 г. директивой НКО и ГШ было приказано разработать именно план обороны государственной границы. Именно этот план и не был доведен до его сведения в части, касающейся его корпуса. Потому что Павлов и К° его вообще не составляли (об этом см. ниже). А Лукин же ничтоже сумняшеся говорил о предыдущем плане — плане прикрытия. Вновь напоминаю, что хотя это и близкородственные планы, но тем не менее достаточно серьезно отличающиеся друг от друга. И то, что он имел в виду именно план прикрытия, он сам же и подтвердил сообщением факта того, что с марта по май проводились две проверочные боевые тревоги. В этот период проверять могли только то, что было указано в предыдущем плане, — плане прикрытия. К тому же и Сандалов в своих мемуарах отмечал, что в апреле 1941 г. ГШ дал директиву о разработке плана прикрытия⁶⁵⁸.

Проще говоря, похоже, что он имел в виду ту самую апрельскую директиву НКО и ГШ, о которой говорилось еще в начале этой главы, а, может быть, и что-то иное.

Во-вторых, очень симптоматично, что Лукин сообщил о своих попытках разгрузить Брестскую крепость. Симпатично потому, что он не первый, кто поднимал этот вопрос. До него за год до трагедии 22 июня этот вопрос неоднократно поднимал предыдущий командарм-4 В.И. Чуйков. Весной 1941 г. его «ушли» за настырность в попытке решить этот вопрос. «Ушли» с подачи командующего округом генерала Павлова. Хотя частично Чуйкову все же удалось добиться решения этого большого вопроса. Тогда из крепости была выведена 55-я сд, а также стали готовить к передислокации окружной госпиталь, что, увы,

не было осуществлено до начала войны. Затем этот же вопрос пытался решить вновь назначенный командарм-4 А.А. Коробков. Тоже ничего не вышло. Зато в Бресте на освободившееся место воткнули 42*ю од, да еще и быстро разворачивавшуюся в 22-ю танковую дивизию (14-го МК) бывшую танковую бригаду, которая к весне 1941 г. увеличилась в четыре раза. Кстати говоря, весной 1941 г. туда, в крепость, воткнули еще одну стрелковую дивизию — 6-ю од. Бывший начальник ее штаба полковник А.М. Игнатов впоследствии подтвердил, что к началу войны его дивизия находилась там. Командующий округом с какой-то маниакальной озлобленностью в штывы воспринимал любые попытки и даже намеки на попытки разгрузить Брестскую крепость. Самое любопытное состоит в том, что, по утверждению Сандалова, позицию Павлова в отношении Брестской крепости, как уже отмечалось выше, полностью одобрил начальник Генерального штаба: «Павлову, вероятно, удалось убедить начальника Генерального штаба... К нам поступило официальное письменное распоряжение, подтверждающее все то, что Павлов высказал устно»⁶⁵⁹. Оно, конечно, неплохо, что Сандалов такое написал. Однако обратите внимание на то, что фамилию начальника ГШ он не указал, хотя прекрасно знал, кто был начальником ГШ в этот период. Тем более что он четко показал и временные рамки, когда это произошло, то есть в период правления Жукова. Но, что очень характерно, написал все это после того, как «благодарный» троцкист-кукурузник выгнал со всех постов не в меру амбициозного, откровенно подыгрывавшего Хрущеву, но ничего не соображавшего в большой политике Георгия Константиновича Жукова. Всего лишь в 1961 г. Вспомните слова АЕ. Голованова о том, что Жуков в политическом отношении безграмотен.

В этой связи небезынтересно отметить, что по дневниковым записям помощника маршала К.Е. Ворошилова — ныне покойного генерал-майора Л.А. Щербакова, который сопровождал Климента Ефремовича в его поездке на Западный фронт в качестве уполномоченного Ставки в первые дни войны, — четко видно следующее. Очень многое в действиях командования и дислокации войск ЗаПОВО накануне войны оказалось весьма неожиданным даже для такого осведомленного в военных делах человека, как Ворошилов. Между тем даже после отставки с поста наркома обороны в мае 1940 г. Ворошилов был отнюдь не маленьким человеком в высшей государственной и военной иерархии СССР. С того же мая 1940 г. он являлся заместителем Председателя СНК СССР (то есть, если по-современному, вице-премьером) и Председателем Комитета Обороны

⁶⁵⁷ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 1786. Д. 50. Кор. 22099. Л. 293—295. Цит. по: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 292—293.

⁶⁵⁸ *Сандалов Л.М.* 1941. На московском направлении. М., 2010, с. 66.

⁶⁵⁹ *Сандалов Л.М.* 1941. На московском направлении. М., 2010, с. 64—65.

при правительстве СССР. И вот даже для такого обладавшего исключительной информированностью в военных делах человека едва ли не все вдруг оказалось неожиданным, особенно в дислокации войск округа накануне войны. Сами понимаете, все это поневоле вызовет ассоциации с теми событиями, из-за которых в 1937 г. Тухачевского и К° расстреляли. Естественно, что вспомнятся и предупреждения разведки от 1935 г., а также комбрига Жигура и многое другое. Посудите сами.

Из содержания дневника Щербакова со всей очевидностью вытекает, что, увидев 22 июня на карте в Брестской крепости 6-ю и 42-ю стрелковые дивизии 4-й армии, а также танковую дивизию, Ворошилов был просто потрясен. Все три дивизии понесли тяжелейший, невосполнимый урон в первые же мгновения агрессии⁶⁶⁰. Но ведь в данном случае главное, очевидно, также и в том, что даже Председатель Комитета Оборона при Правительстве СССР до 22 июня включительно не знал, что три дивизии 4-й армии — в Бресте, в крепости, которая в случае нападения противника станет смертельной западней! Как указывалось выше, дислокацию войск еще в марте утверждал именно Генштаб. И ГШ обязан был поставить в известность Председателя Комитета Оборона при правительстве СССР о дислокации войск, предназначенных для обороны государственной границы. Но, утвердив, по признанию Сандалова, такую дислокацию, ГШ фактически утвердил и подготовку 4-й армии в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения. Ведь Сандалов ясно и однозначно написал в своих послевоенных мемуарах, к чему конкретно они готовились, вплоть до того, что даже мосты не заминировали. А заодно ГШ утвердил и смертный приговор упомянутым дивизиям. Зачем?!

Ну, и в порядке резюме по свидетельству ГС. Лукина следует отметить, что в целом-то он увернулся от прямого и честного ответа на прямо же поставленный вопрос. Хуже того. Пошел на подмену одного понятия другим, создав в результате ложное впечатление, что генерал Попов врет, в то время как тот написал истинную правду.

***◆

Полковник С.И. Гуров (бывший начальник штаба 49-й стрелковой дивизии 28-го стрелкового корпуса 4-й армии). «В конце марта или в начале апреля нас с комдивом вызвали в штаб 4-й армии. Там окончательно было принято решение, со-

ставлен план и написан боевой приказ частям на оборону участка дивизии. Все документы вложены в конверты, опечатаны печатью штаба армии, в последующем привезены в штаб дивизии, где хранились в моем сейфе вместе с «Красным паке-том». Построить систему огня обороны дивизии с учетом огня укрепленного района нам не удалось, так как его штаб отказался выдать эти данные, ссылаясь на то, что штаб ЗапОВО запретил давать какие-либо сведения по этим вопросам»⁶⁶¹.

Комментарий. Очередной хитроуловный ответ при отсутствии даты его составления. Ну, вызвали их в штаб армии. Ну, было принято там какое-то решение. Кстати говоря, непонятно, в их ли присутствии или нет. Ну, был составлен какой-то план, хотя в ответе надо было бы назвать, какой на самом деле план был составлен, и написан боевой приказ частям на оборону участка дивизии. И вновь непонятно, в их ли присутствии или нет. Впрочем, все это, предположим, можно взять на веру как единовременную версию на пару мгновений. Однако можно же было хоть как-то отметить, что, перед тем как все документы вложили в конверты и опечатали печатью штаба армии, им дали или не дали почитать эти документы, так сказать, для общего развития. Увы, ответа нет, как, впрочем, и на прямо поставленный вопрос ответа тоже нет. Все это напоминает известные пушкинские строки: «И я там был. И мед там пил. По усам текло, да в рот не попало». Только строки великого Пушкина вызывают добрую улыбку, а то, что написал полковник С.И. Гуров, — горькую усмешку. Потому как откровенное вранье написал полковник, спихнув всю ответственность на неизвестные личности в штабе его армии. Впрочем, почему же неизвестные — разве начальник штаба 4-й армии Сандалов неизвестная личность?! Конечно, полковника Гурова можно понять — к моменту написания своего ответа он знал, что Леонид Михайлович Сандалов уже генерал-полковник. Потому и спихнул все на неизвестные личности в штабе. Тем не менее в его ответе содержится одна реальная зацепка, позволяющая сделать вполне обоснованный вывод о том, что он говорил о плане прикрытия, составленном в апреле (или ранее) на основании апрельской (или более ранней) директивы НКО и ГШ.

Но свидетельство Гурова одновременно и смертный приговор командованию 4-й армии.

⁶⁶⁰ Из служебного дневника Л.А. Щербакова. См.: Молодая Гвардия. 1996, № 6, с. 98—140.

⁶⁶¹ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 66.

Ведь, по его словам, выходит, что после марта—апреля их ни разу не вызывали в штаб 4-й армии и никаких более указаний не давали! Ведь так же получается, исходя из того, что он написал. То есть до 22 июня они прилежно хранили «красный пакет», ничего более не зная и не получая ни инструкций, ни указаний, а соответственно не давая никаких инструкций и указаний в полки дивизии и т.д. Даже после того, как в округ в мае поступила неоднократно уже упоминавшаяся директива о разработке уже плана обороны государственной границы. Они так и сидели на старом «красном пакете», как «собака на сене».

Свидетельство Гурова принципиально совпадает с одним из положений записки секретаря Брестского обкома КП(б) Белоруссии М.Н. Тупицына «О положении на фронте Брест-Кобринского направления» в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Белоруссии от 25 июня 1941 г.

В этом документе, в частности, говорилось, что «в 49-й сд после первых же выстрелов также произошло смятение. Разработанный ранее план действий на случай войны не был изучен командирами подразделений, и, как рассказывает секретарь Высоковского РК КГЦ(б)Б т. Рябцев, командир 49-й сд только в его присутствии стал выдавать распоряжения подразделениям, но было уже поздно...»⁶⁶²

Проще говоря, командир 49-й сд и сам не знал, что там в этом плане написано, и узнал только когда вскрыл «красный пакет». Командиры полков и других подразделений дивизии тем более ничего не знали. То есть когда, по свидетельству Гурова, не то в марте, не то в апреле 1941 г. на глазах командира и начальника штаба 49-й сд в штабе 4-й армии запаковывали в «красный пакет» названные им документы, то им просто не дали с ними ознакомиться. Попросту это называется информационной блокада. В угрожаемый период это равносильно тяжкому воинскому преступлению, ибо если даже командир дивизии не знает, что ему делать в случае начала боевых действий, то о какой мобилизационной и боевой готовности его дивизии можно говорить? Тут ведь даже тенью намека на это и то не пахнет.

Что же касается того, что штаб УР отказался предоставить необходимые данные для организации системы огня дивизии с учетом огня УР и при этом сослался на прямой запрет штаба ЗапОВО выдавать такие сведения, то здесь следует отметить следующее. Этот запрет — далеко не художественная самодетельность командования и штаба округа. Ничего подобного ни в директиве НКО и ГПШ от 14 мая, ни в более ранних не содержится. Там есть прямое указание на то, кому и что положено знать и в каком объеме при разработке

планов прикрытия и обороны. Но там нет запрета на согласование данных по организации системы огня на уровне стрелковой дивизии и УР.

А теперь вспомните, как на суде Павлов посылал голову пеплом и каялся в своих ошибках и упущениях насчет обороноспособности УР. Врал он и на следствии, и на суде, ибо сознательно установил этот запрет. Сознательно, потому что, будучи уже генералом и командующим округом, он просто физически не мог не понимать, что если нет полноценной координации между дивизией и УР, то какой толк оттого, что они будут палить! Эффективность их огня будет минимальной. Хуже того. Может получиться даже ситуация так называемого «дружественного огня», когда или те, или другие начнут палить по своим из-за несогласованности действий. Для того чтобы это понимать, не нужно даже военное училище заканчивать.

Конечно; возможно, это и мелочь по сравнению с тем, что Павлов натворил в целом, но именно из таких мелочей и складывается ослабление мобилизационной готовности войск, в чем его законно обвинили и за что по обоснованному приговору законного суда расстреляли.

Полковник А.С. Кислицын (бывший начальник штаба 22-й танковой дивизии 14-го механизированного корпуса). «Примерно в марте — апреле 1941 года командир дивизии, я, начальники оперативного отделения и связи были вызваны в штаб 4-й армии (г. Кобрин).

В течение 2—3 суток мы разработали план поднятия дивизии по боевой тревоге, в который вошли и такие документы, как приказ на марш в район сосредоточения, схемы радио- и телефонной связи, инструкция дежурному по дивизии на случай боевой тревоги. Усиление дивизии не планировалось.

Было категорически запрещено ознакомить с содержанием разработанных документов даже командиров полков и дивизионных частей. Кроме того, observation наблюдательных и командных пунктов в районе сосредоточения соединения производить не разрешалось, хотя этот вопрос поднимался связистами»⁶⁶³.

⁶⁶² «Известия ЦК КПСС». 1990, № 6, с. 204—206.

⁶⁶³ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 66.

Комментарий. Как и во многих других случаях, дата составления ответа отсутствует. Но не это главное. Главное в том, что даже косвенного ответа на прямо поставленный вопрос нет. Ведь вопрос был сформулирован следующим образом: «Был ли доведен до войск, в части их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?» На первую и главную часть ответа нет. Из того, что «вспомнил» Кислицын, можно сделать один, вполне реальный вывод — он имел в виду план прикрытия, который был составлен на основании апрельской директивы командования ЗапОВО, действовавшего, соответственно на основании апрельской же директивы НК и ГШ. На вторую же часть вопроса есть только частичный ответ.

Что касается категорического запрета, о котором написал Кислицын, то это, судя по всему, «местная инициатива». Дело в том, что положениями п. 7 девятого раздела директивы, например от 14 мая, предписывалось «исполнительные документы, разработанные для войсковых соединений, хранить в пакетах, опечатанных печатью военного совета армии при мобплане соединений». Такие же указания были и в предыдущих директивах. Это правила хранения. Но ведь не запрет же! Аналогичные правила устанавливались и предыдущими директивами.

Так вот и спрашивается, как же тогда должны были действовать командиры полков и дивизионных частей?! С какой стати командирам полков запрещали знакомиться с документами, которые они обязаны были знать по роду своей службы, хотя бы только в части, их касающейся?! Ведь это же соответствовало их должностным обязанностям! Если по-простому, то выходит, что Коробков тоже «вносил свой вклад» в ослабление мобилизационной и боевой готовности вверенной ему армии путем информационной блокады. Ведь это уже не первое свидетельство на данную тему.

Немалое недоумение вызывает упоминание Кислицыным того факта, что оборудование наблюдательных и командных пунктов в районе сосредоточения соединения производить не разрешалось, хотя этот вопрос поднимался связистами. Как это понимать? Ведь это более чем сильно смахивает на саботаж с дальним прицелом. Если вспомнить, что происходило в первые дни войны с войсками, то везде на первое место выйдет отсутствие связи и как следствие потеря управления войсками, вплоть до состояния полной утраты связи с подчиненными частями и соответственно управления ими.

Как же должно было действовать командование, если их КП и НП не оборудованы и, что хуже всего, не имеют связи?! Ведь еще 27 мая ГШ дал

директиву о подготовке фронтовых управлений и фронтовых КП, что автоматически означало и организацию связи с подчиненными командованием округа армиями, частями и соединениями, то есть организацию также и их КП. Впрочем, это даже просто саботажем не назовешь — это откровенное вредительство с целью резкого снижения мобилизационной и боевой готовности войск, лишения возможности нормально управлять войсками в боевой обстановке. Ведь запрет-то мог исходить только от вышестоящего командования, причем едва ли от командования самого 14-го МК, в который входила его дивизия, ибо ему было не до того — шло ускоренное формирование корпуса. Следовательно, запрет пришел либо от командования 4-й армии, но более всего вероятно, что от командования округа.

А теперь вспомните, как Павлов отбрыкивался во время следствия и на суде от ответственности за связистов и их деятельность, а начальник связи округа-фронта Григорьев наотрез отказывался подтвердить достоверность второго пункта из состава его вины. Что он виновен также и в том, что им не было принято решительных мер к формированию частей фронтовой связи по расписаниям военного времени. Он тогда подтвердил лишь то, что можно было списать на немцев — ведь в ходе боевых действий связь действительно нарушалась в результате бомбежек, артобстрелов и действий диверсантов. Сообразительный был начальник связи округа...

Если подвести краткий итог ответам командиров ЗапОВО на первый вопрос, то, очевидно, не составит особого труда согласиться со следующим:

1. Из опубликованных ответов отдельных командиров ЗапОВО на первый из пяти интересовавших Сталина вопросов абсолютно не вытекает, даже в предположительном порядке, что они ответили именно на него. Ведь как был сформулирован вопрос: «Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?» А они что ответили? По крайней мере, исходя из того, что опубликовано. При внимательном анализе опубликованных ответов на этот вопрос никто не найдет действительно прямого ответа на него (за исключением ответа генерала Попо-

ва), тем более на вторую его часть. Вот и попробуйте теперь догадаться, то ли сами опрошенные командиры так лихо начудили со своими ответами, то ли редакция ВИЖ так оскопила и без того предвзято отобранные ответы командиров ЗапОВО, что теперь уже хрен поймешь, кто из них больше начудил. Во всяком случае, такая ситуация с ответами наводит на очень грустные, более чем негативные мысли о том, что же на самом деле произошло накануне войны и что послужило причиной неминуемости столь страшной трагедии Западного фронта. Ведь в целом-то он рухнул буквально за какие-то четыре с половиной дня!

А в принципе генералы дали простой ответ — они отработывали некие планы, но это было в марте—апреле. Майскую же директиву НКО и ГШ от 14 мая они либо в глаза не видели, либо так и не смогли отработать в виде уточненных и новых планов. Но, судя по всему, первое.

2. До майской директивы НКО и ГШ № 503859/сс/ов от 14 мая 1941 г.⁶⁶⁴ полноценной системы организации именно обороны государственной границы и в этом округе также не было! Даже в основе! Ранее разработанный план прикрытия хотя и близко родственен плану обороны документа, но тем не менее все-таки иной. При этом заметьте, что план прикрытия в округе был разработан на основе апрельской директивы НКО и ГШ, анализ которой был приведен еще в начале главы, или же по неким, еще более ранним директивам ГШ. А в «красных пакетах» и вовсе лежали документы, разработанные еще зимой!

Полноценного же плана обороны в округе, пускай даже и неутвержденного, тоже не было даже после получения майской директивы. То, что в последнее время очень часто используется в качестве якобы плана обороны ЗапОВО, на самом деле называется «Записка по плану действий войск в прикрытии на тер-

⁶⁶⁴ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 1—3.

ритории Западного Особого Военного Округа»⁶⁶⁵.

Между тем директива НКО и ГШ № 503859/сс/ов от 14 мая 1941 г. прямо предписывала командующему округом, начальнику штаба и начальнику оперативного отдела штаба округа разработать детальный план именно обороны государственной границы и детальный план противовоздушной обороны. Это указано прямо во вводной части директивы. То, что сделал Павлов и его будущие подельники по уголовному делу, по-простому называется следующим образом. Не удосужившись даже формально поменять название, просто переписали первый лист предыдущего плана прикрытия, то есть хотя бы сменить слово «прикрытие» на слово «оборона», а если быть точным, то умышленно это сделали, поставили в качестве даты «__» июня 1941 г. (реальной даты нет, представлен в НКО 11 июня), обозвали «запиской» и все. Новый документ готов. Иного и быть не могло. Вы посмотрите, какую директиву во исполнение директивы из Москвы дало командование ЗапОВО в войска:

«ДИРЕКТИВА ВОЕННОГО СОВЕТА ЗапОВО

КОМАНДУЮЩЕМУ 3 АРМИЕЙ
№ 002140/сс/ов 14 мая 1941 г.

Совершенно секретно Особой важности

Экз. №2

1. На основании директивы народного комиссара обороны СССР за № 503859/сс/ов и происшедшей передислокации частей, к 20 мая 1941 года разработайте *новый план прикрытия государственной границы* участка: оз. Кавишки, Кадыш, Красне, Августов, Райгород, Грайево, иасЩучьт...»⁶⁶⁶

⁶⁶⁵ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 4—34.

⁶⁶⁶ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 248. Л. 36—54. Машинопись на бланке: «НКО СССР. Штаб Западного Особого Военного Округа». Исполнитель: зам. начальника штаба ЗапОВО генерал-майор Семенов. Указана рассылка. Подлинник, автограф.

Было приказано разработать план обороны государственной границы, а что приказал Военный совет ЗапОВО — разработать новый план прикрытия государственной границы?! А чего его заново разрабатывать, если такой документ уже имеется? Не лучше ли просто переписать первый лист, поставить новую дату и все — мы исполнили указание. Подобная логика исполнения указаний и в наше время отнюдь не редкость, как в нашей армии, так и в целом в стране.

Еще раз хочу напомнить, что при всей значительной схожести упомянутых планов это все-таки документы двух разных видов. Причем план прикрытия, по крайней мере в то время, откровенно мог подразумевать либо операцию вторжения, либо как минимум операцию немедленно-го встречно-лобового контрвторжения по факту нападения. Судя по всему, применяя термин «план прикрытия государственной границы», командование имело в виду именно последнее. Но бумага-то, как известно, все стерпит. Но стерпит ли все еще не упокоенный по-человечески прах многих из тех, кто имел несчастье служить под командованием Павлова и К°?!

Почему автор говорит с уверенностью о том, что всего лишь первый лист поменяли и что термин «план прикрытия государственной границы» использовался в качестве условного обозначения для негласно осуществлявшейся подготовки к немедленному встречно-лобовому контрвторжению (контрблицкригу) по факту нападения? А вот почему.

Давайте еще раз вспомним хронологию событий. В апреле 1941 г. командующему войсками ЗапОВО генералу армии Д.Г. Павлову была направлена совершенно секретная директива особой важности наркома обороны СССР и начальника Генерального штаба Красной Армии, в первом же абзаце которой говорилось: «Приказываю приступить к разработке плана оперативного развертывания армий Западного особого военного

округа, руководствуясь следующими указаниями...»⁶⁶⁷ Вот его-то в округе и разработали. А когда в мае пришла директива о разработке плана именно обороны государственной границы, то, даже не мудрствуя лукаво, в штабе округа взяли и поменяли первый лист, слегка изменили некоторые формулировки, и... новый документ готов. Причем без участия Павлова тут не обошлось — начальник штаба округа подобные действия согласовывает с командующим округом, ибо в конечном итоге именно он и подписывает документы подобного рода. На такой преступный шаг толкала и сама директива НКО и ГШ. Будучи отправленной в ЗапОВО 14 мая, она содержала указание и о сроке ее исполнения — 20 мая. ЗапОВО, естественно, к этому сроку ничего не представило в НКО и ГШ. За 6 дней разработать такой план, требующий огромного количества документов и согласований с командованием нижестоящих частей и соединений, — просто нереально. Именно поэтому и решили не мудрствовать лукаво, а просто переписали первый лист. И все — документ готов. Но все равно вовремя не представили в Москву — это произошло только 11 июня.

Вот почему командование 10-й армии так и не дождалось утверждения командованием округа разработанного им плана обороны в полосе компетенции своей армии. А командование 4-й армии спокойно сидело на «красном пакете», в котором был старый план — план прикрытия. Входявшие же в состав 4-й армии части и соединения и вовсе ни черта не знали, хотя как «собаки на сене» сидели на «красных пакетах» также со старым планом прикрытия.

НКО и ГШ молча проглотили выходку Павлова и его штаба, и когда дело дошло до выдвижения дивизий из глубины окру-

⁶⁶⁷ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 48—64. Рукопись на типографском бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Незаведенная копия.

гов в сторону границы, то Павлову выдали директиву, первый же пункт которой и сейчас вызывает недоуменное изумление. Дело в том, что там прямо было указано: «Для повышения боевой готовности войск округа все глубинные стрелковые дивизии и управления стр. корпусов с корпусными частями вывести в лагерь в районы, предусмотренные для них планом прикрытия (директива НКО за № 503859/сс/ов)»⁶⁶⁸. Напоминаю, что указанный в скобках номер директивы — это номер майской директивы о разработке именно плана обороны государственной границы. Проще говоря, получив 11 июня план прикрытия округа с новой датой на его первом листе, но в целом со старым содержанием, НКО и ГШ действительно молча проглотили тот факт, что Павлов и К° нахально шиворот-навыворот исполнили майскую директиву.

Вина за все это лежит как на командовании округа, так и на НКО и ГШ, то есть на Тимошенко и Жукове. Причем это вина не из тех, что формулируется для красного словца. Это реальная и очень тяжкая вина. Потому что командование округом ничего из того, что разрабатывалось в армиях округа во исполнение его же директив, во внимание не принимало и не утверждало, соответственно непонятно, что моши командование и штаб округа разрабатывать и составлять в качестве окружного плана. Руководство же НКО и ГШ виновато в том, что никак не контролировало действия командования округа.

3. Майская директива окончательно оформила процесс подмены официального плана, его сути и даже заложенного в него принципа обороны. Вместо активной обороны и активных действий по скоковыванию сил противника окончательно утвердилась упорная оборона, она же жесткая оборона прямо на линии границы. Именно это и было указано в директиве. И в неутвержденной

НКО и ГШ «Записке по плану действий войск в прикрытии на территории Западного Особого Военного Округа» фигурирует именно термин «упорная оборона», причем полевых укреплений на госгранице и укрепленных районов. То есть ставка на упорную (она же жесткая) оборону четко зафиксировалась и в окружном документе, хотя бы и не подписанном. Тем не менее задача ринуться в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения сохранилась. Правда, в более завуалированном виде.

4. Как и в остальных западных приграничных округах, в ЗапОВО царил невообразимо злостный, преступный бардак с разработкой планов прикрытия и обороны государственной границы. Злостный бардак, который откровенно вел к резкому снижению мобилизационной и боевой готовности войск к отражению уже неминуемой агрессии. Даже в тех случаях, когда штабы армий округа просили рассмотреть и утвердить разработанные ими планы обороны, им в ответ было только устное одобрение, но никак не письменное, не говоря уже о частых изменениях директив округа, что еще больше осложняло работу.

Этот злостный, преступный бардак был спровоцирован бурным, инициированным «органической ненавистью к штабной работе» Жукова потоком тщательно не проработанных в самом ГШ и тем более не утвержденных окончательно директив, которые войсковые штабы всех уровней не успевали отрабатывать. Причем частые изменения директивных документов привели к тому, что многие из них просто не отрабатывались, в том числе и в ЗапОВО.

Беда заключалась также еще и в том, что «весомый вклад» в этот злостно преступный бардак осознанно вносили и сам Павлов и его ближайшие подчиненные. Причем это были действия, которые иначе чем злоумышленный саботаж и вредительство в целях осла-

⁶⁶⁸ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 1—3.

бления мобилизационной и боевой готовности войск округа не назовешь. Вот реальное свидетельство человека, который оказался втянут в водоворот этого злостного, преступного бардака-саботажа, — генерал-майора П.Е. Хорошилова, который в ЗапОВО отвечал за противовоздушную оборону: «...В начале июня... меня вызвал командующий войсками округа генерал Д.Г. Павлов. Он предложил мне в довольно ограниченный срок разработать план подготовки округа к войне в противовоздушном отношении»⁶⁶⁹.

А теперь вспомните, когда в ЗапОВО поступила майская директива о разработке плана обороны государственной границы и план противовоздушной обороны? Правильно, 14 мая. Когда, согласно московской директиве, ЗапОВО должен был представить план обороны государственной границы и план противовоздушной обороны? Верно, 20 мая. Когда Хорошилов получил указание разработать план противовоздушной обороны? Правильно, в начале июня. И, наконец, когда якобы новый план прикрытия ЗапОВО оказался в Москве? Точно, 11 июня. Значит, что выходит? Самое элементарное. Павлов сознательно проволынил с разработкой плана противовоздушной обороны до начала июня, и у Хорошилова было в лучшем случае не более нескольких дней для разработки и написания такого плана. Бумагу, конечно, он сделал, и ее пришпандорили к плану прикрытия. Однако бумага-то, как известно, все стерпит. Она-то и стерпела, а вот войска округа, важнейшие военные и гражданские объекты на территории Белоруссии, включая даже и саму ее столицу — славный город Минск — не стерпели, поскольку остались без надежного зенитного прикрытия. Итог известен всем. И что, даже такой факт может служить основанием дл* утверждения, что-де

Павлов «невинная жертва сталинизма»?! Ну не смешите, хотя, конечно, не до смеха в данном случае, ибо тут трагедия республики теснейшим образом переплетается с трагедией страны и государства в целом.

5. Вся эта бумажная фантазмагория с разработкой планов прикрытия и обороны, в том числе и в соответствии с майской директивой, преследовала главную цель — насколько это возможно скрыть факт уже осуществленной незаконной, негласной, неофициальной подмены официального плана отражения агрессии, включая даже суть его замысла и принцип обороны. Ведь все настолько упорно готовились в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения, что все тактические учения и игры преследовали цель отработки именно тех наступательных действий, которые и были необходимы для реализации замысла о немедленном встречно-лобовом контрблицкриге. Но при этом заранее готовились необходимые бумаги, свидетельствующие якобы об усилиях командования по разработке оборонительных планов и действий. Правда, частенько и это умудрялись делать через пень-колоду, а нередко еще и с проявлениями далеко не художественной самостоятельности, в том числе, например, различных запретов, о которых говорилось выше.

6. В ряде случаев злостный бардак по важнейшему вопросу откровенно перерастал в саботаж и вредительство в различных формах. Как в преднамеренной информационной блокаде командиров нижестоящих уровней, включая и отстранение их от участия в разработке планов обороны, лишения их возможности путем запретов детально ознакомиться с уже имеющимися планами, так и в умышленно негодном планировании. Кроме того, нередки случаи, когда основному звену сухопутных сил — стрелковым дивизиям — буквально накануне войны сменили полосы обороны, заставив их занять необорудованные рубежи обороны. Это уже

⁶⁶⁹ Солдат, герой, ученый. Сборник. Составители: Д.С. Борисов, М.К. Шевчук. М., 1961, с. 25.

не бардак, хотя бы и злостный. Это умышленное вредительство, а, следовательно, как минимум тяжкое воинское преступление. Знаете, чем все это кончилось, например, в 10-й армии?! Это же еще та трагическая «песня»! Когда в 2 часа 30 мин. 22 июня командарм-10 генерал-майор К.Д. Голубев получил приказ командующего округом «вскрыть красный пакет и действовать, как там указано», вскрывать командарму было нечего! Ибо все документы все еще в неутвержденном виде находились в штабе округа, а в самой армии были только документы для поднятия по тревоге и материальному обеспечению⁶⁷⁰. Вот как после этого изволите называть командующего округом генерал-полковника Павлова — «невинной жертвой сталинизма» или же все-таки преступником и негодяем?!

7. Особое место в творившемся в ЗапОВО злостном бардаке занимает предыстория трагедии сосредоточенных в Брестской крепости войск. Ведь за год же всё предвидели. И накануне всё предвидели. И все-таки из-за маниакально злобного упрямства Павлова эти войска были подставлены едва ли не под поголовное истребление. Да еще и с прямого письменного одобрения начальника ГШ Жукова, который затем письменно требовал предать командарма-4 Коробкова суду как изменника (об этом, как и о том, что произошло с войсками в Брестской крепости, — см. ниже). Только и остается, что отнести это маниакально злобное упрямство Павлова в отношении разгрузки Брестской крепости к разряду заранее запланированной подставки войск под разгром и уничтожение. Другой вывод более чем затруднителен.

8. Вопреки предписанным срокам представления документов, ЗапОВО, как и остальные округа, представил новый план обороны государственной границы с колоссальным опозданием, практически в самый канун нападения — 11 июня

1941 г. Соответственно, ни НКО, ни ГШ его не рассматривали и не утвердили. Отвечать за это, как, впрочем, и за все остальное, несут персонально Тимошенко и Жуков. Но у всех, получается, есть алиби. Тимошенко и Жуков спокойно могли отбрезаться тем, что документ был представлен с большим опозданием, а Павлов — тем, что НКО и ГШ не утвердили его до начала войны.

9. Поразительно, но факт, что, когда дело дошло до публикации ответов на второй вопрос Сталина, оказалось, что на него ответили также и другие командиры ЗапОВО, которые не фигурировали при публикации ответов на первый вопрос. Но ведь всех их опрашивали по всем пяти вопросам сразу. Почему же при публикации ответов на первый вопрос письменные показания некоторых командиров ЗапОВО не были опубликованы? Чем это объяснить? А не тем ли, что их ответы были весьма неудобны для публикации?! Ведь если бы все было опубликовано, как оно было представлено (количественно) и написано, то тогда сложилось бы более или менее целостное впечатление о том преступном безобразии, которое творилось в округе с разработкой плана обороны государственной границы и доведением его положений до командиров частей и соединений. Увы, при всей смелости, проявившейся в самом факте публикации этих ответов, редакция ВИЖ в какой-то момент все-таки струхнула, поняв, что нельзя все публиковать, в иначе абсолютная правота сурового приговора командованию ЗапОВО стала бы не только очевидной, но и еще раз была бы подтверждена документально. Или же ей попросту сверху дали, что называется, «по мозгам» — во времена господства над советскими СМИ организованной преступной группировки Горбачева—Яковлева это было обыденным делом.

10. И в завершение выводов в этой части, необходимо отметить следующее. Беспардонное вранье, явный разнойбой в ответах, откровенное увиливание в боль-

⁶⁷⁰ ЦНТ по: *рунов В'* 1941. Первая кровь. Печелом истории. М., 2009, с. 262.

шинстве случаев от прямого ответа на прямо поставленный вопрос, сознательная подмена в ответах сути поставленного вопроса, муссирование малозначительных деталей и т.п. в совокупности свидетельствуют об отчаянных, сознательно предпринимавшихся опрошенными командирами усилиях скрыть нечто более важное. Более важное, чем даже уже четко зафиксированный факт незаконной, негласной и неофициальной подмены единственного официального плана отражения агрессии, в том числе сути его замысла и принципа обороны. И это нечто более важное есть суть тайны поражения войск этого округа, которое было осуществлено методом подставы их под разгром. Неоднократно проанализировав и во время войны, и после нее, что тогда произошло, генералы ЗапОВО не могли не понять того, что в действительности-то имело место быть. Но понимая это, они не рискнули все написать так, как было. Единственное, на что хватило, — намеками, нередко косвенными, дать понять суть имевших тогда место явлений.

Конечно, выводы по ответам генералов ЗапОВО на первый вопрос выводами. Однако весь приведенный выше анализ был представлен не только для того, чтобы показать эти выводы.

Принципиально самое главное предназначение только что проведенного анализа ответов на первый вопрос и осуществленных на его основе выводов состоит в следующем. С помощью самих ответов и их анализа, с привлечением также и других данных обоснованно показать, что никакой готовности войск округа к отражению агрессии не было даже в отправной точке такой готовности. То есть даже на обязательных стадиях планирования действий по отражению агрессии и заблаговременного изучения командирами частей, соединений и подразделений планов обороны в части, их касающейся.

Главный принципиальный вывод из всего этого один — на следствии и даже на суде Павлов отчаянно врал. Вверенные ему войска округа изначально не были готовы к отражению агрессии. Потому и вступали войска округа в боевые действия «без царя в голове», то есть без тщательно и заблаговременно изученных и проработанных планов обороны!

§7 Анализ показаний Павлова через анализ ответов генералов ЗапОВО на второй вопрос Сталина. Комментарии

Теперь проанализируем ответы командиров ЗапОВО на интересовавший Сталина вопрос № 2: «С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?»

Сразу же отметим, что тут появляются широкие возможности комплексно проверить, насколько Павлов говорил правду, утверждая на суде, что-де нападение Германии не застало войска округа врасплох. Причем эти возможности создают условия как для ответа на второй вопрос, особенно вторую его часть, так и на вопрос № 3 (ответы на него ВИЖ вообще не публиковал — как отмечалось ранее, дальнейшую публикацию ему запретили): «Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?»

Необходимо также отметить, что на вопрос № 2 от командиров ЗапОВО были получены такие ответы, которые в отдельности комментировать нет особого смысла. Прежде всего ввиду того, что

все они куцые и маловразумительные, за исключением отдельных фраз. Хуже того. Ответы были явно оскоплены еще и редакцией ВИЖ, из-за чего тексты ответов стали граничить с идиотизмом. Их спрашивают об одном, они же отвечают совершенно о другом, как бы несколько не заботясь о необходимости хоть как-то ответить на прямо поставленный второй вопрос. Итак, вот эти явно оскопленные ВИЖ ответы командиров ЗапОВО.

Генерал-лейтенант инженерных войск П.М. Васильев (бывший начальник инженерного управления ЗапОВО). Ответ датирован 25 мая 1953 г.

«Все саперные батальоны стрелковых корпусов и дивизий находились на оборонительных работах на новой государственной границе. Боевой подготовкой занимались только учебные подразделения, понтонные полки, саперные батальоны 6-го механизированного корпуса, истребительно-противотанковых бригад и воздушно-десантного корпуса»⁶⁷¹.

Генерал-майор Б. А. Фомин (бывший заместитель начальника оперативного отдела штаба ЗапОВО). Ответ датирован 5 июня 1952 г.

«Дивизии начали передислокацию в приграничные районы походным порядком в апреле-мае 1941 года. Артиллерия на мехтяге и склады НЗ перевозились по железной дороге. Перемещались следующие соединения: 85-я стрелковая дивизия — в районы западнее Гродно, 21-й стрелковый корпус — из Витебска северо-западнее и севернее Лиды, 49-я и 113-я стрелковые дивизии — западнее Беловежской пуши, 75-я — из Мозыря в район Малориты, 42-я — из Березы Картузской в Брест и севернее. В середине июня управлению 47-го стрелкового корпуса было приказано к 21—23 июня выдвинуться по железной дороге в район Обуз-Лесны. Одновременно 55-я (Слуцк), 121-я (Бобруйск), 143-я (Гомель) стрелковые дивизии комбинированным маршем проследовали туда же, а

50-я стрелковая дивизия из Витебска — в район Гайновки. До начала боевых действий войскам запрещалось занимать полосу обороны в своих полосах вдоль госграницы. К началу авиационного удара (в 3 ч. 50 мин. 22 июня) и артподготовки (в 4 ч. 22 июня) противника успели развернуться и занять оборону госграницы: в 3-й армии — управление 4 ск, 27-й и 56-й сд; в 10-й армии — управление 1 и 5 ск, 2, 8, 13 и 86-й сд; в 4-й — 6-я и 75-я сд. В процессе выдвижения подверглись нападению: в 3-й армии — 85-я сд, в 4-й — 42-я ед»⁶⁷².

Генерал-майор П.И. Ляпин (бывший начальник штаба 10-й армии ЗапОВО). Без даты.

«Судя по тому, что за несколько дней до начала войны штаб округа начал организовывать командный пункт, командующий войсками ЗапОВО был ориентирован о сроках возможного начала войны. Однако от нас никаких действий почему-то не потребовал. В этих условиях мы самостоятельно успели подготовить лишь два полевых командных пункта (в лесу, в 18 км западнее Белостока, между станциями Жедня и Валилы), а также перевели штабы стрелковых корпусов: 1-го — в Визну, 5-го — в Замбров. На госгранице в полосе армии находились на оборонительных работах до 70 батальонов и дивизионов общей численностью 40 тыс. человек. Разбросанные по 150-км фронту и на большую глубину, плохо или вообще невооруженные, они не могли представлять реальной силы для обороны государственной границы. Напротив, личный состав строительных, саперных и стрелковых батальонов при первых ударах авиации противника, не имея вооружения и поддержки артиллерии, начал отход на восток, создавая панику в тылу. А какая иная реакция могла быть, например, у личного состава 25-й и 31-й танковых дивизий 13-го механизированного корпуса, которые имели к началу войны

⁶⁷¹ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 25.

⁶⁷² Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 25.

по нескольку учебных танков, до 7 тысяч человек в каждой, совершенно безоружных. Всем это должно быть ясно»⁶⁷³.

Генерал-майор С. Иовлев (бывший командир 64-й стрелковой дивизии ЗапОВО). «Части 64-й стрелковой дивизии в начале лета 1941 г. стояли в лагерях в Дорогобуже... 15 июня 1941 года командующий Западным Особым военным округом генерал армии Д.Г. Павлов приказал дивизиям нашего корпуса подготовиться к передислокации в полном составе. Погрузку требовалось начать 18 июня. Станция назначения нам не сообщалась, о ней знали только органы военных сообщений»⁶⁷⁴.

Справка. Вины Павлова в этом нет. Так было предписано шифротелеграммой от 18 июня 1941 г. за подписью заместителя начальника Генерального штаба генерала Ватутина, о чем речь еще впереди⁶⁷⁵.

Генерал-лейтенант Г.В. Ревуненков (бывший начальник штаба 37-й стрелковой дивизии 3-й армии). Ответ датирован 25 февраля 1953 г.

«17 июня 1941 года я, командир 1-го стрелкового корпуса генерал-майор Ф.Д. Рубцов и командир дивизии полковник А.Е. Чехарин были вызваны в штаб округа. Нам объявили, что 37 сд должна убыть в полевой лагерь под Лиду, хотя было ясно, что передислокация совершалась в плане развертывания войск на государственной границе. Приказывалось иметь с собой все для жизни в лагере. Два полка выступили из Лепеля походным порядком, а части Витебского гарнизона были отправлены железной дорогой. Эшелоны составлялись по принципу удобства перевозки, поэтому штаб дивизии следовал без батальона связи,

⁶⁷³ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 25—26.

⁶⁷⁴ Военно-исторический журнал, 1960, № 9.

⁶⁷⁵ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 9. Л. 123—124.

а боеприпасы находились в заключительном эшелоне. О начале войны узнали в 12 часов 22 июня на станции Бошанув из речи В.М. Молотова. В то время части дивизии еще продолжали путь, связи с ними не было, обстановку ни командир, ни штаб не знали»⁶⁷⁶.

Генерал Бобков (бывший начальник штаба 5-го стрелкового корпуса 10-й армии ЗапОВО).

«Задолго до вероломного нападения фашистов на Советский Союз мы имели данные о готовящемся наступлении врага, о сосредоточении его войск на государственной границе, о сосредоточении складов и другие данные. Имелись даже данные о том, что враг держит вблизи границы начальников железнодорожных станций, которые были расписаны по железнодорожным станциям в глубине нашей территории. В ночь с 20 на 21 июня пограничниками был захвачен перебежчик, который показал, что 22 июня фашисты перейдут в наступление. В середине июня 1941 года командующий 10-й армией генерал-лейтенант К.Д. Голубев проводил командно-штабное учение, в котором участвовал и штаб корпуса. На этом учении присутствовал заместитель командующего войсками БОВО тов. Болдырев И.В. По окончании учений — 20 июня 1941 г. — тов. Голубев на совещании руководящего состава армии, командиров, комиссаров, начальников штабов корпусов и других должностных лиц сказал: “Мы не можем сказать точно, когда будет война. Она может быть и завтра, и через месяц, и через год. Приказываю к 6 часам утра 21 июня штабам корпусов занять свои командные посты”. Командный пункт 5-го стрелкового корпуса находился в городе Замброве, в военном городке 13-й стрелковой дивизии, куда штаб корпуса

⁶⁷⁶ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 26.

переместился точно к указанному времени. При этом никакого распоряжения о выходе частей корпуса на государственную границу и занятии оборонительных рубежей не было»⁶⁷⁷.

Генералу Бобкову фактически вторит и бывший начальник связи 5-го стрелкового корпуса полковник Г.Ф. Мишин. Его воспоминания свидетельствуют о том, что все части и подразделения связи всех родов войск корпуса к началу войны по штатам военного времени развернуты не были и 22 июня находились в пунктах дислокации своих соединений и частей⁶⁷⁸.

В подтверждение, в том числе и свидетельства полковника Г.Ф. Мишина, есть прямой смысл еще раз привести изложенные на 70-м листе 4-го тома следственного дела показания начальника связи ЗапОВО генерала А.Т. Григорьева: «Выезжая из Минска, мне командир полка связи доложил, что отдел химвойск не разрешил ему взять боевые противогазы из НЗ. Артотдел округа не разрешил ему взять патроны из НЗ, и полк имеет только караульную норму по 15 штук патронов на бойца, а обозно-вещевой отдел не разрешил взять из НЗ полевые кухни. Таким образом, даже днем 18 июня довольствующие отделы штаба не были ориентированы, что война близка... И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность»⁶⁷⁹. Во время суда Григорьев подтвердил это следующими словами: «Все это верно»⁶⁸⁰.

⁶⁷⁷ ЦА МО РФ. Ф. 15. Ф. 725588. Д. 29. Кор. 19128. Л. 30—32. Цит. по: Рунов А. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 259—260.

⁶⁷⁸ Фаэт цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 259—260.

⁶⁷⁹ Ямпольский В.П., Ерогиин В. «Мне было приказано быть спокойным и не паниковать». Трагедия Западного фронта и его командующего Д.Г. Павлова. В сборнике «Неизвестная Россия. XX век». Ки. П. М., 1992, с. 106. Ямпольский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г. (А. Гитлер. 31 июля 1940 года)». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008, с. 509.

⁶⁸⁰ Там же.

Наконец, генерал-полковник Л.М. Сандалов (бывший начальник штаба 4-й армии ЗапОВО):

«Однако следует указать, что в то время как приграничные армии не принимали никаких мер по приведению войск в боевую готовность, стрелковые корпуса округа, дислоцированные в восточных областях Белоруссии, по указанию Генерального штаба 18—21 июня начали выдвижение походным порядком и по железной дороге ближе к границе. Об этом знали и военнослужащие, и гражданское население Западной Белоруссии. Имелись также сведения о начавшейся в середине июня* перевозке войск Уральского военного округа в район Опочка, Полоцк, Витебск, Невель — на стык Западного и Прибалтийского Особых военных округов (соединения и части 22 армии). (Тут Сандалов и соврал. Выдвижение войск из глубины округа, судя по уходящим в ГШ оперсводкам, начали... в 7.00 утра 11 июня... А может, и наоборот — сказал правду. Получили команду начать выдвижение с 11 июня, по документам доложились в ГШ о начале выдвижения, а на самом деле начали выдвигать только с “18—21 июня”, что больше похоже на правду...)

Почему же при явных признаках готовящегося на СССР нападения фашистской Германии не была своевременно приведена в боевую готовность 4-я армия, как и другие армии?»⁶⁸¹

Комментарий. Непонятно почему в качестве ответов на второй вопрос приведены ответы тех командиров, чьи ответы на первый вопрос не опубликованы. Сами же ответы, как видите, куцые, маловразумительные, как правило, даже косвенно не отвечающие на прямо поставленный вопрос! Еще раз прошу обратить внимание на формулировку второго вопроса: «С какого времени и на основании какого распоряжения войска

⁶⁸¹ Сандалов Л.М. Первые дни войны. В книге «1941. На Московском направлении». М., 2010, с. 415.

прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было возвращено до начала боевых действий?»

Ведь этот вопрос однозначно подразумевал ответ на тему о том, как была исполнена директива от 18 июня о приведении войск в боевую готовность, о приведении в б/г приграничных дивизий, о выводе их на их рубежи обороны на границе. Ведь и сам Павлов достаточно ясно заявил: «Я признаю себя виновным в том, что директиву Генерального штаба РККА я понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до наступления противника». Хотя при публикации и были купированы некоторые аспекты показаний Павлова, но тем не менее всего скрыть не удалось. Поэтому что это заявление Павлова не относится к исполнению им директивы от 13 июня. Ее-то, требовавшую вывести под видом учений и в целях повышения боевой готовности из глубины округов дивизий в лагеря в районы, предназначенные им по плану прикрытия, худо-бедно, а также под прямым нажимом ГШ (об этом чуть ниже) он исполнял. Не относится это его заявление и к директиве № 1. Ибо заранее ввести ее в действие, тем более до нападения, он не мог — он получил ее буквально часа за два с лишним до нападения.

Так что остается только неисполнение директивы от 18 июня. Тем более что Павлов во время допроса не только признал себя виновным в том, что «почему-то» понял ее по-своему, но и непосредственно увязал это с приведением войск в боевую готовность. Кстати говоря, вот еще одно доказательство — наряду с показаниями начальника связи Григорьева, — что такая директива о приведении войск приграничных округов в боевую готовность была. Правда, в известной мере косвенное доказательство.

♦

Но вернемся к «красной линии» сюжета. Что же ответили генералы? По крайней мере, исходя из того, что опубликовано. В том виде, в каком ответы опубликованы, это наглая издевка. Их спрашивают про Фому, а они нахально отвечают не просто про Ерему, а о дальних родственниках Еремы. Ну, и на что это должно быть похоже? Кого теперь винить — генералов или редакцию ВИЖ? Похоже, что ВИЖ просто перестарался со своим вольным редактированием. Не могли генералы подряд написать форменный бред, отвечая на прямо поставленный вопрос. Помните, как отвечали на вопросы командиры ПриОВО? Хотя и

увеливали, хоть и не все ясно и понятно, по крайней мере с первого раза, написали, но тем не менее из их ответов можно было многое понять, что и было отражено в комментариях. А тут, мягко выражаясь, хрен знает что. Как будто не генералы, а солдаты-новобранцы первой недели службы, к тому же простоявшие в школьные годы в коридоре все уроки русского языка... Кстати, это относится не только к ответам на второй вопрос, но и к ответам на первый вопрос тоже. Но там хоть что-то можно было прокомментировать, а тут — только и остается что разводить руками. Впрочем, не для этого автор взялся за перо, извините, уселся за компьютер, чтобы затем на виду у всех читателей разводить руками. Аналитический комментарий будет. И очень жесткий.

Нет ни малейшего сомнения в том, что редакция ВИЖ именно потому так перестаралась со своим вольным редактированием, скорее даже оскоплением ответов генералов на этот вопрос, что они были крайне неудобны для имиджа «невинно» расстрелянного командования ЗапОВО. Оно же «пострадало от сталинской тирании». Ну, и как же можно было его выставить в негативном виде? Уж лучше выживших на войне генералов превратить в полных идиотов. Ну и превратили. Только вот никак не верится в то, что эти генералы были полными идиотами, каковыми их выставили. Да, дурачества, в том числе и преступного, они натворили немало. Но вот идиотами полными не были. К тому же все они прекрасно знали и понимали, что стоит за вопросом № 2. И как бы ни старалась редакция ВИЖ, главное она все-таки «проморгала».

При всех странностях этих ответов все равно видно, что войска приграничных армий не были приведены в боевую готовность и не заняли отведенные им полосы обороны! Вот вам и вся цена утверждениям Павлова о том, что

войска ЗапОВО были подготовлены к нападению врага! Правда, это не избавляет нас от анализа самих ответов.

Возьмем, например, бтвет Васильева. Ну не мог он написать только такую ахинею, которая приведена выше, — ведь всем опрашивавшимся были переданы все пять вопросов. И он, конечно же, ответил на них. Причем, что не вызывает сомнений, в первую очередь выгораживая себя, а попутно и остальное командование. Но ведь он входил в командный состав округа и соответственно знал, что и как происходило в округе накануне войны. Следовательно, либо ВИЖ оскотпил его ответ, либо он сам увильнул от прямого ответа, почуяв новые веяния постсталинской эпохи, а ВИЖ впоследствии своим редактированием только усилил это увиливание до состояния форменного идиотизма. Однако попробуйте теперь разобраться, что и как было на самом деле и что в действительности написал генерал Васильев. Увы, время ушло... Правда, не навсегда. Еще есть крохотная надежда на то, что все-таки откроют полностью архив комиссии Покровского и ответы генералов на все пять вопросов будут преданы гласности без каких-либо купюр какой бы ни было цензуры. Остается только ждать.

Но одно можно сказать вполне определенно. Генералу Васильеву было что скрывать. Иначе как объяснить те инспекции, которые в начале 1941 г. проводил Главный Военный совет РККА, но особенно выводы в отношении состояния УР в ЗапОВО, а также иные данные на этот счет, которые приводились выше?! Разве начальник инженерного управления ЗапОВО наряду, естественно, с командующим и штабом округа, не должен отвечать за ту профанацию обороны, в том числе и противотанковой, которая была указана приводившимися выше фактами?! Разве начальник инженерного управления ЗапОВО не имел к этому никакого отношения наряду с командованием округа? Разве начальник инженерного управления

не имел прямого отношения к исполнению личной директивы наркома обороны Тимошенко о немедленном приведении в полную боевую готовность сооружений первой линии УР ЗапОВО, о чем говорилось выше? А ведь ее никто и не выполнял. А Васильев даже не упомянул об этой директиве, а ведь исполнителем-то должен был быть именно он.

Памятуя обо всем, что было указано в отношении УР ЗапОВО, нетрудно, очевидно, будет согласиться с тем, что генералу Васильеву было о чем молчать. Но нам-то как быть, если все это происходило в округе, который находился на направлении главнейшего из трех главных ударов вермахта?! Ведь именно это направление — Минск — Смоленск — Москва — и был призван оборонять ЗапОВО?! И при этом имейте в виду, что ГШ действительно знал об этом самом главном направлении удара вермахта, а супостаты уже в мае 1941 г. знали, что Жуков об этом знает.

Или как прикажете расценивать свидетельство генерала Фомина о том, что «до начала боевых действий войскам запрещалось занимать полосу обороны в своих полосах вдоль госграницы»? Запрещалось и баста! Это ли не особо тяжкое государственное преступление чуть ли не в рафинированном виде?! Разве это не предательство в чистом виде?! Ведь была же санкция на приведение войск в боевую готовность и на выход на рубежи обороны — от 18 июня. А 13 июня была другая директива — о выводе из глубины приграничных округов под видом учений и в целях повышения боевой готовности дивизий в лагеря в районы, предназначенные для них планом прикрытия.

Но ничего не было сделано. Запрет, видите ли. А ведь запретить мог только командующий округом. То есть генерал Павлов. Чего же тогда удивляться тому, что Западный фронт рухнул за четыре с половиной дня? Правильно, удивляться тут нечему, если сам командующий округом откровенно признал, что действи-

тельно виноват в том, что директиву Генерального штаба РККА он понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до наступления противника. Вот только соврал он, хотя и маленько, но более чем принципиально. Потому как понять по-своему — это одно, хотя и понимать-то там особенно нечего было, надо было просто исполнять директиву о приведении войск в боевую готовность, а запретить, миль пардон, совершенно иное. Тем более запретить в особо угрожаемый период, когда шла лавина непосредственных, а главное, неопровержимых доказательств, что вот-вот грянет агрессия. Подобный запрет в такой момент — это уже преступление в виде прямого неисполнения директивы вышестоящего командования и прямое препятствование своим подчиненным в исполнении приказа высшего военного командования, которое получило санкцию на такой приказ от Сталина.

Или возьмите тот же 28-й стрелковый корпус. По документально зафиксированному в архивах свидетельству бывшего командующего этим корпусом генерала В.С. Попова, не только не было никаких предупреждений о нападении, но и хуже того⁶⁸². На 5 часов утра 22 июня было назначено прибытие командного состава корпуса на артиллерийский полигон в местечко Медын (район Бреста) — в соответствии с санкционированным НКО и ГШ приказом штаба округа командующий 4-й армией запланировал там проведение показательных учений!⁶⁸³ Ну, самое время в особо угрожаемый период, когда уже и из Москвы пошли директивы о приведении войск в полную боевую готовность и выводе их на государственную границу, проводить показательные учения по артиллерии, да еще и с полным отрывом всего командного состава корпуса от своих соединений! А как такового распоряжения о выходе на

государственную границу Попов и вовсе не получал. Так и написал: «Распоряжения от командарма 4-й армии о выводе корпуса на государственную границу командир 28-го стрелкового корпуса не получал. Соединения корпуса до нападения немецко-фашистских войск находились по месту дислокации»⁶⁸⁴.

К слову сказать, и начальник штаба этого корпуса Г.С. Лукин, хотя и хитрованно, но фактически подтвердил, что корпус не был выведен на государственную границу, так как в своем ответе написал следующее: «Массированный артиллерийско-минометный огонь по крепости и военным объектам города (Бреста. — Л. М.) был начат примерно 22 июня 1941 года в 4.15, в сочетании с ударами авиации — внезапно. В этих условиях несколько стрелковых батальонов 6-й стрелковой дивизии, работавшие на границе по сооружению укрепленного района, вступили в бой разрозненно»⁶⁸⁵. Проще говоря, на границе было только несколько батальонов корпуса, которые занимались строительством. Кстати, а как это они вступили в бой, хотя бы и разрозненно, если у них, как правило, не было оружия?! А вот выхода корпуса на государственную границу как такового, тем более по приказу командарма-4 Коробкова, не имело места быть.

И с какой такой стати в свете изложенного выше надо считать Павлова и К° «невинными жертвами сталинизма»? Ведь за один только этот запрет, не говоря уже о невыводе 28-го ск на государственную границу, хотя санкция на это была, им и десяти смертных приговоров было бы мало. А ведь не только о 28-м ск придется говорить, но и о других частях и соединениях ЗапОВО. Ведь с ними произошло то же самое. И это принципиально совпадает с показаниями Павлова и К°. Так что нет никаких оснований для вывода о том, что Павлов, Климовских и другие оговорили

⁶⁸² ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 50. Кор. 22099. Л. 59—61. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая

кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 291, 303.

⁶⁸³ Там же.

⁶⁸⁴ Там же.

⁶⁸⁵ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 50. Кор. 22099. Л. 293—295. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 291, 303.

себя, в том числе якобы под воздействием за то, что они, вопреки подлым и предательским Действиям своего командования, физического насилия. Их признания:

— Павлова — «...мое преступное бездействие создало определенную группуможности в прямом смысле в одночасье командного, политического и штабного со-обрушить весь Западный фронт, для чего става, которые творили в унисон мне. Так, преступными действиями командования например, начальник штаба Климовских своих прямых обязанностей по проверке, как выполняются отданные мной распоряжения, совершенно не выполнял...»;

— Климовских:

а) «...2-я причина поражения заключается в том, что работники штаба фронта, в том числе я и командиры отдельных соединений, преступно халатно относились к своим обязанностям как *до начала военных действий*, так и во время войны»;

б) о том, что командование округом располагало сведениями о сосредоточении противника, но были дезинформированы Павловым, который уверял, что противник концентрирует легкие танки. В этом виновны: Павлов, как командующий фронтом, я — как начальник штаба фронта, начальник связи Григорьев, начальник артиллерии и другие командиры;

— Григорьева — о том, что командование округа вело себя так, как будто не ощущало приближение войны, вплоть до того, что Климовских и Павлов не сочли нужным ориентировать работников штаба округа о непосредственной близости войны и довести до их сведения содержание директивы от 18 июня. Потому как начальник штаба округа Климовских, видите ли, и вовсе считал, что все наши мероприятия по передвижению войск к границе есть мера предупредительная,

полностью соответствуют реально сложившему к началу агрессии положению дел в округе!

А что касается имевших несчастье служить под командование Павлова и К⁰, включая и Коробкова, простых советских солдат и офицеров, то мы обязаны склонить голову и на коленях чтить их память

ценой своей жизни, не дали врагу возможности в прямом смысле в одночасье обрушить весь Западный фронт, для чего става, которые творили в унисон мне. Так, преступными действиями командования округом и армиями были созданы фактически все условия! Вечная слава этим солдатам и офицерам! Они с честью выполнили свой воинский и гражданский долг по защите Родины, в том числе и откровенно вопреки своему преступному командованию! И да простит нас их, возможно, еще не упокоенный по-человечески прах!

Но вернемся к анализу ответов генералов. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что и генерал Фомин, по меньшей мере, также навел густую тень на плетень. Ведь что он констатировал:

а) дивизии начали передислокацию в приграничные районы походным порядком в апреле—мае 1941 года;

б) до начала боевых действий войскам запрещалось занимать полосу обороны в своих полосах вдоль госграницы.

Но если это было так, то как тогда свести концы с концами в разных вариациях его воспоминаний?

То, что было процитировано выше—это то, что опубликовал Военно-исторический журнал. А вот в архивах хранятся, мягко говоря, несколько иные воспоминания бывшего начальника оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-майора Б.А. Фомина: «...*Распоряжение о вскрытии пакета с планом обороны было отдано к исходу 21 июня*. К этому времени, на основании ряда отдельных распоряжений Генерального штаба, на 400-километровом фронте вдоль государственной границы, на расстоянии от 8 до 30 километров от нее, *было полностью сосредоточено 30 стрелковых дивизий*, а 14-я и 113-я стрелковые дивизии были на подходе к району Наревка-Мала (северо-западная опушка Беловежской Пуши). На глубине 200—300 километров находились еще шесть стрелковых дивизи-

зий. Но оборона границы до начала боевых действий не осуществлялась.

К началу удара авиации и артиллерийской подготовки противника (3.50—4.00 22 июня) успели развернуться и занять оборону на государственной границе: в 3-й армии—управление 4-го стрелкового корпуса, 27-я и 56-я стрелковые дивизии; в 10-й армии — управление 1-го и 5-го стрелковых корпусов, 2-я, 8-я, 13-я и 86-я стрелковые дивизии; в 4-й армии — 6-я и 75-я стрелковые дивизии. 49-я стрелковая дивизия 4-й армии оказалась на направлении главного удара 2-й танковой группы (до 3000 танков), и в первые часы войны штаб фронта о ней не имел никаких сведений. Только к исходу дня стало известно, что эта дивизия ведет бой на западной опушке Беловежской пуши.

Удар этой же танковой группы захватил 113-ю стрелковую дивизию на марше в районе Нарев. Дивизия, будучи внезапно атакована на ходу, понесла большие потери и отошла в Беловежскую Пушу. Командир дивизии был ранен и попал в плен. 6-я кавалерийская дивизия оказалась связанной боем в районе Ломжи***.

Что он утверждал в своем ответе? Во-первых, что «распоряжение о вскрытии пакета с планом обороны было отдано к исходу 21 июня». Это абсолютное вранье. Потому что планов обороны, то есть документов с подобным названием, в округе, в армиях этого округа и в их частях и соединениях просто не было. Абсолютное вранье это еще и потому, что никакого подобного распоряжения до 24.00 21 июня в округе не было. Никто и не осмелился бы отдать такое распоряжение. Тем более что Павлов и К° в это время сидели в театре и увлеченно смотрели спектакль.

Во-вторых, что-де к исходу 21 июня на 400-километровом фронте вдоль госу-

дарственной границы на расстоянии от 8 до 30 километров от нее было полностью сосредоточено 30 стрелковых дивизий. Это также абсолютное вранье. Ибо если это не абсолютное вранье, то тогда как понимать тот факт, что супостаты сходу прорвались на советскую территорию, а полностью сосредоточенные у границы 30 стрелковых дивизий ЗапОВО обос...сь в прикрытии и обороне так, что весь Западный фронт рухнул за четыре с половиной дня?!

В-третьих, что оборона границы до начала боевых действий не осуществлялась. Откровенно говоря, начальнику оперативного отдела штаба округа, пускай и бывшему, не к лицу было нести такую ахинею. Как таковая оборона границы до начала боевых действий не может осуществляться в принципе. Может осуществляться только охрана границы, чем занимаются пограничники. Они же первыми начинают именно оборону границы при нападении противника, а вслед за пограничниками в оборонительные бои на границе вступают и регулярные части армии.

Попутно возникает еще один вопрос. В опубликованном ВИЖ ответе Фомина фигурирует выражение — «до начала боевых действий войскам запрещалось занимать полосу обороны в своих полосах вдоль госграницы». А в приведенном выше архивном документе фигурирует по-штабному вообще неграмотное выражение — «оборона границы до начала боевых действий не осуществлялась». Как это понимать?! До начала боевых действий граница не обороняется, а охраняется, причем только пограничниками. Что, редакция ВИЖ осмелилась столь вольно редактировать ответы генералов?! Но если и в самом деле «до начала боевых действий войскам запрещалось занимать полосу обороны в своих полосах вдоль госграницы», а «оборона границы до начала боевых действий не осуществлялась», то на кой же хрен к исходу 21 июня вдоль границы были сосредоточены 30 стрелковых дивизий?!

^ ДА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 316—323. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 222—223.

Причем, судя по указанному Фоминым расстоянию от границы, на котором они были сосредоточены, получается, что они были сосредоточены аккуратно в своих полосах обороны! Тош как понимать, что супостаты не получили должного отпора, а 30 полностью сосредоточенных стрелковых дивизий, повторяю, обос...сь так, что через четыре с половиной дня рухнул весь Западный фронт?!

В-четвертых, «к началу авиационного удара (в 3 ч. 50 мин. 22 июня) и Артподготовки (в 4 ч. 22 июня) противника успели развернуться и занять оборону госграницы в 3-й армии—управление 4 ск, 27 и 56 сд; в 10-й армии — управление 1 и 5 ск, 2, 8, 13 и 86 сд; в 4-й — 6 и 75 сд. В процессе выдвижения подверглись нападению: в 3-й армии — 85 сд, в 4-й — 42 сд».

Однако если это якобы было так, то, миль пардон, куда тогда деть его же слова о том, что «до начала боевых действий войскам запрещалось занимать полосу обороны в своих полосах вдоль госграницы»? Если запрещалось до начала боевых действий занимать полосу обороны в своих полосах обороны вдоль госграницы, то, извините, как же тогда упомянутые им части успели развернуться и занять оборону государственной границы до начала боевых действий? Более того. Если к исходу 21 июня на расстоянии всего 8—30 км от границы вдоль всей линии границы в полосе компетенции ЗапОВО уже было полностью сосредоточено 30 стрелковых дивизий, то какого же хрена, по его же словам, успели развернуться и занять оборону только восемь стрелковых дивизий?! Чего, к слову сказать, не было, в чем читатели еще убедятся.

Наконец, о каких таких «3000 танков» во 2-й танковой группе вермахта Фомин посмел говорить в 1952 г.?! Неужели после войны ему не было известно хотя бы относительно точное количество танков в этой группе в момент нападения?! Ведь во всей этой танковой группе, включая истребители танков на различных

танковых шасси, самоходные штурмовые орудия и т.п. бронированную технику, вместе с самими танками было всего 1148 штук!⁶⁸⁷ Чего же было врать-то так?! Тем более после войны?!

Короче говоря, может, и был генерал-майор Б.Л. Фомин хорошим воякой или штабистом, но вот убедительно врать в принципиальных вопросах не умел. Потому как или запрет был, и потому никакого заблаговременного выхода на государственную границу, сосредоточения и развертывания соответствующих частей не имело место быть даже в минимуме, или же запрета не было и все, что он указал в ответе, соответствует действительности. Но в том-то все и дело, что запрет на занятие полос обороны был и исходил он от командующего округом Павлова. Правда, передислокация дивизий в сторону границы осуществлялась. Не выполнить такой приказ Москвы Павлов не мог, хотя и выполнял его через пень-колоду, — но вот занимать полосы обороны действительно запретил.

Что же касается сосредоточения — так его, увы, не имело место быть, тем более в тех масштабах, которые столь красочно живописал Фомин. Не было сосредоточено к исходу 21 июня вдоль границы в полосе ЗапОВО 30 стрелковых дивизий и баста!

А как в свою очередь следует расценивать свидетельство генерала Ляпина о том, что только за несколько дней до начала войны командующий округом взялся за организацию командного пункта, если директива Центра насчет организации командных пунктов фронтового уровня была дана еще 27 мая⁶⁸⁸. Разве в таком случае нет оснований сделать вывод о том, генерал Ляпин письменно засвидетельствовал, что командующий округом Павлов почти целый месяц ни черта не делал во исполнение этой директивы. Что уже есть воинское должностное

⁶⁸⁷ Лобанов А.В. Бронированный таран вермахта. Военно-исторический журнал. 2011, № 6, с. 20.

⁶⁸⁸ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 34.

преступление. Как, впрочем, еще большим естественно, никто и не удосужился преступлением со стороны Павлова является сделать. Да, собственно говоря, на эту следующее указанное Лялиным обстоятельство информация и реакции-то никакой не ства. Зная о скором нападении противника, было, за исключением крайне негатив- Павлов не только не отдал вверенным ему ной. Вспомните ранее приводившуюся войскам соответствующих обстановке необ- докладную капитана Кравцова, в которой ходимых приказов, но и даже и не требовал по требованию представителя особого от нижестоящего командования каких- отдела описал состояние разведыватель- либо действий в связи с очевидной угрозой ной работы Ломжинского разведыватель- нападения. Кстати говоря, в сущности-то ного пункта РО штаба ЗапОВО накануне эта часть ответа Ляпина в известном смы- войны, в которой привел крайне негатив- ле подтверждает ответ Фомина, заявившего о реакцию вышестоящего командова- что «до начала боевых действий войскам ния на стратегически важную информа- запрещалось занимать полосу обороны в цию резидента Арнольда как раз на эту своих полосах вдоль госграницы». Имен- тому! Или уже цитировавшиеся воспоми- но потому, что Павлов сам установил такой нания генерал-майора П.А. Теремова, ко- запрет; он и не потребовал от нижестоящих зорый предельно ясно показал, что даже командиров каких-либо действий. добытую разведкой важную информацию штаб округа не хотел принимать!

Не должны ускользнуть от нашего внимания и наиболее важные части вос- поминаний генерала Бобкова. Дело, во- первых, в том, что в них впервые встреча- ется упоминание армейским командиром данных разведки насчет превентивного назначения гитлеровским командовани- ем начальников на железнодорожные станции Советского Союза. Однако и, во- вторых, что наиболее важно, раз этот факт был известен армейскому командованию, то, следовательно, было известно также и о том, что заранее назначенные на совет- ские железнодорожные станции герман- ские начальники должны были прибыть к местам своих назначений на 5—8 сутки с момента начала боевых действий. Дело в том, что разведывательная информация по данному вопросу шла в комплексе, то есть наряду с установлением самого факта та- ких назначений, указывалось также и вре- мя их прибытия на новые места службы. Подробно об этом ранее уже говорилось. Проще говоря, свидетельство Бобкова важно признанием того, что армейско- му командованию на местах и в округе заранее было известно, что германское командование планирует разгромить советские войска на Белорусском на- правлении за 5—8 дней. Но выводов,

Но, конечно же, самое главное в-третьих: «...Никакого распоряжения о выходе частей корпуса на государствен- ную границу и занятии оборонительных рубежей не было». А ведь вопрос № 2, про- стите за очередное напоминание, был сфор- мулирован следующим образом: «С какого времени и на основании какого распоря- жения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое ко- личество из них было развернуто до на- чала боевых действий?» Проще говоря, требовалось ответить на вопрос, что было сделано во исполнение директив:

- от 11 (13) июня о выводе дивизий из глубины округов;
- от 18 июня о приведении войск в полную боевую готовность.

А он что ответил? Если уж совсем элементарно, то его ответ свидетельству- ет о том, что даже 20 июня в 10-й армии никаких приказов о выходе на государ- ственную границу не имело место быть. И в других армиях округа тоже.

Справка-комментарий. В последнее время появились уточняющие данные. Так, 13.11.2011 г. на сайте Бпр: /ЛтиШегабогд.ги/? 1—3—0— 00001388—000—160—0 была выложена, правда

без указания точных архивных данных, интересная информация, позволяющая хотя бы достаточно глубоко прояснить предысторию появления директивы о выводе дивизий из глубины приграничных округов в сторону границы. Более того, эта информация позволяет с немалой долей уверенности предположить, что директива НКО и ГШ о выводе «глубинных» дивизий ЗапОВО в «районы, предусмотренные планом прикрытия», была еще от 11 июня. Дело в том, что уже 6 июня Военный совет ЗапОВО направил в Генштаб запрос следующего содержания:

«Из Минска
Подана 8.6.41 02.50
Принята 8.6.41 08.50
Начальнику Генштаба КА

Военный совет принял решение вывести в лагерь: 37 сд в район Большие Солечники, Вороново (оба пункта 30—50 километров севернее Лида), 17 сд в район Лида, Юратишки (40—45 километров восточнее Лида)...»

Вполне уместно допустить, что в ответ Генштаб и дал телеграмму с разрешением вывода, а потом прислал и саму директиву НКО и ГШ о выводе всех «глубинных» стрелковых дивизий в «районы, предусмотренные планом прикрытия». Маршал Захаров в своих мемуарах указывает, что еще 6 июня имел телефонный разговор о подобном с Жуковым, насчет чего имеется такая же телеграмма-запрос и из ОдВО с просьбой разрешить вывод войск.

На той директиве, что была направлена в ЗапОВО вроде бы 11 июня, действительно указана дата 11.06.1941, правда, рядом с подписью исполнителя. Точных же указаний на то, когда эта директива была передана в округ, нет. Тем не менее вполне уместно допустить, что передача произошла 12 июня. Уместно именно потому, что о направлении директивы о выводе дивизий из глубины округов в сторону границы именно 12—15 июня указал и Василевский в своих мемуарах. Что, кстати говоря, подтверждается и архивными данными. Выше все это уже приводилось в первом томе.

Вместе с тем следует иметь в виду и следующее. На появление официальных директив о выводе дивизий в сторону границы явно повлиял известный факт частичного занятия войсками приграничных округов предполья. За что, как известно, командование округов получило крутой втык от Жукова. Ведь эта история происходила в то же самое время — 8—9—11 июня!

Наконец, воспоминания Бобкова любопытны и тем, что в них приведено странное заявление командарма-10 Го-

лубева насчет возможных сроков войны с одновременным упоминанием о вполне трезвом указании по поводу занятия командных пунктов. По состоянию на 20 июня разведывательные подразделения РО ЗапОВО и пограничных войск уже обладали фактически неопровержимой информацией, которую немедленно передавали армейскому командованию — о том, что ранним утром 22 июня начнется нападение. И тем не менее командарм-10 делает такое странное заявление. Но тут же отдает вполне резонный и адекватный складывающейся обстановке приказ. При такой двойственности поведения командарма нижестоящие командиры частей и соединений автоматически впадают в недоумение, которое в особо угрожающей обстановке может привести к самым печальным последствиям, что, собственно говоря, и случилось.

Свидетельство генерала Ревуненкова в свою очередь подтверждается тем фактом, что в Западном округе письменных приказов стрелковым корпусам и дивизиям на выдвижение из глубинных районов ближе к границе не отдавалось. Командиры соединений получили какие-то устные распоряжения от начальника штаба округа генерал-лейтенанта В.И. Климовских. Войска брали с собой все учебное имущество, а личному составу разъяснялось, что части идут на большие учения⁶⁸⁹.

Ну, а показания А.Т. Григорьева на судебном следствии примечательны именно тем, что из них вытекает, во-первых, что директива НГШ от 18 июня, судя по всему, поступила не ранее середины дня, но скорее всего вечера 18-го или самое позднее утром 19 июня, имея в качестве даты подписания 18 июня. То есть непрерывно получавший с раннего утра 18 июня доклады о результатах им же организованной срочной воздушной разведки Сталин не стал, судя по всему, дожидаться ее завершения. Уже первые результаты

⁶⁸⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 355802. Д. 1. л. 9.

этой разведки — тем более в сочетании с иными, уже имевшимися и поступавшими, сведениями, — свидетельствовали о том, что враг действительно выдвигается на исходные для нападения позиции и до нападения остаются считанные дни или даже часы. Потому и санкционировал немедленную директиву в войска.

Во-вторых, директива ЙГШ от 18 июня, судя по всему, содержала не только приказ о приведении войск прикрытия (первого оперативного эшелона) в боевую готовность. Хотя бы и в ориентировочном порядке, но там явно было и указание о дате нападения. Кроме того, там же явно было и указание о необходимости выдачи войскам необходимого количества довольствия, боеприпасов и т.п., а также о выводе частей в приграничную зону. Если внимательно приглядеться к так называемым неопубликованным воспоминаниям Жукова, то не так уж и трудно будет заметить, что он говорил: «Командующим приграничных военных округов было приказано вывести войска округов — назначенных в состав войск прикрытия, ближе к государственной границе и тем рубежам, которые они должны были занять при чрезвычайном обстоятельстве, по особому распоряжению. При этом передовые части было приказано выдвинуть в зону пограничных частей»⁶⁹⁰. Все, что выделено жирным курсивом, особенно последняя фраза, несмотря на ее «изысканно» эзоповую формулировку, как раз и было указано в директиве от 18 июня. Подчеркиваю, особенно последняя фраза.

Ну и, в-третьих, из показаний Григорьева вытекает, что в полном объеме эта телеграмма-директива НГШ умышленно не была доведена до сведения соответствующих отделов штаба округа.

⁶⁹⁰ Из неопубликованных воспоминаний маршала Советского Союза Г.К. Жукова [не позднее 1965 г.]

РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—58. Рукопись, автограф. Сохранены стиль и орфография документа.

И виновен в этом лично командующий округом генерал Павлов. Потому как эта телеграмма-директива, как и все основные директивы, поступила на его, командующего округом, имя. Следовательно, именно он повинен в умышленном утаивании этой телеграммы от штаба округа и его отделов.

Точно так же в полном объеме эта телеграмма-директива не была доведена до сведения командиров частей и соединений округа, вплоть до командиров дивизий. До их сведения была доведена только та директива, которая санкционировала выдвижение частей ближе к границе, о чем и указал в своих мемуарах Л.М. Сандалов. Хотя и он слегка навел тень на плетень — ведь на самом деле подобная директива была дана в войска 13 июня, а в ЗапОВО, судя по некоторым данным, устным распоряжениям от наркома обороны, а затем и письменным, она поступила еще 11 июня. Сандалов же оперирует датой 15 июня. Если по-простому, то выходит, что, по словам Сандалова, Павлов приступил к санкционированному из Москвы в целях повышения боевой готовности выдвижению глубинных дивизий в сторону границы с опозданием. И это в особо угрожаемый период времени, когда дорога была каждая минута. В бессильной попытке хоть как-то оправдать Павлова при наличии уличающего его документа, при публикации этой директивы в «малиновке» убрали ее дату, указав полную бессмыслицу — «не позднее 22 июня 1941 г.». Да еще и с растягивающим сроком исполнения. Вот текст этой директивы:

«ДИРЕКТИВА НКО СССР И ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКА-
МИ ЗапОВО

[не позднее 22 июня 1941 г.]

1. Для повышения боевой готовности войск округа все глубинные стрелковые дивизии и управления стр. корпусов с корпусными частями вывести в лагерь

в районы, предусмотренные для них планом прикрытия (директива НКО за № 503859/сс/ов).

2. Приграничные дивизии оставить на месте, имея вывод их на границу в назначенные им районы, в случае необходимости будет произведен по особому моему приказу.

3. 44 стр. корпус, в составе управления корпуса 108, 64, 161 и 143 стр. дивизий и корпусных частей — вывести в район Барановичи, по Вашему усмотрению. 37 стр. дивизию вывести в район Лида, включив в состав 21 стр. корпуса.

4. Вывод указанных войск закончить к 1 июля 1941 года.

5. План вывода с указанием порядка и сроков вывода по каждому соединению представить с нарочными к ... июня 41 г.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С. Тимошенко. Начальник Генерального штаба К.А. генерал армии Г. Жуков⁶⁹¹. Одновременно, как видите, при публикации убрали и дату в п. 5. Надо полагать, что больно она неудобна была «демократическим публикаторам»...

Прямое упоминание в этой директиве директивы НКО за № 503859/сс/ов от 14.05.1941 г. заслуживает пристального внимания. Оно любопытно тем, что Павлову недвусмысленно четко и ясно указали, куда он должен выдвигать подчиненные ему части и соединения, и в соответствии с каким конкретно документом он должен это делать. Самое легкое в данном случае — это заподозрить, что НКО и ГШ начали изрядно сомневаться в умственных способностях Павлова! Иначе зачем ему, генералу армии и командующему округом, столь прямо, как несмысленному дитяте, ткнули, куда надо выводить войска?! Хуже того. Ткнули еще тем, что вывод войск ближе к границе надо осуще-

ствить только в соответствии с директивой № 503859/сс/ов от 14.05. 1941 года. Что, Тимошенко и Жуков опасались, что Павлов выведет войска в соответствии с директивой от 10 апреля 1941 г.? Или, быть может, в соответствии с зимними директивами и планами?!

Но если более внимательно взглянуть в эту директиву и сопоставить ее текст с тем, что было указано выше, то получится следующее. Директива НКО за № 503859/сс/ов от 14.05.1941 г. требовала разработать и представить в Центр детальный план обороны государственной границы и план противовоздушной обороны. Но 11 июня командование ЗапОВО представило в Москву «Записку по плану действий войск в прикрытии на территории Западного Особого Военного Округа».

Вместо того чтобы как следует взгреть Павлова, причем прежде всего именно за несоответствующее директиве Центра исполнение — ведь он же представил совершенно иной по названию и содержанию документ, чем требовалось, — ему дают упомянутую директиву. И в ней ничтоже сумняшеся употребляют термин «план прикрытия», но ссылаются на директиву о разработке плана обороны государственной границы. Это еще одно, пускай даже и не очень-то прямое, но все-таки подтверждение того, что термин «план прикрытия» использовался как определенный пароль для обозначения необходимости совершения тех действий, о которых была устная договоренность. Проще говоря, действий по осуществлению замысла немедленного встречного-наступательного контрвторажения (контрблицкрига) по факту нападения. Замысла, которым дуэт Тимошенко—Жуков нагло, негласно, незаконно и неофициально подменили единственный официально утвержденный правительством Советского Союза план отражения агрессии.

Однако, что ни говори, но факт остается фактом — сама проанализированная

⁶⁹¹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 132—133. Рукопись на бланке: «НКО СССР». Не подписано.

директива есть суть свидетельства того, что НКО и ГШ все-таки санкционировали выведение войск из глубины округов в целях повышения боевой готовности. В том числе и для ЗапОВО. Правда, невозможно не обратить пристального внимания на откровенную нестыковку между фактами истории и этой директивой. Ведь обычно ее подают как неподписанную, то есть как черновик, никуда не отправленный. И вот что тогда выходит. Павлов был осужден и расстрелян за то, что «ослаблял мобилизационную готовность войск» своего округа и не привел заранее части своего округа в боевую готовность. После убийства Сталина Павлов и его поделщики по приказу Хрущева были незаконно реабилитированы как «невинные жертвы сталинизма». Причем незаконно реабилитированы в рамках одного и того же уголовного законодательства, по которому они сначала были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. Но раз Павлов реабилитирован — кстати говоря, факт незаконной реабилитации долгое время не предавался широкой гласности, — то, следовательно, должно выходить, что он не «ослаблял мобилизационную готовность войск» своего округа. А то, что он заранее не привел войска своего округа в боевую готовность, выходит, следует объяснять тем, что он не получал такой директивы, да и иных тоже. Ведь до сих пор в ходу идиотское утверждение о том, что Сталин только в последний момент, то есть в ночь с 21 на 22 июня, разрешил приведение войск в боевую готовность. А те соответственно опоздали с этим делом, и потому произошла трагедия. Проще говоря, получается, что Павлов невиновен — виноват Сталин. Мыслишка, конечно, простенькая, но ведь с дальним и подлым прицелом. Ибо в данном случае круг должен замкнуться на том, что Павлов невиновен именно потому, что-де не получал такой директивы, как директива «от 11(12) июня», хотя уже более или менее понятно, что она посту-

пила в округ не позднее 12, а подписана была еще 11 июня.

Однако у этих «козлов» «реабилитаторов» вечно получается все задом наперед, не говоря уже о том, что и шиворот-навыворот. Ведь если пытаются укоренить в общественном сознании мысль о том, что Павлов невиновен потому, что-де не получал директивы о приведении в действие плана прикрытия в целях повышения боевой готовности, то автоматически пытаются подвести, пускай даже и ретроспективе, под расстрельную статью Тимошенко и Жукова. Потому как именно они в таком случае виноваты в том, что директива для ЗапОВО о выдвижении войск из глубины округа в целях повышения боевой готовности не была отправлена Павлову и так и осталась неподписанным черновиком. Хуже того. В таком случае они еще и в том виноваты, что один особый округ — КОВО — приводили в боевую готовность по письменной директиве, а другому, к тому же соседнему и не менее, если не более важному, отдавали только устные приказания. И это продолжалось вплоть до свершения самого факта нападения, что в таком случае тем более выходит на уровень особо тяжкого государственного преступления, особенно с учетом итогов начального периода войны. Ведь супостаты так легко прорвали советский фронт именно в полосе компетенции Западного округа. Вот что получается в результате бсуществленной на пустом месте идиотской, незаконной реабилитации законно и обоснованно осужденных и расстрелянных. Это, конечно, не означает, что на Тимошенко и Жукове нет никакой вины. Увы, есть и еще большая чем на Павлове и К⁰. Конкретно об этом будет сказано чуть ниже. Но то, что будет сказано, приведет читателей в неописуемый шок.

В действительности же, хотя и с опозданием, но в ЗапОВО все-таки начали выдвигать войска из глубины округа, что, в частности, засвидетельствовал Санда-

лов, да и другие тоже. Это выдвижение осуществлялось под видом учений. Это, в частности, видно по сохранившимся в архивах документам, в том числе и округа. Особое значение в этой связи имеет интересная пометка начальника штаба ЗапОВО генерала Климовских на «графике накапливания частей ЗапОВО», согласно которой с 11 июня в округе начались учения. На подписанном заместителем начальника штаба ЗапОВО генерал-майором Семеновым графике имеется помета начальника штаба ЗапОВО генерал-майора Климовских: «График перемещений составлен без учета совершаемых штабами ск и стрелковыми дивизиями учений, начиная с 11 июня 1941 г.»⁶⁹²

Проще говоря, действительно началось некое движение войск под видом учений. Об этом свидетельствуют, например, следующие архивные документы НКО и ГШ:

— шифротелеграмма заместителя начальника Генерального штаба (ЗНГШ) Ватутина командующему ЗапОВО от 17.06.1941 г.: «Народный комиссар обороны приказал о ходе передислокации войск, проводимой на основе полученного от него личного приказа, доносить ежедневно к 22.00, добавляя в адрес “лично Ватутина”»⁶⁹³;

— шифротелеграмма ЗНГШ Ватутина командующему ЗапОВО от 17.06.1941 г.: «Немедленно телеграфьте заявку на ж.д. перевозки, связанные с передислокацией согласно личных указаний НКО»⁶⁹⁴.

В первой телеграмме главное в следующем. Она свидетельствует о том, что Павлов в устной форме получил прямое личное указание от Тимошенко на передислокацию войск округа в сторону границы. Причем, судя по всему, это устное личное указание Тимошенко имело ме-

сто как минимум за несколько дней до 17 июня. Об этом же свидетельствуют и приведенные выше ответы генералов ЗапОВО, в частности Иовлева. А также иные выше уже приведенные факты. Павлов же, очевидно, не докладывал своевременно о начале и ходе передислокации — оттого-то и появилась эта требовательная телеграмма. Кстати говоря, в связи с констатацией Этого факта уместно было бы напомнить и о свидетельстве генерала Ревуненкова. Ведь в ЗапОВО действительно не отдавалось письменных приказов на передислокацию, все делалось по устным распоряжениям начальника штаба округа Климовских⁶⁹⁵. Очевидно, в силу именно этого обстоятельства штаб округа и не докладывал в Москву о начавшейся передислокации. Потому и появилась эта сердитая телеграмма Ватутина с требованием ежедневно сообщать сведения о ходе передислокации.

Тот факт, что Павлову было дано личное устное указание Тимошенко на передислокацию войск, которое затем было подтверждено еще и специальной директивой от 11/12 июня, начисто опровергает все попытки реабилитаторов утверждать, что-де Павлов вообще не получал каких-либо директив на этот счет. Другое дело, конечно, почему именно для ЗапОВО Тимошенко вначале избрал именно такой путь передачи очень важного указания?! Ведь другим округам были направлены письменные директивы, в частности КОВО и, судя по «малиновке», с указанием как даты, так и номера директивы. А вот в отношении ЗапОВО все приходится выяснять окольными путями. Что это за избирательность такая в работе с одним из наиболее важных на западной границе округов, который должен был оборонять фактически самое важное направление?! Или, быть может, вновь есть резон заподозрить нечто иное? Что, например, в том числе и таким образом

⁶⁹² ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 131—134.

⁶⁹³ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 9. Л. 76.

⁶⁹⁴ Там же.

⁶⁹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 355802. Д. 1. Л. 9.

заблаговременно подставляли не столько даже самого Павлова, хотя и это, очевидно, вполне реально имело место, сколько войска округа, дабы они непременно оказались бы в небоеспособном состоянии к моменту начала нападения Германии?! Но при отсутствии каких-либо уличающих НКО и ГШ документов. Ведь в подавляющем большинстве войска и оказались именно в таком состоянии. Чему виной в том числе и расхолаживающие командование ЗапОВО телефонные разговоры Тимошенко с Павловым в ночь на 22 июня. В том числе и после передачи в округа директивы № 1, о чем уже говорилось в начале главы. Но пойдите теперь разберитесь, что было на самом деле. Но разобраться-то надо. Ведь ЗапОВО — это самый центр советско-германского фронта, и именно там супостаты вполне уверенно предполагали возможность наибольшего прорыва. Да к тому же в 1936 г., прорвав во время картографической агрессии советско-германский фронт в самом его центре, то есть на Белорусском направлении, на пятые сутки взяли Минск и в 1941 г. предусмотрели то же самое. От этих-то фактов вообще никуда не деться.

Вторая телеграмма, подтверждая сам факт инициированной по личному устному приказанию Тимошенко передислокации войск, одновременно свидетельствует о невообразимом бардаке в штабе ЗапОВО. Иначе зачем ЗНГШ Ватутину требовать немедленного представления округом заявки на железнодорожные перевозки?! Что, в штабе округа не могли сообразить столь простой вещи?! Да нет. Помните, что указал в своей записке член Военного совета ЗапОВО комиссар Фоминых: «... 5) Когда обстановка стала напряженнее, было приказано все части, находящиеся в Восточной Белоруссии, двинуть к границе. Это правильно. Но, несмотря на наши просьбы, чтобы ускорить сосредоточение дивизий из Смоленска, Могилева, Гомеля и Вязьмы, произвести переброску их по железной

дороге, в этом было отказано. Дивизии шли походным порядком, и только незначительная их часть подавалась по железным дорогам. Это опять задержало сосредоточение войск. ...Повторяю: по всем этим вопросам имеются документы в Генштабе... Животрепещущие вопросы по обороне границы разрешались в Генштабе чрезвычайно медленно, а иногда и отказывались, ссылаясь на невозможность выполнения промышленности...»

Наверное, именно после таких просьб Фоминых из ГШ в Минск и поступила срочная телеграмма с требованием немедленно представить заявки на железнодорожные перевозки. А что, в ГШ не могли раньше сообразить?! Что, в самый последний момент в ГШ струхнули из-за очевидного опоздания с сосредоточением войск, особенно на Западном направлении, и потому такая дикая ретивость ГШ в самые последние дни перед войной? Взгляните еще на одну телеграмму Ватутина от 18 июня 1941 г.:

«Минск Комвойсками ЗапОВО лично
Расшифровать и вручить немедленно
Выполнить перевозки:

1—64 и 108 сд, управление ск эшелоны № 17101—17170. Погрузка Дорогобуж, Вязьма, Смоленск. Отправление 20 июня темпом десять маршруту Смоленск—Минск—Радошковичи. Выгрузка Минск, Радошковичи.

2—143 сд эшелоны № 17181—17212. Погрузка Гомель. Отправление 20 июня темпом шесть маршруту Гомель—Калинковичи—Лунинец—Барановичи—Лесная. Выгрузка Лесная.

3—37 сд эшелоны 17215—17230. Погрузка Витебск. Отправление 20 июня темпом пять маршруту Витебск—Полоцк—Молодечно—Лида—Великие Солечники. Выгрузка Веренов, Великие Солечники.

Задание на перевозки предъявить лично начальникам передвижения войск дорог погрузки, следования и выгрузки. Последним указать сохранение перевозок

полной тайне. Отчетность линии ВОСО не зии?! Проще говоря, не смахивает ли вся включать. Ход перевозок доносить шифром лично мне ежедневно 22.00 указанием №№ отправленных, выгруженных эшелонов. Тщательно организовать руководство погрузкой и выгрузкой. Указания линии НКПС даны.

В целях сохранения военной тайны:

1) Начальникам передвижения предьявить задание только лично начальнику дороги без указания №№ эшелонов;

2) Никаких открытых телефонных, телеграфных разговоров не вести;

3) Поезда с эшелонами пропускать через узловые и городские станции с хода, вынося все технические операции на предузловые станции и на пути, удаленные от осмотра. Ватутин. 18 июня»⁶⁹⁶.

◆**

Небольшое примечание к процитированной телеграмме: термин «темпом шесть—десять эшелонов» означает, что в день должны быть погружены и отправлены шесть—десять эшелонов.

◆◆◆

Вот только одно непонятно. Почему ЗНГШ Ватутин столь рьяно печется о перевозках стрелковых дивизий округа, когда это должен был делать именно командующий округом и его штаб? Причем печется именно в самые последние дни перед войной, когда разведка уже назвала точную дату нападения, когда был произведен облет границы именно в полосе компетенции ЗапОВО и было установлено, на какие конкретно направления выдвигаются войска вермахта? Почему конечные станции выгрузки этих дивизий указывает Генштаб? Ведь согласно директиве на вывод дивизий из глубины округов командование округом должно было выводить их в районы, предусмотренные планом прикрытия. Зачем еще раз тыкать командующему округом, в какой конечный пункт надо вывезти и вывести дивизи-

эта история с директивами Ватутина на подготовку соответствующего алиби для руководства ГШ и НКО?! Или по меньшей мере на то, что, сообразив наконец-то в самый последний момент, где супостаты будут наносить свой главный удар, ГШ соизволил обратить внимание на наиболее опасные направления и потому приказал перебросить туда стрелковые дивизии округа?! Наконец, почему такое странное указание в «отчетность ВОСО не включать»? То, что перевозки должны были быть сохранены в тайне, — это вопросов не вызывает. Но почему не включать в отчетность Управления военных сообщений ГШ данные об этих перевозках?! Пойди теперь разберись. А разбираться ох как надо. Ну, что же, прибегнем к помощи архивных документов.

Как явствует из докладной от 6 июля 1941 г. заместителя начальника 3-го Управления (военная контрразведка) наркомата обороны Тугушкина в Государственный Комитет Обороны (ГКО), до 1 июля 1941 г. Управлением военных сообщений НКО — это и есть ВОСО — вообще не велась сводка учета перевозок войск! Тугушкин так прямо и написал: «...в Управлении военных сообщений до 1 июля не велась сводка учета перевозок войск... На десятки транспортов нет данных об их месте нахождения...»⁶⁹⁷ Вы только вдумайтесь в то, что написал заместитель начальника военной контрразведки СССР в своей докладной в ГКО! Ведь до 1 июля не велась не какая-то там сводка опороса или надоя молока, а именно же сводка учета перевозки войск, санкцию на срочную — в связи с реальной угрозой нападения Германии — передислокацию которых в западные округа и внутри этих округов дал лично Сталин! Это уже не просто должностное преступление — это уже особо тяжкое государственное

⁶⁹⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1, М., 2000, с. 207—208; «Известия ЦК КПСС». 1990, № 7, с. 199.

⁶⁹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 9. Л. 123—124.

преступление! Потому как получается, что ни высшее военное командование, ни тем более высшее руководство СССР попросту не знали и не могли знать, где болтаются войска призванной защищать Родину армии! А ведь все необходимые документы по войсковым перевозкам на период мобилизации Генштаб передал в наркомат путем сообщения еще 21 февраля 1941 г.⁶⁹⁸

Не хочу нагнетать страсти, но, между прочим, одним из наиболее эффективных приемов саботажа и вредительства в целях ослабления оборонной мощи государства в особо угрожаемый период и тем более в ситуации войны как раз и является неведение или же по крайней мере запутывание отчетности по перевозкам войск. А далее, если тем более имеются сообщники по реализации преступного замысла, появляются широкие возможности для засылки этих эшелонов не туда, куда надо, а нередко и туда, куда вообще не надо. Что также является одним из наиболее эффективных приемов саботажа и вредительства в целях ослабления оборонной мощи государства в особо угрожаемый период и тем более в ситуации войны, который, к слову сказать, применялся еще в годы Первой мировой войны в целях ослабления русской армии и подготовки ее поражения. Кстати говоря, содержание упомянутой докладной Тутушкина таково, что его лучше всего привести полностью, тем более что оно относится ко всем фронтам:

«Донесение заместителя начальника 3-го Управления НКО СССР

Ф.Я. Тутушкина В.М. Молотову о недостатках в организации

железнодорожных перевозок.

6 июля 1941 г.

Государственный Комитет Обороны.
Товарищу Молотову.

⁶⁹⁸ Куркоткин С. К. *Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.* М., с. 33. Цит. по: *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение.* М., 2010, с. 385.

Перевозка войск, вооружения, боеприпасов и других воинских грузов на фронт на ряде железных дорог систематически срывается. Сроки погрузки по Московскому и Орловскому округам сорваны на два дня.

Срыв своевременной перевозки воинских грузов происходит из-за плохого руководства со стороны нач. УПВОСО генерал-лейтенанта технических войск Трубецкого и плохой работы НКПС. В УПВОСО до 1 июля с.г. не велась сводка учета перевозок войск. С 1 июля она выпускается, но с опозданием от 7 до 24 часов, причем в сводке указывается только дорога, по которой идут эшелоны, а станция, где они находятся, не указывается. Это привело к тому, что УПВОСО не знает, где находятся эшелоны, и местонахождение ряда эшелонов УПВОСО не известно.

235 с.д. по 4 июля с.г. погрузила 26 эшелонов, из них: выгружено — 2, передано на ст. Псков — 11, находилось в районе Бологое — 3, а где еще 10 эшелонов, УПВОСО не знает. 148 с.д., начавшая погрузку 27 июня, к 4 июля с.г. выгрузила только два эшелона.

На десятки транспортов нет данных об их месте нахождения с 30 июня 1941 г. Имеют место случаи направления эшелонов не по назначению.

Эшелон со штабом 19-й армии и управлением 25 с.к. вместо следования на ст. Рудня (это между Витебском и Смоленском. — А. М) через Конотоп был направлен на ст. Гомель (127-я сд 25-го СК 19-й армии, командарм И.С. Конев, и вовсе прибыла на Западный фронт без своего 475-го стрелкового полка, который был заслан в Ленинград?! Где Западный фронт, а где Ленинград?! — А. М)⁶⁹⁹. Виночники этого остались ненаказанными.

26 июня с.г. с Кировского (г. Ленинград) завода (то есть с направлявшимися на фронт новыми тяжелыми танками КВ,

⁶⁹⁹ См.: *Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта.* М., 2008, с. 104.

которые и выпускал Кировский завод. — *А.М.*) были направлены на ст. Орша два эшелона танков № 7/3016 и 7/3017. Эти эшелоны несколько дней перегонялись в треугольнике Витебск-Орша-Смоленск и не разгружались. 30 июня эшелон № 7/3016 был в Смоленске, а эшелон № 7/3017 — в г. Витебске. Где эти транспорты находятся в настоящее время, АБТУ сведений не имеет.

Из г. Харькова с завода № 183 был направлен 27 июня эшелон № 11/3107, перевозивший 10 танков в г. Орел. Вместо г. Орла эшелон попал в г. Конотоп. После указаний о направлении эшелона в г. Орел он попал в Бахмач. В итоге с опозданием на 3 суток эшелон пришел в Вязьму, где и был присоединен к танковому эшелону.

Из Сталинграда 26 июня с.г. в г. Орел был направлен эшелон № 7/3012 с танками. В Орле эшелон должен был быть доукомплектован боеприпасами и людским составом. Вместо г. Орла эшелон попал в Конотоп. После указания направить эшелон в г. Орел он попал в Бахмач, затем в район Гомеля и только после этого путешествия попал в г. Орел.

Расследование по неподаче грузов своевременно к месту назначения ведет Главвоенпрокуратура. Сколько и на каких станциях разгружено эшелонов на 6 июля с.г., УПВОСО не знает.

27 июня 1941 г. по вине начальника УПВОСО генерал-лейтенанта Трубецкого предназначенные на Юго-Западный фронт 47 эшелонов с мототранспортом, в котором сильно нуждался фронт, были выгружены на станциях Полтава, Харьков, Конотоп, Бахмач. Расследование ведет 3-е Управление НКО.

Часто срывается отправка частей на фронт из-за неподачи по линии НКПС к месту погрузки вагонов. 24 июня Ленинградской ж.д. недодано 600 вагонов. Аналогичные факты имеют место и на других железных дорогах.

По сообщению 3-го отдела ХВО, на Львовском направлении Южной ж.д. вто-

рые сутки стоят 13 вагонов и 2 бронепоезда.

На Ромодоновском направлении Южной ж.д. несколько дней брошены 32 транспорта воинских грузов, так как их не принимает Западная ж.д. Паровозы этих транспортов взяты для другого назначения Южной ж.д.

4 июля с.г. на ст. Люботин оказались 10 платформ с танками т-40, направленные на ст. Волковыск в воинскую часть 9590.

О засылке не по назначению платформ с танками редется расследование 3-м отделом ХВО.

Направленные на Северо-Западный фронт и Западный фронт 180 тысяч мин и 100 тысяч мин на Юго-Западный фронт к месту назначения не прибыли. Где эти эшелоны находятся, УПВОСО не знает.

С 27 июня 1941 г. 30 эшелонов с ВВ находятся где-то в пути, 3 из них обнаружены на ст. Торопец.

6 июля 1941 г. Артуправление Красной Армии предложило УПВОСО переадресовать 8 серий грузов артиллерии в другие адреса (ст. Белокаменская), в то время как эти грузы частично уже дошли до места назначения и выгружены (ст. Петрозаводск).

На ст. Электросталь под Москвой сосредоточено около 400 вагонов взрывчатых веществ. Окружная дорога не принимает их для направления по назначению. Такое количество взрывчатых веществ, находящихся на расстоянии 30 км от Москвы, создает опасность для города.

По данным 3-го Управления НКО, сосредоточение вторых эшелонов Красной Армии опаздывает не на 2 суток, как доложил зам.нач. Оперуправления Генштаба генерал-майор Анисов Председателю Государственного Комитета Обороны товарищу Сталину, а значительно больше.

Зам.нач. 3-го Управления НКО Союза ССР

Дивизионный комиссар Тугушкин»⁷⁰⁰.

⁷⁰⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000, с. 207—208.

Донесение Тутушкина — фактически беспристрастный перечень актов умышленного саботажа и вредительства в военное время, который завершается чрезвычайно печальным, но исключительно обоснованным выводом стратегического характера — происходит серьезное опоздание сосредоточения вторых эшелонов Красной Армии.

А теперь вспомните, что непосредственно ЗНГШ Ватутин дал прямое указание данные о перевозках в отчетность ВОСО не включать?! Кстати говоря, подобное указание без согласия начальника ГШ, то есть ГК. Жукова, невозможно было дать, потому что эти данные в первую очередь необходимы руководителю Генштаба. Как прикажете все это понимать, особенно если озадачиться еще и следующим вопросом. Почему это должно было тютелька в тютельку совпасть с тем, что написал в своем плане поражения Тухачевский?! Но в таком случае особый смысл приобретает тот факт, что эта сводка не велась до 1 июля. Потому что это означает, что она не велась еще с довоенных времен. Но только до того момента, когда был создан ГКО во главе со Сталиным, пощады от которого за жуткую нераспорядительность, преступную халатность и т.п. не приходилось ждать. А это уже в свою очередь означает фактически один-единственный вывод: сводка учета перевозки войск именно потому не велась, что была попросту опасна тем, что даже по ее ежедневному содержанию можно было бы вполне легко определить, что произошла подмена официального плана обороны страны! Потому как войска перебрасывались в соответствии с «безграмотным сценарием вступления в войну», коим был негласно и незаконно подменен официальный план обороны! Ну не враги же сами себе те, кто устроил эту подмену, — вот и не велась до 1 июля эта сводка, с довоенных времен не велась!

Вести ее стали только тогда, когда появилась возможность хоть как-то объяснить уже резавший глаза злостный и умышленный бардак, под который маскировался саботаж в перебросках войск как внезапностью нападения, так и резко изменяющейся обстановкой на фронтах. Это ведь только на вид генералы — едва отличимые от ближайшего телеграфного столба грубые и тупые солдафоны. На самом деле — еще ох как себе на уме, да с таким апломбом и амбициями, что не приведи господь...

Комментарий. Здесь надо также иметь в виду, что в целом вопрос о железнодорожных перебросках войск накануне 22 июня автоматически перерастает в излюбленную многими антисталинистами проблему своевременности сосредоточения наших войск на западных границах. Как правило, все талдычат, прежде всего со слов маршалов и генералов той поры, о том, что советское командование опоздало в этом вопросе, причем по вине Сталина, который, видите ли, слишком поздно разрешил это сосредоточение. Но это беспардонное вранье, которое очень легко опровергается архивными документами. Санкции на выдвижение войск, например, из внутренних округов в приграничные военные округа были даны Сталиным последовательно еще в апреле и середине мая. Соответствующая аргументация по этому поводу уже приводилась. Наиболее известна именно майская санкция — ее часто упоминают в различных книгах и исследованиях о кануне войны. Об апрельской санкции со ссылкой на мемуары маршала Захарова также уже говорилось ранее.

Справка. Даже при выходе на линию новой советской границы в 1939 г. максимальное «плечо» ж.-д. перевозок у вермахта не превышало 1000 км, а, как правило, редко приближалось даже к половине этого максимума. Между тем, при вынесении новых советских границ на Запад и без того резко превышавшее германское «плечо» ж.-д. перевозок — в среднем от 3 до 5 раз — «плечо» собственных железнодорожных перевозок в СССР дополнительно резко увеличилось наряду еще и с интенсивностью. Ибо началось строительство оборонительных сооружений на «линии Молотова», чем, собственно говоря, и была вызвана большая часть начавшейся еще в 1939 г. переброски стратегических запасов в тылы западных военных округов. При таких расстояниях, при таких объемах необходимых перевозок и особенно при низкой пропускной

способности ж. д. поневоле начнешь все делать заранее, а Сталин именно этим-то и отличался — никогда не ждал, когда жареный петух клонет в темечко... К тому же не следует забывать, что гитлеровская Германия располагала огромным количеством свободных от хозяйственных перевозок средств железнодорожного транспорта, захваченных в оккупированных ею странах. Только в одной Франции гитлеровцы украли 5 тысяч (ПЯТЬ ТЫСЯЧ) паровозов и 250 тысяч (ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ) вагонов⁷⁰¹. У СССР такого количества свободных средств железнодорожного транспорта не было.

Но вот ведь какое дело. При общем объеме этих перевозок в 939 ж.-д. эшелонов к местам новой дислокации до войны прибыло всего 83 воинских эшелона. Проще говоря, всего 8,84 % от их общего объема! Хуже того. По состоянию на 22 июня 455 эшелонов (48,46 %) находились в пути, а 401 эшелон (42,7 %) — и вовсе не грузился!⁷⁰² Кто за это должен отвечать?! Сталин или все-таки Тимошенко и Жуков вместе с Кагановичем (поскольку он тогда был наркомом путей сообщения) и Трубецким — начальником Управления военных сообщений ГШ?!

Германское командование за срок в 1,5 раза меньший, чем был у Тимошенко и Жукова перед войной, то есть начиная с 25 мая и до 20 июня включительно, перебросило на восток, к нашим границам 47 дивизий. В том числе 28 танковых и моторизованных⁷⁰³. А дуэт Тимошенко—Жуков вместе со всей «киевской мафией» с 13 мая по 22 июня не уложились с перевозкой 28 дивизий, что в 1,68 раза меньше объема гитлеровских перевозок по графику военного времени!⁷⁰⁴ Да, как и любой трезвомыслящий исследователь, и автор тоже прекрасно отдает себе отчет в том, что у немцев была более развитая железнодорожная сеть. Они могли вдвое — вчетверо больше войск перебрасывать в более короткие сроки, так как с их стороны к советским границам подходило значительно большее количество железных дорог.

Но в том-то все и дело, что, в отличие от своих генералов, испокон веку стремившийся все заранее подготовить Сталин учитывал также и все политические факторы, но более всего — внимание! — фактор гигантских расстояний, на которые следовало перебросить войска. Как внутри самих округов, так и из внутренних округов, тем более с сохранением режима секретности. Более того. Ведь он же прекрасно знал большие проблемы железнодорожного транспорта на территории недавно вошедших в состав СССР Западной Украи-

ны, Западной Белоруссии, Прибалтийских республик и Бессарабии. Прежде всего ту их часть, которая упиралась в неразвитость сети железных дорог в этих регионах. Например, к железнодорожной рокаде Овруч — Коростень — Шепетовка — Каменец-Подольский с востока подходило шесть железных дорог с девятью колеями общей пропускной способностью 259 пар поездов в сутки. Западнее же этой рокады, на вновь вошедших в состав государства территориях, подходило только пять дорог с шестью колеями и пропускной способностью всего 108 пар поездов в сутки. Особенно слабой пропускной способностью обладала ж.д. сеть в Прибалтике. Так, к границе с Восточной Пруссией подходила всего одна ж.д. с пропускной способностью всего 84 поезда. А вот из Восточной Пруссии к советской границе подходило несколько ж. д. с пропускной способностью 228 пар поездов в сутки. Сталин прекрасно знал о таком состоянии советских железных дорог в основных приграничных округах. Потому заранее и санкционировал выдвижение войск. Немалую роль играла сохранявшаяся разница в ширине колеи ряда железных дорог на вновь воссоединенных территориях.

Еще более того. Сталин исходил и из печального опыта вхождения еще царской России в Первую мировую войну и соответственно руководствовался выводами из еще не стершейся в памяти истории с транспортировкой войск в царской России в начальный период той войны. Потому-то он и отдал еще в апреле, а затем и 13 мая распоряжение о начале выдвижения войск из внутренних округов ближе к западным границам.

Так что хронологически опоздания с развертыванием не было — лишь внешне это был бардак, а не развертывание войск, прямо на стадии их переброски, а в действительности — все обстояло куда хуже, преступнее, чем даже можно предполагать...

Понимаете, в чем все дело-то? После 22 июня, в наихудших условиях начального периода войны, в ситуации безостановочного наступления вермахта, под непрерывными бомбежками гитлеровской авиации, в обстановке хаоса и паники в прифронтовых районах под руководством Сталина и контролем Берия была организована переброска на восток 2593 промышленных предприятий вместе со всем их оборудованием, из них только крупных 1360,12 млн человек, из них 10 млн по ж. д., без малого 2,5 млн голов скота, увезенного из прифронтовой полосы!⁷⁰⁵ За 193 дня до конца 1941 г. объем перевозок составил 1,5 млн вагонов, то есть по 7772 вагона в сутки!⁷⁰⁶ То есть темпом практически 173 эшелона в сутки!

⁷⁰¹ История Второй мировой войны. М., 1982, т. 12, с. 195.

⁷⁰² ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 406. Л. 104—119.

⁷⁰³ Начальный период войны. М., 1974, с. 189.

Вторая мировая война. М., 1958, с. 140.

⁷⁰⁴ Там же.

⁷⁰⁵ Куманев Г.А. Подвиг и Подлог. М., 2000, с. 260—261.

⁷⁰⁶ Там же.

Исторический штрих. Был в Америке такой известный журналист — Э. Сулицбергер. Мягко выражаясь, далеко не советофил... Так вот, этот самый далеко не советофил Э. Сулицбергер 20 июля 1942 г. опубликовал в журнале «Лайф» огромную статью о борьбе СССР с фашизмом. В ней были следующие строки: «Легендарным стал перевод промышленных предприятий из Западной части СССР на Восток... Теперь десятки сибирских заводов выпускают станки, запчасти, танки, противотанковые ружья, тягачи, самолеты, снаряды, орудия, винтовки, боеприпасы, ручные гранаты, минометы, артиллерию, дизельные моторы, карбюраторы, перерабатывают медную и железную руду, нефть. На Юго-Востоке действуют новые текстильные предприятия... Этот осуществленный в гигантских масштабах перевод промышленности на Восток — одна из величайших sag истории».

Слово «сага» в широком смысле означает — героическая повесть. Так вот главным ТВОРЦОМ этой «одной из величайших sag в истории» и был посмертно нещадно оболганный и оклеветанный ИВ. Сталин!

Если бы теми же темпами Тимошенко и Жуков организовали воинские перевозки до 22 июня, то для перевозки 42 255 вагонов, составлявших предназначенные для переброски 939 ж.-д. эшелонов (из расчета примерно 45 вагонов в эшелоне), им потребовалась бы максимум неделя. И все необходимые войска были бы сосредоточены в приграничных округах. Конечно, в тот период невозможно было полностью перевести железнодорожные перевозки в режим военного времени. Но ведь у них было целых 39 дней для переброски. Это если отсчитывать, например, от санкции от 13 мая. Можно было организовать переброски темпом 24 эшелона в сутки, что в масштабах железнодорожных перевозок всей страны было бы незаметно. Потому как не с одной станции их отправляли бы. Увы. А если отсчитывать от апрельской санкции, то...

Так вот и спрашивается, во-первых, что же все-таки делали нарком обороны маршал Тимошенко и начальник ГШ генерал армии Жуков, коли никак не контролировали переброску войск?! Ведь мало того что 8,84 % исполнения по-другому никак не расценить, так ведь еще столь удручающая цифра откровенно наводит на мысль о саботаже и вредительстве. Допустим, что и не ими организованными. Но объективно говоря, отсутствие контроля с их стороны сыграло роль пассивного пособничества. Тем более что и, во-вторых, отчетность о перевозках по линии ВОСО не велась до 1 июля, да еще и запрет на включение данных о перевозках в отчетность ВОСО существовал! Да еще и призванная контролировать, в том числе и такую крупномасштабную передислокацию войск военная контрразведка была в руках самих генералов «киевской

мафии». Если она была бы в руках Лаврентия Павловича, то он мгновенно просигнализировал бы об этом преступном безобразии и совместно с советскими и партийными органами предпринял бы необходимые для исправления положения меры. Ну, так что же прикажете в итоге думать в отношении изложенных выше данных о перебросках войск к границе?!

Единственное, что могу сказать в этой связи, так это следующее. С какой стороны ни возьми, но трагедия 22 июня 1941 г. никак не могла быть связана и действительно не была связана с каким бы то ни было принципиальным просчетом Сталина в вопросе сосредоточения войск. Тем более по времени начала сосредоточения, в том числе и дополнительных сил. В этих делах у него просчетов попросту не было, во всяком случае всех тех, которые явно не от великого ума, но от явно-го «горя от ума» и всего лишь из-за одного факта, что Сталин, был всемогущим главой партии и государства, пытаются инкриминировать ему. Да, никто не отрицает, что в те времена Сталин был уже всемогущ, но явно не о семи головах и двадцати пар глаз, чтобы отслеживать буквально каждое действие генералитета. И уж тем более непрерывно вникать в суть того, что они творили. Не обязан он был столь своеобразно подменять собой целый наркомат обороны во главе с маршалом и целый Генеральный штаб во главе с генералом армии, да еще и в мирное время, ибо других забот хватало выше кремлевских звезд! Это потом, после трагедии 22 июня, диким варварством своих губительных для армии методов управления сражающимися с врагом войсками, откровенно грозивших катастрофой для государства и страны, генералы буквально вынудили Сталина взять на себя не только всю полноту государственной власти, но и даже военной, включая и командование войсками.

После нескольких вытков Павлов и штаб округа стали наконец отчитываться перед ГШ о ходе передислокации войск. Вот какова была ситуация с выдвижением дивизий по состоянию на вечер 21.06.1941 г.:

«Из Минска
Генерал-лейтенанту тов. Ватутину
Оперсводка № 11 к 22.00 21.6.41 Штаб
ЗапОВО г. Минск
Карта 200.000
1. 17 сд, совершив ночной марш к 8.00 21.6, сосредоточилась: 271, 278 сп, ОБС, 20 ап и автоколонна в районе Бю-цишки (3 км юго-западнее БОРУНЫ) в

готовности с 21.00 21.6 продолжать марш в район ТРАБЫ, КОРКЕНЯТА, ГРУШЕНИЦЫ, по маршруту: БИЮЦИШКИ. ГОЛЬШАНЫ, ТРАБЫ.

55 сп к 7.00 21.6 сосредоточился в районе Синя Гура (13 км южнее КРЕВО) в готовности с 21.00 21.6 продолжать марш в район ЮРАТИШКА, по маршруту: СИНЯ ГУРА, ВИШНЕВ, ЮРАТИШКИ. Штадив 17 БИЮЦИШКИ (6 км северо-восточнее ГОЛЬШАНЫ)...

4. 143 сд перевозится по железнодорожной линии Гомель — Лесна. Отправлено 11 эшелонов из 19.

5. 64 сд перевозится по железнодорожной линии Смоленск — Ратомка, Радошкевичи, Белорусь. Отправлено 6 эшелонов из 21...
... № 9/ОП Зам. начальника штаба ЗапОВО Семенов...»⁷⁰⁷

Короче говоря, получается, что вроде бы войска действительно перебрасывались в соответствии с санкционированными Сталиным указаниями НКО и ГШ. И в самом деле, движение началось:

— 17-я сд — 16 июня была поднята по тревоге и начала переброску на запад в сторону границы, причем стрелковые полки и легкий арtpолк походным порядком, другие части по ж. д. К 22 июня большая часть дивизии еще была в пути;

— 12-я сд — еще 12 июня ее командир генерал-майор К.Н. Галицкий был вызван в штаб округа и лично Павлов устно дал ему секретный приказ следующего содержания: «Во второй половине июня... дивизия будет переброшена на автомашинах двух автомобильных бригад в район Гродно... Никаких письменных указаний от меня и штаба округа не будет. Все делать согласно моим личным указаниям. Доложите их командующему армией генералу Кузнецову»⁷⁰⁸. А когда Галицкий прибыл с докладом к командарму-3 Кузнецову, то услышал от него следующее: «Положение тревож-

ное. Мною отдан приказ вывести часть войск ближе к границе, к северо-западу от Гродно. Поезжайте к себе, подготовьте все к приведению частей в готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге. Никому об этом пока не говорите. Всю работу проводите лично и без шума»⁷⁰⁹. Так вот кто бы объяснил, желательно вразумительно, что означали эти игры в какую-то особую секретность персонально для 12-й сд?!

Почему никаких письменных указаний на передислокацию не дали? Ведь передислокация в сторону границы была начата по директиве НКО и ГШ. Чего тут было особо секретничать персонально именно с этой дивизией?!

Комментарий. Кстати, о Гродно и одноименном УР. Вот интересное свидетельство А. К. Ужинского — одного из ветеранов ВОВ: «...В Гродненском укрепленном районе, куда я с некоторым запозданием из-за болезни приехал 17 июня, еще шло строительство, сновали сотни машин, подвозились в полную боевую готовность стрелковые подразделения, пулеметы и врытые в землю танки ... Через день войска, занимавшие позиции, были отведены в тыл»⁷¹⁰. То есть 19 июня эти войска были отведены в тыл. Зачем, если они уже в полной боевой готовности расположились на предназначенных им позициях?

— 37-я сд — 17 марта ее командование непосредственно в штабе округа получило приказ о передислокации в район Бенякони — Воронова;

— 50-я сд — с середины июня под видом учений выдвигалась в район Вилейка, Сморгонь, Крево. К началу войны основные силы дивизии были еще на марше;

— 64-я сд — начала передислокацию в район Заславля с 18 июня по приказу командира 44-го СК;

— 108-я сд — по приказу штаба округа начала передислокацию в район Ждановичи по ж. д. с 15 июня;

⁷⁰⁷Цит. по Интернету.

⁷⁰⁸Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. 1941—1944. М., 1973, с. 18.

⁷⁰⁹Там же, с. 29.

⁷¹⁰Борисов Д.С., Шевчук М.К. Солдат, герой, ученый. М., 1961, с. 161, 162.

— 121-я сд — в середине июня по приказу штаба округа начала передислокацию по ж. д. из Бобруйска в район Обуз-Лесная (юго-западнее Барановичи);

— 143-я сд — передислокацию в район Обуз-Лесная начала по ж. д. с 11 июня по приказу округа;

— 161-я сд — в середине июня получила приказ Павлова на переход из Могилева в сторону в район Колодшчи, что в 15 км восточнее Минска. Непосредственно передислокацию начала походным порядком лишь 17 июня.

Как видим, движение действительно началось. Только вот никакого не только серьезного эффекта, но и даже просто эффекта от этого не было. Огромная часть войск округа встретила нападение Германии, что называется, на марше, в движении, на железной дороге, причем некоторые из них были изрядно потрепаны в результате авианалетов и артобстрелов противника еще до вступления в бой с ним. Те же, что не нуждались в таких перебросках, встретили нападение не выведенными на государственную границу, не занявшими свои полосы обороны, нередко просто на марше, в походном порядке, а отдельные из них — и вовсе в казармах или лагерных палатках. Причем в массовом порядке без артиллерии, так как за несколько дней до войны Павлов приказал всю артиллерию отправить на стрельбы за несколько сот километров от линии фронта. Но вот что любопытно. Даже в процессе подготовки материалов для хрущевской реабилитации Павлова в 50-х гг. было получено свидетельство бывшего командующего 3-й армией ЗапОВО генерал-полковника В.И. Кузнецова, который указал: «Все командующие армиями, в том числе и я, докладывали Павлову о совершенно открытой подготовке немцев к войне. Так, например, нами было точно установлено сосредоточение крупных сил немцев в Августовских лесах юго-восточнее Сувалки. В наших руках также были подметные письма, в ко-

торых указывалось примерное время перехода немцев в наступление — 21, 22, 23 июня. Тем не менее, Павлов за несколько дней (до нападения в Германии — *А.М.*) приказал всю артиллерию отправить на артиллерийские стрельбы за несколько сот километров от линии фронта...»^{7.1} Прочитываемое, конечно, не должно создавать впечатление, что-де, в отличие от Павлова, сам Кузнецов был безгрешен. Увы и ах — был грешен, да еще как, в чем читатели убедятся, коша дойдут до описания ситуации в 3-й армии. После войны стратегическое предвидение давнего прошедших событий у генералов развивается не в меру сильно. Не зря же говорят; что они всегда готовятся к прошедшей войне. Но тем не менее сам факт того, что за несколько дней до нападения, когда час от часу нарастал вал все более тревожной информации, свидетельствовавшей о том, что на ураганной скорости приближается война, Павлов отдал приказ о направлении артиллерии округа на стрельбы, говорит о многом. О, нет; не о непроходимой тупости и стратегической бездарности генерала Павлова. Этот факт говорит о том, что он сознательно, умышленно предпринимал меры по резкому снижению мобилизационной и боевой готовности вверенных ему войск к отражению неминуемой агрессии.

**§ 8. Общая ситуация в ЗапОВО.
Соотношение сил. Причины
и механизм возникновения
непреодолимого стратегического
превосходства противника
над войсками ЗапОВО
Западного фронта**

Тем не менее даже на суде Павлов утверждал, что нападение Германии не застало войска округа врасплох?! На вопросы же членов судебной коллегии, а до этого и следователей о том, почему же все-таки немцам удалось прорвать

^{7.1} Цит. по: *Мяков М.Ю.* Трагедия Западного фронта // «Красная звезда», 24 июля 2001 г.

фронт и углубиться на нашу территорию, бывший командующий округом-фронтом убежденно отвечал, что создано превосходство противника как численное, так и качественное. Более того. Припел до кучи еще и отсутствие новой материальной части, как у Киевского округа. Ему, конечно, не верили, но он настаивал на этом. Резонно и нам озадачиться следующими вопросами:

1. Так как же быть с этими заявлениями Павлова — врал он или нет?!

2. Правильно ли делали следователи, а потом судьи, что не верили ему и в итоге приговорили его и других фигурантов дела к расстрелу?!

3. Как же на самом деле случилось то, вопросы о чем следователи и судьи постоянно задавали ему?

В значительной степени ответы на эти вопросы уже были даны. Но тем не менее продолжим наше разведывательно-историческое расследование. Прежде всего в поисках ответа, почему же все-таки произошел столь глубокий прорыв противника именно в полосе компетенции ЗапОВО-3Ф. И почему Павлов и другие убежденно считали, что это результат огромного превосходства вермахта буквально во всем.

Откровенно говоря, загадки тут особой нет. С ЗапОВО произошло то же самое, что и с ПрибОВО-СЗФ. Командование ЗапОВО-3Ф, не говоря уже о простых солдатах и офицерах этого округа-фронта, воочию видели эффект мгновенного возникновения беспрецедентно чудовищной ударной мощи вермахта и его столь же беспрецедентно чудовищной ударной силы. Потому и утверждали о некоем численном и качественном превосходстве противника. Соответственно, все три вышеуказанных вопроса и при анализе ситуации в ЗапОВО-3Ф трансформируются в один стратегически важный вопрос. А был ли на самом деле этот такой-сякой эффект мгновенного возникновения беспрецедентно чудовищной ударной мощи вер-

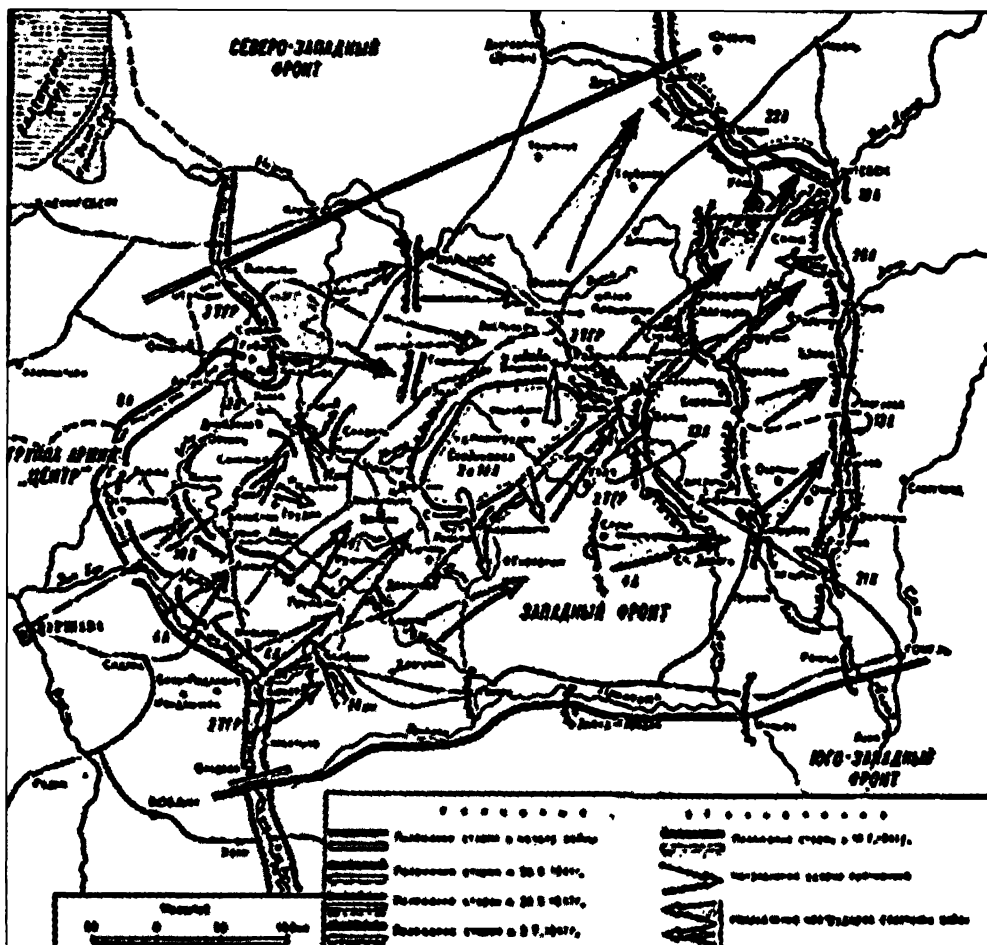
махта и его столь же беспрецедентно чудовищной ударной силы, и если да, то какова технология его возникновения?

Напомню, что в реальности вермахт не обладал возможностями для демонстрации такого эффекта возникновения беспрецедентно чудовищной ударной мощи вермахта и его столь же беспрецедентно чудовищной ударной силы. Единственное, чем реально располагало командование вермахта — это наличием беспрецедентной преступности поведения и преступной дурью командования ЗапОВО в последние дни перед началом войны. Как, впрочем, и в предыдущий период. Чем, естественно, оно и воспользовалось. Ведь принципиально технология возникновения беспрецедентно чудовищной ударной мощи вермахта и его столь же беспрецедентно чудовищной ударной силы, коим Жуков так поражался до конца жизни, а подсудимые Павлов и К° утверждали даже на суде, аналогична тому, что имела место в ПрибОВО. А вот эффект и последствия куда как более тяжелые, особенно в стратегическом плане. Для начала рассмотрим соотношение сил по формальным признакам.

Итак, ЗапОВО, с раннего утра 22 июня 1941 г. — Западный фронт (см карту).

Силы сторон:

1. ЗапОВО: армий—формально 4, на самом деле—3, ибо 13-я армия была в стадии формирования и особого толку от нее ожидать не приходило. Ведь к 22 июня она была сформирована только на 40 %, к тому же накануне войны ее управление было срочно передислоцировано ближе к Минску. Стрелковых корпусов — 8, стрелковых дивизий — 24, одиннадцать из которых — окружного подчинения. Кавалерийских корпусов — 1, кавалерийских дивизий — 2. Механизированных корпусов — 6, танковых дивизий — 12, моторизованных дивизий — 6. А также один воздушно-десантный корпус, находившийся в стадии формирования, и две воздушно-десантные бригады, находив-

Общий ход боевых действий на западном направлении с 22 июня по 15 июля 1941 г.

шиеся в таком же состоянии. Кроме того, низированных — 5,5⁷¹³, кавалерийских — округ имел 9 УР. Общая численность лич- 1, дивизий СС—2⁷¹⁴, охранных—3, от- ного состава ЗапОВО — более 672 тысяч дельных полков — 1⁷¹⁵. человек. В составе ЗапОВО имелось Численность группировки — 1 453 2556 танков (всех типов), 10 087 орудий 400 человек личного состава. ГА «Центр» минометов, в том числе 3586 пушек и гау- ⁷³ Включая 900-ю моторизованную бригаду, биц, 1260 120- и 82-мм минометов, более считываемую за 0,5 мд. Мельтюхов М.И. Упущен- 2000 противотанковых орудий, 190 76-мм ный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939—1941 гг. Издание 3-е, дополненное. М., 2008, с. 356. зенитных орудий, 1909 самолетов, в том ⁷¹⁴ С учетом временно подчиненного ГА «Центр» сводного соединения СС в составе 4 мо- числе 424 новых⁷¹². торизованных пехотных и 2 кавалерийских пол- ков. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939—1941 гг. Издание 3-е, дополненное. М., 2008, с. 356.

2. ГА «Центр» — 51,5 дивизия, из них пехотных — 31, танковых — 9, меха-

⁷¹² ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 93. Л. 5. ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 243. Л. 228—231. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 217.

⁷¹³ Данные взяты из таблицы 47 книги: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939—1941 гг. Издание 3-е, дополненное. М., 2008, с. 356.

имела 2370 танков (в это число входят также штурмовые орудия, истребители танков на разных танковых шасси, 150-мм самоходные тяжелые пехотные орудия на танковом шасси)⁷¹⁶, орудий и минометов — 15 161, самолетов — 1712⁷¹⁷.

Знало ли командование ЗапОВО и особенно руководство НКО и ГШ, что против ЗапОВО сосредотачивается наиболее мощная группировка вермахта?! Абсолютно достоверно известно, что знали. С помощью одних только мемуаров Сандалова выше это уже было показано.

Приведенные Сандаловым факты, а также иные данные не оставляют никакого сомнения в том, что и командование 4-й армии, и командование ЗапОВО, и Генштаб заранее прекрасно знали, что против ЗапОВО сосредотачиваются наиболее громадные силы в масштабах всей концентрируемой у советских границ группировки немецких войск! А конкретно 4-я армия находится на острие главного удара ГА «Центр» на брестском направлении! Особо подчеркиваю знание этих данных Генеральным штабом и в целом руководством НКО. Потому что при всех уже упоминавшихся безобразиях, которые творились в различных подразделениях РО штаба ЗапОВО, тем не менее достаточно серьезная разведывательная информация все-таки направлялась в Москву. А после глубокой аналитической обработки в ГРУ и ГШ и соответствующих дополнений, полученных из других источников, направлялась обратно в штаб ЗапОВО. Как, впрочем, и в штабы других округов. Сандалов более чем ясно это показал. Так что болтовню Жукова о том, что-де они не знали о том, что готовится еще и удар на третьем направлении, то есть по центру

⁷¹⁶ Данные по бронетехнике взяты из статьи подполковника запаса А.В. Лобанова «Бронированный таран вермахта». Военно-исторический журнал, 2011, № 6, с. 18—21.

⁷¹⁷ Данные взяты из таблицы 54 книги: *Тухов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939—1941 гг.* Издание 3-е, дополненное. М., 2008, с. 360.

советской обороны, который символизировал ЗапОВО, необходимо окончательно отбросить именно как лживую донельзя болтовню. Хотя бы потому, что треклятые супостаты действовали зеркально. У нас три основных округа на западных границах и супостаты составили три группы армий. И это было известно практически с самого начала поступления информации о грядущем нападении.

И вот при таком знании практически ничего не было сделано для того, чтобы достойно встретить врага даже сильно уступавшими немецкой группировке силами. Ведь в целом соотношение сил между ЗапОВО и ГА «Центр», но особенно между 4-й армией ЗапОВО и 4-й армией в сочетании со 2-й танковой группой вермахта, не оставляло никаких сомнений в том, что катастрофический разгром просто неминуем. При указанном знании данных о противнике, которое показал в мемуарах Сандалов, ни командование 4-й армий, ни командование ЗапОВО, ни руководство НКО и ГШ просто физически не могли не понимать абсолютно неизбежных катастрофических последствий. Простите за повтор, но в данном случае без него просто не обойтись. Взгляните еще раз на соотношение сил между 4-й армией ЗапОВО и 4-й армией в сочетании со 2-й Тгр вермахта, и вам все станет понятно (см. табл. на с. 300).

Комментарии, как говорится, излишни. Но тем не менее все же еще раз взглянем на ситуацию перед нападением с учетом, естественно, соотношения сил.

Формальная ширина фронта обороны ЗапОВО 470 км, на самом деле — 410, так как из 150-километровой ширины обороны 4-й армии необходимо вычесть 60 км как непригодные для каких-либо действий — хоть наших войск, хоть противника. Германское командование это знало. Советское же командование знало не только это, но и то, что, согласно уставам вермахта, группировки его армий идут в прорыв на фронте шириной от

100 до 150 км. То есть основная ударная мощь ГА «Центр» будет сосредоточена на фронте прорыва шириной максимум в 150 км. Потому что для нашего командования не было секретом, что на брестском направлении удары последуют как севернее Бреста, так и южнее. Даже если наше командование точно и не знало о запланированном раздвоении сил ГА «Центр» на две практически самостоятельные группировки, все равно от знания того, что удары будут наноситься севернее и южнее Бреста никуда не деться. По-другому действовать там было просто нельзя. Раздвоение сил этой группировки на две подгруппы—севернее и южнее Бреста—было неминуемо. Это, что называется, и к гадалке не ходи.

А что сделало командование ЗапОВО? Оно запланировало в первом эшелоне армий прикрытия всего 13 стрелковых дивизий. То есть на одну дивизию формально должно было приходиться 36 с небольшим гаком километров в качестве ширины фронта обороны. Если точнее, то в 3-й армии — 40 км, в 10-й — 33, в 4-й—37,5 км⁷¹⁸. Но мы уже неоднократно отмечали, что бумага-то все стерпит, ибо запланировать это одно, а вот конкретная реальность — увы, совсем другое.

Потому как на самом-то деле ширина фронта обороны стрелковых дивизий в ЗапОВО оказалась даже в среднем выше, чем в ПриОВО, — 47 км. У некоторых дивизий и того больше. Например, 75-я сд имела более 50 км ширину фронта обороны, 64-я стрелковая дивизия 44-го СК ЗапОВО занимала полосу обороны шириной в 53 км! У некоторых и того больше.

Если брать в целом (усредненно) по округу, то на долю «находившихся» (причину кавычек читатели очень скоро увидят сами) в обороне на 1 м каждые 0,136—0,17 нашего стрелка в этом округе

выпадало превосходство в диапазоне от 24 до 30 раз! Что, кстати говоря, коррелирует с данными о фактическом понижении устойчивости дивизий в обороне для этого округа, которые приводились ранее. В пересчете на одного стрелка из плоти и крови превосходство получалось в диапазоне от 143 до 223 раз! И вновь, как и в случае с ПриОВО, особо подчеркиваю, что это превосходство из ВОЗДУХА! Вновь обращаю внимание на то, что хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска! Да и как разгрому не быть молниеносным при таком-то превосходстве?!

Когда же гитлеровцы прибегали к варианту запредельной плотности, то есть сужали ширину фронта прорыва дивизии до 2,5 км, то на каждые наши 0,136—0,17 стрелка на 1 м в обороне выпадало превосходство противника в 40—50 раз. А в пересчете на одного стрелка из плоти и крови — в диапазоне от 233 до 364 раз! Естественно, что тоже из ВОЗДУХА!

Расчет можно осуществить и по-другому. Из-за 47-километровой ширины фронта обороны нашей дивизии, но 4-километровой ширины фронта прорыва у противника выходило, что против одной нашей могли наступать до 12 дивизий вермахта (кстати говоря, в отдельных случаях соотношение сил приближалось к такому значению). В таком случае соотношение вроде бы 1:12. Однако наша дивизия в 1,81 раза уступала нормативу по численности. Следовательно, соотношение не 1 : 12, а 1 : 22. Но ведь у дивизий этого округа еще и устойчивость в обороне была понижена в 8,5—11 раз. Короче говоря, подлинное превосходство противника в таком случае получается в диапазоне от 187 до 234 раз! Как видите, и это коррелирует с первоначальным расчетом. И, прошу не

⁷¹⁸ Семидетко В.А. Истоки поражения в лоруссии // Военно-исторический журнал. 1989, №4, с. 30.

забывать, что все это превосходство из ВОЗДУХА!

Если же теперь тщательно учесть все особенности тактики таранно-штурмового пролома обороны противника вермахтом и состояния наших дивизий, то итоговое, суммарное превосходство в разных боевых ситуациях в среднем по округу-фронту оказывалось в диапазоне 285—375—446—449 раз! И все, вновь подчеркиваю, из ВОЗДУХА! Кстати говоря, то же самое превосходство, даже чуть большее, получится, если умножить 22 на 20 или 25. То есть на фактическое понижение устойчивости дивизий в обороне с учетом всех обстоятельств, указанных ранее. В итоге получим превосходство в диапазоне от 447 до 559 раз! Ну а если обобщенно по округу, то в среднем получится, что в момент начала агрессии превосходство гитлеровцев составляло 337 раз! Но, вновь обращая особое внимание, это обобщенно и в целом по округу-фронту. То есть без учета специфики конкретных ситуаций, в которых оказались те или дивизии, части и соединения. Но самое главное, что все это превосходство из ВОЗДУХА, которое, увы, мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска! Да и как разгрому не быть молниеносным при таком-то превосходстве.

А вот если учесть еще и это, а без этого, увы, никак нельзя, то тайна феерически быстрого разгрома и катастрофического поражения ЗапОВО-ЗФ откроется во всей своей неприглядной, запредельно шокирующей наготы. Отнюдь не случайно выше еще раз было указано, что группы армий вермахта в прорыв шли на фронте шириной от 100 до 150 км максимум. Это позволяло фактически предельно, а нередко и запредельно концентрировать силы на небольших участках, обеспечивая тем

самым абсолютную неизбежность пролома практически любой обороны.

§ 8. Общая ситуация в 4-й армии ЗапОВО. Причины и механизм иквального разгрома 4-й армии

4-я армия. Задача—оборона и прикрытие брестского направления. Ширина фронта обороны — формально 150 км, на самом деле 90 км, так как 60 практически были недоступны для действий противника. Кстати говоря, это не мнение автора, а профессиональное мнение военного — бывшего начальника штаба 4-й армии Л.М. Сандалова.

Силы: 1 ск в составе 4 сд, 1 мк в составе 2 тд и 1 мд, части корпусного подчинения и Брестский УР. Всего 83 тыс. чел., 600 танков, 575 пушек и гаубиц, 300 минометов, 260 противотанковых и 24 зенитных орудий. Поддержку с воздуха должна была осуществлять 10-я сад в составе трех иап, одного шап и одного бап, располагавшая 103 истребителями, 61 штурмовиком, 41 бомбардировщиком, всего 205 самолетами. Силы вроде бы немалые, однако — да пропади оно пропадом это «однако»...

Так вот это самое «однако» сводится, во-первых, к тому, что перед фронтом 4-й армии были развернуты силы 2-й Тгр и 4-й армии вермахта общей численностью 20,5 дивизии. Причем на острие главного удара было сосредоточено 8 пехотных и 4 танковых дивизии. Реже упоминают, что во втором эшелоне противника наступали еще 6 дивизий, в том числе две пехотных, одна танковая и три моторизованных.

Знало ли командование 4-й армии, а также командование ЗапОВО, какая гигантская военная машина сосредоточена конкретно против 4-й армии?! Да, знали, причем заранее, и очень даже неплохо знали. Выше об этом уже говорилось. И командование 4-й армии, и командование ЗапОВО заранее прекрасно знали, что 4-я армия находится на острие главного удара вермахта на брестском направлении. Да и сам Павлов подтвер-

дил на следствии, что своевременно знал о том, что немецкие войска подтягивались к нашей границе и, согласно донесениям окружной разведки, предполагал о возможном наступлении немецких войск. И вот при таком знании практически ничего не было сделано для того, чтобы достойно встретить врага даже сильно уступавшими немецкой группировке силами. Зато на следствии и суде Павлов уперто утверждал, что еще в начале июня месяца он отдал приказ о выводе частей из Бреста в лагерь. Коробков же его приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником. Но при этом заявил, что признает себя виновным только в том, что-де не проследил за тем, как Коробков выполнил его приказ?! Впоследствии он уточнил, что им был дан приказ о выводе частей из Бреста в лагерь еще в начале июня текущего года, и было приказано к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста. Затем уточнил, что он приказал командиру 28-го стрелкового корпуса Попову к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагерь. Попов же, как помните, впоследствии прямо указал, что вообще никаких приказов не получал. А Коробков на суде и вовсе заявил, что ничего не знал о таком приказе, что приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался, что лично он такого приказа не видел. И резюмировал свой уход в «глухой отказ» от какого-либо признания своей вины тем, что потребовал привлечь к суду Попова. Выполнение приказа о выводе частей из Бреста Павлов, по его утверждению, не проверил, а командующий 4-й армией Коробков не выполнил его. И в результате 22-я танковая дивизия, 6-я и 42-я стрелковые дивизии были застигнуты огнем противника при выходе из города, понесли большие потери и более, по сути дела, как соединения не существовали. Более того. Павлов утверждал, что отдал приказ командующим армиями привести войска в боевое состояние. И Коробков доложил

ему, что его войска к бою готовы. На деле же оказалось, что при первом выстреле его войска разбежались. Состояние боеготовности 4-й армии, находящейся в Бресте, сам Павлов, по его признанию, не проверял, поверил на слово Коробкову о готовности его частей к бою.

То же самое Павлов заявил и в отношении командира 14-го МК Оборина, которому якобы доверил приведение этого соединения в боевую готовность, но сам лично также не проверил исполнение. И в результате даже патроны заранее в машины не были заложены.

Павлов также утверждал, что непосредственно перед нападением от 4-й армии он получил сообщение о том, что-де всюду и все спокойно, войска выполняют поставленную им задачу, а на его вопрос, выходит ли 22-я танковая дивизия из Бреста, получил ответ: «Да, выходит, как и другие части». Что командующий 4-й армией Коробков доложил, что у него войска готовы к бою. Боеготовность Брестского гарнизона он обещал проверить, на что Павлов якобы указал Коробкову, что гарнизон должен быть на том месте, где ему положено по плану, и предложил приступить к выполнению его приказаний немедленно.

В конце концов Павлов договорился до того, что происшедшее на Западном фронте заставляет его быть убежденным в большом предательстве на Брестском направлении, но ему якобы неизвестен этот предатель. И в то же время умудрился заявить, что он считает предательской деятельностью действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армией Коробкова. Ибо на их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная танковая группа противника. И произошло это потому, что, по мнению Павлова, командование армии не выполнило его приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста.

Павлов охарактеризовал положение на фронте 4-й армии так. В частности, отметил, что на Брестском направлении про-

тив 6-й и 42-й дивизий обрушилось сразу 3 механизированных корпуса, что создало превосходство противника как численностью, так и качеством техники. То есть как грянул гром — сразу же обрушились 3 механизированных корпуса противника (он имел в виду танковые части)?! Проще говоря, списал на внезапность, в том числе и внезапность проявления такой концентрированной мощи, которой, к слову сказать, не имело место быть. А ведь по донесениям окружной же разведки ему было известно, на каких направлениях и в каких масштабах сосредотачивается враг.

По мнению Павлова, командующий 4-й армией Коробков, потеряв управление и, по-видимому, растерявшись, не смог в достаточной мере закрыть основного направления своими силами, хотя бы путем подтягивания на это направление 49-й дивизии. На 6-ю и 42-ю дивизии на этом же Брестском направлении противником была брошена огромная масса бомбардировочной авиации. По докладу Коробкова, эта авиация со всей тщательностью обрабатывала расположение нашей пехоты, а пикирующие бомбардировщики противника выводили из строя орудие за орудием.

Коробков же в свою очередь категорически отверг показания Павлова и наотрез отказался признать свою вину в происшедшем. Так и заявил: «Виновным себя не признаю». Но тут же облагодетельствовал себя виновным только лишь в том, что не смог определить точного начала военных действий. И тут же в качестве щита выставил тот факт, что приказ народного комиссара обороны они получили в 4.00, когда противник начал бомбить.

Согласно заявлению Коробкова, Павлов в течение 10 дней не был у него на

командном пункте. Что у него, Коробкова, была связь со всеми частями, за исключением 46-й стрелковой дивизии, которая подчинялась мехкорпусу. Что он не трус. Что он день и ночь был на своем посту. Все время был на фронте и лично руководил частями. И 3-е Управление якобы все время обвиняло его в том, что штаб армии был очень близок к фронту.

Не менее интересны и другие показания Коробкова. В частности, о том, что к исполнению своих обязанностей командующего 4-й армией он приступил 6 апреля 1941 г. 4-я армия, по сути, не являлась армией, так как она состояла из 4 дивизий и вновь сформированного корпуса. Что дивизии его армии были растянуты на расстояние 150 км. При проверке частей более боеспособными оказались 49,75 и 79-я стрелковые дивизии. Причем 79-я стрелковая дивизия ушла в 10-ю армию. 75-я стрелковая дивизия находилась на левом фланге. Боеготовность остальных частей была слаба. События развернулись молниеносно. Сдержать наступление 3 мехдивизий противника он не мог, так как его силы были незначительными и по полному исполнению ему не поступало. (Интересно получается, Павлов говорил, что против 4-й армии наступало сразу три мехкорпуса, а Коробков говорил о трех мехдивизиях; и в том и в другом случае они имели в виду танковые части вермахта.) Первые два дня начала военных действий частям 4-й армии двигаться нельзя было из-за

огромного количества самолетов противника. Буквально каждая наша автомашина расстреливалась противником. Силы были неравные. Враг превосходил во всех отношениях. Подчиненные Коробкову части подвергались непрерывным атакам крупных авиационных и танковых соединений противника. С теми силами, которые он имел, он не мог обеспечить отпор противнику. Причинами поражения частей 4-й армии он считает огромное превосходство противника в авиации и танках.

Освежив в памяти показания этих лиц, теперь можно приступить к следующему этапу анализа. Когда начинают описание боев в полосе 4-й армии, то, как правило, многие исследователи пытаются держать читателей за отпетых болванов, что по меньшей мере подпо. Дело в том, что обычно сообщают, что-де частям вермахта на этом направлении противостояли 49, 42, 6 и 75-я сд, не сумевшие выйти в назначенные им районы обороны и прикрытия?! Если они не сумели выйти в назначенные им районы, то о каком противостоянии может идти речь?! Особенно, что касается 6-й и 42-й стрелковых дивизий, а также 22-й танковой дивизии. Между прочим, в 6 ч. 40 мин. 22 июня Коробков докладывал командующему Западным фронтом, что «42, 6, и 75-я стрелковые дивизии *выходят* в свои районы, о 49-й дивизии и данных нет... 22-я танковая дивизия под артогнем в беспорядке вытягивается в свой район. Самолеты противника. .. бомбили Пружанскую дивизию, результаты неизвестны»⁷¹⁹. Врал Коробков и сознательно вводил в заблуждение комфронта Павлова. Потому что как первые две дивизии могли выходить в свои районы, если предварительно катастрофически пострадали от первых авианалетов и артобстрелов, в результате чего разрозненно вступили в очаговые бои. Это не есть организованное противостояние супостатам и уж тем более не есть организованный выход в назначенные районы обороны. Что подтверждает своими воспоминаниями и бывший начальник штаба 6-й сд 28-го СК полковник А.М. Игнатов. Он ясно и однозначно указал, что по казармам дивизии и по домам командного состава был открыт ураганный огонь противника, и одновременно заградительный огонь по мосту в центральной части крепости и по ее воротам. Такому же артиллерийскому налету подверглись и те батальоны дивизии, которые находились на границе на строительных работах. В результате личному и ко-

мандному составу дивизии, а также частям 42-й сд было нанесено не только колоссальное поражение в живой силе, но воспрещен их маневр внутри крепости и выход из нее. М.А. Игнатов прямо так и написал, что «как результат, только одиночным бойцам и командирам удалось выйти, остальные все были уничтожены на месте спящими»⁷²⁰. И это по донесению Коробкова «дивизии выходят в свои районы»?! В результате такого «выхода в свой район»... вперед ногами из едва уцелевших, крайне малочисленных остатков 6-й сд были созданы три небольшие группы. В дальнейшем без взаимодействия друг с другом они отступали, ведя оборонительные бои на случайных рубежах.

Комментарий. Как уже было указано выше, во время суда Коробков не признал себя виновным. Ну и, как говорится, черт с ним, потому что, как еще убедимся, расстреляли его на абсолютно законных, полностью аргументированных основаниях. Оставшиеся же, слава богу, в живых ветераны Великой Отечественной войны, которые имели несчастье накануне и в самом начале войны служить под началом Коробкова, без малого полвека назад своими воспоминаниями, а по сути-то, свидетельскими показаниями однозначно доказали колоссальную вину не только Коробкова, но и в целом командования 4-й армии, а также ЗапОВО. Итак, в данном случае свидетельствуют:

1. Сергей Сергеевич Шиканов. В июне 1941 г. — лейтенант, командир пулеметной роты 125-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии.

«Числа 20 мая получил приказ выехать с ротой на полигон в Южный городок для проведения боевых стрельб из станковых пулеметов. Начальником сборов пулеметчиков был назначен майор Семен Капитонович Дородных (погиб весной 1943 г. в лесах Брестчины. — *АИИ*, командир 84-го стрелкового полка. На этот раз на полигоне были все три пулеметные роты 125-го стрелкового полка. Мы занимались обычной боевой подготовкой, но в каждой роте держали *по три боекомплекта на пулемет*, а все офицеры имели при себе топографические карты.

В городе я жил на квартире вместе с начальником боепитания техником-интендантом 2-го

⁷²⁰ Сандалов Л.М. Боевые действия 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. М., 1961, с. 26—27.

⁷¹⁹ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 1.

ранга Федором Ивановичем Шмелевым, моим хорошим другом. ...Примерно за мадам до войны, он оговорил меня:

—Сергей, придется боеприпасы сдать на склад.

—Ты что, очумел?!

— Нет, выполняю приказ. Вот, полюбуйся, — Федя показал мне распоряжение штаба дивизии.

—Пусть сдадут, а я не буду.

—Смотри, тебе видней. Я тебе как другу говорю, а так—пойдешь к командиру полка.

Проходит день, второй. Креплюсь, не сдаю боеприпасы. Вызывает меня командир полка,

— Ты почему не выполняешь распоряжение штаба дивизии?

— А у меня свой комбат есть, командир полка, они прикажут * сдам, — схитрил я в ответ.

— Ну, ты без дипломатии, — смягчился командир.—Чтобы сегодня боеприпасы были сданы. Об исполнении доложить.

—Есть!

Боеприпасы сдали, а вместе с этим сдали и топокарты.

В субботу, 21 июня, я приказал старшине получить на роту две тысячи патронов к понедельнику на очередные стрельбы. На заре 22 июня под грохот канонады, освещенные заревом пожаров в крепости, мы простились с Федей, и каждый ушел своей дорогой в войну— через крепость, а я через Брест...»⁷²¹

Дополнительный комментарий. Что означает это свидетельство? Оно означает, во-первых, что за неделю до 22 июня, то есть числа 15 июня, проще говоря, когда уже была дана команда на выдвижение в сторону границы, в стрелковые дивизии в Бресте был спущен приказ сдать боеприпасы! Отдать такой приказ могли только Коробков и Павлов, точнее, Павлов, а затем Коробков. Большие некому! Штаб дивизии самостоятельно такие вопросы не рискнул бы решить. Во-вторых, это же свидетельство означает, что, судя по структуре его текста, уже числа 18 - 19 июня, то есть когда была дана первая команда о приведении передовых частей в боевую готовность, что означало также и необходимость выдачи на руки полного комплекта боеприпасов этим частям, штаб дивизии подавлением сверху упорно осуществлял реализацию команды на сдачу боеприпасов на склад. Одновременно, между прочим, со сдачей топографических карт, что в свою очередь означает почти полное ослепление сухопутных частей. Военные априори не могут действовать и планировать свои действия без топографических карт. Это их самый главный путеводитель.

⁷²¹ Воспоминания С.С. Шиканова цит. по:

Буг в огне. Минск, 1965, см: [tsh1ega.nb.ru/teto/roz\\$1ap/\\$b1-i8_u_одаe/blex.b!t1](http://tsh1ega.nb.ru/teto/roz$1ap/$b1-i8_u_одаe/blex.b!t1)

В-третьих, приведенное свидетельство ценно еще вот чем. Пулеметные роты входили в состав батальонов стрелковой дивизии. Всего в стрелковой дивизии РККА того периода было 9 таких рот (по три в полку). В каждой роте — по 12 пулеметов «максим». Итого — 108 «максимаз» в пулеметных ротках одной стрелковой дивизии. Или как минимум 216 станковых пулеметов в двух дивизиях Бреста — 6-й и 42-й.

Боекомплект «максима» (на «образец вооружения») состоял из «носимого» и «возимого» боекомплекта (б/к). Один б/к на «максим» составлял 8 пулеметных лент по 250 патронов в каждой. Итого — 2000 патронов (одна лента снаряжается в одну коробку). Носимый «б/к» составлял 4 коробки к пулемету на расчет из двух бойцов, что составляло 1000 патронов. Итого — три б/к (очевидно, именно это и имел в виду Шиканов) к «максиму» составляли как минимум 3000 шт. патронов, которые хранились при пулеметах в оружейных казармах. Следовательно, для 12 пулеметов в роте хранилось как минимум 36 000 шт. патронов! В одном ящике хранилось 880 патронов к «максиму» (7,62-мм винтовочные патроны по 440 шт. в двух «цинках», размещенных в одном ящике). Следовательно, в роте хранилось несколько десятков ящиков с патронами. С учетом потребности в патронах для личного оружия бойцов — примерно 50 ящиков патронов! Эти патроны из казарменных оружейек были сданы на склад, и командир этой конкретной роты 6-й стрелковой дивизии Бреста получил 21 июня только около 2000 патронов. А это, не падать со стула, всего пара ящиков и один «цинк». Причем на целую пулеметную роту, в которой, напомним, 12 пулеметов. То есть по 166²/₃ патрона на пулемет. Скорострельность «максима» — 600 выстрелов в минуту. Так что теперь читатели и сами могут посчитать, на сколько секунд боя им хватило бы такого «запаса» патронов. Да еще и остались без топографических карт. Вот такой без преувеличения предательский приказ поступил из штаба 6-й дивизии. Однако едва ли это была «художественная самодеятельность» комдива. Такой приказ мог последовать, подчеркиваю это особо, только сверху — таковы правила распоряжения боеприпасами. Зная все это, сами сделайте вывод о том, во что реально превратилась оборона Брестской крепости.

Короче говоря, приведенное выше свидетельство есть прямое доказательство умышленно осуществленного непосредственного ослабления мобилизационной и боевой готовности упомянутых частей, их способности к отражению агрессии. А учитывая, что эти дивизии упорно сознательно держали в Брестской крепости, вследствие чего они прямо в первые же мгновения агрессии понесли колоссальный урон, прежде всего в живой силе, то совокупность этого дает все основания категорически утверждать, что

имело место сознательное предательство, развившееся в умышленной подставе этих частей п<и> абсолютно неминуемые разгром и уничтожение. Что, кстати говоря, полностью подтверждается как озвученными еще накануне войны мнениями военнотружущих этих частей, так и их категорическим выводом уже после начала войны. А ведь какой огромный урон проклятым гансам и фрицам могли нанести 216 пулеметов «максим», будь эти дивизии вовремя выведены из крепости и полностью обеспечены боеприпасами. Как минимум две пехотные дивизии вермахта они точно «угомонили» бы навсегда в течение только одного дня. То есть примерно 33 тысячи поганых фрицев было бы отправлено к гитлеровской матери навсегда. То есть по 153 нацистских гада на пулемет, что есть абсолютно посильная задача для каждого пулеметного расчета. Увы, предатели из числа армейского командования не дали такой возможности.

2. Евгений Михайлович Синковский. В июне 1941 г. — майор, начальник оперативного отделения штаба 28-го стрелкового корпуса.

«...Во второй половине дня 21 июня было закончено командно-штабное учение по теме: «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды». Штаб 28-го стрелкового корпуса сосредоточился на командном пункте, в районе Жабинки. Меня вызвал к себе командир генерал-майор В.С. Попов. Когда я пришел к нему в палатку, здесь был и начальник штаба полковник Г.С. Лукин. Взглянув на меня, генерал сказал:

— Товарищ майор! Я и начальник штаба уезжаем в Брест. Штаб остается здесь. Дайте людям отдохнуть, а завтра с рассветом, если не получите каких-либо других указаний, ведите штаб на артполигон для участия в учении.

— Оборону штаба на ночь организуйте по боевому расписанию, — добавил начальник штаба.

Минут через десять—пятнадцать после того, как я получил эти приказания, машины генерала и полковника, сверкнув в лучах заходящего солнца, скрылись за кустами у поворота дороги на Брест.

...Почему командир корпуса и начальник штаба уехали в Брест, а штаб оставили здесь, в Жабинке? Может быть, поднимут 6-ю и 42-ю стрелковые дивизии хотя бы по учебной тревоге и выведут их в районы сосредоточения?

...Среди многих условий, снижавших боеготовность 28-го стрелкового корпуса, вопрос о дислокации 6-й и 42-й стрелковых дивизий был наиболее важным. Части переходили на новую штаты, перевооружались, не были полностью укомплектованы, привлекались на строительство оборонительных сооружений вдоль границы. Но к началу войны из числа всех забетонированных дотов с гарнизонами, оружием и боеприпасами было около 20 процентов, а полностью готовых полевых позиций ни одна

из дивизий, входивших в состав 28-го стрелкового корпуса, не имела. И все же, несмотря на такое большое количество недостатков, сильно снижавших боеготовность корпуса, последний мог создать на километр фронта достаточную плотность обороны и оказать серьезное сопротивление врагу при условии своевременного развертывания 6-й и 42-й стрелковых дивизий.

Вскоре после сообщения ТАСС от 14 июня я был в крепости в 333-м стрелковом полку. Вместе с командиром полка полковником Д.И. Матвеевым были в подразделениях. Шла обычная боевая учеба. Во время перерыва нас окружили бойцы, задавали вопросы. Один из них, обращаясь к Матвееву, спросил:

— Скажите, товарищ полковник, когда нас выведут из этой мышеловки?

Матвеев что-то отвечал, говорил о сообщении ТАСС, но чувствовалось, что бойцы не были удовлетворены ответом, они имели свое мнение о целесообразности размещения их полка в крепости.

Командование 28-го стрелкового корпуса учитывало всю опасность размещения двух дивизий в крепости. Учебными тревогами было установлено, что для вывода их в районы сосредоточения требуется до 6 часов времени. *Возбудили ходатайство перед командованием 4-й армии и округа о разрешении вывести дивизии из крепости. Разрешения не последовало.*

Подготовка штабов проходила как-то однобоко, без учета обстановки на границе. Казалось бы, задача корпуса ясна — прикрытие границы, оборона. Конечно, это не означало, что корпус не нужно готовить к активным действиям, но в данной конкретной обстановке представлялось более нужным тренировать штабы в управлении войсками в сложных условиях внезапного нападения сильного противника.

...Только что (прямо накануне войны. — А. М.) закончилось командно-штабное учение по теме: "Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды", а на завтра, после показа новой техники, было намечено учение по теме: "Преодоление второй полосы укрепленного района". Две темы наступательного характера и ни одной, связанной с конкретной обстановкой и задачами. Очень сильна была уверенность, что воевать будем только на территории врага.

...О том, что война не за горами, говорили все. Командный состав Брестского гарнизона пытался эвакуировать свои семьи в глубь страны, но это запретили. Сверху шли указания: провокациям не поддаваться, огня не открывать.

...Шел шестой час (утра. — А. П.), когда с запада начал приближаться гул моторов и вскоре появились фашистские бомбардировщики. Бомбили станцию Жабинка, наш командный пункт. Отбомбились, ушли. В штабе корпуса двое ра-

нено. На командный пункт заехал заместитель начальника штаба армии полковник Кривошеев. Он был в Бресте у генерала Попова в тот момент, когда начался обстрел. Едва генерал успел объявить боевую тревогу, как оборвалась связь.

...А авиация противника бомбит, бомбит, бомбит. Бомбы сыпятся на продолжающие отходить 6-ю и 42-ю стрелковые дивизии, на танки 22-й дивизии, на войска, готовящие рубеж обороны у Жабинки, на командный пункт штаба корпуса, на Московское шоссе, по колоннам грузовиков с эвакуируемым из Бреста имуществом, по бесконечным вереницам беженцев. И нечем наказать воздушных бандитов. Ни авиации, ни зенитной артиллерии.

Первый день войны подходил к концу. Части 28-го стрелкового корпуса, 22-я танковая дивизия отошли к рубежу Жабинка — Радваничи. Южнее, на рубеже Пожежин — Черск, продолжала обороняться 75-я стрелковая дивизия. Части корпуса понесли большие потери. ...За восемнадцать часов, прошедших с начала войны, части корпуса отошли от государственной границы на 20—30 километров.

...Около 22 часов был получен приказ командующего 4-й армии — на рассвете 23 июня силами 28-го стрелкового корпуса и 14-го мехкорпуса нанести удар в Брестском направлении и выйти к государственной границе (об этом преступном приказе и о том, что за ним последовало, будет сказано ниже. — А. М.)... С 24 часов ход подготовки проверяли командующий и член Военного Совета армии. Большую часть этой ночи я провел в 6-й стрелковой дивизии. Был и в 333-м стрелковом полку. И снова ходили с Матвеевым по подразделениям, теперь сильно поредевшим, усталым. Еще не улеглось возбуждение, вызванное всем пережитым в течение дня. Слышны тихие разговоры. И как тогда в крепости, бойцы окружили своего командира. Посыпались вопросы. Здесь я впервые услышал от солдат страшные слова: «измена», «предательство». Враг мог использовать эти разговоры для подрыва веры солдат в своих командиров. Ответы на такие вопросы должны были быть глубокими, все разъясняющими. А где найти ответ на такой вопрос, если и командиров порой мучают такого же рода сомнения. Где наши самолеты? Почему так мало танков? Почему запретили эвакуацию семей? Почему не вывели нас из крепости? Даже госпиталь оставили фашистам. А вы знаете, товарищ полковник, что они сделали с больными и ранеными, находившимися в госпитале? Всех перебили. А помните, товарищ полковник, разговор перед войной о крепости-мышеловке? Захлопнулась она, эта мышеловка, мало нас оттуда вырвалось. Что ответишь?»¹²²

¹²² Воспоминания Б.М. Синковского цит. по: Буг в огне. Минск, 1965, см.: t1sh1era.nb.ru/teto/P1881ap/5b_5i8_u_o^ne/1p^ex.B1sh1

Дополнительный комментарий. А это свидетельство означает следующее. Во-первых, и по-простому корпус упорно готовили к немедленному встречно-лобовому контрнаступлению по факту нападения противника! Вот оно, конкретное проявление незаконно, негласно и неофициально осуществленной, по сути дела, преступной подмены официального плана отражения агрессии на преступный же «безграмотный сценарий» вступления в войну, который упорно протаскивала «киевская мафия»! К тому же проявление, которое реализовывалось, в сущности, преступными мерами, особенно если учесть невывод 6-й и 42-й сд из крепости, невыдачу боеприпасов, а наоборот, их отбирание и сдачу на склад, причем даже вместе с топографическими картами. Причем именно тогда, когда уже были даны команды на приведение передовых частей в боевую готовность и их вывод в полосы обороны в приграничной зоне, на экстренную передислокацию штабов округов на фронтовые КП и тд. Проще говоря, когда обстановка накалилась до предела, а вся флора и фауна местности, а также местное население, агентура и перебежчики буквально орали во всю глотку, что вот-вот польхнет война.

Во-вторых, это свидетельство есть прямое доказательство умышленного совершенного Павловым и штабом округа злостного преступления, выразившегося в разрешении командирам частей и соединений увольнение и выезд к семьям. В переводе на язык военной прокуратуры это означало фактически полную иммобилизацию частей и обнуление даже тени намека на их боевую готовность к отражению агрессии, которая начнется с минуты на минуту, о чем командованию округа было хорошо известно. Еще раз напоминаю, что это было сделано не просто в самый последний мирный день, а тогда, когда уже были даны команды на приведение передовых частей в боевую готовность и их вывод в полосы обороны в приграничной зоне, на экстренную передислокацию штабов округов на фронтовые КП и тд., когда обстановка накалилась до предела, а вся флора и фауна местности, а также местное население, агентура и перебежчики действительно буквально орали, что вот-вот, на рассвете 22 июня польхнет война. Вина Павлова и штаба округа в этом очевидна. Но не менее очевидной должна быть и вина комкора-28 Попова. Ведь он же прекрасно знал обстановку на границе, прекрасно знал по донесениям пограничников, что творят супостаты и когда они собираются напасть. И тем не менее спокойно воспользовался разрешением на увольнение и смылся из корпуса. Только и остается удивляться, каким это образом его не «замели» по делу Павлова, по которому он прошел только в статусе свидетеля...

В-третьих, это же свидетельство есть очередное и также прямое доказательство злостного упертого, абсолютно преступного отношения ко-

мандования всех уровней к вопросу о выводе дислоцированных в крепости дивизий. Ведь даже учениями было доказано, что для их вывода по тревоге необходимо было не менее шести часов. Тем не менее командование армии и округа, как отпетые преступники, стояли на своем, что привело к тяжелейшим последствиям. Комкор-28 Попов даже и не попытался хотя бы в минимуме воспользоваться своими правами и поднять под видом выхода на очередные учения хотя бы одну дивизию. А ведь военнослужащие открыто спрашивали, а, по сути дела, уже требовали вывести их из мышеловки под названием Брестская крепость. И потому нет ничего удивительного в том, что уже вечером 22 июня на командование посылались вопросы, в которых главным рефреном были слова «измена» и «предательство». Полагаю, что уважаемый ветеран еще смягчил свое описание. После того, что произошло с частями в Брестской крепости на рассвете 22 июня, простые солдаты и низовой командный состав куда в более резкой форме ставили вопросы с таким рефреном.

В-четвертых, помните, выше детально анализировалось вранье Павлова насчет того, что у него УРы были лучше всех подготовлены. И вот вам очередное доказательство того, что он нагло врал даже на следствии: «...К началу войны из числа всех забетонированных дотов с гарнизонами, оружием и боеприпасами было около 20 процентов, а полностью готовых полевых позиций ни одна из дивизий, входивших в состав 28-го стрелкового корпуса, не имела. И все же, несмотря на такое большое количество недостатков, сильно снижавших боеготовность корпуса, последний мог создать на километр фронта достаточную плотность обороны и оказать серьезное сопротивление врагу при условии своевременного развертывания 6-й и 42-й стрелковых дивизий». То есть дислоцировавшийся фактически на самой границе 28-й стрелковый корпус пребывал в состоянии сильно сниженной боевой готовности! Вот что означает это свидетельство уважаемого ветерана. Ну, а что касается того, что-де, по мнению уважаемого ветерана, корпус что-то там мог, то, миль пардон, что он смог бы, если даже командование корпуса спокойно бросило подчиненные ему части и уехало отдыхать в момент самого что ни на есть наивысшего накала обстановки? Так что мог-то он, возможно, и мог, только ведь вопрос в том и состоит, что смог при таких обстоятельствах, в том числе и при наличии спокойно отдыхающего командования, изъятии боеприпасов, топографических карт и невыводе дивизий из мышеловки? Кровавое утро 22 июня показало, что не смог и ни при каких обстоятельствах не смог бы, если в корпусе была такая ситуация, каковой ее описал уважаемый ветеран. А постоянно рассчитывать на голый героизм, мужество и

стойкость русского солдата, эвентуально не подкрепляя их соответствующими и необходимыми действиями командования, — не только просто подло, но и преступно.

В-пятых, любопытно это свидетельство уважаемого ветерана и тем, что невзначай он показал, что простые солдаты и низовые командиры вовсе не обманулись по поводу истинного предназначения Заявления ТАСС от 13/14 июня. Он же ведь ясно написал, что именно после этого солдаты прямо спросили командира полка, когда их выведут из мышеловки. А это не могло быть случайностью. Трезвое здравомыслие простых солдат, тем более находящихся на границе, тем более в таких условиях, сразу же вынудило их поставить такой вопрос. Они-то поняли, что к чему, а командование по-прежнему упорно осуществляло преступную политику.

В-шестых, ценно свидетельство уважаемого ветерана и тем, что он ясно показал, во что обошлись предвоенные преступления командования округа, армии и корпуса. Не было ни авиации для прикрытия, — она была частично разгромлена на земле, частично начала без приказа смываться в глубь территории, да к тому же усилиями командующего ВВС округа генерала Копца еще и была распылена между армиями округа прямо по утрам 22 июня, — ни зенитной артиллерии, которая прямо накануне войны пошла учиться на полигоны по приказу Павлова, ни танков, у которых не было в достатке горючего, также изъяты боеприпасы, а в некоторых частях танки и вовсе стояли на колодках!

3. Федор Афанасьевич Остащенко, Герой Советского Союза. В июне 1941 года — полковник, заместитель командира 6-й Орловской Краснознаменной стрелковой дивизии по строевой части.

«В Брест я прибыл в октябре 1940 года. При знакомстве с частями соединения удручающее впечатление произвело скученное размещение личного состава. ...Невозможно было понять, почему неприкосновенные запасы всех видов создаются в подвалах пограничной крепости.

На первом же совещании у командира дивизии я поднял вопрос о перемещении неприкосновенных запасов. Ответа не получил. В феврале 1941 года обратился к командиру 28-го стрелкового корпуса генералу В.С. Полову. Мое предложение он категорически отверг на том основании, что подыскать более удобные хранилища не представляется возможным.

В марте прибыл новый командир 6-й стрелковой дивизии полковник М.А. Палсуй-Шалко. Вместе с начальником штаба полковником А.М. Игнатовым и заместителем начальника отдела политической пропаганды полковым комиссаром Г.С. Пименовым мы поставили волновавший нас вопрос более настойчиво; к этому времени стало известно о

большом сосредоточении немецких войск у иеших границ, однако результатов и на этот раз не добились.

К нашему большому удивлению **в апреле** из Березы-Картузской в крепость перешла 42-я стрелковая дивизия.

До сих пор остается непонятным, почему командующий войсками округа запретил выводить из крепости части и подразделения в лагеря, тем более, что в апреле наш лагерь был полностью подготовлен к приему личного состава. Это была непростительная ошибка, за которую пришлось расплачиваться ценой больших жертв (увы, но это была не непростительная ошибка, а сознательная, упертая позиция, направленная на подставу дислоцировавшихся в крепости войск под неминуемый же стокий разгром.—А М.).

...Обстановка с каждым днем становилась все более тревожной. Семьи некоторых командиров начали покидать город... Но вскоре поступило категорическое распоряжение Военного Совета армии, запрещающее выезд семей.

...Нам, командирам и политработникам дивизии, с каждым днем становилось все очевиднее, что война вот-вот разразится. Полковой комиссар Г.С. Пименов обратился в Военный Совет округа с письмом, в котором докладывал о создавшейся на границе обстановке. К сожалению, Военный Совет округа не принял во внимание доводы Пименова, более того, его сочли паникером • ... Вспоминается разговор с Григорием Сергеевичем после его обращения в Военный Совет округа:

— Я, кажется, влип, — невесело сказал он. — Нам не верят, и, видимо, теперь мне придется ждать смещения, если не произойдет что-либо похуже.

— **Но ведь это похоже на предательство!**

— Нет, тут не предательство, —* возразил Пименов. — Просто они не знают истинной обстановки, успокаивают себя договором с Германией (увы, но Пименов был неправ — они не то чтобы вовсе не знали истинной обстановки и потому успокаивали себя договором с Германией, они просто не желали ее знать, чему выше уже были приведены соответствующие доказательства.—А М.).

Известное опровержение ТАСС нас удивило (ничего сверхъестественного в том, что удивило, конечно же, нет, поскольку знавший истинную цель этого Заявления ТАСС Генштаб не считал возможным хотя бы в минимуме сориентировать командование округов и армий об истинном предназначении этого политического шага Советского правительства. — А. М.). **Что немцы изготовились к нападению, нам было известно из многих источников, в том числе и от перебежчиков из-за Буга.** Они сообщали, что в Бяла-Подляске и в Янув-Подляском

сконцентрированы крупные силы танков, созданы огромные бензохранилища. В июне, особенно со середины месяца, над нашей территорией ежедневно летали немецкие самолеты-разведчики, причем на очень низкой высоте, однако сбивать их запрещалось.

Непонятна пассивность командования армии в самый канун войны, 21 июня, когда начали действовать диверсанты и были выведены из строя электросеть, водопровод, прервана связь с частями и штабом округа. Генерал-полковник Л.М. Сандалов в своей книге "Пережитое" **сообщает**, что об этих фактах было поставлено в известность командование округа.

А что предпринял сам штаб армии? Буквально ничего. Он действовал по принципу: как прикажут сверху, так и сделаем. А ведь можно было провести ряд неотложных энергичных мер с целью повышения мобилизационной готовности войск армии: приказать командирам 6-й и 42-й дивизий провести рано утром вне крепости смотр частей; за ночь подтянуть к Бресту побатальонно, с полной боевой выкладкой подразделения, находившиеся на строительстве; объявить тревогу по штабам дивизий.

Как это ни странно, в такой ответственный момент руководители армии нашли возможным вечером 21 июня побывать в театре и на концертах в Бресте и Кобрине. Бездейственность и догматизм командарма А.А. Коробкова и командующего округом Д.Г. Павлова привели к гибели большого числа наших воинов...»⁷²³

Дополнительный комментарий. Ну, а это свидетельство другого уважаемого ветерана ценно прежде всего тем, что содержит непосредственное, прямое, полностью обоснованное обвинение Павлова, Коробкова и Сандалова в том, что они сознательно запрещали выводить дивизии из Бреста в июне 1941 г., сознательно оставили дивизии в Бресте. По сути дела, на убой. И ничего не предприняли даже в рамках своих полномочий, чтобы хотя бы чуть-чуть минимизировать отчетливо и ясно вырисовывавшиеся крайне негативные последствия пребывания в крепости дивизий в случае внезапного нападения. Особый вес этому свидетельству придает то обстоятельство, что оно прозвучало из уст заместителя командира 6-й стрелковой дивизии, то есть старшего командира этой дивизии, который не понаслышке знал положение дел! И совершенно справедливо он привел свои еще довоенные слова о предательстве вышестоящего командования, хотя затем слегка и смягчил их. Не нужно было этого делать. Предательство требует того, чтобы оно так и было бы обозначено как предательство. Нечего тут

⁷²³ Воспоминания Ф.А. Осташенко цит. по: Буг в огне. Минск, 1965, см.: т. III (га. III). ги/тето/ ш\$1ап/\$ь_биг_у_о'пе/т(lex.b№11

было смягчать. Ведь все, что он написал, есть прямое доказательство именно умышленного предательства. Чего же тут было смягчать?! Особенно, например, в части, касающейся перевода в апреле 1941 г. 42-й сд непосредственно в Брестскую крепость. К тому времени уже почти год шла тихая «война» между командованием 4-й армии и ее частей и соединений и командованием округа за разгрузку крепости, потому как она являла собой понятную даже младенцу мышеловку. Чуйкова за это «ушли». Коробков, приняв армию, попытался было решить проблему, но и ему дали по мозгам. Командиры и политработники других уровней также пытались поставить этот вопрос ребром. Рядовые солдаты тем более прямо задавали вопрос о том, когда же их выведут из этой мышеловки. Но им в лучшем случае не довелось услышать вразумительного ответа, а в худшем — объявляли паникерами. Чем кончилась эта тихая «война», прекрасно известно — кровавой трагедией сразу трех дивизий. И никакого другого вывода, кроме того, что это было форменное предательство, из воспоминаний уважаемого ветерана сделать невозможно. Он более чем ясно показал это.

Единственное, что удивляет в этой истории с Брестской крепостью, 6-й и 42-й сд, так это то, каким образом комкор, генерал-майор В.С. Попов, которому и подчинялись стрелковые дивизии в Бресте, ушел от ответственности. По делу Павлова он прошел в качестве свидетеля. В сентябре 1941 г. он уже был назначен заместителем командующего 50-й армией. С февраля 1942 г. по апрель 1944 г. командовал войсками 10-й армии. В июне 1942 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. С мая 1944 г. и до конца войны генерал-полковник Попов В.С. — командующий 70-й армией на 1-м Белорусском и с 19 ноября 1944 г. — на 2-м Белорусском фронтах. Кто его так «крышевал»?.. Свидетельства других ветеранов, служивших перед войной в ЗапОВО, в частности, в 4-й армии, см. ниже.

Врал Коробков и о 75-й стрелковой дивизии. Как отмечал в частной записке от 28 июня 1941 г. одному из своих сослуживцев комдив 75-й сд генерал-майор Невдигин, его дивизия попала под первый удар противника *разрозненными группами*¹²⁴. Это называется она «выходила в свой район»? Соответственно как она могла нормально противостоять противнику?! Ведь приведенное свидетельство не со стороны — это личное свидетель-

ство самого комдива-75! Нет никакой возможности не верить его свидетельству, тем более что оно изложено в частной записке.

Комментарий. А как им было не попасть под первый удар противника именно разрозненными группами, если командный и политический состав именно 21 июня был отпущен по домам на выходные?! В особо угрожаемый период, когда все и вся уже просто орали, что на рассвете следующего дня произойдет нападение?! И это в дивизии, которая была выдвинута к границе?

Свидетельствуют ветераны:

1. Иван Степанович Ткаченко. В июне 1941 г. — начальник отдела политической пропаганды 75-й стрелковой дивизии, бригадный комиссар.

«В начале мая 1941 года наша дивизия получила приказ о переходе из города Мозырь к границе — в район Малориты под Брестом. Полки двигались походным порядком. На новом месте два стрелковых полка — 34-й и 28-й Краснознаменный разместились поблизости от границы в районе Медна, Домачево, 115-й стрелковый полк и штаб дивизии — в Малорите. Артиллерия и слесачи расположились поблизости от этих пунктов.

...21 июня 1941 года. Обычный субботний день. Командиры и политработники отпущены по домам, к семьям...»⁷²⁵

Дополнительный комментарий. Это очевидная прямая констатация преступного характера «разрешения» Павлова. В результате в момент начала агрессии войска остались без управления. Ну, а что из этого вышло — надо полагать, говорить особой нужды нет.

2. Захарий Терентьевич Бабаскин. В июне 1941 г. — майор, командир 235-го артполка 75-й стрелковой дивизии. Как было установлено уже в наше время, это был гаубичный артиллерийский полк.

«...Подразделения полка расположились лагерем в роще севернее местечка Малориты. Мой наблюдательный пункт был оборудован на высоте Тэра Медвежья», наблюдательные пункты командиров дивизионов и батарей располагались вместе с наблюдательным пунктом погранзащиты на берегу Буга. Огневые позиции полка находились между недостроенных дотов, тянувшихся вдоль реки.

Обстановка на границе была тревожной. Каждую ночь мы слышали взрывы на том берегу. Как выяснилось позже, гитлеровцы готовили

⁷²⁴ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 147.

⁷²⁵ Воспоминания И.С. Ткаченко цит. по: Буг в огне. Минск, 1965, см.: t551an/3Б_Би§_y_08ne/t<1ex.Ып1

спуски к реке; за двое-трое суток до их нападения наша разведка обнаружила подтянутые к берегу замаскированные переправочные средства.

20 июня в лагерь полка приезжал командующий армией генерал-майор А.А. Коробков. Я доложил ему о поведении немцев. Выслушав, он сказал: «Нужно усилить бдительность. Будьте готовы ко всяким неожиданностям». Привели нас в боевую готовность. Однако снарядов у нас было мало — четверть боекомплекта; не лучше обстояло дело и с горючим. Пополнение, которое принимал в эти дни полк, не обученное. 21 июня... беспокоили тревожные сообщения командиров дивизионов.

Как только гитлеровцы начали артподготовку, я выехал в штаб дивизии за получением задачи. Генерал-майор С.И. Недвигин на коротке отдал приказ — обороняться до последнего снаряда... Вскоре командиры дивизионов доложили, что осталось лишь десять снарядов...»⁷³⁸

Дополнительный комментарий. Обращает на себя внимание тот факт, что насчет усиления бдительности и готовности ко всяким неожиданностям Коробков нашел возможность сказать эти банальности. Но приехав в дивизию, которая выведена ближе к границе, ничего не сказал о боевой готовности, хотя уже была санкция на приведение передовых частей в боевую готовность. Ведь уважаемый ветеран не сказал, что дивизионы были приведены в боевую готовность именно по приказу Коробкова. И ветеран правильно сделал. Коробков нигде, ни в одной из подчиненных ему частей, ни в одном взводе не объявлял боевой готовности. И уж тем более ничего Коробков не сказали даже не подумал распорядиться насчет выдачи боеприпасов и горючего, хотя директива от 18 июня именно это и имела в виду. Так и приняли первый бой эти дивизионы, имея на руках четверть боекомплекта, хотя снарядов в округе было хоть отбавляй. К тому же при остром дефиците горючего (которого в округе также была уйма), что, по сути дела, равносильно отсутствию полного боекомплекта, потому что это был гаубичный полк. А гаубицы — орудия очень тяжелые, и их перемещение осуществлялось только с помощью механизированных транспортных средств.

Просто «восхитительно*» упоминание командиром полка того обстоятельства, что как только суетасты начали артподготовку, он выехал в штаб дивизии за получением задачи. В переводе на язык Уголовного кодекса это означает умышленное самоустранение под «благовидным предлогом» от командования вверенным ему полком в боевой обстановке. И это словосочетание не случайно поставлено в кавычки. Ибо это его при-

знание означает, что никакой, даже элементарной, проработки задач полка в случае нападения противника заблаговременно не имело место быть! Иначе какого же хрена он в 4 утра рванул в штаб дивизии?! Если уж совсем примитивно, то командир полка под благовидным предлогом дезертировал, бросив на произвол судьбы свой полк. А что касается комдива-75, то генерал-майор Недвигин даже ради профанации ни в коей мере не извещал своих подчиненных о том, что они должны делать и как и что оборонять в случае нападения. То есть ни старый план прикрытия, ни новый, якобы план обороны государственной границы, а на самом деле просто слегка переписанный старый план прикрытия не были доведены до сведения командира полка в части, касавшейся его полка.

Ну и не менее «восхитительно» заявление комдива Недвигина «обороняться до последнего снаряда». И это при том, что в дивизионах полка была всего четверть боекомплекта?! В таком случае ничего удивительного в том, что многие батареи полка погибли...

Странным образом — возможно, что это результат реальных происков военной цензуры, — ветеран не упомянул, что именно в находившемся под его командованием 235-м гаубичном артполку 75-й стрелковой дивизии 4-й армии ЗапОВО, по свидетельству бывшего вычислителя В.Е. Козловского, в четверг, 19 июня, все имевшиеся оптические приборы были изъяты и увезены в Минск на поверкуTM. То есть пот остался без панорам, буссолей, теодолитов и даже без стереотруб. А ведь 235-й ГАП еще на зимних контрольных стрельбах получил высокую оценку. Так вот и спрашивается, его что, нарочно полностью ослепили, чтобы он не смог доказать свою высокую боеготовность и боеспособность в конкретных боях по защите Родины?

Вопрос не случайно поставлен именно так резко — «нарочно полностью ослепили?». Во-первых, потому, что следует обратить особое внимание на одно обстоятельство. 19 июня в этом полку изъяли всю оптику, а 20-го приказал Коробков и потребовал усилить бдительность и быть готовым ко всяким неожиданностям. Боевую же тревогу он не объявлял. Так что же, выходит, что специально приказал в этот полк, чтобы убедиться, что его приказ об ослеплении гаубичного артиллерийского полка выполнен?! Так, что ли, надо понимать его визит в этот полк?! К тому же в одной из батарей этого полка, в чем еще убедимся, была изъята половина орудий якобы для ремонта, а часть личного состава, владевшего сложной техникой, была отправлена на учебу в училище. Соответственно можем расширить вопрос. Так что же, выходит,

⁷²⁶ Воспоминания З.Т. Бабаскина цит. по: Буг в огне. Минск, 1965, см.: шЛкега.ИБ.ги/шешю/гш\$1ап/\$Ъ_Би^у_p8пе/1пёех.Бип1

⁷²⁷ Факт приводится по: Егоров Д. Июнь 1941-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 42.

что Коробков специально прикатил в этот полк, чтобы убедиться, что его приказ об ослеплении, обезоруживании гаубичного артиллерийского полка и изъятии части квалифицированного, владевшего сложной техникой личного состава выполнен?! Так, что ли, надо понимать его визит в этот полк?!

Во-вторых, резкость обусловлена еще и тем, что согласно «Руководству службы» оптических приборов гаубиц те же прицелы («панорамы Герца») отвозят в мастерские только в случае реальной физической поломки конкретного прицела. При этом наводчику устроят хорошую взбучку за поломку оптического прибора, но тем не менее сразу же выдадут новую панораму. То же самое произойдет и в случае поломки теодолитов с буссолями. Но сразу все оптические приборы во всем полку, тем более гаубичном, не изымает. Ибо это означает в прямом смысле слова ослепление артиллерийского полка, тем более гаубичного. Такое может быть осуществлено только сознательно, умышленно и только учитывая, что речь идет о гаубичном артиллерийском полке, который был выведен ближе к границе в особо угрожаемый период, пускай и в порядке так называемого «боевого дежурства», что, кстати говоря, и было на самом деле, только в предательских целях. Тут дипломатничать особо не приходится — это было действительно настоящее преступление в предательских целях.

Уважаемый коллега Д. Егоров, из книги которого позаимствован этот факт, расценил этот случай как **идущийую нелепую накладку**?! Впрочем, и к другим подобным фактам он относится примерно так же. Увы, увy, и еще раз, увy, коллега Д. Егоров. Это не накладка, пускай даже и дичайшая и нелепая, по вашим словам. Можете думать об авторе этих строк что угодно, но, учитывая, что подобное имело место и в ПриОВО, и в ЗапОВО и, по некоторым, ныне проверяемым данным, в КОВО тоже, это уже реальная система мер по сведению фактически к нулю мобилизационной и особенно боевой готовности войск к отражению агрессии! Это система мер по подставе войск под неминуемо неизбежный разгром! Потому что изъять всю оптику из артиллерийского полка, тем более гаубичного, в особо угрожаемый период можно только умышленно и в предательских целях. Потому как, во-первых, вся полковая оптика не должна изыматься одновременно. Если есть нужда в ремонте, то это в артиллерийских частях делается на месте, прямо в полках. А если это было сд елано, тем более в момент, когда уже была известна дата нападения, а войска выводились не только в районы прикрытия, но и уже вводились в приграничную зону, то это уже сознательно совершено тяжкое преступление, направленное на обнуление мобилизационной и боевой готовности

такого полка, Кому нужны гаубицы, если нет их оптики?! Как стрелять-то, если огонь гаубичной артиллерии навесной и без оптики стрельбу ведем фактически невозможно?! **Во-вторых**, изъятие **ВСЕЙ** оптики у гаубичного артиллерийского полка, который на контрольных стрельбах показывал высокие результаты, волей-неволей наводит на мысль о том, что изъятие было осуществлено именно для того, чтобы этот полк не показал бы столь же высокие результаты в конкретных боевых действиях. **В-третьих**, огонь гаубичной артиллерии навесной и позволяет в реальной боевой обстановке отсечь пехоту от танков, а также нанести мощный артиллерийский удар в глубине боевых порядков противника. Соответственно, обнуление мобилизационной и боевой готовности гаубичного артиллерийского полка за счет изъятия всей его оптики может означать лишь одно — это оказание непосредственного содействия противнику в беспрепятственном проломе советской системы прикрытия и обороны. Тем более, что не только оптику изъяти, но еще и, в чем убедимся, половину орудий, а также часть личного состава, владевшего сложной техникой. Житаяая же, что это произошло в 235-м гап 75-й сд 4-й армии ЗапОВО, то есть той самой армии, которая должна была прикрывать Брестское направление и которая, увy, уже с 9 часов утра 22 июня перестала существовать как единый армейский организм (мы еще и в этом с горечью убедимся), то вывод может быть только один. То был преступный, предательский умысел об изъятии оптики, орудий и части квалифицированного личного состава этого гап. Вывод не только окончательно обоснованный, но и, подчеркиваю, единственный. Ну, а в целом, что касается 7541 дивизии, то она благополучно утопила в болотах всю оставшуюся материальную часть — куда еще было девать никому не нужные без оптики гаубицы...

Помните, еще в первом томе приводилась краткая выдержка из сообщения одного из агентов германской разведки из СССР, в которой говорилось, что советская авиация и танковые части к началу войны окажутся совершенно неподготовленными к боевым действиям??* Этот агент должен был бы добавить **еще аналогичные слова и об артиллерии, средствах ПВО и АД. Ведь в германские генералы даже в мемуарах не смогли скрыть своего изумления по поводу того, что советская артиллерия на первых порах в основном молчала.**

А вот выложенные на сайте «Я помню» воспоминания другого ветерана из этого же полка, Б.М. Овещко: «Наши путь лежал в 75-ю Стрел-

¹¹ Вишинёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001, с. 66. Вишинёв в свою очередь ссылается на внимательно изученные им материалы Политического архива МИД ФРГ, где хранятся подобные документы, и приводит соответствующие ссылки на германские архивные источники.

ковую Дивизию, которая входила в состав 4-й Армии Белорусского Особого военного округа. В Мозыре часть состава разгрузили, а нас направили дальше, в 235-й ГАП, стоявший в военном городке рядом со станцией Козинки. Всех новобранцев выстроили на плацу и первым делом приказали выйти из строя тем, кто имеет десятиклассное образование. Их направляли на службу в 1-ю батарею 1-го дивизиона, в ней нужно было служить три года вместо двух лет, и с этой батареи демобилизация происходила только после получения звания "младший лейтенант". Об этом мы уже прознали, и я решил не выходить из строя...

Я был направлен в 3-ю батарею 1-го дивизиона 235-го гаубичного полка (235-й ГАП) стрелковой дивизии, которая имела по штатному расписанию в своем составе также 68-й легкотяжелый артиллерийский полк. В нашем гаубичном полку были на вооружении 122-мм гаубицы, образца 1910—1930 годов. В дивизионах по три батареи из четырех орудий в каждой. Батареи во 2-м и 3-м дивизионах были на механизированной тяге — тракторах "Комсомолец". А в нашем, 1-м дивизионе, орудия были на конной тяге...

Был получен приказ о выходе на запад, к государственной границе. К границе выдвигались все три стрелковых полка дивизии — 28-й, 34-й и 115-й, наш 235-й ГАП и 68-й ЛАП. В первые же дни похода нам выдали боекомплект, приказали всем заполнить "смертные" медальоны, зашить их в карманы гимнастерок, чтобы они всегда были с собой. К границе части дивизии перемещались разными способами и путями. Построили свой лагерь по всем правилам. Поставили большие палатки — 4х4 м, сделали линейно, посыпали дорожки гравием. О какой-либо маскировке мы не беспокоились. Этот палаточный военный лагерь стали называть Домачевским. В нем мы переночевали всего одну ночь, а утром, 2-я и 3-я батареи сделали последний бросок к границе и расположились на окраине небольшого пограничного местечка (городка) Домачево, которое находилось на пограничной реке Буг. Население Домачева было почти чисто еврейским...

...Топо-вычислительное отделение отвечало за маскировку ДЗОТов, за нанесение их месторасположения на планшет, и за определение секторов обстрела. Нам часто придавали красноармейцев из других отделений. Они копали и привозили дерн для покрытий, но завершающая часть работы была нашей. Отвечал за нее лично я. Мы нередко слышали одиночные артиллерийские выстрелы в нашу сторону. И хоть разрывы снарядов были где-то далеко в поле, и нам, артиллеристам, было ясно, что идет систематическая пристрелка целей на нашей территории...

А тем временем на каждой батарее по два орудия из четырех забрали на ремонт, а де-

шать рядовых бойцов и сержантов, имевших образование в 10 классов, отправили на учебу в военное училище... Многих оставшихся это удивило, ведь граница совсем рядом, а у нас забирают людей и орудия...

В субботу 21-го июня, вечером, к нам приехал командир полка Захар Терентьевич Бабаскин, тогда майор, и, на общем построении дивизиона, приказал завершить все работы, так как с 23-го июня наше расположение займет 2-й дивизион полка, который уже выехал из Малориты, а наш, 1-й, туда передислоцируется.

Учебных стрельб мы не проводили, огневые позиции не сооружали. Наши пушки вообще стояли на колодках после перехода к границе. К наступлению или к отражению нападения немцев мы явно не готовились. Я вообще не понимал, для чего мы там, и к чему готовимся... Нападение действительно получилось внезапным и застало нас врасплох...»⁷²⁹

Комментарий к свидетельству БЖ Овецкого. И это свидетельство уважаемого ветерана (ныне проживающего в Израиле) исключительно ценно. Прежде всего следующим. Во-первых, Овецкий ясно показал один из вариантов прямых провокаций гитлеровского командования на открытие советскими частями ответного огня. В данном случае речь идет об одиночных артиллерийских обстрелах советской территории. Вот тут действительно была нужна особая бдительность и выдержка, ибо если бы советские артиллерийские части ответили, то всю вину за развязывание войны супостаты взвалили бы на СССР. И иди потом доказывай, что это был всего лишь ответный огонь. Ведь запросто могла случиться ситуация, аналогичная той, в результате которой и «горячие финские парни», и вся либерально-демократическая сволота от Истории, и уж тем более западные мерзавцы восьмой десяток лет кряду обвиняют СССР и лично Сталина в том, что-де они якобы умышленно обстреляли деревушку Майнила, списав это на происки финской военицины, вследствие чего и развязали войну против маленькой, беззащитной Финляндии. И ведь ни хрена всей этой сволоте не докажешь, что не СССР, а именно Финляндия устроила эту провокацию, что подтвердил в своих мемуарах сам фюрер Финляндии К.Г. Маннергейм. Так что Сталин не зря требовал не поддаваться на провокации.

Во-вторых, наиболее ценным в этом свидетельстве уважаемого ветерана является то, что у выведенного к границе дивизиона гаубичного артиллерийского полка забрали якобы в ремонт половину всех орудий — по два с каждой батареей (учитывая, что в дивизионе было три батареи по

⁷²⁹ Воспоминания Б.М. Овецкого приводятся по: Б^{^^}/1гешешБег.П/аП111еп\$11/оуе15к1у-Боп8-тожееУисб.Ыт

четыре орудия в каждой, то выходит, что шесть, сиречь ровно половину, забрали). Да еще в этом же полку изъяли всю оптику. Добавьте к этому еще и факт отправки на учебу из состава батареи 10 красноармейцев, имевших 8—10 классов образования, и перед вами отнюдь не святая, но троица фактов злоумышленного, преступного ослабления мобилизационной и боевой готовности конкретной части в особо угрожаемый период.

Спору нет, иногда и ремонт нужен, и учить надо, потому как всегда нужен резерв командиров. Но почему именно в батарее дивизиона полка, находящейся, как и весь полк, а также дивизион, у границы, и личному составу которого уже было приказано заполнить так называемые «смертные медальоны» и зашить их в гимнастерки, что уже открыто означало, что командование ожидает в самое ближайшее время нападение противника, надо было забирать якобы на ремонт половину орудий, изымать всю оптику из полка, также якобы на ремонт, а часть квалифицированного, владевшего сложной артиллерийской техникой личного состава отправлять на учебу?

Если ко всему этому еще добавить, что, по признанию Овецкого:

— в их дивизионе и батарее учебных стрельб не проводили,

— огневых позиций не сооружали,

— орудия батареи вообще стояли на колодах после перехода к границе,

— о маскировке вообще не беспокоились, хотя только 19 и 20 июня были даны две директивы НКО и ГШ о маскировке, одна из которых имела расширительный характер и касалась в том числе и артиллерийских частей,

— к наступлению или к отражению нападения немцев ни батарея, ни дивизион, ни, естественно, полк явно не готовились,

— личный состав так и вовсе не понимал, зачем их вывели к границе и к чему его готовят,

то едва ли кто-либо оспорит категорический вывод о том, что выше была приведена полномасштабная картина натурального предательства, ориентированного на подставу собственных войск под неминуемые разгром и уничтожение в первые же мгновения неумолимо грядущей агрессии и тем самым открытия фронта врагу под так называемым объективным предлогом. Мол, внезапное нападение, не успели... И ничего другого. И ведь именно так и оправдывались первое время...

И потому нет ничего удивительного, что, по признанию уважаемого ветерана, нападение действительно получилось внезапным и застало его часть (и не только ее) врасплох. Но это уже в свою очередь есть прямое доказательство того, что даже в последние часы перед нападением никто ни о чем никакие части не предупреждал. Тем более о нападении. Ни заранее, ни даже в ночь на 22 июня. А ведь на следствии и суде Павлов уве-

рял, что сразу после 1.00 ночи 22 июня, то есть после разговора с Тимошенко, он обзвонил армии и дал команду привести их в «боевое состояние». Такова подлинная цена лживым утверждениям «невинной жертвы сталинизма».

Воспоминания Б.М. Овецкого любопытны еще и другим. Со ссылкой на своего друга — Илью Деревяцкого, служившего радистом в 246-м отдельном зенитном артиллерийском дивизионе в Северном военном городке Бреста, — Овецкий поведал, что стоявший рядом с 246-м отдельным зенитным артиллерийским дивизионом гаубичный полк, имея 32 пушки калибра 152-мм, не предпринял никаких мер по маскировке, и все пушки этого артполка и трактора—тягачи «ЧТЗ» были разбиты уже в первые минуты войны. Аналогичное произошло и с одной батареей зенитного дивизиона, где служил Деревяцкий — она находилась прямо на линии границы и погибла вместе с орудиями сразу после нападения».

А это очередное свидетельство того, что на всех уровнях маскировкой преступно пренебрегали. Хуже того. Открыто игнорировали даже директивы НКО и ГШ по вопросам маскировки, которых, напоминаю, только за 19—20 июня было две штуки, одна из которых имела максимально расширительный характер и касалась в том числе и артиллерийских частей.

Ну, а как прикажете расценивать тот факт, что даже после директивы от 18 июня гарнизоны ДОТов не только не были приведены в боевую готовность (как, впрочем, и другие части и соединения), но даже никто не подумал о выдаче им оружия, боеприпасов и продовольствия, что судя по всему, в ЗапОВО вообще было повальным явлением. Вот свидетельство бывшего командира взвода, младшего лейтенанта (в 1941 г.) Александре Карповича Шанькова. В июне 1941 г. позиция его взвода была у селения Орля. Там же находился и ДОТ его взвода. Посмотрите, что он вспоминал: «Почти весь апрель 1941 года личный состав находился неотлучно в дотах. Оружие очистили от зимней смазки, в сооружения завезли боеприпасы и продовольствие. Но в начале мая поступил новый приказ, и гарнизоны были выведены из дотов. Бойцов вновь поселили в казарме примерно в километре от сооружений, офицеры вернулись к семьям. Продовольствие, патроны и снаряды возвратили на ротный склад. При этом снаряды обильно смазали пушечным салом для длительного хранения. Таким образом, к началу войны в огневых точках не было ни продовольствия, ни боеприпасов, кроме нескольких ящиков патронов в доте караульного взвода. С нападением гитлеровцев занимать доты пришлось под огнем. Это вызвало большие потери. Из 18 солдат и сержантов моего взвода в дот пробрались

только 5, потом прибежали еще три пограничника. Я был девятым. За снарядами, патронами и продуктами бойцы ползали на ротный склад уже в ходе боя»⁷³¹. Уж и слов-то более нет, чтобы комментировать подобные свидетельства...

◆Ф*

Врал Коробков и о 22-й танковой дивизии. Начать хотя бы с того, что ее состояние если и не было аховым, то, по меньшей мере, весьма близким к этому. Потому что, будучи формально почти полностью укомплектованной по штату (10 тыс. чел), она имела 4,5 тыс. чел. совершенно необученного пополнения. Танковый парк дивизии составляли сильно изношенные Т-26, участвовавшие еще в боях с Финляндией. Обновление танкового парка намечалось только к концу лета 1941 г. Обладая новыми 122-мм пушками-гаубицами, 22-я тд не имела средств мехтяги. К тому же, по воспоминаниям бывшего начальника штаба 22-й тд полковника А.С. Кислицына, какая-то сволочь из штаба 4-й армии за две недели прислала совершенно секретную инструкцию и распоряжение об изъятии боекомплекта из танков и хранении его в складе НЗ⁷³².

*ФФ

Комментарий. Как выясняется, штаб 4-й армии всего лишь транслировал соответствующий приказ штаба округа об изъятии боеприпасов из танков и передаче их на склады. Так что главная сволочь, что устроила это, сидела именно в штабе ЗапОВО. Свидетельствует ветеран войны:

Виктор Андреевич Рожиятовский, бывший офицер штаба 22-й танковой дивизии, капитан (службу проходил в Южном городке Бреста): «...Близость фаницы требовала повышенной бдительности. Мы, офицеры штаба 22-й танковой дивизии, понимали обстановку и делали все от нас зависящее, чтобы повысить боевую готовность частей. Была составлена документация выхода по боевой тревоге и доведена до личного состава. Полки проходили обучение в подвижных лагерях.

⁷³¹ Воспоминания А.К. Шанькова приводят-ся по: Буг в огне. Минск, 1965, см.: tsh1ega.nb.by/esho/tsh81ar/5b_bu8_y_08pe/n/lex.b1m1.

⁷³² ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 371.

Помню, в одной из разведывательных или оперативных сводок, полученных незадолго до начала войны, говорилось, что немцы мобилизовали все лодки, имеющиеся у местного населения приречных районов, стягивают их ночью к берегу и маскируют. Говорилось и о том, что они усиленно строят деревянные плоты по побережью Западного Буга. Я, как начальник оперативного отделения, докладывал командиру дивизии содержание сводок. И однажды пытался высказать свои соображения. Было бы целесообразно с профилактической целью, не нарушая хода боевой подготовки, вывести дивизию и расположить лагерь на некотором удалении, в условиях, где можно быстро изготовиться к бою. Генерал дал мне понять, что свои соображения я могу оставить при себе. Тогда, в период культа личности, не принято было высказывать мнение по таким вопросам. Все осталось по-старому. Больше того, один из полков к 21 июня возвратился из лагерей. Таким образом, 22 июня все подразделения дивизии были на месте (то есть в Южном городке Бреста.—А. М.).

Никто из нас не знал, когда начнется война. Между тем почти каждый день приносил нам какую-нибудь неприятную новость, которая напоминала о близости врага. По ночам появлялись подозрительные лица, наблюдавшие за жизнью в городке, за расположением объектов. Каждая новая оперативная или разведсводка говорила об усилении активности гитлеровцев на границе.

В частях дивизии улучшили воспитательную работу. Объявили решительную борьбу с болтливостью. Чаше обычного стали проверять несение караульной службы и службы суточного наряда. В этом участвовали не только командиры частей и подразделений, но и командиры штаба.

На воскресенье, 22 июня, был запланирован показ новой техники. Накануне, в субботу, вне всякого плана командир корпуса провел в дивизии строевой смотр...

...Наша дивизия нанесла бы несравненно большие потери фашистам, если бы танки имели боеприпасы. Однако перед войной поступило распоряжение *штаба Западного Особого военного округа*, запрещающее хранение боеприпасов в машинах. Боеприпасы предписывалось сложить в обитые железом ящики и сдать на склад. А для того чтобы боеготовность "не снижалась", на каждом ящике с боеприпасами надлежало написать номер машины. Абсурдность такого распоряжения была очевидна. Никто у нас не сомневался в том, что гитлеровцам известно расположение наших складов, в том числе артиллерийского. И это подтвердилось с жестокой неумолимостью в первые же часы войны. Экипажи танков не очень охотно выполняли распоряжение

о сдаче боеприпасов. Возможно, поэтому на некоторых машинах оказались снаряды»^{73*}.

Комментарий к воспоминаниям Рожнятовского. Во-первых, насчет культа личности Сталина уважаемый ветеран изрядно загнул. Разве Сталин вдавливал команду дивизии столь тупо подлое отношение к ситуации на границе? Разве Сталин давал команду, чтобы нижние чины по малкивали в тряпочку и не высказывали своего мнения по животрепещущим вопросам обороны Родины вышестоящему командованию? Зачем же надо было нести такую чушь? Скорее всего, не уважаемый ветеран такое ляпнул, а «безнадежные балбесы» из партийно-военной цензуры вписали такую фразу или видоизменили то, что в рукописи написал ветеран. Увы, но сейчас уже не проверить, что да как было написано в оригинале. Во-вторых, более всего привлекает внимание то обстоятельство, что по свидетельству уважаемого ветерана накануне войны из штаба ЗапОВО поступило распоряжение о запрете хранения боеприпасов в танках и необходимости их сдачи на склад. А ведь директивой НКО и ГШЕ от 15 мая 1941 г. официально было разрешено хранить боекомплекты непосредственно в танках^{73*}, и никто эту директиву не отменял. Кстати говоря, черт их знает, в каких целях было дано это разрешение. Проще говоря, это разрешение, судя по всему, должно было стать одним из элементов реализации «безграмотного сценария» вступления в войну методом немедленного встречно-лобового контрнаступления/контрблицкрига, замысел которого упорно протаскивал дуэт Тимошенко—Жуков, и сердцевиной которого была ударная роль именно танковых частей (наряду с авиацией). Но сугубо по формальным признакам это разрешение носило характер как бы одного из компонентов повышения боевой готовности войск, в данном случае танковых. Таким образом, та самая сволочь из числа командования округом, которая умышленно дезавуировала директиву Центра на этот счет, фактически действовала сугубо в противоположных целях — в целях понижения мобилизационной и боевой готовности танковых войск округа. Более того. Здесь обязательно следует вспомнить, что согласно единственному официальному плану отражения агрессии на танковые войска возлагалась одна из серьезнейших задач — помочь стрелковым частям выбивать вклинившегося в нашу оборону противника. Следовательно, та самая сволочь, которая потребовала выгрузить боезапас из танков и сдать его на склады, не только обладала большими властными полномочиями в округе, а круг этих лиц очень узок — либо Пав-

лов, либо Климовских, в крайнем случае, но с их же санкции, заместитель Павлова по автоброне-танковым войскам округа, —ной прекрасно понимала, к чему в любом случае может привести этот запрет. То есть эта сволочь, подчеркиваю, действовала совершенно сознательно, умышленно и преследовала сугубо предательские цели. В том числе, судя по всему, цель определенного содействия так называемому пассивному открытию фронта за счет заблаговременной иммобилизации и снижения боеготовности танковых частей, которые должны были помогать стрелковым частям выбивать вклинившегося в систему советской обороны противника. Но если тот, кто должен это делать, иммобилизован и небоеспособен, то стрелковые части, тем более в подавляющем большинстве лишенные артиллерии, которая накануне войны по приказу Павлова пошла учиться на полигоны, долго не продержатся и фронт советской обороны будет прорван. Именно так все и происходило после рассвета 22 июня.

Разве все эти факты не дают прямых оснований сделать вывод об умышленном предательстве со стороны прежде всего командования округа?! Ведь такие приказы о снятии вооружений, изъятии боекомплектов и сдаче их на склады в НЗ, о слитии бензина, о постановке танков на консервацию, изъятии оптики и орудий в полках гаубичной артиллерии и т.д. непосредственно накануне войны могли быть отданы в первую очередь самим (командующим) командованием округа. Или как минимум с их одобрения. И ведь произошло это в особо угрожаемый период. А учитывая повсеместный характер таких случаев, то выходит, что это даже не только система мер по сведению фактически к нулю мобилизационной и особенно боевой готовности войск к отражению агрессии в целях их подставы под неминуемо неизбежный разгром! Это уже преступный сговор а этих же целях, который, к глубочайшему сожалению, имел место быть в РККА!

Командование 22-й тд еще с апреля имело в разработанном виде:

- план подъема дивизии по тревоге,
- приказ на марш в район сосредоточения,
- таблицы вытягивания колонн,
- схемы радиосвязи на марше и телефонной связи в районе сосредоточения,
- схемы регулирования на маршрутах движения,
- даже два маршрута движения.

^{73*} Воспоминания В.А. Рожнятовского цит. по: Буг в огне. Минск, 1965, см.: шШ1ега.НБ.ш/тето/ш\$\$1ап/\$b Ыи"у_о"пе/пдех.11(т1

⁷³⁴ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005, с. 213.

Казалось бы, если и не все отлично, то по крайней мере не так уж и дурно. Но, увы, была одна коварная закавыка. «Было категорически запрещено озна- комить с содержанием разработанных документов даже командиров полков и дивизионных частей. Заблаговремен- ное оборудование командных пунктов в районе сосредоточения дивизии и ее ча- стей также было запрещено»⁷³⁹. А за- прет исходил от командования 4-й армии, которое в свою очередь исходило из ана- логичного запрета командования округа. Так вот и попробуйте теперь хотя бы са- мим себе честно объяснить, как 22-я тд должна была выходить в свой район со- средоточения, если командиры полков ни- чего толком не знали?! Как части этой ди- визии должны были занять оборону, если у них не было даже заранее оборудован- ных командных пунктов, проще говоря, у командиров этих частей не было реальной возможности толково руководить боем?!

Ну и, наконец, несколько вообще ошеломляющих перлов. Во-первых, ко- мандир 14-го МК генерал-майор Оборин 21 июня приехал в 22-ю тд и устроил там внеплановый строевой смотр, хотя тан- кисты были смертельно усталыми, так как вернулись с полевых занятий. Вме- сто того чтобы отдать хоть какие-нибудь распоряжения о приведении дивизии в боевую готовность, ничего умнее не при- думал, как устроить всем внеплановый строевой смотр?! Самое подходящее вре- мя нашел!..

+*+

Комментарий. Свидетельствует **Иван Ва- сильевич Кононов**. В июне 1941 г. — полковник, заместитель командира 22-й танковой дивизии.

«...21 июня 1941 года. Суббота. Командир 14-го мехкорпуса генерал-майор С.И. Оборин, заканчивал проверку боевой подготовки частей дивизии, приказал генералу В.П. Путвинову:

— Немедленно постройте дивизию. Про- ведем строевой смотр.

⁷³⁵ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л117—И 8. Цит по: Рунов Д. 1941. Пер- вая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 294—295.

— Но один полк только что вернулся с поле- вых занятий, — пытался возразить Пуганов.

— Вот и хорошо, посмотрим, как быстро уме- ете приводить себя в порядок.

— По плану сегодня нет строевого смотра.

— Проведем без плана.

Делать нечего, надо готовить дивизию к смо- тру. В 16.45 под звуки духового оркестра полки дивизии маршировали, как говорится, независи- мо от обстановки за Бугом.

Командир корпуса остался доволен. Уезжая, сказал:

— 22 июня по приказу командарма на по- лигоне проведем показ боевой техники для командного состава армии. Подготовить все как следует...»⁷³⁶

Через несколько часов Оборин лично убедился, во что обошлась его преступная дурь, помноженная на преступную дурь командарма-4 Коробкова. Только в 3 ч. 30 мни. Коробков отдал приказ о приве- дении этого корпуса в боевую готовность. И пока находившийся в Кобрине штаб корпуса приводил себя в боевую готов- ность, в течение первого же часа войны он потерял 80 % от своей штатной чис- ленности⁷³⁷. Оставшиеся 20 % не могли уже обеспечить соответствующего уровня командования, тем более что очень силь- но пострадал и приданный ему батальон связи.

**◆

Комментарий. Командир 14-го мехкорпу- са генерал С.И. Оборин (1892—1941). «Утром 25 июня генерал-майор С.И. Оборин после лёг- кого ранения “эвакуировался” в тыл; затем он самовольно покинул фронт и 6 июля прибыл в Москву, где через два дня был арестован в своей квартире»⁷³⁸. Арестован 8 июля 1941 г. Пригово- рен Военной коллегией Верховного Суда СССР 13 августа 1941 г. к исключительной мере на- казания. Расстрелян 16 октября 1941 г. «Реаби- литирован» 11 января 1957 г. «Невинная жертва сталинизма»? Да уж, столь «невинная», что про- бу ставить негде. Только за одну «самоволку» с

⁷³⁶ Воспоминания И.В. Кононова приводятся по: Буг в огне. Минск, 1965, см.: t1Ш1ega.HЪ.т/ тешо/ш881ап/зЪ_Би^_у_обпе/тс1ex.ЫШ11

⁷³⁷ ЦА МО РФ. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 6. Л. 84.

⁷³⁸ Гончаров В. Генерал Павлов—портрет на фоне катастрофы. В сборнике «Великая Отече- ственная катастрофа П». М., 2007, с. 184.

фронта, тем более командиру такого ранга, — уже полагалось суровое уголовное наказание. Об остальном и говорить не приходится.

Во-вторых, командиру 22-й тд было приказано, не объявляя боевой тревоги, привести ее в боевую готовность! А самое главное, когда был отдан такой приказ? В 3 ч. 30 мин. 22 июня, когда уже посыпались первые бомбы и разорвались первые снаряды гитлеровской артиллерии! И заметьте также, что боевой задачи дивизии не было поставлено. И даже через три часа после начала нападения, когда из штаба армии, наконец, привезли в дивизию пакет с упоминавшимися выше документами, то есть тот самый «красный пакет», дивизии вновь не была поставлена боевая задача. Через три часа после нападения — это приблизительно в промежутке от 6 ч. 30 мин. до 7 ч. утра по местному времени. Между тем уже в 6 ч. 40 мин., как отмечалось выше, Коробков сообщил Павлову, что-де 22-я тд хотя и в беспорядке, но вытягивается в свой район. Но как она могла вытягиваться в свой район хоть в порядке, хоть в беспорядке, если командованию этой дивизии аккуратно только в это время доставили из штаба 4-й армии пакет с необходимыми документами?! А ведь командованию дивизии, ее полков и соединений еще надо было ознакомиться с этими документами, дабы уяснить, что и как им делать. Надеюсь, теперь окончательно понятно, как Коробков врал?!

А итогом этого вранья Коробкова и преступных действий Оборина было следующее. После 9 часов утра 22 июня лишь остатки танковых полков 22-й тд — менее 100 танков — вышли в район сосредоточения⁷³⁹.

Комментарий. Кстати говоря, нахождение «красного пакета» этой дивизии в штабе армии —

уже нарушение. Он должен был храниться в особо охраняемом сейфе штаба дивизии. Так было предусмотрено директивой ГШ и НКО. А попутно этот факт еще является подтверждением того, что запрет на ознакомление с документами исходил от командования 4-й армии, которое, как «собака на сене», держало «красный пакет» дивизии в штабе армии. Но если на этот факт взглянуть с жестко принципиальной стороны, то получается следующее. «Красный пакет» дивизии находился в штабе армии, потому что вложенные в него документы не были утверждены самим штабом армии. Тот в свою очередь не мог их подписать, так как командованием и штабом округа не были утверждены армейские планы, на которых базируются документы «красного пакета». А те, уже в свою очередь, не могли подписать и утвердить ни армейский, ни окружной план, потому что последний был с опозданием представлен в ГШ, который его так и не рассмотрел и соответственно не утвердил. Как в известной сказке — дедка за репку, бабка за детку, детка за бабу и т.д. Только, в отличие от прекрасной сказки, в которой в итоге общими усилиями удалось вытащить репку, в этом случае ничего подобного не случилось. Потому что фактически объективно была создана ситуация не менее объективного алиби для командования всех уровней округа.

♦

В одном только Коробков не солгал. В том, что 22-я тд начала свой выход с места постоянной дислокации под артобстрелом и в беспорядке. При выходе погибли командир дивизии, начальник ее штаба и начальник политотдела дивизии. Самая дивизия понесла большие потери, так как действовала разрозненными группами, большая часть которых была еще на марше. В результате, оставшись без командования и соответственно управления, понесла серьезные потери, уже к середине дня 22 июня дивизия начала отход.

Практически аналогичное положение было и в 30-й тд (Пружаны, Брестской области), хотя по отдельным аспектам даже хуже. Вот каким реально было состояние этой дивизии по воспоминаниям бывшего начальника ее штаба, полковника (в июне 1941 г.) Николая Николаевича Болотова: «...В 30-й танковой дивизии некоторые командиры, сержанты и рядовые бойцы имели опыт войны в Финляндии. Дивизия находилась в процессе формиро-

⁷³⁹ Андроников Н.Г., Калачев И.Г., Краснов И.И. и др. *История военного искусства. М., 1956, с. 190.*

вания, а прибывший из запаса личный состав только проходил одиночную подготовку. Хуже было с материальной частью, так как даже танков Т-26 был некомплект. Предполагали получить танки Т-34, но, к сожалению, они не поступили. Артиллерийский полк имел орудия, но не было тягачей, полностью отсутствовали зенитные средства. Боеприпасы хотя и имелись согласно нормам, но склады располагались на большом расстоянии от места постоянной дислокации дивизии...»⁷⁴⁰

Увы, но и ветеран не все вспомнил. Например, то, что трудно здравым умом понять, как можно было направить безграмотных, не владевших русским языком узбеков, казахов, туркмен и киргизов, которые и трактор-то видели издали, в танковую дивизию?! А ведь они составляли основную массу рядового состава этой дивизии. Что толку-то от такой дивизии? Этим новобранцам что одиночная подготовка, что коллективная — увы, но как мертвому припарка. И разве может быть удивительным то, что и эта дивизия тоже понесла большие потери уже 22 июня и в тот же день начала отход на восток, а все ее попытки организовать оборону на промежуточных рубежах не увенчались каким-либо успехом⁷⁴¹.

Комментарий. И вновь не могу не заострить внимание читателей на приведенном факте, поскольку он не первый и далеко не последний на такую тему, что опять вынуждает заподозрить систему. Зачем в войска Первого стратегического эшелона, тем более в армии, части и соединения непосредственного прикрытия направляли, тем более накануне неминуемой войны, абсолютно необученное молодое пополнение, к тому же из числа безграмотных, не владеющих русским языком узбеков, казахов, туркмен и прочих сынов степей и гор?! Да, они были такими же гражданами СССР, как и русские или украинцы, или бело-

русы. И, естественно, на них также распространялись обязанности гражданина СССР по защите Родины. Но ведь это же не должно было означать, что, никак не обучив даже в минимуме — они не различали даже команды налево или направо, — надо согнать их в приграничную зону. Зачем же была сделана такая подлость? Формально штаты соединений пополнили. Но кем? Необученной, едва управляемой толпой молодых людей, которые не понимают по-русски и не знают, как обращаться с оружием, а уж с танком и подавно. Для чего была нужна такая подлость?

А не для того ли, чтобы при первых же выстрелах они разбежались бы и фронт был открыт как бы «естественным» образом, что можно было списать на неустойчивость молодого необученного пополнения в обороне?! Ставить вопрос именно так вынуждает именно то обстоятельство, что подобное пополнение имело место не только в ЗапОВО, но и в ПриОВО, и в КОВО. Причем именно в частях прикрытия и передового базирования. Добавьте к этому пополнение передовых сухопутных частей прикрытия ненадежными уроженцами западных областей Украины и Белоруссии, подавляющая часть которых также разбежалась при первых же выстрелах. Добавим сюда постановку на стык Западного и Прибалтийского округов-фронтов более чем ненадежного литовского корпуса, который также разбежался, едва только раздалась первая выстрелы. Суммировав все это, не так уж и трудно будет понять одну из причин даже не столько того, каким образом супостаты так легко прорывали нашу оборону и в кратчайшие сроки очень глубоко вклинивались на советскую территорию, сколько другое. Понятна будет и сама «технология» вполне «естественного» открытия фронта врагу, вследствие чего он так легко и проникал на советскую территорию, при изумительной возможности для советского командования списать это на неустойчивость в обороне необученного (молодого) пополнения. Ведь только за период с 22 июня по 10 октября 1941 г. только особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей, сознательно дезертировавших с поля боя или бежавших с фронта, подавшихся всеобщей панике. Но по каким бы причинам это ни происходило, главное состояло в том, что образовывались гигантские бреши в системе советской обороны, через которые враг врвался и, круша все на своем пути, рвался вперед, пользуясь своей мобильностью.

Ранее неоднократно уже упоминалось, что фуппа армий вермахта в прорыв шла на фронте шириной от 100 до 150 км (в зависимости от конкретного ТВД). Так вот, если исходить из линейной плотности 1 боец на 1 метр линии обороны, то сбежавшие с поля боя 657 364 воен-

⁷⁴⁰ Воспоминания Н.Н. Болотова приводятся по: Буг в огне. Минск, 1965, см.: tПкега.НБ.ги/тешо/ги851ап/5Б_Би5_у_обпе/1Пс1ех.Ыш1

⁷⁴¹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977445. Д. 67. Кор. 23298. Л. 10—14. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 296—297.

нослужащих означают, что был открыт фронт шириной в 657,364 км!!! Это без малого ДВАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ ОТ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ЛИНИИ ВТОРЖЕНИЯ ВЕРМАХТА — ОНА СОСТАВЛЯЛА 3375 км. Если исходить из 150 км ширины их фронта прорыва, то в такую брешь могли спокойно пройти ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ ГРУППИРОВКИ АРМИЙ ВЕРМАХТА!!! Если исходить из 100-километровой ширины фронта прорыва для группы армий вермахта, то выходит, что хотя и локоть в локоть, но в такую дыру спокойно могли пролезть ШЕСТЬ С ПОЛОВИНОЙ ГРУППИРОВОК АРМИЙ ВЕРМАХТА!» А их всего-то было три.

И что из того, что за один раз дыра шириной 657 км никогда не образовывалась? На войне достаточно маленькой щелочки в системе обороны, чтобы, нащупав ее, враг мог проникнуть в глубь обороны. А затем, окружив обороняющихся с тыла, устроить им или «котел» как с массовым пленением, так и с массовым уничтожением, вплоть до поголовного, или заставить драться либо в ситуации перевернутого фронта, либо в полном окружении до полного уничтожения, и т.п.

Короче говоря, подобное использование пополнения накануне войны больно уж сильно смахивает на сознательное претворение в жизнь одного из неотъемлемых элементов реальной системы мер по сведению фактически к нулю мобилизационной и особенно боевой готовности войск к отражению агрессии! Подчеркиваю, что речь идет сугубо о сознательном действии. Потому как понимало вышестоящее командование, что это не пополнение, а балласт. Дело в том, что вслед такому пополнению в политотделы частей и соединений назначали более или менее грамотных выходцев из тех же республик. Например, инструктором политотдела 4-й армии был назначен казах Файзулла Турумов, который до призыва в армию работал заведующим кафедрой Педагогического института имени Абая в Алма-Ате⁷⁴².

Проще говоря, это означает, что те, кто подобным образом распределял и направлял молодое пополнение из азиатских республик, и особенно те, кто курировал их деятельность, прекрасно отдавали себе отчет в том, что это за пополнение. Потому и направляли в войска в качестве «промывателей мозгов» более или менее грамотных выходцев из этих же республик. Расчет, как говорится, прост — земляк земляка на чужбине поймет издали, и уж тем более глаз не выклюет.

Учитывая же повсеместный характер таких случаев, выходит, что это даже не только система мер по сведению фактически к нулю мобилизационной и особенно боевой готовности войск к отражению агрессии в целях их подставы под неминуемо неизбежный разгром! Это уже пре-

ступный сговор! Причем сговор, преследующий цель так называемого пассивного открытия фронта. Провоцируемого массовым дезертирством немедленно впадающего в панику недавно призванного, необученного и необстрелянного пополнения, которое даже и не понимает команд, издающихся на русском языке! Более того. Учитывая, что подобное имело место в трех основных приграничных округах, то появляются все основания утверждать, что это было сделано осознанно. А, следовательно, появляются и основания для очередного укрепления убежденности в том, что в РККА, к глубокому сожалению, имел место заговор, преследовавший цель организации неминуемого поражения СССР в войне с Германией, на фоне которого планировался также и государственный переворот в целях свержения советской власти!

В своем тщательном, едва ли не минутном историческом расследовании «Штурм Брестской крепости» (М., 2008) историк Ростислав Алиев установил, что в 4-й армии не был поднят по тревоге даже взвод⁷⁴³. Соответственно в полосе обороны именно 4-й армии трагедия 22 июня громыхнула особо кроваво. И вот что особенно любопытно. Р. Алиев специально акцентирует внимание на том, что «согласно (но не утвержденному. — А. М.) плану прикрытия ЗапОВО (июнь 1941 г.) подъем по боевой тревоге соединений и частей их командиры имеют право приводить “в части, касающейся подчиненных им частей”»⁷⁴⁴ Там действительно есть такое указание — это подпункт «д» первого пункта девятого раздела — «Подъем частей по боевой тревоге»⁷⁴⁵.

То есть Коробков, как, впрочем, и иные командармы ЗапОВО и других округов, имел право поднять если не всю армию, то как минимум одно из ее соединений, размещающееся на одном из наиболее угрожаемых участков. Кстати, бывший начальник штаба 4-й армии Сандалов в

⁷⁴³ Алиев Р. Штурм Брестской крепости. М., 2008, с. 288 (см. текст сноски на этой странице).

⁷⁴⁴ Там же.

⁷⁴⁵ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 4—34.

⁷⁴² Сандалов Л.М. На Московском направлении. М., 2010, с. 83.

своих мемуарах указал, что поднять всю дивизию по боевой тревоге для проверки ее боевой готовности имел право только командующий ЗапОВО, но одновременно упомянул, что ранее — 14 июня — и сам поднимал 6-ю сд. Тем не менее перед нападением Германии даже взвод не был поднят в 4-й армии — и поэтому перенос им ответственности на штаб округа (а тот — на Генштаб и тд.) вряд ли оправданTM. Что, конечно же, не снимает с них вины.

То, что в случае нападения Германии именно с 4-й армией произойдет наиболее кровавая трагедия, особенно с ее частями, дислоцировавшимися в Брестской крепости, было понятно еще за год до начала войны. Как уже отмечалось выше, предыдущий командующий 4-й армией генерал В.И. Чуйков неоднократно ставил перед командующим ЗапОВО генералом Д.Г. Павловым вопрос о недопустимости дислокации ряда частей 4-й армии в Брестской крепости. Ибо такая дислокация означала смертельную ловушку, выход из которой только вперед ногами. Чуйковича Швей кина, их 18-й отдельный «ушли». На его место 6 апреля 1941 г. (обратите внимание, что, как и в случае с 8-й армией ПриОВО, смена командующих армиями, обязанных оборонять наиболее важные направления, произошла именно при Жукове) назначили генерала Коробкова. В начале и он тоже пытался настаивать на необходимости вывода дислоцированных в Брестской крепости частей. Однако Павлов с маниакальным упорством и даже какой-то озлобленностью пресекал любые разговоры на эту тему. К тому же добился одобрения своей позиции по этому вопросу со стороны начальника Генерального штаба Жукова. Ставили этот вопрос и командиры рангом ниже, а также политработники и даже рядовые солдаты. Увы. Предположим, хотя бы ради минимальной объективности, что Павлову, как командующему округом, и впрямь нигде было размещать эти дивизии — использовался казарменный фонд (чуть ли не четыре яруса деревянных нар для личного состава) Брестской крепости. Но вот ведь какая штука получается. Павлов-то заранее так и не дал вывести части из крепости, где они подверглись просто варварскому разгрому и уничтожению. Выше уже приводились соответствующие воспоминания ветеранов, принявших первый бой в составе 4-й армии, в том числе и 6-й сд.

В мгновение ока 4-я армия фактически окончательно лишилась двух стрелковых дивизий, да еще изрядно пострадала и 22-я танковая дивизия. Ну, и что тут можно подсчитывать?! Айв самом-то деле, ну что тут можно подсчитывать?! Впрочем, один, способный любого человека, даже с очень крепкими нервами, довести до коматозно-шоковой оторопи пример, все-таки следует показать.

По воспоминаниям начальника артиллерийского снабжения 18-го отдельного пулеметного батальона, в июне 1941 г. старшего лейтенанта Ивана Николаевича Швейкина, их 18-й отдельный пулеметный батальон имел участок обороны более 30 километров⁷⁴⁷. Это Брестский УР. Вы только вдумайтесь в эту цифру. Ведь у батальона ширина полосы обороны в три раза превышала указанный в Уставе норматив ширины фронта обороны для дивизии! Если в батальоне было 750 бойцов, то на 1 м линии обороны приходилось 0,025 стрелка. Как уже неоднократно говорилось, супостаты шли в прорыв с плотностью 4,2 пехотинца на 1 м линии прорыва. Следовательно, превосходство противника над каждыми 0,025 стрелка составляло 168 раз! В пересчете на одного красноармейца из плоти и крови превосходство — держитесь крепче за стул — составляло ... 6720 (ШЕСТЬ ТЫСЯЧ СЕМЬСОТ ДВАДЦАТЬ) раз!!!

Только вот весь адский трагизм этого примера состоит не только в этой, и без того

⁷⁴⁷ Алиев Р. Штурм Брестской крепости. М., 2008, с. 288.

⁷⁴⁷ Буг в огне. Минск, 1965. Приводится по: ТШ(ега.НЬ.га/тего/гисап/ШЪ Ынеу оепе/шѐех. Мг1

страшенной, цифре, а еще и в том, что этот батальон не был полностью укомплектован образцы боевых, специальных, трансличным составом. Людей не хватало даже для патрулирования участка. До начала войны обещанного пополнения этот батальон так и не получил⁷⁴⁸. Учитывая это, фактическое превосходство супостатов, выходит, было еще больше указанного!

Кстага говоря, свидетельство ПН. Швейкина любопытно еще и тем, что он прямо указывает на то, что стрелковые соединения (4-й армии) в районе Бреста до нападения супостатов не заняли свои полосы обороны и везде зияли огромные бреши, через которые противник и хлынул с ходу.

А теперь примем во внимание следующие факты:

1. «Накануне войны от каждого стрелкового полка всех стрелковых дивизий армии один — два батальона работали по оборудованию полевых позиций. Танковые полки 30-й танковой дивизии находились в лагере западнее Пружаны. Для участия в опытно-показном учении на артиллерийский полигон южнее Бреста были выведены 459-й стрелковый и 472-й артиллерийский полки 42-й стрелковой дивизии и два батальона 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии. Зенитные дивизионы соединений армии и части Кобринского бригадного района ПВО находились на сборах в окружном лагере Крупки в 450 километрах от государственной границы»⁷⁴⁹.

2. Далее уважаемый коллега В. Рунов с известной долей осторожности указывает, что «по некоторым документам известно, что непосредственно накануне войны штабом 4-й армии была организована техническая выставка на территории артиллерийского полигона на западном берегу реки Западный Буг.

⁷⁴⁸ Буг в огне. Минск, 1965. Приводится по: Ш|Н(сга.НБ.П|/тето/ги\$1ап/\$Б.Би\$ _у_о\$не/1П(1ех. Б(т1

⁷⁴⁹ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 282.

На выставке были сосредоточены все образцы боевых, специальных, транспортных машин, артиллерийских и минометных систем, другое имущество. Оборудование выставки было закончено 21 июня, а ее посещение офицерами 4-й армии намечалось с утра 22 июня 1941 года»⁷⁵⁰. Это подтверждает и Санда-йов. По его данным, туда согнали подразделения 459-го СП и 472-го артп 42-й сд и два батальона 84-го СП 6-й сд. А подготовку выставки, на которой намечалось показать танки Т-26 и Т-38, БА, артиллерию, стрелковое оружие и средства связи, готовил командир 22-й тд.

Вот-вот на страну обрушится война, а этим выставку захотелось учудить?! Да еще где? Прямо перед глазами супостатов! Стреляйте, немчики дорогие, по всей нашей, фактически умышленно и специально скученной для разгрома боевой техники и ни в чем себе не отказывайте! Они и не отказали себе в удовольствии... не столько раздолбать всю эту выставку, сколько захватить ее в целости и сохранности.

Откровенно говоря, уважаемому коллеге Рунову не стоило проявлять особую осторожность. Дело в том, что Сандалов ясно и четко указал «откуда ноги растут» у этой затеи. По его словам выходит, что учение и выставка организовывались по приказу командующего округом Павлова. Причем с ведома наркомата обороны. Недели за две до начала войны Павлов приказал провести опытное тактическое учение. Датой проведения учений было назначено 22 июня. Учение должно было быть проведено в присутствии всего высшего и старшего командного состава армии. Его проведение запланировали на Брестском артиллерийском полигоне⁷⁵¹. Правда, коллега В. Рунов делает поразительно неадекватный вывод: «Это еще раз подтверждает тот факт, что нападение германских войск для команд о-

⁷⁵⁰ Там же.

⁷⁵¹ Сандалов Л.М. На Московском направлении. М., 2010, с. 69.

вания и командиров 4-й армии было неожиданным»⁷⁵².

Уважаемый коллега! А каким макаром это подтверждает? Тем, что Брестский пункт РО ЗапОВО занимался откровенным вредительством и саботажем, подавая командованию, в том числе и 4-й армии, успокаивающие разведывательные донесения (об этом говорилось в первом томе), когда уже даже невооруженным глазом было четко видно, что немцы вышли на исходные для нападения позиции?! Ведь помимо брехунов из Брестского пункта существовал еще и обмен разведывательной информацией с пограничниками. А информация пограничников ясно показывала, что вот-вот грянет война. Сандалов же открыто признал, что они все знали о подготовке немцев к нападению. Как уже неоднократно отмечалось, в этот период уже достаточно ясно обозначилась дата нападения — 22 июня. Прежде всего, по данным пограничников Белоруссии. Какого же черта никто ни в округе, ни в армии не пошевелился, чтобы отменить такие учения, когда надо было приводить войска в боевую готовность и выдвигаться в сторону границы.

Знаете, что натворил накануне войны справедливо расстрелянный, но незаконно реабилитированный бывший подпоручик царской армии, бывший командарм-4 Коробков? Не поверите, но это факт. Как вспоминал много лет после войны полковник в отставке Клевцов (накануне войны начальник узла связи Брестского погранотряда в звании лейтенанта), командир 17-го Брестского Краснознаменного пограничного отряда майор А.П. Кузнецов накануне войны прибыл к Коробкову для доклада ему, как командующему армией, об обстановке на сопредельной стороне.

Справка. Кстати говоря, по воспоминаниям самого А.П. Кузнецова, он постоянно и своевременно информировал обо всех поступающих раз-

ведывательных и иных данных не только штаб пограничных войск БССР, но и командование 4-й армии, а также 28-го стрелкового корпуса, областной комитет КП(б) Б и, в частности, его первого секретаря М.Н. Тупицына⁷⁵³.

После обстоятельного, подтвержденного различными разведывательными данными доклада и выводов из него, прежде всего о том, что в ближайшие дни произойдет нападение Германии, Коробков ничего умнее выдумать не смог, как арестовать Кузнецова, взять его стражу, предъявив ему обвинение в паникерстве и необъективности. И лишь непосредственное вмешательство в это дело руководства НКВД СССР, прежде всего Главного управления пограничных войск, вынудило самодура Коробкова освободить Кузнецова⁷⁵⁴.

Справка. Сам А.П. Кузнецов в своих воспоминаниях, опубликованных в вышедшей в свет в 1965 г. книге воспоминаний ветеранов войны «Буг в огне» о факте своего ареста Коробковым почему-то не упомянул. Оно и понятно почему — книга готовилась к изданию еще при Хрущеве, который совершенно незаконно объявил расстрелянных командиров ЗапОВО, в том числе и Коробкова, «невинными жертвами сталинского произвола». Естественно, после этого бросать даже малейшую тень на эти «невинные жертвы» уже нельзя было. Зато можно было поливать грязью Берия, что Кузнецов от всей души и сделал, забыв, правда, что если бы не Лаврентий Павлович, то самодур Коробков мог ведь и под трибунал его отдать. Увы, коротка и зачастую очень уж конъюнктурна человеческая память, даже у очень заслуженных людей...

Самодур — потому что, во-первых, он слишком превысил властные полномочия. Пограничники хотя и получили 16 июня 1941 г. приказ Л.П. Берия о переходе под командование полевого командования Красной Армии, но ведь только с

⁷⁵³ **Буг в огне.** Минск, 1965. Цит. по: [http://nbg.ru/tesho/ti581ap/zB_Biё_u_oёne/1П\(lex.b1t1](http://nbg.ru/tesho/ti581ap/zB_Biё_u_oёne/1П(lex.b1t1)

⁷⁵² Сандалов Л.М. На Московском направлении. М., 2010, с. 282—283

⁷⁵⁴ Воспоминания Клевцова приведены по: Клевцовский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 100—101.

началом боевых действий⁷⁵⁵. А это произошло еще до начала войны. Следовательно, Коробков не имел никакого права применять силу в отношении командира пограничного отряда, тем более что он вообще был из другого ведомства. Во-вторых, обвинить командира пограничного отряда в паникерстве и необъективности, когда он специально прибыл к командарму-4 и доложил все имеющиеся у него данные о противнике, включая и данные разведки пограничного отряда, в том числе и визуальной, — ну что может быть глупее, неспаснее, а самое главное — подлее?!

Комментарий. Откровенно говоря, это далеко не единственный случай попыток военных любой ценой надавить на пограничников. Так, в Интернете на сайте «Я помню» есть воспоминания ветерана войны Бориса Овецкого, в которых сообщается о следующем. В 1943 г. он служил в 356-м ал 102-й дальневосточной сд, сформированной из пограничников. Вместе с ним в 8-й батарее служил пограничник старшина Петр Аркадьевич Гусаров, который в 1940 г. из Москвы был призван на военную службу и до лета 1941 г. в качестве курсанта проходил учебу во Львовской школе младшего начсостава погранвойск. Вспоминая рассказ ПА Гусарова, Борис Моисеевич Овецкий поведал следующее. Школой командовал майор погранвойск Погребняк. В конце апреля их школу вывели практически на границу в район с. Вьюжское. За три дня до нападения Погребняк приказал рыть окопы. 21 июня к ним пожаловал следователь военной прокуратуры, направленный армейским командованием, с заданием арестовать Погребняка. В ответ Погребняк приказал разоружить и арестовать следователя. И при этом заявил ему: «Завтра война. Если она не начнется, то я готов предстать перед судом военного трибунала. Если она начнется, ты возьмешь винтовку и встанешь в строй рядом со мной». Вечером 21 июня Погребняк поднял курсантов по тревоге, и они заняли окопы. В 3 ч. начался артобстрел (за давностью лет уважаемый ветеран слегка запечатлел время начало боевых действий на этом участке, артобстрел начался в 4 часа, — А. М.). Курсанты сражались два дня, успев отразить 20 атак противника. 24 июня их сменили. Следователь же погиб в рукопашном бою с немцами. А Погребняк

⁷⁵⁵ Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг. Сборник документов и материалов. М., 1970, с. 163. Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 172.

впоследствии продвинулся по службе и в 1943 г., уже а звании полковника, командовал той самой 102-й дальневосточной стрелковой дивизией, что была сформирована из пограничников.

*ФФ

Что, Коробков настолько был идиотом, что ничего не видел и ничего не замечал, что происходит по ту сторону границы?! Он что, не знал, что был произведен облет всей границы в полосе компетенции ЗапОВО, который показал, что немцы уже выходят на исходные для нападения позиции?! Он что, не знал разведывательной сводки РО штаба ЗапОВО от 21 июня, которая была доложена командованию округом и направлена также командующим армиями? Кстати, одновременно она была направлена и в ГШ.

Ведь в этой сводке прямо было сказано, что «основная часть немецкой армии в полосе против ЗапОВО, заняла *исходное положение*. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе»⁷⁵⁴. Более того. К вечеру 21 июня в штаб 4-й армии поступила еще одна разведывательная сводка за подписью начальника штаба округа Климовских и начальника РО штаба округа Блохина, в которой прямо говорилось, что:

— немецкие войска закончили сосредоточение на четырех направлениях: восточнопрусском, млавском, варшавском и демблинском,

— главные силы немцев находятся в 30 км от границы,

— на ближайшей к границе станции Бяла-Подляска выгружено до 40 эшелонов с боеприпасами и инженерной техникой — понтонными парками, разборными мостами и т.д.,

— артиллерия занимает огневые позиции,

— в районе Сувалок продолжается подтягивание войск и тылов к границе, а южнее Сувалок, в районе Олыпанок

⁷⁵⁶ Цит. по: Хорьков А.Т. Грозовой июнь. М., 1991, с. 152.

установлено сосредоточение тяжелой артиллерии, танков различных типов, включая и Р2-1У, а также мощного зенитного прикрыва⁷⁹⁷.

Эти разведывательные данные РО штаба ЗапОВО смертным приговором звучат:

— для командования 4-й армии, которое сознательно самоустранилось от того, чтобы воспользоваться своими официальными правами, а потом на следствии снизошло до признания своей вины лишь в том, что-де не смогло установить точную дату нападения, которую ему назвали пограничники;

— для командования округом, прежде всего для Павлова и Климовских, которые, так уж выходит, сознательно игнорировали такие предупреждения собственной же разведки, а также разведки погранвойск, сознательно же доведя дело в итоге до катастрофы;

— для возглавлявшегося Жуковым Генерального штаба, так как упомянутая первой разведывательная сводка была далеко не первой сводкой, в которой РО штаба ЗапОВО докладывал в ГШ о сосредотачивавшейся напротив ЗапОВО немецкой группировке. Соответственно, чего же тоща стоят все брехологические «воспоминания и размышления» не только Жукова, но и других вояк, из которых вытекает, что-де они якобы не знали о третьей, сосредотачивавшейся непосредственно по центру советско-германской границы аккуратно напротив ЗапОВО группировке вермахта?! Чего стоят их утверждения, что-де именно поэтому-то они и проморгали наиболее сильный удар именно на этом направлении?! Но при этом сваливали всю вину за ожидавшийся ими удар немцев только по двум направлениям — Северо-Западному и Юго-Западному — непосредственно на Сталина?! Да еще и ГРУ обвиняли в том, что оно что-то там недосмотрело на польском плацдарме?!

⁷⁵⁷ Решин Е.Г. Генерал Карбышев. М., 1971. С. 204, 207.

Как же можно было столь нагло игнорировать все более тревожную информацию и оставить, нет, именно же подставить свои собственные войска под столь кровавый, варварский погром, разгром и уничтожение?! Надеюсь, не составит особого труда уяснить, какова же подлинная цена неуместному заявлению Коробкова о том, что-де он готов, видите ли, признать себя виновным только в том, что не смог определить точную дату нападения. Ему назвали и дату нападения, и точное время перехода границы, и предоставили все данные о немцах, что были у пограничников, а он в ответ арестовал командира пограничного отряда. «Невинная жертва сталинизма», одна-ко...

Лишь за полночь, то есть уже в начале первого часа ночи 22 июня, Коробков распорядился разослать во все соединения и части «красные пакеты» с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге⁷⁵⁸. А ведь они должны были быть на хранении в сейфах в каждой части, как это было предписано майской директивой НКО и ГШ. Когда же им было читать-то, если эти пакеты еще надо было доставить в разбросанные на большой территории части, а время подъема по боевой тревоге у частей этой армии составляло от 3 до 30 часов?! Подчеркиваю, что лишь за полночь, хотя уже в 22.00 по местному времени пограничники сообщили ему, что переход границы танками вермахта назначен на 4.15 утра. Они задержали немецкого разведчика, который пытался прервать связь отряда и обеспечить путь для движения танков, которые, как он показал, должны начать переход границы в 4.15 утра⁷⁵⁹. Более того. Одновременно ему были доложены данные, полученные от польского патриота, крестьянина Иосифа Максимовича Бадзинского,

⁷⁵⁸ Военно-исторический журнал, 1988, № 12, с. 15; Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 283. Это же описывает

⁷⁵⁹ Пограничник, 1965, № 7, с. 32.

Особое недоумение вызывает тот факт, что упомянутое выше учение было санкционировано из Москвы, наркомом обороны Тимошенко. Зачем это было сделано? Зачем в ситуации, когда более или менее стала вырисовываться дата нападения, когда сам Тимошенко вместе с Жуковым дал директиву о выведении дивизий из глубины округов в сторону границы в целях повышения боевой готовности, устраивать показательные учения прямо перед глазами супостатов? Почему Тимошенко не отменил эти учения после 18 июня, когда с санкции Сталина он вместе с Жуковым дал в вой-

⁷⁶¹ *Кисловский ЮТ* Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 43.

Не оспаривая в принципе то обстоятельство, что войскам положено учиться, невозможно не привлечь внимания к следующему. В отличие от того же Павлова Тимошенко прекрасно знал о потоке разведывательной информации в последние 10 дней до нападения, где указывалась дата 22 июня! Почему же **Он**, нарком обороны, никаких указаний об отмене этого учения не дал, а, напротив, 21 июня послал на эти учения своего представителя?!⁷⁶² Ведь тем самым он, по сути дела, открыто демонстрировал командованию ЗапОВО, что высшее военное командование не опасается нападения ранним утром следующего дня. Проще говоря, тем самым он не просто произвел расхолаживающее командование на местах действие, но попросту морально обезоружил их. И, например, увольнения командного состава, которые 21 июня разрешил Павлов, на совести в том числе и Тимошенко. И вот что прикажете думать о Тимошенко после этого? Едва ли что-либо благостное...

⁷⁶² ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2454 сс. Д. 26.
И.Л. 19; *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. В книге «На Московском направлении». М., 2010, с. 413.
В этой книге под единым названием объединены две книги Сандалова — «На Московском направлении» и «Первые дни войны».

⁷⁶³ Сандалов Л.М. На Московском направлении. М., 2010, с. 77.

⁷⁶⁴ Там же.

отказ последовал не только в отношении стрелковых дивизий, но и даже в отношении авиации, так как вместе с Коробковым в разговоре с Климовских участвовал и командир 10-й авиадивизии Белов, просивший разрешение на срочное перебазирование самолетов на полевые аэродромы⁷⁶⁵. Климовских подтвердил только необходимость проведения ранее назначенного учения, запретив тому же Белову перемещать самолеты на полевые аэродромы⁷⁶⁶. Тем самым Климовских совершенно сознательно нарушил упоминавшийся выше приказ НКО о маскировке и рассредоточении авиации. А Коробков, вместо того чтобы воспользоваться своими правами командарма, в восемь часов вечера отправился вместе с Сандаловым в Дом Красной Армии смотреть представление Белорусского театра оперетты⁷⁶⁷. А члены Военного совета Шлыков и Рожков отправились в Брест смотреть концерт артистов Московской эстрады⁷⁶⁸. Что же, коли враг у порога твоего дома, самое время по театрам ходить!..

Однако наиболее поразительное в мемуарах Сандалова следующее. Указав, что вместе с Коробковым он отправился на концерт, далее отметил, что-де последнюю предвоенную ночь они провели в нервном состоянии, каждый час звонили в Брестский пограничный отряд и что отовсюду поступали сведения об изготовившихся на западном берегу Буга немецких войсках. Об этом туг же штаб армии сообщал в штаб округа, но оттуда никаких указаний не поступало⁷⁶⁹. Ну и где же они все-таки были — на концерте или в нервном состоянии в штабе?! То, что путается Леонид Михайлович, очевидно, не нужно доказывать. И так ясно. Важно то, что там же он привел удивительные слова Коробкова: «Я, как командующий армией,

имею право поднять по боевой тревоге одну дивизию. Хотел было поднять 42-ю, но посоветовался с Павловым, а он не разрешил»⁷⁷⁰. Когда он успел, если сначала Сандалов указал, что Коробков не смог переговорить с Павловым?!

Проще говоря, командование округом упорно блокировало любые, даже робкие, попытки нижестоящего командования войск, в данном случае командования 4-й армии, предпринять хотя бы минимальные меры по приведению вверенных им войск в боевую готовность. А само командование 4-й армии, выходит, и радо было посоветоваться с командованием округа и получить запрет на то, на что оно имело право — поднять по боевой тревоге хотя бы одну дивизию. В итоге, как указал Р. Алиев, в 4-й армии даже взвод не был поднят по боевой тревоге.

Знаете, чем все это кончилось конкретно в 4-й армии? Уже в 9 часов утра 22 июня в журнале боевых действий 4-й армии появилась фактически являвшаяся смертным приговором командованию армии запись следующего содержания: «Слабо управляемые части, напуганные атакующими с низких бреющих полетов ВВС противника, откатываются в беспорядке и не представляют собой силу, могущую парализовать действия противника. *Зачинщиками паники зачастую является начсостав.* Организуются отряды заграждения для задержания беглецов и транспорта. Из задержанных формируются отряды и посылаются для занятия участков обороны»⁷⁷¹.

Вы только вдумайтесь, что же собственноручно записало само командование 4-й армии в журнале боевых действий! Через пять часов после начала боевых действий армии попросту не стало! Честно говоря, не очень-то понятно, почему только Коробков угодил под

⁷⁶⁵ Сандалов Л.М. На Московском направлении. М., 2010, с. 77.

⁷⁶⁶ Там же.

⁷⁶⁷ Там же.

⁷⁶⁸ Там же, с. 77—78.

⁷⁶⁹ Там же, с. 80.

Там же.

ЦА МО РФ. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 22. Кор. 9402. Л. 1—2. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 290.

расстрел, а его начальник штаба — Сандалов — уцелел. Кстати говоря, и Сандалов тоже оставил тогда красноречивое свидетельство того, что происходило с 4-й армией. Завершая оперативную сводку штаба 4-й армии за 24 июня 1941 г., Сандалов отмечал: «Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части, приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали»⁷⁷².

Л принципальный итог таков. Во-первых, руководимые Коробковым части и соединения не оказали пограничникам помощи. Точнее, оказали ее каким-то странным, выборочным образом. Проще говоря, из 20 застав отряда, которые вступили в бой с противником на границе, помощь получили лишь десять, и эти десять застав сдерживали гитлеровцев от 10 до 15 часов, отступив только по приказу⁷⁷³. Остальные же, оставшись без помощи, погибли, но не отступили. Только некоторые пограничники отступили по приказу своего командования. А в это время многие части 4-й армии, оставив долговременные оборонительные сооружения, стали бодро отступать. Особенно нагло это проявилось на участках 19-й и 20-й пограничных застав 17-го Брестского Краснознаменного пограничного отряда⁷⁷⁴.

К слову сказать, столь выборочный порядок оказания помощи пограничным заставам имел место во всех трех основных приграничных военных округах, ставших фронтами. А это не только привлекает к себе пристальное внимание, но и вынуждает опять заподозрить систему. То есть систему подставы пограничных застав под неминуемый разгром и гибель,

в результате чего происходило открытие фронта, в чем армейское командование вроде бы и не виновато — пограничники, мол, не удержались.

Во-вторых, понеся фантастически огромные потери в живой силе, технике и запасах различного рода, 4-я армия фактически перестала существовать как единый воинский организм часа за три до полудня 22 июня. Ее остатки откатились от государственной границы в целом на 80—100 км за первые два дня боев, а на слонимском направлении — на все 125 км. Проще говоря, драп на восток был спринтерский, хотя и на марафонские дистанции, раз покрыли такое расстояние за два дня. Именно поэтому рвавшиеся вперед соединения вермахта смогли осуществить охват Минска с юга.

2 июля 1941 г. остатки 4-й армии были переданы в состав 21-й армии. Причем эти остатки не располагали танками, что означает 100 % потерю 600 танков, а из 575 пушек и гаубиц, 300 минометов, 260 противотанковых и 24 зенитных орудий осталось всего 100 орудий. Хуже того. От 42-й сд осталось 4 тыс. чел., от 6-й сд — 400 чел., от 55-й сд — 800 человек⁷⁷⁵.

Вывод из этого только один. Никакой, даже на основе дробей вместо полноценных стрелков на метр линии обороны в 4-й армии не было организовано и выставлено! Такая ли уж «невинная жертва» сталинизма расстрелянный вместе с Павловым по законному суду генерал Коробков?! Вне всякого сомнения — до кровавого ужаса «невинная».

Особенно если учесть содержание еще одного уникального документа, который позволит в полной мере оценить и заявления Коробкова о том, что-де Павлов в течение 10 дней не был у него на командном пункте, и что у него, Коробкова, была связь со всеми частями, за исключением 46-й стрелковой дивизии, которая под-

⁷⁷² ЦА МО РФ. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 6. Л. 3. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 299.

⁷⁷³ Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 101, 107.

⁷⁷⁴ Там же, с. 107.

⁷⁷⁵ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 12. Л. 24. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 302.

чинялась мехкорпусу. И что он не трус. И что он день и ночь был на своем посту. Все время был на фронте и лично руководил частями. А 3-е Управление якобы все время обвиняло его в том, что штаб армии был очень близок к фронту. Речь идет о спецсообщении 4-го отдела 3-го Управления НКО СССР о том, как Коробков предал свои войска, нагло уклонившись от дальнейшего управления ими, сбежав со своего командного пункта при отсутствии какой-либо непосредственной угрозы со стороны противника.

Итак, 8 июля 1941 г. на имя Жукова, Маленкова и Берия поступило спецсообщение за подписью начальника 4-го отдела 3-го Управления НКО СССР бригадного комиссара Р. Болотина. Оно было посвящено положению на Западном фронте. Вот его текст: «Спецсообщение 4-го отдела 3-го Управления НКО СССР о положении на Западном фронте. Т. Маленкову. Т. Берия. Т. Жукову. № 37030. 8 июля 1941 г. Совершенно секретно.

3-й отдел ЗапОВО (8 июля уместнее было писать Западный фронт, а не ЗапОВО; видимо, сработала довоенная инерция. — А. М.) сообщил: Командующий 4-й армией Западного фронта генерал-майор Коробков проявил трусость и не организовал оборону частей армии. 23 июня он вместе со своим штабом уехал в Пинск, где областному военкому майору Емельянову сказал, что “нас окружают войска противника”, и, не отдав никаких приказаний о подготовке частей к бою, уехал в Минск.

Майор Емельянов, как начальник Пинского гарнизона, собрал после этого командиров частей гарнизона и отдал приказание — подготовить части к эвакуации, а Пинскому военгоспиталю эвакуироваться немедленно. Одновременно приказал начальнику окружного склада № 847, воентехнику 1-го ранга Разумовскому взорвать склад. Это приказание Разумовский выполнил 24 июня. Взрывом склада уничтожено около 300—400 вагонов артснарядов разных калибров, винто-

вочных патронов и других боеприпасов, в то время как части 4-й армии, находившиеся за 70 км от Пинска, оставались без боеприпасов. Взрыв склада осложнил военные операции частей Красной Армии, действовавших на фронте. Кроме этого вызвал панику среди жителей Пинска. Призванные по мобилизации, находившиеся в военном городке, после взрыва склада разбежались. Емельянов и Разумовский арестованы.

После бегства командования 4-й армии в пинском направлении из остатков 4-й армии был сформирован ряд частей, которые единого руководства не имеют и бои ведут самостоятельно.

На новой линии фронта в составе 4-й армии действует 47-й стрелковый корпус. Части корпуса вооружением обеспечены недостаточно. Всего имеется: пушек 45 мм — 4,76 мм — 4 и пушек 122 мм — 12. Боеприпасов не хватает даже на эти огневые средства.

28—29 июня при форсировании противником реки Березина части корпуса из-за остатков снарядов вынуждены были вести огонь по противнику одиночными выстрелами.

29 июня во время артобстрела наших частей со стороны противника с линии фронта бежало около 500 человек. Все они задержаны. Начальник 4-го отдела 3-го Управления НКО СССР бригадный комиссар Р. Болотин»⁷⁷⁶.

Ну, и как вам это? Видите, как он «был на передовой», что даже 3-е Управление «укоряло за излишнюю близость к ней его КП»?! Видите, какой он был не трус?! Видите, как он день и ночь был на своем посту?! Видите, как он все время был на фронте и лично руководил частями?! Видите, как у него была связь со всеми частями?! Ну, и где же Павлов должен был его искать, даже если и захотел бы?!

Ну, так это еще что! Знаете, почему он смылся со своего КП? О, это еще та исто-

⁷⁷⁶ Документ цит. по: Неизвестная Россия. XX век. М., 1992, с. 83—84.

рия. Примерно в 18.00 22 июня в штаб 4-й армии наконец-то доехала изданная еще ранним утром 22 июня директива № 2, которая предписывала, не переходя границу, всеми силами и средствами как следует набить морду супостатам. За те 11 часов, которые она шла до штаба 4-й армии, будучи изданной еще в 7 часов 15 минут утра по московскому времени, в положении и фронта, и самой армии произошли сильные изменения в худшую сторону. Нацистские аспиды уже глубоко вклинились в оборону Западного фронта, раз части последнего за два дня дали деру на 80—100 км в глубь своей территории. Тем не менее Коробков и его штаб тут же издали боевой приказ, который гласил: «Войска 4-й армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23.6.41 г. переходят в наступление в обход Бреста с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Зап. Буг. Удар наносят 14-й механизированный корпус совместно с 28-м стрелковым корпусом и скоростным бомбардировочным полком 10-й смешанной авиационной дивизии, 75-й и 49-й стрелковым дивизиям продолжать удерживать занимаемые рубежи... Атаку начать в 5.00 23.6. 41 г. после 15-минутного огневого налета. Границу до особого распоряжения не переходить»⁷⁷⁷.

Издав этот донельзя преступный, в том числе и своей потрясающей лживостью, приказ — армии-то уже не было, — Коробков утром 23 июня вместе со своим штабом устроил панику, приведшую к необратимым негативным последствиям, а затем и вовсе смылся в Минск. Вот как его называли после этого?! Мало того что буквально вдрызг изолгался в этом приказе. Ведь никакой твердой обороны не было. Сам жетруса и предателя. (Подпись неразборчива). 9. VII. 41».

⁷⁷⁷ ЦА МО РФ. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 1. Л. 2—3.

Цит. по: Абатуров В. 1941. На Западном направлении. М., 2007, с. 66—67.

мые части, напуганные атакующими с низких бреющих полетов ВВС противника, откатываются в беспорядке и не представляют собой силу, могущую парализовать действия противника. *Зачинщиками паники зачастую является начсостав*. Организуются отряды заграждения для задержания беглецов и транспорта. Из задержанных формируются отряды и посылаются для занятия участков обороны». Какая уж тут твердая оборона хоть днем, хоть ночью. Мало того что наврал с три короба и про 75-ю и 49-ю дивизию, которым на бумаге приказал продолжать удерживать занимаемые рубежи. О 75-й сд выше было указано, в каком состоянии она встретила первый удар. О 49-й дивизии Коробков и вовсе ничего не знал. Короче говоря, весь этот приказ,—лживая отписка, мол, директиву Центра исполнили, бумагу написали.

Так еще ведь не просто смылся, а смылся вместе со штабом. И непорочно смылся вместе со штабом, а смылся вместе со штабом после издания приказа о контрударе! Кто же должен был руководить этим контрударом?! Хотя бы и на бумаге. Это Уже настолько запредельно преступная подлость по отношению к своим войскам, что даже и не знаешь, каким словом охарактеризовать ее. Это рафинированный вариант преступного самоустра-

Но вернемся к процитированному документу военной контрразведки. На нем имеются следующие резолюции:

1. «Тов. Маленкову. Мое мнение — Коробкова нужно арестовать и судить как жетруса и предателя. (Подпись неразборчива). 9. VII. 41».

По поводу так называемой неразборчивой подписи при публикации этого документа было устроено некое шоу, смысл которого в том, что-де Жуков тут

ни при чем. Так и написали публикаторы, что-де «есть большая вероятность того, что резолюция принадлежит Жукову, хотя графические признаки подписи на документе не полностью совпадают с образцами его почерка»?!⁷⁷⁸ Но объяснили бы публикаторы, желательнее вразумительно, кто мог написать такую резолюцию, если на документе стоит штамп входящей регистрации не просто ГШ, а именно секретариата начальника ГШ, то есть самого Жукова?! Ну, и как надо понимать такое мнение, если на документе есть мать инициативное рвение публикаторов, пошедших на поводу ничем не обоснованного заявления Жукова о том, что-де к репрессиям он не имеет никакого отношения, что-де нет ни одного документа с его подписью на подобные темы?! Что Жуков врал, когда делал такое заявление — ясно как божий день. На самом же деле таких документов в архивах полно. У него ведь только один метод управления войсками был — жесточайшие репрессии против всех и вся, преимущественно с безоговорочным расстрелом.

***◆

Справка. Не зря Жуков получил в войсках очень неласковое прозвище «мясник», а его метод ведения боевых действий, кстати говоря, единственный, который он знал «в совершенстве», в действующей армии прозвали «жуковской трехрядкой». «Жуковская трехрядка» — это когда мостили нейтральную полосу трупами, имевших несчастье находиться под командованием Жукова советских солдат, в три ряда, чтобы чудом оставшиеся в живых смогли бы по их спинам пройти к очередной победе своего командующего.

Более того. Как действительно понимать это неуместное рвение публикаторов приведенного выше документа в связи с трагической судьбой командования ЗапОВО-ЗФ?! Ведь если затрагивается такой аспект, то, во-первых, необходимо представить выводы серьезной, а, глав-

ное, законной, назначенной по суду графологической экспертизы, а не досужие околону научные выводы. Кто такой публикатор, чтоб вслух так рассуждать о графологических признаках?

Во-вторых, неужели было непонятно, что никто, кроме самого начальника Генштаба, по определению не мог, не имел права начертать столь рекомендуемую резолюцию?!

В-третьих, как можно было высказывать такое мнение, если на документе есть еще и резолюции:

1. «За. Арестовать после замены Коробкова Рокоссовским. Маленков (без даты)».

Исторический штрих. Обратите внимание на этот более чем красноречивый факт. Уже в самом начале войны, в ситуации невиданной в истории России кровавой трагедии в скором будущем воистину Великий Полководец Рокоссовский настолько блестяще себя зарекомендовал в борьбе с ненавистным врагом, что слава о нем мгновенно докатилась до ушей высших партийных чиновников! И они на него стали возлагать серьезные надежды! Вот что значит истинный талант Великого Полководца!

***0%

2. «Согласен. В. Молотов. (Без даты)».

3. «Тов. Тутушкин. Исполнить как указано т. Маленковым и т. Молотовым (подпись неразборчива)» 9.УИ.41».

4. «Коробков арестован. Тутушкин. 10.УП.41». «Указания на арест Коробкова даны (подпись неразборчива) 12.УП.41».

Напоминаю, что Тутушкин — это заместитель начальника 3-го Управления НКО СССР, и приказать ему могли только начальник: непосредственный начальник — начальник 3-го Управления НКО СССР А.Н. Михеев или же, учитывая особую важность персон, согласившихся с такой мерой, Жуков или Тимошенко. Тимошенко, правда, в это время был на Западном фронте, где продолжал его гробить, о чем будет сказано отдельно.

Так что остается только Жуков, который

⁷⁷⁸ с. 112.

Неизвестная Россия. XX век. М., 1992,

сам решил написать такую резолюцию. Позиция Жукова интересна тем, что в это время он уже знал о телеграмме Мехлиса от 6 июля и о той репрессивной мере, которую Лев Захарович предложил в этой телеграмме в отношении Коробкова. Проще говоря, Жуков, который в не меньшей степени ответственен за шквальный разгром 4-й армии ЗапОВО-ЗФ, чем Коробков, немедленно согласился с арестом Коробкова, благо и объективное основание есть — спецсообщение особистов.

А что касается самого Коробкова, то после того, как он собственноручно же записал в 9 часов утра 22 июня в журнале боевых действий то, что уже было процитировано выше, сам факт того, что он столь нагло смылся с командного пункта, не вызывает удивления. Удивление вызывает то, что он не сбежал еще до полудня 22 июня, когда его армия фактически перестала существовать, а ее личный состав как молнией пронзили едва ли не категоричные убеждения солдат и офицеров в том, что имела место измена, что армию предали. Тот же Сандалов в изданных еще в 1961 г. мемуарах под названием «Пережитое» привел содержание состоявшегося между ним и членом Военного совета 4-й армии Ф.И. Шлыковым диалога:

Ф.И. Шлыков: «Давайте, Леонид Михайлович, посмотрим правде в глаза. Что, в самом деле, у нас получается? Командарм либо молчит с угрюмым видом, либо отделяется общими фразами. Вы тоже высказываетесь как-то неопределенно: ведете речь только о действиях четвертой армии, не связывая эти действия ни с войной в целом, ни даже с обстановкой на Западном фронте. А ведь именно в полосе нашей армии фашистские войска вклинились наиболее глубоко. *И для вас, по видимому, не секрет, что среди бойцов и даже командиров, в том числе и некоторых крупных начальников в тыловых частях и учреждениях пошли слухи*

об измене, о том, что армия предана. Надо же, наконец, разобраться во всем этом».

Л.М. Сандалов (удивленно): «А в чем вы хотели бы разобраться, Федор Иванович? Как развиваются события на других фронтах, мне известно столько же, сколько и вам, то есть почти ничего. Поездка Макарова (сотрудника штаба армии. — А. М) в штаб фронта, как вы уже знаете, была, можно сказать, безрезультатной. Там сами ничего не знают о соседнем Юго-Западном фронте. А что происходит на нашем Западном фронте, вы осведомлены не хуже меня. Здесь отступают все армии, но в полосе нашей, четвертой, противник действительно углубился дальше других»⁷⁷⁹.

◆**

Комментарий. Небезынтересно отметить, что впоследствии, при переиздании этого труда, Сандалов убрал выделенную жирным курсивом фразу, где говорится о предательстве. Без этой фразы были опубликованы мемуары Сандалова и в наше время⁷⁸⁰.

Трудно сказать, понимал ли Леонид Михайлович Сандалов, чтоб он «вспомнил». Но факт остается фактом. Он привел этот диалог, выставив себя почти что непричастным к тому, что происходило в полосе компетенции 4-й армии, начальником штаба которой он являлся. Более того. Член Военного совета высказал озабоченность состоянием морального духа армии, среди личного состава которой уже гуляли, ширясь не по дням, а по часам и даже минутам, слухи об измене и предательстве командования армии, командарм которой ничего не делает, молчит или же отделяется общими фразами. А началь-

⁷⁷⁹ Сандалов Л.М. *Пережитое*. М., 1961, с. 132.

⁷⁸⁰ См.: Сандалов Л.М. 1941. На Московском направлении. М., 2010, с. 112. В этой книге под указанным единым названием объединены две книги воспоминаний Сандалова - «На Московском направлении» и «Первые дни войны».

ник штаба армии искренне удивляется, чего это комиссару вздумалось в чем-то разбираться?!

Комментарий. Выше уже приводились воспоминания бывшего начальника оперативного отделения штаба 28-го стрелкового корпуса майора (в июне 1941 г.) Евгения Михайловича Синковского, который в избытке привел доказательства того, что в войсках тут же и всерьез заподозрили измену и предательство вышестоящего командования. Причем согласно его воспоминаниям получается, что член Военного совета 4-й армии Ф.И. Шлык лично слышал эти крайне нелицеприятные вопросы и констатации простых солдат и офицеров во время ночного (с 22 на 23 июня) отдыха в 333-м сп 6-й сд. А вот свидетельство также уже цитировавшегося выше Б.М. Овецкого, который вспоминал содержание разговоров своих однополчан в те страшные дни следующими словами: «...Мы старались понять, почему нас разбили на границе... Никто из нас не верил во внезапность нападения, каждый считал что все, что произошло, было страшным предательством со стороны нашего начальства, но имен вслух мы не называли, не смели...»

Озабоченность члена Военного совета армии как раз понятна, в то время как позиция Сандалова, мягко выражаясь, не очень. Такое впечатление, что его, второго по значению человека в командовании армии, не очень-то волновало состояние морального духа личного состава армии, что вообще является важнейшим показателем боеспособности армии. Зато это очень сильно обеспокоило партийные органы на местах.

Из записки секретаря Брестского обкома КП(б) Белоруссии М.Н. Тупицына «О положении на фронте Брест-Кобринского направления» в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Белоруссии от 25 июня 1941 года: «Брестский обком КП(б) Б (так в тексте, хотя должно быть Белоруссии. — А. М) считает необходимым информировать Вас о создавшемся положении на фронте Брест-Кобринского направления. Обком КП(б) Б считает, что руководство 4-й армии (командующий генерал-майор А.А. Коробков. — А. М.)

оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями. Это подтверждается целым рядом фактов, в частности:

Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать, или погибнуть. В таком положении оказались 6-я и 42-я стрелковые дивизии в Бресте и 49-я сд — в Высоковском районе.

В Брестской крепости на самой границе держали две стрелковые дивизии, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и развернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создалась паника, а мощный шквал огня немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии. По рассказам красноармейцев, которым удалось спастись, заслуживает внимания и тот факт, что не все части и соединения имели патроны, не было патронов у бойцов.

В 49-й сд, после первых же выстрелов, также произошло смятение. Разработанный заранее план действий на случай войны не был изучен командирами подразделений и, как рассказывает секретарь Высоковского РК КП(б)Б т. Рябцев, командир 49-й сд только в его присутствии стал давать распоряжения подразделениям, но было уже поздно...

Можно было бы привести много примеров, подтверждающих, что командование 4-й армии, несмотря на то, что оно находилось в пограничной области, не подготовилось к военным действиям. Вследствие такого состояния с первых же дней военных действий в частях 4-й армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую

картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер. Работники обкома партии вместе с группой пограничников пробовали задерживать бегущих с фронта. На шоссе около Ивацевичи нам временно удалось приостановить это позорное бегство. Но здесь необходимо принять более серьезные и срочные меры борьбы со стороны командования.

Возмутительным фактом является и то, что штаб корпуса (28-го СК. — *А. М.*) не установил связь с обкомом, выехал на командный пункт за город, потеряв связь со своими частями. Таким образом, многие командиры политработники вместо организации эвакуации в панике бежали из города, в первую очередь, спасая свои семьи, а красноармейцы бежали в беспорядке.

Обком и Горком КП (б) Б вместе с обл. управлениями НКВД и НКГБ пытались первое время навести порядок в городе, но эффективно ничего сделать не смогли, поскольку красноармейские части в панике отступали. Поэтому, не зная обстановки, не имея связи с военным командованием, не рассчитывая на боеспособность воинских частей, мы вынуждены были оставить г. Брест.

Обком КП (б) Б считает, что необходимо принять самые срочные и решительные меры по наведению порядка в 4-й армии и укрепить руководство 4-й армии»⁷⁸¹.

Комментарий. Обратите внимание, прежде всего на то, что уже 25 июня 1941 г. секретарь Брестского обкома партии с горечью констатировал катастрофическое положение. А ведь всего-то прошло три дня с начала войны. Но это еще что. Во-первых, посмотрите, что написал секре-

тарь обкома — «...несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах». Весьма незатейливо секретарь обкома подтвердил, что накануне войны командованию воинских частей ЗапОВО действительно было специальное предупреждение о грозящем нападении. Но речь не идет о директиве Бв 1, которую Жуков и Тимошенко послали только в ночь на 22 июня. Да и не предназначалась она для оповещения партийных органов — это была директива сугубо для командования. К тому же эта директива не успела дойти до всех командиров, ибо началась война. Так что без прегрешения против истины можно твердо утверждать, что речь шла о директиве от 18 июня 1941 г.¹ О ней партийные органы действительно знали. И это тем более так, если учесть, что секретарь написал «несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах». То есть в том смысле, что командование продолжало-таки проживать на городских квартирах даже после предупреждения. Что свою очередь означает некоторый временной промежуток между получением сигнала военной опасности и продолжением жития на городских квартирах. В совокупности это означает, что предупреждение действительно было за несколько дней. А оно ведь действительно было — 18 июня 1941 г.! Однако военное командование проигнорировало этот сигнал!

Во-вторых, изложение секретарем обкома фактической «технологии» уничтожения гитлеровцами двух стрелковых дивизий в Брестской крепости еще раз подтверждает, что командование действительно сознательно проигнорировало сигнал военной опасности и сознательно ничего не сделало для того, чтобы хотя бы в минимуме обезопасить войска. Проще говоря, вполне сознательно подставило их под разгром и уничтожение.

В-третьих, потрясает упоминание, теперь уже и секретарем обкома, того факта, что у воинских частей не было даже патронов. А ведь 18 июня 1941 г. была дана директива о приведении войск в боевую готовность. Что в свою очередь непременно подразумевает и выдачу боеприпасов. Но этого не было сделано! И так было во многих частях не только ЗапОВО, но и в ПрибОВО, и в КОВО.

В-четвертых, буквально в кому вгоняет упоминание о том, что ни одна часть не была готова к отражению нападения.

Но особенно шокирует, в-пятых, что «разработанный заранее план действий на случай войны не был изучен командирами подразделений и, как рассказывает секретарь Высоковского РК КП (б) Б т. Рябцев, командир 49-й сд только в его присутствии стал давать распоряжения подразделениям, но было уже поздно...». Об этом уже говорилось выше.

⁷⁸¹ Цит. по: «Известия ЦК КПСС». 1990, № 6, с. 204—205.

В-шестых, поражает описание секретарем обкома картины всеобщего драпа командиров всех уровней, а ведь это прямое воинское преступление — дезертирство с поля боя, неисполнение своего воинского долга, открытие врагу фронта и т.д., за что в условиях военного времени полагается только расстрел! Но если бы такой «олимпийский» драп был только на Брест-Кобринском направлении! Впрочем, а чего удивляться, если генералитет ЗапОВО вел себя именно так!..

Из срочной телеграммы от 29 июня 1941 г. секретаря Гомельского обкома Компартии (б) Белоруссии Ф.В. Жиженкова на имя Сталина: «Бюро Гомельского обкома информирует Вас о некоторых фактах, имевших место с начала военных действий и продолжающихся в настоящее время:

1. Деморализующее поведение очень значительного числа командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу.

27 июня группа колхозников Корналинского сельсовета Гомельского района истребительного батальона задержала и разоружила группу военных, около 200 человек, оставивших аэродром, не увидев противника, и направляющихся в Гомель. Несколько небольших групп и одиночек разоружили колхозники Уваровичского района.

2. Незнание командованием дислокации частей, их численности, вооружения, аэродромов, снаряжения, дислокации баз Наркомобороны, их количества и содержимого в районе его действия тормозит быструю организацию активного отражения противника.

3. Посылка безоружных мобилизованных в районы действия противника (27 июня по приказу командующего в Жлобине было выгружено 10 ООО человек, направляемых в Минск).

4. Все это не дает полной возможности сделать сокрушительный удар по

противнику и отбросить его, а, наоборот, создало сейчас большую угрозу для Гомельского участка фронта и тем самым создает угрозу прорыва противника в тыл Киевского участка фронта»⁷⁸².

Комментарий. Как видите, тотальный драп командиров всех уровней имел место не только на Брест-Кобринском направлении, но и на Гомельском направлении. Драп был настолько подло ошеломляющий, что даже колхозники не выдержали — задержали и разоружили большую группу военных командиров. А вообще это потрясающий факт. Прежде всего тем, что, казалось бы, обязанные быть недовольными советской властью колхозники, напротив, встали грудью на ее защиту, активно противодействуя подлому дезертирству командиров всех уровней! Особенно в этой телеграмме потрясает упоминание факта того, что задержанные и разоруженные колхозниками вояки бросили военный аэродром, так и не увидев противника! А это в военное время квалифицируется как преднамеренная сдача противнику военных объектов! За что также полагается только расстрел! Потому как это уже предательство едва ли не в рафинированном виде!

А вообще-то, если уж быть принципиально честным и объективным на все 100 %, то столь тотальный драп командования различных частей ЗапОВО, тем более на разных направлениях, более всего похож на предательский сговор еще до войны! Сговор, во главе которого и на вершине которого командование ЗапОВО!

Из той же «оперы» и содержание пунктов №9 2—3. Это что же за командование было в тех местах, если даже партийные работники заметили, что оно ни хрена ничего толком не знает?! В свою очередь разве не является предательским действием распоряжение командующего о направлении безоружных мобилизованных прямо под гитлеровские танки?! Не говоря уже о том, что и безоружными-то они стали также по вине командования округа — склады-то с санкциями Тимошенко и Жукова были выдвинуты ближе к границе, где их и захватили немцы прямо в первые же часы и дни войны. Десять тысяч безоружных человек сознательно направить на гибель или, что ничуть не лучше мгновенной смерти, в неизбежный плен?!

Но более всего лично автора книги потрясло уникальное для партийного работника стратегическое предвидение секретаря Гомельского обкома — «...создало сейчас большую угрозу для Гомельского участка фронта и тем самым

⁷⁸² Цит. по: «Известия ЦК КПСС». 1990, № 6, с. 214—215.

создает угрозу прорыва противника в тыл Киевского участка фронта»! Вы понимаете, что это такое?! Секретарь обкома еще 29 июня 1941 г. увидел то, что даже Жуков в своей лживой байке о якобы имевшем место его собственном предвидении Киевской катастрофы отнес лишь на 29 июля! То есть секретарь обкома уже тогда куда лучше понимал последствия создавшегося положения на фронте, чем начальник Генерального штаба Жуков и первый главнокомандующий на войне нарком обороны Тимошенко! Более того! Секретарь обкома в данном случае, что называется, ноздря в ноздрю мыслит теми же категориями, что и начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер! Секретарь обкома понимал все это уже 29 июня, а Жуков даже в своей подлой и лживой байке «сообразил» только через месяц — 29 июля!

Из письма о положении на Пинском направлении Белоруссии секретаря Лунинецкого райкома КП(б) Белоруссии В.И. Анисимова. Адресовано члену Политбюро Л.М. Кагановичу (датировано концом июня 1941 г.): «Сейчас от Дрогичино до Лунинца и далее на Восток до Житковичей сопротивление противнику оказывают отдельные части, а не какая-то организованная армия. Штаб 4-й армии после бомбардировки его в Кобрине до сих пор не собран, и отдельные части штаба ищут друг друга. Место пребывания командующего армией генерал-майора Коробкова до сих пор неизвестно, никто не руководит расстановкой сил, в результате чего на участке железной дороги Барановичи — Лунинец наших войск нет. Лунинец с севера не прикрыт, и немцы сейчас, проходящие по шоссе от Баранович на Слуцк, могут беспрепятственно прийти в Лунинец, что может создать мешок для всего Пинского направления (то есть «котел». — А. М.). В самом Лунинце гарнизона почти нет. Проведенная в нашем районе мобилизация людей и коней эффекта не дала. Люди скитаются без цели, нет вооружения и снарядов (очевидно, нарядов. — А. М.) на отправку людей. В городе полно командиров и красноармейцев из Бреста, Кобрина, не знающих, что им

делать, беспрерывно продвигающихся на машинах на восток без всякой команды, так как никакого старшего войскового командира, который мог бы комбинировать (очевидно, координировать. — А. М.) действия войск, нет.

Прибывший вчера в Лунинец генерал-майор артиллерии Дмитриев, находившийся до этого в отпуске, сам, видимо, не зная обстановки и не зная о существовании штаба армии, никаких указаний не дал. Сегодня отправился в Пинск в поисках штаба.

В Пинске сами в панике подорвали артсклады и нефтебазы и объявили, что их бомбами (автор письма явно хотел сказать, что прикрылись утверждением, что-де их разбомбили немцы. — А. М.), а начальник гарнизона и обком партии сбежали к нам в Лунинец, а потом, разобравшись, что это была просто паника, вернулись в Пинск, но боеприпасы, горючее пропали, — и дискредитировали себя в глазах населения. Шлют самолеты в разобранном виде, а собрать их нигде. Их будем возвращать обратно.

Эти факты подрывают доверие населения. Нам показывают какую-то необъяснимую расхлябанность. Все требуют немедленных мер, назначения командующего, создания штаба, значительного усиления вооруженных сил, усиления истребительной авиации, т.к. сейчас бомбардировщики немцев чувствуют себя безнаказанно...»⁷⁸³

♦

Комментарий. А это и вовсе умопомрачительное описание злостного, преступного бардака вместо фронта. Причем бардака, круто замешанного на предательстве, саботаже, дезертирстве, неисполнении своего воинского долга! Где командующий 4-й армией — не знают, найти не могут. А откуда им было знать, где он, если Коробков еще 23 июня уже смылся со своего КП и лично спровоцировал панику в Пинске, последствия которой и описал партийный секретарь. Осколки штаба армии увлеченно разыскивают друг друга,

⁷⁸³ Цит. по: «Известия ЦК КПСС». 1990, № 6, с. 215—216.

командование всех уровней увлеченно драпает на восток вместе с красноармейцами, другие слоняются без дела, военкоматы не действуют (коли не было даже нарядов на отправку мобилизованных), обороны никакой. Зато оставляют беззащитными советских людей на поругание лютому врагу, но при этом успевают сознательно взорвать склады с боеприпасами и горючим и лишь потом разбираются, что они ударились в панику! Потрясающе злодейское преступление против своей же Родины во время войны!

Но что особенно поражает, так это то, что и в данном случае партийный секретарь мыслил стратегическими категориями. Ведь он, не военный человек, откровенно предвидел «котел» для наших войск! Партийный секретарь предвидел, а командование — нагло драпает от противника! Потрясающе!..

Конечно, после таких фактов Коробков — вне всякого сомнения, заслуживающая очередной реабилитации «невинная жертва сталинизма». Причем именно потому, что, являясь командармом, он ничего не предпринял для того, чтобы хотя бы один взвод поднять по боевой тревоге до нападения. Да еще и сбежал с КП, попутно лично спровоцировав панику в Пинске как среди военных, так и гражданских лиц, а также уничтожение складов с огромным количеством боеприпасов, которых так не хватало брошенным им, но продолжавшим оказывать сопротивление его войскам, а также массовое дезертирство солдат. Подчеркиваю, вне всякого сомнения, страсть какая «невинная жертва», особо нуждающаяся в очередной реабилитации а ля Хрущев!

В свете этих фактов, которые хорошо были известны Сандалову, совершенно непонятно, как у него рука-то повернулась написать, что-де Коробкова репрессировали по разнарядке в поисках «козлов отпущения»? Да одно то, что командарм так нагло сбежал со своего КП при отсутствии какой-либо угрозы, в военное время расценивается как дезертирство с поля боя, а учитывая, что это деяние совершил не рядовой солдат, а командарм, генерал, то сие будет считаться особо отягчающим обстоятельством.

За одно только это расстрел уже гарантирован.

Короче говоря, если резюмировать все вышесказанное о 4-й армии, то следует особо подчеркнуть следующее. Во-первых, ее шквальный разгром был абсолютно неминуемо неизбежен. Во-вторых, он был именно потому абсолютно неминуемо неизбежен, поскольку действия и командования округа, и командования самой армии были откровенно направлены на это. В-третьих, не меньшая ответственность за абсолютно неминуемо неизбежный, шквальный разгром 4-й армии ложится на наркома обороны С.К. Тимошенко, начальника ГШ Т.К. Жукова и, естественно, на командующего округом-фронтом Д.Г. Павлова. Ну, а в чем эта ответственность — выше уже было показано.

Что же касается пограничников и других воинов-чекистов, которых Коробков предал и оставил без помощи, то они удостоились высшей оценки за свое мужество и героизм. Гитлеровский генерал Э. Блюментрит впоследствии написал: «В Брестской крепости, где находилась школа ГПУ, русские в течение нескольких дней оказывали фанатичное сопротивление»⁷⁸⁴. Известный британский историк («в штатском») Л. Гарт отмечал в своей знаменитой книге «Вторая мировая война»: «Впервые с упорством русских немцы столкнулись при осаде Бреста. Здесь гарнизон старой крепости держался недели, несмотря на массированный огонь артиллерии и бомбардировку с воздуха, и, прежде чем его сопротивление было сломлено, нанес тяжелые потери атакующим войскам»⁷⁸⁵. И это не говоря уже о всенародном признании исторически беспрецедентных мужестве, героизме и стойкости защитников крепости.

⁷⁸⁴ Блюментрит Э. Роковые решения / Пер. с нем. М., 1958, с. 83.

⁷⁸⁵ Гарт Л. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976, с. 157.

§ 9. Общая ситуация в 3-й армии ЗапОВО. Причины и механизм быстрого разгрома 3-й армии

Теперь о ситуации в 3-й армии.

3-я армия. Место дислокации — северный участок Белостокского выступа. Состав армии: 4-й ск, в который входили 27-я, 56-я и 85-я сд, 11-й мк, состоявший из 29-й и 33-й тд, а также 204 мд, части корпусного подчинения и Гродненский УР. Личный состав — 75 тыс. чел., 404 танка, 550 пушек и гаубиц, 287 минометов, 296 противотанковых орудий, 224 зенитных орудия. Поддержка авиацией должна была осуществлять 11-я сад в составе трех иап, одного шап и одного бап. Всего 224 самолета, из коих 125 истребителей, 77 штурмовиков и 22 бомбардировщика⁷⁸⁶. Основная задача — оборона направления Августов—Гродно. Как видим, формально силы были немалые. Полоса обороны у армии была 120 км, что, казалось бы, не так уж и превышало норматив.

По формальным признакам выходило, что армия могла иметь линейную плотность пехоты примерно 0,625 стрелка на метр линии обороны, а плотность артиллерии — И, с учетом же танков — примерно 15 стволов на 1 км линии обороны. Не густо, конечно, но это уже силы, не принимать в расчет которые нельзя.

Однако... ох уж это «однако». Хорошо известно, что и при огромных силах и возможностях можно едва ли не мгновенно проиграть и отдельный бой, и целое сражение, и даже войну. А уж при таких силах, как у этой армии, если тем более ими сознательно распорядиться не по уму, то и вовсе можно докатиться до катастрофы.

Положение в этой армии Павлов объяснял следующим образом. Ссылаясь на донесение командующего 3-й армией Кузнецова, Павлов отметил, что накануне нападения в течение полутора суток в Сувалкский выступ непрерывно шли не-

мецкие мотомехколонны и что на участке Августов — Сопоткин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. Далее командарм-3 Кузнецов якобы сообщил Павлову, что:

— в соответствии с ранее данными командующим округом указаниями он раздал боеприпасы войскам и приступает к занятию сооружений;

— войска УР находятся в укреплениях;

— 56-я сд выведена на положенное ей по плану место;

— 27-я стрелковая дивизия уже выведена на свое место, так как она примерно за месяц до начала военных действий была переведена из Сопоткин — Гродно на утвержденные ГШ места в районе Августов — Граево, Сухового.

Да, еще Павлов указал, что предложил командующим войсками, в том числе, естественно, и командарму-3, привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные. Вроде бы все если и не полный ажур, но тем не менее не так уж и плохо. Но ведь 3-я армия тоже была разгромлена в считанные дни! Что же тогда на самом деле имело место быть в 3-й армии накануне нападения?

А вот что. По воспоминаниям бывшего начальника штаба 56-й дивизии полковника в отставке Н.М. Каланчука, командование 3-й армии запрещало любые мероприятия по приведению войск в боевую готовность, даже по оборудованию районов сосредоточения, НП и КП⁷⁸⁷. Хотя директивы по некоторым из этих вопросов поступили едва ли не за месяц до начала войны. Даже 19 июня, то есть уже после директивы от 18 июня о приведении войск в боевую готовность, которую Павлов в полном объеме не довел до сведения нижестоящего командования, Кузнецов учудил очередной запрет. Во время совещания 19 июня

⁷⁸⁶ ЦА МО РФ. Ф. 16 «а». Оп. 2951. Д. 243. Л. 174—175. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 242.

⁷⁸⁷ Егоров Д. Июнь 1941-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 83. Д. Егоров в свою очередь ссылается на личный архив Д.Н. Егорова — И.И. Шапиро.

Н.М. Каланчук обратился к начальнику штаба армии генералу А.К. Кондратьеву за разрешением дополнить боекомплект в танках артвыстрелами и дисками с патронами до 50 % (по инструкции боеукладка составляла 25 %). В ответ Каланчук получил категорический отказ. Хуже того. Ему еще и замечание объявили с запретом впредь обращаться с таким вопросом к командованию. Однако Каланчук на этом не успокоился и задал командарму-3 прямой вопрос, что ему делать в случае войны с той частью личного состава, которая пока не имеет никакого оружия, так как в дивизии был острый дефицит винтовок и пистолетов-пулеметов. Здесь уместно было бы напомнить о результатах анализа утверждений Павлова о складах и базах. Оружие и боеприпасы в округе были. Однако ни Павлов не санкционировал вскрытие складов окружного и армейского подчинения, ни Тимошенко с Жуковым не отдали никаких распоряжений в отношении складов центрального подчинения. Короче говоря, и здесь войска были оставлены без оружия и боеприпасов.

Так что нет ничего удивительного в том, что вместо нормального ответа Каланчук выслушал от командарма-3 Кузнецова краткий монолог следующего содержания: «На Неман посадим, дубины дадим, обороняться будем»?! Не сдержав своего возмущения очевидной подлой глупостью командарма-3, Каланчук резко ответил ему, что с дубиной только первобытные люди воевали. И тут прорвало уже командарма, который заорал: «Окончил две академии и ничему не научился! Вон! Вон из кабинета!»⁷⁸⁸

Даже вечером 21 июня, когда угроза нападения достигла своего апогея, и уже даже грудному младенцу было бы ясно, что вот-вот начнется война, командарм-3 и сопровождавший его член Военного совета Н.И. Бирюков умудрились отчебучить

очередное преступление. Прибыв вечером в 345-й стрелковый полк 27-й сд, этот дуэт потребовал от командира полка В.К. Солодовникова доклада об обстановке. Тот, естественно, доложил все как есть. Коша же его спросили о выводах, то он ответил, что война неизбежна и начнется не сегодня, так завтра. И тут на полковника Солодовникова обрушился шквал гневных филиппик по поводу того, что он, видите ли, ни хрена не соображает, что он сделал неправильные выводы, что-де войны не будет, что-де немцы нас бояться, но мы не должны обнаруживать своей подготовки. Мало того что зазря обругали Солодовникова, так еще и потребовали немедленно вызвать особиста, чтобы, очевидно, арестовать полковника. Но по прибытии тот, будучи порядочным и хорошо информированным человеком, полностью подтвердил сказанное Солодовниковым, приведя двух генералов в полное разочарование. Солодовников же не унимался и попросил у Кузнецова разрешения выдать личному составу каски, но тут же получил отказ. Однако Солодовников решил идти до конца и пошел на шантаж, заявив, что-де в воскресенье по плану должен состояться строевой смотр. Только после этого Кузнецов сдался и разрешил выдачу касок (надо полагать, только для строевого смотра, что для него было важнее, чем реально нависшая угроза нападения врага), но с предупреждением, чтобы немцы не узнали об этом⁷⁸⁹.

После этого если даже и не захочешь, все равно согласишься со старой солдатской мудростью, гласящей, что генерал — это выживший из ума полковник. Не всегда, конечно, но, очевидно, частенько. Однако если вы расцените поведение этих двух генералов как преступное самодурство выживших из ума полковников, то будете неправы. Фактически без малого десять дней, как началось непосредственное, но поэтапное приведение войск в боевую готовность. Получены соответствующие директивы, где об этом

⁷⁸⁸ Егоров Д. Июнь 1941-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 83—84. Д. Егоров в свою очередь ссылается на личный архив Д.Н. Егорова — И.И. Шапиро.

⁷⁸⁹ Там же, с. 82.

прямо говорилось. Правда, директива от 18 июня Павловым не была доведена до сведения командармов, по крайней мере в полном объеме. Но в эти дни на местах уже и без нее было понятно, что нападение вот-вот грянет, а соответственно необходимо немедленно принимать соответствующие меры. А эти двое мало того что своими не столько идиотскими, сколько преступными заявлениями отчаянно расхолаживали подчиненных, но и даже не хотели выдавать каски солдатам! Не говоря уже об оружии и боеприпасах! Миль пардон, но это уже не самодурство, хотя бы и преступное. Это просто преступление, тяжкое воинское преступление, сознательно направленное на ослабление мобилизационной и боевой готовности вверенных им войск! А когда через несколько часов началась война, то 345-й СП единственный в 27-й сд оказался на высоте. Потому что командир у этого полка был нормальный человек и офицер, преданный своей Родине патриот, честно исполнявший свой воинский долг.

◆**

Комментарий. В истории с этим полком есть одна заковыка. Бывший командир 24-й дивизии, впоследствии генерал армии Галицкий К.Н., в своих мемуарах утверждал следующее. Что-де прибыв 21 июня в 27-ю дивизию и оценив сложную обстановку в полосе ее обороны, командарм-3 Кузнецов якобы приказал вывести два батальона 345-го сп из казарм на заранее подготовленные позиции на рубеж реки Нетта и Августовского канала, прикрыв это направление со стороны Сувалок. Об этом решении командарм-3 Кузнецов не доложил в округ, опасаясь его отмены⁷⁹⁰. Откровенно говоря, трудно в это поверить, особенно после того, как ознакомишься с приведенным выше красочным описанием «визита» командарма-3 в 27-ю сд 21 июня, в том числе и в 345-й СП. Похоже, что, руководствуясь соображениями корпоративной генеральской солидарности, Галицкий задним числом придал командарму-3 некоторый шарм самостоятельного и инициативного командующего, чего накануне войны не было и в помине. Кстати, сделал это Галицкий не очень умело — врать-то надо было с учетом возможного открытия архивов в будущем. А когда они открылись, то получилось

что Галицкий наврал, живописуя самостоятельность и смелость командарма-3. В книге воспоминаний Галицкого есть упоминания о том, что 12 июня он был вызван в штаб округа, где лично от генерала Павлова получил секретное указание: «Во второй половине июня... дивизия будет переброшена на автомашинах двух автомобильных бригад в район Гродно... Никаких письменных указаний от меня и штаба округа не будет. Все делать согласно моим личным указаниям. Доложите их командующему армией генералу Кузнецову»⁷⁹¹. Во исполнение этого указания Галицкий совместно с командным составом дивизии 16—17 июня провел рекогносцировку по предстоящему маршруту передвижения частей: Молодечно, Лида, Гродно. А затем прибыл для доклада к командарму-3 Кузнецову, от которого услышал следующее: «Положение тревожное. Мною отдан приказ вывести часть войск ближе к границе, к северо-западу от Гродно. Поезжайте к себе, подготовьте все к приведению частей в готовность в соответствии с планом поднятия по боевой тревоге. Никому об этом не говорите. Всю работу проводите лично и без шума»⁷⁹². С какой стати мы должны верить тому, что Кузнецов проявил самостоятельность и инициативу в выдвигании войск в сторону границы?! Ведь из Москвы же пришла директива о выдвигании в целях повышения боевой готовности и под видом учений дивизий из глубины округов ближе к границе. Причем там четко было указано, что выводить надо в районы, указанные в плане прикрытия. Какого же хрена они все играли в некую полудиотскую секретность между собой?! Неужели даже после войны Галицкий не знал о подлинной природе происхождения приказов Павлова и Кузнецова. Ведь к тому моменту уже вышли и мемуары Жукова, и Василевского, и Штеменко, и многих других. Чего же было нести столь глупую ахинею?!

Наконец, такой факт. В спецсообщении 3-го Управления НКО Ха 36710 от 5 июля 1941 г. (оно основывалось на спецсообщении 3-го отдела Западного фронта) военные контрразведчики информировали о следующем. При осмотре 21 июня 1941 г. командующим 3-й армией частей, расположенных на границе, заместитель командира артиллерийского полка 56-й стрелковой дивизии майор Дюрба доложил командарму-3, что происходит большая концентрация немецких войск на границе. И далее отметил, что

⁷⁹⁰ Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941—1944. М., 1973, с. 33.

⁷⁹¹ Там же, с. 24—25.

⁷⁹² Там же, с. 29.

наши укрепленные точки не обеспечены боеприпасами и потому в случае нападения окажутся небоеспособными. В ответ услышал от Кузнецова следующее: «Ничего страшного нет, и не может быть». Никаких мер по обеспечению точек боеприпасами Кузнецов не принял. Ну а когда нападение произошло и стали очевидными последствия преступного поведения командарма-3, то тот же Дюрба, как сообщили особы, среди комначсостава заявил: «Кузнецов и командование 3-й армии нас продали»⁷⁹³.

Абсолютно не намереваясь хоть как-то влиять на итоговый вывод читателей по ситуации в 3-й армии, невозможно в то же время не привлечь внимание читателей к следующему. Выше были приведены факты, которые даже при всем желании не позволяют списать подобное поведение командарма-3 на преступную халатность или на преступное самодурство. Сделать это — значит оправдать Кузнецова. Потому что эти факты свидетельствуют об осознанной, более того, об уперто сознательно же проводившейся в жизнь позиции командующего 3-й армией. И поскольку зафиксированные в разных частях этой армии факты однозначно свидетельствуют именно об уперто сознательно проводившейся в жизнь командармом-3 позиции, это означает, что командарм-3 Кузнецов уперто сознательно осуществлял меры по ослаблению мобилизационной и боевой готовности частей и соединений вверенной ему армии! Ведь у него, как и у других командармов, были определенные права по приведению вверенных ему войск в реальную боевую готовность. Но он ничего не сделал. А наверх посылал, если верить Павлову, успокоительные доклады, что-де «все в порядке».

Соответственно с учетом того, что все это происходило в особо угрожаемый

период и немедленно привело к катастрофическим последствиям буквально через несколько часов, эти факты в переводе на язык Уголовного кодекса означают лишь одно — тяжкое государственное и воинское преступление. Потому что разведывательный отдел штаба ЗапОВО 21 июня представил и командованию округа, и соответственно командующим армией разведывательную сводку, которая одновременно была доложена от имени штаба округа в Генеральный штаб, в которой прямо говорилось, что «основная часть немецкой армии в полосе против ЗапОВО, заняла исходное положение. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе»⁷⁹⁴. Более того. К вечеру 21 июня в штаб 3-й армии поступила еще одна разведывательная сводка за подписью начальника штаба округа Климовских и начальника РО штаба округа Блохина, в которой прямо говорилось, что:

— немецкие войска закончили сосредоточение на четырех направлениях: восточнопрусском, млавском, варшавском и демблинском,

— главные силы немцев находятся в 30 км от границы,

— на ближайшей к границе станции Бяла-Подляска выгружено до 40 эшелонов с боеприпасами и инженерной техникой — понтонными парками, разборными мостами и т.д.,

— артиллерия занимает огневые позиции,

— в районе Сувалок продолжается подтягивание войск и тылов к границе, а южнее Сувалок, в районе Олыпанок установлено сосредоточение тяжелой артиллерии, танков различных типов, включая и Рг-1У, а также мощного зенитного прикрытия⁷⁹⁵.

Эти разведывательные данные смертным приговором звучат:

— для командования округом, кото-

⁷⁹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 204—207. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 52.

⁷⁹⁴ Цит. по: Хорьков А.Г. Грозовой июнь. М., 1991, с. 152.

⁷⁹⁵ Ретин Е.Г. Генерал Карбышев. М., 1971, с. 204, 207.

рое, выходит, сознательно игнорировало такие предупреждения собственной же разведки, сознательно же доведя дело в итоге до катастрофы. Ведь только в 7 часов утра (по местному времени) 22 июня начальник штаба Западного фронта генерал-майор В.Б. Климовских отдал приказ: «Привести войска в боевую готовность* Выдать патроны. Артиллерии выдать снаряды. Военным училищам быть готовым к уничтожению возможных воздушных десантов»⁷⁹⁶. Павлов, правда, еще в 5 ч. 25 мин. утра 22 июня отдал приказ «поднять войска и действовать по-боевому»⁷⁹⁷, что также означает умышленную задержку в передаче указания директивы № 1 о приведении войска в боевую готовность.

А тот же Климовских уже в 4.20 доложил в ГШ о том, что приказ «действовать по-боевому» отдан?! Вот текст «БОВОГО ДОНЕСЕНИЯ ШТАБА ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ №001/оп

22 июня 1941 г., 4.20.

Первое: 3-я армия — до 69 самолетов немцев бомбят Гродно. Наша авиация завязала воздушный бой.

Второе: 10-я армия — группа диверсантов перешла границу, из них 2 убито, 2 ранено, 3 захвачено в плен, один бежал.

Третье: 4-я армия — в 4.20 началась бомбежка Бреста. Количество самолетов не выяснено.

Четвертое: По всей границе по данным постов ВНОС — артиллерийская перестрелка.

Пятое: Приказано поднять войска и действовать по-боевому.

Начальник штаба Западного особого военного округа генерал-майор КЛИМОВСКИХ»⁷⁹⁸.

⁷⁹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 21.

⁷⁹⁷ ЦА МО РФ. Ф. ИЗ. Оп. 3273. Д. 2. Л. 146.

⁷⁹⁸ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 10. Л. 56. Подлинник.

Проще говоря, что Павлов, что Климовских — ввали напропалую, как говорится, два сапога — пара. Парой их и расстреляли за подлое вранье, приведшее к трагическим последствиям.

В этой связи серьезное недоумение вызывают воспоминания отдельных командиров ЗапОВО, в которых они пытаются по меньшей мере представить того же Кузнецова в более лучшем виде, нежели то имело место быть. Так, бывший командир 12-й сд генерал К.Н. Галицкий отмечал в своих мемуарах, что командующий 3-й армией Кузнецов около 2 ч. ночи 22 июня по ВЧ получил приказ Павлова. Приказ гласил: «Поднять войска по боевой тревоге, частям укрепленного района немедленно занять долговременные огневые точки и привести их в полную боевую готовность, по сигналу “Гроза” ввести в действие план прикрытия госграницы»⁷⁹⁹.

Но как Кузнецов еще около двух часов ночи мог получить такой приказ Павлова, если сама директива № 1 поступила в ЗапОВО только в 1 час 45 минут ночи 22 июня?!⁸⁰⁰ Как он мог это сделать, если требования директивы № 1 о приведении войск в боевую готовность транслировали в войска округа только в 2 часа 25 минут — 2 часа 35 минут, о чем есть прямые указания на самом архивном документе, сделанные еще тогда, в 1941 г.?!⁸⁰¹ Но ладно бы только этот разнобой, который можно отнести на несовершенство человеческой памяти. Но вот кто бы разъяснил, желательно вразумительно, как Кузнецов мог получить такой приказ от Павлова около двух часов ночи?! Как, если сам Павлов только в 5 ч. 25 мин. отдал приказ поднять войска и действовать по-боевому?! А его начальник штаба и вовсе только в 7 часов утра распорядился привести войска

⁷⁹⁹ Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941—1944. М., 1973, с. 35.

^{*10} ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69. Машинопись. Подлинник, автограф.

⁸⁰¹ Там же.

округа в боевую готовность?! Что, сложной оказалась задачка?.. Ну, так это еще что. Попробуйте в этой связи догадаться, когда же на самом-то деле была сделана упомянутая запись в «Журнале боевых действий Западного фронта». До начала нападения или уже после, когда началась трагедия?.. Надеюсь, поиск ответа не станет столь уж обременительным...

Комментарий. В этой связи некоторое недоумение вызывает одна запись в «Журнале боевых действий войск Западного фронта» за июнь 1941 г. В ней говорится:

«22 июня 1941 г. Около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии. Примерно в 2 часа—2 часа 30 минут аналогичное приказание было сделано шифром армиям, частям укрепленных районов предписывалось немедленно занять укрепленные районы. По сигналу “Гроза” вводился с действие “Красный пакет”, содержащий в себе план прикрытия госграницы.

[Однако] Шифровки штаба округа штабами армий были получены, как оказалось, слишком поздно, 3-я и 4-я армии успели расшифровать приказание и сделать кое-какие распоряжения, а 10-я армия расшифровала предупреждение уже после начала военных действий.

<...>

Войска подтягивались к границе в соответствии с указаниями Генерального штаба Красной Армии.

Письменных приказов и распоряжений корпусам и дивизиям не давалось.

Указания командиров дивизий получали устно от начальника штаба округа генерал-майора Климовских. Личному составу объяснялось, что они идут на большие учения. Войска брали с собой все учебное имущество (приборы, мишени и т.д.) [...]

Заместитель начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенант Маландин

Старший помощник начальника оперативного отдела майор Петров»⁸⁰².

Недоумение этот документ вызывает вот в связи с чем. Во-первых, «Журнал боевых действий войск Западного фронта» был составлен в августе—сентябре 1941 г. Во-вторых, данный

документ составлен за подписью Г.К. Маландина, который по указанию Москвы сменил Климовских на посту начальника штаба фронта. Маландин же — из команды Тимошенко—Жукова, проще говоря, один из членов «киевской мафии». В-третьих, несмотря на то, что время получения директивы Ыо 1 и особенно время ее отправления в войска (о содержании пока не говорим) четко указано, что легко было проверить еще тогда, в 1941 г., Маландин позволил себе выражение «примерно в 2 часа—2 часа 30 минут». В связи с чем такая вольность?

***◆

— Для командования 3-й армии, которому об этом же докладывали и командиры частей на местах и просили разрешение на приведение войск в боевую готовность, в чем им было сознательно отказано в силу, что уже очевидно, сознательно же проводившейся в жизнь преступной позиции самого командарма-3.

— Для возглавлявшегося Жуковым Генерального штаба, так как процитированная первой разведывательная сводка была далеко не первой сводкой, в которой РО штаба докладывал в ГШ о сосредотачивавшейся напротив ЗапОВО немецкой группировке войск. Соответственно чего же тогда стоят все болтологические «воспоминания и размышления» не только Жукова, но и других вояк, из которых вытекает, что-де они якобы не знали о третьей, сосредотачивавшейся непосредственно по центру советско-германской границы аккуратно напротив ЗапОВО, группировке вермахта?! Чего стоят их утверждения, что-де именно поэтому-то они и проморгали наиболее сильный удар именно на этом направлении?! Но при этом сваливали всю вину за ожидавшийся ими удар немцев только по двум направлениям — Северо-Западному и Юго-Западному — непосредственно на Сталина?! Да еще и ГРУ обвиняли в том, что оно что-то там недосмотрело на польском плацдарме?!

До 5 ч. 25 мин. утра 22 июня, когда Павлов наконец-то соизволил отдать давно уже крайне необходимый, но маловразумительный приказ «поднять

⁸⁰² ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 355802с. Д. 1. Л. А—10. Боевые действия Красной армии в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Цит. по: Бир://M\$a.t/clocитеп1\$/Ы1т1/(1опе81ипе41/41061822.Ы1т1

войска и действовать по-боевому»⁸⁰³, командарм-3 Кузнецов ждал указаний из штаба ЗапОВО и все слал туда запросы с этим рефреном «жду указаний»⁸⁰⁴. Но при этом не уставал бомбардировать своих подчиненных запросами типа: «Немедленно информируйте, что у вас происходит на границе, и выполняют ли войска приказ по плану? Есть ли данные о том, что приказ войска выполняются? ...введен ли план прикрытия в действие?»⁸⁰⁵

Как будто не он запрещал любые меры по приведению войск в боевую готовность?! И какой такой приказ должны были выполнить вверенные ему войска, если он все подряд запрещал?! Как войска должны были ввести в действие план прикрытия и какой план, если командиры этой армии с майским планом знакомы не были, не знали своего ТВД, а соответственно никаких документов не имели?! Короче говоря, совокупность этих запросов Кузнецова сильно уж смахивает на неотъемлемый компонент его алиби на будущее — ведь они же якобы свидетельствовали о том, что-де приказ он отдал, проверял его выполнение, санкционировал ввод в действие плана прикрытия! Попробуй придраться...

А на самом-то деле имела место сплошная профанация. Даже в приказах. Так, в 9 часов утра 22 июня командир 29-й тд полковник Н.Л. Студнев получил от Кузнецова приказ, констатирующая преамбула которого носила вызывающе идиотский характер. В 9 ч. утра 22 июня, когда уже даже и грудному младенцу было понятно, что началась варварская война, что противник бросил все силы на прорыв, Кузнецов написал в преамбуле приказа следующее: «Противник с целью спровоцировать конфликт и втянуть Советский Союз в войну, перебросил

на отдельных участках государственной границы крупные диверсионно-подрывные банды и подверг бомбардировке некоторые наши города...»?!⁸⁰⁶

Вот как тут не вспомнить знаменитый загиб Петра Великого, от которого, как гласит молва, деревья гнулись, звери в лесу разбегались, а бояре и прочая знать судорожно прятались под лавками. Ведь каким же надо было быть клиническим идиотом и ни хрена не смыслящим в военном деле генералом, чтобы в 9 часов утра 22 июня, то есть спустя пять часов после начала войны, написать в приказе о каких-то диверсионно-подрывных бандах, хотя бы и крупных?! Неужели дожив до генеральского звания, он ни разу не видел, что такое «диверсионно-подрывная банда»?! Где он видел прекрасно вооруженные и оснащенные отличной боевой техникой, поддерживаемые широкомасштабным наступлением танков и авиации диверсионно-подрывные банды?! Его армию отчаянно молотили и авиация люфтваффе, и артиллерия вермахта, в полосе обороны его армии границу перешли регулярные части вермахта, прежде всего танковые части, и упорно продвигались вперед, а он о каких-то диверсионно-подрывных бандах?! Попробуйте понять, зачем Кузнецов умышленно ориентировал свои войска на борьбу с диверсионно-подрывными бандами? Борьба с ними это одно, а отражение крупномасштабной агрессии сильного, прекрасно вооруженного и оснащенного врага — совершенно иное дело. Зачем было нужно так дезориентировать нижестоящее командование? Как уже указывалось ранее, в послевоенное время Кузнецов вспоминал, что так же, как и другие командармы, он докладывал в штаб округа о совершенно открытой подготовке немцев к войне, что командованием 3-й армии было точно установлено сосредоточение крупных сил немцев против этой армии. Если прекрасно знал о

⁸⁰³ ЦА МО РФ. Ф. ИЗ. Оп. 3273. Д. 2. Л. 146.

⁸⁰⁴ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 195. Л. 7.

⁸⁰⁵ Там же.

⁸⁰⁶ Там же.

совершенно открытой подготовке немцев к войне, то какого же хрена, во-первых, до нападения ничего не сделал, а, наоборот, все запрещал, и, во-вторых, на кой черт ориентировал подчиненные войска на уничтожение именно диверсионно-подрывных банд? Или что, после войны можно было брехать что угодно?! Или что, под Павлова «косил», который первым на Западном фронте прокукарекал о каких-то прорвавшихся бандах? Но в таком случае, что это должно означать? Уже не предвоенную ли договоренность между командующим округом и командармом-3, что на первых порах войска необходимо ориентировать на уничтожение неких банд? Если это было так, то, увы, придется усмотреть в этом преступный сговор...

Впрочем, и без таких предположений вполне понятно, что все это не могло не закончиться печально. Особенно если учесть, что ориентированные на борьбу с диверсионно-подрывными бандами части и соединения этой армии «...переходили к обороне в широких полосах, в одноэшелонных боевых порядках, зачастую на необорудованной в инженерном отношении местности, имея один боекомплект боеприпасов и одну заправку горючего, без существенной поддержки артиллерии и авиационного прикрытия, располагая незначительным количеством зенитных средств и средств связи»⁸⁰⁷.

Ни для кого не является секретом, что оборону на суше держит в первую очередь пехота, в данном случае стрелковые дивизии. А в 3-й армии к началу агрессии из всех ее войск на границе находилась только одна 27-я дивизия, один из полков которой и вовсе не успел занять свою полосу обороны. Между тем перед фронтом обороны армии развернулась 9-я полевая армия и 3 Тгр вермахта в составе 6 пехотных и 4 танковых дивизий. А на границе, подчеркиваю, всего единственная 27-я сд без одного полка. И когда 9-я

армия вермахта начала свое наступление, то ее главный удар пришелся по правому флангу этой дивизии.

Если исходить из предназначенной для этой дивизии ширины фронта обороны — 40 км, то ситуация, в которой она оказалась, была следующей. При той численности стрелковых дивизий, на которой настаивал Жуков — 8 тыс. чел., это означает, что на 1 метр обороны приходилось всего 0,2 бойца.

Справка. Еще в начале этой главы отмечалось, что в среднем стрелковые дивизии округа были укомплектованы личным составом на 54 %. Весной 1941 г. была утверждена новая численность стрелковых дивизий РККА — 14 483 человека. Исходя из этого, получается, что в стрелковых дивизиях округа в среднем было по 7820 человек, хотя в некоторых из них было больше. Жуков настаивал на цифре 8 тысяч человек. Учитывая незначительную разницу между этими цифрами, за основу для расчетов взята цифра Жукова.

Гитлеровская же пехота шла в прорыв, как уже неоднократно указывалось, с плотностью в 4,2 пехотинца на 1 метр прорыва. Следовательно, превосходство противника над каждым 0,2 бойца составляло 21 раз! В пересчете на одного бойца из плоти и крови превосходство получалось 105 раз! И все из ВОЗДУХА! Вновь обращаю внимание на то, что хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска!

Однако, как уже было указано выше, основной удар гитлеровской машины на этом направлении пришелся на правый фланг дивизии, вследствие чего подлинное превосходство противника на поле боя было, если учитывать все иные факторы, как минимум раза в четыре больше. То есть примерно на уровне 420 раз! Естественно, что дивизия не могла долго удерживать

⁸⁰⁷ Абатуров В. В. 1941. На Западном направлении. М., 2007, с. 54.

живаться в обороне. Она и так чудом — в основном за счет заранее приведенного в боевую готовность 345-го полка — продержалась в обороне несколько часов, но, понеся огромные потери, уже с 9 ч. утра вынуждена была начать отход во избежание полного окружения и уничтожения.

Ситуацию, в которой оказалась эта дивизия, была проанализирована с позиций термина «дивизия» и ширины фронта ее обороны. Это и правильно, и неправильно одновременно. Правильно, потому что проанализировали конкретную ситуацию вокруг конкретной дивизии. Неправильно, потому что в момент начала нацистской агрессии эта дивизия, как говорится, в одиночестве представляла 3-ю армию на границе. Соответственно в первые мгновения агрессии ей пришлось отдуваться за всю армию. Если проанализируем ситуацию, в которой оказалась эта дивизия именно с этой точки зрения, то почти молниеносная катастрофа 3-й армии сразу станет понятной. Потому что цифры в этом случае будут просто умопомрачительные. Разберем этот случай ввиду его особой важности именно для первых мгновений агрессии. Именно они важны, так как начало всем прорывам гитлеровской военной машины нашей обороны было положено именно в эти мгновения. Если это не учитывать, то будет очень трудно полностью понять причину молниеносного прорыва вермахта на огромную глубину в кратчайшие сроки. Потому как это одновременно явится и объяснением того, каким образом таранно-штурмовой пролом всей системы нашей обороны мгновенно набрал такую чудовищную скорость, погасить которую удалось едва ли не в прямом смысле слова под стенами древнего Кремля.

Итак, на фронте обороны шириной в 120 км находится одна стрелковая дивизия численностью, по Жукову, в 8 тыс. человек. Ну, а теперь посмотрите, что же получилось в реальности. Получается, что на каждый метр армейской линии оборо-

ны приходилось 0,066 бойца. Нацистские аспиды перли в прорыв, как правило, с плотностью 4,2 пехотинца на 1 м линии прорыва. Следовательно, превосходство супостатов над нашими 0,066 бойца уже 63,63 раза. В пересчете на одного стрелка из плоти и крови получается превосходство (округленно) 964 раза! И это, заметьте, без какого либо учета огневой поддержки пехоты супостатов танками, артиллерией и авиацией люфтваффе. Если еще и это посчитать, то уровень мгновенно сложившегося из воздуха превосходства супостатов увеличится как минимум раза в четыре и приблизится к 4 тысячам раз! Если точно, то 3856 раз! И ведь все из ВОЗДУХА! Еще раз обращаю внимание на то, что хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска! Разгром дивизии не мог не быть молниеносным при таком-то превосходстве?!

Надо ли после всего этого удивляться, что эта дивизия вообще каким-то невероятным чудом продержалась несколько часов, а в целом 3-я армия была разгромлена в считанные дни. Неужели командованию было непонятно, что одна стрелковая дивизия, у которой и артиллерия-то находилась на сборах, не сможет отдуваться за всю армию?!

56-я стрелковая дивизия. Официально имела такую же 40-километровую полосу обороны. То есть все основные расчеты, если по формальным признакам, получаются аналогичными первоначальным расчетам для 27-й сд. Результат же еще более трагичный.

Во-первых, к началу агрессии 56-я сд находилась в Гродно и ряде других населенных пунктов. Подразделения дивизии были разбросаны по фронту протяженностью более 50 км⁸⁰⁸. Соответственно ее выдвижение происходило под бомбежка-

⁸⁰⁸ Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 176.

ми, что уже вело к потерям. В бой с противником дивизия вступила после 7 часов утра, а уже в 8—9 утра (по другим данным, в 10 часов утра) противник прорвался к КП дивизии, которая, понеся тяжелые потери, вынуждена была начать отход⁸⁰⁹. Так что ввали в своих показаниях Павлов и К° — не была она на своем месте, если иметь в виду отведенную ей полосу обороны.

Во-вторых, когда ее выдвинули в помощь 27-й сд, то ей пришлось столкнуться с тремя пехотными дивизиями 8-го армейского корпуса вермахта. Вследствие этого ситуация на поле боя была еще хуже. Дело в том, что дивизия была с ходу разрезана на части, и бои сразу же приняли очаговый характер. Это еще раз многократно понизило устойчивость дивизии в обороне. Пехотные дивизии вермахта, как уже не раз указывалось, в прорыв шли на фронте не более 4 км шириной. То есть основная тяжесть удара по 56-й сд пришлось выносить тем, кто стоял против немцев на фронте шириной 12 км. Случай этот также примечательный. Поэтому рассмотрим чуть подробнее.

Так же как и в 27-й сд, превосходство противника над каждым советским бойцом из 56-й сд составляло 105 раз! Но это в целом по дивизии, к тому же формально. Но тут-то на 12 км, где находилось всего максимум 2400 наших бойцов, наступали три пехотных дивизии, то есть 50 577 пехотинцев, 897 орудий и минометов, в том числе 216 противотанковых. То есть соотношение в живой силе конкретно на этом участке 1 : 0,047. А вот превосходство противника над каждым 0,047 бойца на этом участке было 89 раз! В пересчете на одного стрелка из плоти и крови составило — не удивляйтесь — 1869 раз! И ведь все из ВОЗДУХА! Вновь обращаю внимание на то, что хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее

мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска!

Соответственно не стоит удивляться, что, вступив в бой примерно в 8 часов утра, уже в 9 часов утра, понеся тяжелые потери, 56-я сд стала отходить разрозненными группами. Тем более не стоит удивляться, что примерно через полчаса после начала боя противник прорвался к командному пункту дивизии, и ее командование вынуждено было начать эвакуацию в тыл. Но особенно не стоит удивляться, если, во-первых, учтем, что эта дивизия вступила в бой разрозненными, уже потрепанными на марше подразделениями, так как ее части к 22 июня были разбросаны на фронте шириной примерно 50 км. То есть фактическое превосходство из ВОЗДУХА было еще больше. Специально не привожу расчет для этого случая, чтобы просто не шокировать читателей в очередной раз страшными цифрами. Одного вышеуказанного примера уже вполне достаточно, чтобы уяснить, в какой невероятный ад попала эта дивизия. Во-вторых, надо принять во внимание также и то, что, помимо 50 577 пехотинцев и 897 орудий и минометов, и без того оказавшуюся в страшном положении 56-ю сд молотили еще 14 дивизионов артиллерии крупного калибра, что были приданы упомянутым трем пехотным дивизиям 8-го армейского корпуса. И вот теперь даже слово «ад» не сможет полностью передать весь трагизм ситуации, в которой оказалась дивизия! Не хочется приводить эту невероятную цифру возникшего из ВОЗДУХА превосходства гитлеровцев, настолько она страшная! Одно могу сказать, что она почти в два раза превышает ту, что была указана выше...

А теперь посмотрите, что происходило с другими соединениями все той же 3-й армии. 85-я сд — в этой дивизии по приказу штаба 3-й армии был разработан некий план действий частей дивизии на случай

⁸⁰⁹ Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 176.; Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 243.

возникновения боевых действий. Представитель штаба дивизии полковник Удальцов⁸¹⁰ в штаб округа 20 июня. С этого совещания он так и не вернулся. То есть по факту получается, что никакого официально утвержденного или хотя бы просто одобренного в устной форме плана действий в случае войны в дивизии не имелось. Очевидно, именно поэтому только в ночь на 22 июня ее командир генерал-майор А.Б. Бондовский проводил с руководящим составом совещание по приведению частей в боевую готовность. Хотя они уже должны были быть в боевой готовности. До совещались до того, что прямо во время совещания на них обрушились немецкие бомбы. Только после этого командир дивизии отдал приказ о поднятии дивизии по боевой тревоге, роспуске учебных сборов и на выход в районы сосредоточения⁸¹⁰. Проще говоря, при прямом попустительстве командования 3-й армии и округа в этой дивизии была не выполнена директива о выводе дивизий под видом учений в районы сосредоточения. Это уже даже не преступная халатность. Это уже непосредственно тяжкое воинское преступление с отягчающими последствиями.

Но дальше было еще хуже. Только около двух часов ночи (по местному времени) 22 июня 1941 г. из штаба 3-й армии в дивизию поступил приказ о приведении частей в боевую готовность и их выдвижении на рубеж реки Лососно⁸¹¹. Но только после начала боевых действий командарм-3 Кузнецов поставил боевую задачу командованию дивизии⁸¹².

В переводе на обычный язык это означает, что никакого плана обороны (или

прикрытия) государственной границы у дивизии не было, вскрывать «Красный пакет» ее командиру не пришлось, ибо его тоже не было, своих задач командир дивизии до войны не знал даже в устной форме. Потому ему и поставили задачу только после начала боевых действий. Естественно, что части этой дивизии, поднятые по тревоге слишком поздно, — некоторые соединения дивизии лишь в 4.00 утра, — а некоторые даже после, даже добежав до своих рубежей, не могли удержаться долгое время. Как правило, от одного до нескольких часов они держали оборону, но, понеся огромные потери, начали отход, далеко не всегда по приказу сверху.

Комментарий. Нельзя не воздать должное глупой генеральской солидарности, которую проявил в своих воспоминаниях генерал Бондовский, написав следующее: «Я вызывался в штаб армии дважды. Первый раз — за получением задачи дивизии на оборону рубежа р. Лососно. Задачу мне ставил командарм-3 генерал-лейтенант Кузнецов Василий Иванович в своем кабинете. В это время вблизи штаба рвались авиабомбы. На всю жизнь запомнилась завидная собранность и внешнее спокойствие командарма Кузнецова, повлиявшие и на меня»⁸¹³. Лично автору этой книги более чем затруднительно даже предположить, чем тут можно было гордиться, как это сделал Бондовский! Ведь то, что он описал, называется не просто злостный бардак, а злостное воинское преступление, ибо какого хрена командир дивизии только после начала агрессии должен был получать задачу на оборону?! И почему только в два часа ночи 22 июня командование 85-й дивизии узнало, где ее рубеж обороны?! А то, что рвались авиабомбы около штаба армии, так это тем более глупо было упоминать, ибо сие означает, что даже штаб 3-й армии не был толком прикрыт зенитной артиллерией! Чем тут гордиться, если налицо преступление за преступлением?!

А вот что произошло с 11-м механизированным корпусом и его танковыми дивизиями этой армии. 11-й МК находился во втором эшелоне войск 3-й армии. По

⁸¹⁰ Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941—1944. М., 1973, с. 53.

Иринархов Р. 1941. Пропущенный удар. Почему Красную Армию застали врасплох? М., 2011, с. 36; Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941—1944. М., 1973, с. 53.

*н Иринархов Р. 1941. Пропущенный удар. Почему Красную Армию застали врасплох? М., 2011, с. 315.

⁸¹¹ Цит. по: Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 175.

тревоге был поднят только после налета самолетов противника на Волковиск. Никаких указаний сверху командир корпуса генерал-майор Д.К. Мостовенко сразу не получил. Принял самостоятельное решение действовать по плану прикрытия. Но выдвигаться стал в крайне ослабленном состоянии. Потому что вынужден был оставить до 50 % личного состава, примерно 15 % танков и почти всю артиллерию в месте постоянной дислокации, так как они не имели ни вооружения, ни артиллерийских тягачей, а техника требовала ремонта⁸¹⁴. Точно так же вынужден был поступить и командир входившей в состав этого корпуса 33-й танковой дивизии⁸¹⁵. Только в 10 часов утра по местному времени Мостовенко получил приказ от командарма-3 нанести контрудар по прорвавшимся частям противника⁸¹⁶. Но при этом оказалось, что командир входившей в состав 11-го МК 29-й танковой дивизии часом ранее, то есть в 9 часов утра по местному времени, понес до этого серьезные потери на трехчасовом марше, получил непосредственно он командарма-3 отдельный приказ на контрудар⁸¹⁷. Приказ командарма-3 был априори невыполним — Кузнецов знал об этом. Потому как один мотострелковый полк этой дивизии был выведен в резерв командарма, а зенитный дивизион и химические роты дивизии и вовсе были на учебных сборах.

В таком же состоянии выступила на марш и 33-я тд этого корпуса, то есть в сильно ослабленном состоянии по тем же причинам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже к вечеру 22 июня, по-

неся огромные потери, соединения 11-го МК вынуждены были начать отход.

И вновь задаю тот же вопрос. Надо ли после всего этого удивляться тому, что 3-я армия была разгромлена в считанные дни? Особенно если вспомнить запреты Кузнецова на любые мероприятия по приведению войск в боевую готовность.

Надо ли в конце концов удивляться тому, что в частях и соединениях этой армии сразу же после нападения Германии на фоне трагических последствий и огромных потерь также едва ли не мгновенно возникли и практически молниеносно стали распространяться разговоры о предательстве командования армии?!

§ 10. Общая ситуация в 10-й армии ЗапОВО. Причины и механизм быстрого разгрома 10-й армии

10-я армия. Ширина фронта обороны — по документам 145 км (иногда указывают, что 150 км), фактически — 200 км. Причина такого разноречия состоит в том, что первоначально у 10-й армии действительно была ширина фронта обороны в 200 км. Потом на бумаге ее укоротили в связи с тем, что часть этой линии обороны была передана 13-й армии. Но она-то начала формироваться лишь с 5 мая 1941 г. и к 22 июня, кроме управления, ничего не имела. Проще говоря, у 10-й армии как было 200 км, так и осталось фактически 200 км ширины фронта обороны. Но по бумагам — 145 км.

Место дислокации — центральный и южный участки Белостокского выступа. Силы — 2 ск, в каждом из которых по 2 сд, 1 кк (2 кд), 2 мк (по две тд в каждом, а в одном еще и I мд), части корпусного назначения и Осовецкий УР, а также одна сд армейского подчинения и одна ПТАБ. Итого: 99 тыс. чел., 571 танк, 964 пушки и гаубицы, свыше 300 минометов, 944 противотанко-

⁸¹⁴ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 244. *Иринархов Р* Красная Армия в 1941 году. Перед грозными испытаниями. М., 2009, с. 473.

⁸¹⁵ *Иринархов Р*. Красная Армия в 1941 году. Перед грозными испытаниями. М., 2009, с. 474.

⁸¹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2951. Д. 83. Л. 64.

⁸¹⁷ *Иринархов Р*. 1941. Пропущенный удар. Почему Красную Армию застали врасплох? М., 2011, с. 313.

вых и 84 зенитных орудия⁸¹⁸. Казалось бы, приведены в полную боевую готовность. А просто так в полную боевую готовность войска не приводятся. Для того чтобы привести войска в полную боевую готовность, необходим соответствующий приказ от командующего округом, а не некое рекомендательное предложение!

— линейную плотность в живой силе почти 0,7 бойца на метр линии обороны, то есть чуть выше, чем в 3-й армии; это если формально по бумагам, но на самом деле получилось 0,495 бойца на метр линии обороны;

— плотность артиллерии — примерно 16, а с учетом танков — практически 20 стволов на 1 км линии обороны. Тоже не ахти как густо, но все-таки это уже сила, которая могла оказать серьезное сопротивление врагу.

В показаниях Павлова в отношении 10-й армии самым важным является следующее:

— что так же, как и другим командармам, он предложил командарму-10 Голубеву привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные;

— что, по сообщению Голубева, за несколько десятков минут до нападения штабы корпусов его армии после военной игры оставлены для руководства войсками на том месте, где им положено быть по плану;

— что он предупредил Голубева о том, чтобы он держал в полной боевой готовности войска и ждал дальнейших распоряжений командующего округом.

Последнее из процитированных утверждений Павлова в отношении 10-й армии плохо стыкуется с первым. Если только в районе часа ночи Павлов всего лишь предложил командармам привести вверенные им войска в боевое состояние, то, миль пардон, как он мог одновременно выдать Голубеву распоряжение держать войска в полной боевой готовности?! Без особых комментариев должно быть понятно, что держать войска в полной боевой готовности можно лишь в одном случае — если до этого они уже были

Проще говоря, войска 10-й армии заранее не были приведены в боевую готовность. Даже если и были бы приведены в боевую готовность, неминувость неизбежного поражения этой армии была предreshена еще до нападения. Как отмечал в своем ответе на вопросы Сталина бывший начальник штаба 10-й армии генерал-майор П.И. Ляпин, «...полосу обороны 10-й армии (ширина 145 км) прикрывали в первом эшелоне только три стрелковые дивизии, причем на местности, доступной для действий всех родов войск противника в любом направлении». В этих условиях командиры корпусов и дивизий резервов создать не могли. Командарм же свои резервы без разрешения свыше использовать не имел права. Поэтому вся система обороны госграницы была неустойчивой, без спланированного маневра силами и средствами из глубины и вдоль фронта». Если по-простому, то это признание свидетельствует о следующем:

1. Запланировав в первом эшелоне обороны армии всего три стрелковых дивизий, командование армии фактически с санкции командования округа наделило их шириной обороны в 48,33 км каждую, то есть против уставной ширины обороны стрелковой дивизии в 8—10 км получилось примерно в 5 (4,833) — 6 раз больше. А это в свою очередь означало, что устойчивость этих дивизий в обороне изначально уже была понижена примерно в 5—6 раз!

2. Если уж совсем примитивно, то под неминувый разгром первый эшелон 10-й армии в составе упомянутых трех стрелковых дивизий был подставлен вполне сознательно. Ведь Ляпин не случайно

⁸¹⁸ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 250.

сделал следующий акцент — «...причем на местности, доступной для действий всех родов войск противника в любом направлении».

То есть он вполне ясно показал, что раздолбать эти три дивизии противник могна 55 км⁸¹⁹. То есть стык с 4-й армией был оголен на целых 55 км еще в январе. Если принципиально точно, то стыка как такового просто не стало. В результате исполнения такого приказа вместо стыка образовалась брешь в 55 км шириной. Так вот с тех пор и до 22 июня в планировавшейся обороне ЗапОВО уже зияла даже не брешь, а попросту дыра шириной в 55 км, как раз на месте предполагавшегося в прошлом стыка левого фланга 10-й армии и правого фланга 4-й армии. И никто в командовании округом за полгода и не почесался, чтобы хотя бы в минимуме, но реально прикрыть этот участок хотя бы одной дивизией!

Но это все еще с той точки зрения, что ширина обороны 10-й армии составляла 145 км. Но ведь на самом-то деле 200 км, из которых примерно 50—55 км и вовсе не были прикрыты даже на бумаге, ибо 13-й армии, еще раз напоминаю, не было. Она только формировалась, причем в полосе 10-й армии, командование которой было ответственно за развертывание соединений 13-й армии. Хуже того. Несмотря на неоднократные попытки получить от командования и штаба округа вразумительные инструкции по вопросам размещения и боевого использования соединений формируемой 13-й армии, командование 10-й армии так ничего и не добилося. Никаких инструкций, тем более вразумительных, оно не получило. Проще говоря, если все это учесть, то получится следующее. Мало того что на одну дивизию в 10-й армии в итоге должно было выходить примерно 66,66 км ширины фронта обороны, так еще и оказался полностью не прикрыт отведенный 13-й армии участок на левом фланге 10-й армии — аккуратно на месте предполагавшегося стыка с 4-й армией. И вот что интересно. 13-я армия, как уже указывалось выше, стала форми-

роваться по директиве Генерального штаба от 5 мая 1941 г. Однако еще в январе 1941 г. 10-я армия получила директиву штаба округа изменить свою дислокацию и переместиться севернее примерно

Хуже того. Формально управление 13-й армии имело указание штаба округа о передислокации в район Вельска. Но 19 июня из ГШ пришла директива о выводе к 23 июня управления фронта в Обуз-Лесна, в которой п. № 2 гласил: «Управление 13 армии к 25 июня с/г перевести Новогрудок. Исполнение телеграфте. Жуков»⁸²⁰. Однако 20 июня 1941 г., когда тревога достигла уже апогея, уже штаб ЗапОВО приказал управлению 13-й армии перебазироваться в район северо-западнее Минска. 22 июня управление погрузилось в железнодорожные эшелоны и 23 июня вместе с 675-м батальоном связи выгрузились на станции Молодечно⁸²¹.

Спору нет, командующий округом имел право изменять дислокацию тех или иных частей и соединений, в том числе

⁸¹⁹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 177—190. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 256—257.

⁸²⁰ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 9. Л. 170.

⁸²¹ Иринархов Р. 1941. Пропущенный удар. Почему Красную Армию застали врасплох? М., 2011, с. 20.

и армий, даже тех, которые еще не были сформированы до конца. Но только с письменной санкции наркома обороны и Генерального штаба. Ибо дислокация армий и армейских управлений — это сугубо их компетенция. Однако в данном случае неизвестно, на основании чего Павлов отдал такое распоряжение. Ведь было же ясно приказано перебросить управление 13 армии в Новогрудки. Кстати говоря, это указание Жукова также непонятно чем вызвано.

Зато точно известно, что упомянутая выше дыра-брешь шириной в 55 км как зияла с января 1941 г., так и зияла вплоть до начала агрессии. Но если Павлов отдал такой приказ с ведома наркомата обороны и Генерального штаба или даже без ведома, то в любом случае выходит еще хуже. Во много раз хуже.

Как угодно можете расценить вывод автора, но:

— искусственное создание и почти полугодовое сохранение такой большой дыры в системе обороны округа,

— тем более сознательно осуществленное оставление этой дыры-бреши неприкрытой прямо накануне агрессии (за счет приказа ГШ, а затем и Павлова, о передислокации управления 13-й армии),

невозможно расценить иначе, кроме как умышленное, сознательное открытие фронта задолго до нападения врага! Это и есть предательство в натуральном, чистейшем, рафинированном виде! Л с точки зрения военного дела — это классический вариант предательства в форме открытия фронта!

Ну, а теперь посмотрите, как наступал противник и что произошло в реальности. В первом эшелоне 10-й армии должны были находиться всего три сд с определенной им шириной фронта обороны формально до 50 км. А вот противник, между прочим, наступал против 10-й армии своеобразно: из предназначенных для этого направления 12 пехотных дивизий 8 было

ориентировано против левого фланга 10-й армии. То есть именно на том направлении, где зияла за полгода до нападения созданная огромная дыра. А далее получилось следующее.

113-я сд, которая, как предполагалось в самый последний перед нападением момент, должна была закрыть этот участок, так и не дошла до своего рубежа обороны. Она была уничтожена в два этапа — сначала сильно пострадала в месте своей дислокации от первого удара, то есть от воздушных налетов и артподготовки немцев, затем, уже на марше, была атакована и вдребезги разгромлена. Комдив генерал-майор Х.Н. Алавердов был тяжело ранен и попал в плен, а значительная часть командного состава дивизии пропала без вести. Сами понимаете, что считать тут нечего, если дивизия не успела занять положенную ей полосу обороны. Однако кое-что заслуживает принципиального внимания.

Как уже указывалось выше, командованием 10-й армии предполагалось и планировалось, что в первом эшелоне будут находиться 3 сд с шириной обороны у каждой формально до 50 км. 113-я сд до своей полосы обороны добежать не успела и была вдребезги разгромлена на марше. А это означает, что к моменту начала агрессии на границе на участке, отведенном 113-й сд для обороны, продолжала зиять дыра-брешь 55 км шириной. Естественно, что в такую брешь и хлынули войска вермахта, круша на своем пути все, что попадалось под руку. К концу 22 июня малочисленные остатки 113-й сд вели очаговые бои на расстоянии 20 км от границы в глубь советской территории.

Вот так и свершилось предательство в форме заблаговременного открытия фронта врагу?! Ведь устроили-то эту дыру-брешь по приказу командования округом фактически за полгода до нападения, и за эти почти шесть месяцев никто и не удосужился хотя бы в минимуме, но реально прикрыть этот участок. Даже ГШ. Только в самый канун

нападения этот участок был определен для 113-й сд. Но она-то так и не успела его занять, оказавшись разгромленной на марше. Особо грешить на командование 10-й армии в этом вопросе оснований нет — оно действительно пыталось получить соответствующие инструкции от командования и штаба округа. Увы. Соответственно абсолютная ответственность за это конкретное предательство ложится непосредственно на командование ЗапОВО-ЗФ, включая и его штаб! Хотя, конечно, и ответственность командования 10-й армии очевидна.

86-я сд. Целиком на границе в полосе своей обороны также не находилась. Попытка ее командира Зашибалова привести дивизию в боевую готовность была пресечена генерал-майором А.К. Гарновым — командиром 5-го корпуса, в который входила эта дивизия. И что самое интересное, Зашибалов-то хотел привести свою дивизию в боевую готовность в соответствии с планом учений. Проще говоря, он планировал поднять дивизию по боевой тревоге с выполнением марша из района лагерного сбора на территорию полковых участков обороны. Подчеркиваю, что он планировал это сделать прежде всего в соответствии с планом учений, но, естественно, с учетом реально сложившейся к вечеру 21 июня обстановки. Гарнов же не только преступным образом запретил проведение этого учения, но и — не падайте со стула — приказал перенести это учение на конец июня?!⁸²² Уже вся флора и фауна этой местности, все население, пограничники, собственная армейская разведка знали, что ранним утром 22 июня произойдет нападение, а этот, с позволения сказать, генерал-майор не только запретил осуществление крайне необходимой меры, но и приказал перенести ее на конец июня?! Ну, и что же прикажете думать об этом генерале?!

⁸²² ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 90—98. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 261.

Западнее Замбрува на позиции 64-го УР находились всего два батальона 169-го полка. 330-й полк должен был находиться в районе пограничной ж.-д. станции Чижев, но его там не было. Полк был еще на марше из Замбрува. При всем том, что полк все-таки добрался до района назначения, его ожидал неприятный сюрприз. Рассчитывая опереться хотя бы на недостроенные девять дотов 64-го УР, командование полка увидело, что они заняты немцами. Полку пришлось с ходу атаковать немцев, из чего ничего не вышло, а потери оказались серьезными. Дальше произошло вот что. В 11.30, после продолжительной артподготовки и при поддержке танковых частей, две пехотные дивизии 7-го армейского корпуса вермахта прорвали оборону прямо в центре полосы обороны 330-го полка. Дальнейшее развитие событий, надеюсь, не надо подробно разяснять, как, впрочем, нечего тут и вычислять насчет превосходства. Но принципиальную часть выводов в отношении 86-й дивизии отметим.

Во-первых, дивизия целиком не находилась в отведенной полосе обороны. Попытка ее командира Зашибалова привести дивизию в боевую готовность в ночь на 22 июня действительно была пресечена генерал-майором А.К. Гарновым — командиром 5-го стрелкового корпуса. Еще раз обратите внимание на следующее. Зашибалов намеревался поднять дивизию по боевой тревоге в соответствии с планом, который предусматривал проведение боевой тревоги для стрелковых полков с выполнением марша из района лагерного сбора на территорию полковых участков обороны. Но командир 5-го СК Гарнов запретил Зашибалову, невзирая даже на то, что это было предусмотрено планом учения. Между тем, как уже отмечалось выше со ссылкой на бывшего начальника штаба этого корпуса генерала Бобкова, командование корпуса было прекрасно информировано об угрожающем сосредоточении немецких войск на границе, об их планах

быстрого захвата железнодорожных станций, особенно узловых, и т.д. Более того. Согласно воспоминаниям бывшего начальника штаба 5-го СК генерала Бобкова, пограничники еще в ночь с 20 на 21 июня сообщили Гарнову, что, по их данным, нападение начнется на рассвете 22 июня⁸²³. Проще говоря, Гарнов обо всем достаточно был информирован, чтобы хотя бы в пределах своих прав принять решение о приведении частей и соединений корпуса в боевую готовность. Увы, Гарнов уперто не разрешал это делать. Зато в час ночи 22 июня уже сам командир 5-го СК генерал Гарнов приказал Зашибалову поднять по боевой тревоге... только штаб дивизии и штабы полков, а личный состав стрелковых полков до особых указаний по тревоге не поднимать?!⁸²⁴ А ведь еще 20 июня, на совещании руководящего состава 10-й армии, командиров, комиссаров, начальников штабов корпусов и других должностных лиц и по случаю завершения командно-штабных учений, командарм-10 Голубев хотя и ляпнул нечто неуместное, что-де не знает, когда начнется война, тем не менее приказал штабам корпусов к 6 часам утра 21 июня занять свои командные пункты. Когда отдают такой приказ, что называется, и к гадалке не ходи, должно быть понятно, что с минуты на минуту начнется нападение. В ином случае на КП делать нечего. Косвенным образом выходит, что Голубев хотя бы в ориентировочном порядке, но знал-таки, что утром 22 июня начнется нападение супостатов. Ибо в ином случае командованию корпусов нечего делать на своих командных пунктах.

КП 5-го СК находился в гор. Замбруве (Замброве), в военном городке 13-й сд. Гарнов выполнил приказ командарма, и в точно назначенное время штаб корпуса

переместился на свой КП. Однако никакого распоряжения о выходе частей корпуса на государственную границу и занятии оборонительных рубежей им отдано не было⁸²⁵. Хуже того. Был запрет на такие действия комдиву Зашибалову.

Короче говоря, получив в 2 ч. ночи от пограничников очередные, еще более тревожные данные о том, что немцы подготавливают переправу через р. Западный Буг, Зашибалов, плюнув на вышестоящее командование, в 2 часа 10 минут по собственной инициативе приказал поднять стрелковые полки по боевой тревоге. В 2 ч. 40 мин. ему доложили, что стрелковые полки и их штабы уже выступили на марш⁸²⁶. Только после этого Зашибалов поставил в известность Гарнова о принятых мерах. Ну, а через 20 минут начался первый налет авиации противника...

Откровенно говоря, показывать пересчет превосходства противника над отдельными полками этой дивизии — особого смысла тоже нет. И так понятно, что это будут шокирующие цифры.

Главный вывод состоит в том, что в силу этого факта на границе в полосе обороны 10-й армии зияла еще одна огромная для армейской полосы обороны брешь, размером практически с ширину обороны дивизии — до 50 км. Естественно, что противник и этой дырой-брешью воспользовался, что называется, по полной программе.

Так вот и спрашивается, не многовато ли брешей в системе обороны одной только армии?! Ведь получается, что суммарно только две упомянутые выше дыры уже открыли фронт на протяжении 100—105 км. Между прочим, столь большая дыра позволяла целой группе армий вермахта спокойно пойти в прорыв, потому как нижний предел ширины фронта прорыва по уставу вермахта как раз и составлял 100 км.

⁸²³ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 260.

⁸²⁴ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 90—98. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 261—262, 275.

⁸²⁵ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 725588. Д. 29. Кор. 19128. Л. 30—32. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 260.

⁸²⁶ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 90—98. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 261—262.

И что же, прикажете теперь все это вот так просто списать на какую-то там дурь наших генералов, пускай даже и преступную?! Э нет, не пойдет. Это уже откровенно пахнет сознательным ослаблением оборонной мощи государства, откровенной подставой войск под неминуемый разгром путем так называемого пассивного открытия грядущего фронта!

Во-вторых, фактически только за счет непревзойденного мужества и героизма простых солдат и офицеров части этой дивизии без какой-либо артиллерийской поддержки продержались на занятых ими рубежах обороны до вечера 22 июня. Просто фантастика, но факт! А ведь эта дивизия была самой мощной по артиллерийскому вооружению во всем Западном округе. По состоянию на 1 ноября 1940 г. она обладала невероятной для стрелковой дивизии огневой мощностью — 54 45-мм противотанковые пушки, 37 76-мм пушек, 28 122-мм гаубиц, 10 152-мм гаубиц и 10 203-мм гаубиц. И все это артиллерийское богатство не в меру «умные» головы из числа командования округа и армии согнали на учебные полигоны непосредственно перед войной!

И такое положение практически по всей армии. При всем том, что, даже найдя в очень невыгодном положении, отдельные части и соединения 10-й армии оказывали врагу крайне ожесточенно свирепое сопротивление, общий итог по 10-й армии, увы, очень уж нелестный. Свидетельствует архивный документ: «Со второй половины 29 июня соединения армии, как войсковые организмы, перестали существовать, рассыпались по лесам и дорогам и самостоятельно пробирались на восток. 30 июня командующий 10-й армией и его штаб остались без армии, без всяких средств управления и без всяких данных об общей обстановке на Западном фронте»⁸²⁷.

⁸²⁷ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 296—301. Цит. по: Рунов В.А. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2009, с. 273.

Шесть с половиной дней и... армии нет! Уму непостижимо!..

А, впрочем, чего тут непостижимого, если принять во внимание, например, еще и такие факты.

1. В ночь на 22 июня управление 13-го МК начало передислокацию из г. Бельск на полевой КП. А вот причина этой передислокации — не падайте со стула — состояла в том, что надо было сдать здание штаба 13-го МК штабу 2-го стрелкового корпуса этой же армии, для чего туда прибыл начальник штаба СК полковник Л.А. Пэрн. Подобные передачи недвижимого имущества в армии происходят только по приказу вышестоящего командования. В данном случае как минимум командарма-10 Голубева. Но учитывая, что такие передачи согласуются с командованием округа, выходит, что это происходило с санкции командования ЗапОВО. Проще говоря, непосредственно за несколько часов до нападения гитлеровцев, когда даже собственный разведывательный отдел открытым текстом предупредил, что войска вермахта на направлении ЗапОВО уже заняли исходные позиции, а пограничники, что называется, во всю глотку кричали, что вот-вот нападут супостаты, командованию ЗапОВО и 10-й армии больше делать было нечего, кроме как заниматься подобной ерундой?!

Зная это, попробуйте теперь оценить эту «милую заботу» о благоустройстве штаба 2-го СК непосредственно накануне войны. Обстановка уже накалилась до предела. Пограничники непрерывно докладывают о приготовлениях немцев к переходу границы и нападению, а тут прием-сдача здания. Неужели так трудно было понять, что всякую подобную ерунду уже давно надо было отменить и готовиться к отпору, тем более что и директивы о приведении в боевую готовность поступили?! И не забудьте при этом учесть, что штаб МК ушел в лес, чтобы укрыться от бомбежки немцев, а командарм-10 с санкции командования округа «милостиво» разрешил штабу

стрелкового корпуса на своей шкуре испытать это «удовольствие» — оказаться под бомбежкой противника?! Интересно, чем это пехота так «насолила» командарму и командующему округом, что они откровенно пытались подставить «мозг» целого СК под неминуемый разгром в результате бомбежки? Правда, объективность требует указать, что штаб 2-го СК так и не переехал туда — с началом боевых действий он попросту смылся в Минск...

2. В 22 часа 30 минут 22 июня начальник штаба 10-армии, уже упоминавшийся выше генерал П.И. Ляпин, получил открытым текстом по телеграфу приказ начальника штаба фронта В.Е. Климовских, согласно которому в течение ночи на 23 июня главными силами армии отойти за реку Нарев. Начальник штаба фронта не поинтересовался обстановкой в полосе 10-й армии, не проинформировал об общей обстановке на фронте и соседних армий⁸²⁸.

Анализируя впоследствии этот факт, Ляпин отмечал: «Генерала Климовских уже нет в живых, и он не может ответить нам сейчас на вопрос о том, какие причины явились поводом для того, чтобы отказаться детально выслушать обстановку подчиненной армии и ориентировать ее командира и штаб в отношении общей обстановки на фронте. На мой взгляд, такое поведение начальника штаба фронта объяснялось незнанием обстановки вообще, неумением штаба фронта собрать данные об обстановке, сделать из них выводы как для ориентировки подчиненных штабов, так и для принятия правильного решения»⁸²⁹.

Соглашаясь в целом с выводом Ляпина, невозможно в то же время не отметить пару обстоятельств. Во-первых, уж больно корректно описал эту ситуацию Ля-

пин. Наверное, в силу генеральской корпоративной солидарности. Во-вторых, что и есть самое главное. Для того чтобы выслушать доклад начальника штаба подчиненной армии, не надо обладать каким-то умением — надо иметь всего лишь элементарное желание услышать. Не говоря уже о том, что в том и заключалась непосредственная служебная обязанность начальника штаба фронта — узнать у начальника штаба подчиненной армии обстановку на фронте этой армии. И раз Климовских отказался это сделать, то в военное время это называется «умышленно самоустранился от исполнения своих служебных обязанностей», что повлекло тяжелые последствия.

Оно и не могло не повлечь именно тяжелых последствий. Командование 10-й армии отлично это понимало, ибо знало, что в течение одной ночи выход из боя и организованный отход обеспечить невозможно, не говоря уже о том, что для некоторых частей 10-й армии указанный Климовских рубеж находился на расстоянии 70—75 км. И за ночь отмахать такое расстояние, тем более едва выйдя из боя, — невозможно. Чай, не марафонцы же, а пехотинцы, к тому же смертельно уставшие, отражая ожесточенные атаки супостатов!

Тем не менее, никак не попытавшись возразить Климовских, все отлично знавшие и понимавшие командование и штаб 10-й армии спокойно, а самое главное, весьма резво приступили к выполнению приказа Климовских и в итоге потеряли даже остатки управления войсками. Соответственно, едва только началось быстрое свертывание командного пункта армии и еще более быстрое его перемещение в новый район, тут же началось и паническое бегство войск армии, так как ими уже никто не управлял. Хуже того. Впоследствии — из доклада от 17 августа 1941 г. начальника оперативного отдела штаба 10-й армии подполковника Маркушевича на имя заместителя начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанта

⁸²⁸ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 223. Цит. по: Рунов В. А. 1941. Первая

⁸²⁹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 223. Цит. по: Рунов В. А. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 268.

Г.К. Маландина — выяснилось, что отход-то 10-й армии вообще был самовольный! Ибо Маркушевич написал следующее: «Об отходе на рубежи р. Бобр и р. Нарев приказа от командующего Западным фронтом не было. Этот отход был осуществлен решением командарма 10-й армии. Это значит, что отход 10-й армии был начат по инициативе ее командующего и не был увязан с замыслом фронтовой операции»⁸³⁰.

Комментарий. Будучи абсолютно уверенным в том, что Маркушевич не врал, ибо в той обстановке, что сложилась на Западном фронте, тем более после ареста и расстрела по приговору суда командования этого фронта, врать было чрезвычайно опасно, не могу не привести следующий факт. Если исходить из того, что написал уважаемый коллега Р. Иринархов со ссылкой на ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 10169 СС. Д. 4. Л. 18—20, выходит, что Голубев произвел этот отход с разрешения командующего фронтом Павлова⁸³¹. Но в таком случае тем более получается, что воспоминания Ляпина — вранье. Впрочем, старинное правило гласит: чем больше количество принципиально противоречащих друг другу в главном версий одного и того же события, тем больше оснований полагать, что такого события вообще не было. И в таком случае Маркушевич действительно написал подлинную правду. Отход 10-й армии действительно был самовольный.

◆

Ну, так и что же прикажете думать по этому поводу? Ведь если взять за основу то, что написал Ляпин, то получается, что Климовских, никак не согласовав с командующим фронтом Павловым вопрос об отходе 10-й армии, не просто превысил свои служебные полномочия. Он самым преступным образом превысил свои полномочия, отдав, в сущности, преступный приказ, прекрасно осознавая, что его молниеносное исполнение — а он именно этого потребовал, если верить Ляпину, —

⁸³⁰ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 83. Кор. 5508. Л. 52—55. Цит. по: Рунов В.А. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 269.

⁸³¹ См.: Иринархов Р. Красная Армия в 1941 году. Перед грозными испытаниями. М., 2009, с. 496 (сноска № 2).

немедленно приведет не просто к открытию фронта и уступке врагу советской территории. Не надо иметь семь пядей во лбу, что уразуметь, что это автоматически приведет и к паническому бегству частей и соединений армии. Ведь обеспечить мало-мальски организованный отход целой армии, части и соединения которой разбросаны на большой территории и задействованы в тяжелых боях с врагом, за одну ночь просто нереально, тем более на такое расстояние. Особенно если учесть, что с рядом соединений у командования армии просто не было связи. Более того. Тем более не надо обладать семью пядями во лбу, дабы уразуметь, что такое паническое бегство неизвестно где закончится, в результате чего будет потеряна еще большая территория, а сама армия просто окончательно развалится. Оно так и произошло.

Из рапорта от 13 июля 1941 г. начальника 3-го отдела 10-й армии ЗапОВО-ЗФ полкового комиссара Лось на имя начальника 3-го Управления НКО СССР майора госбезопасности А.Н. Михеева: «...К вечеру 22 числа, не помню сейчас от кого, то ли от заместителя командующего ЗапОВО Болдина лично, то ли из штаба ЗапОВО, было получено приказание отступить и закрепиться на рубеже реки Нарев. Приказание было вызвано якобы неустойкой (надо полагать, что имелась в виду неустойчивость 3-й армии. — А. М.) соседа слева — 3-й армией (тут Лось, кажется, слегка зарапортовался, ибо 3-я армия не являлась для 10-й армии соседом слева, она была соседом справа, а вот 10-я армия действительно была для 3-й армии соседом слева. — А. М.).

22-го вечером командный пункт армии переместился близ ст. Валилы, что восточнее Белостока, части завершали отступление за реку Нарев. В связи с тем, что отступление велось и днем, авиация противника действовала совершенно безнаказанно, так как ни одного нашего самолета не было, бомбили и расстрели-

вали из самолетов отходящие части. Все последующие дни авиация противника совершенно безнаказанно расстреливала бомбами разных калибров и пулеметным огнем самолетов как передовые части, так и все войска армии, не давая нашим войскам поднять голову. Кроме того, наступающие войска противника вели усиленную стрельбу из огнеметов, которых у нас совершенно не было. Самолеты противника взяли под контроль все шоссейные дороги, расстреливали машины, а впоследствии охотились даже за отдельными людьми, что создало большую панику и большое количество людей разбежалось, бросая на ходу оружие, материальную часть и боеприпасы. Шоссе Белосток-Волковыск было забито трупами людей, автомашинами, танками, боеприпасами, и пробраться через него было совершенно невозможно. Таким образом, по существу, на реку Нарев вышли разбитые части, имея в дивизиях очень незначительное количество людей, а такие соединения как 13-й МК остался только с одним штабом...»⁸³²

Короче говоря, в таком случае выходит, что Климовских сознательно пошел на отдачу такого приказа, обосновав его якобы неустойчивостью 3-й армии, но имея в виду окончательное открытие всего фронта врагу в полосе обороны 10-й армии. Ведь так же получается!

Однако после ознакомления с содержанием доклада Маркушевича приходится взглянуть на эту историю немного иначе. Ляпин вспомнил обо всем этом уже после войны. То, что Климовских был расстрелян одновременно с Павловым, для Ляпина не было секретом. Естественно, на него можно было свалить все, что угодно. Особенно если учесть, что письменного приказа на отход не было, а телеграфная лента, «естественно», не сохранилась. А Голубев остался жив и даже

Героя Советского Союза получил во время войны.

Но если исходить из того, что написал Маркушевич, то тогда всерьез начнет попахивать предательством со стороны именно командарма-10 и его штаба, потому как отход целой армии возможен только по письменному приказу командующего фронтом, а от него такого приказа не было. Никаких других вариантов здесь нет и никогда не допускалось. Подчеркиваю, только по письменному приказу командующего фронтом. А тут без приказа командующего фронтом произошел неорганизованный молниеносный отход целой армии, мгновенно превратившийся в панический драп и приведший в итоге к окончательному развалу этой армии, не говоря уже о колоссальных потерях в личном составе. А самое главное — к уступке без сопротивления большей части советской территории и дальнейшему прорыву вермахта на этом направлении в глубь территории СССР.

Однако это далеко не все, что можно и нужно сказать об отходе 10-й армии, в том числе, например, и о поведении командования 5-го СК. Из неизвестных воспоминаний бывшего начальника связи 5-го СК полковника Г.Ф. Мишина: «Штаб 10-й армии с переходом из района Белосток в район Волковыск систематически подвергался бомбардировкам с воздуха, а с высадкой воздушных десантов немцев на р. Зельвянка (в тылу Волковыска) был окончательно деморализован. При отходе корпуса на р. Щура, на участке Берестовица-Волковыск, колонна штаба корпуса была сильно обстреляна высадившимися воздушными десантами немцев. Что явилось началом дезорганизации управления войсками со стороны штаба 5-го стрелкового корпуса.

Командир корпуса генерал-майор А.В. Гарнов и начальник 1-го отдела штаба корпуса майор А.П. Неугодов поехали вперед в штаб армии и больше в штаб корпуса не возвращались. Куца они исчезли, мне до сих пор неизвестно.

^{8,2} РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 330—340. Цит. по: *Медьтюхов М.И.* Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 59—68.

Дивизии корпуса (вернее их остатки) того времени. Подчеркиваю, что вовсе не на подходе к Волковыску захватил рассветобязательно было бы применять к этим, с на открытых дорогах, что немедленно позволения сказать, командирам 58-ю ста- было обнаружено немцами. Беспрерывны-тью. Вполне достаточно было и 193-й ста- ми мощными налетами немецкой авиации тьи УК. Кстати, именно по этой статье и дивизии и их органы управления были пошли под расстрел Павлов и К⁰;

окончательно деморализованы, боль- — и откровенного предательства со- шая часть техники, транспорта и живой стороны командующего, затем со сторо- силы уничтожены, а остатки рассеяны. ны начальника штаба и далее со стороны начальника артиллерии 5-го СК в форме Одновременно такая же участь постиг- оставления подчиненных войск без ко- лла и остатки колонн штаба корпуса и мандования, самоустранения от управле- его батальона связи. Начальник штаба ния ими и циничного дезертирства самих корпуса полковник М.В. Бобков уехал этих командиров фактически с поля боя. Искать штаб 10-й армии, который уже Именно вследствие этого и произошла прекратил свое существование. Коман- окончательная деморализация войск, уни- дующий артиллерией корпуса генерал- чтожение большей части живой силы, майор Г.П. Козлов исчез без вести. техники и транспорта. Их действия также

Попав в окружение немцев, остат- подпадали под компетенцию положений ки рассеянных, никем не управляе- 193-й статьи Уголовного кодекса и они мых, перемешанных частей 10-й армии вполне заслуживали расстрела.

Многие офицеры, проявив личную инициативу, начали собирать отдельные отряды и самостоятельно выходить из окружения»⁸³³.

«Здорово», да?! То, что написал в сво- Продолжая следовать курсом не умест- их воспоминаниях Г.Ф. Мишин, — это ной с точки зрения истории генеральской смертный приговор и командованию 10-й корпоративной солидарности, тот же быв- армии, и командованию 5-го СК! Потому ший начальник штаба 10-й армии генерал П.И. Ляпин написал в своих воспомина- как налицо все признаки: ниях об этом отходе также и следующее:

— полного, фактически сознательно «Чтобы быть объективным, нельзя не го развала какой бы то ни было системы сказать, что командарм-10 и его штаб управления войсками армии, штаб кото- также формально отнеслись к выполне- рой уже к 23 июня перестал существовать. нию невыполнимого приказа и передали Если штаб армии перестал существовать, его в войска без всякой трансформации. следовательно, и армия тоже. В наличии Может быть, тогда на нас повлияло при- было только энное количество людей в во- сутствие на командном пункте замести- енной форме и с оружием в руках. Но не теля командующего фронтом генерал- армия, что автоматически подразумевает лейтенанта Болдина, который также не протестовал против невыполнимого организованность и дисциплину. За подоб- приказа об отходе за реку Нарев. Но все же и мы должны принять на себя зна- ное управление войсками в боевой обста- чительную долю ответственности перед чиную историю за то, что отдали войскам невыполнимый приказ, обрекавший их на беспорядочное бегство»⁸³⁴.

Конечно, оставшись в живых после тически полагается расстрел, хотя бы и по такой страшной войны, тем более такого 193-й статье Уголовного кодекса РСФСР

⁸³³ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 307—308. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 269—270.

⁸³⁴ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 224. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 270.

катастрофического начала этой страшной войны, можно и слегка посыпать как свою, так и чужие головы пеплом покаяния. Так сказать, для исторической объективности. Однако этим запоздалым пеплом покаяния не вернуть к жизни 27 миллионов жертв, которые понес великий советский народ в той страшной войне. В том числе и по прямой вине командования ЗапОВО-ЗФ, включая и командование 10-й армии.

Короче говоря, что бы впоследствии ни писали оставшиеся в живых командиры 10-й армии, квалификация их действий может быть только одна — **СОЗНАТЕЛЬНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ФОРМЕ УМЫШЛЕННОГО ОТКРЫТИЯ ФРОНТА!**

Потому как враньем является байка насчет того, что отход 10-й армии был осуществлен, пускай и по невыполнимому, но приказу начальника штаба Западного фронта Климовских. Потому что с момента нападения и до полудня 23 июня штаб 10-й армии не имел никакой связи со штабом Западного фронта!⁸³⁵ Да и сам штаб Западного фронта не имел никакой связи с войсками с самого начала боевых действий. Причем, что еще более усугубляло последствия этого факта, связи с войсками не имел и полевой пункт управления, развернутый в Обуз-Лесна, где находился заместитель командующего фронтом, начальник оперативного отдела штаба фронта и начальник связи фронта вместе с группой командиров. Неустойчивая связь была только по радио и только с 4-й армией, однако на полевом пункте управления не было шифра для работы с 4-й армией!⁸³⁶ Вот вам и конкретная вина начальника связи округа-фронта Григорьева. Как же так можно было организовывать работу полевого пункта управления Западного фронта?!

⁸³⁵ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 270.

⁸³⁶ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 4857 сс. Д. 11. Л. 113—114. Цит. по: *Иринархов Р* Красная Армия в 1941 году. Перед грозными испытаниями. М., 2009, с. 497.

Так что каким это макаром в 10-й армии могли получить такой приказ от Климовских — хрен их знает. Ведь в первом же боевом донесении ЗФ в Москву, которое было отправлено во второй половине дня 22 июня, было ясно и однозначно указано: «...Третье. Ввиду потери связи с 10-й армией в Белосток вылетел заместитель командующего войсками И.В. Болдин с задачей установить положение на фронте 10-й армии и в зависимости от обстановки использовать 6-й механизированный корпус на гродненском и брестском направлениях»⁸³⁷.

Аналогичный факт — отсутствие связи с 10-й армией — командующий ЗФ Павлов собственноручно зафиксировал и в директиве командующему 4-й армией, потребовав от него установить связь с 10-й армией с помощью делегата связи⁸³⁸. Причем прошу обратить внимание на то, что упомянутая директива командарму-4, которой приказывалось уничтожить «прорывающиеся и прорвавшиеся банды противника», была направлена в первой половине дня 22 июня.

Попутная реплика. И чего это их всех тянуло называть столь сильного, организованно напавшего на СССР противника бандами?! Где они видели банды, если на СССР напало целое государство — нацистская Германия?! Что это за неуместная дурь-то такая — банды, видите ли?!

Этот же факт — отсутствие какой-либо связи с 10-й армией и ее частями — четко был зафиксирован и в оперативной сводке № 1, которая была составлена к 22 часам 22 июня и направлена в Москву: «...От 8, 12, 86 и 113-й стрелковых дивизий 10-й армии сведений в течение дня не

⁸³⁷ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 22—24. Цит. по: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 224.

⁸³⁸ ЦА МО РФ. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 6. Л. 1. Цит. по: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 224.

поступало. Данных о положении частей на левом фланге армии нет... »⁸³⁹

Небольшое пояснение. Сведения о положении стрелковых дивизий конкретной армии должны поступать в штаб фронта от штаба самой этой армии.

Тут, правда, есть одна странная записка. Упомянув об утверждении Ляпина и рапорте Маркушевича, невозможно не обратить внимание на странное заявление начальника 3-го отдела (то есть начальника военной контрразведки) 10-й армии полкового комиссара Лося, которое он сделал в рапорте от 13 июля 1941 г. по выходу из окружения: «Радиосвязь была восстановлена к исходу 22 числа как с округом, так и со всеми соединениями. Проволокой же связи во время действий армии не восстановлено.

...К вечеру 22 числа, не помню сейчас от кого, то ли от заместителя командующего ЗапОВО Болдина лично, то ли из штаба ЗапОВО, было получено приказание отступить и закрепиться на рубеже реки Нарев. Приказание было вызвано якобы неустойкой соседа слева — 3-й армии»⁸⁴⁰.

Вот как так получается, что в Москву штаб фронта сообщает, что по состоянию на 22 часа 22 июня связи с 10-й армии нет, а Лось утверждает, что радиосвязь с округом была установлена к исходу 22 июня?! Как это так получается, что Ляпин утверждал, что приказ Климовских об отходе он получил в 22.30 22 июня по телеграфу открытым текстом, а Лось однозначно указал, что проволочной связи во время действий армии не было восстановлено?! То, что оба врал, и так понятно. Только

вот вопрос в том, кто из них больше врал, а, самое главное, для чего? Что они прикрывали своим враньем? Как это Лось, постоянно находившийся при командовании 10-й армии, тем более когда туда прибыл Болдин, мог не знать, кто конкретно отдал такой приказ?! Ведь не так уж и много времени прошло с момента получения такого приказа, чтобы забыть о том, кто его отдал! Не говоря уже о том, что начальник военной контрразведки армии автоматически ставится в известность о таких приказах.

Выше были приведены три документально подтверждаемых факта, что связи со штабом Ю-й армии не было в течение всего 22 июня (с момента начала агрессии). Приведен также и факт принципиально странного разнобоя между утверждениями Ляпина и Лося. И вот теперь объясните хотя бы самим себе следующий парадокс. Каким это образом начальнику штаба ЗФ Климовских удалось связаться, да еще и по телеграфу, к тому же открытым текстом, со штабом 10-й армии и передать преступный приказ на отход?! Как это ему удалось всего-то через полчаса после отправки в Москву оперсводки № 1?! Как, если вообще связь со штабом этой армии у штаба Западного фронта была налажена только в полдень 23 июня?! Причем не по телеграфу, а с помощью уже упоминавшихся делегатов связи, которые привезли приказ, зашифрованный неизвестным шифром, который не смогли расшифровать шифровальщики ни 10-й, ни 3-й армий, в результате чего несчастных офицеров связи расстреляли прямо на командном пункте как немецких диверсантов.

А чтобы было ясно и понятно, что автор отнюдь не сгущает краски насчет сознательного предательства и измены командования различных уровней ЗФ, примите во внимание следующий факт. Не имея никакой связи с 10-й армией, в том числе и с направленным туда для ее восстановления Болдиным, тот же Павлов 23 июня

⁸³⁹ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 156. Кор. 5529. Л. 1—3. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 223.

⁸⁴⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 330—340. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 60.

направил именно Болдину, а также командующим 10-й и 3-й армиями директиву на продолжение наступления, причем с утра 24 июня?!⁸⁴¹ Связь была только с 3-й армией, и то весьма неустойчивая.

Согласно этой директиве, с утра 24 июня ударной группой в составе 6-го и 11-го МК и 36 кд под общим командованием Болдина войска этих армий должны были продолжать решительное наступление на Гродно и овладеть им?! Более того. Они еще должны были продолжать наступление по обоим берегам реки Неман на Друскенике и Меречь с задачей занять местечко Меречь?! И что самое интересное, в этой директиве была поставлена задача 56-й сд, о штурме упоминавшейся выше оперсводкой № 1 в Москву уже было сообщено, что, по докладу командарма-3, она практически была разгромлена?!

Комментарий. Попутно нельзя не отметить, что основная ударная сила и фронта, и намечавшегося по директиве Павлова контрудара — 6-й МК, — начал передислокацию в район Сокулка в ночь с 22 на 23 июня. Причем командование этого МК настолько «умно и грамотно» осуществляло эту передислокацию по каким-то плохим дорогам и через густые леса, что к 10 часам утра 23 июня 6-й МК потерял почти весь свой транспорт с горючим и боеприпасами! А его танки один за другим вставали из-за того, что в баках кончалось горючее. Ну а после того, как действиями 6-го МК попытался верховодить еще и маршал Кулик, то кончилось это тем, что самый мощный и хорошо оснащенный МК Западного фронта к 28 июня прекратил свое существование, не проведя ни одного удара по врагу! Частично его загоняли, частично потеря техники произошла из-за острейшего дефицита горючего, частично разбомбила авиация противника, частично из-за того, что командование использовало их как неподвижные огневые точки.

Да и вообще, даже предвоенная дислокация этого МК со своей стороны еще раз убеждает в том, что с Белостокского плацдарма готовился немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения. Но что бы ни планировалось, в итоге это обернулось форменным предательством. Наиболее сильный 6-й МК ГШ и

командование ЗапОВО держали в Белостокском выступе, хотя им заранее хорошо было известно, что супостаты сосредотачивают свои танковые части в районах, на направлении флангов ЗапОВО. Но именно на фланги этого округа были выставлены наиболее слабые 11-й и 13-й МК. А когда со страшной силой грянул гром, то пришлось перебрасывать 6-й МК под Гродно, но было уже поздно, да и кончилось это плачевно. На шестые сутки войны 6-й МК прекратил свое существование. В немалой степени еще и потому, что при получении решения маршала Кулика на отход на рубеж реки Шара, командующий 6-м МК настолько «умно и грамотно» исполнил этот приказ, что приказал остаткам своего корпуса, еще носившим гордое название полков, отходить каждому «полку» самостоятельно?! Причем не указав при этом ни маршруты отхода, ни рубежи развертывания, ни порядок действий на этих рубежах, и даже не организовав прикрытие отходящих войск. Начав столь неорганизованный отход, 6-й МК фактически спровоцировал повальное дезертирство и панический драп на восток других, прежде всего стрелковых, частей (в частности, 13-й и 86-й сд), ибо они тут же начали свертывать свои боевые порядки⁸⁴².

Проще говоря, выходит, если верить словам Ляпина о получении им приказа на отход лично от Климовских, что Климовских не поставил в известность Павлова о таком своем приказе на отход 10-й армии. А не ведающий об этом Павлов на следующее утро ничтоже сумняшеся дал директиву на наступление начавшей отход 10-й армии, о положении стрелковых дивизий ничего не было известно, а также 3-й армии, у которой уже официально одна дивизия была полностью разгромлена.

Если это было так, то как прикажете все это расценивать?! Ведь в таком случае даже термин «предательство» и то мало что объяснит. Потому как тут налицо злоумышленное запутывание управления войсками в боевой обстановке в целях открытия фронта врагу. Один дает приказ на отход, другой на наступление, но и в том, и в другом случае фактически провоцируя панический драп и подставляя войска

⁸⁴¹ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 25—27. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 225.

⁸⁴² ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 296—301. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 272—273.

под разгром и уничтожение. Потому как наступать при отходе, увы, невозможно. Причем в ситуации, когда с одной армией связи никакой нет, да к тому же она уже понесла серьезные потери, а другая также уже понесла ощутимые потери.

Но если ссылка Ляпина на приказ Климовских — фальшивка, а похоже, что это более всего соответствует истине, и если исходить из того, что то, что написал упоминавшийся выше Маркушевич, правда, то тогда вывод может быть только один. Командарм-10 генерал Голубев и начальник штаба этой армии генерал Ляпин фактически пошли на сговор в целях открытия фронта противнику, списав свой преступный отход без санкции командующего фронтом и Москвы на вынужденное исполнение устного приказа начальника штаба фронта. Вывод тем более получится один, если вспомнить, что 24 июня командарм-10 вновь принял самостоятельно решение об отходе с 25 на 26 июня на новый рубеж — под угрозой левому флангу его армии. А вечером 25 июня под воздействием все более ухудшавшейся обстановки Голубев вновь принял самостоятельное решение об отходе еще дальше на восток. Кончилось это тем, что «отдельные группы военнослужащих и даже целые подразделения самовольно уходили из колонн и лесами пробирались на восток, нигде не задерживаясь. На шоссе, вернее, вдоль шоссе в лесах, на участке Волковыск-Зельва за 25, 26 и 27 июня скопились тысячи людей и сотни машин, самостоятельно устремлявшихся в тыл. У штаба 10-й армии не хватало сил обуздать всю эту массу и превратить ее в какое-либо подобие организации»⁸⁴³.

Ну, а когда ко всем этим самовольным решениям Голубева об отходе добавилось еще и решение маршала Кулика от 28 июня об отходе на рубеж реки Шара, то

начался абсолютно повальный драп всех частей и соединений, завершившийся тем самым горьким признанием: «Со второй половины 29 июня соединения армии, как войсковые организмы, перестали существовать, рассыпались по лесам и дорогам и самостоятельно пробирались на восток. 30 июня командующий 10-й армией и его штаб остались без армии, без всяких средств управления и без всяких данных об общей обстановке на Западном фронте»⁸⁴⁴. Владея совокупностью этих данных, тут волей-неволей придется, увы, еще раз вспомнить уже упоминавшиеся два факта.

Во-первых, германское командование изначально вовсе не намеревалось устраивать генеральное сражение в Белостокском выступе и вообще за Белосток. Оно преследовало иную цель — прорвав советскую оборону и окружив советские войска в этом выступе, основными силами все-таки ускоренными темпами двигаться в направлении Минска. И только там устроить нашим войскам соответствующую крупномасштабную бойню. Любопытно, что впоследствии это признал (быть может, понимал еще тогда, в июне 1941 г.) и бывший начальник штаба 10-й армии П.И. Ляпин: «Таким образом, “Оперативный кувшин”, созданный “творцами” плана прикрытия государственной границы для 10-й армии перед войной, превратился между реками Сокулка (Соколка. — А. М) и Зельвянка в форму кожаной купеческой мошны для всех сил первого эшелона Западного фронта. Эту купеческую “мошну” на рубеже реки Зельвянки немцы могли бы 25 и 26 июня завязать так, что из нее не выбрался бы ни один человек, но они такой цели себе не ставили»⁸⁴⁵. Проще говоря, захват Белостокского выступа

⁸⁴³ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 260. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 272.

⁸⁴⁴ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 296—301. Цит. по: Рунов В.А. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 273.

⁸⁴⁵ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 296—301. Цит. по: Рунов В.А. Первая кровь. Перелом истории. 1941. М., 2009, с. 272.

не являлся для германского командования каким-то особым приоритетом. И советское командование это уяснило-таки. Но любопытно то, почему германское командование отказалось устраивать сражение за Белосток.

Помните, ранее уже отмечалось, что в феврале 1941 г. начальник штаба группы армий «А» (она же первоначально ГА «Краков», она же, в момент нападения на СССР, ГА «Юг»), генерал пехоты фон Зоденштерн, отмечал: «...Если вообще можно говорить о сосредоточении главных сил русских при их теперешней группировке, то оно находится в Киевском особом военном округе»⁸⁴⁶. Жуков всего один месяц на посту главы Генштаба. А в марте 1941 г. уже начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Ф. Гальдер отмечал: «Бросается в глаза скопление войск на Украине... Анализ группировки русских войск (если отказаться от убеждения, что русские хотят мира и сами не нападут) заставляет признать, что их группировка вполне позволяет быстро перейти в наступление, которое было бы для нас нежелательно» (в круглых скобках цитируемого отрывка примечание самого Гальдера, и обратите внимание, что в мирных намерениях советской стороны они убеждены и для допущения иных мыслей им приходится на время отказываться от этой убежденности. — А. М.)⁸⁴⁷. Жуков всего-то два месяца на посту главы Генштаба, и уже, что называется, «приплыли»!

Потому как выходит, что супостаты фактически точно вычислили и истинное предназначение концентрируемой в КОВО группировки наших войск, и, что хуже всего, направление главного удара в случае немедленного встречно-лобового контрнаступления или, в выражении Гальдера, «группировка вполне позволяет быстро перейти в наступление».

⁸⁴⁶ Филиппы А. Припятская проблема / Пер. с нем. М., 1959, с. 155.

⁸⁴⁷ Военно-исторический журнал. 1959, № 2, с. 82.

Еще раз прошу обратить внимание на эти слова Гальдера, ибо если группировка войск в КОВО была бы действительно сугубо ударно-наступательной, то он так и написал бы — Гальдер был очень опытным генштабистом и хорошо понимал значение и суть разведанных. Да и абвер, к слову сказать, отнюдь не из профанов состоял — как и любая солидная военная разведка, абвер, как правило, весьма быстро и точно устанавливал истинный характер группировок войск противника. По крайней мере, в те времена, тем более в приграничной зоне. И поскольку Гальдер, опираясь на данные разведки, написал — «вполне позволяет быстро перейти в наступление», — то выходит, что он откровенно допускал, что перед этой группировкой поставлена задача немедленного ответного удара, то есть в формате немедленного встречно-лобового контрнаступления!

Наступательных намерений как таковых действительно не было, и никто их не планировал. Однако это же не говорит о том, что не было контрнаступательных намерений, тем более в формате немедленного встречно-лобового контрблицкрига по факту нападения, что подтверждается громадным количеством данных. И которые едва отличаются от наступательных, тем более при начале войны. Следовательно, ни тогда, в 1941 г., ни значительно позже, после войны, никто не обманывался насчет контрнаступательного характера группировки наших войск и никто даже и не посмел однозначно расценить ее иначе, то есть якобы как сугубо наступательно-ударную. Но это всего лишь присказка.

Комментарий. В этой связи хотелось бы напомнить о следующем. Как уже отмечалось ранее, в феврале 1941 г. берлинская резидентура НКГБ получила от агента Экстерн многозначительное сообщение. Экстерн информировал, что вскоре после заключения договора о ненападении от 23.08.1939 г., германский генштаб заказал известному белоэмигранту генералу П. Краснову аналитический обзор. Тема этого об-

зора — «Поход Наполеона на Москву в 1812 г. Теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX в. и возможные последствия подобной акции». Причина такого заказа ясна. Уже тогда зуд рвануть в блиц-«Дрангах Остен»-криг одолевал Гитлера и его военных. Но есть еще один нюанс. Обратите внимание на слова «теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX в. и возможные последствия подобной акции». Так вот, обзор именно потому должен был быть аналитическим, что руководящие штабные супостаты Третье*го рейха хотели проверить, сохраняются ли в РККА господствовавшие до 1937—1938 гг. германские взгляды на стратегию и тактику. А они, как указывалось ранее, были идентичными, ибо выросли из одних и тех же корней и к тому же в условиях негласного сотрудничества между рейхсвером и РККА. Судя по всему, заказ был неслучайным не столько потому, что штабные подходы супостатов отличались особой тщательностью. В принципе это должно быть понятно без особых комментариев. Особенно в русле стремления знать систему военного мышления против*ника, что обычно делают все генштабы. Судя по всему, руководящих штабных аспидов Третьего рейха всерьез интересовало одно обстоятельство. Пойдет ли советское командование на то, чтобы отражать немецкий блицкриг немедленным встречно-лобовым контрблицкригом по факту нападения?! Проще говоря, супостатов интересовало, какую стратегию отражения агрессии изберет советское командование. Дело в том, что если был бы принят модернизированный применительно к условиям начала сороковых годов вариант Баркляя-де-Толли, который затем реализовывал Кутузов, то тогда грезившийся Берлину успех блицкрига оказался бы под очень большим вопросом даже теоретически.

А вот и сам сказ. Позволив супостатам сделать вполне обоснованный вывод о возможно намеченном со стороны командования Красной Армии немедленном встречно-лобовом контраступлении по факту нападения с главным ударом на направлении правого фланга вермахта (то есть на Юго-Западном направлении), совокупность этих данных буквально мгновенно подвигла Гальдера на одно принципиальное решение. Его суть в следующем. Раз на Юго-Западном направлении (то есть с плацдарма КОВО) Советы готовят главный удар своего немедленного встречно-лобового контраступления в

формате контрблицкрига и стягивают туда свои основные силы, следовательно, севернее Полесья и Припятских болот прикрытие и оборона будут значительно слабее. Значит, самый решительный прорыв должен быть там.

И Ф. Гальдер тут же выдал штабу группы армий «Центр» следующее указание: «1). Сражение не в районе Белостока, а в районе Минска. 2). Никакого разрыва с группой армий Лееба (ГА «Север». — А. М). 3). С помощью всех технических средств подтягивать резервы за южным крылом, иначе возможна угроза флангового удара»⁸⁴⁸.

С военной точки зрения директиву он дал более чем уместную, ибо она означала, что обе группы армий — «Центр» и «Север» — должны продвигаться только в едином, мощном порыве, коли советское командование именно на этом направлении ослабляет свою оборону. По сути дела, и, к сожалению, в пользу супостатов незримо, кривозеркально реанимировалась ситуация с планом Шапошникова. Тогда, осенью 1940 г., Шапошников точно спрогнозировал направление главного удара вермахта. При чем не только по состоянию германского военного планирования на сентябрь 1940 г., включая, кстати говоря, содержание «этюда Лоссберга» от 15 сентября, но и даже в рамках будущей директивы № 21 от 18 декабря 1940 г., «Вариант Барбароссы». К слову сказать, прогноз Шапошникова был изложен за три месяца до подписания Гитлером директивы № 21.

Вот почему двум «соседям» — ПрибОВО и ЗапОВО — и были поставлены практически одинаковые по направлениям прикрытия задачи: «активной обороной», а также активными действиями по сковыванию сил противника прочно прикрыть Минское и Рижско-Псковское направления. Еще раз обратите внимание на то, что задача по прочному прикрытию

⁸⁴⁸ Военно-исторический журнал. 1959, № 2, с. 76.

Минского (сиречь в целом Белорусского) направления была поставлена сразу двум округам — ПриОВО и ЗапОВО! И поставлена по тем же политическим соображениям, в силу которых Шапошников столь точно спрогнозировал направления главного удара вермахта!

Однако вопреки логике плана Шапошникова дуэт Тимошенко и Жукова рьяно, а, самое главное, незаконно переусердствовал в резком нагнетании контрнаступательного характера стоящих перед группировкой в КОВО задач, обозначив тем самым и направление своего главного удара. Зафиксировав это и повинувшись единым для генштабистов всего мира законам, сражения, «могилка» и так сама захлопштабные супостаты Третьего рейха немедленно осознали и срочную необходимость в этом, а затем мгновенно прорваться к резко усилить значение будущих совместных действий ГА «Центр» и ГА «Север». Отсюда и упомянутая выше директива Гальдера, которая характерна еще и тем, что к весне 1941 г. он выдал указание, откровенно игнорирующее факт концентрации наших войск в Белостокском выступе, о чем знали в подробностях. На одном из послевоенных допросов у американцев Гальдер открыто это признал⁸⁴⁹. По-другому его приказ планировать сражение не у Белостока, а в районе Минска расценить невозможно. Но что означало это игнорирование — ведь начальнику Генштаба, мягко говоря, отнюдь не с руки игнорировать факт концентрации войск противника на вклинивающемся в собственную территорию выступе?

К глубокому сожалению, сие означает следующее. Что всего-то за два месяца, в течение которых Генштабом «рулил» уже Жуков, к тому же совместно с Тимошенко, супостаты весьма резво уяснили себе и суть еще только вынашивавшегося ими замысла немедленного встречно-лобового контрнаступления в формате контрблиц-

крига по факту нападения с двух фланговых направлений. Белостокский и Львовский выступы — соответственно передовые плацдармы для осуществления такого контрблицкрига. Но это были плацдармы, которые легко и даже мгновенно можно было превратить в «братские могилы» по отработанной еще более двух тысяч лет назад схеме Канн. К тому же эти плацдармы обладали «способностью» к самозахлопыванию. Отсюда и такой вывод Гальдера, в частности в отношении Белостока. Нечего тратить силы и средства, в частности на Белостокском направлении для организации там сражения, «могилка» и так сама захлопнется, если сначала ей слегка «помочь» в этом, а затем мгновенно прорваться к Минску и дать сражение именно там. Так оно и вышло. Тщательно выбомбленные ранним утром 22 июня, а затем еще и в последующие дни, обе «могилки», особенно Белостокская, захлопнулись сами собой. Зато на рубеже 5-го — 6-го дней агрессии супостаты из ГА «Центр» уже входили в Минск. А их «коллеги» по разбою из ГА «Север» в это время были уже на восточной окраине Даугавпилса, а «закопавшие» другую «братскую могилу» — на Львовском выступе — такие же бандиты из ГА «Юг» углубились на нашу территорию на 150—200 км.

Так вот вопрос в том и заключается, каким же макаром супостаты планировали мгновенно прорваться к Минску через Белостокский выступ, особенно если учесть, что там были дислоцированы две армии — 3-я и 10-я армии ЗапОВО?! Чай, не идиоты же они были, планируя мгновенный прорыв через полосы обороны двух советских армий! Даже при всем том, что супостаты всерьез рассчитывали на колоссальный эффект внезапного удара, они не могли не понимать, что так или иначе, но первоначальный шок у советских войск пройдет и начнется сопротивление, которое надо будет преодолевать. Более того. Они же видели, что в Бело-

⁸⁴⁹ Допрос Гальдера 9 сентября 1948 года. Напз-ОипЛег ЗегарЫт. О1е ОеиКсь-КдозксБеп ВегеШип^еп 1939—1941, НатЪиг\$, 1949. 8. 62—68. Цит. по: <http://t131era.bj1axi/?1-3-0-00001385-000-0-0-1318822122>

стокский выступ советское командование закачивает большие силы. Но они упрямо игнорировали необходимость сражения за Белосток. Они игнорировали две армии РККА, как будто их вообще не было... Главное — мгновенный прорыв к Минску. Что и осуществили.

И в таком случае, что же прикажете думать?! Ведь что теперь получается-то: либо приказ Климовских, если верить Ляпину, либо, если исходить из доклада Маркушевича, самоличные действия командарма-10, инициировавшего незаконный отход вверенной ему армии без письменного приказа командующего фронтом, больно уж четко вписываются в планы германского командования в отношении Белостокского выступления! Проще говоря, для виду один день сопротивлялись, а далее не столько незаконный отход, что уже сурово наказуемое преступление, сколько открытие фронта на этом направлении вкуче со сдачей территории, за что полагается немедленный расстрел. Только так и был возможен мгновенный прорыв Гудериана и Гота к Минску. Первый за пять дней добрался до столицы Белоруссии, второй — и вовсе за четыре дня! Как будто на их пути не было никаких советских армий! Можно по-разному отнестись к такому выводу автора, однако и, увы, у автора просто нет никакого шанса и оснований для какого-нибудь другого вывода, не связанного с прямыми утверждениями о предательстве и умышленном открытии фронта под видом хотя бы и панического драпа.

А, во-вторых, вследствие этого резко возрастает значение второго факта. Помните, выше также уже говорилось, что в разведывательной сводке РО ЗапОВО от 3 июня отмечалось, что засылаемой на советскую территорию агентуре германских спецслужб ставилась задача «установить % офицеров б. царской армии, состоящих сейчас на службе в Красной Армии, и их отношение к советской власти»⁸⁵⁰.

⁸⁵⁰ Спецсообщение Разведывательного отдела штаба ЗапОВО от 3.6.41 г. Направлено в ГШ РККА. ЦА МО РФ. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6 Л. 181—187.

А теперь посмотрите, что получается. Мало того что как будто специально:

— командующий ЗапОВО-3Ф генерал армии Д.Г. Павлов — бывший унтер-офицер царской армии, к тому же еще в Первую мировую войну три года сидел в немецком плену;

— начальник штаба ЗапОВО-3Ф генерал-майор В.Е. Климовских — бывший офицер, командир батальона царской армии;

— командарм-10 генерал-майор Д.К. Голубев — бывший прапорщик царской армии;

— командарм-3 генерал-лейтенант В.И. Кузнецов — подпоручик царской армии;

— командарм-4 генерал-майор А.А. Коробков — подпоручик царской армии.

— начальник артиллерии ЗапОВО-3Ф генерал Клич — бывший офицер царской и дашнакской армий.

Проще говоря, мало того что на всех ключевых командных постах в войсках ЗапОВО находились сплошь бывшие офицеры царской армии! Причем командующие 4-й и 10-й армиями были назначены уже при Жукове, весной 1941 г.! Причем, что особенно странно, оба были назначены вместо двух генералов (соответственно) — В.И. Чуйкова и В.З. Романовского, которые блестяще себя зарекомендовали во время войны. Павлов и Климовских были назначены на свои посты, едва Тимошенко стал наркомом обороны. Мало того что этот кадровый фокус сильно уж смахивает на то, что бывших царских офицеров специально концентрировали в одном округе на самых ответственных постах, чтобы затем из них сделать «козлов отпущения». Ведь их кандидатуры для назначения на должности, на которых они оказались к началу войны, представлялись наркоматом обороны и Генеральным штабом. Мало того что именно на Западном фронте, где все ключевые посты занимали бывшие царские офицеры, а командующий фронтом еще и три года провел в немецком плену в годы Первой мировой, произошла жуткая

катастрофа — менее чем за неделю боев, точнее, за четыре с половиной дня именно этот фронт рухнул так, что тяжелые негативные последствия этой катастрофы докатились едва ли не до стен Кремля.

Так ведь еще и бывший прапорщик царской армии, он же командарм-10 Голубев — без разницы, по преступной инициативе бывшего царского офицера и начальника штаба ЗФ Климовских или самовольно — спровоцировал незаконный, не санкционированный командующим фронтом отход возглавлявшейся им армии с занимаемых рубежей обороны, который мгновенно превратился в паническое бегство и в результате уже на седьмой день войны его армии окончательно не стало! И хуже того, незаконный отход, еще раз подчеркиваю это обстоятельство, больно уж четко вписывался в стратегические планы германского командования в отношении Белостокского выступления! В результате чего супостаты едва ли не в прямом смысле слова мгновенно оказались у Минска! Как и было у них запланировано еще до нападения.

§ 11. Военная контрразведка ЗапОВО о ситуации в ВВС округа в момент начала нападения и первые дни агрессии

Ну, а теперь, как было обещано, данные военной контрразведки о положении на Западном фронте. Сначала приводятся выдержки из тех документов военные контрразведки, которые относятся к ВВС ЗапОВО-ЗФ. Забегая вперед, хочу обратить внимание на следующее. Все ниже приводимые документы свидетельствуют о том, что практически повсеместно, за редчайшими исключениями, не были выполнены приказы НКО и ГШ о маскировке и рассредоточении самолетов. И особысты именно это называли в качестве основной причины массовых потерь самолетов на земле. Проще говоря, как уже указывалось выше, Тимошенко и Жуков в

самый последний момент все-таки соображали абсолютную неминуемость варварского погрома авиации приграничных округов и потому «доблестно», но очень своевременно свалили всю ответственность за грядущую катастрофу на головы командующих ВВС округов.

Из донесения от 27 июня 1941 г. уполномоченного 3-го отдела 10-й САД Леонова: «В Бельском истребительном авиаполку за 2 часа до налета была тревога, и только разошлись по домам, как был произведен налет германской авиации. На рассвете в воскресенье 22 июня германская авиация напала количеством в 100 самолетов на крепость, полигон и все места дислоцирования частей Красной Армии в гор. Бресте. Особенно точно германская авиация знала расположение наших аэродромов, которые были подвергнуты обстрелу из пулеметов зажигательными пулями, в результате чего в Брест-Кобринском направлении, которое прикрывалось 4 полками 10-й смешанной авиадивизии, находившимися: 123-й ИАП — в дер. Именины (г. Кобрин), 74-й ШАП — Малые Взводы [(что в 18 км от границы) — именно туда незадолго до нападения он был перебазирован по приказу Жукова. — А. М], 33-й ИАП — гор. Пружаны и 39-й СБАП — гор. Пинск, германской авиацией подверглись почти что полному уничтожению на земле. Боеспособной матчасти осталось считанные единицы. Характерно, что матчасть в этих полках, за исключением 39-го авиаполка, была не рассредоточена...

...На Пинском аэродроме, где дислоцируется 39-й СБАП, эскадрилья Пинской флотилии, которая не была рассредоточена, подверглась полному уничтожению противником. Характерно, что объекты, расположенные ближе к германской границе как то: 74-й ШАП, 123-й ИАП подверглись более раннему нападению, чем 39-й СБАП, но не предупредили наши части, находящиеся в отдаленном месте от линии фронта, то есть от германской

границы. В результате этого авиация противника уничтожила и эти, наиболее отдаленные аэродромы, путем обстрела из пулеметов. ...Склады бензина и боеприпасов 33-го ИАП, 123-го ИАП, 39-го СБАП были уничтожены.

...Основной причиной, послужившей большому количеству потерь самолетов на аэродромах, явилось то, что командование дивизии не рассредоточило матчасти самолетов. Кроме того, налет был внезапным, и не была организована защита аэродромов от последующих налетов германской авиации после первого нападения. Такой факт имел место в 39-м СБАП, где было 3 налета. В результате рассеянности командования и отсутствия приказа действовать, матчасть самолетов была уничтожена.

...Зенитные пулеметы на аэродромах бездействовали. Пулеметы на уцелевших самолетах не были приведены в действие. Между перерывами налетов мер к спасению матчасти самолетов не предпринималось*

...Запасы бомб, продовольствия, обмундирования в тыл не вывозились, бомбы не рассредоточивались. С наступлением противника на авиагарнизон 123-го и 33-го ИАП запасы, видимо, не будут уничтожены, так как совершенно не организована эвакуация, бегут в беспорядке...

Железнодорожная сигнализация (семафоры, стрелки) на всей магистрали от Кобрина до Гомеля и от Гомеля до Москвы не замаскированы, представляют хороший объект бомбардировки железнодорожных путей, что может нарушить коммуникации наших войск, а также служит хорошим ориентиром (маяками) в ночное время при полетах германских самолетов. Германские самолеты по этой железнодорожной магистрали ночью ходят на высоте 400—300 метров с двумя сильно освещенными фарами (прожектора) и нащупывают наши эшелоны»⁸⁵¹.

⁸⁵¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 243—249. Цит. по: Мельтюхов М. И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 14—18.

Комментарий. Обратите, пожалуйста, внимание, во-первых, на то, какой сильный первый удар нанесла гитлеровская авиация именно на Брест-Кобринском направлении, которое являлось центральным даже в масштабах всего Западного округа-фронта, не говоря уже о полосе обороны 4-й армии. Фактически 10-я САД в мгновение ока перестала существовать, раз почти полностью, за исключением считанных самолетов, потеряла 4 авиаполк, а это около 200 самолетов. Во-вторых, на исключительно точное знание командованием люфтваффе расположения наших аэродромов. Это результат воздушной разведки люфтваффе, идиотского разрешения на приземление германских пассажирских самолетов на военных аэродромах ЗапОВО и деятельности агентурной разведки абвера. В-третьих, на то, что в трех из четырех авиаполков 10-й САД самолеты не были рассредоточены, причем эти полки были передового базирования. А ведь Копец якобы докладывал, что авиация округа рассредоточена и приведена в боевую готовность. В-четвертых, на отсутствие какой-либо связи между полками одной дивизии. Первыми пострадавшие от налетов не удосужились предупредить своих товарищей из других частей. В-пятых, на то, что командование настолько было полностью дезорганизовано, что даже при третьем налете противника не организовало никакого сопротивления. Если за потери от первого, внезапного налета командование авиадивизии, может быть, и не стоит винить, по крайней мере, сильно. Хотя бы потому, что умышленное расслабление накануне устроил не кто иной, как Павлов вместе с Копцом. Однако ответственность за потери от второго и тем более от 3-го налета с командования авиадивизии и ее полков не снимешь. Потому как, если говорить честно, на дезорганизованность это списать трудно. Тут очевидна преступная должностная халатность (и то как минимум), повлекшая тяжелые последствия при отягчающих обстоятельствах. Так что вышак можно было схлопотать без особого труда, даже в рамках статьи 193 УК того времени.

Ну и, конечно, самое принципиальное заключается в том, что по справедливому и объективному мнению особиста, одной из главных причин массовых потерь самолетов на земле в первый день войны является отсутствие их рассредоточения по вине командования. Проще говоря, только потому, что самолеты просто некуда было перегонять — запасные площадки командованием не были подготовлены заранее, в том числе и для боевой работы. Самолеты выбыли из строя главным образом на аэродромах, по причине их скученности размещения, отсутствия нужного количества запасных аэродромов, площадок. Это имело место не только в ПриОВО (выше об этом уже говорилось), но и в ЗапОВО, и в

КОВО. Проще говоря, то была система, которую на разгильдяйство или якобы одновременно начавшиеся ремонт аэродромов и строительство взлетно-посадочных полос с твердым покрытием на основных аэродромах не спишешь.

Ну а если на принцип, то за редчайшими исключениями, даже в минимуме, не были выполнены хотя и запоздалые, но все же приказы НКО и ГШ о маскировке и рассредоточении самолетов. И особист именно это назвал в качестве основной причины массовых потерь самолетов на земле. И был абсолютно прав. Как видите, Тимошенко и Жуков своевременно скумекали, за что им могут снести головы, и потому «доблестно» свалили всю ответственность за грядущую катастрофу ВВС на головы командующих ВВС округов. Не случаен также и поразительно расширительный характер приказа о маскировке от 19 июня, о чем говорилось выше. Оба крутозвездных прекрасно знали, что и зачем они делают.

***◆

Из спецсообщения № 36701 от 5 июля 1941 г. 3-го Управления НКО: «...Службы ВНОС и ПВО по обороне Минска работали крайне плохо. В ряде случаев отсутствовали сигнализация и связь в момент появления самолетов противника. Зенитные батареи действовали беспорядочно. Когда одна батарея открывала огонь, то за ней открывали и другие, не зная, стреляют ли они по самолетам противника или по своим. За 23 июня нашими зенитными батареями во время обстрела повреждено 3 самолета “СБ”. Имел место обстрел над своим аэродромом самолетов “СБ” 313-го отдельного разведывательного авиаполка, возвращавшихся с боевого задания, истребителями 163-го ИАП 43-й авиадивизии. Это вызвало ряд отрицательных настроений среди личного состава полка.

Командир 6-й батареи в/ч 4329 7-й бригады ПВО младший лейтенант Чекуров в местечке Щучине после обстрела батареи с самолета противника бежал, оставив бойцов, которые затем также разбежались»⁸⁵².

⁸⁵² РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 205—206. Цит. по: *Меятохов М.И.* Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 21.

Комментарий. В том, что службы ВНОС и ПВО работали крайне плохо, ничего удивительного нет. При наличии в целом неплохих средств раннего обнаружения самолетов противника — в РККА были даже РЛС — все делалось по такой старинке, что не приведи господь. Между тем еще с 1934 г. Сталин постоянно требовал, чтобы все самолеты, особенно боевые, оснащались радиооборудованием. Конструкторы и заводы действительно оснащали самолеты, особенно истребители, радиостанциями⁸⁵³. Но когда наркомом обороны стал Тимошенко, то произошло следующее. Под совершенно идиотским, фальшивым, да даже просто оскорбительным по отношению к нашим ученым и конструкторам предлогом радиостанции, особенно с истребителей, были сняты. Мол, поскольку наши авиадвигатели были не экранированы, то система зажигания создавала сильные помехи в наушниках, которые, отвлекая, мешали летчикам! Как можно было оперировать таким предлогом?! Как можно было опускаться до мысли, что наши выдающиеся ученые и конструкторы не понимали такой мелочи?! Даже гипотетически такое предположение — уже оскорбление для наших ученых и конструкторов, и поэтому даже и не будем пытаться рассматривать подобное! Они все делали по уму и по науке! Так что снятие радиостанций с истребителей — не дикость, не тупость и даже не глупость. Это преступление.

Итак, радиостанции были, но их сняли. А теперь посмотрите, что было записано у Тухачевского в «Плане поражения»: «Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации!» Ну, и как вам это?!

Почему же система зажигания мешала только в истребительной авиации? Что, в бомбардировочной или разведывательной авиации система зажигания не должна была, если следовать этой кретинской логике, создавать помехи в наушниках?! Или, быть может, у наших летчиков-истребителей был нежнейший слух, как у музыкантов мирового уровня?! Позволю себе один пример насчет «нежности» их слуха, а заодно и изысканности их речи: в середине войны Сталин вынужден был издать свирепый приказ, запрещавший жуткую матерщину, которая стояла в эфире во время воздушных боев! С начала войны наши летчики-истребители, по примеру знаменитого «загиба» Петра Великого, до того лихо матерились в эфире во время воздушных боев, что сбивали вражеские самолеты едва ли не без снарядов, одной только невероятно виртуознейшей матерщиной! Ну, и где уж поганым Гансам да

⁸⁵³ *Мухин Ю., Лебединцев А.* Отцы-командиры. Звезды на погонах — звезды на могилах. М., 2004, с. 543.

фрицам было выдержать столь «крупнокалиберный обстрел», аж до «двадцать первого колена», а то и того больше?! Правда, при этом наши до*рогие «соколы» изрядно мешали командованию руководить боем. Вот и вынужден был вмешаться сам Верховный — только его они и слушались. Так что слух у летников-истребителей изнежен не был, как, впрочем, и речь тоже...

Короче говоря, сняли радиостанции именно с истребителей — прямо-таки по «Плану поражения»! С истребителей, главная задача которых категорически предотвратить господство противника в воздухе! Если в кабине истребителя есть радиостанция, то пребывающему в состоянии полной боевой готовности и уже сидящему в самолете с прогретым двигателем летчику достаточно короткого приказа по радио, чтобы взмыть в воздух на перехват.

И вот еще о чем. Прямо накануне войны чья-то не в меру «умная голова» в Москве додумалась до того, что издала приказ о снятии с новых истребителей Як-1 и МиГ-3 крыльевых пулеметов. Якобы для облегчения самолетов. И это тоже далеко не дурость, тупость или глупость. Это уже сильно смахивает на сознательное принятие мер по резкому снижению боевых качеств новейших истребителей, которые, между прочим, поступали и на вооружение авиационных частей ПВО. Кстати говоря, летные и боевые характеристики новейших самолетов тогда утверждались правительством Советского Союза. Следовательно, такой приказ был издан в нарушение правительственного постановления об утверждении этих характеристик Як-1 и МиГ-3. И что должен был делать летчик-истребитель, в распоряжении которого оставалась только одна авиационная пушка?! С таким арсеналом в воздушном бою много гансов и фрицев не нашибаешь! Скорее, они собьют нашего летчика.

А по поводу деятельности ВНОС и вообще можно колики в животе заработать... от очень горького смеха. В начале войны, когда супостаты перелетали линию фронта, оттуда шли (если шли) звонки командованию ВВС, а уже от него шла команда на аэродромы, но взлетевшие советские истребители направлялись не к противнику, а сначала к посту ВНОС. А там широкими белыми полотнищами на земле выкладывалось направление пролета супостатов, а узкими, поперек — высота их пролета (например, три полосы означали 3000 м). И только после этого наши «соколы» разворачивались и вприпрыжку неслись вдогонку за бандой воздушных гансов и фрицев, которые к тому времени отмахали как минимум по 150—200 км! ^То, что посты ВНОС и ПВО не знали силуэтов даже советских самолетов, не го-

воря уже о немецких, — давно уже притча во языцех. Вот и лупили в небо в расчете на знаменитое «авось» — в кого-нибудь да попадем. А то, что нередко попадали по своим самолетам, — выходит, ну что же, бывает...

Короче говоря, ответственность за такое состояние ВНОС и ПВО лежит на командовании всех уровней, не исключая Жукова и Тимошенко. Естественно, и на Рычагове, Смушкевиче и других, справедливо и на законных основаниях расстрелянных «авиаторах».

В рапорте от 13 июля начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара Лося поражают два обстоятельства, имеющие отношение к ВВС и ПВО.

Во-первых, он указал, что прикрывавшая Белосток 4-я бригада ПВО до 8 часов утра 22 июня бездействовала и не произвела ни одного выстрела. А при расследовании выяснилось, что эта бригада имела специальное приказание от помощника командующего ЗапОВО по ПВО до особого распоряжения по самолетам противника не стрелять, которое вынужден был отменить командарм-10⁸⁵⁵.

Однако подобное лишь только внешне идиотское приказание помощника командующего ЗапОВО по ПВО не могло иметь место после получения директивы № 1, где говорилось, что на провокации не поддаваться. Этот лишь только внешне идиотский приказ не мог родиться даже после подлых успокоений Павлова наркомом Тимошенко, когда он ему запретил открывать огонь. Помните, что писал И.В. Болдин о том, как примерно в 4.30—4.40 22 июня Тимошенко вновь звонил в штаб уже ЗФ и заявил ему следующее: «Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать. Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову, что товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по

⁸⁵⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 331. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 19.

⁸⁵⁴ Мухин Ю.р., Лебединцев А. Отцы-командиры. Звезды на погонах — звезды на могилах. М., 2004. с. 343.

немцам. Разведку самолетами вести не далее шестидесяти километров»^{85*}.

Сбитые в полосе 10-й армии три немецких летчика, не сговариваясь, на допросах показали, что им заранее было известно об этом запрете на открытие огня по немецким самолетам, который советское командование разослало в части ПВО⁸⁵⁷.

Ну, а благодаря воспоминаниям бывшего командира 8-й противотанковой бригады ЗапОВО-3Ф, которая дислоцировалась в полосе 10-й армии, впоследствии генерал-майора артиллерии И.С. Стрельбицкого и вовсе устанавливается факт заглавочного предательства со стороны помощника командующего ЗапОВО по ПВО. Потому что когда утром 22 июня Стрельбицкий позвонил в штаб 229-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Резерва Главного Командования (ОЗАД РГК) и потребовал немедленного открытия огня по немецким самолетам, то командир дивизиона не только отказался. Он еще и заявил, что в присланном ему накануне пакете содержится категорический приказ—«На провокацию не поддаваться, огонь по самолетам не открывать»⁸⁵⁸. И только когда Стрельбицкий добрался до позиций зенитчиков и откровенно пригрозил расстрелять на месте командира батареи за неисполнение приказа старшего начальника — он являлся старшим начальником в гарнизоне Лида — зенитчики наконец открыли огонь по немецким самолетам⁸⁵⁹.

Итак, благодаря этим свидетельствам четко устанавливается факт того, что секретный приказ не открывать огонь по немецким самолетам был сострянпан предателем в лице помощника Павлова по ПВО еще 20 июня. Потому как командир дивизиона заявил, что он накануне по-

лучил пакет, в котором содержался письменный запрет на открытие огня зенитной артиллерии по немецким самолетам. Но если пакет пришел накануне, то есть 21 июня, то, следовательно, сам письменный запрет был сострянпан не позднее 20 июня, иначе фельдсвязь не успела бы доставить его по назначению. Прошу обратить на это особое внимание, без согласования с Павловым такой приказ не мог быть издан, тем более 20 июня.

А Павлов, надо отдать ему его преступное «должное», также внес «весомую лепту» в дело иммобилизации ПВО. Продублировав для войск округа директиву № 1 НКО и ГШ, он исключил из нее пункт о приведении ПВО в боевую готовность. Проще говоря, выключил систему ПВО округа из системы первоочередных мер по отражению агрессии. Причем сделал это сознательно, сознательно же исказив директиву № 1. А теперь суммируем. У нас есть факт письменного приказа о запрете на обстрел германских самолетов зенитной артиллерией, который помощник Павлова по ПВО по явному согласованию с командующим издал еще 20 июня. У нас есть также и факт, согласно которому сбитые в полосе именно 10-й армии три немецких летчика показали на допросах, что им заранее было известно о запрете на обстрел германских самолетов зенитной артиллерией, который советское командование разослало в части ПВО. Напоминаю, что эти летчики были сбиты в полосе обороны 10-й армии, а она, как известно, дислоцировалась в Белостокском выступе, генеральную драку за который германское командование не планировало.

Ну, а теперь посмотрите, сколь преступно и подло поступил Павлов, прикрывая действия такого же, как и он, преступника и подлеца — своего помощника по ПВО. Для этого нам необходимо обратиться к самым первым документам той войны

1. Вот директива № 1, с которой наши войска встретили войну:

⁸⁵⁶ Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961, с. 85.

⁸⁵⁷ Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 102.

⁸⁵⁸ Там же.

⁸⁵⁹ Там же.

«ДИРЕКТИВА № 1

Военным Советам Западных приграничных округов о возможном нападении немцев 22—23.6.41 п и мероприятиях по приведению войск в боевую готовность с ограничениями, маскировке войск, готовности ПВО

Военным советам ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота

1) В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2) Задача наших войск—не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3) Приказываю:

а) В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе.

б) Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать.

в) Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно.

г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

д) Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков 21.6.41»⁸⁶⁰.

2. Вот что издал Павлов на основании директивы № 1, если исходить из «дерьмократических» публикаций:

⁸⁶⁰ ЦАМО. Ф. 48А. Оп. 1554. Д. 3. Л. 257—259.

«Директива командующего войсками ЗапОВО

командующим войсками 3-й, 4-й и 10-й армий.

22 июня 1941 г.

Передаю приказ Наркомата обороны для немедленного исполнения:

1. В течение 22—23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. Тимошенко Жуков Павлов Фоминых Климовских»⁸⁶¹.

3. А вот, наконец, подлинный вариант того, что Павлов издал на основе директивы № 1*.

⁸⁶¹ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69. Машинопись. Имеются пометы: «Поступила 22 июня 1941 г в 01-45», «Отправлена 22 июня 1941 г. в 02-25—02-35». Подлинник, автограф.

«Директива
командующего Западного Особого
военного округа от 22 июня

1941 г. с объявлением приказа народ-
ного комиссара народного
комиссара обороны о возможности
внезапного нападения немцев
в течение 22—23 июня 1941 г.

Совершенно секретно
Командующим 3,4-й и 10-й армиями
Передаю приказ Народного Комисса-
ра Обороны для немедленного исполне-
ния.

Военным советам Ленинградского,
Прибалтийского особого,
Западного особого, Киевского особо-
го, Одесского военных округов
Копия — Народному Комиссару
Военно-Морского Флота

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно
внезапное нападение немцев на фронтах
Ленинградского, Прибалтийского особо-
го, Западного особого, Киевского особого
и Одесского военных округов. Нападение
немцев может начаться с провокационных
действий.

2. Задача наших войск — не подда-
ваться ни на какие провокационные дей-
ствия, могущие вызвать крупные ослож-
нения.

Одновременно войскам Ленинград-
ского, Прибалтийского особого, Западно-
го особого, Киевского особого и Одесско-
го военных округов быть в полной боевой
готовности встретить внезапный удар
немцев или их союзников.

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно
занять огневые точки укрепленных райо-
нов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредо-
точить по полевым аэродромам всю авиа-
цию, в том числе и войсковую, тщательно
ее замаскировав;

в) все части привести в боевую го-
товность без дополнительного подъема

приписного состава. Подготовить все ме-
роприятия по затемнению городов и объ-
ектов.

Никаких других мероприятий без
особого распоряжения не проводить.
Тимошенко Жуков Павлов Фоминых
Климовских»⁸⁶².

4. Наконец, вот еще один вариант
того, что Павлов издал на основе дирек-
тивы № 1:

«Приказ народного комиссара оборо-
ны СССР № 1
22 июня 1941 г.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно
внезапное нападение немцев на фронтах
Ленинградского, Прибалтийского особо-
го, Западного особого, Киевского особого
и Одесского военных округов. Нападение
немцев может начаться с провокационных
действий.

2. Задача наших войск — не подда-
ваться ни на какие провокационные дей-
ствия, могущие вызвать крупные ослож-
нения.

Одновременно войскам Ленинград-
ского, Прибалтийского особого, Западно-
го особого, Киевского особого и Одесско-
го военных округов быть в полной боевой
готовности встретить внезапный удар
немцев или их союзников.

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно
занять огневые точки укрепленных райо-
нов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредо-
точить по полевым аэродромам всю авиа-
цию, в том числе и войсковую, тщательно
ее замаскировав;

в) все части привести в боевую го-
товность без дополнительного подъема
приписного состава. Подготовить все ме-
роприятия по затемнению городов и объ-
ектов.

⁸⁶² Сборник боевых документов Великой
Отечественной войны. М., 1958, выпуск № 35. На
документе отметка: «Отправлен 22 июня 1941 г.
в 2 часа 25 минут». ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп.
2454сс. Д. 26. Л. 69. Цит. по: БПр://t1h1ega.Нб.ги/
(loc8/(1a/5bcl/t(lex.b1t1

Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко Жуков»⁸⁶³.

Документ под номером 1 — это канонический текст директивы № 1. Под № 2 приведен документ из пресловутой «малиновки», то есть из известного всем историкам двухтомника «1941», изданного Международным фондом «Демократия». Под № 3 приведен подлинный текст того, что издал Павлов на основе полученной из Москвы директивы № 1.

Сейчас мы не будем вдаваться в подробный анализ фокусов Павлова с этой директивой. Укажем только, что уже в наше время проведенным не только автором, но и его коллегами анализом установлено, что подлинным в действительности является текст, указанный под № 3 — в свое время он был опубликован в Сборнике боевых документов Великой Отечественной войны.

Банда же фальсификаторов во главе с давно уже почившим в бозе пресловутым А.Н. Яковлевым опубликовала фальшивку вместо подлинного документа, причем с фальшивыми координатами архивного хранения. Иначе сложно было бы в очередной раз предпринять попытку превратить Павлова из Савла в Павла, то есть облагородить столь дорогой членам этой банды фальсификаторов облик предателя. Увы, но до них никак не дойдет простая русская мудрость: «черного кобеля — не отмоешь добела».

Зная это, обратим пристальное внимание на то, из-за чего эти документы были приведены. Суть дела в следующем. В каноническом тексте директивы № 1 приказывалось:

«в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенные и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнитель-

ного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов...»

Что сделал Павлов? Взял, да и самовольно исключил:

— из п. «в» положение «войска держать рассредоточенные и замаскированно»,

— из п. «г» положение «противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава»,

— оставил вторую часть п. «г» — «подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов»,

и в результате, облеченный колоссальной военной властью хренов «министр» в генеральском звании выдал на-гора преступный гибрид следующего содержания:

«в) все части привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов...».

Подчеркиваю, что пока оставляем за скобками все иные аспекты этого документального фокуса Павлова, ибо нас сейчас интересует только вопрос о противовоздушной обороне. То, что он сделал в переводе на обычный язык, называется, во-первых, злоумышленное искажение сути приказа вышестоящего командования, к тому же санкционированного главой правительства СССР. Это уже тяжкое преступление. Во-вторых, он попросту исключил из мер по приведению в боевую готовность систему ПВО ЗапОВО. А это еще большее преступление — тяжкое государственное преступление. Потому что это уже умышленное ослабление мобилизационной и боевой готовности вверенных ему войск, а если проще, то умышленная их подстава даже не под разгром, а попросту на убой бомбардировками противника. Так оно и произошло.

Следовательно, у того приказа, анализ которого был прерван приведением документальных фокусов Павлова, были

⁸⁶³ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69.

На документе есть помета: «Поступил в штаб Западного Особого военного округа 22 июня 1941 г. в 00 ч. 45 мин. Отправлен в войска 22 июня 1941 г. в 2 ч. 25 мин., 2 ч. 35 мин.».

два «родителя»-предателя. И главный из них — Павлов, заранее, еще до получения директивы № 1, исключивший из системы мер по приведению в боевую готовность ПВО округа. Естественно, что эта система бездействовала в начале агрессии, нанося самым колоссальный урон наземным войскам. Ну, а супостаты безнаказанно бомбили наши войска. Но бездействие системы ПВО округа по приказу командующего округом было более чем на руку супостатам.

А теперь вспомните, какие приказы отдал Павлов летчикам именно 20—21 июня? Правильно, разоружить самолеты, снять боезапас, слить бензин, распустить всех домой — пусть отдыхают, умаялись, зенитную артиллерию — на стрельбища и т.д. Да еще и приказ по ПВО. И в результате массированного погрома и разгрома нашей авиации и гражданских объектов с раннего утра 22 июня. Это ли не единый, сознательно уперто проводившийся Павловым и К° курс на безусловную подставу вверенных ему войск под неминуемый разгром и уничтожение?!

Не менее характерно и то, что в массе своей эти факты «всплыли» именно в связи с Белостокским выступом. Помните, что тогда оно было оправданно, потому что выше неоднократно указывалось насчет подлинных планов германского командования в отношении этого выступления. Оно не собиралось устраивать там генеральное сражение. Оно планировало, молниеносно прорвав советскую оборону в этом выступе, разгромив и окружив передовые части РККА, стремительно двигаться вперед к Минску и только там устроить кровавое генеральное побоище. Но для того, чтобы на Белостокском направлении это получилось безальтернативно, необходимо было именно там лишить советские войска в первую очередь прикрытия с воздуха. Внезапность внезапностью, но и подстраховаться руками откровенных предателей нацистские аспиды не погнушались. Иначе откуда такая «директива» и приказы Павлова, а также тот же приказ

его помощника по ПВО от 20 июня о запрете на открытие огня зенитной артиллерии по немецким самолетам?

Некоторые коллеги по исследованиям, даже при наличии таких фактов тем не менее грешат различными рассуждениями, которые так или иначе сводятся к тому, чтобы хотя бы исподволь, но бросить увесистый булыжник в Сталина. Как правило, первым делом ссылаются на Д.И. Микояна, который якобы вспоминал, что-де Сталин дал указание не стрелять по немецким самолетам, чтобы не спровоцировать войну. И никто не хочет замечать одного обстоятельства. Микоян поувязал этот запрет со временем отдания общеизвестного приказа о приведении войск в боевую готовность. То есть с директивой № 1. Но ее-то текст был утвержден только вечером 21 июня. Там нет никакого запрета на открытие огня зенитной артиллерии, напротив, ее п. «г» четко указывает: «Противовоздушную оборону привести в боевую готовность»! Нигде более такие указания Сталина, наподобие того, что рассказал Микоян, не встречаются. Такое указание действительно имело место ранее, задолго до 21 июня, но тогда оно было оправданно, потому что действительно пограничники и зенитчики несколько раз «отличились» и сбили несколько самолетов люфтваффе. Но это указание касалось только пограничников. Но не РККА. Об этом подробно говорилось еще в первом томе. Ко всему прочему, не следует забывать, что и наши самолеты вели воздушную разведку в небе над приграничной зоной и иногда залетали на сопредельную сторону. Так что сбивать самолеты действительно было не с руки, иначе и наши самолеты сбивали бы. Но 21-го Сталин подобного указания не отдавал, потому что одним из дел, которым он занялся именно 21-го, еще днем, была как раз проверка боеготовности системы ПВО, в ходе которой он потребовал повысить ее степень. И чтобы после этого он отдал такой приказ — чистый нонсенс!

Осознавая, очевидно, шаткость ссылок на Микояна и рассуждений на тему о том, что-де для ПВО была отдельная директива — наряду и одновременно с директивой № 1 — некоторые исследователи сознательно упускают из виду еще одно очень важное обстоятельство, которое, увы, должен повторить. Вот тот пример с 229-м ОЗАД РГК свидетельствует о том, что приказ помощника Павлова по ПВО был сострянпан даже не 21-го. Судя по всему, его состряпали не позднее 20 июня, потому что начальник штаба этого дивизиона ответил Стрельбицкому, что получил пакет с этим приказом накануне. Пакеты же с письменными приказами вышестоящего командования отправляются только военной фельдсвязью. И если в Лиде, где дислоцировался 229-й ОЗАД РГК, такой пакет был получен накануне 22-го, сиречь 21 июня, следовательно, его отправили из Минска не позже 20-го! Тем более, что и сбитые в полосе обороны 10-й армии немецкие летчики ясно и однозначно заявили, что они заранее знали о запрещении местной ПВО открывать огонь по немецким самолетам.

Все это означает, что в сухом остатке имеем лишь следующее. То был сознательно осуществленный по согласованию с командующим округом конкретный акт предательской имобилизации (обездвиживания) войск ПВО в Западном округе, преследовавший цель обеспечить супостатам как гарантированную внезапность авиационного нападения, так и особенно его безнаказанность в первые часы, когда они будут уничтожать ВВС округа и завоевывать абсолютное господство в воздухе, громить и крушить основные позиции и объекты как военного, так и гражданского характера! Особенно на Белостокском направлении.

Соответственно нет особой нужды грешить на успехи немецкой агентуры. Нет такой же нужды грешить и на успехи немецкой радиоразведки. Из истории

криптографии известно, что у немцев не было серьезных успехов на этом направлении, хотя кое-чем они все-таки успели поживиться. Но эти их «успехи» относятся к 1938, 1939 и 1940 гг. К тому же они не были столь значительны. И, кстати говоря, если бы у них были такие серьезные успехи на этом направлении, то советская разведка, естественно, узнала бы об этом. Естественно потому, что один из агентов советской разведки — Шульце-Бойзен — в свою очередь имел своего очень ценного агента в дешифровальной службе абвера — Хорста Хельмана. А тот в свою очередь завербовал еще одного агента в этой службе — Альфреда Траксла. До самого провала «Красной капеллы» по этим каналам шла самая секретная, особо ценная разведывательная информация. Так что обо всех успехах немцев, по крайней мере абвера, по дешифровке советских шифров и кодов в довоенный период советская разведка знала⁸⁶⁴. И если бы факт утечки кодов ПВО имел бы место, то Москва не только знала бы об этом, но и заранее сменила бы коды. Но такого факта в истории кануна войны нет. По крайней мере в открытой литературе точно нет.

К тому же, как уже указывалось в первом томе, советская разведка располагала еще одним каналом контроля за успехами немцев в сфере радиоразведки. Она располагала агентом по фамилии Ньюблад в шведской службе радиоразведки. В 1994 г. шведы сами предали гласности эту историю. Все, что шведы тогда читали в немецких радиограммах, читали также и в Москве, нередко даже раньше, чем руководство Швеции. Не говоря уже о том, что эти данные позволяли советской радиоразведке самостоятельно раскалывать немецкие коды и знать как о планах немцев, так и об их уровне осведомленности о советских войсках⁸⁶⁵. Шифры тайной поли-

⁸⁶⁴ Анин Б. Петрович А. Радиошпионаж. М., 1995, с. 406.

⁸⁶⁵ Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Криптография: страницы истории тайных операций. М., 2008, с. 233—234.

тической полиции (гестапо) также были известны, в чем велика заслуга знаменитого Вилли Лемана, агента Брайтенбах.

Короче говоря, даже с этой точки зрения названный выше сухой остаток является единственным. Имело место сознательное предательство, выразившееся в организации подставы войск Западного округа под разгром и уничтожение. В данном случае за счет полной иммобилизации системы ПВО округа, особенно на Белостокском направлении, путем отдания предательских приказов.

Что же касается реального успеха нацистских аспидов в разрушении советской системы противовоздушной обороны, то первый такой и увы, достаточно серьезный случай относится к истории скоротечной обороны Минска. Увы, но факт, что в июне 1941 г. захваченный немцами в плен один из летчиков ЗФ выдал им одну из шифросистем, применявшихся в переписке советских ВВС. В результате из дешифрованных сообщений супостатами была получена ценная информация. Благодаря этому авиация люфтваффе смогла уничтожить большое количество советских самолетов на земле и в воздухе в ходе сражения под Минском⁸⁶⁶.

Во-вторых, Лось указал, что получившая приказ быть в боевой готовности с 20 на 21-е число дислоцировавшаяся в Белостоке 9-я авиадивизия тем не менее также была застигнута врасплох нападением немцев. Этот факт обращает на себя внимание по трем причинам. Прежде всего потому, что в очередной раз зафиксирован факт заблаговременного отдания приказа о приведении войск в боевую готовность. Исходя из даты отдания такого приказа, нетрудно прийти к выводу, что он был связан с санкционированной Сталиным директивой НКО и ГШ от 18 июня о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность.

В то же время выходит, что об отмене приказа о приведении авиадивизии в бое-

вую готовность Лось не знал. Как, впрочем, и не знал о том, что в авиадивизии округа была направлена шифровка из штаба ЗапОВО, отменявшая приказ от 20 июня о приведении частей в полную боевую готовность и запрещении отпусков! Выше об этом факте уже говорилось, в том числе и о том, кто и как спровоцировал такой приказ.

Наконец, в-третьих, приведенный Лосем факт свидетельствует также и о том, что этот приказ был дан в обход военной контрразведки. Сделать это можно только умышленно, сознательно. Потому что в особо угрожаемый период приведение войск в боевую готовность или отмена такого приказа в военной жизни явления того порядка, которые непосредственно относятся к компетенции военной контрразведки. И если Лось не знал об этом приказе, следовательно, отдававшие его лица в командовании округа и ВВС округа сознательно, умышленно не поставили военных контрразведчиков в известность о таком приказе. Отсюда и прямой вывод о предательском характере самого приказа.

И вот еще что. 21 июня в Белостоке командующий ВВС 10-й армии проводил совещание командно-начальствующего состава. О возможном нападении Германии не было сказано ни слова. Хотя и туда тоже поступила последняя разведывательная сводка РО штаба ЗапОВО, о которой говорилось выше. Да и сами летуны тоже прекрасно знали, что враг изготавился и вот-вот нападет. Ведь результаты проведенной еще 18 июня воздушной разведки по всей линии границы в полосе компетенции ЗапОВО были известны.

Однако, несмотря на все эти данные, приказ о приведении в боевую готовность был отменен именно 21-го. А когда утром 22-го штаб 9-й авиадивизии запросил командующего ВВС 10-й армии «что делать», тот не моргнув и глазом ответил: «Не поддаваться на провокацию!»⁸⁶⁷

⁸⁶⁷ Воздушная мощь Родины. М., 1988, с. 177. Цит. по: Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 152.

⁸⁶⁶ Там же, с. 238.

Чего же тогда удивляться, что 9-я САД оказалась застигнутой врасплох?! Да и не только она одна.

Тем более не стоит этому удивляться, если примем во внимание и то, что подобную политику проводил и заместитель командующего ВВС округа генерал Таюрский. Даже после полудня, когда уже и ему было ясно, что началась страшная и тяжелая война, Таюрский умудрился отдать по гражданским линиям связи приказ начальнику одной из авиашкол (скорее всего, всем начальникам авиашкол, которых в ЗапОВО было 13) следующего содержания: «Учебные полеты продолжать. Фашистскую провокацию в расчет не принимать»^{86*}. А то, что ни за понюшка табака погибнут курсанты — будущие летчики, — бывшего колчаковца Таюрского даже и не интересовало. Многие из них и погибли... И таких фактов немало. Приводить их все нет никакой возможности. Ну, а сам А.И. Таюрский по приговору военного трибунала был расстрелян 23 февраля 1942 г. вместе с командующими ВВС КОВО и ПриОВО, соответственно Е.С. Птухиным и А.П. Ионовым.

Из спецсообщения № 37928 от 15 июля 3-го Управления НКО:

«... Произведенным расследованием причин уничтожения фашистской авиацией всей материальной части в 41-м и 124-м ИАП 9-й смешанной авиадивизии установлено:

Командир 41-го авиаполка майор Ершов в момент налета самолетов противника утром 22 июня растерялся и не мог организовать личный состав полка для отпора противнику. Несмотря на то, что при первом налете фашистских самолетов на аэродром Сибурчин, где дислоцировался 41-й ИАП, противник не вывел из строя ни одного боевого самолета, так как все они были рассредоточены и замаскированы, Ершов не принял самостоятельных

действий по нанесению решительного удара самолетам противника, ожидая указаний от командования 9-й АД (вообще-то должно быть САД. — А. М.).

Майор Ершов, имея в своем распоряжении боевой полк, вместо принятия решения действовать соединениями, высылал навстречу противнику по 1—2 самолета, которые уничтожались противником. Таким образом, были убиты лучшие летчики полка — Солоха, Аксенов, Чернявский и подбиты — Крутоверец, Коробков, Кукушкин и Киселев.

Ершов, не имея необходимости перебазироваться с аэродрома Сибурчин, так как на этом аэродроме имелось все для ведения боя, принял решение перебросить полк на аэродром Курьяны, затем, вечером 22 июня перебазировался на аэродром Квартеры. Впоследствии вся материальная часть была уничтожена вследствие того, что самолеты на этих аэродромах не имели воздуха для заправки самолетов (41-й ИАП состоял из самолетов МИГ, для запуска двигателей которых был необходим сжатый воздух. — А. М.) и патрон к пулемету БС, оказавшись небоеспособным.

Командир 124-го ИАП майор Полунин к моменту военных действий находился в отпуску и прибыл в полк только днем 22 июня, когда противник уже совершил два налета на аэродром. После третьего налета самолетов противника, Полунин улетел на самолете УТИ-4, не дав никаких указаний. Помощник командира 124-го ИАП капитан Круглов, оставался за командира на время его отпуска, 22 июня утром при налете фашистской авиации растерялся и не принял решительных мер по борьбе с ней. Все распоряжения Круглова носили неорганизованный характер. Самолеты выпускались в воздух не подразделениями, а одиночками, что не давало должного эффекта по отпору вражеским самолетам.

У большинства истребителей МИГ-3 не стреляли пулеметы, так как бригада завода № 1 не успела отрегулировать их. Все

^{**} Егоров Д. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008, с. 161.

это привело к тому, что все самолеты полка были уничтожены»⁸⁶⁹.

Комментарий. Первоочередная ответственность за растерянность командиров лежит на тех, кто отдал 20—21-го июня приказ об отмене приведения частей в боевую готовность. Хотя, конечно, это не избавляет от ответственности самих командиров этих соединений. Но вот дальше они уже творили ровным счетом то, что безоговорочно попадало под действие соответствующих статей Уголовного кодекса того времени. Это и фактически умышленное отправление на встречу с противником одиночек, что приводило к неоправданным потерям среди лучших летчиков полка. Это и незаконное, без какой-либо санкции вышестоящего командования двойное перебазирование в течение одного дня на аэродромы, находившиеся в глубине округа. В военное время это называется просто — провоцирование массового дезертирства и сдача позиций врагу. Хотя имел место и случай личного дезертирства майора Полупина. Это и оставление в месте своей основной дислокации боеприпасов, топлива, средств ремонта и обслуживания самолетов и т.д. Что в итоге привело к полному уничтожению материальной части полка. За ничем не оправданную потерю материальной части, тем более столь дорогостоящей, как матчасть авиаполка с новейшими истребителями, и в мирное-то время полагалась серьезная уголовная ответственность, а в военное — и подавно. Не говоря уже о том, что командование этой дивизии заранее не подготовило запасные площадки к боевой работе

Наконец, о регулировке пулеметов на истребителях МИГ-3. Вроде бы, объективно написано — не успела бригада отрегулировать. А в действительности приказ о приведении в боевую готовность Москва дала 18 июня. В округе пару дней протянули, и конкретно 9-я САД получила такой приказ только 20 июня. А 21-го приказ был отменен. Если бы приказ о приведении в боевую готовность был бы вовремя доведен до сведения командования авиадивизии, то за четыре дня бригада успела бы отрегулировать пулеметы. Во время войны, в значительно более тяжелых условиях, чем в июне 1941 г., ремонтные бригады авиачастей творили фантастические чудеса, успевая за одну ночь, даже на диком морозе, отремонтировать подбитые самолеты, справляясь с ремонтом любой, даже самой высокой сложности. А тут было четыре дня прекрасной летней погоды, которые не использовали, а затем и вовсе отменили боевую готовность.

⁸⁶⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 100. Л. 96—98. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 19—21.

Формально это не охарактеризуешь как умышленное предательство, но то, что все эти действия командования авиаполков откровенно способствовали неминуемому разгрому вверенных им частей, — едва ли должно вызвать сомнения.

Общий комментарий к донесениям военной контрразведки по вопросам ВВС.

Вот так ВВС Западного округа в реальности «были приведены в полную боевую готовность, замаскированы и рассредоточены» (за редчайшими исключениями). Разве не очевидно, что Павлов отчаянно врал, но валил все на генералов Копца и Таюрского, которые не меньше него были виновны?

ВВС округа откровенно были поставлены под разгром и понесли огромный урон от первых налетов врага. Только 22 июня ВВС ЗФ потеряли 738 самолетов, в том числе 387 истребителей и 351 бомбардировщик. Из них на аэродромах было уничтожено 528, сбито зенитками — 18, потеряно в воздушных боях — 133, не вернулись с боевого задания — 53, а также взорвался на взлете — 1, потерпели аварию — 2, совершили вынужденную посадку — 3 самолета⁸⁷⁰.

Тем не менее летчики ЗапОВО-ЗФ, вопреки своему преступному командованию, устроили поганым Гансам и фрицам такой кроваво-свинцовый прием, что они прямо с первого же дня агрессии взвыли. Во-первых, было выполнено 1896 боевых вылетов, заявлено о 143 сбитых вражеских самолетах, в том числе 32 ВГ-109 и 15ВГ-110⁸⁷¹.

Историческим фактом является, что первый немецкий самолет-разведчик во время начавшейся войны был сбит в 3.30 утра именно над Брестом звеном лейтенанта Ф.И. Мочалова (ведомые лейтенанты Баринов и Тарантов) из 33-го иап

⁸⁷⁰ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 65. Л. 203—211.

⁸⁷¹ Там же.

10-й сад, которой командовал полковник Н.Г. Белов⁸⁷².

Не ожидавшие такого сопротивления поганые гансы и фрицы действительно взвыли прямо с первого же дня агрессии. Мол, русские неправильно ведут бои, допускают варварские методы. Это гансы и фрицы насчет воздушных таранов, которые были совершены летчиками 3Ф уже в первые же минуты и часы агрессии. Кстати говоря, именно летчики Западного фронта первыми в истории войны прибегли к воздушным таранам. В немалой степени это было вызвано, увы, тем, что на борту их самолетов или просто не было оружия и боезапаса — из-за приказа накануне об их снятии — или же очень мало. На таран вражеского самолета в небе над Белостоком пошел даже неизвестный летчик, летевший на У-2⁸⁷³.

Благодаря своему фантастическому героизму, мужеству и прекрасной боевой выучке (а ведь Павлов клеветал также и на этот счет, просто разбирать его проклятую клевету не хочется), отважно сражавшиеся и наносившие врагу серьезный урон летчики Западного фронта покрыли себя неувядаемой славой! Но как было бы здорово, если бы преступное командование не подставило бы их под разгром на земле! И какой славный погром они устроили бы поганым Гансам и фрицам, если бы нашими летчиками еще и командовали бы и по уму, и, самое главное, по-честному!

В п. 7 раздела «Недостатки в боевых действиях» своей записки на имя И.В. Сталина от 3 сентября 1941 г. — «О некоторых важных вопросах войны» — 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко указывал (сохранены орфография и стиль оригинала): «Слабое маневрирование) а часто и использование авиации. Во многих случаях ей даже не

ставят задач, их составляют командующие авиацией, очень часто со слабым учетом сложившейся оперативной обстановки. Целеуказания слабы и часто провокационно-паникерские. Во многих случаях авиация действует по целям независимо от действия наземных войск и по фронту маневрируется слабо. В результате слабого взаимного понимания авиации и пехоты и обратно и забота о действиях друг друга слабая: пехота не обозначает своего переднего края обороны, не обозначаются и колонны. Одним из главных обстоятельств, мешающих эффективной работе, является отсутствие средств радиосвязи в авиации. В результате запаздывания сообщений о целях и запаздывания вылетов на бомбежку, неэффективность действий авиации по переднему краю, так как самолеты появляются часто с опозданием на цели, а определить — где передний край, свой и противника, не представляется возможным из-за изменений»⁸⁷⁴.

§ 12. Военная контрразведка ЗапОВО о ситуации в наземных войсках округа в момент начала нападения и первые дни агрессии

Ну, а теперь о донесениях военной контрразведки насчет действий наземных войск ЗапОВО-3Ф.

Из донесения от 27 июня уполномоченного 3-го отдела 10-й САД Леонова: «В 12 часов ночи 22 июня 1941 г. со стороны Германии в районе Бреста (крепости и полигона) были даны германскими частями сигналы ракетами: красного, белого и зеленого цвета. Начсостав и члены их семей считали, что происходит учение германских войск, никаких мер предосторожности командованием Брестского гарнизона предпринято не было. Командиры и члены их семей думали, что это учение в германской армии проводится так же,

⁸⁷² Буг в огне. Минск, 1965, с. 168—177, Ш111егa.НЬ.ги/тето/п155»ап/5Ъ_Ъи\$_у_о\$пе/т(1ех. Ъг1

⁸⁷³ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 34.

⁸⁷⁴ Цит. по: Досье гласности. № 7/8 (23). 2003, с. 11.

как и в нашей армии, которое предполагалось якобы провести в 20-х числах сего месяца...

...В госпиталях отсутствуют медикаменты, особенно бинт, работают местные врачи без надзора военных.

Бойцы Брестского гарнизона, вышедшие по тревоге, имели запас патронов по 15 шт., израсходовав их, в район Жабинки отступали в беспорядке, так как отсутствовали боеприпасы...»⁸⁷⁵

Комментарий. Как это начсостав, да еще и члены их семей могли так считать? К концу 21 июня в приграничной зоне уже не только люди, но и даже все без исключения представители флоры и фауны знали о предстоящем нападении! Командиры войсковых частей прекрасно видели, что происходит. Местное население открыто об этом говорило, в том числе и непосредственно военным. Даже местные девушки на танцах говорили об этом военнослужащим. Командование 17-го Брестского Краснознаменного пограничного отряда открыто предупредило командование 4-й армии о нападении немцев на рассвете 22 июня. Но армейское командование почему-то заняло поразительно идиотскую позицию. Они, видите ли, так думали и считали...

Короче говоря, все это означает умышленную информационную блокаду со стороны командования 4-й армии, командующий которой, Коробков, как уже указывалось выше, умудрился арестовать командира 17-го Брестского пограничного отряда. И ведь за что? За то, что тот доложил ему разведывательные сведения о нападении немцев на рассвете 22 июня и даже о времени начала перехода германскими войсками государственной границы. Само же командование 4-й армии по примеру своего командующего округом также отправилось в театр, вместо того чтобы предпринять хотя бы минимум мер по приведению войск в боевую готовность. Так что нет ничего удивительного в том, что никаких мер предосторожности принято не было.

Отсутствие медикаментов в госпиталях есть конкретное последствие, с одной стороны, факта отсутствия приведения в мобилизационную и боевую готовность госпиталей. С другой стороны, объясняется потерей складов с медицин-

ским оборудованием и материалами в первые же мгновения, часы и дни.

Отсутствие патронов у спасшихся бойцов Брестского гарнизона — прямое следствие преступного поведения командования. Об этом уже говорилось выше.

◆**

Из донесения от 26 июня начальника 3-го Управления НКО СССР майора государственной безопасности А.Н. Михеева на имя начальника ГЛАВПУРА армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса: «По сообщению начальника 3-го отдела 6-й стрелковой дивизии тов. Маркеева, положение в районе Слуцк—Бобруйск катастрофическое. Сегодня в 10.00 передовые отряды противника заняли город Слуцк. Противопоставить танкам и авиации нечего. Ценности попадают в руки врагов. Командование растерялось. Просит принятия срочных мер. Считает, что для восстановления положения потребуется десятка 2—3 танков и авиации»⁸⁷⁶.

Комментарий. 6-я стрелковая дивизия — та самая дивизия, которая вследствие преступного поведения командования 4-й армии подверглась варварскому уничтожению прямо в Брестской крепости. Обратите внимание на следующее. Для руководства спецслужб, тем более советских того периода, совершенно не характерно использование эмоциональных, экспрессивных выражений. Но уж если начальник военной контрразведки прибег к использованию выражения «катастрофическое положение», то дела на указанном в его сообщении направлении обстояли хуже некуда. Да он в общем-то и не скрывал этого, отметив, что противопоставить врагу нечего.

Не менее любопытно и то, что начальник военной контрразведки СССР обратился с таким донесением именно к Мехлису, явно ожидая от него немедленного принятия решительных мер. В свою очередь это означает, что А.Н. Михеев, очевидно, уже понял, что бессмысленно обращаться к Тимошенко или Жукову, тем более что их и не было в Москве. Не говоря уже о том, что Михеев явно понимал и авторитет, и силу Мехлиса.

⁸⁷⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 1. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 50.

⁸⁷⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 243, 248—249. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 49—50.

Из спецсообщения № 35887 от 29 июня 1941 г. 3-го Управления НКО СССР: «По сообщению начальника 3-го отдела Западного фронта майора государственной безопасности тов. Бегма, положение на Западном фронте продолжает оставаться по-прежнему. Основная масса бойцов, командиров, в том числе и бежавших с фронта, выражает готовность драться с врагом, защищать родину.

Среди комсостава, главным образом, подучетников, появились вопросы, где наша авиация, где противотанковые средства, почему фашисты могут нас расстреливать безнаказанно с воздуха. То же настроение высказывают генерал-майор Ермаков, командиры 2-го стрелкового корпуса Перн, Волков и др.

Энергичными действиями в направлении Минск—Борисов корпусного комиссара Сусайкова при участии работников 3-го отдела фронта основной поток бежавших с фронта военнослужащих остановлен. Формируются запасные части и направляются на фронт, но достаточной техникой эти части не обеспечены: отсутствует зенитная, противотанковая артиллерия, танки. Без оснащения этой техникой моральное состояние войск низкое.

Управление войсками из-за отсутствия эффективной связи до сих пор не налажено. Командиры частей самостоятельно принимают решения о вступлении в бой, навязывают его противнику, не зная при этом, кто у них находится на фланге.

С приостановлением движения противника паническое настроение упало, но оно может снова возникнуть при малейшем успехе врага.

Аппарат 3-го отдела Западного фронта направлен на восстановление порядка на фронте и укрепление морального состояния бойцов»⁸⁷⁷.

⁸⁷⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 139—140. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 50—51.

Комментарий. Для начала отметим, что означает термин «подучетники». На сленге советской контрразведки того времени под этим термином подразумевались те лица командного состава, в отношении которых в особых отделах имелись компрометирующие их материалы, в связи с чем в отношении них осуществлялся негласный контроль со стороны военных контрразведчиков. Никакой «охоты на ведьм» в данном факте прошу не усматривать. Это рутинная практика деятельности военной контрразведки. Она просто обязана внимательно наблюдать за теми лицами из числа военнослужащих, в отношении которых поступили компрометирующие данные. И до окончательной проверки таких данных эти лица находятся под негласным наблюдением со стороны военной контрразведки. Это тем более важная часть ее работы в приграничных военных округах. Особенно в угрожаемый период. Надеюсь, все это будет понято без всяких кривотолков.

Далее, обратите внимание на выделенный жирным шрифтом абзац. Этой незамысловатой констатацией, что «среди комсостава, главным образом, подучетников, появились вопросы, где наша авиация, где противотанковые средства, почему фашисты могут нас расстреливать безнаказанно с воздуха. То же настроение высказывают генерал-майор Ермаков, командиры 2-го стрелкового корпуса Перн, Волков и др.» скрыто обстоятельство, что в войсках фронта активно поползли слухи об измене и предательстве командования. И, конечно же, не только в среде подучетников.

Справка. Генерал-майор АН Ермаков — командир 2-го стрелкового корпуса, полковник Л. Л. Перн (а не Перн)—начальник штаба 2-го СК. Должность, звание и инициалы Волкова установить не представилось возможным.

Заметьте также, что формируемые при активном участии военных контрразведчиков из числа удревших с фронта военнослужащих запасные части не располагали ни зенитной, ни противотанковой артиллерией, ни танками. Это конкретное последствие преступного отправления Павловым накануне войны подавляющей части артиллерии частей и соединений округа на учебные полигоны, находившиеся в большинстве случаев в глубине округа. Одновременно это и последствие мгновенного захвата противником той части оружия и боевой техники, которая все же оставалась в приграничных частях. Кроме того, это и последствие преступного приказа о постановке танков на консервацию, который был отдан накануне нападения.

Констатация в этом спецсообщении факта того, что «управление войсками из-за отсутствия эффективной связи до сих пор не налажено», по сути дела, является, с одной стороны, приговором начальнику связи Западного фронта

генерал-майору Григорьеву, с другой же — непосредственным ответом на поставленный Сталиным вопрос № 5: «Насколько штабы были подготовлены к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?»

Но в то же время это спецсообщение примечательно тем, что в нем констатируется тот факт, что «основная масса бойцов, командиров, в том числе и бежавших с фронта, выражает готовность драться с врагом, защищать родину». То есть войска готовы были сражаться за Родину (к слову сказать, таково было настроение в войсках всех трех основных округов), однако и, увы, их командование, не все, конечно, но все же значительная часть, особенно вышестоящее, не собиралось ими командовать, как того требовала боевая обстановка.

Из спецсообщения № 36701 от 5 июля 1941 г. 3-го Управления НКО СССР: «3-й отдел Западного фронта сообщил ряд фактов, оказавших отрицательное влияние на ход боевых действий наших войск в первые дни войны на Западном фронте. Военный совет Западного Особого военного округа, командование армий и отдельных воинских соединений в подготовке частей к боевым действиям проявили неорганизованность. Части округа к началу военных действий не были полностью обеспечены материальной частью, вооружением, боеприпасами, питанием и другими видами снабжения.

21 июня командующий 3-й армией Кузнецов вместе с генерал-лейтенантом из Генерального штаба Красной Армии Карбышевым смотрели части, расположенные на границе. Заместитель командира артполка 56-й стрелковой дивизии майор Дюрба доложил, что происходит большая концентрация немецких войск на границе, что наши укрепленные точки боеприпасами не обеспечены и в случае нападения окажутся небоеспособными. На этот доклад Дюрба Кузнецов ответил: «Ничего страшного нет и не может быть». Никаких мер к обеспечению точек боеприпасами Кузнецов не принял. После вторжения фашистских войск Дюрба среди комначсостава

заявил: «Кузнецов и командование 3-й армии нас продали».

444—1 тяжелый корпусной артполк, находившийся на границе, боеприпасов не имел, в то время как боеприпасов на складах Гродно и Лида было достаточно. При отходе от границы полк оставил 3 152-мм пушки, 2 трактора и 2 автомашины.

Части 38-й танковой дивизии 23 июня вышли в направлении гор. Барановичи не обеспеченными материальной частью, боеприпасами и оружием, в частности, мотострелковый полк вышел без артиллерии, которая была сдана в ремонт.

Корпусные части 2-го стрелкового корпуса перед вступлением в бой в ночь на 26 июня материальной частью были укомплектованы не полностью, в связи с чем в день вступления в бой в 151-м корпусном артполку могли быть использованы только 2 дивизиона.

127-й отдельный саперный батальон 4-го стрелкового корпуса к началу военных действий имел только 30 винтовок. Батальон потерял до 70 % личного состава...

Воинские соединения 4-й армии на 26 июня противником были разбиты. Для отражения натиска противника и для поддержки действий стрелковых частей 4-я армия авиации и танков не имела. Артиллерия была уничтожена противником.

Управление войсками со стороны руководящих штабов с началом военных действий было неудовлетворительным.

В связи с частыми бомбардировками гор. Минска штаб ЗапОВО из города эвакуировался в лес, в район Уручья. Эвакуация отделов штаба происходила беспорядочно, работники штаба группами по 20—30 человек в течение 10 часов и больше разыскивали новое дислоцирование штаба. Руководящие работники отделов вместо организации эвакуации занялись вывозом своих семей из города, допустив панику и растерянность.

Из-за отсутствия связи с частями Ар-тснабжение округа не знало расхода и потребности боеприпасов в действующих частях, в результате не обеспечивало их

боеприпасами. 22—23 июня Артснабжение округа должно было отправить действующим армиям 3 эшелона боеприпасов, но по вине работников Артснабжения боеприпасы отправлены не были.

Разведотдел штаба фронта все свои подразделения — разведпункты и 2 радиодивизиона — растерял, мер к поиску не принял. К организации партизанских отрядов в тылу противника не приступал. Местоположения противника и обстановку не знал. В первые дни боевых действий разведсводки составлялись по материалам ВВС, оперотдела штаба и старым агентурным материалам.

Паника, начавшаяся после неожиданного вторжения немецких войск, приняла широкие размеры. Бойцы и командиры частей 3-й армии неорганизованно, вразброд отсупили по всем дорогам по направлению к Минску. Многие из них на второй линии обороны разыскивали свои части и, не находя их, обращались к командирам частей с просьбой принять их в часть для дальнейшей борьбы с немецкими фашистами. Командиры частей отказывались зачислять этих бойцов в свои части, мотивируя тем, что «нечем кормить».

Данные 3-го отдела Западного фронта на 4 июля говорят о том, что неорганизованность в частях фронта продолжается.

Разгруженные в районе действующих частей 9 транспортов оружия не найдены, и кем они получены, не установлено. Артуправлением для розыска этого оружия посланы нарочные.

Связь с частями фронта, потерянная с первых дней боевых действий, не восстанавливается. Исправлением поврежденных линий отдел связи не занимается. Радиосвязь со штабами соединений также отсутствует. Центральный радиоузел из-за неисправности двух радиостанций РАТ работать бесперебойно не может. Связь осуществляет только через делегатов.

74-м авиаполком утеряны перешифровальные средства и шифр СЖ-40. Противник с провокационными целями использует

нашим кодом 16 ч. РАП. Получены две телеграммы провокационного характера без адреса и подписи, зашифрованные указанным кодом. Генеральный штаб дал распоряжение о замене кода 16 ч. РАП.»⁸⁷⁸.

♦

Комментарий. Прочитываемое в очередной раз свидетельствует, что везде была одна и та же картина, которую еще подчинявшаяся наркомату обороны военная контрразведка скромно называла последствием неорганизованности. Однако уже не раз и не два на страницах этой книги отмечалось, что не бывает всеобщей, поголовной неорганизованности, разгильдяйства, халатности, тупости и т.п. «человеческих факторов». Да, собственно говоря, и сама военная контрразведка достаточно ясно показала, что и кого она имела в виду. Ведь она же назвала тех, кто проявил неорганизованность, — Военный совет ЗапОВО, командующие армиями, командиры воинских соединений. Но если весь командный слой округа едва ли не синхронно проявляет неорганизованность, приводящую к крайне тяжелым последствиям, то это уже не неорганизованность — это система саботажа и вредительства, маскируемая под неорганизованность. Естественно, что при такой системе части округа и не могли быть полностью обеспечены материальной частью, вооружением, боеприпасами, питанием и другими видами снабжения к началу боевых действий. Хотя практически всего хватало. Особенно боеприпасов. На вершине же этой системы в ЗапОВО — командующий округом генерал Павлов и его ближайшее окружение.

Историю с майором Дюрба и идиотским заявлением командарма-3 Кузнецова комментировать не будем — выше она уже была представлена именно так, как она того и заслуживает.

Поражает факт сдачи артиллерии мотострелкового полка в ремонт непосредственно накануне нападения. Мало того что подавляющая часть артиллерии ЗапОВО к моменту нападения находилась на учебных полигонах, так еще и ту мизерную ее часть, что оставалась в войсках, умудрились сдать в ремонт. Это уже даже не саботаж и даже не вредительство. Это сознательное причинение особого ущерба обороноспособности округа и боеготовности его войск. Тем более что это не единственный факт в этом округе — о других уже говорилось выше, в том числе и со ссылками на воспоминания ветеранов войны. Что делать стрелковым войскам без артиллерии, если на них прут немецкие танки?!

⁸⁷⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 204—207.

Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 52—55.

Потрясающей является констатация отсутствия какого-либо управления войсками со стороны штабов. Это и есть очередной ответ на сталинский вопрос № 5: «Насколько штабы были подготовлены к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?»

Не менее поражает и констатация факта злостного неисполнения командованием ЗапОВО директивы НКО и ГШ от 14 июня с корректировкой срока ее исполнения директивой от 19 июня о выводе на полевой командный пункт фронтового управления. Командование ЗапОВО должно было выполнить эту директиву хотя бы к 23 июня. Однако ему, очевидно, было очень жаль расставаться с теплыми креслами штаба в Минске, и только лишь массированные бомбардировки врага вынудили этих преступников эвакуироваться на полевой КП. Да и то все это происходило в состоянии крайнего хаоса и потрясающего бардака. Штаб называется, не приведи господь...

Опять встречаются факты срыва:

— снабжения действующих войск, прежде всего боеприпасами;

— организации связи и восстановления линий связи.

Поскольку это были повсеместные явления, то говорить о халатности, пускай и преступной, — не приходится. Это уже система, коли везде одно и то же. В части, касающейся связи, это также и ответ на сталинский вопрос № 5.

Буквально в шок вгоняет констатация положения дел с разведывательным отделом. Хотя, впрочем, зачем шок, если еще до нападения разведывательный отдел ЗапОВО занимался — не весь, конечно, но все же — дезинформацией командования округа по желанию самого командования округа, если он никак не реагировал ни на какие предупреждения о грядущем нападении и никак не готовился к схватке с врагом?! А вообще это невероятная фантастика — растерять все разведывательные пункты, потерять два дивизиона радиоразведки и даже не пытаться их найти! Ну что может быть преступнее?! Кстати сказать, поразительным является и тот факт, что в ЗапОВО радиоразведывательные дивизионы и их подразделения были выдвинуты слишком близко к границе⁸⁷⁹. А это зачем было сделано? Технические возможности радиоразведки того времени позволяли, не приближая радиодивизионы к границе, вести успешную радиоразведку. Так зачем же их так близко придвинули к границе? Не затем ли, чтобы он оказались неминуемо неизбежно разгромлены, что позволило бы затем ссылаться на отсутствие данных радиоразведки. Ведь потери радиодивизионов как в живой силе, а это, к слову сказать, уже квалифицированные кадры и их так просто не восполнить, так и в технике были

просто фантастическими. К примеру, 480-й радиодивизион ЗапОВО-ЗФ к концу первой недели войны потерял основную часть личного состава, в строю осталось всего 25 человек, два пеленгатора и 6 радиоприемников⁸⁸⁰. Такие же жуткие потери в силу точно таких же причин радиоразведка понесла и в ПриБОВО-СЗФ и в КОВО-ЮЗФ⁸⁸¹. Но раз в трех округах-фронтах произошло одно и то же, причем по одной и той же причине, то, как ни старайся уйти от необходимости, по крайней мере заподозрить систему, все равно не получится. Увы, но это действительно была система подставки радиоразведки под неминуемый разгром. А коли она разгромлена, то, как это и так должно быть понятно, командование действует вслепую, но имеет прекрасную возможность ссылаться на то, что нет данных разведки, потому, мол, и такие просчеты и ошибки. Разгром фронтовой советской радиоразведки был настолько крупномасштабным, что фактически пришлось начинать с нуля.

Что касается скромно охарактеризованной военной контрразведкой утери шифра и перешифровальных средств, то это, судя по всему, относится к приводившемуся выше случаю попадания в руки немцев одной из шифросистем ВВС РККА. Военная контрразведка, очевидно, еще не располагала в тот момент точными данными о том, как шифр попал в руки немцев, и потому так и указала, что-де «утерян».

Из спецсообщения № 4/37175 от 8 июля 1941 г. 3-го Управления НКО СССР: «По сообщению 3-го отдела Западного фронта по состоянию на 1 июля имелись следующие существенные недочеты. Отсутствовало достаточное количество артснарядов и других боеприпасов. Снабжение частей фронта боеприпасами с начала военных действий проходило с большими перебоями. Со стороны Артуправления фронта в лице генерал-лейтенанта Клич действенных мер к упорядочению обеспечения частей боеприпасами не принималось.

Имеющиеся в 28-м стрелковом корпусе снаряды в боевую готовность приведены не были (недовернуты взрыватели); большинство поступивших в части мин не имели взрывателей.

При эвакуации зенитного дивизиона в/ч 1822 из гор. Гродно, вследствие отсут-

⁸⁷⁹ Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. М., 2011, с. 53.

⁸⁸⁰ Там же.

⁸⁸¹ Там же, с. 49—53.

ствия тяги, материальная часть осталась не вывезенной. Должного сопротивления противнику дивизион не оказал, так как не был обеспечен снарядами.

56-я стрелковая дивизия к бою подготовлена не была — минометный взвод не имел мин, полковая школа 37-го стрелкового корпуса не имела винтовок и патронов. Части дивизии вступили в бой с оружием и боеприпасами мирного времени. 27-я стрелковая дивизия была введена в бой тоже неподготовленной — не хватало снарядов и патронов. Находившие на границе передовые части вооружением и боеприпасами обеспечены не были, в результате при первом же появлении противника бежали, создавая панику в основных частях 3-й армии. Снабжение 85-й стрелковой дивизии горючим, боеприпасами и продовольствием было поставлено исключительно плохо. Уже на третий день боя артполки дивизии не имели снарядов. 24-й отдельный минометный батальон к началу войны винтовками был обеспечен наполовину, гранат и мин не имел вовсе. По этой причине в бой с противником батальон не вступил, а при выезде из военного городка Козекова (близ Минска) оставил на территории городка до 30 минометов и свыше тысячи мин.

Из 12 имевшихся в округе складов с боеприпасами уничтожены путем взрыва 6, что составляет 24,5 % общего запаса (так указано в тексте документа, однако шесть из двенадцати — это ровно половина, то есть 50 %. — А. М.). В корпусных артиллерийских частях 28-го стрелкового корпуса и полках РК снаряды на исходе и части не знают, где их получить. Завезенные 26 июня снаряды оказались без взрывателей. Часть 3-й армии в районе Молодечно—Крулевщины боеприпасов не имели. Находящийся в районе Барановичи и оторванный от фронта 6-й механизированный корпус боеприпасами обеспечен не был.

С начала военных действий в работе отдела ВОСО наблюдается большая нечет-

кость. При отправлении транспорта с боеприпасами номерация и станция отправления транспорта зачастую отсутствовала, что приводило к срыву своевременной подачи боеприпасов на линии фронта (надо полагать, здесь либо опечатка публикатора этого документа, или же самой военной контрразведки, так как по логике предложения речь должна идти о станции назначения. — А. А./). Управление Военных сообщений Красной Армии не сообщало номера отправляемых с центрального склада эшелонов с боеприпасами.

Снабжение частей фронта горюче-смазочными материалами проходило крайне неорганизованно. Смазочные материалы Р-9, дизельное топливо и автол в частях были на исходе. Заявка ОСГ фронта от 23 июня на отгрузку Р-9 Управлением снабжения горючим Красной Армии к 1 июля не была выполнена. Отгруженные для частей фронта смазочные материалы и топливо в период с 23 по 30 июня поступали в незначительных количествах, что ни в какой степени не обеспечивало потребность фронта, а отдельные виды смазочных материалов и горючего не поступали вовсе.

29 июня командующим фронтом было отдано приказание о переброске горючего для фронта на транспортных самолетах. Выполнение этого задания было возложено на представителя АБТ фронта капитана Сорокина и начальника отделения ОСГ военинженера 3-го ранга Пономарева, которые из-за недоговоренности между собой горючее на аэродром в необходимом количестве не подвезли, в результате из 22 транспортных самолетов было загружено только 3, остальные улетели незагруженными.

Начальники отдельных складов в панике перед противником склады подожгли, а сами дезертировали. Начальник склада ГСМ № 497 в г. Орша — интендант 3-го ранга Трегубое и помполит — батальонный комиссар Пивоваров в панике подожгли склад № 497 в г. Орше, а сами дезертировали. Сгорело 700 тонн бензина и 6 вагонов смазочного материала и мас-

ла. Трегубое и Пивоваров преданы суду Военного трибунала. Начальник склада ГСМ № 645 на ст. Хородище — интендант 2-го ранга Май 26 июня сжег склад, а сам дезертировал. По данному факту 3-м отделом фронта ведется расследование.

Снабжение частей фронта по линии интендантского управления не было налажено. Вследствие отсутствия связи Управления фронта с интендантами армий, корпусов и отдельных воинских соединений, Интендантское управление о положении с продовольствием и другими видами имущества не знало. Головные склады продовольствия на 1 июля сформированы еще не были и на прифронтовую полосу не выброшены. Автобatalьонов в распоряжении Интендантского управления не было, в связи чем переброска продовольствия передовым частям фронта была крайне затруднена. Другими видами транспорта управление не располагало. Военным советом фронта было дано указание о немедленном формировании 10 автобatalьонов с целью использовать их для подвоза частям фронта артснабжения, горючего и продовольствия, однако автобatalьоны созданы не были.

Положение фронта с госпитальными учреждениями весьма тяжелое. Отмобилизование санитарных учреждений по схеме развертывания на территории Западного Особого военного округа было сорвано. Кроме этого уничтожены были Минский, Молодечненский, Волковысский и Кобринский военные госпитали, в связи с этим раненых лечить негде»⁸⁸².

***◆

Комментарий. Фантастическая картина оголтелого саботажа и вредительства. Ведь, например, в массовом порядке недовернуть взрыватели в снарядах или отправить в действующую часть мины и снаряды без взрывателей, тем более на четвертый день войны, можно было только и только сознательно. А это и есть откровенный саботаж и вредитель-

ство в предательских целях, проще говоря, в целях организации неминуемого поражения собственных же войск. Стрелять-то нечем!..

В этом плане весьма характерна история походной снаряжательной мастерской (ПСМ) № 21. Это было настоящее сокровище для тех, кто обеспечивает артиллерию воюющих частей боеприпасами. Эта ПСМ представляла собой 15 четырехосных («пульмановских») вагонов, соединенных между собой ленточным транспортером, и предназначалась для сборки и снаряжения артиллерийских выстрелов. Ее производственные мощности позволяли собирать в сутки до 30 тысяч выстрелов для 37-мм зенитной пушки или до 12 тысячи выстрелов к пушкам калибра 76-мм. Личный состав ПСМ насчитывал 300 человек.

23 июня эта самая ПСМ № 21 была срочно направлена из г. Нежин Черниговской области, где находилась на консервации, в Витебск, на Западный фронт, в распоряжение Управления начальника артиллерии ЗФ. Как уже неоднократно было показано, Западный фронт едва ли не с первых же минут нацистской агрессии задыхался от острейшего дефицита именно 37-мм и 76-мм снарядов.

Парадоксальным образом ПСМ № 21 до Западного фронта не доехала. Сначала застряла на перегоне Бахмач—Мена, так как мост через р. Десну оказался взорванным. Затем не менее парадоксальным образом ПСМ не удалось добраться до Москвы, чтобы уже оттуда, по Западной ж. д., добраться до Западного фронта. И в конце концов еще более парадоксальным образом эта ПСМ № 21 была завернута железнодорожными бюрократами на Ленинград, где ее мгновенно присвоило Управление начальника артиллерии Северного, впоследствии Ленинградского, фронта. Там эта ПСМ и прослужила исправно всю блокаду Ленинграда. А вот задыхавшийся от острой нехватки самых ходовых снарядов 37-мм и 76-мм калибров Западный фронт остался, мягко выражаясь, без столь необходимой фронту походной снаряжательной мастерской.

Спору нет, такая ПСМ была нужна на каждом фронте, да не одна. И то, что ПСМ № 21 сыграла свою роль в обороне Ленинграда, — тоже ничего плохого нет, как раз напротив. Вот только одно непонятно. На каком основании железнодорожники взяли и завернули на Ленинград ПСМ, в которой так нуждался Западный фронт?! Ведь в документах этого эшелона четко было указано, что его нужно доставить именно в Витебск. И уж особенно непонятно, почему и в этом случае встречается столь часто упоминавшаяся в процитированном выше докладе заместителя начальника 3-го Управления Тугушкина станция Бахмач, где «спотыкались» многие воинские эшелоны?! Что это было за заколдованное место?! Проще говоря, не появляются ли в таком случае некоторые основания усмотреть в этой истории элементы саботажа и вредительства?! Ведь налицо

⁸⁸² РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 187—190. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 55—59.

и лишение артиллерии Западного фронта столь необходимой для своевременного боепитания мастерской, и засылка эшелона не туда, куда надо. Не говоря уже о том, что опять «всплыла» «заколдованная» ж.-д. станция Бахмач, которая в действительности заколдованной не была.

Просто Бахмачский железнодорожный узел «работал на шесть направлений: Киевское, Брянское, Харьковское, Гомельское, Кременчугское и Полтавское. Выход из строя Бахмачского узла нарушил бы снабжение войск Юго-Западного фронта, приостанавливалась эвакуация оборудования заводов и фабрик, а также военно-хозяйственного имущества из Киева и Гомеля»⁸⁸³. Именно поэтому супостаты с особым ожесточением и бомбили и эту станцию, и этот ж. д. узел.

Так вот и спрашивается, чего ради ВОСО упорно гнало массу воинских эшелоны именно через этот ж.-д. узел, если его уязвимость — в силу очевидной и понятной без всякой разведки значимости — была ясна как божий день? Чтобы потом оправдываться, что-де окайнные супостаты разбомбили пути, а то бы эшелоны пришли вовремя?! Не говоря уже о том, что зачем вообще эшелоны для ЗФ гнать именно через эту станцию. Чтобы они непременно попали под бомбежку или как минимум застряли на этом перегоне из-за бомбежек и повреждений ж.-д. путей?! Так, что ли, надо понимать?

Короче говоря, подавляющая часть воинских соединений ЗапОВО-ЗФ, в том числе, и передовых, не были обеспечены ни оружием, ни боеприпасами, ни средствами тяги, ни ГСМ, ни продовольствием, проще говоря, практически ничем. Подвоза также никакого. Ну, и как же должны были сражаться войска?!

Разве не очевиден сознательно проводившийся курс на максимальное ослабление войск, чтобы их разгром и поражение стали бы абсолютно неминуемы?! Объективности ради все-таки готов списать некоторую часть таких явлений на растерянность, халатность, разгильдяйство, тупость и т.п. «человеческие факторы». Но только некоторую часть. И не более 10—15 %. А остальное, уж извините, это прямой саботаж и вредительство сугубо в пораженческих целях.

Разве не очевидно, что Управление военных сообщений сознательно не вело сводку воинских перевозок с довоенных времен, о чем писал в упоминавшемся выше рапорте заместитель начальника военной контрразведки СССР Тутушкин?!

Разве не очевидно, что Управление военных сообщений сознательно вело дело к срыву этих перевозок, не сообщая ни номера эшелонов с боеприпасами, ни станции назначения?! А ведь это «классическая форма» саботажа во

время войны с целью организации неминуемого поражения собственных войск. Она применялась еще в годы Первой мировой войны. Так что начальника Управления военных сообщений РККА, дальнего родственника декабриста и несостоявшегося «диктатора» князя С.П. Трубецкого, дворянина, выпускника Военной академии Генерального штаба, бывшего царского офицера, бывшего члена ВКП(б) и бывшего начальника У ВОСО КА генерал-лейтенанта Н.И. Трубецкого (1890 г. р.), не случайно расстреляли 23 февраля 1942 г.

В отношении горюче-смазочных материалов прежде всего следует вспомнить, что говорилось по этому вопросу еще в начале данной главы. ЗапОВО вполне прилично был обеспечен всеми видами ГСМ. Но практически все или почти все было потеряно: либо умышленно подожжено, либо умышленно оставлено, либо умышленно уничтожено вследствие преступной паники и дезертирства начальников складов. А то, что заявки фронта не удовлетворялись Управлением снабжения горючим Красной Армии, — так это обвинение в адрес Жукова. В ГШ лично он отвечал за снабжение горючим и в целом ГСМ. Он сам написал об этом в своих мемуарах⁸⁸⁴.

Потрясает и очередное описание злостного неисполнения связистами округа-фронта своих непосредственных обязанностей, что играло не меньшую, если не большую негативную роль, чем даже сам факт срыва поставок действующим частям. Ведь не имея связи, невозможно было ни доложить обстановку, ни получить приказы, ни сделать заявки на поставки оружия, боеприпасов, ГСМ, продовольствия и т.д. По всем сообщениям военной контрразведки четко видно, что начальник связи округа-фронта Григорьев практически ничего не делал для того, чтобы хоть как-то наладить связь с войсками. А это, наряду с другими факторами, и вело к неминуемому разгрому и поражению войск фронта. Так что расстреляли Григорьева совершенно справедливо.

В этом спецсообщении содержится и ответ, почему наши войска в начальном периоде войны, особенно в первые дни и недели, буквально голодали. Даже по состоянию на 1 июля, когда война шла уже более недели, поставки продовольствия в действующие части не были обеспечены. Кто за это должен отвечать? Сталин или все-таки мерзавцы командующие фронтами и армиями, а также их Военные советы, которые даже и не почесались, чтобы хоть как-то обеспечить войска продовольствием?! А когда сделали вид, что почесались — издали приказ о немедленном формировании 10 автобатальонов, — то никто даже и не подумал, чтобы хоть как-то проконтролировать исполнение приказа самого Военного со-

⁸⁸³ Кабанов П.А. Стальные перегоны. М., 1973, с. 104.

⁸⁸⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. М., 1990, т 1, с. 305.

вета фронта! В результате подвоза продовольствия действующим войскам как не было, так и не было. Уму непостижимо! Что, не знали, что голодный солдат — не вояка? Ведь эта аксиома известна с древнейших времен. И малейшее ее игнорирование приводит лишь к одному — к поражению войск. Потому что они в таком случае либо разбегаются, в том числе и в поисках еды, либо просто дезертируют, либо же сдаются в плен ради сохранения собственной жизни хотя бы и за кусок хлеба или миску баланды. Не все поголовно, конечно, но, увы, все-таки в массовом порядке.

А уж комментировать положение с госпиталями и вовсе не приходится. Что тут комментировать, если и так очевидно, что от мобилизации санитарно-медицинских учреждений округа было сорвано вследствие сознательно проводившегося Павловым и его подельниками курса на максимальное ослабление мобилизационной и боевой готовности, к несчастью, вверенного им округа.

Из рапорта от 13 июля 1941 г. начальника 3-го отдела 10-й армии ЗапОВО-ЗФ полкового комиссара Лось на имя начальника 3-го Управления НКО СССР майора госбезопасности А.Н. Михеева (рапорт был составлен после выхода из окружения; цитируется только то, что имеет непосредственное отношение к теме нашего разведывательно-исторического расследования): «Согласно Вашего приказа докладываю обстановку, в которой начались события и их развитие. 21 июня в 24 часа мне позвонил член Военного совета и просил прийти в штаб. Прибыв в штаб армии, командующий 10-й армии генерал-майор Голубев сказал, что обстановка чрезвычайно напряженная и есть приказ из округа руководящему составу ждать распоряжений не отходя от аппарата. В свою очередь к этому времени были вызваны к проводу и ждали распоряжений все командиры корпусов и дивизий.

Примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по “ВЧ” и приказал привести войска в полную боевую готовность и сказал, что подробности сообщит шифром. В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 ча-

сов ночи все средства связи были порваны. Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты и ими выведены все средства связи.

К 10—11 часам утра шифровка прибыла, точного содержания ее сейчас не помню, но хорошо помню, что в ней говорилось привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственную границу не переходить. К этому времени уже войска противника углубились в нашу территорию местами на 5—10 км. Шифровку подписали Павлов, Фоминых, Климовских.

В 8 часов утра командный пункт переместился близ дер. Старосельцы в лес, что северо-западнее Белостока в 5 км. Сразу же командованием были приняты меры к установлению связи между соединениями, и уже к 12 часам связь с ними была восстановлена делегатами. Радиосвязь была восстановлена к исходу 22 числа как с округом, так и со всеми соединениями. Проволокой же связи во время действий армии не восстановлено.

22 и 23 числа все части вели усиленные боевые действия против противника. В отдельных местах (86-я, 113-я стрелковые дивизии) переходили в контрнаступление. К вечеру 22 числа, не помню сейчас от кого, то ли от заместителя командующего ЗапОВО Болдина лично, то ли из штаба ЗапОВО, было получено приказание отступить и закрепиться на рубеже реки Нарев. Приказание было вызвано якобы неустойкой (надо полагать, имелась в виду неустойчивость. — А. М.) соседа слева — 3-й армией (тут Лось, кажется, слегка зарапортовался — 3-я армия не являлась для 10-й армии соседом слева, она была соседом справа, а вот 10-я армия действительно была для 3-й армии соседом слева. — А. А.).

22-го вечером командный пункт армии переместился близ ст. Валилы, что восточнее Белостока, части завершали отступление за реку Нарев.

В связи с тем, что отступление велось и днем, авиация противника действовала со-

вершено безнаказанно, так как ни одного нашего самолета не было, бомбили и расстреливали из самолетов отходящие части. Все последующие дни авиация противника совершенно безнаказанно расстреливала бомбами разных калибров и пулеметным огнем самолетов как передовые части, так и все войска армии, не давая нашим войскам поднять голову. Кроме того, наступающие войска противника вели усиленную стрельбу из огнеметов, которых у нас совершенно не было.

Самолеты противника взяли под контроль все шоссейные дороги, расстреливали машины, а впоследствии охотились даже за отдельными людьми, что создало большую панику и большое количество людей разбежалось, бросая на ходу оружие, материальную часть и боеприпасы. Шоссе Белосток-Волковыск было забито трупами людей, автомашинами, танками, боеприпасами, и пробраться через него было совершенно невозможно.

Таким образом, по существу, на реку Нарев вышли разбитые части, имея в дивизиях очень незначительное количество людей, а такие соединения как 13-й МК остался только с одним штабом. Это произошло потому, что корпус формировался как мехкорпус к началу военных действий и материальной части не получил, не считая незначительную часть учебных танков. Полки имели на вооружении 200—300 винтовок, весь остальной личный состав находился без оружия.

Положение еще усугублялось и тем, что по распоряжению штаба округа с 15 мая все артиллерийские полки дивизий, корпусов и артиллерийские полки РК были собраны в лагерях в двух местах — Червонный Бор (между Ломжей и Замбровым) 22-го полка 10-й армии и Обуз-Лесна артиллерийские полки тыловых дивизий армии и других частей округа.

Комментарий. Здесь было бы уместно сделать скидку на стиль рапорта — шибко уж косноязычно написал полковой комиссар Лось,

в некоторых местах даже с нарушением логики предложения. Кроме того, в его рапорте указано, что артиллерию согнали на учебные полигоны с 15 мая, что вызывает удивление. По всем имеющимся данным, например по воспоминаниям командующего 3-й армией Кузнецова, это произошло за несколько дней до нападения. В таком случае это 15 июня, что, очевидно, наиболее точный срок, когда это произошло. Не исключено, что 15 мая — это случайная опечатка самого публикатора, коим автор настоящей книги не является, или же опечатка, допущенная издательством во время верстки.

Для поднятия этих полков был послан начальник артиллерии армии генерал-майор Барсуков, которому, как он мне рассказывал, удалось в 6 часов утра добраться до полков, разбудить их, поднять по тревоге и направить их в дивизии. Это было уже в то время, когда все пограничные дивизии вели бой с противником.

В исключительно тяжелое положение попали артполки на мехтяге. Часть пушек, не имея тягачей, была оставлена на зимних квартирах, часть тягачей в лагерях была неисправна, и командование частей эту материальную часть взрывало или бросало, не произведя из них ни одного выстрела по противнику. На дороге, во время отступления, вследствие порчи тягачей от бомбежки бросались совершенно исправные орудия, не всегда даже снимались замки.

Аналогичное положение было также с зенитной артиллерией. Все дивизионы и полки, во всяком случае весь основной начсостав и матчасть были собраны для прохождения лагерных сборов в м. Крупки близ Минска, и до последнего времени в 10-ю армию не вернулись, и их судьба мне неизвестна. Таким образом, соединения, склады, города остались без зенитной артиллерии.

6-й мехкорпус, которым командовал генерал-майор Хацкилевич, был полностью укомплектован новой материальной частью, танками “КВ” и Т-34, держался командованием 10-й армии в резерве и намечался для контрудара. 22 июня при-

были заместители комвойсками генерал-лейтенант Болдин, а 23-го маршал Кулик. Оба выехали в 6-й корпус и он ими был направлен на стык 3-й армии в район Соколки-Кузница, где противнику удалось прорваться. Из подчинения 10-й армии корпус вышел, им командовали Болдин и Кулик. Корпус попал в чрезвычайно тяжелое положение вследствие отсутствия горючего и снарядов. База снабжения горючим была в Волковыске, то есть за 100 с лишним км от корпуса. Были приняты все меры к снабжению горючим, но отправка затруднялась тем, что движение возможно только ночью, то есть в течение 4—5 часов. За это время нужно было расчистить дорогу от пробок после бомбежки.

Войска оказывали сопротивление противнику до 26 числа. После чего начали беспорядочное отступление. Командный пункт армии был перенесен в Замковый лес, что северо-восточнее гор. Волковыска. В командный пункт стали прибывать командиры соединений с докладами о состоянии войск, из которых было видно, что из дивизии осталось 500—600 человек, остальной состав убит или бежал.

Распространению паники и увеличению беспорядка в тылу способствовало следующее. В ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ во главе с начальниками органов также сбежали. Аналогичное положение имело место почти во всех районных и городских организациях. Из Белостока и других городов сбежала вся милиция. Города, и в частности Белосток, как ближайшая питающая база, были оставлены без власти...

...Пересекая шоссе у Барановичи встретились с противником, приняли бой. До этого командующий меня предупредил, что решено разбиться на группы, причем группа, в том числе руководящий состав штаба армии, пойдет вместе с маршалом Кулик, выедет вперед на легковых

машинах. Заместитель народного комиссара обороны маршал Кулик приказал мне ехать вместе с ним. Оставшийся оперативный состав под руководством моего заместителя вместе с остальной группой командного состава штаба армии и под руководством командующего армией генерала Голубева должны были пробираться в том же направлении...

... Непонятно поведение заместителя наркома обороны маршала Кулик. Он приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, затем переодеться в крестьянскую одежду и сам переоделся в крестьянскую одежду. Сам он никаких документов с собой не имел, не знаю, взял ли он их с собой из Москвы. Предлагал бросить оружие, а мне лично ордена и документы, однако, кроме его адъютанта, майора по званию, фамилию забыл, никто документов и оружия не бросил. Мотивировал он это тем, что если попадемся к противнику, он примет нас за крестьян и отпустит.

Перед самым переходом фронта т. Кулик ехал на крестьянской подводе по той самой дороге, по которой двигались немецкие танки, что хорошо было известно т. Кулик по следам немецких машин (они отличаются от наших) и по рассказам крестьян, и только счастливая случайность спасла нас от встречи с немцами...»^{III}

Комментарий. Рапорт полкового комиссара Лось также очередное свидетельство того, как в действительности были разгромлены войска Западного фронта, в частности, на примере 10-й армии. В данном случае особо анализировать нечего. Дело в том, что подавляющее большинство затронутых в его рапорте аспектов уже было проанализировано. И повторять этот анализ особого смысла нет. Но на кое-что все-таки придется обратить внимание.

По утверждению полкового комиссара Лося, примерно в час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по «ВЧ» и прика-

885 РГВА. Ф. 9: Оп. 39. Д. 99. Л. 330—340.

Цит. по: Мельтохов ММ Начальный период войны в документах контрразведки. В сб. Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008, с. 59—68.

зал привести войска в полную боевую готовность. Но как тогда прикажете понимать тот факт, что ни в одной из армий округа приказ Павлова не был выполнен, не говоря уже о том, что нигде более подтверждения этим словам Лося нет?!

Между тем в час ночи связь еще не была порвана, и устный приказ командующего округом о приведении войск в боевую готовность командармы могли спокойно, а главное, мгновенно передать по телефону в подчиненные части. Увы, но это не было сделано. Так вот и спрашивается, врал ли полковой комиссар Лось, и если да, то зачем?! Кого и что в таком случае он прикрывал своим враньем? А если не врал, тогда то, что он написал, есть смертный приговор всем командармам, комкорам и комдивам этого округа! Приказ командующего округом о приведении войск в боевую готовность, выходит, был, причем с оговоркой, что подробности будут сообщены шифром, а они ни хрена даже и не почесались!

Но в том-то все и дело, что Лось, судя по всему, все-таки соврал. Ведь Павлов, в отличие от Кирпоноса, прямых устных предупреждений о грядущем через несколько десятков минут внезапном нападении супостатов из Москвы не получал. Даже от Тимошенко не получал. Напротив, Семен Константинович Тимошенко его успокаивал и убаюкивал. Аккурат в час ночи. С чего это после таких убаюкиваний, о которых он позже рассказал на следствии, Павлов дал бы такой приказ?! Директиву №1 в ЗапОВО получили в 1 час 45 минут ночи 22 июня (по данным Сборника боевых документов Великой Отечественной войны, БДВ 35 за 1958 г., эта директива поступила в округ в 00.45 мин. 22 июня), продублировали ее для войск округа в 2 часа 25 минут — 2 часа 35 минут ночи 22 июня^{88*}.

Далее. Выше уже указывалось, что дублирование директивы 1 для войск округа было осуществлено в штабе ЗапОВО, мягко выражаясь, весьма своеобразно. И пока командование округом и руководство штаба ЗапОВО своеобразно «редактировали» этот документ, время стремительно мчалось. Войска так и не получили эту директиву до нападения. Она поступила только в 10—11 часов утра. Но к этому времени, в данном случае по обоснованному утверждению Лося, войска противника уже углубились в нашу территорию местами на 5—10 км.

Так не для того ли директиву БДВ 1 весьма своеобразно «редактировали» в штабе округа, чтобы протянуть время и оставить войска без директивы в момент внезапного нападения противника, дабы потом было чем отбрезаться, что-де связь была порвана и потому документ поступил в войска с опозданием?)

^{88*} ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69, в том числе и пометы на этом документе.

Полковой комиссар Лось утверждал, что радиосвязь была восстановлена к исходу 22-го числа как с округом, так и со всеми соединениями. Значит, с указанного времени радиосвязь существовала. Тогда почему же произошел столь безобразный дажв для той ситуации мгновенно возникшего хаоса и неразберихи трагический случай, когда присланных из штаба округа офицеров связи (23 июня) расстреляли из-за того, что они привезли с собой шифровку, зашифрованную неизвестным для шифровальщиков 10-й, а также 3-й армий шифром?! Неужели нельзя было запросить по радио штаб округа подтвердить хотя бы личности этих офицеров, дабы их не расстреливать, а заодно попросить указаний о порядке расшифровки привезенного ими документа?! Проще говоря, какая-то серьезная нестыковка между тем, что написал Лось, и реальными фактами. Причем нестыковка эта наводит на очень грустные размышления, особенно если вспомнить уже приводившийся выше принципиально странный разноречивый между воспоминаниями Ляпина о том, когда штаб 10-й армии получил преступный приказ на отход, и этим рапортом Лося.

Но более всего обращает на себя внимание описание поведения маршала Кулика. То, что написал полковой комиссар Лось о Кулике, было доложено Сталину. И свидетельствовало оно о том, что Маршал Советского Союза Кулик проявил как минимум малодушие и трусость в боевой обстановке. За что, собственно говоря, и был справедливо наказан Сталиным. В то же время трудно отделаться от впечатления о том, что Лось в своем рапорте умышленно глухо намекнул на то, что Кулик вроде бы был способен на сдачу в плен. Хотя, быть может, автор и ошибается в своих ощущениях...

Конечно, после столь панорамного анализа того, что предшествовало трагедии 22 июня, как она грянула и развивалась в первые мгновения на Западном фронте, очевидно, было бы уместно сделать какое-нибудь резюме всему вышесказанному. Но делать этого не будем. Хотя бы потому, что придется многое повторять, пускай даже и вкратце. Куда более чем оправданно и по-человечески, по-христиански правильно будет сказать то, что рвется из глубины сердца.

Автор книги коленопреклоненно склоняет голову перед воистину беспрецедентным мужеством, стойкостью, героизмом и превосходной боевой выучкой простых солдат и офицеров Западного фронта, оказывавших, во-

преки своему в значительной степени преступному командованию, невиданное дотоле нацистскими аспидами ожесточенно свирепое сопротивление и сумевших хоть на немного, но сорвать график агрессии!

Это именно они вынудили бывшего начальника штаба 4-й армии вермахта генерала Блюментрита признаться в одной из послевоенных бесед с британским военным историком Лиддл-Гартом, что «НАЧАЛЬНАЯ БИТВА В ИЮНЕ 1941 ГОДА ВПЕРВЫЕ ПОКАЗАЛА НАМ КРАСНУЮ АРМИЮ. НАШИ ПОТЕРИ ДОХОДИЛИ ДО 50 %... ТАК МЫ УЗНАЛИ, ЧТО ЗНА-

ЧИТ СРАЖАТЬСЯ ПО РУССКОМУ СПОСОБУ...»⁷⁷.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ВЕЛИКИМ ВОИНАМ ТРАГИЧЕСКОГО 1941 ГОДА! ОСОБЕННО ИЮНЯ 1941 ГОДА! ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ИХ ПОДВИГУ БЫЛА ПРОЛОЖЕНА ДОРОГА К ПОБЕДНОМУ 9 МАЯ 1945 ГОДА! ИХ ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ЗАБЫТ!

И ДА ПРОСТИТ НАС, НЕ ОЧЕНЬ-ТО ЦЕНЯЩИХ СВОЮ СЛАВНУЮ ИСТОРИЮ ПОТОМКОВ, ИХ ВОЗМОЖНО ЕЩЕ НЕ УПОКОЕННЫЙ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ ПРАХ!

⁸⁸⁷ Цит. по: *Сандалов Л.М.* 1941. На Московском направлении. М., 2010, с. 120.

Глава 3 БЛИЦКРИГ ПРЕДАТЕЛЬСТВА: РАЗГРОМ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА — ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

русский солдат создан для побед.
Умей только водить его.

Наполеон

К глубокому сожалению, трагедия 22 июня 1941 г. и в КОВО тоже была Действительно неизбежна. Потому как была обреченно предreshена, а, следовательно, и неминуема! 22 июня произошло то, что, увы, и должно было произойти! В точном соответствии с предупреждением агента и резидента ГРУ от 28 мая 1941 г. Помните? «Русская армия поставит себя под удар немецкого наступления в западной части СССР и будет там разбита в кратчайший срок».

Так оно и получилось. В кратчайший срок, хотя в сравнении с двумя другими округами несколько больший, самый мощный из приграничных округов на западных границах СССР проиграл приграничные сражения. Проиграл за восемь дней, ибо к 30 июня это было очевидно уже и не-

вооруженным глазом. Проиграл при невероятном для того времени превосходстве над противником. Ведь там были развернуты четыре армии — 5-я, 6-я, 12-я и 26-я, а также соединения и части окружного подчинения. Всего 11 стрелковых, 1 кавалерийский и 8 механизированных корпусов. Суммарно это 58 (по другим данным, 59) дивизий, в том числе 22 стрелковых, 16 танковых, 8 механизированных, 2 кавалерийских, 10 авиационных и 8 УР. Кроме того, в состав КОВО должны были войти еще две общевойсковых армии — 19-я и 16-я, войска которых с 15 июня стали прибывать в районы сосредоточения — Фастов и Винница. Правда, к 22 июня этот процесс еще не был завершен.

Согласно архивным данным, к моменту нападения в КОВО имелось в наличии

287 тяжелых танков, 627 средних танков, 5628 танков БТ и Т-26, 214 химических танков, 399 танков Т-37—38, 354 прочих танка. Всего 7691 танк. Войска округа имели также 1154 бронемашин. Артиллерией войска округа были обеспечены более чем достаточно:

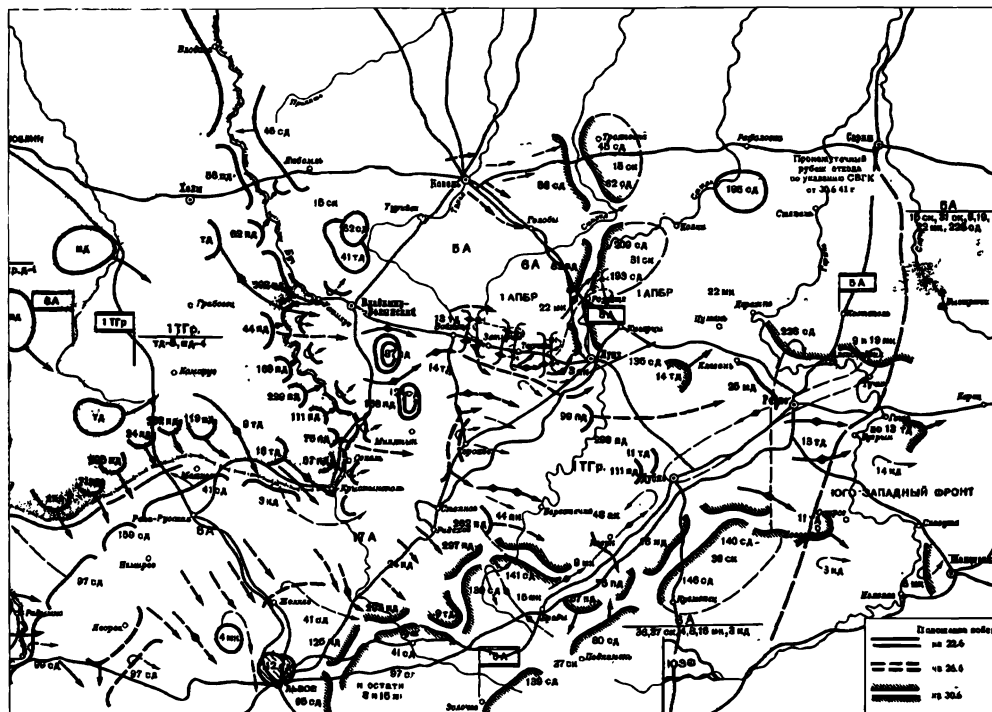
- 203-мм гаубиц — 24 шт.
- 152-мм гаубиц — 1019 шт.
- 122-мм гаубиц — 1207 шт.
- 122-мм пушек — 240 шт.
- 107-мм пушек — 44 шт.
- 76-мм пушек — 1292 шт.
- 76-мм горных пушек — 192 шт.
- 76-мм зенитных пушек — 1016 шт.
- 45-мм противотанковых пушек — 2051 шт.
- 37-мм зенитных пушек — 266 шт.
- 120-мм минометов — 257 шт.
- 107-мм минометов — 60 шт.
- 50-мм минометов — 3697 шт.

Суммарно КОВО располагал 10 824 орудиями и минометами.

Согласно архивным данным, группировка войск КОВО превосходила силы ГА «Юг» по количеству расчетных дивизий — 1,6 раза, по личному составу — 1,2 раза, в артиллерии (включая и минометы) — 1,4 раза, в танках — 4 раза, в авиации — 2,5 раза⁸⁸⁸.

Тем не менее при таком превосходстве превратившийся с раннего утра 22 июня в Юго-Западный фронт самый мощный советский военный округ на западной границе СССР — Киевский особый военный округ — вдребезги проиграл приграничное сражение. Спустя 8 дней с начала агрессии супостаты находились в глубине советской территории уже на расстоянии 300—350 км от границы. Взгляните еще раз на составленную Москаленко карту-схему начальных боев КОВО-ЮЗФ.

⁸⁸⁸ ЦА МО РФ. Ф. 16 «а». Оп. 2951. Д. 622. Л. 1—2. Расчет произведен по: ЦА МО РФ. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 2. Л. 3; ЦА МО РФ. Ф. 38. Оп. 2951. Д. 5. Л. 35; ЦА МО РФ. Ф. 113. Оп. 3275. Д. 9. Л. 67. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 321—322.

Так как же могло произойти такое? нарком обороны Тимошенко. И это при
Особенно если учесть, что, во-первых, Ки- условия, что в момент, когда он стал это
евский округ особо лелеяла и опекала самаделать, еще не было никаких конкретных
«киевская мафия». Во-вторых, что не ме- данных о конкретном плане гитлеровской
нее, если не более важно, разведка КОВО агрессии, ибо у самого гитлеровского ко-
целом достаточно верно вскрыла силы про-мандования еще не было такого плана, а
тивостоящей группировки вермахта⁸⁸⁹. всего лишь предварительные наметки и
В абсолютизации неминувости тра- разработки. Наметки и разработки, о ко-
гедии в этом округе свою негативную рольторых к тому же ничего не было известно,
сыграли все те же причины, о которых ужекроме того, что происходит резкое нараста-
много раз говорилось в предыдущих раз- ние угрозы нападения. Когда летом 1940 г.
делах и главах настоящего исследования. мудрый Шапошников — как начальник Ге-
Однако, в отличие от других округов, в ча- нерального штаба до 15 августа 1940 г. —
сти, касающейся КОВО, значительно лег- впервые доложил Тимошенко проект
че определить «откуда ноги растут», кто «Соображений...», то последний изволил
первым сказал стратегически преступное выразить недовольство тем, что в доку-
«а», да и вообще, как был заложен фунда- менте главенствующее (по политическим
мент трагедии. Зато значительно труднее соображениям) значение было придано
выявить преступный характер действий группировке вермахта севернее Варшавы,
командования КОВО различных уровней. а также в Восточной Пруссии. Тимошенко
Уж больно хитро оно действовало. Да и не ограничился выражением недовольства.
описания этих и без того хитрованных Он стал настаивать на том, чтобы был раз-
действий как в прошлом, так и в настоя- работан вариант, по которому основные
щее время едва ли чем-либо отличаются. силы гитлеровцев развернулись бы южнее
Они такие же хитрованные. Но трудности- Варшавы. То есть на направлении КОВО.
трудностями, однако же не для того, как Подчеркиваю, что свое недовольство он
говорится, взялся за перо, пардон, уселся выразил в ситуации, когда было ясно и
за компьютер, чтобы всхлипывать по это- понятно только одно — происходит рез-
му поводу. Так что за дело!

**§ 1. Назад в предысторию.
Стратегические корни
неизбежного поражения: как
и кто заложил первый камень
в фундамент неминуемой
неизбежности разгрома КОВО?**

Прежде всего придется напомнить, как по какой линии еще не поступало. Как в
начиналась история с «прогнозом» направ- проекте, так и в уже принятом единствен-
ления главного удара вермахта на Юго- ном официальном плане — «Соображени-
Западном направлении (для гитлеровского ях об основах развертывания Вооружен-
командования — Юго-Восточном направ- ных сил Советского Союза на Западе
лении). Как отмечалось еще в первом томе, и на Востоке на 1940 и 1941 годы» от
первым за вермахт главный его удар на 18 сентября/14 октября 1940 г., — было
Юго-Западное направление стал перено- указано, что «документальными данны-
сить именно выходец из КОВО — лично ми об оперативных планах вероятных
противников как по Западу, так и по
Востоку Генеральный штаб Красной

⁸⁸⁹ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 191, а так-
же Ф. 500. Оп. 119. Д. 14. Л. 4—5.

Армии не располагает». Невозможно не подчеркнуть и то обстоятельство, что наряду с отсутствием каких-либо документальных данных об оперативных планах германского командования не было также и разрозненных устных сведений, хотя бы в минимуме конкретизирующих планы супостатов. Было ясно и понятно только одно — война не только не за горами, но и даже не за холмами.

Соответственно, что послужило первоначальным импульсом для упомянутого «пожелания» наркома, и сейчас понять весьма трудно, если, конечно, не учитывать более чем справедливого и обоснованного намека маршала М.В. Захарова, о котором также говорилось в первом томе. Но именно его намек и придется учитывать в первую очередь. Причем прежде всего как констатацию факта сложившейся в высшем военном руководстве СССР так называемой киевской мафии. Потому что на фоне двухкратного подчеркивания мудрым Борисом Михайловичем особой предпочтительности для верховного командования нацистской Германии северного варианта развертывания главных сил вермахта, Тимошенко продолжал настаивать на своей точке зрения. Последний раз это имело место 15 августа — именно эта дата стоит на проекте «Соображений...», в котором последний раз подписанных Шапошниковым. Кончилось это тем, что по настоянию Тимошенко Сталин снял Шапошникова с поста начальника Генерального штаба (правда, в немалой степени с учетом плохого здоровья Бориса Михайловича, хотя внешне все объяснялось иначе). Однако назначил на этот пост К. А. Мерецкова, не являвшегося членом мафиозного клана КОВО. Хотя и этот тоже долго не удержался на посту начальника Генерального штаба — «киевская мафия» и его выдвинула достаточно быстро.

Более того. Еще в первом томе подчеркивалось одно обстоятельство, которое любого вгонит как минимум в шок. Время проявления недовольства Тимошенко

по вопросу об определении направления главного удара вермахта практически совпадает с временем издания указания штаба ОКВ абверу от 6 сентября 1940 г. То есть указания о мероприятиях по дезинформационному прикрытию подготовки к нападению на СССР, в п. 2 которого прямо говорилось следующее: «2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы Генерал-Губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика». Проще говоря, создавать впечатление, что все усилия германского командования сдвинуты на Юго-Восточное направление, которое для советского командования означало Юго-Западное. Не отрицая того, что в первую очередь это совпадение может быть случайным, тем не менее очень трудно избавиться от захватывающего впечатления, что все же это «совпадение» не случайное...

Поразительно, но факт, что когда ГРУ осенью 1940 г. стало фиксировать тщательно маскируемые переброски гитлеровских войск, прежде всего в Восточную Пруссию и Польшу, то это означало, что прогноз Шапошникова начал сбываться. Сейчас оно понятно почему: Гитлер еще 31 июля 1940 г. определил первые два направления удара: один на Прибалтику и Белоруссию (единым ударом, без разделения на ГА «Север» и ГА «Центр»), другой на Украину. Тогда в германском военном планировании еще превалировал традиционный вариант двухсторонних «клещей». К середине сентября появился и северный вариант главного удара, изложенный в известном историкам «этюде Лоссберга». Затем, 26 ноября, практически с дословной аргументацией, что и в предыдущем случае, появился проект генштаба вермахта, излагавший также северный вариант главного удара. Конечно, тогда всего этого ГРУ не знало. Как, впрочем, и другие разведывательные службы СССР. Во всяком случае, по тем данным, которые официаль-

но рассекречены и преданы гласности путем различных публикаций, сделать иной вывод пока невозможно. Но фиксируемые военной разведкой, а также разведкой пограничных войск НКВД СССР переброски частей вермахта именно в Восточную Пруссию и Восточную Польшу вполне могли бы отрезвить Тимошенко. Или, по крайней мере, заставить призадуматься над этим фактом. Увы, выбритая до зеркального блеска «большая голова с куриными мозгами» не отреагировала на эти данные разведки. Вместо этого произошло вот что.

Не без вразумляющего содействия Тимошенко в декабре 1940 г. из КОВО в Генштаб за подписью начальника штаба КОВО генерала М.А. Пуркаева (в тот момент именно Жуков командовал войсками этого округа) пришла записка, в которой говорилось, что именно на КОВО придется главный удар вермахта⁸⁹⁰. Обоснование столь важного вывода было, мягко говоря, более чем жиденькое. Подчеркиваю, что именно же мягко и дипломатично выражаясь. Ведь никаких серьезных доказательств командование КОВО не представило, потому что оно ими не располагало, потому как у него их просто не было в тот момент. А между тем к середине декабря руководящие штабные супостаты Третьего рейха под давлением Гитлера окончательно приняли северный вариант развертывания главных сил для нападения на СССР. К тому же с двумя группировками армий — ГА «Север» и ГА «Центр», причем последняя и вовсе была разделена на две подгруппы — одна должна была наносить удар севернее Бреста, другая южнее. То есть фактически

получалось, что на левом фланге будут наносить удар сразу три группировки, так как подгруппы ГА «Центр», в сущности-то, по своим силам вполне резонно рассматривать как отдельные группы армии. Ни командование КОВО, ни его разведывательный отдел об этом, естественно, не знали и знать не могли.

Тем не менее, бумага с настойчивым подчеркиванием указанного выше приоритета Юго-Восточного (для СССР — Юго-Западного) направления для германского командования для нанесения главного удара из КОВО ушла в Генштаб. Сами понимаете, что без согласия командующего округом начальник штаба округа не мог направить такую записку в Генштаб. Проще говоря, Жуков был в курсе всего как начальник Пуркаева, но скорее всего был инициатором этого документа.

Еще раз обращаю внимание на то, что эта записка поступила до первых информационных сигналов разведки о появлении у военного командования Германии конкретного плана агрессии против СССР. Они, как известно, поступили в самом конце декабря, докладная же — в середине, а готовилась она явно и того ранее. К слову сказать, при публикации этой записки «странным образом» исчезла ее дата и номер, как, впрочем, и входящий номер регистрации секретариата начальника ГШ. Этого не могло быть по определению. При направлении документов в Центр, тем более столь важных документов, регистрационный номер, дата, а также номер входящей регистрации получателя всенепременно имеют место быть. Обратное есть прямое нарушение элементарных правил делопроизводства и проявление явного неуважения к вышестоящему руководству, за что по головке не гладят.

Первые же разведданные на этот счет были очень неконкретные, расплывчатые, и даже ГРУ в тот момент не могло определить направления главного (главных)

⁸⁹⁰ Документ имел следующее название — «ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА КОВО ПО РЕШЕНИЮ ВОЕННОГО СОВЕТА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ПО ПЛАНУ РАЗВЕРТЫВАНИЯ НА 1940 ГОД». ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 277. Заверенная копия. Документ был опубликован как не имеющий номера и даты (вместо даты указано, что «не позднее декабря 1940 г.») в первом томе известного сборника документов «1941 год» под № 224.

удара (ударов) вермахта. Более или менее точно это будет установлено примерно три месяца спустя, к 20 марта 1941 г.

Так вот и спрашивается, откуда же Пуркаев и Жуков могли знать о намерениях противника хотя бы в предположительном порядке?! Более того. На основании чего они посмели настаивать на приоритетности одного конкретного варианта развертывания главных сил вермахта, если даже ГРУ и другие разведывательные службы СССР еще ничего толком не знали?! Списывать же на какую-то их прозорливость, особенно Жукова, на что он постоянно намекал в мемуарах, статьях и устных выступлениях, нет ни малейших оснований. Не обладал он таким качеством. Даже к старости. Потому как в политике и соответственно в стратегии был более чем слаб. А если, порой, во время войны и создавалось такое впечатление, то в том особой его заслуги нет—это заслуга прежде всего разведки, а также умных и талантливых штабных работников, находившихся в его окружении, а не его «мыслительного аппарата», «органически ненавидевшего штабную работу».

Итак, еще до назначения на пост начальника Генерального штаба, не имея никаких серьезных доказательств, тем более документальных, Жуков пытался уже в декабре 1940 г. убедить руководство НКО и ГШ в том, что свой главный удар германское командование будет наносить на Юго-Восточном (для СССР — Юго-Западном) направлении. С этим ничем не обоснованным убеждением Жуков и возглавил Генштаб.

Сменивший же его на посту командующего КОВО генерал М.П. Кирпонос, едва прибыв в округ, с места в карьер пошел дальше.

Приняв Киевский округ под свое командование в январе 1941 г., новый командующий генерал М.П. Кирпонос сразу же провел короткое совещание в узком составе. Помимо него на совещании присутствовали начальник штаба КОВО генерал

Пуркаев, член Военного совета КОВО комиссар Вашугин и начальник оперативного отдела штаба округа тогда полковник, впоследствии Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян. Ниже приводится отрывок из его мемуаров. Наиболее важные аспекты приводимой ниже цитаты выделены жирным шрифтом. Обладающие особым стратегическим смыслом и повлекшие тяжелые последствия — жирным курсивом. Итак, вот что он написал: «Два дня спустя командующий снова вызвал меня. В его кабинете были Вашугин и Пуркаев. Молча показав на стул, Кирпонос открыл папку с материалами по плану прикрытия границы.

— Я думаю, — начал он, подчеркивая каждое слово, — что с момента объявления мобилизации до начала активных действий крупных сил на границе пройдет некоторое время. В первую мировую войну это время измерялось неделями, в современных условиях оно, безусловно, резко сократится. Но все же несколькими днями мы будем, очевидно, располагать. Следовательно, для прикрытия государственной границы можно выделить минимум имеющихся у нас сил, чтобы остальными маневрировать, исходя из конкретно складывающейся обстановки. *Вероятнее всего, от нас потребуются создать мощную ударную группировку, которая поведет решительное контрнаступление на агрессора.*

Кирпонос взял из папки листок с нашими расчетами:

— И вот я спрашиваю вас: а не многовато ли войск мы сосредотачиваем на границе?

Никто не ответил. Командующий бросил листок на место.

— По-моему, слишком много. Считаю, что из состава канедого армейского района прикрытия границы надо высвободить минимум по одной стрелковой дивизии. Тогда нам будет легче быстро создать достаточно мощную

ударную группировку и бросить ее на врага. *Панните: если на нас нападут, мы должны немедленно организовать ответный удар.*

— Да, — задумчиво проговорил Пуркаев. — Так-то оно так: мы, конечно, должны думать об ответном ударе. Но ведь к нему надо подготовиться. Л если враг нападет неожиданно, сомнет жиденькую цепочку наших войск прикрытия и всеми силами двинется дальше? Тоша и оборону будет трудно создать, а не то, что организовать контрнаступление.

— *А мы не должны допустить, чтобы враг упредил нас,* — холодно парировал Кирпонос. — Для чего у нас разведка существует?

— Правильно, товарищи, — вмешался в разговор Вашугин, — не пристало нам думать об обороне. Если враг навяжет нам войну, наша армия будет самой нападающей из всех армий. Она сумеет нанести противнику сокрушительный ответный удар, а затем добить там, откуда он пришел.

— Л вы как думаете, полковник? — спросил меня Кирпонос.

Я был естественно, одного мнения с начальником штаба: он высказал результаты наших общих раздумий. Мы исходили из того, что многомиллионная гитлеровская армия, по существу покорившая всю Западную Европу, обладает огромной ударной мощью. Сейчас у нее руки развязаны: “странная война” на Западе мало беспокоит немцев. Используя развитую сеть железных и шоссейных дорог, Гитлер может в короткие сроки сосредоточить крупные силы против наших границ и бросить их на нас. В этих условиях нам, как мы рассуждали, следовало бы выделить в состав эшелона прикрытия границы столько войск, чтобы они смогли отразить первый вражеский удар. Под прикрытием этого мощного заслона нам легче будет подтянуть резервы и перейти в контрнаступление. И я без колебаний ответил, что согласен с

начальником штаба и поддерживаю предложенный им план.

— Неправильно вы мыслите, — вздохнул командующий. — Согласиться с вами не могу. — Закрыв папку и протянул ее мне. — Дорабатывайте план, как я сказал, чтобы в резерве оставалось возможно больше сил»⁸⁹¹.

На брехливо-крикливо-кичливое заявление Вашугина внимание обращать не стоит. Чего можно было ожидать от дураковатого комиссаришки, кроме очередной дубовой глупости? Уже после начала войны он и совершил таковую наяду, фактически преступление, загубив целый механизированный корпус. Ему хватило то ли неуместного мужества, то ли переполнившего его страха перед неотвратимостью суровой кары за такое преступление, чтобы застрелиться.

Справка. У этого страха Вашугина корни уходили в залихватский план войны с Финляндией, который он подписал вместе с уже арестованным в июне 1941 г. Мерецковым. Наверное, сообразил, что и те кровавые неудачи могут припомнить. Да и крутой нрав только что вновь возглавившего ГЛАВПУР РККА Мехлиса Вашугин тоже знал.

Только вот своей глупой смертью он вовсе не искупил те колоссальные жертвы, которые из-за него бессмысленно понес мехкорпус и тот колоссальный ущерб, который он нанес всему Юго-Западному фронту. И потому проливать даже скупую слезу по поводу его самоубийства нет никакого желания. Да это и не в правилах православия.

Главное в процитированном отрывке из мемуаров Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна заключается в том, что:

во-первых, он предельно ясно и четко показал, что новый командующий округом точно так же, как и лично нарком обороны, игнорировал опыт совре-

⁸⁹¹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 49—51.

менной на тот период времени войны. То есть их главную особенность — они начинаются внезапно, всеми заранее отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми силами, что ни при каких обстоятельствах не даст нашему командованию даже минимум времени для почесывания в затылках и уж тем более для развертывания своих основных сил.

Во-вторых, Иван Христофорович не менее ясно и четко показал, как был заложен фундамент для будущего разгрома самого мощного округа.

Встречавшая гитлеровцев на рассвете 22 июня жиденькая, по словам Пуркаева, цепочка стрелковых войск округа, а если по-военному, вытянутые узкой лентой стрелковые войска эшелона непосредственного прикрытия, которые противник довольно быстро смял, — «заслуга» лично командующего КОВО генерала Кирпоноса.

1. Именно по вине Кирпоноса, суть которой И.Х. Баграмян раскрыл предельно четко, ясно и глубоко, войска непосредственного прикрытия государственной границы в полосе КОВО оказались просто в дурацком, заведомо проигрышном положении. Потому что, превосходя сосредоточенную против округа группировку вермахта по количеству танков в 5,3 раза, а по самолетам — в 2,9 раза, войска непосредственного прикрытия уступали противнику именно в том, что позволяет держать оборону. То есть по личному составу более чем в 2 раза. По артиллерии — в 1,9 раза, по минометам — в 1,4 раза, по противотанковым орудиям и зенитной артиллерии — в 3,1 раза. Проще говоря, все изначальное превосходство КОВО над ГА «Юг» было не просто нивелировано, а умышленно — из-за сознательно уперто реализованной Кирпоносом преступной «стратегии» — доведено до отрицательных величин. Без каких-либо изъятий и видимых преступных действий самый мощный округ превратился едва ли не в беспомощного младенца.

Впервые суть того, что натворил Кирпонос, попытался показать в своих мемуарах Великий Маршал Великой Победы К.К. Рокоссовский. В черновике рукописи его знаменитых мемуаров — «Солдатский долг» — есть следующие, собственноручно написанные Великим полководцем строки (которые уже приводились, но тем не менее есть настоятельная необходимость повторить): «Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в Польше (1939 г. — А. М) и во Франции (1940 г. — А. М), я не мог разобраться: каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев?

Справка. Здесь надо иметь в виду, что Рокоссовский описывает времена не просто непосредственного кануна агрессии, а именно же период правления Кирпоноса.

Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали. Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО, никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа. Правда, в звене высшего командного состава эта успокоенность не разделялась. Наше мнение сводилось к тому, что мы находимся накануне войны. В воздухе пахло войной, и только слепые и глухие этого не замечали или не хотели замечать... (отточие принадлежит перу самого маршала. — А. М).

...Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответ-

становал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны».

Партийно-военные «цензоры» от ЦК КПСС усмотрели в этих строках, особенно выделенных жирным шрифтом, серьезную крамолу. Со времен небезызвестного прохвоста Хрущева и проклятого XX съезда КПСС великий Рокоссовский вообще был на «особом счету» в этой дубовой конторе. Дело в том, что только К.К. Рокоссовский да Главный маршал авиации А.Е. Голованов — всего только два маршала военного периода! — не унизились и не опустились до конъюнктурной клеветы в адрес своего великого Верховного Главнокомандующего, под руководством которого выиграла ту страшную войну! Прославленному великому полководцу, перед одним только именем которого в страхе дрожала вся фашистская нечисть, в итоге дали по рукам — в первое издание его знаменитой книги эти строки не попали. О них стало известно только в 1989 г., когда редакция «Военно-исторического журнала» в № 4 впервые опубликовала купюры из бережно сохраненного родственниками маршала оригинала его рукописи. Слава богу, сейчас все они вошли в обновленное, полное издание его мемуаров.

А вся «крамола» состояла в том, что Рокоссовский впервые показал, что предназначенные для обороны войска, в данном случае Киевского особого военного округа, где он служил в должности командира 9-го механизированного корпуса, в реальности готовились, прежде всего наиболее мобильные (танковые, механизированные и авиация), к «прыжку вперед». То есть к тому, что Баграмян уже откровенно привел в своих мемуарах как действительно имевшее место реальное указание Кирпоноса: «...Если на нас нападут, мы должны немедленно организовать ответный удар». Проще говоря, к тому, что в настоящем исследовании названо немедленным встречно-лобовым

контрвторжением/контрблицкригом по факту нападения или, если на языке военных того времени, — глубокими наступательными операциями (контрвторжения).

Между тем крамолы-то в словах Рокоссовского никакой нет и не было. Хотя и в минимуме, но он написал чистую правду. Едва только Кирпонос вступил в должность командующего КОВО, как командармам 5, 6, 26 и 12-й армий еще 5 февраля 1941 г. приказом командующего округом № А/009 было предписано в первом полугодии отрабатывать только наступательные операции, что они и делали⁸⁹². В марте—апреле — учения стрелковых корпусов на тему «Наступательная операция», на 7—10 мая во Львове была запланирована фронтальная наступательная игра под руководством командующего округом генерала Кирпоноса. Кстати говоря, к этому времени супостаты уже пару месяцев как расшифровали незаконные намерения нашего командования, в том числе и с плацдарма Львовского выступа, о чем уже говорилось ранее.

Командование Киевского округа во главе с Кирпоносом до того оборзело от предвкушения немедленного встречно-лобового контрблицкрига по факту нападения, что даже потребовало от пограничников тщательно разработать план действий по разгрому немецких пограничных застав, нацеливая весь личный состав на то, что война сразу будет перенесена на германскую территорию⁸⁹³.

Кто дал право командующему КОВО требовать от пограничников разработки таких планов, неизвестно. В то время пограничники не подчинялись армейскому командованию, тем более на местах. В их подчинение они должны были перейти

⁸⁹²РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450. Л. 51—79, 83.

⁸⁹³ Документальный фонд Центрального музея пограничных войск. Стенограмма беседы от 2 января 1945 г. с начальником бывшего 98-го пограничного отряда Украинского пограничного округа НКВД УССР полковником Г.Г. Сурженко. Цит. по: *Кисловский ЮТ*. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 125.

ти только с началом военных действий, что возможно только в оборонительных боях, ибо такова природа пограничных войск. Да и то согласованный с НКО и ГШ приказ Л.П. Берия об этом поступил в пограничные войска только 16 июня. Зато точно известно вот что. Пограничные войска входили в состав НКВД СССР и подчинялись лично Лаврентию Павловичу Берия. А за генеральным комиссаром государственной безопасности (равнозначно званию Маршала Советского Союза) Лаврентием Павловичем Берия абсолютно не числится даже иллюзорная тень намека на какую бы то ни было попытку воевать на чужой территории. Все, что он делал накануне войны — как по линии пограничных войск, так и по линии столь ненавистного ныне всем ГУЛАГа, — имело сугубо оборонительное значение. Даже принятый 12 июня мобилизационный план производства оружия и боеприпасов для предприятий ГУЛАГа четко свидетельствует, что производству подлежали боеприпасы прежде всего для оборонительных боев.

***◆

Справка. Приказом народного комиссара внутренних дел СССР, генерального комиссара государственной безопасности Л.П. Берия № 00767 от 12 июня 1941 г. в действие был введен мобилизационный план для предприятий ГУЛАГа и Главпромстроя по производству боеприпасов. В производство запускались: 50-мм мины, 45-мм картечь и ручные фанаты РГД-33. Этот приказ любопытен тем, что наглядно свидетельствует о заблаговременной подготовке НКВД СССР к войне. Но это одна сторона медали. Вторая куда более существенна. Обратите внимание на то, какие боеприпасы полагалось производить в первую очередь. Это боеприпасы прежде всего оборонительного боя — ручные гранаты, 45-мм картечь, 50-мм мины (главным образом осколочные). Ручные гранаты используются лишь в ближнем бою — одновременно как для выбивания живой силы противника, так и его танков. Картечь используется артиллерией для массового поражения живой силы противника в случае его наступления. Тем более что в приказе речь шла о 45-мм картечи. То есть для знаменитых «сорокапятков» — самой массовой пушки РККА того времени, в том числе и в стрелковых дивизиях того времени. 50-мм мины предназна-

чены для 50-мм миномета Б. Шавырина и тоже использовались в оборонительных боях. Все это к тому, чтобы еще раз показать, что советское руководство ни в какие наступательные войны не собиралось! Ведь глава НКВД СССР Лаврентий Павлович Берия к тому времени уже три месяца являлся первым заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. То есть первым вице-премьером, если по-современному. А главой советского правительства с 6 мая 1941 г. являлся Иосиф Виссарионович Сталин! Соответственно такой производственный план для ГУЛАГа был согласован со Сталиным⁸⁹⁴.

Но вот из Генерального штаба в начале мая поступила вроде бы однозначно оборонительного характера директива № 503862/сс/ов, и что же, вы думаете, произошло в округе?! А ничего — как готовились к немедленному встречно-лобовому контрблицкригу, так и продолжили то же самое: 12—17 мая командно-штабные учения армий и корпусов, опять-таки по отработке наступательной операции, 25—30 мая — то же самое⁸⁹⁵.

И только явно для отмазки на всякий случай был составлен и утвержден план подготовки армейских управлений по управлению армейской оборонительной операцией с устройством палевой обороны с предпольем и с последующим переходом в контрнаступление⁸⁹⁶. Но ведь это еще не сам план обороны, тем более округа. Лишь в самый последний момент был состряпан план обороны и отправлен в Москву. В ГШ он поступил столь поздно, что генштаб если и захотел бы, то все равно не успел бы рассмотреть и тем более утвердить, потому что он был исполнен и подписан Пуркаевым только 2-го июня, а отправлен в ГШ — 19 июня.

◆**

Справка. Здесь следует иметь в виду, что первоначальный срок подготовки плана обороны государственной фаницы и противовоздушной

⁸⁹⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1978. Л. 23. *Мартиросян А. Б.* Двести мифов о Великой Отечественной войне. Т. 3. М., 2008, с. 71—72 (миф № 6).

⁸⁹⁵ РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450. Л. 51—79, 83.

⁸⁹⁶ Там же.

обороны в соответствии с майскими директивами командующим приграничных округов на западной границе и их представления в генштаб, был установлен 20 мая — 1 июня (КОВО — к 25 мая). Однако впоследствии он был перенесен на более поздний срок. В итоге практически все представили свои планы буквально накануне войны⁸⁰⁷.

Тем не менее, по свидетельству бывшего командира бывшего 98-го пограничного отряда полковника Г.Г. Сурженко, за десять дней до начала войны командующий 5-й армией генерал-майор Потапов в ходе полевой поездки по укрепрайонам уверял офицерский состав этого погранотряда, что война сразу будет перенесена на чужую территорию!⁸⁹⁸

Так что ничего удивительного в том, что Великий Рокоссовский совершенно справедливо заметил, что если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны. Как уже указывалось ранее, то, что тогда так поражало в скором будущем действительно Велико-го Полководца, сейчас открыто называют в различных исследованиях не иначе как «построение войск Первого стратегического эшелона при внезапном нападении создает условия разгрома их по частям, как это и произошло... Способность армий прикрытия обеспечить войска от возможного внезапного удара противника в оперативно-стратегическом масштабе являлась сомнительной...».

⁸⁹⁷ См.: Новая и новейшая история. 1993. № 3, с. 44, 1941 год - уроки и выводы. М., 1992, с. 61, 179. 1941 год. Документы. М., 1998, Кн. 2, с. 219.

⁸⁹⁸ Документальный фонд Центрального музея пограничных войск. Стенограмма беседы от 2 января 1945 г. с начальником бывшего 98-го пограничного отряда Украинского пограничного округа НКВД УССР полковником Г.Г. Сурженко. Цит. по: *Кисловский Ю.Т.* Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 125.

Правильно, так оно и было. Только вот от военно-дипломатических терминов пора уже избавляться. Негоже в наше время вести речь о том, что-де «способность армий прикрытия обеспечить войска от возможного внезапного удара противника в оперативно-стратегическом масштабе являлась сомнительной». Негоже, что никакой, даже сомнительной, способностью к прикрытию здесь и не пахнет. Здесь отчетливо видно стремление к подставе войск под разгром. Потому что вторая часть сказанного великим Рокоссовским указывает именно на это — «расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали». А такое могло быть только в одном случае — когда основные, держащие оборону стрелковые войска выставлены узким статическим фронтом с низкой линейной плотностью, как в личном составе, так и в артиллерии, в то время как мобильные выдвигаются вперед. Да, собственно говоря, едва ли нужны какие-либо дополнительные разъяснения к тому, что заявил сам Кирпонос, — многовато войск в эшелоне прикрытия. И баста. Кстати, нельзя не напомнить в этой связи и о том, что М.А. Кирпонос был еще и противником создания высоких плотностей и концентрации артиллерии в обороне, о чем говорилось ранее. А ведь это так аукнулось в дебюте войны, что не приведи господь...

В результате и получилось, что войска непосредственного прикрытия уступали противнику именно в том, на чем, собственно говоря, и зиждется оборона. А ведь у Кирпоноса была редкая по тем времена возможность во всей полосе компетенции вверенного ему округа создать линейную плотность в живой силе почти по уставу — 0,75 бойца на метр линии обороны. С учетом же того, что далеко не вся линия границы в полосе компетенции КОВО была проходима для войск противника, то у него была возможность создать линейную плотность в живой силе

как минимум 1 боец на 1 метр линии обороны или даже более того. Вместо этого, уперто сознательно реализуя свою преступную «стратегию», Кирпонос свел дело к тому, что в войсках непосредственного прикрытия насчитывалось всего 273 700 человек⁸⁹⁹, что означало 0,29 бойца на один метр линии обороны по всей полосе компетенции КОВО. Да и то на бумаге. И при этом, как всегда, умышленно забыли, что то, что гладко на бумаге, будет резко отличаться от того, что встретится наяву, ибо, как это обычно и бывает на Руси, овраги неожиданно оказываются более чем глубокими и крутыми. Ведь супостаты, как неоднократно уже указывалось ранее, шли в прорыв с плотностью не менее 4,2 пехотинца на 1 метр линии прорыва. То есть созданная Кирпоносом линейная плотность в живой силе уже обеспечивала супостатам превосходство над каждыми 0,29 бойца в 14,5 раза! А в пересчете на одного стрелка из плоти и крови — в 50 раз! Это формальный, только ради общей иллюстрации приведенный расчет, к тому же осуществленный в усредненном порядке в масштабе всего округа и его 940-километровой полосы компетенции. Проще говоря, это то, что получилось уже на бумаге. В реальности же было еще хуже, в чем еще с горечью убедимся. Тем не менее все же заметьте, что вследствие уперто сознательно реализованной Кирпоносом преступной «стратегии» у противника еще до нападения на самый мощный округ из ничего, в прямом смысле слова из ВОЗДУХА, появилось превосходство в 50 раз над каждым нашим стрелком! Далее оно было усугублено уже в каждой конкретной ситуации, о чем речь пойдет ниже.

Ну, а если взять еще и склонность Кирпоноса уменьшать плотность артиллерии в обороне, то тогда и вовсе выйдет нечто чудовищное. С учетом всех видов стволов артиллерии и танков (за вычетом,

естественно, химических танков), у Кирпоноса была возможность создать линейную плотность артиллерии в 19,5 ствола на 1 км линии компетенции КОВО. Не густо, конечно, но все же вполне достаточно, чтобы зубодробильным образом встретить нацистских аспидов. Однако в результате реализации его «новаторски» преступной «стратегии» плотность артиллерийского огня по всей линии полосы компетенции КОВО в войсках непосредственного прикрытия была создана в размере... 9,3 ствола на 1 км. То есть фактически в два раза меньше реальной возможности. Если же ограничиться только противотанковой и зенитной артиллерией, то и вовсе выйдет отпетое преступление — войска непосредственного прикрытия уступали ударной группировке противника по этому показателю в 3,1 раза (773 противотанковых плюс 172 зенитных орудия против 2418 противотанковых плюс 546 зенитных орудий⁹⁰⁰)!

Подчеркиваю, что эти расчеты формальные, не учитывающие других факторов, не говоря уже о том, что ни один военачальник так рассчитывать линейную плотность не будет. Ведь, как правило, не везде требуется создавать одинаковую плотность в живой силе и артиллерии. Эти расчеты были произведены и показаны здесь только с одной целью — для общей иллюстрации того, к чему в масштабах всего округа привела уперто сознательная реализация Кирпоносом его неадекватной реализации, а если по-простому, то преступной «стратегии».

2. Именно по вине Кирпоноса большая часть войск округа находилась на расстоянии 100—200—250 км от государственной границы⁹⁰¹.

Да и то была приближена к этому рубежу только после того, как 15 июня ему директивно приказали подтянуть стрел-

⁸⁹⁹ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 310.

⁹⁰⁰ Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 310.

⁹⁰¹ Грецов М.Д. На Юго-Западном направлении. М., 1965, с. 8.

ковые корпуса ближе к границе⁹⁰². Но он выполнил это указание ровно настолько, насколько основная часть войск округа оказалась на указанном расстоянии от границы в момент нападения.

Сумма именно этих слагаемых, особенно крайне низкая линейная плотность войск эшелона непосредственного прикрытия и столь же низкая плотность артиллерии в этих же войсках, усугубленные другими, далеко не чудачествами накануне войны, которые столь усердно демонстрировал Кирпонос, и привела округ к катастрофе. Наряду, естественно, и с другими факторами. К той самой катастрофе, за которую сотни тысяч советских солдат и офицеров заплатили как своими жизнями, так и муками и позором плена не по своей вине в результате Киевской катастрофы.

Как будто Кирпонос ничего не знал ни о стратегии блицкрига, с которым вермахт обрушивался на намеченную жертву внезапно?! Как будто он ничего не слышал о действиях вермахта за период с 1 сентября 1939 г. до дня приведенного Баграмяном заявления?! Как будто он не знал, что основа основ германского блицкрига — это танковые войска, идущие на острие блицкрига?! Как будто он не знал, что главное средство борьбы с танковыми частями — это противотанковая артиллерия, к которой, в случае необходимости, можно подключать также и зенитную артиллерию?! Как будто он не присутствовал на декабрьском 1940 г. совещании высшего командного состава РККА, где его предшественник — Г.К. Жуков — блистательно распинался грамотно составленным полковником Баграмяном докладом?! Как будто он ничего не услышал из заключительного слова Тимошенко — ведь и в его речи прозвучало немало трезвого?! Наконец, как будто он вообще ничего не понимал в военном деле, что сходу пошел по столь опасной дорожке, которая в

итоге и привела округ к разгрому под его командованием?! Да и как отнестись к его заявлению, если он, едва только прибыв в округ и лишь бегло ознакомившись с бумагами, но не с состоянием округа и его войск, а также с данными разведки округа, сразу принял столь опасное, явно грозившее неминуемым, неизбежным разгромом решение. Такое впечатление, причем едва ли не абсолютно категоричное, что он прибыл именно с задачей квалифицированно организовать подставу войск округа под неминуемый разгром. Причем под предлогом организации немедленного встречно-лобового контрвстречного/контрблицкрига/глубокой наступательной операции по факту нападения и даже в виде превентивного контрудара. Ведь по другому его заявления:

— «Мы не должны допустить, чтобы враг упредил нас...»;

— «Вероятнее всего, от нас потребуются создать мощную ударную группировку, которая поведет решительное контрнаступление на агрессора»;

— «Помните: если на нас нападут, мы должны немедленно организовать ответный удар», расценить, увы, просто невозможно. Выходит, что он принял округ, уже имея в голове определенный план. На этом посту он достаточно прославился отсутствием собственной инициативы, слепо следуя указаниям сверху. Короче говоря, выходит что этот определенный план ему вдолбил сверху, то есть в НКО и ГШ. Ведь «киевская мафия» возглавляла оба эти главных военных ведомства. Многие исследователи обоснованно указывают на то, что Кирпонос не стремился проявлять собственную инициативу, но послушно следовал указаниям сверху⁹⁰³.

Учитывая, что командующий округом перед отбытием к новому месту службы всегда принимается первыми лицами указанных ведомств, следовательно, именно

⁹⁰² ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 11600. Кор. 10913. Д. 1062. с. 83—84.

⁹⁰³ См., например: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 311.

от них он и получил указание фактически о саботажническом, вредительском планировании операции прикрытия государственной границы. Собственно говоря, это и дает все основания для весьма нелицеприятного вывода о том, что на уровне устных, частных распоряжений и договоренностей подмена замысла единственного официального плана началась уже в январе 1941 г., то есть едва только Жуков был назначен начальником Генерального штаба и сложился дуэт главарей «киевской мафии» в высшем военном руководстве Тимошенко—Жуков.

Правда, те же современные исследователи считают, что «...необходимо признать, что Генеральный штаб достаточно подробно разработал план обороны государственной границы в полосе Киевского Особого военного округа. На его основе соответствующий план был разработан в штабе округа. *Однако оба эти плана не предусматривали глубокого построения обороны и вариантов возможных боевых действий при внезапном нападении врага.* Разработанные на их основе армейские планы прикрытия государственной границы готовились по одной схеме и не были составлены с учетом предыдущего опыта Второй мировой войны»⁹⁰⁴. Тут, конечно, уместнее всего было бы прямо сказать, что сознательно не был учтен предыдущий опыт Второй мировой войны. Ведь и Тимошенко, и Жуков прекрасно его знали, понимали и абсолютно точно расставили в своих выступлениях акценты в этом опыте. Пускай и с помощью полковника Баграмяна, но они, особенно Жуков, знали об этом опыте. Так что говорить о том, что они что-то там недоучли — просто смешно. Да и как можно говорить о том, что «Генеральный штаб достаточно подробно разработал план обороны государственной границы в полосе Киевского Особого военного округа», если такой

выдающийся, блестящий профессионал высочайшего уровня, как великий Маршал Великой Победы К.К. Рокоссовский без обиняков резюмировал: «Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны»?! Более того, Великий Рокоссовский отмечал также, что в КОВО практически не велась какая-либо подготовка к обороне и «потому-то войска этого округа с первого же дня войны оказались совершенно не подготовлены к встрече врага. Их дислокация у нашей границы не соответствовала угрозе возможного нападения»⁹⁰⁵.

Вывод великого полководца невольно подтверждает и другой Маршал Советского — Кирилл Семенович Москаленко. Его описание того, как и с чего началась война, прекрасно «иллюстрирует», насколько «Генеральный штаб достаточно подробно разработал план обороны государственной границы в полосе Киевского Особого военного округа»: «...Мы быстро прошли в штаб. Здесь я вскрыл мобилизационный пакет и узнал, что с началом военных действий бригада должна форсированным маршем направиться по маршруту Луцк, Радехов, Рава-Русская, Немиров на львовское направление в район развертывания нашей 6-й армии»⁹⁰⁶. На первый взгляд вроде бы ничего необычного. Но это только на первый взгляд. А на самом деле за такое предписание командиру противотанковой бригады Резерва Главкомандования, который находился в прямом подчинении высшего военного командования, Генеральный штаб следовало бы высечь солеными розгами до костей.

⁹⁰⁵ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. Издание с восстановленными по авторской рукописи купюрами цензуры. М., 1997, с. 54.

⁹⁰⁶ Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. 1941^1943. Воспоминания командарма. Кн. 1. М., 1979, с. 23.

⁹⁰⁴ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, 321—322.

Дело в том, что, во-первых, противотанковая бригада Москаленко одновременно находилась в оперативном подчинении у командования 5-й армии. С началом военных действий ей предписывалось перейти в оперативное подчинение командования 6-й армии. Да, это армии-соседи, да, задача по обороне родного Отечества у них одна — защитить грудь, но все же, на кой хрен было нужно такое планирование? Или что, 5-й армии не надо было бороться с танками противника?

Во-вторых, если взглянуть на карту, то станет понятен весь идиотизм такого предписания. Потому что бригаде, которая дислоцировалась в Киверцах, предстояло преодолеть не менее ста пятидесяти верст, прежде чем она войдет в боевое соприкосновение с противником. Л ведь их еще надо было не просто пройти, а пройти под непрерывными бомбежками противника. На кой хрен нужно было такое планирование, согласно которому, прежде чем вступить в борьбу с врагом, надо преодолеть под бомбежками не менее 150 верст и неминуемо подвергнуться определенным потерям?

В-третьих, такое предписание означает, что ни командование, ни штаб КОВО, ни тем более Генштаб заблаговременно не определили наиболее танкоопасные направления в полосе компетенции 5-й и 6-й армий, иначе столь идиотское предписание, вложенное в конверт с сургучом еще до войны, не появилось бы! Но оно появилось, и было вложено в «красный пакет» в силу... клановой солидарности «киевской мафии». Ведь командующий 6-й армией был хорошим старым знакомым Жукова по освободительному походу на Западную Украину, а Тимошенко — по советско-финляндской войне. В результате 1-я противотанковая бригада Москаленко с началом военных действий должна была метаться между двумя армиями.

Воспоминания Москаленко любопытны еще и тем, что попутно он описал еще и ситуацию с 22-м МК (командующий

генерал-майор С.М. Кондрусев). Дело в том, что после недолгой перебранки с командующим 5-й армией генералом Потаповым Москаленко, вопреки предписанию из «красного пакета», остался в подчинении последнего. Мягко выражаясь, это уже далеко не порядок, но на грани преступления, и подчинился его приказу выдвигаться в сторону Владимир-Волынского, чтобы вместе с 22-м МК отразить натиск немцев на этом направлении. Москаленко выполнил приказ Потапова и двинулся со своей бригадой в путь. На полпути встретил командующего 22-м МК генерала Кондрусева и от него узнал, что две из трех входивших в его корпус дивизий — 19-я тд и 215-я мд — выдвигались к границе из Ровно (140 км от государственной границы) в район Ковеля, то есть на северо-запад почти параллельно государственной границе да к тому же под бомбежками противника. Естественно, что быстро развернуться в сторону Владимир-Волынского они не могли. Третья же дивизия 22-го МК — 41-я тд — дислоцировалась аккуратно на западной окраине Владимир-Волынского. Но вместо того, чтобы иметь предписание двинуться с места дислокации прямо в сторону границы и на дальних подступах к Владимир-Волынскому отразить атаку супостатов и отбросить их, по плану прикрытия она должна была выдвигаться также в район Ковеля. Куда она и стала выдвигаться, но по пути, как указывает Москаленко, попала в болотистую местность, где потеряла часть танков и в результате не выполнила поставленной задачи⁹⁰⁷.

♦

Справка. Вновь вынужден обратить внимание читателей на то, что во всех трех основных особых округах на западной границе СССР командование округов не довело до сведения командования подчиненных ему армий, корпусов и дивизий содержание разработанного по майской директиве ГШ детального плана обороны государственной границы

⁹⁰⁷ Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1941—1943. Воспоминания командарма. Кн. 1. М., 1979, с. 25—26.

в части, их касающейся. За это вина лежит полностью на командовании округов и на Жукове, как начальнике ГШ. Соответственно эти соединения не располагали «красными пакетами», содержание документов которых было бы скорректировано с учетом нового плана. В соединениях и частях, как правило, хранились старые «красные пакеты». Их не изымали. Некоторые из них в качестве трофеев попали к немцам, а затем, будучи возвращенными на родину, со временем стали доступными для исследователей. Так вот, что касается задач 22-го МК, то они были таковы: «22-й МК организационно подчиняется командованию 5-й армии... В случае начала боевых действий корпусу предписывается... оставив резерв в распоряжении командующего 5-й армии, сосредоточиться к 5:00 М-3 в районе иск. Ковель, Шайно, Торговище, Хорodelец... Быть готовым к нанесению контрударов в направлениях: Ковель-Брест, Ковель-Любомль, Ковель-Влодзкеж...»⁹⁰⁸ Проще говоря, получается, что утопление в болотах было предусмотрено заранее...

Так вот и спрашивается, на кой же хрен нужно было такое планирование? Что, никто не знал, что на этом пути болотистая местность?! Более того. По официальному плану отражения агрессии механизированные корпуса должны были помочь стрелковым частям выбивать вклинившегося в нашу оборону врага. Проще говоря, исходя из такой задачи, с началом боевых действий они должны были выдвигаться главным образом перпендикулярно к границе, где и должны были выполнять свои обязанности. Вместо этого у них у всех (по крайней мере, у подавляющего большинства из них) были предписания мотаться туда-сюда. Причем на большие, а в отдельных случаях и на огромные, превышавшие даже моторесурс машин расстояния. Преимущественно параллельно границе. Да еще и под бомбежками противника. Кстати говоря, в аналогичном положении был и 9-й МК во главе с Рокоссовским. Ему предстояло преодолеть 250 верст до соприкосновения с противником. Да в общем-то это было повсеместное явление как в КОВО, так и в ПриОВО и ЗапОВО.

ЦА МО РФ. Ф. 131. Оп. 9777сс. Д. 4.

Короче говоря, при таком планировании утверждать, что «Генеральный штаб достаточно подробно разработал план обороны государственной границы в полосе Киевского Особого военного округа», означает только одно: что именно Генеральный штаб под руководством Жукова подробно разработал план, явно не соответствовавший сложившейся к началу войны обстановке. Хуже того. Также утвердил весной 1941 г. такую дислокацию войск округа, которая не соответствовала угрозе возможного нападения. Все это в совокупности и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны. Только вот непонятно следующее. Почему за такие преступные ошибки как высшего, так и окружного командования должен отвечать Сталин?

Взять хотя бы такой, по сию пору крайне актуальный в отечественной историографии Великой Отечественной войны, вопрос, как определение направления главного удара противника. Не имея никаких на то оснований, кроме клановых интересов «киевской мафии», преследовавшей политические цели, центр тяжести всех усилий в подготовке к отражению агрессии был перенесен на КОВО. Причем с подменой принципа обороны и даже самого замысла единственного официального плана отражения агрессии. В итоге задолго до нападения благодаря действиям главарей «киевской мафии», тандема Тимошенко—Жуков, оказалось, что германское командование было полностью уверено в том, что «главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара, который будет нанесен их левым крылом». Проще говоря, такая их уверенность в сочетании с действиями самого тандема жестко, а, самое главное, в точности воспроизводила то, что Тухачевский изложил в своем «Плане поражения». Ведь центр тяжести был перенесен на КОВО, на Украинское направление.

А если обратиться к вопросам обороны, то прежде всего надо указать, что Жуков и Тимошенко прекрасно знали, что в современной войне оборона должна быть глубоко эшелонированной, о чем они сами и говорили на декабрьском 1940 г. совещании высшего командного состава РККА. Однако когда разведка стала информировать их о том, что, по мнению германского командования, советская оборона на западных границах слаба, в том числе и вследствие отсутствия ее глубокого эшелонирования, то подобные сообщения разведчиков попадали в разряд сомнительных и дезинформационных материалов (?!).

Информацию по этим вопросам направляли в Центр и Альта — Ильзе Штёбе, и Рамзай — Р. Зорге, а также другие агенты и разведчики. Так, еще 2 мая 1941 г. Р. Зорге сообщил, что, по мнению германских генералов, «система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба»⁹⁰⁹.

19 мая 1941 г. — «стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши»⁹¹⁰. Его информация от 19 мая в очередной (и который!) раз тыкнула и ГРУ, и всему высшему военному руководству СССР, что нападение Германии произойдет не по двум направлениям, чего они так уперто ожидали, а по трем. О чем с самого начала поступления конкретизирующих план нападения сведений гласила вся разведывательная информация. Увы...

1 июня 1941 г. Р. Зорге сообщил, что немцы считают большой тактической ошибкой и даже величайшей ошибкой то обстоятельство, что оборонительная линия СССР расположена в основном против немецких линий *без больших ответвлений*⁹¹¹. Так несколько коряво

он информировал о том, что германскому командованию известно об отсутствии глубокого эшелонирования в системе советской обороны на западных границах. Между прочим, на это же указывали и сообщения других агентов и разведчиков, в которых прямо говорилось, что германское командование уверено в успехе блицкрига, так как уверено в слабой обороне советских войск на западной границе, которую оно намеревалось проломить особо массированными ударами. Все это, подчеркиваю, не раз и не два сообщалось в Москву. Зорге, например, последний раз перед нападением сообщил о слабости советской обороны 20 июня: «Стратегические оборонительные позиции до сих пор еще более небоеспособны, чем это было в обороне Польши»⁹¹².

Мужественная Ильзе Штёбе (Альта) сообщала о том, что германское командование радо возможности осуществить вариант Канн⁹¹³. Как бы предупреждая тем самым о стратегической опасности «безграмотного сценария», который Тимошенко — Жуков незаконно и негласно протаскивали в жизнь, закачивая громадные силы и средства в Белостокский и Львовский выступления. Кстати говоря, еще один агент — ХВЦ, он же Герхард Кегель — предупреждал о том же, ссылаясь на ситуацию с разгромом польских войск в Кутно, где германское командование использовало схему Канн⁹¹⁴. Увы...

Так что шансы и возможности обратиться на все это пристальное внимание были и очень даже немалые, но, увы...

Увы-то увы, но если сведения Альты на этот счет просто не включались ни в какие сводки, то информации Р. Зорге едва ли не с ходу относили в разряд сомнительных и дезинформационных материалов.

⁹⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 683—684.

⁹¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 381.

⁹¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 424. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия.

⁹¹² Фесюн А.Т. Дело Рихарда Зорге. Известные документы. СПб.-М., 2000, с. 121.

⁹¹³ Лота В. «Альта» против «Барбароссы». М., 2004, с. 303.

⁹¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87—98.

Если по-простому, то до сведения Сталина информации подобного типа не доводились (кстати говоря, во время одной из встреч с Черчиллем Сталин так прямо и сказал, что и его разведка, бывает, не все ему докладывает). Так, например, поступили с телеграммой Зорге от 1 июня, в которой говорилось не только об отсутствии глубокого эшелонирования, но и о том, что наиболее сильный удар супостаты нанесут своим левым крылом. Эта часть его информации по указанию руководства ГРУ не была включена в информацию для руководства СССР.

Искренне жаль, что Зорге не смог сразу все сообщить в той телеграмме от 1 июня, чему есть определенное объяснение. В это время японская радиоконтрразведка уже усиленно охотилась за его радиопередатчиком, и он не мог подолгу «висеть» в эфире. Его запросили о том, что он имеет в виду под выражением «величайшая ошибка», и он ответил, но ответ-то пришел только 3 июля, когда уже было поздно. Советские войска вдребезги проиграли приграничные сражения.

Ну, а все изложенное выше в сумме дает, во-первых, конкретный ответ на вопрос о том, почему и в КОВО тоже появился статический фронт «узкой лентой» с низкой линейной плотностью войск, а, следовательно, почему и в этом округе была слабая оборона. Ведь если план обороны государственной границы в полосе компетенции КОВО, как указано выше, был разработан в Генштабе, который не предусмотрел глубокого построения обороны, то выходит хуже того. Он был неадекватный реальной обстановке. А то, что, по мнению некоторых историков, этот план был еще и подробный, увы, означает, что неадекватность плана обстановке была сознательно проработана.

Далее этот не столько серьезный, сколько преступный дефект автоматически перекочевал и в окружной план, а затем и в армейские планы этого округа! То есть непосредственным виновником

такого построения войск, способность которых не только к обороне, но и даже к прикрытию, в том числе и самих себя, была более чем сомнительна, является Генштаб времен Жукова! За что его и припечатал великий Рокоссовский, да цензура вмешалась.

Естественно, что сей стратегически абсолютно «безграмотный сценарий» вступления вооруженных сил в войну без соответствующего приложения усилий со стороны Тимошенко не обошелся. В то время Жуков и Тимошенко все время и во всем действовали дуэтом. Дуэтом же их и выгнали с занимаемых постов. Правда, уже после того, как трагедия не только разверзлась, но и, ширясь от мгновения к мгновению, неумолимо двигалась на восток, к Москве. Выгнать их надо было значительно раньше и, возможно, не только выгнать... Увы, но Сталин действительно был неисправимо доверчивый гуманист...

Во-вторых, все изложенное выше есть не менее убедительное доказательство того, что произошла негласная, незаконная и неофициальная подмена замысла единственного официального плана обороны СССР во всех его основных аспектах. В данном конкретном случае в части, касающейся КОВО. А Кирпонос тут всего лишь проводник «стратегической линии» дуэта Тимошенко—Жуков. И как проводник этой линии, в начале апреля 1941 г., например, он провел в районе Славута, Ровно, Изяслава и Шепетовки широкомасштабные учения «Марш и встречный бой усиленного кавалерийского корпуса, действующего на фланге армии». В нем принимали участие 5-й КК в составе 3-й и 32 кд, одна танковая, одна моторизованная и одна авиационная дивизии^{9,5}. В сущности, в этих учениях была задействована целая армия!

И вот что хотелось бы дополнительно отметить в этой связи. Стоило Жукову

^{9,5} Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 53.

всего лишь пару месяцев «порулить» Генштабом в паре с Тимошенко, как нацистские аспиды весьма резво уяснили себе не только характер радикальных перемен в сути дислокации группировки советских войск приграничных округов (особенно в КОВО), но и характер радикальных изменений в замысле советского командования, а также суть того, что означает этот «неожиданный подарок» нового главы ГШ РККА и что из него можно выжать.

Февраль 1941 г. Жуков всего один месяц на посту главы Генштаба. А начальник штаба группы армий «А» — она же первоначально ГА «Краков», она же в момент нападения на СССР ГА «Юг», — генерал пехоты фон Зоденштерн сделал следующий вывод: «...Если вообще можно говорить о сосредоточении главных сил русских при их теперешней группировке, то оно находится в Киевском особом военном округе...»⁹¹⁶ Ранее этот пример уже приводился, но без акцента на время, когда Зоденштерн сделал такой вывод. Но сейчас, когда анализируется ситуация в КОВО, именно это обстоятельство наиболее важно. Жуков всего один месяц на посту главы Генштаба, да и Кирпонос тоже без году неделя сидит в КОВО, а начальник штаба противостоящей Киевскому округу группировки противника уже сделал такой вывод.

Март 1941 г. Жуков уже два месяца на посту начальника ГШ. А начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Галь дер делает следующий вывод: «Бросается в глаза скопление войск на Украине... Анализ группировки русских войск (если отказаться от убеждения, что русские хотят мира и сами не нападут) заставляет признать, что их группировка вполне позволяет быстро перейти в наступление, которое было бы для нас нежелательно»⁹¹⁷.

⁹¹⁶ Филиппы А. Приютская проблема. М., 1959, с. 155.

⁹¹⁷ Военно-исторический журнал. 1959, № 2, с. 82.

Комментарий. Ранее уже приходилось прибегать к этим примерам. Увы, но приходится повторять, дабы все было понятно, ясно и четко. Примечание в круглых скобках принадлежит перу самого Гальдера. Обратите особое внимание на то, что в мирных намерениях советской стороны он убежден. А для допущения иных мыслей ему приходится на время отказаться от этой убежденности. Правда, после войны, на допросах у американцев, он «убежденно», едва ли не в категорическом тоне бубнил о неких советских наступательных намерениях. Однако, как уже отмечалось, даже абвер и разведотдел возглавляемого им ГШ сухопутных войск не располагали какими бы то ни было данными на этот счет. Более того. И те и другие уверенно расценивали все советские мероприятия как оборонительные. А после нападения так и не смогли найти среди захваченных советских документов даже одной бумажки, чтобы хоть как-то доказать, что-де Советы готовились к нападению и тем самым оправдать свое, якобы превентивное нападение. Но в то же время последний факт — что не нашли ни одной бумажки, чтобы подтвердить свою ложь о якобы советских агрессивных намерениях, — неплохо иллюстрирует один из основных тезисов автора настоящей книги. Тезис о том, что подмена сути единственного плана отражения агрессии была произведена не только негласно, неофициально и незаконно, но и без какого-либо оставления письменных следов, ибо основные вопросы, связанные с этой подменой, были решены именно в устной форме, к тому же в приватном порядке.

♦

Прочитав эту запись Гальдера, только и остается, что воскликнуть: вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Жуков всего-то два месяца на посту главы Генштаба, и уже, что называется, «приплыли!» Снопостаты, выходит, уже фактически точно вычислили и истинное предназначение концентрируемой в КОВО группировки наших войск, и, что хуже всего, направление главного удара в случае немедленного встречно-лобового контрнаступления. Или, если использовать выражение Гальдера, куда направит свой контрудар группировка советских войск, которая «вполне позволяет быстро перейти в наступление, которое было бы для нас нежелательно».

Увы, так оно и было. Когда Зорге направлял свои телеграммы от 1 июня, а

затем и дополняющую ее телеграмму от 3 июля, то он отметил, что первоисточником его информации был германский ВАТ-подполковник вермахта Шолл, который, Зорге прямо это указал, выехал из Берлина в Бангкок (Таиланд) еще 3 мая. Значит, сведения, которыми он располагал, относились к более раннему сроку. Ведь Шоллу стала известна аналитическая оценка абвера и германского генштаба советской обороны. А чтобы назвать суть советской обороны «большой тактической ошибкой», надо было располагать обширной и детальной разведывательной информацией заранее, чтобы затем ее проанализировать и сделать те самые аналитические выводы, которые Шолл и узнал в Берлине.

Следовательно, не позднее чем к середине апреля 1941 г. нацистские стратеги уже едва ли не с абсолютной точностью разобрались с тем, что натворили Жуков и Тимошенко. А к началу мая они вообще перестали даже опасаться варианта «активной обороны» со стороны РККА, предполагавшей организованный отход войск. Потому как окончательно уверовали в то, что советские войска ориентированы на операцию контрвторжения, на немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения. Причем по двум направлениям — на Юго-Западном (основное) и Северо-Западном (вспомогательное)! Потому-то и радовались, так как только в этом случае они могли добиться грезившегося им успеха в блицкриге. А основа основ этого успеха им виделась в наиболее мощном ударе по центру советской обороны, то есть по Западному округу, а в рамках последнего — по центру его обороны, то есть на Брестском направлении, в полосе 4-й армии.

И плевали супостаты на то, что Тимошенко—Жуков концентрировали основные силы в КОВО, свалив впоследствии всю ответственность, в том числе и за это, на Сталина, когда Великого Льва не стало. Причем делали это, оперируя формулировками Тухачевского, что по меньшей мере более чем удивительно...

И вот что интересно в этой связи. Выжившие в той войне супостаты в генеральских погонах клянут в своих мемуарах Гитлера. Прежде всего за то, что-де лично фюрер навязал северный вариант главного удара, то есть «левым крылом», и прежде всего своими фанатичными высказываниями о том, что Ленинград как оплот большевизма должен быть стерт с лица земли. Да, он часто об этом говорил. Однако давно и документально доказано, что не Гитлер, а сами герры генералы, причем штабные, навязали это решение, начало которому было положено «этюдом Лоссберга». К слову сказать, не менее любопытно и то, что, когда герры генералы стали склоняться к этому варианту, советский нарком обороны С.К. Тимошенко все чаще стал бурчать о некоей предпочтительности для супостатов главного удара на Украинском направлении. С чего это такая синхронность?!

Поразительно, но факт, что наши маршалы и генералы в подавляющей своей массе «собак» за трагедию 22 июня и за всю войну навешали на Сталина. У супостатов, что ли, научились? Едва не расстрелянный за связь с заговором Тухачевского Мерецков, Жуков (прежде всего), а также подпевавший им Василевский обвиняли Сталина в том, что-де по мотивам фанатичного преувеличения экономического значения Украины для Гитлера он навязал Юго-Западное направление как якобы главное для вермахта. Причем, подчеркиваю, использовали формулировки Тухачевского!

Но вот ведь какое дело получается. Как уже указывалось ранее, документально точно известно, что нацистским стратегам хорошо было известно, что Тимошенко и Жуков точно знали о трех их группировках и трех направлениях главного удара, но тем не менее уперто ожидали такого варианта событий, который в итоге и привел к трагедии. Ранее уже отмечалось, что в фондах Политического архива МИД ФРГ хранится ряд донесений, поступивших в мае—июне 1941 г.

из Москвы в Берлин через германский разведцентр в Праге «Информационштелле III», а также по другим каналам. Так вот, среди документов этого фонда есть не вызывающее никаких сомнений у специалистов одно даже в ретроспективе убийственное сообщение германской разведки. Из содержания этого сообщения видно, что супостатам было известно, что Генеральный штаб РККА (то есть лично Жуков) считал возможным удар Германии по трем направлениям. Первое — из Восточной Пруссии на Ленинград. Второе — из района Варшавы через Брест, Минск и Смоленск на Москву. Третье — из района Люблина и с территории Румынии — на Киев. Супостаты знали об этом еще по состоянию на май месяц 1941 г., а Жуков после войны нагло всех уверял, что он ни хрена не знал о плане супостатов. А когда ему предъявили соответствующие документы, которые свидетельствовали о том, что он нахально лжет, то с ним приключился острый шок. Интересно, что произошло бы с Жуковым, если еще при его жизни была бы возможность предъявить ему указанные выше данные из германских архивов? Надо полагать, одним изумлением и шоком дело не обошлось бы — наверняка пришлось бы вызывать реанимацию ...

Но для нашего разведывательно-исторического исследования наибольший интерес представляет другое сообщение, хранящееся в этом архиве МИД ФРГ. Это сообщение германской агентуры из Москвы о том, что «наиболее вероятным и опасным направлением возможного удара Германии по СССР в Кремле считают северо-западное — из Восточной Пруссии через Прибалтийские республики на Ленинград, что именно здесь, *по мнению советского руководства*, должны будут развернуться главные сражения германо-советской войны⁹¹⁸.

^{9,8} Вишнёв О. В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001, с. 66. Вишнёв в свою очередь ссылается на документы Политического архива МИД ФРГ.

Это сообщение свидетельствует о том» что в Кремле, а в те годы, как, впрочем, и ныне, такое выражение означает только первое лицо российского государства, то есть для того времени непосредственно Сталина, всерьез прогнозировало, как минимум, 50 % сути основного замысла «Варианта Барбаросса». Проще говоря* 50 % замысла главного удара левым крылом вермахта.

Но одновременно это означает, что все байки и сказки Мерецкова, Жукова, Василевского и других насчет сталинского указания о приоритете Юго-Западного направления для германского командования даже не байки и не сказки. Это просто наглая и подлая ложь! Во имя оправдания самих себя в том преступлении, которое они совершили накануне войны, в результате чего советский народ вынужден был положить на алтарь Победы 27 миллионов полных светлых помыслов и созидательных сил жизней наших с вами соотечественников.

Но вернемся к словам Гальдера о том, что группировка советских войск на Украине «вполне позволяет быстро перейти в наступление, которое было бы для нас нежелательно». Гальдер был очень опытным генштабистом и хорошо понимал значение и суть разведданных. Да и абвер, к слову сказать, увы, отнюдь не из профанов состоял. Как и любая солидная военная разведка, абвер, как правило, весьма быстро и точно устанавливал истинный характер группировок войск противника. По крайней мере, в то время еще вполне профессионально и быстро это делал.

Комментарий. Правда, чуть позже, уже во время войны, при активном «содействии» советских разведывательных служб и очень жестком противодействии советской контрразведки, особенно военной, с 1943 г. СМЕРШ, у германских разведчиков и мозги, и зрение изрядно притупились. Из-за этого им вечно мерещилась фигура там, где в действительности Верховное Главнокомандование СССР готовило мощнейший ку-

лак, который затем вышибал супостатам мозги и ломал им все кости.

И поскольку Гальдер, опираясь на данные разведки, написал — «вполне позволяет быстро перейти в наступление», — то выходит, что он откровенно допускал, что перед этой группировкой поставлена задача немедленного ответного удара. То есть в формате немедленного встречно-лобового контрнаступления! Но если группировка войск в Киевском округе действительно была бы сугубо ударно-наступательной, то он написал бы иначе.

Гальдер не мог не допустить сделанного им вывода, во-первых, потому, что в военном командовании СССР все еще господствовала навязанная со времен Тухачевского идиотская концепция немедленного ответного удара на удар, мол, воевать будем малой кровью на чужой территории. Супостаты об этом знали. Во-вторых, потому что к этому времени, как уже отмечалось еще в первом томе, произошла серьезная утечка к немцам совершенно секретной информации особой важности. То есть о замысле единственного официального плана отражения агрессии. Вспомните приводившийся ранее факт того, что 4 января 1941 г. Сталину было доложено сообщение резидента ГРУ в Белграде генерал-майора А.Г. Самохина, в котором содержались выдержки из доклада югославского генштаба, одна из которых гласила: «...Россия имеет новый оперативный план... где центр тяжести будет лежать на советско-венгерско-словацкой границе... Верховное командование Красной Армии считает, что это приведет к отсечению немецких войск от баз и уничтожению их...» Это и есть суть замысла единственного официального плана, точнее его второй части. Ибо контрнаступление планировалось осуществить только после сдерживания и отражения первого удара противника активной обороной и активными действиями по сковыванию его сил,

под прикрытием чего должны были быть осуществлены отмотилизование и сосредоточение основных сил советских войск. И только затем и только при наличии благоприятных условий переход в решительное контрнаступление.

Но Гальдер-то отметил, что «группировка вполне позволяет быстро перейти в наступление», то есть, по сути дела, без учета отмотилизования и сосредоточения основных сил советских войск. А на такое, если, например, прибегнуть к языку кавалеристов, рвануть «с места в карьер» в наступление, могла быть способна (если способна) только та группировка войск, которая изначально была нацелена на немедленное встречно-лобовое контрнаступление по факту нападения. Что, в сущности-то, и зафиксировал Гальдер. Да и как ему было не зафиксировать самую суть того, что мы сейчас анализируем, если германская разведка уже установила, что «главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара». А советская разведка благодаря Р. Зорге установила в конце концов, что супостаты давно уже радуются этому обстоятельству.

Более того. Откровенно говоря, и у Гальдера, и у его подчиненных, и у германской разведки были все основания сделать такие выводы. Потому как генеральный лейтмотив — «главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара» — означал серьезный успех их дезинформационной акции. Той самой, которую абвер осуществлял на основании указания штаба ОКВ от 6 сентября 1940 г. о мероприятиях по дезинформационному прикрытию подготовки к нападению на СССР. Ведь в п. 2 этого указания прямо говорилось следующее: «2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы Генерал-Губернаторства, в

протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика». Проще говоря, создавать впечатление, что все усилия германского командования сдвинуты на Юго-Восточное направление, которое для советского командования означало Юго-Западное. И не имея никаких документальных подтверждений тому, едва ли не поголовно состоявшее из членов «киевской мафии» высшее советское военное командование как в центре, так и в КОВО охотно «проглотило» эту дезинформацию.

Но, как говорится, пришла беда, открывай ворота. Беда заключалась еще и в том, что практически одновременно нацистские стратеги вычислили и один из главных по вредоносности элементов тимошенко-жуковского немедленного встречно-лобового контрблицкрига по факту нападения. Если по дневнику Гальдера, то там было указано, что «русские полны решимости удерживать свои границы». Ранее об этом уже говорилось. Тем не менее еще раз обратите внимание на то, что не просто полны решимости дать отпор, о чем Москва и так открыто заявляла, а именно же полны решимости удерживать границы. Естественно, что плохо не то, что супостаты это зафиксировали. В конце концов в мире нет ни одного государства, которое не было бы преисполнено такой решимостью, ибо это принципиальнейший вопрос его суверенитета и территориальной целостности.

Крайне плохо то, что супостаты точно вычислили отказ советского командования от использования принципа «активной обороны» и переход на «жесткую оборону» (по Тимошенко—Жукову — «упорная оборона») на линии государственной границы и в прилегающей к ней приграничной полосе, что физически осуществить невозможно на такой протяженности!

И это действительно было так. До середины весны и даже до конца мая 1941 г. супостаты действительно еще опасались,

что Красная Армия, в порядке осведомления направления главного удара противника, может отступить на некоторое расстояние (то есть использовать вариант активной обороны) и предпринять что-либо в стороне от направления главного удара вермахта. Увы, но обо всем этом Зорге сообщил лишь 3 июля, когда приграничные сражения уже были проиграны. Но эти данные приведены именно потому, что, исходя из описания самого Зорге, они ориентировочно относились к середине апреля.

Комментарий. На одном из сайтов в Интернете были выложены некоторые оценки разведывательного отдела генерального штаба сухопутных сил Третьего рейха военных мероприятий советской стороны накануне 22 июня, которые ниже приводятся (выделения жирным шрифтом и подчеркивания мои. — А. М.):

«Секретно

верховное командование сухопутных войск

I. Оценка противника 20.5.41

В. Подозреваемые планы в общем.

1. При нападении с запада отступление массы сил и более-менее "бегство" без боя в глубину территории, как это было в 1812 году, *являются маловероятным.*

Причины:

а. Сильная привязанность всего русского военного управления к флоту и аэродромам в Балтике и необходимость опоры южного фаса на Чёрное море.

в. Большая зависимость военной промышленности от Украины Москвы и Ленинграда.

с. Если они намереваются сдавать территорию без боя, то тогда выдвижение которое настолько сильно привязано к границе имеет только цель отвлекающего манёвра и тем самым политического давления.

<1. Если политическое давление останется без эффекта, *то тогда отступление большинства сил в ограниченное время является невозможным*, если принять во внимание положение с железными дорогами в СССР, медлительность военного руководства и дефицит организаторских способностей.

Всё это должно привести к полному провалу передвижений и сделать организованное оперативное управление невозможным. Если принять во внимание эти условия, то уже сейчас должны наблюдаться эти намерения в виде транс-портов назад, так как проведение эвакуации опоздает. Однако подобное не наблюдается.

П — сегодняшнее расположение сил у границы (130—21—5—36) допускает следующие возможности их применения.

1. Превентивное наступление.

Это возможно с основой на военное выдвижение, а именно с сильным ударом из района Черновитц Лемберг (старое название Львова. — А. М.) в Румынию, Венгрию или в восточную Галицию, с дальнейшей сильной наступательной группировкой из Белоруссии в направлении Варшавы или восточной Пруссии. *Но превентивное наступление является маловероятным по следующим причинам.*

а. Военные причины.

Несмотря на частые надменные заявления русских и соответствующих высказываний о намеренном наступлении можно предположить, что верховное военное командование знает, какой низкий уровень обучения господствует в РККА, и также знает внутреннюю слабость армии. К этому прибавляются сегодняшний переход к другим методам обучения который вызывает неуверенность, и который не создаёт подходящую основу для наступлений, а скорее слабость.

в. Политические причины.

Тот факт, что СССР не использовал гораздо более подходящие возможности для превентивного удара (слабые силы на востоке, война на Балканах), а также в последнее время СССР политически идёт на встречу, и старается избегать политических трений, заставляют выглядеть маловероятными намерения СССР к нападению.

2. Далее маловероятным выглядит изменение русских сил в продолжительных боях. Для этого необходимо своевременное отступление массы сил от границы и потом полная перегруппировка выдвижения, а так же сдача важных территорий. Это затрудняется неповоротливостью верховного и среднего военного командования, плохой работой разведки, а также слабостью транспортной сети. Дальнейшим затруднением является напряжённое внутринеополитическое положение в захваченных Россией территориях, особенно в Балтике.

3. Жёсткая оборона у границы, с частичными наступлениями в начале войны и во время операций как контрнаступления против прорвавшегося противника. Эти *планы выглядят самыми вероятными* по причине политической обстановки и выдвижения, которое наблюдалось до сих пор. Продолжительность границы (Чёрное море — Балт. море примерно 2000 км) вынуждает обороняющегося к созданию основных точек обороны и избеганию распыления его сил. Эти основные точки обороны определяются особенностями местности, путями сообщения.

а. Украина с обеих сторон от линии Лемберг—Бердичев Киев.

в. Белоруссия с обеих сторон от линии Белосток—Минск—Москва.

с. Балтийский хребет

Они будут обороняться опираясь на УРы на глубине до 30 км от границы, но на основных точках обороны можно рассчитывать на наступательные удары с ограниченной целью (местная наступательно проводимая оборона) для срыва наступательных операций противника и переноса боевых действий на территорию противника, там где русские чувствуют себя превосходящими. Далее нужно рассчитывать на наступления многочисленных подвижных тыловых частей против флангов прорвавшихся танковых клиньев.

Похоже что для этой цели у них эти группы систематически распределены за линией фронта (южная Бессарабия, Проскуров, Барановичи, Вильнюс, Псков). Сомнительно, удастся ли им использовать для этой цели подвижные подразделения которые заняты на фронте (кав. див. танковые и мот мех бригады, некоторые из них возможно будут использоваться для работ над укреплениями). В случае нападения превосходящих сил противника нужно рассчитывать на то, что они будут отступать шаг за шагом до линии Днепр—Двина, но им нужно будет окончательно удерживать эту линию так как в обратном случае они потеряют жизненно важные территории. В этом случае русские будут использовать тыловые УРы для создания новой линии обороны. ВА МАРГ:БигдРН 2/1983

секретно

верховное командование сухопутных войск.

13.6.41 ОепЗМН О Ои 4 АЫ Рг Н Оз! (2)

40 копий

18-ая копия доклад 5

... 2. С 20.5 в основном имели место следующие изменения: общие силы красной армии в европейской части СССР повысились на 5 стрелковых дивизий, 2 танковые дивизии и 1 мот мех бригаду до в общем 150—25,5—7—38. Внутри отдельных группировок сил имели место перегруппировки, а также обмен войсковыми частями. Сильные подвижные группы в южной Бессарабии и Черновице непосредственно на границе и доклады о дальнейшем выдвижении к нижнему Пруту и наличие переправочного материала *заставляют выглядеть местные наступательные удары русских не невозможными*. Имеет место дальнейшее уплотнение на границе в Литве. В остальном общем, как и ранее ожидается оборонительное поведение. ВА-МА Рге1Бигд ВН 19 И1/722»⁹¹⁹.

⁹⁹ 3(гаи\$8, №о1Г\$ап\$. «ип1егпебшеп ВагЪагоза иле! с1ег Яиздзсбе Н1\$олкер5(гек). МОпсьеп. 1998.

3. 190. Приводится по: Ы1ф://тШ(ега.Бог(1а.п!/?1-10-0-00000003-000-0-0-1278501096

Увы, но и на этом беда не исчерпывалась. Дело в том, что, вычислив это, супостаты одновременно получили и одно из серьезных доказательств того, что советское командование вознамерилось использовать один из главнейших компонентов стратегии блицкрига — доктрину воздушной войны Джулио Дуэ. Это явственно вытекало из фиксированной супостатами передовой дислокации советской авиации приграничных округов. Ибо только эта доктрина предусматривала жесткие оборонительные действия сухопутных войск, пока собственная авиация громит противника. Гальдер-то после войны вовсе не случайно констатировал, что русское командование потерпело сокрушительное поражение со своей ставкой на «жесткую оборону»⁹²⁰.

Проще говоря, к середине — окончанию весны 1941 г. супостаты достаточно четко и окончательно разглядели ставку советского командования на жесткую (упорную) оборону на линии границы статическим фронтом «узкой лентой». А такой вариант, как правило, имеет место быть только в том случае, если планируется немедленное встречно-лобовое контрвторжение/контрблицкриг (хотя в таких дефинициях супостаты не рассуждали). Именно в этом случае происходит максимальная концентрация сил на флангах, что супостаты и фиксировали, при ослаблении на других участках, что в наиболее яркой форме у нас и проявилось, в том числе и в КОВО.

Вот почему и с полным на то основанием еще на совещании 30 марта 1941 г. Гитлер констатировал явный отказ советского командования от использования «активной обороны», которая и предполагала возможность организованного отхода. Уже располагая данными своей разведки, 30 марта 1941 г. фюрер заявил

⁹²⁰ Цит. по: Орлов А. Сталин: в преддверии войны. М., 2003, с. 407.

своим генералам: «...бескрайние просторы территории (России. — Л.М.) делают необходимой концентрацию сил на решающих участках. Массированное использование авиации и танков на основных направлениях. Авиация не сможет одновременно обработать этот гигантский район; в начале войны она сможет установить свое господство лишь на отдельных участках этого колоссального фронта. Поэтому ее использование должны проводиться в теснейшей связи с операциями сухопутных войск. Русские не выдержат массированного удара танков и авиации.

Вопрос о русском отходе: маловероятен, т.к. русские связаны с Прибалтикой и Украиной. Если русский задумает отступить, он должен сделать это весьма заблаговременно, иначе не сможет отойти, сохраняя боевые порядки»!'*

Между тем, выступая перед своими генералами 9 января 1941 г., Гитлер уже требовал от них категорически не допустить «фронтального оттеснения» советских войск. А такая опасность могла угрожать германским войскам только в случае использования советским командованием принципа активной обороны и активных действий по сковыванию сил противника, что и предусматривал единственный официальный план отражения агрессии. Увы, но к 30 марта 1941 г. Тимошенко—Жуков и К° безупречно доказали супостатам и их главному аспиду, что этого не будет; а будет жесткая (упорная) оборона на линии границы статическим фронтом «узкой лентой» при низкой линейной плотности войск и огневых средств, так как советское командование собралось в немедленное встречно-лобовое контрвторжение/контрблицкриг по факту нападения, что требовало концентрации основных сил и средств на флангах.

⁹²¹ Из военного дневника генерал-полковника Франца Гальдера. Цит. по: Якобсен Г.-А 1939—1945. Вторая мировая война / Пер. с нем. М., 1995, с. 142.

Соответственно на совещании 30 марта 1941 г. Гитлер уже настойчиво потребовал от своих генералов самых решительных прорывов самыми максимальными силами при самой максимальной их концентрации на решающе ключевых участках! Проще говоря, потребовал шквального таранно-штурмового пролома советской обороны! А действительно, чего же не потребовать такого образа действий, если советское командование практически везде выставляет статический фронт «узкой лентой» с низкой линейной плотностью?! Проще говоря, фронт из... брешей. К тому же, основные силы Советов сконцентрированы в противоположном от главного удара вермахта направлении.

У специализирующихся на псовой охоте охотников есть такой профессиональный термин — «собаки заложились по-зрячему», который означает следующее. Пока гончие псы идут только по следу зверя — их лай один, но как только собаки визуальнo зафиксировали преследуемого зверя, то немедленно лай становится другим, более звонким, то есть гончие как бы извещают своего хозяина, что видят зверя и «висят» у него «на хвосте». Отсюда и термин — «заложились по-зрячему». Так вот, с указанного выше момента и супостаты, что называется, «заложились по-зрячему». Правда, не лаяли, а интенсивно распускали всевозможные дезинформационные слухи.

Прекрасно зная, например, о кратном превосходстве группировки РККА в количестве боевой техники, они были практически абсолютно уверены в том, что хватит и тех сил, которые были выделены для нападения на Советский Союз. Они четко уразумели следующее. При указанных ранее «особенностях» и «странностях» дислокации советских войск, при отказе от активной обороны, удар через очевидные супостатам бреши (в том числе и в виде умышленного, заблаговременного открытия фронта путем создания многокиломе-

тровых по ширине брешей) в жесткой обороне «узкой лентой» статического фронта будет чудовищно мощным. Настолько, что советские войска не устоят, тем более в случае внезапного нападения. В том они и видели фактически абсолютную гарантию успеха своего блицкрига. В том числе и на Юго-Восточном (для СССР — на Юго-Западном) направлении.

И вот что еще любопытно в этой связи. В феврале 1941 г. берлинская резидентура НКГБ получила от своего проверенного агента Экстерна любопытное сообщение. Оно гласило, что вскоре после заключения договора о ненападении от 23.08.1939 германский генштаб заказал известному белоэмигранту генералу П. Краснову аналитический обзор на тему «Поход Наполеона на Москву в 1812 г. Теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX в. и возможные последствия подобной акции». Об этом говорилось еще в первом томе. В данном случае важна даже не глобальная причина такого заказа, ибо она ясна и без объяснений. Уже тогда зуд рвануть в очередной блиц-«Дранг нах Остен»-криг одолевал Гитлера и его военных. Важно прежде всего то, что руководящие штабные супостаты хотели проверить, сохраняются ли в РККА господствовавшие до 1937—1938 гг. прогерманские взгляды на стратегию и тактику. Ведь именно об этом свидетельствовали, во-первых, аналитический характер заказанного обзора, а, во-вторых, требование провести именно теоретический разбор вопроса о возможности такого похода. А взгляды-то на стратегию и тактику у советских и германских генералов были принципиально идентичными, разница была в названии использовавшихся терминов. У них блицкриг, у нас — глубокая наступательная операция. Удивительного в такой идентичности ничего нет, ибо взгляды эти выросли из одних и тех же корней, к тому же в условиях негласного сотрудничества между рейхсвером и РККА.

Заказ был неслучайным не столько потому, что штабные подходы супостатов, увы, отличались особой тщательностью. В конце концов это и так понятно. Особенно в русле стремления знать систему стратегического мышления противника, что обычно делают все генштабы. Заказ был неслучаен по другим причинам. Как уже указывалось ранее, при встречном сражении двух армий, изготовившихся к борьбе друг против друга по одной и той же технологии, в выигрыше окажется лишь та сторона, которая нападет первой, а, самое главное, внезапно. А суть выигрыша ставшей жертвой стороны будет заключаться именно в том, что ее система построения войск непригодна ни для прикрытия, ни тем более для обороны, особенно длительной. Кстати говоря, перед нападением супостаты сами испытывали опасения, что если Советы вдруг внезапно нанесут такой же удар, то система обороны вермахта не выдержит.

Руководящие штабные супостаты знали это еще с середины 30-х гг. Соответственно им было очень важно выяснить, напорется ли замышляемый Гитлером на перспективу блицкриг против СССР на немедленный встречно-лобовой контр-блицкриг в советском формате или нет? Если да, то это уже определенная гарантия успеха блицкрига, так как, подчеркиваю, войска жертвы в таком случае будут расположены так, что окажутся непригодны ни для прикрытия, ни для обороны, в том числе и длительной.

Увы и ах, но Тимошенко—Жуков и в целом вся «киевская мафия» более чем убедительно, а, самое главное, в кратчайшие сроки, особенно на примере КОВО (да и других округов тоже), умудрились убедить супостатов, что нацистский блицкриг получится. К глубочайшему сожалению, так оно и получилось на первых порах, особенно если учесть, что нацистские аспиды докатились едва ли не до стен древнего Кремля.

Комментарий. Особо хотелось бы отметить одну специфическую особенность насыщения ударных группировок вермахта вооружением. Супостаты еще зимой 1941 г. прекрасно знали, что у Красной Армии огромное количество, пускай и устаревших, по их мнению, но ведь танков же, которые по своему бронированию соответствовали основной массе легких танков вермахта, а по вооружению сопоставимы были со средними. Как указывалось ранее, в дневнике Гальдера есть запись от 3 февраля 1941 г., которая свидетельствует о том, что им было известно о 10 тысячах советских танков. И хотя из этой записи не очень-то понятно, имел ли Гальдер в виду общее количество танков в РККА или же только в приграничных округах на советско-германской границе, общее представление о количественной мощи бронетанковых сил РККА у них было. Кстати, частично и о качественной тоже, так как им было известно о тяжелом танке КВ. Так вот, это ни в коей мере не смутило супостатов, которые располагали кратно меньшим количеством танков. Даже если учитывать наличие в вермахте большого количества трофейных танков со всей оккупированной гитлеровцами Европы. Но посмотрите, как оригинально, а самое главное, дешево они решили проблему борьбы с советскими танками. До предела насытили едва ли не все сухопутные части, в том числе и непосредственно танковые дивизии, противотанковой артиллерией. А если учесть еще и хорошую насыщенность частей и соединений вермахта зенитной артиллерией, которую легко можно подключать к борьбе с танками, то и вовсе выходит, что таким образом они попросту свели на нет количественное превосходство советских бронетанковых сил. «Броня» наиболее массовых советских танков Т-26 и БТ первых серий пробивалась даже крупнокалиберными пулеметами, о чем свидетельствуют выжившие советские ветераны-танкисты.

У нас же, увы, все было ровным счетом наоборот. Мало того что противотанковая оборона накануне и в начале войны строилась из расчета 3—4 ствола на 1 км фронта, о чем уже говорилось в первом томе, так еще были свернуты планы производства прекрасных противотанковых пушек великого конструктора В.Г. Грабина. Ранее уже приводился пример с совершенно бесконтрольной со стороны НКО и ГШ реорганизацией зенитной и противотанковой артиллерии накануне войны. Что получилось в итоге — тоже говорилось. Однако кое-что добавить следует. Выдающийся конструктор отечественных артиллерийских систем Василий Гаврилович Грабин в своих очень долго (а почему, собственно говоря?) не издававшихся мемуарах указывает и вовсе на вопиющее положение дел с артиллерией. Оказывается, в результате прямых действий Главного артиллерийского управления (ГАУ) РККА под

руководством маршала Кулика в начале войны был спровоцирован острейший дефицит дивизионных пушек. Под предлогом того, что-де созданная В.Г. Грабиным пушка Ф-22 плохая, генералы втайне от конструктора сняли ее с производства еще накануне войны. Узнав об этом через год, Грабин тем не менее представил новую пушку — Ф-22 УСВ. Но генералы и тут все тормозили — эта пушка была в производстве всего лишь год — в течение 1940 г. Когда Грабин прознал, что и ее сняли с производства, то, обратившись к военному руководству с просьбой объяснить причины невыполнения правительственного постановления, великий конструктор получил по-генеральски идиотский ответ — мол, «мобилизационный план выполнен полностью»⁹²².

Но едва только началась война, оказалось, что и широко развертывать артиллерийский резерв попросту нечем. Особенно что касалось противотанковой артиллерии. Потому что не только способных пробивать усиленную тевтонскую броню 57-мм орудий был просто зверский дефицит. На всю РКК изготовили всего... 320 шт. стволов новых пушек ЗИС-2, но и те законсервировали, считая, что в вермахте нет танков с броней, которую стоит пробивать таким орудием! А в целом положение противотанковой артиллерии было аховое — в ряде армий едва наскребали четверть от штатно положенного количества тех же «сорокапятков».

Оно и не могло иначе получиться еще и потому, что в действительности и Киевский округ в целом тоже, особенно же его армии, вступил в войну, что называется, «без царя в голове», то есть без детально разработанных и серьезно проработанных планов обороны. И сколько бы другие исследователи ни утверждали обратное, реальность именно такова, какой она показана в предыдущей фразе.

Хотя бы, например, потому, что если подходить строго принципиально, то, вопреки всем утверждениям обратного порядка, официально утвержденного плана обороны государственной границы в полосе компетенции КОВО не было! Был только проект, поступивший в Москву слишком поздно. Как, впрочем, и от других округов тоже. Что же касается планов прикрытия, то, поскольку

между армейскими планами прикрытия и окружным планом прикрытия прямая связь — эти документы намертво взаимосвязаны, — необходимо отметить, что подлинная ситуация с ними была именно такой, какой ее, правда в очень мягкой форме, описал Великий Рокоссовский.

§ 2. Ответы генералов на первый вопрос Сталина. Аналитические комментарии к этим ответам. Общий комментарий к ответам на первый вопрос Сталина

Соответственно, отвечая на первый из интересовавших Сталина вопрос, бывшие командиры и начальники Киевского особого военного округа вели себя точно так же, как и командиры Прибалтийского и Западного округов. Напоминаю, что вопрос был сформулирован следующим образом: «1. Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?»

Генерал армии М.А. Пуркаев (бывший начальник штаба Киевского особого военного округа). «План обороны государственной границы был доведен до войск. Разработка его велась в апреле начальником штаба округа, оперативным отделом и командующими армиями и оперативными группами их штабов. В первой десятидневке мая армейские планы были утверждены военным советом округа и переданы в штабы армий. Планы армий по распорядительным документам были разработаны до соединений. С документами соединений в штабах армии были ознакомлены их командиры и начальники штабов, после чего они примерно до 1 июня были переданы на хранение в печатанных пакетах начальникам штабов.

Во всех частях и штабах соединений имелись планы подъема по тревоге. План обороны государственной границы дол-

⁹²² Грабин В.Г. Оружие Победы. М., 1989, с. 331, 457.

жен был приводиться в действие по телеграмме военного совета округа (за тремя подписями) в адрес командующих армиями и командира кавалерийского корпуса (имеется в виду 5-й кавалерийский корпус, командир корпуса, генерал-майор Ф.В. Камков. — А. М.). В соединениях и частях план действия должен был приводиться по условным телеграммам военных советов армий и командира кавалерийского корпуса с объявлением тревоги»⁹²³.

Комментарий. Удивительно, но факт, что командиры КОВО различных уровней, в отличие от командиров ПриОВО и ЗапОВО, указали даты составления своих ответов. М.А. Пуркаев, например, подготовил свой ответ еще 29 апреля 1952 г. На первый взгляд в ответе Пуркаева все вроде бы гладко. Однако это обманчивое впечатление. Планы именно обороны армий в этом округе не могли быть разработаны в апреле. В апреле они разрабатывали планы прикрытия. Ибо директива ГШ о срочной разработке плана обороны — № 503862сс/ов — для КОВО датирована 05.05.1941 г., авокругона поступила и того позже.

Следовательно, до получения директивы НКО и ГШ 503862сс/ов от 05.05.1941 г. Военным советом округа были рассмотрены и утверждены разработанные армиями планы прикрытия. А обратно в штабы армий они были направлены уже после получения указанной директивы. Так вот и спрашивается, неужели после получения директивы НКО и ГШ о разработке плана обороны государственной границы в уже разработанные планы прикрытия не следовало внести определенные коррективы?! Еще раз напоминаю, что хотя это и близкородственные планы, но тем не менее все-таки (серьезно) разнятся. Прикрытие — это одно, оборона — другое.

Небезынтересно заметить, что насчет непосредственно окружного плана обороны государственной границы до получения этой директивы Пуркаев вообще ничего не сказал. Был ли он разработан или нет — из его ответа непонятно. Во всяком случае, из того, что опубликовал ВИЖ, — понять невозможно. Но Пуркаев ничего не сказал и в отношении окружного плана после получения этой директивы. По крайней мере, на основании того, что опубликовал ВИЖ, приходится делать именно такой вывод. Ведь если уже имелся окружной план прикрытия, то после получения директивы от 5 мая в соответствии с ее требованиями должны были быть внесены изменения —

не внести не имели права. А сам новый вариант плана, теперь уже не прикрытия, а именно обороны, должен был быть представлен в ГШ. Соответственно изменениям должны были подвергнуться и ранее утвержденные армейские планы прикрытия. Но они-то уже в опечатанном виде были переданы на хранение в штабы армий. Увы, но по этому вопросу Пуркаев ничего не сказал, по крайней мере из того, что опубликовано, выходит именно так. Хотя известно, что за пару дней до начала войны новый окружной план обороны государственной границы, подписанный 2 июня, был представлен в ГШ за № А1—00249 от 19 июня 1941 г. И в итоге получилось, что новые планы, если и были отработаны в соответствии с директивой НКО и ГШ № 503862сс/ов, то вот воевать начали не по ним...

Короче говоря, Пуркаев нахально соврал. Официально утвержденного плана обороны в округе не было. Был только проект. Соответственно довести до сведения нижестоящих командиров они могли, если, конечно, доводили до сведения только положения проекта плана обороны. На самом же деле они и этого не делали, так как все разослали в опечатанных пакетах ранее утвержденные планы прикрытия. И больше голову себе не морочили.

Чем в реальности занимался штаб КОВО и лично Пуркаев, ранее уже говорилось. Они разрабатывали окружной вариант плана немедленного встречно-лобового контрблицкрига по факту нападения и готовили войска округа именно к этому. А тут, видите ли, еще до поступления директивы НКО и ГШ разработали планы обороны (хотя на самом деле это были планы прикрытия) и, даже не получив утверждения со стороны ГШ, куда представили новый план с колоссальным опозданием, раздали их по штабам армий. Мягко выражаясь, и черт сломит ногу в попытках разобраться в этом словесном слаломе генерала Пуркаева.

Но если все было так здорово, как он описал, то почему супостаты всего за 8 дней боев прорвались на глубину примерно 300 км в самом мощном округе?! Взгляните еще раз на приведенную выше карту-схему начальных боев КОВО-ЮЗФ, составленную Москаленко. Вот то-то и оно...

А то, что Пуркаев попросту лгал, выясняется из ответа бывшего заместителя начальника оперативного отдела штаба 5-й армии КОВО генерала А.В. Владимирского: «План прикрытия государственной границы в полосе 5-й армии, по существу представлявший наметку армейской оборонительной операции, имел ряд существенных недостатков. Так, например,

⁹²³ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 66—67.

предусматривался только один вариант развёртывания войск армии на приграничном оборонительном рубеже. Совершенно не учитывалась возможность нападения противника до занятия этого рубежа нашими войсками, на этот случай не были предусмотрены и подготовлены запасные рубежи в глубине и возможные варианты развёртывания на них войск армии...

Намеченная планом прикрытия группировка войск первого эшелона в обороне имела кордонный характер, с равномерным распределением сил по всему фронту, без уплотнения боевых порядков на наиболее важных направлениях. Не предусматривался фланговый маневр силами и средствами, перебрасываемыми со смежных участков...

Рассредоточенное расположение войск 5-й армии в пунктах постоянной дислокации и значительное удаление армейских и корпусных резервов от границы обрекали ее силы на запоздалое и разновременное вступление в бой в невыгодной группировке»⁹²⁴.

Комментарий. Как ни парадоксально, но ответ генерала Владимирского вызывает большее доверие, чем округло бессмысленная, но нахальная лож Пуркаева. Согласно утверждениям последнего, якобы план именно обороны государственной границы якобы был доведен до войск. Однако выше уже было показано, что в указанное время, то есть в апреле, они не могли осуществлять разработку планов именно обороны. В это время они осуществляли разработку планов прикрытия. Далее Пуркаев утверждал, что в первой десятидневке мая армейские планы были утверждены военным советом округа и переданы в штабы армий. Опять вранье. В первой десятидневке мая штаб КОВО мог утверждать только армейские планы прикрытия, но никак не обороны государственной фаницы. Но это еще не самая главная ложь. Главная ложь Пуркаева состоит в том, как конкретно описал суть плана прикрытия 5-й армии генерал Владимирский. Проще говоря, по словам Владимирского, выходит, что штаб округа утвердил не план прикрытия в полосе 5-й армии, а некую наметку некоей

армейской оборонительной операции, причем с таким количеством принципиальных изъянов, что Владимирский просто вынужден был даже годы спустя прямо указать на них.

Так вот и спрашивается, что, штаб округа наконец так поступил, утвердив не план, а какую-то наметку, да еще и с таким количеством принципиальных дефектов?! Кстати сказать, выражение «принципиальные дефекты» (или изъяны) мало что объясняет. Так что придется чуточку подробнее сказать о них. То, что написал в своем ответе генерал А.В. Владимирский, в переводе на термины нашего с вами разведывательно-исторического расследования означает, что, во-первых, эта наметка предусматривала всего лишь жесткую (упорную, если по Жукову-Тимошенко) оборону на линии границы. То есть налицо факт подмены принципа активной обороны, который фигурировал в единственном официальном плане отражения агрессии и что требовала та же директива НКО и ГШ № 503862сс/ов для КОВО, как и директивы для остальных западных округов от 5—14 мая! Во-вторых, генерал Владимирский достаточно ясно показал самое важное, что в итоге и привело к разгрому этой армии. Жесткую (упорную) оборону на линии государственной границы, а на самом деле упорное прикрытие (если, конечно, можно так выразиться) войска 5-й армии, особенно ее первого оперативного эшелона, должны были осуществлять группировкой кордонного характера с равномерным распределением сил по всему фронту. А это и есть статический фронт «узкой лентой» с низкой линейной плотностью войск и соответственно огневых средств тоже! Ведь в первый эшелон выводят не все войска, а лишь их часть, как правило, 30—40 %, максимум (изредка) 50 %. Соответственно примерно такое же количество огневых средств, прежде всего артиллерии, находится в первом эшелоне. Да, собственно говоря, Владимирский и сам это указал, что не было запланировано уплотнение боевых порядков на наиболее важных направлениях. Честно говоря, следовало бы написать «хотя бы на наиболее важных направлениях». Чтобы тут же, но закономерно упереться в один нелицеприятный вопрос: а удосужилось ли командование 5-й армии, не говоря уже о самом командовании КОВО, определить эти самые наиболее важные направления в полосе компетенции вверенной ему армии? Увы, ответа нет.

Кстати говоря, полоса компетенции 5-й армии составляла 174 км. И как в таком случае кордонного характера группировкой можно было обеспечить хотя бы прикрытие (об обороне уж и не говорю) государственной фаницы, если даже только сам факт этой самой 174-километровой ширины полосы ее компетенции уже означал, что ее устойчивость в обороне серьезно понижена. Если против норматива в утвержденном весной

⁹²⁴ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск № 40. М., 1960, с. 55—56.

1941 г. Уставе, то в 1,74—2,2 раза, в среднем без малого в два раза! Но как уже отмечалось ранее, это понижение устойчивости в обороне всего лишь: а) в рамках прямолинейной арифметической логики, то есть без учета иных факторов; б) против нормативного уровня по Уставу 1941 г.

На деле же реальная картина была куда трагичней, потому как ширина участка прорыва для армий вермахта определялась всего в 25—30 км! Соответственно, если считать только по нормативам, то у гитлеровцев уже получалось превосходство (округленно) в 3—4 раза! На деле же при указанной выше фактической ширине полосы компетенции 5-й армии она должна была испытать на себе мощь (округленно) как бы 6—7 вражеских армий! Однако на данном этапе в расчеты круто вмешивается «логика кровавой алгебры» боя, ибо у 5-й армии объективно более чем вдвое была уменьшена ее устойчивость в обороне. Проще говоря, в реальности 5-я армия должна была и действительно хлебнула лиха превосходства супостатов в диапазоне от 11 до 15 с лишним раз! Если же, принимая во внимание только что сказанное, учесть еще и концентрацию огневой мощи супостатов в прорыве, то реальный уровень их превосходства окажется в диапазоне как минимум от 33—45 до 60 раз! И именно же вследствие всех тех принципиальных изъянов, о которых написал А.В. Владимирский. Обращаю внимание, что это превосходство пока еще на уровне армий как высших тактических соединений. Конкретно же в дивизиях картина была куда трагичней. Но об этом чуть позже.

Конечно, в действительности, то есть на поле боя, как против 5-й армии, так и против любой другой советской армии, нацистские аспиды не представляли от 33 до 60 армий. У них просто не было столько сил. Речь идет о том, что мощь и сила, с которой супостаты обрушились на одну армию, в данном случае 5-ю, особенно если учесть кордонный характер ее первого эшелона и особенности шквального таранно-штурмового пролома прикрытия, были равны мощи и силе удара как бы 33 45 60 армий! И всего лишь потому, что у 5-й армии был слишком растянутый фронт обороны, кордонный характер первого эшелона, да к тому же она не имела уплотнения боевых порядков на наиболее важных направлениях, и как неминуемое следствие обладала объективно резко пониженной устойчивостью в обороне. А супостаты, напротив, предельно концентрировали свои силы на очень узких участках фронта прорыва, к тому же били в наиболее слабые места, прежде всего как бы на скос стыка 5-й и 6-й армий КОВО. Поэтому и получалось такое жуткое превосходство... формально из ничего. Проще говоря, из ВОЗДУХА!!! Ведь реального превосходства у немцев, подчеркиваю, просто не было!

В-третьих, А.В. Владимирский фактически прямо указал и комплексную причину поражения армии. В силу указанных выше обстоятельств, а также вследствие рассредоточенного расположения войск армии и значительного удаления армейских и корпусных резервов от границы, войска армии были обречены на запоздалое и разновременное вступление в бой в невыгодной группировке. В том и была практически абсолютная гарантия ее неминуемо неизбежного разгрома и поражения. А все это еще более, даже очень резко усиливало и без того из воздуха возникшее невероятное превосходство супостатов в момент прорыва.

Так вот, еще раз и спрашивается, командование и штаб округа чтб, нарочно утвердили такую наметку вместо серьезного плана хотя бы прикрытия (об обороне уже и не говорю)? Нарочно в том смысле, чтобы эта армия непременно потерпела бы поражение и разгром?! Так, что ли, должно выходить?]

Увы, но это не сгущение красок. Ведь если в штабе армии что-то недосмотрели, не учли, неправильно распланировали, хотя одно это уже подозрительно, то в штабе округа должны были по меньшей мере поправить. Не говоря уже о том, что просто одернуть, а, быть может, и заставить тщательно и заново проработать или переработать план. Увы, штаб и командование округа взяли да утвердили такую наметку. Следовательно, за сознательное создание и даже утверждение условий для неминуемо неизбежного поражения и разгрома 5-й армии наряду с ее командованием одинаковую ответственность несут также командование и штаб округа. А уж если подлинным творцом этой самой некоей наметки являлось само командование округа, то тогда, как говорится, вся полнота ответственности ложится именно на него.

Одновременно это означает также и то, что в таком случае и сам окружной план прикрытия уже был липовым как минимум на 25 %. В округе было 4 армии. И если план прикрытия одной из них создавал фактически абсолютную гарантию неминуемо неизбежного ее разгрома и поражения, то, следовательно, как минимум на 25 % окружной план уже был липовым и создавал угрозу разгрома и поражения войск всего округа. Да и как ему не быть липовым, если, по мнению современных исследователей, в окружном плане прикрытия была сформулирована только общая задача 5-й армии — не допустить прорыва противника на территорию СССР. Кроме того, в нем указывались разграничительные линии, место размещения командного пункта армии, а также наиболее вероятные направления главных ударов противника в полосе компетенции 5-й армии. Причем по разумению штаба округа по состоянию на февраль 1941 г.⁹²⁵

⁹²⁵ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, 324.

И ведь что интересно. Передача утвержденной округом некоей наметки плана прикрытия 5-й армии в ее штаб была произведена к 1 июня. То есть уже после получения упомянутой выше директивы НКО и ГШ о разработке плана именно обороны государственной границы. И поскольку Владимирский охарактеризовал этот документ именно так, как он его охарактеризовал, следовательно, директива НКО и ГШ № 503862сс/ов от 5 мая в округе была фактически проигнорирована. По крайней мере в части, касающейся 5-й армии.

Любопытный штрих. Небезынтересно также отметить, что когда в 1989 г. в свет вышла книга А.В. Владимирского «На Киевском направлении», то оказалось, что в ней не нашлось места тем характеристикам, которые Владимирский дал плану прикрытия задолго до этого. В этой книге он ограничился рассуждениями о мобилизационном плане. Кто так подправил его мемуары — он или же военно-партийная цензура — теперь уже никогда не узнаем.

И вот зная все это, попробуйте хотя бы самим себе честно ответить на простой вопрос. Каким же образом при таких обстоятельствах, тем более при кордонном характере эшелона непосредственного прикрытия, эта армия должна была выполнить главную свою задачу — не допустить прорыва супостатов на территорию СССР?!

Генерал армии И.Х. Баграмян (бывший начальник оперативного отдела штаба КОВО, то есть начальник главного «мозгового треста» командования округа; 10 сентября 1952 года; впоследствии И.Х. Баграмяну было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза).

«План обороны государственной границы был доведен до войск, в части их касающейся, следующим образом: войска, непосредственно осуществляющие прикрытие... имели подробно разработанные планы и документацию до полка включительно; остальные войска округа (пять стрелковых корпусов, семь далеко не закончивших формирование механизированных корпусов и части усиления)... имели хранимый в сейфе соответствующего начальника штаба соединения опечатанный конверт с боевым приказом и всеми распоряжениями по боевому обеспечению поставленных задач. План использования

и документация во всех подробностях разрабатывались в штабе округа только для корпусов и дивизий. Исполнители могли узнать о них лишь из содержания вложенных в опечатанные конверты документов. И то только после вскрытия последних»⁹²⁶.

Комментарий. Все, что указано в комментарии к ответу М.А. Пуркаева и далее, вполне применимо в качестве аналогичного комментария и к ответу И.Х. Баграмяна. Образно говоря, и Иван Христофорович, очевидно не без умысла, навел тень на плетень в этом вопросе (многоточие в его ответе — из публикации Военно-исторического журнала за 1989 год, № 3). Ну, так и в самом-то деле, как это и какой «план обороны государственной границы был доведен до войск, в части их касающейся», если, например, командир 135-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса 5-й армии КОВО генерал Смехотворов по-военному четко и лаконично на поставленный вопрос ответил: «План обороны государственной границы до меня и командиров частей 135 стр. дивизии доведен не был»⁹²⁷.

Дополнительный комментарий. А далее Смехотворов указывает: «В какой мере был подготовлен оборонительный рубеж по линии госграницы и в какой степени он обеспечивал развертывание и ведение боевых действий? Мне не было известно о подготовке оборонительного рубежа, т.к. всеми работами по подготовке оборонительного рубежа руководили штабы 5 армии и 27-го ск. На меня же, как на командира дивизии, возлагалась обязанность своевременно отправлять рабочую силу в составе трех стрелковых батальонов и сменять их через каждый месяц. Кроме того, на госгранице бессменно работал саперный батальон дивизии и дивизионный инженер. Все они подчинялись непосредственно корпусному инженеру и мне никаких отчетов не представляли. Рекогносцировок оборонительного рубежа штабом 27 ск при участии командиров дивизий не проводилось»⁹²⁸. «Здорово», да?! Только за это по-генеральски «здорово» советский народ так жестоко заплатил, что до сих пор боль не утихает.

А генерал Владимирский и вовсе указал, что не план обороны, а именно план прикрытия являл собой всего лишь какую-то наметку. А проект плана обороны государственной фаницы посту-

⁹²⁶ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 67.

⁹²⁷ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 1786. Д. 50. Кор. 22099. Л. 79—86. Цит. по: Виниченко М., Рунов В. Линия Сталина в бою. М., 2010, с. 341.

⁹²⁸ Там же.

пил в Генштаб за три дня до нападения Германии и, следовательно, не был ни рассмотрен, ни тем более утвержден.

Правда, генерал-майор 3.3. Рогозный (бывший начальник штаба 15-го стрелкового корпуса 5-й армии КОВО) в своем датированном 21 апреля 1953 г. ответе утверждал следующее: «Примерно в середине мая 1941 года штабом 5-й армии был разработан план прикрытия государственной границы... С ним были ознакомлены в штабе армии: командир 15-го стрелкового корпуса полковник М.П. Федюнинский, я и командиры дивизий: генерал-майор Г.И. Шерстюк, полковник М.П. Тимошенко (соответственно командиры 45-й и 62-й сд. — *А. М.*). Документов, касающихся плана обороны, штабы корпуса и дивизий не имели, *но задачи и частные планы обороны знали*... Дивизии оттрекогносцировали свои полосы обороны, определили боевые порядки, наметили организацию управления боем... Все, касающееся полков, было до них доведено непосредственно на местности и принятые решения утверждены командирами дивизий»⁹²⁹.

И вот теперь попробуйте разобраться, кто же из них соврал. Пуркаев, который утверждал в своем ответе, что уже в первой десятидневке мая армейские планы обороны были утверждены военным советом округа и переданы в штабы армий, или Рогозный, который заявил, что план прикрытия госграницы штабом 5-й армии был разработан только в середине мая?! Причем только разработан, по словам Рогозного, но его ведь еще надо было утвердить?! Да и как понять Рогозного — «документов, касающихся плана обороны, штабы корпуса и дивизий не имели, но задачи и частные планы обороны знали». Ведь Баграмян указывает, что их передали в опечатанных конвертах, и они хранились в сейфах соответствующих начальников штабов. Более того, Баграмян указывает, что имелись подробно разработанные планы и документация до полка включительно. А тут начальник штаба корпуса заявляет, что не имели документов?! С чего это такой разницей?! Впрочем, допустим, что поверили. Но ведь немедленно возникает крайне неприятный вопрос. Раз все задачи и частные планы обороны в корпусе знали, а силы были, и немалые, то чего же так обос...сь при нападении супостатов?!

Причина такой резкости в следующем. Дело в том, что упомянутый Рогозным бывший командир 45-й сд 15-го СК генерал-майор Г.И. Шерстюк в своем ответе по-военному четко и лаконично рубанул: «План обороны госграницы со стороны штабов 15-го стрелкового корпуса и 5-й армии до меня, как командира 45-й стрел-

ковой дивизии, никем и никогда не доводился, и боевые действия дивизии (я) развертывал по ориентировочному плану, разработанному мной и начальником штаба полковником Чумаковым и доведенному до командиров частей, батальонов и дивизионов»⁹³⁰. Вот как!

Более того. Шерстюк отметил также, что в апреле 1941 г. он обращался к командиру 15-го СК И.И. Федюнинскому с рядом вопросов, на что тот обещал ответить после консультации с командующим армией. И когда через несколько дней Шерстюка вызвали в штаб корпуса, то со ссылкой на командующего 5-й армией он получил следующий ответ: «План обороны госграницы, места расположения командных и наблюдательных пунктов вам будут сообщены в нужный момент в закрытом пакете. Производить заблаговременную подготовку укрытий (щелей) от ударов авиации и в гарнизонах дивизии запрещая, т.к. это даст повод для паники»⁹³¹.

А ведь ответ Шерстюка датирован все тем же апрелем 1953 г., 24-м числом. И вновь вопрос на засыпку. Попробуйте теперь разобраться, кто врал — Баграмян, утверждавший, что «план обороны государственной границы был доведен до войск, в части их касающейся», что имелись подробно разработанные планы и документация до полка включительно, или Пуркаев, или Рогозный, или Шерстюк?! Учитывая, сколь неслестно для себя Шерстюк описал организацию им боевых действий в первые мгновения агрессии, правду сказал именно он. Никто и никогда план обороны госграницы до его сведения, как командира 45-й сд, не доводил. Потому как в официальном виде его попросту не было. А Пуркаев и Баграмян сообщают в своих ответах именно об апрельских наработках, до директивы НКО и ГШ от 5 мая. Тем не менее, согласно утверждению Шерстюка, штабом 45-й сд собственными силами все же был разработан ориентировочный план, но явно не обороны, а прикрытия государственной границы, который был доведен до штабов частей, батальонов и артиллерийских дивизионов. А что касается укрытий (щелей) от ударов авиации, то Шерстюк вопреки всем строгим предупреждениям вышестоящего командования сделал их под видом создания показных окопов и блиндажей⁹³². И кто бы теперь объяснил, почему командир стрелковой дивизии должен был прибегать к подобным хитростям, чтобы заблаговременно организовать защиту личного состава от ударов авиации противника?! Проще говоря, почему его вышестоящее командование запрещало подобные действия,

⁹³⁰ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 67.

⁹³¹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 50. Кор. 22099. Л. И—115. Цит. по *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 331—332.

⁹³² Там же.

⁹²⁹ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 67.

фактически создавая условия для неминуемого поражения личного состава при ударах авиации противника?! Что, не знали об особой роли авиации в современной тогда войне?!

Почему Шерстюку дали именно такой ответ (похоже, что как и многим комдивам в КОВО): *«План обороны госграницы, места расположения командных и наблюдательных пунктов вам будут сообщены в нужный момент в закрытом пакете*. Производить заблаговременную подготовку укрытий (щелей) от ударов авиации и в гарнизонах дивизии за-прещая, т.к. это даст повод для паники»? Так все просто — дивизии КОВО готовили для немедленного встречно-лобового контрблицкрига/контрвторжения, а не для обороны и даже не прикрытия. Но командир дивизии не может быть в неведении относительно роли своей дивизии в возможном нападении врага, в войне. То есть он обязан знать план своих действий. Ведь ему требуется провести рекогносцировку возможного театра действий своего подразделения, определиться с тем, как он туда выйдет, чтобы сделать это в сроки, определенные нормативами в планах округа. Но если от комдива скрывают его действия и он узнает о них только тогда, когда вскрыет «красный пакет», то вывод только один — готовится нечто противоречащее официально утвержденным в НКО и ГШ планам!

Бывший начальник штаба 62-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса 5-й армии КОВО полковник П.А. Новичков фактически подтверждает (хотя и с известной долей осторожности; кстати, дата составления его ответа отсутствует) слова Г.И. Шерстюка: «Дивизионного плана по обороне государственной границы, мне кажется, не было, а дивизионный план входил в армейский. Дивизия имела лишь только ориентировочную полосу по фронту и в глубину. Так, в первых числах апреля 1941 года я, а также начальники штабов 87-й и 45-й стрелковых дивизий были вызваны в штаб 5-й армии, где мы в оперативном отделе получили карты и собственноручно произвели выписки из армейского плана оборудования своих полос в инженерном отношении»⁹³³.

Редакция ВИЖ немного перестаралась со своим вольным редактированием. Новичков указал, что они сделали с карты масштаба 1 : 100 000 выкопировки батальонных районов с армейского плана инженерного оборудования полос обороны соединений. Батальонные районы в предполагаемой полосе дивизии строились в 6—8 км от границы и в глубину до 6—8 км. Но если дивизия имела всего лишь ориентировочную полосу обороны по фронту

и в глубину, если он и командир 87-й сд сделали всего лишь выкопировки батальонных районов с армейского плана инженерного оборудования полос обороны соединений, то ведь из этого вполне однозначно вытекает следующее. Непосредственно план прикрытия (даже этот план!) государственной границы в части, касающейся этих дивизий, штабом 5-й армии до сведения командиров этих дивизий не доводился! Что в общем-то подтверждается последующими словами Новичкова. Он, в частности, отметил, что все эти сооружения не могли обеспечить планового развертывания частей дивизии и ведения на них боевых действий. Потому что «к моменту выхода частей дивизии на государственную границу схем их построения в частях не было, вся документация находилась еще в оперативном отделе штаба 5-й армии»⁹³⁴.

Хуже того. В противотанковом отношении полоса обороны его дивизии фактически вообще не оборудовалась. Лишь местами были установлены деревянные надолбы, да и то, судя по всему, ради профанации. Потому что их поставили вне населенных пунктов и в стороне от дорог⁹³⁵. Противовоздушной обороны в полосе обороны дивизии также налажено не было⁹³⁶.

Короче говоря, при анализе ныне доступных документов 5-й армии и 15-го СК современные исследователи приходят к вполне закономерному следующему выводу. Как таковой план прикрытия в 5-й армии имелся, но представлял собой некую наметку некоей армейской оборонительной операции. То есть всерьез назвать его планом прикрытия нельзя, особенно если учесть упомянутые Владимирским принципиальные изъяны. Эта наметка была доведена до командиров корпусов и дивизий устно (и то в лучшем случае), но документы в соответствии с этой наметкой в корпуса и дивизии не поступали. Неясно также, учитывала ли эта наметка требования плана прикрытия КОВО и была ли эта наметка 5-й армии утверждена командующим КОВО. А к началу войны в штабе, например, того же 15-го СК имелись в запечатанном виде лишь мобилизационные документы. В них излагались рассчитанные на несколько суток мероприятия по постепенному развертыванию корпуса до штатов военного времени⁹³⁷.

И в завершение воспоминаний И.Х. Баграмяна приведем выдержку из его книги

⁹³⁴ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 88147. Д. 12. Кор. 12003. Л. 143—147. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 333—336.

⁹³⁵ Там же, с. 334.

⁹³⁶ Там же.

⁹³⁷ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 351.

⁹¹¹ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 67.

«Так начиналась война»: «...В начале мая мы получили оперативную директиву Народного комиссара обороны, которая определила задачи войск округа на случай внезапного нападения гитлеровцев на нашу страну.

Читатель может усомниться в необходимости такой директивы: ведь отражение возможной агрессии предусматривалось планом прикрытия государственной границы. Однако к тому времени этот план не был еще утвержден Москвой. Видимо, поэтому Народный комиссар решил специальной директивой повысить боевую готовность западных приграничных округов. Задачи ставились конкретные: своевременно выявить сосредоточение войск наших вероятных противников, группировку их сил; не допустить вторжения войск агрессора на территорию СССР; быть готовыми упорной обороной надежно прикрыть мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск округа.

В первом эшелоне, как и предусматривалось планом (то есть планом прикрытия госграницы. — А. М.), готовились к развертыванию стрелковые корпуса, а во втором — механизированные (по одному на каждую из четырех армий). Стрелковые соединения должны были во что бы то ни стало остановить агрессора на линии приграничных укреплений, а прорвавшиеся его силы уничтожить решительными массированными ударами механизированных корпусов и авиации. В дополнение к плану прикрытия директива наркома требовала от командования округа спешно подготовить в 30—35 километрах от границы тыловой оборонительный рубеж, на который вывести пять стрелковых и четыре механизированных корпуса, составлявшие второй эшелон войск округа. Все эти перемещения войск должны были начаться по особому приказу наркома. Авиацию предписывалось держать в готовности к передислокации на полные аэродромы. Определялось место

командного пункта, с которого командование округа должно было руководить действиями войск в случае агрессии. Его начали спешно строить в Тарнополе.

...Легла новая задача: в короткий срок разработать всю оперативную документацию по организации выдвижения корпусов второго эшелона в приграничную зону. Во время этой работы у меня возникло сомнение: уж очень незначительной оказывалась общая глубина обороны — всего 50 километров. А если враг прорвется? Кто его встретит в тылу? Ведь в резерве командования округа сил почти не оставалось...

Я высказал свое опасение генералу Пуркаеву. Тот ответил, как всегда, не сразу. Хмурая брови, он помолчал, а потом отрезал:

— В Москве знают, что делают. В тылу будет, кому встретить прорвавшиеся войска...»⁹³⁸

Комментарий. Все вроде бы в соответствии с официальным планом отражения агрессии. Только вот почему авиацию предписывалось держать в готовности к передислокации на полные аэродромы. С одной стороны, вроде бы нормальное решение. Но с другой-то, это точно соответствует тому, что написал в своих мемуарах Рокоссовский, — авиация изготовилась к прыжку. И вот почему. Потому что директива № 503862/сс/ов для КОВО была составлена в таком четком соответствии с концепцией и даже планом поражения Тухачевского «а-ля доктрина Дуэ», что дух захватывает. Судите сами: авиации разрушить ж.-д. мосты и узлы в Катовице, Кельце, Ченстохове, Кракове. Кроме того, действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск.

А войскам 5-й, 6-й, 12-й и 26-й армий КОВО в это же самое время предписывалось организовать оборонительные рубежи от западной границы и вплоть до Днепра! И держать их упорной обороной, как написал Баграмян. Абсолютно точно по доктрине Дуэ, как ее скопировал для своих «нужд» Тухачевский — пока своя авиация долбаит противника с воздуха, свои сухопутные войска в статическом фронте «узкой лентой» держат якобы жесткую (упорную) оборону статическим фронтом

⁹³⁸ Баграмян ИХ. Так начиналась война. М., 1971, с. 62—63.

«узкой лентой»! Именно то, что и зафиксировал в рукописи своих мемуаров Рокоссовский, да цензура вырезала... «Правильно», что вырезала — видите, какой вывод получается при самом элементарном знании...

Кстати, уместно отметить также, что в течение короткого срока у ответственных штабных работников КОВО вторично возникли те же опасения, что и во время первого же совещания у вновь вступившего в должность командующего КОВО Кирпоноса.

Да, впоследствии командование округа получило сообщение, что в его распоряжение поступят 16-я и 19-я армии, а затем и еще одна, но они ведь еще должны были прибыть. А все это время глубина обороны округа — 50 км, чего опасался грамотный (трудно сказать, действительно ли он этого опасался тогда, или же, как и все маршалы с генералами, «поумнел» десятилетия спустя) штабист И.Х. Баграмян?! И если противник внезапно ударит, то войскам округа придется худо, особенно его первому эшелону. Оно так и произошло. Соответственно уместно задать вопрос.

Если Тимошенко и Жуков считали — пускай неуместно и незаконно — Юго-Западное направление главным для вермахта (хотя для вермахта правильным было Юго-Восточное направление), то почему же стратегическое планирование на этом направлении осуществлялось фактически на основе пресловутого русского «авось»?! И почему именно с задачей рвануть в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения?!

И вот еще что. Почему НКО времен Тимошенко и Генеральный штаб времен Жукова в качестве места для строительства подземного командного пункта КОВО указали именно Тарнополь, о котором писал Баграмян?! Ведь, как выходцы из этого округа, они же знали, что это весьма уязвимое место дислокации КП окружного — фронтового уровня. И тем не менее даже тогда, когда командование КОВО обратилось к ним с просьбой перенести КП в г. Новоград-Волынский, Жуков, формально согласившись на это, категорически потребовал продолжать строительство КП именно в Тарнополе. Вот содержание той самой просьбы командования КОВО: «ЗАПИСКА ВОЕННОГО СОВЕТА КОВО НАЧАЛЬНИКУ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛУ АРМИИ Г.К. ЖуковУ

№А1—00209

[не позднее 12 апреля 1941 г.]

Совершенно секретно

Особой важности

Экз. № 1

Постройка подземного командного пункта в г. Тарнополь не закончена. Тарнополь — небольшой город, без каких-либо естественных укрытий с воздуха и является поэтому весьма удобным объектом для авианападения. Кроме

того, близость расположения этого пункта от наиболее угрожаемых участков госграницы (Сokalь — Тарнополь 140 км и Черновицы — Тарнополь 170 км) при относительно небольшом успехе противника, в период ведения нами операции прикрытия, может создать невыгодные условия для непрерывного управления войсками. Исходя из этих соображений, Военный совет округа просит разрешения впредь до готовности подземного командного пункта в г. Тарнополь на период прикрытия расположить командный пункт Командующего войсками в г. Новоград-Волынский. В военном городке этого города имеется железобетонный командный пункт армейского типа, который позволяет разместить в нем Военный совет, оперативный отдел и основную часть узла связи. Для размещения остальной части управления округа с успехом можно использовать казармы военного городка. Имеющийся парк и рассредоточенное расположение казарм городка позволяют тут же вблизи от помещений отрыть необходимое количество щелей для укрытия личного состава в периоды воздушного нападения. На случай интенсивных авианападений имеется возможность создать запасной командный пункт в Гульск (12 км ю[го]-з[ападнее] Новоград-Волынского), где для этой цели можно использовать две подземные мины Новоград-Волынского УР. В последних можно разместить Военный совет, оперативную группу штаба округа с начальниками родов войск, штаб ВВС в сокращенном составе и полностью узел связи. Военный совет считает, что наличие благоприятных условий размещения командного пункта в Новоград-Волынском и более глубокое его расположение от угрожаемых участков госграницы при имеющихся хороших путях сообщения с армиями, вполне обеспечат бесперебойное управление войсками при любом колебании линии фронта.

Командующий войсками КОВО

генерал-полковник Кирпонос

Член Военного совета КОВО корпусный комиссар Вашугин

Начальник штаба КОВО генерал-лейтенант Пуркаев»⁹³⁹.

В том виде, в каком приведенный документ под № 381 был опубликован во втором томе известной всем историкам «малиновке» («1941.

⁹³⁹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 261. Л. 24—25. Машинопись на бланке: «НКО СССР. Командующий войсками Киевского Особого Военного Округа». Имеются пометы Г.К. Жукова: «г. Ватутина. Заготовить шифротелеграмму следующего содержания: Основной к/п иметь в районе Тарнополь. Запасной не возражаю Новоград-Волынский. Подготовьтесь к переходу на ком. пункт. 12.04. 41 г.» и Н.Ф. Ватутина: «Лично т. Анисову. Исполнено. Указания даны. 16.06.41 г.». Документ отпечатан полковником Баграмян.

Документы)), он вызывает немало вопросов. И самый главный из них — почему Жуков столь откровенно проигнорировал обоснованные опасения командования округа по поводу уязвимости этого КП?

Ну, и в заключение этого краткого анализа цитаты из мемуаров Баграмяна нельзя не обратить внимание на первую же фразу из процитированного: «В начале мая мы получили оперативную директиву Народного комиссара обороны, которая определила задачи войск округа на случай внезапного нападения гитлеровцев на нашу страну».

Если маршал Баграмян даже спустя годы решил именно так охарактеризовать майскую директиву ГШ, как он это сделал, то, следовательно, он, в сущности, вынес смертный приговор и Тимошенко, и Жукову. Потому что, по его словам, выходит, что они прекрасно и заблаговременно же отдавали себе отчет в том, что нападение действительно может быть внезапным, но ведь ничего толком не предприняли для того, чтобы по меньшей мере минимизировать эффект внезапности. Соответственно данное утверждение Баграмяна полностью дезавуирует любые мемуарные и иные утверждения Жукова о некоей внезапности, которая, видите ли, его так поразила.

На фоне этих ответов своей поражающей абсурдностью выделяется ответ от 11 июня 1953 г. бывшего командира 72-й горнострелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса 26-й армии КОВО генерал-майора П.И. Абрамидзе: «До нападения фашистской Германии на Советский Союз я и командиры частей не знали мобилизационного плана (МП-41), но после его вскрытия все убедились, что оборонительные работы на государственной границе, командно-штабные учения на местности исходили из общего плана КОВО, утвержденного Генеральным штабом»⁹⁴⁰.

Комментарий. И да простится автору такая крамола, но создается впечатление, что генерал Абрамидзе то ли плохо знал и понимал русский язык, то ли умышленно дурака сваял. Не исключено, что после соответствующей отсидки Абрамидзе умышленно так поступил. А, быть мо-

жет, и редакция ВИЖ чересчур перестаралась в работе ножницами. Ведь как был сформулирован вопрос: «Был ли доведен до войск, в части их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?» А он что ответил? О том, что он и его подчиненные не знали мобилизационного плана МП-41?! Его спрашивают про Фому, а он про Ерему талдычит. Не говоря уже о том, что знать МП-41 ему было не положено. Ему было положено знать его только в части, касающейся его дивизии. Более того. Какое отношение к мобилизационному плану имел его восторг по поводу того, что оборонительные работы на государственной границе, командно-штабные учения на местности исходили из общего плана КОВО, утвержденного Генеральным штабом?! Его ведь спрашивали об оперативном плане отражения агрессии, а он что учудил в своем ответе? В общем, еще тот генерал, не приведи господь!.. Но это само собой.

Главное же состоит в том, что ВИЖ, очевидно, преднамеренно обкорнал ответ Абрамидзе на этот вопрос. Почему? Да потому, что он указал, что полоса обороны у этой дивизии была 100 (СТО) километров!⁹⁴¹ Что в 10—12 раз превышало уставной норматив! То есть ее устойчивость в обороне одним только этим фактом была понижена в 10—12 раз! Какой сумасшедший подлец выдумал такую полосу обороны для одной дивизии?! Ведь даже если и поверить в то, что эта дивизия была полностью укомплектована личным составом, то есть имела в своем составе 14 483 чел., то это 0,14 стрелка на 1 метр линии обороны. Супостаты же, как уже неоднократно указывалось ранее, перли в прорыв с плотностью 4,2 пехотинца на 1 метр линии прорыва. Что создавало 30-кратный перевес над каждой из этих 0,14 стрелка. А в пересчете на реального стрелка из плоти и крови превосходство супостатов над каждым из стрелков этой дивизии получалось в 214 раз! Каким же надо было быть подлым мерзавцем, чтобы такое запланировать?! Ведь такая ширина полосы обороны — едва ли не абсолютная гарантия разгрома этой дивизии! Стрелковая дивизия того времени не могла держать оборону в столь широкой полосе, как, впрочем, не могла она обеспечить и прикрытие в таких условиях.

Примерно аналогичное вытворил в датированном 25 февраля 1955 г. ответе и бывший начальник штаба 72-й горнострелковой дивизии генерал-майор

⁹⁴⁰ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 67.

⁹⁴¹ ЦА МО РФ Ф. 15. Оп. 178612. Д. 50. Кор. 22099. Л. 152—171.

П.В. Черноус, написавший следующее: «План обороны государственной границы до частей дивизии был доведен командованием 8-го стрелкового корпуса. Однако он был составлен не по организации горно-стрелковой дивизии, а стрелковой. Дело в том, что весной 1941 года дивизия начала переход на штаты горно-стрелковой дивизии, но к 22 июня эти мероприятия не закончила»⁹⁴².

Комментарий. Как это план обороны государственной границы был доведен до частей дивизии командованием 8-го стрелкового корпуса, если сам командир 72-й горнострелковой дивизии генерал Абрамидзе с восторгом написал, что о том, что дивизия что-то делала правильно, он узнал только после нападения, когда был вскрыт соответствующий пакет, то есть после рассвета 22 июня?! Да и то с мобилизационными документами, но не с оперативным планом. Проще говоря, ответ Черноуса — вранье, которое к 1955 г. стало чрезвычайно модным. Ведь Черноус не указывает даже приблизительные сроки, когда этот план был доведен до частей дивизии. О сроках приходится лишь догадываться на основании его указания о том, что весной 1941 г. дивизия начала переход на штаты горнострелковой. Но это в свою очередь свидетельствует фактически о преднамеренном вредительстве и саботаже со стороны командования 8-го стрелкового корпуса, ибо оно не могло не знать, что подчиненная корпусу дивизия начала переход на штаты горно-стрелковой. Соответственно какого же рожна ей составляли план исходя из того, что она якобы стрелковая дивизия?! Просто для галочки?! Наконец, нельзя не отметить, что командование корпуса — не клоуны, чтобы весь вечер быть на манеже. То есть если оно и доводило план — не обороны, а прикрытия государственной границы, — то только до сведения командования самой дивизии. А вот дальше по нисходящей это осуществляло командование самой дивизии. Короче говоря, врал генерал-майор Черноус — врал, как очевидец.

Генерал-майор С.Ф. Горохов (бывший начальник штаба 99-й стрелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса 26-й армии КОВО; ответ датирован 16 марта 1953 г.).

⁹⁴² Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 67.

«План обороны государственной границы был получен в феврале-марте 1941 года в штабе 26-й армии в печатном конверте и с нами проработан не был. Но ещё до его вручения командующий армией генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко лично мне и командиру дивизии полковнику Н.И. Дементьеву сообщил разграничительные линии участка обороны соединения и полков, место командных и наблюдательных пунктов, огневые позиции артиллерии. Помимо этого, особым приказом дивизии предписывалось подготовить предполья Перемышльского укрепленного района и отрыть окопы в своей полосе. Штабами дивизии и пограничного отряда был разработан план прикрытия государственной границы по двум вариантам — на случай диверсий и возможной войны»⁹⁴³.

Комментарий. Ответ генерала С.Ф. Горохова свидетельствует о том, что в штабе его дивизии хранился старый план прикрытия, а не план обороны, который составлялся в соответствии с майской директивой НКО и ГШ. И что самое интересное, так это то, что даже этот старый план не был проработан с командиром и начальником штаба этой дивизии. С февраля-марта по 21 июня у командующего 26-й армией генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко и начальника его штаба не нашлось времени, что проработать хотя бы старый план прикрытия госграницы с командованием дивизии, дислоцировавшейся на очень ответственном участке. Ну, а уж про новый план обороны госграницы и говорить-то не приходится —* С.Ф. Горохов, судя по всему, и не знал, что таковой разрабатывается в округе.

Генерал-лейтенант Б. Арушанян (бывший начальник штаба 12-й армии). «Наша армия по плану штаба Киевского Особого военного округа (КОВО), имевшая два стрелковых и один механизированный корпуса, должна была прикрыть станиславское и черновицкое направ-

⁹⁴³ Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 68.

ления. Военный совет и штаб армии разработали подробный оперативный план прикрытия государственной границы. Согласно этому плану армия имела оперативное построение в два эшелона: первый составляли стрелковые корпуса для создания прочной обороны, второй — механизированный корпус для нанесения мощного контрудара в случае прорыва противника. На правом фланге (на Станиславском направлении) в районе Старый Самбор, Турка, Белехов, Борислав располагался 13-й стрелковый корпус (командир генерал-майор Н.К. Кириллов). В его состав входили две горнострелковые дивизии: 192-я (командир полковник С.Д. Губин) и 44-я (командир генерал-майор С.А. Ткаченко). Штаб корпуса находился в Бориславе⁹⁴⁴.

◆**

Комментарий. Обратите внимание на то, что Арушанян говорил о плане прикрытия, но не о плане обороны, который должны были разработать в соответствии с майской директивой НКО и ГШ. Проще говоря, у него в штабе был старый план. Да и он, откровенно говоря, но, мягко выражаясь, был липовым. Потому что ширина фронта обороны у этой армии в тот момент составляла 500 км. Каким это образом двумя стрелковыми и одним механизированным корпусами можно было прикрыть 500 км государственной границы — догадайтесь сами, исходя из того, что на каждый из них приходилось по этому плану почти по 170 км. Об остальном, что связано с этой армией, ниже.

Непонятно, на каком основании считается, что план прикрытия (заметьте, не обороны, а именно прикрытия) 6-й армии КОВО представлял собой с большой тщательностью и грамотностью отработанный руководящий боевой документ с расшифровкой боевых задач для каждого полка⁹⁴⁵. Но о какой грамотности этого документа можно говорить, если ширина полосы компетенции этой армии составляла 165 км, то

есть в 1,65 раза больше, чем было положено по Уставу?! Уже только одно это обстоятельство означало, что устойчивость этой армии хоть в операции прикрытия, хоть в оборонительной операции была понижена в 1,65—2 раза! Проще говоря, если в целях иллюстрации прибегнуть к простой арифметической логике, то эта армия должна была испытать на себе мощь и силу удар более чем полутора ГА «Юг». Ибо нижний предел ширины фронта прорыва для групп армий в вермахте составлял 100 км. В переводе на количество гитлеровских армий, чью мощь и силу должна была испытать 6-я армия при таком раскладе, это означало, что она подставлялась под молот как минимум 5—7 армий! Одна советская армия против мощи и силы 5—7 вражеских армий?! И это называется грамотный документ?! Ведь ГРУ, разведывательные отделы штабов КОВО и 6-й армии, а также пограничники непрерывно обеспечивали командование армии всей необходимой информацией. Куда же девалась вся эта информация, если она не попадала в головы командования?!

Примерно аналогичная характеристика выдается и плану прикрытия (еще раз обращаю внимание на то, что не плану обороны, а именно же плану прикрытия) 26-й армии. Но в таком случае позволительно спросить, почему при такой характеристике, тот же исследователь в конце концов дал такое резюме действиям этой армии при нападении супостатов: «Противник имел возможность практически беспрепятственно продвигаться во всей полосе обороны 26-й армии?!»⁹⁴⁶ Хорош план прикрытия, коли противник мог беспрепятственно продвигаться во всей полосе обороны этой армии!

Если попытаться подвести краткий итог ответам командиров КОВО на первый вопрос, то, пожалуй, следует обратиться к дневнику Ф. Гальдера. И вот почему. В отношении КОВО исследова-

⁹⁴⁴ Военно-исторический журнал. 1973, № 6, с. 60—65.

⁹⁴⁵ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 362.

⁹⁴⁶ Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 388.

тели, как правило, называя некоторые изъязны, тем не менее дают либо весьма лестные, либо просто неплохие характеристики разработанным как в округе, так и в армиях этого округа планам прикрытия. Но если оно было так, если планы были вполне приличные, то есть, проще говоря, если округ и его армии вступили в схватку с врагом, что называется, «с царем в голове» и подготовленными, то почему же тогда в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Третьего рейха Ф. Гальдера 27 июня 1941 г. появилась запись следующего содержания: «Группе армий “Юг” удалось не только отбить все атаки противника на южный фланг танковой группы Клейста, но даже продвинуться правым флангом танковой группы в Юго-Восточном направлении. Теперь на этом участке находятся три танковые дивизии [11, 13 и 14-я], так что в ближайшем будущем здесь можно ожидать значительных успехов. Русские соединения, атаковавшие южный фланг группы армий “Юг”, видимо, были собраны наскоро. Житомирская группа противника, очевидно, атаковала танковую группу Клейста с фронта, а подвижная Черновицкая группа пыталась смять ее (танковой группы Клейста) южный фланг. Русская Тираспольская подвижная группа, отведенная несколько дней назад из южной Бессарабии, перебрасывается по железной дороге на северо-запад. Очевидно, в ближайшее время она появится перед правым крылом танковой группы Клейста и будет брошена в бой в качестве последнего резерва. Тогда все силы, которые русское командование на Украине (следует отдать ему должное, оно действует хорошо и энергично) может противопоставить группе армий “Юг”, будут разбиты. Мы получим возможность повернуть на юг, чтобы вынудить части противника, удерживающие район Львов, Станислав, вести бой с перевернутым фронтом...

Перед фронтом группы армий “Юг” сопротивление противника ослабевает. Обнаружены явные признаки отхода противника перед фронтом 17-й армии. Поэтому командующий группой армий “Юг” еще в середине дня (то есть 27 июня. — *А. М.*) приказал 17-й армии немедленно перейти в наступление и организовать преследование противника. Командование 17-й армии наметило для преследования основное направление на Злачев. Командование 1-й танковой группы отдало приказ стремительным ударом выйти к реке Горынь»⁹⁴⁷.

Вы только вдумайтесь в то, что написал Гальдер: к середине 6-го дня агрессии сопротивление войск самого мощного Юго-Западного фронта по всей полосе вторжения ГА «Юг» вермахта стало настолько ослабевать, что сей факт оказался письменно зафиксирован в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии!

Понимаете, в чем тут все дело-то?! Чтобы какой-то факт оказался зафиксированным как заслуживающее внимания явление в дневнике самого начальника генерального штаба сухопутных сил противника, надо, чтобы об этом факте как о явлении, действительно обращающем на себя внимание, сообщили либо практически все командиры передовых соединений и частей ГА «Юг», либо, по меньшей мере, их большинство! Причем как минимум в течении не менее чем двух-трех дней, чтобы стала очевидной динамика явления как процесса. Иначе он не привлечет внимание или же будет расценен как случайность. Но уж коли это действительно оказалось зафиксированным в дневнике начальника генерального штаба сухопутных сил Третьего рейха, следовательно, так оно и было.

И оно действительно так и было. Из воспоминаний военнослужащего 257-й пехотной дивизии 49-го армейского корпу-

⁹⁴⁷ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 2004, с. 45-46.

са 17-й армии Штюльпнагеля—Альберта Бенари — о первых трех днях агрессии: «...Пожалуй, тактическая внезапность нам удалась... Командование и войска готовились к тому, что в последующие два дня будет жестокое сражение. Однако опасения не оправдались. Дневные задания выполнялись без серьезного сопротивления...»⁹⁴⁸ Обратите внимание на то, что А. Бенари прямо указывает, что опасения германского командования не оправдались, и они без серьезного сопротивления продвигались вперед.

Ну, а если по-простому, то фиксирование привлечшего внимание Гальдера явления началось и того ранее. Так вот кто бы теперь объяснил следующее. Почему в самом Мощном округе, где, как считается, были в целом неплохие планы прикрытия (но, подчеркиваю, не было официально утвержденных планов обороны), начиная с 25 июня супостаты стали фиксировать ослабление сопротивления советских войск практически во всей полосе наступления ГА «Юг»?

Раз все было если и не в полном ажуре, но, по крайней мере, весьма неплохо, то почему должно было произойти то, что попало в дневник Гальдера?! И это «почему» будет звучать еще более весомо, если примем во внимание, что первые признаки ослабления сопротивления советских войск, в частности на Львовском направлении, Гальдер зафиксировал в своем дневнике записью еще от 23 июня!⁹⁴⁹ То есть уже на второй день агрессии!!!

Хороши же были планы прикрытия в этом округе, если уже на второй день агрессии сам начальник генерального штаба сухопутных войск нацистской Германии считал возможным зафиксировать симптомы этого явления в своем дневнике! Чего

тогда стоили все эти бумажные творения командования округом и армий округа?! Кому пыль в глаза пускали?! Увы, ответа не получим — не с кого спрашивать. Но одно ясно безупречно. За это преступное в итоге бумаготворчество командования округа и армий округа своими жизнями заплатили сотни тысяч солдат и офицеров Киевского округа, а многие еще и муками и позором плена.

Ну, а резюме генеральскому словоблудию по первому вопросу такое:

1. До майских директив НКО и ГШ полноценной системы организации именно обороны государственной границы в округе не было! Даже в основе! Ранее разрабатывавшиеся планы прикрытия хотя и родственные плану обороны, но тем не менее иные. Да, собственно говоря, в округе практически никто и не задумывался всерьез над разработкой оборонительной операции. Ни предшественник Кирпоноса Жуков, ни сам Кирпонос, который едва только вступил в должность, приказал разрабатывать, по сути дела, немедленную встречно-лобовую глубокую наступательную операцию по факту нападения, проще говоря, немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения. И даже всем частям и соединениям округа приказал на учениях прорабатывать именно наступательные операции.

Разработанный же проект плана обороны поступил в ГШ слишком поздно и потому не был ни рассмотрен, ни тем более утвержден. Да он и не претворялся в жизнь... Ведь если в директиве ГШ от 11 июня Павлову указывалось вывести дивизии второго эшелона в районы, предусмотренные планом прикрытия, то в КОВО указали: «перевести ближе к госгранице в новые лагеря. Согласно прилагаемой карты».

2. И в Киевском округе тоже майская директива окончательно оформила процесс подмены официального плана, его сути и даже заложенного в него принципа обороны. Даже получив директиву НКО и

⁹⁴⁸ *Benary A. Die Verlierer Bögen-Этзюп. Сербские с 1939. In: Гал(е)п-ОшЮп 1939—1945. Verlaß Напз Непшп\$ Роёгиш, Вас! Наибе!Ш, 1957. 5.26.*

⁹⁴⁹ *Гальдер Ф. Военный дневник. М., 2004, с. 29.*

ГШ о разработке плана обороны государственной границы, в округе по-прежнему нахально прорабатывали только наступательные операции. Вплоть до того, что и от пограничников потребовали того же. А вместо активной обороны и активных действий по сковыванию сил противника, появилась упорная оборона, она же жесткая оборона прямо на линии границы крайне негодными для этого силами. Пример кордонного характера первого эшелона 5-й армии — наиболее наглядное тому свидетельство. А если честно, то практически везде в округе был этот самый кордонный характер эшелона непосредственного прикрытия.

3. В округе царил невообразимо злостный, преступный бардак с разработкой и особенно проработкой командованием на местах планов прикрытия (других просто не было), который откровенно вел к резкому снижению мобилизационной и боевой готовности войск к отражению уже неминуемой агрессии. Несмотря на бодрое послевоенное вранье представителей окружного командования, в войсках толком не знали планов прикрытия даже в части, их касающейся.

4. Этот злостный, преступный бардак был спровоцирован бурным, инициированным «органической ненавистью к штабной работе» Жукова потоком не утвержденных окончательно директив, которые войсковые штабы не успевали отрабатывать. Причем частые изменения директивных документов привели к тому, что многие из них просто не отрабатывались. А то и вовсе игнорировались.

5. Вся эта бумажная фантазмагория с разработкой планов прикрытия, в том числе и в соответствии с майскими директивами, преследовала главную цель — скрыть, насколько это возможно, факт уже осуществленной незаконной, негласной, неофициальной подмены официального плана отражения агрессии, включая даже сути его замысла и принцип обороны. Соб-вранье и фантастический разноречивостью говоря, очевидно, именно поэтому

и командование Киевского округа тоже умышленно опоздало с представлением проекта плана обороны в Москву. Тем более что на это было разрешение Генштаба. И, обратите на это внимание, все три основных округа представили эти проекты с колоссальным опозданием, практически в самый канун войны. Но если такое произошло сразу в трех основных округах на западной границе, то к категории случайных явлений подобное уже очень трудно отнести. Если бы опоздал один округ, тогда еще можно было бы списать на случайность. Но тут ведь сразу три округа опоздали, следовательно есть основания заподозрить систему и умысел, ибо это было сделано с разрешения ГШ...

6. Фактически в ряде случаев злостный, преступный бардак откровенно перерастал в саботаж и вредительство. Прежде всего это выражалось как в преднамеренной информационной блокаде командиров нижестоящих уровней, включая и отстранение их от участия в разработке планов обороны, лишения их возможности путем запретов детально ознакомиться с уже имеющимися планами, так и в умышленно негодном планировании. Кроме того, имели место случаи, когда основному звену сухопутных сил, стрелковым дивизиям, не были нарезаны полосы обороны или же им эти полосы были нарезаны ориентировочно.

7. Вопреки предписанным срокам представления документов, все округа представили новые планы обороны государственной границы с колоссальным опозданием, практически в самый канун нападения. Соответственно ни НКО, ни ГШ их не рассматривали и не утвердили. Ответственность за это, как, впрочем, и за все остальное несут персонально Тимо-

И в завершение выводов в этой части необходимо отметить следующее. Во-первых, потрясающе беспардонное вранье и фантастический разноречивостью говоря, очевидно, именно поэтому

ние в большинстве случаев от прямого ответа на прямо поставленный вопрос. В-третьих, сознательную подмену в ответах сути поставленного вопроса на муссирование малозначительных деталей, а то и вовсе не относящихся к делу деталей.

В совокупности все это свидетельствует об отчаянных, сознательно предпринимавшихся опрошенными командирами усилиях скрыть нечто более важное. Более важное, чем даже уже четко зафиксированный факт незаконной, негласной и неофициальной подмены единственного официального плана отражения агрессии, в том числе сути его замысла и принципа обороны. Особенно это хорошо видно на уровне армии и округа.

***◆

Общий комментарий к выводам по первому вопросу. Счастливое исключение составляет лишь Одесский военный округ, в котором не только был разработан новый план обороны государственной границы, но и где командный состав всех основных частей и соединений принял участие в разработке планов на своем уровне и был полностью ознакомлен с ними после их утверждения. Вот как об этом написал в своих мемуарах бывший начальник штаба Одесского военного округа, генерал-майор, а впоследствии Маршал Советского Союза М.В. Захаров: «В связи с нарастанием угрозы военного нападения фашистской Германии на СССР приграничные военные округа в мае 1941 года получили соответствующие директивы наркома на разработку плана обороны государственной границы. В директиве НКО, подписанной 6 мая 1941 года, от Одесского военного округа требовалось: для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск разработать детальный план обороны государственной границы...

В соответствии с директивой Генштаба штаб ОдВО разработал план прикрытия государственной границы, в котором предусматривался следующий замысел: активной обороной, опираясь на систему полевых позиций, построенных вдоль государственной границы, и ряд оборонительных рубежей в глубине, прикрыть наиболее важные направления и не допустить прорыва фронта обороны и распространения противника в глубину, особенно с фронта Сэвени, Яссы, Фэлчиу, Галац; в случае вклинения врага в нашу оборону задерживать его продвижение, опираясь на промежуточные тыловые и отсечные позиции, а затем

резервами командования округа и всей авиацией ликвидировать прорыв. В соответствии с этим замыслом создавалась и группировка войск прикрытия...

Соответствующие командиры и штабы изучили полосы обороны своих соединений и участки полков в пределах районов прикрытия. Многие войсковые части провели боевые тревоги и выводили подразделения в намеченные для них районы, что дало возможность установить срок готовности первых эшелонов прикрытия по боевой тревоге (2—3 часа).

Вдоль Днестра находилось два укрепленных района — Рыбницкий и Тираспольский, созданные еще в 30-х годах на старой государственной границе с Румынией. За несколько дней до начала войны в этих укрепленных районах по указанию округа и в соответствии с директивой Генерального штаба проводились работы по оборудованию предполья в глубину до 35 километров от Днестра. В трех остальных укрепленных районах, управления которых формировались в конце 1940 — начале 1941 года, не имелось еще пулеметно-артиллерийских батальонов и работ по созданию долговременных огневых точек вдоль государственной границы не велось. Проводились лишь рекогносцировки мест для последующей установки долговременных сооружений.

Разработанный штабом округа план прикрытия и некоторые соображения по вопросам начального периода войны на румынском направлении 20 июня были представлены в Генеральный штаб. С докладом по представляемому плану прикрытия в Генеральный штаб выехал заместитель по оперативным вопросам начальника штаба ОдВО полковник Л.В. Ветошников. *Не ожидая утверждения этого плана Наркомом обороны, штаб округа дал соответствующие указания командирам корпусов по отработке частных планов соединений...*⁹⁸⁰

Да, Одесский округ представил проект своего плана обороны государственной границы с таким же опозданием, как и три основных округа на западной границе. Однако надо отметить, что у этого округа план действительно был тщательно проработан. Более того. Войска Одесского округа были единственными войсками, которые действительно не только не пострадали от первого удара противника, но и более чем достойно встретили проклятого врага и дали ему зубодробильный отпор. Да и командование этого округа, особенно же начальник штаба ОдВО М.В. Захаров, оказа-

⁹⁸⁰ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989, с. 266, 268—269; Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005, с. 216—219.

лось настолько на высоте, что заблаговременно привело в боевую готовность войска округа. Поэтому и достойно встретили врага. Захаров, таким образом, дал свой ответ на вопрос № 1 по ОдВО и показал, как на самом деле должна была происходить разработка новых планов после получения соответствующих директив НКО и ГШ, как его подчиненные на уровне командиров знали свои задачи!!! При всем том, что они свой план отправили в ГШ позже всех — к 20 июня, — командиры на местах свои задачи вполне знали на случай нападения, и именно по новому плану, представленному в ГШ. Но ответы генералов этого округа редакция ВИЖ почему-то не стала публиковать...

§ 3. Превентивный комментарий к ответам генералов КОВО на второй вопрос Сталина* **Ответы генералов. Анализ и комментарии к этим ответам**

Ответы командиров КОВО на второй вопрос не менее интересны, так как значительно расширяют масштабы и глубину понимания того, почему самый мощный на западных границах СССР округ также потерпел поражение. Слава богу, что не столь молниеносно, как Западный округ. Да и то только потому, что молниеносно «переварить» такое количество живой силы и техники, каким располагал КОВО-ЮЗФ, оказалось не под силу даже нацистским шакалам.

Напоминаю, что второй вопрос был сформулирован следующим образом: «С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?»

В связи с тем, что анализ ответов генералов КОВО на второй вопрос требует значительной вооруженности читателей соответствующими знаниями и информацией, считаю себя обязанным хотя бы вкратце, но предоставить им такую возможность. Поэтому, уважаемые читатели, не считите за обременительный труд сначала ознакомиться с превентивным справочным комментарием.

Превентивный комментарий. Считаю своим долгом еще раз обратить внимание читателей на главную особенность формулировки этого вопроса. И вот почему. В отечественной историографии кануна войны по сию пору господствует лживая версия, навязанная без малого полвека назад непосредственно Жуковым. Ее суть в том, что-де Сталин запрещал развертывание войск, в том числе и выход войск прикрытия на государственную границу. В одном из своих выступлений в 1966 г., текст которого не публиковался до 1988 г., Жуков утверждал: «И тут надо, конечно, иметь в виду категорическое требование и категорическую установку Сталина. Он твердо сказал, что, если мы не будем провоцировать немцев на войну — войны не будет, мы ее избежим. У нас есть средства избежать ее. Какие средства, он не говорил... Но Сталин такую установку дал... И когда вопрос был поднят относительно того, чтобы вывести хотя бы эшелон прикрытия, который согласно плану должен развернуться на границе, Сталин сказал “Подождите”. Он узнал, что Киевский округ начал развертывание... Тимошенко кое-что начал двигать, несмотря на строжайшие указания. Берия сейчас же прибежал к Сталину и сказал: вот, мол, военные не выполняют, провоцируют. Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует нахлобучку. Этот удар спустился до меня. Что вы смотрите? Немедленно вызвать к телефону Кирпоноса, немедленно отвести, наказать виновных и прочее. Я, конечно, по этой части не отставал. Ну и пошло. А уже другие командующие не рискнули. Давайте приказ, тогда... А кто приказ даст? Кто захочет класть свою голову? Вот, допустим, я, Жуков, чувствуя нависшую над страной опасность, отдаю приказание: “Развернуть”. Сталину докладывают. На каком основании? На основании опасности. Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал»⁹⁵¹.

Попутная реплика. Хотя кто знает, насколько этот текст не публиковавшегося ранее выступления Жукова является правдой. Дело в том, что уже после смерти маршала многие, кто встречался с ним, стали выдавать на-гора всевозможные «воспоминания из воспоминаний» со ссылкой на private и устные «воспоминания и размышления» Жукова. Все они носили и носят конъюнктурный характер. А поскольку концепция Жукова была возведена в «эталон в законе», то, «естественно», многие в сугубо коммерческих целях воспользовались возможностью цитировать цитаткой из никогда не публиковавшихся воспоминаний (как правило, устных) маршала, чтобы попутно показать также и свою близость к маршалу, а, следовательно, и собственную зна-

⁹⁵¹ Коммунист, 1988, № 14, с. 99.

чимость. Проверить их достоверность практически так, то уже сама формулировка дает однозначно нереально. И верить — тем более нет никакого ответа — Жуков лгал, ибо санкция на вывод войск прикрытия на государственную границу была дана вовремя!

Не раз и не два на страницах этой книги подчеркивалось, что эта санкция была дана 18 июня 1941 г., то есть за четыре дня до нападения! Одновременно с санкцией на приведение войск в боевую готовность, по крайней мере войск первого оперативного эшелона! Санкция же на вывод ближе к границе войск второго эшелона прикрытия и вовсе была дана ранее — кому 11-го, кому 13-го, кому 15 июня.

Что же касается других обстоятельств, затронутых в этом выступлении Жукова, то четырежды

блестяще Советского Союза фактически умышленно попутал Бебеля с Гегелем, а быть может, даже и с Бабелем. Потому как упомянутая им история относится к первой декаде июня 1941 г., когда, несмотря на постоянно и час от часу резко возрастающую угрозу неминуемого нападения в ближайшее время, все еще не была известна точная дата нападения. Еще раз напоминаю, что само германское командование положило на бумагу дату 22 июня как дату нападения только 10 июня 1941 г. И только с 11 июня сведения об этой дате стали поступать в Москву от различных разведывательных служб СССР. И лишь 18 июня количество разведывательной информации о 22 июня как о дате нападения, тем более в сочетании с данными о повторном начале выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции, достигло определенного критического уровня, потребовавшего в свою очередь принятия адекватных решений. И они были приняты. Уж после войны-то Жуков мог бы знать это, дабы не опускаться до примитивной лжи.

Соответственно не зная точной даты нападения, преждевременный вывод войск прикрытия на государственную границу в первой декаде июня, то есть до 10 июня включительно, действительно мог спровоцировать войну. Ведь выход регулярных войск на границу, тем более сразу трех основных округов, — акт высшей международной политики, чего Жуков до конца своих дней не понимал. Как, впрочем, не понимал он и того, что для Сталина чрезвычайно важно было ни в коем случае не допустить даже иллюзорной тени намека на тень возможности обвинить СССР в каких бы то ни было агрессивных намерениях. Более того. Никому — ни Гитлеру, ни его поклонникам на Западе — не дать ни малейшей возможности обвинить СССР в провоцировании войны. От этого зависело не столько даже будущее антигитлеровской коалиции, точнее, в первую очередь сложится она или нет, сколько будущее самого СССР. Ведь президент США достаточно ясно еще в 1937 г. пояснил, что Америка встанет на сторону СССР только в одном случае — «если СССР окажется под угрозой германских, чисто империалистиче-

Сам же (якобы) Жуков эту мысль отразил в своих мемуарах следующим образом: «В последние годы принято обвинять И.В. Сталина в том, что он не отдал указаний о подтягивании основных сил наших войск из глубины страны для встречи и отражения удара врага. Не берусь утверждать, что могло бы получиться в таком случае — хуже или лучше. Вполне возможно, что наши войска, будучи недостаточно обеспеченными противотанковыми и противовоздушными средствами обороны, обладая меньшей подвижностью, чем войска противника, не выдержали бы рассекающих мощных ударов бронетанковых сил врага и могли оказаться в таком же тяжелом положении, в каком оказались некоторые армии приграничных округов. И еще неизвестно, как тогда в последующем сложилась бы обстановка под Москвой, Ленинградом и на Юге страны. К этому следует добавить, что гитлеровское командование серьезно рассчитывало на то, что мы подтянем ближе к государственной границе главные силы фронтов, где противник предполагал их окружить и уничтожить. Это была главная цель плана “Барбаросса” в начале войны»⁹⁵².

Опять двадцать пять — во всем виноват Сталин?! Да и без «всесоюзного пугала» в лице Лаврентия Павловича Берия тоже не обошлось! Ну, и сколько же будем кормиться этой наглой ложью четырежды блещущего Советского Союза?! Ведь многое уже стало известно, многие архивные документы стали доступны, многие факты и обстоятельства уже высвечены со всех возможных ракурсов. Сколько же можно исходить из того, что наврал Жуков?!

Формулировка второго вопроса однозначно и безупречно свидетельствует о том, что распоряжение о выходе войск прикрытия на государственную границу имело место за несколько дней до нападения Германии! Если бы такого распоряжения не было, то никто, даже сам Сталин, не посмел бы так сформулировать вопрос. Но раз уж вопрос сформулирован имен-

⁹⁵² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е изд. М., 1990, т. 2, с. 25.

ческих, то есть территориальных стремлений». Причем Рузвельт еще тогда, в 1937 г., оговорился, что в таком случае должны будут вмешаться европейские государства (он имел в виду прежде всего Великобританию), и Америка встанет на их сторону. А незадолго до нападения Германии на СССР Рузвельт еще раз подтвердил эту позицию. И не просто подтвердил. По донесениям разведки стало известно, что нанесение упреждающего удара, хотя его никто в высшем советском руководстве не планировал и даже не замышлял, будет расценено США и Англией как акт агрессии, вследствие чего Вашингтон и Лондон пойдут на союз с Гитлером против СССР⁹⁵³. Почему в Вашингтоне и Лондоне сочли возможным принять во внимание всего лишь иллюзорно-гипотетическую возможность превентивного удара со стороны СССР и сделать такое предупреждение — так и хрен поймешь этих долбаных англосаксов. Проще говоря, это был далеко не простой вопрос — это была сложнейшая международная проблема, которую Сталин намерен был решить в пользу СССР и потому предпринимал все мыслимые и немыслимые меры, чтобы добиться именно такого решения.

Кстати говоря, Жуков в определенной мере знал расклад позиций по внешнеполитическим вопросам в представлении Сталина. В архиве конфиденциальной информации Госдепартамента США сохранилась запись состоявшейся 20 мая 1941 г. беседы югославского военного атташе в Москве с Жуковым, в которой начальник Генштаба, по словам атташе, заявил следующее: «Советы через некоторое время будут воевать с Германией и ожидают вступления в войну Соединенных Штатов, и что Советское правительство не доверяет Англии и подозревает, что миссия Гесса была направлена на то, чтобы повернуть войну против СССР»⁹⁵⁴.

Дополнительный комментарий. Вот и попробуйте после этого понять «концепцию» Жукова о внезапности — ведь сам же за месяц об этом говорил! Кроме того, следует иметь в виду следующее. Как начальник Генерального штаба, Жуков знал и о меморандуме английского правительства в адрес правительства СССР. Он был вручен Молотову в середине апреля 1941 г. Фактически это была попытка официального Лондона шантажировать Москву возможностью сговора с Гитлером! Там, в частности, подчеркивалась мысль о том, что в случае затягивания войны определенные круги в Англии могут положительно воспринять идею о прекращении войны с рейхом на германских условиях. А уже вследствие этого Берлину откроется простор для экспансии в

*восточном направлении. Более того, в тексте меморандума содержался и вовсе донельзя характерный для Великобритании хамский выпад против СССР: «Правительство Великобритании не заинтересовано столь непосредственно в сохранении неприкосновенности Советского Союза, как, например, в сохранении Франции и некоторых других западноевропейских стран»! Такой же была и концовка меморандума: «Намерено ли Советское правительство улучшить отношения в Англией, или оно желает оставить их в таком состоянии, в каком они находятся сейчас?»***

То есть, если по-простому, Жуков и тогда знал, что Сталин опасается провокации, которая неминуемо приведет к вооруженному столкновению с Германией, которое он всеми силами пытался не столько даже оттянуть, сколько сорвать план нападения летом 1941 г. Более того. Он прекрасно знал, что настороженность Сталина достигла своего апогея именно после того, как стало известно о миссии Р. Гесса.

Естественно, что в той сложнейшей ситуации преждевременный вывод советских войск на государственную границу мог действительно спровоцировать войну, зачинщиком которой выглядел бы именно СССР. Жуков все это знал, но соврал, как очевидец, которому надо было на кого-то спихнуть с себя ответственность за тот немыслимо преступный бардак, что творился в войсках. За то, что руководимые им и Тимошенко войска, несмотря на выданные за четыре дня до нападения соответствующие санкции, не были приведены в боевую готовность. За то, что руководимые ими войска, несмотря на еще ранее выданные за четыре дня до нападения распоряжения даже в эти четыре дня до нападения не были полностью выведены в предназначенные для них районы прикрытия и не заняли предназначенные им рубежи обороны.

Но, быть может, не только из-за этого. В конце концов, подстава войск под неминуемый разгром — ради последующего государственного переворота на фоне поражения — одним из вариантов реализации имела провоцирование противника на внезапное нападение, для которого нужен был какой-нибудь предлог. Ведь супостаты вплоть до дня нападения непрерывно слезно выли, что Советы ни так ни сяк не дают повода обвинить их в агрессивных намерениях. А тут такой прекрасный повод мог появиться — советы выводят свои войска на государственную границу. И иди потом доказывай, что это только в целях обороны или даже прикрытия. Ничего не докажешь. Особенно в ситуации того крайне сложного и противоречивого времени. Тем более в обстановке буквально «девятого вала» не

⁹⁵³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Книга 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000, с. 166.

⁹⁵⁴ 74.0011/11348 118 8Ше ОерарЧнеШ КонЯеепя! Рие ЫаЮпа! АгсЫеуз.

⁹⁵⁵ *ТУоосЫзбЫ I. ЫрШЗь Рое!\$п РоНсу ш Ше Ёесоп<1 №6г1<1 ^аг. Ыопёоп. 1970. Уол.1. Р. 604.*

менее противоречивой, трудно проверяемой информации, в которой дезинформация намертво была увязана с отдельными крупными жестко целенаправленно дозированной правды. Естественно, что в такой ситуации вывод передовых частей РККА в предполье в первой декаде июня очень легко мог быть истолкован как однозначное свидетельство того, что СССР изготавливается для нападения на Германию. Проще говоря, что СССР провоцирует войну.

Так вот в том*то все и дело, что Тимошенко действительно дал такой повод. Но суть дела в том, что подлинная первопричина упомянутого Жуковым разноса выставляет Тимошенко и Жукова в очень неприглядном свете, если не сказать, что в роли провокаторов войны. 9 июня 1941 г. начальники укрепленных районов на западной границе получили приказ занять предполье*⁶. Без санкции на то со стороны правительства СССР?! Никто, кроме Тимошенко и Жукова, не мог дать и не давал такое распоряжение! Только они — Тимошенко и Жуков. Попытки же ряда авторов приписать эту выходку некоей смелости командующих округами, армиями и УРаи — просто бессовестны. Ни один командующий в приграничной зоне на такое никогда не пойдет, не имея прямой санкции со стороны Центра, то есть либо ГШ, либо НКО (МО), или же их совместной санкции. Тем более в то время.

Однако вот ведь какое дело получается. Кирпонос-то с их санкции (явно устной — ибо дуэт стремился письменных следов не оставлять, а если оставлял, то только в свою пользу) полез в предполье еще 30 мая⁹¹⁷. А 9 июня ими же санкционированный, так сказать, «почин» Кирпоноса Тимошенко и Жуков «узаконили», дав в приграничные округа директиву о занятии предполья по всей западной границе. Все это оставляет впечатление операции прикрытия незаконных действий Кирпоноса, которые он предпринял по устной санкции Тимошенко—Жукова. Так вот и спрашивается, зачем они предприняли такой шаг?!

Ведь что более всего поражает, так это то, что сие их действие жестко и прочно уложилось в концепцию^ германского теоретика и практика Вильгельма Йозефа фон Лееба (в 1941 г. командующий ГА «Север»), которую он изложил еще в 1938 г. в книге под названием «Оборона»⁹⁵⁸. Да, понятно, что ни Жуков, ни Тимошенко таких

мудреных книг не читали даже в переводе на русский язык, хотя труды того же фон Лееба переводились на русский язык, в том числе и ранее. И даже использовались при составлении советского Полевого Устава еще в середине 30-х гг. XX века. Они и сводок-то да аналитических записок ГРУ толком не читали, а Жукову они, видите ли, и вовсе не нужны были! Хотя книга фон Лееба стоила того, чтобы ее прочесть, и не единожды. Ведь она была переведена на русский язык. Прежде всего потому, что германский генерал прекрасно обобщил опыт русской армии при осуществлении активной обороны. Фон Лееб отлично показал, что в современной (на то время) войне наиболее целесообразно обороняющимся войскам постепенно уступать свою территорию, заставляя наступающую сторону нести очень большой урон. В первую очередь из-за растянутых коммуникаций, крайне болезненно подверженных ударам сильных, маневренных частей.

Проще говоря, фон Лееб весьма объективно трансформировал разработанную еще в начале XIX века одним из самых талантливейших аналитиков военной стратегии того времени, бывшим советником Наполеона, впоследствии генерал-майором русской армии и одним из основателей Военной академии России Антуаном Жомини идею стратегической активной обороны. Именно он разработал концепцию стратегической активной обороны при отпоре агрессии Наполеона против России, сделав особый акцент на активные действия сильных маневренных частей и соединений на растянутых коммуникациях противника, по которым осуществляется снабжение противника.

Но более всего книгу фон Лееба стоило прочесть именно из-за того, что изложенной на ее страницах доктриной предусматривалось откровенное провоцирование противника перед началом войны на якобы упреждающее, превентивное выступление. А спровоцировав чужими руками действительное начало войны, уничтожить затем ударную силу противника якобы в оборонительных боях!

Так вот и спрашивается, не много ли получается совпадений между планами и действиями Тимошенко—Жукова с тем, что задумывали и делали (или пытались сделать) германские генералы?! Ведь сколько таких совпадений было показано на страницах этой книги. Возьмем хотя бы только два случая.

1. Набившая невероятную оскомину, более чем неуместная концепция о якобы «упущенном шансе Сталина», согласно которой СССР, видите ли, упустил возможность нанести превентивный удар по Германии, с планом которого Жуков и Тимошенко якобы обращались к Сталину, да он им чуть головы не оторвал. Если исходить из этой байки, то искренне жаль, что не оторвал...

Потому что это был чистейшей воды план подставы советских войск под неминуемо неизбежный, катастрофический разгром и поражение

⁹⁵⁶ Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг. Сборник документов и материалов. М., 1970, с» 380.

⁹⁵⁷ *Иринархов Р.* Красная Армия в 1941 году. Перед грозными испытаниями. М., 2009, с. 414.

⁹⁵⁸ *Помогайбо А.* Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2001, с. 421; *Митчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. М., 1998, с. 174.

с крайне негативными, фактически необратимыми последствиями, что через четверть века после войны признал сам Жуков.

Справка. Маршал Жуков признал это в процессе обсуждения якобы плана от 15 мая 1941 г. известным в свое время историком В.А. Анфиловым ориентировочно в 1966 г. Упрямо настаивая на том, что-де якобы план докладывался Сталину, Жуков заявил тогда, что его реализация явилась бы ужасной ошибкой, и если бы Красная Армия в то время получила бы разрешение нанести превентивный удар, то она была бы немедленно уничтожена⁹⁵⁹. Жуков также добавил, что это была бы катастрофа похлеще, чем Харьковская.

В том числе даже для столь обожаемого ими Киевского округа, на долю которого выпадал главный удар, вследствие чего своим правым флангом он отлично подставился бы под неминуемый удар немцев с севера (войсками правого фланга ГА «Центр») и далее войска округа были бы разгромлены и уничтожены. Но на их счастье, этот проектный документ они никогда не докладывали Сталину. Иначе точно встали бы у расстрельной стенки, а список «невинных жертв сталинизма» пополнился бы еще двумя, не столь уж и громкими в 1941 г. фамилиями...

2. И упомянутая выше директива от 9 июня командующим укрепленными районами приграничных округов о занятии предполья. Эта директива вообще тютелька соответствовала концепции фон Лееба. Ведь преждевременный вывод (передовых) частей РККА в предполье давал обильную пищу для всякого рода инсинуаций на эту тему, а вот свои изначально сугубо агрессивные действия можно было выставить уже как сугубо оборонительные. В том числе и при фактическом нападении, то есть оправдать их тем, что-де вынуждены были превентивно защищаться. В конце концов Гитлер так и сделал, хотя и бездоказательно, — никто в мире ему и не поверил. К тому же и Сталин заблаговременно лишил Гитлера какой бы то ни было аргументации в оправдание вероломной агрессии. Тем более что сам Сталин никаких агрессий против Германии и никаких нападений на Германию не планировал.

Трудно сказать, знали ли Жуков, Тимошенко, Мерецков, Василевский и другие хотя бы после войны о концепции фон Лееба. Еще труднее даже косвенно установить, понимали ли они, что все их байки об их слезных мольбах в первой декаде июня разрешить развертывание войск эшелона прикрытия и второго эшелона, родом из концепции фон Лееба и действительно были способны спровоцировать войну. Соответственно и «естественно», что они не мудрствовали лукаво, и в результате виноватыми оказались Сталин и Берия. А кто же еще, кроме этих лиц кавказской национальности?! Тем более что мертвые сраму не имут, особенно нагло да прилюдно оклеветанные!..

Только вот в чем все дело-то. Не лживые выдумки Жукова, а подлинные, настоящие факты того времени однозначно свидетельствуют, что в этом вопросе ни Сталин, ни Берия ни в чем не виноваты. Так что пора прекращать клевету в их адрес, тем более опираясь на слова Жукова. Да и не только его. Ведь он не был единственным, кто клеветал на эту тему. А.М. Василевский примерно за год до того выступления Жукова, еще в 1965 г., попытался опубликовать свое интервью (от 2 августа). В нем он вменял Сталину в вину, что тот не допустил развертывания всех сил прикрытия и второго эшелона, что не соответствовало фактам истории. 20 августа 1965 г. по этому вопросу было запрошено Политбюро ЦК КПСС на предмет получения санкции на публикацию интервью Василевского. Политбюро затребовало мнение Жукова о содержании предполагавшегося интервью Василевского, в котором намечалось также раскрыть факт существования якобы отвергнутого Сталиным «гениального плана» от 15 мая 1941 г. Жуков тогда выступил фактически в роли «защитника» Сталина. Прямо на запросе он написал следующее: «Объяснения А.М. Василевского не полностью соответствуют действительности. Думаю, что Советский Союз был бы скорее разбит, если бы мы все свои силы накануне войны развернули на границе, а немецкие войска имели в виду именно по своим планам в начале войны уничтожить их в районе госграницы... Тогда бы гитлеровские войска получили бы возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 г.»⁹⁶⁰

Что касается «гениальности» этого якобы плана, то об этом уже говорилось ранее. Так что повторять не будем. Только еще раз подчеркнем, что этот проектный документ не только никогда не докладывался Сталину, но и никогда не покидал стен Генерального штаба, а с 1948 г. и вовсе оказался в его особом архиве, откуда «выплыл» только в начале 90-х гг. прошлого столетия. В свое время один из руководителей Генерального штаба Советского Союза, генерал-полковник А.Н. Клейменов, достаточно ясно выразился по поводу этого плана: «...Это один из многочисленных черновых рабочих проектов, которых в любом оперативном органе разрабатывается немало, прежде, чем рождается план, директива или иной документ»⁹⁶¹.

А вот что касается заявления Жукова, то тут только и остается, что руками разводять да

⁹⁵⁹ См.: Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1995, с. 294—297.

⁹⁶⁰ Горьков Ю. Государственный Комитет Обороны Постановляет. М., 2002, с. 548; «Неопубликованное интервью маршала Советского Союза А.М. Василевского» // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 6; Зенькович Н. Тайны уходящего века. Т. 2. М., 1998, с. 73.

⁹⁶¹ «Красная звезда». 1990, 18 августа.

плечами пожимать. Неужели Жуков не понимал, что лжет?! Неужели не понимал, что год назад он письменно указал совершенно другое?!

Справка. Откровенно говоря, болтать на эту тему Жуков и Тимошенко начали еще в 1955 г., во время разбора итогов учений в белорусском военном округе. А на учениях в том же Белорусском округе в 1957 г. Тимошенко и вовсе изрек какую-то несусветную чушь — якобы 11 мая 1941 г. Гэневских мемуарах, что «...командиры пограничного штаба направил в приграничные округа директиву частей НКВД получить спецукказание быть в готовности к наступлению в случае начала массированного вторжения вермахта на Британские острова»⁶². Между тем к этому времени ГРУ уже достаточно ясно показало, что это блеф. И разведка НКГБ СССР тоже. Сталин же говорил о том, что это блеф, еще в ноябре 1940 г.

И тут, конечно, не обойтись без четкого разъяснения того, что же на самом деле случилось в первой декаде июня 1941 г. и что за этим последовало. Весь сыр-бор разгорелся тогда из-за того, что 10 июня Москве стало известно, что войска Киевского округа полезли в предполье. Сообщение об этом пришло по каналам НКВД СССР. Сталину доложил об этом Берия. Дело в том, что предполье — это для вояк, а для пограничников, входивших в состав НКВД СССР, — это пограничная зона, то есть строго режимная территория сугубо их ответственности, за которую они отвечают в прямом смысле головой. На то и пограничники.

Войти же в эту зону в мирное время войска регулярной армии могли только, во-первых, при наличии прямой согласованности таких действий между высшим командованием погранвойск и РККА. В данном случае между Л.П. Берия и Тимошенко и Жуковым, так как последние двое обязаны были точно указать, в каких конкретно местах регулярные войска должны войти в предполье, ибо обычно в таких случаях необходимо снимать погранзаграждения, а то и погранохрану. Супостаты, например, действовали именно так. Режим погранзоны практически во всех государствах примерно одинаковый. Во-вторых, что и есть самое главное, это возможно было осуществить только при наличии непосредственной санкции на это со стороны правительства СССР, для получения которой высшее военное командование должно было представить безупречное обоснование. А безупречным обоснованием в этом случае могли быть только абсолютно не вызывающие никаких сомнений и подозрений разведывательные данные о точной дате нападения и начале выдвижения войск противника на исходные для нападения позиции, каковых в первой декаде июня еще не было. Проще говоря, сначала Тимошенко и Жуков должны были обосновать необходимость вывода войск на границу, получить эту санкцию и только потом,

опираясь на нее, согласовать все вопросы ввода регулярных войск в погранзону с руководством НКВД СССР. Только тогда все это приобрело бы перед, признал, что порядок выхода регулярных войск в предполье и вообще к государственной границе действительно был нарушен, указав в Гэневских мемуарах, что «...командиры пограничных частей НКВД получили спецукказание Берии сообщать ему о всех нарушениях порядка выдвижения частей оперативного прикрытия...»⁶³

Еще раз обращая внимание на то, что выход частей собственной регулярной армии на линию государственной границы в мирное время есть обладающий исключительными резонансными последствиями вопрос внешней политики государства! А внешней политикой занимается правительство государства. С начала мая 1941 г. его возглавлял лично И.В. Сталин. Соответственно получилось следующее.

Двинув войска в предполье, командующий КОВО, который действительно опирался на некую санкцию Тимошенко — тут Жуков прав, ибо Кирпонос самостоятельно не мог принять такое решение, ибо всегда слепо выполнял указания высшего военного руководства, — самым неподобающим образом вместе с наркомом обороны влез в компетенцию главы правительства. Причем с явной перспективой самых негативных последствий для всего государства. Естественно, что без соответствующей и вполне заслуженной нахлобучки за это самовольство не могло обойтись. К слову сказать, они еще весьма дешево отделались. Хотя уже тогда им самое место было в подвале Лубянки, о котором постоянно расписался Жуков. Короче говоря, по поручению Тимошенко 10 июня 1941 г. Жуков устроил разнос Кирпоносу, направив ему телеграмму следующего содержания: «ДИРЕКТИВА НАЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ ВОЕННОМУ СОВЕТУ КОВО (В КОПИИ — ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР МАСЛЕННИКОВУ)

10 июня 1941 г.

Совершенно секретно

Начальник погранвойск НКВД УССР донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такое действие может спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чревато всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и доложите, кто кон-

⁶² Суровое В. Ледокол-2. Минск, 2002, с. 52, 56.

⁶³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е изд. М., 1990, т. I, с. 385—386.

кретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков»⁴⁶⁴.

11 июня последовала дополнительная раз-
носная телеграмма-директива Жукова в адрес
не только Кирпоноса, но и командующих другими
приграничными округами: «ТЕЛЕГРАММА НА-
ЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ КО-
МАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ КОВО

11 июня 1941 г.

Совершенно секретно

Народный комиссар обороны приказал:

1). Полосу предполья без особого на то
приказания полевыми и уровскими частями
не занимать. Охрану сооружений организо-
вывать службой часовых и патрулированием.

2). Отданные Вами распоряжения о занятии
предполья уровскими частями немедленно
отменить. Исполнение проверить и донести к
16 июня 1941 г. Жуков»⁴⁶⁵.

Первым в предполье полез командую-
щий КОВО Кирпонос, на основании окружного
«плана подготовки армейских управлений
по управлению армейской оборонительной
операцией с устройством полевой обороны
с предпольем и с последующим переходом в
контрнаступление»⁴⁶⁶. Ведь именно КОВО от-
водилась роль «первой скрипки» в реализа-
ции «безграмотного сценария» немедленного
встречно-лобового контрблицкрига по факту на-
падения! Вот под завесой этого, разработанного
только для прикрытия истинных намерений «киев-
ской мафии», плана Кирпонос и полез в предпо-
лье на основании негласной санкции Тимошенко.
Жуков был прав, сказав, что именно Тимошенко
двинул войска, но не прав в том, что сделал вид,
что ему не было известно об этом. Но тут есть
еще одна хитрость. Когда 30 мая Кирпонос полез
в предполье, тогда действительно была только
негласная, естественно, только устная санкция
Тимошенко—Жукова. 9 июня они узаконили это
безобразие приказом начальникам укрепленных
районов занять предполье. А уже под эту дудку в
предполье полезли и полевые войска, а не только
уровские. Потому в итоге это и закончилось раз-
носом и нахлобучкой.

Естественно, что не имевшее на этот счет
никаких указаний командование погранвойск
НКВД УССР немедленно отреагировало и тем
самым своевременно помешало грозившим не-
гативными последствиями несанкционирован-

ным действиям вояк. Ну, а Берия в силу своих
обязанностей доложил об этом Сталину. Так что
нет никаких оснований в очередной раз делать из
Берия «пугало».

Алогичность этой истории в извращенном из-
ложении Жукова, явно рассчитанном на незнание
массовым читателем специфики НКВД СССР на-
кануне войны, а также подлинных обстоятельств
появления таких указаний, просто поражает. Во-
первых, тем, что врать-то тоже надо уметь, а не
тупо лгать. Во-вторых, тем, что в первоизданном
виде сохранено одно из серьезнейших доказа-
тельств того, что подготовка к незаконному не-
медленному — по факту нападения — встречно-
лобовому контрблицкригу действительно имела
место. И действительно негласно, с соблюдением
мер маскировки и дезинформации высшего ру-
ководства СССР, а, следовательно, незаконно и
умышленно, втайне, особенно от Сталина!

Ведь если бы Сталин был в курсе планиро-
вавшегося дуэтом Тимошенко—Жуков немед-
ленного встречно-лобового контрблицкрига и тем
более если бы он сам же лично и одобрил заре-
нее такой план, то ни при каких обстоятельствах
разнос по поводу занятия войсками КОВО пред-
полья не состоялся бы! Соответственно и Берия,
и подчинявшийся ему начальник погранвойск
НКВД УССР (генерал В.А. Хоменко) были бы в
курсе законности выхода регулярных войск в
предполье и потому не стали бы докладывать об
этом в Москву.

Еще раз обратите внимание на то, что этот
фокус с предпольем был осуществлен именно
в КОВО, на который согласно незаконно про-
ращенному в жизнь «безграмотному сценарию
вступления в войну» и возлагалась задача на-
несения главного удара в рамках немедленного
встречно-лобового контрблицкрига! Вспомните
также и то, что именно КОВО среди трех основ-
ных западных округов первым начал готовиться
к немедленному встречно-лобовому контрблиц-
кригу по утвержденному его командующим плану
№ А/009 от 5 февраля 1941 г.

Учитывая же, что 11 июня аналогичные пред-
упреждения о недопустимости занятия предполья
без специального разрешения были направлены
также и командующим другими западными при-
граничными округами, тем более выходит, что ни
Сталин, ни Берия не были в курсе того, что не-
гласно замышляло военное командование. От
Тимошенко и Жукова до командующих округами!

Вновь обращаю внимание на специфику по-
лучения законной санкции на выход регулярных
войск на государственную границу, в предпо-
лье. Но этого не было. Санкции на это не было,
как, впрочем, не было и никакого обоснования
со стороны Тимошенко и Жукова. В КОВО был
только окружной «план подготовки армейских
управлений по управлению армейской обо-
ронительной операцией с устройством поле-

⁴⁶⁴ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 425.
Машинопись, заверенная копия. В литературе
фигурирует также и другая ссылка: ЦА МО РФ.
Ф. 251. Оп. 1554. Д. 4. Л. 425.

⁴⁶⁵ ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14.
Л. 431—432. Машинопись, заверенная копия.
В литературе фигурирует также и другая ссылка:
ЦА МО РФ. Ф. 251. Оп. 1554. Д. 4. Л. 431-432.

⁴⁶⁶ РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450. Л. 51—
79, 83.

вой обороны с предпольем и с последующим переходом в контрнаступление».

А теперь обратите внимание на то, что же сделал Жуков, причем явно с согласия Тимошенко. Устроив 10 июня Кирпоносу вроде бы разнос за несанкционированный выход в предполье и потребовав немедленно отменить все распоряжения на эту тему, Жуков милостиво разрешил донести об исполнении его же директивы аж 16 июня 1941 г., то есть через 6 дней! Потребовал немедленно отменить все распоряжения по выходу в предполье, а об исполнении донести через 6 дней?! Как вы думаете, что это означает? А ничего, кроме того, что Жуков разрешил — с ведома Тимошенко — оставить войска КОВО в предполье до 16 июня, потому как до конца первой декады июня все еще «плыла» информация о том, что супостаты нападут вроде бы 15 июня. А ежели и впрямь супостаты нападут 15 июня, то тогда аккурат с предполья войска КОВО и рванут в немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения) И кто потом будет выяснять, исполнил ли Кирпонос директиву ГШ от 10 июня и донес ли об исполнении 16 июня? Сами понимаете, что никто, особенно в случае все еще грезившейся дуумвирату Тимошенко-Жуков победы в таком контрблицкриге.

Дополнительный комментарий. Небезынтересно заметить, что точно так же обычно рассуждал и Гитлер. Так, за десять дней до нападения на Польшу он заявил своим генералам: «Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, все равно, достоверен он или нет. У победителя потом не спрашивают, сказал ли он правду или нет. В начале и в ходе войны важно не право, а победа»⁹⁶⁷.

Между прочим, в этот же период решался и вопрос о переходе погранвойск в подчинение полевого командованию Красной Армии. К середине июня вопрос был согласован. И при наличии одобрения Сталина Берия передал соответствующий приказ в подчиненные ему погранвойска о том, что с возникновением военных действий они должны перейти в подчинение полевого командования Красной Армии. С 16 июня они уже распоряжались им⁹⁶⁸. Как отмечалось ранее, погранвойска могут перейти в подчинение полевого командования регулярной армии только в оборонительных боях.

А теперь сравните. Сталин и Берия решают вопрос о погранвойсках указанным образом, и 16 июня пограничникам уже поступил соответствующий приказ. А дуумвират Тимошенко-Жуков милостиво разрешает Кирпоносу сидеть в

предполье до 16 июня (подчеркиваю, что 6 дней срока для выполнения приказа о немедленном исполнении по-другому не расценить). И в итоге выходит следующее. Сталин и Берия четко ориентировались на оборону. А главари «киевской мафии» Тимошенко и Жуков, а вслед за ними и Кирпонос — на «безграмотный сценарий», то есть незаконный немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения! Уж не потому ли в послевоенное время, особенно после смерти Сталина, Жуков так взъелся на Берия, что именно он и его славные пограничники помешали реализовать «безграмотный сценарий»? Да и не только он один, а многие маршалы и генералы.

Почему «вслед за ними и Кирпонос»? Да потому, что, несмотря на полученный из Москвы вполне законный втык за «самовольный» выход в предполье, Кирпонос всего через пять дней опять попытался туда выйти и просил санкции на это у Генерального штаба. Свидетельствует генерал А.А. Лобачев, автор книги «Трудными дорогами» (М., 1960). В июне 1941 г. А.А. Лобачев был членом Военного совета 16-й армии (командующий генерал М.Ф. Лукин), которая перебрасывалась в КОВО. Управление 16-й армии прибыло в КОВО из Забайкалья раньше частей и соединений армии. Лобачев, прибыв в Киев 15 июня, естественно, направился к своему командарму. И вот что он пишет: «...15 июня я приехал в Киев и направился к Михаилу Федоровичу Лукину. Командарм наш стал резок на слово, что с ним бывало, когда он встречался с серьезными трудностями. Он уже ориентировался в состоянии дел на месте, разговаривал с командующим округом генерал-лейтенантом М.П. Кирпоносом. Состоялся обмен мнениями по поводу обстановки на Западе. Лукин считал, что война вот-вот начнется. Кирпонос разделял это мнение. Командующий округом только что вел переговоры с Москвой. Он просил разрешения занять укрепления, двинуть войска к границе, вернуть с полигонов артиллерию, части связи и саперов. Ему отказали.

* Дали понять, что войны не будет, — заявил М.П. Кирпонос...»⁹⁶⁹.

Как видите, в попытках занять УР Кирпонос не унимался, даже получив серьезный втык из Москвы. И 15 июня предпринял новую попытку получить санкцию на это. То ли не понимал, что к чему, то ли проявлял то самое рвение, которое хуже преступления. Но это еще что.

15 июня в округ поступила директива Центра от 12 июня (по архивам от 13 июня; более подробно об этом казусе с датами см. ниже) о выводе частей и соединений второго эшелона в сторону границы. Причем в районы, указанные Генеральным штабом, к тому же «согласно при-

⁹⁶⁷ Война Германии против Советского Союза. 1941—1945. Берлин. На русском языке. 1992, с. 32.

⁹⁶⁸ Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг. Сборник документов и материалов. М., 1970, с. 163.

⁹⁶⁹ Цит. по Интернету: Нир://тПкега.Нб.ги/тето/ги\$81ап/1обасНеу-аа/тс)ех.Ып1/

лагаемой карты», а не в соответствии с планом прикрытия. Вот ее текст:

«ДИРЕКТИВА НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР И

НАЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

ВОЕННОМУ СОВЕТУ КОВО

№ 504205

13 июня 1941 г.

Совершенно секретно
Особой важности

Для повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 г. все глубинные дивизии и управления корпусов с корпусными частями перевести ближе к госгранице в новые лагеря, *согласно прилагаемой карты.*

1) 31 ск — походом; 2) 36 ск — походом; 3) 55 ск — походом; 4) 49 ск — по железной дороге и походом; 5) 37 ск — походом.

Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их к госгранице, в случае необходимости, может быть произведен только по моему особому приказу. 164 сд для лагерной стоянки вывести к 17 июня 1941 г.:

1) один сп — в Дунаевцы, 20 км. сев. Герца; 2) один сп — в район Ларга; 3) остальные части — в район Хотин.

Передвижения войск сохранить в полной тайне. Марш совершать с тактическими учениями, доночам. С войсками вывести полностью возимые запасы огнеприпасов и горюче-смазочных материалов. Для охраны зимних квартир оставить строго необходимое минимальное количество военнослужащих, преимущественно малоприспособленных к походу по состоянию здоровья. Семьи не брать. Исполнение донести нарочным к 1 июля 1941 г. ПРИЛОЖЕНИЕ: карта 500 000 — одна. Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С. Тимошенко. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Г. Жуков».

То есть, пускай и частично, но по факту был введен в действие план прикрытия, хотя выдвижение, подчеркиваю это обстоятельство, должно было происходить в другие места. Цель вывода — повышение боевой готовности. Но когда Кирпонос вновь попытался получить санкцию на вывод войск в УР и предполье, то из Москвы «дали понять» Кирпоносу, что войны не будет?! «Из Москвы» означает, что Кирпонос разговаривал по телефону либо с Тимошенко, либо с Жуковым, либо с ними двумя. Потому что командующему округом по рангу положено по принципиальным вопросам связываться именно с наркомом обороны или начальником Генерального штаба. А он и поставил перед ними принципиальный вопрос — дать санкцию на выход войск в УР и предполье. Следовательно, теми, кто в телефонном разговоре с Кирпоносом «дал понять, что войны не будет», были именно Тимошенко или

Жуков или же они вместе. Ни один другой, даже высокопоставленный сотрудник НКО или ГШ, не посмел в те времена выдать такой, с позволения сказать, «прогноз». Здорово, да?! Направить в округ директиву о том, что в целях повышения боевой готовности приступить к выводу частей и соединений второго эшелона в сторону фаницы, а после этого дать понять, что войны не будет?! Причем, учитывая, что директива поступила в округ 15 июня, выходит, что тут же успокоили тем, что-де войны не будет?! На каком основании? Формально приходится грешить на Сообщение ТАСС от 13/14 июня. Однако если исходить из мемуаров не хуже Жукова знавшего, что творилось на «кухне» Генштаба в самый канун войны, маршала А.М. Василевского, то оснований для таких заявлений не было. Василевский прямо указал: «В этой связи, думаю, уместно остановиться на известном Сообщении ТАСС от 14 июня (на самом деле от 13 июня.. — А. М.)... Это сообщение и сейчас нередко толкуется вкривь и вкось. Говорится, к примеру, что оно сыграло чуть ли не роковую роль в неудачном начале войны, так как дезориентировало страну.

Слов нет, оно вызвало в первый момент у нас, работников Оперативного управления, некоторое удивление. Но за ним не последовало новых принципиальных указаний относительно Вооруженных сил и пересмотра прежних решений о боевой готовности, и мы пришли к выводу, что это дипломатическая акция нашего Правительства и в делах Министерства обороны ничто не должно измениться. К тому же Н.Ф. Ватутин (тогда первый заместитель начальника ГШ, начальник Оперативного управления ГШ. — А. М.) уже к концу дня разъяснил, что целью Сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев. Поэтому считаю неправильным представлять Сообщение ТАСС как документ, который якобы успокоил и чуть ли не демобилизовал нас»!⁹⁷⁰

Любопытная деталь. В первом издании его мемуаров, в 1974 г. (оно же прижизненное), приведенная выше цитата фигурировала как сноска-пояснение. Однако в последующих изданиях она перекочевала в основной текст, в результате чего статус и значимость слов Василевского резко возросли. Его ли эта инициатива была или кого-то другого — сейчас уже не установить. Главное же в том, что он начисто дезавуировал какое-либо расслабляющее военных воздействие этого Сообщения ТАСС.

Так вот, на каком же основании Кирпоносу дали такое успокоение, если в Генштабе четко знали, что это специальная акция для проверки намерений гитлеровцев? Василевский-то ясно показал, что высшее советское политическое руководство не стало скрывать от высшего военного

⁹⁷⁰ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 120.

командования подлинный смысл этого Сообщения ТАСС. Тем более что к 15 июня стала проясняться ситуация с датой нападения. Еще не до конца, но уже было более или менее понятно, когда произойдет нападение. Вспомните, что было указано на этот счет в главе о разведке. Вот то-то и оно, что волей-неволей заподозришь если и не злой, то по меньшей мере явно далеко не праведный умысел в таких успокоениях Кирпоносу...

Однако все дело в том, что, повторно обратившись за разрешением на выход в УР и предполье, Кирпонос явно просил не санкции на это, а подтверждение ранее данной на это же санкции. Но поскольку, с одной стороны, командующий округом уже получил серьезный втык за это, а с другой, Жуков милостиво разрешил ему сидеть в предполье до 16 июня, то решивший более не испытывать судьбу и не подставлять свою голову на плаху Кирпонос попросил подтверждения ранее выданной санкции. Чему и стали свидетелями Лукин и Лобачев. Только они, конечно, ничего этого не знали.

Комментарий. Парадоксальным образом некоторые исследователи полагают, ссылаясь на воспоминания ряда ветеранов, что войска и так с мая более не могли выдвигаться в сторону границы, а отвели их в тыл — 15 июня эти учения заранее планируются. Жесткой критикой Парадокс тут в том, что правда содержит ложь, а ложь состоит из правды. Действительно, для усиления погранслужбы на отдельных участках пограничникам придали немногочисленные войсковые подразделения. Но это не есть выход регулярных войск в предполье. Тем более что такие вопросы согласовывались и санкционировались главами двух ведомств — НКВД и НКО/ГПШ. А то, что это усиление отвели в тыл 15 июня, — факт.

Короче говоря, выходит, что если бы Сталин как следует не «намылил холку» Генштабу и НКО, то Кирпонос так и сидел бы в предполье до 16 июня! Но Сталин был Сталин, и уже 11 июня Жуков вынужден был направить аналогичную директиву командующим другими округами! Вот почему Кирпонос и полез с упомянутой просьбой. В то же время действия Сталина еще более убеждают в том, что ни к каким контрблицкригам, не говоря уже о блицкригах, лично он, Иосиф Виссарионович Сталин, не готовился!

Но и это еще не все. Согласно свидетельству генерала А.А. Лобачева, Кирпонос просил своих визави по телефонному разговору разрешить вернуть с полигонов артиллерию, части связи и саперов. В чем ему так же отказали, как и в вопросе о выводе войск в УР и предполье. Сам этот факт достоин такого же внимания, как и предыдущее. Потому что здесь и сокрыты ответы на четвертый и даже пятый вопросы Сталина, которые ВИЖ не публиковал. Помните, ранее уже указывалось, что в своих мемуарах Жуков не очень умно отбрехался от ответственности за то, что к началу войны подавляющая часть артиллерии округов, в том числе и КОВО, находилась на

учебных полигонах. Далеко не самым изысканным способом Жуков свалил всю ответственность за это на командующих округами, особенно Кирпоноса и Павлова, и слегка — на Тимошенко. Мол, командующие округами в мае—июне сами принимали решения о направлении артиллерии на учебные полигоны, имея в виду некоторую рекомендацию наркома обороны.

Так вот, озвученная Кирпоносом в телефонном разговоре с Москвой (то ли с Тимошенко, то ли с Жуковым, то ли с ними двумя — разницы никакой) просьба разрешить вернуть с полигонов артиллерию, части связи и саперов, означала следующее. Указание, именно указание, а не самостоятельные решения командующих округами об их направлении туда было дано именно наркоматом обороны и Генштабом. То есть теми же Тимошенко и Жуковым! Иначе Кирпонос не просил бы у них разрешение на возврат артиллерии в свои части.

Будучи в здравом уме, никто не будет оспаривать то обстоятельство, что и артиллеристам, и связистам, и саперам, и другим тоже периодически необходимо учиться и переучиваться. Тем более нельзя критиковать то обстоятельство, что эти учения заранее планируются. Жесткой критикой подлежат совершенно другие обстоятельства. Прежде всего то, что нельзя было чехом гонять артиллерию с полигонов едва ли не всю артиллерию частей и соединений. Но особенно жестокой критике должно быть подвергнуто то, что артиллерию не разрешили возвратить в части одновременно с санкцией на вывод войск в сторону границы, тем более что этот вывод мотивировался необходимостью повышения боевой готовности войск. Но какое, к чертям, повышение боевой готовности, если в выходящих в целях повышения боевой готовности в сторону границы частях нет артиллерии. И уж тем более преступным становится отсутствие разрешения на возврат артиллерии в части после директивы от 18 июня о приведении войск, по крайней мере первого оперативного эшелона, в боевую готовность. Ведь вывод дивизий в районы, предусмотренные по плану прикрытия, — событие настолько чрезвычайное, что разрешается только в случае прямой, непосредственной угрозы войны! И выводить туда дивизии без артиллерии — преступление. Тем более, подчеркиваю это вновь, после директивы от 18 июня. Более того. Примите во внимание также и то, что дивизии-то должны были быть выведены в районы согласно прилагаемой карте. Проще говоря, в соответствии с «безграмотным сценарием» вступления группировки РККА на западных границах в войну. А ведь роль «первой скрипки» по этому, с позволения сказать, «сценарию» «киевской мафией» отводилась именно КОВО. Ну, и что же должны были делать войска даже по этому «безграмотному сценарию», не имея артиллерии?!

Вот вам и очередной ответ на вопрос № 4: «Почему большая часть артиллерии находилась в учебных центрах?» Артиллерия, в том числе и в КОВО, находилась на учебных полигонах к началу войны потому, что Тимошенко или Жуков, или же они вместе взятые — теперь уже разницы никакой нет, — отказали, в частности, тому же Кирпоносу в просьбе разрешить отозвать артиллерийские части обратно. В результате и получилось, что едва ли не вся артиллерия округов, в том числе и КОВО, досталась немцам либо вообще не использовалась и была брошена или уничтожена (правда, в некоторых частях артиллерию удалось частично вернуть, но именно частично). Хуже того. Аэродромы, в том числе и КОВО, в большинстве своем не имели зенитного прикрытия в момент начала агрессии. Наверное, именно такие данные (естественно, без выводов) сообщили опрошенные командиры округов по четвертому вопросу. Очевидно, именно поэтому в том числе сволочи из Агитпропа ЦК КПСС и не разрешили публиковать далее их ответы и дали отбой редакции ВИЖ.

Заодно вот вам и ответ также и на вопрос № 5: «Насколько штабы были подготовлены к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?» Штабы не могли быть подготовлены к полноценному управлению войсками, потому что, не говоря уже о других факторах, связисты также пребывали на учебных полигонах. А та их небольшая часть, что оставалась в соединениях, не могла выполнить необходимый объем работ как до начала войны, так и тем более после ее начала. И если обратиться к материалам военной контрразведки за первые дни войны, то увидим, что абсолютно везде (за исключением ОдВО) ситуация со связью была просто аховая. И то, если выражаться мягко да дипломатично. Соответственно о каком же управлении войсками может идти речь?! И если в какой-то степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны, так только крайне негативной!

Кто за все это должен нести ответственность?! Командующие округами или Тимошенко с Жуковым, что даже за неделю до уже ясно вырисовывавшейся даты нападения запретили отзыв упомянутых частей, особенно артиллерии, с полигонов?! То, что командующие округами виноваты безмерно — и так понятно. А вот что касается Тимошенко и Жукова, то их вина неизмеримо выше. Она тянет на тяжкое государственное преступление. Потому что мало того что за неделю до нападения отказали в адекватной складывавшейся обстановке просьбе, так еще и не удосужились отменить свой отказ хотя бы 18—19 июня. А ведь планировали-то немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения. И как же они намеревались его реализовать без артиллерии?! К тому же 18 июня

они сами же дали в округа корректировку срока вывода фронтовых управлений на полевые КП к 22 июня, а также о приведении войск первого эшелона прикрытия в полную боевую готовность. То есть уже понимали, что нападение произойдет 22 июня. Увы. А после войны — во всем виноват Сталин? Конечно, он виноват! Потому что надо было не доверять безмерно этим крутозвездным да крутолобым, а по меньшей мере еще до войны выгнать со всех постов, разжаловать в рядовые и отправить в саперный батальон кайлом махать. Увы, но Сталин был действительно неисправимый и, к сожалению, терпеливо доверявший этим воякам гуманист.

И вот еще что хотелось бы сказать в связи со свидетельством генерала А.А. Лобачева. Тот факт, что Кирпоносу дали понять, что войны не будет, — не единственный. Такие же «успокоения» Тимошенко выдавал даже в ночь перед началом агрессии командующему ЗапОВО Павлову, о чем было сказано в главе об этом округе.

Короче говоря, еще то высшее военное командование было накануне войны. Все, что нужно было войскам, запретили да запутали, не дали или же недодали, да еще и в условиях на дыбы вставшего девятого вала разведывательной информации о том, что война грянет, что называется, с минуты на минуту, еще и успокаивали командующих округами, что-де войны не будет?! А потом — Сталин виноват?! Подло это, граждане маршалы!

Говоря о факте рассылки 10 июня 1941 г. столь разносной шифровки Жуков утверждал, что-де в тот день его и Тимошенко вызвал Сталин и в присутствии Берия якобы в крайне резких формах отчитал за то, что произошло в КОВО. Обычно не желающие в чем-либо тщательно разбираться исследователи трактуют вранье Жукова как якобы сермяжную правду о том, как якобы «вездесущий провокатор» Берия помешал доблестным воякам заранее подготовиться к отпору супостатам. Особенно перестарался на эту тему ныне покойный В.А. Анфилов, который при жизни был в особом фаворе у властей и считался едва ли не главным военным историком СССР. Подобные выражения у него практически во всех книгах о войне.

10 июня 1941 г. Берия действительно был у Сталина — с 22 ч. 30 мин. до 00 ч. 15 мин.⁹⁷¹, кстати говоря, с Б.З. Кобуловым (вход в 22.35, выход в 23.05⁹⁷²). Однако именно в указанное время там не было Жукова, как, впрочем, не было его у Сталина в течение всего 10 июня. У Сталина он был только 11 июня, причем вместе с Тимошен-

⁹⁷¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / Под ред. А.А. Чернобаева. М., 2008, с. 336.

⁹⁷² Там же.

ко (вход в 21.55, выход в 22. 55⁹⁷³), но в тот день там и близко не было Берия! А до 11 июня еще 9 июня побывал в кабинете Сталина вместе с Тимошенко. Причем дважды. Сначала с 16.00 до 17.00, а затем с 18.00 до 23.35⁹⁷⁴. Так что пора кончать использовать имя Л.П. Берия в качестве «всесоюзного пугала». Он четко выполнял свои обязанности. И только.

Но Сталин действительно был Сталиным. А одной из его отличительных черт выдающегося политика и государственного деятеля, стратега высшего мирового класса была поразительная способность на каждый микрон возрастания угрозы нападения отвечать не просто адекватно, а филигранно ювелирно. Потому что он прекрасно понимал свою исторически беспрецедентную личную ответственность за судьбу государства, страны, всего советского народа. И поскольку он знал, что по состоянию на конец первой декады июня еще не было зафиксировано начало выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции, то, естественно, последовала та самая нахлобучка, о которой и болтал Жуков. Но не только из-за этого.

Дело в том, что 10 июня 1941 г. ситуация вокруг этого приказа от 9 июня резко осложнилась. В Москву поступили данные о «миттельшпиеле» в переговорах Р. Гесса с англичанами, и Сталину стало известно о факте подключения к этим переговорам лорда-канцлера Джона Саймона — того самого, что в бытность министром иностранных дел Великобритании еще в 1935 г. гарантировал Гитлеру «зеленый свет» его экспансии на восток, о чем Сталин знал документально. Кроме того, стало известно и о содержании меморандума, который привез Гесс в Лондон. Вот почему на ночь глядя Берия и оказался в кабинете Сталина 10 июня. Как куратор НКВД и НКГБ СССР в правительстве, он докладывал данные разведки! Но одновременно он доложил и полученные им от подчинявшихся ему пограничников сведения о том, что командование приграничных УР получило 9 июня приказ занять предполье по всей западной границе, а войска КОВО и вовсе с ходу полезли туда.

Вот тут-то Сталин и взорвался. Потому что несанкционированный вывод передовых частей РККА в предполье очень легко мог взрывным образом резко усилить весомость аргументов Р. Гесса, который и так откровенно пытался вербовать Англию в союзники против СССР, в том числе и для совместного нападения на Советский Союз! Особенно якобы в «оборонительных целях»! Повод-то хоть куда! Советы выдвигают свои войска прямо к линии госграницы. Ведь никто же не знал — ни в Берлине, ни в Лондоне, ни

даже сам Сталин, — что попытка вывода передовых частей Красной Армии в УР предполья была обусловлена незаконно и негласно проташенным дуэтом Тимошенко—Жуков «безграмотным сценарием вступления в войну»! Методом незаконного немедленного встречно-лобового контрблицкрига (они же глубокие наступательные операции контрвторжения)!

Соответственно уже 11 июня Жуков оказался не только в кабинете Сталина, но и действительно вынужден был в тот же день дать соответствующую директиву, запрещающую «самочинный» выход передовых частей в предполье. «Самочинный» — в кавычках потому, что командующие округами делали это с санкции и прямого согласия Тимошенко и Жукова, а не по собственной инициативе. То есть директива от 11 июня их же и выставила не только идиотами, но и провокаторами!

Сталин действительно не знал, чем на самом деле была вызвана очень опасная провокационная затея с выводом передовых частей в предполье по приказу от 9 июня. Очевидно, когда начался «разбор полетов», грозивший мощной «раздачей слонов», ее представили как оборонительное рвение вояк, пекущихся о безопасности страны. Иначе точно кто-нибудь да угодил бы в подвалы Лубянки. Это подтверждает содержание другой директивы ГШ от 11 июня: «...срочно разработать планы вывода и занятия по тревоге УРОВскими частями боевых сооружений укрепленного района, а полевыми войсками — сооружений предполья»⁹⁷⁵. Подтверждает, потому что здесь указана «технология» выхода в предполье — по тревоге, а в государственном масштабе ее мог объявить только Сталин как глава правительства! Следовательно, смысл этой директивы им же и был продиктован, когда Жуков навтыжку стоял перед ним 11 июня 1941 г. У самого Жукова на то ума бы не хватило. Уж слишком сильна была в нем «органическая ненависть к штабной работе», без пинка из Кремля не мог даже додуматься до того, чтобы обязать командование округами разработать такие планы.

Однако к 12 июня, по данным разведки пограничных войск, стало известно, что выдвижение начнется с 13 июня 1941 г. Соответственно 12—13 июня с санкции Сталина в приграничные округа ушла директива ГШ о выводе из глубины округов дивизий в целях повышения боевой готовности. Напоминаю, что в директивах для всех трех округов вывод дивизий обосновывался «для повышения боевой готовности». Так что стыдно должно было бы быть и Жукову, и Василевскому, и другим за то, что они так лгали. Как видите, санкция на вывод дивизий из глубины округов, а это и есть начало развертывания их второго эше-

⁹⁷¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / Под ред. А.А. Чернобаева. М., 2008, с. 336.

⁹⁷⁴ Там же.

⁹⁷⁵ ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 442—444.

лона, была дана еще 12—13 июня. В том числе и для КОВО. Еще раз обращаю внимание на то, что 13 июня командующий КОВО получил директиву наркома обороны и начальника генштаба № 504205 от 12.6.41 г. следующего содержания:

«ДИРЕКТИВА НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР
И
НАЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АР-
МИИ

ВОЕННОМУ СОВЕТУ КОВО

№ 504205

13 июня 1941 г.

Совершенно секретно
Особой важности

Для повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 г. все глубинные дивизии и управления корпусов с корпусными частями перевести ближе к госгранице в новые лагеря, *согласно прилагаемой карты.*

1) 31 ск — походом; 2) 36 ск — походом; 3) 55 ск — походом; 4) 49 ск — по железной дороге и походом; 5) 37 ск — походом.

Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их к госгранице, в случае необходимости, может быть произведен только по моему особому приказу. 164 сд для лагерной стоянки вывести к 17 июня 1941 г.:

1) один сп — в Дунаевцы, 20 км. сев. Герца; 2) один сп — в район Ларга; 3) остальные части — в район Хотин.

Передвижения войск сохранить в полной тайне. Марш совершать с тактическими учениями, по ночам. С войсками вывести полностью возимые запасы огнеприпасов и горюче-смазочных материалов. Для охраны зимних квартир оставить строго необходимое минимальное количество военнослужащих, преимущественно малопригодных к походу по состоянию здоровья. Семьи не брать. Исполнение донести нарочным к 1 июля 1941 г. ПРИЛОЖЕНИЕ: карта 500 000 — одна. Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С. Тимошенко. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Г. Жуков»⁹⁷⁶.

Но и эта директива с двойным подвохом. Во-первых, читатели, наверное, не забыли, что аналогичная директива, например, для ЗапОВО, в первом пункте гласила: «1. Для повышения боевой готовности войск округа все глубинные стрелковые дивизии и управления стр. корпусов с корпусными частями вывести в лагерь в районы, предусмотренные для них планом прикрытия (директива НКО за № 503859/сс/ов)». Так вот, кто бы теперь объяснил, желательно вразумительно, следующее.

⁹⁷⁶ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 261. Л. 20—21. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Копия, заверенная заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба РККА генерал-майором Анисовым. Имеются пометы.

Почему одна и та же по смыслу директива для не менее, если не более важного, чем КОВО, округа — ЗапОВО — предписывала вывести войска в районы, предусмотренные для них планом прикрытия, да еще и с прямым указанием на директиву НКО за № 503859/сс/ов, а КОВО, видите ли, перевести войска ближе к госгранице в новые лагеря, согласно прилагаемой карте?!

Это что же выходит-то?! Что, несмотря ни на что, Тимошенко—Жуков по-прежнему уперто протаскивали свой «безграмотный сценарий» немедленного встречно-лобового контрблицрига по факту нападения?! Ведь в Генштабе имелся прежний план прикрытия КОВО. Да и в поступившем в ГШ только 19 июня новом плане были указаны все те же районы. Почему же командованию КОВО было предписано выводить войска не в лагеря в районы, предусмотренные планом прикрытия, а в новые лагеря согласно прилагаемой карте?! И не просто согласно прилагаемой карте, а согласно составленной в Генштабе карте?! В связи с чем? Увы, ответа уже никогда не получим. Во всяком случае прямого ответа точно не получим. Не у кого и не с кого спрашивать. Все основные персонажи давно уже в ином мире. Одно только понятно, что эта история с картой оставляет стойкое впечатление, что дело тут нечисто.

Во-вторых, хотя по состоянию на 12 июня абсолютной ясности с датой нападения все еще не было, несмотря даже на то, что уже поступили первые серьезные данные о 22 июня, тем не менее к 12 июня уже было понятно, что война грянет в самые ближайшие дни. И именно поэтому в том же ОДВО уже 6 июня Захаров поставил перед Жуковым вопрос о выводе дивизий второго эшелона ближе к границе⁹⁷⁷. А 8 июня, по его же данным, «корпусные части и 74-я стрелковая дивизия по боевой тревоге выступили в район Бельцы»⁹⁷⁸.

Обратите внимание, что уже 14 июня была дана директива ГШ о выводе на полевые командные пункты фронтовых управлений штабов округов со сроком исполнения к 25 июня, а 18 июня была дана корректировка этого срока — к 22 июня, что свидетельствует о том, что, основываясь на разведывательной информации, ГШ уже осознал, что нападение произойдет 22 июня. Тем не менее корректировки сроков вывода дивизий из глубины округа не произошло. По-прежнему оставался срок к 1 июля. Не произошло изменений и в вопросе о возврате артиллерии.

Наконец, в-третьих. Приведенная выше директива для КОВО была подписана 12 июня, формально числится как от 13 июня, а поступила

⁹⁷⁷ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005, с. 221.

⁹⁷⁸ Там же, с. 222.

в КОВО, по утверждениям маршала И.Х. Баграмяна, 15 июня⁹⁷⁹.

Справка. В Интернете на одном из сайтов был выложен интересный документ, который свиюна, которые с 15 июня шли в сторону границы: детельствует, что в действительности рассма- «<... > 6. Выдвигающиеся наши части должны вы- триваемая директива была вроде бы от 12 июня. йти в свои районы укрытия. Учитывать участие- Вот содержание этого документа: «...15 июня шиеся случаи перелета госграницы немецкими 1941 года. Начальнику Гэништаба КА. Для выпол- самолетами...»

*Командующий войсками ПрибОВО
Начальник управления
генерал-полковник КУЗНЕЦОВ
политпропаганды РЯБЧИЙ*

нения директивы 504205 от 12.05 сего года Во-
енный совет просит указаний по линии НКПС вы-
деления юго-западной ЖД2500 вагонов. Станции
погрузки Киев, Черкассы, Белая Церковь. Начало
погрузки 18.06 сего года темпом 5 из Киева и
Черкассы. Кирпонос, Вахугин, Пуркаев»⁹⁸⁰.

Так когда же все-таки была подписана эта директива, когда о ней стало известно командо-
ванию КОВО и когда она на самом деле поступила
в КОВО? Но как ни крути, картина-то получается
весьма неприглядная. Ведь если на принцип, то
получается, что в особо угрожаемый период у
огромного округа с его гигантскими расстоя-
ниями, на которые надо было перебросить
значительное количество дивизий и корпу-
сов, еще до стадии начала исполнения этой
директивы фактически уже были украдены
столь необходимые, драгоценные три дня!

Скажите, придираюсь?! Увы, не придираюсь.
Трагедия грянула вот из-за таких «мелочей»,
воспользовавшись которыми маршалы впослед-
ствии отчаянно дурковали, мороча всем головы
тем, что-де «маленько опоздали» с развертыва-
нием, да и артиллерия училась. Не «маленько
опоздали», а, судя по всему, весьма продуманно
до мелочи, чтобы сразу не взяли за жабры, напа-
костили сверх всякой меры стране, государству и
всему советскому народу, которые им дали все,
отрывая от себя даже необходимое. А они, кру-
тозвездные да крутолобые, даже имея уже «же-
лезные» данные о 22 июня (за четыре дня до
агрессии!), так и не смогли не только вывести,
но и даже помыслить хотя бы о корректировке
сроков вывода дивизий и вернуть артиллерию,
саперов, связистов и других! Не говоря уже о при-
ведении войск в боевую готовность!

*Дополнительный комментарий. Хотя, если
честно, то трудно предположить, что ГШ вообще
не менял сроки выводов дивизий из глубины
округов в сторону границы. Если так, то это было
бы уж совсем откровенным преступлением, за
которое их точно взяли бы за жабры да быстро.
Ни Тимошенко, ни Жуков на это не пошли бы ни
при каких условиях. Судя по некоторым докумен-
там, сроки вывода «глубинных» дивизий все-таки
были изменены ГШ с «к 1 июля» на «к 22 июня».
Дело в том, что в 1989 г. редакция Военно-*

*исторического журнала опубликовала в №5 ди-
рективу ПрибОВО от 19 июня. И в ней отдельным
пунктом указано как раз для дивизий второго эше-
лонного состава, которые с 15 июня шли в сторону границы: «... > 6. Выдвигающиеся наши части должны вы-
йти в свои районы укрытия. Учитывать участие-
шиеся случаи перелета госграницы немецкими
самолетами...»*

*Командующий войсками ПрибОВО
Начальник управления
генерал-полковник КУЗНЕЦОВ
политпропаганды РЯБЧИЙ*

*Начальник штаба генерал-лейтенант
КЛЕНОВ»⁹⁸¹.*

*Так вот, публикуя этот важнейший доку-
мент, ВИЖ явно «кастрировал» первую фразу
процитированного пункта № 6. Потому что при
указании «Выдвигающиеся наши части должны
выйти в свои районы укрытия» в этой фразе от-
сутствует срок исполнения этого действия. И она
стала куцей, с незавершенной логикой. Коман-
дыры выдвигавшихся соединений и частей и так
знали, что они должны выйти в свои районы. На
кой хрен нужно было им вновь тыкать тем, что
они должны? Отсутствия срока исполнения в до-
кументах военных, тем более в директиве штаба
особого военного округа, не может быть по опре-
делению. Военное планирование, в том числе и
планирование конкретных действий, в обязатель-
ном порядке предусматривает указание сроков
исполнения. Так повелось с седых библейских
времен, и по-другому у военных документы про-
сто не составляются. Это абсолютно незыблемый
закон военной документации. Да и вообще, без
указания сроков в армии задач в принципе не
ставят. «Кастрация» же этого пункта при публи-
кации в ВИЖ произошла явно потому, что рас-
сматриваемая фраза имела прямое указание на
скорректированный конечный срок исполнения.
Примерно в таком виде: «Выдвигающиеся наши
части должны выйти в свои районы укрытия к
исходу 21 июня!» Учитывая же дату издания это
директивы — 19 июня, — есть достаточно серьез-
ные основания полагать, что она была издана под
непосредственным влиянием неоднократно упо-
минавшейся ранее директивы ГШ от 18 июня, в
которой как минимум в ориентировочном поряд-
ке, но указывалась дата нападения — 22 июня!
К тому же 18 июня директивно был скорректи-
рован и срок выхода фронтовых управлений на
КП — «к 22 июня». Соответственно в этой ди-
рективе от 18 июня явно было и указание о не-
обходимости немедленной корректировки конеч-
ного срока вывода дивизий из глубины округов.
И штаб ПрибОВО тут же издал свою директиву.
Нельзя не отметить и следующее обстоятельство.*

⁹⁷⁹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 77.

⁹⁸⁰ Прочитано по: Бир//тШег.Боп1а. га/70-3-0

⁹⁸¹ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. I. Л. 34— 35. Подлинник.

«Кастрация» завершающей части п. 6 произошла еще и потому, что если бы его оставили, как он был написан в 1941 г., тогда был бы нанесен один из смертельных ударов по всем лживым байкам маршалов и генералов. Прежде всего по тем, согласно которым Сталин якобы все запрещал, ничему не верил и неохотно согласился на приведение войск в боевую готовность только в ночь с 21 на 22 июня. А рушить антисталинскую мифологию в 1989 г. никто не позволил бы. Не в меру ретивые «шакалы» ЦК КПСС во главе пресловутым А.Н. Яковлевым следили за этим особо зорко. И явно вовсе не случайно, что проверить такое, как представляется, вполне обоснованное предположение в отношении подлинности п. 6 не представляется возможным — этот фонд закрыт наглухо до сих пор.

Ну, и чтобы завершить предварительный комментарий, отметим, что тогда же, 13 июня, разведка пограничных войск сообщила о приостановке выдвижения войск вермахта. И хотя о причине приостановки уже говорилось ранее, очевидно, есть резон хотя бы вкратце напомнить их. Это было обусловлено следующим. С одной стороны, Сообщением ТАСС от 13 июня — тем самым знаменитым Сообщением ТАСС, которое традиционно все датируют 14 июня, хотя на самом деле оно датировано 13 июня. В 18.00 по московскому времени оно было передано в радиозфир для заграницы. А в виде документа — передано послу Германии в Москве Шуленбургу, а также правительству Англии. С другой, тем обстоятельством, что переговоры Р. Гесса с представителями английского правительства еще не дали необходимого Гитлеру результата. Проще говоря, необходимое Берлину — фюрер, как известно, страшно опасался войны на два фронта, — согласие Лондона на безнаказанность однофронтного разбоя Третьего рейха против СССР в тот момент еще не было достигнуто.

Однако 15 июня разведка пограничных войск добыла документальные данные о возобновлении выдвижения на исходные для нападения позиции, начиная с 18 июня*² (хотя на ряде участков это возобновление выдвижения было зафиксировано уже 15 июня⁹⁸³). Одновременно было добыто распоряжение германских военных властей в адрес жителей приграничных сел до 4 часов утра 18 июня эвакуироваться в тыл на расстояние не менее 3 км, а на некоторых участках — до 20 км, что подтверждало начало выдвижения войск на исходные для нападения позиции.

К этому времени количество сообщений о 22 июня как о дате нападения достигло своего

⁹⁸² Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970, с. 397.

⁹⁸³ Чузунов А.И. Граница накануне войны. М., 1985, с. 139.

первого критического уровня. Соответственно после упоминавшейся ранее воздушной разведки, осуществленной по приказу Сталина в полосе компетенции именно Западного округа, в тот же день на основании всех этих данных Сталиным была дана санкция и на приведение войск прикрытия в боевую готовность и их вывод на государственную границу. На основании этой санкции в войска ушла многократно уже упоминавшаяся директива ГШ от 18 июня. Так что и по этому вопросу соврал Жуков.

В одной из частных бесед с ныне покойным историком В.А. Анфиловым Жуков заявил: «С 12 июня изо дня в день просили мы с Тимошенко Сталина о том, чтобы он дал разрешение на приведение войск в полную боевую готовность, но такого разрешения до позднего вечера 21 июня так и не получили»⁹⁸⁴.

Как видите, четырежды брехун Советского Союза в очередной раз соврал. Увы, не только он один. А.М. Василевский с того света тоже умудрился «подпеть» органически ненавидевшему штабную работу» Жукову. В вышедшем в свет в 1984 г. пятом издании его мемуаров «Дело всей жизни» появились, мягко выражаясь, странные рассуждения маршала, которых не было в прижизненном издании: «Оправданно поставить вопрос: почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с нами, все же не дал согласие на своевременное приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность? Вопрос этот уже освещался в ряде военных мемуаров. Но поскольку читатели моих воспоминаний прислали по нему письма и высказывают свое мнение, я также изложу кратко свои соображения».

Попутная реплика. На пару мгновений прерву цитирование. Первое, оно же прижизненное, издание мемуаров Василевского вышло в свет в 1974 г., скончался маршал 5 декабря 1977 г. В 1984 г. в свет выходит упомянутое пятое издание, и там маршал рассуждает о письмах читателей, которые ему поступили. Милый пардон, читатели что, на тот свет посылали ему свои письма?! А он что, с того света внес правки в текст своих мемуаров в ответ на письма читателей?! Однако продолжим цитирование.

«Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в ее международном положении (так и мы о том же. — А. М.). Некоторые же читатели, не учитывая этого, считают, что чем раньше были бы приведены Вооруженные силы в боевую готовность, тем было бы лучше для нас, и дают резкие оценки Сталину за нежелание пойти на такой шаг еще при первых признаках агрессивных устремлений Германии.

⁹⁸⁴ Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997, с. 204.

Сделан упрек и мне за то, что я, как они полагают, опустил критику в его адрес».

Попутная реплика. Как это читатели могли ловить ему упрек? На тот свет, что ли, посылал-числа работников Агитпропа ЦК КПСС и ли ему свои упреки? Но дело, конечно, не в этом. ГЛАВПУРа Советской армии бездумно внес Дело в том, что если бы Сталин отреагировал настоль ослиную корректировку в текст маршала, первые же признаки агрессивных устремлений, придав ей вид реакции Василевского на письма то боевую тревогу пришлось бы объявлять еще читателей. Именно у этих безмозглых баранов в июне 1940 г.! Вот что он должен был, пускай и дубовой пропаганды была в ходу манера без- того света, в самой резкой форме сказать такимдушно «реагировать на письма читателей», в читателям. Увы, маршал этого не сделал, но с том числе и с того света. Однако продолжим того света пошел на поводу у мало разбиравших- цитирование.

И выдал ся в специфике военных дел читателей. И выдал на-гора некоторую, но, как свидетельствуют факне совсем готовы к войне, о чем я уже писал, ты, весьма несправедливую из-за своей неадек- но, если реально пришло время встретить ватности историческим реалиям критику в адресе, нужно было смело перешагнуть порог. И.В. Сталин не решился на это, исходя, конечно, из самых лучших побуждений. Но в резуль- тате несвоевременного приведения в боевую готовность Вооруженные силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно ме- нее выгодных условиях и были вынуждены с боями отходить вглубь страны. Не будет оши- бочным сказать, что если бы к тем огромным усилиям партии и народа, направленным на всемерное укрепление военного потенциала страны, добавить своевременное отмоби- лизование и развертывание Вооруженных сил,

«Не буду подробно останавливаться на крайностях. Скажу лишь, что преждевременная боевая готовность Вооруженных сил могла принести не меньше вреда, чем запоздание с ней. От враждебной политики соседнего государства до войны нередко бывает дистанция огромного размера. Остановлюсь лишь на том случае, когда Сталин явно промедлил с принятием решения на переход армии и страны на полный режим воен- ного времени».

Попутная реплика. Ну и «хитрован» же ока- зался Василевский, попав в астральный мир. Вы только посмотрите, что же он написал с того св- та?! Начав с боевой готовности вооруженных сил страны, что уже неверно, ибо, как бывший началь- ник Генерального штаба, он обязан был понимать, что речь можно было вести только о боевой гото- вности группировки вооруженных сил на западной границе страны, а не обо всех Вооруженных силах СССР, он в конечном итоге скатился до критиче- ского в адрес Сталина утверждения, что-де тот про- медлил с переводом армии и страны на полный ре- жим военного времени?! И это называется бывши- м начальником Генерального штаба, бывший министр вооруженных сил СССР (1949—1953 гг.)?! Он что, не понимал, что пишет с того света?! Ведь перевод Дополнительный комментарий. Более ци- тировать нет никакого смысла. Потому как далее идет восхваляющая партию словесная диарея. Ну, а резюме будет таким. Это не рука Васи- левского написала такой идиотизм. На это были способны только «ослы», «козлы» и «бараны» из Агитпропа ЦК КПСС и ГЛАВПУРа СА. Во-первых, потому, что опять речь зашла о заблаговремен- ной всеобщей мобилизации, что есть объявление войны по условиям тех времен. Во-вторых, по- тому, что опять речь зашла о всех вооруженных силах. Только натуральный клинический идиот мог столь трагически всхлипать по поводу того, что не все вооруженные силы страны были заранее отмобилизованы и развернуты. Ведь это

Конечно, такое трудно даже представить себе. Скорее всего кто-то из ответных «коз-

лов» — «специалистов по левой ноздре» из «специалистов по левой ноздре» из

«Так вот, считаю, что хотя мы и были еще совсем готовы к войне, о чем я уже писал, но, если реально пришло время встретить И.В. Сталин не решился на это, исходя, конечно, из самых лучших побуждений. Но в резуль- тате несвоевременного приведения в боевую готовность Вооруженные силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно ме- нее выгодных условиях и были вынуждены с боями отходить вглубь страны. Не будет оши- бочным сказать, что если бы к тем огромным усилиям партии и народа, направленным на всемерное укрепление военного потенциала страны, добавить своевременное отмоби- лизование и развертывание Вооруженных сил, перевод их полностью в боевое положение приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому. Ины- ми словами, если бы наши войсковые части и соединения были своевременно отмобилизо- ваны, выведены на предназначенные для них планом боевые рубежи, развернулись на них, организовали четкое взаимодействие с артил- лерией, танковыми войсками и авиацией, то можно предположить, что уже в первые дни войны были бы нанесены противнику такие удары, которые не позволили бы ему столь далеко продвинуться по нашей стране, как это имело место»^{9х5}.

Дополнительный комментарий. Более ци- тировать нет никакого смысла. Потому как далее идет восхваляющая партию словесная диарея. Ну, а резюме будет таким. Это не рука Васи- левского написала такой идиотизм. На это были способны только «ослы», «козлы» и «бараны» из Агитпропа ЦК КПСС и ГЛАВПУРа СА. Во-первых, потому, что опять речь зашла о заблаговремен- ной всеобщей мобилизации, что есть объявление войны по условиям тех времен. Во-вторых, по- тому, что опять речь зашла о всех вооруженных силах. Только натуральный клинический идиот мог столь трагически всхлипать по поводу того, что не все вооруженные силы страны были заранее отмобилизованы и развернуты. Ведь это

^{9х5} Василевский А. М. Дело всей жизни. Изда- ние пятое. М., 1984, с. 94.

же неминуемо привело бы к тому, что СССР был бы объявлен агрессором, непосредственно спровоцировавшим войну. К непонимающим столь азбучных истин лицам Василевского не причислялись.

Кстати говоря, органически ненавидевший необходимость сначала думать, а потом уже вякать да брякать как в устной, так и в письменной форме Жуков совершенно случайно заранее подтвердил слова Василевского. На стр. 241 первого издания его «Воспоминаний и размышлений» (вышло в 1969 г.) Жуков указал, что 13 июня они с Тимошенко якобы просили у Сталина дать санкцию на приведение войск западных округов в боевую готовность. Что на самом деле имело место 13 июня — ранее уже говорилось. Затем, 14 июня, они якобы докладывали Сталину «о тревожных настроениях в округах и необходимости приведения войск в полную боевую готовность». И тут же привел слова Сталина: «Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?»

Историко-литературный штрих. В ставших известными только в наше время, но относящихся к 1965 г. неопубликованных воспоминаниях Г.К. Жукова последний рассуждал точно так же, как и Василевский с того света, заявив в итоге следующее: «...Что касается подготовки страны в целом к большой войне, надо сказать, что правительство упустило время. Нужно было еще ранней весной 1941 года основную промышленность перевести на военные рельсы и срочно изыскать дополнительные стратегические материалы, в крайнем случае — даже за счет золотого запаса страны, но, к сожалению, у Сталина и других членов правительства не хватило государственной дальновидности. ...Мы сказали, что... надо шире проводить оперативно-стратегические мероприятия на случай войны. Нам было резко сказано: “Вы что, толкаете нас на провокацию войны” и далее — “сейчас главное — это не спровоцировать военных столкновений, обстановка накалилась, надо быть осторожным”. После таких весьма недвусмысленных предупреждений мы ничего не могли делать, не получив разрешения Сталина. ...Для того, чтобы остановить всю гитлеровскую военную машину, нужно было заранее провести мобилизацию, дообучение войск, а затем их сосредоточение и <оперативно-стратегическое> развертывание. Вернее, развернуть всю систему управления вооруженными силами»^{98*}. Вот какой «прозорливый» он стал через четверть

века после начала войны. Даже попенял Сталину, что тот, видите ли, вроде пожмотничал и не транжирил золотой запас ради удовлетворения безумных волчьих аппетитов генералитета. А то, что именно созданный Сталиным золотой запас СССР позволил получить необходимую помощь по ленд-лизу, ту самую помощь, возникновение которой потребовало в которой на первом этапе войны дело рук Жукова, Тимошенко и в целом «киевской мафии», не только проморгавших войну и донельзя обос...ся в самом ее начале, но и преступно не выполнивших многочисленные санкции Сталина на приведение войск в боевую готовность и их вывод в полосы обороны, про это Жукову, очевидно, было крайне неудобно вспоминать. Оно и понятно почему... А уж о том что даже через двадцать лет после войны он по-прежнему не понимал, что всеобщая мобилизация, включая даже и экономику, которая, кстати говоря, и без того в значительной степени и с крайним напряжением работала на нужды обороны, привела бы не только к войне, а именно к тому, что именно СССР стал бы зачинщиком войны, — уж и говорить-то не приходится. Потому что всеобщая мобилизация по тем временам считалась объявлением войны.

Прежде всего, если Сталин им такое сказал, значит, они докладывали ему не «о тревожных настроениях в округах и необходимости приведения войск в полную боевую готовность», а открыто просили объявить в стране мобилизацию. В отличие от многих высокопоставленных военных у Сталина не было дурной привычки при прямом вопросе о Фоме отвечать про Ерему. Он всегда отвечал по сути заданного вопроса. И такого же жестко требовал и от других. Следовательно, оба крутозвездных и крутолобых действительно просили объявить мобилизацию в стране. За что и получили от Сталина отлуп. Далее. Приведя именно этот ответ Сталина, Жуков и себя, и Тимошенко выставил, как бы это прилично выразиться, в очень неприглядном виде. В смысле интеллекта и военного профессионализма. Ведь что Сталин им ответил? «Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?» После высказанной ими просьбы объявить в стране мобилизацию у Иосифа Виссарионовича действительно появились все основания усомниться в том, что они понимают последствия такого шага, и потому он ответил, как ответил. А Жуков до конца своих дней так и не понял, что, воспроизведя такие слова Сталина на страницах своих мемуаров, он просто сам себя (а также Тимошенко) высек, как та самая унтер-офицерская вдова.

А что касается якобы лучших побуждений Сталина, из-за которых, по Василевскому, Иосиф Виссарионович не решился «перешагнуть порог», то в отношении этого следует сказать

^{98*} РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—58. Рукопись, автограф. Сохранены стиль и орфография документа.

вот что. Виртуозно владевший искусством филигранно ювелирно, но абсолютно адекватно конкретным реалиям каждого этапа нарастания угрозы нападения отвечать на эти вызовы Сталин, в действительности 18 июня 1941 г. дал санкцию. Санкцию на приведение войск эшелона прикрытия в полную боевую готовность и на их вывод на предназначенные им рубежи обороны! А до этого он санкционировал переброску войск из внутренних округов в приграничные округа, строительство фронтовых КП, выведение дивизий из глубины приграничных округов в сторону границы в целях повышения их боевой готовности, предложил войскам скорректировать сроки строительства и выхода на фронтовые КП. И, наконец, санкционировал ту самую, многократно упоминавшуюся директиву ГШ от 18 июня. Что еще надо было войскам, чтобы достойно встретить проклятых супостатов?!

Только вот почему-то войска так и не были приведены в боевую готовность (за редчайшими исключениями, которые в плюс ГШ и НКО никак не поставишь). Даже после директивы от 18 июня. За четыре дня! Хотя максимальный срок приведения войск в боевую готовность (с выводом в свои районы прикрытия и обороны) у некоторых частей по документам был 30 часов! То есть за 96 часов, даже при столь медленном приведении войск в боевую готовность, они могли привести их в требуемое состояние не менее ТРЕХ РАЗ!!! Если же исходить из того, что у многих приграничных дивизий первого эшелона (эшелона прикрытия) срок приведения в боевую готовность по документам был 3—4 часа, то привести их в требуемое состояние можно было не менее 24-32 РАЗ!!! Увы.

Соответственно в свете вышеизложенного не остается иного выхода, кроме как сопроводить анализ ответов командиров КОВО на второй вопрос данными, относящимися к третьему вопросу Сталина. Напомню, что он был сформулирован следующим образом: «Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?» Естественно, что приведение относящихся к вопросу №3 данных будет сопровождаться необходимым анализом.

Слегка вооружившись некоторыми, очень необходимыми знаниями и сведениями о событиях кануна войны именно в КОВО, пожалуй, можно перейти и к цитированию ответов командиров КОВО на

второй вопрос, а также их анализу в указанном выше ракурсе.

Генерал армии М.А. Пуркаев (бывший начальник штаба КОВО).

«13 или 14 июня я внес предложение вывести стрелковые дивизии на рубеж Владимир-Волынского укрепрайона, не имеющего в оборонительных сооружениях вооружения. Военный совет округа принял эти соображения и дал соответствующие указания командующему 5-й армией. Однако на следующее утро генерал-полковник М.П. Кирпонос в присутствии члена военного совета обвинил меня в том, что я хочу спровоцировать войну. Тут же из кабинета я позвонил начальнику Генерального штаба и доложил о принятом решении. Г.К. Жуков приказал выводить войска на рубежи УР, соблюдая меры маскировки»⁹⁸⁷.

Комментарий. Хотя ответ Пуркаева и датирован 29 апреля 1952 г., когда врать было еще не с руки, тем не менее его содержание странно. То дается директива, запрещающая вывод УРОВских войск в предполье, да еще и вместе с директивой, требовавшей «срочно разработать планы вывода и занятия по тревоге УРОВскими частями боевых сооружений укрепленного района, а полевыми войсками — сооружений предполья», то Жуков просто по звонку из Киева разрешает делать это?! Ведь официально тревогу-то еще не объявляли. На каком основании он дал такое разрешение Пуркаеву?! Ведь Жуков сам же 11 июня направил в округа приводинуюсь выше телеграмму, в которой (увы, обязан здесь ее повторить) говорилось: «1). Полосу предполья без особого на то приказаний полевыми и уровскими частями не занимать. Охрану сооружений организовать службой часовых и патрулированием. 2). Отданные Вами распоряжения о занятии предполья уровскими частями немедленно отменить. Исполнение проверить и донести к 16 июня 1941 г. Жуков». Особое же на то приказание могло последовать только при наличии санкции высшего руководства СССР, ибо, вновь обращая на это внимание, выход регулярных войск в предполье — это акт высшей международной политики государства. И право на совершение этого акта только у высшего руководства государства.

⁹⁸⁷ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 26.

В данном случае СССР, конкретно — лично у Сталина, как главы правительства Советского Союза.

И как же тогда относиться к приведенным выше воспоминаниям генерала А. А. Лобачева? Ведь, по его словам, 15 июня Кирпонос лично звонил в Москву и просил разрешение на то же самое, но ему отказали, да еще и убаюкали тем, что-де войны не будет?! Как же так? Накануне по звонку второго лица в округе, начальника штаба Пуркаева, Жуков разрешает, а на следующий день на телефонное обращение первого лица, Кирпоноса, дается ответ, который и привел в своих воспоминаниях генерал А. А. Лобачев?! Если вы что-нибудь поняли в этих телефонных интригах генеральского двора, то искренне вам завидую.

Не менее удивительно и то, что Военный совет округа рассматривал предложение Пуркаева без командующего округом, что вообще ни в какие рамки не лезет, как ни относиться к перестраховке уже получившего за это соответствующий втык из Москвы самого Кирпоноса.

Но самое главное состоит в том, что на прямо поставленный вопрос: «С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу, и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?» — Пуркаев ответа так и не дал. Во всяком случае, из того, что опубликовал ВИЖ, это никак не вытекает. Не исключено, что Пуркаеву и нечего было толком сказать по этому вопросу. Особенно если учесть, что даже само управление штаба КОВО начало перемещение на свой командный пункт в Тернополь только 21 июня, хотя Баграмян утверждал, что этот процесс начался еще 20 июня⁹⁸⁸.

Основные отделы штаба прибыли на место только в 5 часов утра 22 июня 1941 г., то есть через 1 час 49 мин. после начала войны⁹⁸⁹. По местному времени. А «мозг» командования округом-фронтом, то есть оперативный отдел штаба округа-фронта, — и вовсе в 7 часов утра 22 июня. Правда, как потом убедимся на основании данных военной контрразведки КОВО, и это оказалось враньем.

Между тем упоминавшаяся ранее директива от 14 июня предписывала закончить это перемещение фронтовых управлений к 25 июня, а директивой от 18 июня этот срок был скорректирован — к 22 июня. То есть к 00 ч. 00 мин. 21 июня управление штаба уже должно было быть на командном пункте. А оно, точнее его основные отделы, прибыло туда почти через два часа после начала войны?! Но если штаб округа вел себя подобным образом, то можете себе представить, какой бардак творился в войсках округа с развер-

тыванием эшелона прикрытия! А если еще учтете и данные военной контрразведки, то и вовсе в пору за голову хвататься...

Чего же тогда обвинять Сталина в не совершенных им грехах, если даже управление штаба округа ни за восемь, ни за четверо суток не посчитало нужным своевременно выполнить директиву Генштаба?! А ведь за это выдвигание штаба округа на командный пункт персональную ответственность несли Кирпонос и Пуркаев. Может быть, именно поэтому Пуркаев столь скромно ответил на второй вопрос? Кстати говоря, именно Пуркаев оставил в Киеве оперативный отдел штаба округа с Баграмяном, когда штаб начал вводиться в Тернополь...

Еще более «скромно» Пуркаев «ответил», а фактически попросту умышленно улизнул от прямого ответа и на прямо поставленный вопрос № 3. Как указывалось еще в первом томе, ответы командиров на третий вопрос не были опубликованы — по приказу из ЦК КПСС ВИЖ вообще прекратил публикацию этих ответов. Однако ответ Пуркаева именно на третий вопрос, а попутно и на второй тоже, зафиксирован в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» (М., 1961). Оказывается, в связи с «запоздалым» поступлением в штаб округа распоряжения Генерального штаба о приведении войск в полную боевую готовность (имеется в виду «Директива № 91»), войска прикрытия КОВО по плану обороны начали выходить на государственную границу в 4—6 часов утра 22 июня 1941 года, то есть тогда, когда война уже началась⁹⁹⁰.

Вот сам Пуркаев и объяснил, почему даже в самом мощном округе, имея буквально все, что нужно для эффективной обороны Родины, генералы тем не менее обос...сь донельзя. Как будто не было санкционированной Сталиным директивы ГШ от 18 июня о приведении войск эшелона прикрытия в боевую готовность и выходе на государственную границу?! Еще раз обращаю внимание на то, что второй и третий вопросы четко свидетельствуют о том, что еще до пресловутой директивы № 1 в округа поступили директивы о приведении войск эшелона прикрытия в боевую готовность и об их выходе на государственную границу. Проще говоря, Пуркаев сделал вид, что только из директивы № 1 командование КОВО узнало о необходимости осуществления таких мер. Но вид-то можно сделать. Только вот еще нужно было и удержаться от оголтелого вранья, которое тем не менее прорвалось наружу. Судя по всему, Пуркаев даже и не понял, что в действительности он ляпнул.

По словам бывшего подчиненного Пуркаева, И. Х. Баграмяна, «большинство соединений прикрытия находились в значительном уда-

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 84.

¹⁾⁹⁹ Грецов М. Д. На Юго-Западном направлении. М., 1965, с. 41—42.

⁹⁹⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1961, т. 1, с. 11.

лении от государственного рубежа, а корпуса второго эшелона находились от него в 250—300 километрах»⁹⁹¹ (более подробно об этом см. ниже — при анализе ответа Баграмяна). Но если эти войска только в 4—6 утра 22 июня начали выход на государственную границу, как утверждал Пуркаев, то каким же макаром они умудрились это сделать, если распоряжение ГШ поступило в округ с опозданием? Чтобы поднять войска по боевой тревоге по тем планам, которые имелись в округе, каждой части и соединению нужно было не менее трех-четырех часов. И то как самый минимум. А в действительности — значительно больше.

А после этого еще надо было преодолеть то самое «значительное удаление от государственного рубежа», о котором написал в своих мемуарах Баграмян. Ну и на основании чего уже в 4—6 утра войска прикрытия округа начали выход на государственную границу? Значит, раньше был приказ об этом, иначе они не смогли бы рано утром уже выходить на государственную границу. То есть, коротко говоря, Пуркаев просто соврал. И это, между прочим, действительно так — он соврал. Потому что если отталкиваться, например, от неопубликованного варианта воспоминаний Г.К. Жукова, то «...командующим приграничных военных округов было приказано вывести войска округов — назначенных в состав войск прикрытия, ближе к государственной границе и тем рубежам, которые они должны были занять при чрезвычайном обстоятельстве, по особому распоряжению. При этом передовые части было приказано выдвинуть в зону пограничных частей. Проводились и другие не менее важные мероприятия. Все это обязывало командующих округами и армиями повысить боевую готовность и общую боевую бдительность...»⁹⁹². Обратите внимание на выделенную жирным курсивом фразу. Несмотря изрядное извращение смысла в столь характерном для Жукова эзоповом стиле, она означает, что санкция на выход дополнительных соединений и частей в зону пограничных частей была дана. То есть, по сути дела, учитывая весь смысл процитированного фрагмента, санкция была дана на выход передовых частей фактически в полосу обороны. Или, по меньшей мере, в районы, максимально приближенные к полосам обороны. И эта санкция, исходя из процитированного, была дана 18 или 19—20 июня. То есть как следствие многократно упоминавшейся директивы ГШ о приведении войск непосредственного прикрытия, сиречь первого оперативного эшелона. Не исключено, что именно такие действия предусматривала и сама эта директива.

⁹⁹¹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 86.

⁹⁹² РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—58. Рукопись, автограф. Сохранены стиль и орфография документа.

Да, хорошо известно, что Жуков нигде и никогда не говорил о директиве от 18 июня. Однако процитированный фрагмент, с учетом всех данных, которые были приведены на страницах этой книги, особенно второго тома, позволяет сделать однозначный вывод — в ставших известными только в наше время неопубликованных воспоминаниях Жуков случайно проговорился о предписаниях именно этой директивы. На фоне всего, что изложено в настоящей книге, по-другому выделенную жирным курсивом фразу понять невозможно. Тем более что, в сущности, Жуков таким образом дал ответ не только на вопрос Ив 2: «С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?» — но и половину ответа на самый важный из пяти сталинских вопросов, на вопрос № 3: «Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?»

Короче говоря, очевидно же, что необходимые директивы округ получил заранее, до 21» 22 июня, но вот выполнял их через пень-колоду. Естественно, что не регулярные войска округа встречали супостатов на рассвете 22 июня, а только пограничники. Войска же подошли значительно позже. В чем еще убедимся из дальнейшего анализа. Между прочим, для исполнения требований директивы № 1 у командования КОВО время было. Ведь в КОВО текст директивы № 1 начал поступать раньше, чем в другие округа, — уже в 00.30 мин. 22 июня. В ОдВО, например, эта директива поступила примерно в 1 ч. 20 минут 22 июня, но там успели и авиацию перегнать на оперативные аэродромы, и боевую тревогу объявить. А вот в КОВО, видите ли, не успели...

Чего же в таком случае удивляться тому, что и КОВО тоже потерпел поражение в приграничном сражении?! Пускай и не столь катастрофическое в самом начале, не столь молниеносное (хотя как сказать, если принять во внимание ситуацию после 7-го дня войны и особенно уже приводившуюся ранее карту Москаленко) и не за столь короткий срок, как ЗапОВО, но ведь поражение же!

Генерал армии И.Х. Баграмян (бывший начальник оперативного отдела штаба КОВО).

«Войска прикрытия дислоцировались непосредственно у границы и приступили к развертыванию с началом военных

действий. Заблаговременный их выход на подготовленные позиции был запрещен Генеральным штабом. Оперативные резервы осуществляли выдвижение из районов дислокации: стрелковые корпуса — за пять дней до начала войны, но выйти не успели; механизированные корпуса — 22 июня»⁹⁹³.

Комментарий. Ответ Ивана Христофоровича датирован 10 сентября 1952 г. И тоже оставляет странное впечатление. Как могло случиться такое, что войска прикрытия приступили к развертыванию только с началом военных действий?! Ведь санкция на приведение войск прикрытия в боевую готовность и их вывод на государственную границу была дана еще 18 июня! Что же они делали в течение четырех дней?! А выдвижение войск второго эшелона прикрытия КОВО и вовсе было санкционировано 12 (13) июня. И ведь, к слову сказать, в целях повышения боевой готовности. Правда, в КОВО эта директива поступила только 15 июня, а ее исполнение и вовсе началось 16—17 июня, что само по себе уже странно, особенно если учесть чрезмерную благосклонность «киевской мафии» к этому округу. А уж директива о срочном выводе фронтового управления на полевой командный пункт и вовсе не должна была оставить сомнения в том, что это однозначные приготовления к отражению нападения. Увы и ах...

Непонятно также, что имел в виду И.Х. Баграмян, указав 10 сентября 1952 г., что «заблаговременный их выход на подготовленные позиции был запрещен Генеральным штабом»*. Но если такой запрет действительно имел место быть, то это уже далеко не художественная самодетельность Жукова и Тимошенко. Напоминаю, что вопрос N9 2 был сформулирован так: «С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было возвращено до начала боевых действий?»

А вопрос № 3 — «Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?»

Распоряжение, о котором говорится в вопросе № 3 — на приведение войск в боевую готовность, и на их выдвижение к государственной границе, — округу было дано еще 12-го (13) (15-го поступило в округ) и 18 июня. Была дана

санкция также и выдвижение штабов округов на фронтовые командные пункты, в том числе и корректировка срока завершения этого процесса к 22 июня. Соответственно и армий, корпусов и дивизий тоже. Тогда какого же черта они запрещали исполнение санкции самого Сталина, которого якобы так боялись?! Проще говоря, если исходить из ответа И.Х. Баграмяна от 10 сентября 1952 г., получается, что Тимошенко и Жуков совершили тягчайшее государственное преступление, коли запретили заблаговременный выход войск КОВО на подготовленные позиции. Разве не так?!

Увы, не так, хотя такая позиция более удобна и могла бы все разом прояснить. На самом же деле имело место другое. Сколь бы странным, фантастическим и даже парадоксальным это ни показалось, но далеко не художественная самодетельность Жукова и Тимошенко имела место быть. Только не в виде запрета Генеральным штабом заблаговременного выхода войск на подготовленные позиции, а в виде некоторого затягивания передачи директивы № 1 в западные округа. В том числе и в КОВО, которое затем было усугублено действиями самого командования этого округа. О злоключениях директивы N91 на пути в округ говорилось еще в первом томе. Здесь же в порядке краткого повтора отметим следующее. Директива N91 передавалась на КП в Тернополь, где самого командования округом еще не было, а оперативный отдел по указанию Пуркаева и вовсе остался в Киеве. В результате получилось нечто вроде объективной задержки необходимой вслед за получением директивы из Москвы ее трансляции в армии, корпуса и иные части и соединения округа. На самом же деле это не есть объективная причина. Прежде всего, потому, что командование грубейшим образом и абсолютно сознательно нарушило предписания директивы ГШ от 19 июня о необходимости вывода фронтового управления на КП в Тернополь к исходу 21 июня, точнее, к 22 июня, что в принципе одно и то же. И поскольку это выдвижение началось только в ночь на 22 июня, а прибыли первые подразделения штаба округа на КП в Тернополь фактически под утро, то соответственно и директива N91 была ретранслирована в армии округа фактически почти одновременно с нападением супостатов. А в некоторых случаях и того позже. К этому следует добавить также и преступные фокусы Кирпоноса, о которых будет сказано отдельно.

Проще говоря, совокупность этих фактов означает фактически умышленный саботаж со стороны КОВО в реализации особо важных директив Центра, что привело, да и не могло не привести, к тяжелым последствиям, едва только нападение супостатов стало фактом. Впрочем, если уж на принцип, то первыми к ответу следует призвать, пускай и в ретроспективе, но именно Жукова и Тимошенко. Это именно они неизвестно

⁹⁹¹ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 26.

по какой причине затянули передачу важнейшей директивы № 1 в округа. Но по какой бы причине это ни произошло, в любом случае это преступление, приведшее к исключительно тяжелым последствиям. Проще говоря, пускай и в ретроспективе, но им реально надо было бы вменить 58-ю статью Уголовного кодекса, быть может, даже и с высшей мерой социальной защиты. Как тогда называли, расстрел.

С другой стороны, как понять ответ Баграмяна от 10 сентября 1952 г., особенно указание на запрет Генерального штаба, при сопоставлении с тем, что он сам же написал в мемуарах. Позвольте напомнить, что И.Х. Баграмян отметил в своих мемуарах, что в начале мая в КОВО поступила директива наркома обороны, которая определила задачи войск округа на случай внезапного нападения гитлеровцев на нашу страну. Баграмян вполне адекватно реалиям середины июня 1941 г. охарактеризовал этот документ как стремление наркома обороны специальной директивой повысить боевую готовность западных приграничных округов. Надо полагать, что он сделал это со своей «колокольни» того времени — начальника оперативного отдела штаба КОВО. Далее, указав задачи округа в связи с этой директивой, маршал отметил, что в первом эшелоне готовились к развертыванию стрелковые корпуса, а во втором — механизированные (по одному на каждую из четырех армий). Стрелковые соединения должны были остановить агрессора на линии приграничных укреплений, а прорвавшиеся его силы уничтожить решительными массированными ударами механизированных корпусов и авиации. В дополнение к плану прикрытия директива наркома требовала от командования округа спешно подготовить в 30—35 километрах от границы тыловой оборонительный рубеж, на который вывести пять стрелковых и четыре механизированных корпуса, составлявшие второй эшелон войск округа. Все эти перемещения войск должны были начаться по особому приказу наркома.

Отметив, что-де «...в Москве, безусловно, обстановку по ту сторону границы знали лучше нас, и наше высшее военное командование приняло меры», Баграмян далее указал, что 15 июня округ получил приказ начать с 17 июня выдвижение всех пяти стрелковых корпусов второго эшелона к границе⁹⁹⁴.

И вот уже вырисовывается, мягко выражаясь, подозрительная странность. Директива на выдвижение из глубины округа для КОВО датирована 13 июня. Баграмян не раз и не два в своих мемуарах подчеркивал, что он сверял свои воспоминания с архивными документами. Хорошо, что сверял. Если так, то почему такой разницей? На самом же деле разницы нет. Судя

по всему, эта директива действительно была подписана 12 июня, хотя и странным образом на ней стоит дата 13 июня, но вот в округ она пришла только 15 июня. То есть Баграмян, по сути дела, ничего не скрыл. Опять, увы, не совсем так. Ему было известно, что директива была подписана 12 июня, а пришла она в КОВО только 15 июня.

А теперь смотрите, что произошло. 15 июня в округ приходит подписанная еще 12-го, но датированная 13 июня директива о выдвижении дивизий из глубины КОВО в сторону границы согласно прилагаемой карте. И согласно этой директиве командование КОВО обязано было начать это выдвижение. Причем срок начала выдвижения не был указан. Только в отношении 164-й сд директива предписывала вывести ее в предназначенный ей район к 17 июня.

И вот теперь очень нелицеприятный вопрос. Какого же хрена Генштаб дает директиву на вывод глубинных дивизий и управлений корпусов вместе с корпусными частями, не оговорив жестко время начала этого выдвижения? В любом варианте датировки этой директивы, будь-то 12-е или 13 июня, — подчеркиваю, в любом варианте, — в это время ГШ уже было известно от разведки пограничных войск, что супостаты с 13 июня начинают выдвижение своих войск на исходные для нападения позиции. Да, это правда, что в тот же день это выдвижение было заторможено, но уже 15 июня пограничники документально доказали, что с 18 июня выдвижение возобновляется безальтернативно. И вот следующий нелицеприятный вопрос. Какого же, миль пардон, хрена, Генштаб даже 15 июня, хотя бы вдогонку уже посланной в КОВО директиве, не оговорил жестко срок начала вывода дивизий и корпусных управлений вместе с корпусными частями?! Понимаете ли, в чем все дело-то? В такой ситуации, проще говоря, в особо угрожаемый период, когда спецслужбы указывают, что противник начал вывод своих войск на исходные для нападения позиции, оставлять на усмотрение командования округом время начала выдвижения дивизий и корпусных управлений вместе с корпусными частями по меньшей мере просто неуместно, если не сказать покрепче, со ссылкой на соответствующую статью УК РСФСР того времени.

Уж не знаю, ради прикрытия ли Жукова, или так было на самом деле, но Баграмян указал, что «на подготовку к форсированному марш-маневру корпусам давалось от двух до трех суток». Извините, но, во-первых, что это за войска-то, которым по двое-трое и более суток нужно для того, чтобы подняться хотя бы по учебной тревоге (тогда объявляли, что идут на учебные сборы) и начать выдвижение?! А, во-вторых, что самое главное, получается, что начало выдвижения было оттянуто еще на два-три дня. Итак, подписанная 12 июня директива поступила в КОВО 15 июня. Время начала выдвижения в директиве не было указано. Войскам нужно

⁹⁹⁴ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 77.

два-три дня для подъема по тревоге. Чтобы дойти до предписанных этой самой картой мест, по словам самого Баграмяна, войскам необходимо было совершить от восьми до двенадцати ночных переходов⁹⁹⁵. Итого с учетом всего — от 10—11 до 14—15 дней!

То есть в лучшем случае первые из них — те, что начали бы движение, предположим, с 17 июня, — вышли бы в предназначенные им районы самое раннее только к исходу 25 июня, а другие — не ранее чем к исходу 28 июня, а то и 1 июля. Баграмян так и написал, что стрелковые корпуса должны были выйти в предназначенные им районы 37-й СК — к утру 25 июня, 55-й СК — 26 июня, 36-й СК — к утру 27 июня, 31-й СК — к утру 28 июня, 49-й СК — к 30 июня⁹⁹⁶.

Формально это стыкуется с датой окончания выдвижения по директиве НКО и ГШ №9504205 от 12 июня для КОВО Там было указано, что «для повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 г. все глубинные дивизии и управления корпусов с корпусными частями перевести ближе к госгранице в новые лагеря, согласно прилагаемой карты». Но вот ведь какое дело. Как неоднократно указывалось выше, уже в начале мая пошли первые разведывательные сообщения о том, что срок нападения переносится на середину июня, затем были сообщения, что оно произойдет в промежутке с 15-го по 20 июня. Далее, уже 11 июня пришло первое сообщение с указанием точной даты — нападение произойдет 22 июня. Вплоть до дня поступления директивы в КОВО, то есть до 15 июня включительно, уже несколько раз поступили сообщения о том, что нападение произойдет 22 июня. И тем не менее и без того с опозданием в три дня в округ поступает директива о выводе дивизий, которой предписывается непонятно с какого дня начать выдвижение, которое должно быть закончено к 1 июля. А 18 июня, когда была дана санкционированная Сталиным директива о приведении войск непосредственно прикрывающего (первого оперативного эшелона) в боевую готовность и «при этом передовые части было приказано выдвинуть в зону пограничных частей», ГШ явно «скорректировал» и срок окончания выдвижения дивизий с «к 1 июля 1941 г.» на «к исходу 21 июня». Однако, несмотря на эту корректировку, в момент нападения войска оказались именно в том положении, в каком его описал Баграмян.

В итоге получилось, что после войны весь этот не столько преступный бардак, сколько откровенное преступление, обозвали незамысловато просто — «маленько опоздали». В том смысле, что не успели до конца развернуться. На самом же деле подходившие в результате этого самого «маленько опоздали»

поочередно дивизии вермахта поштучно же и перемалывал. Великий Рокоссовский прямо указал на это обстоятельство, правда, вменив его в вину командованию КОВО. Что в целом принципиально верно. Зря только Жукова с Тимошенко пощадили.

Однако даже при таком раскладе все равно остаются какие-то непонятные загадки. Так, 31-й СК должен был выдвигаться из района Коростеня к Ковелю, но штабу корпуса почему-то приказали до 22 июня оставаться на месте, то есть в Коростене. Коростень находился в 300 км от границы. Если по карте, то есть по прямой, — 250 км от Ковеля. В реальности же от Коростеня до Ковеля до 300 км по дорогам. 31-му СК отводилось 10 суток, чтобы пройти 300 км, то есть по 30 км в сутки. Аккурат к 28 июня он и подошел бы к указанному району. Но вот ведь какое дело. Прикрывавший дальние подступы к Киеву Ковель, например, находился всего в 60 км от границы. А от нее в сторону Ковеля шли шоссейная и железная дороги. Так вот и спрашивается, командование КОВО что, совсем оборзело, что 10 суток отводило этому корпусу на выход в указанный район?! Ведь худо-бедно, но автотранспорт-то имелся. Да и железная дорога никуда не делась. Как-никак, но даже в плане прикрытия фигурировали шесть железных дорог, имевших 9 колеи, пропускная способность которых до линии старой границы была 259 пар поездов, на вновь присоединенных территориях 6 колеи с пропускной способностью 108 пар эшелонов⁹⁹⁷. Да и запросило командование КОВО 2500 вагонов для воинских перевозок. Выше уже приводилась соответствующая телеграмма командования КОВО в ГШ. Но они-то запросили вагоны только 15-го. НКПС был хотя и в достаточной степени милитаризованным наркоматом, но тем не менее гражданским ведомством. И, естественно, они не знали всех тонкостей особо угрожаемого периода. Соответственно и заявку вояк на подачу 2500 вагонов, а это примерно 50 эшелонов, могли удовлетворить если и не просто в обычном порядке, то уж не как вне очереди. Соответственно только господь бог знает, когда НКПС дал им эти самые 2500 вагонов, когда войска погрузились, когда тронулись в путь, когда прибыли и когда закончили разгрузки.

А что в это время должно было происходить с защитой границы? Или что, командование КОВО полагало, что пограничники — это такая суперэлита вооруженных сил 'страны, которая даже без артиллерии, танков и авиации, одним только стрелковым оружием сможет сдерживать натиск гигантской, до зубов вооруженной военной машины вермахта, что была сосредоточена конкретно против КОВО, о чем его командование прекрасно знало?!

⁹⁹⁵ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 77.

⁹⁹⁶ Там же, с 77—78.

⁹⁹⁷ Военно-исторический журнал. 1996, № 4, с. 3—18.

Да, пограничники—это действительно была (и есть!) суперэлита вооруженных сил СССР (России). Но их-то было чрезвычайно мало — численность пограничного отряда того времени на территории КОВО составляла в среднем 1100—1500 человек, а полоса ответственности — такая же, как у армий округа, то есть в среднем полтора и более километров. Соответственно при пересчете на одного пограничника из плоти и крови превосходство противника над каждым из них получалось не в сотни и даже не тысячи, а десятки тысяч раз! Как они должны были выдержать такое превосходство? Да и не предназначены пограничники для ведения затяжных оборонительных боев с регулярными частями противника, тем более при таком превосходстве. Даже если им на помощь и выйдут приграничные дивизии первого эшелона, все равно долго не продержатся. Проще говоря, командование округом что, специально подставляло пограничников под абсолютное, поголовное уничтожение, чтобы потом оправдаться, почему враг так лихо прорвался на большую глубину?! Ведь нам же все уши прожужжали тем, что-де «маленько опоздали» с развертыванием. Потому, мол, враг и прорвался. Но раз рьяно упирают именно на это — помните приводившееся выше мнение Пуркаева? — а виноватым делают невиновного в том Сталина, то как прикажете все это расценивать?! Только и остается что озадачиться вопросами следующего содержания:

1. В чьей дурной, а, быть может, и просто подлой башке «родились» такие сроки выхода частей в назначенные районы? Более того, почему эти сроки не были изменены после 18 июня, когда и Москва уже скорректировала сроки? Ведь Баграмян указал, что для координации в каждой дивизии были представители штаба, оперативного отдела. То есть вполне могли, если бы захотели, дать команду ускорить выдвижение...

2. И не дает ли все это основание усмотреть в факте назначения таких сроков выхода на государственную границу, тем более без жесткой оговорки срока начала этого процесса, хотя бы первичные признаки попытки заблаговременного открытия фронта врагу?! Причем при заблаговременном составлении алиби и сваливании ответственности на других, то есть на пограничников. Что, скажете, разве подобная мысль не имеет права на существование?! Ну-ну...

Только вот прежде чем утверждать, что подобное не имеет право на существование, попробуйте хотя бы самим себе объяснить следующее. Когда дивизии и корпуса начали выдвижение, из Москвы 18 июня поступила директива о приведении войск первого эшелона прикрытия уже в боевую готовность. Почему же в таком случае сроки прибытия корпусов в предназначенные районы не были скорректированы?! А 19 июня

пришла директива о корректировке срока вывода фронтового управления на полевой КП к 22 июня персонально для КОВО. В совокупности эти директивы требовали уже автоматической корректировки и сроков выдвижения стрелковых дивизий и корпусов. Увы, но этого почему-то не было сделано. И Баграмян почему-то вновь просто и незаметно обошел этот важный нюанс в своих мемуарах — как до него Пуркаев. Ну что, смогли хотя бы самим себе объяснить?..

Если нет, то посмотрите, что Баграмян написал дальше. А написал нечто такое, что не сразу-то и догадаешься, как понимать. Судите сами: «Мозг сверлила мысль: что происходит сейчас на границе? Ведь большинство соединений прикрытия (части первого эшелона) было рассредоточено в значительном удалении от государственного рубежа, а корпуса второго эшелона находились от него в 250—300 километрах. Удастся ли задержать врага? Иначе от мобилизации корпусов второго эшелона будет сорвано, и им придется вступить в сражение в их нынешнем состоянии—с большим некомплектом в живой силе и технике»⁹⁸¹.

Это описание И.Х. Баграмяном своего состояния в самые первые минуты начала войны, когда возглавляемая им штабная колонна попала под первые бомбы супостатов. И да простится автору настоящей книги небольшая вольность, но, милый пардон, отчего же подобная мысль не просверлила насквозь ни его мозг, ни мозг начальника штаба округа, ни тем более командующего округом до начала войны, когда они проваландались с исполнением директивы от 12 июня? Ведь заранее же знали, что корпуса придется выдвигать. Заранее же получили приказ об их выдвижении в сторону границы. Заранее Кирпонос внес дельное предложение о срочном сокращении времени приведения частей в боевую готовность.

Справка. В этих целях была разработана неплохая «ДИРЕКТИВА ВОЕННОГО СОВЕТА КОВО ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 5-й, 6-й, 12-й, 26-й АРМИЙ (В КОПИИ — НАЧАЛЬНИКУ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ)

ША1/00211

11 июня 1941 г.

Совершенно секретно

Особой важности

Экз. № 1

1. В целях сокращения сроков боеготовности частей прикрытия и отрядов, выделяемых для поддержки погранвойск, провести следующие мероприятия:

Стрелковые, кавалерийские и артиллерийские части

а) Носимый запас винтовочных патронов иметь в опечатанных ящиках. На каждый станковый пулемет иметь набитыми и уложенными в

⁹⁸¹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 86.

коробки 50 % боекомплекта и на ручной пулемет 50 % снаряженных магазинов. Ящики с патронами, коробки с набитыми лентами и дисками хранить в опечатанном виде в подразделениях в особо охраняемых помещениях. Диски и патроны периодически освежать, ленты просушивать. Замену набитых дисков к ручным пулеметам производить через каждые два месяца.

б) Ручные и ружейные гранаты хранить комплектами в складах части в специальных ящиках для каждого подразделения.

в) 1/2 боекомплекта артснарядов и мин неприкосновенного запаса для всех частей прикрытия иметь в окончательно снаряженном виде. В частях, где до получения настоящей директивы было окончательно снаряжено свыше 1/2 боекомплекта артснарядов, дальнейшее хранение их оставить в снаряженном виде. Для войсковой зенитной артиллерии иметь в окончательно снаряженном виде 1/2 боекомплекта артснарядов неприкаса. Снаряды держать в закрытых на замок и опечатанных передках и зарядных ящиках.

г) Военно-химическое, инженерное и имущество связи хранить в складах части, комплектами для каждого подразделения.

д) Носимый запас продовольствия и личные принадлежности бойцов хранить в подготовленном виде для укладки в вещевые мешки и ранцы. Сверх того в складах части хранить для каждого подразделения по одной суточной даче продовольствия и фуража, подготовленным к погрузке в обоз части. Кухни и обоз иметь в исправном виде с положенным к ним имуществом и запасными частями.

е) Запас горючего для всех типов машин иметь по две заправки — одна залитая в баки машин (тракторов) и одна в цистернах (бочках).

ж) В зимних условиях все подразделения должны быть обеспечены теплым бельем для всего состава части, рукавицами и маскхалатами.

Моторизованные и танковые части

з) На каждую боевую машину в складах части иметь 1/2 боекомплекта артснарядов неприкаса в окончательно снаряженном виде и 50 % боекомплекта патронов, набитыми лентами и дисками. В частях, где до получения настоящей директивы было окончательно снаряжено свыше 1/2 боекомплекта артснарядов, дальнейшее хранение их продолжать в снаряженном виде. Переснаряжение магазинов производить через каждые два месяца. Укладку снарядов и снаряженных магазинов в машины производить по объявлении боевой тревоги.

б) Все остальные виды запасов хранить по порядку, указанным для стрелковых, кавалерийских и артиллерийских частей.

в) Запас горючего для всех типов машин иметь по две заправки — одна залитая в баки машин (тракторов) и одна в цистернах (бочках).

2. Особо отработать вопрос подъема по тревоге частей прикрытия и отрядов поддержки погранвойск. Сроки готовности по тревоге устанавливаю: для стрелковых и артиллерийских частей на конной тяге — 2 часа; для кавалерийских, мотомеханизированных частей и артиллерии на мехтяге — 3 часа. Зимой готовность частей соответственно 3 и 4 часа. Для отрядов поддержки готовность — 45 минут. При объявлении боевой тревоги командованием части проводятся следующие мероприятия:

а) Выделяется командный и красноармейский состав в количестве, обеспечивающем охрану и возможность выполнения всех работ до перехода части на военное положение. Зенитные пулеметы и артиллерия занимают заранее подготовленные огневые позиции и изготавливаются для немедленного открытия огня по самолетам и парашютистам противника.

б) Усиливается охрана складов, парков и гаражей.

в) Возимый запас огнеприпасов, горючего и продовольствия для первого эшелона укладывается в обоз (боевые машины); носимый запас огнеприпасов выдается на руки на сборном пункте. В танковых частях магазины с патронами и снаряды вкладываются в машины.

г) Проверяется наличие полной заправки всех боевых и транспортных машин горючим и маслом.

д) Заранее заготовленные карты неприкосновенного запаса выдаются на руки командному и начальствующему составу по особому приказанию, а командирам отрядов поддержки погранвойск — немедленно.

е) Боевые противогазы выдаются всему личному составу на руки.

ж) Телефонные элементы заливаются водой по особому приказанию.

Подъем частей по тревоге и выход их на сборные пункты должны быть доведены до автоматизма, для чего особенно четко необходимо поставить весь внутренний распорядок части, отработать и проверить службу оповещения командного состава. Хранение имущества должно обеспечить быструю его выдачу в подразделения.

3. Для проверки готовности частей и для их тренировки на быстроту сбора по тревоге устанавливаю УЧЕБНО-БОЕВЫЕ ТРЕВОГИ. Учебно-боевые тревоги проводить непосредственным и прямым начальникам от командира части и выше.

По особым предписаниям Военного Совета армии и Округа учебно-боевые тревоги могут проводиться командирами управлений армий и Округа (начальники штабов, оперативных отделов, начальники родов войск). Учебно-боевая тревога проводится обязательно в присутствии командира части. По учебно-боевой тревоге надлежит:

а) части вывести на сборные пункты (согласно плану тревоги части);
 б) опечатанный пакет на случай боевой тревоги не вскрывать;
 в) патроны на руки бойцам не выдавать, но на сборный пункт выносить или вывозить;
 г) телефонные элементы не заливать;
 д) пакеты с топокартами на руки командного состава не выдавать;

е) продукты в котлы закладывать по особому распоряжению лица, производящего поверку. После проверки части на сборном пункте, проверяющий дает отбой или ставит части учебную задачу. Во исполнение настоящей директивы, Военным Советам армий немедленно отдать подчиненным соединениям и частям соответствующие распоряжения и организовать поверку их точного выполнения.

Командующий войсками КОВО генерал-полковник Кирпонос

Член Военного совета КОВО корпусный комиссар Вацугин

Начальник штаба КОВО генерал-лейтенант Пуркаев⁹⁹⁹.

Все было заранее. Заранее было известно даже то, когда супостаты нападут. Баграмян мельком даже это показал в своих мемуарах¹⁰⁰⁰. Но как только дело дошло до дела, стрелковым дивизиям и корпусам слишком поздно дали команду на выдвижение, да еще и заранее планировали им разрешение топтать до района сосредоточения восемь—двенадцать ночей?! Так почему же сроки вывода дивизий в КОВО не были скорректированы даже после директивы от 18 июня?

Хуже того. Какого же хрена войска непосредственного прикрытия, то есть войска первого эшелона прикрытия, были на значительном удалении от государственного рубежа?! Ведь заранее же было разрешено пододвинуть к государственной границе именно эти войска, а передовые части выдвинуть в зону пограничных частей. И как же надо понимать его утверждение на этот счет в мемуарах при сопоставлении с его же ответом 10 сентября 1952 г., в котором он указал, что войска прикрытия дислоцировались непосредственно у границы?! Когда Иван Христофорович писал правду — в 1952 г. или же в мемуарах?

Но, быть может, с помощью такого «лирического» приема — «МОЗГ СВЕРЛИЛА МЫСЛЬ» — Баграмян хотел показать преступность действий

⁹⁹⁹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 265. Л. 26—30. Машинопись на бланке: «НКО СССР. Командующий войсками Киевского Военного Округа». Имеются пометы, в т.ч. Г.К. Жукова: «т. Ватутину. Проработать. 12.06.41 г.». Подлинник, автограф.

¹⁰⁰⁰ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 85.

командующего округом?! «Пуркуа па?», как говорят ставшие не разлей вода «друзьями» временного Кремля французы, что в переводе на великий и могучий русский язык означает «А почему бы и нет?». Ведь показал же Баграмян, с каким конкретно преступным настроем Кирпонос приехал в округ и что он говорил на первом же совещании с работниками штаба округа.

Вот то-то и оно, что Кирпонос исполнял не директивы Москвы, а «директивы» окопавшейся в высшем военном командовании «киевской мафии». Иначе не было бы такой дубово-преступной реализации ранее упоминавшейся доктрины Дуэ в варианте «безграмотного сценария» «киевской мафии», на что обратил внимание еще великий Рокоссовский, да цензура вырезала. Проще говоря, сознательно ли того хотел сам Баграмян или нет, но он четко показал, что под воздействием командования Кирпоноса система прикрытия и обороны самого мощного на западной границе СССР округа к моменту начала агрессии была абсолютно аналогична швейцарскому сыру в разрезе. Проще говоря, напичкана—применю не вульгарный, а военный термин — огромным количеством брешей, через которые и хлынул огромной ордой заведомо одурманенный человеконенавистнической пропагандой главарей нацизма лютый враг. К тому же бреши эти были еще и на большую глубину. Баграмян «благоразумно» последовал версии Пуркаева и не указал, на каком конкретно удалении от границы находились войска первого эшелона прикрытия. Ограничился только выражением «в значительном удалении от государственного рубежа». Ну, а вместе с удаленностью войск второго эшелона прикрытия и вовсе получается, что чуть ли не на глубину стратегической обороны — 250—300 км. Еще 100—150 км — и действительно получилась бы необходимая в условиях СССР того времени глубина стратегической обороны. Так на что же рассчитывало командование КОВО?! Как оно в действительности собиралось защищать все давшую им Родину, все давший им советский народ?!

Но далее в мемуарах Баграмяна и вовсе «компот». Маршал указал, что в конце первой декады июня, то есть 9 июня, командующий округом генерал Кирпонос созвал Военный совет, на котором начальник разведотдела доложил все, что ему было известно. После этого и обсуждения ряда других вопросов Кирпонос выступил с дельным предложением следующего содержания: «...Считаю необходимым немедленно отдать войскам, составляющим второй эшелон нашего округа, следующий приказ: в каждом полку несимый запас патронов иметь непосредственно в подразделениях при каждом ручном и станковом пулемете, причем половину их набить в ленты и диски; фанаты хранить на складах, но уже сейчас распределить их по подразделениям; половину боекомплекта артиллерийских снарядов и

мин держать в окончательно снаряженном виде, зенитные тоже; запас горючего для всех типов машин иметь не менее двух заправок: одну — в баках, другую — в бочках. И, наконец, предлагая максимально сократить срок приведения войск в боевую готовность: для стрелковых и артиллерийских частей его надо уменьшить до двух часов, а для кавалерийских, моторизованных и артиллерии на мехтяге — до трех часов. Одним словом, *войска второго эшелона привести в состояние такой же повышенной боевой готовности*, как и войска прикрытия границы»¹⁰⁰¹.

Прекрасно, только вот почему после такого дельного предложения командующего округом, получив через три дня директиву Центра на выдвижение войск второго эшелона «для повышения боевой готовности», в округе ничего не было сделано во исполнение комплексного предложения Кирпоноса, которое получило даже документальное воплощение?! Ни по одному аспекту этого комплексного предложения Кирпоноса. Стрелковым корпусам отвели, по словам Баграмяна, от двух до трех суток, чтобы собраться с мыслями, духом и снаряжением, чтобы выступить на марш?! А ведь сам Иван Христофорович отметил в мемуарах, что во время состоявшегося в конце первой декады июня совещания у Кирпоноса командующий округом специально подчеркнул, что имеется приказ подготовить все корпуса, находящиеся в глубоком тылу округа и составляющие его второй эшелон, к выдвиганию непосредственно к границе¹⁰⁰². То есть еще до получения директивы от 12 июня они знали, что очень скоро начнется выдвижение этих войск второго эшелона в сторону фанци. И тем не менее запланировали такие сроки.

Острейший дефицит боеприпасов, в том числе и снарядов для артиллерии, а также топлива, сразу дал о себе знать в первые же мгновения отражения агрессии. Что, выходит, что Кирпонос даже исполнение своих указаний не контролировал?! Или, быть может, задним числом Баграмян просто пытался облагородить облик неизвестно как погибшего при выходе из окружения командующего?! Но тогда зачем он привел сведения о том, что 19 июня между начальником штаба КОВО Пуркаевым и только что назначенным начальником артиллерии округа генералом Парсеговым состоялась легкая перебранка?

Дополнительный комментарий. Кстати говоря, тоже достаточно серьезная странность. Непосредственно перед нападением в округах менялись командиры многих частей, в том числе и УР. Что за потребность-то такая возникла, что надо было делать это именно в оставшиеся несколько дней до нападения?! Например, обычно

утверждают, что П.Г. Понеделин возглавил 12-ю армию вроде бы в марте 1941 г. На самом же деле до конца мая 1941 г. обязанности командующего этой армией исполнял генерал-лейтенант Пашенников, а Понеделин в действительности был назначен на эту должность только в конце мая. Причем, что особенно вызывает удивление, с должности начальника штаба Ленинградского округа. То есть Понеделин пошел на понижение?! Зачем? Ведь это же «кореш» Жукова. Почему Жуков предпринял такой шаг, что своего друга назначил с понижением на должность командующего армией, полоса ответственности которой составляла 500км?! В чем был смысл такой замены командующего армией, у которой столь огромная полоса компетенции?! Большие чем у всего ЗапОВО. Кстати говоря, и начальника ВВС 12-й армии сменили также в самый последний момент перед войной. 17 июня на эту должность был назначен генерал-майор Т.Т. Хрюкин, который прибыл на место новой службы в 18 часов 21 июня. А это на кой хрен было сделано?!

Суть упомянутой перебранки в том, что Пуркаев, со ссылкой на Кирпоноса, потребовал, чтобы не менее половины боекомплекта артвыстрелов подвезли на рубежи, куда выходят корпуса. Это что же выходит, что пять дней назад Кирпонос высказал такое предложение, а ничего сделано не было?! Потребовалось напоминание со стороны Пуркаева, чтобы дело с места сдвинулось?! Кстати, Баграмян указал в мемуарах, что Парсегов выполнил указание Пуркаева¹⁰⁰³. Но тогда как понять сообщения военной контрразведки, в первых же донесениях с ЮЗФ отмечавшей тот факт, что в ведущих жестокие бои войсках ощущается острейшая нехватка артиллерийских боеприпасов всех видов?! Ниже данные военной контрразведки будут приведены отдельно.

*Справка. За первые три недели войны, войсками ЮЗФ было уничтожено — где законно, но большей частью незаконно, просто в панике — 1933 вагона боеприпасов и 38 047 т горючего. Только группировка войск во Львовском выступе уничтожила 160 вагонов с боеприпасами из 700 находившихся на артиллерийских складах во Львове!*¹⁰⁰⁴.

Кстати говоря, артиллерия (а также саперные батальоны) округа, так же как и в других округах, находилась на окружных полигонах. И лишь под давлением начальника штаба округа Кирпонос согласился во время упомянутого совещания отозвать ее обратно в дивизии¹⁰⁰⁵. И опять получается какая-то нелепость. Потому что тот же Баграмян указал, что во время упомянутого совещания 9 июня 1941 г. Кирпонос сам сказал, что

¹⁰⁰¹ Там же, с. 83.

¹⁰⁰⁴ См.: Развитие тыла Советских Вооруженных сил. 1918—1988. М., 1989, с. 118—119.

¹⁰⁰⁵ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 70.

¹⁰⁰¹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 69.

¹⁰⁰² Там же, с. 68

приказал командующим армиями округа небольшими подразделениями занять полевые позиции, подготовленные в предполье¹⁰⁰⁶. Проще говоря, то был готов за счет не санкционированного советским правительством выдвижения даже небольших подразделений в предполье фактически объявить войну, то еле-еле согласился отозвать артиллерию и саперные батальоны обратно в дивизии, да и то под нажимом начальника штаба округа. Да и то, потом все же просил на это санкцию то ли у Тимошенко, то ли у Жукова. В общем, «у Москвы». Попробуйте понять, что же на самом деле там происходило. Чуть ниже об этом будет сказано подробнее.

Не меньшее недоумение вызывает заявление Баграмяна от 10 сентября 1952 г. и о том, что механизированные корпуса начали выдвижение из районов дислокации лишь 22 июня. А как же быть тогда с зафиксированным в мемуарах фактом, свидетельствующим о том, что 19 июня представитель командования КОВО на совещании в штабе 19 МК заявил следующее: «В ближайшие дни возможно нападение гитлеровской Германии на нашу страну. В связи с этим Военный совет КОВО принял ряд важных решений. В частности, в течение сегодняшней ночи оперативное управление округа будет выведено на полевой командный пункт в районе города Тернополь.

Командованию 19-го мехкорпуса предлагается в ночь на 20 июня в целях предосторожности и защиты танковых дивизий от внезапных ударов с воздуха вывести все танки и артиллерию, автотранспорт и узлы связи, а также бронемашину механизированных частей из парков в безопасные места согласно утвержденному плану развертывания № 1. Подразделения ПВО получили боевую задачу по прикрытию районов новой дислокации войск...»¹⁰⁰⁷

В этой цитате несколько ценных свидетельств. Во-первых, она ясно показывает, что в КОВО получили санкционированные Сталиным директивы НКО и ГШ от 18 и 19 июня. В них говорилось о возможности нападения Германии в ближайшие дни, о приведении войск в боевую готовность и о выводе фронтовых управлений на командные пункты сначала к 25 июня, затем — к 22 июня (напоминаю, что корректировка срока произошла телеграммой ГШ от 18 июня). Во-вторых, приведенное свидетельство однозначно показывает, что уже 19 июня командованию 19-го МК было дано указание на вывод войск из района постоянной дислокации. К слову сказать, 19-й МК был в резерве командования КОВО. Но если этому, находившемуся в резерве, корпусу дали команду на выход, то, следовательно, Ба-

грамян как минимум «запомнил», что и как происходило, хотя не исключено, что и не без умысла навел тень на плетень.

Есть еще и невидимая с первого взгляда сторона в этой истории с 19-м МК. Если то, что приведено выше, правда, а сомнений именно в этом нет, то это означает следующее. Уже 19 июня командование КОВО хотя бы и в ориентировочном порядке, но знало дату нападения супостатов! Тогда почему же не скорректировали сроки вывода дивизий и корпусов?

Еще более темная сторона информации Баграмяна от 10 сентября 1952 г. в отношении механизированных корпусов состоит в том, что почему-то МК начали выдвижение только 22 июня, хотя 19 июня 19-му МК приказали выдвинуться в район по плану развертывания уже в ночь на 20 июня.

Завесу тайны приоткрывают воспоминания бывшего командира 8-го МК 26-й армии КОВО генерала Д.И. Рябышева. Вот что он еще указал в своих мемуарах: «20 июня 1941 года я получил от командующего войсками Киевского Особого военного округа генерал-полковника М.П. Кирпоноса совершенно секретный пакет: лично мне предписывалось незамедлительно выехать к границе и произвести рекогносцировку района предполагаемых действий 8-го механизированного корпуса. Особое внимание при этом надлежало обратить на состояние мостов и дорог. <...> В этот же день отправился в путь. <...> На своем маршруте я делал остановки. Осматривал рельеф местности, опушки леса, заболоченные поймы рек и мосты. Остановливался у каждого моста, у каждой речки. Наконец, впереди показался город Перемышль, древняя крепость. По реке Сан проходила граница. Дальше, за рекой, располагались немецко-фашистские войска. Командирская разведка длилась два дня»¹⁰⁰⁸.

Во-первых, что, нельзя было сделать раньше рекогносцировку, что спохватились в самый последний момент? Во-вторых, Рябышев прямо указал, что эту рекогносцировку он сделал непосредственно до линии границы. И тогда возникает следующий вопрос. Так как же все-таки обстояло дело с механизированными корпусами в реальности? А вот как.

Если исходить из того, что Баграмян написал в своих мемуарах, то входившие в состав второго эшелона округа четыре механизированных корпуса КОВО также должны были убыть вместе со стрелковыми корпусами согласно директиве от 12 июня. Ведь в директиве НКО и ГШ БИв 504205 четко указано: выводить «все глубинные дивизии и управления корпусов с корпусными частями»! То есть, в отличие от директивы для ЗапОВО, имелись в виду

¹⁰⁰⁶ Там же, с. 68.

¹⁰⁰⁷ Калядин И.С. За каждую пядь земли. М., 1983, с. 8.

¹⁰⁰⁸ Рябышев Д.И. Первый год войны. М., 1990, с. 7.

и стрелковые, и механизированные дивизии и корпуса!

Однако командир, например, входившего в состав второго эшелона 9-го механизированного корпуса КОВО генерал-майор и в скором будущем великий Маршал Великой Победы К.К. Рокоссовский вообще не ставился командованием Киевского округа в известность о начавшихся выдвижениях частей первого и второго эшелонов. И даже о том, что с 18 июня и его корпус должен был начать выдвижение.

Хуже того. Даже в полном издании мемуаров Рокоссовского (то есть со всеми ранее имевшими место купюрами цензуры) нет упоминания о майской директиве Генерального штаба, о которой пишет Баграмян как о том самом варианте «плана прикрытия». Это-то как понять?! Ведь, в отличие от остальных маршалов и генералов, Рокоссовский написал действительно честные мемуары. В них вообще нет вранья, которым перенасыщены мемуары Жукова и других, особенно в части, касающейся кануна и начала войны. Так вот как понять отсутствие упоминания о майской и июньской директивах в мемуарах Рокоссовского?) Ведь он же был командиром механизированного корпуса второго эшелона прикрытия приграничного округа (резерва) и уже по должности просто обязан был знать ее содержание (его 9-й МК упоминается в ПП округа). Ведь эта директива расписывала действия округа и входивших в его состав войск на случай нападения.

Между тем, исходя из мемуаров великого Рокоссовского, получается, что ему не было известно о том, являлся ли его мехкорпус частью второго эшелона прикрытия, должен ли он выдвигаться в район сосредоточения, или же он находится в резерве. Хуже того. Его не поставили толком в известность даже о том, что штаб округа убывает в Тернополь 20 июня и зачем: «...Стало известно о том, что штаб КОВО начал передислокацию из Киева в Тернополь. Чем это было вызвано, никто нас не информировал. Вообще, должен еще раз повторить, царило какое-то затишье и никакой информации не поступало сверху...»¹⁰⁰⁸ Для командира 9-м МК генерал-майора Рокоссовского «сверху» означало штаб округа, которому и подчинялся его корпус. Выходит, что Рокоссовский в известной мере находился в информационной блокаде. Очевидно, как и другие командиры, если учесть последнюю фразу в только что процитированном отрывке из его мемуаров. Так вот как все это понять? Особенно в сопоставлении с историей 19-го МК, который также находился в резерве — 19-му МК сказали, а 9-му МК, который тоже в резерве, ничего не сказали?!

Проще говоря, все это означает следующее. До сведения командира входившего во второй эшелон войск прикрытия КОВО 9-го механизированного корпуса и являвшегося одновременно начальником Новоград-Волынского гарнизона генерала Рокоссовского командование КОВО не довело ни майскую, ни июньскую директивы! А ведь как командир корпуса второго эшелона, под командованием которого находилось две танковые и одна механизированная дивизии, он должен был быть поставлен командованием округа в известность хотя бы после 15 июня, когда началось выдвижение к границе частей второго эшелона! Ведь это же были не какие-то там потешные маневры, а выдвижение войск по приказу из Москвы. Увы, но в воспоминаниях маршала ничего нет. И нет только по той причине, что Рокоссовский тем самым показал правду, — тогда ему ничего об этом не было известно.

Собственно говоря, механизированные корпуса КОВО не просто оказались в таком положении. Как только громыхнули первые залпы противника и они вскрыли свои «красные пакеты», то прочитали в содержащихся там документах то, что, как правило, вызывает приступ безудержного, самого сочного, самого отборного командирского мата. Им предписывалось делать вовсе не то, что они должны были бы делать в соответствии со здравым смыслом и единственным официальным планом отражения агрессии и ПП округа. А, самое главное, вовсе не там, где это у них получилось бы лучше всего.

Мало того что они не были приведены в движение в соответствии с директивой от 12 июня и заранее не подтягивались в сторону границы. Так еще вместо перпендикулярного от мест постоянной дислокации, где их и застала война, движения в сторону границы им предписывалось осуществлять многотысячные марши, преимущественно вдоль границы.

Например, 9-й механизированный корпус под командованием великого Рокоссовского двое суток преимущественно пешком — да-да, механизированный корпус преимущественно пешком добирался до линии соприкосновения с противником. Пешком, потому что личным составом его корпус был укомплектован почти полностью, а техникой, то есть танками и мототранспортом, — всего на 30 %¹⁰¹⁰ (вот они последствия тупоголовой реформы бронетанковых сил РККА, затеянной Тимошенко и Жуковым в последние месяцы перед войной). Великий Маршал Великой Победы прямо указал, что в таком состоянии подчиненный ему корпус как механизированное соединение был небоеспособным для боевых действий, о чем не могли не знать в штабе КОВО и в ГШ¹⁰¹¹.

¹⁰⁰⁹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. Издание с восстановленными по авторской рукописи купюрами цензуры. М., 1997, с. 12.

¹⁰¹⁰ Там же, с. 38.

¹⁰¹¹ Там же.

Хуже того. Прямо на марше многие командиры мехкорпусов получали прямо противоположные предписаниям «красных пакетов» устные указания от командующих своими фронтами, а также от ближайших командармов перейти в их подчинение и двигаться совершенно в ином направлении. Еще хуже того. Не успев расположиться на новом месте, а нередко даже и дойти до него, командование мехкорпусов получало указание немедленно передислоцироваться в иное, как правило, противоположное место, опять на сотни километров. В результате гибла техника, бессмысленно изнашиваясь в изнурительных маршах. Бессмысленно растрчивались горюче-смазочные материалы. Более того. Непосредственно на маршах от непрерывных бомбежек мгновенно завоевавшей абсолютное господство в воздухе авиации противника гибла не только техника — гибли люди. В итоге значительная часть советской бронетехники не сыграла фактически никакой серьезной роли, погибла просто не за понюшку табака, а многие танкисты вынуждены были превращаться в пехотинцев и затем пешком отступать на восток. Наряду с этим подразделения мехкорпусов частенько изымались из ведома его командования, дробились и распылялись. В КОВО это происходило в самой драматической форме.

Из спецсообщения Особого отдела НКВД СССР № 39405 от 1 августа 1941 г.: «4-й мехкорпус с первых дней войны использовался командованием 6-й армии как часть прикрытия. В боях с противником корпусом потеряно 27 танков "КВ" и 174 танка Т-34, кроме того, убито по техническим неисправностям 133 танка указанных марок. Большая часть этих потерь произошла по вине командования 6-й армии, которое перебрасывало части корпуса с места на место на дальние расстояния. Были случаи, когда корпус со своими частями не успевал расположиться на новом рубеже или только подходил к нему, как следовал приказ 6-й армии с новым боевым заданием, вызывавшим новые дальние передвижения... Вследствие частых переходов корпус в целом прошел 800 км (а 32-я танковая дивизия — 1000 километров) и остался совершенно без материальной части. Танки "КВ" и Т-34 бросались на дорогах из-за незначительных неисправностей. Командование 6-й армии никакой работы по сбору оставленной на дорогах материальной части не проводило. Силами корпуса было подобрано и эвакуировано 73 танка, подорвано и сожжено 98 танков...»¹⁰¹²

^{10,2} РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 100. Л. 318—319. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 79—80.

Из сообщения Особого отдела НКВД СССР также от 1 августа об итогах боевой деятельности бронетанковых частей Юго-Западного фронта: «По сообщению Особого отдела Юго-Западного фронта за истекший период военных действий танковые и мотомеханизированные соединения, находящиеся в распоряжении командования фронтом, понесли большие потери материальной части. Основными причинами больших потерь материальной части являются: <...> 4) Частые изменения районов сосредоточения, следствием чего имели место большие марши, которые привели к сильной изношенности машин до участия их в боях (8-й механизированный корпус перед боем совершил марш около 500 км, потерял за это время до 45 % машин, 56-я дивизия совершила марши около 1000 км, потеряла до 35 % машин...»¹⁰¹³

Вот так по указаниям «прекрасно разработавшего план прикрытия КОВО Генерального штаба» командование самого мощного округа и «запланировало защищать» все давший Красной Армии, в том числе и войскам этого округа, советский народ! Извините, но это просто преступление, тяжкое государственное преступление! Как можно было заложить в «красные пакеты» подобные указания?! Как можно было их усугублять еще более преступными указаниями типа «иди туда, не знаю куда, скорей возвращайся и иди в обратную сторону, разворачивайся и следуй в иную сторону»?

Все это, простите за резкий и категоричный вывод, может означать только одно. Подстава войск под неминуемый разгром, прежде всего стрелковых войск, которые, собственно говоря, и держат оборону на суше, была запланирована заранее! А в отношении механизированных войск, особенно в КОВО, где их было сосредоточено более всего, заранее было запланировано максимально возможное исключение их из активного участия в приграничном сражении. Хуже того. С одновременным максимальным ослаблением их за счет бессмысленных перебросок своим ходом туда-сюда. Увы, но своего они добились!.. А затем, когда Жуков прибыл на ЮЗФ, то и вовсе были угрожены в плохо подготовленном встречном сражении с нацистскими панцерваффе. Чего же в таком случае удивляться, что супостаты и на этом направлении добились, увы, серьезного успеха в первую же неделю агрессии?!

Дополнительный комментарий. Чтотакое-ся того, как под руководством Жукова были угрожены механизированные корпуса КОВО-ЮЗФ,

^{10,1} РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 100. Л. 315—317. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 80—81.

то это требует отдельного пояснения. Прежде всего, следует иметь в виду, что Жуков все-таки протацил в жизнь незаконную идею немедленно — по факту нападения — встречно-лобового контрпроторжения на территорию противника из КОВО, которая была заложена в никогда не до-кладывавшийся Сталину якобы план от 15 мая 1941 г. Произошло это на основании директивы № 3 от 22 июня, которая в части, касавшейся уже ставшего Юго-Западным фронтом КОВО, гласила: «г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая госграницу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстинополь, к исходу 26,06 овладеть районом Люблин, Прочно обеспечить себя с краковско-го направления»¹⁰¹⁴.

Проще говоря, этой директивой предписывалось задействовать практически все основные силы ЮЗФ для наступления 23 июня на Люблин! Но о каком наступлении в тот момент на Люблин могла быть речь, если при наличии всех необходимых санкций на приведение войск в боевую готовность и занятие оборонительных рубежей вояки уже нагло и преступно «проморгали» внезапное и, если честно, мощное, зубодробильное нападение противника?! К тому же следует иметь в виду, что часть предназначавшихся для КОВО-ЮЗФ сил уже была переадресована в помощь гибнущему Западному фронту. Но Жуков упорно, с достойным лучшим применением упрямством следовал разработанному им и Тимошенко не столько «безграмотному», сколько — по факту случившегося — преступному сценарию вступления в войну.

Незадолго до выхода в свет первого издания мемуаров Жукова генерал-полковник А.Л. Покровский еще 26 мая 1968 г., в беседе с известным в то время писателем К.М. Симоновым, рассказал, что произошло на ЮЗФ с этим наступлением Жукова: «...На Юго-Западном фронте побывал Жуков, в самые первые дни организовал там наступление с лозунгом: "Бить под корень! На Люблин. Из этого наступления ничего не получилось. Погибло много войск, мы потерпели неудачу. Жуков уехал в Москву. Правда, потом он говорил, что это наступление было организовано по приказанию Сталина...»¹⁰¹⁵

¹⁰¹⁴ ЦЛ МО РФ. Ф. 11 ЗА. Оп. 3272сс. Д. 5. Л. 1—2.

¹⁰¹⁵ Из записи беседы К.М. Симонова с бывшим начальником штаба Западного и Третьего Белорусского фронтов генерал-полковником Покровским Александром Петровичем. Записана 26 мая 1968 г. Запись беседы была опубликована

Тут, правда, есть две тонкости. Первая состоит в том, что в якобы плане от 15 мая 1941 г. главный удар ЮЗФ планировался в направлении Краков—Катовице, а разгром Люблинской группировки противника был запланирован как результат первоочередной операции ЮЗФ при вспомогательном ударе ЗФ. В реальности же Жуков не пошел на то, чтобы наносить удар в направлении Краков—Катовице, ограничившись попыткой разгрома Люблинской группировки силами ЮЗФ, что в целом соответствовало замыслу якобы плана якобы от 15 мая. Об участии ЗФ в этом наступлении уже не могло быть речи, и Жуков это понял, потому и ограничился силами ЮЗФ и направлением удара на Люблин.

Вторая тонкость состоит в том, что Сталин не имел отношения к составлению директивы № 3, по крайней мере в том ее виде, в каком она была передана гласности. Эта директива была подписана Тимошенко, Маленковым и Жуковым. Подписи Сталина на ней нет. Директива № 3 была издана вечером 22 июня, а Жуков последний раз 22 июня побывал в кабинете Сталина с 14.00 до 16.00¹⁰¹⁶, и получил приказ вылететь на ЮЗФ для оказания помощи командованию фронта. С 16.45 22 июня Сталин никого более не принимал¹⁰¹⁷. К тому же не следует забывать, что в тот момент главнокомандующим являлся нарком обороны Тимошенко, а Жуков — его первым заместителем. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о создании Ставки Главного Командования было принято лишь 23 июня. Соответственно ни по каким параметрам Сталин не мог участвовать в разработке директивы № 3 и ее подписывать. Потому-то его подписи на ней и нет.

А вот Жукову впоследствии надо было прикрыть свой «тыл» соответствующей ложью и клеветой на Сталина, дабы хоть как-то обелить себя не только за эту неудачу, но прежде всего за реализацию, пускай и частичную, не столько «безграмотного», сколько незаконного и преступного «сценария» начала войны. В таких делах Жуков ни перед чем не останавливался, лишь бы отвести от себя малейшие подозрения... Кстати, когда предпринятый им танковый блиц-«Дранг нах Вестен»-криг накрылся, как того и следовало ожидать, большим медным тазом и потери были огромные, то Жуков быстро ретировался в Москву, где рьяно выгораживая перед Сталиным командование ЮЗФ, доказывал ему, что-де войска ЮЗФ упорно держат оборону, отчаянно

по оригиналу, находящемуся в архиве К.М. Симонова, в его семье, с сохранением всех особенностей речи Александра Петровича. Цит. по: БИр://гкка.ш/тетогу/рокгоу\$кгу/тат.Нит

¹⁰¹⁶ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.) Справочник / Под ред. А.А. Чернобаева. М., 2008, с. 338.

¹⁰¹⁷ Там же.

сражаются на неподготовленных рубежах. Естественно, не пояснив при этом, какого же хрена с начала войны они отчаянно сражаются именно на неподготовленных рубежах, но настаивая на отводе войск фронта в целях его выравнивания и использования условий местности...

Да, собственно говоря, почему супостаты не должны были добиться серьезного успеха в действиях против войск КОВО, если командование этого округа нахально, можно даже сказать, нагло проигнорировало еще одну директиву ГШ. Частично об этом уже говорилось выше. Но сто*ит и подробнее рассказать. Чтобы было понятно, о чем идет речь, сначала небольшой отрывок из мемуаров Баграмяна: «...В то же утро (то есть 19 июня. — А. М.) из Москвы поступила телеграмма Г.К. Жукова о том, что Народный комиссар обороны приказал создать фронтовое управление и к 22 июня перебросить его в Тарнополь. Предписывалось сохранить это “в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа”¹⁰¹⁸.

У нас уже все было продумано заранее. По нашим расчетам, все фронтовое управление перевезти автотранспортом было не только труд*но, но и слишком заметно. Поэтому было решено использовать и железную дорогу. Командующий округом приказал железнодорожный эшелон отправить из Киева вечером 20 июня, а основную штабную автоколонну — в первой половине ел*дующего дня.

— А как насчет войск? — спросил я у начальника штаба.

— Пока поступило распоряжение лишь от*носительно окружного аппарата управления. А вам нужно, не теряя времени, подготовить всю документацию по оперативному плану округа, в том числе и по плану прикрытия госграницы, и не позднее двадцать первого июня поездом отправить ее с надлежащей охраной в Генеральный штаб. После этого вместе со своим отделом выедете вслед за нами на автомашинах, чтобы не позднее семи часов утра двадцать второго июня быть на месте в Тарнополе.

Я, естественно, выразил удивление, что командование выезжает на командный пункт без оперативного отдела: ведь случись что, оно не сможет управлять войсками, не имея под рукой ни офицеров-операторов, ни специалистов скрытой связи. Но предложение оставить со мной двух-трех командиров, а остальных во главе с моим заместителем отправить одновременно с Военным советом не было одобрено Пуркаевым. В этом нет необходимости, пояснил он: к утру 22 июня оперативный отдел будет уже в Тарнополе, а до этого вряд ли он потребует.

¹⁰¹⁸ ЦА МО РФ Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 43—44.

— Так что все идет по плану, — нетерпеливо махнул рукой генерал, давая понять, что нечего тратить время на разговоры.

Вечером 20 июня мы проводили отправлявшихся поездом, а в середине следующего дня — уезжавших на автомашинах.

...В субботу (то есть 21 июня. — А. М.) мы закончили отправку всех срочных документов в Москву. К подъезду штаба округа подкатило несколько автобусов и грузовых машин.

...Я ехал на легковой машине в голове колонны. Бегло просмотрел газеты, в которые так и не удалось заглянуть днем. На страницах не было ничего тревожного. И все же на душе было беспокойно. Видимо, потому, что я и мои помощники знали значительно больше, чем сообщалось в газетах.

...Непредвиденные задержки срывали график марша. Назревала угроза, что к 7 часам утра (то есть 22 июня. — А. М.) я не сумею привести свою автоколонну в Тарнополь. Привитое в армии стремление к точному выполнению приказа не позволяло мириться с этим. К тому же всю ночь мучила мысль, что на рассвете может разразиться война. Приказываю ускорить движение. Рассвет застал нас неподалеку от Бродов — небольшого, утопающего в зелени украинского местечка. Здесь мы сделали очередную десятиминутную остановку.

...Возвратившись в голову колонны, я собирался уже подать сигнал “Вперед”, как вдруг в воздухе над Бродами послышался гул. Все подняли головы, вглядываясь в небо. Мы знали, что здесь у нас аэродром, на котором базируются истребители и штурмовики. Что-то рано наши летчики начали свой трудовой день...

...Но послышались гулкие взрывы...¹⁰¹⁹

Обратите внимание, во-первых, на то, что только 19 июня командованию КОВО поступило указание с корректировкой срока вывода фронтового управления. Почему в КОВО эта корректировка поступила с опозданием — ведь остальным она была дана 18 июня, как указал в своих мемуарах очень точный в своих воспоминаниях маршал Захаров? Но, откровенно говоря, это не столь важно, хотя и заставляет обратить на себя внимание. Любимому округу такую корректировку дали с опозданием... Важно, во-вторых, что директива предписывала перебросить фронтовое управление к 22 июня. В свою очередь это означает, что 19 июня ГШ уже вполне уверенно исходил из того, что война грянет 22 июня. У военных же однозначно принято одно понятие, не допускающее двойного и вообще альтернативного толкования. Если приказано к такому дню что-то сделать, это означает, что к 00 ч. 00 мин. предшествующего указанному дню приказ уже

¹⁰¹⁹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 83—86.

должен быть исполнен в полном объеме. Проще говоря, командование КОВО должно было перебросить фронтовое управление в полном составе к 24 ч. 00 мин. 21 июня и немедленно подать телеграмму в ГШ об исполнении этого приказа. Но этого не было сделано. Переброску растянули. Причем, что самое главное, командование округа выезжало, по словам Баграмяна, на командный пункт без оперативного отдела. И он совершенно справедливо указал в мемуарах (как было на самом деле — трудно сказать), что случись что, оно не сможет управлять войсками, не имея под рукой ни офицеров-операторов, ни специалистов скрытой связи. Однако предложение Баграмяна оставить с ним двух-трех командиров, а остальных во главе с заместителем отправить одновременно с Военным советом, не было одобрено начальником штаба округа Пуркаевым. Баграмян получил разъяснение, что все идет по плану, и в его предложении нет необходимости, так как к утру 22 июня оперативный отдел будет уже в Тернополе, а до этого вряд ли он потребуется. Но оперативный отдел должен был прибыть не просто к утру, а к 7 часам утра 22 июня. А прибыв, еще и разместиться, и организовать работу на новом месте. То есть не ранее 8 часов утра оперативный отдел был бы готов к реальной работе.

Так какого же хрена здоровое предложение Баграмяна (по крайней мере, исходя из того, как он показал это в своих мемуарах) было проигнорировано?! И в соответствии с каким таким планом, согласно утверждению Пуркаева, все шло как нужно?! Что, у них был еще один, неизвестный, план?! Вы думаете, это просто риторический вопрос? Увы. Помните, когда речь зашла о директиве от 12 июня о выдвижении дивизий и корпусов из глубины КОВО, одновременно было указано, что выдвижение должно было происходить не в фигурировавшие в плане прикрытия округа районы. Директива предписывала осуществить это выдвижение в районы, указанные Генштабом, который на этот счет даже карту прислал командованию округа. Так что иной план у них был... тот, который уже после войны Тимошенко собственным языком назовет «безграмотным сценарием» вступления в войну.

И объясните, пожалуйста, хотя бы самим себе, почему жесткая директива ГШ была столь нагло проигнорирована командованием КОВО в самом главном вопросе — о сроке ее исполнения?! Почему командование округа спокойно выехало на командный пункт без «мозга» войск округа, каковым являлся оперативный отдел штаба округа?! Как оно должно было управлять войсками, если «мозга» нет?! Это что, нарочно было сделано так?! Чтобы потом иметь хоть какие-нибудь аргументы для оправдания допущенного преступного неисполнения в точности приказа

высшего командования?! Ведь они же знали, когда произойдет нападение. Баграмян это показал, хотя и мельком. Помните его слова — «И все же на душе было беспокойно. Видимо, потому, что я и мои помощники знали значительно больше, чем сообщалось в газетах». Но если он, являвшийся всего лишь начальником оперативного отдела штаба округа, а также его помощники знали больше, чем сообщалось в газетах, то командование-то округом знало куда больше, чем Баграмян со своими помощниками. Разве не так?! Тем более что всю ночь с 21 на 22 июня Баграмяна «мучила мысль, что на рассвете может разразиться война». Написано, конечно, лирически или около этого. На самом же деле он точно знал, когда гряхнет война, но не мог именно так написать, ибо существовал запрет Агитпропа ЦК КПСС на честное изложение событий кануна войны. Потому и прибег к лирике от первого лица.

А знал он, что нападение произойдет ранним утром 22 июня, потому, что разведка пограничных войск непрерывно докладывала командованию округа все данные, которые она добывала с помощью агентуры, от перебежчиков, нарушителей границы и по другим каналам. Если, например, тому же Рокоссовскому пограничники вечером 21 июня сообщили, что, по данным перебежавшего на советскую сторону ефрейтора вермахта (поляка по национальности, родом из Познани), нападение произойдет 22 июня¹⁰²⁰, то командованию округом они уж тем более сообщили. А ведь до этого был перебежчик от 18 июня, который также сообщил, что нападение произойдет ранним утром 22 июня, о чем командир 15-го СК Федюнинский тогда же и доложил командованию округом¹⁰²¹. И после 18 июня тоже были перебежчики, нарушители границы и диверсанты, которых после задержания пограничники детально опрашивали, а потом их информацию перепроверяли через свою агентуру.

И вот зная все это, командование округом вело себя так, как это описал Баграмян. Но он был гянджийский армянин¹⁰²². Среди армян они почитаются особо хитрыми, в связи с чем их называют «гасконцами». Длительное проживание в мусульманской среде буквально на генетическом уровне приучило их к особо хитрой изворотливости во всем. И он вовсе не случайно написал, что де командование округом вело себя невозмутимо спокойно¹⁰²³. Тем самым он и показал, что Кирпо-

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. Издание с восстановленными по авторской рукописи купюрами цензуры. М., 1997, с. 30.

¹⁰²¹ Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1960, с. 11—12.

¹⁰²² Гянджа, в советский период Кировабад, ныне вновь Гянджа, Республика Азербайджан.

¹⁰²³ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 84.

нос никак не реагировал на все более угрожающие признаки неумолимо надвигающейся войны. Ну, а чем это невозмутимое спокойствие Кирпоноса закончилось — известно...

Ну, и в завершение анализа ответа Баграмяна есть все основания дать ответ и на пятый вопрос Сталина. Напомню его формулировку: «Насколько штабы были подготовлены к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?»

Вывод о том, насколько штаб КОВО был подготовлен к управлению войсками, можно сделать, опираясь на мнение Баграмяна. Командование округа вывело свое фронтовое управление без «мозга», то есть без оперативного отдела штаба округа, который возглавлял Иван Христофорович. А без «мозга» — оперативного отдела штаба — управлять войсками невозможно. Получится безмозглое управление... «безграмотным сценарием» вступления в войну. Что и было в реальности.

Генерал-майор Ф.И. Смехотворов (бывший командир 135-й стрелковой дивизии 27-го СК 5-й армии). «18 июня 1941 года 135-я стрелковая дивизия выступила из района постоянного расквартирования (Острог, Дубно, Кременец) и к исходу 22 июня прибыла в Киверцы (в 10—12 км северо-восточнее Луцка) с целью прохождения лагерного сбора по приказу командующего армией. Распоряжения о приведении частей соединения в боевую готовность до начала военных действий не поступало, а когда утром 22 июня дивизия на марше была подвергнута пулеметному обстрелу с воздуха, из штаба армии поступило указание “На провокацию не поддаваться, по самолетам не стрелять”. Распоряжение о приведении частей в боевую готовность и об исполнении мобилизационного плана было отдано лишь утром 23 июня, когда они находились в Киверцах...»¹⁰²⁴

Комментарий. Ответ датирован 7 марта 1953 г. Откровенно говоря, ответ бывшего командира 135-й стрелковой дивизии генерал-майора

Ф.И. Смехотворова на вопросы Сталина пора уже привести полностью. Он того стоит. Итак: «1. План обороны государственной границы до меня и командиров частей 135 стр. дивизии доведен не был.

2. В какой мере был подготовлен оборонительный рубеж по линии гос. границы и в какой степени он обеспечивал развертывание и ведение боевых действий? Мне не было известно о подготовке оборонительного рубежа, т.к. всеми работами по подготовке рубежа руководили штабы 5 армии и 27 ск. На меня же, как на командира дивизии, возлагалась обязанность своевременно отправлять рабочую силу в составе трех стрелковых батальонов и сменять их через каждый месяц. Кроме того, на гос. границе бессменно работали саперный батальон дивизии и дивизионный инженер. Все они подчинялись непосредственно корпусному инженеру и мне никаких отчетов не представляли. Рекогносцировка оборонительного рубежа штабом 27 ск при участии командиров дивизий не проводилась.

3. До начала военных действий части 135 стр. дивизии на гос. границу не выводились и такого приказа не поступало. 18 июня 1941 года 135-я стр. дивизия выступила из района постоянного расквартирования — Острог, Дубно, Кременец — и к исходу 22 июня прибыла в Киверцы (в 10—12 км северо-восточнее Луцка) с целью прохождения лагерного сбора, согласно приказа командующего 5 армии генерал-майора Потапова.

4. Распоряжение о приведении частей 135 сд в боевую готовность до начала военных действий не поступало, а когда дивизия на марше утром 22.06 была подвергнута пулеметному обстрелу немецкими самолетами, из штаба 5-й армии поступило распоряжение “На провокацию не поддаваться, по самолетам не стрелять”.

Распоряжение о приведении дивизии в боевую готовность и о приведении в исполнение плана мобилизации поступило лишь утром 23.06.41 г., т.е. когда части дивизии находились в Киверцах, в 100—120 км от пунктов постоянного расквартирования»¹⁰²⁵.

Откровенно говоря, то, что написал в своем ответе генерал Смехотворов, — суровый приговор и командиру 27-го СК, и командующему 5-й армией генералу М.П. Потапову, и, конечно же, командующему и начальнику штаба КОВО генералам Кирпоносу и Пуркаеву.

Первый пункт разбирать не будем, так как о нем речь уже шла выше. Сразу перейдем к п. 2. Смехотворов отметил, что ему, командиру 135-й сд, не было известно о подготовке оборонительного рубежа. Простите, но это вообще ни в какие ворота не лезет. Как это так, командир

¹⁰²⁴ Военно-исторический журнал. 1989, №5, с. 27.

¹⁰²⁵ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 1786. Д. 50. Кор. 22099. Л. 79—86. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории М., 2009, с. 336.

стрелковой дивизии не знал о подготовке рубежа обороны, который должна была занять его дивизия?! Еще хлеще тот факт, что, по признанию Смехотворова, даже «рекогносцировка оборонительного рубежа штабом 27 ск при участии командиров дивизий не проводилась»?! Ну, и что должен был в таком случае делать командир 135-й сд при нападении супостатов? Его дивизию что, специально подставляли под неминуемый разгром и на убой?! Ведь если исходить из отчета 1-й танковой группы вермахта, наступавшей на этом направлении, 135-я сд была разгромлена уже в промежутке с 24 по 26 июня! Учитывая же, что она только к исходу 22 июня вышла в предназначенный ей район, то в бой она вступила только 23 июня, утром которого ей наконец-то объявили боевую тревогу. Следовательно, разгром дивизии начался уже на второй день ее схватки с врагом.

Содержание п. № 3 вообще шокирует — «До начала военных действий части 135 стр. дивизии на гос. границу не выводились и такого приказа не поступало». Проще говоря, генерал Смехотворов по-военному лаконично и ясно ответил на второй сталинский вопрос. И его ответ — такой же суровый приговор всему его вышестоящему командованию. Директива о выводе была, но дивизия не была выведена на границу. Только 18 июня 1941 г. его дивизия выступила из района постоянного расквартирования и лишь к исходу 22 июня прибыла в Киверцы (в 10—12 км северо-восточнее Луцка) с целью прохождения лагерного сбора, согласно приказу командующего 5-й армией генерал-майора Потапова. Этот факт свидетельствует о том, что директива ГШ от 12 июня о выводе дивизий из глубины округа все-таки реализовывалась. Однако больно уж странно она реализовывалась. 15 июня директива ГШ поступила в округ, а дивизия начала свой выход только 18 июня?! Если так — на третьи сутки — исполнять приказы вышестоящего командования, то ничего удивительного в разгроме наших войск нет. Смехотворову претензий за это не предъявишь. Он тут ни при чем. Виногато командование округа, армии и корпуса. Три дня волюнили с отданием приказа на выдвижение. Как прикажете это называть?! Только упаси вас господь пытаться цитировать Василевского, что-де «маленько опоздали» с выдвижением и развертыванием. Это не «маленько опоздали», это просто тяжкое преступление в особо угрожаемый период.

Содержание последнего пункта ответа вообще может вогнать чуть ли не в кому. Причем не тем, что «распоряжение о приведении частей 135 сд в боевую готовность до начала военных действий не поступало». Это объяснимо, — например, просто злым, злоумышленным блаженно-мирным бардаком, царившим не столько в войсках, сколько в умах армейского командования, которое, увы, инициировалось командованием округа. В архивах сохранился

поразительный, документально зафиксированный факт. 20 июня 1941 г., изучив поступившую из штаба КОВО информацию, командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Потапов сделал поразительно неадекватные более чем очевидным реалиям выводы: «Немцы воевать с нами не будут и не могут, так как между СССР и Германией существует договор о ненападении. Германия испытывает недостаток в продовольствии и других материальных средствах, и начать войну не может»?!¹⁰²⁶ Откровенно говоря, не сразу и поймешь, как реагировать на такой факт. Перед его армией концентрируются огромные силы супостатов — ведь знали даже, какие силы противника сосредоточены против каждой дивизии эшелона прикрытия¹⁰²⁷.

Дополнительный комментарий. Не забудьте добавить к этому ранее приводившиеся воспоминания ныне, к сожалению, покойного А.Л. Зиновьева, который ясно и однозначно засвидетельствовал, что командование округа и на местах знало дислокацию немецких частей на различных направлениях и даже располагало немецкими картами с указанием их дислокации. Более того. За четыре дня до нападения на участке 4-й пограничной комендатуры 93-го пограничного отряда (дислоцировался южнее Перемишля) был задержан нарушитель — бывший солдат царской армии. Старый вояка принес немецкую карту с пометками о направлении движения немецких войск при нападении — от Перемишля в сторону Львова и далее на Киев. Карта, естественно, была передана армейскому командованию. Проще говоря, в руках у армейского командования оказались бесценные данные, свидетельствовавшие о направлении ударов супостатов. Увы, все оказалось напрасно^{TM}.*

Разведка и пограничники изо дня в день докладывали все более тревожную информацию, в том числе 18 июня назвали уже дату и час начала агрессии, а Потапов делает столь неадекватные уже откровенно резавшим глаза реалиям выводы. Просто поразительно. Но еще более поразительно то, что такие выводы он сделал на основе информации, поступившей из штаба КОВО.

¹⁰²⁶ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 165—166. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 330—331.

¹⁰²⁷ Например, знали, что перед полосой обороны 62-й сд сосредоточены до трех пехотных дивизий супостатов. ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 143—147. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 335.

^{юг*} факт приводится по: Центральный музей пограничных войск (ЦМПВ). Документальный фонд, п-8, д. 9, л. 27; Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 169—170.

А это-то как объяснить? Баграмян писал в своих мемуарах, что они знали больше, чем писалось в газетах, его мозг постоянно сверлили всякие тревожные мысли, а вот, поди ж ты, командующему 5-й армией из штаба округа поступает информация, которая подвигла Потапова на такие неуместные выводы?! Ведь оперативный отдел штаба округа непосредственно был причастен к составлению направляемых командующим армиями округа различных информационных. Это его, оперативного отдела штаба округа, компетенция. Что же они там написали, что Потапов пришел к такому выводу?!

Откровенно говоря, и без этого поведение генерала Потапова в последние дни перед войной и первые ее мгновения просто поражает. Да и то, если выражаться мягко и дипломатично. Бывший командующий 15-м СК 5-й армии Федюнинский в своих мемуарах так описал реакцию Потапова на сообщение пограничников и немецкого перебежчика (от 18 июня) о нападении в 4 часа утра 22 июня:

«— Не нужно верить провокациям! — загудел в трубке спокойный, уверенный басок генерала. — Мало ли что может наболтать немец со страху за свою шкуру... Напрасно бьете тревогу...»¹⁰²⁹

Небезынтересно также заметить, что последняя фраза генерала Потапова относилась к просьбе Федюнинского разрешить вывод по два стрелковых полка от 62-й и 45-й сд ближе к границе и вернуть артиллерийские полки с полигона. А ему в ответ — «напрасно бьете тревогу». И это 18 июня, когда уже была дана санкция на приведение войск прикрытия в боевую готовность?! Вот и объясните теперь хотя бы самим себе: что все это должно означать и как все это надо квалифицировать?

В свою очередь бывший начальник штаба 15-го СК генерал 3.3. Рогозный вспоминал, что в 3 часа 20 минут (местного времени) 22 июня Потапов позвонил ему на квартиру и сообщил: «Немцы кое-где начали вести бой с нашими погранзаставами. Это очередная провокация. На провокацию не идти. Войска поднять по тревоге, но патронов не выдавать». Да еще и напутствие дал... о «необходимости сохранения большевистской выдержки»¹⁰³⁰.

Это «кое-где немцы начали вести бой с нашими погранзаставами» — ну просто «восхитительно»! Только пограничники не раз и не два докладывали ему о том, что на рассвете 22 июня начнется полномасштабное нападение супостатов. Военная разведка тоже докладывала об этом

же. Он уже располагал сведениями, полученными пограничниками от перебежчика А. Лискова, о нападении. Он уже получил — в 2 часа 30 минут 22 июня — директиву о приведении войск армии в боевую готовность. А он, видите ли, «кое-где»?! Даже невзирая на то, что по факту это действительно могло выглядеть как «кое-где», все равно у него не было никаких серьезных оснований для таких заявлений. А что касается действительного положения дел с этим самым «кое-где», то это началось практически по всей линии компетенции 5-й армии. Так что «кое-где» было неуместно. Однако Потапов упорно гнул свою линию. Утром 22 июня штаб 5-й армии не нашел возможности отдать приказ о приведении 135-й сд в боевую готовность, который поступил только утром 23 июня, но нашел возможность дать командованию дивизии распоряжение «на провокацию не поддаваться, по самолетам не стрелять»?!¹⁰³¹

Как такое могло получиться? Ведь директива о приведении войск 5-й армии в боевую готовность действительно была получена в штабе армии и доложена командующему в 2 часа 30 минут 22 июня. До 3 часов ночи Потапов доводил ее до командиров корпусов, приказав им поднять войска по боевой тревоге, оговорив при этом пресловутое указание «не поддаваться ни на какие провокации»¹⁰³². Кроме того, современными исследованиями установлено, что полномасштабное нападение противника в полосе 5-й армии началось в 4 ч. 15 мин.¹⁰³³ Хотя нападение на погранзаставы в полосе этой армии начались сразу же после 3 часов ночи. А на ряде участков противник перешел в полномасштабное наступление пятнадцатью минутами раньше — с 4 часов утра (например, в полосе 15-го СК).

Проще говоря, у штаба 5-й армии утром 22 июня уже не было никаких оснований не отдавать приказ о приведении 135-й од в боевую готовность! И если распоряжение на этот счет поступило командиру 135-й дивизии генералу Смехотворову только утром 23 июня, то это преступление, тяжкое преступление, которое совершило и командование 5-й армии, и командование 27-го СК, в состав которого входила дивизия Смехотворова! Если же ко всему этому добавить то, что написал в своих мемуарах маршал К.С. Москаленко, то вывод о том, что было совершено тяжкое преступление, будет уже категорическим. Описывая первые часы начала войны, Москаленко указал, что рано утром 22 июня вскрыл «красный пакет» и, ознакомившись с находившимся там предписанием, тут же доложил о нем командующему 5-й армией генералу Потапову, у которого находился

¹⁰²⁹ Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1964, с. 12.

¹⁰³⁰ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 166. ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 50. Кор. 22099. Л. 166. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 347.

¹⁰³¹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 1786. Д. 50. Кор. 22099. Л. 79—86. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 337. Ю12 Рунов В., 1941, Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 337.

¹⁰³³ Там же, с. 340.

в оперативном подчинении. И — теперь особое внимание — в ответ услышал следующее: «Обстановка на фронте 5-й армии резко обострилась: немецкие войска форсировали реку Западный Буг в полосе Усти луг, Сокаль и продвигаются на Владимир-Волынский. Поэтому прошу вас, наконец, требую, выступить на Владимир-Волынский и совместно с 22-м механизированным корпусом генерала Кондрусева уничтожить противника, перешедшего границу, и восстановить положение. Противник ведет наступление по всему фронту армии...»¹⁰³⁴. Далее произошла перебранка между Москаленко и Потаповым, в результате которой под нажимом последнего Москаленко вынужден был подчиниться, нарушив тем самым предписание из «красного пакета», что уже, мягко говоря, непорядок.

Так вот, то, что написал Москаленко, означает, что командующий 5-й армией генерал Потапов прекрасно отдавал себе отчет в том, что началась именно война! Ибо в попытке убедить Кирилла Семеновича подчиниться его просьбе-приказу он оперировал терминами, которые используются только во время войны — «обстановка на фронте 5-й армии резко обострилась... противник ведет наступление по всему фронту армии...» Более того. Само это выражение означает, что полоса обороны 5-й армии с первыми же выстрелами супостатов превратилась в линию фронта, потому что он написал «обстановка на фронте 5-й армии резко обострилась». Резко обостриться может только то, что уже было весьма негативным. Проще говоря, Потапов прекрасно понимал, что это именно же война. И, следовательно, не было оснований попусту разглагольствовать о кое-где имеющих место каких-то провокациях, на которые нельзя поддаваться, как, впрочем, и стрелять по немецким самолетам. Это было не столько даже неуместно, сколько просто преступно. Тем не менее, несмотря на то, что еще ночью он получил приказ о приведении войск армии в боевую готовность, 135-я сд не была приведена в боевую готовность. Хуже того. Ей еще указали на то, что нельзя поддаваться на провокации и по немецким самолетам не стрелять. Потому-то и было сказано, что вывод о том, что Потаповым ли, штабом ли 5-й армии, но было совершено тяжкое преступление в военное время — категорический! Столь же категорическим будет и вывод о том, что это было сделано умышленно. Ну, а то, что 135-я сд была быстро разгромлена, — ничего удивительного. Слава богу, что она хоть пару дней продержалась под «катком» 1-й танковой группы вермахта. И в завершение анализа ответа Смехотворова необходимо указать, что в нем есть все, что отвечает и на третий вопрос Сталина.

¹⁰³⁴ Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. Кн. 1. М., 1979, с. 23.

Полковник П.А. Новичков (бывший начальник штаба 62-й стрелковой дивизии 15-го СК 5-й армии). «Части дивизии на основании распоряжения штаба армии в ночь с 16 на 17 июня выступили из лагеря Киверцы. Совершив два ночных перехода, они к утру 18 июня вышли в полосу обороны. Однако оборонительный рубеж не заняли, а сосредоточились в лесах и населенных пунктах вблизи него. Эти действия предпринимались под видом перемещения к месту новой дислокации. Здесь же начали разворачивать боевую подготовку.

Числа 19 июня провели с командирами частей рекогносцировку участков обороны, но все это делалось неуверенно, не думалось, что в скором времени начнется война. Мы не верили, что идем воевать и взяли все ненужное для боя. В результате перегрузили свой автомобильный и конный транспорт лишним имуществом»¹⁰³⁵.

Комментарий. Даты ответа нет. То ли вообще нет, то ли редакция ВИЖ «забыла» указать. В первую очередь содержание ответа свидетельствует о том, что в этом округе, в частности в 15-м СК 5-й армии, все-таки началось выдвижение войск. Кстати говоря, 15-й СК находился в первом эшелоне прикрытия. То есть в движение были приведены и дивизии первого эшелона прикрытия. Это очень важно. Вроде бы в этом ответе все более или менее нормально на первый взгляд. Но тогда как объяснить следующее. За сорок минут до нападения объявив (выборочно, о чем свидетельствует пример 135-й сд) боевую тревогу в войсках вверенной ему армии, командарм-5 Потапов лично приказал командиру 15-го СК полковнику И.И. Федюнинскому поднять дивизии по тревоге, боеприпасы иметь при войсках. Но при этом оговорил, что на руки личному составу боеприпасы не выдавать, на провокации не поддаваться и огня не открывать¹⁰³⁶. Что касается «не поддаваться на провокации», то тут более или менее понятно. Тогда все почему-то разом помешались на провокациях, причем не отдавая

¹⁰³⁵ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 27.

¹⁰³⁶ юзе Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961, с. 14.

себе отчета в том, что между широкомасштабными боевыми действиями по всей линии границы и провокациями, пускай и с применением оружия, есть принципиальная разница. Вот ее-то никто не хотел ни осознать, ни понимать, ни учитывать. Все только как попугай бубнили лишь одно — не поддаваться на провокации. А после войны поставили это в вину Сталину. Но его-то требование не поддаваться на провокации было абсолютно справедливым и уместным. Потому что он прекрасно понимал, что Гитлеру нужна хоть какая-нибудь зацепка для того, чтобы выставить СССР виновником начала войны. Потому он и требовал не поддаваться на провокации. Причем явно надеясь на то, что командиры передовых частей, генералы же, смогут отличить местные локальные стычки даже с применением оружия от настоящих боевых действий, тем более в масштабе всей границы. Увы. Генералы ясно доказали, что им выгоднее было орать «не поддаваться на провокации», нежели прислушиваться к информации пограничников и военной разведки, и тем более думать, не говоря уже о том, чтобы в точности исполнять приказы вышестоящего командования. Если объявлена боевая тревога — так уж будь любезен не валять дурака, а выдать патроны, чтобы войска могли достойно встретить супостата. Да еще и со ссылкой на «необходимость не поддаваться на провокации». Потому что нигде, ни в одном документе из Москвы не было никакого запрета на открытие огня! Это постсталинская подлая ложь ряда маршалов и генералов.

Не было, впрочем, и запрета на выдачу боеприпасов на руки личному составу! Кстати говоря, когда, как указывалось еще в главе о ЗапОВО, Кирпоносу звонил какой-то дежурный генерал из наркомата обороны, то наряду с передачей приказа наркома обороны о приведении войск округа в боевую готовность, он также передал и указание о выдаче боеприпасов личному составу. Тогда на каком же основании Потапов выдал свой запрет о невыдаче боеприпасов на руки личному составу?! Или что, Кирпонос не довел до сведения командармов указание самого наркома?! Или, быть может, сам выдал такое преступное указание?! А, может быть, это только далеко не художественная самодетельность самого Потапова?! Как теперь разобраться?..

Но это еще что. В 15-м СК произошло нечто из ряда вон выходящее, заставляющее заподозрить, что либо сам командир 15-го СК Федюнинский, либо его штаб как минимум окончательно спятили с ума, если не того хуже... Приказав уже после начала боевых действий командиру 45-й сд Г.И. Шерстюку поднять дивизию по боевой тревоге, они разошлись до того, что ошарашили его таким распоряжением, которое иначе как абсолютно преступным не назовешь. «Провокация! Частьм быть в гарнизонах в боевой

готовности. Категорически запретить погранотряду вести огонь, ждать дополнительных указаний»¹⁰³⁷.

Насчет «провокации» — понятно. Еще раз повторю, что в то трагическое утро все как сумасшедшие истошно орали, что-де это провокация. Что, кстати говоря, заставляет с большим подозрением взирать на это, так сказать, всеобщее умопомрачение, навешанное явно не без определенного содействия Тимошенко и Жукова. Но, быть может, это якобы имевшее место ранним утром 22 июня всеобщее умопомрачение есть результат постстали неких извращений реалий первых мгновений войны — извращений, призванных снять груз как минимум серьезных подозрений, но по сути-то обвинений в адрес командования?! Любопытно, что больше всех кричали именно командиры частей и соединений, а также комиссары. Так, бывший начальник штаба 62-й сд 15-го СК П.А. Новичков вспоминал, что даже после четырех часов утра 22 июня, когда было очевидно явное вторжение супостатов на советскую территорию, из штаба корпуса одно за другим следовали предупреждения о запрещении огня всех видов¹⁰³⁸. А ведь противник уже перешел в широкомасштабное наступление. Солдатам же в это время было не до этих воплей о провокациях.

Не меньшее удивление, да и то, если выражаться мягко и дипломатично, вызывает приказ быть в боевой готовности, но оставаться в гарнизонах. Для чего? Для того чтобы, будучи в боевой готовности, но не на рубежах обороны или хотя бы прикрытия, бесславно погибнуть под бомбами и артобстрелами?!

Но, конечно же, пальма первенства принадлежит преступному по любым меркам запрету пограничному отряду вести огонь по супостатам. Несмотря на то, что с началом военных действий пограничники действительно должны были перейти в подчинение полевого командования РККА на местах, последнее не имело права отдавать такие распоряжения. У пограничников есть один приказ на все времена — по нарушителям государственной границы, особенно же при массовом ее нарушении, огонь открывается без приказа, без предупреждений и только на поражение. Никто и никогда этот приказ не отменял и пересмотру не подвергал (он и поныне действует). Тем более что пограничники прекрасно знали, что это вовсе не провокация, а война. Пограничная разведка заблаговременно все знала и предупреждала (интересно, сколько же раз?) армейское командование на местах, в том числе и того же Федюнинского, о нападении утром

¹⁰³⁷ Владимирский А.В. На киевском направлении. М., 1989, с. 58—59.

¹⁰³⁸ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 147—149. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 348.

22 июня. Выше об этом уже говорилось. Более того. Ранним утром 22 июня заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-лейтенант И.И. Масленников направил в приграничные округа на западной границе короткий приказ, который еще раз подтвердил главный приказ пограничникам на все времена: «...Пограничникам отражать нападение всеми имеющимися средствами. Действовать совместно с частями Красной Армии»¹⁰³⁹.

Кстати говоря, примерно в 2 ч. 30 мин., когда командарм-5 уже получил приказ об объявлении боевой тревоги, одновременно и пограничники, опираясь на данные перебежчика А. Лискова, еще раз официально предупредили Потапова, что нападение произойдет на рассвете 22 июня. А также информировали о том, что на сопредельной стороне, прямо у границы, сосредоточено большое количество танков и войск. На это Потапов отреагировал коротко: «Бросьте паниковать»?¹⁰⁴⁰ Но пограничники не паниковали, а занимались своим делом — они предупредили не только командующего 5-й армией, но и командиров 87-й стрелковой 27-го С К и 41-й танковой дивизии 5-й армии, которые располагались в г. Владимир-Волынский. Более того. Командование Владимир-Волынского пограничного отряда немедленно сообщило эту информацию командиру Рава-Русского пограничного отряда майору ЯД Малому, который не только поднял по боевой тревоге свой отряд, но и своевременно предупредил о нападении также и командира 41-й стрелковой дивизии 6-й армии генерал-майора Г.Н. Микишева. В результате предпринятых мер пограничники столь зубодробильным образом встретили супостатов и нанесли им такой урон, что они просто впали в неопишимо дикий страх, чем армейские чины, увы, похвастать не могли.

Дополнительный комментарий. То, что славные советские пограничники устроили супостатам такую «кровавую баню» прямо на границе, что те впали в дикий страх, — доказывать особенно не надо. Это и так известно. Как правило, доказывать, точнее, просто объяснять приходится то, что те находились под командованием нещадно оболганного Л.П. Берия. А ведь каков поп — таков и приход. Свидетельств о фантастической доблести пограничников — предостаточно. Но одно, относящееся именно к пограничникам Украинского пограничного округа, не привести просто не могу. Известный в свое время советский писатель В.П. Беляев в книге «Помните эти взрывы» привел фрагмент своей беседы с обер-фельдфебелем Краузе, участником боев на р. Сан: «До сих пор, располагаясь поблизости

от советской границы, мы слышали только их (то есть пограничников. — А. М.) песни и не предполагали, что люди, поющие так мечтательно, протяжно, мелодично, могут так яростно защищать свою землю... Потери от их ураганного огня были страшными. Нигде — ни в Польше, ни во Франции — не было в моем батальоне таких потерь, как в те минуты, когда мы порывались форсировать Сан...

Лишь под прикрытием минометного огня, применяя оружие, которое пограничники не имели, мы стали просачиваться на советский берег.

...У пограничников кое-где по линии берега были огневые точки. Они засели в них и стреляли буквально до последнего патрона... Нигде никогда мы не видели такой стойкости, такого воинского упорства. Пограничники предпочитали смерть возможности отхода. Советского пограничника можно было взять в плен только при двух условиях: когда он был уже мертв или его ранило и он находился в бессознательном состоянии.

По существу, наши советские пограничники в Радымно... сдерживали напор нашего пехотного полка дивизии, которой было приказано захватить мост и продвигаться по нему вглубь советской территории. В моем батальоне находилось только 900 человек. Мы потеряли убитыми 150 человек. Большие 100 человек получили ранения. Многих понесло течением и в суматохе мы так и не смогли их вытащить. Сколько же потерял весь полк и другие полки дивизии — не знаю. Те части, что переправлялись выше, понесли еще большие потери»¹⁰⁴¹.

Вот так пограничники не только защищали родную землю, но и выигрывали драгоценные минуты для того, чтобы армейское командование в конце-то концов очухалось и от idiotских запретов и т.п. преступных безобразий перешло бы к непосредственному исполнению своего воинского долга. Увы, но и время, и инициатива были упущены...

◆**

Вообще же эти явления — 1) не выдавать боеприпасы на руки личному составу; 2) огонь по противнику не открывать; 3) по самолетам противника огонь не открывать; 4) ждать дополнительных указаний, — учитывая их повсеместный характер во всех трех основных округах на западной границе, требуют отдельного комментария.

Цит. по: Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 125.

¹⁰⁴⁰ Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 125.

¹⁰⁴¹ Беляев В.П. Помните эти взрывы. М., 1967, с. 44—46.

Запрет на выдачу боеприпасов на руки ставляло 544 раза! В пересчете же на личному составу имел место в ряде частей одного пограничника из плоти и крови всех трех основных приграничных округов превосходство нацистских супостатов в на западной границе. В том числе и в КОВО. Момент начала прорыва границы состав- Кроме ОдВО! Как правило, это происходило 60 384 (ШЕСТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ло с частями эшелона непосредственного ТРИСТА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ) прикрытия, которые, как ни парадоксально, РАЗА!!!

находились на направлении главного удара — Объясните хотя бы самим себе, ка- соответствующей ГА противника, что, от- ким же образом должны были держать- кровенно говоря, уже невольно наводит на ся пограничники этого отряда (кстати говоря, примерно аналогичная картина была практически по всей линии запад- ной границы) при таком уму непости- жимом, даже не астрономическом, а галактическом, превосходстве против- ника на поле боя?! Подчеркиваю, что в данном случае совершенно не учитыва- лись авиация, артиллерия и танки против- ника. Если еще и это учесть, что тогда и вовсе можно оказаться в коматозном шоке от невероятно фантастического уровня превосходства противника.

В данном случае речь идет о направ- лении главного удара ГА «Юг». 5-я армия находилась именно на этом направлении. Участок границы, в полосе которого на- ходилась 5-я армия, прикрывал 98-й Лю- бомльский пограничный отряд, который нес пограничную службу по правому бе- регу р. Западный Буг.

98-й пограничный отряд — это 1648 человек личного состава (включая поваров и писарей), имевших на вооруже- нии 36 станковых и 42 ручных пулемета, винтовки и автоматы с 5 комплектами бо- еприпасов, а также ручные гранаты.

Против участка отряда супостаты со- средоточили 10 полностью укомплекто- ванных и оснащенных по штатам воен- ного времени пехотных дивизий, то есть около 170 тысяч до зубов вооруженных поганых Гансов и фрицев. Формальное соотношение по личному составу — другие параметры брать в расчет просто бессмысленно из-за их абсолютной не- сопоставимости, — 1 : 103 в пользу су- постатов. Если же перевести в плоскость линейной плотности, то, учитывая, что полоса компетенции этого отряда со- ставляла примерно 174 км, то выходит, что на 1 метр линии границы в полосе ответственности этого отряда прихо- дилось всего 0,009 пограничника. Со- ответственно, учитывая, что супостаты перли в прорыв с плотностью 4,2 пехо- тинца на 1 метр линии прорыва, то пре- восходство нацистских аспидов в момент начала прорыва границы над каждым 0,009 пограничника в данном случае со-

Так вот, при таком соотношении сил, при таком превосходстве противника, о чем полевое армейское командование зна- ло — ведь разведка пограничных войск постоянно его информировала о том, что происходит на сопредельной стороне и ка- кие силы сосредотачивает противник, — пограничники 98-го не получили сра- зу помощи от Красной Армии. Именно Любомльское направление должна была прикрывать и оборонять 45-я стрелко- вая дивизия Шерстюка. Так, 63-й полк (командир майор Антонов) этой дивизии должен был с началом боевых действий подойти к пограничникам 3-й комендату- ры отряда и поддержать их. Увы. Этому полку даже не был отдан приказ о при- ведении в боевую готовность¹⁰⁴². Причем выяснилось это примерно к 7 часам утра 22 июня. А о выдаче боеприпасов уж и не

¹⁰⁴² Из стенограммы беседы с начальником бывшего 98-го пограничного отряда полковником Г.Г. Сурженко 2 января 1945 года. Документаль- ный фонд Центрального музея пограничных во- йск. Цит. по: *Кисловский Ю.* Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 126.

говору — у них был запрет¹⁰⁴³. Кстати говоря, поразительное дело: запрет на выдачу боеприпасов личному составу сподобились дать, а вот приказа на поднятие полка по боевой тревоге командиру полка не поступало¹⁰⁴⁴. Это-то как понимать? Под нажимом командования пограничников, что вообще умопомрачительный факт, полк все-таки подняли по боевой тревоге. Ну и что это за армия, которую пограничникам пришлось силком поднимать по боевой тревоге? Боеприпасы выдали, и только в девятом часу утра 22 июня полк подошел на помощь пограничникам и наконец-то вступил в бой¹⁰⁴⁵. Но ведь уже прошло более четырех часов с начала агрессии! Часам к 10 утра в погранотряде появился и сам командир 45-й сд, а еще через два часа подошли части этой дивизии, и то не все. А примерно в 24.00 в ночь с 22 на 23 июня подошли еще два полка этой дивизии¹⁰⁴⁶. Но время уже было безвозвратно потеряно, а соответственно и инициатива. Дальнейшее, очевидно, не надо объяснять...

Вот к чему привело поведение командарма-5 генерала Потапова и его, мягко выражаясь, более чем неадекватные реально складывавшейся обстановке запреты! А если по-простому, то преступные запреты. И ничего удивительного нет в том, что именно на участке 5-й армии супостаты достаточно быстро прорвали нашу систему прикрытия и обороны, если, конечно, можно в таком случае говорить о системе прикрытия и обороны.

Вы можете хотя бы самим себе объяснить, что это за прикрытия и оборона государственной границы на основе хорошо разработанного Генштабом плана прикрытия Киевского округа?!

¹⁰⁴³ Из стенограммы беседы с начальником бывшего 98-го пограничного отряда полковником Г.Г. Сурженко 2 января 1945 года. Документальный фонд Центрального музея пограничных войск. Цит. по: *Кисловский Ю.* Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 126.

¹⁰⁴⁴ Там же.

¹⁰⁴⁵ Там же.

¹⁰⁴⁶ Там же.

Это не прикрытия и не оборона. Это наглая подстава под разгром и полную ликвидацию сначала пограничников, на уничтожение которых супостаты отводили всего 30 минут, а потом и собственных войск, которые, не успевая добежать до своих рубежей обороны, уже подвергались уничтожению. А потом вынуждены были вести тяжелейшие бои в ситуации исключительного превосходства противника, к тому же, как правило, на неподготовленных рубежах обороны, причем нередко в положении перевернутого фронта, а то и вовсе в «котлах» различных масштабов.

Это не какие-то там метафоры или преувеличения автора. Увы, но так было практически во всех трех основных приграничных округах — ПриОВО, ЗапОВО и КОВО. И поскольку это были повсеместные явления — не приводить войска в боевую готовность, не выдавать боеприпасы на руки личному составу; огонь по противнику не открывать; издать дополнительных указаний, — то, следовательно, есть все основания усмотреть в этом систему. Систему наиболее эффективных, так сказать, ударных методов «технологии» подставы всех войск прикрытия (в том числе и пограничников) под неминуемый разгром и облегчение противнику прорыва в глубь советской территории. И эта «система», увы, пронизывала всю организацию прикрытия и обороны государственной границы, фактически полностью выхолостив все значение этих важнейших терминов.

А что касается конкретно пограничников, в данном случае 98-го отряда, то они просто все без исключения должны были бы быть представлены к званию ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА¹⁰⁴⁷.

¹⁰⁴⁷ См.: Указы Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля и 26 августа 1941 г. // «Правда», 1941, 24 июля, 27 августа. Попутно примите во внимание, что в начале войны награды не так уж и щедро раздавали.

Справка. Мало кому известно, что за первые два месяца войны к высоким государственным наградам были представлены 826 военнослужащих НКВД, в том числе 633 пограничника, что составляло 76,6 % от общего числа представленных в то время к наградам чекистов. Из них 9 были удостоены звания Героя Советского Союза, 47 — орденов Ленина, 263 — орденов Красного Знамени, 288 — орденов Красной Звезды¹⁰⁴⁰.

♦

Потому что при таком галактическом превосходстве противника они держали оборону границы: где до 15 часов, где до 16 часов 22 июня, отдельные заставы до девяти часов вечера. Причем бои вели в том числе и в многочасовом окружении до момента прорыва из окружения.

В первых боях 98-й отряд потерял убитыми и пропавшими без вести примерно 400 человек. При всем том, что потеря одной жизни уже трагедия, тем не менее не могу не выразить своего безграничного восхищения исторически беспрецедентным героизмом, мужеством, отвагой, доблестью и фантастической военной выучкой пограничников — при таком, действительно галактическом превосходстве противника, всего 25 % безвозвратных потерь! Да, Лаврентий Павлович Берия не зря все предвоенное время уделял особое внимание военной подготовке пограничников! И когда настал грозный час, суперэлиты вооруженных сил СССР, чекистская гвардия — пограничники — с честью выполнили свой долг перед Родиной!

§ 4. Ответы генералов КОВО на второй вопрос Сталина (продолжение).

Анализ и комментарии к этим ответам

Генерал-майор Н.П. Иванов (бывший начальник штаба 6-й армии). «В момент внезапного нападения противника проводились сборы артиллеристов, пуле-

¹⁰⁴⁸

Там же.

метчиков, саперов. Из-за этого соединения были организационно раздроблены, часть войск располагалась в лагерях, имея в пунктах постоянной дислокации запасы вооружения и материальных средств. Части прикрытия по распоряжению командующего войсками Киевского Особого военного округа к границе выдвигать было запрещено»¹⁰⁴⁹.

♦

Комментарий. Ответ датирован 1 декабря 1949 г. Прежде чем комментировать ответ генерала Иванова, следует указать, что он был назначен на эту должность 26 мая 1941 г. в звании комбрига*, то есть менее чем за месяц до начала войны. Тем не менее и в его ответе есть ценные свидетельства, которые также позволяют понять, почему произошла трагедия.

*Дополнительный комментарий. «*Это вовсе не означает, что он был из числа возвращенных в армию репрессированных в 1937—1938 гг. военнослужащих. Причина в другом. В 1940—1941 гг. (до 22 июня) далеко не все лица командно-начальствующего состава РККА прошли переаттестацию и получили генеральские звания. В первую очередь на получение генеральских званий представлялись члены «киевской мафии» и близкие им люди. Комбриг И.П. Иванов не относился к таким, потому и встретил войну комбригом»¹⁰⁵⁰. А что касается самого факта назначения менее чем за месяц до начала войны — так это и вовсе странность. Зачем это потребовалось? Ведь таких случаев было немало.*

Иванов справедливо указал на то, что артиллеристы, пулеметчики и саперы находились на учебных сборах. Часть стрелковых подразделений этой армии также находилась в полевых лагерях, куда вышли слабо экипированными, оставив в местах постоянной дислокации НЗ оружия, боеприпасов и снаряжения. Войска были раздроблены. Проще говоря, из свидетельства Иванова вытекает, что врага особенно и некому и нечем было встречать. В полосе этой армии к утру 22 июня на границе были только пограничники и практически не вооруженные строительные подразделения.

За редчайшими исключениями, такая ситуация была практически во всех трех основных приграничных округах. Особенно что касается артиллерии. Но если такое произошло сразу в трех

¹⁰⁴⁹ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 26.

¹⁰⁵⁰ См. по данному вопросу прекрасный аналитический обзор Е. Дрига «Про комбригов и комдивов» в сб. «Неправда Виктора Суворова», М., 2007, с. 214—257.

округах, особенно с артиллерией, то, увы, вывод напрашивается сам собой — это не случайность. Это закономерность. Это система. Точнее, один из важнейших элементов «технологии» подставы войск под неминуемый разгром. В XX веке на поле боя войскам без артиллерии в принципе делать было нечего. Это только чекистская гвардия — пограничники — может держать оборону без артиллерии, но только непродолжительное время.

Откровенно говоря, при тщательном ознакомлении с тем, что было сотворено генералами с артиллерией перед войной, практически сразу формируется очень сильное, едва ли не категорическое убеждение, что это были действия назло Сталину, который всегда особо подчеркивал, что «артиллерия — бог войны». Он всегда придавал решающее значение артиллерии. «Как ни парадоксально, — отмечал Сталин еще до войны, — вооружение в войне играет подчиненную роль. Главная же принадлежит боеприпасу, который непосредственно разрушает цель, а задача вооруженных сил только в том, чтобы доставить боеприпас к цели. Сила взрыва боеприпаса определяет мощь всех родов войск и служит мерилем военно-экономической целесообразности затрат на ту или иную боевую технику. Могут ли танки и самолеты сравниться с артиллерией как средство доставки боеприпаса к цели? Не могут, так как арторудие, доставляющее к цели определенный боеприпас, всегда будет проще и дешевле, чем танк или самолет. Артиллерия остается богом войны»¹⁰⁵¹. Еще в 1938 г. Сталин отмечал, что «артиллерия, несмотря на появление новых, исключительно важных видов боевой техники (авиации и танки), остается мощным и решающим фактором в войне. На нее должно быть обращено особое внимание»¹⁰⁵². Но если конструкторы действительно обратили самое серьезное внимание на разработку более эффективных артиллерийских систем, особенно легендарный Василий Гаврилович Грабин, то генералы, увы, сделали, хотя и не менее серьезно, но ровным счетом наоборот.

По сути дела во всех трех основных приграничных округах на западной границе:

— во-первых, артиллерия накануне войны была умышленно согнана на учебные полигоны, находившиеся, как правило, вдали от мест постоянной дислокации частей и соединений, откуда прибывали артиллерийские дивизионы, но зачастую вблизи границы;

Дополнительный комментарий. В своих знаменитых мемуарах «Солдатский долг» великий Маршал Великой Победы К.К. Рокоссовский прямо отмечал, что многие соединения округа

не имели артиллерии, которую вывезли на полигоны, расположенные вблизи границы, да там и оставили»¹⁰⁵³. Кстати говоря, сам Рокоссовский, вопреки требованиям штаба округа, не отпустил артиллерию возглавляемого им 9-го МК на полигоны, что в значительной мере облегчило его корпусу ведение боевых действий в первые дни войны»¹⁰⁵⁴. Впоследствии, в своих мемуарах, он так и напишет, что, когда началась война, это его просто «спасло».

— во-вторых, прямо с первых же мгновений боевых действий артиллерия испытывала колоссальный дефицит боеприпасов, особенно бронебойных снарядов, а также снарядов для зенитной артиллерии;

Дополнительный комментарий. Вот и Иванов подчеркнул факт острой нехватки не просто боеприпасов, а именно же бронебойных снарядов. Острый дефицит бронебойных снарядов, к слову сказать, испытывала не только 6-я армия, но и весь Киевский особый военный округ. Так вот и спрашивается, почему, упорно считая, что при нападении на СССР свой главный удар супостаты нанесут в полосе именно КОВО, еще совсем недавно возглавлявший этот округ начальник Генштаба Жуков палец о палец не ударил, чтобы хотя бы сносно обеспечить артиллерию любимого округа бронебойными снарядами?!

Кстати говоря, чуть менее чем за два месяца до войны, то есть 29 апреля 1941 г., начальник штаба КОВО генерал-лейтенант Пуркаев М.П. отдал приказ иметь на каждую 76-мм пушку стрелковых дивизий по 6 (шесть!) бронебойных снарядов, а в мотострелковых дивизиях — по 12 снарядов»¹⁰⁵⁵. А до этого, когда Жуков еще был командующим КОВО, воспользовавшись его отсутствием (Жуков в тот момент пребывал в Москве, где участвовал в декабрьском 1940 г. совещании высшего состава РККА, а затем и в стратегических играх на картах в Генштабе в начале января 1941 г.), 2 января 1941 г. Пуркаев обратился в Генштаб с письмом следующего содержания: «Мобзапас огнеприпасов в округе крайне незначительный. Он не обеспечивает войска округа даже на период первой операции. Значительные складские мощности пустуют... В округе совершенно нет мобзапаса материальной части артиллерии и ручного оружия. Нет никаких указаний по накоплению этих запасов для обеспечения первых месяцев войны. Опыт войны говорит, что уже в первый месяц войны потребуются материальная часть артиллерии, винтовки и пулеметы для попол-

¹⁰⁵¹ Смирное Г.В. Центральная фигура XX века // Журнал «Свет». 2009, № 12, с. 66.

¹⁰⁵² Там же.

¹⁰⁵³ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. Издание с восстановленными по авторскому оригиналу купюрами цензуры. М., 1997, с. 54.

¹⁰⁵⁴ Там же, с. 30.

¹⁰⁵⁵ Цит. по: Млечин Л.М. Иосиф Сталин и его маршалы и генералы. М., 2004, с. 512—513.

нения боевых потерь и новых формирований округа...»¹⁰⁵⁶. Первые две фразы из этого письма просто шокируют. Ведь сразу же возникает вопрос, а что делал командующий округом (да и его предшественники тоже), то есть Жуков, который пытался всех убедить в том, что главный удар вермахт нанесет в полосе КОВО? Если убежденно, хотя и необоснованно настаиваешь на этом, то уж будь любезен, хотя бы позаботиться о достойном запасе снарядов, оружия и т.п.

Увы. Подкидывать ничем не обоснованные идеи в Москву куда как легче, нежели изо дня в день вести кропотливую работу по повышению мобилизационной и боевой готовности вверенных войск. Кстати говоря, обратите внимание, что это письмо появилось в период, когда уже три месяца действовал официально утвержденный план Шапошникова («Соображения...» от 18 сентября/14 октября 1940 г.). Заметьте также, что в округе нет даже винтовок, коих в РККА было 8 млн шт. Снарядов же в РККА было накоплено к началу войны 88 (восемьдесят восемь) миллионов штук разных калибров! Проще говоря, при таком количестве только снарядов можно было заживо закопать все три группировки вермахта вместе с их техникой и вооружениями буквально в течение одного-двух дней. Попробуйте хотя бы самим себе объяснить, о чем, а, самое главное, чем думали генералы, в том числе и лично Жуков, особенно в ГШ, при таком наличии снарядов, если вообще думали?!

Знаете, какой ответ на январское письмо получил Пуркаев?! О, это еще та «песня» генеральско-бюрократического идиотизма. В ответ Пуркаев получил отписку ГШ, что-де боеприпасы и т.п. КОВО получит во второй половине 1941 г.¹⁰⁵⁷ Вы только вздумайте в то, что то же сделал Гэништаб?! В то время, когда с самых первых сообщений разведки о неумолимо надвигающейся агрессии прозвучал хотя и не подтвердившийся в итоге ориентировочный срок нападения на СССР — весной 1941 г., — Гэништаб в апреле сообщил в округ, что боеприпасы и т.п. он получит во второй половине 1941 г.?! Даже слово «идиотизм» и то будет ласковым комплиментом такому ответу.

Пуркаев не случайно озаботился состоянием запасов снарядов и оружия. На должность начальника штаба КОВО он прибыл с поста резидента советской военной разведки в Берлине. Неплохо зная вермахт, его тактику и стратегию, особую ставку германского командования на танковые войска, Пуркаев тем более отдавал себе отчет в том, что при нападении Германии на СССР в первую очередь придется столкнуться именно с танковыми армиями противника. Вне зависимости от того, какой план отражения бу-

дет реализовываться. Более того, зная состояние танковых войск вермахта, Пуркаев понимал и то, что фактически единственным средством борьбы с ними является 76-мм пушка. Более нечем было пробивать усиленную броню тевтонов, ибо 45-мм пушки для этого уже не годились, а способной на это 57-мм пушки в войсках было чрезвычайно мало, чему виной также генералы. Вот поэтому-то он и забеспокоился еще в январе 1941 г., а затем, видя крайне пренебрежительное отношение ГШ к этой проблеме, приказал зарезервировать хотя бы самый минимум бронебойных снарядов.

Вообще эта неприглядная история позволяет еще раз аналитически взглянуть на подлую байку о том, что-де Сталин якобы приказал считать Юго-Западное направление главным для вермахта. Не заикливаясь на том, что в действительности-то для вермахта могло быть главным не Юго-Западное, а именно же Юго-Восточное, ибо их чертов фюрер собирался в «Дранг нах Остен»-криг и соответственно надо оперировать адекватными географическими терминами, отметим следующее. Предположим, что эта идиотская отписка Гэништаба имела место не во времена Жукова, а в период, когда в январе 1941 г. последние дни в кресле начальника ГШ досаживал его предшественник К.А. Мерецков. И тогда выходит вот что. Согласно всем маршальским басням именно Мерецков якобы услышал, что-де Сталин приказал считать Юго-Западное направление главным для вермахта. Но раз это якобы было так — на мновение сделаем вид, что поверили маршальской лжи, — то спрашивается, какого же, народон, хрена после такого «указания» Сталина, которого якобы все до смерти боялись, не уделили повышенного внимания обеспечению КОВО боеприпасами и т.п.?! Как прикажете все это расценивать? В начале декабря 1940 г. ошарашил ГРУ и Гэништаб своей невесть откуда взявшейся «прозорливостью» по части определения направления главного удара вермахта. Однако ничего в этой связи не сделал. Причем до такой степени, что начальник штаба округа, едва дождавшись отъезда командующего в Москву, тотчас накатал слезную челобитную в Гэништаб — «подбросьте оружия, боеприпасов, особенно бронебойных, и т.п.»! А получив идиотский донельзя ответ, Пуркаев вынужден был отдать приказ о резервировании скудного запаса бронебойных снарядов.

И вновь задаю тот же вопрос: почему Жуков, который еще в начале декабря 1940 г. пытался убедить ГШ в том, что главный удар вермахт нанесет в полосе КОВО, посмел допустить столь опасную ситуацию с боеприпасами, особенно с бронебойными снарядами именно в КОВО?! Раз уж уперто полагаешь, что главный удар супостаты нанесут в полосе столь любимого округа и тем более пытаешься с плацдарма этого же округа организовать

¹⁰⁵⁶ Ю56 цит. по: Мленин Л.М. Иосиф Сталин и его маршалы и генералы. М., 2004, с. 512—513.
¹⁰⁵⁷ Там же.

незаконный немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения, то какого же рожна держишь этот округ на голодном пайке, в частности касательно артиллерийских боеприпасов, особенно бронебойных?!

Ответ Жукова тоже еще та «песня». Вместо того чтобы подбросить боеприпасов, особенно бронебойных снарядов, а также оружия и боевой техники, он санкционировал Кирпоносу, а затем и всем другим выдвижение мобилизационных складов ближе к границе. В посвященной Западному округу главе об этом уже говорилось. Повторять не будем. Отметим только, что какую-то часть складов действительно надо было приблизить к войскам, которым предстояло первыми встретить супостатов. Но не в массовом же порядке. Далее. На складах было предостаточно оружия, техники, различного имущества, боеприпасов, ГСМ и т.п. И Генеральный штаб, а также наркомат обороны, в ведении которых находились основные так называемые склады центрального подчинения, должны были, обязаны были своевременно позаботиться о том, чтобы войска вовремя получили бы все необходимое. Начиная с 18 июня уже были обязаны. По крайней мере должны были сделать все, чтобы руководство этих складов было хотя бы в минимуме осведомлено о ситуации и что предстоит схватиться в смертельной схватке с лютым врагом. Для чего, естественно, потребуется то, что у них на складе. Увы, но даже в директиве №1 в отношении именно складов центрального подчинения не было даже тени намека даже на глухой звук о них.

— в-третьих, артиллерия едва ли не абсолютно была обездвижена:

а) где искусственно созданным дефицитом средств транспортировки орудий, особенно тяжелой артиллерии,

б) где также искусственно созданным дефицитом топлива для механизированных средств транспортировки орудий, о чем много говорилось ранее (см. главу о Западном округе).

Все это означает вот что. Во всех трех основных приграничных округах весьма продуманно всевозможными методами едва ли не полностью исключили артиллерию (особенно тяжелую) из начальных сражений как решающий или, по меньшей мере, как один из решающих факторов отражения первого удара гитлеровских полчищ. Хуже того. Артиллерия также была подставлена под разгром, уничтожение и «пленение» в качестве трофеев гитлеровцев. В результате в начале войны артиллерия не сыграла предназначенной ей роли. Красная Армия потеряла просто несметное количество артиллерии. Об этом также говорилось ранее..

Генерал Иванов указал также и на целый ряд обстоятельств, которые, по его мнению, и привели к поражению 6-й армии. Они практически аналогичны тем, что имели место в других округах. Поэтому повторять такой же разбор — смысла нет.

Особого же внимания в подлинном тексте его ответа заслуживает упоминание категорического запрета командующего КОВО генерала Кирпоноса на приведение войск 6-й армии в боевую готовность (никаких указаний войскам армии о приведении их в боевую готовность не поступало¹⁰⁵⁶) и на выдвижение частей прикрытия к государственной границе. Дело в том, что, очевидно, редакция ВИЖ опять перестаралась — обрезала то, что написал Иванов. В частности, при публикации исчезло упоминание важнейшего элемента — категорического запрета командующего КОВО генерала Кирпоноса на приведение войск 6-й армии в боевую готовность! Что, редакция ВИЖ не хотела бросить тень на облик очередного «святого»?!

Напоминаю, что санкции на это были даны еще 18 июня, а в ночь с 21 на 22 июня в округ поступила еще и директива № 1, которая также предписывала привести все войска в боевую готовность. Кирпонос же держал свой запрет даже после начала боевых действий вплоть до середины дня 22 июня!¹⁰⁵⁹ Вплоть до того, что, когда Военный совет 6-й армии, получив первые данные об обстреле государственной границы, уже самостоятельно принял решение отступить и без того запоздалый приказ о выдвижении в сторону границы всех войск, кроме 4-го МК, Кирпонос вновь вмешался и вновь категорически запретил это делать!¹⁰⁶⁰ Что хотите думайте об авторе настоящей книги, но иначе как злоумышленный саботаж в целях подставы войск округа под разгром и умышленное открытие фронта врагу это игнорирование распоряжений высшего командования нельзя расценить! Ведь в данном случае Кирпонос нагло и преступно саботировал исполнение уже директивы № 1! Что откровенно вело к подставе войск этой армии под разгром и открытие фронта в полосе этой армии. Судите сами.

Полоса обороны 6-й армии составляла 165 км. То есть 17,55 % от общей полосы обороны КОВО. Проще говоря, категорический запрет Кирпоноса на приведение 6-й армии в боевую готовность и на выдвижение ее частей и соединений к государственной границе уже утром 22 июня оставил даже без тени намека на прикрытие 165 км линии государственной границы СССР, или 17,55 % полосы компетенции КОВО! Если уж совсем примитивно, то это и есть непосредственное открытие фронта на отдельном его участке! Но это еще не все.

Дополнительный комментарий. В истории с приведением в боевую готовность 6-й армии

¹⁰⁵⁸ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 971441. Д. 3. Кор. 23343. Л. 68—79. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 363—365.

¹⁰⁵⁹

¹⁰⁶⁰

Там же.

Там же.

КОВО есть один любопытный нюанс: По данным известного историка К.М. Александрова, командующий 6-й армией Музыченко 20 июня все-таки отдал один приказ о приведении подчиненных ему войск в боевую готовность. Это был приказ о приведении в боевую готовность и выдвижении частей 4-го МК в установленные для него районы сосредоточения. 4-м МК командовал будущий предатель, а тогда один из лучших, как считалось в то время, командующих — генерал-майор А.А. Власов. Власов действительно объявил 20 июня в своем корпусе боевую тревогу, по которой поднял 8-ю тд (в/ч 5427, командир — полковник П.С. Фотченков) и 81-ю мд (в/ч 5754, командир — подполковник П.М. Варыпаев). Им было приказано начать выдвижение в назначенные им по плану прикрытия районы сосредоточения в Дубровице и Янова Львовской области, 21 июня Власов приказал этим дивизиям продолжать движение еще западнее районов сосредоточения. А 32-ю тд (в/ч 9656, командир — полковник К.Г. Пушин) Власов поднял по боевой тревоге и приказал выдвигаться в район сосредоточения только в промежутке между двумя и тремя часами ночи 22 июня¹⁰⁶¹.

Так вот вопрос в том и состоит: на каком основании Музыченко отдал такой приказ Власову, если Кирпонос даже видел, что началась полномасштабная война, запрещал приведение 6-й армии в боевую готовность и выдвижение ее частей в полосы обороны? Более того. На каком основании Власов приказал продолжать выдвижение своих дивизий еще западнее районов сосредоточения?

Только и остается, что заподозрить — учитывая особую близость Музыченко к Жукову, — что командарм-6 исполнял некий приказ Жукова, который по-прежнему упорно проводил курс на немедленный встречно-лобовой контрблицкриг по факту нападения, в котором главную роль должны были играть именно механизированные корпуса. А 4-й МК был наиболее мощный и лучшие всех оснащенный новой бронетехникой механизированный корпус не только в КОВО, но и во всей РККА. Во всей Красной Армии на 1 июня насчитывалось 892 танка Т-34, из них 496 — в КОВО, а непосредственно в 4-м МК — 359 танков Т-34 из 420 положенных по штату¹⁰⁶². То есть в 4-м МК было 40 % от всей численности танков Т-34 в Красной Армии. Если считать только по КОВО, то 72 %. Подчеркиваю, 4-й МК был самым мощным и максимально укомплектованным механизированным корпусом КОВО. Проще говоря, 4-му МК, который дислоцировался

во Львовском выступе, явно отводилась какая-то особая роль в реализации незаконного замысла немедленного встречно-лобового контрблицкрига по факту нападения при главенствующей роли механизированных корпусов. Подозрение тем более уместное, если вспомнить о пресловутой директиве № 3.

Однако 4-й МК не сыграл никакой серьезной роли в самом начале дебюта войны. Препятствие всего потому, что его фактически сразу же растащили на разные части, которые должны были решать совершенно разные задачи на разных же направлениях, из-за чего приходилось совершать многокилометровые марши. В результате из 979 боевых машин, имевшихся в 4-м МК на утро 22 июня, к 7 июля осталось всего 1261¹⁰⁶³. То есть численность танков в корпусе сократилась в 7,77 раза и скатилась до уровня 12,87 % от первоначальной! Только 8-я тд потеряла 43 танка КВ из 50 имевшихся, то есть 86 %! Вот как воевали и устроили танковый контрблицкриг под руководством Жукова!

Странное впечатление оставляет, если не сказать, что вообще вызывает подозрение, и приказ командующего 6-й армией КОВО:

«ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 6-й АРМИИ КОМАНДИРАМ 4-го МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСА, 8-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ И 81-й МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
20 июня 1941 г.

Зенитные дивизионы срочно отозвать из Львовского лагсбора к своим соединениям. По прибытии поставить задачу - прикрыть с воздуха расположение дивизий. Каждой зенитной батарее иметь на ОП 0,25 бк, окончательно снаряженных.

Огонь открывать по иностранным самолетам только с разрешения, полученного от начальника штаба армии.

Для проведения боевых стрельб на Львовском артполигоне зенитная артиллерия отправляется побатарейно по плану начальника Львовского артлагсбора. Исполнение донести.

Командующий 6-й армией
генерал-лейтенант МУЗЫЧЕНКО»¹⁰⁶⁴.

Во-первых, на каком основании Музыченко издал такой приказ?! Ведь, согласно приведенным еще в первом томе данным, никакого запрета на открытие огня по самолетам-нарушителям не было. Более того. В РККА и ВМФ существовали специальные инструкции для этого, которые прямо разрешали открытие огня по самолетам-нарушителям. Правда, не на поражение. На кой хрен Музыченко издал свой неуместный, в связи с наличием таких инструкций, приказ? К тому же явно провокационный. Потому что под категорию иностранных самолетов спокойно можно было

¹⁰⁶⁵ Там же.

¹⁰⁶⁴ ЦА МО РФ. Ф. 334. Оп. 5307. Д. 22. Л. 197. Подлинник.

¹⁰⁶¹ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944—1945 // Биографический справочник. 2-е издание. М., 2009, с. 257.

¹⁰⁶² Цит. по: Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006, с. 330—331.

подвести и самолеты гражданской авиации. Почему не было четкого определения, о каких конкретно иностранных самолетах идет речь? Ведь политические последствия уничтожения гражданского самолета вообще было трудно представить.

Во-вторых, что означает двусмысленное распоряжение — «зенитные дивизионы срочно отозвать с Львовского лагсбора, но зенитную артиллерию побатарейно туда отправлять для проведения боевых стрельб»? Да, понятно, что армейские генералы не Пушкины, не Лермонтовы, не Чеховы, не Толстые и тд. Косноязычие армейских генералов давно уже притча во языцех. Но все-таки можно же было хотя бы слегка раскинуть генеральскими мозгами и написать что-то более внятное?! Неужели это было так трудно?!

Ведь что в итоге-то получилось. С одной стороны, боеготовность зенитных дивизионов Музыченко определил всего лишь в четверть от положенного. Потому как разрешил иметь только 025 бк полностью снаряженных на одну зенитную пушку. Это уже никуда не годится. Как под огнем противника будет осуществляться боепитание зенитчиков? У них расход снарядов очень большой. С другой стороны, этот приказ фактически означал, что Музыченко запретил открывать огонь зенитной артиллерии этого корпуса даже в том случае, когда самолеты супостатов будут уже в глубине советского воздушного пространства, на расстоянии более 100 км от границы. Да еще и над таким крупным городом, как Львов. Ведь пока ВНОС и ПВО зафиксируют появление в небе над советской территорией иностранные самолеты, пока определят, что это за самолеты, пока доложат в штаб армии, пока там почтуются, пока дадут, если, конечно, дадут, вразумительно ясный ответ, пройдет уйма времени. При той скорости, которой в то время обладали самолеты разных типов, они могли улететь как минимум километров на сто и более в глубь советской территории. Соответственно простой вопрос: зачем такой приказ? А не для того ли, чтобы облегчить супостатам завоевание абсолютного господства в воздухе для максимального облегчения реализации стратегии блицкрига? Проще говоря, не смахивает ли это на предательство, которое привело к тому, что уже с первых минут агрессии супостаты смогли безнаказанно бомбить войска, военные объекты, а также мирные города и села, расстреливать мирных советских жителей. Ведь из-за очевидных кровавых последствий трудно по-иному расценить этот приказ Музыченко. Хотя бы, например, потому, что на участке 41-й стрелковой дивизии в три часа ночи пограничники зафиксировали пролет больших групп неизвестных самолетов со стороны Польши. И хотя в это время суток еще трудно было определить опознавательные знаки самолетов, но и так было понятно, что это германские самолеты. Со стороны оккупиро-

ванной немцами польской территории другие самолеты залететь не могли. Начальник штаба 41-й сд полковник Н. Еремин немедленно доложил об этом дежурному штаба 6-й армии, а в ответ услышал: «По самолетам огня не открывать, ведите наблюдение»?!¹⁰⁶⁵ И теперь уже никто не знает и никогда не узнает, на основании чего был дан такой приказ. Была ли это «художественная самодетельность» оперативного дежурного штаба 6-й армии, или же его далеко не «художественная самодетельность» он получил какое-то указание от командования 6-й армии, — ничего не известно, не понятно и установить истину практически невозможно. Но факт-то остается фактом. Огонь не был открыт вовремя. Ну, а супостаты спокойно начали бомбить все подряд.

Ко всему изложенному остается только добавить следующее. Командующим 4-м МК в то время являлся пресловутый впоследствии предатель — генерал А. Власов, а сам Музыченко угодил в плен, а после войны был расстрелян после пяти лет следствия...

На флангах 6-й армии были войска 5-й и 26-й армий. Основной удар противник нанес в полосе 5-й армии, прежде всего в ее стык с 6-й армией. 6-я же армия в боевую готовность не приводилась до середины дня 22 июня. Чего же тогда стоит довоенное предложение Кирпоноса о максимальном сокращении сроков приведения войск в боевую готовность? Похоже, что Баграмян, мягко выражаясь, действительно слегка приукрасил облик командующего округом. Но дело, конечно, не в этом, точнее, не только в этом.

Короче говоря, пока Кирпонос упирался на счет приведения 6-й армии в боевую готовность, войска 5-й терпели поражение и вынуждены были начать отход. Как, впрочем, и части дислоцировавшегося в полосе 6-й армии пограничного отряда, которые начали отход в 14.00 22 июня. Все это создавало угрозу либо флангового удара, либо просто окружения для всей не приведенной в боевую готовность 6-й армии. О 5-й уж и не говорю — она с первых минут агрессии была в тяжелом положении, которое все более усугублялось. Грешить тут на пограничников было бы просто бессовестно и подло. Они и так сделали все, что могли. Выше уже об этом говорилось. Да они и не предназначены для ведения затяжных оборонительных боев. И то, что они продержались хотя бы до 14 часов дня 22 июня при неимоверно галактическом превосходстве противника — уже выдающийся подвиг.

Но это еще не все. Категорический запрет Кирпоноса создавал колоссальную угрозу и для 26-й армии. И хотя она через пень-колоду все-таки приступила к некоему подобию организованного отпора врагу, у нее на фланге стояла бездействующая 6-я армия, которой категорически запре-

¹⁰⁶⁵ Военно-исторический журнал. 1989, № 6, с. 66.

шали перейти в состояние боевой готовности и выдвинуться к государственной границе. Проще говоря, стык с 6-й армией у нее не был прикрыт. А такая ситуация — раздолье для противника.

Только в середине дня 22 июня командующий и штаб КОВО-ЮЗФ снизошли до того, чтобы отдать приказ о приведении войск 6-й армии в боевую готовность и их выдвигении к государственной границе. И то без 4-го МК. Лишь после этого стрелковые части армии начали движение к границе по многочисленным разрозненным, неподготовленным маршрутам и по частям вступали в боевое соприкосновение с противником¹⁰⁶⁶. Соответственно с ними произошло то, что и должно было произойти в таком случае, — последовательный разгром.

Соответственно никакого другого вывода, кроме вывода о злоумышленном, сугубо в предательских целях саботаже со стороны Кирпоноса, не может быть и речи еще и по следующей причине. В главе, посвященной Западному округу, приводился факт, согласно которому еще до начала передачи директивы № 1 в округа по указанию Тимошенко Кирпонос был официально предупрежден о нападении Германии и о переходе германскими войсками государственной границы в 4 часа утра 22 июня. Дежурный генерал НКО сообщил Кирпоносу, что в соответствии с приказом наркома обороны (то есть Тимошенко) ему поручено передать командующему КОВО, что в 4.00 утра 22 июня 1941 г. ожидается переход германскими войсками государственной границы. Одновременно дежурный генерал сообщил Кирпоносу, что нарком обороны приказал привести войска округа в боевую готовность, выдать боеприпасы, но огня по противнику до особого указания не открывать, границу не переходить¹⁰⁶⁷. Затем в КОВО поступила директива № 1, которая также предписывала привести войска в боевую готовность, а тем, которые ранее, то есть 18 июня, получили такой же приказ — быть в боевой готовности. И, несмотря на эти предупреждения, а также прямое предписание директивы № 1, Кирпонос так и не отдал приказа командованию 6-й армии о приведении вверенных ему войск в боевую готовность. Хуже того, туда вообще никаких сигналов на этот счет не поступало. О выдвигении уж и не говорю. Да еще и упирался до середины дня 22 июня.

Едва ли могут возникнуть сомнения в том, что уже только изложенные выше факты дают все основания для того, чтобы расценить действия Кирпоноса как реальный, злоумышленный, направленный на ослабление мобилизационной и боевой готовности вверенных ему

войск откровенный саботаж распоряжений высшего командования. Саботаж, ориентированный на подставу войск 6-й армии под неминуемый разгром?! Хуже того. Саботаж, ориентированный в конечном итоге не только на подставу войск этой армии под неминуемый разгром, но и на открытие фронта врагу так называемым объективным способом. Мол, прорвались окаянные супостаты, потому как 5-я армия не удержала обороны, да и пограничники не сдержали гадов.

А как той же 5-й армии было удержать свой участок обороны (без учета фокусов ее командующего), если стоящая у нее на фланге 6-я армия до середины дня в боевую готовность не приводилась, а супостаты основной удар сосредоточили аккуратно встык между этими двумя армиями?! Помимо того что супостаты проявили тут высокий класс оперативного искусства, невозможно не задать и такой вопрос. А почему, собственно говоря, именно здесь они пошли на такой шаг, как удар встык между двумя советскими армиями? Ведь германское командование далеко не везде применяло такой тактический прием, особенно в начале агрессии.

И это не говоря уже о всевозможных фокусах самого Потапова. Или как те же пограничники должны были сдерживать военную махину вермахта, если у них только винтовки, немного автоматов, станковые да ручные пулеметы с ручными гранатами, а превосходство противника над каждым пограничником было в десятки тысяч раз, к тому же без учета танков, авиации и артиллерии?!

На войне и мгновение может решить исход боя или сражения, а тут полдня после начала боевых действий целой армии запрещали приведение в боевую готовность и выдвигение в сторону границы! Это чистой воды тяжкое государственное преступление во время войны в форме умышленного открытия фронта! Откровенно говоря, Кирпоносу просто невероятно повезло, что он погиб во время выхода из окружения. Правда, перед этим он фактически загубил свыше 600 тысяч советских солдат и офицеров, угодивших из-за его подлости в Киевский «котел», а затем еще и в фашистский плен. А выйди он из окружения, то его явно ожидал бы такой же печальный финал у расстрельной стенки, как и Павлова, что было бы в высшей степени справедливо!

Далее. Судя по архивным данным, не только штаб округа саботировал своевременное выполнение директивы ГШ о выводе фронтового управления на командный пункт. Командование 6-й армии, оказывается, согрешило тем же самым. То есть оно сначала саботировало исполнение директивы о заблаговременном строительстве командного пункта, выбор места для которого был осуществлен лишь за несколько дней до войны. А ведь эти действия должны были

¹⁰⁶⁶ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 971441. Д. 3. Кор. 23343. Л. 73—78. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 365—366.
¹⁰⁶⁷ Вакуров Я., Андреев Г. Генерал Кирпонос. М., 1969, с. 63.

начаться сразу же после 27 мая, когда была дана директива о строительстве полевых командных пунктов. Соответственно и саперы приступили к строительству КП 6-й армии также за несколько дней до войны. «Естественно», что в ночь с 21 на 22 июня Военный совет и сам командующий 6-й армией находились в месте своей постоянной дислокации — прямо в центре Львова¹⁰⁶⁸. Там и встретили первый авиа- и артиллерийский налет супостатов.

Полковник Н.Л. Логинов (бывший командир 139-й стрелковой дивизии 6-й армии). «Дивизия дислоцировалась в Черткове и окрестных населенных пунктах. К началу войны четыре стрелковых батальона и два артиллерийских дивизиона находились на оборонном строительстве в 20—25 км юго-западнее Черновиц, саперный батальон дивизии и роты полков — в 20—25 км северо-западнее Львова, а один стрелковый батальон охранял окружные объекты в Тернополе.

17 июня утром получил шифротелеграмму от командира 37-го стрелкового корпуса: “Для проведения корпусных учений дивизии сосредоточиться в районе Перемышля, для чего выступить с утра 18 июня по маршруту: Чертково, Бучач, Гадич, Рогатин”. На мою просьбу собрать подразделения и части дивизии для выполнения этой задачи ответили: “Выступайте на учение с наличным составом, снять батальоны с работ и охраны не разрешаем”. Таким образом, дивизия в составе четырех стрелковых батальонов, трех артиллерийских дивизионов и спецподразделений выступила в район учения¹⁰⁶⁹.

Комментарий. Ответ датирован 18 мая 1957 г. Тем не менее известная доля горькой правды в этом ответе есть. Во-первых, реализация директивы ГШ от 13 июня о выводе войск из глубины округов началась лишь на 2-е сутки со

¹⁰⁶⁸ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 971441. Д. 3. Кор. 23343. Л. 73—78. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 365—366.

¹⁰⁶⁹ Военно-исторический журнал. 1989, №5, с. 27.

дня ее получения в КОВО, то есть с 17 июня. Во всяком случае именно в 37-м СК. А об этом корпусе, между прочим, говорилось в директиве для КОВО от 13 июня. Во-вторых, дивизия начала выдвижение в ослабленном состоянии, что, естественно, не могло не сказаться негативным образом при отражении первого удара супостатов. Вот тот документ, о котором упомянул Логинов:

«ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА 139-й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ КОМАНДИРУ 37-го СРЕЛКОВОГО КОРПУСА И КОМАНДУЮЩЕМУ 6-й АРМИИ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА 18 июня 1941 г.

На оборонных работах в районе Вашкоуп, Жадова, Старожиней находятся три стрелковых батальона, два артдивизиона, саперные роты стрелковых полков, 150 подвод, 20 автомашин. Два стрелковых батальона и 40 подвод находятся на подходе к району оборонительных работ. Саперный батальон дивизии на оборонительных работах в районе Львова. Две роты находятся на охране складов Тернополь. Два батальона несут охрану гарнизонных окружных и армейских объектов. Фактически в лагерь выступать не с кем.

Прошу разрешить снять части дивизии с оборонительных работ и вернуть две роты с охраны Тернополь — дабы выполнить директиву о выходе в лагерь. Для этого требуется отдыха 5—6 суток. Прошу срочных распоряжений.

Командир 139 сд ЛОГИНОВ Нач. штаба 139 сд КАРПЕНКО»¹⁰⁷⁰.

В целом же следует отметить, что у командования КОВО-ЮЗФ вообще наблюдалась какая-то «странная», но «фирменная страсть» выставлять против врага либо раздробленные части, либо же поштучно подкидывать их на неминуемый убой. На это обратил особое внимание в своих мемуарах еще великий Рокоссовский, да цензура вырезала. А написал он вот что: «Я уже упоминал выше о тех распоряжениях, которые отдавались командующим фронтом М.П. Кирпоносом в моем присутствии и которые сводились к тому, что под удары организованно наступающих крупных сил врага подбрасывались по одной — две дивизии. К чему это приводило? Ответ может быть один — к истреблению наших сил по частям, что было на руку противнику»¹⁰⁷¹. Прочитав эти строки из мемуаров великого Маршала Великой Победы, любой вправе задать простой вопрос: а что, командующий округом-фронтом Кирпонос не понимал столь азбучных в военном деле истин?! Не понимал, что действует фактически в интересах противника?! Не понимал, что фактически по частям подставляет вверенные ему войска под неминуе-

¹⁰⁷⁰ ЦА МО РФ. Ф. 334. Оп. 5307. Д. 22. Л. 210. Подлинник.

¹⁰⁷¹ Рокоссовский К. К Солдатский долг. Издание с восстановленными по оригиналу авторской рукописи купюрами цензуры. М., 1997, с. 55—56.

мый разгром?! А ведь Кирпонос до этого служил начальником военного (пехотного) училища. Что же он преподавал будущим командирам?..

Откровенно говоря, просто физически трудно такое предположить, ибо каков бы ни был интеллектуальный уровень самого Кирпоноса, а дураком его и впрямь не назовешь, он не мог не понимать того, что известно и понятно рядовому — бить надо сжатым кулаком, а не растопыренными пальцами. Да к тому же то одним, то другим. Проще говоря, Кирпонос знал и понимал это. А раз так и поскольку он действовал вопреки самым что ни на есть элементарным правилам военного искусства, то остается только один вывод — он действовал так именно же сознательно! То есть сознательно подставлял вверенные ему войска под разгром. Но чтобы это не выглядело как откровенное предательство, то делал это с известной долей осторожности, так сказать, поштучно, чтобы можно было бы в случае сурового «разбора полетов» оправдаться сложностью быстро менявшейся обстановки. Кирпоносу, на его счастье, не довелось оправдываться подобным образом. За него это делают современные исследователи. А зачем, спрашивается, когда и так видно, что он сознательно открыл фронт врагу в полосе 6-й армии, сознательно подставлял вверенные ему войска под разгром? Особенно если учесть, как он приводил их в боевую готовность еще до нападения.

Генерал-лейтенант Д.И. Рябышев (бывший командир 8-го механизированного корпуса 26-й армии КОВО). «Во второй половине июня мы получили приказ командующего войсками КОВО произвести рекогносцировку дорог и мостов от района дислокации до государственной границы. 21 июня к исходу дня она была закончена. По пути назад я заехал в штаб 26-й армии, где доложил начальнику штаба об обстановке на границе и высказал мнение о возможно скором наступлении противника. Полковник И.С. Варенников отверг мои предположения и заверил, что в случае обострения обстановки мы будем своевременно предупреждены¹⁰⁷².

Комментарий. Дата ответа не указана, только год — 1953-й. Что же касается существа приведенного ВИЖ ответа этого генерала, то, честно

¹⁰⁷² Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 26—27.

говоря, трудно понять, кто превратил ответ генерала в идиотизм — сам генерал или редакция журнала. Вопрос-то был ясно сформулирован. И генерал не мог гнать такую туфту столь уж откровенно. Его спрашивали о Фоме, а он не просто о Ереме, а о его дальних родственниках?! Какой бы он ни был хитрован, но до этого опуститься не мог. Не с руки было.

Но если это действительно ответ генерала Рябышева, тогда тяжесть совершенного Кирпоносом преступления резко усиливается. Ведь генерал Рябышев ничего не сказал о том, была ли дана ему команда на приведение корпуса в боевую готовность или нет. Ведь если бы была дана, то он указал бы этот факт. Такое не забывается. В конце концов война не каждый день бывает, тем более такая и с таким противником. А вот коли этот факт отсутствует в его ответе, следовательно, такой команды он не получал. По крайней мере, если исходить из того, что опубликовал ВИЖ, получается именно так.

Дополнительный комментарий. Откровенно говоря, и сам Д.И. Рябышев тоже натворил дел. Весной 1941 г. его корпус стал получать новые танки Т-34 и КВ-1. В связи с этим необходимо было срочно учить наводчиков танковых экипажей стрельбе из крупнокалиберных пушек новых танков. Однако, как вспоминал начальник артиллерии 26-й армии генерал Н.Н. Семенов, командование корпуса не придало этому должного значение. Вот и попробуйте хотя бы самим себе ответить на простой вопрос — на кой же черт Жуков и Тимошенко загоняли в КОВО подавляющую часть новой техники, никак не обеспечивая, хотя бы в приказном порядке, ее ускоренное освоение?! Кому нужны многотонные железяки, если из них не умеют стрелять?! Разве это не должностное преступление — несвоевременное освоение новой боевой техники?! Более того. О том, что в этом корпусе уже 50 % новых танков, упомянутый Н.Н. Семенов узнал лишь тогда, когда начальник артиллерии корпуса приехал к нему за советом, как организовать стрельбы из новых танков. И только накануне войны, 18 июня, была в этом корпусе организована стрельба из новых танков. И то с места, потому как подвижных целей не было — их только начали готовить. Результаты первой стрельбы были плачевными — около 20 % выполнения поставленных задач¹⁰⁷³. Ну, а дальше уже была война. Танки, в том числе и новые, были просто загублены.

Если же обратиться к изданным мемуарам самого Рябышева, то узнаем следующее:

— во-первых, что сам командир 8-го МК генерал Д.И. Рябышев в 4 утра 22 июня был поднят с постели посыльным, который сообщил, что звонят из штаба 26-й армии;

¹⁰⁷³ См.: ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3 Кор. 23343. Л. 100—107. Цит. по: Рунов В. 1941 Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 383.

— во-вторых, срочно прибежав в штаб корпуса, от начальника оперативного отдела штаба 26-й армии Рябышев получил сообщение, что германские войска во многих местах нарушили государственную границу СССР, авиация противника подвергла бомбардировке наши части и далее следующее: «Но прошу без паники. Думаем, что это провокации. Не поддаваться на них. Огня по немецким самолетам не открывать! Ждите дальнейших указаний»¹⁰⁷⁴;

— в-третьих, что чуть позже, в 4.30 утра, Рябышева «осчастливил» своим звонком начальник штаба 26-й армии полковник И.С. Варенников, который также сообщил о начале боевых действий на границе и снова потребовал, что по германским самолетам зенитчики огня не открывали¹⁰⁷⁵. А в это время части 8-го МК уже несли потери от безнаказанных бомбардировок врага. В частности, потери понес 7-й мотострелковый полк. Кроме того, были разбомблены и подожжены казармы и склады дивизий;

— в-четвертых, что только в 5 ч. 40 минут 8-й МК был поднят по боевой тревоге;

— в-пятых, что только в 10 часов утра Рябышев получил приказ штаба 26-й армии: к исходу 22 июня сосредоточить части в районе Чишки, Ваньковичи, Райтаревиче¹⁰⁷⁶.

Знаете, чем кончилось сосредоточение 8-го МК в указанном ему штабом 26-й армии районе? 8-й механизированный корпус перед боем совершил марш около 500 км, потерял за это время до 45 % машин, 56-я дивизия совершила марши около 1000 км, потеряла до 35 % машин¹⁰⁷⁷. Это ли не преступный донельзя приказ?!

Как хотите, но действия штабных начальников 26-й армии четко укладываются в понятие предательства. Вы думаете, что автора лихо занесло? Увы. Дело в том, что еще 20 июня через них, то есть через командование и штаб 26-й армии, прошла адресованная командиру 72-й гсд этой армии (тогда) полковнику Абрамидзе шифровка ГШ за подписью самого Жукова. За исполнение этой шифровки Абрамидзе отвечал также по команде — через командующего и штаб 26-й армии, что было прямо предусмотрено шифровкой генштаба. А в ней наряду с требованием привести войска дивизии в боевую готовность и доложить об этом к 24.00 21 июня было указано также, что на провокации немцев не отвечать, пока они не нарушат границу: «Ни на какие провокации со стороны немецких частей не

отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу» (об этом см. ниже. — *А. М.*).

То есть командование 26-й армии заранее знало, что как только супостаты нарушат границу, наши войска вправе отвечать. А тут ведь не просто нарушили, а в массовом порядке нарушили советскую границу, расстреливая мирные советские города и села, а также их жителей. Соответственно запрет на открытие огня по самолетам противника, который штабные крысы 26-й армии выдали командиру 8-го МК, явился прямым преступлением, непосредственным предательством, которые, увы, чрезвычайно облегчили супостатам мгновенно захватить господство в воздухе и нанести группировке советских войск исключительный урон одними только бомбежками.

Как уже было указано выше, 20 июня через командующего округом прошла шифровка в адрес командира 72-й гсд и командующего 26-й армией, где прямо говорилось, что «ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу». Следовательно, едва только немецкие части нарушат государственную границу СССР, можно было отвечать на законных основаниях. Причем обратите внимание, в шифровке для командира 72-й гсд нет никакого жесткого определения — сухопутную ли границу нарушат супостаты, или только воздушную, или ту и другую одновременно. Написано просто — нарушат границу, можно отвечать. Причем если границу нарушат именно части, а не отдельные солдаты. И, как представляется, именно так было написано и в истинно подлинном тексте директивы №1 — «ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу». В таком случае эта директива имела бы логически законченный вид. Еще раз подчеркиваю, что это личное, никого ни к чему не обязывающее мнение автора книги.

А теперь, зная это, попробуйте хотя бы самим себе честно, положив руку на сердце ответить на один простой вопрос. Чуть выше уже говорилось о том, как из штаба 26-й армии пудрили мозги тому же Рябышеву, запрещая ему открывать огонь по немецким самолетам. Так вот, вопрос следующий. У «штабных крыс» 26-й армии ранним утром дважды нашлось время, чтобы дойти до Рябышева ради того, чтобы настойчиво запудрить ему мозги насчет запрета на открытие огня по вторгшемуся во многих местах врагу. Так вот и спрашивается, какого же, миль пардон, хрена у этих «штабных крыс» не хватило ни ума, ни совести, ни чести, ни чувства долга, ни времени, чтобы тогда же объявить этому МК боевую тревогу?! Да и не только ему. Что хотите думайте об авторе, но на забывчивость подобное не спишешь. Не та ситуация. И уровень не тот.

Это преступление! Тяжкое государственное преступление! Усугубленное преступным

¹⁰⁷⁴ Рябышев Д.И. Первый год войны. М., 1990, с. 9.

¹⁰⁷⁵ Там же.

¹⁰⁷⁶

Там же.

¹⁰⁷⁷ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 100. Л. 315—317. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 80—81.

же приказом о сосредоточении черт знает где, исполнение которого привело к тому, что, еще не вступив в бой с врагом, МК потерял почти половину своей боевой техники. А ведь по мощи 8-й МК лишь немногим уступал 4-му МК Власова.

К тому же этот приказ должен свидетельствовать о том, что у Рябышева не было на руках «красного пакета». Спрашивается, какого же черта Баграмян и Пуркаев всем мозги запудрили, что они заранее всем разослали в запечатанном виде «красные пакеты»?! Вранье да и только! Но если у Рябышева был «красный пакет», то какого же черта штаб 26-й армии дал отдельный приказ на сосредоточение этого корпуса в столь отдаленном районе, в результате чего почти половины техники корпуса не стало?! Нарочно, что ли, так делали?! Нет, судя по всему, исполняли тот самый план, по которому Жуков и приказал выдвигать войска КОВО в районы, указанные Генеральным штабом. Даже карту приложил, куда выдвигать. В известной мере Рябышев подтвердил этот вывод и в своем ответе на вопросы комиссии Покровского, и в своих мемуарах. Он же проводил рекогносцировку до самой границы, проверяя проходимость местности для танков корпуса. Но ведь по плану прикрытия КОВО, представленному в ГШ, он там находиться не должен был. По крайней мере не в первый же день агрессии.

После войны Тимошенко назвал этот план «безграмотным сценарием» вступления в войну. Слова правильные. Только вот за то, чтобы это хотя бы уже после войны дошло до большой, зеркально выбритой головы с «куриными мозгами», как говаривал Сталин о Тимошенко, потребовалось 1418 дней ожесточенно свирепой, кровавой борьбы с проклятыми Гансами и фрицами. Но самое главное — пришлось принести на алтарь Великой Победы 27 миллионов жизней полных сил и светлых помыслов наших с вами соотечественников! Слишком дорогая, непомерно высокая цена за прозрение одной большой головы с «куриными мозгами»...

Что же касается «красного пакета», то он у Рябышева был, правда, попал в руки немцев (об этом уже говорилось выше), что характеризует и его, и подчиненный ему штаб МК, мягко выражаясь, далеко не с самой лучшей стороны. А если по-простому, то факт попадания «красного пакета» 8-го МК в руки супостатов является свидетельством преступного несоблюдения даже элементарных правил хранения (и уничтожения при необходимости) секретных и совершенно секретных документов.

Генерал-майор П.И. Абрамидзе
(бывший командир 72-й горнострелковой дивизии 26-й армии). «Два стрелковых полка (187 и 14 сп) дивизии располага-

лись вблизи государственной границы с августа 1940 года. 20 июня 1941 года я получил такую шифровку Генерального штаба: “Все подразделения и части Вашего соединения, расположенные на самой границе, отвести несколько назад на несколько километров, то есть на рубеж подготовленных позиций. Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу. Все части дивизии должны быть приведены в боевую готовность. Исполнение донести к 24 часам 21 июня 1941 года”.

Точно в указанное время я по телеграфу доложил о выполнении приказа. При докладе присутствовал командующий 26-й армии генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, которому поручалась проверка исполнения. Трудно сказать, по каким соображениям не разрешалось занятие оборонительных позиций, но этим и воспользовался противник в начале боевых действий. Остальные части и специальные подразделения соединения приступили к выходу на прикрытие госграницы с получением сигнала на вскрытие пакета с мобилизационным планом»¹⁰⁷⁸.

***◆

Комментарий. Ответ датирован 11 июня 1953 г. Прочитав ответ генерала Абрамидзе, так и хочется заорать во всю глотку: вот и верь после этого нашим маршалам, особенно Жукову! Только в дураках и останешься. Ведь то, что написал Абрамидзе, есть прямое подтверждение того, что войскам действительно заблаговременно был отдан приказ о приведении в боевую готовность! Из самого Генерального штаба, за подписью самого Жукова — никто другой такую телеграмму подписать не мог! Ну, так это еще не все. В редакции ВИЖ тоже не дураки сидели и знали, как обкорнать ответ генерала. Потому что то, что он написал, вообще являлось дикой крамолрой, не влезавшей в прокрустово ложе наглой лжи антисталинской истории горбачевского периода. Дело в том, что ВИЖ обрезал упоминание генералом Абрамидзе того факта, что он еще 15 июня (ПЯТНАДЦАТОГО ИЮНЯ!) получил приказ из самого Генштаба о приведении вверенного ему соединения в бо-

¹⁰⁷⁸ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 27.

евую готовность!¹⁰⁷⁹ Что само по себе удивительно и странно, ибо его дивизия была приграничной, а для приграничных дивизий в директиве НКО и ГШ Ыв504205 от 12 июня было отдельно оговорено: «Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду что вывод их к госгранице, в случае необходимости, может быть произведен только по моему особому приказу».

И вот как после этого относиться к Жукову и его «воспоминаниям и размышлениям», а также ко всем его приватно распространявшимся байкам о том, что-де нехороший и упрямый Сталин не разрешал привести войска в боевую готовность?! А также байкам других маршалов и генералов, за исключением великого Рокоссовского и благородного Голованова. Абрамидзе же ясно написал, что получил приказ о приведении дивизии в боевую готовность 15 июня, а затем еще и шифровку из Генерального штаба 20 июня, где было четко предписано привести войска в боевую готовность. То есть, выходит, что вторично он получил такой приказ за два дня до войны, а первый раз — за неделю. Кстати говоря, обратите внимание, что донести об исполнении шифровки от 20 июня он должен был к 24 часам 21 июня. Это означает, что и 20 июня Генеральный штаб вполне уверенно исходил из того, что нападение произойдет на рассвете 22 июня. К 20 июня данных разведки на этот счет уже было достаточно.

Но самое главное состоит в том, что без санкции Сталина Жуков не мог направить такие шифровки в войска! Зачем же тогда врал до конца своей жизни, что Сталин запрещал приведение войск в боевую готовность?! Зачем врал, что только якобы буквально за несколько часов до нападения он вместе с Тимошенко чуть ли не силком вырвали у него согласие на это, потому, мол, и опоздали, и потому произошла катастрофа?! Разве это не подло так нагло врать?!

Ведь если Генеральный штаб снизошел до направления шифровки в адрес всего лишь командира дивизии, исполнение которой, к слову сказать, должен был проконтролировать командующий 26-й армией, то, следовательно, эта шифровка прошла через руки командующего округом и командующего армией! Разве не так, если исходить хотя бы из того простого факта, что вооруженные силы жестко иерархическая структура и приказы внутри ее отдаются сверху вниз по всем ступеням, а отчетываются снизу вверх и также по всем ступеням?! Разве это не так, если исходить из того, что приграничные округа на западной границе СССР в то время находились на особом режиме — все их действия жестко контролировались и направлялись из Москвы наркоматом обороны и Генеральным штабом?!

¹⁰⁷⁹ ЦА МО РФ. Ф. 1\$. Оп. 178612. Д. 50. Кор. 22099. Л. 152—171. Цит по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 381.

Конечно, нет смысла отрицать, что были части и соединения прямого подчинения наркомату обороны. Но данный-то случай не из этой категории — 72-я гсд входила в состав 26-й армии. Следовательно, приказ о приведении войск в боевую готовность был дан и командующему армией, а также командующему округом. Иначе просто быть не могло. Это же полный абсурд, если конкретная армия в округе и конкретная дивизия этой армии приводятся в боевую готовность, а командующий округом ни ухом, ни рылом не ведает об этом?! Такое начисто, причем априори исключено.

В ответе генерала Абрамидзе есть еще немало интересного.

1. Он, в частности, указал, что шифровкой ГШ ему было приказано отвести расположенные на самой границе части своей дивизии на несколько километров назад, на рубеж подготовленных позиций. Мягко выражаясь, странный для уровня начальника Генерального штаба приказ, адресованный персонально командиру дивизии. Тем более после директивы НКО и ГШ Ыв504205 от 13 июня. Может, и был в том какой-то стратегический или по меньшей мере тактический смысл. Ныне сказать трудно. Слишком много времени прошло с тех пор. Спросить не у кого и не с кого.

Тем не менее привлекает особое внимание явный и резкий диссонанс между этим приказом и формулировкой второго вопроса. Ведь он же был сформулирован следующим образом: «С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?» И вот как теперь прикажете расценивать приказ Жукова командиру 72-й гсд отвести войска от границы, если второй вопрос Сталин сформулировал именно указанным выше образом?! А ведь это не единственный случай в округе, не говоря уже о том, что и в масштабах всех фуппировки РККА на западной границе. Точно так же дело обстояло и с 13-м стрелковым корпусом КОВО (командир — генерал-майор Н.К. Кириллов). А ведь с его командованием командир 94-го Сколенского погранотряда еще с 16 июня и по прямому приказу из Москвы установил тесную связь и взаимодействие. Приказ из Москвы гласил: «С возникновением военных действий перейти в подчинение полевого командования. Свяжитесь с дислоцированным на участке пограничного отряда соединением, установите контакт по взаимной информации. Исполнение доложите срочно»¹⁰⁸⁰. Это содержание той самой директивы Л.П. Берия, о которой ранее уже говорилось.

¹⁰⁸⁰ Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 172.

Так вот, пограничники связались с Кирилловым, обо всем его информировали. Но в итоге стали свидетелями «интересного» явления. 18 июня подразделения корпуса стали выдвигаться на заранее подготовленные рубежи обороны. А они, как вспоминал уже после войны бывший командир 94-го погранотряда майор П.И. Босый, были хорошо подготовлены непосредственно от линии застав отряда и глубоко в тыл корпуса. Начав это выдвижение 18 июня, корпус завершил его 19 июня. А 20 июня поступил приказ возвратиться в казармы. Кириллов пояснил пограничникам, что это была тренировка.

В результате этой «тренировки» с 21 июня на участке государственной границы огромной протяженности пограничники остались одни. Ну, а что потом произошло — будет сказано ниже.

Короче говоря, как понимать эти отводы войск от границы в свете прямо поставленного второго вопроса?! Это что, нарочно было сделано?! Ведь санкция на выход войск на государственную границу была дана еще 18 июня, вместе с санкцией на приведение войск первого эшелона прикрытия в боевую готовность. Ну а теперь в порядке аналогии вспомните, как в 9-й сад ЗапОВО сначала привели подразделения в боевую готовность с 20 июня, а потом, 21-го, по приказу штаба округа отменили боевую готовность и разрешили летчикам разъехаться на выходные по домам...

2. Абрамидзе также указал и интересную формулировку одного из положений упомянутой им шифровки Генштаба: «Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу». Интересное дело выходит. 20 июня ГШ официально разрешает отвечать, то есть открывать огонь по немецким частям, которые нарушают государственную границу. А в ночь с 21-го на 22 июня с подлой ссылкой на не дававшего такого указания Сталина Тимошенко вообще запрещает открывать огонь по супостатам и ждать указаний?! Это-то как понимать? До какой же степени подлой дурости все докатились тогда, что такие предательские фокусы вытворяли?!

Ну и наконец самое главное, что ВИЖ почему-то не захотел публиковать то, что относится к третьему вопросу Сталина.

На самом же деле приказ о подъеме частей по боевой тревоге и их выдвижении на государственную границу командование 72-й горнотрелковой дивизии получило от вышестоящего командования только после 9 часов утра 22 июня!¹⁰⁸¹ Только два полка этой дивизии заняли свои участки обороны по государственной границе, да и то только к 10 часам

¹⁰⁸¹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 50. Кор. 22099. Л. 52—53. Цит по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 385; Ириных Р. Красная Армия в 1941 году. М., 2009, с. 505.

утра. В целом хронометраж событий утра 22 июня совпадает с тем расчетом времени, который приведен при анализе воспоминаний начальника штаба 12-й армии Арушаняна (см. ниже).

Но самое интересное состоит в том, что эти полки, то есть упомянутые самим Абрамидзе два стрелковых полка (187-й и 14-й сп) дивизии, располагались вблизи государственной границы с августа 1940 г. Располагаясь там с августа 1940 г., они смогли выйти на свои участки обороны по государственной границе только к 10 часам утра 22 июня?! Догадываетесь с трех раз, что хотелось автору сказать по этому факту, да вот добровольно принятый обет литературной сдержанности не позволил

Но одно могу сказать точно. Если то, что на* писал Абрамидзе правда, то он, выходит, не оез соответствующего покровительства командования своего корпуса и армии сознательно саботировал приказ начальника Генерального штаба. А это уже преступление, воинское преступление, которое 22 июня привело к тяжелым последствиям. Быть может, вовсе не случайно Абрамидзе впоследствии «загребел» в кутузку...

Генерал-майор С.Ф. Горохов (бывший начальник штаба 99-й стрелковой дивизии 26-й армии). «До начала боевых действий распоряжения о выходе частей на участки обороны не поступало. Только артиллерийские полки по приказу командира 8-го стрелкового корпуса генерал-майора М.Г. Снегова были выдвинуты в леса около спланированных огневых позиций. В момент начала военных действий он отдал противоречивые приказы, стрелковым полкам занять оборонительные рубежи, артиллерийским — огня не открывать до особого распоряжения. Несмотря на наши настойчивые требования до 10 часов 22 июня так и не было разрешено использовать артиллерию»¹⁰⁸².

Комментарий. Ответ датирован 16 марта 1953 г. 99-я стрелковая дивизия считалась одной из самых лучших в РККА. И как теперь понимать следующее. В одной и той же армии — 26-й — командиру 72-й гсд непосредственно из ГШ от самого Жукова приходит шифровка о приведении войск в боевую готовность, а соседней 99-й — ничего. Что это за фокус-то такой?! И фокус ли?!

¹⁰⁸² Военно-исторический журнал. 1989. № 5, с. 28.

Или же все-таки определенный подлый расчет?! Более того. Из ответа генерала Горохова вытекает, что, несмотря на санкционированное выдвижение войск на государственную границу, он такого указания до начала военных действий не получал. По крайней мере такой вывод получается автоматически, исходя из того, что опубликовал ВИЖ в качестве ответа генерала Горохова. А ведь по плану прикрытия 99-я сд должна была выделить для поддержки 92-го Перемышльского пограничного отряда эскадрон кавалерии и стрелковый батальон. Увы, пограничники этого не получили. Между прочим, на направлении этого отряда была развернута 17-я армия вермахта, о чем знали и пограничники, и армейское командование.

Но более всего привлекает пристальное внимание указание Горохова на то, что командир 8-го стрелкового корпуса генерал-майор М.Г. Снегов в момент начала военных действий отдавал противоречивые приказы: стрелковым полкам занять оборонительные рубежи, а артиллерийским — огня не открывать до особого распоряжения. И, несмотря на настойчивые требования командира 99-й сд до 10 часов 22 июня, так и не разрешил использовать артиллерию, уже выведенную на предназначенные ей позиции.

Трудно сказать, упоминал ли о том, о чем речь пойдет ниже, сам Горохов или нет — ВИЖ очень «своеобразно» публиковал ответы генералов, — но достоверно известно следующее:

1.8-й СК под командованием генерала Снегова должен был оказать помощь в отражении агрессии 92-му Перемышльскому и 93-му Лисковскому пограничным отрядам, тем более что с началом военных действий они обязаны были перейти под управление командования корпусом.

2. Ни один из указанных погранотрядов помощи от 8-го СК и его дивизий не получил. В частности, 92-й пограничный отряд до 12 часов дня 22 июня самостоятельно, только собственными силами удерживал государственную границу и защищал гор. Перемышль (сейчас это польский город Пшемисль)¹⁰⁸³.

Дополнительный комментарий. С этим отрядом связана одна любопытная история, которая, увы, в крайне искаженном, фактически оглупляющем советских пограничников и в целом воинов-чекистов того времени виде попала даже в легендарный фильм о войне знаменитого режиссера Ю. Озерова. Речь идет о том, как главный диверсант Третьего рейха Отто Скорцени разработал проект специального вагона якобы для угля, в котором размещались его диверсанты, которые должны были с ходу захватить мост

через реку Сан. И в литературе, и в кинофильме утверждается, что супостатам якобы удалось это, причем почему-то действие перенесено на Брест. На самом же деле ничего подобного. Все произошло именно в Перемышле. Мост охранялся ротой железнодорожных войск НКВД. Согласно воспоминаниям А.Н. Патарыкина, бывшего начальника 14-й заставы 92-го погранотряда, которая охраняла государственную границу в черте города Перемышль, эшелон, в котором находились разработанные О. Скорцени «вагоны с углем», начал двигаться в сторону советской территории после 3 часов ночи 22 июня. Эшелон сразу же вызвал подозрение советского караульного. Дело в том, что хваленые арийцы как всегда показали свою беспардонную тупость — паровоз в этом эшелоне был не впереди состава, как обычно, а позади. Кроме того, высота вагонов была выше обычного. В соответствии с инструкциями караульный принял решение остановить поезд до подхода к советской границе и дал предупредительный выстрел в воздух. Однако ему тут же ответили автоматной очередью, и караульный был убит. Этой же очередью был убит еще один солдат караула, находившийся в караульной будке, а второй, оставшийся в живых, не растерялся, выскочил с ручным пулеметом, залег и стал стрелять по эшелону «с углем». Заслышав стрельбу, на помощь караулу подоспели другие солдаты роты охраны моста и совместно открыли ураганный огонь по немецкому эшелону. Немецкий эшелон стал пятиться обратно на немецкую территорию. И когда полностью оказался на немецкой территории, борта «вагонов с углем» были откинuty, и оттуда стали съезжать танкетки с диверсантами. Это была первая попытка супостатов прорваться в советскую часть Перемышля. Благодаря умелым действиям хорошо натренированных воинов-чекистов из роты охраны эта попытка немецких диверсантов была сорвана. Только к 10 часам утра первые разрозненные группы врага сумели прорваться на советскую территорию. Однако и эта попытка тевтонских супостатов прорваться в советскую часть Перемышля в конечном итоге была сорвана — нацистских аспидов частично уничтожили, частично отбросили восвояси. Все эти попытки обошлись супостатам в 300 убитых и 600 раненых поганых гансов и фрицев. Вот так в действительности обстояло дело с этими вагонами и диверсантами¹⁰⁸⁴. Увы, но ни один из военных консультантов Ю. Озерова не подсказал режиссеру, где правда, а где кривда. И ложь попала в фильм. И каждый год эту ложь смотрят десятки миллионов людей.

Только в 7 часов утра армейское начальство прислало стрелковый взвод. Хуже того. В полдень 22 июня командование 92-го погранотряда получило приказ от командира 8-го СК Снегова

¹⁰⁸³ Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 157, 163, а также Центральный музей пограничных войск. Документальный фонд. П-86. Д. 4. Л. 58—59.

¹⁰⁸⁴

Там же.

оставить Перемышль и отойти за боевые порядки 99-й сд.¹⁰⁸⁵ А дивизия, между прочим, в это время еще не вышла на свой оборонительный рубеж. А потом, вечером 22 июня, Снегов провел «совещание в Филях» вместе с командиром 99-й сд и полковником Н.И. Дементьевым и командованием погранотряда и приказал отбить Перемышль. Вместо того чтобы своевременно подвести войска к пограничникам и открыть артиллерийский огонь, сначала приказал оставить город, а потом отбить. Причем решение этой задачи возложил в том числе и на пограничников. 23 июня город был отбит пограничниками, боевой группой партийного актива во главе с секретарем горкома ВКП(б) Перемышля П.В. Орленко и двумя ротами 99-й сд и удерживался до вечера 27 июня.

Благодаря «противоречивым приказам» Снегова 99-я сд подтянула свои части к пограничникам лишь к исходу дня 22 июня и заняла оборону на участке дороги Медыка—Перемышль¹⁰⁸⁶. А супостаты уже были на советской территории. Хуже того. Благодаря столь подлому, ничем, кроме предательства, не обоснованному запрету на открытие артиллерийского огня, мост через реку Сан не был прикрыт артиллерией 99-й сд, что, между прочим, предусматривалось планом прикрытия¹⁰⁶⁷. И в конечном итоге он не был взорван, что позволило немцам использовать его для переброски своих войск на советскую территорию. Вот во что обошлись «противоречивые приказы» Снегова. К слову сказать, не один он «перестарался» в отдании противоречивых приказов. По воспоминаниям начальника артиллерии 26-й армии генерала Н.Н. Смирнова, штаб округа приказал отозвать артиллерию этой армии из лагерей и вывести ее обратно в район зимнего расквартирования. Командующий же 26-й армией генерал Костенко в исполнение этого приказа внес еще и свою «лепту», приняв следующее решение:

— артиллерию, в том числе дислоцированные в 4 км восточнее гор. Перемышль артиллерийские части, в город не вводить, а устроить только демонстрацию ее возвращения;

— разместить артиллерию в 12—15 км восточнее Перемышля¹⁰⁸⁰.

Ну, и как же прикажете понимать организацию демонстрации возвращения артиллерии в город?! Кому и что демонстрировали? Уж не супостатам ли, что в городе нет артиллерии, так что, немчики дорогие, нападайте на Перемышль, стрелять не будем?! Так, что ли, надо понимать?! Особенно в свете отвода артиллерии на данном участке фактически от линии границы.

¹⁰⁸⁵ Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 157.

¹⁰⁸⁶ Там же, с. 155.

¹⁰⁸⁷ Там же, с. 156.

¹⁰⁸⁸ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3. Кор. 23343. Л. 107—108. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 384.

А стрельба с дальних расстояний, в том числе и на предельных дальностях, особого эффекта, как известно, не дает. Отвели-то дивизионную артиллерию. Не потому ли пограничники остались без артиллерийского прикрытия?!

Далее. Из-за тех же «противоречивых приказов» Снегова артиллерия корпуса 30 июня открыла огонь по пограничникам, увы, уже вынужденным отойти от границы и оборонявшим один из населенных пунктов, в результате чего пограничники понесли большие потери¹⁰⁸⁹. А это как прикажете понимать?! То, что на войне могут по недоразумению возникнуть ситуации отступления, так сказать, «дружественного огня» — не отрицается. На войне, как известно, все может произойти. Однако же каким это образом был открыт огонь по пограничникам, которые обороняли один из населенных пунктов, если пограничники уже подчинялись полковому армейскому командованию и, естественно, постоянно сообщали, где они находятся, что делают и что обороняют?! Это же особо дисциплинированные воины-пограничники, а не какие-то там новобранцы. Это, что называется, во-первых. Во-вторых, каким это образом был открыт артиллерийский огонь по позициям пограничников без самой элементарной артиллерийской разведки?! Что, просто лупили по площадям, не зная, что и кто там находится?!

3. Вплоть до вечера 24 июня 93-й Лисковский пограничный отряд, которому 8-й стрелковый корпус также должен был оказать помощь в отражении агрессии, самостоятельно удерживал государственную границу¹⁰⁹⁰. Проведя два дня в непрерывном отражении атак противника, командование 93-го пограничного отряда, перешедшего в соответствии с приказом Л. П. Берия от 16 июня в подчинение 8-го СК, получило приказ от Снегова, начиная с 25 июня, обеспечить отход 8-го СК на новый рубеж. Отход осуществлялся с 25 по 27 июня. А в это время комендатуры и заставы погранотряда без какой-либо помощи по-прежнему вели ожесточенные бои с наседавшим врагом — тремя пехотными и одним кавалерийским полками и танковым батальоном.

Все это в переводе на обычный язык означает предательство. Предательство со стороны командования 8-го стрелкового корпуса, не выведшего свои войска на государственную границу, не обеспечившего предусмотренную и остро необходимую пограничникам поддержку, преступно сдавшего приграничный гор. Перемышль, а затем устроившего его «героическое освобождение».

И в заключение есть необходимость привлечь особое внимание к следующему факту. Отвод войск группировки РККА от государствен-

¹⁰⁸⁹ Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 159.

¹⁰⁹⁰ Там же, с. 171.

ной границы накануне нападения имел место практически во всех трех основных приграничных округах — ПриОВО, ЗапОВО и КОВО. На каком основании это происходило — непонятно. За исключением, естественно, случая с 72-й горнострелковой дивизией под командованием Абрамидзе. Да и то, бес его знает, где он правду написал, а где кривду.

Отсутствие войск прикрытия и выделяемых от них подразделений поддержки на большинстве участков границы поставило пограничников не просто в катастрофическое положение. Если рассматривать ситуацию, в которой они оказались, сугубо с армейских позиций, то даже выражение «катастрофическое положение» ничего не объяснит. Практически у всех пограничных отрядов на территории КОВО ширина полосы компетенции составляла намного выше ста километров — как правило, не менее 140—150 км в среднем, а численность в среднем была от 1100 до 1500—1600 человек (включая даже поваров и писарей). В результате обязанные защищать в прямом смысле слова каждый миллиметр линии государственной границы пограничники с точки зрения одного из главнейших правил стратегии и тактики обороны — линейной плотности личного состава — оказались в заведомо и чудовищно проигрышном положении. Потому что на 1 метр вверенной им под охрану линии границы приходилось — не падайте со стула — от 0,0073—0,00785 пограничника до, и то в лучшем случае, 0,01 пограничника.

Супостаты же, как неоднократно уже указывалось ранее, перли в прорыв с плотностью не менее 4,2 пехотинца на 1 метр линии прорыва. То есть над каждым из показанных выше дробных чисел превосходство противника было от 420 до 575 раз. В пересчете же на одного пограничника из плоти и крови превосходство нацистских аспидов получалось уже даже не астрономическим, а запредельно галактическим. В среднем по всей линии границы в полосе компетенции КОВО в зависимости от конкретного погранотряда это превосходство составляло череду вызывающих коматозный шок цифр: 42000—53503—57500—57534—73248—78767 РАЗ!!! Подчеркиваю, что это все в среднем по всей линии границы в пределах полосы компетенции КОВО. Да к тому же здесь совершенно не учтено, ибо это делать просто бессмысленно, абсолютное превосходство супостатов над пограничниками в авиации, танках и артиллерии.

Так вот кто бы объяснил, желательного вразумительно и без идиотских огрызаний, что-де предательства быть не могло, потому что не могло быть, — как будто у нас все генералы и маршалы святые?! — как же надо понимать тот ад, который хреновы армейские генералы устроили пограничникам?! Ведь такое положение было практически по всей линии западной

границы — не только 8 КОВО, но и в ПриОВО и ЗапОВО. Разница была только в цифрах — в этих двух округах они были поменьше, чем в КОВО, но тем не менее вполне способные вызвать такой же коматозный шок. Счастливое исключение составляло только ОдВО.

Ведь необъявление своевременно боевой тревоги, хотя их обо всем информировали пограничники, было повсеместно, за редчайшими исключениями, хотя санкция на это была дана еще 18 июня. Отвод своих войск от погранзастав за день-два до нападения — тоже повсеместное явление. Вплоть до того, что в ряде случаев, когда пограничники по приказу своего вышестоящего командования начинали отход, а это имело место и к исходу дня 22 июня, и 23 июня, и позже, то они нигде не видели частей Красной Армии. Невыдача боеприпасов на руки и даже обратное отбирание их у личного состава — также повсеместное явление. Лишение различными, ранее указанными способами стрелковых войск и механизированных корпусов собственной артиллерии, которую к тому же едва ли не в самый канун войны согнали на учебные полигоны, — также повсеместное явление. Запрещение открытия огня по вторгшемуся врагу чуть ли не до середины дня 22 июня — также повсеместное явление. И, откровенно говоря, сколько еще таких повсеместных явлений имело место быть.

Каждое из этих повсеместных явлений неминуемо вело к неизбежному широкомасштабному прорыву врага через государственную границу, потому что у пограничников нет таких сил, чтобы длительное время противостоять регулярной армии противника, поддерживаемой танками, артиллерией и авиацией. В комплексе же все эти и иные, также крайне негативные, явления вели к неминуемо быстрому, едва ли не молниеносному, неизбежно глубокому и широкомасштабному прорыву противника на советскую территорию. Естественно, что с одновременным погромом, разгромом, уничтожением или, в крайнем случае, пленением частей и соединений группировки Красной Армии на западной границе, которые попадались под уничтожающий все на своем пути мощный каток германской военной машины, тот самый мощный каток германской военной машины, которому создали фактически тепличные условия, чтобы он с места старта, то есть с линии границы, разогнался на максимальную, поражающую своим масштабом мощь, которой, если говорить принципиально, вермахт просто не обладал! Вот что произошло на границе!

Если изложенное не предательство, то, пардон, что это?! Если это не злонамеренная подстава пограничников под неминуемое уничтожение, то, милый пардон, что это?! Если злонамеренная подстава пограничников под неминуемое уничтожение и одновременно отвод собственных войск сначала от границы,

а затем и вовсе в глубь советской территории вместо подвода их к пограничникам, не есть преднамеренное открытие противнику и фронта, и магистральной дороги на оперативный простор, то, извините, что это?!

Или что, по-прежнему надо все списать на тупость, разгильдяйство, халатность, непрофессионализм, нераспорядительность, излишнюю перестраховку и тому подобные «человеческие факторы»? Можно, конечно, только вот куда вы денете все то, что было написано в настоящем исследовании?!

А что касается пограничников, то эта подлинная суперэлита Вооруженных сил СССР, любимое детище Л.П. Берия, истинно чекистская гвардия с таким достоинством и с такой честью выполнили свой долг перед Родиной, что просто не хватает слов самого искреннего восхищения! И будь воля лично автора, то всех без исключения представил бы к званию ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Ни одна из 485 пограничных застав на западной границе не отошла без приказа — или все погибали, или же оставшиеся в живых уходили только по приказу. Но прежде чем погибнуть или отойти по приказу, они успевали нанести врагу столь ощутимый урон, что буквально с первых же мгновений войны вогнали агрессоров в неопишимо дикий страх!

Именно чекистская гвардия — пограничники — заложила первый камень в фундамент будущей блистательнейшей Победы СССР в Великой Отечественной войне!

Именно чекистская гвардия — пограничники — воочию доказала, что исход войны решает не только, а, быть может и не столько последний батальон — кажется так говаривал в свое время Наполеон, — сколько первая застава!

Потому что, срывая ежесекундно, поминутно, ежечасно и ежедневно запланированный супостатами график агрессии, они на корню подрывали не только весь замысел коричневого блицкрига. Они на корню сорвали и красный блицкриг предательства, устроенный некоторыми советскими генералами во главе с «киевской мафией» (а вот кто руководил последней из-за кулис, увы, установить нереально, по крайней мере ныне). Они выигрывали время для высшего руководства СССР для приведения зарвавшегося и обнаглевшего армейского генералитета в должное чувство, дабы заставить его воевать, как положено. Да, на это ушло некоторое время, враг, увы, докатился чуть ли не до стен древнего Кремля — генералы в избытке продолжали преступно «дурить» (к слову сказать, преступно дурили они и в 1942 г., и даже позже). Но если бы не фантастический героизм, мужество, отвага и непревзойденное воинское искусство

чекистской гвардии — пограничников, — катастрофа могла бы еще летом 1941 г. так громыхнуть, что от нашей страны вообще ничего бы не осталось. Даже упоминания в истории. Поганые гансы и фрицы во главе со своим шакалом-фюрером все стерли бы с лица Земли Русской! И не только Русской, но и Белорусской, Украинской, не говоря уже о том, что и с лица земель Прибалтийских государств, столь гордящихся ныне своими преступниками — ублюдками-нацистами. Прибалтов-то нацисты и вовсе чуть ли не за полярный круг собирались сослать...

Генерал-майор Баранов (бывший начальник штаба 17-го стрелкового корпуса 12-й армии КОВО). «Выход частей на государственную границу начался во второй половине июня под видом проведения подвижных лагерей. Последние располагались в глубине оборонительных участков. Подразделения размещались в палатках, проводили занятия по плану. Одновременно совершенствовались в инженерном отношении оборонительные позиции. Боеприпасы были подготовлены к подаче личному составу»¹⁰⁹¹.

Комментарий. Ответ датирован 28 октября 1955 г. В это время начиналась проклятая хрущевская «оттепель» и писать можно было все, что угодно. Вот он и написал. Единственное, что соответствует действительности, так это упоминание факта, согласно которому выход частей корпуса на государственную границу начался в середине июня. Проще говоря, упоминавшаяся выше директива от 12 июня в округе реализовывалась. Речь идет о выдвижении 164-й сд, о которой прямо говорилось в директиве от 12 июня. Более в ответе генерала Баранова комментировать нечего.

А вот добавить можно. По его неопубликованным воспоминаниям, приказ о приведении войск 17-го СК в боевую готовность поступил от Военного совета 12-й армии только на рассвете 22 июня, а несколько позже такое же указание пришло и из штаба КОВО. Войска были подняты по боевой тревоге и начали выдвижение к государственной границе¹⁰⁹². Интересно получается.

¹⁰⁹¹ Военно-исторический журнал. 1989, № 5, с. 27.

¹⁰⁹² ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 88! 474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 201—205. Цит по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 395

Го Баранов пишет, что выход его частей на государственную границу начался во второй половине июня под видом проведения подвижных лагерей, то после объявления на рассвете 22 июня боевой тревоги. А некоторые исследователи и вовсе пытаются утверждать, что этот процесс в 12-й армии начался еще в начале июня 1941 г.¹⁰⁹³ Чего в то время быть не могло в принципе. Правда, 164-ю сд 17-го СК действительно двинули с 15 июня — к 17-му она должна была выйти в лагерь. Но 15—17 июня, миль пардон, это не начало июня, это середина месяца и даже начало второй половины месяца. Но выдвижение 164-й сд — это выдвижение всего лишь одной дивизии. А ведь Баранов-то написал во множественном числе. Конечно, и дивизия — средоточие множества. Ибо состоит из полков, а те — из батальонов, последние — из рот, которые в свою очередь делятся на взводы, состоящие из отделений. Но ведь командиру стрелкового корпуса, генералу просто грешно подразумевать именно такое множество при ответе на второй вопрос. Его ответ на второй вопрос должен был касаться только дивизий. И уж если разрешение на вывод в середине июня было дано только для одной его дивизии, то так и надо было писать. А не использовать множественное число, что автоматически вводит в заблуждение, если не знать содержание директивы от 13 июня.

Если, как утверждал Баранов в опубликованном ВИЖ отрывке из его воспоминаний в качестве ответа на второй вопрос Сталина, дивизии корпуса начали выход на государственную границу во второй половине, то чего же ни он, ни ВИЖ не объяснили следующего. Почему когда на утро 22 июня 17-й СК получил приказ о приведении в боевую готовность, то поднятые по боевой тревоге части прикрытия только тогда и начали выдвижение к государственной границе?!¹⁰⁹⁴ А до государственной границы этим частям было от 50 до 100 км лешим порядком. К тому же по горно-лесистой местности. Что в свою очередь означало их прибытие на государственную границу в лучшем случае на следующие сутки. И это бывший начальник штаба 17-го СК называет «выход частей на государственную границу начался во второй половине июня...»?! Ведь ему же было известно это. Он сам указал в неопубликованных воспоминаниях, что именно из-за этого при объявлении боевой тревоги было принято решение выслать вперед усиленные передовые отряды на автомобилях, которые также везли оружие и боеприпасы для личного состава

подразделений, задействованных на строительстве приграничных укреплений¹⁰⁹⁵. Проще говоря, на линии государственной границы, вопреки всем директивам Москвы, на утро 22 июня находились только подразделения, выделенные для производства строительных работ. И то без оружия и боеприпасов¹⁰⁹⁶. Да и выдвинутая заранее 164-я сд находилась также не у границы. Вот так была организована «достойная встреча» супостатов в 17-м СК 12-й армии.

Изложенное выше — это одна сторона медали, к тому же более или менее понятная. Другая же сторона более темная. Непонятно вот что. Каким местом думали те, кто составлял директиву от 13 июня и тем более подписавший ее Жуков, разрешив выдвинуть только одну 164-ю сд?! Они что, не знали, что собой представляет ТВД в полосе 17-го СК, проще говоря, они что, не знали, что это горно-лесистая местность, преодоление которой требует значительного времени, прежде чем части этого СК войдут в свои участки обороны? И что при объявлении боевой тревоги они просто не успеют своевременно добежать до границы и она временно — примерно те же сутки — останется полностью незащищенной, если не считать пограничников. Начисто исключено. Жуков — бывший командующий КОВО. Следовательно, ТВД округа знал. Те, кто составлял эту директиву в Оперативном управлении ГШ, — в основном тоже выходцы из КОВО. То есть ТВД округа знали. Да и директива свидетельствует о том, что сначала посмотрели на карту и только потом составили ее текст. Следовательно, получается, что сознательно так поступили. И тогда простой вопрос: а зачем?

Хорошо, что в полосе обороны 17-го СК противник не проявлял особой активности именно 22 июня. Хотя Баранов и указал в своих воспоминаниях, что в первый же день боев супостаты лишились до 25 танков и понесли значительные потери¹⁰⁹⁷. Где это могло произойти, если противник особой активности в полосе 12-й армии 22 июня вообще не проявлял? Как это могло произойти, если части его корпуса сутки добирались до государственной границы обороны?! Кто мог так усердно отлупить супостатов — подбить 25 танков, пардон, не шутка, — если на самой границе были только подразделения, занятые строительством, которые не имели ни оружия, ни боеприпасов, которые им подвезли не ранее чем под вечер 22 июня?! Кто мог дать отпор су-

¹⁰⁹¹ См., например: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 393.

¹⁰⁹⁴ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 201—205. Цит. по: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 395—396.

¹⁰⁹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Кор. 12003. Л. 201—205. Цит. по: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 395—396.

¹⁰⁹⁶ Там же, с. 393—394.

¹⁰⁹⁷ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 9777. Д. 2. Кор. 23343. Л. 539—541. Цит. по: *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 396.

лостатам, если даже усиленные отряды на автомобилях прибыли на государственную границу также под вечер 22 июня?! Пробуйте сами отгадать эти загадки.

Как видите, ответ и этого генерала также нечто — по своей головоломности и кубик Рубика ему не ровня. Проще говоря, практически соврал Баранов. Точнее, сказал полуправду... И это вранье/полуправду не без удовольствия опубликовал ВИЖ. Или, быть может, имея полный текст воспоминаний Баранова, обкорнал его до состояния вранья.

И вот что характерно. Хотя и на утро, но 17-й СК все-таки был «осчастливлен» штабом КОВО приказом о приведении корпуса в боевую готовность, а вот отдать аналогичный приказ 6-й армии, по которой уже воево дупили супостаты, штаб и командующий КОВО категорически упирался до середины дня 22 июня?! Командованию и штабу округа было известно, что Венгрия, а именно ее территория граничила с полосой обороны 12-й армии, в которую входил 17-й СК, нападет не сразу — разведка погранвойск достаточно убедительно это показала в своих информациях. Оно так и произошло. Венгрия напала 26 июня. Почему СК, прикрывавшему направление, где нападение ожидалось позже, приказ о приведении в боевую готовность был отдан, а 6-й армии, которая уже находилась под ударом противника и своим вынужденным бездействием создавала угрозу флангам двух своих соседей, такой приказ не отдавался вплоть до середины дня 22 июня?!

Прошу понять правильно. Прекрасно, что 17-й СК хотя бы утром 22 июня получил приказ о приведении войск в боевую готовность. Но почему о дислоцировавшемся на относительно спокойном направлении корпусе в штабе округа вспомнили, а об армии, которая находилась на острие главного удара ГА «Юг» вермахта, категорически не хотели вспоминать до середины дня 22 июня? Вплоть даже до того, что отменили самостоятельно отданные приказы ее командования о переходе в состояние боевой готовности?! Это что, нарочно делалось, чтобы супостаты раздолбали бы и 6-ю армию, и двух ее соседей — 5-ю и 26-ю армии и далее смогли бы добраться даже до 12-й армии, которую на четвертый день войны к тому же и ослабили вдвое?! К слову сказать, такие фокусы имели место не только в КОВО, и не только в 1941 г.

Генерал-майор Т.Т. Хрюкин (бывший командующий ВВС 12-й армии). Был назначен на эту должность 17 июня 1941 г., прибыл к месту прохождения службы в 18.0021 июня. Несмотря на это, оставил

интересные воспоминания. К слову сказать, они не публиковались ВИЖ как ответы на вопросы Сталина. Его воспоминания свидетельствуют о том, что, представившись по случаю прибытия к месту новой службы командующему ВВС округа генералу Е.С. Птухину, никаких указаний от него в соответствии с последней обстановкой Хрюкин не получил. Командующий же 12-й армией генерал Понеделин и вовсе его успокоил тем, что никаких действий со стороны германского командования в ближайшее время ожидать не следует и «не нужно верить паническим слухам». Более того. Никаких указаний о приведении авиации армии в боевую готовность ни со стороны штаба КОВО, ни от командующего 12-й армией Хрюкин также не получал¹⁰⁹⁸. Самое главное в его воспоминаниях состоит в следующем: он зафиксировал злостно блаженно-мирное настроение командования и округа, и армии, хотя уже и грудному младенцу должно было быть понятно, что обстановка накалена до предела и вот-вот гряхнет война. Тем более что пограничники непрерывно сообщали все новые и новые подтверждения того, что на рассвете 22 июня начнется нападение Германии. Но командованию округом, и командованию 12-й армии, как, впрочем, и командующим другими армиями КОВО все эти предупреждения были как об стенку горох.

Командующий ВВС округа Птухин даже не поставил Хрюкина в известность о том, что необходимо немедленно же проверить выполнение приказов НКО и ГШ о маскировке и рассредоточении авиации.

Никаких указаний о приведении авиации армии в боевую готовность ни со стороны штаба КОВО, ни от командующего 12-й армией Хрюкин также не получал.

В своих не публиковавшихся ВИЖ в качестве ответов на вопросы Сталина воспоминаниях Хрюкин отметил также, что по его указанию в ночь на 22 июня самолеты

¹⁰⁹⁸ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Кор. 23343. Л. 1—2. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 392.

авиации 12-й армии были рассредоточены на своих аэродромах. Когда успел, непонятно. И, как он утверждал, противнику не удалось достичь внезапности при налетах на аэродромы ВВС 12-й армии. Более того. На подлете к советским аэродромам противник якобы был встречен дежурными авиаподразделениями, которые завязали бой. В итоге к 5 часам утра якобы было сбито 13 бомбардировщиков противника (в районе аэродрома г. Станислав, который, к слову сказать, не был толком прикрыт ПВО — об этом см. ниже). А всего первый день войны ВВС 12-й армии уничтожили якобы 24 самолета противника, потеряв якобы 40 своих, главным образом из числа неисправных, находившихся на аэродромах¹⁰⁹⁹. На самом же деле, как явствует из составленной в 7 часов утра 23 июня оперативной сводки штаба 12-й армии, за прошедшие сутки (то есть за 22 июня) ВВС этой армии потеряли 109 самолетов, из них только два в воздухе, остальные — на земле¹¹⁰⁰.

Птухин был расстрелян в начале войны, Понеделин попал в плен, куда, судя по всему, сам стремился, после войны был репатриирован, после пятилетнего следствия был осужден и расстрелян. Вот такие вот начальнички были у Хрюкина. Да и он сам в немалой степени был явно им под стать...

Генерал-майор Б. Арушанян (бывший начальник штаба 12-й армии КОВО). Ответы этого генерала на вопросы Сталина ВИЖ не публиковал, хотя, возможно, и он опрашивался. Тем не менее на страницах этого журнала в разное время были напечатаны различные фрагменты его воспоминаний о кануне и начале войны. Из того, что опубликовано, в качестве ответа на второй и третий вопросы Сталина интерес представляет следующее.

¹⁰⁹⁹ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 9777. Д. 2. Кор. 23343. Л. 539—541. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 396.
¹¹⁰⁰ ЦА МО РФ. Ф. 359. Оп. 6435. Д. 1. Л. 1. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 398.

Правда, по этим материалам невозможно сделать вывод о том, с какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия 12-й армии начали выход на государственную границу. Тем более невозможно сделать вывод о том, какое количество из них было развернуто до начала боевых действий. Однако в современных исследованиях утверждается, что в этой армии все обстояло вроде бы неплохо. Якобы дивизии этой армии начали выход в свои полосы обороны под видом лагерных сборов еще в первой половине июня 1941 г., что, конечно, вызывает как минимум легкое недоумение. Прежде всего потому, что в начале июня этого не могло быть. Официального приказа из Москвы на эту тему еще не было. Напротив, тогда всем дали по загривкам за попытки самовольного выхода в предполье.

Более того. Говоря о действиях 12-й армии, по какой-то странной причине между понятиями «полоса обороны» и «район сосредоточения (сбора по тревоге)» некоторыми исследователями было Хотя и при первом взгляде на эти термины уже видна их принципиальная разница.

Не исключено, что появление такого подобия знака равенства произошло случайно, без всякого умысла. Но факт остается фактом, тем более что он вводит в прямое заблуждение. В результате при описании действий командования соединений 12-й армии после объявления боевой тревоги те же исследователи вынуждены были указать, что поднятым по боевой тревоге войскам пришлось сначала преодолеть от 50 до 100 км, прежде чем они достигли государственной границы и заняли свои полосы обороны. И это называется заблаговременный выход на государственную границу?!

Однако наиболее важным в воспоминаниях Арушаняна является то, что относится к первым мгновениям войны. Вот что он писал: «21 июня я засиделся в штабе армии, который располагался в

Станиславе, за разработкой очередного планового учения и вернулся домой очень поздно. В четвертом часу ночи меня разбудил телефонный звонок:

— Товарищ генерал, докладывает оперативный дежурный. Вас срочно вызывает к аппарату начальник штаба округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев.

Быстро одеваюсь, еду в штаб. Дежурный доложил: только что по “ВЧ” звонил командующий войсками округа генерал-полковник М.П. Кирпонос и приказал срочно вызвать в штаб командующего армией генерал-майора П.Г. Понеделина и Вас. Командарм еще не прибыл.

Я доложил о своем прибытии командующему войсками.

— Какова обстановка в полосе вашей армии? — спросил генерал М.П. Кирпонос

— Пока все спокойно.

— Хорошо. Возьмите бумагу, карандаш и записывайте. Немецко-фашистская авиация, — диктует Кирпонос, — сегодня в 3.00 бомбила Киев, Одессу, Севастополь и другие города. С 3 часов 30 минут артиллерия ведет сильный огонь по нашим пограничным заставам и укрепленным районам. Приказываю:

1. Немедленно поднять войска по тревоге, рассредоточить их и держать в боевой готовности; авиацию рассредоточить по полевым аэродромам.

2. Огневые точки УР занять частями укрепрайонов.

3. Полевые войска к границе не подводить, на провокации не поддаваться.

Я повторил записанное распоряжение.

— Выполняйте, — сказал Кирпонос. Пусть командарм позвонит мне. Положив трубку, я приказал оперативному дежурному по боевой тревоге поднять личный состав штаба. Затем начал передавать по “ВЧ” связи командирам корпусов и армейским частям полученный приказ. В это время прибыли генерал П.Г. Понеделин и член Военного совета бригадный комиссар И.П. Куликов. Я доложил им о приказе и принятых мерах. Вскоре со-

брался и весь состав штаба. Ознакомившись с обстановкой, офицеры приступили к работе.

Примерно через час генерал М.А. Пуркаев вызвал меня к аппарату “Бодо” и передал условный сигнал для ввода в действие плана прикрытия государственной границы — “КОВО 1941”. Я сразу же доложил командарму, в кабинете которого находился и член Военного совета. Мы немедленно оповестили соединения и части. Наша армия по плану штаба Киевского Особого военного округа (КОВО), имевшая два стрелковых и один механизированный корпус, должна была прикрыть станиславское и черновицкое направления. Военный совет и штаб армии разработали подробный оперативный план прикрытия государственной границы. Согласно этому плану армия имела оперативное построение в два эшелона: первый составляли стрелковые корпуса для создания прочной обороны, второй — механизированный корпус для нанесения мощного контрудара в случае прорыва противника. На правом фланге (на Станиславском направлении) в районе Старый Самбор, Турка, Белехов, Борислав располагался 13-й стрелковый корпус (командир генерал-майор Н.К. Кириллов). В его состав входили две горнострелковые дивизии: 192-я (командир полковник С.Д. Губин) и 44-я (командир генерал-майор С.А. Ткаченко). Штаб корпуса находился в Бориславе.

...Получив сигнал на прикрытие государственной границы, соединения первого эшелона армии, соблюдая все меры маскировки, довольно быстро заняли свои полосы.

22 июня активных действий против войск армии противник не предпринимал. Из штаба округа, преобразованного в этот день в Юго-Западный фронт, и штаба 26-й армии нам сообщили, что немецко-фашистские войска развернули наступление в полосе армии, особенно ожесточенные бои идут за Перемышль. Его успешно обороняла 99-я стрелковая дивизия. Атаки частей 52-го корпуса, стремившихся

прорвать оборону к югу от Перемышля, в том числе и нашей 192-й дивизии, были отражены»¹¹⁰¹.

Комментарий. Сразу же отметим, что о том, что происходило во время атак противника на Перемышль, выше уже говорилось. Выводы можете сделать сами. Отметим также, что в шестом номере за 1959 г. того же ВИЖ были опубликованы те же воспоминания Арушаняна. Но там была еще и «лирика» насчет взволнованного голоса Кирпоноса, коим он сообщал Арушаняну трагическую весть. Однако там не было расспросов Кирпоноса об обстановке в полосе 12-й армии. Впрочем, все это не имеющие принципиального значения мелочи по сравнению с тем главным, что написал Арушанян. А оно состоит в следующем:

1. Где был командующий армией П.Г. Понеделин, что указание Кирпоноса пришлось выслушивать начальнику штаба 12-й армией?!

2. Почему Кирпонос, которого по приказу Тимошенко дежурный наркомата обороны предупредил о нападении Германии еще до отправления директивы № 1, то есть еще до истечения 21 июня, не предупредил об этом же командующего 12-й армией, как, впрочем, и командующих 5-й, 6-й и 26-й армиями? Неужели это было так трудно?!

3. Почему, располагая в момент звонка в 12-ю армию расшифрованным текстом директивы № 1, Кирпонос не сказал о ней Арушаняну? Можно, конечно, уверенно предположить, что, судя по всему, Кирпонос диктовал Арушаняну транслирующий для войск КОВО вариант директивы № 1. Можно, но Арушанян-то написал то, что написал, то есть вовсе не упомянул о директиве № 1, хотя фактически назвал ее пункты. Между тем при публикации его воспоминаний в 1973 г. он вполне мог ее упомянуть — к этому времени уже вышли «Воспоминания и размышления» Жукова, где эта директива открыто упоминалась. Чего же не использовал такую возможность?

4. Еще больше непонятного в части, касающейся указаний Арушаняна на время тех или иных событий. Во-первых, если ему звонили из штаба армии в четвертом часу утра, то прибыл он в свой штаб ориентировочно около 4 часов утра.

Исходя из его слов и, во-вторых, должно выходить, что Понеделин и Куликов прибыли в штаб ориентировочно не ранее 4.15—4.30, а состав штаба собрался ориентировочно около 5.00 утра. И вот тут, пытаясь разобраться с тем, что хотелось бы привести как «в-третьих», впадаешь в легкий ступор. Дело в том, что семантическая ситуация в этих воспоминаниях Арушаняна двусмысленная. Попробуйте хотя бы

приблизительно понять, в котором часу Пуркаев звонил второй раз. Если через час после того, как собрался состав штаба, то есть исходя из расположения текста воспоминаний Арушаняна, то должно выходить, что этот звонок раздался около 6 утра. Если же через час после уже состоявшегося разговора Кирпоноса с Арушаняном, то должно выходить, что Пуркаев «осчастливил» своим звонком ориентировочно около 5.30. И вот какое теперь время брать за точку отсчета для дальнейшего анализа—так ведь и хрен поймешь! Кстати говоря, невнятное, а то и путаное бормотание о времени, зачастую сдвигаемое округло общими словами о времени, — повсеместное явление в мемуарах подавляющего большинства маршалов и генералов военной поры, а также ветеранов войны, чьи воспоминания издавались еще во времена всеобщего засилья Агитпропа ЦК КПСС и ГЛАВПУРа. И это буквально силой вынуждает всерьез заподозрить о наличии в то время какого-то специального ограничения цензуры на указание точного времени событий последних мирных и первых мгновений войны. Что, конечно же, не случайно.

Допустим, что имел место второй вариант, — ориентировочно около 5.30. В таком случае почему через час с лишним после уже состоявшегося разговора Кирпоноса с Арушаняном Пуркаев звонил второй раз и только тогда объявил условный сигнал «КОВО 1941»? Что, столь уж трудно было самому Кирпоносу сказать это сразу, еще час назад? Не говоря уже о том, что этот пароль тот же Пуркаев мог передать и через дежурного по штабу армии во время своего первого звонка, а затем проверить, получило ли командование 12-й армии этот пароль.

Или же мы все-таки обязаны и в данном случае усмотреть во всем этом некий специфический, умышленно не афишируемый смысл? Почему? Да потому, что к моменту этих телефонных разговоров Кирпоноса и Пуркаева война по местному времени уже шла 1,5—2 часа. А они почему-то только через полтора-два часа после фактического начала нападения Германии командованию 12-й армии сообщают о нападении. Почему? Ответ только один. Преступное неисполнение вовремя директивы ГШ о выводе к 22 июня (то есть по факту он должен был завершиться в 24.00 21 июня) фронтового управления на КП в Тернополь и расчленение штаба округа на две части привели к тому, что поступившая на узел связи КП в Тернополе директива № 91 не могла сразу попасть в руки Кирпоноса. Ведь основная колонна во главе с ним и большей частью штаба округа прибыли на этот КП лишь под утро 22 июня. Что, кстати говоря, четко зафиксировано военной контрразведкой, в чем еще убедимся. Ну, а если взять на веру первый вариант, то звонок Пуркаева, выходит, имел место ориентировочно около 6 утра. И, следовательно, преступное неисполне-

¹¹⁰¹ (ци Арушанян Б.И. Боевые действия 12-й армии в начальный период войны // Военно-исторический журнал. 1973, № 6, с. 60—65.

ние Кирпоносом директивы ГШ о передислокации на КП только усугубило ситуацию.

Но в воспоминаниях Арушаняна есть еще один момент, наводящий на очень печальные размышления. Речь идет о том, что, по словам Кирпоноса, которые привел Арушанян, гитлеровская авиация в 3.00 22 июня бомбила Киев, Одессу, Севастополь и другие города, а с 3 часов 30 минут артиллерия противника ведет сильный огонь по пограничным заставам и укрепленным районам на советской территории. Не обратить внимания на эти слова невозможно.

Если Арушанян все вспомнил более или менее адекватно тому, что произошло ранним утром 22 июня, то, подчеркивая это вновь, как бывший начальник штаба армии, он оперировал только советским временем. Другим временем он оперировать просто не мог. Потому что не применял его. Как, впрочем, и Кирпонос оперировал таким же временем, ибо другое время он также не применял.

Скажите, зачем обращать внимание на эту мелочь, чего автор придирается?! Но тогда объясните хотя бы самим себе следующее. Как в 3 часа утра по советскому времени 22 июня супостаты уже так отбомбили Киев, Одессу Севастополь, что об этом стало известно Кирпоносу?! Как это могло произойти, если в июне 1941 г. берлинское время, по которому супостаты должны были начать боевые действия — перелет границы люфтваффе, артиллерийский обстрел, переход сухопутной границы и т.д., — отличалось от московского на два часа. То есть по берлинскому времени было всего лишь начало второго часа ночи, когда Пуркаев первый раз звонил в штаб 12-й армии, а потом и Кирпонос звонил туда же. И даже если принять во внимание, что в июне 1941 г. в Третьем рейхе якобы действовало летнее время, то все равно получается разница в один час. То есть по берлинскому времени было всего лишь начало третьего часа ночи.

Между тем состоявшееся 17 июня окончательное согласование времени начала агрессии между ставкой фюрера и командующими группировками вторжения свидетельствует, что последним было разрешено начать действовать во временном промежутке 3.00—3.30 по берлинскому времени. То есть по московскому времени это 4.00—4.30. Нападение так и началось с теми или иными, но, как правило, всего лишь незначительными минутными отклонениями в ту или иную сторону, что, естественно, принципиально ничего не меняет.

Соответственно, как супостаты могли уже в 3 часа ночи по московскому времени (в час ночи по берлинскому времени) уже отбомбить, например, Севастополь, если морские пограничники только в 3 часа 15 минут по московскому времени зафиксировали лишь пролет вражеских самолетов курсом на Севастополь (эти данные уже приводились в первом томе)? Данные пограничников — это единственно верные и точные дан-

ные. У пограничников точность в исключительно особом почете и уважении.

Как супостаты уже в 3 часа ночи по московскому времени (в час ночи по берлинскому времени) могли отбомбить ту же Одессу, если даже действовавшая по указаниям германского командования румынская авиация начала свои действия против СССР в четыре часа утра по летнему времени Румынии?¹¹⁰² А оно, между прочим, совпадало с московским временем. Именно в это время — в четыре часа утра по летнему времени Румынии — авиация этого гитлеровского холоуя пересекла воздушную границу СССР, что было прямо предусмотрено в директиве № 34 Генерального штаба Королевских ВВС Румынии, подписанной генералом Рамиро Енеску. В этой директиве прямо было сказано: «Боевые действия нашей авиации на Восточном Фронте, разработанные совместно с немецким командованием, начнутся на рассвете 22 июня 1941 г. В силу вступает директива № 34. Операция должна быть организована таким образом, чтобы все бомбардировщики и разведчики одновременно, с позывным «Ардялул», пересекли границу в 4 часа утра...»¹¹⁰³

Да и вообще, какое было дело командующему КОВО до Одессы или Севастополя? Нет, как советскому гражданину и советскому генералу, командовавшему соседним с ОдВО округом, ему, конечно, не могло быть безразлично, что супостаты бомбили Одессу. Как, впрочем, не могло ему быть безразлично и то, что бомбили Севастополь. Но не это имеется в виду. В виду имеется вот что. С какого такого потолка Кирпонос взял, что Одессу уже бомбили в 3 часа ночи по московскому времени 22 июня, то есть за два часа до фактического перелета и германской, и румынской авиацией советской границы?!

А уж о бомбежке Киева до трех часов утра по московскому времени — «до» потому, что для того, чтобы ляпнуть, что в 3 часа гитлеровцы уже бомбили Киев, бомбежка должна была произойти именно до 3 часов, — и говорить-то не приходится. Не было этого! Категорически не было! Даже в печально знаменитой песне поется: 22 июня//Ровно в четыре утра//Нам объявили// Киев бомбили//Так началась война. Но это песня, художественное произведение, в котором для рифмы могли использовать указанный оборот с Киевом. Хотя время начала войны точное.

¹¹⁰² См. статью М. Жирохова при участии А. Стратулат (Молдова) «Румынские эскадрильи в небе Бессарабии и Северной Буковины, 22 июня 1941 года» на сайте В.В. Харина «Авиаторы Второй мировой» Бир:/M\ta11ace8.gи/c\$1-Ып/32. c\$1/гош/риЫ/03 .<1a1

¹¹⁰³ См. сайт В.В. Харина «Авиаторы Второй мировой», где размещена статья М. Жирохова при участии А. Стратулат (Молдова) «Румынские эскадрильи в небе Бессарабии и Северной Буковины, 22 июня 1941 года». ЫПр:/\у\ta11ace\$. ги/c\$1-Ып/82.c\$1/гош/риЫ/03.c1a(.

Дополнительный комментарий. По воспоминаниям, например, бывшего второго секретаря Днепропетровского обкома КП(б) Украины (кстати, одноименная область входила тогда в Одесский военный округ) К.С. Грушевого, выходит, что Киев бомбили значительно позже. О нападении Германии он узнал от командира 7-го СК генерала К.Л. Добросердова, корпус которого дислоцировался в этой области. Ранним утром 22 июня Добросердов сообщил ему по телефону, что Германия напала нынче на рассвете и попросил его приехать в штаб корпуса. Когда он туда приехал, ему показали, судя по его воспоминаниям, полученную всеми войсками директиву № 2. Судя по всему — по тому, что Грушевой указал в своих мемуарах, — было указано, что гитлеровская Германия напала на Советский Союз, немецкие войска перешли границу, советские города подверглись бомбардировке. Такое было только в директиве № 2. Подписана она была в 7.15 утра московского времени. В Днепропетровск поступила в лучшем случае в 8.15 утра по московскому времени. После этого Грушевой помчался в обком, откуда попытался связаться с ЦК КП(б) Украины. То есть ориентировочно около 9.15 утра, не ранее. И вот во время этой попытки телефонистка ему сказала, что их бомбят. Но не сказала, что бомбят именно Киев. Тут есть еще один момент. Грушевой-то не знал, в каком конкретно месте находятся узлы связи «ВЧ» и где находятся сами телефонистки, обслуживавшие линии «ВЧ». Вполне возможно, что в другом месте, а не в Киеве. Так что, вполне возможно, что супостаты бомбили другое место, а Грушевому, которому любая телефонистка выходила киевской, принял ее за таковую. Хотя, откровенно говоря, вряд ли — основные узлы связи «ВЧ» находились в столицах союзных республик.

Зачем Кирпонос так врал?! И зачем Арушанян привел это оголтелое вранье в своих воспоминаниях?! Неужели хотел подыграть вышедшим в свет мемуарам Жукова, в которых он утверждал следующее: «Под утро 22 июня Н.Ф. Ватутин и я находились у наркома обороны С.К. Тимошенко в его служебном кабинете в Наркомате обороны. В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: "Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов, флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний"».

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил адмиралу Ф.С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о

налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф.И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города»¹¹⁰⁴. Что стоит за этой мемуарной брехней Жукова, говорилось еще в первом томе.

Но если Арушанян действительно хотел подыграть мемуарам Жукова, то, как говорится, влип аки кур в ошип. Жуков-то нагло соврал, начав войну в своих мемуарах фактически раньше, чем она на самом деле началась. Он до конца своих дней явно не понимал разницы между временем фактического начала операции «Вариант Барбаросса» (хотя после войны не так уж и трудно было это уразуметь по трофейным документам) по берлинскому времени, ибо супостаты иного времени не ведали и ведать не хотели, и московским временем. И не понимая этого, автоматически отписался в своих мемуарах временем московским, потому как сидел в Москве. И иного времени в тот момент он не ведал и не признавал. А оно, московское-то время, по сравнению с берлинским (среднеевропейским) временем было на два часа больше. В таком случае Октябрьский должен был звонить ему в 5.07 утра по московскому времени, что, кстати говоря, тоже не соответствовало бы действительности. Потому что пограничники зафиксировали лишь пролет вражеских самолетов курсом на Севастополь — главную базу ЧФ — только в 3.15 по московскому времени. А о том, что время сообщений из округов о налетах немецкой авиации тем более наглое вранье, уж и не говорю, потому как этот вопрос разбирался еще в первом томе. Короче говоря, на кой черт Арушанян привел те слова Кирпоноса — увы, теперь не понять.

5. И, наконец, вот еще о чем. Арушанян утверждал, что «получив сигнал на прикрытие государственной границы, соединения первого эшелона армии, соблюдая все меры маскировки, довольно быстро заняли свои полосы».

Но как бы ни пытался убедить своих читателей Арушанян, что он быстро оповестил командиров соединений 12-й армии, а те быстро отреагировали и быстро же заняли свои полосы обороны, это, мягко выражаясь, далеко от адекватного отражения подлинного хода событий. Потому что в любом случае от времени звонков Кирпоноса и (повторного) Пуркаева до полного оповещения командиров всех соединений 12-й армии прошло не менее часа. И то как минимум. Следовательно, оповещение было завершено самое раннее около 6.30—7.00 утра. Соответственно, пока те объявляли боевую тревогу и тем более реально привели подчиненные им соединения и части

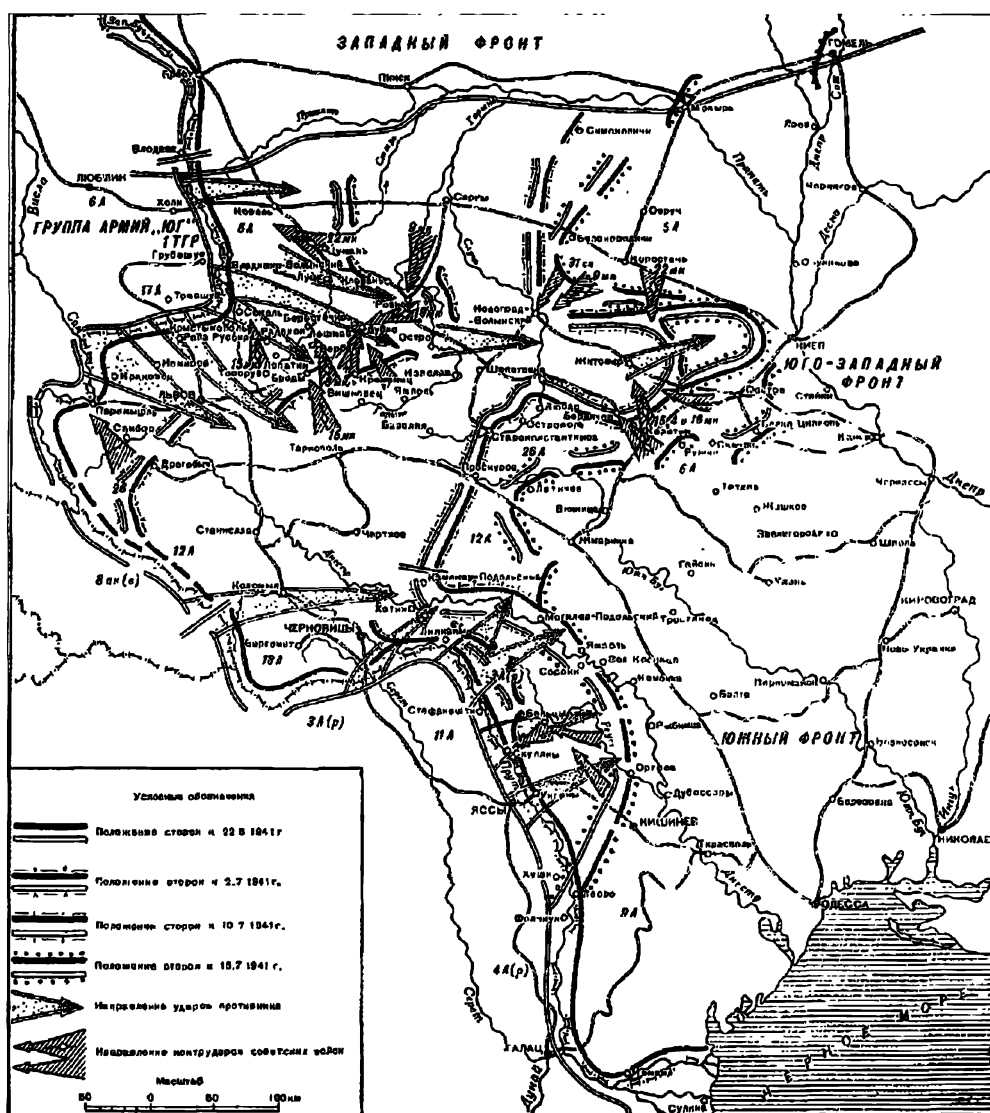
¹¹⁰⁴ Жукова Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1986, 7-е издание. Т. 2, с. 8—9. То же самое и в других изданиях.

в состояние боевой тревоги, прошло не менее двух часов как минимум. То есть получается уже ориентировочно не ранее 8.30 утра. Пока реально выступили на марш — еще примерно через час-два. Итого ориентировочно получается 10—10.30 утра. И то как минимум. Война идет уже шесть с половиной часов, границу супостаты перешли без малого шесть часов назад, а соединения 12-й армии только-только выступили на марш. Если бы супостаты все это знали, то, проявив самую элементарную активность в полосу 12-й армии, они смогли бы живьем взять всю армию без исключения, включая командующего, штаб, писарей и поваров. Этой армии просто фантастически повезло, что германское ко-

мандование 22 июня не проявляло активность на этом направлении. Да и венгерское командование тоже.

§ 6. Общая ситуация в КОВО в момент нападения. Причины и механизм разгрома войск округа в приграничном сражении

Ну, а теперь на конкретных примерах посмотрим, как начиналась война в столь любимом и столь опекаемом «киевской мафией» Киевском особом военном округе.

КОВО, с раннего утра 22 июня — Юго-Западный фронт

Прежде всего необходимо отметить следующее. В настоящее время считается, что из десяти соединений первого эшелона (эшелона прикрытия) 5-й, 6-й и 26-й армий только три стрелковые дивизии — 62-я, 87-я и 99-я — успели занять предназначенные им рубежи прикрытия¹¹⁰³. То есть вроде бы были вовремя подняты по боевой тревоге и заняли свои полосы обороны. Однако, мягко выражаясь, это не совсем так. А уж если совсем честно — то вовсе не так. Чуть ниже об этом будет сказано подробнее. В действительности части 62, 87, 124, 159, 97 и 99-й сд округа не получили своевременно приказа на приведение в боевую готовность и, следовательно, свои полосы обороны занять не успели¹¹⁰⁶.

А пока отметим главное в этом факте, исходя из того, как он выглядит в современных исследованиях. В КОВО было 4 свои армии. Следовательно, на трех четвертях протяженности полосы компетенции, то есть на абсолютном большинстве (75 %) полосы компетенции КОВО, ранним утром 22 июня супостатов встречали вроде бы всего три из 10 предназначенных для прикрытия стрелковых дивизий. То есть всего 33 % от предназначенных для этой цели сил. Что должно было произойти в таком случае, если 75 % полосы компетенции округа прикрыты только 33 % предназначенных для этого сил?! Что называется, и к гадалке не ходи — произошел погром, разгром и поражение этих войск. Тем более что в действительности на границе не было и этих 33 % выделенных для прикрытия сил. К тому же, когда массированные бомбардировки и артобстрелы противника, казалось бы, уже основательно протрезвили всех и вся, из-за действий командования всех уровней остальные дивизии вынуждены были переходить под воздействием таранно-штурмовых ударов противника к обороне

на путях выдвижения на совершенно не оборудованной местности. Соответственно между стрелковыми дивизиями сразу же возникли крупные бреши. Например, между 87-й и 124-й дивизиями возник разрыв в 20 км, между последней и 3-й кавалерийской — в 15 км и т.д. И при этом необходимо иметь в виду, что на 87-ю и 124-ю сд в первый день обрушился удар восьми пехотных и трех танковых дивизий противника.

Что должно было произойти при таком раскладе? Правильно, мгновенно, из ВОЗДУХА же возникло фантастическое стратегическое превосходство противника, которое и предопределило в конечном итоге разгром самого мощного округа в приграничном сражении. А что касается упомянутых выше двух стрелковых дивизий, то нет ничего удивительного в том, что к концу 22 июня они обе вели бои в окружении противника, располагая незначительным запасом снарядов, патронов и продуктов питания.

В целом же «технология» возникновения беспрецедентно чудовищной ударной мощи вермахта и его столь же беспрецедентно чудовищной ударной силы, коим Жуков так поражался до конца жизни, в КОВО была аналогична тому, что имело место в ПриОВО и ЗапОВО. А вот эффект и последствия были похлеще. Потому как ширина фронта обороны стрелковых дивизий в этом округе и в среднем-то была выше, чем в предыдущих двух округах. При тех же исходных данных, но вследствие одной только непомерно увеличенной — до 60 км — ширины фронта обороны дивизии получилось, что на долю каждого 0,106—0,133 бойца на 1 м линии обороны в этом округе выпадало превосходство противника в диапазоне от 32 до 40 раз! Что в целом, особенно нижний предел, коррелирует с данными ранее приводившейся таблицы. Соответственно в расчете на одного бойца из плоти и крови превосходство противника выпадало в диапазоне от 237,5 до 374 раз! И все из ВОЗДУХА!

поз *руно*, в. 194], Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 315.

¹¹⁰⁶ *Иринархов Р.* Красная Армия в 1941 году. Перед грозными испытаниями. М., 2009, с. 505.

Еще раз обращаю внимание на то, что, как и в ПриОВО, и в ЗапОВО, хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска! Разгрома войск не могло не быть при таком-то превосходстве!

В случае если гитлеровцы прибегали к варианту запредельной плотности, то есть до 2,5 км на дивизию в прорыве, то уровень превосходства был следующий. Превосходство противника над каждым 0,106—0,133 нашего бойца на 1 м линии обороны получалось в диапазоне от 51 до 64 раз! Соответственно на долю каждого бойца из плоти и крови превосходство супостатов в разных ситуациях выпадало уже в диапазоне от 381 до 600 раз! И тоже из ВОЗДУХА! И еще раз обращаю внимание на то, что, как и в ПриОВО, и в ЗапОВО, хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска! Разгрома войск не могло не быть при таком-то превосходстве!

Теперь черед проверки общей корректности вычислений, а также самого порядка цифр. При всей идентичности исходных данных, но вследствие непомерно увеличенной ширины фронта обороны получалось, что одна наша дивизия должна была противостоять мощи и натиску как бы 15 немецких дивизий. Вроде бы соотношение 1 : 15. На самом же деле из-за пониженной в 1,81 раза численности нашей дивизии реальное соотношение не 1:15, а 1:27. Но ведь у нашей дивизии еще и понижена устойчивость в обороне — в 10—14 раз. Соответственно превосходство супостатов получалось в диапазоне от 293 до 367 раз, что, кстати говоря, в целом коррелирует с вышеуказанными данными в расчете на одного бойца.

Если же теперь учесть, как и в предыдущих случаях, все особенности тактики таранно-штурмового пролома обороны и состояния наших дивизий, то итоговое превосходство фашистских супостатов в момент нападения как минимум вдвое выше, то есть в диапазоне 475—587—734—747 раз на разных участках и в разных боевых ситуациях. И все это по-прежнему из ВОЗДУХА! Опять обращаю внимание на то, что, хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска! Разгрома войск не могло не быть при таком-то превосходстве!

Примерно тот же порядок цифр, даже больший, получается, если умножить 27 на 26 или 32, то есть на фактическое понижение устойчивости дивизий округа в обороне с учетом всех коэффициентов поправок, указанных ранее в соответствующей таблице. В итоге получим превосходство в 701—876 раз! А среднее по округу выходит 539 раз! И такой уровень превосходства по-прежнему из ВОЗДУХА! Вновь подчеркиваю, что, хотя это превосходство из ВОЗДУХА, оно тем не менее мгновенно превращалось на поле боя в реальное, исключительное стратегическое превосходство, позволявшее молниеносно громить наши войска! Разгрома войск не могло не быть при таком-то превосходстве!

В разных боевых ситуациях наши доблестные воины сталкивались именно с такими уровнями превосходства противника. Но удивляться внушительности приведенных цифр превосходства совершенно не следует. Во-первых, необходимо постоянно помнить, что в реальности, то есть в численности живой силы, гитлеровское командование нигде не могло выставить против одного нашего бойца такое количество своих поганых бандитов. Такое превосходство возникало

только из-за преступной дури нашего командования и в силу тех колоссальных негативных последствий, к которым она приводила. Прежде всего из-за крайне низкой линейной плотности войск эшелона прикрытия. Что Кирпос и стал проповедовать, едва только вступил в должность командующего КОВО. Предлагая при этом и приграничные дивизии использовать не для прикрытия границы, а для подготовки контрнаступления сразу после нападения врага.

А дальше, после того как эшелоны прикрытия были смяты, раздавлены и уничтожены — в подавляющем большинстве случаев как минимум на две трети живой силы и техники, — гитлеровцам становилось еще легче осуществлять свой блицкриг. Потому как далее на советско-германском фронте в первый период войны возникали еще ббльшие бреши, закрыть которые было уже нечем и некем. Опять приходилось прибегать, на этот раз уже от безальтернативной безысходности, к крайне низким линейным плотностям обороняющихся войск. Именно осознанием этого трагического обстоятельства и было продиктовано жесткое требование Сталина даже в окружении драться до последней возможности. Потому что при всей жесткой налаженности мобилизационной работы в стране, Ставка не успевала формировать новые дивизии, личный состав которых еще надо было обучить, вооружить, обмундировать и доставить на фронт. А между тем положение на фронте вплоть до контрнаступления под Москвой постоянно изобиловало чрезвычайными и кризисными ситуациями, требовавшими немедленного разрешения во избежание еще более негативных последствий. Поэтому и приходилось бросать в бой наспех сколоченные, едва обученные дивизии. Это до сих пор с озлоблением пытаются инкриминировать Сталину, начисто забывая при этом, что подлинным виновником создавшегося трагического по-

ложения является высший командный состав РККА, прежде всего нарком обороны, начальник ГШ, командующие округами, армиями, корпусами и в значительно меньшей степени — дивизиями. «Благодаря» именно их преступной дури накануне войны супостаты прямо с первого же мгновения своей агрессии получили столь немислимо фантастическое преимущество и превосходство.

Еще раз внимательней взгляните в неоднократно уже приводившуюся выше карту боев в КОВО за период с 22 по 30 июня 1941 г.

Столь глубокий прорыв обороны в самом мощном округе всего-то за восемь дней мог быть достигнут только при немислимом — из ВОЗДУХА — превосходстве, о котором говорилось уже на многих страницах настоящей книги! Верные своей тактике гитлеровцы как всегда наносили главный свой удар именно в заранее определенные бреши. И в КОВО происходило то же самое.

Возьмем группу армий «Юг», являющуюся основным противником КОВО-ЮЗФ. В полосе ее прорыва главный удар наносили 6-я армия и 1-я танковая группа. А били они по левому флангу 5-й армии КОВО и частично по правому флангу 6-й армии КОВО, точнее на 100-километровом участке, который прикрывали всего-то две стрелковые дивизии — 87-я и 124-я сд 27-го СК 5-й армии КОВО. Надеюсь, читатели не забыли, что такое 6-я армия и 1-я танковая группа вермахта. Соответственно, помня их боевой состав, нетрудно догадаться, что должно было произойти и на самом деле произошло с нашими двумя дивизиями, которые к тому же находились позади УР, в лагерях. Правильно, короткое, но кровавое побоище и немедленное окружение, в чем можно убедиться, еще раз взглянув на составленную маршалом Москаленко карту. Потому что фронт обороны у них в этом случае — 50 км, следовательно, на 1 м обороны 0,16 бойца. Если формально рассчитать, то, учитывая, что гит-

на свои участки обороны части 87-й сд (коже хрена 87-я сд была отведена от грани- мандующий — генерал-майор Ф.Ф. Апя- цы прямо накануне нападения?! Отведена бушев) 27-го СК 20 июня почему-то были тогда, когда уже не только точно было из- отведены от границы¹¹⁰⁷. В полосе прикры- известно, что 22 июня супостаты нападут, но тия этой сд были оставлены два передо- и даже ГШ также осознал неминуемость вых отряда, каждый из которых состоял из изменно такой очередности свершения стрелкового батальона, усиленного артил- событий?! И почему командующий 5-й лерийской батареей. Вот эти-то передовые армией генерал-майор М.И. Потапов, ко- отряды и встретили ранним утром 22 июня тотый сам же лично сообщил через штаб нацистских супостатов. И это называется КОВО в ГШ о том, что, по данным пере- дивизия «успела занять рубежи по пла- бежавшего 18 июня на советскую терри- ну прикрытия»?! торию немецкого солдата, война начнется в 4 утра 22 июня, не возразил ГШ? Ко- роче говоря, на кой же хрен были отве- дены части 87-й сд от границы?! Более того. Каким же теперь образом надо вывернуть собственные мозги, чтобы уверовать в то, что 87-я сд успела, как утверждают некоторые современные историки, занять предназначенный ей рубеж обороны?

Просто диву даешься, едва только начинаешь осознать, что, находясь в столь неравном положении, они еще и умудрились продержаться несколько часов, дав возможность основным соединениям 87-й сд прийти в боевую готовность. И хоть с опозданием — основные силы этой дивизии выступили из лагеря в 6 часов утра, — но вступить-таки в бой с врагом, хотя к 8—9 часам утра противник прорвал оборону упомянутых выше отрядов. Просто нет слов, чтобы выразить свое восхищение исторически беспрецедентным мужеством, героизмом и особенно стойкостью бойцов этих дивизий. Но если бы они знали, кто же их так подставил, что к концу дня 22 июня от их дивизий остались немногочисленные остатки!

А ведь если концентрированно все суммировать, то, во-первых, 87-я дивизия входила в состав 27-го СК. Во-вторых, этот корпус дислоцировался у Люблинского выступа в глубь советской территории. В-третьих, из этого выступа пролегал кратчайший путь на Киев. В-четвертых, именно оттуда и ринулись супостаты на рассвете 22 июня. В-пятых, как уже было показано выше, с 20 июня ГШ уже точно знал и понимал, что нападение произойдет 22 июня.

Так вот, кто бы теперь разъяснил, желательно вразумительно, без всяких идиотских ссылок неизвестно на что, какого

Понимаете ли, в чем все дело-то? При таком раскладе, полностью соответствующем тем конкретным реалиям, что имели место быть, получается — уж простите за такую крамолу, — что супостатам просто-напросто облегчили кратчайший путь к Киеву! Кто не согласен, пусть аргументированно докажет обратное. А пока вновь обратимся к попытке Жукова устроить танковый контрблицкриг akurat супротив Люблинской группировки противника. Причем с задачей «бить под корень, на Люблин». То есть Жуков явно намеревался устроить локальный вариант Канн. Что, совесть заела, что Люблинская группировка супостатов стала глаза резать?! А что, раньше не знал он об этой группировке, об этом выступе и его стратегическом значении как плацдарма, с которого начинается кратчайший путь на Киев? Исключено. Знал. Тогда какого же хрена из ГШ пришел приказ об отводе 87-й сд?!

Возьмем 62-ю сд (командир — полковник М.П. Тимошенко) 15-го СК 5-й армии КОВО. Согласно воспоминаниям бывшего начальника штаба 62-й сд Нович-

¹¹⁰⁷ Факт приводится по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 341.

кова, штаб дивизии был поднят по боевой тревоге лишь в три часа утра (по местному времени) 22 июня по распоряжению командира 15-го СК Федюнинского¹⁰⁸. А части дивизии были подняты по боевой тревоге лишь в четыре часа утра¹⁰⁹.

Спрашивается, когда же и как она успела своевременно занять свой рубеж обороны? Когда, если к этому времени пограничники уже сообщили о переходе государственной границы в двух пунктах полосы обороны дивизии, а в 4 часа утра те же пограничники сообщили, а штаб 15-го СК подтвердил, что противник перешел в наступление по всей границе в полосе ответственности корпуса?

Однако в действительности ситуация с 62-й дивизией была еще более непростой. Дело в том, что директивой штаба 5-й армии части дивизии к утру 18 июня были выведены в район своей полосы обороны, но оборонительные позиции так и не заняли. А дальше, если исходить из воспоминаний Новичкова, начинается самое странное. Он указывал в своих воспоминаниях, что дивизии была поставлена новая задача — оборонять полосу по реке Западный Буг. Кто поставил новую задачу, кто приказал оборонять эту полосу на берегу Западного Буга, увы, неизвестно и непонятно. Как, впрочем, непонятно, зачем и по чьему приказу отказались от исполнения ранее поставленной задачи по обороне уже частично оборудованных позиций этой дивизии, которые находились в 10—12 км от границы и где войска уже реально находились¹¹⁰.

Но самое шокирующее состоит в том, что на берег Западного Буга части дивизии вышли лишь к 6 часам утра 22 июня, а вот в бой с супостатами вступили только *через пять часов* по-

сле выхода на эту позицию?!¹¹¹ Так вот и спрашивается, что они делали в течение этого времени? Ведь получается, что они не только спокойно взирали на то, как супостаты переправляются через Западный Буг, но и не менее спокойно смотрели на то, как поганые гансы и фрицы уничтожали пограничников! Это-то как объяснить, если насильно отбросить мысль о предательстве?! Да-да, как все это объяснить, особенно в свете упоминавшегося ранее указания Генштаба о выводе войск округа в районы согласно указаниям Генштаба, для чего в КОВО была прислана отдельная карта.

Возьмите 45-ю сд 15-го СК 5-й армии. Ее передовые части вступили в бой с супостатами на рубеже государственной границы лишь через четыре часа после начала войны¹¹². Учитывая же, что полномасштабный переход границы регулярными частями вермахта в полосе 5-й армии начался в 4.00—4.15 утра, следовательно, кроме пограничников, до начала девятого утра никто не сдерживал супостатов.

Следует также отметить, что, во-первых, команда командира 15-го корпуса на ведение боевых действий поступила Шерстюку только в 5.15—5.30, но боевая задача поставлена не была. Дивизия действовала по усмотрению комдива. Во-вторых, управление частями 45-й сд с пункта управления дивизии было организовано к 19.00—20.00 22.06, то есть через 15—16 часов после начала войны¹¹³. Каков был эффект от этой дивизии в самые важные первые мгновения войны, догадайтесь сами.

Или, например, 97-я сд (командир — полковник Н.М. Захаров) 6-го СК 6-й армии, которая также не была своевременно поднята по боевой тревоге. Приказ на этот счет поступил спустя примерно два

¹⁰⁸ ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 17. Кор. 12003. Л. 147—149. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 347—348.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же, с. 354.

¹¹¹ Там же, с. 355.

¹¹² ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 50. Кор. 22099. Л. 111—115. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 353.

¹¹³ Там же.

часа после начала войны (в исчислении по местному времени). Поэтому нет ничего удивительного, что она почти сразу вынуждена была начать отход от границы под натиском 49-го армейского корпуса вермахта, части которого прорвали оборону дивизии на ее правом фланге и двинулись на Немиров^{11,4}.

Командование 99-й сд (командир — полковник Н.И. Дементьев) 8-го СК 26-й армии узнало о начале войны в тот момент, когда супостаты уже нанесли авиационные и артиллерийские удары по частям дивизии. Никаких приказов ни от командования корпусом, ни от командования армии Дементьев так и не получил. Но будучи нормальным и порядочным офицером и прекрасно понимая, что началась война, он поднял дивизию по боевой тревоге и приказал выдвигаться на участки обороны. Однако пока эта дивизия выдвигалась, пограничники 92-го пограничного отряда до 12 часов дня самостоятельно держали оборону границы. Только с полудня 22 июня части 99-й заняли свои полосы обороны и стали оказывать сопротивление врагу. Но время-то уже было упущено.

К тому же следует иметь в виду следующее. Столь запоздалое приведение 97-й и 99-й сд в боевую готовность и их задержавшийся по этой причине выход в полосы обороны привели к тому, что супостаты нанесли мощный удар встык между ними в районе Радымно, развили наступление в направлении Яворов и обошли фланги этих дивизий.

А в целом ситуация была просто аховая. Мало того что командиры корпусов прикрытия, например 5-й армии, еще до войны и особенно в самые последние предвоенные дни действовали слишком уж по собственному далеко не всегда и тем более во всем адекватному реалиям обстановки усмотрению. Так еще и с началом войны они «умудрились» в течение

4—5 часов удерживать подчиненные им войска от вооруженного сопротивления врагу?!^{11,5} То есть удерживали подчиненные им войска от вооруженного сопротивления противнику, когда уже даже абсолютно безмозглому барану и то было видно, что началась полномасштабная война! А это как объяснить? Да-да, как объяснить именно это, особенно если вспомнить, что хоть по плану прикрытия, хоть по не утвержденному плану обороны, но главная задача им была прекрасно известна — «не допустить вторжения противника на советскую территорию»?! Ведь подобные факты приводят и описывают практически все ветераны-пограничники. По их воспоминаниям выходит, что регулярные войска начали подходить на помощь к некоторым из них только днем 22 июня. А к некоторым так и вовсе не подошли...

Главная задача командирам была известна, присягу они давали, у всех в личных делах было написано, что делу партии и Советскому Союзу преданы беззаветно, но вот когда супостаты перешли границу и повели широкомасштабное наступление, то в течение 4—5 часов сдерживали свои войска от вооруженного сопротивления?! Если сможете хоть чем-нибудь иным объяснить это, но без идиотских ссылок на якобы имевшие место запреты самого Сталина на открытие огня и требование «не поддаваться на провокации», а также без дебильных уверток и огрызаний, что-де предательства не могло быть, потому что не могло быть, буду весьма признателен.

А чтобы все это не мешало серьезным размышлениям, сразу же сугубо хирургически отсечем вот что. Если пограничники сообщают о полномасштабном переходе регулярными частями противника при поддержке авиации и танков государственной границы по всей ее линии в по-

^{11,4} *Иринархов Р* Красная Армия в 1941 году. Перед грозowymi испытаннями. М., 2009, с. 512.

^{11,5} *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 350.

лосе компетенции корпусов прикрытия, то, миль пардон, о каких провокациях можно было рассуждать? Неужели командиры этих корпусов не могли отличить провокацию от полномасштабной агрессии? Соответственно после этого вывод может быть только один, и читатели его уже знают.

Вообще надо сказать, что КОВО вступил в войну более чем странно. И то если выражаться в пределах приличия. В ряде исследований утверждается, что директива № 1 поступила в штаб КОВО в 2 часа 30 минут 22 июня. Хотя со времен «воспоминаний и размышлений» Жукова везде утверждается, что передача директивы № 1 была закончена в 00.30 минут 22 июня. Что, эта короткая по своему содержанию директива 2 часа «бегала» по проводам?! Или как та самая искра, что в знаменитых розыгрышах шоферов, убежала в землю?!

Но это еще что. Только в 7 часов 45 минут телеграмма с этой директивой поступила в шифровальный отдел штаба округа. Л расшифрована она была только в 12 часов 35 минут 22 июня, то есть через 9 часов с момента начала войны¹¹¹⁶. Ну и что же прикажете думать по этому поводу?! Хотя откровенно говоря, не очень-то верится в подобное. Скорее всего правду по этому вопросу написал все-таки Баграмян.

Если же говорить о других армиях этого округа, то едва ли чем-либо удивлю уже искушенного, владеющего огромным количеством фактов читателя. Впрочем, пожалуй, кое о чем стоит сказать. Например, в полосе компетенции 6-й армии КОВО нацистских супостатов ранним утром 22 июня 1941 г. встречали даже не трагические дробы из наших стрелков, а только пограничники. Находившиеся же на границе строительные подразделения не в счет — они,

^{11,6} Грецов М.Д. На Юго-Западном направлении. М., 1965, с. 41.

как правило, оружия не имели и только создавали дикую панику.

Между тем известно, что вечером 21 июня штаб округа предупредил командующего 6-й армией о возможности провокаций со стороны гитлеровцев и приказал ему, а также командирам входивших в состав армии корпусов и дивизий находиться на своих командных пунктах рядом с телефонными аппаратами. Однако оборудованным КП командование 6-й армии не располагало, и в последнюю предвоенную ночь оно все сидело в штабе в центре Львова. Но самое главное, конечно же, состоит в том, что никаких сигналов о необходимости приведения войск армии в боевую готовность так и не поступило¹¹¹⁷. И так ведь продолжалось до середины дня 22 июня, о чем уже говорилось выше. Правда, объективности ради следует указать, что одна дивизия этой армии — 41-я сд — все-таки успела вступить в бой с противником на львовском направлении до получения приказа от ВС армии о приведении в боевую готовность, который поступил только в 5.30 утра 22 июня 1941 г.¹¹¹⁸. И произошло это только потому, что начальник штаба дивизии полковник Н.В. Еремин оказался решительным командиром, и едва только пограничники сообщили ему о переходе супостатами государственной границы, тут же поднял дивизию по боевой тревоге и начал выдвижение в полосу обороны¹¹¹⁹.

А ведь, по мнению Генштаба, считалось, что наиболее вероятным направлением главного удара противника могло быть направление на Львов и Тернополь (Тернополь), то есть в направлении междуречья Западного Буга и Сан. И вот армии, которая находилась именно на этом направлении, никаких указаний о приведении в боевую готовность до середины

^{11,7} ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 971441. Д. 3. Кор. 23343. Л. 68—79. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 315.

^{1,18} Военно-исторический журнал. 1971.

№ 7, с. 62.

^{1,19} Там же.

дня 22 июня не давалось?! Как прикажете все это понимать? Что, на прогнозируемом самим ГШ РККА направлении главного удара противника специально открывали фронт, дабы дать супостатам возможность до середины дня 22 июня успешно не только пересечь границу, но и закрепиться на захваченных плацдармах на советской территории?! Так, что ли, надо понимать?! Ведь если бы не пограничники 2-й комендатуры 90-го пограничного отряда (они отражали первый удар супостатов на этом направлении совместно бойцами Струмиловского УР)¹²⁰ и не решительные действия Еремина, то прорвавшимся через стык между Рава-Русским и Струмиловским УРаи частям противника вообще никто не оказал бы никакого сопротивления!

Кстати говоря, попутно еще один вопрос. Чего ради ГШ так упорствовал насчет необходимости дислокации фронтового КП именно в Тернополе (Тернополе), если сам же уверенно прогнозировал, что противник будет наносить свой главный удар в направлении в том числе именно этого города?! Это-то для чего делалось?! Что, опять нужно заподозрить умышленную подставу фронтового КП округа под неминуемый разгром, а затем и пленение?! Так, что ли, нужно все это понимать?! Ведь командование округа — как к нему ни относиться, — открыто предупредило ГШ об опасности такого расположения фронтового КП, а ГШ уперто упрямялся по этому вопросу. Формальной объективности ради необходимо указать, что Жуков все-таки разрешил подготовить и второй КП, но когда дело дошло до передислокации фронтового управления на КП, подписал именно такую директиву, которая предписывала передислоцироваться именно в Тернополь?!

Ну и в заключение о 6-й армии. Ответьте честно хотя бы самим себе на сле-

дующий вопрос: а что тут можно посчитать в отношении превосходства частей вермахта над соединениями 6-й армии КОВО?! Правильно, ничего. Потому что их не было на границе. Остается только одно: коленопреклоненно склонив голову, воздать должное беспрецедентному героизму, мужеству и стойкости славных советских пограничников, подчинявшихся лично Лаврентию Павловичу Берия. Именно они до середины дня 22 июня держали оборону границы, пока командование округом не соизволило разрешить командованию 6-й армии привести подчиненные войска в боевую готовность и начать выдвижение своих частей к государственной границе. Но было уже поздно. Абсолютное преимущество было на стороне стремительно прорывавшегося в глубь советской территории врага.

И потому нет ничего удивительного в следующем. Оборона стрелковых дивизий 5-й армии, а затем и 6-й армии была прорвана. Противник прорвался через нашу оборону в районе Сокаля и Крыстонополя. Уже к середине дня (по местному времени) 22 июня между 5-й и 6-й армиями образовался разрыв в 20 км. И в эту брешь хлынули войска противника. А в 12.00 (по местному времени) супостаты заняли Устилуг, в 13.00 (по местному времени) Угнув, к 15.00 (по местному времени) — Озерчики, Любыча-Крулевска, Дохнув, развили наступление в направлении Владимир-Волынский, Луцк, двинулись в направлении Селец, Радовичи, Радзехув, Броды.

Любопытно, что у командования и Военного совета ЮЗФ в самом начале войны хватило ума, а главное, совести направить группу своих представителей для анализа причин неудач 6-й армии. В сохранившемся в архивах отчете этой группы представителей командования и ВС ЮЗФ много чего написано. Коллега Рунов, в частности, приводит семь пунктов из этого отчета:

¹²⁰ Центральный пограничный архив. Ф. 215. Оп. 6930. Д. 200. Л. 1.

1. Плохая организация и ведение разведки, «в результате чего командиры и штабы не знают, кто находится у них перед фронтом и на флангах».

2. Отсутствие связи между соединениями и частями. «Так, командиры 14-й кавалерийской и 141-й стрелковой дивизий, находясь на расстоянии 12 километров, ничего не знали друг о друге. В результате этого фланги и стыки между соединениями не обеспечивались ни ведением разведки, ни прикрытием огнем и становились уязвимыми для просачивания подразделений противника в глубь советской территории. Радиосвязь использовалась плохо, а между некоторыми соединениями ее вообще не было из-за отсутствия волн и позывных».

Трудно удержаться от небольшого комментария. Потому что в последней фразе из этого отчета налицо глупость, правда и подлость. Прежде всего, глупо талдычить об отсутствии волн в радиэфире. Волны в радиэфире постоянно присутствуют. Писать надо было об отсутствии выделенных, четко определенных волн конкретных диапазонов. Это имело место быть, а не вообще отсутствие радиоволн. А вот отсутствие именно же выделенных, четко определенных радиоволн конкретных диапазонов означает, что ответственные за связь лица в командовании КОВО ни хрена не делали до войны и с началом войны тоже ничего не сделали. Потому и радиостанции работали плохо или же вообще радиосвязи не было. А заявления отдельных военных связистов периода войны, что-де «широкому применению радио для управления войсками мешало тогда отсутствие должного опыта у командного состава в правильной организации радиосвязи»¹¹²¹, призваны всего лишь замаскировать царивший в системе организации связи в войсках преступный бардак.

3. Взаимодействие родов войск, «огня и движения поставлены плохо». Дивизионная артиллерия нередко вела огонь по противнику на предельных дальностях стрельбы. Дивизионы противотанковой артиллерии на угрожаемые направления не выдвигались, а использовались для

прикрытия штабов соединений. Значительная часть бронемашин и станковых пулеметов также придерживались командирами в резерве.

◆◆◆

Опять весьма трудно удержаться от небольшого комментария. Стрельба дивизионной артиллерии на предельных дальностях стрельбы сродни пальбе из пушек по воробьям. Это больше смахивает на профанацию артиллерийской стрельбы. Однако отнюдь не профанацией, а самой что ни на есть подлостью является использование противотанковой артиллерии не по прямому назначению, а для прикрытия «драгоценных» штабных шкур. И нечего в таком случае удивляться, что не такие уж и многочисленные танковые подразделения вермахта столь лихо «летели» и по украинской земле тоже. Им же никто не мешал. Если жестко на принцип, то это один из элементов так называемого пассивного открытия фронта врагу, в частности его танковым частям.

4. Многочисленные специальные и тыловые подразделения даже в случае острой тактической необходимости для усиления стрелковых войск не использовались, а, находясь в тылу, беспорядочно передвигались из одного района в другой, занимая лучшие дороги. Отмечалась плохая маскировка и большая скученность артиллерийских тылов, автомашин, поездов, кухонь.

5. В случае вступления в бой с противником боевые порядки войск не выдерживались. Войска действовали скученно, при отсутствии сочетания огня и движения. Практически не использовался маневр, охват, не предпринималось попыток окружения и уничтожения противника.

Здесь тоже невозможно удержаться от небольшого комментария. О каких маневрах, охватах, окружениях и уничтожении противника посмела говорить хренова инспекция?! Как уже указывалось выше, в результате упорно упрямого запрета командования КОВО-ЮЗФ 6-я армия не приводилась в боевую готовность до середины дня 22 июня. А когда ей все-таки разрешили, то было уже поздно. Стратегическая инициатива была полностью в руках супостатов. Соответственно о каких маневрах, охватах, окружениях

¹¹²¹ Ходим А.Т. Радисты фронта. М., 1985, с. 18.

и уничтожении противника можно было мечтать хотя бы и на бумаге?! Маниловщина сплошная! Слава богу, что простые солдаты и офицеры хоть какое-то количество поганых гансов и фрицев настреляли. А то ведь и этого не было бы при таком командовании.

6. Передвижение войск совершалось без должного охранения, нередко хаотически. При этом колонны сильно растягивались, подразделения смешивались друг с другом, нарушалось управление со стороны командиров. Нередко командиры и сами, не стремясь к руководству подчиненными, группами по несколько человек передвигались в стороне от строя.

7. В отдельных подразделениях имели место случаи паники, и они, «даже при появлении мелких групп противника, бежали в тыл, бросая все на своем пути, а командиры частей даже не пытались препятствовать их бегству»¹²².

Увы, опять трудно удержаться от небольшого комментария сразу к двум последним пунктам. Паника и дезертирство имели место не в отдельных подразделениях, а едва ли не повсеместно. Именно едва ли не повсеместно, но, слава богу, не поголовно. Иначе полный кердык наступил бы прямо в июне. Простые солдаты и адекватно складывавшейся реальной обстановке командовавшие ими офицеры оказывали ожесточенно свирепое сопротивление врагу. Но, увы, стратегическая инициатива прочно находилась в руках супостатов. А командование... а командование, как это видно из отчета, не только не препятствовало паническому дезертирству, но и само активно драпало, сторонясь при этом своих подчиненных. Еще бы им не сторониться простых солдат — ведь и «зашибить» могли ненароком. Злости на так называемое командование у них было хоть отбавляй...

А все это вместе взятое не могло не привести к одному-единственному выводу, который и в войсках КОВО-ЮЗФ так

же, как и на СЗФ и ЗФ, простые солдаты и офицеры сделали едва ли не мгновенно и единодушно, ибо такая ситуация, подчеркиваю, была везде: «Мы отступаем потому, что наши генералы бездарные полководцы, поэтому они не могут организовать отпор и наметить удар по врагу... Наше отступление не иначе как связано с делом рук предателей и, безусловно, предателей из числа больших военных чинов...»¹²³

Сразу же хочу подчеркнуть в этой связи одно, на мой взгляд, наиважнейшее, феноменальное своей правдивостью и объективностью обстоятельство.

Если на трех основных, но разных же фронтах в июне 1941 г. простые солдаты и командовавшие ими простые строевые офицеры совершенно разных частей и соединений практически одновременно приходят к одному и тому же, едва ли не текстуально совпадающему выводу, что это предательство со стороны «больших военных чинов», то это не случайность. И даже не столько потрясающее совпадение.

ЭТО СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР ЭТОМУ САМОМУ КОМАНДОВАНИЮ, ЭТИМ САМЫМ «БОЛЬШИМ ВОЕННЫМ ЧИНАМ»! ПРИГОВОР, КОТОРЫЙ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕ ПОДЛЕЖИТ ОБЖАЛОВАНИЮ!

А в целом следует сказать, что упомянутая выше инспекция и особенно ее «отчет о проделанной работе» оставляют стойкое впечатление, что это специально подготовленное алиби для командующего ЮЗФ Кирпоноса. Ведь это же именно он до середины дня 22 июня уперто запрещал приводить 6-ю армию в боевую готовность. Соответственно провал оборонительной операции 6-й армии в первую очередь именно на его совести и только

^{1,22} ЦА МО РФ. Ф. 334. Оп. 5307. Д. 7 «а». Кор. 16293. Л. 33—35. Все семь пунктов приведены по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 372—374.

^{1,23} РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 100. Л. 91—92. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 92.

затем на совести Музыченко, хотя и этот тоже далеко не без греха. Короче говоря, вину свалили на Музыченко.

Возьмите 12-ю армию. Она находилась в самом сложном положении. Фронт ее обороны был самым протяженным — 500 км. И это при том, что армия была укомплектована личным составом всего на 65 %, имела всего 528 орудий калибром свыше 76 мм, всего 720 минометов всех калибров, всего 224 45-мм противотанковых орудий, всего 770 станковых пулеметов, 846 танков и 172 самолета (110 истребителей И-16, И-153, 62 бомбардировщика). В состав армии входили 13-й и 17-й СК, 16-й МК, 10-й, 11-й и 12-й УРы, 4-я ПТАБ, 269-й, 274-й, 283-й и 468-й корпусные артполки, 37-й инженерный полк, а также 12-й армии подчинялись 68-й гаубичный артполк РГК, 11-я бригада ПВО, пять зенитных дивизионов¹¹²⁴.

Говорить о том, что 12-я армия была крайне неустойчива в обороне, нет особого смысла. Это и так видно. Даже чисто формально ее устойчивость в обороне была понижена — как минимум в пять раз. С учетом же некомплекта в живой силе — и вовсе в шесть-семь раз! Но вот ведь какое дело-то. Перед этой армией противник не проявлял на первых порах особой активности.

Комментарий. В книге «Припятская проблема» германский генерал А. Филиппи отмечал следующее. К 22 июня 1941 г. «в немецком фронте зияла почти 400-километровая брешь вдоль Восточных Карпат между 11-й армией, расположенной в Румынии, и 17-й, 6-й армиями и 1-й танковой группой, сосредоточенными в Польше. Это произошло потому, что политические причины исключали как использование венгерской государственной территории для развертывания немецких сил, так и своевременные действия венгерских соединений с целью сковывания противника. В силу этого пришлось отказаться от намерения осуществить из этой области хотя бы неглубокий прорыв на окружение южным крылом 17-й армии. Таким образом, во-первых, южный

фланг 17-й армии остался открытым, во-вторых, удаленная от главных сил 11-я армия оказалась на продолжительное время изолированной в оперативном отношении, и вести наступательные действия ее силами на первом этапе вообще не пришлось. Семь немецких дивизий 11-й армии были использованы для усиления обороны румынских сухопутных сил вдоль р. Прут. Таким образом, обстановка не позволяла решиться на планировавшееся сосредоточение немецких сил для осуществления наступления из Северной Молдовы. Из 20 румынских соединений, лишь небольшая часть оказалась боеспособной, да и то годилась только для решения сравнительно легких задач»¹¹²⁵.

Супостаты нанесли удар лишь по левому флангу этой армии, пытаясь прорваться на стыке Киевского и Одесского округов. Переход границы в полосе этой армии супостаты начали в 4.15, где их самым свинцовым образом встретили только пограничники 97-го и 23-го пограничных отрядов. Обязанный прикрывать это направление 17-й СК (командир — генерал-майор И.В. Галанин) был поднят по боевой тревоге только в 4.30 утра. А участок обороны у него был заведомо проигрышный — 200 километров! На таком участке спокойно могла пройти целая группа армий вермахта. Да к тому же, как указывалось выше, чтобы выйти в полосу обороны, разбросанным на больших расстояниях частям и соединениям корпуса необходимо было преодолеть как минимум 50—100 километров по горно-лесистой местности. Естественно, что выход на границу соединений корпуса занял сутки.

Через четыре дня после начала войны, то есть 26 июня, 12-я армия была еще более ослаблена. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования (то есть Тимошенко и Жукова в первую очередь, Сталин в то время Ставку не возглавлял) у 12-й армии забрали 17-й СК вместе с полосой обороны корпуса, 16-й МК и 4-ю ПТАБ, которые были переданы во вновь формируемую 18-ю армию Южного

¹¹²⁴ ЦА МО РФ. Ф. 299. Оп. 3814. Д. 83. Л. 50—55. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 389.

¹¹²⁵ Филиппи А. Припятская проблема. М., 1959, с. 62.

фронта. Но именно в этот день противник и начал наступление против 12-й армии, полоса обороны которой, хотя и уменьшилась вдвое, но сил-то у нее было в самом лучшем случае для обороны полосы шириной не более 70—80 км, да и то с натягом. А ведь еще до 22 июня уже было точно известно, что на этом участке нападение произойдет ближе к 27 июня. Пограничники об этом заранее сообщили.

Короче говоря, в результате к 16 июля от 12-й армии остались, как в известной сказке, рожки да ножки. К указанному дню отчаянно поровний на декабрьском 1940 г. совещании высшего состава РККА беспардонную тупость выдвиженец Жукова храбрый генерал Понеделин возглавлял — не падайте со стула—всего лишь «батальонную группу» из ошметков 12-й и 6-й армий. Вот как доводились! Из двух армий к 16 июля (то есть через 25 дней войны) осталась только батальонная группа?! Кстати, и Понеделин, и Музыченко — оба, подчеркиваю, выдвиженцы Жукова, — угодили в плен, находясь в котором вели себя далеко не самым лучшим образом, за что впоследствии, после пятилетнего следствия, были расстреляны.

И что же случилось с 12-й армией? А вот что. Исходя из воспоминаний бывшего начальника штаба 12-й армии генерал-лейтенанта Б.И. Арушаняна, войска этой армии были подняты по тревоге по устному приказу командующего КОВО Кирпоноса лишь часа в четыре утра 22 июня. Причем это время объявления тревоги. Реально же подъем частей занял больше времени. При выдвижении на свои боевые позиции войска армии уже подверглись потерям в результате налетов гитлеровской авиации. Между тем находившаяся в подчинении командующего 12-й армией авиация 22 июня в воздух не поднималась. Ей не отдавали боевого приказа — ни на прикрытие своих войск, ни на бомбежки позиций противника. Хотя по плану прикрытия этой армии, ее истре-

бительной авиации разрешалось произвести 18 полковых вылетов с 1-го по 10-й день боевых действий, а бомбардировочной — 8 полковых вылетов¹²⁶.

Не имея соответствующего письменного приказа штаба ЮЗФ, командир 13-го корпуса генерал Н.К. Кириллов 26 июня письменно отдал приказ 192-й горнострелковой дивизии, занимавшей участок прикрытия № 1 (ширина 40 км, от Творильне до Делятин) отойти ввиду угрозы окружения. Аналогичный приказ получили и пограничники 94-го погранотряда, которые с 22 июня в соответствии с приказом НКВД СССР от 16 июня 1941 г. с началом боевых действий по всей линии границы перешли в оперативное подчинение полевого командования РККА на местах¹²⁷. Еще раз напоминаю, что никакой активности и даже минимального давления со стороны противника не имело место быть до 26 июня.

А 28 июня в 8.30 утра (местного времени) тот же Кириллов соизволил вернуть пограничников 94-го пограничного отряда к месту их постоянной дислокации и когда те, что охраняли Верецкий перевал, возвратились на свои позиции, то обнаружили спускающихся с перевала супостатов. Пограничники, естественно, оказали им самый что ни на есть свинцовый прием и вышибли их с перевала. Но долго пограничники не могут сдерживать врага, тем более без поддержки регулярных армейских частей.

Короче говоря, получается, что фронт и на этом участке был умышленно открыт. И это при условии, что, во-первых, никакой активности или даже минимального давления противника не было в течение четырех дней. Во-вторых, пограничники еще накануне войны многократно предупреждали лично Кириллова, что, по их

¹²⁶ ЦА МО РФ. Ф. 131. Оп. 12507. Д. 19. Кор. 16096. Л. 1—12. Цит. по: Рунов В. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 391.

¹²⁷ Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005, с. 173. Автор ссылается на оперсводки 94-го погранотряда.

данным, венгерские части совместно с немцами в промежутке с 20 по 27 июня осуществят нападение на СССР в полосе обороны именно 13-го СК¹¹²⁸. В-третьих, на этом участке у самих немцев была серьезная брешь, о которой впоследствии написал генерал А. Филиппи (выше уже приводилось его мнение). В-четвертых, Кириллов действовал без разрешения штаба ЮЗФ. В-пятых, прикрывая преступные действия своего подчиненного, командарм-12 Понеделин 26 июня попросту умышленно свалил дурака, сообщив в штаб ЮЗФ, что положение 13-го СК ему неизвестно. И, наконец, в-шестых, Н.К. Кириллов в буквальном смысле слова «кинул» пограничников еще накануне войны, ибо, начав 18 июня выдвижение на заранее подготовленные позиции, которое было завершено уже 19 июня, 20 июня он распорядился — неизвестно на основании чего, — отвести войска корпуса с этих позиций. В результате к исходу 21 июня пограничники остались одни в пограничной полосе. Отвод войск корпуса Кириллов «глубокомысленно» объяснил тренировкой. Мол, потренировались — и будя! А что враг стоит у порога — так и черт с ним, а заодно и с приказами о приведении войск в боевую готовность.

Сам же Понеделин своими действиями дезинформировал штаб ЮЗФ. И в итоге оттуда пришел приказ на отход, подписанный командованием ЮЗФ в 21.00 26 июня. То есть именно к исходу того дня, когда противник реально начал наступление против 12-й армии и надо было не провоцировать командование фронта на издание приказа на отход и не драпать, а воевать, бить лютого врага. Но вот что особенно любопытно. В этом приказе рубежи отхода для 13-го СК были указаны те, на которые он самовольно смылся еще 24 июня! То есть штаб ЮЗФ знал об измене и предательстве комкора-13 Н.К. Кириллова, которое

выразилось именно в самовольном, без разрешения штаба ЮЗФ и штаба 12-й армии отходе от предписанных рубежей при фактически полном отсутствии каких-либо действий противника в это время. Проще говоря, раз уж штаб ЮЗФ указал 13-му СК именно те рубежи отхода, на которые он и так самовольно смылся, следовательно, командарм-12 Понеделин все-таки известил штаб фронта об этом, а тот, естественно, закрыл глаза на явное предательство комкора-13. Хуже того. Узаконил его своим приказом об отходе. В итоге фронт был открыт на «законных» основаниях... Но и это еще не все.

Отойдя в Летичевский УР, 12-я армия, которая практически растеряла всю свою материальную часть и приданный ей мехкорпус, целую неделю окопывалась в этом укрепрайоне. И лишь 16 июля, когда начались бои с немцами, Понеделин послал донесение о том, что УР-то ни на что не годен. Вот выдержка из этого его донесения: «Ознакомился с Летичевским УРом, потеря которого ставит под прямую угрозу весь *ваш* фронт. УР невероятно слаб. Из 354 боевых сооружений артиллерийских имеет только 11, на общее протяжение фронта 122 км. Остальные — пулеметные ДОТы. Для вооружения пулеметных ДОТов не хватает 162 станковых пулемета. УР рассчитан на 8 пульбатов (то есть пулеметные батальоны. — А. М), имеется 4 только что сформированных и необученных. Предполья нет. Между соседним правым УРом имеется неподготовленный участок протяжением 12 км»¹¹²⁹.

Комментарий. Интересное выражение «ваш фронт», не правда ли?! Особенно если учесть, что Понеделин отправил его не командующему своим, Юго-Западным фронтом, а командующему Южным фронтом, генералу Тюленеву. Такое впечатление, что Понеделин вроде бы и не счи-

¹¹²⁸ Паджев М. Через всю войну. Изд. 3-е, доп. М., 1983, с. 20. М. Паджев - бывший начальник 10-й пограничной заставы 94-го пограничного отряда.

¹¹²⁹ ЦА МО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 131. Л. 78.

тал нужным отождествлять себя со всей воюющей на западных границах СССР, в том числе и на Юго-Западном направлении, группировкой РККА. Между тем самое страшное, когда во время войны, во время непосредственных боевых действий генералитет начинает рассуждать в категориях «мое», «твое» «ваше», «наше» и т.п. Это всегда кончается чрезвычайно плохо, прежде всего для простых солдат и офицеров, и в целом для дела Победы. Если провести аналогию, то это приблизительно то же самое, когда современные дерьмократы и прочие либерасты, вместо того чтобы с искренним трепетом в голосе произносить Величаво-Победоносное Имя — РОССИЯ скороговоркой слякяво-картаво шепелевят «эта страна». Вот же уроды!

Между тем значение этого УР было таково, что еще Тухачевский собственноручно указал, что «в случае сдачи Летичевского района немцы легко могли обойти Новоград-Волынский и Житомирский укрепленные районы с юга и таким образом опрокинуть всю систему пограничных с Польшей укрепленных районов КВО».

Справка. Летичевский УР тогда, в 1937 г., был пограничным УРОм, а округ назывался Украинский военный округ, без слова «особый».

Тухачевский собственноручно показал в «Плане поражения», что он сам «предложил Якиру облегчить немцам задачу путем диверсионно-вредительской сдачи Летичевского укрепленного района».

Спрашивается, что же делали доблестные Тимошенко и Жуков, поочередно возглавлявшие этот округ незадолго до войны? Куда они смотрели? Куда смотрел тот же Хрущев, который лично отвечал за строительство и обороноспособность УР на «линии Сталина»? Куда глядели последний предвоенный комокруга Кирпонос и тот же Понеделин, получивший по протекции Жукова должность командующего 12-й армией накануне войны? Кстати, для него это было понижение по протекции,

так как до этого он был начальником штаба Ленинградского округа. И кто бы объяснил, зачем генерал генерала понижает по протекции, а затем этот генерал фактически открывает фронт и сдается в плен, куда явно стремился, да еще и ведет себя в плену не как полагалось советскому генералу?

Комментарий. Откровенно говоря, не очень-то и понятно, чего ради Жуков так протезировал Понеделину, в итоге сдавшемуся в плен. Материалы декабрьского 1940 г. совещания высшего командного состава РККА однозначно свидетельствуют, что генерал П.Г. Понеделин был, что называется, ярым сторонником пораженческих «технологий» Тухачевского! Не называя прямо его имя, генерал в своем выступлении на совещании ляпнул следующее: «Вы помните, наши руководители не боялись, идя на оголение целых больших пространств с тем, чтобы собрать нужные войска на нужном направлении фронта и в нужное время»¹³⁰. Этому непосредственно предшествовала страстная осанна опыту Гражданской войны, которую не моргнув глазом Понеделин лично пропел. Между прочим, попутно оцените твердолобость генерала. Ведь к тому времени Сталин уже неоднократно призывал генералитет прекратить молиться на опыт Гражданской войны. А Понеделину все побоку и явно не одному ему. Короче говоря, в итоге получилось, что последовавшее за странной осанной процитированное выше высказывание в исторической и очень хорошо понятной в то время ретроспективе прозвучало как глупая и неуместная восторженная филиппика в адрес расстрелянного в 1937 г. «врага народа» Тухачевского. Глупо и неуместно такое заявление было именно тем, что Понеделину как генералу прекрасно было известно, что Сталин неоднократно в последнее на тот момент время остро критиковал царившее едва ли не в форме откровенного идолопоклонничества в умах тогдашнего генералитета обожествление опыта Гражданской войны. И не только критиковал, но и требовал от генералитета перестроиться, наконец, на рельсы современной (на тот период) войны. Так, 17 апреля 1940 г. на совещании по итогам советско-финляндской войны Понеделин собственными ушами слышал эту резкую критику со стороны Сталина. Глупо и неуместно это заявление Понеделина прозвучало еще и по следующей причине. Конечно, нет ничего плохого в том, что подразумевавшееся в его словах наступление Красной Армии на Варшаву в 1920 г. провалилось — ни на кой черт такая политиче-

¹³⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 60. Л. 45.

ская проститутка, как Польша, не нужна ни в составе Российского государства, ни как союзник. Ибо она хуже любого оголтелого врага. Потому как даже сам пан Пилсудский относил поляков в разряд идиотов, а У. Черчилль был убежден, что польская элита—это «гнуснейшие из гнусных». России же, между прочим, и своих доморожденных идиотов и «гнуснейших из гнусных» хватает — не убавляются они, к сожалению... Но суть дела в том, что столь откровенно восхищавшими Понеделина «подвигами» в Красной Армии «прославился» именно Тухачевский. Именно он умудрился столь «смело», но безрассудно оголить фланги своего фронта при наступлении на Варшаву в 1920 г., что немедленно был наказан невероятно позорнейшим разгромом, который молниеносно устроил ему «любезный» пан Пилсудский. За эту безрассудную «смелость» Тухачевского, к слову сказать, 450 командиров и 206 887 солдат Красной Армии поплатились позорным пленом, причем о судьбе 76 800 чел. (по другим данным, 83 500 чел.) из них «гнуснейшие из гнусных» до сих пор категорически отказываются говорить. Теоретически же это заявление Понеделина являло собой неуместную лесть в адрес преступной по своему тайному умыслу концепции «пограничных сражений» Тухачевского, о чем уже говорилось. К слову сказать, подав 19 августа 1941 г. на имя Сталина крупномасштабный донос (о нем уже говорилось), Жуков одновременно начисто откестился от своего протеже.

Спустя четыре года после ликвидации заговора Тухачевского последовательно, день ото дня терявший свои войска командующий 12-й армией генерал-майор Понеделин, занимая Летичевский УР вместе с остатками 13-го СК, 24-го МК и 96-й сд в период со 2 по 17 июля 1941 г., отправил процитированное выше послание на имя командующего Южным фронтом генерала армии В.А. Тюленева. «Обрадовал», так сказать... мол, я вас предупредил...

Гитлеровцы, естественно, прорвали оборону этого УР, которую якобы держал все тот же 13-й СК под командованием Кириллова.

Справка. Невозможно не обратить внимание на то обстоятельство, что оборону Летичевского УР прорвал горный корпус 17-й армии вермахта, которой командовал генерал Штюльпнагель —

тот самый Штюльпнагель, который имел прямое отношение к германской части совместного заговора германских и советских генералов!¹¹³¹

◆**

Понеделин еще раз в 7 утра 17 июля издал вроде бы свирепый приказ о повторе удара по противнику, однако к 17.00 13-й СК был уже рядом с бесславными остатками 12-й армии в Виннице. Проще говоря, фронт второй раз был открыт предателями. Еще раз напоминая, что идея облегчения противнику прорыва Летичевского УР фигурировала в «Плане поражения», составленном Тухачевским...

Ну, а 7 августа 1941 г. в Уманском котле, куда оба явно стремились, генералы Понеделин и Кириллов сдались в плен. В августе же 1941 г. стали персонажами знаменитого своим обоснованно драконовским характером приказа № 270 от 16 августа и приговорены заочно к расстрелу. После войны были репатриированы и после пяти лет тщательнейшего расследования были (вновь) приговорены к расстрелу за предательство и измену. Приговор бы приведен в исполнение. С 1956 г. оба считаются «невинными жертвами сталинизма». Да и как не быть «невинными жертвами сталинизма», если они открыли гитлеровцам фронт для того, чтобы произошло поражение СССР!..

§ 6. Причины и механизм самоуничтожения механизированных корпусов КОВО

А вот что происходило с механизированными корпусами КОВО, коих в этом округе было больше, чем в любом другом.

1. 9-й МК, которым командовал в скором будущем воистину великий Маршал Великой Победы, умнейший, славный и благородный К.К. Рокоссовский.

Приказ о приведении корпуса в боевую готовность Рокоссовский получил

^{1m} Исаев А. антиСуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004, с. 273.

из штаба 5-й армии около 4 часов утра 22 июня. Корпус немедленно было поднят по боевой тревоге и выступил на марш в направлении Ровно—Луцк. Фактически это едва ли не единственный механизированный корпус КОВО, который блестяще показал себя в первых боях с врагом. Даже партийные бонзы в ЦК и Политбюро с восхищением стали произносить его фамилию. После чего Рокоссовский был назначен командующим армией.

2. 15-й МК под командованием генерал-майора И.И. Карпезо. Сообщение о начале боевых действий комкор получил в 4.50 утра 22 июня. Обратите внимание, что получил сообщение о начале боевых действий, но не приказ о приведении в боевую готовность. Между прочим, в это время супостаты уже перешли границу во всей полосе компетенции КОВО и начали полномасштабное наступление.

Тем не менее, вскрыв «красный пакет», Карпезо решительно приказал поднять корпус по боевой тревоге и поставил задачу командирам соединений. Однако и, увы, из-за уже нарушенной связи входившие в состав корпуса дивизии были подняты с опозданием. Так, 10-я тд была поднята по тревоге лишь в 5.45 утра 22 июня. 37-я тд была поднята по боевой тревоге на основании шифровки из штаба 15-го МК не ранее 10-й тд. А на марш выступила около 8 часов утра, оставив при этом примерно 30 % личного состава в военном городке (Кременец) из-за нехватки материальной части и вооружения. Вот так командование КОВО довело до сведения подчиненных соединений и частей директиву от 18 июня о приведении вверенных войск в боевую готовность. Даже оружие не выдали, которого было достаточно. Входившая в состав 15-го МК 212-я мд была приведена в боевую готовность практически одновременно с 10-й и 37-й тд^{1,32}.

^{1,32} Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск № 33. М., 1957, с. 192.

3. 19-й МК под командованием генерал-майора Н.В. Фекленко был поднят по боевой тревоге не на основании приказа из штаба округа или хотя бы армии, а по решению самого Фекленко. Потому что, получив сообщение о бомбежке Житомира (то есть примерно в 4—4.15) и позвонив в этой связи в штаб округа (выходит, что на отдельных участках связь не была порвана), получил оттуда «бесценный» своей уникальной подлостью приказ — «ждать важных указаний».

Будучи в здравом уме, ясно осознавая свой долг перед Родиной, являясь просто порядочным генералом и прекрасно понимая, что началась война, Фекленко не стал ждать «важных указаний», а поднял весь корпус по боевой тревоге. А вот приказ «командиру 19-го мехкорпуса поднять войска по боевой тревоге и сосредоточить их в районе Клевань, Вапрковичи, исключая Ровно» поступил только через два с половиной часа после принятых Фекленко действий^{1,33}. Учитывая же, что Фекленко поднял корпус по боевой тревоге, как только получил сообщение о бомбежке Житомира, следовательно, «важное указание» поступило не ранее 6.00—6.30 утра 22 июня. А война все это время стремительно набирала фантастически крутые обороты...

Проще говоря, с механизированными корпусами произошло то же самое, что и со стрелковыми частями. По боевой тревоге они были подняты уже после начала боевых действий. Соответственно исполнение ими планов прикрытия происходило без какого-либо учета реально складывавшейся обстановки. В результате в их действия и штаб фронта, и штабы армий вынуждены были вносить коррективы, которые, мягко выражаясь, также не соответствовали реально складывавшейся обстановке. Ну, а проще говоря, командование откровенно губило механизированные корпуса. И это не вывод автора.

^{1,33} Калядин И.С. За каждую пядь земли. М., 1983, с. 18.

Это категорическое заключение великого Маршала Великой Победы К.К. Рокоссовского: «Могу... судить хотя бы по содержанию оперативного пакета, который был мною вскрыт в первый день войны. Содержание его подгонялось под механизированный корпус, закончивший период формирования и обеспеченный всем, что положено иметь ему как боевому соединению. А поскольку он находился в первой, то есть начальной стадии формирования, то как Генеральным штабом, так и командованием округом должно было быть предусмотрено и его соответствующее место на случай войны. Но в таком состоянии оказался не только 9 мк, но и 19-й, 22-й да и другие, кроме 4-го и 8-го, которые начали формирование значительно раньше и были более-менее способны вступить в бой. Они к тому же имели в своем составе и новые танки Т-34 и КВ.

Сохранение трех упомянутых корпусов (всего таких в КОВО имелось пять) сыграло бы решающую роль в нанесении последующего контрудара совместно с подходившими из глубины страны общевойсковыми армиями. А так они из-за слабого оснащения танками представляли собой плохие пехотные соединения, к тому же не имели и положенного стрелковому соединению вооружения. В то же время задачи им ставились исходя из их предназначения, то есть формального названия, а не из возможностей.

Но о чем думали те, кто составлял подобные директивы, вкладывая их в оперативные пакеты и сохраняя за семью замками? Ведь их распоряжения были явно нереальными. Зная об этом, они все же их отдавали, преследуя, уверен, цель оправдать себя в будущем, ссылаясь на то, что приказ для “решительных” действий таким-то войскам (соединениям) ими был отдан. Их не беспокоило, что такой приказ — посылка мехкорпусов на истребле-

ние. Погибали в неравном бою хорошие танкистские кадры, самоотверженно исполняя в боях роль пехоты»¹¹³⁴.

Увы, думали да подумали, еще как подумали! Причем именно так, как впоследствии написал великий Рокоссовский. То есть именно для того, чтобы оправдать себя в будущем. Дело в том, что уже в приказе наркома обороны Тимошенко № 0045 от 1 июля 1941 г. «Об опыте использования механизированных войск в первые дни войны» отмечалось, что командующие фронтами и армиями используют механизированные войска во многих случаях неправильно, особенно на Северо-Западном и Западном фронтах. При постановке боевых задач не учитывалось наличие и состояние материальной части, время, требующееся на выполнение боевой задачи, расстояние, которое войска должны пройти, и т.д. Все это приводило, как отмечалось в приказе, к преждевременному износу материальной части и не позволяло эффективно использовать боевую мощь механизированных войск. С целью улучшения руководства механизированными войсками и организации их взаимодействия с другими родами войск вводилась должность помощника командующего фронтом и группой армий по механизированным войскам¹¹³⁵.

Как только гром грянул и произошли первые масштабные погромы наших танковых войск, так сразу приказ «Об опыте использования механизированных войск в первые дни войны»?! А чего раньше не подумали о том, что так бодро и уверенно написали в этом приказе в ситуации, когда связь с фронтами еще сильно хромала и сведения о том, что там творится, были весьма скудные и неточные? Ведь ни НКО, ни ГШ даже и не знали, что,

¹¹³⁴Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1997, с. 54—55. Издание с полностью восстановленными по оригиналу рукописи великого Маршала купюрами цензуры.

¹¹³⁵Данные об этом приказе приводятся по: Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. М., 1997, т. 13, с. 18—19.

например, Минск уже занят супостатами, вследствие чего Сталин узнал об этом из сообщений иностранного радио. Л тут, видите ли, бац-бац — и готов приказ с вполне серьезным анализом опыта использования механизированных войск в первые дни войны. Когда же успели-то набрать столько данных, чтобы обобщить, проанализировать опыт и издать такой приказ? Ведь даже для суперэкстренного случая необходимо было как минимум два-три дня, чтобы получить, обобщить, проанализировать и синтезировать в водах данные с фронтов?

Проще говоря, не позднее чем через незаблагоразумно упреждал неизбежно делю боев до крутолобых и крутозвездных последовавшие бы выводы Особого от-доперло наконец-то, чтб они натворили своей безмозглой реорганизацией бронетанковых войск, с теми идиотскими директивами, которые засунули в оперативные пакеты и хранили за семью замками! Но отвечать за это не хотелось, ибо ответственность в условиях военного времени очень суровая. И чтобы обезопасить от неминуемой порки не только свои афедры, а, быть может, от более суровой кары и жизни тоже, немедленно издали такой приказ. Виноватыми опять оказались командующие фронтами и армиями. Вина их бесспорна — все факты на это указывают.

Но более всего вина за это на Тимошенятам 133 танка указанных марок. Большая ко и Жукове. Именно они в первую очередь распоряжались судьбами механизированных корпусов в довоенный период. Именно они негласно подменили суть официально плана отражения агрессии, вследствие чего в оперативные пакеты для командующих механизированными корпусами и были заложены идиотские директивы. Именно Жуков устроил бессмысленный танковый контрблицкриг на Люблин, окончившийся жутким погромом наших танковых частей на ЮЗФ. Именно с подачи ГШ задачи для неполноценных МК ставились, как для полностью готовых к войне.

Жукова, кстати говоря, Тимошенко вывел из-под удара этого приказа, хотя ему прекрасно было известно, каким страшным

танковым погромом окончился жуковский танковый блицкриг на Люблин, из-за чего он так быстро и смылся с Юго-Западного фронта. Под удар в приказе попали только СЗФ и ЗФ. А о ЮЗФ—так, вскользь. «Киевская мафия» и тут сработала ...

Впоследствии эти выводы приказа № 0045 от 1 июля совпали и с содержанием двух спецсообщений Особого отдела НКВД СССР от 1 августа 1941 г. и в отдаленном будущем с категорическим выводом великого Рокоссовского, сделанного им в прекрасных мемуарах. Кстати говоря, тот факт, что Тимошенко столь последовавшие бы выводы Особого от-дела НКВД СССР, еще более убеждает в том, что главное предназначение приказа № 0045 состояло в прикрытии задних фасадов высшего командования. Как говорится, уж лучше самому первым донести на себя и своих, нежели это сделает военная контрразведка.

В спецсообщении № 39405 от 1 августа 1941 г. отмечалось: «4-й мехкорпус с первых дней войны использовался командованием 6-й армии как часть прикрытия. В боях с противником корпусом потеряно 27 танков “КВ” и 174 танка Т-34, кроме того, убыло по техническим неисправностям 133 танка указанных марок. Большая часть этих потерь произошла по вине командования 6-й армии, которое перебрасывало части корпуса с места на место на дальние расстояния. Были случаи, когда корпус со своими частями не успевал расположиться на новом рубеже или только подходил к нему, как следовал приказ 6-й армии с новым боевым заданием, вызвавшим новые дальние передвижения...

Вследствие частых переходов корпус в целом прошел 800 км (а 32-я танковая дивизия — 1000 километров) и остался совершенно без материальной части. Танки “КВ” и Т-34 бросались на дорогах из-за незначительных неисправностей. Командование 6-й армии никакой работы по сбору оставленной

на дорогах материальной части не проводило. Силами корпуса было подобрано и эвакуировано 73 танка, подорвано и сожжено 98 танков.

Неправильно использовался корпус и в боевых операциях. Все бои, проведенные дивизиями корпуса, не сопровождалась ни артиллерийским огнем, ни авиацией. Приданные танковым частям мотострелковые полки командованием 6-й армии с первого дня боевых действий были разбросаны мелкими частями, а 202-й и 32-й полки были задержаны для охраны штаба 6-й армии.

Отход частей командование 6-й армии не организовало. Формально приказом и на картах разграничивалось движение, однако основные маршруты всегда были чрезмерно перегружены. Армейских регулировщиков и начальников маршрутов не было, как, например, при отходе из Львова на Злочев, когда 4-й мехкорпус соединился с частями 6-го стрелкового корпуса и 3-й кавдивизии, и образовал многокилометровую колонну, создав на дороге пробки»¹¹³⁶.

А в спецсообщении Особого отдела НКВД СССР также от 1 августа, в котором говорится об итогах боевой деятельности бронетанковых частей Юго-Западного фронта, указывалось: «По сообщению Особого отдела Юго-Западного фронта за истекший период военных действий танковые и мотомеханизированные соединения, находящиеся в распоряжении командования фронтом, понесли большие потери материальной части. Основными причинами больших потерь материальной части являются:

1) Громоздкость структуры командных пунктов, которая затрудняла тактическую маневренность бронетанковых соединений;

¹¹³⁶ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 100. Л. 318—319. Цит. по: *Меятыхов М.И.* Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 79—80.

2) Слабая тактическая и техническая подготовка личного состава, особенно командного;

3) Плохая сколоченность частей и подразделений;

4) Частые изменения районов сосредоточения, следствием чего имели место большие марши, которые привели к сильной изношенности машин до участия их в боях (8-й механизированный корпус перед боем совершил марш около 500 км, потерял за это время до 45 % машин, 56-я дивизия совершила марши около 1000 км, потеряла до 35 % машин);

5) Отсутствие взаимодействия с танками артиллерии, авиации и пехоты и слабое прикрытие танковых соединений зенитными средствами;

6) Отсутствие разведывательных данных о противнике и местности, в результате чего значительное количество танков погибло в болотах;

7) Необеспеченность ремонтными средствами, запасными частями и эвакуационными средствами;

8) Проявление паникерства и трусости отдельными командирами.

По данным на 30 июля с.г.

в 8-й танковой дивизии (4-й МК. — А. М.) осталось 39 танков;

в 32-й танковой дивизии (4-й МК. — А. М.) — 10 танков;

в 20-й танковой дивизии (9-й МК. — А. М.) — 3 танка;

в 35-й танковой дивизии (9-й МК. — А. М.) — 24 танка;

в 10-й танковой дивизии (15-й МК. — А. М.) — 6 танков;

в 37-й танковой дивизии (15-й МК. — А. М.) — 7 танков;

в 15-й танковой дивизии (16-й МК. — А. М.) — 101 танк;

в 43-й танковой дивизии (19-й МК. — А. М.) — 47 танков;

в 40-й танковой дивизии (19-й МК. — А. М.) — 3 танка;

в 19-й танковой дивизии (22-й МК. — А. М.) — 1 танк;

в 41-й танковой дивизии (22-й МК, — А. М.) — 11 танков;
в 34-й танковой дивизии (8-й МК. — А. М.) — 3 танка;
в 44-й танковой дивизии (18-й МК, ранее был в составе ОдВО. — А. М.) — 125 танков;
в 39-й танковой дивизии (16-й МК. — А. М.) — 0 танков.

Вся оставшаяся в частях фронта материальная часть требует ремонта. Оставшийся личный состав 9-го, 19-го, 22-го и 24-го корпусов участвует в боях как пехотные соединения.

Комплектуемая в настоящее время 12-я танковая дивизия получила с заводов и ремонтных баз 75 танков; в остальных сформированных полках в общей сложности имеется 270 танков»¹³⁷.

Комментарий. Вот как довоевались! Почти в 90 % танковых дивизий КОВО-ЮЗФ, то есть в 14 из 16 имевшихся к началу войны, осталось всего 380 танков всех типов! Не опасаясь погрешить против истины, можно прямо сказать, что это надо «уметь» так сократить количество танков — с 7691 танка во всем КОВО до 380! В 20 с гаком раз! Не полководцы, а просто танкогубители! Ведь чтобы восстановить до довоенного уровня танковый парк только ЮЗФ при темпах их выпуска промышленностью в 1940 г., когда было произведено всего 2666 танков всех видов¹³⁸, потребовалось бы почти три года. Если исходить из плана 1941 г., в котором было предусмотрено производство 4950 танков всех видов¹³⁹, потребовалось бы не менее полутора лет. Никакая промышленность за такими танкогубителями не поспеет. Тем более в условиях широкомасштабной эвакуации, которая осуществлялась сразу после начала войны.

Супостаты с вдвое меньшим количеством танков напали на СССР и уверенно продвигались в глубь советской территории, а наши в 20 с лиш-

¹³⁷ РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 100. Л. 315—317. Цит. по: Мельтюхов М. И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 81—82.

¹³⁸ Захаров М. В. Накануне великих испытаний. В книге «Генеральный штаб накануне войны», куда вошли две работы маршала: на которую дается ссылка и давшая название самому изданию. М., 2005, с. 391.

¹³⁹ Там же.

ним раз умудрились сократить численность танкового парка в самые кратчайшие сроки! Что тут можно сказать литературным языком?! Особенно если учесть, что подавляющую часть танков загоняли до полного износа, оставили без горючего либо же утопили в болотах! Как же тогда готовились к отражению агрессии, что даже не знали свой театр военных действий?! Проще говоря, где болота, чтобы не загонять туда танки.

Вот к чему привела подмена официально-го плана отражения агрессии на «безграмотный сценарий» немедленного встречно-лобового контрвторжения/контрблицкрига по факту нападения! Но дело не только в этом. Дело еще и в том, что утопление танков в болотах было фактически повсеместным явлением. Особенно же на ЗФ и ЮЗФ, на что военная контрразведка вынуждена была обратить особое внимание. А вот это как объяснить? То, что по случайности можно угодить в болото, — не отрицается. Но когда это становится повсеместным явлением, причем на основных фронтах, то, миль пардон, как объяснить именно повсеместность этого явления?! Что, опять необходимо усмотреть в этом систему, построенную на определенном злом умысле? Увы, не остается иного. Потому что даже при смене командующих, как, например, на Западном фронте, это продолжалось с завидной регулярностью.

Дополнительный комментарий. Западный фронт подвергся жутчайшему разгрому дважды за месяц с небольшим. Вторично его устроил уже лично Тимошенко, как главнокомандующий Западным направлением и некоторое время одновременно и Западным фронтом. В ходе продолжавшейся с 10 по 30 июля 1941 г. Смоленской операции имевший чуть ли не абсолютное превосходство над супостатами Западный фронт под обличьем «бравым командованием» главнокомандующего Западного направления Тимошенко потерпел еще более умопомрачительное поражение и разгром, параметры которых просто потрясают своей чудовищной, нет, не бездарностью, а именно преступностью командования, ибо наши потери многократно превосходили потери вермахта:

— в живой силе — 1:10, ибо у супостатов 50 тыс. чел., у нас же 500 тыс. чел.;

— в танках — 1:9, ибо у супостатов эти потери составили 220 единиц, у нас же 2000;

— в артиллерии — 1:14, ибо у противника эти потери составили 1 тыс. единиц, у нас же 14 тыс. единиц;

— в авиации — 1:15&3, ибо люфтваффе потерял 150 самолетов, наши же 2300 самолетов¹⁴⁰.

Сталин в прямом смысле слова был вне себя от гнева и, как вы понимаете, более чем заслуженно снял Тимошенко с этого поста. Как же надо было командовать наиважнейшей стратеги-

¹⁴⁰ Млечин Л. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М.; 2004, с. 518.

ческой оборонительной операцией, чтобы дать супостатам возможность устроить такой погром.

Ныне у нас принято твердить, что-де бездарные у нас были полководцы в начале войны. Но это совсем не так. Тимошенко еще до начала Смоленской операции вполне сознательно устраивал на этом направлении локальные контрблицкриги, заканчивавшиеся погромом наших войск. По его личному приказу 4 июля без прикрытия с воздуха и взаимодействия с пехотой 1400 советских танков ринулись в контрнаступление против всего-то ста немецких танков! И что? А ничего — при фантастически абсолютном превосходстве в танках и артиллерии едва смог остановить супостатов! А громадное количество техники было потеряно, в том числе и в болотах. 5 июля — то же самое: по личному приказу Тимошенко 21-я армия наносила контрудар под Жлобином, дабы прикрыть Могилевское направление. И что же? А то же самое — контрудар наносился без прикрытия с воздуха, ну и результат соответствующий. Супостаты тщательно разбомбили все это контрнаступление! Громадное количество людей погибло. 6 июля по личному приказу Тимошенко (и во исполнение указания Ставки Главного Командования, где Сталин еще не был Верховным, это произойдет только 10 июля) 20-я армия предприняла очередное контрнаступление. И что же, по-вашему, получилось? Давать то же самое — встречным ударом супостаты смяли наши мехкорпуса. И опять большая часть наших танков утонула в болотах.

Так вот, как прикажете расценивать подобное, если оно носило явно не просто системный характер, но именно тот системный характер, который на бездарность ничего нового в стратегическом опыте вермахта не виделого Тимошенко не сшибешь. Тут явно о другом следует думать. Ведь маниакально уперто и упрямо, фактически же получается, что умышленно, делались одни и те же грубейшие ошибки, приводившие к еще более тяжелым последствиям! И всякий раз, обратив внимание, без учета специфики местности, без прикрытия с воздуха, без взаимодействия с пехотой, без тщательного учета действий противника! Как это понимать? Он же сам издал упомянутый выше приказ «Об опыте использования механизированных войск в первые дни войны». Тем не менее все, что было указано в этом приказе в качестве недостатков, он отчаянно уперто повторял не единожды. И всякий раз танки тоннули в болотах. Что, Тимошенко их специально загонял в болота, чтобы потом оправдываться «объективной» причиной?! Ведь не зная театр военных действий на Западном фронте он не мог просто физически, потому как довольно долго служил в Белорусском военном округе на командной должности.

Хуже того. До Юлиа 1941 г. Тимошенко был не только наркомом обороны СССР, но и председателем Ставки Главного Командования, то есть

первым на войне Главнокомандующим! И вот лично Главнокомандующий неоднократно устроил жуткий погром собственных же войск?!¹¹⁴¹ Что же прикажете думать обо всем этом, если оно носило столь явно злостно системный характер? Соответственно и выходит, что и второй жутчайший разгром Западного фронта был не только явно не случаен, но и закономерен, как, впрочем, и первый, устроенный Павловым! Разве не так? Особенно если, например, вспомнить, что же написал в своем дневнике о Тимошенко маршал Буденный.

Касательно командования Тимошенко Западным фронтом честный рубака Семен Михайлович Буденный написал вот что: «На оборонительном рубеже (р. Днепр и Зап. Двина) кипела работа по укреплению обороны, и войска осели на всей линии обороны. Дивизионные, корпусные и армейские штабы разместились по своим местам и установили прочную связь с войсками и между собой.

...Я доложил им (то есть приехавшим на КП Буденного Тимошенко, Мехлису и Шапошникову. — А. М.) об обстановке на фронте и что противник будет наступать из Лепеля на Орию. Поэтому наши войска, опираясь на прочную оборону, должны разбить группу Гудериана. Я в нашей победе был уверен, так как на этом участке у нас стояли полноценные дивизии друг другу в затылок, каждая с двумя артполками и танками КВ.

Тов. Тимошенко заявил мне, что он назначен командующим фронтом, а я его заместителем и фронт переименован из Особого в Западный. А также добавил, что он сам перейдет в наступление против группы Гудериана. Я вынужден был доказывать, что наступление грозит разгромом наших войск. Во-первых, они еще необстрелянные и не обладают маневренной подвижностью (пехота), а у Гудериана танково-механизированная группа войск. Во-вторых, все наши оборонительные работы пойдут насмарку, и вся линия обороны будет сдана противнику без боя, а это значит, что мы открываем ворота противнику прямо на Москву.

Несмотря на совершенно ясную обстановку, Тимошенко все же перешел сам в наступление и во встречном бою был разбит. А в результате этого он вынужден был сдать Смоленск и бежал за реку Днепр...»¹⁴²

Обратите внимание на следующее. Во-первых, Буденный абсолютно открытым текстом предупредил Тимошенко, что попытка наступления советских войск в тот момент и на этом участ-

¹¹⁴¹ Правда, 10 июля 1941 г. он лишился этого поста, а чуть позже и постов наркома обороны, и главнокомандующего Западным направлением.

¹⁴² Фрагмент из дневника С.М. Буденного процитирован по: «Красная звезда», 22—28 августа 2007 г. Выделения жирным шрифтом — автора книги.

ке неминуемо приведет не только к их разгрому, но и прежде всего к «открытию ворот прямо на Москву». Вместо того чтобы прислушаться к мнению Семена Михайловича — ведь он был не только опытным военным, но и выпускником военной академии (Буденный был единственным из первых пяти маршалов Советского Союза, который окончил военную академию), — Тимошенко сделал все наоборот. Он сделал именно то, что откровенно грозило «открытием ворот прямо на Москву» и в итоге добился своего — вверенные ему войска были разгромлены, а «ворота» на Москву действительно были открыты. Во-вторых, обратите внимание на то, насколько неуважительно Буденный написал о таком же маршале, как и он сам, — «бежал за реку Днепр». Мог ведь написать, например, так: «вынужден был отойти за реку Днепр». Выглядело бы более или менее уважительно, причем если и не по отношению лично к Тимошенко, то хотя бы по отношению к его маршальскому званию. Однако честный рубака Семен Михайлович не стал кривить душой перед самим собой, тем более в своем личном дневнике. Написал именно так, как оно и было на самом деле, — разгромленный Тимошенко именно бежал за Днепр.

Кстати говоря, в период командования Западным фронтом Тимошенко всеми силами пытался избавиться от Буденного. Вплоть до того, что являвшегося заместителем наркома обороны т. Сталина и заместителем командующего фронтом Буденного Тимошенко без каких-либо согласований назначил командующим 21-й армией?¹⁴³ На что, мягко выражаясь, не имел ни малейшего права.

Приведенные сообщения военной контрразведки — кладезь ценных сведений о запущенном в действие высшим командованием механизме поражения советских войск, в частности бронетанковых.

1. Прежде всего обращает на себя внимание механизм уничтожения механизированных корпусов собственными руками. Попросту загоняли их — либо в бессмысленных переходах, либо в болота, либо под неминуемое уничтожение... и все. Мехкорпусов нет. Просто, но с каким подлейшим вкусом!

2. Не меньшее внимание привлекает и то, как использовались механизированные корпуса в боевых операциях. Не надо быть ни генералом, ни тем более иметь семь пядей во лбу, чтобы уразуметь простую истину: без артиллерийского сопровождения, без авиационного прикрытия и без взаимодействия с пехотой танковые части очень уязвимы, в том числе и как хорошая мишень для авиации противника. Артиллерия не могла активно участвовать, потому как была на полигонах, а та, что оставалось в частях, не

имела необходимого количества боеприпасов. Авиация страдала тем же самым (ниже об этом говорится в одном из спецсообщений). И все — механизированных корпусов нет. Столь же просто, но с тем же подлейшим вкусом! Известный историк А. Исаев справедливо заметил, что уже «в августе-сентябре 1941 г. механизированных корпусов в Красной Армии не было...»¹⁴⁴ Вот это «стратегия», не приведи господь!..

§7. Военная контрразведка КОВО-ЮЗФ о ситуации в ВВС округа-фронта в момент начала нападения и первые дни агрессии

Ну а теперь по сложившейся в этой книге традиции настал черед сообщений особых отделов о первых мгновениях и первых днях войны в Киевском особом военном округе. Впрочем, мы и так уже это начали. Также по традиции начнем с сообщений военной контрразведки о действиях ВВС и ПВО КОВО-ЮЗФ.

Из спецсообщения № 36137 3-го Управления НКО СССР от 1 июля 1941 г.:

«...Несмотря на сигналы о реальной возможности нападения противника, отдельные командиры частей Юго-Западного фронта не сумели быстро отразить нападение противника.

В гор. Черновицах 21 июня с.г. летный состав был отпущен в город, вследствие чего истребительные самолеты не были подняты для отражения нападения противника. Командир 87-го ИАП и 16-й авиадивизии майор Слыгин и его заместитель по политчасти батальонный комиссар Черный в ночь под 22 июня вместе с другими командирами пьянствовали в ресторане города Бучач. После получения телеграммы из штаба 16-й авиадивизии о боевой тревоге, командование полка, будучи в пьяном состоянии, не сумело быстро привести в порядок полк.

22 июня в 5.50 над аэродромом появился немецкий бомбардировщик, кото-

¹⁴³ Исаев Л. «Котлы» 1941-го. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005, с. 98.

¹⁴⁴ Факт взят из опубликованного фрагмента дневника С.М. Буденного. «Красная звезда», 22—28 августа 2007 г.

рый был принят за самолет командира дивизии. Ввиду этого он беспрепятственно с высоты 10—15 метров начал обстрел аэродрома и вывел из строя 9 самолетов. Противовоздушная оборона была организована плохо. Зенитная артиллерия пяти бригад ПВО фронта и зенитных дивизионов, состоящая из 37-мм и 85-мм зенитных пушек не имела к ним снарядов.

Бомбардировщики Пе-2 не могли быть использованы для выполнения боевых заданий, так как они вооружены крупнокалиберными пулеметами, к которым не было патронов...

Зенитная артиллерия 18-го зенитного артполка 12-й армии, охранявшая гор. Станислав от воздушных налетов противника, не имела 37-мм снарядов»¹⁴⁵.

Такие тревожные сообщения военные контрразведчики фронта слали уже со второго-третьего дня войны. Так, 24 июня 1941 г. заместитель начальника 3-го отдела КОВО сообщал, что «зенитные части обороны не имеют снарядов, в результате авиация противника ежедневно бомбит Луцк, Станислав. 40 ООО снарядов находится на складе Нежин, около Киева. Командование приняло решение перебросить их вагонами, это займет 3 дня. Снаряды необходимо перебросить немедленно самолетами, повторяю, немедленно самолетами»¹⁴⁶.

По тем же сообщениям военной контрразведки оказалось, что 5-я бригада ПВО в Тернополе (Тернополе; то есть там, где был расположен фронтовой КП. — А. М), 186-й, 139-й, 563-й и 259-й отдельные зенитные артдивизионы ЮЗФ не имеют снарядов для 37-мм и 85-мм зенитных орудий и что «необходима срочная отправка артвыстрелов

на головные склады из центральных складов ГАУ»¹⁴⁷,¹⁴⁸.

Хуже того. Из сообщений военной контрразведки фронта вытекает, что даже по состоянию на 2 июля 1941 г., то есть на одиннадцатый день войны, «не было налажено снабжение авиачастей КОВО вооружением и боеприпасами. Патронов БС (для пулеметов Пе-2 и МиГ-3. — А. М.) в частях нет. 36-ю авиадивизию сильно лимитируют снаряды РС. В дивизию доставлены снаряды^ система подвесок которых не подходит, переделать нельзя, а нужных нет. Артурправление КОВО обещает дать 300 шт. из Винницы, но оно не уверено в том, что снаряды будут пригодны»¹⁴⁹.

Комментарий. То обстоятельство, что первым был приведен документ от 1 июля 1941 г. — не должно вызывать удивления. Это сделано специально, чтобы читатели смогли увидеть, мягко выражаясь, более чем неприглядное, а если принципиально, то просто преступление на Юго-Западном фронте на десятый день войны и почему так произошло.

1. Прежде всего, в этом документе привлекает внимание то обстоятельство, что военные контрразведчики сочли необходимым прямо указать, что командование располагало серьезными сигналами о реальной возможности нападения, но никаких мер не предприняло. Проще говоря, командование проигнорировало эти сигналы. Насколько же это типичнейшая картина даже в одном только КОВО! Выше уже приводились факты, когда армейское и даже окружное командование откровенно игнорировало такие сигналы. Так что нет ничего удивительного в том, что и на местах творилось то же самое. Соответственно нет ничего удивительного и в самом трагическом, а в ряде случаев также и катастрофическом для советских войск начале войны в этом округе.

2. Приведенный военными контрразведчиками факт того, что летный состав авиадивизии

¹⁴⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. 250—251. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 21—22.

¹⁴⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 125. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 23—24.

¹⁴⁷ ГАУ - Главное артиллерийское управление.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 237. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 24.

¹⁴⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 159. Цит. по: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 24.

был отпущен в город именно 21 июня, означает, во-первых, что это было сделано только с разрешения вышестоящего командования. Проще говоря, те самые маскировочные приказы Жукова и Тимошенко, о которых много говорилось еще в главе о Западном округе, и здесь сыграли свою явно заранее предусмотренную роковую роль. Потому что и, во-вторых, вышестоящее командование также не рискнуло бы дать такое разрешение, тем более в ситуации, когда 18 июня уже была дана санкция на приведение войск в боевую готовность, если бы не было этих приказов и иных расхолаживающих «цзэ» из Генштаба и НКО, о чем также уже говорилось выше.

Проще говоря, местное командование, вместо того чтобы исполнять приказ о приведении войск в боевую готовность или, по меньшей мере, приказы о маскировке, решило очень просто — отпустили летный состав в город пьянствовать. Ну и что же в таком случае удивляться тому, что и в КОВО произошел погром ВВС прямо на аэродромах. Пускай и не такой крупномасштабный погром, как в Западном округе, но тем не менее достаточно ошутимый. Но ведь роспуск летчиков в увольнение именно 21 июня происходил во всех округах, за исключением ОдВО.

Однако если в особо угрожаемый период, когда 18 июня поступила санкция на приведение войск прикрытия в боевую готовность, а 18—19 было скорректировано и время передислокации фронтовых управлений на полявые КП к 22 июня, по совокупности с другими фактами однозначно свидетельствовавшие о том, что вот-вот гряхнет война, сразу в трех особых военных округах на западной границе личный состав авиачастей отпускают в увольнение, то это, уж извините, одно из ярких проявлений системы мер по ослаблению мобилизационной и боевой готовности войск. В данном случае авиации. Хуже того. Учитывая, что в данном случае речь идет о ВВС округов, то это одно из ярких проявлений системы мер по подставе собственных войск под неминуемый разгром и поражение. Потому как в современной на то время войне без авиации на поле боя делать нечего — противник будет просто безнаказанно громить советские войска с воздуха, как на учениях. Так оно и было в начале войны.

3. Тем более не надо удивляться такому погрому, если обратиться к упомянутому военными контрразведчиками факту, гласящему, что для зенитной артиллерии не было 37-мм и 85-мм снарядов. Проще говоря, это означает, что директива от 18 июня о приведении войск в боевую готовность была попросту похерена в округе. Ибо само понятие «приведение в боевую готовность» подразумевает не только подъем личного состава по боевой тревоге, но и выдачу необходимого количества боеприпасов. А этого сделано не было.

Соответственно нечего удивляться тому, что как военные, так и гражданские объекты остались без зенитного прикрытия. Кстати говоря, и без авиационного прикрытия тоже.

Естественно, что тут не обошлось без «заслуг» ГАУ под руководством маршала Кулика. Ведь именно ему подчинялись склады как центрального, так и окружного подчинения. Увы, но склады 21 июня также были закрыты... на выходные. Великий Рокоссовский написал в своих мемуарах, что утром 22 июня он лично «ломал» замки на складах центрального подчинения, чтобы забрать необходимое его корпусу имущество и технику.

Но главное в приведенных выше фактах состоит в том, что снарядов не имела зенитная артиллерия пяти бригад ПВО фронта и зенитных дивизионов, состоящая из 37-мм и 85-мм зенитных пушек. Потому что штаб этого, зафиксированного военными контрразведчиками, факта свидетельствует уже не о разгильдяйстве или по меньшей мере фантастической тупости генералов и снабженцев-тыловиков, а о преднамеренном саботаже и вредительстве в вопросе обеспечения зенитной артиллерии и авиации округа необходимыми снарядами. Если такое случилось бы только в одном отдельно взятом зенитном дивизионе, артиллерийском или авиационном полку, то еще можно было бы через пень-колоду списать на разгильдяйство, нераспорядительность и халатность командования и тыловиков в исполнении воинских обязанностей. К слову сказать, за это уже полагалось суровое наказание, ибо все это началось в особо угрожаемый период. Но когда артиллерия целых пяти бригад ПВО фронта и зенитных дивизионов, а также авиация уже не округа, а фронта на десятый день войны лишены снарядов, и об этом говорится в сообщении военных контрразведчиков от 1 июля, то, увы, вывод может быть только один. Это уже преступный умысел, направленный на обнуление не столько даже мобилизационной, сколько прежде всего и особенно боевой готовности ПВО и ВВС фронта в ситуации войны. Ведь в приведенных фактах налицо признаки открытого саботажа и вредительства в вопросе обеспечения ПВО и авиасоединений фронта необходимыми боеприпасами.

И вот что характерно. Военная контрразведка сигнализирует о таких фактах, а командование, что называется, и в ус не дует (вот оно, негативное последствие пребывания особых отделов во власти армейских генералов). Уже идет полномасштабная война. Снарядов для ПВО и авиации фронта катастрофически не хватает. Из-за этого в массовом порядке гибнут наземные войска и гражданское население, разрушаются важные объекты, а снабженцы планируют — еще только планируют! — отправку боеприпасов по непрерывно и жестоко бомбардируемой железной до-

роге, на что уйдет минимум три дня. Да и то, как говорится, бабка надвое сказала, дойдут ли целыми эти эшелоны с крайне взрывоопасным грузом до места назначения. И что, в эти три дня эти части должны бездействовать, а пока они бездействуют, пусть гибнут наземные войска, пусть погибают мирные граждане СССР, пускай супостаты с сумасшедшей скоростью продвигаются в глубь советской территории?! Так, что ли, надо понимать действия снабженцев?! Ведь то, что написал заместитель начальника 3-го отдела КОВО,—это крик отчаяния. И уж если в документе обычно очень сдержанной, беспристрастно излагающей факты военной контрразведки появились такие эмоциональные нотки, значит, положение было просто аховое.

Однако это далеко не все, что следует сказать по этому поводу. Фактически в этих кратких данных зафиксирована система мер по безальтернативной подставе наземных войск под неминуемый разгром, ибо тем самым авиации противника был дан фактически абсолютный карт-бланш на завоевание полного и безнаказанного господства в воздухе. Чем супостаты, естественно, и воспользовались в мгновение ока и буквально «утюжили» наши войска, а также мирные города и мирное население.

А как иначе необходимо расценивать факты отсутствия поставки необходимых снарядов для зенитной артиллерии, в результате чего целых пять бригад ПВО бездействовали на десятый день войны?! Как прикажете иначе расценивать факт поставки снарядов РС с негодной системой их подвески, которую даже на месте переделать нельзя?! Как охарактеризовать тот факт, что «жирные коты»-снабженцы даже не знают, что у них на складах лежит, и не могут гарантировать, что планируемые к отправке снаряды подойдут?! Или как нужно расценивать тот факт, что нет патронов для авиационных пулеметов?! Ведь все это, извините за прямоту, акты саботажа и вредительства в военное время. Подчеркиваю, что тем более все это придется расценивать именно как акты саботажа и вредительства, потому что ни на десятый, ни даже на одиннадцатый день войны положение с обеспечением ПВО и авиации ЮЗФ ни на йоту не изменилось. Что и зафиксировано в донесениях военной контрразведки.

К слову сказать, практически ничего не изменилось и на двадцать пятый день войны. В этой связи весьма любопытно одно наблюдение великого Рокоссовского насчет позиции командующего ЮЗФ Кирпоноса в вопросе о ПВО, которое великий Маршал сделал, когда 15 июля 1941 г. прибыл к Кирпоносу в штаб ЮЗФ уже в Бровары: «Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя

спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: "Что делает ПВО?.. Самолеты летают и никто их не сбивает... Безобразие!". Тут же приказывал дать распоряжение об усилении активности ПВО и о вызове к нему ее начальника»¹⁹⁰.

Так вот, на вопрос Кирпоноса о том, что же делает ПВО, можно спокойно и обоснованно ответить следующее. ПВО фронта делала ровно то, к чему была подготовлена его, Кирпоноса, а также его окружения предвоенными усилиями и преступным безразличием уже в ходе войны, то есть мало что, если не сказать, что вообще ничего.

Или взять хотя бы один только упомянутый в этих сообщениях факт отсутствия патронов для крупнокалиберных пулеметов Пе-2. Без возможности использовать свои пулеметы для собственной защиты Пе-2 становились хорошими мишенями для истребителей супостатов. И как ни пытайся истолковать отсутствие патронов в ракурсе разгильдяйства или халатности снабженцев или даже командования авиачасти, все равно никуда не деться от необходимости признать, что это такой же преднамеренный акт саботажа и вредительства. Потому что необеспеченность авиации передового базирования, тем более новейших пикирующих бомбардировщиков, в частности, боеприпасами по-другому просто невозможно расценить. Особенно если учесть, что это имело место даже на десятый день войны. Потому как авиачасти должны постоянно иметь у себя необходимый запас боеприпасов к самолетам (как, впрочем, и топлива, и запчастей). Ибо, что могут сделать пикирующие бомбардировщики (да и любые другие боевые самолеты), если они не в состоянии защищаться в воздушных боях и тем более при бомбардировках объектов противника?

Ну, а если по-простому, то таким способом авиации супостатов было предельно облегчено завоевание абсолютного господства в воздухе. Чем супостаты, естественно, и воспользовались, безнаказанно и зверски издеваясь и над нашими войсками, и над гражданским населением. Это результат форменного предательства, осуществленного актами саботажа и вредительства со стороны генералов, снабженцев и тыловиков! И только! Что тут еще можно сказать?!

Учитывая же, что такие факты в массовом порядке имели место и в ПриОВО, и ЗапОВО, то выходит, что есть все основания говорить о системе. Системе преднамеренного, четко спланированного и реализованного саботажа и вредительства. Системе саботажа

^{1,50} *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1997, с. 51. Издание с полностью восстановленными по оригиналу рукописи великого Маршала купюрами цензуры.

и вредительства, направленной на максимальное, вплоть до полного обнуления мобилизационной и боевой готовности войск. Системе, которая охватывала в первую очередь все три основных округа на западных границах. Не случайно, что в одной из первых же директив для особых отделов в начале войны их внимание обращалось на выявление именно таких фактов и необходимость их жесткого пресечения.

Обращает на себя внимание также и упомянутый факт, что немецкий бомбардировщик был принят за самолет командира дивизии. Прежде всего тем, что больно уж тупо выглядят те, кто принял самолет супостата за самолет командира, — неужели так трудно было разглядеть свастику и черные кресты всего-то на высоте 10—15 метров? К слову сказать, такие факты — нераспознавание своих самолетов и, что еще хуже, обстрел своих самолетов на поражение, особенно бомбардировщиков, — в дебюте войны в КОВО-ЮЗФ были частыми^{1,51}. И означает это, увы, печальный факт, что в авиасоединениях КОВО не проводились занятия по изучению силуэтов немецких самолетов. Впрочем, подобное имело место и в ЗапОВО, и в ПриОВО.

Ну а в целом эти данные означают, что едва ли можно говорить о какой-либо серьезной подготовке к отражению агрессии. А если жестко принципиально, то это называется по-простому: сознательно наглое и преступное игнорирование приказа из Москвы от 18 июня о приведении войск в боевую готовность, в том числе и за счет актов саботажа и вредительства, что незамедлительно привело к трагическим последствиям. А поскольку такие факты продолжали иметь место уже в ходе войны, то трагические последствия день ото дня стремительно приближались к понятию катастрофические. Увы, но при той системе, о которой выше было сказано, в том не было ничего удивительного.

Из спецсообщения 3-го Управления НКО СССР № 35303 от 26 июня 1941 года: «По сообщению НКГБ УССР за первые 3 дня войны при 7 налетах на Киев зенитной артиллерией и авиацией приземлен 1 самолет.

3-я дивизия ПВО к обороне не подготовлена. Полученные новые 85-мм зенитные пушки дивизией не освоены. Личный

^{1,51} РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 158—159. Цит. по: Мельтюхов М. И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 26—27.

состав обучен на пушках 76-мм, которые с вооружения сняты, снарядов 85-мм недостаточно.

36-я авиадивизия вместо 240 самолетов имеет 90, из них только 8 самолетов обеспечены рациями. Патрулирование над городом не организовано. Противник после разведки и бомбежки уходит безнаказанно, что отрицательно отражается на настроении населения. Бомбежка ведется только по жизненным объектам.

25 июня противник шел крупными группами на малой высоте. Несмотря на интенсивный огонь зенитной артиллерии, разбомбил чугунолитейный завод «Большевик» и плавильную печь; на заводе № 43 разрушены электроцех, 4-й, 22-й и 25-й цеха и конструкторское бюро; на аэродроме гражданского флота уничтожено 6 самолетов гражданской авиации и 5 истребителей. Насчитывается около 50 человек убитых и 105 раненых.

Аэродромы окрестностей Киева забиты самолетами учебно-бомбардировочного типа и тяжелыми машинами, которые могут подвергнуться бомбардировке.

Требуется усиление обороны Киева 2 зенитными артполками, 18 пушками 37-мм, 81 пулеметом крупного калибра, одной авиадивизией и соответствующим количеством снарядов и патронов»^{1,52}.

Комментарий. Что касается обеспеченности снарядами и патронами, то соответствующий комментарий уже был дан выше. Единственное, на что хотелось бы обратить внимание, так это на то, что та же самая проблема оказалась и на острие противовоздушной обороны Киева.

Самое главное в этом сообщении состоит в том, что, по оценке военной контрразведки, противовоздушная оборона столицы Украины была организована плохо, в связи с чем особысты поставили вопрос о ее усилении, ибо противник фактически безнаказанно бомбил Киев. И это было установлено за первые три дня войны, то есть в период с 22 по 24 июня включительно.

^{1,52} РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 234—235. Цит. по: Мельтюхов М. И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 22—23.

Так вот и спрашивается, как же командование КОВО подготовило противовоздушную оборону округа, в том числе и столицы Украины Киева, если за первые три дня войны стала очевидной ее слабость?! А ведь как славно было написано о ПВО даже в старом плане прикрытия...

§ 8. Военная контрразведка КОВО-ЮЗФ о ситуации с наземными войсками округа- фронта в момент начала агрессии

А на земле многострадаальной Украины, по сообщениям военной контрразведки, творилось ничуть не лучшее, если не еще более худшее.

Из спецсообщения 3-го отдела Юго-Западного фронта от 22 июня 1941 года: «По сообщению 3-го отдела 139-й дивизии КОВО части дивизии идут к исходному положению. Автотранспорт дивизии без запасных частей и без резины. Снаряды оставлены на зимних квартирах. В дивизии ощущается большой недостаток в обуви, 200 человек совершенно босые. Дивизия не отмотобилизована»¹¹⁵³.

Комментарий. Прежде всего, отметим, что 139-я стрелковая дивизия — это 37-й стрелковый корпус КОВО. Этот корпус фигурировал в приво-дившейся выше директиве наркома обороны и начальника генштаба Военному совету КОВО от 12 июня. Согласно этой директиве корпус должен был быть отмотобилизован и вместе с возимыми запасами огнестрельных и ГСМ выведен ближе к границе. А как указывал в своих мемуарах Баграмян, выход корпуса в назначенный ему район должен был быть осуществлен к 25 июня.

Так вот и спрашивается, во-первых, какого же хрена, выступая на марш, дивизия этого корпуса не была даже обута? Куда смотрело командование — ведь на складах имелось достаточное количество обуви. Во-вторых, почему снаряды для дивизионной артиллерии были оставлены на зимних квартирах? Ведь директива прямо предписывала забрать возимые запасы огнестрельных с собой. В-третьих, учитывая, что столь плачевное состояние дивизии было зафиксировано

по состоянию на 22 июня, когда она еще находилась на марше, то, следовательно, вывод может быть только один.

Описанное военной контрразведкой — это уже не просто неисполнение директивы высшего командования. По-простому это называется саботаж при объявлении повышенной мобилизационной и боевой готовности. И военная контрразведка ясно и однозначно указала — «дивизия не отмотобилизована». За прошедшие с момента получения директивы от 15 июня о выдвижении ближе к границе семь дней?! Никто ни в командовании корпусом (командующий корпусом — комбриг Зыбин С.Л.), ни в командовании дивизией (командир дивизии — полковник Н.Л. Логинов) даже и не подумал исполнить эту директиву центра как положено. И уж тем более обути личный состав. Зато «предусмотрительно» не взяли с собой снаряды для дивизионной артиллерии. А для чего так поступили? Не для того ли, чтобы затем в порядке алиби талдычить о некоем дефиците снарядов, из-за чего, мол, супостатам нечем было ответить?! Об остальном и говорить-то уже не приходится — и так понятно, что к чему.

Из спецсообщения № 36137 3-го Управления НКО СССР от 1 июля 1941 г. (ранее не цитировавшиеся его части и только то, что наиболее важно): «По сообщению 3-го отдела Юго-Западного фронта от 25 июня с.г., в ходе развертывания боевых действий в первые дни войны в частях фронта отмечалась неорганизованность, беспечность и растерянность.

Несмотря на сигналы о реальной возможности нападения противника, отдельные командиры частей Юго-Западного фронта не сумели быстро отразить нападение противника...

К началу военных действий штаба округа на месте не было. Отделы штаба следовали разрозненными эшелонами и прибыли на командный пункт из Киева к концу 22 июня. Регулярной связи с армиями и корпусами штаб не имел.

Командование 5-й армии в первый день войны потеряло связь с частями и не знало обстановку на фронте. 22 июня командующий 5-й армией приказал сменить командный пункт. Начальники отделов не были предупреждены о месте нового сосредото-

¹¹⁵³ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 175. Цит. по Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 68.

чения. Переезд происходил неорганизованно, колонны растянулись, были обнаружены авиацией противника и обстреляны ею.

Зенитная артиллерия 18-го зенитного артполка 12-й армии, охранявшая гор. Станислав от воздушных налетов противника, не имела 37-мм снарядов. Также не оказались обеспеченными снарядами артиллерийские дивизионы частей, в частности, 164-й стрелковой дивизии (командир — полковник А.Н. Червинский, 17-й СК 12-й армии КОВО. —А. М.)

...Политико-моральное состояние частей фронта здоровое, за исключением отдельных случаев нездоровых настроений и дезертирства.

22 июня с.г. начальник артиллерии 12-й армии генерал-майор Гавриленко заявил: “Немцы начнут наступать и побьют нас. Все, что было взято в 1939 году, заберут. У нас на каждом шагу безобразия. В 16-м мехкорпусе снаряды не подходят к системе орудий, стрелять нельзя. В артбригадах материальную часть возить не на чем. Заберут нас немцы, как цыплят, без выстрела”. 23 июня работник артотдела 12-й армии майор Серофанов сказал: “Нас били, бьют и будут бить из-за неорганизованности, отсутствия дисциплины и порядка”.

По частям Юго-Западного фронта на 26 июня было задержано 69 дезертиров, в том числе 3 человека начсостава. Из числа задержанных 32 человека расстреляны командованием, 2 осуждены к расстрелу Военным трибуналом, в отношении остальных военной прокуратурой ведется следствие.

За период с 24 по 26 июня подобрано 450 красноармейцев, потерявших свои части...^{mm}

Комментарий. Типичнейшая картина. То же самое творилось и в других округах. Знали, что

^{mm} РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 250-253. Цит. по: *Меятыхов М.И.* Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 68—71.

нападут, заранее получили серьезные сигналы и хрена не сделали, чтобы более или менее достойно встретить супостатов. Особенно комментировать в этой части нечего — и так понятно, что к чему, не говоря уже о том, что подобное уже многократно было прокомментировано.

А вот обращает на себя особое внимание следующее. 1. Ранее со ссылкой на мемуары Баграмяна указывалось, что штаб округа, с опозданием начав выдвижение на фронтовой КП, прибыл туда лишь к утру 22 июня. Однако, как видите, по сообщению военной контрразведки на самом деле штаб прибыл туда лишь к исходу 22 июня, хотя директивой ГШ им было предписано прибыть туда к исходу 21 июня. В отличие от рафинированных в ряде мест воспоминаний Баграмяна данные военной контрразведки заслуживают полного доверия. У военной контрразведки основная задача, как у знаменитого летописца Пимена, — отрешенно и беспристрастно фиксировать факты. Тем более что они подтверждаются и другими данными. Так, весь первый день войны штаб ВВС Юго-Западного фронта не руководил действиями авиации. Почему? Да по очень простой, но преступной причине. «Он находился в процессе перебазирования из Киева в Тарнополь. В столице Украины оставалась небольшая оперативная группа во главе с генералом Мальцевым. В то время в Тарнополе КП оперативной связи со всеми аэродромами не имел. В результате попытка приблизить штаб округа к району боевых действий привела к нарушению управления»¹¹⁵⁵.

Уважаемый коллега Д. Хазанов здорово смягчил суть дела и более чем дипломатично изложил ее. На самом деле это было преступление. Им же было приказано к 22 июня уже перебазироваться на КП в Тарнополе. Приказано было еще 19 июня. То есть в переводе с языка военного приказа это означало, что в 24.00 21 июня или в 00.00 22 июня они все должны были уже быть на этом КП. А они туда прибыли только к исходу 22 июня. Естественно, что весь первый день войны авиацией ставшего Юго-Западным фронтом КОВО никто не управлял. И не только авиацией. Что, скажете досадная промашка, упущение?! А черта лысого не хотите ли? За такие промашки советские войска потом такой кровью расплачивались, что до сих пор икаем. Так что это не промашка. И не просто нарушение управления. Это преступление, тяжкое воинское преступление, обернувшееся отягчающими обстоятельствами уже в боевой обстановке.

И вот еще что. Не совсем складно получилось у коллеги Хазанова. Что значит «в резуль-

¹¹⁵⁵ *Пишняник Г.А.* Советские ВВС в борьбе с немецко-фашистской авиацией в летне-осенней кампании 1941 г. М., 1961, с. 61. Цит. по: *Хазанов Д.* 1941. Горькие уроки. Война в воздухе. М., 2006, с. 132.

тате попытка приблизить штаб округа к району боевых действий привела к нарушению управления»? Штаб округа уже должен был быть на своем фронтовом КП к моменту начала боевых действий. Констатация же коллегой Хазановым факта попытки приближения штаба округа к району уже начавшихся боевых действий есть констатация факта преступления, совершенного командованием округа, в том числе и командованием ВВС округа.

Кстати, заметьте еще одну особенность процитированного фрагмента. На КП в Тарнополе не было оперативной связи со всеми аэродромами ВВС округа. Так вот и спрашивается, что же делало командование округа, в том числе и командование ВВС округа, с того момента, когда было приказано создать и оборудовать окружные КП?! Ведь приказ об этом был еще 27 мая! И разве это не преступление для командования, которое не решило главный вопрос — вопрос связи, который означает вопрос управления войсками и управляемости войск.

Ну, и чего же тогда удивляться, что штабом и командованием была потеряна связь с частями фронта, что не было никакого управления войсками, что командование фронтом ни хрена не знало, что творится на фронте?! Хуже того. Чего тогда удивляться тому, что вследствие этого незнания командование фронтом нахально дезинформировало Генштаб о положении дел, о чем хорошо известно по исторической литературе?! Имеется в виду следующее. В 11.00 22 июня штаб ЮЗФ доложил начальнику Генерального штаба о том, что войска ведут бой с противником на занимаемых ими рубежах, не указав точного начертания этих рубежей¹¹⁵⁶. Какие на самом деле рубежи они занимали — выше уже было показано.

Кстати сказать, вплоть до начала трагедии Киевского «котла» командование и штаб ЮЗФ не имели нормальной связи с армиями, частями и соединениями фронта, о чем свидетельствуют, по сути дела, истерические указивки Кирпоноса и К° даже накануне предпринятой с санкции Москвы попытки выхода из окружения¹¹⁵⁷.

2. Зачем потерявший связь со своими частями и не знавший толком обстановку на фронте своей армии командарм-5 генерал-майор М.И. Потапов прямо 22 июня приказал сменить место дислокации командного пункта? Да к тому же таким образом приказал, что начальники отделов не были предупреждены о месте нового сосредоточения, в результате чего переезд получился неорганизованным, а штабные колонны подверглись бомбардировке авиацией противника?!

В чем был реальный смысл такого приказа? Дело в том, что если в том и был какой-то смысл,

то исходя из ситуации, которую адекватно реалиям описала военная контрразведка, получается, что этим приказом о передислокации КП Потапов еще более усугубил хаос в управлении своими войсками. Впрочем, о каком управлении можно говорить, если он не имел связи с частями.

Короче говоря, выходит, что 5-я армия вовсе не случайно потерпела поражение в дебюте войны, если даже командующий вел себя подобным образом. Соответственно не случайно, что Потапов попал в плен, где, на свое счастье, вел себя вполне прилично и потому после войны быстро прошел спецпроверку, а затем был возвращен в ряды вооруженных сил страны. Хотя, чем черт не шутит, быть может, и не все материалы военной контрразведки были использованы в процессе его спецпроверки...

В то же время не имею права не сказать, что при всем том негативном, что Потапов натворил накануне войны и даже в самом ее начале, в дальнейшем он все же совладал с собой и командовал своими частями достаточно неплохо. Как ни крути, но его армия, точнее, то, что от нее осталось после отрицательного дебюта, впоследствии нанесла немалый урон супостатам. Одних только локальных контрударов части этой армии нанесли примерно 150. Более того. Действия частей и соединений именно его армии довели германское командование до того, что Гитлер был вынужден отдать приказ о приостановке наступления на Москву и повороте 2-й танковой группы Гудериана на юг, чтобы в том числе и даже в первую очередь разделаться именно с 5-й армией¹¹⁵⁸. После войны, когда Потапов был возвращен из плена и проходил спецпроверку, ему это зачли, и даже, как утверждают, сам Сталин поблагодарил его за те действия, которые в немалой степени способствовали торможению наступления супостатов на Москву.

Тем не менее это вовсе не лишает права на негативную оценку того, что он натворил накануне войны и в самом ее начале. И здесь вновь уместно прибегнуть к высокопрофессиональному мнению генерала Червова: «Если стратегия вступления ...армии в войну изначально ошибочна, то ничто — ни искусство генерала на поле боя, ни доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы — не могло иметь того решающего эффекта, которого можно было ожидать в противном случае».

Привлекает к себе пристальное внимание также и заявление начальника артиллерии 12-й армии генерал-майора Гавриленко. Причем не тем, что он констатировал факт того, что везде безобразия — подобным образом военная контрразведка явно информировала вышестоящие

¹¹⁵⁶ Рунов В. 1041. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009, с. 315.

¹¹⁵⁷ См.: Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск №40, М., 1960.

¹¹⁵⁸ «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистского командования в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 317—319.

инстанции о реальном положении дел, — а тем, что снаряды в 16-м МК не подходят к системе орудий, что в артиллерийских бригадах пушки возить нечем — средств тяги нет.

На первый взгляд, получается, что Гавриленко вроде бы сам себя выюек, как та самая унтер-офицерская вдова. Ведь кто, как не он, начальник артиллерии армии генерал-майор Гавриленко, должен был следить за тем, чтобы в части его армии были поставлены нужные снаряды?! Впрочем, раз уж он озвучил это, следовательно, мы вправе полагать, что заявку-то он подал правильную, а вот снабженцы прислали хрен знает что. И тогда в действительности получается вот что. Гавриленко констатировал очередной факт подлого саботажа и вредительства. Потому что прислать в конкретный МК снаряды, которые не подходят к системе орудий, можно было только сознательно. Ведь когда подается заявка на снаряды, то в ней прямо указывается, к каким орудиям необходимы снаряды, какие и какого калибра.

Учитывая же, что подобное многократно имело место на всех трех основных фронтах — ПриОВО-СЗФ, ЗапОВО-ЗФ и КОВО-ЮЗФ — у нас появляется очередное основание с глубокой убежденностью говорить о системе саботажа и вредительства. Системе, которая как спрут охватила своими щупальцами основные фронты.

То же самое касается и отсутствия средств тяги для артиллерии, о чем много говорилось в предыдущих главах. Это очередное проявление все той же системы саботажа и вредительства. Старые средства тяги забрали, новые не дали. Гужевые средства тяги забрали, но механические не дали. В результате в значительной степени артиллерия превратилась в неподвижный металлолом.

***◆

Из спецсообщения № 36698 3-го Управления НКО СССР от 6 июля 1941 г.: «По сообщению 3-го отдела Юго-Западного фронта, первые дни войны с Германией показали, что ряд частей КОВО к военным действиям подготовлены не были. В частях и соединениях отсутствовало необходимое количество боеприпасов и вооружения, взаимосвязь между частями налажена была плохо, среди высшего командного состава имели место случаи паникерства. Все это привело к большим потерям личного состава и вооружения.

Из-за недостатка боеприпасов части 9-го (так в тексте оригинала — имелись в виду оборонительные сооружения 13-го

Ковельского УР) Ура (5-я армия, г. Любомль) с началом военных действий понесли большие потери и на второй день войны вынуждены были выйти на передовые линии полевых частей. Артиллерия Ура на огневые позиции из-за отсутствия снарядов не выходила.

Командование армии, располагая неточными данными о расположении своих частей и о движении частей противника, зачастую издает неверные приказы и приказания. 24 июня начальником штаба армии на основе непроверенных данных разведки штаба армии о том, что в районе Дубенской дороги передвигаются 30 танков противника, артиллерия и 18 бронемашин, что справа якобы обходит 14-я танковая дивизия немцев, было приказано готовиться к эвакуации. В результате проверки эти данные не подтвердились, а отданное распоряжение вызвало паническое состояние начсостава штаба армии.

...26 июня в связи с предполагаемым приближением немцев была создана паника в самом штабе Юго-Западного фронта. Расследованием установлено, что заместитель начальника штаба по политической полковой комиссар Зиновьев, получил приказание от начальника штаба генерал-лейтенанта Пуркаева подготовить машины и погрузить на них имущество отделов. Приказание было выполнено. В результате начальник отдела интендантской службы генерал-майор Ковалев, начальник ОСГ генерал-майор Алексеев и другие с 3 часов 26 июня свернули работу своих отделов. Кроме того, по приказанию заместителя начальника штаба по тылу Трутко для погрузки имущества штаба были взяты 100 грузовых автомашин, предназначенных для перевозки горючего сражающемуся с противником 15-му мехкорпусу. Принятыми мерами со стороны 3-го отдела и Военного совета Юго-Западного фронта работа отделов штаба восстановлена.

Командный пункт штаба армкавгруппы организована плохо: блиндажи отсут-

ствуют, охрана малочисленна и состоит из плохо обученных бойцов. В ночь с 24 на 25 июня караулом, охраняющим командный пункт, была поднята бесцельная стрельба, которую прекратить удалось только утром.

Станция снабжения Армгруппы не организована. Работники штаба не выезжают в части для помощи и оперативного руководства»¹¹⁵⁹.

Комментарий. 1. В очередной раз непосредственно от военной контрразведки имеем подтверждение того, что войска КОВО не были подготовлены к отражению агрессии. И хотя военные контрразведчики написали обтекаемо — «ряд частей» — на самом же деле подобное было практически повсеместно, за редчайшими исключениями. Опять речь идет о дефиците боеприпасов, об отсутствии связи и взаимосвязи. Наносившие колоссальный урон нашим войскам, эти явления были также повсеместными, что свидетельствует о крайне низкой мобилизационной и боевой готовности частей КОВО.

Вот как описывал в своих мемуарах эту ситуацию великий Маршал Великой Победы, честный и благородный воин Константин Константинович Рокоссовский: «На мою долю выпала честь всю свою службу в Красной Армии провести в приграничных округах: на Дальнем Востоке, в Забайкалье, в БВО и ЛВО. Это дало мне возможность глубоко изучить задачи, возлагаемые на приграничные войска, а также положения, обязывающие их поддерживать постоянную повышенную боевую готовность, способность в течение нескольких часов приступить к активным действиям. Соответственно определялась и дислокация войск в мирное время. Кроме того, на период угрожающего положения войска выводились в предусмотренные заблаговременно районы. Все эти вопросы тщательно отрабатывались на военных играх и в полевых поездках в окружном масштабе с высшим командным составом. Примерно такая же подготовка велась с командирами в корпусах и дивизиях...

Велась, но только не в КОВО. Потому войска этого округа с первого же дня войны оказались совершенно не подготовленными к встрече врага. Их дислокация у нашей границы не соответствовала угрозе возможного нападения. Многие соединения не имели

положенного комплекта боеприпасов и артиллерии, последнюю вывезли на полигоны, расположенные у самой границы, да там и оставили.

То, что произошло 22 июня, не предусматривалось никакими планами, поэтому войска были захвачены врасплох в полном смысле слова. Потеря связи штаба округа с войсками усугубила тяжелое положение (а эпидемия паникерства, охватившая значительную часть командного состава фронта, еще более усугубила это. — А. М.).

Совершенно иначе протекали бы события, если бы командование округа оказалось на высоте положения и предприняло соответствующие меры в пределах своих полномочий, проявляя к этому еще и собственную инициативу, а также смелость взять на себя ответственность за проведение мероприятий, диктуемых создавшейся у фаницы обстановкой. А этого сделано не было...

Даже тогда, когда совершенно ясно были установлены направления главных ударов, наносимых германскими войсками, а также их группировка и силы, командование округа оказалось неспособным взять на себя ответственность и принять кардинальное решение для спасения положения, сохранить от полного разгрома большую часть войск, оттянув их в старый укрепленный район.

Уж если этого не сделал своевременно Генеральный штаб, то командование округа обязано было это сделать, находясь непосредственно там, где разворачивались эти трагические события.

Роль командования округа свелась к тому, что оно слепо выполняло устаревшие и не соответствующие сложившейся на фронте и быстро меняющейся обстановке директивы Генерального штаба и Ставки. Оно последовательно, нервно и безответственно, а главное, без пользы пыталось наложить на бреши от ударов главной группировки врага непрочные «пластыри»*, то есть неподготовленные соединения и части. Между тем заранее знало, что такими «пластырями» остановить противника нельзя: не позволяли ни время, ни обстановка, ни собственные возможности. Организацию подобных мероприятий можно было наладить где-то в глубине территории, собрав соответствующие для проведения этих мероприятий силы. А такими силами округ обладал, но они вводились в действие и истреблялись по частям.

Я уже упоминал выше о тех распоряжениях, которые отдавались командующим фронтом М.П. Кирпоносом в моем присутствии и которые сводились к тому, что под удары организованно наступающих крупных сил врага подбрасывались по одной — две дивизии. К чему это приводило? Ответ может быть

¹¹⁵⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 112—114.

Цит. по: Мелытюхов М.И. Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 71—73.

один — к истреблению наших сил по частям, что было на руку только врагу.

...Ведь элементарные правила тактики, оперативного искусства, не касаясь уже стратегии, гласят о том, что, проиграв сражение или битву, войска должны стремиться к тому, чтобы, прикрываясь частью сил, оторваться основными силами от противника, не допустив их полного разгрома. Затем с подходом из глубины свежих соединений и частей организовать надежную оборону и в последующем нанести поражение врагу»^{1,60}.

Мемуары великого Рокоссовского однозначно подтверждают сообщения военной контрразведки. Войска КОВО не были подготовлены к отражению агрессии. Хуже того. То, что написал великий Маршал, четко свидетельствует о крайне негативных последствиях незаконно осуществленной Тимошенко и Жуковым подмены официального плана отражения агрессии.

2. Особое внимание привлекает то обстоятельство, что военная контрразведка сочла необходимым показать фактически эпидемию паникерства, охватившую все уровни командования фронта. То есть на уровне командования армий, и на уровне командования и штаба фронта. При таком политико-моральном состоянии высшего командного состава фронта нет ничего удивительного в том, что войска этого фронта терпели поражение за поражением. Собственно говоря, великий Рокоссовский более чем ясно показал это в своих мемуарах (описываемые Рокоссовским события относятся к 15 июля 1941 г. — А. М.): «КП фронта оказался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Остаток ночи я провел в штабе фронта, а утром представился командующему фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: “Что делает ПВО?.. Самолеты летают и никто их не сбивает... Безобразие!”. Тут же приказывал дать распоряжение об усилении активности ПВО и о вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО.

Правда, он пытался решать и более важные вопросы. Так, несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но все это звучало неуверенно, суетливо, не-

обстоятельно. Приказывая бросить в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным»^{1,61}.

Кстати, оцените также и благородство великого Маршала. Ведь то, что он описал, есть паническое настроение, а он явно смягчил, ибо только о растерянности говорил.

Горе войскам, вверенным Кирпоносу, помимо всех уже указанных выше причин, было неминуемо еще и в силу следующего обстоятельства. Вот справка от 16 июля 1941 г. за подписью начальника 3-го Управления НКО СССР майора государственной безопасности А.Н. Михеева: «Кирпонос Михаил Петрович, 1892 года рождения, украинец, гр*н СССР, уроженец м. Веркевка Черниговской области УССР, из крестьян. В старой армии служил ротным фельдшером.

Справка. Вообще-то на военной службе в царской армии Кирпонос был с 1915 года. В 1917 г. окончил военно-фельдшерскую школу^{1,62}.

В империалистическую войну с августа 1917 года по февраль 1918 года находился в Румынии. В Красную Армию вступил добровольцем в 1918 году.

Справка. В годы Гражданской войны Кирпонос командовал батальоном, затем был начальником штаба, помощником начальника и комиссара военной школы. После окончания Военной академии им. Фрунзе в 1927 г. был начальником штаба дивизии, затем начальником и военкомом военного училища^{1,63}.

Член партии с 1918 г. За образцовое выполнение задания командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной присвоено звание Героя Советского Союза.

По показаниям арестованных военных заговорщиков, Кирпонос в 1923—1924 гг. примыкал к троцкистской оппозиции, находясь в парторганизации Военной академии имени М.В. Фрунзе. Арестованный Особым отделом НКВД ОКДВА (Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия. — А. М.) как заговорщик троцкист Карпель Исай Львович (бывший начальник штаба 66-й стрелковой дивизии) на допросе 30 апреля 1937 г. показал: “Из слушателей подготовительного класса Военной академии троцкистами в 1923—1924 гг. были: ... 9. Кирпонос Михаил — комбриг, ныне начальник Казанской военной школы...”

^{1,60} Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1997, с. 53—56. Издание с полностью восстановленными по оригиналу рукописи великого Маршала купюрами цензуры.

^{1,61} Там же, с. 51—52.

^{1,62} РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 58. Л. 55.

^{1,63} Там же.

Арестованный руководитель правотроцкистского блока в Татарии, бывший секретарь ОК (областной комитет партии. — А. М.) ВКП(б) Мухаметзянов Галим Мухаметзянович на допросе 23 декабря 1937 года показал: «Участник антисоветской правотроцкистской организации в Казанском гарнизоне — бывший комиссар дивизии Бирюков (арестован) в беседе со мной сообщил мне, что он намерен заключить по антисоветской работе контакт с начальником пехотного училища Кирпоносом, который, по заявлению Бирюкова, безусловно, должен на это согласиться»...

По данным агентуры и другим официальным документам, Кирпонос, начиная с 1918 года и до 1937 года, имел тесную связь с арестованным в Киеве троцкистом Крапивянским Николаем Григорьевичем, который из семьи крупного кулака и является подполковником царской армии; в 1924 году он стоял на троцкистских позициях по вопросу китайской революции; в 1928 году голосовал против исключения из партии Троцкого и Зиновьева; находился в тесных связях с троцкистами Стыценко и Мураловым.

По тем же данным, Кирпонос в 1938 году установил связь с участником троцкистской оппозиции — бывшим слушателем военной академии Уховым И.К. (не арестован), который просил в ноябре 1938 года у Кирпоноса справку о непричастности его (Ухова) в 1923—1924 гг. к троцкистской оппозиции.

Дополнительный комментарий. Интересная деталь. Похоже, что именно таким образом целый ряд троцкистов не первого ряда спасали друг друга — писали справки о непричастности к троцкистской оппозиции и так помогали друг другу.

В узком кругу своих людей Кирпонос всячески восхвалял врагов народа Тухачевского, Якира, подчеркивая, что Якиру дают высокую оценку и немцы.

Дополнительный комментарий. Любопытная деталь. Во время кратковременной учебы в Веймарской Германии Якир действительно удостоился такой оценки со стороны германских генералов, а генерал-фельдмаршал Гинденбург ее письменно зафиксировал на титульном листе подаренной Якиру книги собственного сочинения. Но дело не столько в этом, сколько в том, что Якир, судя по всему, занимался, выражаясь современным языком, широкомасштабным пиаром собственной персоны в Красной Армии, рекламируя оценку германских генералов своей личности как военного деятеля. Иначе откуда в казанском захолустье Кирпонос мог бы узнать об этом факте.

Работая начальником училища в гор. Казани, Кирпонос привлекался к партийной и служебной ответственности за очковитительство.

Дополнительный комментарий. Кирпонос не прекратил увлекаться этим малопочтенным делом, и первое же его донесение в Москву

22 июня было натуральным очковитерством, сильно дезинформировавшим высшее командование. Выше об этом уже было сказано.

Кроме того, Кирпонос не вел должной борьбы за высококачественную подготовку курсантов, высокую дисциплину и налаживание учебного процесса.

Дополнительный комментарий. Абсолютно точно так же он вел себя и на посту командующего самым мощным военным округом — КОВО. Результат — печально известный.

Кирпонос женат на дочери польского националиста — Пиотровской Софье Александровне, являвшейся во время занятия в 1919 году гор. Житомира белополяками активной участницей организации польских "соколов". Жена Кирпоноса подозревается в шпионаже.

Брат Пиотровской С.А. — Пиотровский Ян в 1924 году бежал из СССР в Польшу и, по непроверенным данным, поступил на работу в дефензиву (польская контрразведка того времени. — А. М.), которой выдал коммунистов, работавших в подполье.

Отец Пиотровской за связь с указанным сыном — Яном — был в 1930 году арестован и выслан из гор. Житомира.

Жена Кирпоноса настроена антисоветски и раскаивается, что не выехала в период гражданской войны вместе с польскими офицерами в Польшу»¹¹⁶⁴.

Интересная справка, не правда ли? Слов нет, во многом этот компромат заслуживает особого внимания, ибо многое может прояснить, в том числе и то, почему с вверенными ему войсками случилось такое горе. Однако один вопрос все равно остается. Какого же хрена эту справку подготовили только 16 июля 1941 г. и только тогда направили члену Главного Военного совета, секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, то есть тогда, когда в том числе и в КОВО было проиграно приграничное сражение? Почему раньше нельзя было представить такую же справку, хотя бы перед назначением на пост командующего самым мощным округом? Или же Тимошенко, который обо всем этом заранее знал, умышленно представил кандидатуру Кирпоноса на пост командующего КОВО, а еще тогда известный компромат на Кирпоноса выставил как клевету, изобретенную врагами народа? Но когда в воздухе запахло жареным и уже шло следствие в отношении командования ЗапОВО во главе с Павловым, то заблаговременно сподобил 3-е Управление НКО подготовить справку с компроматом на Кирпоноса?! Ведь до 17 июля военная контрразведка находилась в ведении наркомата обороны.

Очень даже похоже, что Кирпоноса заранее готовили на роль «козла отпущения». Не хватало только соответствующего повода. Учитывая

¹¹⁶⁴ Военно-исторический журнал. 1994, №2, с. 7—8.

же все эти обстоятельства, донесения военной контрразведки, компрометирующие данные, особенно же в отношении жены Кирпоноса, которая в молодые годы была активной антисоветчицей и русофобкой и у которой брат родной служит (пускай, только вероятно) в польской контрразведке, — все это делало Кирпоноса «едва ли не идеальным кандидатом на роль “козла отпущения”» с неперменным отдаением под суд военного трибунала и вынесением сурового приговора. Подчеркиваю, главари «киевской мафии» ждали только удобного повода, чтобы именно на Кирпоноса свалить всю ответственность за разгром ЮЗФ. И если бы он вышел живым из Киевского «котла», то, осмелюсь уверенно предположить, именно так оно и случилось бы.

3. В сообщении военной контрразведки особое возмущение вызывает организация эвакуации штаба фронта. Прежде всего тем, что это было сделано путем нанесения прямого ущерба ведущему тяжелые бои с противником 15-му МК. Собственные шкуры штабных крыс оказались дорожке сопротивления врагу и защиты Родины, и в результате была сорвана доставка горячего в мехкорпус. Если так воевать, то ничего удивительного в том, что разгром будет неминуем.

4. Но более всего в рассматриваемом сообщении военной контрразведки обращает на себя внимание следующее. Выше уже не раз подчеркивалось, что дислокация фронтового КП в Тернополе была, мягко выражаясь, далеко не самой удачной. Как ни относиться к командованию КОВО, но оно еще до войны обращало на это внимание Генштаба, однако Жуков уперто приказал именно там организовать КП. И, более того, 19 июня приказал именно туда передислоцироваться. И вот результат — всего-то на пятый день войны фронтовой КП оказался под угрозой, и началась паника в штабе фронта. А паника в штабе фронта — смертельный удар по управлению войсками в ходе боевых действий. Учитывая же, что командование ЮЗФ и без того не очень-то владело обстановкой и слабо управляло войсками, то нет ничего удивительного в том, что войска этого фронта раз за разом терпели поражение, а командование ЮЗФ все более теряло управление вверенными ему войсками, особенно лично командующий Кирпонос. Ну, и как же прикажете ко всему этому относиться?

§ 9. Механизм трагедии и катастрофы Киевского «котла»

Ну, а апофеозом преступного порожества командования КОВО-ЮЗФ стала колоссальная по своим масштабам трагедия Киевского «котла» — история с окружением наших войск под Киевом. Со

времен первого издания мемуаров Жукова, очередным «эталонным в законе» стало утверждение, что-де в том виноват Сталин, якобы из-за упрямства которого, не желавшего согласиться с мнением военных об оставлении Киева, войска попали в окружение, частично были уничтожены, а частью — пленены. Что-де Жуков еще 29 июля предупреждал его, что Киев надо оставить, а Сталин за это выгнал его с поста начальника Генштаба. Красиво, но совершенно неубедительно. Так можно что угодно ляпнуть, что, собственно говоря, Жуков часто и делал. Да и не он один.

Однако ляпнув такое, да еще и в нескольких вариантах, Жуков, как всегда, оказался не в состоянии даже гипотетически предположить, что рано или поздно, но архивы все-таки хотя бы приоткроются и его ложь высветится. Да и другие материалы станут доступными. И действительно, как только архивы приоткрылись, а поток военно-исторической информации резко расширился, вся его ложь по поводу якобы имевшего место 29 июля 1941 г. «крутого разговора» со Сталиным так «высветилась», что тут же с треском и лопнула. Потому что согласно записям в хранящихся ныне в Архиве Президента Российской Федерации «Тетрадах (журналах) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1954 гг.)», нога крутозвездного «провидца» генерала армии Г.К. Жукова порог кабинета И.В. Сталина 29 июля 1941 г. не переступала! До этого он в последний раз был у Сталина 20 июля¹¹⁶⁵. В следующий раз Жуков побывал на приеме у Сталина лишь 5 августа 1941 г.¹¹⁶⁶ Что весьма симптоматично. Ведь совершенно очевидно же, что Сталин не видел никакой необходимости в общении с таким «провидцем»,

¹¹⁶⁵ Вход в 15.40 — выход в 18.15. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник. Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008, с. 344. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. Л. 153—190.

¹¹⁶⁶ Вход 21.20 — выход 22.00. Там же, с. 345. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. Л. 153—190.

для которого пребывание во главе «мозга армии», сиречь Генштаба, оказалось не то чтобы «не по Жоре шапка», но и вовсе непосильной ношей...

Не было в тот день, 29 июля 1941 г., в кабинете Сталина и Г.М. Маленкова, и столь ненавистного Жукову Л.З. Мехлиса, которые, согласно брехологическим «воспоминаниям и размышлениям», якобы подпевали Сталину во время якобы имевшего место «крутого разговора» из-за Киева.

Не было в тот день, 29 июля 1941 г., в кабинете И.В. Сталина и Л.П. Берия, о якобы имевшем место присутствии которого во время никогда не имевшего место «крутого разговора» из-за Киева Жуков нагло брехал Константину Симонову. Ну а тот, понятное дело, с достойным лучшего применения прилежанием растрепал эту маршальскую брехню миллионам имевших несчастье искренне верить им обоим читателей. Так что растиражированная миллионами экземпляров мемуаров Жукова, различных комментирующих пресловутые «воспоминания и размышления» исследований и прочих публикаций его присных, но особенно кинематографом глупая и подлая байка о «крутом разговоре» со Сталиным из-за Киева есть наглая ложь самого маршала Жукова!

Современный уровень исторических знаний позволяет вполне обоснованно утверждать, что по устному распоряжению Сталина с 20 июля 1941 г. к исполнению обязанностей начальника Генерального штаба РККА вновь приступил мудрый ас и любимец Сталина — Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников. Официально же приказ о назначении Б.М. Шапошникова начальником ГШ был издан только 8 августа 1941 года. Кстати говоря, в этот день Шапошников был на приеме у Сталина¹¹⁶⁷.

Что же касается эксплуатировавшейся Жуковым и эксплуатируемой поныне его

прихлебателями даты «29 июля», когда якобы состоялся «крутой разговор» из-за Киева, то правда тут состоит только в том, что именно в этот день Жуков был назначен, как это указано в его личном деле, командующим резервными армиями¹¹⁶⁸. Причем, вновь обращаю на это внимание, без аудиенции у Сталина. То есть если «крутой разговор» действительно имел место, во что, откровенно говоря, не очень-то верится, учитывая, сколь нагло Жуков врал по многим другим, не менее принципиальным вопросам, то произошло это не позже 20 июля. Хотя, еще раз подчеркиваю, не верю в то, что такой разговор имел место (естественно, что личное мнение автора никому не навязывается, а также никого и ни к чему не обязывает).

В тот период времени Жуков не мог себе позволить круто разговаривать со Сталиным — РККА на всех фронтах терпела поражение, а Тимошенко — его главный покровитель — уже вылетел со своего поста наркома обороны. Да и вообще, в это время Сталин стремительно терял даже минимум доверия к армейским генералам. К тому же и данные военной контрразведки вовсе не располагали к доверию по отношению к армейским генералам.

Более того. Не Жуков первым заговорил об опасности окружения войск Юго-Западного фронта с тыла, в частности, с гомельского направления. Первым на это телеграмме на имя Сталина секретарь Гомельского обкома Компартии (большевик) Белоруссии Ф.В. Жиженков. Сообщая в этой телеграмме о преступном поведении командования войск Западного фронта, неминуемо приводившим к трагическим последствиям для гомельского участка фронта, Ф.В. Жиженков одновременно указал, что тем самым создается угроза прорыва противника и в тыл

^{1,68} Автор приносит свою искреннюю благодарность авторитетному знатоку биографий и историй награждений советских военачальников Б. Айрапетяну за помощь в установлении точных дат, связанных с этой историей.

¹¹⁶⁷ Вход 18.30 - выход 20.20. Там же, с. 346. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. Л. 153—190.

Киевского участка фронта¹¹⁶⁹. То есть в тыл Юго-Западного фронта.

Далее. По состоянию на конец июля, в частности, на 29 июля, ни германское командование, ни командование Юго-Западного фронта еще даже в прогножном порядке не почувствовало даже гипотетическую возможность (для супостатов) или угрозу (для наших) реальности окружения советских войск в Киевском «котле». Не говоря уже о том, что командование супостатов и вовсе не замышляло в тот период организацию именно Киевского «котла». Тогда войска супостатов, прежде всего войска ГА «Центр», откровенно рвались вперед, на Москву.

Первым из числа командного состава супостатов это прочувствовал фельдмаршал фон Рундштедт, но только 27 августа 1941 г., когда он сообщил в ОКХ о своем видении следующих недель¹¹⁷⁰.

Первым же из числа советского командования такой же прогноз за десять дней до фон Рундштедта, то есть 17 августа 1941 г. в письменной же форме выдал сам командующий Юго-Западным фронтом генерал М.П. Кирпонос. В докладе командующего войсками Юго-Западного фронта от 17 августа 1941 г. Главнокомандующему войсками Юго-Западного направления о степени готовности оборонительного рубежа по р. Днепр, Кирпонос, в частности, отметил: «Судя по сложившейся к настоящему времени оперативно-стратегической обстановке, следует предполагать, что после выхода противника к нижнему течению Днепра его основные усилия могут быть направлены против обоих флангов и глубокого тыла ЮЗФ. Наиболее вероятными для этих ударов противника явятся направления: с севера — из района Гомель на юго-восток и с юга — с фронта Кременчуг, Днепропетровск на север». В этой связи Кирпонос поставил в докладе вопрос о том, что «для обеспечения

и прикрытия правого фланга ЮЗФ от возможных атак противника с севера со стороны Гомель и восточнее необходимо в возможно короткий срок укрепить южный берег р. Десна на участке Чернигова и до правой границы фронта»¹¹⁷¹.

Среди специализирующихся на начальном периоде войны военных историков считается, что это первый и наиболее точный прогноз в оценке будущих действий супостатов. Как видите, даже только в рамках приведенных выше фактов, особенно процитированного доклада Кирпоноса Буденному, уже начисто отрицается какая бы то ни было роль Жукова в каком бы то ни было заблаговременном прогнозе по поводу грядущей трагической участи ЮЗФ. И всего лишь потому, что не делал он такого прогноза в июле месяце. Не делал и все тут! И пора прекратить опираться на его подлое вранье, особенно в так называемом установлении виновных в трагедии Киевского «котла», которое «традиционно» сводится к грязным, но полностью беспочвенным, безосновательным нападкам на Сталина.

Ну, а если на принцип, то даже Кирпонос со своим только что процитированным докладом не является первым, кто точно спрогнозировал эту угрозу, особенно со стороны гомельского направления. Как уже было указано выше, первым это сделал еще 29 июня 1941 г. секретарь Гомельского обкома КП(б) Белоруссии Ф.В. Жиженков.

Однако ради элементарной объективности на мгновение предположим, что Жуков и впрямь высказал Сталину свои опасения за судьбу Юго-Западного фронта именно 29 июля 1941 г. Но в таком случае для начала взгляните еще раз на приводившуюся ранее схему «Положение на советско-германском фронте на 29 июля 1941 года и немецкие планы»¹¹⁷².

¹¹⁷¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны (СБД ВОВ). Т. 40. М., 1960. Цит. по: *Быков К.* Киевский «котел». Крупнейшее поражение Красной Армии. М., 2007, с. 190.

¹¹⁷² *Мухин Ю.И.* Если бы не генералы. М., 2010, с. 162. Схема публикуется с любезного разрешения Ю.И. Мухина.

^{1,69} «Известия ЦК КПСС». 1990, № 6, с. 215.

¹¹⁷⁰ Об этом плане Рундштедта упоминает в своей книге А. Филиппи. См.: *Филиппи А.* Припятская проблема. М., 1959, с. 126, 130.

Взглянули? Отлично. А теперь вновь ставлю все тот же вопрос. Даже не являясь специалистами в военном деле, попробуйте хотя бы самим себе честно объяснить: «Что же означало предложение Жукова сдать Киев в той конкретной ситуации по состоянию на 29 июля?» И затем, глядя только на карту-схему, попытайтесь самостоятельно сформулировать свой ответ.

Ну, и что у вас получилось? Едва ли что-либо иное, кроме того, что предложение Жукова о сдаче Киева в той ситуации на фронте по состоянию на 29 июля означало снятие угрозы для правого, южного, фланга отчаянно рвущейся

к Москве группировки ГА «Центр»! А если по-простому, то, в сущности, его предложение означало создание противнику максимально благоприятных условий для скорейшего захвата Москвы! Потому как была бы снята угроза правому, южному, флангу ГА «Центр»! Проще говоря, получается, что Жуков со своим предложением оставить Киев и отвести войска ЮЗФ за Днепр именно в тот момент играл на руку супостатам! А это, миль пардон, уже подпадает под юрисдикцию знаменитой 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР того периода. Неужели даже после войны Жуков не понимал столь простых вещей?!

Между прочим, угрожающий смысл такой конфигурации Восточного, как было принято говорить в вермахте, фронта дошел до сознания Гитлера только к 21 августа. Потому-то в этот день он и приказал приостановить наступление на Москву, дабы сначала разделаться с потенциальной угрозой, которую представляло собой графически указанное выше положение советского Юго-Западного фронта, за что его до сих пор клянут ветераны вермахта. Но даже по состоянию на 21 августа в германском командовании еще не заходила речь об устройении Киевского «котла».

Знаете, что является самым поразительным в трагедии Киевского «котла»? Самое поразительное в этой трагедии состоит в том, что гитлеровское командование вообще заранее не планировало окружение Юго-Западного фронта совместным ударом групп армий «Юг» и «Центр»! Более того. Это окружение явилось случайным развитием совершенно другой, частной операции гитлеровского командования! Об этом свидетельствуют мемуары командующего 3-й танковой группой Германа Гота, исследования немецкого военного историка Вернера Гаупта и отечественного историка К. Быкова (Киевский «котел», М., 2007), а также других. Причем они приводят более чем убедительные обоснования. Но самое потрясающее в истории Киевского «котла» 1941 г. заключается в том, что до 5—7 сентября немцы и сами-то не знали, что им предстоит создать Киевский «котел»! Согласно дневниковым записям Ф. Гальдера, впервые и всерьез о Киевском «котле» Гитлер заговорил только 5 сентября 1941 г.^{1,73} Проще говоря, даже директива Гитлера от 21 августа о повороте части войск ГА «Центр» на юго-восточное направление еще не являлась

директивой на обязательное окружение ЮЗФ с тыла.

Эта директива от 21 августа свидетельствовала лишь о том, что до фюрера, наконец, доперло то, что начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Франц Гальдер спрогнозировал еще в начале последней декады февраля 1941 г. Вероятность возникновения ситуации, которая может вынудить к подобным действиям, Гальдер предвидел фактически еще 22 февраля 1941 г. В п. 3 директивы Гальдера от 22 февраля 1941 г. командующим ГА «Север» и «Центр» предписывалось не допускать никакого разрыва между ними и быстро подтягивать все резервы за южным крылом ГА «Центр» во избежание угрозы флангового контрудара. А поскольку фланговый контрудар по южному крылу ГА «Центр» могли нанести только войска КОВО (ЮЗФ), то это, увы, блестящее предвидение высокопоставленного штабного супостата. В то же время следует отдавать себе отчет в том, что это предвидение лишь в принципе — начальник Генерального штаба по определению обязан предвидеть различные ситуации в развитии стратегической обстановки. На то он и начальник «мозга армии», хотя бы и супостатов. Однако невозможно не привлечь еще раз внимание к следующему.

Сама эта директива Гальдера, если вдуматься в ее содержание, свидетельствует об очень нелicenseприятном факте. Во-первых, из текста этой довоенной директивы Гальдера, по сути дела, сквозит едва ли не абсолютная уверенность в возможности глубокого прорыва войсками ГА «Центр» будущего фронта советской обороны в полосе компетенции ЗапОВО, то есть на Белорусском направлении. Иначе зачем такое серьезное предупреждение командующему ГА «Центр»? Но в таком случае автоматически возникает вопрос, а с чего это у Гальдера появилась такая уверенность?! А не с того ли, что наше высшее военное командование в начале

^{1,73} Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.41 — 24.09.42) / Пер. с нем. под редакцией и с предисловием к.и.н. Е.Н. Кулькова. М., 2004, с. 302.

первого полугодия 1941 г. откровенно похерило особое стратегическое значение Белорусского направления, о чем уже говорилось ранее и о чем, к глубокому сожалению, супостатам стало известно?! Во-вторых, почему еще 22 февраля 1941 г.

Гальдер опасался возможного контрудара войск КОВО по южному (то есть правому) флангу ГА «Центр»?! Понимаете, в чем дело-то?! Ведь принципиальная схема его опасений совпадает с принципиальной схемой советского контрнаступления по основному, официально утвержденному плану отражения агрессии! Согласно разработанному Шапошниковым наиболее предпочтительному варианту контрнаступления (только после сдерживания и отражения первого удара и по сосредоточении основных сил), оно должно было развиваться с плацдарма КОВО (ЮЗФ) с общим поворотом на север. А теперь вспомните, что еще ранее говорилось о том, что 4 января 1941 г. резидент советской военной разведки в Белграде сообщил в Центр о том, что югославскому генштабу известно о новом советском оперативном плане, включая и принципиальную суть контрнаступательной части этого плана. И тогда же было указано, что в Югославии активничала не только советская военная разведка, но и абвер. Так вот как теперь прикажете относиться к упомянутому предвидению Гальдера?!

Попробуйте хотя бы самим себе объяснить следующий парадокс. Более чем за полгода до Киевского «котла», в том числе и за четыре месяца до нападения на СССР, у Гальдера почему-то хватило ума попытаться хотя бы гипотетически спрогнозировать возможную ответную реакцию нашего Генштаба на глубокий прорыв ГА «Центр». А у нашего «эталона в законе» даже через четверть века после войны духу хватило всего-то лишь на лживое в ретроспективе предупреждение Сталина о необходимости оставить Киев! Да к тому же в ситуации 29 июля, когда это стало бы откровенным предательством в

форме прямого открытия фронта и облегчения супостатам захвата Москвы?! А вот чтобы как следует дать под дых супостатам, ни тогда, ни в мемуарах у Жукова ума не хватило.

Ведь то, чего так опасался Гальдер еще до войны, он, генерал армии, начальник Генерального штаба Жуков Георгий Константинович, обязан был начать делать самое позднее 29 июня 1941 г., то есть когда уже было известно о захвате Минска супостатами. Ведь это же означало фактическое возникновение той ситуации, которой так опасался Гальдер и ради чего он еще до войны дал соответствующую директиву ГА «Центр». Да, понятно, что Жуков не располагал текстом директивы Гальдера от 22 февраля 1941 г. И не за то могут быть претензии к нему. Но ведь у секретаря Гомельского обкома партии еще 29 июня 1941 г. почему-то хватило ума и чувства долга перед Родиной осознать на тот момент пока еще потенциальную угрозу удара супостатов с гомельского направления в тыл ЮЗФ. А вот до сознания Жукова эта угроза дошла якобы только 29 июля 1941 г.?! Да и то, если без оглядки верить его брехологическим «воспоминаниям и размышлениям».

Но Гальдер зря столь заблаговременно опасался. Зря, потому что не то чтобы почти целый месяц начальник Генерального штаба РККА не только ничего не предпринимал, но и даже не ставил вопроса о срочном нанесении мощного контрудара по южному флангу ГА «Центр» силами Юго-Западного фронта. Хотя в тот момент силы для этого еще были — возможно, не бог весть какие, но были. А ведь это могло коренным образом изменить ситуацию уже тогда, летом 1941 г.

Более того. Он вообще впервые письменно изложил свою точку зрения по ситуации на ЮЗФ только 19 августа 1941 г.! То есть через 22 дня после упомянутой в его мемуарах даты 29 июля.

Но ладно бы только в датах память «традиционно» подвела Жукова. Все дело

в том, что то, что он написал в своем представленном в Ставку ВГК прогнозе, мягко выражаясь, не столь уж соответствует тому, что он накатал в «воспоминаниях и размышлениях». В изданных более 20 лет назад мемуарах Герой Советского Союза, профессор, генерал армии С.П. Иванов (в описываемое время начальник оперативного отдела штаба 13-й армии Брянского фронта) отмечал: «Л позволил себе высказать ряд оценок, не согласующихся с общепринятой до недавнего времени трактовкой некоторых явлений...

... Главным аргументом в пользу того, что вражеские планы якобы были своевременно вскрыты советским командованием, является письмо Г.К. Жукова (он возглавлял тогда Резервный фронт), направленное 19 августа 1941 года И.В. Сталину. *Я позволю себе привести его более полно, чем это обычно делается.*

«Москва, товарищу Сталину

1. Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на путях к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолуцкую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Комментарий. Вот как тут не «восхититься» невесть откуда взявшимся у Жукова «предвидением»?! Сам фюрер еще не знал, что 21 августа ему предстоит подписать директиву о приостановке наступления на Москву и о повороте части войск ГА «Центр» в юго-восточном направлении, а наш «провидец» уже и за Гитлера «предвидел», что тот будет делать?! Ну и ну!..

Возможный замысел противника:

Разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс...

2. Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крепкую группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на р. Десна.

В эту группировку включить:

1) До 1000 танков, которые собрать за счет мехкорпуса ЗакВО, танков РГК и в дальнейшем танков 300 взять с ДВФ.

2) До 10 стрелковых дивизий.

3) 3—4 кавалерийские дивизии.

4) 400—500 самолетов. Собранных за счет ЗакВО, ВВС Морского флота, ВВС Московской зоны ПВО.

Если ставить себе более активный способ противодействия этому очень опасному действию противника, всю предлагаемую группировку нужно срочно собирать в районе Брянска, откуда и нанести противнику удар во фланг.

Справка. В своих мемуарах маршал И.Х. Баграмян в этом месте почему-то прервал цитирование письма Жукова Сталину¹¹⁷⁴.

Сейчас, не ожидая окончания сосредоточения Брянской группировки, целесообразно усилить правое крыло Западного фронта еще 4—5 стрелковыми дивизиями, 8—10 тяжелыми полками РГК и перейти немедленно в наступление с целью выхода на фронт Полоцк, Витебск, Смоленск.

Удар правым крылом Западного фронта с целью выхода на фронт Полоцк, Витебск, Смоленск будет очень полезен и при действиях наших войск на реке Десна.

Жуков. 19.08.41 г.”

Комментарий. Сам Жуков в своих мемуарах цитирует это письмо Сталину в следующем объеме и виде: «Противник, убедившись в со-

¹¹⁷⁴ См.: Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 300—301.

средоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах наш Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказавшись от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрально-Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя, в район Чернигов — Конотоп — Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс. Для срыва этого опасного намерения гитлеровского командования считал бы целесообразным по возможности быстрее создать крупную группировку наших войск в районе Глухов — Чернигов — Конотоп, чтобы ее силами нанести удар во фланг противника, как только он станет приводить в исполнение свой замысел. В состав ударной группировки необходимо включить 10—11 стрелковых дивизий, 3—4 кавалерийские дивизии, не менее тысячи танков и 400—500 самолетов. Их можно выделить за счет Дальнего Востока, сил Московской зоны обороны и ПВО, а также внутренних округов»¹⁷⁵.

Что можно сказать об этом документе? Прежде всего, то, что речь идет не о безапелляционном вскрытии действий врага на основе конкретных разведывательных данных, а о предположении Г.К. Жукова. Он пишет о возможном замысле противника. Ошибается, на мой взгляд, автор документа, когда полагает, что враг не наносит удар на Москву лишь потому, что убедился в сосредоточении крупных сил наших войск на путях к Москве. В качестве контрмероприятий Г.К. Жуков рекомендует три варианта:

а) собрать колоссальную по силе группировку (что было совершенно нереально при отсутствии резервов и трудностях их подвоза) в районе Глухов, Чернигов, Конотоп;

б) то же в районе Брянска;

в) усилить правое крыло Западного фронта и немедленно перейти в наступление с целью выхода на линию Полоцк, Витебск, Смоленск.

¹⁷⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. Т. 2. М., 1990, с. 129—130. Жуков дал ссылку на Архив МО СССР (ныне ЦА МО РФ). Ф. 219. Оп. 178510. Д. 29. Л. 1—3.

Нужно, думаю, прямо сказать, что если бы у Ставки была полная уверенность в изложенном выше предположительном плане врага и если бы она располагала такими фантастическими в тех условиях резервами, то можно было бы не только предотвратить успех вермахта, но и повернуть фашистские войска вспять, разбив их одним махом. Известно, что Ставка очень быстро реагировала на донесение Жукова. В тот же день ему был послан ответ...

...Из этого ответа явствует, что если Ставка сочла предположение Г.К. Жукова о намерении врага ударить в сторону Чернигов, Конотоп, Прилуки правильным, то она отнюдь не сделала из этого тех же, что и он, выводов, а считала возможным в планах противника лишь обход Киевской группировки Юго-Западного фронта. Ставка, видимо, полагала, что ее окружения можно избежать. Прежде всего здесь говорится об окружении 3-й и 21-й армий, то есть армий Центрального фронта, которые в то время находились уже в полукольце.

Отмечая наличие этих документов и тот факт, что в них в той или иной степени указывалось на возможный замысел врага, который в последующем действительно был осуществлен, необходимо еще раз подчеркнуть, что содержание упомянутых документов было в тот период только предположением и поэтому — эпизодом, который далеко не в полной мере определял практическую деятельность советского командования. Ведь даже и сам Г.К. Жуков не только не сделал необходимых практических выводов из своего в целом верного прогноза, но и высказал прямо противоположные соображения. Вот выписка из приказа, подписанного им 26 августа 1941 года, то есть уже после того, как гитлеровские войска начали поворот на юг:

“Приказ № 0024/оп Резервного фронта от 26.8.41 г.

1. Противник, обороняясь на фронте 24-й и 43-й армий, сосредотачивает свои

подвижные силы против войск Брянского фронта, предположительно с целью нанести в ближайшие дни удар на направлениях Брянск, Жиздра...”

Из этого приказа со всей очевидностью вытекает: составлявший его военачальник считал, что главный удар вермахт наносит на Москву и притом в обход Брянска с севера, а не с юга. Так что, как видно, и Г.К. Жуков не имел в то время твердо установившейся точки зрения.

Если ознакомиться с указаниями Ставки Брянскому фронту в тот период, то, оказываясь, она действовала в соответствии с предположением о нанесении вражеского удара на Брянск и затем — на Москву, то есть фактически не приняла во внимание приведенных выше соображений командующего Резервным фронтом. Начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников 24 августа в переговорах с А.И. Еременко со всей определенностью подчеркнул, что главные силы 2-й танковой группы Гудериана нацелены против 217-й и 279-й стрелковых дивизий (эти правофланговые дивизии 50-й армии Брянского фронта находились на стыке с 43-й армией Резервного фронта). Он сказал буквально следующее: “...поэтому необходимо здесь усилить второй эшелон и разбросать мины, дабы не допустить его наступления Жиздру в обход Брянска с севера”.

Это означает, что Ставка наряду с возможностью удара на Москву после обхода Брянска с юга считала, что Брянск вообще является важным объектом устремлений врага, и что именно здесь будут действовать главные силы Гудериана, рвущиеся к Москве...»¹⁷⁶

Несмотря на то, что письменно высказанная позиция генерала армии С.П. Иванова не только очень интересна, но и уникальна, если не сказать, что вообще не имеет аналогов в нашей исторической литературе, и, как говорится, в особых комментариях не нуждается, все же осмелюсь пару слов добавить.

¹⁷⁶ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990, с. 147—149.

Во-первых, обратите внимание на начало второй фразы этой довольно длинной цитаты из мемуаров С.П. Иванова. «Главным аргументом в пользу того, что вражеские планы якобы были своевременно вскрыты советским командованием, является письмо Г.К. Жукова... направленное 19 августа 1941 года И.В. Сталину». Одним предложением генерал армии С.П. Иванов вдребезги разнес лживую донельзя байку Жукова о «крутом разговоре» со Сталиным из-за Киева, который якобы состоялся 29 июля. Потому, что ясно и однозначно указал, что главным аргументом в пользу того, что вражеские планы якобы были своевременно вскрыты советским командованием, является письмо Г.К. Жукова, направленное 19 августа 1941 г. И.В. Сталину. Но если главный аргумент на эту тему датирован 19 августа 1941 г., то, милый пардон, о каком таком предвидении полагать Жуков в своих мемуарах?!

Комментарий. Да и, кстати говоря, с чего это он полез анализировать и прогнозировать ситуацию вокруг ЮЗФ? Выперли с поста начальника Генштаба, поставили командовать сначала резервными армиями, а затем и Резервным фронтом — и занимайся тем, чем положено по статусу командующего фронтом. Ан нет, опять полез не в свои сани... Да и потом, как это при столь присущей ему «органической ненависти к штабной работе» он сподобился проанализировать ситуацию вокруг ЮЗФ и выдать в целом верный прогноз? Кто за него это сделал? Или, быть может, ему каким-то образом стал известен прогноз Кирпоноса?..

И вот еще что. Распространяя свою лживую байку о том, как Сталин якобы несправедливо обошелся со столь мудрым и прозорливым полководцем, когда тот предложил еще 29 июля оставить Киев и выгнал за это с поста начальника Генерального штаба, Жуков в какой-то момент не мог не проговориться. И это случилось. А К.М. Симонов зафиксировал это на бумаге. Так вот, на бумаге он зафиксировал, что Жуков ему рассказывал о том, как Сталин, прочитав письмо Жукова, в котором он якобы предлагал оставить Киев, резко с ним поговорил, в ответ на что Жуков тоже якобы резко ответил, после чего вылетел с поста начальника генштаба¹⁷⁷. Суть про-

¹⁷⁷ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989, с. 360.

говора в том и заключается, что письмо-то Жукова было датировано 19 августа 1941 г.¹ А Жуков нам лапшу на уши вешал, что его разговор со Сталиным из-за Киева состоялся 29 июля! Кстати говоря, то же самое он сболтнул и Симонову. Но «властитель дум» того поколения не имел возможности проверить слова Жукова. А когда эта возможность появилась, то стало понятно, что Жуков лгал. Разговор из-за Киева если и состоялся, то не ранее 20 августа, если вообще состоялся! Так что можно спокойно похоронить эту байку Жукова!..

Более того. Не менее ясно и однозначно генерал армии С.П. Иванов показал, что сам Жуков не только не сделал практических выводов из своего в целом верного прогноза, но и высказал прямо противоположные соображения, и привел тому документальное доказательство.

Так вот и спрашивается, с учетом, естественно, всего вышесказанного:

— если главный аргумент — в пользу его якобы предвидения — датирован 19 августа 1941 года,

— если сам Жуков не только не сделал практических выводов из своего в целом верного прогноза от 19 августа 1941 г., но даже высказал прямо противоположные соображения, чему, как видим, есть прямое документальное доказательство,

— если вообще не он, а мало кому известный секретарь Гомельского обкома партии первым, еще 29 июня 1941 г., разглядел потенциальную опасность удара в тыл ЮЗФ с гомельского направления,

— если реально первый и точный прогноз по этому вопросу со стороны советского командования (прогноз за подписью Кирпоноса) датирован 17 августа 1941 г.,

— если по состоянию на 19 августа еще сам фюрер не знал, что 21 августа он подпишет директиву о повороте танковых частей Гудериана на юг,

— если у супостатов первый прогноз (Рундштедта) на эту тему (о возможности окружения ударами с тылов ЮЗФ) появился лишь 27 августа 1941 г.,

то какого же хрена Жукову понадобилось изобретать столь лживую байку

о «крутом разговоре» со Сталиным из-за Киева, который якобы состоялся 29 июля 1941 г.?!

А не того ли хрена ему это понадобилось, что иначе не получалось в более или менее приличном виде представить факт своей отставки с поста начальника Генерального штаба в начале войны? Ведь это же была не отставка, а фактически выставление пинком под зад из кресла начальника Генерального штаба, по сути дела, за профнепригодность на этом посту. И, следовательно, необходимо было представить эту историю в благодном для себя виде. Что-де вот он, такой-сякой умный и дальновидный, заранее предупреждал Сталина, а тот его не послушал да выгнал к тому же, а в результате трагедия Киевского «котла» — ну что еще могло прийти в голову Жукову, если день назначения командующим резервными армиями он запомнил на всю жизнь?] Ведь это же произошло 29 июля! Взял да и присвоил себе прогнозы всех, чьи документы и воспоминания попались под руку, — вот вам и подлинная история происхождения этой лживой байки Жукова. При жизни Сталина, небось, не болтал о своем «крутом разговоре» и «предвидении»...

Странное дело, но факт, что тогда же, 19 августа 1941 г., на фоне разгоравшейся трагедии, уже месяц как бывший начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков одновременно представил И.В. Сталину и чистейшей воды донос с далеко идущими целями и последствиями. «Я считаю, — отмечал Жуков в этом доносе, — что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативную-стратегическую группировку наших сил и знает наши ближайшие возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей»^{1,78}. Ранее об этом уже говорилось.

^{1,78} Русский Архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 г. Т. 16. М., 1996, с. 361.

Так вот и спрашивается, зачем ему понадобилось в один и тот же день представлять Сталину и неплохой в целом прогноз ближайшего развития ситуации на Юго-Западном фронте, и очень дурно пахнущий донос? Кстати говоря, который донос по счету-то?..

Но самым примечательным в этом, только на первый взгляд странном, факте является то, что в действительности и донос, и прогноз содержались в одном документе! Увы, но явно по соображениям генеральско-маршальской корпоративной солидарности генерал С.П. Иванов процитировал его также не полностью, взяв только военно-стратегические аспекты, а донос — увы, нет. Итак, подлинный, полный текст этого документа таков (жирным курсивом выделен текст, который обычно никто не цитирует):

«Москва, товарищу Сталину

1. Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на путях к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника:

Разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс...

Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности.

Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей. Видимо, преступную роль в этом деле играют Качалов и По-

неделин. По рассказу участников боев группы Качалова, Качалов, как только появились мелкие группы противника, сел в танк Т-34 и уехал в неизвестном направлении. Все говорит за то, что Качалов умышленно перешел на сторону немцев. В танк Т-34, в котором Качалов уехал, он запретил садиться даже своему личному адъютанту.

2. Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крепкую группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на р. Десна.

В эту группировку включить:

- 1) До 1000 танков, которые собрать за счет мехкорпуса ЗакВО, танков РГК и в дальнейшем танков 300 взять с ДВФ.
- 2) До 10 стрелковых дивизий.
- 3) 3—4 кавалерийские дивизии.
- 4) 400—500 самолетов. Собранных за счет ЗакВО, ВВС Морского флота, ВВС Московской зоны ПВО.

Если ставить себе более активный способ противодействия этому очень опасному действию противника, всю предлагаемую группировку нужно срочно собирать в районе Брянска, откуда и нанести противнику удар во фланг.

Сейчас, не ожидая окончания сосредоточения Брянской группировки, целесообразно усилить правое крыло Западного фронта еще 4—5 стрелковыми дивизиями, 8—10 тяжелыми полками РГК и перейти немедленно в наступление с целью выхода на фронт Полоцк, Витебск, Смоленск. Удар правым крылом Западного фронта с целью выхода на фронт Полоцк, Витебск, Смоленск будет очень полезен и при действиях наших войск на реке Десна. Жуков. 19.08.41 г.»¹¹⁷⁹

^{1,79} ЦА МО РФ. Ф. 219. Оп. 178510. Д. 29. Л. 1—6. Подлинник.

Комментарий. Жуков всегда утверждал, что нет никаких документальных свидетельств ни его доносов, ни тем более его резолюций на документах для ареста военнослужащих. Вот вам очередное доказательство его вранья. И глядите, как он ловко открестился и от Понеделина, и от Качалова. А чего же тогда их так «тянул»? Зачем переводил Понеделина с начальника штаба ЛВО на должность командующего 12-й армией, что для того было понижением?..

Жуков не был бы самим собой, если не попытался бы, в очередной раз, смухлевать и присвоить себе заслуги Сталина. Ведь все, что касается, например, Брянска и создания там мощной группировки советских войск, Сталин, в отличие от Жукова, лишь 19 августа подавшего наверх свой прогноз, узрел потенциальную опасность такого поворота событий еще 25 июня 1941 г.

В 20 ч. 10 мин. московского времени 25 июня 1941 г. Сталиным и Шапошниковым была подписана директива Ставки ГК «О формировании и задачах группы армий Резерва Главного Командования» с приказом о создании в Брянске группы армий¹⁸⁰. То есть Сталин и Шапошников заблаговременно сделали то, что должны были сделать Жуков и Тимошенко, но так и не сделали! Да им и недосуг было это делать — они оба в это время благополучно гробили войска на фронтах: один на Юго-Западном, другой на Западном.

Эта директива — пример блестящего, подлинного стратегического предвидения Иосифа Виссарионовича и Бориса Михайловича. Потому как они действительно заблаговременно разглядели едва только начавшие вырисовываться, да и то потенциально, контуры угрозы со стороны супостатов рвануть с центрального направления на Не исключено, что в том числе и при союг, в тыл ЮЗФ. И соответственно заранее действия начальника оперативного отдела стали готовиться к тому, чтобы при возникновении (острой) необходимости совместными усилиями создаваемого Брянского и

действующего Юго-Западного фронтов быстро ликвидировать такую угрозу.

«Органическая ненависть» Жукова к «штабной работе» даже десятилетия после войны не позволила ему разглядеть то, что охаиваемый им Сталин, в отличие от него, начальника Генштаба, едва ли не мгновенно узрел еще в июне 1941 г. Причем именно так, как того и опасался Гальдер. Только выводы сделал зеркально противоположные. Поскольку не мог допустить краха ЮЗФ. Потому загодя и начал создавать Брянский фронт — чуть восточнее того места, где супостаты впоследствии нанесли свой удар в тыл Юго-Западного фронта и тем завершили окружение нашей группировки.

Но все это всего лишь фоновое информационное обеспечение того, о чем речь пойдет ниже. Итак, достоверно точно известно, что первым среди советского командования точный прогноз грядущей трагедии окружения в Киевском «котле» дал сам командующий войсками ЮЗФ генерал М.П. Кирпонос. Произошло это 17 августа 1941 г. Однако во исполнение этого прогноза Кирпонос практически ничего не сделал. Под командованием систематически впадавшего в истерическое или околоистерическое состояние, едва знавшего, что происходит на его фронте, но системно и сознательно гробившего вверенные ему огромные силы Кирпоноса войска ЮЗФ откатывались на восток, умудряясь при этом ожесточенно сопротивляться. И потому, между прочим, не очень-то понятно, каким это образом Кирпоносу удалось сделать столь точный прогноз. Похоже, что подлинным автором прогноза являлся начальник штаба ЮЗФ, бывший резидент ГРУ в Берлине генерал-майор Тупилов. Не исключено, что в том числе и при союг, в тыл ЮЗФ. И соответственно заранее действия начальника оперативного отдела стали готовиться к тому, чтобы при возникновении (острой) необходимости совместными усилиями создаваемого Брянского и

У Туликова, что называется, голова «ва-рила» на все 100 %, и чутьем разведчика-аналитика он обладал, и умел как обобщать и анализировать разноплановые данные,

¹⁸⁰ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3763. Д. 96. Л. 46. Подлинник.

так и синтезировал» их в выводах. Да и с проклятой немчурой из числа вояк успел изрядно пообщаться в Германии еще до войны. Так что Тупиков хорошо, если не сказать прекрасно, чувствовал, что замышляют или могут замыслить супостаты. Да и Баграмян не лыком был шит — тоже прекрасно соображал и анализировал оперативную обстановку на фронте. Но как бы там ни было, однако бумага-то ушла за подписью Кирпоноса...

Настал сентябрь 1941 г. И сентября 1941 г. обстановка на фронте ЮЗФ накалилась до того, что главком Юго-Западного направления Маршал Советского Союза С.М. Буденный согласованно с командующим войсками ЮЗФ генералом М.П. Кирпоносом и Военным советом фронта обратился в Ставку со следующим срочным донесением: «Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж. Начальник Генерального штаба маршал товарищ Шапошников от имени Ставки Верховного Главнокомандования в ответ на это предложение дал указание вывести из 26-й армии две стрелковые дивизии и использовать их для ликвидации прорвавшегося противника из района Бахмач, Конотоп. Одновременно товарищ Шапошников указал, что Ставка Верховного Главнокомандования считает отвод частей Юго-Западного фронта на восток пока преждевременным. Со своей стороны полагаю, что к данному времени полностью обозначились замыслы противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта со стороны Новгород-Северского на юг и от Кременчуга на север. Для противодействия этому замыслу необходимо создать сильную группу войск. Юго-Западный фронт сделать этого не в состоянии.

Справка. В копии телеграммы это предложение выглядит так: «Для противодействия

этому замыслу необходимо создать сильную группу войск... Юго-Западный фронт сделать не в состоянии»^{1, в1}.

Если Ставка Верховного Командования в свою очередь не имеет возможности сосредоточить в данный момент такую сильную группу, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим. Мероприятия, которые должен провести Военный совет фронта в виде выдвижения двух дивизий из 26-й армии может только являться средством обеспечения. К тому же 26-я армия становится крайне обессиленной. На 150 километров фронта остаются только три стрелковые дивизии*.

Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь к потере войск и огромного количества материальной части. В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УР, эти силы и средства, безусловно, помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению»¹¹⁸².

Справка-комментарий. В месте, обозначенном знаком «*», И.Х. Баграмян сделал примечание следующего содержания: «С.М. Буденный не брал в расчет еще три формировавшиеся дивизии». Увы, но И.Х. Баграмян не пояснил, а чего ради Буденный должен был брать в расчет пускай три, но всего лишь формировавшиеся дивизии? Буденный всегда очень крепко стоял на земле, был очень трезвомыслящим реалистом и на неизвестно что не полагался¹¹⁸³.

Тут следует подчеркнуть одно обстоятельство. Как отметил в своем детальном исследовании истории трагедии Киевского «котла» К. Быков, «к этому времени, к 11 сентября, Юго-Западный фронт рухнул. Нет, структура фронта, его армии, штабы, дивизии еще существовали и

¹¹⁸¹ Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М., 1960, с. 73—74.
пег Дну по: Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 326—327.

¹¹⁸² Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М., 1960, с. 73—74.

боролись. Однако эта структура уже не была единым, управляемым из одного центра организмом»¹¹⁸⁴.

А вот свидетельство дважды Героя Со-ло — 665 212 пленных!!!¹¹⁸⁶ ветского Союза, генерал-лейтенанта артиллерии, кандидата военных наук В.С. Петрова, который, будучи лейтенантом 231-го корпусного артиллерийского полка 5-й армии, всю ситуацию непосредственного кануна трагедии Киевского «котла» видел собственными глазами: «...Система оперативного руководства войсками исчерпала свои возможности. Сопротивление пошло на убыль. Прекратилось снабжение. Не пополнялся расход боеприпасов, горючего. Моторы глохли, останавливались танки, автотранспорт, орудия. Относительная подвижность войск снизилась до нуля. Пришла в упадок организационно-штатная структура. Ни частей, ни соединений не существовало. Пылали бесчисленные колонны на дорогах, а мимо брели толпой тысячи, десятки тысяч людей. Никто не ставил им задач, не торопил, не назначал срок. Они предоставлены сами себе. Состояние необыкновенное, никаких оков. Хочешь — иди, хочешь — оставайся в деревушке, во дворе, который приглянулся. Кольцо окружения с каждым днем сжималось. Выли пикирующие бомбардировщики, рвались бомбы. Все пути на восток перехвачены, на буграх танки, заслоны мотопехоты. Войска Юго-Западного фронта сделали свое дело в великий час войны, и сошли со сцены...»¹¹⁸⁵

Фантастически трагическая картина состояния фронта. И заметьте, что это наблюдал тогда всего лишь молоденький лейтенант. И ведь все подметил с ювелирной точностью. Вот до какого состояния довел свой фронт Кирпонос!

Но войска ЮЗФ вопреки своему командующему действительно сделали свое дело в великий час войны, однако они не

должны были сойти со сцены. Тем более столь трагически и в том количестве, о котором германское командование сообщала

Справка-комментарий. Интересно, что американский историк, чьи данные были приведены выше, обратил внимание на то, что к началу войны в КОВО, по официальным советским данным, было 667 085 чел. личного состава. Из них 150 541 человек находились в областях вне окружения или уже успели убежать. Учитывая это и принимая во внимание, что ЮЗФ понес тяжелые потери до 26 сентября, то есть до дня окончания сражения вокруг Киева, то, по его мнению, маловероятно, что в плен было взято более чем 222 тысячи солдат. Проще говоря, тевтоны слишком преувеличили количество плененных в Киевском «котле» советских солдат.

В действительности же они не сошли со сцены — они попросту были загублены действиями Кирпоноса. И в том, что они были попросту загублены, — персональная вина именно Кирпоноса, ибо только командующий фронтом в ответе за столь плачевное состояние своего фронта! Он и ответил за это своей головой. Только вот неизвестно до сих пор — немецкая ли пуля или осколок немецкой мины вынесли ему окончательный приговор, или же все-таки советская пуля, выпущенная неизвестным лицом из числа находившихся рядом с ним советских военнослужащих, который, пускай и с опозданием, но тем не менее успел осознать, что натворил Кирпонос, и в пылу боя вынес ему свой, справедливый от имени всех, кого загубил Кирпонос, приговор...

Вечером того же 11 сентября 1941 г. состоялись переговоры между Сталиным и Кирпоносом. Ниже приводится содержание этих переговоров по Жукову, ибо он дал ссылку на архивный документ, с добавлением по мемуарам Баграмяна и Грецова, ибо Жуков кое-что не показал в приведенном им

¹¹⁸⁴ Быков К. Киевский «котел». Крупнейшее поражение Красной Армии. М., 2007, с. 370.

¹¹⁸⁵ Петров В.С. Прошлое с нами. Кн. 2. Киев, 1989, с. 321.

¹¹⁸⁶ *Ришале В. Операция Багратион. 81 грейс апс! ТасНз. Оп 11е Еа\$1ерп Проп1, 1941.14.У. 1984, р. 270.*

содержании этих переговоров, а Баграмян не показал кое-какие детали. Итак:

«У аппарата Кирпонос, Бурмистенко, Тупиков.

Здесь Сталии, Шапошников, Тимошенко.

Сталин. Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной вам реки мне кажется опасным...

Добавление по мемуарам Баграмяна: «Поздоровавшись, Сталин заявил: "Ваше предложение об отводе на рубеж известной вам реки мне кажется опасным". Он сослался при этом на неудачи, когда войска фронта отходили за Днепр. "Какая гарантия, что то же самое не повторится теперь? Это первое. А потом второе: ..."»¹¹⁸⁷ Далее идет полное совпадение с тем, что привел Жуков.

Добавление по мемуарам Грецова: «Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной Вам реки мне кажется опасным. Если обратиться к недавнему прошлому, то Вы вспомните, что при отводе войск из района Бердичев и Новоград-Волынский у Вас был более серьезный рубеж — р. Днепр и, несмотря на это, при отводе потеряли две армии, и отвод превратился в бегство, а противник на плечах бегущих войск переправился на другой день на восточный берег Днепра. Какая гарантия, что то же самое не повторится теперь, это первое»¹¹⁸⁸.

«В данной обстановке на восточном берегу Днепра предлагаемый вами отвод будет означать окружение наших войск, так как противник будет наступать на вас не только со стороны Конотопа, то есть с севера, но и со стороны юга, то есть Кременчуга, а также с запада, так как при отводе наших войск с Днепра противник моментально займет восточный берег Днепра и начнет атаки. Если конотопская группа противника соединится с кременчугской группой, Вы будете окружены».

Добавление по мемуарам Грецова: «А потом второе... в данной обстановке на восточном берегу предлагаемый Вами отвод войск будет

¹¹⁸⁷ Цит. по: *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. М., 1971, с. 327—328.

¹¹⁸⁸ *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. М., 1965, с. 226—227.

означать окружение наших войск. Ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что Вы заранее подготовите отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, повторяю, без этих условий Ваши предложения об отводе войск являются опасными и могут создать катастрофу»¹¹⁸⁹.

Как видите, Жуков, да и Баграмян, мягко выражаясь, своеобразно процитировали один и тот же документ. Ну, а если без дипломатии, то Сталин тактично, но более чем ясно указал на то, что при получении разрешения на отвод войска фронта неминуемо начнут хаотичное бегство, в результате которого наступающая с севера, с Конотопского направления, группировка противника замкнет кольцо окружения. Более того, Сталин ясно сказал, что реализация предложения Кирпоноса создаст катастрофу. Увы, но Сталин явно не мог даже предположить, что Кирпонос именно к этому и стремился — к созданию катастрофы, но с разрешения Сталина. К сожалению, в тот момент это еще невозможно было увидеть и даже интуитивно почувствовать.

«Как видите, ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что вы заранее подготовите рубеж на реке Псел, во-первых, и, во-вторых, поведете отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, — повторяю, без этих условий ваши предложения об отводе войск являются опасными и могут привести к катастрофе. Какой же выход? Выход может быть следующий:

Первое. Немедленно перегруппировать силы хотя бы за счет Киевского Ура и других войск и повести отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Еременко, сосредоточив в этом районе девять десятых авиации. Еременко уже даны соответствующие указания. Авиационную группу Петрова мы сегодня специальным приказом передислоцировали на Харьков и подчинили Юго-Западу.

Второе. Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псел или где-либо по этой линии, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и на запад и отведя 5—6 дивизий за этот рубеж.

¹¹⁸⁹ Там же.

Третье. После создания кулака против конотопской группы противника и после создания оборонительного рубежа на реке Псёл, словом, после всего этого начать эвакуацию Киева. Подготовить тщательно взрыв мостов.

Никаких плавательных средств на Днепре не оставлять и разрушить их, а после эвакуации Киева закрепиться на восточном берегу Днепра, не давая противнику туда прорваться. Перестать, наконец, заниматься поиском рубежей для отступления, а искать пути сопротивления и только сопротивления».

Этот же отрывок по мемуарам Грецова: «Выход может быть следующий. Немедля перегруппировать силы хотя бы за счет КИУРА и других войск и повести отчаянные атаки на Конотопскую группу противника во взаимодействии с Еременко. Немедленно организовать оборонительный рубеж на р. Псёл, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и запад и отведя 5—6 дивизий на этот рубеж. После всего этого начать эвакуацию Киева. Перестать наконец, заниматься поиском рубежей для отступления, а искать пути сопротивления»¹¹⁹⁰.

«Кирпонос. У нас даже мысли не было об отводе войск до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба — в связи с расширившимся фронтом до восьмисот с лишним километров усилить наш фронт резервами.

По указанию Ставки, полученному в ночь на 11 сентября, снимаются из армии Костенко 2 стрелковые дивизии с артиллерией и перебрасываются по железной дороге на конотопское направление с задачей уничтожить, совместно с армиями Подласа и Кузнецова, прорвавшуюся в направлении Ромны мотомехгруппу противника. Из КИУРа, по нашему мнению, пока больше брать войск нельзя, так как оттуда уже взяты две с половиной стрелковые

дивизии для черниговского направления. Можно будет из КИУРа взять лишь часть артиллерийских средств.

Указания Ставки Верховного Главного командования, только что полученные по аппарату, будут немедленно проводиться в жизнь. Все».

Добавление по мемуарам Баграмяна. Иван Христофорович отметил в своих воспоминаниях, что когда впоследствии ему рассказывали об этих переговорах, то непосредственный очевидец подчеркнул, что при этих словах Кирпоноса Тупилов схватился за голову¹¹⁹¹. Далее Баграмян отмечает, что «сам того не замечая, Кирпонос неожиданно отказался от всего, о чем просил совсем недавно. Это сразу поняли все, кто стоял рядом. И конечно, уж никак не ускользнуло от внимания Сталина»¹¹⁹². Такой вывод Баграмян подкрепил цитированием слов Сталина, которое полностью совпадает с тем, что привели в своих мемуарах Жуков и Грецов.

***◆

«Сталин. Первое. Предложение об отводе войск с Юго-Западного фронта исходят от вас и от Буденного, главнокома юго-западного направления. Вот выдержки из его донесения: “Шапошников указал, что Ставка Верховного Командования считает отвод частей ЮЗФ на восток пока преждевременным... Если Ставка не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим”. Как видите, Шапошников против отвода частей, а главноком за отвод, так же как и Юго-Западный фронт, который стоял за немедленный отвод частей.

Второе. О мерах организации кулака против конотопской группы противника и подготовки оборонительной линии на известном рубеже информируйте нас систематически.

Третье. Киев не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки. До свидания*.

¹¹⁹⁰ Грецов *Ы.Д.* На Юго-Западном направлении. М., 1965, с. 226—227.

¹¹⁹¹ Баграмян *И.Х.* Так начиналась война. М., 1971, с. 329.

¹¹⁹² Там же, с. 330.

Кирпонос. Указания ваши ясны. До свидания»¹¹⁹³.

***◆

Справка-комментарий. Любопытная деталь. Звездочкой обозначено место, применительно к которому Жуков дал ссылку на архивный документ — Архив МО СССР (ныне ЦА МО РФ). Ф. 96-А. Оп. 2011. Д. 5. Л. 99. Почему он при этом исключил последнюю фразу Кирпоноса, непонятно. Тем более непонятно и то, что, например, в четвертом издании его мемуаров, которое печаталось по третьему изданию, этой последней фразы Кирпоноса вообще нет¹¹⁹⁴.

◆◆◆

Как отметил в своих мемуарах Баграмян, «на следующий день (то есть 12 сентября. — А. М) мы узнали, что Ставка освободила Буденного от поста главнокомандующего войсками Юго-Западного направления и назначила вместо него Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко»¹¹⁹⁵.

Какие выводы можно сделать из этих фактов? Да очень простые выводы. Во-первых, хотели того Баграмян или Жуков, но, почти в точности воспроизведя тот разговор Кирпоноса со Сталиным, они совершенно однозначно показали всю подлость командующего Юго-Западным фронтом генерала Михаила Петровича Кирпоноса. Прежде всего, он, в сущности-то, попросту подставил Буденного, выставив его как паникера, ищущего возможность драпануть на восток, чего в действительности не было. Буденный был просто трезвомыслящим военачальником. А что касается Кирпоноса, так он сам просил разрешения на отвод войск фронта. И Буденный, который прекрасно знал обстановку, потому что очень тщательно следил за ней, поддержал его перед Ставкой. Увы, Кирпонос сделал то, что называется не только подлостью, но и сознательной под-

ставой вверенных ему войск под неминуемое окружение, разгром и пленение! Ведь он же сам еще 17 августа подал первый среди советского командования наиболее точный прогноз развития ситуации на его фронте. И тем не менее, когда Сталин, по сути дела, как отметил Баграмян, «не возражал против отхода, а предлагал лишь надежно обеспечить его организацией обороны на реке Псёл...»¹¹⁹⁶, Кирпонос сделал вид, что он об этом даже и не помышлял. А ведь если на принцип, то Сталин не просто не возражал против отвода войск под прикрытием надежной обороны на реке Псёл, а предложил вариант, достойный настоящего воина — спасение не бегством, а именно боем! Так действуют только настоящие воины. И Сталин, так же, как и все, давший воинскую присягу на верность СССР, поступил именно как настоящий воин-патриот! Но после того, что натворил своим отказом от предложения Сталина Кирпонос, его подчиненным только и оставалось, что хвататься за голову...

При таком раскладе фактов сразу же возникает следующий вопрос: зачем Кирпоносу понадобилось столь подло подставлять не только Буденного, из-за чего его тут же сняли с должности главкома Юго-Западного направления, и даже, возможно, не столько его, сколько вверенные ему, Кирпоносу, войска под неминуемое окружение, разгром и пленение?

В качестве обоснованного и потому наиболее вероятного ответа на этот вопрос усиленно напрашивается следующий факт. К началу второй декады сентября средний темп наступления супостатов на Юго-Западном направлении был снижен с 18—19 до 5—1,4 км в сутки! То есть в диапазоне от 3,6 до 13,6 раза¹¹⁹⁷ (в зависимости от конкретного участка ЮЗФ)! Так вот, это существенное снижение темпа наступления супостатов на этом направлении по сравнению с на-

¹¹⁹³ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. Том 2. М., 1990, с. 145—146.

¹¹⁹⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 4-е издание. Том 1. М., 1979, с. 339.

¹¹⁹⁵ Баграмян ИХ. Так начиналась война. М., 1971, с. 330—331.

¹¹⁹⁶ Баграмян ИХ. Так начиналась война. М., 1971, с. 329.

¹¹⁹⁷ Самсонов Л.М. Крах фашистской агрессии. 1939—1945. М., 1980, с. 164.

чальным периодом, когда войсками руководили Тимошенко и Жуков, произошло благодаря не только непревзойденному мужеству, героизму и стойкости простых советских солдат и адекватно реально складывавшейся обстановке мыслящих и действовавших строевых офицеров. Оно произошло прежде всего благодаря усилиям Главкома Юго-Западного направления, Маршала Советского Союза Семёна Михайловича Буденного!¹¹⁹⁸

Не этим ли конкретно Буценный мешал Кирпоносу подставить вверенные ему войска под неминуемое окружение, разгром и пленение, что он пошел не только на такую подлость в отношении Семёна Михайловича, но и фактически окончательно предрешил трагедию Киевского «котла»?! Трагедию, которую сам же четко предвидел еще с 17 августа 1941 г.

Чуть ниже читатели убедятся в том, что такой вопрос был поставлен отнюдь не ради сгущения красок. На то есть очень веские причины. Короче говоря, как ни расценивай, но ситуация получается вот такая. Буденного сняли, а на его место был назначен Тимошенко, причем, если верить Жукову, то по его же предложению — как знатока Украины. Принципиально же это означает, что судьба ЮЗФ вновь оказалась в руках одного из главрей «киевской мафии».

Не менее, если не более, важным является то обстоятельство, что Сталин прямо указал, каким образом надо действовать, дабы избежать катастрофы, открыть двери для которой так стремился Кирпонос. Однако, как показали дальнейшие события, несмотря на прямой, лично от Сталина полученный приказ систематически информировать Ставку о мерах по организации кулака против Конотопской группы противника и подготовке оборонительной линии на рубеже р. Псёл, Кирпонос ниче-

го не сделал. А это уже по факту серьезное воинское преступление, тем более что это было невыполнение приказа Верховного Главнокомандующего. Напротив, Кирпонос повел себя настолько пассивно, что даже Тимошенко «врезал» ему за это. Чуть ниже об этом будет сказано. Но забегая вперед, невозможно не отметить, что именно неисполнением приказа Верховного Главнокомандующего, который фактически дал если и не чудодейственный, то, по меньшей мере, весьма эффективный, реалистичный рецепт, как избежать катастрофы (то есть окружения), Кирпонос, по сути дела, вполне сознательно окончательно загубил войска фронта.

А ведь Ставка, в том числе и лично Сталин, понимая, сколь тяжелое и опасное положение складывается на ЮЗФ, директивой № 00198 от 12 сентября на имя командующего Брянским фронтом А.И. Еременко приказала: «Самым срочным и решительным образом покончить с группировкой противника в районе Шостка, Глухов, Путивль, Конотоп и соединиться с войсками ЮЗФ, для чего разрешается приостановить наступление на Рославльском направлении...

Операцию начать 14 сентября. Желательно закончить эту операцию и полностью ликвидировать прорыв между Брянским и Юго-Западным фронтами не позднее 18 сентября...»¹¹⁹⁹

Проще говоря, Ставка и лично Сталин делали все возможное, чтобы избежать катастрофы ЮЗФ. В тот момент это еще было возможно ударами по флангам 2-й танковой группы под командованием Г. Гудериана.

Увы, но прославившийся во время войны своими брехологическими заявлениями А.И. Еременко в очередной раз не выполнил указания Ставки. Немалую роль в этом сыграл также и наиподлейший обман командующего ВВС Жигарева, который, зная, что у него нет свободного истребительного полка в районе выгрузки

¹¹⁹⁸ Кстати говоря, это единственный советский военачальник, которого начальник генерального штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдер в самом уважительном тоне упомянул в своем дневнике за начальный период войны.

¹¹⁹⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16 (5-1). М., 1996, с. 179—180.

Однако так или иначе, но ЮЗФ тем не менее оказался не только разрезанным, пускай и формально в тот момент, но и окруженным как с запада, так и с востока. Соответственно нормальный выход из такого положения был только один — уда-рами изнутри кольца и снаружи перере-зать коммуникации обеих танковых групп.

Лирику насчет состояния сердечной мышцы тогда еще только будущего маршала Баграмяна оставим в стороне. Тем более что она мешает понять, что же натворил Кирпонос. А натворил он тогда, по признанию Баграмяна, вот что: «Мне пока казали донесение Кирпоноса в Генштаб и главному направлению. Оно заканчивалось словами: “Фронт перешел к боям в условиях окружения и полного пересечения коммуникаций. Переношу командный пункт в Киев, как единственный пункт, откуда имеется возможность управления войсками. Прошу подготовить необходимые мероприятия по снабжению армий фронта огнеприпасами при помощи авиатранспорта⁹⁷»¹²⁰².

709

мандующего по поводу того, что ему мало состояний скрыть ни подлость устного что докладывают. Л это в свою очередь приказ Тимошенко, ни очередной преда- вынуждает заподозрить, что уже в боевой тельский шаг Кирпоноса. И в результате обстановке командиры соединений ЮЗФ, показал самое главное — апофеоз пре- быстро раскусив, что это за «фрукт» их ко- дательства Кирпоноса... с подачи Тимо- мандующий фронтом, попросту стали его шенко, что уже безальтернативно и окон- игнорировать. Потому-то он систематиче- чательно привело к трагедии Киевского «котла». Судите сами.

Баграмян (исключая не имеющую никакого отношения к сути дела лирику): «Утром 16 сентября меня вызвали к глав- кому направления. В кабинете находились С.К. Тимошенко и Н.С. Хрущев.

А что касается глупости, то это в ча- сти его просьбы снабжения боеприпаса- ми с помощью авиации. На то, что такое предложение (или просьба) является бес- просветной глупостью, Кирпоносу еще 11 сентября указал лично Буденный¹²⁰³.

Тем не менее вот такое донесение Кир- понос все-таки отправил в Генеральный штаб. А в это время Тимошенко, вместо того чтобы немедленно организовать спасе- ние ЮЗФ, в том числе и Киевской группировки, изволил четверо суток валандаться вместе с Хрущевым в доме отдыха обкома КП(б) Украины, что в 20 км от Полтавы!¹²⁰⁴ Видите ли, знакомился с обстановкой... че- тыре дня! Супостаты прут как угорелые, как будто их чертов Адольф всем им зады скипидаром смазал, кольцо окружения вой- ском ЮЗФ, особенно Киевской группировки, вот-вот окончательно замкнется уже никак не разрываемыми тисками гигант- ского «котла», а он в доме отдыха на пару с Никиткой четыре дня кряду водку жрал, пардон, «знакомился с обстановкой»! «От- тянуться», что ли, приехал?!

Затем, когда до начала трагедии Ки- евского «котла» оставались считанные часы, как с печи свалившись, 16 сентября 1941 г. направил к Кирпоносу И.Х. Багра- мяна с устным приказом на отступление! И вот ведь что интересно. Описывая этот конкретный фрагмент предыстории Ки- евской трагедии, Баграмян оказался не в

...Главком заговорил об обстановке на киевском направлении. Оперативное положение войск фронта с каждым часом ухудшается. Противник вчера находился в двух-трех десятках километров от штаба фронта. Вот-вот может полностью нару- шиться управление войсками.

— Сейчас мы делаем все, чтобы по- мочь фронту: стягиваем на Ромны и Дубны все силы, которые смогли собрать, в том числе усиленный танками кавкорпус Бе- лова и три отдельные танковые бригады. Через несколько дней к нам подойдут ди- визии Руссиянова и Дизюкова. Этими си- лами мы попытаемся пробиться навстречу окруженным войскам фронта. Мы отдаем себе отчет, что разгромить две прорвав- шиеся фашистские танковые армии мы не сможем, но создадим бреши, через кото- рые смогут выйти окруженные войска. Вот цель наших ударов. Мы уверены, что в соз- давшейся обстановке Верховный Главно- командующий разрешит Юго-Западному фронту отойти к реке Псёл, поэтому и решили отдать сейчас приказ на организа- цию выхода из окружения.

— Сегодня же мы снова попытаемся переговорить с Москвой. Я надеюсь, что нам удастся убедить Ставку. А пока мы будем вести переговоры, Кирпонос и его штаб должны воспользоваться тем, что у противника еще нет сплошного фронта М. окружения»¹²⁰⁵.

¹²⁰³ Баграмян ИХ. Так начиналась война. М., 1971, с. 327.

¹²⁰⁴ Щеглов Ю. Мертвые сраму не имут и оставшихся в живых не попрекнут // Алфавит. 2000. № 14 (72), апрель, с. 17.

¹²⁰⁵ Баграмян ИХ. Так начиналась война. М., 1971, с. 334.

***♦

Комментарий. 1. Обратите внимание на то, что внешне прекрасный и единственно возможный замысел действий, который изложил Тимошенко, по состоянию на утро 16 сентября еще никак не согласован со Сталиным. Более того. Из слов Тимошенко явственно вытекает, что он уже пытался получить такое разрешение, поскольку отметил, что «сегодня снова попытаемся переговорить с Москвой». Следовательно, первая попытка была безрезультатной. Тимошенко всего лишь выразил уверенность, что ему удастся убедить Сталина согласиться с их мнением. Но ведь Сталин и раньше не возражал против отхода на рубеж р. Псел, но не в форме панического бегства, а под прикрытием боя, суть и направления которого он четко показал. Он еще вечером 11 сентября более чем ясно изложил свою программу действий ЮЗФ, в ответ на что Кирпонос полностью дезавуировал как свои обоснованные просьбы об отводе войск, так и аналогичные просьбы поддержавшего его Буденного, из-за чего Семена Михайловича попросту сняли с поста главкома. Тем не менее Сталин продолжал оказывать необходимую помощь ЮЗФ, чтобы его войска с боем прорывались на восток. Увы, Кирпонос ни хрена не делал.

2. Возьмите также на заметку, что Тимошенко точно было известно, что противник еще не создал сплошного фронта окружения. Это данные как разведки, так и самого штаба ЮЗФ. Далее эти данные нам очень пригодятся.

3. Обратите внимание также на следующее. В Тимошенко была связь со штабом ЮЗФ, в том числе и с Кирпоносом, как минимум по радио. Иначе откуда он знал бы реальное положение дел (ниже будет приведено соответствующее доказательство наличия радиосвязи между ними).

♦***

Продолжим цитирование мемуаров Баграмяна: «Чеканя слова, он продолжал:

— Доложите, товарищ Баграмян, генералу Кирпоносу, что в создавшейся обстановке Военный совет Юго-Западного направления единственно целесообразным решением для войск Юго-Западного фронта считает организованный отход. Передайте командующему фронтом мое устное приказание: оставив Киевский укрепленный район и прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил на тыловой оборонительный рубеж. Основная задача — при содействии наших резервов разгромить противника, вышедшего на

тылы войск фронта, и в последующем перейти к обороне по реке Псел. Пусть Кирпонос проявит максимум активности, решительно наносит удары в направлении Ромны и Лубны, а не ждет, пока мы его вытащим из кольца.

— Спешите, товарищ Баграмян. И пусть Кирпонос не медлит! Ваш перелет из Полтавы в район Пирятина обеспечит генерал Фалалеев.

... Казалось, все хорошо. Но меня смущало одно обстоятельство: такие важные полномочия, которыми наделил меня Военный совет Юго-Западного направления, не подкреплялись документами. Правда, приходилось учитывать, что самолет могут сбить, и совсем не желательно, чтобы такой документ попал в руки врага...»¹²⁰⁶

Правильно, что Баграмяна смутило отсутствие документального подтверждения такого приказа. Как, впрочем, верно и то, что при таком опасном перелете лучше не иметь при себе столь важных документов. Все это так. И все, подчеркиваю, верно, и формально адекватно реальной ситуации.

Однако Тимошенко прекрасно знал настрой Сталина на этот счет. Не тот уперто упрямый настрой не оставлять своих позиций, пока все костыли не лягут, запрещавший даже отход и выход из окружения, как обычно это представляют весьма недалекие, но подловатые историки, особенно чертовы «демократы» от истории. А тот самый настрой, который требовал даже от попавших в окружение войск и особенно их командования — на войне ведь всякое может случиться, в том числе и окружение, — ожесточенно драться в окружении и с боями, именно с боями прорываться к своим. Подчеркиваю, именно с боями и именно прорываться к своим, а не просто выходить из окружения.

Так вот, зная все это, зная, какая участь постигла бывшего командующего ЗФ Павлова и его подчиненных, Тимошенко, в сущности, сотворил подлость, отдав столь важный приказ в устной форме. Ведь мож-

¹²⁰⁶ Баграмян ИХ. Так начиналась война. М., 1971, с. 335.

но же было издать такой приказ в письменной форме, показать его Баграмяну и потребовать от него в точности передать его содержание, номер, дату и время подписания, а также кто подписал. Но на руки этот приказ не выдавать и не разрешать взять с собой для показа Кирпоносу. Л для того, чтобы Кирпонос безусловно поверил устному сообщению Баграмяна, необходимо было по радио предупредить Кирпоноса, что к нему с исключительно важным сообщением вылетает Баграмян, выслушав которого Кирпонос обязан по радио запросить подтверждение Тимошенко заранее обусловленным текстом (шифром), который сообщил бы Баграмян. Это элементарные правила в таких ситуациях. Иначе ни один командир не будет выполнять устные приказы вышестоящего командования особенно если они откровенно грозят не просто военным трибуналом, а именно же расстрелом за самовольный отход в боевой обстановке с занимаемых рубежей обороны без санкции вышестоящего командования.

Однако Тимошенко ничего из того, что требовала элементарная порядочность, не говоря уже о правилах, не сделал. И это ровно через месяц после того, как в войсках уже был оглашен суровый приказ Сталина № 270 от 16 августа 1941 г., который однозначно подчеркивал, что за отступление без письменного приказа — расстрел неминуем.

◆**

Справка-комментарий. К слову сказать, это был не первый приказ с угрозой расстрела за самовольный отход с занимаемых рубежей обороны. В п. 6 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ГКО СССР «О ПРЕОБРАЗОВАНИИ СТАВКИ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ И НАЗНАЧЕНИИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХ ВОЙСКАМИ НАПРАВЛЕНИЙ» № ГОКО-83сс 10 июля 1941 г. говорилось: «<...> 6. Обязать Главкомов указать в специальном приказе подчиненному им фронтовому и армейскому командованию, что наблюдающиеся факты самовольного отхода и сдачи стратегических пунктов без разрешения высшего командования — позорят Красную Армию, что впредь за самовольный отход будут караться виновные командиры расстрелом»¹²⁰⁷.

¹²⁰⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 132. Машинопись, заверенная копия.

Зачем надо было так поступать после того, как в войсках стало известно о суровом, но закономерном приговоре командующему ЗФ генералу Павлову и ряду его подчиненных?! Зачем надо было так подставлять командующего фронтом, под командованием которого находились сотни тысяч солдат и офицеров, многие из которых затем угодили в плен?

На что рассчитывали Тимошенко и Хрущев, поступая таким образом? Ведь они же не могли не понимать, что Кирпонос прекрасно знает о приказе № 270 от 16 августа 1941 г., который был объявлен по всем войскам. Образно говоря, тем самым Тимошенко и Хрущев лично вогнали предпоследний гвоздь в символический гроб для Кирпоноса и его войск. Ведь отступить без письменного приказа он не мог и не смел, тем более после того жесткого разговора со Сталиным. Как, впрочем, и не мог не видеть, что трагический финал для возглавляемых им войск вот-вот грянет со страшной силой. Хотя до такого положения дел Кирпонос довел войска фронта лично сам, приведя за собой к краю пропасти гигантскую группировку советских войск. Великий Рокоссовский давным-давно указал на то, что Кирпонос то ли вовсе не знал обстановки, то ли попросту не хотел ее знать! Последнее, пожалуй, наиболее точно соответствует истине. А когда командующий фронтом ведет себя подобным образом, то, выражаясь словами великого полководца, «Горе Войскам, Ему Вверенным»! Через два с небольшим дня «Горе Войскам, Ему Вверенным» грянуло со страшной силой — Киевский «котел» на смерть замкнулся!

А Кирпонос и в самом деле вел себя даже непосредственно накануне трагедии именно так, что «Горе Войскам, Ему Вверенным», как указал Великий Рокоссовский, было уже абсолютно неминуемо неизбежно!

Вот любопытные документальные свидетельства на этот счет:

1. Во время переговоров Тимошенко с Шапошниковым 15 сентября (они происходили с 17.40 до 19.00 15.9.41 г.), главком ЮЗН отметил, что из сообщений Кирпоноса «не видно решительных мероприятий, выраженных в перегруппировке с задачей жара, хотя бы в направлении Ромны, где противник в сравнении с южной группировкой является на сегодня слабее.

...Кирпонос не совсем ясно представляет себе задачу уже потому, что просится со своим командным пунктом в Киев...»¹²⁰⁸

2. Следующий документ как раз от 16 сентября 1941 г., когда к Кирпоносу полетел Баграмян. Любопытен он не только своим содержанием, что, конечно же, самое главное в нем, но и тем, что он был передан по радио. То есть радиосвязь между штабом Юго-Западного направления и штабом Юго-Западного фронта реально существовала. Итак, вот этот документ: «Особо важная. *По радио*. Командующему Юго-Западным фронтом. Копия: Начальнику Генерального штаба

Из Ваших донесения и запросов усматриваю, что Вы фактически перешли к пассивному сопротивлению. До сего времени Вы не создали ударных групп для парирования прорывов противника.

Приказываю:

1. Создать ударную группу составе не менее двух-трех дивизий с артиллерией для действий в направлении Ромны.

Вторую группу иметь в направлении Лубны.

2. Для парирования удара противника из района Козелец использовать часть сил из обороны КиУРа.

После разгрома Ромненской группировки противника и восстановления фронта 40-й армии подвижная группа Белова совместно с 5 кав. Корпусом будет направлена для разгрома Кремен-

¹²⁰⁸ Грецов М.Д. На Юго-Западном направлении. М., 1965, с. 236.

чугской группы. Тимошенко, Хрущев, Покровский»¹²⁰⁹.

Очевидно же, что даже Тимошенко уже дважды всерьез упрекнул Кирпоноса в пассивном сопротивлении врагу, в фактическом срыве создания ударных группировок для прорывов противника. На что, кстати говоря, обращал внимание Кирпоноса еще Сталин и ради чего Иосиф Виссарионович передавал в распоряжение ЮЗФ дополнительные силы, прежде всего, для того, чтобы использовать их на ромненском направлении¹²¹⁰.

Но в то же время невозможно не обратить внимание на то, что если сам Тимошенко повел бы себя порядочно, то не следовало бы даже упрекать Кирпоноса в этом, тем более дважды. Надо было просто отстранить его от должности командующего войсками фронта и назначить того же генерала Туликова на его место. Или, по меньшей мере, поставить перед Ставкой вопрос о немедленной замене Кирпоноса. Куда больше пользы было бы, и, возможно, не случилась бы трагедия Киевского «котла». Или по крайней мере она была бы минимизирована. А так его упреки больше смахивают на подготовку алиби лично для себя — на случай, если ЮЗФ под командованием Кирпоноса безальтернативно, но «благополучно» накроется «медным тазом». А Тимошенко ясно видел, что это произойдет, образно говоря, с минуты на минуту.

Одновременно следует отметить, что, в сущности, этой радиогаммой-директивой Тимошенко все-таки обрисовал командующему ЮЗФ весь план его действий и возглавляемых им войск по достойному, с боями выходу из окружения.

¹²⁰⁹ Директива Главнокомандующего войсками Юго-Западного направления № 0369 от 16 сентября 1941 г. командующему войсками Юго-Западного фронта на создание ударных групп войск фронта. СБД ВОВ. Выпуск № 40. Цит. по: Быков К. Киевский «котел». Крупнейшее поражение Красной Армии. М., 2007, с. 307.

¹²¹⁰ Грецов М.Д. На Юго-Западном направлении. М., 1965, с. 232—233.

Комментарий. Кстати говоря, тогда же, 16 сентября 1941 г. в 20 ч. 15 мин., за подписью Тимошенко, Хрущева и Покровского была направлена директива № 0383 командармам 40 и 38, а также командиру 5-го КК (в копиях — НГШ и Кирпоносу). В ней достаточно подробно были указаны меры по предотвращению окружения войск ЮЗФ и оказания им помощи в прорыве¹²¹¹.

Проще говоря, Кирпоноса в полной мере информировали о том, что он должен предпринять, а также о предпринятых командованием ЮЗН мерах по предотвращению окружения войск ЮЗФ и прорыву позиций противника в целях достойного выхода из создавшегося окружения, в котором, как отметил Тимошенко в разговоре с Баграмяном, в тот момент еще не было создано сплошного фронта. У супостатов просто не хватало для этого сил.

Увы, но Кирпонос по-прежнему вел себя так, что «Горе Войскам, Ему Вверенным» в прямом смысле слова час от часу становилось все более и более неминуемым. И перед тем как со страшной силой грянуло это самое «Горе Войскам, Ему Вверенным», уже лично Кирпонос, образно говоря, вколотил последний символический гвоздь в давно сколоченный его же усилиями гроб для войск ЮЗФ.

Прекрасно осознавая, что в итоге натворил Юфпонос, когда Баграмян передал ему устный приказ Тимошенко, Иван Христофорович явно из корпоративной генеральско-маршальской солидарности решил грудью защитить погибшего, но успевшего тем не менее привести к гибели гигантскую группировку советских войск Кирпоноса и в мемуарах написал следующее: «Из-за непогоды мы смогли вылететь лишь на следующий день»¹²¹². То есть якобы его полет к Кирпоносу состоялся только 17 сентября.

¹²¹¹ СБД ВОВ. Выпуск № 40. Факт приводится по: Быков К. Киевский «котел». Крупнейшее поражение Красной Армии. М., 2007, с. 307—308.

¹²¹² Баграмян ИХ. Так начиналась война. М., 1971, с. 335.

Цитировать далее нет никакого смысла, ибо там только одна фронтовая лирика. Главное именно в приведенной фразе. И самое шавное состоит в том, что это, увы, откровенная ложь Ивана Христофоровича. Потому что на самом деле он вылетел к Кирпоносу в тот же день, то есть 16 сентября 1941 г. и вечером того же дня уже был у него. Его ложь разоблачается записью в летной книжке командира экипажа 230-го скоростного бомбардировочного полка Павла Филипповича Симонова. Именно он командовал экипажем самолета, на котором Баграмян был доставлен через линию фронта. Самолет приземлился вечером 16 сентября на уже заминированном аэродроме в Гребенке (в 12 км к югу от Пирятина). В записи в его летной книжке говорится: «16 сентября 1941 года. Полет Полтава — Пирятин. Особое задание». Факт прилета Баграмяна именно 16 сентября на аэродром Гребенка подтверждает в своих мемуарах и маршал Н.С. Скрипко: «К вечеру 16 сентября все самолеты, как исправные, так и неисправные, но способные взлететь, перебазировались из района окружения на запасные аэродромы, расположенные вне кольца. Чтобы проверить организацию отправки людей по воздуху, к наступлению сумерек я приехал на аэродром Гребенка. Ночного старта и средств радиосвязи не было. Находившийся на летном поле командир авиабазы доложил, что согласно распоряжению, полученному из штаба ВВС фронта, аэродром он заминировал, применив для этого фугасные авиабомбы, и что при возникновении реальной угрозы прорыва гитлеровцев готов уничтожить все важные объекты.

Еще не успели выложить линию костров ночного старта, как на аэродром произвел посадку самолет-бомбардировщик СБ. На нем прибыл из штаба юго-западного направления генерал-майор И.Х. Баграмян со срочным заданием к командующему фронтом»¹²¹³. Здорово маршалы друг

¹²¹³ Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М., 1981, с. 137.

друга разоблачали после войны — просто песня!

Но нас не это интересует. Нас интересует, что же конкретно натворил Кирпонос. А натворил он вот что. Вместо того чтобы запросить у Тимошенко подтверждение сообщения Баграмяна — ведь радиосвязь-то действовала, — он пошел по другому пути. Проваландавшись до 17 сентября — а ведь Баграмян прилетел хотя и вечером, но 16 сентября, и еще было время сразу запросить Тимошенко, не говоря уже о том, чтобы начать исполнение других упомянутых выше директив Главкома направления, — Кирпонос только 17 сентября запросил... Ставку:

«Товарищу Сталину, лично.

Копия: Главкому ЮЗН товарищу Тимошенко

Главком Тимошенко через зам. нач. штаба фронта передал устное указание: основная задача — вывод армий фронта на р. Псёл с разгромом подвижных групп пр-ка направлений Ромны, Лубны. Оставить минимум сил для прикрытия Днепра и Киева.

Письменные директивы Главкома совершенно не дают указаний об отходе на р. Псёл и разрешают взять из Киевского УР только часть сил. Налицо противоречие, что выполнять? Считаю, что вывод войск фронта на р. Псёл правилен на том условии необходимо оставить полностью Киевский УР, Киев р. Днепр. Срочно просим Ваших указаний. Кирпонос, Бурмистенко, Рыков, Баграмян»¹²¹⁴.

И вот что примечательно. Срочных указаний на отход у Ставки запросил, а сам, между прочим, и по свидетельству Баграмяна, заранее перебросил за реку Псёл авиацию и тылы фронта¹²¹⁵. Любопытно также и то, что в этом запросе в Ставку нет указания на время его отправления. А ведь это исключено по определению. Ситуация

требовала мгновенных решений, вопрос-то был поставлен архиважный, и ответ требовался очень срочно. Трудно сказать, когда исчезло указание времени. Во всяком случае, при публикации в сороковом выпуске СБД ВОВ, где этот документ является последним, время отправления не было указано. Осмелюсь высказать предположение, что время отправления исчезло именно при Хрущеве, так как этот том выходил в свет в 1960 г., то есть в период его волюнтаристского правления. И если бы время было показано, то стало бы ясно, что Кирпонос злоумышленно тянул время.

Опираясь, очевидно, на эти обстоятельства, Баграмян в своих мемуарах, не задумываясь, написал следующее:

1. «Наконец, в ночь на 18 сентября Москва откликнулась на нашу радиограну. Начальник Генерального штаба лаконично сообщил: Ставка разрешает оставить Киевский укрепрайон и переправить войска 37-й армии на левый берег Днепра»¹²¹⁶.

2. «Итак, в ночь на 18 сентября почти все армии знали о порядке отхода»¹²¹⁷.

3. «Военный совет и штаб фронта тронулись в путь в ночь на 18 сентября»¹²¹⁸.

4. «Во второй половине ночи подошли к реке (Удай. — А. М.)»¹²¹⁹.

Вы поняли, что сделал Баграмян? Если нет, то позвольте прийти на помощь. Перенеся свой перелет к Кирпоносу на 17 сентября, хотя на самом деле он прилетел туда вечером 16 сентября, Баграмян задним числом фактически выдал Кирпоносу карт-бланш в виде суток. Проще говоря, своим высоким авторитетом прикрыл фактическое преступление Кирпоноса. Мало того что тот отказался выполнять распоряжение главкома в ситуации неминуемой катастрофы в случае отказа тот его исполнения, и тем более неисполнения иных предыдущих указаний Сталина и Тимошенко, так еще ведь и время протянул фактически сутки.

В результате расследования на фактах установлено, что Кирпонос действительно

¹²¹⁴ Донесение командующего войсками Юго-Западного фронта № 15788 от 17 сентября 1941 г. Верховному главнокомандующему о выводе войск на р. Псёл. СБД ВОВ. Т. 40. Цит по: Быков К. Киевский «котел». Крупнейшее поражение Красной Армии. М., 2007, с. 308—309.

¹²¹⁵ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 344.

¹²¹⁶ Там же, с. 343.

¹²¹⁷ Там же, с. 344.

¹²¹⁸ Там же, с. 356.

¹²¹⁹ Там же.

предательски тянул время, фактически целые сутки. Зачем, спрашивается? Если уж так хотелось запросить Ставку и лично Сталина, то зачем надо было тянуть целые сутки? Неужели так трудно было сделать такой же запрос в Ставку вечером 16 сентября? Или он что, специально тянул время для того, чтобы кольцо окружения превратилось в сплошной, непробиваемый фронт? Так, что ли, надо понимать его волюнку со временем? И в таком случае как прикажете квалифицировать его поведение?

Особенно, если учесть что такой запрос по своей сути фактически повторял подлый фокус с подставой Буденного. А сам факт затяжки времени совершенно идентичен тому, как Кирпонос тянул время с отдаванием приказа 6-й армии о приведении ее в боевую готовность и выдвигании на рубежи обороны. Это что, «фирменный почерк» Кирпоноса по подставе вверенных ему войск под неминуемый разгром и пленение?..

А далее, возможно, и сам того не желая, Баграмян совершенно однозначно показал ситуацию панического драпа Кирпоноса и штаба фронта, что автоматически привело к развалу остатков управления войсками фронта. Потому что, подчеркиваю эти обстоятельства еще раз, написал:

1. «Наконец, в ночь на 18 сентября Москва откликнулась на нашу радиogramму. Начальник Генерального штаба лаконично сообщил: Ставка разрешает оставить Киевский укрепрайон и переправить войска 37-й армии на левый берег Днепра».

2. «Итак, в ночь на 18 сентября почти все армии знали о порядке отхода».

3. «Военный совет и штаб фронта тронулись в путь в ночь на 18 сентября».

4. «Во второй половине ночи подошли к реке (Удай. — А. М.)».

А как это все три главных действия (то есть то, что изложено в первых трех пунктах) могли состояться в одно и то же время — в ночь на 18 сентября? И санкция Ставки, и оповещение почти всех армий о порядке отхода, и начало движения Военного совета и штаба фронта — все

в одно время?! Как умудрились-то? Не говоря уже о том, кто же будет фронтом командовать, а, самое главное, как? Ведь в путь-то тронулись одновременно командующий, Военный совет, основная часть штаба, политуправление, начальники родов войск и служб¹²²⁰.

Вот загадка так загадка: как все эти действия могли произойти одновременно (по Баграмяну), если, как отмечает известный историк А. Исаев, разрешение Ставки на оставление Киева было дано в 23 часа 40 минут (московского времени. — А. М.) 17 сентября!¹²²¹ Добавьте к этому время, необходимое для приема сообщения, его расшифровки, краткого совещания командования ЮЗФ по вопросу о порядке исполнения шифровки, передачи этого разрешения в армии, части и соединения и т.д. и т.п., то у вас получится, что выступить они могли не ранее чем на рассвете 18 сентября.

Вы поняли, что на самом деле произошло?! По словам Баграмяна выходит, что драп начался до получения разрешения Ставки! Вот что означает сопоставление времени получения разрешения Ставки — 23 часа 40 минут (московского времени) 17 сентября — и описания Баграмяна «в ночь на 18 сентября...». Потому, что пока они получили и расшифровали радиogramму Ставки, пока отдали все необходимые в таком случае приказания, пока подготовились, то ночь на 18 сентября давно уже перевалила за полночь. И, следовательно, в таком случае движение должно было начаться уже далеко за полночь, то есть на самом деле уже не ранее рассвета 18 сентября. И то в лучшем случае. Но Баграмян-то утверждал, что сие началось уже в ночь на 18 июня. Следовательно, остается только один вывод: в действительности драп начался до получения разрешения Ставки! И не просто драп, а именно же панический драп, то есть то, чего опасался Сталин и о

¹²²⁰ Баграмян ИХ. Так начиналась война. М., 1971, с. 356..

¹²²¹ Исаев А. «Котлы» 1941-го. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005, с. 195.

чем он говорил Кирпоносу, напомнив ему предыдущий случай отвода войск ЮЗФ, превратившийся в хаотическое бегство. Счастье Кирпоноса, что он погиб, иначе вполне заслуженно ему пришлось бы давать самые подробные разъяснения своих действий в одной из «уютных» камер на Лубянке, а потом по обоснованному приговору законного советского суда военного трибунала встать у расстрельной стенки.

Потому что драп начался в ситуации, когда супостаты находились далеко от штаба ЮЗФ. На севере не менее чем в 50 км от Пирятина, а на западе — не менее чем в 40 километрах от того же Пирятина. Только на юге и на востоке супостаты были примерно в 30 км. Ни так ни сяк непосредственной угрозы штабу фронта еще не было. Тем более что, например, с западана Лохвицы. Но если приказ нанести удар в тыл немцам должна была выходить еще достаточно сильная 37-я армия, которой было приказано пробиваться на Пирятин.

Так вот и спрашивается, за каким же чертом Кирпоноса столь резво, в ночь на 18 сентября, еще до получения разрешения Ставки, понесло в Лохвицы до того, как его армии еще даже и не начинали своих ударов в этом направлении, хотя приказы на этот счет получили?! Точнее, якобы получили, потому что до получения разрешения Ставки на отход отдавать приказы армиям фронта было не с руки. А вдруг Ставка что-нибудь прикажет такое, что командование ЮЗФ не предполагало?

Более того. За каким же чертом его понесло именно в Лохвицы, если его начальник штаба генерал Тупиков еще вечером 13 сентября прекрасно знал и, естественно, докладывал Кирпоносу о том:

— что в Лохвице уже противник, которому нечего противопоставить и потому он продвигается, не встречая сопротивления,

— что фронты обороны 21-й и 5-й армий прорваны и потому они ведут подвижную оборону,

— что прорван стык с 37-й армией,

— что началось перемешивание тылов 5—1 и 21-й армий,

— что они, будучи не в состоянии сдержать противника, отходят на стык 37-й и 26-й армий?!¹²²²

Блестящий аналитик-историк Ю.И. Мухин, проанализировав все, что натворил Кирпонос в это время, подметил немало интересных нюансов, среди которых наибольшее внимание привлекает следующий. Куда по приказу Кирпоноса стремилась вся штабная колонна ЮЗФ? Сказать просто Лохвицы — значит мало что сказать. В действительности Кирпоноса опять понесло в такое же место, где ее пленение было бы фактически неминуемым. То есть в село Лохвицы, где с 15 сентября супостаты уже плотно обосновались. Между тем, тогда же, в ночь на 18 сентября, Кирпонос отдал приказ командованию 5-й армии нанести удар в этом направлении только-только отдан, то, принимая во внимание необходимое время дня его исполнения, как минимум сутки даже при абсолютно немедленном выполнении, то за каким же чертом Кирпоноса понесло именно туда, где супостаты уже плотно обосновались?! В те самые Лохвицы, где, повторяю, с 15 сентября супостаты уже плотно обосновались. В те самые Лохвицы, до которых от Верховяровки — последнего места дислокации штаба ЮЗФ — было всего-то три часа пути на машинах.

Проанализировав все, что связано с этим паническим драпом, Ю.И. Мухин более чем обоснованно сделал следующий вывод: «Таким образом, с какой точки зрения ни посмотри, а то, что Кирпонос и штаб поспешно прекратили управление войсками фронта и поспешно выехали в направлении Лохвицы, честных объяснений не имеет. Оно имеет только одно объяснение: цель этого — дезорганизация войск фронта с тем, чтобы немцы могли легко их добить и не предъявляли потом пленному Кирпоносу претензий из-за “бессмысленного сопротивления”, повлекшего потери немецких войск.

¹²²² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16(5—1) М., 1996, с. 380.

Ведь даже дезорганизованные и преданные частью полководцев РККА полки и подразделения Юго-Западного фронта дрались очень долго. В ночь на 18 сентября Кирпонос бросил их без командования, а части 26-й армии сражались и пробились к своим только к октябрю, части 37-й армии сражались до 5 октября»¹²²³.

Добавим к этому блестящему выводу известного историка-аналитика один штрих. Это имеет не только объяснение, которое дал Ю.И. Мухин. Увы, но это еще и явно откровенная попытка Кирпоноса сдать в плен все командование фронтом и сдаться самому! Хочу особо подчеркнуть, что такой вывод — вовсе не преднамеренное сгущение красок и уж тем более не беспочвенное обвинение Кирпоноса в попытке совершить предательство. Увы, этот вывод напросился сам собой. Потому как факты свидетельствуют, что в течение трех суток Кирпонос дважды попытался сунуть и свою голову, и головы всего командования фронтом, а заодно и тех, кто их окружал и охранял, в петлю неминуемого плена. Сначала пытался пробраться в Киев, из-за чего даже Тимошенко, мягко выражаясь, пожаловался на Кирпоноса Шапошникову, а теперь вот в Лохвицы собрался. Списать же на то, что он якобы с ума спятил или был до такой степени растерян или не информирован об обстановке — и рад бы, но ведь не получится. Ибо с ума он не сходил, обстановку прекрасно знал его начальник штаба Тупиков и не скрывал ее. Растерянности тоже не было — Баграмян ясно показал, что в этот момент Кирпонос действовал решительно. Так что остается только одно. Это было сознательное действие, то есть приказ двигать на Лохвицы, чтобы всенепременно всем скопом угодить в плен.

Тем более что в ночь на 18 сентября произошел окончательный и полный раз-

вал даже остатков управления войсками ЮЗФ. Вспомните страшные слова генерала В.С. Петрова о ситуации на ЮЗФ именно в эти дни, и вам в очередной раз станет ясно, что автор книги просто вынужден констатировать все эти факты. Например, на маршруте движения этой колонны, в селе Городищи, уже утром 19 сентября к ней присоединилась колонна штаба 5-й армии во главе с Потаповым и остатки 31-го СК во главе с командиром этого корпуса Калинин. То есть, если по-простому, как только они узнали, что Кирпонос и штаб ЮЗФ начали свой драп, эти тоже побросали свои войска и смылись. Иначе попросту не успели бы утром 19 сентября соединиться с колонной штаба ЮЗФ.

Далее Кирпонос достаточно быстро избавился от большинства своих спутников, в том числе и от наиболее боеспособных подразделений, состоявших из чекистов — сотрудников Особого отдела фронта, роты охраны НКВД и пограничников. В ночь на 18 сентября вышла колонна в 15 тысяч человек. Полнокровная дивизия. Причем с неплохим для выходящих из окружения вооружением. Об этом свидетельствует содержание справки комиссии ГУК наркомата обороны СССР «О гибели командующего войсками Юго-Западного фронта Героя Советского Союза генерал-полковника М.П. Кирпонос и других генералов в сентябре 1941 г. на Полтавщине», доложенной Сталину 17 января 1944 г.¹²²⁴

К утру 19 сентября спутников осталось всего три тысячи. 20 сентября — всего тысяча. Командуя колонной, Юсрпонос, если исходить из описания Баграмяна, попусту петлял в немецком окружении, вместо того чтобы идти если и не абсолютно прямо на восток, то хотя бы в направлении на восток. И как ни крути, но его зигзаги, если смотреть на них по карте, оставляют впечатление полного идиотизма. Но это если расценивать по обычной логике. А если с позиции исполнения своего свя-

¹²²³ Мухин Ю.И. Если бы не генералы. М., 2010, с. 178—179.

¹²²⁴ «Известия ЦК КПСС». № 11, 1990, с. 192—195.

того воинского долга перед Родиной — то все выглядит по-другому. Эти зигзаги вкупе со всем, что натворил Кирпонос, оставляют более чем твердокаменное впечатление, что он действительно стремился попасть в плен, а заодно сдать в плен и все командование фронтом. По официальной версии, во время боя в урочище Шумейково Кирпонос погиб от осколка немецкой мины.

Тысячи раз прав Ю.И. Мухин, подчеркнув, что своими действиями Кирпонос сдобился чего хотел, но не полностью — с ним все же оставались бойцы и командиры, которые собирались исполнить свой долг до конца. Поэтому когда к обеду 20 сентября немцы все же собрали достаточно сил, то часть солдат и командиров, оставшихся с Кирпоносом, открыла по немцам огонь, а те, само собой, подвели артиллерию и начали перепахивать рошу снарядами, уничтожая и храбрцов, и трусов. Вот поэтому историкам до сих пор и неясно, что же на самом деле произошло с Кирпоносом и Бурмистенко — действительно они погибли от осколков или их все же пристрелили солдаты НКВД, все оставшиеся при штабе и понявшие, в чем дело?»¹²²⁵.

Не следует думать, что Ю.И. Мухина занесло. У него для этого были немалые основания. Дело в том, что существуют две версии прорыва и гибели генералов ЮЗФ. Обе армейские — И.Х. Баграмяна и В.С. Петрова. Но есть, оказывается, и третья версия — версия военных контрразведчиков, сумевших тогда выйти из окружения. Так вот, по их версии, кстати, не лишенной, как и армейские версии, налета некоторой лубочности, Кирпонос погиб 20 сентября во время контратаки¹²²⁶.

По официальной же версии, во время контратаки 20-го сентября он получил ранение в ногу, вследствие чего его перенес-

ли на дно оврага в лесу, где его и достал осколок немецкой мины¹²²⁷.

Увы, разнятся и описания последовавших после гибели Кирпоноса действий его подчиненных. По официальной версии, только 21 сентября с трупа Кирпоноса сняли шинель (кстати говоря, а при чем тут шинель? Сентябрь 1941 г. на Полтавщине был очень жарким. И что, Кирпонос, как узбек, для спасения от жары в качестве теплого халата одевал генеральскую шинель?), срезали с кителя петлицы со знаками различия, сняли звезду Героя Советского Союза, а сам труп укрыли в кустах, тщательно замаскировав его ветвями и листьями¹²²⁸. По версии Баграмяна, это было сделано сразу же после того, как Кирпонос скончался от смертельного ранения осколком немецкой мины, то есть 20 сентября.

После освобождения Украины в 1943 г. места захоронения Кирпоноса, а также генерала Туликова были найдены, и они были перезахоронены в Киеве. Сейчас их останки покоятся в парке Вечной Славы у основания гигантского обелиска, возле могилы Неизвестного солдата.

**◆

Комментарий. Вот только одно непонятно. Немцы еще тогда, 20 сентября, отлично знали, что в урочище Шумейково находится штаб ЮЗФ, потому и предпринимали отчаянные попытки уничтожить его, а частью пленить, что, увы, им удалось. И как они оставили в покое труп Кирпоноса — тоже непонятно. Ведь им же было известно от захваченных в плен солдат, офицеров и генералов, что там погиб командующий ЮЗФ. Тем более непонятно, каким образом, замаскированный всего лишь ветками и листьями в кустах, то есть находившийся на воздухе в течение двух с лишним лет, труп генерала Кирпонос мог сохраниться в такой степени, что в ноябре 1943 г. он был не только найден, но и опознан и идентифицирован. К тому же розыскная комиссия нашла также и якобы труп генерала Потапова, который на самом деле остался жив, хотя и был ранен и тяжело контужен, вследствие чего и попал в плен. Между прочим, к тому времени военная контрразведка уже точно знала, что Потапов находится в плену¹²²⁹.

¹²²⁵ Мухин Ю.И. Если бы не генералы. М., 2010, с. 196—197.

¹²²⁶ Крамар В. Контрразведчики идут в бой первыми//Независимое военное обозрение. № 32, 2004, 27 августа.

¹²²⁷ «Известия ЦК КПСС». № 11, 1990, с. 192—194.

¹²²⁸ Там же, с. 194.

¹²²⁹ Там же.

...Ну, а когда Киевская группировка была ликвидирована, то у Гитлера вновь были развязаны руки, и он всеми силами устремился к Москве, докатившись до ее окраин. И опять «прозорливый» Жуков, теперь будучи уже командующим Западным фронтом, предлагал сдать — столицу уже, — однако Сталин решительно воспрепятствовал¹²³⁰. Такая вот она, подлинная история, если не по Жукову...

Вот и решайте теперь, кто же виноват в трагедии Киевского «котла» — Сталин или Кирпонос? Только не забудьте при этом принять во внимание, что Сталин четырежды за Кирпоноса и Генштаб разгадывал замыслы супостатов и давал Кирпоносу очень дельные указания! Первый раз еще 25 июня, когда стал создавать Брянский фронт, затем 4 августа — о спешном создании прочной обороны по Днепру севернее и южнее Киева, потребовав одновременно обеспечивать фланги от танковых ударов супостатов. Кстати, когда это было сделано, супостаты не смогли форсировать Днепр в полосе фронта Кирпоноса. Третий раз — 19 августа, когда Сталин раскусил замысел супостатов ударить во фланг и тыл фронта, с тем чтобы обойти Киев с севера и юга. Тогда же от Кирпоноса требовали удерживать Киевский укрепленный район и быть готовым к отражению удара с юга. Тем не менее Кирпонос пропустил удар со стороны Кременчугской группировки вермахта. И четвертый раз — 11 сентября — то, что уже выше было подробно описано¹²³¹.

Завершая наше аналитическое разведывательно-историческое исследование причин разгрома и поражения самого мощного на западных границах СССР Киевского особого военного округа — Юго-Западного фронта, было бы в корне неверно не привести мнение на этот счет

бывшего главкома Юго-Западного направления — Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного. В своем дневнике, фрагменты которого были опубликованы в 2007 г. в газете «Красная звезда», Буденный, в частности, написал следующее: «Я был назначен командующим войсками Юго-Западного направления, куда входили Юго-Западный и Южный фронты. Первым командовал М.П. Кирпонос, а вторым — И.В. Тюленев. Ставку для штаба направления я наметил в г. Полтаве. Но обстановка очень быстро менялась не в нашу пользу. Сталин приказал мне, чтобы я срочно выехал в Киев и организовал его оборону. Это распоряжение я получил в Лубнах, едучи в Полтаву. Ехал в своем вагоне и при мне вагон-гараж. Я быстро выгрузил машину и выехал вместе с тт. Покровским и Зеленским (А.П. Покровский — в тот момент начальник штаба Резервной группы войск, П.П. Зеленский являлся адъютантом маршала. — А. М.) в Киев, а вагоны отправил в Полтаву.

По дороге на Киев я обогнал стрелковый корпус во главе с командиром корпуса т. Кулешовым, который формировался на Северном Кавказе, но задачи пока не получил. Тогда я Кулешову приказал двигаться на Киев в распоряжение командного фронта т. Кирпоноса. Сам же поехал прямо в Киев и направился прямо на командный пункт укрепрайона (Киевский УР), который хорошо знал и полагал, что там находится Кирпонос. Проскочив Киев, я прибыл на командный пункт, но там никого не оказалось, а сам пункт был уничтожен так же, как УР.

Возвратившись в Киев, я заехал в штаб военного округа и там узнал, что штаб фронта находится в Бриварах, на восточном берегу Днепра. Прибыв в штаб фронта, я встретился с тт. Хрущевым Н.С., Кирпоносом, Пуркаевым (начштафр.), Баграмяном (начоперупрфронта), Бурми-стенко (член Военного Совета фронта). Все мы приступили к обсуждению вопро-

¹²³⁰ Г» *Щев* ф Несписочный маршал. М., 1995, с. 25.

¹²³¹ Червов Н.Ф. Провокации против России М., 2003, с. 167.

са, как защищать Киев и чем мы распола- маневрировать ни на поле боя, ни на театре гаем для этого. военных действий. В войсках у нас было

Я информировал участников совеща- единственное противотанковое средство — ния, что к нам направляется стрелковый это горючая смесь в бутылках, которые корпус Кулешова и его нужно сажать на надо было бросить прямо в танк, бутылка южный фас бывшего УРа, затем за обводразбивалась, а жидкость воспламенялась, и бывшего УРа надо посадить две десант* танк загорался. Многие бойцы делали это с ные бригады, которые стояли, а десанти-большим успехом, даже при поддержке тан- ровать их было некуда. Десантной груп- ков, отбивались.

пой командовал некий Власов, которого Немецкая армия, пользуясь своим Тимошенко в свое время выпятил как превосходством в воздухе и маневре, лучшего командира стрелковой дивизии на маневрах и расписал его во всех газетах страны. Этот единственный кадр Тимошенко впоследствии оказал- ся предателем нашей Родины.

Власов был мною назначен комендантом по обороне г. Киева. Вначале он действовал хорошо (правда, ему некуда было деваться, так как за Киевом очень следили), бои были упорные, немцы, как пишет Гудериан, потеряли под Киевом 40 тысяч только убитыми.

На Юго-Западном направлении обстановка осложнялась с каждым днем не в нашу пользу. Противник имел превосходство в танках, в воздухе и противотанковой артиллерии. Что же касается ег пехоты, то она пехоту нашу никогда без танков не атаковала, боялась ее атаковать. А наша пехота всегда смело шла в атаку, если у них отсутствовали танки.

Самым тяжелым вопросом у нас был недостаток во всей армии винтовок, и эту преступную недоработку я отношу всецело к наркому Тимошенко, который имел при себе такого идиота, как Кулик, с которым они занимались черт-те чем, а не вооружением армии.

В моем распоряжении н а Юго-Западном направлении. Прошло три направления не было таких сил, с которыми можно было бы, маневрируя, наносить удары противнику, а можно было только трудом обороняться. Я имел в своем распоряжении два конных корпуса Белова и Комкова, которыми и маневрировал, а при выгодных условиях наносил удары противнику. Наши войска в это время еще не могли

превосходством в воздухе и маневре, вынуждала наши войска отходить на новые рубежи. Мы, чтобы не давать себя окружить, отходили, истребляя противника всеми способами, другого ничего не оставалось. На Юго-Западном направлении обстановка осложнилась настолько, что я решил оставить Киев и отойти на уже подготовленный рубеж, чтобы защитить Харьков и вывести шесть армий из-под неизбежного окружения и разгрома их противником.

Об этом своем плане я доложил Ставке и Генштабу: “Если будем держаться за Киев, то мы потеряем Киев, шесть армий и Харьков”. Генштаб со мной согласился.

Об этом я доложил Хрущеву Н.С. (член Военного Совета Юго-Западного направления), и он сказал, что вряд ли с этим предложением Ставка согласится. Я на это ответил, что пусть меня снимут, но сознательно пойти на такую катастрофу я не могу. Этот вопрос я согласовал с командиром фронта Кирпоносом. Оказалось, Ставка запросила его мнение, и он ответил, что будет защищать Киев.

Обстановка требовала срочных решений. Я знал, что кончится это снятием меня с командования Юго-Западным направлением. Прошло три дня после всех переговоров со Ставкой и Генштабом, и приехал назначенный вместо меня Тимошенко. Я ему доложил обстановку. Сказал, что попытка удержать Киев будет стоить нам потери природы и шести армий. Потеряем мы и Харьков и неизвестно, где остановимся. Он тогда со мной согласился.

В связи с такой ситуацией я ему предложил пойти к аппарату и доложить Сталину о необходимости отвода войск Юго-Западного фронта на новый рубеж. Но Тимошенко заявил, что будет выполнять решение Ставки, *“ведь все равно нам придется бежать до Аляски”*. Я ему сказал, что при таких настроениях, да еще теряя живую силу, мы можем докатиться до полного поражения.

В результате получилось все так, как я предполагал,—Тимошенко Киев едал, шесть армий потерял во главе с Кирпоносом, членом Военного совета т. Бурмистенко. Полтаву сдал, Харьков сдал и оказался за рекой Северный Донец.

Оказывается, Тимошенко того урока оказалось мало. Он затеял новую операцию с Сев. Донца на Харьков (Буденный имел в виду Харьковскую операцию весной 1942 г. — А. М.). У него было очень выгодное положение, и надо было, чтобы наступали немцы, а он сам полез им в лапы, противник только этого и ждал. В результате той неумной операции он дал возможность немцам перейти в наступление в 1942 году. Он повторял одни и те же ошибки. Я в этом человеке совершенно разочаровался»¹²³².

Комментарий. Прочитанный фрагмент из дневника С.М. Буденного требует небольшого комментария. Дабы расставить все точки над «f».

1. Обратите внимание на использованные С.М. Буденным выражения «Но обстановка очень быстро менялась не в нашу пользу», «На Юго-Западном направлении обстановка осложнялась с каждым днем не в нашу пользу», «...можно было только с трудом обороняться». Проще говоря, эти констатации четко показывают, что командующий ЮЗФ Кирпонос практически никак толком не руководил вверенными ему войсками. Не организовывал должного отпора наседавшему врагу. Более того. Эти констатации Буденного четко совпадают и с мнением великого Рокоссовского, которое было приведено выше. Командование КОВО и тем более ЮЗФ оказалось не по плечу Кирпоносу. Да он, судя по

всему, не очень-то и стремился эффективно командовать. Горе войскам, ему вверенным, было абсолютно неминуемо. Тем более что Кирпонос их систематически истреблял, поштучно подбрасывая дивизии на уничтожение противником.

2. Обращает на себя внимание и тот факт, что согласно констатации Буденного командный пункт Киевского УР был уничтожен. Ну, и где Кирпонос планировал обосноваться вместе со штабом, когда заявил, что намерен перебраться в Киев? В поле, что ли?! Впрочем, недоумение вызывает и утверждение Буденного о том, что Киевский УР был также уничтожен. Мягко выражаясь, это совсем не так. О том, в каком состоянии этот УР был захвачен супостатами, уже говорилось ранее.

3. Примечательно и крайне резкое суждение Буденного о Власове и Тимошенко в связи с Власовым. Трудно сказать, когда в дневнике Буденного появилось примечание в скобках «(правда, ему некуда было деваться, так как за Киевом очень следили)» — тогда, во время войны, в период Киевской оборонительной операции или после войны? Но факт остается фактом, что это примечание есть все основания расценивать как глухой намек Буденного на то, что Власов еще тогда был готов предать.

4. Что касается ссылки на Гудериана, то эта вставка явно послевоенная, когда в СССР были опубликованы мемуары Гудериана.

5. Особое внимание привлекает выражение «Самым тяжелым вопросом у нас был недостаток во всей армии винтовок, и эту преступную недоработку я отношу всецело к наркому Тимошенко, который имел при себе такого идиота, как Кулик, с которым они занимались черт-те чем, а не вооружением армии». Это к вопросу об исчезновении в начальном периоде войны ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ ВИНТОВОК из ВОСЬМИ МИЛЛИОНОВ ИМЕВШИХСЯ В РККА К НАЧАЛУ ВОЙНЫ!

Буденный назвал это недоработкой, хотя и преступной. Однако это не недоработка. Это просто преступление, потому как исчезновение такого астрономического количества винтовок, а в действительности их захват супостатами, а также, частично, незаконное их уничтожение отходившими войсками, напрямую были связаны с незаконной и негласной подменой замысла и сути единственного плана отражения агрессии, о чем уже много говорилось на страницах этой книги. Это непосредственное следствие реализации дуэтом Тимошенко—Жуков их преступного, «безграмотного сценария» вступления группировки советских войск на западных границах в войну.

Что же касается «идиота Кулика», как изволил выразиться С.М. Буденный, то тут, очевидно, у него были все основания для столь резкой характеристики такого же маршала, как и он сам.

6. Но, конечно же, самое главное в процитированном фрагменте, это оценка Буденным ситуации накануне трагедии Киевского «котла».

¹²³² Фрагмент из дневника С.М. Буденного процитирован по: «Красная звезда». 22—28 августа 2007 г.

Надо отдать должное Семену Михайловичу, который не стал злобствовать в своем дневнике по поводу того, как Кирпонос подло подставил его, о чем уже говорилось выше. Правда, несколько удивляет то обстоятельство, что Буденный не привел в своем дневнике данные о том, как Сталин в принципе разрешил отвод войск ЮЗФ, но только под прикрытием боя, что было наиболее верным для того момента решением. Тем не менее, показав позицию Тимошенко, Буденный, возможно и сам того не желая, продемонстрировал факт непослушания Тимошенко приказу Сталина о том, как отходить под прикрытием боя.

Ну, а апофеозом поведения Тимошенко в этот период, согласно приведенному Буденным факту, стало заявление бывшего наркома обороны о том, что-де *«ведь все равно нам придется бежать до Аляски»*. Вот это маршал! Вот это бывший нарком обороны! Вот это первый на войне главнокомандующий!

И разве удивительно при таких настроениях, что именно при Тимошенко и при указанном выше поведении Кирпоноса, о чем уже много было сказано, были сданы Киев, Харьков, Полтава, произошла трагедия Киевского «котла», в котором погибли шесть армий?!

Ну, и как тут не вспомнить, о хранящемся в фондах Политического архива министерства иностранных дел ФРГ одном из предвоенных агентурных сообщений германского разведцентра в Праге «Информационштелле III», в котором утверждалось, что Тимошенко заподозрен в том, что он замыслил измену — сдачу немцам Украины?!¹²³³

7. Что касается резкой критики Буденным Харьковской операции весной 1942 г., то это отдельная тема, которая выходит за рамки настоящего расследования.

Конечно, после столь панорамного анализа того, что предшествовало трагедии 22 июня, как она грянула и развивалась в первые мгновения на Юго-Западном фронте, очевидно, было бы уместно сделать какое-нибудь резюме всему вышесказанному. Но, как и в предыдущих главах, делать этого не будем. Хотя бы потому, что придется многое повторять, пускай даже и вкратце. Куда более чем оправданно и правильно будет по-человечески, по-христиански сказать то, что рвется из глубины сердца.

Лично я, автор книги, коленопреклоненно склоняю голову перед воистину

беспрецедентным мужеством, стойкостью и героизмом простых солдат и офицеров Юго-Западного фронта, оказывавших, вопреки своему в значительной степени преступному командованию, невиданное дотоле нацистскими аспцами ожесточенно свирепое сопротивление лютому врагу и сумевших хоть на немного, но сорвать график агрессии!

Но особенно и также коленопреклоненно вновь склоняю голову перед воистину беспрецедентным мужеством, стойкостью, героизмом и высочайшей воинской выучкой пограничников. В течение длительного времени и в условиях просто галактического по своим масштабам стратегического превосходства противника удерживая границу, они выигрывали драгоценные минуты и часы для того, чтобы командование ЮЗФ, а также его армий, частей и соединений наконец-то очухалось и начало исполнять свой святой гражданский и воинский долг как положено.

А все вместе именно они — пограничники, их братья по оружию простые солдаты и офицеры регулярных войск — ясно показали «... ЧТО ЗНАЧИТ СРАЖАТЬСЯ ПО РУССКОМУ СПОСОБУ...», когда каждая пядь временно захваченной супостатами русской земли покрывалась многочисленными кладбищами, на которых хоронили тевтонских ублюдков!¹²³⁴

ВЕЧНАЯ СЛАВА НАШИМ ВЕЛИКИМ ВОИНАМ ТРАГИЧЕСКОГО 1941 ГОДА! ОСОБЕННО ИЮНЯ 1941 ГОДА! ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ИХ ПОДВИГУ БЫЛА ПРОЛОЖЕНА ДОРОГА К ПОБЕДНОМУ 9 МАЯ 1945 ГОДА! ИХ ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ЗАБЫТ!

И ДА ПРОСТИТ НАС, НЕ ОЧЕНЬ-ТО ЦЕНЯЩИХ СВОЮ СЛАВНУЮ ИСТОРИЮ ПОТОМКОВ, ИХ ВОЗМОЖНО ЕЩЕ НЕ УПОКОЕННЫЙ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ ПРАХ!

¹²³³ Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года // М., 2001, с. 64—65, с прямой ссылкой на ряд документов из фонда Политического архива МИД ФРГ.

¹²³⁴ Увы, но поганые останки этих нацистских тварей до сих пор покоятся в нашей земле.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА, ИЛИ ПОЧЕМУ СТАЛИН НЕ РАССТРЕЛЯЛ ТИМОШЕНКО И ЖУКОВА

То, что заговор генералов реально имел место быть, Сталин чувствовал еще до войны. И в первой главе первого раздела этой книги сие обстоятельство было показано с использованием всех на сегодня доступных автору аргументов. И главным аргументом среди них является то, что за полтора месяца до начала войны Сталин возглавил советское правительство. Два десятка лет, после октября 1917 г., он даже и не задумывался, над тем, чтобы занять какой-нибудь государственный пост. Был всего лишь депутатом Верховного Совета. А тут взял да и стал главой правительства, а фактически абсолютным главой государства. Почему? Да потому, что хоть генерального секретаря, хоть просто секретаря ЦК ВКП(б), как обычно подписывался Сталин под различными документами, запросто можно было свергнуть, арестовать и расстрелять или просто физически ликвидировать без всякого суда и следствия. А вот с главой правительства просто так не поступишь. Тем более что с момента назначения Сталина главой правительства Советского Союза в руках Иосифа Виссарионовича оказалась сконцентрирована и политическая власть, поскольку ВКП(б) сама являлась достаточно жестко иерархически структурированной властью, да к тому же еще и принизывала все струящиеся государственной власти, и исполнительная власть в государстве. И вояки, что бы они себе ни думали и ни задумывали, оказались в юридически безупречном в рамках законодательства того времени прямом подчинении главы правительства. Это еще до 22 июня резко осложнило им реализацию их заговора.

А уже после начала войны, не только видя, но и прекрасно осознав, что натворили генералы, едва только началось нападение Германии, за счет многоступенчатой реорганизации структуры управления Сталин сосредоточил в своих руках абсолютную власть, став един в пяти лицах: и

председателем Государственного Комитета Обороны, и Верховным Главнокомандующим, и наркомом обороны, при сохранении за собой постов главы правительства СССР и генерального секретаря ЦК ВКП(б). Эта реорганизация сняла с повестки дня даже иллюзорную тень намека на какие бы то ни было даже гипотетические попытки устроить антигосударственный переворот в стране на фоне стремительно разворачивавшегося поражения.

Тем не менее, несмотря даже на такую реорганизацию и эвентуальную профилактику любых попыток по реализации антигосударственного переворота, устраивать крупномасштабные разборки с генералитетом в условиях войны все равно было нельзя. Во-первых, потому, что Сталину хорошо было известно, во что превратилась изначально справедливая, законная и обладавшая хорошей доказательной базой попытка очистить РККА от предателей и заговорщиков в 1937—1938 гг. Генералы, старшие офицеры и военнослужащие иных рангов с таким упоением начали строчить друг на друга жуткие доносы, что едва не угробили саму армию. Увы, но это факт, с которым потом пришлось разбираться в течение последних двух с лишним лет перед войной. Слава богу, что усилиями Сталина и Берия многие были реабилитированы и возвращены в строй, как, впрочем, и гражданские лица.

Во-вторых, этого нельзя было делать еще и потому, что войска действующей армии едва ли не мгновенно пришли в состояние чуть ли не крайнего озверения от непрерывным шквалом обрушивавшихся на них катастроф, поражений, гигантских потерь, прежде всего в живой силе, и постоянных отступлений. Но самое главное заключалось в том, что зверевшие от этого войска действующей армии фактически мгновенно, проще говоря, молниеносно принизил категорический вывод о том, что это дело рук предателей и изменников

из числа командования всех уровней, не исключая высшего. Ведь именно об этом свидетельствуют приводившиеся выше документы военной контрразведки. Сталину было известно об этом. И если в такой ситуации он показал бы, что высшая власть в государстве намерена круто и широкомасштабно разобраться с генералитетом в духе 1937 г., то час от часу все более звереющие от горечи непрерывных поражений и отступлений войска действующей армии внесли бы в эти разборки столь, увы, чрезмерно кровавый вклад, что от армии остались бы рожки да ножки. Проще говоря, перешли бы к самосуду над командирами всех уровней, особенно старшими, к поднятию их на штыки, незаконным расстрелам и т.п. Все это Сталин хорошо знал еще по опыту первого постфевральского и постоктябрьского периодов. Допустить такое было нельзя. Категорически нельзя. Надо было воевать с лютым врагом, а не собачиться, тем более в кровавых формах, у него на глазах.

Собственно говоря, именно этим и были обусловлены такие меры, как тушение с помощью военной контрразведки и вновь введенного в РККА института комиссаров подобных настроений в войсках действующей армии, а также перекалфикация возбужденных по 58-й статье УК РСФСР уголовных дел на ряд командиров на 193-ю статью того же УК. Это позволило наглядно показать и генералам, и войскам, что с виновниками поражения разговор все-таки будет крут, но не по статье о предательстве и измене (хотя и без этого тоже не обходилось). И это в значительной степени успокоило войска, как, впрочем, капитально встряхнуло и генералитет, более или менее приведя его в должное чувство ответственности за исполнение присяги и своего гражданского и военного долга по защите Родины. Генералы в основной своей массе уразумели, что девять цэаммов свинца можно заработать и без обвинений в предательстве или измене. Правда, это еще не означало, что они в этой же основной своей массе сразу встали на сторону Сталина. Они еще не-

мало начудили такого преступного, что только и остается что разводить руками. Одна катастрофа Харьковского наступления или Крымского фронта чего стоит. Ведь самым подлейшим образом генералы угробили войска, допустив колоссальный прорыв противника аж до Волги. А вину за это, подлецы, свалили на Сталина и Мехлиса, когда двух львов не стало. Но ведь, например, в Харьковской катастрофе были виноваты именно Тимошенко и Хрущев. Ныне это документально четко доказано. Впрочем, и раньше тоже было известно об этом. Именно они загубили войска Юго-Западного фронта. Причем при обстоятельствах, дающих, хотя и косвенные, но все же основания заподозрить если не фактический сговор с германским командованием, то, по меньшей мере, намерение вступить в такой сговор. Правда, это отдельная история, выходящая за рамки настоящего исследования. А полными и абсолютными сторонниками Сталина в вооруженной борьбе против гитлеровской Германии генералы стали только после победносного окончания Сталинградской битвы. Только тогда до основной их массы наконец-то доперло, что только при Сталине они смогут войти в Историю с парадного входа как выдающиеся полководцы — победители злейшего врага человечества. Увы, но после злодейского убийства Сталина они все это позабыли (кроме великого Рокоссовского и благородного Голованова), да еще и пытались всех убедить, что-де Сталин якобы поумнел (в смысле стратегии) только после Сталинградской битвы. Вот же подлые наглецы! Они в большинстве своем еще драпали впереди собственного визга, бросая вверенные им войска осенью 1941 г., когда Сталин сделал первые шаги к будущей победе в Сталинградской битве. Поэтому что Иосиф Виссарионович, пускай и не во всем документально точно, но тем не менее прекрасно отдавал себе отчет в подлинной сути целей и планов Гитлера. И сопоставляя их с тем, где, на каком направлении и что творили генералы, волей-неволей должен был держать их в особой

узде, эвентуально не давая тем самым возможности сомкнуться планам и намерениям обеих сторон. Кстати говоря, после Сталинградской битвы угроза антигосударственного переворота странном образом реинкарнировалась, хотя и не в полной мере. Ответом Сталина стал легендарный СМЕРШ во главе с В.С. Абакумовым. Но это уже совсем другая история.

В-третьих, крупномасштабных — наподобие 1937 г. — разборок с генералитетом в условиях идущей войны, тем более с публичным разоблачением заговора генералов, нельзя было допустить еще и по такой причине. Сталин прекрасно помнил, как западные державы, прежде всего Франция (а за спиной Парижа и Англия), а также ее приспешница в те времена Чехословакия под надуманными предлогами в 1937—1938 гг. напрочь отказались от подписания военных конвенций с СССР, а заключенные еще в мае 1935 г. политические договоры о взаимопомощи в отражении агрессии попросту нахально дезавуировали открыто высказанными сомнениями в боеспособности РККА, в том числе и в реализации наступательных операций. И в результате не столько сделали возможным Мюнхенский сговор с Гитлером, что и так понятно, сколько открыли магистральный путь Второй мировой войне, ориентированной прежде всего против СССР. Но самое главное, что он помнил в этой связи, так это фактическую причину такого поведения западных государств. То есть хорошо известный на Западе заговор части советских генералов, вступивших в тайный сговор с германскими, а через них также и с японскими генералами и стоявшими за ними политическими силами по устранению одновременно центральной власти в СССР (включая ликвидацию Сталина) и Германии (включая ликвидацию столь любовно выращенного Западом Гитлера), а затем установлению военных диктатур по «оси» Берлин—Москва—Токио и уже на этой базе трипартийного трансконтинентального соглашения для борьбы с англосаксонским миром за мировое го-

сподство. Причем постСССР была бы отведена роль «дойной коровы», в лучшем случае «пушечного мяса», но при контроле плечевыми партнерами по заговору возможности стратегического маневрирования за счет постсоветской территории.

Естественно, что любая попытка публичного и даже непубличного раскрытия заговора генералов в условиях уже идущей войны, сведения о чем в любом случае просочились бы в том числе и на Запад, привела бы к категорическому отказу лидеров англосаксонского мира — США и Великобритании — от какого бы то ни было сотрудничества с вступившим в смертельную схватку с нацистской Германией Советским Союзом. Им и так было крайне выгодно, что Гитлер напал на СССР, чего и не скрывали. Но даже не встречаясь с ними лично — это произойдет позже, во время войны, — Сталин издавна хорошо знал западных «гусей». Знал их подлость и коварство, но более всего не столько даже способность, сколько постоянную их готовность воткнуть не только кинжал, но и даже огромный топор в спину России, особенно когда она воюет. И абсолютно не ошибся, чему есть прямые документальные доказательства в виде уникальных разведывательных донесений.

Совокупность указанных причин и потребовала недопущения, с одной стороны, широкомасштабной разборки с генералитетом, с другой стороны, перекалфикации дел на уже арестованных генералов, в частности Западного фронта, на 193-ю статью Уголовного кодекса. То есть судить их стали строго за воинские преступления. В случае необходимости эта статья давала возможность вынесения самого сурового приговора. Вот как в реальности обстояло дело.

Что же касается Жукова и Тимошенко, то все, что было изложено выше, относится и к ним. Если бы Сталин пошел на арест и предание суду военного трибунала наркома обороны и первого главнокомандующего на войне Тимошенко вместе с его первым заместителем и начальником Генерального штаба Жуковым,

то это и означало бы, что заговор военных существует и что именно вследствие этого войска терпят столь трагические поражения. Но на это Иосиф Виссарионович пойти не мог. Вот что конкретно спасло от суда и расстрела выбритые до зеркального блеска крутолобые головы двух деятелей, одна из которых была начинена «куриными мозгами», а другая — стратегически глупостями.

Тем не менее, одной из первых мер Сталина по оздоровлению высшего военного руководства стал постепенный, но достаточно быстрый разгон по фронтам и армиям основных членов «киевской мафии», в том числе и Жукова. Одновременно в глубокой тайне было инициировано тщательное расследование подлинных причин кровавой трагедии 22 июня. Оно осуществлялось и по каналам военной контрразведки, которая с 17 июля 1941 г. вернулась в родные пенаты — на Лубянку, и по каналам партийных органов, и по каналам политорганов в действующей армии, и, конечно же, по каналам двух основных разведывательных служб СССР. Весомый вклад в расследование вносили и личные разведка и контрразведка Сталина. Кроме того, по мере захвата трофейных документов германского военного командования последние анализировались в том числе и с точки зрения выявления признаков преступного умысла со стороны советских генералов по подставе советских войск под неминуемый разгром и поражение в начале войны. И к концу войны уже был накоплен огромный массив информации, который необходимо было еще раз переварить, проанализировать, проверить, что-то дорасследовать, опросить оставшихся в живых генералов и офицеров по тем пяти вопросам, о которых так много говорилось в этой книге, и уже только после всего этого окончательно разобраться с выявленными подлинными виновниками столь кровавой трагедии. И вовсе не случайно уже в 1946 г. Сталин во всеуслышание произнес, что победителей нужно и полезно судить. Вот как обстояло дело.

А тогда, во время войны, Сталин повел себя как неисправимый гуманист и еще достаточно долго пытался дать всем шанс проявить себя с лучшей стороны. Увы, но далеко не всегда расчеты и надежды Сталина оправдались, хотя война и закончилась феерической Победой.

На основании всех приведенных в представленной на суд читателей книге данных уже сейчас есть все основания согласиться с вполне категорическим выводом о том, что, увы, но кровавая трагедия 22 июня 1941 г. была неминуемо неизбежна, потому как была предрешена, что особенно печально. Однако вывод этот никому не навязывается — как и всегда, священное право каждого читателя сделать свой окончательный вывод полностью сохраняется за ним. Тем не менее еще раз хотелось бы обратить внимание уважаемых читателей, что трагедия произошла отнюдь не потому, что всему виной советская власть или Сталин.

Не потому, что советская разведка не смогла вскрыть замысел пресловутого «плана Барбаросса», который, напоминая, правильней называть «Вариант Барбаросса». Это наглая и подлая ложь. Советская разведка (имеется в виду все сообщество разведывательных служб СССР) сделала все от нее зависящее, чтобы обеспечить как высшее политическое, так и высшее, а также местное военное командование всей необходимой разведывательной информацией. Этот потрясающий своей фантастической эффективностью подвиг давно оценен мировым разведывательным сообществом. Пора и нашим исследователям с максимальным пиететом и искренним уважением отнестись к нему.

Не потому, что-де нацистские генералы работали лучше да глубже думали, а германский вермахт был не только силен, но и превосходил Красную Армию в стратегическом искусстве. А Красная Армия, напротив, была обезглавлена, чуть ли не безоружна, а в области стратегии и тактики исходила из шапкозакладательских теорий, проповедовавших чуть ли не из Кремля. В этой потрясающей своей глупо-

стью лжи пытались всех убедить многие маршалы (особенно Жуков) и генералы, а также бесчисленная рать всевозможных толкователей их не в меру «мудрых» «воспоминаний и размышлений». Данное замечание не относится к великому полководцу, поистине великому Маршалу Великой Победы, подлинному Суворову Красной Армии — умнейшему, честнейшему и благороднейшему Константину Константиновичу Рокоссовскому.

Не потому, что по вине Сталина, якобы верившего Гитлеру, советские войска якобы не были приведены в боевую готовность. Это просто варварская клевета, за которой маршалы и генералы пытались скрыть от народа истинную причину трагедии. Призывы быть в боевой готовности начались с мая 1941 г. А в последние четыре дня перед нападением с санкции Сталина в войска были направлены две директивы о приведении войск прикрытия в полную боевую готовность. Увы, но генералы преступно не выполнили их.

Не потому, что Советский Союз якобы оказался не подготовленным к войне. Это просто чудовищно варварская ложь. Советское правительство сделало все возможное, чтобы Красная Армия была достойно оснащена, вооружена и обеспечена как оружейной кобылой?! Пора избавиться от «наржи и боеприпасами, так и материально-техническими запасами. Увы, но в силу ряда преступных действий командования более 80 % всего этого оборонного богатства было фактически умышленно утрачено. И не менее советский народ под руководством советского правительства во главе Сталиным тысячекратно восстановил и еще более усилил оборонительный потенциал мощь Красной Армии.

Не потому, что на состоянии мобилизационной и боевой готовности Красной Армии негативно сказались репрессии против командного состава РККА в 1937—1938 гг. И уже тем более не потому, что якобы было уничтожено свыше 40 тысяч красных командиров, чего не было и в помине. Эта дикая, одурманившая все общество чудовищно тупая, подлейшая ложь надоела уже до рвотного рефлекса.

Еще раз напоминаю, что по различным основаниям (от политических до сугубо уголовных, а последних было больше всего, банальной смерти по старости и вследствие не совместимых с военной службой болезней) из рядов РККА в период 1936—1940 гг. было уволено, но не уничтожено, свыше 36 тысяч военнослужащих командно-начальствующего состава. По тем же основаниям к расстрелу были приговорены только 1634 военнослужащих — от маршалов до рядового, причем большая часть из них сугубо по уголовным основаниям. К началу войны 15 тысяч из них были реабилитированы и восстановлены на военной службе. Апелляции же подали свыше 30 тысяч человек — как осужденных, так и просто уволенных (в их число попали и уволенные до 1937 г.). Абсолютное большинство этих апелляций было удовлетворено в пользу их подавших.

Не потому, что Советский Союз якобы сам планировал напасть на Германию, да вот якобы опоздал с нанесением превентивного удара и в результате стал жертвой гитлеровской агрессии. Сколько жертвой гитлеровской агрессии. Сколько исторического безумия, веря в этот бред оснащена, вооружена и обеспечена как оружейной кобылой?! Пора избавиться от «нарж и котического дурмана» навязанной с Западом тупой версии подонка и предателя, за которого гитлеровскую ложь.

Не потому, что Сталин якобы умышленно делал все для того, чтобы выставить СССР жертвой агрессии, подставив Сталиным тысячекратно восстановил и еще более усилил оборонительный потенциал истинно под угрозу сгинуть в Небытие. Это вообще неандертальская глупость, проистекающая из глубинного, фактически физиологического непонимания политики СССР, прежде всего Сталина, в предвоенный период, особенно в последние два-три месяца.

Не потому, как гласит одна из концепций, что советская разведка с честью выполнила свой долг перед Родиной, а вот подозрительный Сталин ей не поверил. Этого просто не было. Было требование

постоянно проверять и перепроверять всю разведывательную информацию. Поэтому что на кону стоял вопрос о будущем не столько СССР, сколько России как единственной в мире единой трансконтинентальной державы и, естественно, ее народов, прежде всего великого русского народа как государствообразующего народа и России, и СССР. И малейшее неправильное действие высшего руководства государства могло привести к непоправимым катастрофическим последствиям.

Не потому, что, как гласит другая концепция, советская разведка ошиблась в определении сроков нападения. И уж тем более не потому, что-де советская разведка (подразумевая под этим термином все сообщество разведывательных служб СССР того времени) так и не смогла точно установить дату нападения. Все это просто бессовестная, наглая, подлая ложь, оскорбляющая честь и достоинство всех без исключения бойцов невидимого фронта того периода и их верных помощников. О том, что нападение произойдет примерно через два года, советская разведка установила еще в середине июня 1939 г. С июня 1940 г советская разведка зафиксировала кардинальный поворот в военной политике Гитлера в сторону востока. С конца лета 1940 г. она начала фиксировать массированные переброски германских войск к советским границам и их подготовку к будущему нападению. В самом конце декабря 1940 г. советская разведка уже установила, что от резко усилившейся к тому моменту агрессивной риторики Гитлер и германское военное командование перешли к практическому планированию агрессии. В конце марта 1941 г. советская военная разведка сделала потрясающий своей точностью, правда, трагически подтвердившийся вывод о том, когда произойдет нападение. Не случайно, что именно этот вывод и был подвергнут в отечественной историографии самым подлым, самым гнусным клеветническим нападкам. В мае 1941 г. советская разведка смогла установить точку отсчета германским командованием

времени «Х», справедливо расценив его как начало финишного этапа подготовки к агрессии. Высшее советское руководство, к слову сказать, заняло точно такую же позицию, о чем заблаговременно, еще в конце мая, предупредило высшее военное командование.

Наконец, вопреки всем дезинформационным шумам, приведшим к тому, что к концу первой декады июня 1941 г. набралось более полутора десятков «дат нападения», в период с 11 по 21 июня включительно советская разведка 47 раз смогла установить и точную дату нападения, и даже час ее начала. И войска были предупреждены об этом, за четыре дня до агрессии.

Еще раз обращаю внимание на то, что все версии антисталинского и антисоветского типа, а также их производные, которые, увы, продолжают множиться, объединяет одно: круто замешанная на зоологическом антисталинизме (и антисоветизме) и лютой ненависти к собственной Родине, России, крайняя тенденциозность.

Они основаны на умышленных подтасовках, произвольном, как правило, злоумышленном подборе и злостно волюнтаристской, нередко далеко за пределами здравого смысла, трактовке фактов, умолчаниях, фальсификациях, искажениях и прочих манипуляциях с историческими данными. Потому как задача тех, кто этим занимается — не беспристрастный и уж тем более не объективный анализ истории, а решение вполне конкретных идеологических и политических задач, достижение конкретных идеологических и политических целей сугубо антироссийского характера. Или как минимум, но попутно весьма корыстных целей, преимущественно коммерческого характера, а также утешения собственного не в меру амбициозного, зачастую болезненного, вплоть до медицинского диагноза, тщеславия. Но в любом случае все они оплачиваются погаными Иудинами тридцатью сребрениками.

Особенно возмутительна, преступна и оскорбительна для наших великих

предков, давших нам, увы, не очень-то благодарным потомкам, право на жизнь, следующая версия. К глубокому сожалению, среди отечественной, так сказать, интеллигенции «демократического розлива», а если по-простому, то всего лишь гнилой интеллигенции, как эпидемия издавна шастает версия о том, что-де ни народ, ни армия не хотели воевать за советскую власть, за Сталина. Потому, мол, супостаты и докатились едва ли не до стен древнего Кремля. И лишь увидев дикие, превосходящие даже самые буйно-преступные фантазии зверства нацистов на оккупированных территориях, народ принял для себя внутреннее решение о сопротивлении врагу до победного конца.

Подлая, гнусная, омерзительнейшая ложь и клевета обезумевших от полной безнаказанности поганых, давно и натурально свихнувшихся на зоологически лютой ненависти к своей Родине вшивых интеллигентов!

Ибо даже по документам военной контрразведки видно, что это ложь и клевета. Простые солдаты и офицеры, особенно в действующей армии, мгновенно пришли к категорически безапелляционному выводу об измене и предательстве командования, о его преступной бездарности. Вот что, по мнению солдат и офицеров, в совокупности привело к такой трагедии. Вот что привело к массовому пленению наших славных воинов лютым врагом. А не советская власть, Сталин или что-то или кто-то еще.

Документы военной контрразведки свидетельствуют, что «среди красноармейцев, коща им говоришь об отступлении, идет массовое недовольство и буквально приходится вытаскивать из окопов, люди хотят драться, а приказы отступать»!¹²³⁵ Это называется «армия не хотела воевать»?!

¹²³⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 100. Л. 138—139. Чит. по: *Меятухов М.И.* Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008, с. 93.

А те фантастические по своей протяженности очереди советских граждан в военкоматы, которые выстроились сразу после знаменитой речи Молотова 22 июня и которые, зачастую даже громко стуча кулаком по столу, требовали отправить их на фронт, — что, тоже «народ не хотел воевать»?!

А миллионы великих тружеников тыла, без которых у Красной Армии не было бы великолепно разящего меча Победы?! Что, и они тоже «не хотели воевать»?!

А массовое, поддерживаемое местным населением на временно оккупированных врагом территориях партизанское движение в тылу врага — что, это тоже «народ не хотел воевать»?!

В то же время никто и не отрицает, что во время войны все было. Были и героизм, и мужество, но было и предательство, и переход на сторону врага, и сотрудничество с врагом. Но вся коллаборационистская падаля за годы войны составила, по разным оценкам, от 800 тысяч до одного миллиона человек, причем далеко не всех из них следует причислять к категории отпетых негодяев и преступников (потому, собственно говоря, значительная их часть весьма дешево отделалась после войны). Советский Союз вступил в войну, имея, по официальным данным, 194,2 млн человек. По неофициальным — 202 млн человек. Соответственно в процентном отношении это от 0,396—0,412 до 0,495—0,514 % от численности населения Советского Союза на 22 июня. Эти тысячные доли процента что, «народ не хотел воевать»?! Ведь эти цифры как минимум на полтора-два порядка ниже обычно используемого в статистике понятия статической погрешности!

Короче говоря, может быть, хватит издеваться над ВЕЛИЧАЙШИМ ПОДВИГОМ НАРОДОВ СССР, ПОЛОЖИВШИХ НА АЛТАРЬ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ 27 МИЛЛИОНОВ ПОЛНЫХ СИЛ И СВЕТЛЫХ ПОМЫСЛОВ ЖИЗНЕЙ?!

Ведь трагедия 22 июня 1941 г. в реальности складывалась действительно из

сложнейшего переплетения огромного множества факторов, жестко, а зачастую, даже жестоко конфронтировавших между собой. Прежде всего, исторических условий, экономических интересов, стратегических замыслов, корыстных расчетов, клановых интересов, незаконных, а нередко и просто преступных действий, национальных и непрофессиональных амбиций, мужества и трусости, героизма и предательства, самоотверженности и себялюбия, честного исполнения воинского и гражданского долга и подлости и т.п. Как представляется, приведенные в этой книге разнообразные данные достаточно ярко иллюстрируют это категорическое утверждение-вывод.

Основу же трагедии 22 июня 1941 г. составило, увы, именно ПРЕДАТЕЛЬСТВО. Оно выразилось в незаконной, негласной, ни с кем и никак не согласованной с высшим политическим руководством СССР подмене официального плана отражения грядущей агрессии Германии, злоумышленной подставе сосредоточенных в приграничной зоне советских войск под неминуемое поражение, разгром и уничтожение. Командование же на местах также внесло свой преступный вклад в ослабление мобилизационной и боевой готовности вверенных ему войск. Более того. Несмотря на то, что пока еще трудно категорически утверждать, что задержка с отправкой директивы № 1 произошла в преступных целях, тем не менее есть все основания категорически утверждать, что это было сделано умышленно. А на фоне поражения должен был быть осуществлен антигосударственный переворот силами военных, преследовавший цели свержения советской власти, физического уничтожения высшего руководства СССР (включая и убийство Сталина) и сепаратного замирения с нацистской Германией на унижительных для великой державы условиях.

Заговор сорвали и в корне уничтожили:

— фантастически мощнейший взрыв триединого патриотизма — русского, российского, советского патри-

тизма, начисто исключивший даже теоретически какие-либо попытки устроить военный переворот,

— безграничная вера абсолютного большинства советского народа, простых солдат и офицеров в советскую власть и Сталина,

— исторически беспрецедентные, не имеющие даже тени намека на аналогии в мировой истории мужество, героизм, храбрость, потрясающая стойкость простых солдат и их адекватно складывавшейся обстановке мыслящих и действовавших строевых командиров,

— их уникальная воинская выучка и смекалка, вынудившие лютого врага сразу же осознать, ЧТО ЗНАЧИТ СРАЖАТЬСЯ ПО РУССКОМУ СПОСОБУ,

— и, конечно же, несгибаемая воля, мужество и необозримо могучий талант выдающегося государственного деятеля, руководителя планетарного масштаба — Иосифа Виссарионовича Сталина. Ведь не прошло и двух недель с момента, когда он возглавил всенародное сопротивление врагу, став во главе Государственного Комитета Оборона, наркомата обороны и Ставки Главного Командования, как из-под пера главного штабного супостата Третьего рейха Франца Гальдера в его дневнике стали появляться тревожные записи об усилении сопротивления советских войск. Матерый штабной волк сразу почувал опасность. И был прав. С того момента, как дело борьбы с ненавистным врагом полностью возглавил Сталин, Третий рейх был окончательно обречен.

Ведь если говорить принципиально, то, как отмечает известный историк А. Исаев, «за два месяца боев РККА добилась важного со стратегической точки зрения результата — смены стратегии “Барбароссы”. Активными действиями на флангах советско-германского фронта, прежде всего на Украине (а также на Северо-Западном направлении. — А. М.), удалось заставить немецкое командование укрепиться в своем желании временно

перенести центр тяжести операций с московского направления на фланги фронта. ...Это давало надежду на срыв немецкого плана кампании»¹²³⁶.

Заставили германское командование укрепиться в таком желании яростно сражавшиеся войска под командованием Главнокомандующего войсками Северо-Западного направления маршала К.Е. Ворошилова и Главнокомандующего войсками Юго-Западного направления С.М. Буденного, действовавших под общим командованием Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Именно под их командованием советские войска на указанных направлениях вынудили главного супостата, А. Гитлера, сменить стратегию «Варианта Барбаросса».

Справка. На Северо-Западном направлении средний темп наступления супостатов был снижен с 27 до 1,6 км в сутки, или без малого в 17 раз! На Западном направлении — с 28—29 до 6,4—3,6 км в сутки, то есть в 4,4—8 раз (в зависимости от конкретного участка ЗФ)! На Юго-Западном направлении темп наступления нацистов был снижен с 18—19 до 5—1,4 км в сутки! То есть в диапазоне от 3,6 до 13,6 раза¹²³⁷ (в зависимости от конкретного участка ЮЗФ)!

Главкомом на Северо-Западном направлении был маршал К.Е. Ворошилов. На Западном направлении снижение темпа наступления произошло лишь тогда, когда там появился генерал К.К. Рокоссовский. На Юго-Западном направлении главкомом был маршал С.М. Буденный. В целом же, если брать в масштабах всего советско-германского фронта, то картина получается следующая. Если отсчитывать от самого максимума первых нескольких дней, когда те же Гудериан или Манштейн «пролетали» на своих танках до 75 км в сутки — вот какие бреши в обороне были! — и до самого минимума в 1,4 км, то понижение составит 53,6 раза! Гитлеровский блицкриг не только был сорван, но и похоронен в самой своей сути, поскольку за три месяца ожесточенных боев вермахту так и не удалось взять ни Ленинград, ни Москву, ни овладеть всей Украиной, ни Крымом, ни Кавказом, вследствие чего наиболее дальновидные из супостатов к началу осени 1941 г. вынуждены были осознать, что война проиграна!

¹²³⁶ *Исаев А. «Котлы» 1941-го. История войны, которую мы не знали. М., 2005, с. 95—96.*

¹²³⁷ *Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939—1945. М., 1980, с. 164.*

♦ ♦ ♦
Короче говоря, в итоге идея антигосударственного переворота была живо похоронена, чего, увы, не скажешь о предательстве. Именно вследствие этого фактора советские войска потерпели сокрушительное, но, слава богу, не смертельное поражение в пограничных сражениях, а проклятые нацистские супостаты докатились едва ли не до стен древнего Кремля. Война продлилась 1418 страшных дней. А на алтарь величайшей за всю историю человечества Победы советский народ, увы, вынужден был положить 27 МИЛЛИОНОВ ПОЛНЫХ СИЛ И СВЕТЛЫХ ПОМЫСЛОВ ЖИЗНЕЙ НАШИХ С ВАМИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ.

Виновным за это с исторически беспрецедентной подлостью и наглостью сделали «мертвого льва» — Иосифа Виссарионовича Сталина. Того самого Сталина, под чьим блистательнейшим руководством и командованием СССР одержал феерическую, дотоле неведомую в истории России ПОБЕДУ?! Того самого Сталина, на которого в прямом смысле слова молился весь мир, включая даже таких его недругов, как У. Черчилль, видя в Иосифе Виссарионовиче Сталине неслгибавемого руководителя той единственной в мире силы, которая может избавить мир от ужаса коричневой чумы?! А ведь именно она-то и избавила мир от нацизма!

Как же подло мы обошлись с именем того и памятью о том, под командованием и руководством которого одержали столь ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ!

И не пора ли прекратить нападки на ВЕЛИКОГО ЛЬВА! Ведь и ИСТОРИЯ, и НАРОДЫ уже ясно и однозначно рассудили, все более и более голосуя ЗА СТАЛИНА! ИЛИ ЧТО, ГЛАС НАРОДА — ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ?!

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел III. «СТРАТЕГИЧЕСКИЕ» ОСНОВЫ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

ГЛАВА 1. ПОДМЕНА = ИЗМЕНА?.....	4
ГЛАВА 2. «СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБОРОНА» ФАКТА ПОДМЕНЫ.....	44
ГЛАВА 3. ДАЕШЬ «ПЛАНОВ» ГРОМАДЬЕ В ОСНОВЕ ... «БЕЗГРАМОТНОГО СЦЕНАРИЯ»!.....	89
ГЛАВА 4. ЗАЧЕМ НУЖНА АРИФМЕТИКА В ВОЕННОМ ДЕЛЕ?.....	144

Раздел IV. ДЕТАЛЬНАЯ АНАТОМИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Глава 1. БЛИЦКРИГ ПРЕДАТЕЛЬСТВА: РАЗГРОМ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА — СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА.....	197
§ 1. Ответы генералов на первый вопрос Сталина и анализ этих ответов.....	197
§ 2. Обобщенный комментарий к ответам генералов ПриОВО на первый вопрос.....	205
§ 3. Ответы генералов на второй вопрос Сталина и анализ этих ответов.....	207
§ 4. Обобщенный комментарий к опубликованным ответам командиров ПриОВО на второй вопрос.....	217
§ 5. Общая ситуация в ПриОВО. Соотношение сил. Причины и механизм возникновения непреодолимого на первых порах стратегического превосходства противника.....	254
§ 6. Общая ситуация в 8-й армии ПриОВО. Причины и механизм возникновения непреодолимого на первых порах стратегического превосходства противника над войсками 8-й армии.....	260
§ 7. Общая ситуация в 11-й армии ПриОВО. Причины и механизм возникновения непреодолимого на первых порах стратегического превосходства противника над войсками 11-й армии.....	268
§ 8. Обобщенный комментарий по ситуации в ПриОВО в момент начала агрессии. Ответы на вопросы № 3—4—5.....	271
§ 9. Военная контрразведка ПриОВО о ситуации в войсках округа в момент начала нападения и первые дни агрессии.....	275
§ 10. Военная контрразведка ПриОВО о ситуации в ВВС округа в момент начала нападения и первые дни агрессии.....	281
§ 11. Итоги. Мнение противника о действиях войск ПриОВО.....	288
ГЛАВА 2. ПЛАН ПОРАЖЕНИЯ В ДЕЙСТВИИ: РАЗГРОМ ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА — ЗАПАДНОГО ФРОНТА.....	291
§ 1. Назад в предысторию. Размышления супостатов о стратегии таранно-штурмового пролома советской обороны.....	291
§ 2. Назад в предысторию. Образ мышления, отношение к разведывательной информации и действия советского военного командования.....	296
§ 3. Как и с чего начать разведывательно-историческое исследование катастрофы ЗапОВО — Западного фронта?.....	313
§ 4. Катастрофическое начало войны в ЗапОВО. Странные обстоятельства ареста и следствия в отношении командования Западного фронта.....	325
§ 5. Анализ показаний Павлова и его подельников на следствии и во время суда в сопоставлении с документальными и иными данными и фактами.....	354
§ 6. Анализ показаний Павлова через анализ ответов генералов ЗапОВО на первый вопрос Сталина. Комментарии.....	404
§ 7. Анализ показаний Павлова через анализ ответов генералов ЗапОВО на второй вопрос Сталина. Комментарии.....	426

§ 8. Общая ситуация в ЗапОВО. Соотношение сил. Причины и механизм возникновения непреодолимого стратегического превосходства противника над войсками ЗапОВО Западного фронта.....	450
§ 8. Общая ситуация в 4-й армии ЗапОВО. Причины и механизм шквального разгрома 4-й армии.....	455
§ 9. Общая ситуация в 3-й армии ЗапОВО. Причины и механизм быстрого разгрома 3-й армии.....	492
§ 10. Общая ситуация в 10-й армии ЗапОВО. Причины и механизм быстрого разгрома 10-й армии.....	503
§ 11. Военная контрразведка ЗапОВО о ситуации в ВВС округа в момент начала нападения и первые дни агрессии.....	522
§ 12. Военная контрразведка ЗапОВО о ситуации в наземных войсках округа в момент начала нападения и первые дни агрессии.....	535

ГЛАВА 3. БЛИЦКРИГ ПРЕДАТЕЛЬСТВА: РАЗГРОМ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА — ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА.....	548
§ 1. Назад в предысторию. Стратегические корни неизбежного поражения: как и кто заложил первый камень в фундамент неминуемой неизбежности разгрома КОВО?.....	550
§ 2. Ответы генералов на первый вопрос Сталина. Аналитические комментарии к этим ответам. Общий комментарий к ответам на первый вопрос Сталина.....	575
§ 3. Превентивный комментарий к ответам генералов КОВО на второй вопрос Сталина. Ответы генералов. Анализ и комментарии к этим ответам.....	591
§ 4. Ответы генералов КОВО на второй вопрос Сталина (продолжение). Анализ и комментарии к этим ответам.....	632
§ 6. Общая ситуация в КОВО в момент нападения. Причины и механизм разгрома войск округа в приграничном сражении.....	656
§ 6. Причины и механизм самоуничтожения механизированных корпусов КОВО.....	672
§ 7. Военная контрразведка КОВО-ЮЗФ о ситуации в ВВС округа-фронта в момент начала нападения и первые дни агрессии.....	679
§ 8. Военная контрразведка КОВО-ЮЗФ о ситуации с наземными войсками округа-фронта в момент начала агрессии.....	684
§ 9. Механизм трагедии и катастрофы Киевского «котла».....	691

ВМЕСТО ЭПИЛОГА, ИЛИ ПОЧЕМУ СТАЛИН НЕ РАССТРЕЛЯЛ ТИМОШЕНКО И ЖУКОВА	725
--	-----

Научно-популярное издание

Мартиросян Арсен Беникович

**22 ИЮНЯ:
ДЕТАЛЬНАЯ АНАТОМИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА**

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *И.В. Хренов*

Художественное оформление и дизайн обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

109004, г. Москва, ул. Никольямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Е-таП: uesbe@uesbe.ru

Бйр.7Лу>у\у.uesbe.ru

Подписано в печать 24.05.2012. Формат 70* 100 1/6.
Гарнитура «Тшез». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 46. Тираж 2800 экз. Заказ № 5045.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ЧП а геля м і фелд агається фу І дамеч пал ы юс разведывательно-псторпческое рассясдокаинс подлинных причин кровавой трагедии 22 иуни Ю41 года, подготовлен нюс известным историком, автором более двух десятков книг по истории СССР 30-х ЯО-х гг. прошлого века, членом Союза писателен России Арсеном Мартиросяном. Впервые в отечественной историографии в этом исследовании показано, что трагедия 22 иуния произошла в результате исторически запрограммированного пересечения двух долгое время следовавших параллельными курсами заговоров: заговора Запада и его англосаксонского ядра против России, ставшей СССР, что выразилось в приводе Гитлера к власти в Германии и натравливании этого преступника на Советский Союз, а также анти-сталинского заговора части советского генералитета, преследовавшего І*сль антигосударственного іпереворота, свержения советской власти и устранения Сталина и его соратников на фоне военного поражения Красной армии на начальном этапе войны.

Проект состоит пз двух книг: «22 иуния: Блицкриг предательства. От истоков до кануна» и «22 иуния: Детальная анатомия предательства». Исследование отличается использованием огромного количества различных источников, тщательной аргументацией и подтверждением (как правило, документальным) каждого положения или вывода.

В настоящей книге подробным образом исследован феномен предательства, сложившийся в результате действий некоторых представителей высшего военного руководства СССР, прежде всего «киевской мафии» — клана генералов, выходцев из Киевского особого военного округа, во главе которой стояли Г.К. Жуков и С.К. Тимошенко. Автор тщательно проанализировал этот феномен вплоть до действий командования округов, армий, корпусов, дивизий, а в ряде случаев полков и даже батальонов.